Мф к-1/29285-3

ЛИТЕРАТУРНАЯ

18.330 б. 26-3

ГАЗЕТА.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ
1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ при экземпляра. Санктпетербургъ, 31 Декабря 1830 г.

Цензоръ Н. Щегловъ.

ЧЕТВЕРТОКЪ. **ТОМЪ III, № 1.** ЯНВАРЯ 1го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

УЧИТЕЛЬ.

(*Изъ Малороссійской повѣсти: Страшный кабанъ.*)

Прибывшіе новаго лица въ благословенныя мѣста Голшвянскія, надѣлало болѣе шуму, нежели пронесшіеся за два года предъ нѣмъ слухи о прибавкѣ рекрутъ, нежели внезапно поднявшаяся цѣна на соль, вывозимую изъ Крыма Украинскими степовиками. Въ шинкѣ, по улицамъ, на мельницѣ, въ винокурнѣ только и рѣчей было, что про пріѣзжаго учителя; догадливые полишники въ сѣрыхъ кобенякахъ и свитахъ, пуская дымъ себѣ подъ носъ съ самымъ флегматическимъ видомъ, пыпались опредѣлить вліяніе такого лица, которому судьба, казалось, при рожденіи указала высоту, чуть-чуть не надъ головами всѣхъ мирянъ; которое живетъ въ панскихъ покояхъ и обѣдаетъ за однимъ столомъ съ обладательницею пятидесяти душъ ихъ селенія. Поговаривали, что званія учителя для него мало, что безъ всякаго сомнѣнія вліяніе его будетъ накинуто и на хозяйственную систему; покрайней мѣрѣ уже вѣрно не онъ другаго кого-либо будетъ завидѣть наряженіе подводъ, отпускъ муки, сала и проч. Нѣкоторые съ значительнымъ видомъ давали замѣтить, что едва ли и самъ прикащикъ не будетъ теперь нулемъ. Одинъ только *мирошникъ* (*) Солопій Чубко дерзнулъ утверждать, что старшинамъ со стороны его нечего опасаться, что готовъ онъ держать закладъ объ новой шапкѣ изъ сѣрыхъ Рышетиловскихъ смушковъ, если смыслитъ учитель, какъ остановить пятерню и поворотить застоявшійся жерновъ. Но важная осанка, блистательное торжество надъ дьячкомъ, громоподобный басъ, приведшій въ умиленіе всѣхъ прихожанъ, живы были во всеобщей памяти и выгодное мнѣніе объ учителѣ подтверждалось. И если въ честь гостя не было ни одного турнира между именитыми обитателями села, за то любезныя сожительницы ихъ не ударили себя лицемъ въ грязь: одаренныя шѣмъ звонкимъ и пронзительнымъ языкомъ, который по неизповѣдимымъ велѣніямъ судьбы у женщинъ почти въ четверо быстрѣе поворачивается, нежели у мужчинъ, онѣ гибко развертывали его въ опроверженіе и защиту достоинствъ учителя. Трескотня и разноголосица, прерываемыя взвизгиваньемъ и бранью, раздавались по мирнымъ закоулкамъ села Мандрыкъ. А какъ почтеннѣйшія обитательницы его имѣли похвальную привычку помогать своему языку руками; то по улицамъ то и дѣло что находили кумушекъ, уцѣпившихся такъ плотно другъ за друга, какъ подлипало цѣпляется за счастливца, какъ скряга за свой боковой карманъ, когда улица уходитъ въ глушь и одинокій фанарь отливаетъ потухающій свѣтъ свой на палевыя стѣны уснувшаго города. Болѣе всего доставалось муженькамъ, пытавшимся разнимать ихъ; очипки, черепья какъ градъ летѣли имъ на голову и часто раздраженная кумушка, въ пылу своего гнѣва, вмѣсто чужаго, колотила собственнаго сожителя. Въ это время педагогъ нашъ почти освоился въ домѣ Анны Ивановны. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ Семинаристовъ, *убоявшихся бездны премудрости*, которыми *** ская Семинарія снабжаетъ не слишкомъ зажиточныхъ панковъ въ Малороссіи рублей за сто въ годъ, въ качествѣ домашняго учителя. — Впрочемъ Иванъ Осиповичъ дошелъ даже до Богословія и залетѣлъ бы невѣсть куда, вѣроятно еще далѣе, если бы не шалуны его товарищи, которые безпрестанно подсмѣивались надъ усами и колючею его бородой. Съ годами, когда одни выходили совсѣмъ, а на мѣсто ихъ поступали моложе и моложе — ему наконецъ не давали прохода: то бросали цѣпкимъ репейникомъ въ бороду и усы, то привѣшивали сзади побрякушки, то пудрили ему голову пескомъ или подсыпали въ табакерку его чемерки, такъ что Иванъ Осиповичъ, наскучa быть безмолвнымъ зрителемъ безпрестанно мѣнявшагося вѣтренаго поколѣнія и дѣтской

(*) Мельникъ.

игрушкой, принужденъ былъ бросить Семинарію и опредѣлиться *на ваканцію*. (*) Перемѣщеніе это сдѣлало важную эпоху и переломъ въ его жизни. Безпрестанныя насмѣшки и проказы шалуновъ замѣстило наконецъ какое-то почтеніе, какая-то особенная пріязнь и расположеніе. Да и какъ было не почувствовать невольнаго почтенія, когда онъ появлялся, бывало, въ праздникъ въ своемъ свѣтлосинемъ сюртукѣ, — замѣтьте: въ свѣтло-синемъ сюртукѣ, это немаловажно. Долгомъ поставляю надоумить читателя, что сюртукъ вообще (не говоря уже о синемъ), будь только онъ не изъ смураго сукна, производитъ въ селахъ на благословенныхъ берегахъ Голтвы удивительное вліяніе: гдѣ ни показывается онъ, тамъ шапки съ самыхъ неповоротливыхъ головъ перелетаютъ въ руки и солидныя, вооруженныя черными, сѣдыми усами, загорѣвшія лица отмѣриваютъ въ поясъ почтительные поклоны. Всѣхъ сюртуковъ, полагая въ то число и хламиду дьячка, считалось въ селѣ три; но какъ величественная тыква гордо громаздится и заслоняетъ прочихъ поселенцовъ богатой *бакши* (**), такъ и сюртукъ нашего пріятеля затемнялъ прочихъ собратьевъ своихъ. Болѣе всего придавали ему прелести большія костяныя пуговицы, на которыя толпами заглядывались уличные ребятишки. Не безъ удовольствія слышалъ нашъ щеголеватый наставникъ юношества, какъ матери показывали на нихъ грудимъ ребятамъ и малюпкѣ, протягивая ручепки, лепетали: *цяця, цяця* (***)! За столомъ пріятно было видѣть, какъ чинно, съ какимъ умиленіемъ, почтенный наставникъ, завѣсившись салфеткой, отправлялъ всеобщій процессъ житейскаго насыщенія. Ни слова постороннаго, ни движенія лишняго; весь переселялся онъ, казалось, въ свою тарелку. Опорожнивъ ее такъ, что никакія принадлежащія къ гастрономіи орудія, какъ то, вилка и ножъ, ничего уже не могли захватить, отрѣзывалъ онъ ломтикъ хлѣба, вздѣвалъ его на вилку и этимъ орудіемъ проходилъ въ другой разъ по тарелкѣ, послѣ чего она выходила чистою, будто изъ фабрики. Но все это, можно сказать, были только наружныя достоинства, выказывавшія въ немъ знаніе тонкихъ обычаевъ свѣта, и читатель дастъ большой промахъ, если заключитъ, что тутъ-то были и всѣ способности его. Почтенный педагогъ имѣлъ необъятныя для простолюдина свѣдѣнія, изъ которыхъ иныя держалъ подъ секретомъ, какъ то: составленіе лекарства противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ, искусство окрашивать посредствомъ одной только дубовой коры и острой водки въ лучшій красный цвѣтъ. Сверхъ того онъ собственноручно приготовлялъ лучшую ваксу и чернила, вырѣзывалъ для маленькаго внучка Анны Ивановны фигурки изъ бумаги; въ зимніе вечера, мошалъ мошки и даже прялъ. — Удивительно ли, если съ такими дарованіями сдѣлался онъ необходимымъ человѣкомъ въ домѣ; если вся дворня была безъ ума отъ него; не смотря, что лице его и окладомъ и цвѣтомъ совершенно походило на бутылку, что огромнѣйшій ропъ его, котораго дерзкимъ покушеніямъ едва полагали преграду оттопырившіяся уши, помимутно строилъ гримасы, приневоливая себя выразить улыбку, и что глаза его имѣли цвѣтъ яркой зелени, глаза, какими, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ герой въ лѣтописяхъ романовъ не былъ одаренъ. Но, можетъ быть, женщины видятъ болѣе насъ. Кто разгадаетъ ихъ? Какъ бы то ни было, только и сама старушка, госпожа дома, была очень довольна свѣдѣніями учителя въ домашнемъ хозяйствѣ, въ умѣніи дѣлать настойку на шафранѣ и haerba rabarbarum, въ искусномъ разматываніи мотковъ и вообще въ великой наукѣ жить въ свѣтѣ. Ключницѣ болѣе всего нравился щегольской сюртукъ его и умѣнье одѣваться; впрочемъ и она замѣтила, что учитель имѣлъ удивительно умильный видъ, когда изволилъ молчать или кушать. Маленькаго внучка забавляли до чрезвычайности бумажные пѣтухи и человѣчки. Самъ кудлатый Бровко, едва только завидитъ, бывало, его, выходящаго на крыльцо, какъ, ласково помахивая хвостомъ своимъ, побѣжитъ къ нему на встрѣчу и безъ церемоніи цѣлуетъ его въ губы, если только учитель, забывъ важность, приличную своему сану, соизволитъ присѣсть подъ величественнымъ фронтономъ. Одни только два старшіе внука и домашніе мальчишки, съ которыми проходилъ онъ: Азъ, Ангелъ, Архангелъ, буки, Богъ, Божество, Богородица, — боялись краспорѣчивыхъ лозъ грознаго педагога.

Въ краткое пребываніе свое, Иванъ Осиповичъ успѣлъ уже и самъ сдѣлать свои наблюденія и заключить въ головѣ своей, будто на вогнутомъ стеклѣ, миніатюрное отраженіе окружавшаго его міра. Первымъ лицемъ, на которомъ остановилось почтительное его наблюденіе, какъ вѣрно вы догадаетесь, была сама владѣтельница помѣстья. Въ лицѣ ея, пропущомъ рѣзкою кистью, которою время съ незапамятныхъ временъ расписываетъ родъ человѣческій и которую, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, называютъ морщиною, въ темнокофейномъ ея капотѣ, въ чепчикѣ (покрой котораго утратился въ толпѣ событій, знаменовавшихъ XVIII-е столѣтіе), въ коричневомъ шушунѣ, въ башмакахъ безъ задковъ, глаза его узнали тотъ періодъ жизни, который есть слабое повтореніе минувшихъ; холодный, безцвѣтный переводъ созданій пламеннаго, кипящаго вѣчными

(*) Эти слова въ Украинскихъ Семинаріяхъ значатъ: пойти въ домашніе учители.

(**) Нива, засѣянная арбузами, дынями, тыквами и т. п.

(***) Хорошо! Хорошо!

страстями поэта; тотъ періодъ, когда воспоминаніе остается человѣку, какъ представитель и настоящаго и прошедшаго и будущаго; когда роковыя 60 лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бившія огненнымъ ключемъ жилы и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія. Впрочемъ вѣчныя заботы и страсть хлопотать нѣсколько одушевляли потухшую жизнь въ чертахъ ея; а бодрость и здоровье были вѣрною порукою еще за 30 лѣтъ впередъ. Все время отъ 5-ти часовъ утра до 6-ти вечера, т. е. до времени успокоенія, было безпрерывною цѣпью занятій. До 7-ми часовъ утра уже она обходила всѣ хозяйственныя заведенія, отъ кухни до погребовъ и кладовыхъ, успѣвала побраниться съ прикащикомъ, накормить куръ и доморощенныхъ гусей, до которыхъ она была охотница. До обѣда, который не бывалъ позже 12-ти часовъ, заверпывала въ пекарню и сама даже пекла хлѣбы и особеннаго рода крендели на меду и на яицахъ, которыхъ одинъ запахъ производилъ непостижимое волненіе въ педагогѣ, страстно привязанномъ ко всему, что питаетъ душевную и тѣлесную природу человѣка. Время отъ обѣда до вечера мало ли чѣмъ заняться хозяйкѣ? красить шерсть, мѣрять полотна, солить огурцы, варить варенья, подслащивать наливки. Сколько способовъ, секретовъ, домашнихъ средствъ производится въ это время въ дѣйство! отъ наблюдательнаго взгляда нашего педагога не могло ускользнуть, что и Анна Ивановна нечужда была пищеславія; и потому положилъ онъ за правило разсыпаться, разумѣется, сколько позволяла природная его застѣнчивость, въ похвалахъ необыкновенному ея искусству и знанію хозяйничать; и это, какъ послѣ увидѣлъ онъ, послужило ему въ пользу: почтенная старушка до тѣхъ поръ не закупоривала сладкихъ наливокъ и варенья, покамѣстъ Иванъ Осиповичъ, отвѣдавъ, не объявлялъ превосходной доброты того и другаго. Всѣ прочія лица спояли въ тѣни предъ этимъ свѣтиломъ, такъ какъ всѣ строенія во дворѣ, казалось, пресмыкались предъ чуднымъ зданіемъ съ великолѣпнымъ его фронтономъ. Только для глазъ пронырливаго наблюдателя замѣтны были ихъ взаимныя соотношенія и особенный колоритъ, обозначавшій каждаго, и тогда ему открывалось, словно въ муравьиномъ рою, вѣчное движеніе, суматоха и ни на минуту неостанавливавшійся шумъ. И педагогъ нашъ, какъ мы уже видѣли, умѣлъ угодить на вкусъ всѣхъ, и какъ могучій чародѣй, приковать къ себѣ всеобщее почтеніе. Непонятны только были причины заставившія его сблизиться съ кухмистромъ. Высокое ли уваженіе, которое Иванъ Осиповичъ невольно чувствовалъ къ его искусству, другое ли какое обстоятельство: мы этого не беремся рѣшить. Довольно, что не прошло двухъ дней—и въ Мандрыкахъ воскресли Орестъ и Пиладъ новаго міра. Но еще непонятнѣе была власть кухмистра надъ нашимъ педагогомъ; такъ, что онъ природы скромный, застѣнчивый учитель, не бравшій ничего въ ротъ, кромѣ лекарственной настойки на буквицу и haerba barbarum, невольно плелся за нимъ по пятамъ и по всѣмъ закоулкамъ, куда разгульный кухмистръ нашъ показывалъ только носъ свой. Ивану Осиповичу правилось романическое положеніе его мѣстопребыванія. Скоро осмотрѣлъ онъ обступившіе въ неровный кружокъ просторный господскій дворъ, кухню, сараи, анбары, конюшни и кладовыя, съ особеннымъ удовольствіемъ остановился на густо-разросшемся садѣ, котораго гигантскіе обитатели, закутанные темнозелеными плащами, дремали, увѣнчанные чудесными сновидѣніями, или вдругъ освободясь отъ грезъ, рѣзали вѣшвями, будто мельничными крыльями, мятежный воздухъ, и тогда по листамъ ходили непонятныя рѣчи и мѣрныя, величественныя движенія всего ихъ тѣла напоминали древнихъ лицедѣевъ, вызывавшихъ на поприще Мельпомены великія тѣни усопшихъ. Но глаза нашего учителя искали своего предмета и лѣпились около не столь высокопарныхъ жильцевъ сада, за то увѣшанныхъ съ ногъ до головы грушами и яблоками, которыми кипитъ роскошная Украйна. Отсюда продирались они къ кухнѣ, за которою сплались плантаціи гороху, капусты, картофелю и вообще всѣхъ зѣлій, входящихъ въ микстуру деревенской кухни. Не безъ особеннаго удовольствія вошелъ онъ въ чистую, опрятно выбѣленную и прибранную комнату, опредѣленную для его помѣщенія, съ окошкомъ, глядѣвшимъ на прудъ и на липовую, окутанную туманомъ окрестность.

Мы имѣли уже случай замѣтить нѣчто о вліяніи нашего учителя на Мандрыковскихъ красавицъ: потупленные взгляды, перешептываніе, низкіе поклоны, показывали, что овладѣніе имъ считала каждая изъ нихъ немаловажнымъ дѣломъ; впрочемъ не мѣшаетъ припомнить любезному читателю, что на Иванѣ Осиповичѣ былъ синій фабричнаго сукна сюртукъ съ черными, величиною съ большой грошъ, костяными пуговицами; и такъ ему очень было простительно перешолковать въ свою пользу перемигиванья чернобровыхъ проказницъ. Но къ счастью или несчастью, чувство, такъ много извѣстное бѣдному человѣчеству, наносившее ему съ незапамятныхъ временъ море нестерпимыхъ мукъ, не касалось нашего педагога. Въ этомъ случаѣ Иванъ Осиповичъ былъ настоящій Споикъ и не смотря на то, что не дошелъ еще до Философіи, онъ твердо зналъ, что ни одинъ изъ Философовъ, начиная отъ Сенеки, Сократа и до Лектора ***ской Семинаріи, не ставилъ ни во что причудливую половину человѣческаго рода; ergo, любви не существуетъ. Такія положенія, обратившіяся у него наконецъ въ правила, были тверды, слишкомъ тверды.... Но homo proponit, Deus disponit, говаривалъ часто Лекторъ ***ской Семинаріи, отсѣкшивая удары линѣйкою лѣнивымъ своимъ слушателямъ; а потому и мы въ слѣ-

дующей главѣ увидимъ небольшое обстолтельство, сильно поколебавшее философію учителя и надвинувшее облако недоразумѣнія на умъ его, доселѣ неуклонно шествовавшій стезею своихъ великихъ наставниковъ и бившій ровнымъ пульсомъ въ своей бутылкообразной сферѣ.

П. Глечикъ.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады,
Подъ ними — утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой,
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужь и люди гнѣздятся въ горахъ
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ пѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущелья,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи.

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной....
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

А. Пушкинъ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ
О ПРЕПОДАВАНІИ ДѢТЯМЪ ГЕОГРАФІИ.

Велика и поразительна область Географіи: край, гдѣ кипитъ Югъ и каждое твореніе бьется двойною жизнью, и край, гдѣ въ изкаженныхъ чертахъ природы прочитывается ужасъ и земля превращается въ оледенѣлый трупъ; исполины-горы, парящіе въ небо, наброшенный небрежною кистью очаровательный, полный разнобразія видъ, и раскаленныя пустыни и степи, опорванный кусокъ земли посреди безграничнаго моря; люди и искусство, и предѣлъ всего живущаго! — Гдѣ найдутся предметы, сильнѣе говорящіе юному воображенію! Какая другая наука можетъ быть прекраснѣе для дѣтей, можетъ быстрѣе возвысить поэзію младенческой души ихъ! И не больно ли, если показываютъ имъ вмѣсто всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелетъ, холодно говоря: «Вотъ земля, на которой живемъ мы, вотъ тотъ прекрасный міръ, подаренный намъ Непостижимымъ его Зодчимъ!» — Этого мало: его совершенно скрываютъ отъ нихъ и даютъ имъ вмѣсто того грызть политическое тѣло, превышающее міръ ихъ понятій и несвязное даже для ума, обладающаго высшими идеями. — Невольно при этомъ приходитъ на мысль: неужели великій Гумбольтъ и тѣ отважные изслѣдователи, принесшіе такъ много свѣдѣній въ область науки, изтолковавшіе дивные іероглифы, коими покрытъ міръ нашъ, — должны быть доступны немногому числу Ученыхъ? а возрастъ, болѣе другихъ нуждающійся въ ясности и опредѣлительности, долженъ видѣть передъ собою одни непонятныя изображенія?

Дѣтскій возрастъ есть еще одна жажда, одно безотчетное стремленіе къ познанію. Онъ всего требуетъ, все хочетъ узнать. Но удовлетворять этому любопытству нужно съ большою осторожностью; подавать то напередъ, что ближе къ нему, безъ чего нельзя проразумѣть другаго, вести его на лѣстницу самого съ первой ступени, а не переносить черезъ нѣсколько ступеней разомъ. И потому Физическая Географія, какъ ближайшая, должна болѣе занять его; Политическая же войти только общимъ очеркомъ своимъ.

Во многихъ заведеніяхъ нашихъ, по невозможности воспитанниковъ узнать въ одинъ годъ всей Географіи, читаютъ ее въ двухъ и даже въ трехъ классахъ. Это хорошо, и Географія стóитъ, чтобъ ее проходили не въ одномъ классѣ; но преподаватели впадаютъ въ большую ошибку: размежевываютъ земной шаръ на двѣ или, смотря по классамъ, на три части и самому начальному классу достается Европа, разсматриваемая обыкновенно въ политическомъ отношеніи съ подробнѣйшими подробностями, тогда какъ высшіе классы блуждаютъ по степямъ и пескамъ Африканскимъ и бесѣдуютъ съ дикарями. Не говоря уже о безразсудности и странной формѣ такого преподаванія, нужно имѣть необыкновенную память, чтобы удержать въ ней всю эту нестройную массу. Если же и допустить такой феноменъ въ природѣ, то въ головѣ этого феномена никогда не удержится одно прекрасное

цѣлое. Это будутъ тщательно отдѣланныя, разрозненныя части, которыми не управляетъ одна мощная жизнь, бьющая ровнымъ пульсомъ по всѣмъ жиламъ. Это народъ, созданный для Монархическаго правленія и утратившій его въ бурѣ политическихъ потрясеній.

Географія, по моему мнѣнію, должна быть преподаваема воспитанникамъ въ два различные возраста ихъ дѣтства. Въ первомъ классѣ долженъ быть наброшенъ весь эскизъ міра; всѣ части земнаго шара должны составить одно цѣлое, одну прекрасную поэму, въ которой выразилась идея Великаго Творца. Въ поэмѣ этой все должно быть ясно, все поставлено, утверждено на своемъ мѣстѣ; въ ней все должно быть живо, ярко, всякая часть должна соотвѣтствовать прочимъ, и ни одна не должна принимать окончательной, мелкой отдѣлки. — Въ другомъ классѣ или возрастѣ, эта идея, начертанная въ головѣ воспитанника, только раздвигается. Тутъ онъ разсматриваетъ въ микроскопъ тотъ самый міръ, который схватилъ онъ доселѣ простымъ взглядомъ. Тутъ уже политическая Географія можетъ болѣе войти въ составъ поэмы; юный умъ ознакомливается короче съ техническими терминами и положеніями науки.

Преподаватель болѣе всего долженъ стараться, чтобы дитя удержало въ памяти своей видъ, фигуру земли. Для этого нужно заставлять его чаще чертить наизустъ такую-то землю, такое-то море; а чтобы облегчить трудность, сопряженную съ такимъ занятіемъ, онъ долженъ замѣчать ему сходство такой-то земли съ видимымъ физическимъ предметомъ (Европы, напримѣръ, съ сидящею на колѣняхъ женщиною или лепящимъ дракономъ) и т. п.

Порядокъ частей Свѣта долженъ быть для воспитанника разположенъ такимъ образомъ: первое мѣсто должна занимать Азія, какъ колыбель человѣчества; второе Африка, — какъ жаркое юношество; третіе Европа — зрѣлость и мужество; четвертое Америка и наконецъ разрозненные по необозримому Океану острова. Такое раздѣленіе для него кажется естественнѣйшее: въ это время своего возраста, воспитанникъ обыкновенно проходитъ начало Древней Исторіи, и уже ознакомленъ съ священными событіями Ветхаго Завѣта, которыя всѣ совершались въ Азіи. — Дитя напередъ всего должно непремѣнно составить себѣ общее характеристическое понятіе о каждой изъ сихъ частей свѣта. Во первыхъ объ Азіи, гдѣ такъ все велико и обширно, гдѣ люди такъ важны, такъ холодны съ вида и вдругъ кипятъ неукротимыми страстями; при дѣтскомъ умѣ своемъ думаютъ, что они умнѣе всѣхъ; гдѣ все гордость и рабство; гдѣ все одѣвается и вооружается легко и свободно, все наѣзничаетъ; гдѣ Турокъ радъ просидѣть цѣлый вѣкъ, поджавъ ноги и куря кальянъ свой, и гдѣ Бедуинъ какъ вихорь мчится по пустынѣ; гдѣ вѣра переходитъ въ фанатизмъ и вся страна — страна вѣроисповѣданій, разлившихся отсюда по всему міру. Объ Африкѣ, гдѣ солнце жжетъ и океаны песчаныхъ степей разстилаются на неизмѣримое пространство; львы, тигры кокосы, пальмы, и человѣкъ, мало чѣмъ разнящійся и наружностью, и своими чувственными наклонностями, отъ обезьянъ, кочующихъ по ней ордами; и т. далѣе.

Начертивъ видъ части Свѣта, воспитанникъ указываетъ всѣ высочайшія и низменныя мѣста на ней, разсказываетъ, какъ развѣтвляются по ней горы и простягиваютъ свои длинныя, безобразныя цѣпи. Въ этомъ смыслѣ можно съ пользою употреблять Риттерово барельефное изображеніе Европы, хотя оно не совсѣмъ еще удобно для дѣтей, по причинѣ неяснаго отдѣленія свѣта отъ тѣней. Всего бы лучше на этотъ случай отлить изъ крѣпкой глины или изъ металла настоящій барельефъ. Тогда воспитаннику стóило бы только взглянуть на него, чтобы сохранить навсегда въ памяти всѣ высокія и низменныя мѣста.

Такъ какъ горы сообщили форму всей землѣ, то познаніе ихъ должно составить, такъ сказать, начало всей Географіи. Показавъ развѣтвленіе ихъ по лицу земли, преподаватель показываетъ видъ ихъ, форму, составъ, образованіе и наконецъ характеръ и отличіе каждой цѣпи, высочайшія точки, примѣчательныя явленія на нихъ, и высоту, до которой подымался человѣкъ.

Преподаватель долженъ показать процессъ и разселеніе растительной силы по землѣ на картѣ, лѣстницею градусовъ: гдѣ растеніе Юга хозяинъ, куда перешло оно, какъ гость, подъ какимъ градусомъ умираетъ, гдѣ начинается растеніе Сѣвера, гдѣ и оно наконецъ гибнетъ, прозябеніе прекращается, природа обмираетъ въ объятіяхъ студенаго Океана и чудный полюсъ закутывается недоступными для человѣка льдами. Такимъ же образомъ и разселеніе животныхъ. Но почва требуетъ другаго раздѣленія земли — по полосамъ, изъ которыхъ каждая должна заключать въ себѣ особенный видъ ея.

Весьма полезны для дѣтей карты, изображающія разселеніе просвѣщенія по земному шару. Эта польза превращается въ необходимость, когда проходятъ они Европу. Но какъ у насъ нѣтъ такихъ картъ, то преподавателю небольшаго труда будетъ стоить сдѣлать опыя самому. Мѣста, гдѣ просвѣщеніе достигло высочайшей степени, означать свѣтомъ, и бросать легкія тѣни, гдѣ оно ниже. Тѣни сіи становятся, чѣмъ далѣе, тѣмъ крѣпче, и наконецъ превращаются въ мракъ, по мѣрѣ того, какъ природа дичаетъ и человѣкъ оканчивается бездушнымъ Эскимосомъ.

Исторія Географіи должна необходимо войти нѣкоторыми фактами своими въ составъ преподаванія. Нельзя пропустить, говоря объ Америкѣ, времени и обстоятельствъ открытія оной; объ Африкѣ — отважныхъ путешествій, совершенныхъ во внутренность ея, для сорванія съ нея покрывала неизвѣстности; о сѣверныхъ экспедиціяхъ, о пути въ Индію и проч. и проч. Разумѣется, что все это должно быть не такъ пространно, не такъ учено, какъ требуется для возрастовъ высшихъ; но такъ, чтобы воспитанникъ видѣлъ, какія величайшія усилія, какіе неимовѣрные, благородные подвиги были производимы для того, чтобы доставить ему вѣрныя свѣдѣнія о землѣ нашей.

Слогъ преподавателя долженъ быть увлекающій, живописный; всѣ поразительныя мѣстоположенія, великія явленія природы, должны быть окинуты огненными красками. Что дѣйствуетъ сильно на воображеніе, то нескоро выбьется изъ головы. Преподаватель долженъ пользоваться всѣми такими мгновеніями и привязывать къ нимъ свѣдѣнія, кои безъ того были бы сухими; но только искусно, въ противномъ случаѣ они развяжутся сами и улетятъ изъ памяти. — Богатый для сего запасъ заключается въ описаніяхъ Путешественниковъ, которыхъ множество, и изъ которыхъ, кажется, донынѣ въ этомъ отношеніи мало умѣли извлекать пользы.

Преподаватель долженъ быть обиленъ сравненіями, потому что первоначальный возрастъ болѣе прочихъ возрастовъ жаждетъ примѣровъ и подобій. Въ эти примѣры, въ эти уподобленія должны входить предметы, сколько можно ближайшіе къ еще ограниченымъ его понятіямъ, и ни одною чертою, ни однимъ порывомъ не должны они вырываться изъ области дѣтскаго міра.

Самые же факты науки должны возвышаться постепенно; но до такой только высоты, до которой можетъ подняться дитя съ своими бережно развивающимися понятіями. Перешагнувъ эту заповѣдную черту, педагогъ облечется въ туманъ и неясность.

При изчисленіи народовъ, преподаватель необходимо обязанъ показать каждаго физіогномію и тѣ отпечатки, которые принялъ его характеръ, такъ сказать, отъ географическихъ причинъ: отъ климата, отъ положенія земли; какъ величественная, разительная природа подымаетъ человѣка до идеальности и дѣятельнаго стремленія духа, какъ роскошная и упоительная, вдыхаетъ въ него чувственныя наклонности. — Вѣрное познаніе физіогноміи каждаго народа, сколько любопытно для воспитанника въ началѣ, столько и важно по послѣдствіямъ: оно объяснитъ ему потомъ, отъ чего одному народу необходимъ такой именно, другому иной образъ правленія.

Понятіе о величинѣ земли каждаго Государства, должно внушать воспитаннику такъ, чтобы оно навсегда врѣзалось въ памяти его; изчисленіе квадратныхъ миль и механическое затверживаніе ихъ никогда не будетъ имѣть успѣха, наведетъ скуку, смѣшается, разстроряется — и изъ единицъ и десятковъ останутся только нули въ головѣ его. Чтобъ избѣгнуть этого, я полагаю взять одну землю за среднюю пропорціональную, и по ней опредѣлять величину прочихъ. Положимъ: я беру Францію; говорю: она имѣетъ столько то квад. миль; но Россія больше ея во столько разъ, Пруссія меньше столько-то, къ Италіи недостаетъ цѣлой половины, чтобы сдѣлаться по величинѣ равною Франціи. Небезполезно при этомъ показывать воспитаннику вырѣзанное изъ картонной бумаги каждое Государство, которое, будучи сложено съ другими, составило бы одну плотную массу земли. Положивъ одно Государство на другое, напримѣръ, Францію на Россію, онъ тотчасъ увидитъ, сколько разъ содержится она въ Россіи. —

Означивъ на картѣ, имъ же начертанной, мѣсто главнаго города, воспитанникъ долженъ узнать его положеніе, видъ, и рѣзкими, сильными и немногими чертами обозначить характеръ его. Воспитатель обязанъ из-

торгнуть изъ обширнаго матеріяла все, что бросаетъ на городъ отличіе и отмѣняетъ его отъ множества другихъ. Пусть дитя знаетъ, что такое Римъ, что Парижъ, что Петербургъ. Пусть не мѣряетъ своимъ масштабомъ, составившимся въ его понятіяхъ при видѣ Петербурга, — другихъ городовъ Европы. Все общее городамъ должно быть исключено въ опредѣленіи отдѣльно каждаго города. Во многихъ нашихъ Географіяхъ, въ опредѣленіяхъ Губернскаго города разсказывается, что въ немъ есть гимназія, соборная церковь; уѣзднаго, что въ немъ есть уѣздное училище и пр. под. Къ чему? Воспитаннику довольно сказать сначала, что у насъ гимназіи во всѣхъ Губернскихъ городахъ, церкви также. Но Кремля, Вашингтона, Пале-рояля, Фальконетова Петра, Кіевопечерской Лавры, Кингсъ-Бенча, пѣтъ другихъ въ мірѣ. Объ нихъ дитя вѣрно потребуетъ подробнаго свѣдѣнія. Ненужно заниматься ничтожнымъ и скучнымъ для воспитанника вычисленіемъ числа домовъ, церквей, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда оно по своей величинѣ или отрицательно, выходитъ изъ категоріи обыкновеннаго. Вмѣсто этого, можно занять его архитектурой города, въ какомъ вкусѣ онъ выстроенъ, колоссальны ли, прекрасны ли его строенія. Если онъ древній, то какъ величественна даже въ самой странности своей его старинная, повитая столѣтіями и на чудо взлелѣянная самими потрясеніями архитектура, и какъ напротивъ того легка и изящна архитектура другаго города, созданнаго однимъ столѣтіемъ. При мысли о какомъ нибудь Германскомъ городкѣ, ученикъ тотчасъ долженъ представить себѣ тѣсныя улицы, небольшіе, узенькіе и высокіе домики, гдѣ все такъ просто, такъ мило, такъ буколически, и рядомъ съ ними угловатые, просѣкающіе остріемъ воздухъ шпицы церквей. При мысли о Римѣ, гдѣ глухо отозвался весь канувшій въ пучину столѣтій древній міръ, у него должна быть неразлучна съ тѣмъ мысль о зданіяхъ-исполинахъ, которыя, свободно поднявшись отъ земли и опершись на стройные портики и гигантскія колонны, дряхлѣютъ, какъ бы размышляя объ ушекшихъ событіяхъ великой своей юности. Для этого не мѣшаетъ приносить съ собою въ классъ фасады примѣчательнѣйшихъ зданій: необыкновенный видъ ихъ врѣжется въ память навѣки; при томъ это послужитъ вмѣстѣ и лучшимъ средствомъ къ образованію юнаго вкуса.

Исторія изрѣдка должна только озарять воспоминаніями географическій міръ ихъ. Прошекшее должно быть слишкомъ разительно, должно имѣть сильное вліяніе на судьбу міра, чтобы заставить вызывать его. Но если воспитанникъ проходитъ въ это время и Исторію, тогда ему необходимо показать область его дѣйствія; — тогда Географія сливается и составляетъ одно цѣло съ Исторіей.

Лѣность и непонятливость воспитанника обращаются въ вину педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія; онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать въ дитятѣ. Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ ребенокъ, признанный за неспособнаго ни къ чему, обиженнаго природою, — слушалъ съ неразвлекаемымъ вниманіемъ страшную сказку и на лицѣ его, почти бездушномъ, неоживляемомъ до того никакимъ чувствомъ участія, поперемѣнно прорывались черты безпокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого вниманія въ пользу науки?

(*Продолженіе обѣщано* (*).

Г. Яновъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Борисъ Годуновъ. — С. П. б. въ типогр. Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1831. (142 стран. въ 8-ю д. л.)

Желаемъ отъ чистаго сердца всѣмъ Рускимъ Литературнымъ Газетамъ каждый новый годъ начинать свою Библіографію, какъ мы нынѣ: увѣдомленіемъ о книгѣ, равной достоинствомъ съ историческою драмой А. С. Пушкина: *Борисъ Годуновъ*. Появленіе ея вполнѣ возградило долгое, нетерпѣливое ожиданіе любителей Поэзіи. Это не произведеніе, писанное съ единственнымъ намѣреніемъ поскорѣе кончить и получить за оное деньги, опять съ тою же мыслію приняться за новое денежное предпріятіе. Нынѣ, еще въ 1825 году Бо-

---

(*) Просимъ читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. Автору, который совершенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ, болѣе всего желательно знать о семъ предметѣ мнѣнія ученыхъ нашихъ Преподавателей. Въ послѣдующихъ за симъ мысляхъ, читатели встрѣтятъ, можетъ быть, болѣе новаго, болѣе относящагося къ облегченію науки и приведенію оной въ ясность и понятность для дѣтей.

рисъ Годуновъ былъ написанъ, а только въ 1831-мъ вышелъ изъ печати. Истинный талантъ выше денегъ цѣнитъ свое искусство. Сколько Исторія представляетъ Поэтовъ, которые, терпя крайнюю бѣдность, не продавали своего таланта и питаясь черствымъ хлѣбомъ и водою, не спѣша готовили для просвѣщенныхъ современниковъ и справедливаго потомства яству безсмертную, нектаръ и амврозію, вкусную пищу древнихъ боговъ и существъ, не ограничивающихъ кругъ бытія своего крашкою земною жизнію. Но, благодаря Бога, Пушкинъ не равенъ съ сими свѣтилами горькою участію! Судьба не гонитъ его. Нашъ Просвѣщенный Монархъ, Котораго недавнее Царствованіе ознаменовано уже столькими необыкновенными событіями, столькими великими подвигами, кои могли бы прославить цѣлое пятидесяти-лѣтіе, несмотря на разнообразныя Царственныя заботы, находитъ мгновенія обращать живительное вниманіе свое на произведенія нашего Поэта. Счастливо время, въ которое таланты не низкою лестію, а достоинствомъ непоскательнымъ пріобрѣтаютъ высокое покровительство, и въ которое правда такъ богата истинною Поэзіей.

Нѣкоторыхъ черезъ чуръ любопытныхъ читателей и двухъ-трехъ Журналистовъ занимаетъ *важная* мысль: къ какому роду должно отнести сіе поэтическое произведеніе? Одинъ называетъ его *трагедіей*, другой *драматическимъ романомъ*, третій *романическою драмой* и такъ далѣе. Къ чему приведетъ ихъ разрѣшеніе сей задачи? Не къ познанію ли, по какимъ правиламъ судишь новое сочиненіе? Назовите его, какъ хотите, а судите его не по правиламъ, но по впечатлѣніямъ, которыя по лучите послѣ долгаго, внимательнаго чтенія. Каждое оригинальное произведеніе имѣетъ свои законы, которые нужно замѣтить и объявить, но единственно для того, чтобы юноши, учащіеся поэзіи, и люди, не живо чувствующіе, легче могли понять всѣ красоты изящнаго творенія. Воображать же, чтобы законы какой нибудь поэмы, трагедіи и проч. были непремѣнными мѣрилами пьесъ, послѣ нихъ написанныхъ, и смѣшно и недостойно человѣка мыслящаго. Пора убѣдиться намъ, что человѣкъ, какъ бы ученъ ни былъ, сколько бы правилъ ни зналъ, но не имѣющій поэтическаго таланта, ничего необыкновеннаго не напишетъ. Сколько Французовъ, сколько Русскихъ слѣпо вѣрили въ правила Французской Драматургіи; и что же они написали? Ничего, чтобы можно было читать послѣ Расина, который не по премъ единствамъ читается и перечитывается и будетъ читаться, а по чему-то иному, чего къ несчастію и недостаетъ ученымъ его подражателямъ. *Изд.*

(Продолженіе въ слѣд. No. *)*

АЛЬМАНАХИ НА 1831-й ГОДЪ.

Сѣверные Цвѣты на 1831 годъ. — С. П. б. въ типогр. Департ. народ. просвѣщенія, 1830. (282 — 124 стран. въ 16-ю д. л. (*).

Въ отдѣленіи *прозы* сего Альманаха помѣщено *восемь* статей; въ отдѣленіи *поэзіи* — *шестьдесятъ* стихотвореній.

Статьи въ прозѣ суть слѣдующія: *Княгини Зинаиды Александровны Волконской:* Отрывки изъ Путевыхъ записокъ (Двѣ пѣвицы; Аніо, или Теверонe); — *Ѳ. Н. Глинки:* Новая пробирная палатка — *оооо*: Глава изъ Историческаго романа; — *ъ. ъ. й.*: Послѣдній квартетъ Бетговена — *Солова*: Обозрѣніе Россійской Словесности за вторую половину 1829-го и за первую 1830-го года; — *В. Г. Теплякова*: Письмо III изъ Турціи; — *Тита Космократова*: Монастырь Св. Бригитты (повѣсть); — *Трилунаго*: Выдержки изъ записной книжки.

Стихотворенія, составляющія отдѣленіе поэзіи: *Е. А. Баратынскаго*: Новинское, и Сара, два отрывка изъ новаго поэтическаго романа; — *В. Е. Вердеревскаго*: Къ Фидилѣ — Къ Мельпоменѣ (изъ Горація); — *П. Г. Волкова*: Мечта — Русалки (фантазія); — *Князя П. А. Вяземскаго*: Осень 1830-го года — Святочная шутка — Эпиграмма — Лѣса — Родительскій домъ — Къ журнальнымъ благопріятелямъ — Къ А. О. Р; — *Ѳ. Н. Глинки*: Непонятная вещь — Отрадное чувство — Тоска о Немъ — Къ синему небу — Бѣдность и утѣшеніе — Осень и сельское житье — Примѣты; — *Н. И. Гнѣдича*: Къ П. А. Плетневу, отвѣтъ на его посланіе(**); — *Г-жи Д.... ой*: Талисманъ; — *М. Д. Деларю*: Сонъ и смерть — Выздоровленіе — Глицерѣ — Могила Поэта; — *И. И. Козлова*: Пѣсня Десдемоны; — *П. А. Плетнева*: Н. И. Гнѣдичу — Отрывокъ; — *А. С. Пушкина*: Поэту (сонетъ) — Отвѣтъ Анониму — Монастырь на Казбекѣ — Отрывокъ — Обвалъ; — *Г-жи З.... и Р.... ой*: Любила я; — *Н. Станкевича*: Филипъ; — *В. Г. Теплякова*: Первая Оракійская элегія: Отплытіе — Современное благополучіе — Румелійская пѣсня; — *Г-жи К.... Т.... шевой*: Отвѣтъ Кн. Вяземскому на Святочную шутку; — *В. И. Туманскаго*: Мысль о Югѣ — Гондольеръ и Поэтъ (изъ А. Шенье) — Романсъ (на голосъ вальса Бетговена) — Судьба — Иде-

(*) Продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Цѣна въ бумаж. обертѣ 12 руб., съ пересылкою въ другіе города 13 руб.

(**) Одна часть сего прекраснаго стихотворенія помѣщена была года за три въ Сѣвер. Цвѣтахъ. Нынѣ, съ позволенія почтеннаго Автора, издатели Сѣв. Цвѣтовъ помѣстили вполнѣ сіе посланіе, заключающее въ себѣ многія полезныя для молодыхъ Поэтовъ истины, поэтически выраженныя.

аль; — *С. П. Шевырева*: Чтеніе Данта — Двѣ пѣсни: Любовь до счастія и послѣ — Широкко — Ода Горація послѣдняя — Фебу — Тройство; — *Н. И. Ш-б-ва*: Неаполь — Элегія; — *В. Н. Щастнаго*: Отрывокъ изъ драматической поэмы Іосифа Корженёвскаго: Отшельникъ; — *Н. М. Языкова*: Элегія. — *Безъ подписи Сочинителей*: Тризна — Луна — Балъ (*).

При сей книжкѣ приложены: гравированная заглавная виньетка и листокъ нотъ *Рулилійской пѣсни*, положенной на музыку Г-мъ Никлевичемъ. *Изд.*

СМѢСЬ.

Бориса Годунова, соч. А. С. Пушкина, въ первое утро разкуплено было, по показаніямъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ. Это доказываетъ, что непривѣтливые Журналисты напрасно винятъ нашу публику за равнодушіе къ истинно-хорошему въ нашей Литературѣ, и вообще ко всему отечественному. Мы помнимъ, что при появленіи первыхъ 8-ми томовъ *Исторіи Государства Россійскаго* (на которую почтенный ея Авторъ не собиралъ подписки и о которой не печаталъ онъ пышныхъ объявленій за нѣсколько мѣсяцевъ), нельзя было за тѣснотою пробраться въ ту комнату, гдѣ она продавалась, и что покупатели вспрѣчали цѣлые возы, наполненные экземплярами Исторіи сей, возимыми не въ книжныя лавки, а въ домы вельможъ Рускихъ и другихъ любителей отечественной Исторіи. *Изд.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Въ Москвѣ нѣсколько Литераторовъ, движимые Христіанскимъ состраданіемъ къ семействамъ бѣдныхъ людей, умершихъ отъ *холеры*, вознамѣрились издать въ пользу сихъ семействъ *Альманахъ*, съ тѣмъ, чтобы всю выручку за оный обратить на вспоможеніе вдовамъ и сиротамъ, оставшимся почти безъ пособія послѣ горькихъ утратъ своихъ. Намѣреніе прекрасное и благородное! Оно служитъ новымъ доказательствомъ, что чистая любовь къ Музамъ неразлучна съ чистою любовью къ человѣчеству; что науки и изящныя искуства смягчаютъ нравы и возвышаютъ душу до безкорыстныхъ пожертвованій. Безъ сомнѣнія многіе изъ здѣшнихъ Литераторовъ не останутся въ равнодушномъ бездѣйствіи на голосъ почтенныхъ сихъ Москвичей, и доставятъ что либо изъ трудовъ своихъ въ составъ Алманаха, назначаемаго для столь благотворительной цѣли. — Статьи свои могутъ они адресовать на имя содержателя типографіи Г. Селивановскаго, въ Москвѣ. *Изд.*

Здѣсь вышли два Альманаха на 1831-й годъ: *Альціона*, издан. Барономъ Розеномъ, и *Заря, альманахъ для юношества*, издан. М. Марковымъ (съ 6-ю литографир. картинками). — О сихъ обоихъ Альманахахъ, Литературная газета отдастъ отчетъ читателямъ въ слѣдующихъ NNo своихъ. *Изд.*

П. Л. Яковлевъ, сочинитель многихъ сатирическихъ и юмористическихъ статей, отличающихся вѣрностью взгляда, неприторною веселостью, остроуміемъ и пріятнымъ, легкимъ слогомъ, — окончилъ и печатаетъ романъ свой: *Удивительный человѣкъ*. Отрывки изъ сего романа помѣщены были лѣтъ за десять предъ симъ въ одномъ изъ здѣшнихъ Журналовъ. *Удивительный человѣкъ* есть одинъ изъ тѣхъ любимцевъ фортуны, которые, безъ личныхъ достоинствъ, безъ всякихъ дарованій и воспитанія, вдругъ, отъ одного мимолетнаго прикосновенія слѣпой богини, разбогатѣли, вышли въ люди и вздумали играть роль важныхъ, пышныхъ вельможъ въ кругу мелкихъ подлипалъ, гибкошеихъ искателей случая полакомиться на чужой счетъ. Удивительный человѣкъ имѣетъ своихъ доморощеныхъ актёровъ, музыкантовъ и живописцевъ; у него свой записной поэтъ, своя толпа пресмыкающихся угождателей и хвалителей. Полубарскія затѣи его чрезвычайно смѣшны; множество комическихъ положеній и забавныхъ нечаянностей оживляютъ сію картину современныхъ нравовъ, взятыхъ изъ се-

(*) Читатели *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* благоволятъ замѣтить и исправить слѣдующія опечатки: въ отдѣленіи *Прозы*, на стран. 116-й, строка 5-я напечатано: *чувствую*, должно читать: *дѣйствую*. — Въ отдѣленіи *Поэзіи* на стр. 14-й, стихъ 17-й: *То свиталъ*, читай: *То свивалъ*. На стр. 23-й, стихъ:

«О ива, ты, ива, зеленая ива!

поставленъ по ошибкѣ внизу, тогда какъ его должно читать послѣ стиха *пятаго*:

«И голову тихо къ колѣнамъ склонила.»

На стран. 109-й, подъ стихотвореніемъ: *Русалки*, подписано *Т. Волковъ*; должно читать: *П.* (Плапонъ) *Волковъ*.

редняго круга жителей Москвы. — Романъ сей, будетъ состоять въ пяти небольшихъ томахъ, въ 12-ю д. л. *Изд.*

Три неизданные донынѣ за 1830-й годъ No Литературной Газеты: 70-й, 71-й и 72-й, будутъ непремѣнно выданы Гг. Подписавшимся въ теченіе сего Января. *Изд.*

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Декабря 31-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ III, № 2. ЯНВАРЯ 6го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

о Киргизъ-Кайсацкихъ или Киргизъ-Козачьихъ Ордахъ.

(Выписки изъ большаго сочиненія (*).

Образъ жизни.

Образъ жизни Киргизовъ есть живая картина временъ патріархальныхъ. Видъ цѣлаго народа наступешествующаго и живущаго почти только для своихъ стадъ, селенія или *аулы*, мгновенно изчезающіе и на другихъ мѣстахъ опять вновь являющіеся; простота и близость сего состоянія къ природѣ, имѣютъ много занимательнаго и плѣнительнаго для глазъ Романиста и Поэта. Люди съ воображеніемъ пылкимъ могутъ, глядя на Киргизовъ, представлять себѣ безпечныхъ пастуховъ счастливой Аркадіи, или спокойныхъ современниковъ Авраамовыхъ; могутъ мечтать о мнимомъ блаженствѣ людей, незнакомыхъ съ пороками, царствующими въ большихъ городахъ; могутъ искать у нихъ предметовъ для эклогъ и идиллій. Но хладнокровный Путешественникъ видитъ въ нихъ только полудикихъ и сравниваетъ ихъ съ Геродотовыми Скиѳами, Чингисовыми Монголо-Татарами, нынѣшними Бедуинами, Курдами, жителями береговъ Енисея, Готтентотами, и другими подобно имъ грубыми племенами Азіи и Африки.

И дѣйствительно, Киргизскія Орды много сходствуютъ съ ними нравами и образомъ кочевой жизни, необходимымъ для прокормленія многочисленныхъ стадъ, за коими онѣ слѣдуютъ съ подвижными домами своими изъ одного мѣста въ другое.

Жилище Киргиза есть *кибитка* или *юрта*, то есть со всѣхъ сторонъ округленная палатка, состоящая изъ деревянныхъ рѣшетокъ, покрытыхъ войлоками, и имѣющая вверху надъ самою срединою большое круглое отверстіе, по произволу открываемое и закрываемое: въ него проникаетъ свѣтъ и выходитъ дымъ, когда разводятъ въ кибиткѣ огонь. Вышина таковыхъ *юртъ*, совершенно сходныхъ съ Калмыцкими, простирается отъ 4 до 8 аршинъ; діаметръ отъ 8 до 15 и болѣе. Рѣшетчатыя стѣны оныхъ привязываются волосяными веревками ко вбитымъ въ землю кольямъ; двери бываютъ деревянныя рѣзныя, съ разными украшеніями и вставленными въ нихъ разноцвѣтными косточками; а иногда вмѣсто дверей развѣшивается простой войлокъ. Тесьмы, служащія для связыванія и поддержанія рѣшетокъ, обыкновенно шерстяныя; у богачей бываютъ шелковыя. Внутренніе бока на лѣто покрываются занавѣсами, сплетенными изъ соломы и разноцвѣтныхъ нитокъ. Во время сильныхъ жаровъ, когда нижніе войлоки подымаются, занавѣсы сіи защищаютъ отъ солнца, и, пропуская свѣжій воздухъ, предохраня-

(*) Сія статья, равно какъ и та, которая будетъ помѣщена въ слѣдующемъ No Литературной Газеты, почерпнуты изъ большаго сочиненія *о Киргизъ-Кайсакахъ*. Почтенный Авторъ (А. И. Левшинъ) долго путешествовалъ по Киргизской степи, и собралъ всѣ возможныя свѣдѣнія о народѣ, кочующемъ по оной. Любопытное свое сочиненіе раздѣлилъ онъ на три части: первыя двѣ посвящены топографическому обозрѣнію мѣстъ, обитаемыхъ кочевыми Киргизъ-Кайсаками, и историческимъ разысканіямъ о семъ народѣ; третья заключаетъ въ себѣ этнографическія свѣдѣнія о его правахъ, обычаяхъ, вѣрѣ, и пр. и пр. Лестное довѣріе Автора познакомило насъ отчасти съ его сочиненіемъ: рукопись его была у насъ въ рукахъ нѣсколько времени, и мы смѣло скажемъ, что у насъ рѣдко появляются книги, столь богатыя учеными изысканіями, столь занимательныя по своему предмету и по образу воззрѣнія Сочинителя, и притомъ оживленныя столь хорошимъ, увлекающимъ слогомъ. Г. Левшинъ скоро напечатаетъ сочиненіе свое вполнѣ. Это будетъ новый и богатый вкладъ, приносимый Русскимъ Ученымъ въ общее Европейское хранилище свѣдѣній объ Азіи. Нѣтъ сомнѣнія, что книга Г. Левшина будетъ немедленно переведена на иностранные языки, и что другихъ краяхъ Европы Ученые отдадутъ его трудамъ полную и заслуженную справедливость. *Изд.*

ютъ внутренность юрты отъ пыли и сора. Кибитки простыхъ Киргизовъ обыкновенно дѣлаются изъ войлоковъ *старыхъ*; знатные и богатые употребляютъ для сего бѣлые войлоки; а у нѣкоторыхъ сильныхъ Султановъ, Средней и Большой Орды, юрты бываютъ обшиты краснымъ сукномъ и подбиты шелковыми тканями. Въ противоположность послѣднимъ, самые бѣдные вмѣсто войлоковъ покрываютъ жилища свои рогожами, дерномъ и камышемъ.

Часть кибитки, противолежащую дверямъ, обыкновенно занимаютъ сундуки, покрытые коврами; на нихъ кладутся халаты, шубы и другія одежды; по сторонамъ развѣшиваются сабли, ружья, луки со стрѣлами, сѣдла, конская сбруя, порошницы и разные снаряды; также утиральники или полотенца, чайники, кувшины, шурсуки, (кожаные мѣшки), иногда конченыя лошадиныя ноги и мясо. На полу (разумѣется земляномъ), устланномъ коврами, или войлоками, стоятъ большія чаши, коплы, деревянныя изголовья, на которыя кладутъ подушки, и особаго рода ящики, съ разными украшеніями, въ коихъ держатъ мѣшки, наполненные *кумызомъ*.

Снимая и вновь разбивая таковую кибитку въ полчаса времени, Киргизъ перевозитъ ее лѣтомъ на верблюдѣ туда, гдѣ находитъ для скота своего достаточный кормъ и воду. Слѣдовательно, онъ зависитъ отъ стадъ и табуновъ своихъ болѣе, нежели отъ чего нибудь. Частное и подробное описаніе ихъ скотоводства предложимъ мы послѣ; между тѣмъ должны напередъ сказать, что на семъ занятіи основаны почти всѣ обязанности и общественныя отношенія его, такъ что съ какой стороны ни взглянемъ на него, вездѣ увидимъ въ немъ вооруженнаго пастуха, и найдемъ источникъ большей части какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ его дѣйствій въ охотѣ и привычкѣ къ скотоводству.

Безпрерывные переходы или перекочевки Киргизъ-Козаковъ съ мѣста на мѣсто, нисколько не кажутся имъ тяжелыми; напротивъ они находятъ въ оныхъ одно изъ первыхъ удовольствій, и почитаютъ себя счастливыми, что не привязаны къ землѣ.

Лѣтомъ кочевая жизнь дѣйствительно имѣетъ много пріятностей; но зимою она ужасна. Тогда занесенные со всѣхъ сторонъ снѣжными сугробами и дрожащіе отъ несноснаго холода, жители степей Киргизскихъ почти не выходятъ изъ кибитокъ своихъ, и, сидя безпрестанно у огня (*), съ одной стороны страдаютъ отъ жара, а съ другой въ то же время отъ мороза. Между тѣмъ вѣтръ чрезъ верхнее отверстіе и двери наноситъ къ нимъ охлопья снѣгу и иногда превращаясь въ сильную бурю, опрокидываетъ войлочное жилище со всѣми въ немъ укрывающимися. Между тѣмъ нагія дѣти выползаютъ изъ-подъ войлоковъ, или овчинъ, которыми они обыкновенно бываютъ накрыты, и садясь въ горячую золу, обжигаютъ себѣ руки или ноги, и вопли ихъ раздираютъ слухъ.

Въ защиту отъ всѣхъ бѣдствій и непріятностей зимы, Киргизы стараются проводить оную въ лѣсахъ, въ камышахъ, между буграми, или въ пескахъ южной части степи.

Сказавъ выше, что какъ *зимнія*, такъ и *лѣтнія* кочевья ихъ не могутъ быть ни точно опредѣлены, ни всегда сохраняемы одними жителями, мы прибавимъ однако жъ, что они довольно постоянно возвращаются на первыя. Это потому, что не всегда можно найти необходимыя для зимняго кочевья выгоды, и что въ срединѣ зимы глубокіе снѣга не позволяютъ перемѣнять мѣстъ.

Притомъ, нѣкоторые Киргизы, особенно изъ кочующихъ при границѣ нашей, осенью заготовляютъ сѣно, дѣлаютъ для скота землянки, и городятъ, гдѣ можно, плетни для защиты отъ вѣтра, особенно Сѣвернаго.

Терпя много отъ морозовъ и бурановъ, Киргизъ-Козаки всегда съ восхищеніемъ встрѣчаютъ весну. Большую часть лѣтнихъ дней просыпаютъ, или пьютъ кумызъ, почти не употребляя мяса; а по ночамъ собираются вмѣстѣ, пируютъ и разсказываютъ другъ другу сказки, или слушаютъ музыкантовъ, играющихъ на чибызгѣ, кобызѣ, или балалайкѣ.

Самымъ лучшимъ временемъ года почитается у нихъ осень. Тутъ совершаютъ они отдаленнѣйшія путешествія (*); тутъ бываютъ празднества; тутъ же по большей части производятся и баранты, коимъ тогда способствуетъ темнота ночей и достаточная крѣпость лошадей для выдержанія быстрыхъ и большихъ перегоновъ.

Киргизы рѣдко кочуютъ большимъ числомъ въ одномъ мѣстѣ, ибо стадамъ ихъ иногда бываетъ тѣсно; но составляютъ общества изъ нѣсколькихъ семействъ, связанныхъ родствомъ или взаимными выгодами, и переходя вмѣстѣ съ одного кочевья на другое, не разлучаются безъ особенныхъ причинъ. Таковое подвижное селеніе называютъ они *аулъ*; количество кибитокъ въ ономъ зависитъ отъ случая.

Нѣкоторые живутъ въ Хивѣ, Бухарѣ, Китайскихъ владѣніяхъ, Ташкентѣ, Кокандѣ, и имѣютъ тамъ свои домы, земли, сады (**); но число ихъ очень невелико.

(*) Гдѣ нѣтъ дровъ, тамъ употребляется для огня скотской пометъ.

(*) Замѣтимъ мимоходомъ, что суевѣріе не позволяетъ Киргизу пускаться въ дальнюю дорогу въ изходѣ мѣсяца.

(**) Говорятъ, что въ послѣднихъ годахъ минувшаго XVIII столѣтія, одинъ богатый Киргизъ меньшой Орды Дюрнъ-Карискаго рода, по имени *Кара-Булатъ*, сдѣлалъ на берегу Сыра ма-

ПРОГУЛКА ВЪ СТЕПИ.

(*Посвящается Софіи Николаевнѣ Карамзиной.*)

A horse! a horse! my Kingdom for a horse!

SHAKSPEARE (*Life and death of King Richard III.*)

Мой добрый конь, мой вѣрный конь!
Люблю ноздрей твоихъ огонь
И стань твою и гордый ростъ
И развѣвающійся хвостъ.

Люблю, красавецъ удалой,
Когда ты скачешь подо мной,
И мѣрный стукъ твоихъ копытъ
Одинъ въ глухой степи звучитъ.

Въ забвеньи бурномъ бытія,
Не человѣкъ, не птица я,
Не на землѣ, не въ облакахъ,
Нѣтъ нужды въ крыльяхъ мнѣ, въ ногахъ.

Придавъ мой пылъ къ его огню
Я прикипѣлъ, приросъ къ коню,
Въ одно спаялись въ насъ тѣла:
Кентавра басня въ насъ ожила.

Безъ напряженья, безъ труда,
Куда глаза — и я туда
И разсѣкаю на лету
Зыбей воздушныхъ пустоту.

Далекъ ли, близокъ небосклонъ,
Но скоро мнѣ доступенъ онъ;
И что мелькало впереди
Давно ужъ тонетъ позади.

Синѣетъ степь надъ головой
И степь сѣрѣетъ подо мной:
Гдѣ, кое-гдѣ взовьется пыль
Иль закольшется ковыль.

Нѣтъ, гдѣ бы взору отдохнуть,
Гдѣ бъ мысли якорь свой воткнуть:
Въ безбрежной безднѣ пустоты
Теряются глаза, мечты.

Какъ безглаголенъ вѣтра шумъ,
Таковъ и гулъ невнятныхъ думъ.
Кто ихъ нагналъ? куда онѣ?
Имъ нѣтъ слѣда, какъ въ дикомъ снѣ.

Спросишь меня, я не скажу,
Что на умѣ, на что гляжу.
Однимъ я чувствомъ полонъ весь:
Впередъ! впередъ! и шагъ — будь здѣсь!

Но для чего? гдѣ пристань? цѣль?
Спроси потокъ, спроси мятель:
За чѣмъ кипишь? у тучъ: куда
Бѣгутъ ихъ бурныя стада?

Когда, какъ небо, степь горитъ
Спроси: куда пожаръ валитъ,
У лавы быстраго огня,
А шагъ допрашивай меня.

Но утомился рѣзвый конь,
Но просыпаетъ чувствъ огонь;
Все тише конь, все тише умъ,
Спокойнѣй, плавнѣй стремленье думъ.

И вотъ свободный шагъ коня
Качаетъ сладостно меня,
Какъ легкой качкой челнока,
Когда чуть зыблется рѣка;

Какъ мать заботливой рукой,
Чтобы младенцу далъ покой,
Качаетъ люльку, въ коей онъ
Ей улыбается сквозь сонъ.

Свѣжѣетъ вечеръ, мгла и тѣнь
Въ степи смѣняютъ зной и день:
Ужъ степь небесъ заселена,
Возникли звѣзды и луна.

Какъ въ свѣтлый праздникъ до утра,
Кругомъ ея, какъ вкругъ шатра
Горятъ потѣшные огни:
Какъ радостны въ степи они!

И у меня на тайномъ днѣ,
Въ сердечной, свѣтлой глубинѣ
Зажглися звѣзды чистыхъ думъ
И прояснился свѣжій умъ

Взошла поэзіи звѣзда!
Въ рукѣ ослабли повода
И конь знакомою тропой
Чутьемъ поворотилъ домой.

К. Вяземскій.

ленькое глиняное укрѣпленіе, и внутри онаго построилъ изъ глины же мечеть, возлѣ которой самъ жилъ въ кибиткѣ, посреди многихъ кочевавшихъ съ нимъ родственниковъ и приближенныхъ. Въ укрѣпленіе сіе, названное *Кара-Булатъ тамъ*, т. е. *стѣною Кара-Булата*, и скоро развалившееся, купеческіе караваны заходили покупать съѣстные припасы, и платили владѣльцу за переходъ чрезъ его кочевья небольшую пошлину. Возлѣ укрѣпленія были пашни.

ЗАМѢЧАНІЕ.

На 80 или послѣднюю главу Салическихъ Законовъ.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію сей главы, считаемъ обязанностію сказать: что такое Салическіе Законы, кѣмъ, когда и какъ составлены. Для сего довольно выписать, слово въ слово, заглавіе, подъ коимъ найдена древнѣйшая рукопись сихъ законовъ (*). Вотъ оно:

«Достопочтенной древности золотыя книжки, содержащія въ себѣ Законъ Салическій, Клодовеемъ, Хильдебертомъ и Клотаріемъ, Христолюбивѣйшими Королями, прежде изданныя и напослѣдокъ Карломъ В. исправленныя и умноженныя. Также Законы Бургундовъ, Германцевъ, Саксоновъ, Баваровъ, Рипуаровъ, изъ древнихъ книгъ исправнѣйшіе и полнѣйшіе!»

(Aurei venerandae que antiquitatis libelli Salicam lelegem continentes, a Clodoveo, Childeberto et Clotario Christianiss. Regibus prius editi et postremum a Carolo M. emendati et aucti. Item leges Burgundiorum, Alamannorum, Saxonum, Bajuvariorum, Ripuariorum, ex veteribus libris emendatiores et auctiores.

Далѣе въ предисловіи:

«Изложили Законъ Салическій вельможи народа Франковъ, бывшіе въ то время правителями онаго. Избраны же были для того изъ многихъ четыре мужа: Визогастъ, Бодогастъ, Виндогастъ и Салагастъ, называвшіеся шакъ по мѣстамъ, именуемымъ Салахевъ, Бодохевъ, и Виндохевъ. Они, три раза собираясь на совѣтъ, разыскивая тщательно о всѣхъ началахъ тяжебъ и полавая о каждомъ мнѣнія, постановили слѣдующее. — Тогда же по милости Божіей Клодовей Кудрявый, красный и знаменитый Король Франковъ, первый принялъ православное Крещеніе (**).»

(Dictaverunt Salicam legem proceres ipsius gentis (Francorum) qui tunc temporis apud eadem erant Rectores. Sunt autem electi de plurimis viri quatuor his nominibus; Wisogast, Bodogast, Windogast et Salagast in locis, quibus nomen Salacheve, Budocheve et Windocheve, qui per tres mallos convenientes omnes causarum origines sollicite discurrendo, tractantes de singulis judicium decreverunt hoc modo. — At ibi Deo fauente Clodoveus comatus, et pulcher et inclytus Rex Francorum primus recipit Catholicum baptismum.

(*) Издатель увѣряетъ, что манускриптъ сей писанъ въ 961 году.

(**) Клодовей вступилъ на престолъ въ 481, а Крещеніе принялъ въ 496 году.

Такимъ образомъ, сказавъ коротко, кѣмъ, когда и какъ составлены Салическіе Законы, приступаю къ настоящему предмету. —

Текстъ.

Глава 80.

Слѣдуютъ Хунны.

. . . . . .

2. Виновнаго приговаривать къ платежу 6 Хуннъ, 15 солидовъ.

3. Виновнаго приговаривать къ платежу 7 Хуннъ, 17 солидовъ.

4. Виновнаго приговаривать къ платежу 12 Хуннъ, 30 Солидовъ.

5. Виновнаго приговаривать къ платежу дважды 7, т. е. 14 Хуннъ, 35 солидовъ.

6. Виновнаго приговаривать къ платежу дважды 8, т. е. 16 Хуннъ, 45 солидовъ.

7. Виновнаго приговаривать къ платежу 22 Хуннъ, 62 солидовъ съ половиною.

Titulus LXXX.

Incipiunt Chunnas.

. . . . . .

II. Sexan Chunna, sol. XV culpabilis judicetur.

III. Septan Chunna, sol. XVII culpabilis judicetur.

IV. Thev walt Chunna, sol. XXX culpabilis judicetur.

V. Thve septen Chunna, sol. XXXV culpabilis judicetur.

VI. Thev wenet Chunna, sol. XLV culpabilis judicetur.

VII. Tho to condi weth Chunna, sol. LXII. et dimidio culpabilis judicetur.

Примѣчаніе. Шестый изъ издателей Салическихъ законовъ (*) Эккардъ, и Дюканжъ, Комментаторъ ихъ, переводятъ или называютъ хунну сотнею (отъ hundert), что нѣкоторымъ образомъ съ довольно пашлнутымъ ихъ вычисленіемъ согласно; потому что вездѣ на хунну приходитъ по сту, по ихъ же вычисленію, денаріевъ. Конечно трудно спорить съ ученѣйшими мужами, употребившими цѣлую жизнь на разысканія Исторіи и Древностей своего отечества; но при семъ мнѣніи ихъ, сколько бы оно ни казалось правильнымъ, въ 80 главѣ собственно для слова: хунна, Законодателемъ составленной, и служащей, какъ кажется, объясненіемъ всѣхъ прочихъ частей Салическаго Закона, не будетъ ника-

(*) Законы Салическіе съ 1640 года напечатаны многократно: Сихардомъ, Герольдомъ, Тиліемъ, Линденброгіемъ, Балузіемъ и проч.

(**) Франки начали дѣлать собственные солиды въ 548 году, а собственные ихъ денаріи, покрайней мѣрѣ въ акшахъ, упоминаются еще позже. Солидъ языческаго Царя Теодеміра, неизвѣстно гдѣ хранящійся и относимый къ 415 году, на подлинность свою не имѣетъ никакихъ доказательствъ.

кого смыслу: за что въ 6-ти вышеприведенныхъ статьяхъ присуждаются виновные къ платежу сотень (денаріевъ) и вмѣстѣ солидовъ на такую же цѣну? При томъ самъ Дюканжъ нерѣшительно утверждая, что хунна значитъ сотню, продолжаетъ: надобно, чтобы сіе слово имѣло другое значеніе (necesse est, ut alia sit hujus vocis notio: его точныя слова). Какое же? Мнѣ кажется, что хунна (chunna) Салическая значитъ или значила Славянскую *куну*, въ Руской Правдѣ и въ Русскихъ же древнихъ актахъ упоминаемую, но ни Дюканжу, ни Эккарду неизвѣстную. Весьма ясно, что при первомъ изданіи, т. е. установленіи Салическихъ Законовъ на древнемъ языкѣ Франковъ, нынѣ уже мертвомъ или полумертвомъ, съ обыкновеній или изустныхъ преданій, еще древнѣйшихъ, штрафы полагались хуннами; но при дополненіи и переложеніи тѣхъ Законовъ на языкъ Латинскій, узаконено употреблять вмѣсто хуннъ солиды или денаріи по разсчету. Такимъ образомъ смыслъ LXXX главы выйдетъ весьма простъ и ясенъ, т. е. что вмѣсто прежнихъ шести хуннъ взыскивать по 15 солидовъ, вмѣсто 12 по 30, и вообще вездѣ, вмѣсто хуннъ, взыскивать солиды или денаріи. Изъ самаго начертанія буквъ, коими издатель отличаетъ слово: хунна, замѣтно, что оно принадлежитъ первому Законодателю; но какъ первый Законодатель могъ считать и съ виновныхъ взыскивать сотни денаріевъ, когда ни денаріевъ, ни солидовъ и въ Государствѣ еще не было, да и послѣдній Законодатель, т. е. Карлъ Великій, во многихъ статьяхъ, вмѣсто хунны, по разсчету ставитъ 100 денаріевъ, но нигдѣ не говоритъ: хунна (т. е. сотня) денаріевъ, наприм.

Глава XXVIII. Статья 1. Si quis puerum infra duodecim annorum, non tonsoratum occiserit, XXIIII. M. den. qui faciunt sol. DC. culpabilis judicetur. т. е. Кто убьетъ отрока меньше 12 лѣтъ, не постриженнаго, того приговариватъ къ платежу 24,000 денаріевъ, составляющихъ 600 солидовъ (*).

Глава XLI. Статья 1. Si quis caballum extra consilium domini sui ascenderit, et eum caballauerit, et in alia mente DC den. qui faciunt sol. XV. culpabilis judicetur, et pro eo, qui ascenderit, similiter alios XV solid. solvat. т. е. Если кто сядетъ на чужаго коня безъ воли его господина, и будетъ ѣздить на немъ по внушенію другаго, то приговаривать сего другаго (т. е. наставника) къ платежу 600 денаріевъ, составляющихъ 15 солидовъ, и еще за того, кто садился на чужаго коня, другихъ 15 солидовъ (*). Ни въ древнемъ, ни въ Латинскомъ текстѣ сихъ статей, о хуннахъ ни слова.

Глава XXXII. Статья XVI. Si quis auriculam alteri excusserit, Malb. Chunni Clevra DC denar. qui faciunt sol XV. culpabilis judicetur. т. е. Если кто у другаго оторветъ ухо (можно перевесть еще: кто другаго подеретъ за ушко), то виноватаго приговариватъ къ платежу хунны клевры, 600 денаріевъ, составляющихъ 15 солидовъ. Клевра, по толкованію издателя, значитъ также ухо или ушко, и потому выходитъ смыслъ слѣдующій: за подраніе уха у другаго по древнему закону полагалось ушко хунны, а по новому 600 денар. составляющихъ 15 солидовъ. Тутъ и по собственному толкованію издателя, хунна значитъ не сотню; потому что дѣлится не на денаріи, но на ушки; но мнѣ и ушки кажутся совсѣмъ невѣроятными. Здѣсь слово Клевра должно значить или счетъ хуннамъ, или какое нибудь высокое качество хунны, переводчику столь же мало извѣстные, какъ и самая хунна; слѣдственно хунна прежде замѣняла 100 денаріевъ, но значеніе имѣла, какъ думаетъ Дюканжъ, совсѣмъ иное. Что бы хунна Салическая, съ мнимыми ушками, ни значила; но кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что она съ куною Славянскою имѣетъ произхожденіе общее, и я надѣюсь что примѣчаніе мое любители Руской Исторіи и древностей не почтутъ излишнимъ.

Степанъ Руссовъ.

Декабря 20 дня 1830.

(*) Издатель Законовъ объясняетъ, что здѣсь разумѣть должно постриги волосъ не на головѣ, но усовъ или бороды, потому что у древнихъ Франковъ постриги усовъ дѣлались съ такимъ же торжествомъ, какъ и постриги волосъ на головѣ, и что въ Служебникѣ Папы Григорія (неизвѣстно котораго) находится особая на сей случай молитва. Извѣстіе любопытно; но не понимаю: какіе могли быть усы у отрока моложе 12 лѣтъ, и паче у дѣвицъ, кои, какъ видно изъ 3-й статьи той же самой главы, постригались подобно отрокамъ?

(*) По нынѣшнимъ понятіямъ эта статья, если правильно передана потомству, была бы прелюбодѣяническая: она, уклоняя виноватаго, наказываетъ того, кто научалъ, и кого отыскать почти нѣтъ средства, а между тѣмъ предоставляетъ средства прицѣпиться ко всякому. Но въ Рипуарскихъ законахъ сія статья слово въ слово, какъ въ Руской Правдѣ. XL гл. Рип. Зак. Si quis caballum extra consilium domini sui ascenderit; triginta solidis culpabilis judicetur. Рус. Правды § 15. Аще кто всядетъ на чужь конь не прошавъ, то одна гривна продажи. Германская марка, часто измѣнявшаяся, содержала иногда 26 солидовъ; слѣдственно 30 солидовъ почти равны были Славянской гривнѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Борисъ Годуновъ, и проч.

(*Продолженіе.*)

Борисъ Годуновъ безспорно долженъ стать выше прочихъ произведеній А. С. Пушкина. Поэма *Полтава*

была, такъ сказать, переходомъ нашего Поэта отъ юности къ зрѣлому возрасту, отъ поэзіи воображенія и чувствъ къ поэзіи высшей, въ которой вдохновенное соображеніе всему повелитель, словомъ, отъ Кавказскаго Плѣнника, Бахчисарайскаго Фонтана, Цыгановъ и проч. къ Борису Годунову. Уже въ *Полтавѣ* мыслящихъ читателей поразила эта важная простота, принадлежность зрѣлаго таланта, чуждая безотчетныхъ увлеченій и блестящихъ эффектовъ, но богатая поэзіей истины. Въ прежнихъ поэмахъ Пушкина планъ и характеры едва были начерчены и служили ему посторонними средствами, разнообразившими длинный монологъ, въ коемъ онъ изливалъ свою душу. Въ *Полтавѣ* Поэтъ уже рѣдко выходитъ на сцену и не говоритъ изъ-за кулисъ вмѣсто дѣйствующихъ лицъ; нѣтъ! герои поэмы его живутъ своею, незаимствованною жизнію. И съ Исторіей въ рукѣ никто не уличитъ ихъ въ самозванствѣ! Одна завистливая посредственность бранила сіе произведеніе, какъ вѣроятно будетъ бранить и Бориса Годунова. Но не для нея Поэтъ пишетъ, не ее слушаютъ образованные читатели. Единственный недостатокъ поэмы: *Полтава*, по нашему мнѣнію, заключается въ лирической формѣ. Предметъ сей слѣдовало бы вставить въ драматическую раму. Сколько превосходныхъ сценъ осталось неразвитыхъ, потому только, что Лирическая Поэзія намекаетъ, а не досказываетъ. Петръ Великій, Карлъ XII, Мазепа, старецъ Палей, Кочубей, дочь ихъ, влюбленный Козакъ, Орликъ: вотъ восемь замѣчательныхъ, первостепенныхъ характеровъ, совершенно постигнутыхъ Поэтомъ! Мы готовы утвердительно сказать, что драма: *Полтава*, не уступила бы драмѣ, нами разбираемой. Единство дѣйствія, сіе условіе, предписанное искусству самой природой строго соблюдено Пушкинымъ. Подобно солнцу, силою своею въ порядкѣ управляющему цѣлою системой планетъ, Борисъ Годуновъ до послѣдняго издыханія великимъ умомъ своимъ все держитъ, надъ всѣмъ властвуетъ. Куда Поэтъ ни переносится, вездѣ вліяніе Бориса видимо и только одна смерть его взвела на престолъ Самозванца. Характеръ Бориса, чрезвычайно замапчивый въ самой Исторіи, только въ вяломъ романѣ: *Димитрій Самозванецъ*, выставленный блѣднымъ и безжизненнымъ, не только выдержанъ нашимъ Поэтомъ, но еще какъ будто помощію увеличительнаго стекла придвинутъ къ намъ. Мы видимъ самые тайные изгибы сердца его и вездѣ признаемъ подлинность нами видимаго. Пушкинъ въ минуту восторга, кажется, снова пережилъ всю жизнь этого самовольнаго Эдипа нашей Исторіи и ни одной строкой, ни однимъ словомъ насъ не разочаровываетъ. Вездѣ въ Годуновѣ видишь человѣка великаго, достойнаго царствовать и быть благодѣтелемъ рода человѣческаго, но униженнаго ужаснымъ злодѣяніемъ, которое какъ Фурія его преслѣдуетъ, и на каждое доброе дѣло его накидываетъ покровъ отвратительный. Видя хотя и заслуженныя страданія великаго человѣка, невольно умиляешься, невольно вѣришь, что кара за убіеніе невиннаго Царевича падетъ на одну главу его, и не пронесетъ его невиннаго сына: но за чистую кровь Димитрія небо потребовало чистой жертвы, и намъ, знающимъ судьбу сего семейства, тѣмъ трогательнѣе кажутся сіи послѣднія слова умирающаго Бориса, вотще наставляющаго сына, какъ царствовать:

Умираю;
Обнимемся; прощай, мой сынъ; сей часъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сей часъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ.
Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умерешь
Мнѣ подданнымъ во мракѣ бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ.
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ — а въ Боярахъ
Почтеннаго породой или славой —
Хошь Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси Боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни — можешь
Ихъ отмѣнить; тебя брагословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Запягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская —
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.

Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ; не долженъ Царскій голосъ
На воздухѣ теряться попустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ упонать;
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою —
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель оставшься.

(*Окончаніе въ слѣдующ.* No.)

Теорія Краснорѣчія для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, извлеченная изъ Нѣмецкой Библіотеки Словесныхъ наукъ А.Галичемъ. — С. П. б., въ типогр. Императорской Академіи Наукъ, 1830. (195 стр. въ 8 д. л.).

Въ области наукъ существуетъ два разряда Теорій; одна Теорія извлечена изъ существа природы, силою наблюденія человѣческаго ума; другая извлечена изъ образцовъ человѣческихъ созданій. Первая прочнѣе, ибо основаніемъ ея служитъ сама природа (нравственная и физическая); она менѣе подвержена измѣненіямъ и гораздо проще и малосложнѣе второй Теоріи, составленной изъ мѣлочныхъ наблюденій посредственныхъ умовъ, надъ созданіями геніевъ. Первая Теорія безгранична; она способствуетъ только къ философическому развитію души Художника, избавляя его отъ труда наблюдать надъ тѣмъ, что уже приведено въ правильную систему. При помощи сей Теоріи, геній созрѣваетъ ранѣе — вотъ ея единственная польза. Вторая Теорія противоположна генію, ибо правила ея извлечены не изъ природы, созданной Творцемъ, но изъ твореній, которыя, какъ бы изящны по нашему понятію ни были, не могутъ наложить на другаго генія необходимости подражать имъ; ибо самобытность составляетъ главнѣйшій изъ признаковъ души геніальной.

За то сія вторая Теорія несравненно полезнѣе тѣмъ Художникамъ, которые избрали цѣлью своего поприща — *подражаніе* великимъ Художникамъ. Она развиваетъ предъ ними красоты классическихъ образцовъ и ни мало не стѣсняетъ ихъ воображенія, ибо воображеніе ихъ превзойдено дѣйствительностію сихъ образцовъ. Но въ область сей Теоріи вкралось одно важное злоупотребленіе; а именно: не считать изящнымъ того, что не подходитъ подъ законы сей Теоріи; другими словами: будущее время и настоящее — судятся по законамъ прошедшаго. Вотъ начало споровъ такъ называемыхъ Классицизма и Романтизма, намъ современныхъ.

Теорія Г. Галича собственно не принадлежитъ ни къ той, ни другой; она, если смѣю выразиться: ублюдокъ сихъ Теорій; по нѣкоторымъ понятіямъ, ее можно отнести къ 1й, т. е. *природной* Теоріи, по другимъ — ко второй — т. е. *искуственной* (показавъ выше сего различіе сихъ Теорій, мы не считаемъ нужнымъ пояснять здѣсь сего подраздѣленія). Теорія, такимъ образомъ основанная, не можетъ избѣжать излишнихъ подраздѣленій, служащихъ явнымъ признакомъ всѣхъ теорій, почерпнутыхъ не изъ глубины природы, но изъ наблюденія надъ созданіями знаменитыхъ Художниковъ. Для доказательства приведемъ нѣсколько примѣровъ, дабы не обвинили насъ въ тѣхъ *общихъ* замѣчаніяхъ, которыми отличаются нѣкоторые Аристархи нашего вѣка. Возьмемъ 5-й § изъ Теоріи Г. Галича:

§ 5. «*Грамматикъ*, *Ораторъ* и *Стихотворецъ* (?) — три разныя лица. *Первый* передаетъ — въ *разговорѣ* (почему же непремѣнно въ разговорѣ?) свои мысли и чувствованія, такъ какъ онѣ порождаемы бываютъ въ его душѣ съ одной стороны случаемъ, съ другой — потребностію — быть только понятнымъ. *Второй* — имѣетъ *опредѣленною цѣлію убѣждать* другихъ въ *важной истинѣ* непосредственно *разсудкомъ*; а *третій* — только *нравиться чувству и воображенію пріятными вымыслами*.»

По нашему мнѣнію, сіи подраздѣленія неудовлетворительны и даже вовсе несправедливы. Чѣмъ докажетъ Г. Галичъ, что Поэтъ (или Стихотворецъ, какъ неправильно выразился нашъ Теоретикъ) имѣетъ цѣлію *только* нравиться чувству и воображенію пріятными вымыслами? Какая странная, унизительная цѣль для Поэзіи! на чемъ основано сіе заключеніе? Поэтъ, равно какъ и каждый мыслящій человѣкъ, ищетъ *истины*; иногда онъ отдаляется отъ нея неумышленно — иногда умышленно, удовлетворяя своимъ страстямъ. Но здѣсь не должно смѣшивать нѣкоторыхъ Поэтовъ — съ Поэтомъ въ общемъ смыслѣ сего слова. Ораторъ также не всегда стремится къ истинѣ; иногда умышленно искажаетъ ее — какъ то не разъ случалось во времена Французской революціи. Если сихъ ложныхъ Ораторовъ не считать Ораторами — то зачѣмъ и ложныхъ Поэтовъ называть Поэтами? Вообще подобныя подраздѣленія въ Теоріи, ведутъ къ одной только сбивчивости предметовъ. Въ нашемъ вѣкѣ между Ораторомъ и Поэтомъ нѣтъ разности; и тотъ и другой могутъ равно любить истину и стремиться къ ней; и тотъ и другой имѣютъ право прибѣгать ко всѣмъ орудіямъ краснорѣчія; и тотъ и другой могутъ при-

бѣгать и не прибѣгать къ пріятнымъ вымысламъ, ни мало тѣмъ не затемняя истины; ибо вымыселъ — не значитъ ложь. Истины древнихъ Мудрецовъ переданы намъ въ притчахъ; а притчи суть вымыселъ Поэзіи. Между Поэтомъ и Ораторомъ въ древности было одно различіе, узаконенное употребленіемъ: Ораторъ говорилъ въ народномъ собраніи. Въ нашемъ вѣкѣ Журналисты замѣнили сію роль; они наслѣдники древнихъ Ораторовъ. Въ нашемъ вѣкѣ Демосѳенъ былъ бы однимъ изъ лучшихъ Журналистовъ въ Европѣ; особливо въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ болѣе средствъ выказать свое дарованіе (*).

§ 6) «Въ Ораторѣ предполагается:

«Со стороны *умственной* или *теоретической*: а) проницательный умъ, дабы не руководствоваться темнымъ чувствомъ, а правильно познавать истинное и важное во всемъ томъ, что человѣка наиболѣе занимаетъ; b) богатая, живая и смѣлая фантазія, которая не только чувственные предметы представляла бы предъ глаза, но и отвлеченныя мысли облекала въ свѣтлые образы; c) обширныя свѣдѣнія въ наукахъ, образованіе со стороны искусствъ — изученіе языковъ и проч. (смотр. 3 и 4 стр.). Со стороны *нравственной* или *практической* — живое чувство священнаго сана человѣческаго, пламенная ревность къ частному, особливо же къ общему благу и крѣпкая воля.»

Все сіе нужно для Оратора; но чтобъ убѣдиться въ непрочности сихъ подраздѣленій, мы просимъ читателей вмѣсто Оратора — поставить Поэта, Законодателя, Судью, Историка и проч. Опредѣленіе нимало не измѣнится; въ чемъ же состоитъ отличительный признакъ Оратора? — Или опредѣлите мнѣ разность, или не дѣлайте лишнихъ подраздѣленій. Таковъ законъ Теоріи. Если же Поэтъ есть Ораторъ и Ораторъ — Поэтъ — то зачѣмъ они раздѣлены въ 5-мъ параграфѣ?

Подобныхъ подраздѣленій въ Теоріи Г. Галича очень много; мѣлочныхъ наблюденій, которыя не должны и не могутъ входить въ составъ теоріи, также много; въ подтвержденіе нашего мнѣнія приведемъ еще въ примѣръ § 292.

«Протягивать нѣсколько руку позволяетъ себѣ Ораторъ въ длинныхъ періодахъ, въ которыхъ незамѣтно особеннаго возвышенія. При произнесеніи же мѣстъ богато украшенныхъ, рука широко простирается въ сторону и проч.»

«Всего лучше начинаетъ рука съ лѣвой стороны и опускается къ правой, однако не ударяя,» и проч. и пр. (смотр. 192 и 193 стр.)

Всѣ сіи наблюденія не подлежатъ Теоріи; она должна развивать въ душѣ эстетическое чувство, должна указать на живописную красоту предмета; но издавать правила, какъ двигать рукою или ногою при произнесеніи такого-то слова — невозможно. Подобныя правила всегда бываютъ сбивчивы; молодые ученики, выучивъ ихъ, изъ людей превращаются въ куклы, и правильными движеніями смѣшатъ людей.

Вотъ недостатокъ Теоріи, извлеченной изъ наблюденія надъ твореніями твореній. Вмѣсто цѣлаго — она всегда исчисляетъ только нѣкоторые случаи. Вездѣ болѣе примѣровъ, нежели внутреннихъ убѣжденій, тѣхъ непреложныхъ законовъ, которые существуютъ прежде самого опыта. До сихъ поръ одинъ только Шлегель постигъ тайну Теоріи; онъ одинъ разсматриваетъ свой предметъ независимо отъ вліянія постороннихъ причинъ; не входитъ въ мѣлочныя подробности, ибо *всѣхъ* ихъ нельзя исчислить, а *нѣкоторыя* безполезно, и для чего? Разкройте въ душѣ Художника идею, отъ которой зависятъ сіи подробности — и онъ достигнетъ своей цѣли безъ помощи пустаго предостереженія, и безполезныхъ совѣтовъ, обременительныхъ для его памяти. Дайте ему философическое понятіе о изящномъ, о идеалѣ духовной и физической природы, проистекающемъ отъ несовершенства нашей существенности; покажите ему высокую цѣль, для которой предназначенъ человѣкъ: вотъ въ чемъ состоитъ Теорія изящнаго. До сей поры наши Теоретики болѣе смотрѣли на форму своего предмета, нежели на сущность; вотъ причина, почему многіе изъ Теоретиковъ физически пережили свои Теоріи, которыми они мечтали подарить потомство.

Трилунный.

(*) Если бы и существовала разница между Ораторомъ и Поэтомъ, мое замѣчаніе относительно Теоріи Г. Галича тѣмъ неменѣе будетъ основательно, ибо Г. Галичъ не опредѣлилъ сей разницы; исчисленные имъ признаки принадлежатъ равно и Оратору и Поэту. § 6 служитъ яснымъ доказательствомъ моей Критики.

СМѢСЬ.

Литературная новость. На дняхъ поступили въ продажу: *Сочиненія, переводы и подражанія въ стихахъ, Константина Масальскаго,* съ эпиграфомъ:

Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не за что; такъ какъ-то пѣлось.
(*Крыловъ.*)

Прод. въ книжныхъ магазинахъ Смирдина и Слѣнина. Цѣна 3 р. 20 коп., съ пересылкою 4 руб.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 5-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щеглов.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМЪ III, № 3. ЯНВАРЯ 11го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О Киргизъ-Кайсацкихъ или Киргизъ-Козачьихъ Ордахъ.

(Вторая выписки изъ соч. А. И. Левшина.)

Вѣра и Суевѣрія.

Какой вы вѣры? Спросилъ я однажды двухъ Киргизъ-Козаковъ. «*Не знаемъ*,» отвѣчали они. Отвѣтъ сей услышите отъ большей части ихъ соотечественниковъ. И въ самомъ дѣлѣ трудно рѣшить, что такое Киргизы: Магометане, Манихеяне (*), или язычники!

Всѣ они вообще имѣютъ понятіе о Высочайшемъ Существѣ, сотворившемъ міръ; но одни поклоняются Оному по законамъ Корана; другіе смѣшиваютъ ученіе Исламизма съ остатками древняго идолопоклонства; третьи думаютъ, что кромѣ Божества благаго, пекущагося о счастіи людей, и называемаго ими *Кудай*, есть злой духъ, или *Шайтанъ*, источникъ зла (**). Сверхъ того Киргизы признаютъ существованіе многихъ другихъ духовъ; вѣрятъ колдунамъ, ворожеямъ. Однако же изъ всѣхъ частей сего смѣшенія различныхъ исповѣданій, преимущественно предъ прочими обнаруживается Магометанское (***); и хотя оное совсѣмъ не производитъ въ Козачьихъ Ордахъ того фанатизма, которымъ одушевлены прочіе Мусульмане; но они увѣрены, что люди, не чтущіе ихъ пророка, суть невѣрные (*кафиры*), которыхъ можно мучить и противъ которыхъ должно употреблять оружіе. Киргизы такого мнѣнія не только о Христіанахъ, Ламайцахъ, или народахъ всякаго другаго исповѣданія, но даже о Магометанахъ *Шіитскаго толка*: ибо сами себя причисляютъ къ *Суннитамъ*, или лучше сказать, не понимая сего различія, знаютъ только, что Турки, Татаре, Бухарцы, Хивинцы и другіе сосѣди, одинакаго съ ними вѣроисповѣданія; а Персіянъ и прочихъ учениковъ Али почитаютъ раскольниками. По сей-то причинѣ ни одинъ Суннитъ не можетъ быть рабомъ въ Киргизскихъ Ордахъ; а Шіитъ, Христіанинъ и Калмыкъ, взятый въ плѣнъ, продаются и содержатся одинаково.

Одно изъ главнѣйшихъ правилъ Корана, соблюдаемыхъ Киргизами, есть многоженство. Они весьма усердно слѣдуютъ Оному, когда достатокъ позволяетъ имъ платить за женъ установленный народными обычаями *Калымъ*.

Посты и омовенія, весьма благоразумнаго постановленія Магометова, Киргизы не соблюдаютъ; молятся по пяти разъ на день, находятъ они для себя трудными; мечетей и избранныхъ изъ среди себя Муллъ не имѣютъ. Иногда молитвы читаются стариками въ присутствіи многихъ, стоящихъ около нихъ на колѣняхъ; но по большей части всякой молится, когда и гдѣ хочетъ. Нѣкоторые же совсѣмъ никакихъ обрядовъ религіи не исполняютъ. Число усердныхъ *Мусульманъ* такъ рѣдко въ семъ народѣ, что *Исламизмъ* совсѣмъ бы въ немъ угаснулъ, если бы не поддерживали онаго духовные, часто пріѣзжающіе изъ Бухаріи, Хивы, Туркестана, и Муллы, опредѣляемые Россійскимъ Правительствомъ къ Ханамъ и родона-

(*) *Манесъ*, основатель Манихеизма, признавалъ, что міръ управляется двумя равносильными началами: *добрымъ* и *злымъ*.

(**) *Шайтанъ*, *Сатанъ* (у Евреевъ), *Ариманъ* (у Маговъ) и Эвлисъ (у Магометанъ), есть одно и то же.

(***) Неизвѣстно, когда сдѣлалась Магометанская религія общею у Киргизовъ; но знаемъ, что Кучумъ, послѣдній Ханъ Сибирскій, пришелъ въ Сибирь изъ Козачьей орды и утвердившись на престолѣ, тотчасъ началъ обращать новыхъ подданныхъ своихъ въ вѣру Магометанскую, которую самъ исповѣдывалъ, и для распространенія которой отецъ его *Муртаза* прислалъ ему Ахума и множество Муллъ. Произшествіе сіе случилось, какъ всѣмъ извѣстно, въ половинѣ XVI-го столѣтія. Смотр. Сибир. Исторію Фишера, Введеніе § 86, 87 и проч.

чальникамъ, для исправленія при нихъ должности письмоводителей. Сильные Султаны сами нанимаютъ такихъ секретарей, и они, будучи единственными толкователями Корана, заключающаго въ себѣ и гражданскіе законы, дѣлаются судьями и совѣтниками правителей народныхъ. *Хаджи*, т. е. посѣтившіе Мекку и подобные имъ святоши, объѣзжая Орды Киргискія, обогащаются въ нихъ совершеніемъ богослуженія, гаданіемъ по Алкорану, предсказаніями и продажею талисмановъ, или писанныхъ молитвъ, которыя, какъ сказали мы выше, пришиваются въ сумочкахъ къ плашю и по суевѣрному мнѣнію Киргизъ-Козаковъ, дѣлаютъ ихъ непобѣдимыми, сохраняютъ отъ ранъ и нападеній, удерживаютъ на предпринятомъ пути, не позволяютъ сбиваться съ онаго, и избавляютъ отъ всякихъ золъ.

Едва ли кто нибудь изъ Киргизъ-Козаковъ былъ въ Меккѣ; но они почитаютъ Туркестанъ святымъ мѣстомъ, и многіе изъ нихъ, особливо изъ кочующихъ близъ сего города, ѣздятъ въ оный для поклоненія гробу Святаго Кара-Ахмета Ходжи, чрезвычайно ими уважаемаго. Кромѣ сего, по ихъ мнѣнію, многія могилы, въ степяхъ существующія, скрываютъ въ себѣ останки святыхъ (авліо). Они ѣздятъ имъ поклоняться, читаютъ надъ ними молитвы, призываютъ ихъ, приносятъ имъ въ жертву скотъ, который тутъ же сами съѣдаютъ, и привязываютъ къ правѣ, кустарникамъ, или вбитымъ въ землю кольямъ лоскутья, волосы и лепты (*), полагая, что души святыя обитаютъ надъ своими шѣлами *въ мѣстахъ счастливыхъ*, и что онѣ низходятъ на гробы свои при воззваніи къ нимъ. Равнымъ образомъ думаютъ, что и души всѣхъ прочихъ покойниковъ во время поминовенія сходятъ на землю со звѣздъ, гдѣ пребываютъ онѣ, и гдѣ, смотря по роду жизни своей, онѣ находятся у духовъ добрыхъ, или злыхъ; что, Киргизы полагаютъ, также каждый день зависитъ отъ особой звѣзды, счастливой или несчастной; и отъ того они раздѣляютъ дни на благополучные и злосчастные.

Для умилостивленія злаго духа читаютъ молитвы, приносятъ ему жертвы, разкидываютъ оныя на всѣ стороны и потомъ, протягивая руки къ верху, заклинаютъ его быть снизходительнымъ.

Усопшему, для полученія мѣста въ Киргизскихъ Святцахъ, иногда бываетъ довольно того, чтобы надъ прахомъ его выросло какое нибудь большое дерево.

Между Киргизами являются и полусвятые, или юродивые, которые, не имѣя пропитанія, одѣваются въ изорванныя рубища, ходятъ изъ одного аула въ другой, поютъ пронзительнымъ голосомъ молитвы, представляютъ изъ себя вдохновенныхъ, дѣлаютъ предсказанія и достигаютъ своей цѣли, то есть, поправляютъ свое состояніе, или покрайней мѣрѣ получаютъ нужное содержаніе. Нѣкоторые еще далѣе простираютъ свои желанія, и, являясь подъ названіемъ пророковъ, собираютъ многочисленныя толпы послѣдователей. Такого рода люди показывались неразъ, и послѣдній изъ нихъ проповѣдывалъ въ Средней Ордѣ въ 1821 году; но недолго. Ни одинъ изъ сихъ проповѣдниковъ не выдалъ однако жъ новаго ученія, и не оставилъ послѣ себя учениковъ.

Дабы имѣть самое убѣдительное доказательство суевѣрія почти всѣхъ Киргизовъ вообще и плутовства немногихъ, пользующихся онымъ, опишемъ ихъ колдуновъ и гадателей, которымъ приписываютъ они силу не только узнавать прошедшее, настоящее и будущее, но производить холодъ, жаръ, бури, громъ, вѣтры, дождь, снѣгъ; излечивать всякаго рода больныхъ; отвращать грозящія бѣдствія; и все чрезъ знакомство съ духами.

Колдуны и гадатели раздѣляются на нѣсколько родовъ.

Многочисленнѣйшіе называются *Джаурунчи* или *Яурунчи*; они гадаютъ по баранымъ костямъ, которыя сначала очищаютъ отъ мяса, потомъ кладутъ въ огонь и жгутъ до тѣхъ поръ, пока онѣ обгорятъ и изпрескаются. Въ трещинахъ, такимъ образомъ произведенныхъ, видятъ они все на свѣтѣ; по нимъ разсказываютъ прошедшее и предвѣщаютъ будущее. Капитанъ Рычковъ, о которомъ говорено въ этомъ сочиненіи, описываетъ любопытное гаданіе одного Яурунчи, происходившее при немъ у Хана Нурали, когда сей послѣдній пожелалъ знать: гдѣ находились Калмыки, бѣжавшіе изъ Россіи, и догонятъ ли ихъ посланное за ними войско наше? Вотъ его слова:

«По мнѣнію сего гадателя, все предбудущее изобра-
«жалось нѣкіими чертами на сожженной лопаткѣ; а
«потому разсмотрѣвъ ее съ задумчивостію и внима-
«ніемъ, повѣдалъ стоящимъ вокругъ него нижеслѣдую-
«щее: что въ полудни прошедшаго дня соединился съ
«Калмыками нѣкій невидимый духъ, именуемый *Аврях*.
«Онъ только возжегъ въ народѣ великую робость и
«смущеніе пришествіемъ Россійскихъ войскъ: но въ
«полудни сего дня достигъ до нихъ другой *Аврахъ*, ко-
«торый произвелъ въ нихъ еще больше страху нѣкіи-
«ми ужасными предзнаменованіями, пріемлемыми ими за
«знаки предстоящей имъ погибели. Наконецъ вся судь-
«бина ихъ должна зависѣть отъ третьяго *Авраха*,
«который, если придетъ къ нимъ на другой день послѣ
«пришествія послѣдняго, то будетъ онъ спасителемъ
«ихъ отъ напасти ожидаемой, которая приводитъ въ
«ужасъ весь народъ. Въ семъ состояло предвѣщаніе
«гадателя, кое всѣ Киргизы, не исключая и самого

(*) *Пококъ* [въ Specimen Hist. Arabum] пишетъ, что Магометане, приходящіе на поклоненіе въ Мекку, совершаютъ почти такія же жертвоприношенія.

«Хана, почитали истиннымъ пророчествомъ. Легко «предвидѣть можно, что онъ самъ предсказаніемъ ша- «кимъ, имѣющимъ двоякое толкованіе, всегда соблю- «даетъ народное почтеніе и вѣру: ибо если бы под- «линно случилось съ Калмыками какое-либо несчастіе, «слова перваго предсказанія показали сіе событіе: но «когда случилось бы тому совсѣмъ противное, то онъ «напомнилъ бы своимъ суевѣрамъ, что они спасены «отъ напасти пришествіемъ третьяго Авряха.»

Если Дельфійскій Оракулъ могъ давать подобные отвѣты Грекамъ: то мудрено ли, что и Джаурунчи пользуются довѣріемъ Киргизовъ? Нѣсколько Султановъ клялись мнѣ, что таковый прорицатель, бывшій у Хана Меньшой Орды Джангюри, предъ смертію его, говорилъ ему, глядя на горящую кость баранью, что убійцы его ѣдутъ; назначалъ разстояніе, въ которомъ они находятся; опредѣлялъ часъ, въ которой лишится онъ жизни; и что будто бы все сіе исполнилось по словамъ симъ съ величайшею точностію. Ханъ смѣялся надъ предсказаніемъ; но въ минуту смерти раскаялся, и тѣмъ еще болѣе утвердилъ свидѣтелей сего произшествія въ спаромъ ихъ предразсудкѣ (*).

Ралчи, составляющіе второй классъ прорицателей, гадаютъ по цвѣту пламени, которымъ горитъ баранье сало, бросаемое ими въ огонь; при семъ читаютъ они молитвы и призываютъ духовъ.

Джулдузчи суть Астрологи, предсказывающіе и гадающіе по звѣздамъ, въ которыхъ живутъ знакомые имъ духи (**).

Всѣхъ забавнѣе и вмѣстѣ страшнѣе *Баксы* или *Бахчи*, очень похожіе на Сибирскихъ Шамановъ. Одѣяніе ихъ бываетъ иногда обыкновенное длинное, иногда же коротное, или изорванное рубище, одною наружностію своею уже дѣйствующее на зрителей ихъ траги-комическихъ представленій. Образъ прорицанія ихъ то же не всегда одинаковъ. *Баксъ*, котораго мнѣ случилось видѣть, вошелъ въ кибитку самымъ тихимъ шагомъ, съ потупленными глазами, съ важнымъ лицемъ, и въ рубищѣ. Взявъ въ руки *кобызъ*, составляющій подобіе гудка, сѣлъ онъ на коверъ, заигралъ, запѣлъ и началъ тихо качаться, а потомъ дѣлать разныя тѣлодвиженія. Съ возвышеніемъ голоса, ускорялись и становились труднѣе его кривлянья. Онъ бился, вертѣлся, вытягивался и сгибался, какъ пенсіовный; потъ лилъ съ него градомъ, пѣна клубилась изо рта. Бросивъ кобызъ, вскочилъ онъ, вспрыгнулъ, запрясъ головою, спалъ кричать пронзительнымъ голосомъ и созывать духовъ, то маня ихъ къ себѣ руками, то отмахивая отъ себя тѣхъ, которые были ему ненужны. Наконецъ, выбившись изъ силъ, съ лицемъ блѣднымъ, съ глазами налившимися кровью, бросился онъ на коверъ, испустилъ дикій крикъ, и умолкъ, какъ мертвый. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, привставъ, озирался онъ на всѣ стороны, какъ будто не зная, гдѣ онъ, прочелъ молитву, и началъ предсказывать, основываясь, какъ говорилъ, на бывшемъ ему иногда видѣніи.

(*) Точно также гадалъ на бараньихъ костяхъ Мангу-Ханъ, внукъ Чингиса, когда былъ у него Рубриквисъ. Смотр. Описаніе его путешествія, глава 37.

(**) Астрологическія гаданія запрещены Кораномъ; не взирая на то, не только Киргизъ-Козаки, но самъ Султанъ Турецкій прибѣгаетъ къ онымъ въ важныхъ случаяхъ и торжественнымъ образомъ. См. Оссона Tabl. gén. tom. 1.

Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1820 года (книжка 6) помѣщено любопытное описаніе Киргизскаго чародѣя другаго рода. Выпишемъ оное.

«Онъ былъ Ташкентецъ степеннаго вида, имѣлъ на голо- «вѣ чалму, подобно Ходжѣ или Муллѣ; а на себѣ бѣлое по- «лосатое длинное платье, подпоясанное бѣлымъ же ку- «шакомъ; въ рукахъ держалъ онъ высокой костыль, «оправленный мѣдью, убранный разноцвѣтными камня- «ми и обвитый проволокою, съ привязанными къ нему «тремя долгими и широкими значками, одинъ изъ бѣ- «лой ткани и двумя изъ шелковой. Онъ сѣлъ на скамью «по срединѣ юрты, читалъ молитвы и призывалъ по «именамъ почитаемыхъ Магометами угодниковъ, назна- «чалъ каждому изъ нихъ занятіе, которые будто бы къ «нему и предстали; при чемъ чувствовалъ онъ великое «восхищеніе и вмѣстѣ досаду, что одинъ злой духъ пре- «пятствовалъ ему слышать ихъ откровеніе. Для про- «гнанія сего, принужденъ онъ былъ соскочить съ своего «мѣста, бѣгалъ съ костылемъ по юртѣ, даже выско- «чилъ изъ оной вонъ, сѣлъ на осѣдланную лошадь и у- «скакалъ въ поле болѣе четверти версты; но возвра- «тѣ же оттуда повертывался, сидя на лошади, нѣ- «сколько разъ на всѣ стороны, размахивалъ костылемъ «и вошелъ въ юрту съ спокойнымъ духомъ, радуяся, «что прогналъ своего непріятеля. Тамъ сѣлъ по преж- «нему на скамью и съ особеннымъ благоговѣніемъ при- «зывалъ своихъ угодниковъ; а спустя нѣсколько време- «мени, впалъ въ нѣкоторое безпамятство, повалился «на землю и производилъ столь сильныя движенія, что «четыре человѣка едва могли его держать. Наконецъ «чрезъ 10 минутъ успокоился, пришелъ въ совершен- «ное чувство и на вопросы присутствующихъ, переска- «зывалъ сдѣланныя ему откровенія. Онъ говорилъ «имъ, что текущій годъ окончится благополучно безъ «войны и всякихъ другихъ несчастій для народа, сло- «вомъ, все обѣщалъ, что только могло ихъ утѣшать, «или питать пріятною надеждою.«

Въ Большой Ордѣ, Баксы наряжаются въ бѣлые саваны, садятся на бѣлыхъ лошадей и скачутъ по полямъ, какъ бѣснующіеся.

Палласъ говоритъ еще объ одномъ родѣ Киргизскихъ чародѣевъ, которыхъ называетъ онъ *Джаадугаръ*, и

кои приписываютъ себѣ искуство обворожать плѣнныхъ такъ, что они въ побѣгѣ непремѣнно должны сбиться съ дороги. Для сего вырываютъ у нихъ волосы, сыплютъ имъ на языкъ золу, велятъ отступать на три шага назадъ и проч.

Есть кромѣ того у Киргизовъ другіе способы ворожить и колдовать, которые однако жь мало разнятся отъ вышеписанныхъ. Не входя въ подробности, скажемъ вообще, что многіе изъ занимающихся симъ ремесломъ дѣйствуютъ не одними кривляньями, но имѣютъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ Бошаникѣ и Химіи. Искуснѣйшіе изъ нихъ, какъ говорятъ, безвредно ходятъ голыми ногами по разкаленному желѣзу, стоятъ на остирыхъ сабляхъ и горящихъ угольяхъ, глотаютъ ножи, плети и впускаютъ въ горло сабли.

Колдовство и обманъ составляютъ не только часть религіи Киргизъ-Козаковъ, но и главнѣйшую часть Медицины ихъ: ибо они прибѣгаютъ къ онымъ въ самыхъ опасныхъ болѣзняхъ.

Баксъ лечитъ слѣдующимъ образомъ:

Сначала садится онъ противъ больнаго, играетъ на кобызѣ, поетъ, кричитъ дикимъ гологомъ, бѣснуется и дѣлаетъ разныя вышеописанныя кривлянья; потомъ вскакиваетъ съ мѣста, читаетъ безсмысленныя рѣчи, береть плеть и бьетъ оною страждущаго, въ надеждѣ изгнать изъ него всѣхъ нечистыхъ духовъ, производящихъ болѣзнь; наконецъ, лижетъ его языкомъ, кусаетъ до крови зубами, плюетъ ему въ глаза, и схватывая ножъ, бросается на него, будто съ намѣреніемъ зарѣзать.

Таковое леченіе иногда сопровождается разными другими, столь же смѣшными обрядами, и продолжается 9 дней. Нѣкоторые Медики увѣряютъ, что оно, не взирая на всю его странность, можетъ быть полезно въ болѣзняхъ, отъ раздраженія происходящихъ.

Другаго рода Киргизскіе обманщики, называющіе себя лекарями, имѣютъ еще иныя средства для легковѣрныхъ. Они разводятъ огонь, разкаляютъ въ ономъ желѣзо, и топятъ баранье сало; потомъ, соединясь съ предстоящими зрителями, и давъ каждому изъ нихъ по зажженной свѣчѣ въ руку, дѣлаютъ торжественные ходы, и носятъ около больнаго или при чаши съ горящими свѣчами, наполненныя всякою всячиною, или разтянутыхъ козъ и овецъ, коими толкаютъ больнаго 9 разъ, и которыхъ кожи предоставляются въ пользу врача.

Иногда вмѣсто Баксовъ лечатъ Муллы. Сіи послѣдніе, для изгнанія болѣзней и нечистыхъ духовъ, употребляютъ только чтеніе Алкорана и нѣкоторыхъ безсмысленныхъ молитвъ, во время которыхъ дуютъ и плюютъ въ глаза больному (*). Вѣра, или суевѣріе, занимая мѣсто искуства, дѣлаетъ и сей третій способъ леченія иногда дѣйствительнымъ. Подобные примѣры встрѣчаемъ у многихъ просвѣщенныхъ народовъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, больные Киргизы призываютъ съ себѣ на помощь въ одно время и Муллъ и Баксовъ, и разныхъ другихъ обманщиковъ. Первые не мѣшаютъ вторымъ, послѣдніе живутъ въ согласіи съ тѣми и другими. Всѣ дѣйствующіе въ таковыхъ собраніяхъ имѣютъ одну цѣль: получить плату за труды; а потому всякой отправляетъ свое ремесло безъ раздоровъ.

Невѣжество, суевѣріе и обманъ всегда подаютъ другъ другу помощь и вездѣ, хотя въ разныхъ видахъ, но соединенными силами угнетаютъ родъ человѣческій.

(*) Не безполезно замѣтить, что во всякихъ сихъ суевѣрныхъ обрядахъ Киргизы строго наблюдаютъ числа 3 и 9, наприм. 9 дней леченія, 3 чаши, 9 овецъ, 3 значка у Баксовъ и проч.

З И М А.

Поля покрылися пушистыми снѣгами,
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Какъ будто крадется невидимой слезой
Отъ утра позднаго до ранней тьмы ночной.
Прощайте, осени разгульныя забавы!
Прощай, призывный рогъ въ безмолвіи дубравы,
И легкій скокъ коня по доламъ и горамъ
И звучная гоньба по утреннимъ зарямъ!
Когда пройдетъ зима? когда увидимъ снова
Веселый цвѣтъ луговъ и поля озимнова,
Лѣса, согрѣтые дыханіемъ весны,
И синеву небесъ надъ зеркаломъ волны?
Вотще, исполненый невольнаго томленья,
Чтобъ разогнать тоску и скуку заточенья,
Гляжу въ замерзшее и тусклое окно:
Вокругъ все холодно и мертво и темно!
Вдали шумитъ мятель и на землѣ печальной
Разкинутъ бѣлый снѣгъ, какъ саванъ погребальный;
Вокругъ все холодно; но что жь? Въ груди моей
Теплѣе кровь бѣжитъ и взоръ души свѣтлѣй.
Мечта проснулася: и чудныя видѣнья
Рисуетъ предо мной игра воображенья.
Мнѣ помнятся края, гдѣ, пущникъ молодой,
Я съ мирнымъ посохомъ и пылкою душой
Бродилъ среди картинъ и прелестей природы.
Скалы Швейцаріи, и пастыри народы,
И роскошь Франціи, и ты, страна чудесъ
И пламенныхъ искуствъ и радужныхъ небесъ,
Страна Ишаліи, гдѣ лугъ и лѣсъ и волны
И дикихъ горъ верхи, воспорговъ сладкихъ полны!

Мнѣ бишвы помнятся, гусаровъ шумный станъ,
Блестящей сабли взмахъ, погибель Мусульманъ,
Марицы свѣтлый токъ, Эдырне горделивый,
И стройный минаретъ въ пустынѣ молчаливой.
Но чаще помню я, забывши внѣшній міръ,
На лонѣ юности мой беззаботный пиръ,
Надежды смѣлыя, веселыя мечтанья,
Давно увядшіе цвѣты существованья;
И брата и Пѣвца, любимца чистыхъ Музъ,
И смертью ранею разорванный союзъ.
И съ памятью утратъ и прежнихъ наслажденій
Бѣгутъ потоки слезъ, стиховъ и вдохновеній.

А. Хомяковъ.

О НАЧАЛѢ ТЕАТРА ВЪ ПАПСКОМЪ РИМѢ.

(*Отрывокъ изъ письма къ* N. N.)

Спектакли, теперь ежедневно посѣщаемые здѣшними жителями и занимающіе одно изъ первыхъ мѣстъ въ описаніи обыкновенной жизни Итальянцевъ, въ Римѣ установлены неболѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ. Здѣшнее Правительство, даже и теперь, ихъ только сноситъ, какъ проспительный грѣхъ или какъ позволительную человѣческую слабость. До послѣднихъ десятилѣтій минувшаго вѣка, разныя народныя зрѣлища, какъ то: бой быковъ, бѣгъ наѣздниковъ, пѣшихъ, лошадей, замѣняли въ Римѣ недостатокъ Театра. Эти игры имѣютъ свое начало въ глубокой древности, равно какъ и кукольныя представленія (burattini (*), которыя такъ много забавляютъ народъ Италіи. Папа Пій VI (избранный въ 1775 году) былъ неменѣе другихъ противникомъ публичныхъ спектаклей; при его возшествіи на престолъ, бывалъ только благородный театръ въ домѣ нѣкоторыхъ вельможъ, и то во время карнавала. Не смотря на то, драматическая Литература, особенно комедія и опера, процвѣтали тогда въ Италіи: мы видимъ остроумнаго Гольдони и его соперника Гоцци, въ Венеціи; Фругони и Альбергати, въ Пармѣ; Федерици, въ Туринѣ. Стройныя арфы Іомелли, Перголези и Галуппи, а скоро потомъ Чимарозы и Паизіелла, гремѣли на театрахъ Венеціи и Неаполя, между тѣмъ какъ Праги, Сарти и тотъ же Паизіелло плѣняли своими гармоническими звуками жителей береговъ Невскихъ. Однако трагедія, по смерти Маффеи, Автора извѣстной *Меропы*, была въ Италіи въ несчастномъ положеніи. Римлянинъ Метастазіо хотѣлъ пособить этому недостатку и написалъ лирическія драмы; но онъ долженъ былъ оставить свой городъ и уѣхать въ Неаполь, а потомъ въ Вѣну (гдѣ былъ придворнымъ Поэтомъ), чтобы увидѣть труды свои на сценѣ. Нѣсколько лѣтъ послѣ, Альфіери пріѣхалъ въ Римъ и поднесъ Папѣ свои четыре первыя трагедіи. Пій VI позволилъ ихъ представленіе въ одномъ партикулярномъ домѣ; однако слѣдствіемъ этой милости еще не было совершенное основаніе театра въ Римѣ. Наконецъ, послѣ усильныхъ просьбъ Дворянства, Папа согласился на то, чтобъ дѣти средняго сословія играли дѣтскія же комедіи, уже не въ шумное время карнавала и на такомъ театрѣ, при входѣ котораго раздавались билеты. Это было важное нововведеніе; въ самомъ дѣлѣ, il n'y a que le premier pas qui coûte. Театръ былъ всегда полонъ и содержатели онаго разбогатѣли. Они, чтобъ заманить еще болѣе публику, иногда приглашали отличныхъ пѣвцевъ Папской дворцовой церкви, которые между дѣйствіями комедіи пѣли арію или дуэтъ, что всего болѣе и болѣе увеличивало число зрителей. Первый герой сихъ музыкальныхъ антрактовъ былъ славный пѣвецъ Мази, который, не смотря на свою подагру, надѣлъ латы и шлемъ въ удовольствіе публикѣ; объ немъ еще и теперь говоритъ преданіе. Между тѣмъ дѣти росли и скоро принуждены были сойти со сцены; но публикѣ такъ понравился театръ, что съ нетерпѣньемъ она ожидала и требовала новой труппы. Явились спекулаторы: они обѣщались призвать въ Римъ отличныхъ актёровъ и поставить на сцену лучшія оперы и комедіи. Эта новость восхитила здѣшнихъ жителей, переговоры начались, и никто не думалъ о предстоявшихъ трудностяхъ. Призванные Артисты находились уже въ Римѣ; но не было большой надежды на успѣхъ: ибо Папа былъ все такжe строгъ и даже очень разсердился, когда узналъ, что въ его столицу пріѣхала труппа Актёровъ. Поспѣшили его успокоить, говоря, что это, какъ и прежде, невинное собраніе дѣтей, желающихъ позабавить себя и другихъ. Папа замолкъ и представленія возобновились. Первый вечеръ былъ скоро назначенъ; многочисленная толпа валила въ театръ и общая радость всѣхъ одушевляла. — Взвился занавѣсъ .... и къ чрезвычайному удовольствію публики, вмѣсто неопытныхъ дѣтей, лучшіе пѣвицы и пѣвцы Италіи передъ нею блеснули. Однимъ словомъ, была представлена великолѣпная опера. Восторгъ былъ на высшей степени. Но вы, можетъ быть, скажете, что воля Папы была этимъ нарушена? — Нимало. По окончаніи оперы, трое дѣтей вышли на аван-сцену: одинъ изъ сихъ Актёровъ представлялъ отца, другіе двухъ любовниковъ; добрый отецъ только что вышелъ, сказалъ: « Ну, такъ и быть, друзья мои, вы другъ друга «любите, будьте же счастливы и живите согласно.»

(*) Древнія Fabulae Atellanae особенно славились въ городѣ *Ателло*, нынѣшнемъ *Аверсо*, послѣдней станціи на дорогѣ изъ Рима въ Неаполь.

Любовники обнялись, поклонились публикѣ и снова занавѣсъ опустился. Каково? Согласитесь, что *импрезаріо* (*) былъ хитеръ. Ту же церемонію повторяли всякой вечеръ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Наконецъ Театръ здѣсь пріобрѣлъ какое-то право гражданства, а Правительство, по необходимости, сначала позабыло объ немъ; вспомнивъ, его позволило, и теперь иногда пособляетъ неважными суммами бѣднымъ импрезаріямъ.

Кн. А. *Волконской.*

НОВЫЕ РУСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

Есть что-то обольстительное въ словахъ: *Новый годъ*; они манятъ какою-то неясною, безотчетною надеждой; по сія надежда радуетъ насъ, и мы съ довѣріемъ ждемъ чего-то лучшаго отъ Новаго года. Уже въ концѣ дряхлѣющаго года видимъ мы несбыточность нашихъ упованій, видимъ ничтожность обманчивыхъ призраковъ, улыбавшихся намъ издали своею коварною усмѣшкой.... И что же? Новый годъ снова бросаетъ намъ въ глаза блестящую пыль, сквозь которую новые свѣтлые призраки опять завлекаютъ вдаль наше воображеніе, подобно болотнымъ огонькамъ, сулящимъ въ отдаленіи пріятный почлегъ довѣрчивому путнику и нерѣдко заманивающимъ его въ топкую тину.

Съ Новымъ годомъ, все обворожаетъ насъ какою-то яркой пестротою: и шумъ, и веселое волненіе, и упренія личины, и вечернія маски; и новогодніе подарки, ломкіе, крашковременные, но правящіеся намъ своею новизною; и это разнообразіе визитныхъ карточекъ, представляющее намъ множество именъ толпою лицъ, ласково намъ улыбающихся... Наконецъ, и первые NNo *новыхъ Журналовъ*, въ которыхъ мы заранѣе обѣщаемъ себѣ много новаго, занимательнаго и хорошаго. Но прошло двое, трое сутокъ — и очарованіе изчезаетъ: праздничное движеніе пріутихло, обновы и подарки приглядѣлись; визитныя карточки наскучили намъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же именъ, и мы высылаемъ ихъ изъ гостиной, какъ нагаго посѣтителя, надоѣвшаго намъ своею пустотою. А новые Журналы? Мы уже прочли ихъ, или только пробѣжали; во всѣхъ нашли мы *старую погудку на новый ладъ*, часто даже и *старую погудку на старый ладъ*. Рѣдко, очень рѣдко вниманіе наше останавливалось на какой-либо заманчивой статьѣ, на хорошемъ стихотвореніи, на свѣжей и умной мысли; но это истинная роскошь, а въ нашъ разсчетливый вѣкъ, кажется, хотятъ насъ пріучить къ воздержности даже и въ лакомствахъ ума и вкуса.

Нынѣшній Новый годъ сулилъ намъ чрезвычайное разнообразіе въ умственной пищѣ: намъ обѣщали *четырнадцать* новыхъ Журналовъ! Такая прибавка была бы значительною не только у насъ, но въ Англіи, Франціи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ всегда бываетъ урожай на Журналы. Нѣкоторые изъ новыхъ Журналовъ уже явились на бѣлый свѣтъ; нѣкоторые изъ старыхъ отошли къ вѣчному покою; иные переродились и переименовались, иные съ новымъ усиліемъ начали плодиться, множиться и наполнять землю. Помянемъ усопшихъ, поговоримъ о новорожденныхъ и отдадимъ каждому свое.

Аѳней, обѣщавшій, казалось, прожить долгія лѣта, не выдержалъ припадковъ мороваго повѣтрія, постигшаго Московскіе Журналы. Не должно поминать лихомъ сего покойника; у него, можетъ быть, намѣренія были самыя добрыя: жаль, что отъ намѣренія до выполненія *не одинъ только шагъ*. И щедушная бабочка *Галатея*, выглядывавшая въ послѣднее время своего эфемернаго существованія какимъ-то жалкимъ осталомъ изъ-за картинокъ модъ, перешла изъ бытія къ небытію отъ одного прикосновенія плетворной руки. Сею же губительною рукою разрушенъ и *Магазинъ Натуральной Исторіи*, и *Вѣстникъ Европы*, который могъ бы обновиться въ силахъ и пережить хроническіе недуги, отъ коихъ не уберегли его въ послѣдніе годы жизни. Пожилой сей Вѣстникъ еще бы наслаждался здоровою и умною старостію, когда бы какой нибудь опытный врачъ взялъ его на свое попеченіе, смѣнивъ закоснѣлыхъ поборниковъ выжившей изъ вѣка Салернской школы. Но, видно, такъ судьбы хотѣли! Посвятимъ же чистосердечный вздохъ покойнику, вспомнивъ хотя прежнія его, важныя заслуги, особливо цвѣтущую, полную жизни его юность, и нѣсколько прекрасныхъ лѣтъ его возмужалости. И Журналъ *Историческій*, *Статическій* и пр., украшенный долготою дней, скончался въ малѣ!... Миръ имъ! Не станемъ долѣе тревожить ихъ безмолвнаго спокойствія, ни возметать могильной пыли, подъ коей они

.....сномъ непробуднымъ опять!

Посѣтуемъ о ранней кончинѣ *Московскаго Вѣстника* и скажемъ ему покрайней мѣрѣ долгую память. Сей Вѣстникъ хотя порою и заблуждался по человѣчески; но мы помнимъ, что *ошибки суть свойственны человѣку:* направленіе М. В. было хорошее, а многія частныя черты его недолговѣчной жизни останутся въ воспоминаніяхъ современниковъ. Словомъ: онъ былъ однимъ изъ лучшихъ Рускихъ Журналовъ и все сулило ему жизнь не столь скоротечную.

Въ Петербургѣ одинъ только Журналъ былъ увлеченъ симъ рушительнымъ потокомъ: *Отечественныя*

(*) Т. е. предпринимателя.

Записки вписались въ число усопшихъ. Помянемъ ихъ за нѣкоторые матеріялы, относящіеся къ Исторіи Руской!

Соверша тризну надъ усопшими, полюбуемся, глядя на уцѣлѣвшихъ и потучнѣвшихъ, и обозначимъ слегка примѣты новорожденныхъ и перерожденныхъ. *Изд.*

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

АЛЬМАНАХИ НА 1831 ГОДЪ.

Альціона, Альманахъ на 1831 годъ, изданъ Барономъ Розеномъ. — С. П. б. въ типогр. Плюшара, 1831. (223—91 стр. въ 16 д. л. (*).

Изъ семи статей въ прозѣ, помѣщенныхъ въ этомъ Альманахѣ, отдадимъ мы преимущество тремъ, и первое мѣсто между сими тремя долженъ занять *Сонъ*, соч. Ѳ. Н. Глинки, по новости вымысла и по живости разсказа, заставляющей вѣрить невѣроятному. Мысль совершенно новая: вышедшіе изъ могилъ оставы мертвецовъ смѣются надъ жизнью. *Писательница*, отрывокъ изъ воспоминаній о Германіи Н. И. Греча, статья, замѣчательная потому, что въ ней приведены изъ одного Французскаго Журнала возгласы противъ женщинъ-авторовъ, и вслѣдъ за симъ помѣщены нѣкоторыя любопытныя и пріятно разсказанныя подробности о Нѣмецкой Писательницѣ Г-жѣ фонъ-Рекке. Наконецъ, *Константинъ Левенъ*, Повѣсть, соч. Барона Розена. Молодой Эстляндецъ, Константинъ Левенъ, весьма хорошъ, покамѣстъ онъ купитъ, какъ Нѣмецкій Студентъ, въ Ревелѣ. Проказы и затѣи сего пылкаго юноши совершенно въ духѣ *Реполистовъ* Германскихъ, который не вовсе чуждъ и молодымъ нашимъ Остъ-Зейскимъ соотечественникамъ. Но едва Левенъ сѣлъ на Рускую ямскую повозку, едва Валдайскій колокольчикъ зазвѣнѣлъ у него въ ушахъ, — какъ этотъ герой повѣсти очутился внѣ своей сферы: и въ кругу Рускихъ офицеровъ, и посреди Греческаго семейства Кондоріотти, поступки его странны по прежнему; но здѣсь эта странность, такъ сказать, не къ лицу. Сочинитель, желая рѣзкими чертами отличить характеръ своего чудака, погрѣшилъ во многомъ: Гречанка Елена, съ ея свободой въ обращеніи, съ ея утонченною и отчасти женашною чувствительностію, съ ея страннымъ, но вовсе не-Восточнымъ способомъ выражаться, похожа болѣе на какую нибудь милую Ревельскую блондинку, нежели на пламенную, но скромную дѣву Греціи. Все семейство Кондоріотти (исключая Леонида, и то иногда), въ словахъ и поступкахъ своихъ, какъ будто бы списано съ какого-либо семейства добрыхъ Эстонскихъ или Ливонскихъ помѣщиковъ. Французовъ часто упрекаютъ за односторонность въ изображеніи характеровъ чужеземныхъ: Писатели Нѣмецкіе (которыхъ духъ отсвѣчивается во всѣхъ произведеніяхъ Барона Розена) не только не изъяты отъ сего недостатка, но многіе какъ будто бы заключили весь міръ въ Германской сферѣ. Таковъ отчасти и фанъ-деръ-Фельде. Замѣтимъ еще въ слогѣ Барона Розена пристрастіе къ нѣкоторымъ словамъ, охоту блистать новостію выраженія и даже составлять такія реченія, которыя не клеятся въ Руской прозѣ, особливо разговорной.

Стихотвореній въ *Альціонѣ* 39. Между пьесами, подъ коими подписано имя самаго Издателя, укажемъ на переведенный имъ отрывокъ изъ Шведской трагедіи Бескова (*): Эрикъ XIV (*Катерина Монсдоттеръ*) и на *Постоялый дворъ*. Имена другихъ Поэтовъ, конхъ произведенія помѣщены въ семъ Альманахѣ, суть слѣдующія: Гг. Барашынскій, Вердеревскій, Ѳ. Глинка, Деларю, Карлгофъ, Подолинскій, Романовичъ, Рощчевъ, Сіяновъ, Трилунный, Туманскій, Ш-б-въ и Языковъ. *Изд.*

(*) Продается у Слѣнина, Смирдина и другихъ книгопродавцевъ. Цѣна 10 р., съ пересылкою 11 р.

Альманахъ анекдотовъ. 1831. — С. П. б. въ типогр. Путей Сообщенія. (II—232 стр. въ 16 д. л. (*).

Сей Альманахъ состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: въ началѣ книжки поставлено *предисловіе*, въ концѣ *послѣсловіе*, а въ серединѣ *пустословіе*. Въ предисловіи Издатель, Г-нъ К. Зейдель, увѣдомляетъ читателей, что «благосклонный пріемъ *публикою* Альманаха Анекдо-«товъ на 1830 годъ, поощрилъ его къ изданію *онаго* и на «1831 годъ; что анекдоты, помѣщенные въ семъ Альма-«нахѣ, выбраны и переведены изъ новѣйшихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ періодическихъ *сочиненій*; и что ори-«гинальные анекдоты доставлены нѣкоторыми Гг. Изда-«телями періодическихъ *сочиненій* въ Москвѣ и С. П. «бургѣ, и другими особами.» *Послѣсловіе* составлено изъ именъ особъ, подписавшихся на Альманахъ (Альма-

(*) Разборъ сей трагедіи, или *биллеіи* Шведской, напечатанъ былъ въ 48 No *Литер. Газеты* 1830 года.

(*) Продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Цѣна 5 р., съ пересылкою 6 р.

нахъ, издающійся по подпискѣ!); а *пустословіе* — изъ 240 анекдотовъ, дурно выбранныхъ и еще хуже передапныхъ. Здѣсь много встрѣчается игры словъ въ родѣ извѣстной Французской шарады одного Нѣмца: chat-loup-scie. Сначала книжки приложенъ размалеванный портретъ какого-то чудака съ волшебнымъ фонаремъ и разными масками. *Изд.*

СМѢСЬ.

Басни и Сказки Александра Измайлова, послѣднее пятое изданіе 1826 года, въ трехъ частяхъ: въ 1-й Басни, во 2-й Сказки, въ 3-й Опытъ о разсказѣ Басни, съ фронтисписомъ, или гравированнымъ заглавнымъ листомъ, продаются нынѣ, по примѣру послѣднихъ изданій Басень И. А. Крылова и Хемницера, по самой умѣренной цѣнѣ, по 6 р. въ бум., въ книжныхъ лавкахъ Смирдина, Слѣпина, Глазуновыхъ и прочихъ книгопродавцевъ. Изданіе сіе, по случаю отъѣзда Автора въ исходѣ 1826 года изъ С. П. бурга, а потомъ продолжительной и весьма опасной его болѣзни, продавалось здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ только мѣсяцевъ и онаго осталось уже немного экземпляровъ. *Новыя Басни и Сказки Александра Измайлова*, не вошедшія въ сіе пятое изданіе, а напечатанныя уже послѣ 1826 года, въ разныхъ Журналахъ и Альманахахъ, въ томъ числѣ многія, небывшія еще доселѣ въ печати, напечатаются въ непродолжительномъ времени и будутъ продаваться особо. Авторъ немедленно приступитъ къ изданію новыхъ своихъ Басень и Сказокъ, коль скоро укрѣпится совершенно его зрѣніе, ослабшее послѣ жестокой горячки, о чемъ предварительно объявлено будетъ въ Вѣдомостяхъ.

А. Измайловъ.

Здѣсь въ С. П. бургѣ вышелъ въ свѣтъ *Музыкальный Альбомъ на 1831 годъ*, содержащій въ себѣ 24 избранныхъ Рускихъ пѣсень и романсовъ, арранжированныхъ для форшепіано К. Гершумомъ. Въ числѣ ихъ находится нѣсколько музыкальныхъ произведеній А. В. Алябьева, какъ то: *Вечерній звонъ*, — *Соловей мой, соловей*; также пѣсня: *Лучина, лучинушка*, пѣтая Г-жами Зонтагъ и Шоберлехнеръ, и другія пѣсни, нравящіяся любителямъ Руской мелодіи. — *Альбомъ* сей, состоящій изъ 52-хъ стр. въ продолгов. 4-ю д. л., продается въ книжной лавкѣ издателя, И. В. Непейцына; цѣна экз. 10. р. *Изд.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Переписываются на бѣло:

ЗАПИСКИ

МАРѲЫ ИВАНОВНЫ

ВЫЖИМКИНОЙ,

или

совершенно новый нравоописательно-сатирическій, географо-историческій и прозо-поэтическій романъ XIX вѣка.

Читая неоднократно въ Сѣверной Пчелѣ, о томъ, что Публику страхъ какъ занимаютъ разсказы Ив. Ив. Выжигина, и что скоро появится на позорище міра новорожденный Петръ Ивановичъ Выжигинъ, и сличая съ разсказами перваго записки о собственныхъ приключеніяхъ и наблюденіяхъ, Г-жа Выжимкина рѣшилась обнародовать оныя Записки (истинный романъ!), въ твердомъ и совершенномъ убѣжденіи, что онѣ будутъ неменѣе занимательны и еще болѣе добротны. И такъ сей романъ раздѣляется на 3 части: 1-я) просто *романическая*, до Французской кампаніи; 2-я) *исторически-романическая*, во время кампаніи, и 3-я) *романически-сатирическая*, послѣ кампаніи. При каждой части она намѣрена приложить портретъ свой, одинъ во время ребячества ея, другой во время Французской войны, въ самомъ цвѣтѣ ея (сдѣланный прекраснымъ Вѣнскимъ художникомъ), а третій уже послѣ войны, подъ старость. Образчики сего романа будутъ на показъ помѣщены въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ; портреты и образцы типографской работы будутъ выставлены за стеклами въ книжныхъ магазинахъ. Подписная цѣна назначается, не въ примѣръ другимъ, самая умѣренная: за всѣ 3 тома только 5 рублей; а почтенныя имена Гг. подписчиковъ предполагается напечатать не въ послѣдней, но въ первой части. Будучи озабочена до чрезвычайности занятіями совсѣмъ другаго рода, М. И. Выжимкина поручила изданіе и право торговли мнѣ.

С. П. Галуховскій.

Москва.

Окончаніе библіографической статьи о Борисѣ Годуновѣ, помѣщено будетъ въ слѣд. NNo.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 10-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМЪ III, № 4. ЯНВАРЯ 16го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

ЖЕНЩИНА.

«Адское порожденіе! Зевсъ Олимпіецъ! О! ты неумолимъ въ своей яростіи! Ты захотѣлъ наслать бичъ на міръ, ты извлекъ весь ядъ, незамѣтно разлитый въ нѣдрахъ прекрасной земли твоей, сжалъ его въ одну каплю, гнѣвно бросилъ ее свѣтодарною десницей и отправилъ ею чудесное твореніе свое: ты создалъ женщину! Тебѣ завидно стало бѣдное счастіе наше, тебѣ не желалось, чтобы человѣкъ изпочалъ вѣчное благословеніе изъ нѣдръ благодарнаго сердца; пусть лучше проклятіе сверкаетъ на преступныхъ устахъ его.... Ты создалъ женщину! — «Такъ говорилъ, представъ передъ Платона, Телеклесъ, юный ученикъ его. Глаза его кидали пламя; по щекамъ бушевалъ пожаръ и дрожащія губы пересказывали мятежную бурю разперзанной души. Рука его съ негодованіемъ отбрасывала пурпуровыя волны богатой одежды и разстегнутая пряжка небрежно висѣла на дѣвственной груди юноши. »Что, мой божественный учитель? не ты ли представлялъ намъ ее въ богоподобномъ, небесномъ облаченіи? Не твои ли благоуханныя уста лили дивныя рѣчи про нѣжную красоту ея? Не ты ли училъ насъ такъ пламенно, такъ невещественно любить ее? Нѣтъ, учитель! твоя божественная мудрость еще младенецъ въ познаніи безконечной бездны коварнаго сердца. Нѣтъ, нѣтъ! и тѣнь свирѣпаго опыта не обхватывала свѣтлыхъ мыслей твоихъ, ты не знаешь женщины.« — Огненныя слезы брызнули изъ глазъ его; окутавъ голову хитономъ и закрывъ лице руками, прислонился онъ къ мраморной колоннѣ, на которой роскошно покоилось богатое Коринѳское оглавіе, осыпанное искрами лучей. Глубокій, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди юноши, какъ будто всѣ тайныя нервы души, всѣ чувства и все, что находится внутри человѣка, издало у него скорбные звуки и звуки эти прошли потрясеніемъ по всему сосна-

ву, и созерцаемая чувствами природа, въ безсиліи разсказать безсмертныя, вѣчныя муки души, переродилась въ одинъ болѣзненный стонъ. Между тѣмъ вдохновенный мудрецъ въ безмолвіи разсматривалъ его, выражая на лицѣ своемъ думы, еще напечатлѣнныя прежнимъ высокимъ размышленіемъ. Такъ остатки дивнаго сновидѣнія долго еще не разстаются и мѣшаются съ началами идей, покамѣстъ человѣкъ совершенно не входитъ въ міръ дѣйствительности. Свѣтъ сыпался роскошнымъ водопадомъ чрезъ смѣлое отверстіе въ куполѣ на мудреца и обливалъ его сіяніемъ; казалось, въ каждой вдохновенной чертѣ лица его свѣтилась мысль и высокія чувства. «Умѣешь ли ты любить, Телеклесъ?» спросилъ онъ спокойнымъ голосомъ. — «Умѣю ли любить я! «быстро подхватилъ юноша: «спроси у Зевса, умѣетъ ли онъ маніемъ бровей колебать землю. Спроси у Фидія, умѣетъ ли онъ мраморъ зажечь чувствомъ и волотить жизнь въ мертвой глыбѣ. Когда въ жилахъ моихъ кипитъ не кровь, но острое пламя, когда всѣ чувства, всѣ мысли, я весь перераждаюсь въ звуки, когда звуки эти горятъ и душа звучитъ одною любовью, когда рѣчи мои — буря, дыханіе — огонь.... Нѣтъ, нѣтъ! я не умѣю любить! Скажи же мнѣ, гдѣ тотъ дивный смертный, кто обладаетъ этимъ чувствомъ? Ужь не открыла ли премудрая Пиѳія это чудо между людьми?»

— «Бѣдный юноша! Вотъ что люди называютъ любовью! Вотъ какая участь готовится для этого кроткаго существа, въ которомъ боги захотѣли отразить красоту, подарить міру благо и въ немъ показать свое присутствіе на землѣ! Бѣдный юноша! Ты бы сжегъ своимъ разкаленнымъ дыханіемъ это кроткое существо, ты бы возмутилъ бурею страстей это чистое сіяніе! Знаю, ты хочешь говорить мнѣ объ измѣнѣ Алкиноя. Твои глаза были сами свидѣтелями... но были ли они свидѣтелями твоихъ собственныхъ мятежныхъ движеній, совершавшихся въ то время во глубинѣ души твоей? Высмотрѣлъ ли ты напередъ себя? Не весь ли бунтъ страстей кипѣлъ въ глазахъ

твоихъ? а когда страсти узнавали истину? Чего хотятъ люди? они жаждутъ вѣчнаго блаженства, безконечнаго счастія, и довольно одной минутной горечи, чтобы заставишь ихъ дѣтски разрушить все, медленно строившееся зданіе! Пусть глазами твоими смотрѣла сама истина, пусть это правда, что прекрасная Алкиноя очернила себя коварною измѣной. Но вопроси свою душу: что былъ ты, что была она въ то время, когда ты и жизнь и счастіе и море восторговъ находилъ въ Алкиноиныхъ объятіяхъ? Переверни огненные листы своей жизни и найдешь ли ты хотя одну страницу краснорѣчивѣе, божественнѣе той? Захотѣлъ ли бы ты взять всѣ драгоцѣнные камни Царей Персидскихъ, все золото Лидіи за тѣ небесныя мгновенія? И что прошивъ тихъ и первая почесть въ Аѳинахъ и верховная власть въ народѣ! И существо, которое, какъ Промееей, все, что ни изхитило прекраснаго отъ боговъ, принесло въ даръ тебѣ, водворило небо со свѣтлыми его небожителями въ твою душу, — ты поражаешь преступнымъ проклятіемъ; когда вся твоя жизнь должна переродиться въ благодарность, когда ты долженъ весь вылиться слезами и умиленіемъ и кротким гимномъ жизнедавцу Зевесу, да продлитъ прекрасную жизнь ея, да отвѣетъ облако печали отъ свѣтлаго чела ея.

«Устреми на себя испытующее око: чѣмъ былъ ты прежде и чѣмъ сталъ нынѣ, съ тѣхъ поръ какъ прочиталъ вѣчность въ божественныхъ чертахъ Алкинои; сколько новыхъ тайнъ, сколько новыхъ откровеній постигъ и разгадалъ ты своею безконечною душею и во сколько придвинулся ближе къ верховному благу! Мы зрѣемъ и совершенствуемся; но когда? когда глубже и совершеннѣе постигаемъ женщину. Посмотри на роскошныхъ Персовъ: они переродили своихъ женщинъ въ рабынь, и что же? имъ недоступно чувство изящнаго — безконечное море духовныхъ наслажденій. У тихъ не выбьется изъ сердца искра при видѣ богини Праксителевой; восторженная душа ихъ не заговоритъ съ безсмертною душою мрамора и не найдетъ отвѣтныхъ звуковъ. Что женщина? — Языкъ боговъ! Мы дивимся кроткому, свѣтлому челу мужа; но не подобіе боговъ созерцаемъ въ немъ: мы видимъ въ немъ женщину, мы дивимся въ немъ женщинѣ и въ ней только уже дивимся богамъ. Она поэзія! она мысль, а мы только воплощеніе ея въ дѣйствительности. На насъ горятъ ея впечатлѣнія, и чѣмъ сильнѣе и чѣмъ въ большемъ объемѣ они отразились, тѣмъ выше и прекраснѣе мы становимся. Пока картина еще въ головѣ художника и безплотно округляется и создается, она женщина; когда она переходитъ въ вещество и облекается въ осязаемость — она мужчина. Отъ чего же художникъ съ такимъ несытымъ желаніемъ стремится превратить безсмертную идею свою въ грубое вещество, покоривъ его обыкновеннымъ нашимъ чувствамъ? Отъ того, что имъ управляетъ одно высокое чувство: — выразить божество въ самомъ веществѣ, сдѣлать доступною людямъ хотя часть безконечнаго міра души своей, воплотить въ мужчинѣ женщину. И если нечаянно ударятъ въ нее очи жарко понимающаго искусство юноши, что они ловятъ въ безсмертной картинѣ художника? видятъ ли они вещество въ ней? Нѣтъ! оно изчезаетъ и передъ ними открывается безграничная, безконечная, безплотная идея художника. Какими живыми пѣснями заговорятъ тогда духовныя его струны! какъ ярко отзовутся въ немъ, какъ будто на призывъ родины, и безвозвратно умчавшееся и неотразимо грядущее! какъ безплотно обнимется душа его съ божественною душею художника! Какъ сольются онѣ въ невыразимомъ духовномъ поцѣлуѣ!..... Чтобъ были высокія добродѣтели мужа, когда бы онѣ не осѣнялись, не преображались нѣжными, кроткими добродѣтелями женщины? Твердость, мужество, гордое презрѣніе къ пороку, перешли бы въ звѣрство. Отними лучи у міра — и погибнетъ яркое разнообразіе цвѣтовъ: небо и земля сольются въ мракъ, еще мрачнѣйшій береговъ Аида. Что такое любовь? — Отчизна души, прекрасное стремленіе человѣка къ минувшему, гдѣ совершалось безпорочное начало его жизни, гдѣ на всемъ остался невыразимый, неизгладимый слѣдъ невиннаго младенчества, гдѣ все родина. И когда душа потонетъ въ эѳирномъ лонѣ души женщины, когда отыщетъ въ ней своего отца — вѣчнаго Бога, своихъ братьевъ — дополнѣ невыразимыя землею чувства и явленія — что тогда съ нею? Тогда она повторяетъ въ себѣ прежніе звуки, прежнюю райскую въ груди Бога жизнь, развивая ее до безконечности.....«

Вдохновенные взоры мудреца остановились неподвижно: передъ ними стояла Алкиноя, незамѣтно вошедшая въ продолженіе ихъ бесѣды. Опершись на истуканъ, она вся, казалось, превратилась въ безмолвное вниманіе и на прекрасномъ челѣ ея прорывались гордыя движенія богоподобной души. Мраморная рука, сквозь которую свѣтились голубыя жилы, полныя небесной амврозіи, свободно удерживалась въ воздухѣ; стройная, перевитая алыми лентами поножія нога, въ обнаженномъ, ослѣпительномъ блескѣ сбросивъ ревнивую обувь, выступила впередъ, и казалось, не трогала презрѣнной земли; высокая, божественная грудь колебалась встревоженными вздохами и полуприкрывавшая два прозрачныя облака персей одежда шевелилась и падала роскошными, живописными линеями на помостъ. Казалось, тонкій, свѣтлый эѳиръ, въ которомъ купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь въ безчисленныхъ лучахъ, коимъ и имени нѣтъ на землѣ, въ коихъ дрожитъ благовонное море неизъяснимой музыки, — казалось, этотъ эѳиръ

облекся въ видимость и стоялъ передъ ними, освятивъ и обоготворивъ прекрасную форму человѣка. Небрежно опкинутые назадъ, темные, какъ вдохновенная ночь, локоны, надвигались на лилейное чело ея и лилися сумрачнымъ каскадомъ на блистательныя плеча. Молнія очей изторгала всю душу... — Нѣтъ! никогда сама Царица любви не была такъ прекрасна, даже въ то мгновенье, когда такъ чудно возродилась изъ пѣны дѣвственныхъ волнъ!... — Въ изумленіи, въ благоговѣніи повергнулся юноша къ ногамъ гордой красавицы и жаркая слеза склонившейся надъ нимъ полубогини канула на его пылающія щеки.

Н. Гоголь.

НА СМЕРТЬ
Барона А. А. Дельвига.

Милый, младый нашъ Пѣвецъ! на могилѣ, уже мнѣ грозившей,
Ты обѣщался возпѣть Дружбы прощальную пѣснь (*):
Такъ не исполнилось! Я надъ твоею могилою ранней
Слышу надгробный плачъ Дружбы и Музъ и Любви!

Бросилъ ты смертныя пѣсни, оставилъ ты бренную землю,
Мрачное царство вражды, грустное свѣтлой душѣ!
Въ міръ неземной ты унесся, небесно-прекраснаго алчный;
И, какъ надъ прахомъ твоимъ слезы мы льемъ на землѣ,
Ты, во врапахъ уже неба, съ фіаломъ безсмертія въ длани,
Пѣснь несловесную шамъ съ звѣздами утра поешь!

Н. Гнѣдичъ.

ПОЛЕТЪ ДУШИ.

Смотри: вонъ шамъ, на остріѣ скалы,
Вздрогнулъ орелъ ширококрылой;
Пошелъ по небесамъ и воздуха валы
Разшибъ быспропарящей силой;
Вонъ средь небесъ
Понесся тише....
Все выше, выше....
И вопъ изчезъ.

Вѣрь: шакъ душа, въ прощальный съ пѣномъ день,
Въ своей шемницѣ всшрепенется
И, свергнувъ цѣпи въ прахъ, въ надсолнечную сѣнь
Орломъ державнымъ понесется;
Какъ шонкій прахъ,
Мглу думъ разгонитъ
И вся попонетъ
Въ лучинѣ благъ.

М. Деларю.

(*) Покойный Дельвигъ, во время опасной болѣзни Автора, въ дружескихъ съ нимъ разговорахъ, обѣщался написать стихи въ случаѣ смерти его. *Изд.*

НОВЫЕ РУСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

(*Продолженіе.*)

Разпространеніе и размноженіе Газетъ и Журналовъ въ какомъ-либо Государствѣ, показываетъ, что общество чувствуетъ потребность чтенія и разнообразія мнѣній; а это служитъ непреложнымъ признакомъ жажды познаній, ведущей къ просвѣщенію ума и очищенію вкуса. Нѣтъ нужды, что нѣкоторые, и можетъ быть многіе изъ сихъ Журналовъ будутъ слабыми предспавителями общаго мнѣнія, что они будутъ несовершенны въ своемъ планѣ и выполненіи, что издатели иныхъ даже не будутъ имѣть никакой опредѣленной цѣли; публика въ этомъ дѣлѣ лучшій судія: она согласится съ одними, осудитъ другіе и сострадательно покачаетъ головою, видя пустоту и ничтожность шретьихъ. Но передъ нею обширное поле сравненій, сличеній и заключеній, и она не досадуетъ: собственное ея, самостоятельное мнѣніе очищается внушеніями однихъ, утверждается доводами другихъ, противоборствуетъ лжемыслію шретьихъ, или смѣется безмыслію послѣдней брашіи журнальной. Во всякомъ случаѣ, читатель, за маловажное пожертвованіе частью своихъ избытковъ и времени, дѣлается въ своемъ кабинетѣ или въ обществѣ, строгимъ и часто справедливымъ судіею Журналистовъ и Писателей; и эта игра едва ли не заманчивѣе всякой другой; покрайней мѣрѣ она болѣе льститъ самолюбію игрока. А между шѣмъ, игра сія есть самая невинная, никто въ ней не проигрываетъ, а всѣ выигрываютъ: читатели — право изъяснять вслухъ свое мнѣніе, толковать и судить; а Журналисты — одобреніе читателей и выгоды вещественныя. Посему весьма странны выходки нѣкоторыхъ Анти-журналистовъ противъ размноженія у насъ Журналовъ; еще страннѣе намеки и возгласы нѣкоторыхъ Журналистовъ, которые симъ, шакъ сказать, сами на себя руки поднимаютъ. Не будь у насъ новыхъ Журналовъ, или другихъ, кромѣ издаваемыхъ ими самими, то чѣмъ бы они наполняли свои листочки? гдѣ бы они нашли частыя привязки высказать собственное мнѣніе о томъ или другомъ предметѣ? надъ чѣмъ могли бы поострипься въ пору и не въ пору? *Подъ лежачій камень*, по Руской пословицѣ, *и вода не подтечетъ*. Все же лучше этимъ господамъ подмѣчать чужую водяность либо лѣность, нежели выставлять на показъ свою собственную.

Многіе безпристрастные читатели Журналовъ были удивлены статьею, помѣщенною въ предпослѣднемъ No Сѣверной Пчелы прошлаго года, подъ заглавіемъ: *О Руской Журналистикѣ*. Еще ни одинъ No новыхъ Журналовъ и Газетъ не появлялся, а уже изъ улья Сѣвер-

ной Пчелы посыпался цѣлый рой сомнѣній, намековъ и запросовъ, непривѣтливо встрѣтившій первенцевъ журнальныхъ въ самомъ ихъ зародышѣ. «Въ Рускомъ Царствѣ никому не тѣсно,» твердила намъ сама Пчела. Правда, и тѣмъ лучше: всякой можетъ дѣйствовать на просторѣ, не мѣшая и другимъ дѣйствовать по ихъ разумѣнію, лишь бы это не было противно порядку общественному. Каждому предоставлено пользоваться свободною дорогой, не заграждая пути другимъ; и кто уйдетъ далеко впередъ отъ прочихъ на сей дорогѣ, тому и честь и слава, и благодарное вниманіе публики.

Не знаемъ, съ какою цѣлью написана вышепомянутая статья о Журналистикѣ; но нѣкоторыя выраженія оной не вовсе благосклонны Издателямъ. Напримѣръ, выходка, помѣщенная вслѣдъ за увѣреніями, что «Сѣверная Пчела никогда никому не завидовала и всегда готова была услуживать и помогать Литераторамъ; что она разгнѣвалась бы за одно только, а именно, если бъ кто захотѣлъ перенесть головы ея Издателей на плеча другихъ Гг. Журналистовъ,« — служитъ явнымъ антидотомъ сихъ завѣреній въ умѣренности и миролюбіи. Выпишемъ сію замѣчательную выходку: «И теперь, когда Россійской Литературѣ *угрожаетъ* «бѣдствіе отъ множества Журналовъ, и устрашаетъ «Литераторовъ, какъ вѣсть о *саранчѣ* (выраженіе вѣж- «ливое и привѣтливое!), Сѣверная Пчела торжественно объявляетъ, что она *не намѣрена заграждать* «*пути* ни одному Журналу, не станетъ спорить ни «съ однимъ изъ нихъ (?), и *предоставляетъ* каждому «жить, чахнуть и умереть свободно.» Это похоже на объявленіе Князька какого-то мѣлкаго Негритянскаго племени, который, кончивъ свой обѣдъ, велитъ своему глашатаю кричать: «Абулъ-Фадда-Другру по- «обѣдалъ; теперь всѣ другіе Государи могутъ обѣ- «дать (*).»

(*Окончан. въ слѣд.* No).

(*) Еще одинъ намекъ этой странной и нечистосердечной статьи относится лично ко мнѣ. Тамъ сказано: «Съ нынѣш- «нимъ Издателемъ Телескопа, сражался въ Пчелѣ и С. О. бывшій сотрудникъ сихъ Журналовъ, Г. Сомовъ, подъ забраломъ «шлема и за щитомъ Сына Отечества.» Оставя въ сторонѣ, что я, нижеименованный, никогда не имѣлъ нужды прикрываться ржавыми и поношенными доспѣхами, въ каковые безымянному Сочинителю статьи угодно было нарядить меня, и что я дѣйствовалъ всегда открытыми средствами, т. е. подписывалъ почти подъ всѣми своими статьями мое имя, — я долженъ обличить Г. безымяннаго въ искаженіи истины. Во первыхъ, я никогда не входилъ въ состязаніе съ Г-мъ Надеждинымъ; при-четыре статьи мои и чужія, доставленныя мною въ *ящикъ* С. Отечества, суть единственныя, въ коихъ упоминалось о Вѣстникѣ Европы; но во всѣхъ этихъ статьяхъ ни слова не было сказано о Г-нѣ Надеждинѣ. Если же Издатели Сѣв. Пчелы знали какой-либо *псевдонимъ*, подъ коимъ онъ скрывался, то имъ и книги въ руки: не всякой можетъ, какъ они, похвалиться *всезнаніемъ*. Во вторыхъ, доставленныя мною статьи не одни исключительно помѣщались въ *ящикѣ* и заключали въ себѣ выходки на Вѣстникъ Европы: одинъ изъ Издателей С. Отечества, Н. И. Гречъ, самъ писалъ нѣкоторыя изъ сихъ статей и читалъ мнѣ оныя еще въ рукописи; и этѣ статьи были не изъ самыхъ умѣренныхъ. Н. И. Гречъ, по прямодушію своему, конечно отъ сего не отопрется. *Сомовъ.*

(*) Прибавленіе къ статьѣ: о Купѣ, напечатанной во 2 No сей Газеты.

НѢЧТО
о Ворономъ конѣ (*)

Сельскія наши красавицы въ старинныхъ и Поэты въ новыхъ пѣсняхъ очень часто сажаютъ своихъ Князей и витязей на коней вороныхъ и думаютъ, что это кони шерсти черной, какъ воронова крыло; но они ошибаются.

Германскіе Писатели среднихъ вѣковъ, упоминая о Славянскихъ чиновникахъ, пишутъ: *Сетникъ*, *Сатникъ*, *Шитоносъ* (Setnicus, Satnicus, Schitonos). Что жъ такое Сетникъ, Сатникъ, Шитоносъ? Setnicus dicebatur, qui praeerat regioni, quae centum armatos dare poterat. Schitonos Slauis dicebatur Scutarius Regis. т. е. *Сетникомъ* или *Сатникомъ* назывался правитель области, которая представляла (на войну) 100 оруженосцевъ, слѣдственно Сотникъ. *Шитоносомъ* у Славянъ назывался Царскій Щитоносъ.

Предки наши Славяне платили Германцамъ немногіе примѣчательными ошибками. На пр. Сал. Зак. въ 41 главѣ напечатано: I. Si quis caballum, qui carrucam tragit, furauerit, sol. XL culpabilis judicetur. IV. Si quis Warranionem Regis furauerit, sol. LX culpabilis judicetur: Т. е. Кто украдетъ рабочую лошадь; того приговариваютъ къ платежу 40 солидовъ. Кто украдетъ Царскаго коня, называемаго *Варраніо*, того приговариваютъ къ платежу 60 солидовъ. А что жъ такое Варраніо? Варраніемъ, отъ слова: verre (война), назывался конь военный, рыцарскій, Княжескій. — Онъ могъ быть всякой шерсти и по большей части бѣлой. Такая мѣна древнихъ ошибокъ ни Германцамъ, ни Славянамъ ни сколько не была вредна, и упоминается только для забавы.

Руссовъ.

НЕКРОЛОГІЯ.

14 Января скончался здѣсь въ С. Петербургѣ Надворный Совѣтникъ Баронъ А. А. Дельвигъ. Погребеніе тѣла его совершено на Волковомъ кладбищѣ 17 числа. Онъ родился въ Москвѣ 6 Августа 1798, воспитывался въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ.

Изящныя науки составляли постоянный предметъ занятій Барона Дельвига. Оставивъ мѣсто воспитанія своего въ 1817 году, онъ предался имъ со всѣмъ жаромъ юной души, и не измѣнилъ до самой смерти. Не было ни одной отрасли познаній, прикосновенныхъ къ Изящнымъ наукамъ, которой бы онъ не почиталъ для себя необходимою. Исторія народовъ и Философіи, Художествъ и Древностей столько же обращала на себя его вниманіе, какъ и всякая новая теорія Литературы. Что касается до самыхъ произведеній великихъ Писателей, онъ, во время чтенія своего, изучалъ ихъ съ такою любовію, съ какою истинный художникъ разсматриваетъ твореніе безсмертнаго предшественника. Особенно въ этомъ отношеніи Баронъ Дельвигъ воспользовался должностію своею, когда онъ опредѣленъ былъ Помощникомъ Библіотекаря въ Императорскую Публичную Библіотеку. Проводя время по цѣлымъ суткамъ въ этомъ храмѣ просвѣщенія, ничѣмъ не будучи развлекаемъ въ свободные часы отъ посѣщеній читателей, удовлетворяя вдругъ и обязанности своей и страсти, онъ собралъ драгоцѣнныя сокровища для потребностей умственной жизни.

Поэтическій талантъ Барона Дельвига разкрылся, можно сказать, вдругъ и довольно рано. Нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній написалъ онъ, бывши пятнадцати лѣтъ. Но это не были въ истинномъ значеніи дѣтскіе опыты, обыкновенно забываемые въ послѣдствіи времени. Стихотворенія: *Къ Лилетъ*, *Первая встрѣча* и *Къ Діону*, изъ которыхъ послѣднее напечатано было 1814 года въ одномъ изъ тогдашнихъ Журналовъ, не представляютъ ничего слабаго. Замѣтно только, что Муза Горація была первою вдохновительницею молодаго Поэта. Движенія собственнаго его вкуса болѣе ознаменовались въ эту эпоху два раза: при извѣстіи о смерти Державина (1816) и при окончаніи курса ученія Лицейскихъ его товарищей. Дарованіе, возвращенное въ своемъ нѣдрѣ, Лицей почтилъ самымъ трогательнымъ образомъ. До сихъ еще поръ, при каждомъ новомъ выпускѣ, тамошніе воспитанники, покидая Царское село, поютъ все тотъ же хоръ:

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятьяхъ сладкой тишины;
И ужъ Отечества призванье
Гремитъ намъ: «шествуйте, сыны!»
О матерь! вняли мы призванью;
Кипитъ въ груди младая кровь!
Длань крѣпко съединилась съ дланью:
Связала ихъ къ тебѣ любовь.
Мы дали клятву: все родимой,
Все безъ раздѣла — кровь и трудъ!
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо правды въ судъ!

Тебѣ, нашъ ЦАРЬ, благодаренье
Ты Самъ насъ юныхъ съединилъ,
И въ семъ священомъ единеньѣ
На службу Музамъ посвятилъ!
Прими жъ теперь не тѣхъ веселыхъ
Безпечной радости друзей,
Но въ сердцѣ чистыхъ, въ правдѣ смѣлыхъ,
Достойныхъ благости Твоей!

Простимся, братья! Руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, здѣсь сродинла насъ!

Счастливыя начала поэзіи, не смотря на то, что ими ограничились однѣ почти Царскосельскія сѣни, приготовила въ С. Петербургѣ Барону Дельвигу самый лестный пріемъ. Онъ здѣсь привѣтствованъ былъ дружеской улыбкою извѣстнѣйшихъ Писателей. Два Ученыя Общества: одно Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, а другое Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія, въ 1818 году, поставили себѣ въ обязанность избрать его въ число своихъ Членовъ. Въ послѣдствіи времени и Московское Общество Любителей Россійской Словесности изъявило ему столь же справедливое вниманіе.

Постоянство въ занятіяхъ, драгоцѣнныхъ для души образованной, жажда совершенства въ искусствѣ своемъ и сближеніе съ людьми, поспѣшнувшими тайнства этого искусства, примѣрнымъ образомъ дѣйствовали на успѣхи Барона Дельвига, уже какъ ревностнаго Литератора. Во множествѣ молодыхъ сочинителей не возможно было не отличить его по разнообразію и оригинальности вымысловъ, по вѣрному поэтическому чувству и по прекрасному употребленію почти всѣхъ стихотворныхъ формъ.

Лѣтъ за восемь у насъ, каждое небольшое произведеніе въ прозѣ или въ стихахъ, прежде, нежели поступитъ оно современемъ въ полное собраніе сочиненій Автора, обыкновенно являлось въ Журналахъ. Кто желалъ составить себѣ понятіе о всѣхъ произведеніяхъ Изящной Словесности въ какомъ нибудь году, тотъ принужденъ бывалъ перелистывать огромныя груды

Журналовъ. Чтобы отвратить такую непріятность въ занятіи очень полезномъ, Литераторы начали издавать Альманахи, посвящая ихъ исключительно Словесности изящной. Въ первый разъ они явились 1823 г. Естественно, что каждый издатель Альманаха по преимуществу могъ пользоваться только произведеніями людей изъ своего круга. Тогда Баронъ Дельвигъ почувствовалъ всю важность положенія своего въ отношеніи къ Руской Словесности. Образованность, вкусъ, талантъ и прекрасная душа давно уже связали его дружбою съ тѣми людьми, въ которыхъ Россія видитъ представителей своего просвѣщенія. Въ 1825 году Публика получила первую книжку его *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*, которые продолжалъ онъ издавать ежегодно до смерти своей, и въ которыхъ его собственныя сочиненія назвать можно цвѣтами благоуханными.

Авторское славолюбіе не было главною пружиною литературныхъ занятій Барона Дельвига. Онъ, не заботясь объ отдѣльномъ изданіи своихъ сочиненій, сердечно радовался успѣхамъ каждаго истиннаго таланта, потому что съ ними соединяются лучшія наслажденія каждаго образованнаго человѣка. Но въ 1829 году неожиданно выбралъ онъ и напечаталъ тѣ изъ своихъ стихотвореній, которыя почиталъ окончательно отдѣланными. Можетъ быть, ему любопытно было услышать безпристрастный приговоръ любимымъ его созданіямъ, а можетъ быть, въ этомъ внезапномъ движеніи души явилось уже предчувствіе кончины, такъ недалеко его ожидавшей. Какъ бы то ни было, изданіе *Стихотвореній Барона Дельвига* останется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Руской поэзіи нынѣшняго столѣтія. Они дышатъ свѣжестью картинъ; въ нихъ кипятъ чувства; отъ нихъ раздается музыка величественной просодіи; они, какъ времена года, блестятъ собственными каждое красотами: кто, прочитавъ ихъ, не почувствуетъ наслажденія, тотъ или отжилъ, или не начиналъ еще жить для восторговъ къ изящному.

Въ прошедшемъ году Баронъ Дельвигъ началъ издавать *Литературную Газету*. Полнота и ясность литературныхъ его свѣдѣній были залогомъ успѣховъ его на новомъ поприщѣ. Разсматривая новыя книги, онъ уже изложилъ нѣсколько главнѣйшихъ своихъ мыслей о разныхъ отрасляхъ Словесности. Но преждевременная смерть остановила труды его.

Въ нашъ вѣкъ съ именемъ Автора не сливается уже понятіе о жизни совершенно кабинетной. Свѣтскія собранія оживляются остроуміемъ и любезностію многихъ Писателей. Баронъ Дельвигъ также любилъ общество, но дружеское, избранное, достойное ума его и сердца, въ чемъ и полагалъ онъ весь Аристократизмъ свой, правда, не увлекшій его въ большой свѣтъ, но защитившій отъ знакомствъ скучныхъ и слишкомъ ужъ нелестныхъ. Умъ его отъ природы былъ болѣе глубокъ, нежели остръ. Отъ того иногда замѣтна была въ немъ неговорливость. Но по характеру своему онъ расположенъ былъ къ самой счастливой веселости и безпечности, такъ, что отъ одного присутствія его одушевлялось цѣлое общество. Ежели онъ увлекался разговоромъ; то обнималъ предметъ съ самыхъ занимательныхъ сторонъ и удивлялъ всѣхъ подробностію и разнообразіемъ познаній. Въ домашнемъ кругу, даже въ кабинетѣ его никто никогда не примѣчалъ перемѣны на этомъ открытомъ, ясномъ, веселомъ лицѣ, которое было чистымъ зеркаломъ прямой и любезной души. Провидѣніе, пославшее ему столько прекрасныхъ даровъ, отказало въ одномъ долголѣтіи.

П. Плетневъ.

КЪ ГРОБУ БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

Рановременная кончина похитила у Россіи одного изъ благороднѣйшихъ ея сыновъ, у отечественной Музы одного изъ ея избранниковъ; у дружбы одного изъ ея любимцевъ. Вотъ онъ, нашъ милый братъ, еще недавно столь полный жизни, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ блескѣ дарованій — а теперь трупъ бездыханный. Какъ онъ печально тихъ! Какъ онъ безжизненно мраченъ! О милый братъ! свершилось — не услышимъ болѣе твоихъ привѣтныхъ рѣчей, не встрѣтимъ твоихъ ласковыхъ взоровъ, не порадуемся пожатію твоей чистой руки! Здѣсь мы стоимъ и плачемъ у гроба, въ коемъ схоронено столько *нашихъ* надеждъ, столько *нашихъ* радостей. —

Осиротѣли твои друзья и братья! и долго, долго останется пусто мѣсто, которое ты занималъ въ ихъ мирной семьѣ. Но мы утратили тебя не вполнѣ. Нѣтъ! милый братъ: мы увѣковѣчимъ твой образъ въ дружественныхъ воспоминаніяхъ; твоя память, неразлучная съ памятью всего добраго и прекраснаго, пребудетъ неизмѣннымъ чувствомъ нашихъ сердецъ; и если къ таинственнымъ сѣнямъ Неба, куда отозвана твоя жизнь, доступенъ голосъ человѣческой любви, то наше земное поминовеніе, до обреченнаго съ тобою свиданія, часто будетъ услаждать твой безсмертный духъ, на лонѣ вѣчнаго мира.

В. Туманскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Сонъ и смерть, сочиненіе Михаила Деларю. — С. П. б. въ типогр. Департ. Народн. Просвѣщенія, 1831 (10 стран. въ 16 д. л. (*)

Вотъ что сказано въ предисловіи къ сему стихотворенію: «Самое благородное употребленіе произведеній таланта состоитъ въ посвященіи ихъ пользѣ «страждущаго человѣчества. Цѣль эту имѣли въ виду «издатели стихотворенія: *Сонъ и Смерть*, печатая «отдѣльно отъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ двѣсти экземпляровъ онаго въ пользу бѣдной дворянки, вдовы А. Б. «Г—ой, лишенной въ короткое время мужа и трехъ «дѣтей, а съ нимъ вмѣстѣ утратившей здоровье и «всѣ средства къ поддержанію бѣдственнаго существованія своего въ здѣшнемъ мірѣ.

«Издатели почтутъ себя вполнѣ награжденными за «трудъ свой, если соотечественники примутъ участіе «въ доставленіи дневнаго пропитанія несчастной сиротѣ: лучшую же награду за доброе дѣло всякій изъ «нихъ вѣроятно найдетъ въ своей совѣсти.»

Присовокупимъ къ сему богоугодному воззванію, что покупатели доставятъ себѣ пріобрѣтеніемъ сей книжки двойное удовольствіе: внутреннее сознаніе, что участвовали въ намѣреніи облегчить безпомощное состояніе страждущей, и чтеніе прекраснаго произведенія, одушевленнаго воображеніемъ чистымъ и блестящаго живыми, благозвучными стихами.

Выписанныя здѣсь строки изъ Предисловія, были прощальнымъ отголоскомъ сердца Поэта, уже кончившаго земное свое поприще: это послѣднее произведеніе Барона Дельвига, писанное имъ уже въ припадкахъ жестокой болѣзни, за нѣсколько дней до кончины. И въ тяжкія минуты страданія, онъ готовъ былъ протянуть ослабѣвшую руку свою на облегченіе страждущихъ. *Изд.*

Сочиненія, переводы и подражанія въ стихахъ, Константина Масальскаго. — С. П. Б., въ типогр. Императорской Россійской Академіи, 1831. (92 стр. въ 12-ю д. л. (**).

Стихотворенія Г. Масальскаго по сердцу нѣмъ читателямъ, которые любятъ поэзію легкую, стихи гладкіе и текучіе. Принявъ обязанность говорить о всѣхъ произведеніяхъ нашей Словесности прямо и откровенно, мы выскажемъ наше мнѣніе такимъ же образомъ и о сочиненіяхъ Г. Масальскаго. Въ нихъ нѣтъ глубокаго чувства, сильнаго воображенія и яркости красокъ; но они нравятся выраженными въ нихъ или тихою задумчивостью, или добродушною веселостью. Таковы на пр. его стихотворенія: *Заливъ*, *Гробница*, *Въ альбомъ незнакомой дѣвицы*. Въ переводахъ и подражаніяхъ, мы съ удовольствіемъ замѣтимъ преложенія съ Греческаго: *Море и земля* (изъ Моска), *Весна* (изъ Мелеагра) и *Отрывки изъ Одиссеи*; съ Нѣмецкаго: *Почесть* (изъ Шиллера) и съ Испанскаго: *Новая тетива*, *Къ ручью* (изъ Вильегаса), *По случаю*, *Басня* (изъ Ирiарте), и *Размышленіе* (изъ Лопе де Вега). Большая часть сихъ переводовъ и подражаній написаны размѣрами подлинниковъ; въ стихотвореніяхъ, взятыхъ съ Испанскаго, весьма удачно соблюдены ихъ первобытная простота и игривость.

Объ отрывкахъ изъ неконченной поэмы: *Мщеніе вѣтерка*, мы скажемъ наши мысли столь же прямодушно. Во первыхъ, предметъ поэмы, судя по симъ отрывкамъ, долженъ быть слабъ и неудовлетворителенъ для отчеливаго вкуса: вѣтерокъ мститъ за лилею, сорванную на Петергофской дорогѣ; во вторыхъ, Авторъ напрасно выискиваетъ для своихъ героевъ странныя и малоупотребительныя имена: этимъ устарѣлымъ средствомъ пора уже перестать у насъ смѣшить читателей. Имя не можетъ быть само по себѣ смѣшнымъ: надобно, чтобы смѣшило насъ само лице странностію своихъ поступковъ или рѣчей; только это можетъ положить печать смѣшнаго на какого-либо чудака, а по имени будь онъ Алексѣй, Степанъ или Яковъ — все равно. Въ поэтическомъ же произведеніи непріятно встрѣчать календарную пашяжку. — *Изд.*

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Четвертый и пятый NNo Литературной Газеты опоздали своимъ появленіемъ. Жителямъ С. Петербурга и вообще читателямъ Русскихъ Журналовъ уже извѣстна причина таковаго замедленія: преждевременная кончина Барона Антона Антоновича Дельвига, давшаго бытіе сей Газетѣ.

Убитый утратою друга, я не могъ своевременно выдать сихъ NNo Газеты. Сострадательные читатели ко-

(*) Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ пользу бѣдной вдовы. Цѣна экземпл. 2 руб.

(**) Продается въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Смирдина, и И. В. Слѣпина, и у всѣхъ главнѣйшихъ С. Петербургскихъ книгопродавцевъ. Цѣна 3 р. 20 к., съ пересылкою 4 р.

нечно простятъ меня за сіе замедленіе. Слѣдующіе NNo будутъ выходить въ назначенное время. Литераторы, участвовавшіе въ изданіи сей Газеты при жизни незабвеннаго моего друга, обѣщались почтить память его, поддерживая трудами своими начатую имъ Газету.

Статья о *Борисѣ Годуновѣ*, сочиненіи А. С. Пушкина, помѣщенная въ 1-мъ и 2-мъ NNo Литературной Газеты, была писана Барономъ Дельвигомъ. Жестокая, мучительная болѣзнь помѣшала окончить оную. Пусть же она остается недоконченною, какъ прекрасное зданіе, недостроенное по смерти искуснаго зодчаго: посторонняя рука могла бы только испортить живую мысль Художника.

Соловъ.

Смерть похитила еще одну благородную жертву изъ нашего литературнаго круга: Александръ Ефимовичъ Измайловъ, обогатившій Рускую Словесность многими истинно-прекрасными баснями и сказками, скончался сего Января 16-го числа. Неутѣшное семейство, многочисленные друзья и всѣ, любившіе въ усопшемъ Поэтѣ его талантъ, доброту сердца и неуклонное прямодушіе, сѣтуютъ душевно о сей новой потерѣ. *Изд.*

Сего же Января 18-го числа скончался здѣсь въ С. Петербургѣ извѣстный нашъ Законовѣдецъ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Владиміръ Ѳедоровичъ Вельяминовъ-Зерновъ. По окончаніи наукъ, въ 1804-мъ году вступилъ онъ въ службу, и въ продолженіе оной, все свободное отъ должности время употреблялъ на изученіе Россійскаго Законодательства. Труды его по сей части обратили на него вниманіе Высшаго Начальства. Въ бывшей Коммисіи составленія Законовъ, былъ онъ Редакторомъ; а съ образованіемъ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Г. Вельяминовъ-Зерновъ поступилъ въ число Старшихъ Чиновниковъ онаго, и былъ весьма полезенъ своими свѣдѣніями по вѣренной ему части, при изданіи Полнаго Собранія Россійскихъ Законовъ. Самъ онъ написалъ *Опытъ Начертанія Россійскаго частнаго Гражданскаго Права* (Изд. въ С. П. Б., 1815 — 1821 г. 2 ч.), книгу, принятую для преподаванія во многихъ учебныхъ заведеніяхъ. Еще прежде (въ 1810 г.) издалъ онъ свой переводъ также весьма важной по части законовѣдѣнія книги: *Начальныя основанія Права Римскаго Гражданскаго и Законоположенія Уголовнаго, соч. Шлецера* (М.). Кромѣ трудовъ юридическихъ, извѣстно еще небольшое его сочиненіе: *Путешествіе дружбы, отрывокъ* (С. П. б. 1807). Въ 1805-мъ году Г. Вельяминовъ-Зерновъ началъ было издавать Журналъ: *Сѣверный Меркурій*; но сего Журнала появилось въ свѣтъ только 5 NNo.

Не смотря на слабое свое здоровье, Г. Вельяминовъ-Зерновъ не переставалъ заниматься общеполезными своими трудами, содѣлавшимися для него умственною потребностію жизни, какъ пища для физическаго состава человѣка. Въ частной жизни своей, Г. Вельяминовъ-Зерновъ былъ права кроткаго и обходительнаго, имѣлъ пріятный умъ, обогащенный разнообразными свѣдѣніями. Всѣ, знавшіе его, единодушно о немъ сожалѣютъ. *Изд.*

Стихотворенія Барона Дельвига, изданныя въ 1829-мъ году (I томъ въ 8-ю д. л.) Небольшое число экземпляровъ сихъ Стихотвореній находится въ книжномъ магазинѣ И. В. Слѣнина, у Казанскаго моста, въ домѣ Имзена, No 23-й. Цѣна экземпляру 10 руб., съ пересылкою 11 руб. *Изд.*

Г. Г. подписавшимся на сію Газету въ прошломъ году, выдаются при семъ недоданные NNo оной, 70-й и 71-й. — No 72-й, вмѣстѣ съ оглавленіемъ, выпущенъ будетъ въ концѣ сего мѣсяца или въ первыхъ числахъ Февраля.

ОПЕЧАТКИ въ 3-мъ No.

На страницѣ 19-й въ 1-мъ столбцѣ, въ заглавіи статьи: *Этнографич. извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ* и пр. (строка 4-я), напечатано: *Вторая выписки*, должно читать: *выписка*. — На страницѣ 25-й, въ 1-мъ столбцѣ, подъ статьею: *Новые Рускіе Журналы* (строка 7-я), поставлено: *Окончаніе въ слѣд. No.* Должно читать: *Продолженіе въ слѣд. No.*

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 24-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМЪ III, № 5. ЯНВАРЯ 21-го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПРАВООПИСАТЕЛЬНАГО РОМАНА: *Что такое хорошій тонъ?* (*)

Однимъ вечеромъ, Катерина, вбѣжавъ въ комнату брата, бросилась въ кресла и до того хохотала, что у нея потекли изъ глазъ слезы. Карлъ посмотрѣлъ на нее пристально; но давно уже привыкнувъ къ подобнымъ выходкамъ сестры, не полюбопытствовалъ узнать причину ея смѣха, и началъ опять читать, какъ бы и не замѣчая присутствія Катерины.

— «Какой ты чудакъ, братецъ! Кромѣ этихъ негодныхъ книгъ, ты, кажется, ни о чемъ и знать не хочешь!» — Съ сими словами, вырвавъ книгу изъ рукъ брата, Катерина хотѣла ее бросить; но Карлъ схватилъ сестру за руку и просилъ не замѣшать страницы, на которой онъ остановился.

— «Какія каракули!» — продолжала Катерина. — «Что это за гіероглифы?

— «Это Греческая книга,» — отвѣчалъ Карлъ, — «Аристофанова Комедія, въ которой онъ, къ сожалѣнію, осмѣиваетъ добродѣтельнаго Сократа.

— «Брось ты эту тараборскую грамоту, братецъ, и выслушай меня. Это посмѣшнѣе всѣхъ твоихъ Греческихъ комедій. Какъ жаль, что ты не сошелъ внизъ послѣ обѣда! Ужь насмотрѣлся бы ты на комедію.» Катерина, снова бросясь въ кресла, начала хохотать пуще прежняго, такъ, что Карлъ, испугавшись, чтобъ ей не сдѣлалось дурно, подошелъ къ ней съ безпокойствомъ.

Нахохотавшись до-сыта, Катерина сказала: «Ахъ, братецъ, если бъ ты посмотрѣлъ на почтенныхъ маменькиныхъ гостей, которые собрались къ ней послѣ обѣда; то вѣрно бы и ты не удержался отъ смѣха, при всей твоей важности. Что за народъ! Маменька представила мнѣ во-первыхъ Мистрисъ Кухенъ, потомъ Мистрисъ Додю, за нею Мистрисъ.... но, право, не вспомнишь всѣхъ этихъ варварскихъ прозваній и Голландскихъ и Ирландскихъ и Шотландскихъ и Испанскихъ и Богъ знаетъ какихъ. Вотъ дочь моя Киттти, — говорила маменька, — недавно возвратившаяся изъ Филадельфіи. Въ знаменитомъ пансіонѣ обучилась она всему, чему только можно выучиться за деньги: увѣряю васъ. Ну же, Киттти! Покажи всѣ свои *картинки*, которыя сама рисовала. Покажи скорѣе! продолжала она, видя, что я не тороплюсь. Бояться нечего!

«Бояться! подумала я, и опасаясь, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ гости не сочли, что я боязлива, разкрыла свой портфѣль, который маменькою напередъ уже былъ положенъ въ залѣ. Начались восклицанія: Ахъ, какъ прекрасно!... Ахъ, какъ безподобно!... Неужели вы сами, Миссъ, рисовали эту картину?... Весьма хорошо! Кто бы подумалъ, чтобы Миссъ могла такъ нарисовать!... Какъ думаете, Г-нъ Бруммеръ: вѣдь и вамъ врядъ ли такъ ухитриться!

«Хорошо! очень хорошо! — Отвѣчалъ толстой Г-нъ Бруммеръ. Глядя на его губы и руки, можно было подумать, что онъ столько же употреблялъ масла въ

(*) Романъ сей, переведенный К. П. Масальскимъ, уже отпечатанъ и поступитъ на дняхъ въ книжныя лавки. Въ *Journal des Débats* (7 Окт. 1829) объ немъ было сказано, что онъ изображаетъ оригинально и прелестно нравы Сѣверо-Американцевъ, и въ Соединенныхъ Штатахъ имѣлъ *необъятный* успѣхъ (un succès immense). Главныя дѣйствующія лица въ семъ отрывкѣ: *Мистрисъ Мак-Карти*, жена Вашингтонскаго купца, добрая и почтенная старушка, не получившая образованія. Люди высшаго общества, знатность и хорошій тонъ — составляютъ главный предметъ ея желаній. 2) *Карлъ*, сынъ ея, образованный и умный молодой человѣкъ. 3) *Катерина*, дочь ея, коей нравственность испорчена моднымъ воспитаніемъ. Переводъ сего романа, какъ читатели увидятъ изъ помѣщаемаго здѣсь отрывка, отличается свободой языка, чистымъ, естественнымъ разговорнымъ слогомъ и живостью разсказа. Желательно, чтобы Г. Масальскій подарилъ нашу Словесность переводами и другихъ лучшихъ Англійскихъ романовъ нашего времени.

пищу, сколько въ свои краски, или что онъ, покрывая картину лакомъ, намазалъ себѣ кончики и лице. Очень хорошо! Однако жь позвольте посмотрѣть поближе!— Съ симъ словомъ онъ протянулъ замаранную краскою руку, чтобы взять моихъ Грацій; но я схватила рисунокъ и къ несчастію нѣсколько поздно; ибо на краю остался слѣдъ его чиненькихъ пальцевъ. Я такъ разсердилась, что не смотря на всѣ его поклоны и извиненія, тотчасъ спрятала всѣ мои рисунки въ портфёль. Послѣ этого маменька начала заставлять меня, чтобъ я поиграла *на музыкѣ*. Я охотно согласилась удивить простачковъ, и начала играть трудную сонату.

Всѣ превознесли мою игру до небесъ; одинъ только изъ гостей, долговязой и смуглый, стоялъ поодаль и не говорилъ ни слова. Я примѣтила, что маменька посматривала на него съ безпокойствомъ.

— «Кажется, вы не глухи, Г-нъ Саккерилли! — сказала она ему. — Вы не скажете ни словечка, какъ будто ничего и не слышите! —

«Онъ низко поклонился, и не понявъ, безъ сомнѣнія, о чемъ идетъ дѣло, разкрылъ свою табакерку и попотчивалъ маменьку табакомъ.

— «Тьфу пропасть! — вскричала маменька, оттолкнувъ его руку такъ, что половина табаку просыпалась ему на рукавъ и на полъ. — Не впрямь ли вы оглохли? — Оглохли! — повторилъ смущенный Итальянецъ, отряхивая рукавъ и держа двумя пальцами правой руки щепоть табаку, а въ лѣвой рукѣ табакерку. — Оглохли, Мисиріесъ? —

— «Да, да, сударь! Всякой подумаетъ, что вы глухи. Кажется, вамъ лучше всѣхъ должно судить о музыкѣ. Это ваше *ремесло!* А вы не скажете ни слова, когда всѣ хвалятъ дочь мою! —

«Бѣдный Итальянецъ и тутъ не понялъ, чего отъ него требуютъ; но разслушавъ слово: музыка, сказалъ, продолжая отряхивать рукавъ: Музыка, Мисиріесъ? О! Музыка есть превосходной искуствъ! —

— Поймете ли вы меня сегодня, Г-нъ Саккерилли? Я спрашиваю: какова *музыка* моей дочери? —

— «Вашей дочь, Мисиріесъ? О! вашей дочь играетъ очень, весьма.... брависсимо, Мисиріесъ!... Сказавъ это, онъ снова поклонился. Я въ состояніи была бросить въ него нотами за его очень, весьма брависсимо, потому, что насмѣшка явно была видна на смуглой его харѣ. Видно, игра моя ему не понравилась! Изрядный знатокъ въ музыкѣ! подумала я, и разсердясь, убѣжала отъ фортепіано. Послѣ того ни маменька, ни ея гости *хорошаго тона*, какъ она ихъ называетъ, не могли уговорить меня приняться опять за музыку.

— «Теперь, Китти! — сказала маменька, — поговори передъ гостями немножко по-Французски. — Слыхалъ ли кто когда нибудь подобное требованіе? думала я. Что же потомъ заставятъ меня дѣлать? Плясать вѣроятно! Нѣтъ, маменька! Я не звѣрь заморской, котораго можно показывать изъ тщеславія. Подумавъ это, я рѣшилась молчать и сдержала слово, не смотря на то, что какой-то Г. Киршенэссеръ вызывался поговорить со мною по-Французски, хотя и зналъ этотъ языкъ, по собственному его признанію, весьма плохо.

«Наконецъ оставили меня въ покоѣ, гости усѣлись въ кружокъ и стали пить чай. Тутъ-то началось любезничанье молодыхъ кавалеровъ. Они наперерывъ, то подносили дамамъ чай, то брали отъ нихъ пустыя чашки. Одинъ изъ нихъ, который вѣроятно считался главою всѣхъ щеголей, особенно отличался. Голова его поддерживалась превысокимъ и туго-запянутымъ галстухомъ, который такъ сжималъ ему шею, что длинное и глупое лице его все побагровѣло, и кровь, казалось, скоро на лбу у него выступитъ. Онъ держался прямо, какъ струнка, и всякой, кто бы посмотрѣлъ на его поклоны и повороты, подумалъ бы, что онъ аршинъ проглотилъ.» — Карлъ невольно улыбнулся при этомъ описаніи.

— «Въ довершеніе всего» — продолжала Катерина, — «этотъ Адонисъ избралъ меня своею Венерою. Примѣтивъ, что выборъ его возбудилъ зависть въ бывшихъ тутъ дѣвицахъ, которыя начали на меня косо посматривать, я рѣшилась притвориться и стала разговаривать съ моимъ Адонисомъ, который съ довольнымъ видомъ стоялъ предо мною, выпянувшись какъ солдатъ, и игралъ своею золотою цѣпочкою, вѣроятно желая мнѣ показать, что онъ человѣкъ *съ часами*. Къ цѣпочкѣ привѣшено было неменѣе полудюжины различныхъ печатокъ. Стараясь обратить мое вниманіе на эту цѣпочку, онъ размахивалъ ею до того, что мнѣ надоѣлъ. Замѣтивъ однако же, что я не смотрю на нее, онъ рѣшился употребить послѣднее средство, чтобы возбудить во мнѣ удивленіе, и... вытащилъ изъ кармана золотые часы. Который часъ? спросила я его. Семь безъ двухъ минутъ, Миссъ, отвѣчалъ онъ съ довольнымъ видомъ, и съ важностію спряталъ часы въ карманъ.

«Это какой нибудь часовщикъ или золотыхъ дѣлъ масторъ, думала я. Наговоривъ мнѣ кучу глупыхъ комплиментовъ, онъ разкрылъ наконецъ богатую табакерку указательнымъ пальцемъ, на которомъ блестѣлъ прекрасный перстень, и, нагнувшись почтительно, попотчивалъ меня табакомъ.

«Надобно замѣтить, что, наклонившись, образовалъ онъ изъ себя двѣ прямыя линеи и очень сталъ похожъ на разогнутый циркуль. При видѣ этой фигуры, я не могла удержаться и засмѣялась ему *въ глаза*; это было неизбѣжно, ибо глаза его такъ приблизились къ моему лицу, что я принуждена была отодвинуться на моихъ креслахъ къ самой стѣнѣ. Однако жь, закрыв-

шись платкомъ, превратила я смѣхъ мой въ чиханье. Для меня несносенъ табачный запахъ, сказала я. Неужели вы думаете, что дѣвицы нюхаютъ табакъ?

— »Конечно, Миссъ! Это теперь въ модѣ; это всѣми принято....

— »Можетъ быть всѣми, которыхъ *вы* знаете, отвѣчала я съ нѣкоторою гордостью.

— »Увѣряю васъ, Миссъ, это принято во всѣхъ лучшихъ обществахъ.

— »Вы какъ это знаете? спросила я насмѣшливо.

— »Какъ мнѣ не знать! — отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ по уши. Всѣ люди *хорошаго тона* покупаютъ у меня табакерки. Сама Мистрисъ Мадиссонъ табакерки изъ рукъ не выпускаетъ. Въ послѣдній разъ, когда я былъ въ *залѣ* (*), вотъ эта самая табакерка была у меня въ рукахъ. Я попотчивалъ Мистрисъ Мадиссонъ табакомъ, и она взяла у меня цѣлую щепоть! Увѣряю васъ.

— » Неужели? — вскричалъ низенькой и толстенькой человѣкъ, который при послѣднихъ словахъ моего Адониса вскочилъ со стула. — Позвольте и мнѣ понюхать изъ этой табакерки!

— »Нечего сказать! — прибавилъ онъ: « табакъ славный! Жаль только, что вы подлили въ него розовой воды. Это между простымъ народомъ только водится. Повѣрьте мнѣ! Я знаю это дѣло, ибо самъ торгую табакомъ. Не хвастая скажу, что лучше моего табаку во всей Америкѣ не сыщешь! И Мистрисъ Мадиссонъ и Французскій Посланникъ, и однимъ словомъ всѣ дипломатическія особы у меня табакъ покупаютъ. Да и табакерки, которыя я продаю, врядъ ли вашимъ уступятъ! —

— »Мистрисъ Мадиссонъ иначе объ этомъ думаетъ! — отвѣчалъ мой *циркуль* съ важнымъ видомъ, разпрямившись, какъ карандашъ. Она предпочитаетъ мои табакерки всѣмъ прочимъ; и очень можетъ хорошо судить объ этомъ предметѣ, ибо у нея столько же табакерокъ, сколько у Царя.... Ахъ, какъ жаль, что я забылъ его имя!.... Словомъ: у Царя, у котораго было до тысячи табакерокъ.

— »Это вѣрно Соломонъ! — вскричала маменька, которая, услышавъ, что разговоръ идетъ о Мистрисъ Мадиссонъ и о знатныхъ людяхъ, подошла къ разговаривавшимъ. Не было Царя, богаче Соломона. Я думаю, передъ нимъ нашъ Президентъ показался бы нищимъ.

— »Оно такъ, Мистрисъ; только Соломону врядъ ли были нужны табакерки. На что онѣ ему! — возразилъ толстякъ.

— » На то, чтобы нюхать табакъ! — отвѣчала маменька съ видомъ самодовольнымъ, какой примѣчается въ человѣкѣ, сказавшемъ нѣчто, по мнѣнію его, весьма справедливое и остроумное.

— »А гдѣ бы взялъ Соломонъ табаку? За всѣ свои сокровища, не достался бы онъ въ тогдашнія времена ни щепотки! — сказалъ толстякъ, и положивъ за щеку табачный листокъ, отвернулся, чтобы плюнуть на коверъ.

— »Какъ бы не такъ! — вскричала маменька. — Если ужъ онъ посылалъ корабли въ Офиръ и во всѣ страны свѣта за золотомъ и дорогими каменьями; то вѣрно могъ бы и сюда прислать корабль за табакомъ. Вѣдь наша *Америка*, я думаю, этихъ всѣхъ странъ не дальше! —

»Добрый купецъ хотя и не хотѣлъ обличать маменьку въ невѣжествѣ, не могъ однако удержаться отъ улыбки. Онъ отвернулся въ другой разъ, какъ будто опять за тѣмъ, чтобъ *плюнуть* на коверъ, и очень былъ доволенъ, что такъ ловко скрылъ свою улыбку. Потомъ вынулъ онъ изъ кармана коробочку, открылъ ее медленно и, взявъ оттуда нѣсколько листковъ табаку, съ такою же медленностію закрылъ ее, прижалъ крышку и положилъ въ карманъ, полагая, что этимъ временемъ предметъ разговора перемѣнится. Но маменька, обратясь къ своему Адонису, опять начала утверждать, что тысяча табакерокъ была точно у Соломона. Я чуть не захохотала, вскочила съ кресель и ушла въ другую комнату.

— »Катерина, Катерина!« — сказалъ Карлъ съ неудовольствіемъ. — « Неужели ты всегда такъ поступать будешь? Я опасаюсь, чтобы смѣхъ твой не превратился когда нибудь въ слезы. Ежели Аристофанъ поступилъ безнравственно, насмѣхаясь надъ добродѣтельнымъ Сократомъ; то не безнравственнѣе ли, сестрица, не противно ли природѣ, не безбожно ли смѣяться надъ родною матерью, и надъ матерью доброю, снисходительною и нѣжно тебя любящею!

— »Прибавь еще: незнающею хорошаго обращенія. Проповѣдуй, Карлъ, сколько тебѣ угодно; ты никакъ меня не исправишь, покуда у меня будутъ уши и глаза. Обращеніе, выговоръ и трубка маменькины всегда противны будутъ тому вкусу и тѣмъ мыслямъ, которыя внушены мнѣ въ пансіонѣ. —

— »Что скажутъ добрые наши родители, когда увидятъ, что за всѣ деньги, истраченныя на твое воспитаніе, ты научилась только неповиновенію и непочтительности? —

— »А какую пользу приноситъ мнѣ это воспитаніе? » вскричала Катерина. — »Къ чему этотъ великолѣпный домъ, эта богатая мебель, которою маменька такъ хвалится, если нѣтъ у насъ знакомыхъ, предъ которыми можно было бы блеснуть всѣмъ этимъ, и которые были бы въ состояніи оцѣнить мои таланты по достоинству?

(*) Такъ называется домъ Президента въ Вашингтонѣ. Во время засѣданій Конгресса, чрезъ каждыя двѣ недѣли бываютъ у Президентши вечера, на которые собираются безъ приглашенія люди всѣхъ состояній, имѣющіе возможность хорошо одѣться.

— »Какъ нѣтъ знакомыхъ? Не говорила ли ты сей часъ сама о сосѣдяхъ, бывшихъ сегодня у насъ послѣ обѣда? Взгляни на улицу: развѣ нѣтъ на ней домовъ, населенныхъ людьми? И развѣ всѣ эти люди не ближніе твои, не такія же, какъ ты, разумныя существа, не съ такими же чувствами?

— »Фи!« сказала Катерина, отвернувшись. « Съ такими же чувствами! Вотъ нашелъ сходство! Скажу тебѣ, Карлъ, разъ навсегда: перестань мнѣ читать проповѣди. Я не стану никогда искать знакомства съ такими людьми, и право удивляюсь, какъ у тебя, котораго всѣ считаютъ геніемъ, могутъ быть такія низкія мысли. —

— »Геніемъ!.. Вотъ новость!.. Скажи же мнѣ, что ты разумѣешь подъ этимъ словомъ? Чѣмъ отличается геній отъ обыкновенныхъ людей? —

— »Тѣмъ, что геній стремится возвышаться надъ другими. Я хотя и не считаю себя геніемъ, однако жь не желала бы остаться въ низу, и лучше рѣшусь прожить весь вѣкъ, ни съ кѣмъ не знаясь, если не найду возможности попасть въ высшій кругъ общества. —

— »Однако жь большею частію,« отвѣчалъ Карлъ, — »не въ этомъ обществѣ встрѣчаются геніи. Виргилій былъ сынъ раба, Горацій — сынъ вольноотпущеннаго, Сократъ — сынъ ваятеля. Не говорю уже о многихъ другихъ славныхъ мужахъ Древности. —

— »Ахъ, оставь въ покоѣ свою вѣчную Древность! Что мнѣ за дѣло до всѣхъ этихъ древнихъ мудрецовъ и великихъ людей! Я готова промѣнять ихъ всѣхъ на одного человѣка *хорошаго тона*. Развѣ они нынѣ управляютъ законами моды? Лучше, по мнѣ, не жить на свѣтѣ, нежели жить не по модѣ; пресмыкаться въ низкомъ состояніи не значитъ жить. —

— »Странно, Катерина, что ты совершенно забываешь состояніе, въ которомъ родилась. Но повѣрь мнѣ, что если ты о немъ и не помнишь, то другіе его не забудутъ. —

— »Вотъ еще новости!« —вскричала съ досадою Катерина. — »Я шла къ тебѣ, въ надеждѣ раздѣлить мои чувствованія съ тобою, какъ съ человѣкомъ, который можетъ понимать меня; но теперь по всему вижу, что и ты... Лучше уйти отсюда! Какая скука! Боже мой! Не знаю, что будетъ со мною!« —

Катерина встала со стула, зѣвая, и сильно хлопнула дверью, выходя изъ комнаты.

Хотя необразованность Г. Мак-Картни, а особенно Г-жи Мак-Картни, заставляла иногда и Карла въ присутствіи посторонныхъ краснѣть; однако жь сіе не только не уменьшало его уваженія къ родителямъ, но усиливало въ немъ чувство признательности къ нимъ за то, что они поставили его нѣкоторымъ образомъ выше самихъ себя. Карлъ раздѣлялъ общество на высшее и низшее не по законамъ моды и не по игрѣ счастія, а по существеннымъ качествамъ ума и сердца. Просвѣщеніе и нравственность служили, въ глазахъ его, основаніемъ истиннаго благородства, и потому раздѣлялъ онъ людей на два класса только сообразно развитію ихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей. Исторія представляла ему множество примѣровъ, что люди низкаго произхожденія нерѣдко достигали высшей степени славы и величія, и совершенно убѣждала его въ основательности вышеозначеннаго мнѣнія. Съ общежитіемъ онъ мало былъ знакомъ, и потому не могъ согласиться во мнѣніяхъ съ сестрою и думать, что есть на свѣтѣ почести, кромѣ тѣхъ, кои доставляются людямъ дарованіями и добродѣтелью. Онъ зналъ, что Виргилій и Горацій, коихъ отцы были низкаго произхожденія, пользовались, не взирая на то, дружбою повелителя міра; и что Августъ никогда не считалъ себя столько счастливымъ, сколько въ тѣ минуты, когда могъ, по собственнымъ его словамъ, находиться между *слезами и слезами*. Карлу никогда и въ голову не приходило считать снизхожденіемъ со стороны Президента Республики, если онъ приглашалъ къ своему столу человѣка образованнаго, не смотря на его произхожденіе. Сестрѣ его такое приглашеніе казалось высшею степенью чести, которой честолюбіе пожелать можетъ, а Карлъ смѣялся надъ нею, какъ надъ дитятемъ, которое съ важностію говоритъ о занимающихъ его игрушкахъ.

Не зная такимъ образомъ мученій ложнаго честолюбія, Карлъ сохранялъ къ родителямъ своимъ уваженіе, всегда внушаемое старостію и добродушіемъ, и любилъ ихъ со всею нѣжностію сына.

ДВА ЧАСА.

Есть часъ блаженства для Поэта:
Когда мгновенною мечтой
Душа внезапно въ немъ согрѣта,
Какъ будто огненной струей.
Сверкаютъ слезы вдохновенья,
Чудесной силы грудь полна
И льются стройно пѣснопѣнья,
Какъ сладкозвучная волна.
Но есть Поэту часъ страданья:
Когда возстанетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, просится словъ.

Но звуковъ нѣтъ въ устахъ Поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.
Вотще онъ стонетъ изступленный;
Ему не внемлетъ Фебъ скупой:
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой.

А. Холяковъ.

СМЕРТЬ.

Ни чья слеза ее не побѣдитъ;
Въ толпѣ людей она незримо бродитъ:
Счастливаго — безжалостно разитъ,
Несчастнаго — безжалостно обходитъ.

Трилунный.

НОВЫЕ РУСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

(*Окончаніе.*)

Новорожденные, перерожденные и возрожденные Рускіе Журналы удивляютъ своимъ разнобразіемъ. *Телескопъ* и *Журналъ иностранной Словесности и Изящныхъ Искуствъ*, *Молва* и *Эхо*, *Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду* и *Новая дѣтская библіотека*, *С. Петербургскій Вѣстникъ* и *Листокъ* (Московскій), наконецъ *Колокольчикъ*: вся эта многоразличность и, такъ сказать, *всеобъемлемость* заглавій и цѣлей, манила любителей журнальнаго чтенія обворожительною надеждой, что любопытство и *любознаніе* ихъ вполнѣ будутъ удовлетворены, что въ новыхъ Журналахъ все будетъ разсмотрѣно, разобрано, возвѣщено, разглашено и даже прозвонено. До какой степени сбылась или сбудется сія надежда, постараемся вывести повѣрки или по крайней мѣрѣ догадки изъ первыхъ NNo сихъ Журналовъ. Начнемъ хронологически съ тѣхъ, кои прежде появились здѣсь въ С. Петербургѣ.

С. Петербургскій Вѣстникъ, *Журналъ Словесности*, *Театра*, *Новостей и Музыки*, издаваемый Г. Аладьинымъ. Въ этомъ Журналѣ есть *Изящная Словесность* (проза и стихотворенія). Можно бы поговорить съ Издателемъ С. Петербургскаго Вѣстника о злоупотребленіи слова: *Изящное*, злоупотребленіи, давно уже замѣченномъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ Журналистовъ и компиляторовъ того-сего: но важное разсужденіе было бы здѣсь не у мѣста, а названіе *изящныхъ* вѣроятно по прежнему осталось бы надъ статьями, переводимыми и сочиняемыми Издателемъ Вѣстника. Впрочемъ, Сочинитель сей статьи обязанъ благодарностью Г. Аладьину, который, по видимому, призналъ изящною повѣсть его: *Исполинскія горы*, и для того рѣшился ее перепечатать въ своемъ Вѣстникѣ. Такое лестное сознаніе конечно должно уничтожить другое пристрастіе Сочинителя, а именно, что на сіе перепечатаніе не было отъ него получено предварительнаго согласія, въ замѣнъ коего Издатель С. П. б. Вѣстника объявилъ, что рѣшается на помянутое перепечатаніе *для пользы Руской Литературы*. Другая, весьма лестная для Сочинителя повѣсти оговорка! — Изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ первыхъ семи книжкахъ С. П. б. Вѣстника, было нѣсколько истинно хорошихъ (Языкова, Деларю, Барона Розена, Ротчева). Библіографія сего Журнала отличается какимъ-то тономъ *домашней* вѣжливости: извѣстные Литераторы величаются по имени и по отечеству, именамъ ихъ поклонъ, — а о достоинствѣ самихъ сочиненій или ни слова, или много-много что нѣсколько безотчетныхъ восклицаній. Какая и кому польза отъ подобной библіографіи — не понимаемъ. Если Издатель не хочетъ знакомить читателей съ новыми произведеніями, если не рѣшается объявить откровенно своего мнѣнія объ оныхъ, то лучше или вовсе исключить библіографію изъ Журнала, или ограничиться выпискою однихъ заглавій и цѣны книгъ, съ указаніемъ, гдѣ онѣ продаются. Не понимаемъ также, что пользы въ статьяхъ о театрѣ, въ которыхъ говорится, что въ такое-то представленіе Г-жа Шелехова играла хорошо, а Г. Бѣшенцовъ дурно? Развѣ это, даже въ самыхъ первоклассныхъ Артистахъ, не зависитъ часто отъ временнаго расположенія духа? Если говорить о театрѣ, то должно наводить читающую публику на другія, болѣе важныя, болѣе положительныя идеи, на пр. на духъ нашей драматургіи, на совершенства или недостатки вообще нашей декламаціи и мимики; а помѣщаемыя донынѣ въ нашихъ Журналахъ ежедневныя лѣтописи представленій, годятся только въ послужные списки Актёровъ и Актрисъ. Въ Смѣси С. П. б. Вѣстника было помѣщено нѣсколько статей замѣчательныхъ, переведенныхъ или заимствованныхъ изъ Журналовъ иностранныхъ.

Колокольчикъ, *литературная Газета*, издаваемая В. Н. Олинымъ и В. Я. Никоновымъ.

Чу!.. въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкой.

Таковъ эпиграфъ, выбранный Издателями для своей Газеты, которой теперь у насъ передъ глазами тоже *семь* NNo. Журналъ сей, по вышепреведенной класификаціи, должно отнести въ разрядъ перерожденныхъ: ибо онъ превращается въ 104 листа изъ 12-ти книжекъ бывшей *Карманной книжки Рускій старины и Словесности* (изъ каковыхъ 12-ти книжекъ, напомнимъ мимоходомъ, недодано за прошлый годъ *семи*. Обѣща-

юнѣ ихъ выдать: подождемъ и увидимъ). Донынѣ Колокольчикъ гремѣлъ *въ пустой дали* пустыми стопьями: дурною прозой, наполненною словами чужезычными, и весьма *прозаическою поэзіей*. Діогенъ-Колокольчикъ фанаремъ своимъ освѣщалъ безъ разбору собранныя и часто вовсе незанимательныя извѣстія, моды, въ описаніи коихъ страдали Французское правописаніе и Рускій языкъ, и Памятную записку о современныхъ произшествіяхъ, изъ коихъ выбрано то, о чемъ не стоитъ помнить. Онъ же, въ провинціяльныхъ правахъ, разсказывалъ о чемъ-то не въ попадъ; онъ же, въ Петербургскихъ новостяхъ, велерѣчиво толковалъ о запѣйливыхъ лакомствахъ, продающихся въ одной изъ здѣшнихъ кондиторскихъ лавокъ. Наконецъ, Квинтиліанъ-Колокольчикъ преважно увѣрялъ своихъ читателей, что *Борисъ Годуновъ*, соч. Пушкина, *есть совершенное ребячество, или, говоря другими словами, школьная шалость, достойная исправленія*. Сочинитель драматическаго *Корсера*, Г. Олинъ, судилъ, и весьма неблагосклонно, о слогѣ и поэзіи Пушкина. »Употребленіе тиранъ языка,« говоритъ онъ; »и если слово, въ умѣ читателей, хотя »сколько нибудь можетъ имѣть свою смѣшную сторо»ну, прочь, прочь его скорѣе, замѣните сей же часъ »другимъ. Никогда не должно казаться смѣшнымъ.« Жаль, что сія нѣжная заботливость о чистотѣ вкуса и языка пришла нѣсколько поздо на мысль почтенному Автору *Корсера*: тогда бы у него *волны не вставали на дыбы, чтобы поглотить сердце* Медоры, не было бы ни *летучаго нектара*, ни *несчастій, брызжущихъ за края изъ чаши бытія*, ни *перваго удара пульса всеобщей жизни*, и пр. и пр. Жаль, что и языкъ Колокольчика не совсѣмъ чистъ и правиленъ; что въ немъ встрѣчаются *Петербуржцы* (Петербургскіе жители), *консепціи, паралитическія фантазіи*, и тому подобныя загадочныя выраженія. Но можетъ быть, въ этомъ заключается какое нибудь особенное намѣреніе: можетъ быть, Сфинксъ-Колокольчикъ хочетъ оправдать слѣдующіе стихи Майкова:

Хотя въ немъ смысла мало,
Да естество себя въ немъ чудно изломало.

Сѣверная Пчела принадлежитъ къ новымъ Журналамъ столько по своему размноженію: изъ бывшихъ 156 NNo, въ нынѣшнемъ году она разплодится на 306. Въ новыхъ ея листкахъ, мы знакомимся съ *Петромъ Ивановичемъ Выжигинымъ*, и радуемся, что онъ является намъ впервые *по святочному*: въ маскарадномъ платьи.

Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду, возродившіяся, какъ Фениксъ, изъ пепла покойнаго *Славянина*, выступили на поприще съ забавною и остроумною шуткой, подъ заглавіемъ: *Журналистъ*. Надѣемся, что и впредь будемъ встрѣчать въ этой Газетѣ статьи подобнаго содержанія, и ожидаемъ многаго отъ ѣдкой наблюдательности Г-на Алексѣя Кораблинскаго.

Журналъ иностранной Словесности и Изящныхъ Художествъ. По программѣ сего Журнала, написанной скромно и разсудительно, мы въ правѣ были ожидать отъ него много дѣльнаго, и, признаемся, первая книжка не совсѣмъ насъ удовлетворила, покрайней мѣрѣ въ главныхъ частяхъ своихъ. *Общій взглядъ на ходъ просвѣщенія народовъ*, есть остроумная, поэтически изложенная ипотеза Виктора Гюго; но все же она ипотеза, а мы желали бы о семъ предметѣ прочесть что нибудь болѣе обдуманное. Разсмотрѣніе поэмъ Альфреда де Виньи слабо, и такъ сказать, сбивается на старыя критики. Теперь уже не требуютъ отъ Рецензента отчета въ томъ, выполнилъ ли разбираемый имъ Поэтъ и какъ выполнилъ школьныя условія искуства: возпользовался ли онъ временемъ и мѣстомъ дѣйствія, обстоятельствами и т. п.; но хотятъ узнать духъ его поэзіи, отличительное свойство его таланта. Самая замѣчательная статья сей 1-й книжки есть: *Краткій историческій взглядъ на состояніе Художествъ въ Россіи*, которой помѣщено здѣсь только начало, или историческое обозрѣніе Художествъ въ нашемъ отечествѣ, отъ первыхъ вѣковъ онаго до нашествія Татаръ. Конечно, объ Исторіи нашихъ искуствъ нечего сказать новаго, послѣ того, что говорили о нихъ Карамзинъ, Григоровичь и нѣкоторые другіе Писатели Рускіе и иностранные; но все бы желательно было найти въ сей статьѣ или изслѣдованія о предметахъ сомнительныхъ, или новую точку зрѣнія, съ которой Сочинитель смотрѣлъ на сіи предметы. Одна мысль заслуживаетъ вниманія по своей новости. Сочинитель говоритъ о томъ, что Рускіе, принявъ отъ Грековъ вѣроисповѣданіе, »изпребили у »себя раждающіяся искуства еще грубыя и уродливыя; »ибо увидѣли произведенія Грековъ, далеко превосходя«щія ихъ собственныя;« и присовокупляетъ къ тому: »Будущность искуствъ Славянскихъ изчезла; ее погло»тили художества Византійскія; и на степень пре»восходнаго, до коей могли бы достигнуть Славяне, »предоставленные естественному направленію своего »дарованія, содѣлалась для насъ проблеммою. Вмѣсто »дикой, необузданной полноты жизни, вмѣсто востор»женности, столь свойственной народу юному и силь»ному, въ произведеніяхъ ихъ явились гладкость, пря»мота, бережливость, чистосердечіе, кроткая благого»вѣйность и чрезмѣрная простота положеній и одежды, »характеръ Византійскихъ художествъ того времени.« Мысль эта конечно нова, но не совсѣмъ справедлива. Совершенство формъ и изящество вкуса древнихъ Грековъ, служили образцами въ искуствахъ всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ: красота Греческая есть и донынѣ идеалъ соразмѣрности, легкости и прелести. Когда отъ Художествъ Европейскихъ, наслѣдовавшихъ Греческимъ, перенесемъ мы взоръ на тѣ народы, кои сами себя образовали; то видимъ или нестройность формъ, или

мертвенность положеній, или совершенное невѣдѣніе сочетанія свѣта и тѣни. Ваяніе и зодчество Египтянъ, и живопись Китайцевъ, служатъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Слѣдовательно, Изящныя искусства тамъ только процвѣтали и совершенствовались, гдѣ образцы ихъ заимствованы были у Грековъ, и позже у Итальянцевъ. Лучшіе Живописцы Фламандскіе, Французскіе, Испанскіе и Нѣмецкіе въ главномъ послѣдовали Итальянцамъ; а нѣкоторыя отступленія, подражанія природѣ мѣстной, отличія кисти и колорита и пр. и пр., суть только исключенія частныя, нимало не противорѣчащія общему положенію. Богъ знаетъ, что были бы неподражательныя, а самобытныя Художества у Рускихъ: можетъ быть то же, что у Индѣйцевъ, Арабовъ, Мексиканцевъ и другихъ народовъ, кои сами собою достигли до извѣстной степени образованности.

Эхо, Журналъ, издающійся также какъ и предшествовавшій, Г-мъ П. Волковымъ, предназначенъ для помѣщенія новыхъ произведеній Рускихъ, въ прозѣ и стихахъ, для библіографіи Рускихъ книгъ, извѣстій о модахъ и пр. и. Въ двухъ NNo., донынѣ появившихся, напечатаны два отрывка, одинъ изъ путешествія Русскаго по Турціи, другой изъ какой-то Восточной повѣсти. Оба сіи отрывка занимательны. Касательно библіографіи сего Журнала, скажемъ то же, что и о библіографіи *Журн. иностран. словесн. и пр.* Рецензентъ, (или Рецензенты), увиваясь вокругъ мѣлочей, упускаетъ изъ виду главное: достоинство и эфектъ цѣлаго. Еще замѣтимъ: слогъ въ обоихъ Журналахъ не весьма чистъ, и желательно бы встрѣчать въ нихъ менѣе типографическихъ ошибокъ.

Телескопъ. Журналъ современнаго просвѣщенія, издаваемый Н. Надеждинымъ. Если бъ мы искали привязокъ, то спросили бы: зачѣмъ такое громкое и всеобъемлющее заглавіе: *Журналъ современнаго просвѣщенія?* и нужна ли была къ сему Журналу статья: *Вмѣсто предисловія*, помѣщенная въ началѣ 1-й книжки? Но мы знаемъ, что подобныя пятнышка не вредятъ достоинству хорошаго Журнала; а если *Телескопъ* будетъ такъ продолжаться, какъ начатъ, то онъ по праву можетъ назваться хорошимъ Журналомъ. Первая статья: *Современное направленіе просвѣщенія*, показываетъ въ безыменномъ ея Сочинителѣ умъ, наблюдательность и свѣдѣнія разнообразныя. Не соглашаешься съ нѣкоторыми его доводами; но все признаешь въ нихъ отчетливость, открываешь основныя мысли. Отрывокъ изъ новаго романа Г. Загоскина: *Рославлевъ или Рускіе въ 1812 году*, служитъ блистательнымъ доказательствомъ, что Авторъ Юрія Милославскаго оправдываетъ пріятныя надежды, поданныя любителямъ чтенія первымъ его опытомъ. Сей отрывокъ согрѣтъ чувствомъ истинно Рускимъ; въ разговорахъ и сужденіяхъ нашихъ купцовъ и крестьянъ много правды и живости; характеры дѣйствующихъ лицъ, сколько можно судить по небольшому отрывку, должны быть весьма естественны. Другой отрывокъ, изъ трагедіи: *Марва Посадница*, также очень хорошъ: сцена занимательна, стихи благозвучны и языкъ приличенъ изображаемой эпохѣ. *Литературная и политическая жизнь Шатобріана* — статья замѣчательная. Въ библіографіи замѣтны безпристрастіе и откровенность, отчасти рѣзкая. Остальныя статьи (*Объ Итальянскихъ театрахъ*, письмо Г. Шевырева, и *Новости наукъ и искусствъ*) разнообразятъ сей Журналъ и придаютъ ему занимательность лучшихъ Европейскихъ періодическихъ изданій.

Молва, издаваемая при Телескопѣ особыми листками, началась забавною пародіею по усопшимъ Московскимъ Журналамъ, а во 2-мъ листкѣ провозглашено новое поколѣніе Рускихъ Журналовъ. Остальное мѣсто въ сихъ листкахъ наполняется насущными новостями, замѣчаніями и пр. Шутки этой Молвы отличаются веселостью непринужденною и неоскорбительною ни для образованнаго вкуса, ни для чьей-либо личности.

Новая дѣтская Библіотека издается снова Господиномъ Федоровымъ, на иждивеніи книгопродавца Непейцына. Въ двухъ первыхъ книжечкахъ (съ 2-мя картинками) помѣщены: разговоры, отечественныя повѣствованія, пьесы для дѣтскаго театра, бесѣды о Натуральной Исторіи, повѣсти и сказки, наконецъ стихотворенія. Все это разнообразно и занимательно для дѣтей; желаемъ искренне, чтобъ и впредь Журналъ сей поддерживался такими же качествами (разнообразіемъ и занимательностію), и чтобъ онъ постоянно выходилъ въ опредѣленное время.

Листокъ Московскій есть въ нѣкоторомъ смыслѣ сколокъ съ Петербургской Бабочка, хотя онъ, по видимому, и ограничился одною только Москвою.

Если прибавимъ къ сему изчисленію новыхъ, возобновленныхъ, превращенныхъ и размноженныхъ Рускихъ Журналовъ, сумму тѣхъ, кои уцѣлѣли отъ прошлыхъ годовъ; то читатели увидятъ, какой у насъ богатый и разнообразный запасъ чтенія для людей всякаго возраста, воспитанія и вкуса! Напомнимъ еще, что въ нынѣшнемъ году семь или восемь Журналовъ извѣщаютъ прекрасный полъ о новыхъ модахъ, а пять изъ нихъ прилагаютъ даже картинки модъ, одни постоянно, другіе по временамъ. Щеголихи Рускія жалуются только, что не знаютъ, какимъ Журналомъ и какими картинками руководствоваться: почти всѣ моды, возвѣщаемыя Издателями, суть Парижскія, и почти всѣ онѣ разнятся и описаніями, и рисунками.

Соловей.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Киргизъ-Кайсакъ, повѣсть. Сочиненіе В. Ушакова. 2 ч. — М. въ типогр. Н. Степанова, при Императорскомъ Театрѣ, 1830. (въ I-й ч. 238, во II-й 244 стр. въ 12-ю д. л. (*)

Идея, на которой основана завязка сего романа, можетъ быть, ошибочна: спѣсивый Князь Любскій сперва препятствуетъ дочери своей вступить въ супружество съ Викторомъ Славскимъ за то, что онъ внукъ священника; а послѣ запрещаетъ ей о томъ и думать, ибо открывается, что Славскій не что иное, какъ Киргизъ-Кайсакъ, проданный своею матерью Оренбурскому чиновнику. Славскій въ отчаяніи, ѣдетъ на войну и пр. д. Дѣло въ томъ, что въ нашемъ быту, по нашему образу мыслей, молодой ротмистръ Гвардіи, у коего два милліона въ Ломбардѣ и 2,000 душъ, конечно ужь Аристократъ, какого бы впрочемъ ни былъ онъ произхожденія. Привязанность къ старинным дворянскимъ грамотамъ не есть у насъ общепонятный характеръ, но частная странность, какъ любовь къ древнимъ монетамъ или экзотическимъ растеніямъ. Разсмотрѣніе выгодъ и невыгодъ сего порядка вещей было бы здѣсь неумѣстно. Скажемъ только, что Г. Ушаковъ напалъ на предразсудокъ, который у насъ не существуетъ: онъ сего и романъ не имѣетъ той занимательности, которой мы въ правѣ были ожидать, судя по отрывкамъ, уже напечатаннымъ.

Еще замѣчаніе: Князь Любскій, котораго Авторъ хотѣлъ представить ненавистнымъ глупцомъ, дѣйствуетъ вообще, какъ человѣкъ очень благоразумный и объясняется умно, даже остроумно. Напр.: «Отчужденіе предразсудковъ хорошо въ мелодрамѣ и »если бы я сочинялъ театральную пьесу, то конечно »выставилъ бы на сценѣ такой великодушный посту»покъ. Но въ нашемъ обстоятельствѣ дѣйствуютъ »не Актёры, которые по окончаніи спектакля снима»ютъ съ себя знаменитыя платья, вмѣстѣ съ костю«момъ. Нѣтъ, mon cher! я не посрамлю своего ро»да. Пожалуй, много у насъ отыщется Калмычатъ, »Киргизятъ, Кара-Калпаковъ и другихъ степныхъ »выходцевъ, которыхъ покупаютъ, какъ обезьянъ и »попугаевъ, единственно для забавы. Не прикажете »ли ихъ всѣхъ переженить на знатнѣйшихъ дѣвицахъ »нашего отечества, на Княжнахъ, на Графиняхъ? »Нѣтъ, братецъ! я не слѣдую этой модной филосо»фіи.»

Графъ Рѣшимовъ долженъ былъ отвѣчать, что (какъ сказали мы выше) Гвардіи ротмистръ, имѣющій два милліона въ Ломбардѣ, не есть *Киргизенокъ, купленный, какъ обезьяна*; но въ романѣ остается правымъ Князь Любскій.

Не смотря на то, *Киргизъ-Кайсакъ* принадлежитъ къ малому числу романовъ, достойныхъ вниманія и одобренія публики. Разсказъ очень хорошъ. Въ подробностяхъ вообще много истины и искуства. Многія сцены живы и занимательны. Свиданіе Виктора съ матерью необыкновенно трогательно. *Изд.*

(*) Продается въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ д. Г-жи Гавриловой. Цѣна за 2 части 8 р., съ пересылкою 10 руб.

СМѢСЬ.

Г. Издатель *Телеграфа* объявилъ со свойственной ему скромностію, что «Журналъ его и впредь хуже не будетъ.»

На сіе *Молва* тотчасъ ему замѣтила, что и Г. Издатель Телеграфа невозможнаго сдѣлать не можетъ.

А мы съ своей стороны замѣтимъ *Молвѣ*, что шутка ея остроумна, но не совсѣмъ справедлива. Издатель Телеграфа первымъ No своего Журнала на нынѣшній годъ доказалъ, что для него и невозможное возможно.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 31-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щеглов.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМЪ III, № 6. ЯНВАРЯ 26го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

Адмирала Ивана Михайловича Головина.

(Посвящено Александрѣ Александровнѣ Головиной).

«Едва ли какой Государь имѣлъ подобныхъ Министровъ, »какъ Петръ Великій,« говоритъ одинъ иноземный Писатель.—И точно читатель Исторіи Мудраго Преобразователя Россіи не знаетъ, кому болѣе удивляться: Петру ли, любившему слушать правду, часто оскорблявшую Его пылкость, или Его Министрамъ, нестрашившимся высказывать истину Монарху, рѣдко хладнокровному. Сіи сподвижники Петра были, кажется, рождены для того, чтобъ быть сотрудниками, товарищами въ безсмертномъ Его подвигѣ. — Въ числѣ сихъ мужей находился Адмиралъ Иванъ Михайловичъ Головинъ, котораго жизнь я намѣренъ здѣсь описать.

Предокъ его, Князь Стенанъ Васильевичъ Ховра, родомъ Грекъ, былъ владѣтельный Князь Таврическій; онъ *выѣхалъ*, какъ сказано въ Лѣтописяхъ нашихъ, *изъ вотчины своей съ Судака* (1) *изъ Манкупа* (2), *да изъ Кафы* (3) *съ сыномъ своимъ Князелъ Григорьемъ, во дни Благовѣрнаго Великаго Князя Василья Дмитріевича*, т. е. въ концѣ XIV столѣтія. Правнукъ сего Князя, Боярин Иванъ Владиміровичъ, принялъ прозваніе *Головы* или *Головина*, которое далъ ему воспріемникъ его, Великій Князь Василій Васильевичъ. Сынъ его Петръ Ивановичъ, любимецъ В. К. Василія Іоанновича, былъ Казначеемъ и Думнымъ Боляриномъ (4); внукъ же его Петръ Петровичъ, Окольничимъ и ближнимъ Боляриномъ. Къ нему, какъ пишетъ Карамзинъ, въ пользу Ганзейскихъ купцевъ, изгнанныхъ изъ Новагорода при Іоаннѣ III и желавшихъ снова завести свою торговлю въ Россіи, писало Правительство Любское въ 1562 году и убѣдительно просило его, чтобъ онъ замолвилъ Царю доброе слово за Ганзу (5). — Правнукъ Ивана Головы и дѣдъ Адмирала Ивана Михайловича, Петръ Петровичъ меньшой, былъ возведенъ въ санъ Боярина при вступленіи на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича и въ 1639 году былъ посланъ *ставить* городъ Якутскъ и былъ въ ономъ Воеводою (6). При Царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ былъ Окольничимъ. У него было четыре сына: старшій Иванъ, скончавшійся въ молодости; второй, отецъ Адмирала Ивана Михайловича, Боринъ Михайла Петровичъ; третій, Боринъ Алексѣй Петровичъ, отецъ Фельдмаршала Графа Ѳедора Алексѣевича; четвертый Демидъ, умершій въ молодости.

Отецъ Ивана Михайловича, Боринъ Михайло Петровичъ, былъ мужъ рѣдкой добродѣтели, любимый Дворомъ и уважаемый народомъ; его, въ 1685 году, во время ужаснаго Стрѣлецкаго бунта, когда юные Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, спасаясь отъ ножей убійцъ, уѣхали въ село Коломенское, Боярская Дума назначила Правителемъ Москвы. — Михайло Петровичъ, прибывъ въ мятежную столицу, своею неустрашимостію и благоразумными распоряженіями скоро укротилъ бунтовщиковъ и привелъ ихъ въ раскаяніе, такъ что они, окружа дворецъ, съ покорностію клали головы свои на плахи, винились въ своихъ преступленіяхъ и предавали себя на волю Божію и Царскую (7).

(1) Судакъ или Судагъ, нынѣ мѣстечко, нѣкогда весьма процвѣтавшій своею торговлею городъ, лежитъ на высокой горѣ. Онъ имѣетъ богатые сады и виноградники. Городъ Судагъ послѣ Кафы былъ первымъ городомъ въ Тавріи. О пространствѣ его можно судить потому, что онъ заключалъ въ себѣ болѣе ста церквей. (См. Истор. Сестренцевича о Тавріи).

(2) Манкупъ или Манкушъ, въ древности столица Готѳовъ при рѣкѣ Кабардѣ (См. тамъ же).

(3) Кафа, въ древности Ѳеодосія, славилась въ теченіе трехъ столѣтій, бывъ во владѣніи Генуэзцевъ; лежитъ на горѣ; рѣчка Истрія орошаетъ стѣны, окружающія городъ. (Тамъ же).

(4) См. Ист. Гос. Рос. Карамз. Т. VII. стр. 169.

(5) См. Ист. Гос. Р. Карамз. Т. IX; прим. стр. 86.

(6) Др. Рос. Вив. Т. III. стр. 161.

(7) Дѣян. Петра В. Т. I. стр. 191. — 195.

Боярин Михайло Петровичъ имѣлъ у себя трехъ сыновей. Старшій, Аѳинамонъ, былъ Генералъ-Аншефомъ и кавалеромъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго; второй, Адмиралъ Иванъ, и третій Михайло, умершій въ молодости.

Начало военныхъ подвиговъ Ивана Михайловича было въ Турціи. — Въ 1696 году, во время втораго похода подъ Азовъ, онъ былъ Командоромъ 4-й роты изъ двадцати девяти, при флотѣ состоявшихъ. Петръ Великій былъ Капитаномъ сей роты, всего же флота начальникомъ Генералъ-Коммиссаръ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ (8).

Въ слѣдующемъ году Иванъ Михайловичъ отправился съ Петромъ Великимъ въ иноземныя Государства, въ свитѣ чрезвычайнаго Посла Ѳ. А. Головина. — Въ Голландіи онъ учился вмѣстѣ съ Государемъ корабельной архитектурѣ (9), и пробывъ три года за границею, возвратился въ Россію со званіемъ корабельнаго мастера. — Съ сего времени Императоръ всегда называлъ его Княземъ Басомъ; Самъ Петръ гордился симъ званіемъ и предпочиталъ его, сидя съ нимъ на высокой мачтѣ корабельной, всѣмъ великимъ титламъ Своимъ.

По прибытіи И. М. изъ Голландіи, Государь назначилъ его капитаномъ въ Гвардію и послалъ въ Воронежъ на верфь корабельную, подъ вѣдѣніе Адмирала Апраксина (10).

Въ 1710 году, И. М., бывъ Сенаторомъ (11), сдѣлалъ слѣдующій поступокъ, казавшійся ему, какъ должно думать, весьма обыкновеннымъ, но нынѣ едва вѣроятный для умовъ, окованныхъ приличіями свѣта.

По одержаніи знаменитой побѣды при Полтавѣ, Петръ Великій перенесъ оружіе свое въ Лифляндію, гдѣ наше войско, изнощая послѣдніе сухари свои, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ могло бы остаться совершенно безъ всякаго продовольствія, котораго и ожидать въ скоромъ времени не могло, потому что оное изъ южныхъ губерній нашихъ не иначе могло быть доставляемо куда, какъ чрезъ С. Петербургъ, а сообщеніе съ симъ городомъ было еще весьма затруднительно. Петръ Великій, видя опасность, которой могла подвергнуться его армія, приказалъ (25 Марта) Князю Меншикову немедленно предложить Сенату: сдѣлать свое опредѣленіе о собраніи и доставленіи продовольствія для войска въ С. Петербургѣ къ Маю или къ Іюню мѣсяцу.

Меншиковъ представилъ Сенаторамъ, сколь необходимо скорое исполненіе сего повелѣнія и какое бѣдствіе можетъ постигнуть нашу армію; и сколько восхищенъ будетъ Императоръ, если мы найдемъ, продолжалъ онъ, неразорительный и возможный способъ доставить къ назначенному времени потребное количество хлѣба для арміи и флота.

Сенаторы, разсмотрѣвъ предложеніе Меншикова, положили единственно возможнымъ средствомъ по краткости времени, собрать требуемое количество хлѣба съ Новогородскихъ крестьянъ, какъ ближайшихъ къ С. Петербургу, разположа, почему придется на душу.

Меншиковъ немедленно заготовилъ опредѣленіе, всѣми Сенаторами подписанное, кромѣ Ивана Михайловича Головина (не бывшаго въ тотъ день въ собраніи Сенаторовъ, по частымъ занятіямъ своимъ въ Адмиралтействѣ). По прибытіи же Императора въ Сенатъ, Сенаторы представили Его Величеству свое опредѣленіе, изъясняя, что изъ другихъ Губерній не возможно ни собрать, ни привезти въ С. Петербургъ требуемаго количества хлѣба къ назначенному времени.

Петръ Великій прочелъ опредѣленіе и по необходимости долженъ былъ имъ остаться довольнымъ; но не видя подписи Ивана Михайловича, велѣлъ послать за нимъ; и когда Головинъ прибылъ, Государь предложилъ ему разсмотрѣть опредѣленіе Сената и дать свое согласіе. — Головинъ приказалъ секретарю прочесть оное и слушая внимательно, при каждой почти строкѣ съ негодованіемъ приговаривалъ: *Куда какія умныя головы!* Выслушавъ же до конца, взялъ опредѣленіе и не сказавъ ни слова, разодралъ его пополамъ, и началъ самъ писать свое мнѣніе.

Петръ Великій, сколь ни любилъ Ивана Михайловича (12), но не въ состояніи бывъ извинить въ сію минуту дерзости, среди Сената Особѣ Его сдѣланной, подбѣжалъ къ Головину, какъ казалось, съ намѣреніемъ ударить его; но хладнокровіе сего знаменитаго мужа удержало разгнѣваннаго Государя. Онъ вдругъ остановился за креслами Ивана Михайловича и съ любопытствомъ сталъ читать, что писалъ Головинъ, не обратившій ни малѣйшаго вниманія на гнѣвъ своего Монарха.

»Стыдно и грѣшно Сенаторамъ,« писалъ сей правдивый мужъ, »возлагать на отягченный и безъ того

(8) Доп. къ Дѣян. Петра В. Т. IV. стр 194.

(9) Доп. къ Дѣян. Петра В. Т. IV. стр. 365.

(10) Петръ Великій, находясь въ Вильнѣ 1705 года 11-го Іюля, писалъ въ Воронежъ къ Апраксину, чтобы онъ отпустилъ къ Нему Головина, который по сему приказанію тотъ же часъ отправился въ Вильну, гдѣ пробывъ до 30 Октября, возвратился къ Апраксину съ повелѣніемъ отъ Государя, какіе заложить корабли. Петръ Великій приложилъ къ планамъ Своимъ, чертежъ И. М. Головина. «При семъ (пишетъ Государь) доложа Баса, которой такожъ изволилъ свой чертежъ послать при семъ.«

(11) Въ 1707 году И. М. велѣно было присутствовать въ Сенатѣ.

(12) Императоръ, говоритъ Берхгольцъ, любилъ Головина за его прямодушіе, испытанную вѣрность и за оказанное въ сраженіяхъ мужество.

»народъ новое бремя, когда они сами легко могутъ по»жертвовать на армію требуемое количество провіан»та изъ собственнаго хлѣба, который находится у нихъ »въ Петербургѣ и въ ихъ деревняхъ; въ слѣдствіе че»го Иванъ Головинъ обязуется поставить десять ты»сячъ четвертей.«

Написавъ сіе опредѣленіе, Иванъ Михайловичъ прочелъ его вслухъ и не обращая глазъ своихъ на Государя, уже примирившагося съ нимъ душею, подалъ листъ сей товарищамъ своимъ, сказавъ: »Вотъ, Г-да Сенато»ры, какое надо опредѣленіе! Подписывайте и вы для »спасенія арміи отъ голода, сколько кто будетъ въ »состояніи; а глядя на насъ, безъ сомнѣнія пожертву»етъ каждый Русскій, судя по богатству своему.«

Сенаторы съ удовольствіемъ согласились исполнить опредѣленіе Головина и тутъ же подписали по столько же, а Князь Меншиковъ втрое. Примѣру ихъ послѣдавали многіе богатые и знатные Россіяне.

Когда же Петръ Великій сталъ благодарить Головина за усердіе и умный совѣтъ, то Иванъ Михайловичъ отвѣчалъ Ему: »Не за что, Государь, благодарить ме»ня: нашъ долгъ помогать Тебѣ словомъ и дѣломъ для »блага отечества, которое мы съ Тобою равно лю»бимъ (13).«

14-го Сентября 1712 года, Иванъ Михайловичъ произведенъ былъ въ Генералъ-Маіоры (14).

26-го Апрѣля слѣдующаго года, Петръ Великій, въ званіи Контръ-Адмирала, вывелъ въ море для завоеванія Финляндіи галерный флотъ, подъ начальствомъ Генералъ-Адмирала Графа Апраксина. — Вмѣстѣ съ нимъ назначенъ былъ также и Генералъ И. М. Головинъ. — 8-го Мая флотъ нашъ прибылъ къ Эльсингфорсу; Комендантъ города, не посмѣвъ сопротивляться, ушелъ ночью со всѣмъ войскомъ своимъ. — Гарнизоны городовъ Бургоу и Або не болѣе оказали сопротивленія: также постыдно убѣжали по приближеніи нашего флота.

10-го Сентября, Государь отправился въ Петербургъ, приказавъ Адмиралу Апраксину отыскать укрывающагося непріятеля и разбить его. Въ слѣдствіе чего, лазутчики наши донесли, что Шведы стоятъ близъ города Тавастгуста. — 20-го числа, Апраксинъ двинулъ силы свои противъ непріятеля, который, узнавъ о приближеніи Рускихъ, оставилъ городъ и отступилъ за два большія озера, соединяющіяся рѣкою Пелкиномъ, и укрѣпился ретраншаментомъ и баштареями. Графъ Апраксинъ, чтобы раздѣлить силы Шведовъ (28 числа), приказалъ Генералу Князю Голицыну переправиться черезъ озеро и сразиться съ непріятелемъ; самъ же, съ Генералами Головинымъ и Брюсомъ, почти вплавь перейдя черезъ рѣку Пелкинъ, напалъ на укрѣпленія (15). Шведы, всегда убѣгавшіе битвы, сразились на сей разъ съ отчаяннымъ мужествомъ, какъ въ прежніе годы, предводимые Карломъ. Но наши, не смотря на упорное сопротивленіе, выпѣснили ихъ изъ укрѣпленій и вогнали въ лѣсъ, отнявъ у нихъ всѣ пушки и знамена.

Петръ Великій, получа вѣсть о сей знаменитой побѣдѣ, принесъ благодареніе Всевышнему, приказалъ выбить медаль въ память поспѣшеству о семъ блистательномъ успѣхѣ нашего оружія (16) и желая, чтобы вся Европа знала о столь славномъ пораженіи давнишнихъ враговъ Его, послалъ о семъ извѣстіе ко всѣмъ Министрамъ Своимъ, находившимся при иностранныхъ Дворахъ (17).

Въ семъ году И. М. былъ утвержденъ въ званіи Оберъ-Сарваера.

Вотъ одно любопытное письмо Ивана Михайловича къ Петру Великому, посланное изъ Финляндіи.

»Первонамальнѣйшій отъ всѣхъ мастеровъ корабель»ныхъ Петръ Михайловъ!

»Я нижеименованный, симъ указомъ Генерала Адми»рала и Адмиралтейца Генерала Графа Ѳ. М. Апрак»сина, пишу Тебѣ: что показано отъ Его Сіятель»ства конечно 80-ти пушечный корабль дѣлать Тебѣ, »и въ томъ имѣй неослабное стараніе въ работѣ; въ »чемъ мы имѣли бы Тобою довольствіе и о чемъ, буде »какое Тебѣ противленіе покажется въ работѣ Своей, »о томъ немедленъ будь допошеніемъ намъ, въ быт»ности и отлучку нашу. Симъ подтверждаю Тебѣ сво«имъ писаніемъ.

Басъ Головинъ.«

5-го Ноября 1713 года.

Въ слѣдующемъ году Иванъ Михайловичъ оставался въ Финляндіи до Мая мѣсяца, вмѣстѣ съ Княземъ М. М. Голицынымъ.

19-го Февраля, близъ города Вазы, встрѣтили Шведовъ подъ предводительствомъ Генерала Армфельда, напали на нихъ и разбили на голову. Въ семъ дѣлѣ нашихъ было до 8,000 человѣкъ — Шведовъ неменѣе. Непріятелей легло на мѣстѣ до 5,000; 500 взято въ плѣнъ; 7 пушекъ, одна гаубица и 20 знаменъ достались въ руки побѣдителей.

22-го Мая, Петръ Великій собралъ военный совѣтъ для предпріятія рѣшительныхъ дѣйствій противъ непріятеля, и на семъ совѣтѣ положили: корабельному

(13) Дополн. къ Дѣян. Петра В. Т. XVII. стр. 159.

(14) См. Списокъ Военныхъ Генераловъ. 1809.

(15) Дѣян. Петра Великаго, Т. IV, стр. 261.

(16) На одной сторонѣ сей медали былъ изображенъ Императоръ, на другой мѣстоположеніе битвы и сражающійся воинъ въ Римской одеждѣ, съ поднятымъ копьемъ. Внизу надпись: Suete cecidere triumphis. Claud. Въ абшнитѣ: Sueci ad Pelkynum amnem victi. 6 Oct. S. v.

(17) Доп. къ Дѣян. Петра Великаго, Т. X. стр. 98.

флоту подъ начальствомъ Шаубенахта - Императора идти къ Ревелю, присоединивъ къ нему эскадру галеръ Генерала Головина (18); а большому галерному флоту, подъ предводительствомъ Адмирала Апраксина, слѣдовать въ Финляндію къ Або.

2-го Іюня Петръ Великій, отъ Варивалдая съ корабля Екатерины, писалъ къ Головину:

»Когда Адмиралъ поднимет полосатый флагъ, бѣлый съ краснымъ, на флагштокѣ гротстенга, тогда »командиру отъ галеръ прійти къ Адмиралтейскому »кораблю со всѣми (галерами); буде же при ономъ знакѣ, на той же мачтѣ вымпелъ поставленъ будетъ: »по сколько оныхъ, столько скамповей послать къ »адмиральскому кораблю.«

7-го же Іюня, Государь писалъ къ нему отъ Готланда, съ того же корабля:

»Караульнымъ, которые поставлены на Готландѣ для »осмотра непріятельскихъ кораблей, накрѣпко приказать, чтобъ они того смотрѣли, и ежели увидятъ »до 7-ми парусовъ и меньше 7-ми, то дать знать зажженіемъ одной пирамиды. Буде же больше 7-ми парусовъ увидятъ, то зажечь вдругъ 3 пирамиды.«

11-го того же мѣсяца, Государь прибылъ въ Ревель, а оттуда, оставивъ тамъ часть эскадры своей по предписанію Адмирала Апраксина, отправился къ его флоту.

27-го Іюля произходила жестокая и рѣшительная битва со всею Шведскою эскадрою, по совершенномъ истребленіи которой, наши овладѣли островомъ Аландомъ.—Послѣ сей блистательной побѣды, Петръ Великій приказалъ Адмиралу Апраксину идти на зимовье къ Кронштлоту.

29-го Августа эскадра, остававшаяся въ Ревелѣ, соединилась съ флотомъ. — Императоръ въ тотъ же день съ И. М. Головинымъ перешелъ на корабль Св. Екатерины.

31-го, между Березовыми островами и Кронштлотомъ захватилъ ихъ жесточайшій штурмъ; а на другой день вѣтръ усилился до такой степени, что едва ли уцѣлела одна мачта на флотѣ нашемъ. Государь, видя неминуемую погибель корабля Своего, рѣшился сѣсть въ шлюпку съ одними гребцами и управляя рулемъ, пробивался, во тьмѣ ночной, сквозь страшные валы разъяреннаго моря. Всѣ были въ отчаяніи. — Но Провидѣнію угодно было блюсти священную главу Великаго Монарха Россіи. Онъ присталъ къ берегу Березовыхъ острововъ, разложилъ огонь и далъ тѣмъ вѣсть бѣдствующему флоту о Своемъ спасеніи и о недалекой отъ нихъ пристани.

Петръ Великій, послѣ сей угрожавшей Ему гибели, прибылъ наконецъ благополучно въ Свою новую столицу и 3-го Сентября было торжественное въ оную шествіе. Впереди шла гренадерская рота Л. Г. Преображенскаго полка, предводимая Генераломъ Головинымъ (19), за нею 12 пушекъ, 60 знаменъ и три штандарта Шведскіе, взятые въ упомянутомъ сраженіи 19-го Февраля. Двѣ роты Астраханскаго полка. Плѣнные Шведы. Двѣ роты Л. Г. Преображенскаго полка, 14 Шведскихъ офицеровъ. Флагъ непріятельскаго Шаубенахта Эрншильда; самъ Эрншильдъ; за нимъ Императоръ въ морскомъ мундирѣ и остальныя роты Преображенскаго полка. — Съ крѣпостей, галеръ и яхтъ раздавалась безпрерывно пушечная пальба. Сіе торжественное шествіе остановилось предъ палатами Сената. Императоръ велѣлъ о Себѣ доложить Его Величеству Князю Кесарю (Ромодановскому), и по дозволеніи его, войдя въ Сенатъ, подалъ ему рапортъ. Кесарь похвалилъ службу Петра и пожаловалъ Его Вице-Адмираломъ; сидя въ золотыхъ своихъ креслахъ, онъ сказалъ Петру: »Здравствуй, Вице-Адмиралъ!« что повторили и всѣ Сенаторы.

Иванъ же Михайловичъ получилъ золотую медаль, на коей съ одной стороны было изображеніе Императора, съ надписью: *Петръ Алексѣевичъ, Всероссійскій Повелитель*; а на другой видна была морская битва, съ надписью: *Прилежность и вѣрность превозходитъ силу.* Внизу: *Іюля 27 — 1714-го года.*

Государь послѣ сего торжества отправилъ снова Генерала Головина къ Адмиралу Апраксину, который, выгнавъ непріятелей изъ Финляндіи, послалъ для преслѣдованія оныхъ едва прибывшаго Ивана Михайловича, и сей, приставъ къ мѣстечку Умы и узнавъ, что тутъ находится съ войскомъ Шведскій Генераль Ралдо, вышелъ на берегъ и взявъ съ собою 800 человѣкъ, пошелъ на него. Шведы, изумленные нечаяннымъ нападеніемъ Головина, не смѣли сразиться, оставили излишній багажъ свой и разбѣжались по лѣсамъ (20). Но на обратномъ пути Ивана Михайловича, штурмомъ разбило у него 5 галеръ и 6 шлюпокъ. Бури въ сіе время были столь неукротимы, что и Адмиралъ Апраксинъ, при возвращеніи своемъ въ Петербургъ, потерялъ 11 галеръ и 5 шлюпокъ.

(*Окончаніе въ слѣд. No*).

(18) Дѣянія Петра Великаго Т. IV. стр. 337.

(19) Дѣян. Петра В. Т. IV. стр. 363.

(20) См. Письма И. М. къ Петру Великому, въ Жизнеописаніи Головина, соч. Г. Берха.

КЪ МОГИЛѢ БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

Спи, другъ благородный! Подъ грудью земли
Твой сонъ непробудный покоенъ:
Горячія слезы сердечныхъ друзей
Холодный одръ смерти согрѣли!

Недолго почетнѣйшимъ гостемъ ты былъ
На радостномъ праздникѣ жизни:
Прекрасный, возвышенный духъ твой не могъ
Удѣломъ земли оставаться!

И жители неба, ревнуя землѣ,
О смерти твоей умолили
Того, Кто для счастья земнаго облекъ
Одеждою тлѣнія духъ твой.

О, если бы слезы собратій твоихъ,
Съ утратой ихъ собственной жизни,
Могли оживить твой безчувственный прахъ
На радость и славу отчизны:

Какимъ бы потокомъ тѣхъ жизненныхъ слезъ
Твой прахъ оросилъ твой пиѳомецъ....
А нынѣ, какъ камень тяжелый, онѣ
Лежатъ на больномъ его сердцѣ!

И міръ навсегда опустѣлъ для него,
И грустенъ, какъ холодъ могилы....
Одно утѣшенье въ надеждѣ святой
На сладкое *вмѣстѣ* за гробомъ.

Съ любовію встрѣтитъ онъ день роковой
Святаго свиданья — и въ небѣ,
Какъ Ангелы тонутъ въ сіяньи Творца,
Въ объятіяхъ друга потонетъ! —

М. Деларю.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

De la Littérature russe. Discours prononcé à l'Athenée de Marseille, dans la séance du 26 Juin 1830; par le Prince Elim Mestchersky, Gentilhomme de la Chambre de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, attaché à Sa Légation près S. M. le roi de Sardaigne, chevalier de l'ordre du Faucon-blanc. (*О Литературѣ Русской.* Рѣчь, произнесенная въ Аѳенеѣ Марсельскомъ, въ засѣданіе 26-го Іюля 1830-го года, Княземъ Елимомъ Мещерскимъ, Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеромъ, состоящимъ при Россійской Миссіи у Двора Е. В. Короля Сардинскаго, и кавалеромъ Ордена Бѣлаго Сокола). — Марсель, 1830. (46 стр. въ 8-ю д. л.)

Статья I.

Мы имѣли уже случай (*) говорить о *Лекціи*, читанной въ Марсельскомъ Аѳенеѣ молодымъ нашимъ соотечественникомъ, Княземъ Елимомъ Петровичемъ Мещерскимъ. Теперь у насъ передъ глазами сія Лекція, напечатанная вполнѣ. Разпространеніе въ иностранныхъ Государствахъ истинныхъ понятій о степени образованности, на коей нынѣ находится Россія, есть дѣло патріотическое, заслуживающее благодарность единоземцевъ. Князь Мещерскій пріобрѣлъ полное право на таковую благодарность. Въ сочиненіи своемъ о Русской Литературѣ, старался онъ представить чужеземцамъ состояніе оной въ томъ точно видѣ, въ каковомъ она находится, и изобразилъ ее въ чертахъ, благопріятныхъ для народнаго нашего самолюбія. Мнѣнія свои изложилъ онъ съ благородною скромностію, привлекшею къ нему довѣріе и одобреніе слушателей и весьма лестные отзывы Журналистовъ Французскихъ.

Въ началѣ своей рѣчи, Князь Мещерскій, послѣ вѣжливаго обращенія къ слушателямъ своимъ и нѣкоторыхъ оговорокъ человѣка свѣтскаго, говоритъ о нынѣшнемъ эклектическомъ направленіи Литературы во Франціи. «Теперь не то уже время, когда Франція, гордился геніями, ею порожденными, и довольствуясь массою идей и созданій, брошенныхъ въ ея предѣлахъ великими мужами послѣднихъ столѣтій, считала унизительнымъ для ея достоинства переходъ за сей, въ нѣкоторомъ смыслѣ, очарованный кругъ, коимъ она была очерчена, и презрительно не хотѣла проникнуть въ умственныя области другихъ народовъ. Новое поколѣніе, богатое сокровищами, кои завѣщало ему минувшее, и еще богатѣйшее тѣми, кои доставитъ ему будущее, постигло, что умъ человѣческій столь же всеобщъ, какъ и тотъ источникъ, изъ коего онъ изливается; и что посему изученіе образцовыхъ произведеній ума человѣческаго во Франціи, значило не болѣе, какъ собраніе свѣдѣній объ одномъ только участкѣ пространной области ума, правда, объ участкѣ изъ самыхъ прекрасныхъ и цвѣтущихъ, но который все таки составлялъ только частицу единаго цѣлаго» Авторъ говоритъ потомъ о разпространеніи между нынѣшними Французами познанія другихъ Литературъ, сближающаго и такъ сказать, сродняющаго имена Гёте, Шиллера, Шекспи-

(*) См. No 64 Литератур. Газеты 1830 года.

ра и Байрона съ именами Корнеля, Расина, Буало, Вольтера, Ламартина, Делавиня и Виктора Гюго. «Совсѣмъ иѣмъ, «продолжаетъ онъ, «есть еще Литература, доныне вовсе неизвѣстная во Франціи; Литература народа, который, по возвышеннымъ качествамъ «души, по живости ума, по неустрашимости своей и «по любви къ Отечеству, являетъ врожденное сочувствіе съ народомъ Французскимъ. Я говорю о Литературѣ Руской.

»Уже время (продолжаетъ онъ) пѣснямъ береговъ «Невскихъ донестись до береговъ Сены или Роны! Уже «время поэзіи Руской, достигнувъ Франціи, совокупить звучный голосъ свой съ голосами поэзіи за-Рейнской и береговъ Темзы, дабы совокупно, и какъ дщерямъ одной отчизны, возпѣть торжественный гимнъ «во храмѣ истинно-Изящнаго!»

Послѣ сего приступа, Князь Мещерскій открываетъ причины, побудившія его принять на себя похвальную обязанность, выполненную имъ столь благородно и безпристрастно. Во время пребыванія его въ Марсели, Г. Амперъ (Ampère), молодой и уже отличный Профессоръ Литературы въ Марсельскомъ Атенеѣ, знакомилъ слушателей своихъ съ началомъ и развитіемъ Литературъ сѣверныхъ, отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени. Литературы Англійская, Нѣмецкая и Скандинавская были предметами его изслѣдованій. О Руской онъ молчалъ, потому что не могъ собрать достаточныхъ и ясныхъ о ней свѣдѣній. Князь Мещерскій, любя славу своего отечества, желалъ пополнить сей недостатокъ, и безъ всякихъ книжныхъ пособій, быстрымъ и вѣрнымъ очеркомъ изобразилъ ходъ нашей Словесности отъ Ломоносова до Пушкина.

Кн. Мещерскій, начавъ говорить о Руской Словесности, упоминаетъ о немногихъ и слабыхъ переводахъ произведеній нашихъ Поэтовъ, или лучше сказать, подражаніяхъ онымъ на Французскомъ языкѣ. Авторъ указываетъ на три: 1) на *Рускую Антологію* Г. Сен-Мора (Anthologie Russe, par P. J. Emile Dupré de S. Maure), 2) на Парижское изданіе *Басень Крылова*, съ Французскими и Итальянскими переводами, надъ коими, по приглашенію покойнаго Графа Г. В. Орлова, трудились лучшіе современные Поэты Франціи и Италіи (Recueil des Fables de M. Kryloff, traduites en vers français et italiens. Paris, 1825, 2 vol.), и на *Рускіе Вечера*, изданные года за три предъ симъ и содержащіе въ себѣ нѣсколько Рускихъ стихотвореній, переведенныхъ на Французскій языкъ (Veillées Russes, par M. Héguin de Guerle). «И вотъ (прибавляетъ Авторъ) единственныя книги, кои бросаютъ во Франціи «нѣкоторый свѣтъ на Литературу Рускую; тогда «какъ, можетъ быть, ни одна Литература не имѣетъ «болѣе правъ на размышленія Философа, Историка и «Литератора. Въ самомъ дѣлѣ, никакой народъ не «представляетъ примѣра столь быстраго развитія «умственныхъ своихъ способностей; и въ сихъ-то «чудныхъ успѣхахъ Руской Словесности, сдѣланныхъ «въ самое короткое время, должно искать мѣры того, что возможно для ума человѣческаго. Для Россіи «достаточно было менѣе одного вѣка, чтобы создать «языкъ, передать на семъ языкѣ образцовыя творенія «другихъ, мертвыхъ и живыхъ языковъ Европы, и «сверхъ того произвести собственныхъ Поэтовъ и «Писателей, кои, управляя по волѣ своей симъ языкомъ «юнымъ и нѣмъ болѣе покорнымъ, выразили по-Руски «каждое глубочайшее соображеніе ихъ мысли, каждый «отважнѣйшій порывъ ихъ воображенія, и украсили «поперемѣнно сей дѣвственный языкъ слогомъ Исторіи и слогомъ басни, оды и пѣсни; слогомъ эпическимъ «и дидактическимъ; наконецъ, слогомъ элегіи, баллады «и даже трагедіи и комедіи.»

Здѣсь Авторъ слѣдуетъ за ходомъ Руской Словесности отъ рожденія оной до нашихъ дней. Съ нѣкоторыми мнѣніями его нельзя согласиться. Напр. онъ говоритъ, что «до Петра Великаго Рускій языкъ не «существовалъ, что народъ и Бояре говорили тогда «испорченнымъ Славянскимъ языкомъ.» Этого мнѣнія многіе придерживаются; но оно несправедливо. Рускій языкъ существовалъ и тогда, но не былъ еще очищенъ и обработанъ. Указы и Грамоты Царей (особливо со временъ Царя Михаила Ѳеодоровича), Дворцовыя записки, самое Уложеніе и дошедшіе до насъ документы частные писаны были на Рускомъ языкѣ, а не на испорченномъ Славянскомъ *). Изключенія весьма немногочисленны, и вообще должны относиться къ Лѣтописцамъ, кои по большей части были изъ монаховъ; свѣтскіе же, въ подражаніе имъ, употребляли Славянскій языкъ для большей важности и пышности слога, подобно какъ Итальянскіе и Французскіе Писатели среднихъ вѣковъ почти всегда писали по-Латыни. Что же касается до разговорнаго языка народа и Бояръ Рускихъ, то оный былъ чисто Рускій, и простодушными словами и оборотами своими болѣе сближался съ простонароднымъ, нынѣ употребительнымъ языкомъ, нежели съ Славянскимъ. Тексты Священнаго Писанія и вообще выходки Славянскія, коими Бояре и *люди грамотные* изпещряли свои рѣчи въ видѣ пословицъ или поговорокъ, были то же, что нынѣ въ разговорахъ свѣтскаго нашего общества фразы Французскія и другія чужеязычныя, то есть, вводныя ссылки; но не со-

*) Сравнивъ слогъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, и слогъ Регламента, изданнаго Петромъ Великимъ, мы увидимъ что въ нихъ почти нѣтъ никакой разницы. Реченія Славянскія, бывшія тогда въ ходу и нынѣ вышедшія изъ употребленія (какъ то нарѣчіе: *зѣло*, и ш. п.), встрѣчаются въ томъ и въ другомъ; даже иногда и позже, во времена Императрицы Анны Іоанновны.

ставляли сущности разговора. Слѣдовательно, Петръ Великій не *создалъ* Рускій языкъ; а пріобрѣтя познанія въ языкахъ Европейскихъ, старался сблизить логическія правила онаго съ правилами сихъ послѣднихъ. Выпишемъ находящееся за симъ сжатое и сильное, истинно-Руское изображеніе подвиговъ брани и мира, дѣяній мощной и благотворной для Россіи воли Петра. «Первый Россійскій Императоръ явился. Изучая «Самого Себя, Онъ постигъ Свой народъ: Петръ «узналъ, чѣмъ содѣлался Онъ Самъ, и видѣлъ, чѣмъ на«родъ Его могъ содѣлаться, что народъ Его долженъ «былъ совершить, и что народъ Его совершитъ. Во«ля Петрова была сталью, изсѣкшею искру изъ «кремня. Императоръ захотѣлъ — и юная рать «Руская изрубила ветерановъ Карла XII-го. Импера«торъ захотѣлъ — и челнокъ, построенный Имъ «собственноручно, превратился во флотъ, ужаснувшій «море Балтійское. Императоръ захотѣлъ — и «Академія Наукъ возникла на болотахъ при-Невскихъ. «Императоръ захотѣлъ — и языкъ Рускій родил«ся; т. е. началъ сбрасывать съ себя грубую оболоч«ку Славянскихъ окончаній въ замысловатыхъ и остро«умныхъ сатирахъ Князя Кантемира....» Здѣсь не можемъ оставить безъ замѣчанія новую ошибку Автора. Именно стихи Кантемира (стихи Польскаго силлабическаго размѣра съ женскими рифмами) отличаются множествомъ Славянскихъ окончаній, особливо въ глаголахъ; сего требовало и самое стихосложеніе, коему слѣдовалъ Сатирикъ *). Но сіи и прочія ошибки легко извиняются, когда вспомнимъ вышеприведенное обстоятельство: что Князь Мещерскій не имѣлъ при себѣ никакихъ книжныхъ пособій относительно къ Руской Литературѣ, и потому о многомъ долженъ былъ говорить на память, которая не всегда бываетъ вѣрнымъ сотрудникомъ въ подобныхъ случаяхъ.

Отъ образованія, или вѣрнѣе, преобразованія Рускаго языка, Кн. Мещерскій переходитъ къ Ломоносову, истинному законодателю онаго. «Грамматикъ, Риторъ, «Математикъ, великій Химикъ, ученый Филологъ и воз«вышенный Поэтъ, — сей великій мужъ былъ Россій«скимъ Гёте по обширности своихъ познаній и все«объемлемости ума своего.» Отдавъ такимъ образомъ долгъ удивленія и хвалы славному соотечественнику, Авторъ говоритъ о направленіи, данномъ Руской Поэзіи Ломоносовымъ и его послѣдователями. Направленіе сіе было классическое, и Авторъ, сознаваясь, что самъ онъ исповѣдуетъ въ Литературѣ правила Романтизма, отдаетъ полную справедливость геніямъ классицизма, у Французовъ и у насъ. Но по чему онъ Державина ставитъ въ число Классиковъ? По формамъ (и то не всегда), положимъ, такъ; но по сущности, по духу Поэзіи своей, Державинъ самъ составляетъ у насъ особенную свою *школу*, неподражательную и даже неподражаемую. Гёте и Байронъ называли свои произведенія поэмами, одами и пр., словомъ, давали имъ родовыя имена классическія; но Гёте и Байронъ не то, что мы разумѣемъ теперь подъ названіемъ Классиковъ. Смѣлые порывы Державина, новость его созданій и украшеній, дивные, волшебные переходы отъ одного впечатлѣнія къ другому, столь же мало похожи на *лиризмъ* Пиндара и Горація, сколько эпопея Байрона на эпопею Гомера и Виргилія, сколько трагедія Шекспира на трагедію Софокла и Эврипида.

Авторъ, раздѣливъ Исторію Руской Словесности на двѣ эпохи: старую и новую, или *классическую* и *романтическую*, оканчиваетъ первую изъ нихъ краткимъ изчисленіемъ заслугъ, оказанныхъ языку и вообще Литературѣ нашей Ломоносовымъ, Державинымъ, Карамзинымъ и Озеровымъ. За симъ переходитъ онъ къ новой, т. е. *романтической* эпохѣ, о которой мнѣнія его постараемся мы изложить во второй нашей статьѣ.

---

*) *Уме*! недозрѣлый плодъ и пр....

Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ Патріар*шъ* доста*ти*...
Лѣтъ съ тридцать бѣдную жизнь станешь продолжа*ти*,
Чтобъ къ цѣли твоей возмогъ весь дряхлъ добѣжа*ти*...
.....и по смерти
Свѣту остался забытъ; силенъ ты былъ стер*ти* и т. п.

Также много въ сатирахъ Кн. Кантемира и усѣченій Славянскихъ:

«.....и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну...»

Подобные стихи встрѣчаются у него почти безпрестанно. Сумароковъ, начавшій писать уже послѣ Ломоносова, также не изъятъ обоихъ сихъ недостатковъ, почти общихъ тогдашнимъ Поэтамъ. Въ трагедіяхъ Сумарокова встрѣчаются даже Славянскія мѣстоименія: *мя*, *тя*, вмѣсто *меня*, *тебя*. Еще страннѣе, что все это находимъ мы и въ пѣсняхъ, или романсахъ Рускихъ, сочиненныхъ въ половинѣ минувшаго вѣка:

«Когда начнешь, драгая, вѣрить,
Что я нелестно *тя* люблю?«

Зрѣти, *умрети*, смерти и *стерти*, — тогдашніе пѣвцы наши поминутно напѣвали своимъ красавицамъ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Богемская дѣвичья война, историческое преданіе VIII-го Столѣтія, соч. К. Фанъ-деръ-Фельда. Перевелъ съ Нѣмецкаго Н. Павлищевъ. 2 ч. — С. П. б. въ типогр. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней стражи, 1830.

(Въ 1-й ч. 178, во 2-й 133 стран. въ 12-ю д. л. (*).

Въ семъ романѣ, Фанъ-деръ-Фельде уносится воображеніемъ къ временамъ почти баснословнымъ, къ первымъ вѣкамъ Богеміи. Въ началѣ онъ описываетъ смерть Либуссы (или правильнѣе Любуши), первой Княгини Богемской, основавшей городъ Прагу; потомъ честолюбіе воспитанницы и любимцы Княгининой, Власки, пожелавшей заступишь мѣсто свой благодѣтельницы. Презрѣнная и отвергнутая Княземъ Примиславомъ, Власка возмущаетъ почти всѣхъ женъ и дѣвъ Богеміи, рѣшаетъ въ безумномъ своемъ властолюбіи, что женщины должны покорить мужчинъ не силою прелестей, не кротостію права, но оружіемъ и открытою, кровавою войною. Она строитъ замокъ Дѣвино, поселяется въ немъ, замышляетъ явные набѣги и тайныя козни противъ мужчинъ. Наконецъ всѣ ея величавыя замѣни рушатся, и сама она погибаетъ. —

Кажется, Фанъ-деръ-Фельде далъ въ этомъ романѣ больше воли своему воображенію, нежели въ прочихъ его сочиненіяхъ, донынѣ переведенныхъ на Рускій языкъ. Волхвованія, битвы, картины роскоши и наслажденій чувственныхъ, черты умонеступленія и буйства, сцены дѣтскихъ игръ и первой любви, зарождающейся въ невинномъ, неопытномъ сердцѣ, — все это изображено вѣрно и живо въ быстрыхъ переходахъ, мѣняющихъ ощущенія читателя. Замѣтимъ еще, что почти всѣ имена дѣйствующихъ въ семъ романѣ лицъ, совершенно Славянскія: это придаетъ ему какую-то особую занимательность для читателей Рускихъ, какъ преданія народа, одноплеменнаго съ нами.

Слогъ перевода равно хорошъ въ описаніяхъ и разговорахъ. Движеніе и быстрота, господствующія въ романѣ, переданы Переводчикомъ весьма удачно. Г. Павлищевъ обѣщаетъ въ непродолжительное время представить на судъ публики другой свой переводъ: это *Патриціи*, романъ, сочиненный также Фанъ-деръ-Фельдомъ. *Изд.*

(*) Продается въ книжныхъ магазинахъ: Смирдина, Слѣнина, Глазунова и прочихъ. Цѣна экз. 5 р., съ пересылкою по почтѣ 6 рублей.

СМѢСЬ.

Народныя Рускія пѣсни, арранжированныя для голоса и хоровъ, съ аккомпаниментомъ фортепіано, и посвященныя Августѣйшему Имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, извѣстнымъ здѣшней публикѣ учителемъ пѣнія Иваномъ Рупини, — на сихъ дняхъ вышли въ свѣтъ. Получать ихъ можно: въ музыкальномъ магазинѣ Бернарда, въ большой Милліонной, въ домѣ Деринга, No 37, и у самого Издателя, живущаго на Екатерининскомъ каналѣ между Казанскимъ и Каменнымъ мостами, въ д. Сш. Сов. Прилуцкой, No 44-й. — Цѣна экземпляру 10 р., съ пересылкою въ другіе города 12 руб.

Любители музыки, слышавшіе сіи пѣсни, отдаютъ справедливость Г-ну Рупини за соблюденіе народныхъ напѣвовъ, за пріятность и приличіе музыкальныхъ украшеній и счастливо придуманные аккомпанименты и хоры. По красотѣ и объему изданія, вышеозначенная цѣна весьма умѣренна: ибо пѣсень сихъ помѣщено двѣнадцать. Выписываемъ оглавленіе оныхъ: 1) Ахъ! ты слышишь ли, мой сердечный другъ? 2) Молодка, молодка молодая! 3) Ахъ! не одна во полѣ дороженька. 4) Веселая голова. 5) Солнце на закатѣ. 6) Вечоръ я младешенька въ компаніи была. 7) Скучно, матушка, весною жить одной. 8) Ахъ! что это за сердце? во мнѣ все изныло! 9) Что, красотка молодая! что ты, свѣтикъ, плачешь? (соч. Барона Дельвига). 10) Ужь какъ палъ туманъ на сине море. 11) Во саду ли, въ огородѣ дѣвушка гуляла. 12) Голубчикъ, голубчикъ, голубчикъ ты мой!

Г. Рупини удостоился получить за сіи пѣсни знакъ Высочайшаго одобренія: Государыня Императрица изволила пожаловать ему драгоцѣнный брилліантовый перстень.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 8-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щеглов*ъ.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМЪ III, № 7. ЯНВАРЯ 31го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (во Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу) и 25-го (въ Среду).

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

Адмирала Ивана Михайловича Головина.

(*Окончаніе.*)

Иванъ Михайловичъ, въ концѣ 1714 года, былъ боленъ; но не смотря на свою болѣзнь, занимался ежедневно возложенными на него дѣлами и часто увѣдомлялъ о занятіяхъ своихъ Государя, не бывшаго тогда въ столицѣ (21).

1718 года, во время суда надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, Генералъ Головинъ былъ въ числѣ судей, приговорившихъ его по законамъ къ смертной казни (22).

Къ сему же времени, я полагаю, должно отнести слѣдующее прошествіе.

Фельдмаршалъ Шереметевъ имѣлъ однажды несчастіе, по какому-то дѣлу, подвергнуться гнѣву Петра Великаго, за что ему не велѣно было никуда выѣзжать изъ дома своего. Шереметевъ неравнодушно сносилъ гнѣвъ Монарха, имъ любимаго, и тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ гнѣвъ сей, что не могъ имѣть случая оправдать себя и получить прощеніе. Находясь въ семъ затруднительномъ положеніи, Фельдмаршалъ прибѣгнулъ къ любимцу Петра Великаго Ивану Михайловичу и просилъ его, чтобъ онъ доставилъ ему случай видѣться съ Императоромъ. — »Хорошо,« сказалъ Головинъ: »Я »къ тебѣ Его привезу.«

Петръ Великій ѣздилъ часто изъ Кремля въ Преображенское и всегда бралъ съ собою Ивана Михайловича. Дорога была мимо дома Графа Шереметева, почему Головинъ и вздумалъ воспользоваться симъ случаемъ, чтобъ завезти Государя къ Фельдмаршалу.

Однажды поутру, во время жестокой стужи, Императоръ, взявъ съ собою Головина, поѣхалъ въ Преображенское; и едва они подъѣхали къ воротамъ дома Шереметева, какъ Головинъ вдругъ соскочилъ съ саней, сказавъ Государю, что ему дѣлается дурно, просилъ Императора сдѣлать ему милость, подождать его, или заѣхать къ Фельдмаршалу, и не дождавшись отвѣта, убѣжалъ въ домъ Шереметева. Жестокая стужа и медленность Головина заставили Петра Великаго зайти въ домъ къ Графу Шереметеву, который, вспрѣтя въ саняхъ Императора, палъ къ ногамъ Его, просилъ прощенія, представляя, что Его гнѣвъ ужаснѣе для него мучительнѣйшей смерти. Разкаяніе, слезы и заслуги сего мужа, тронули сердце Петра. Онъ простилъ и обнялъ посѣдѣлаго воина. — Тутъ явился и Головинъ. «Твоя болѣзнь,» сказалъ Императоръ съ радостнымъ видомъ, »доставила мнѣ удовольствіе по»мириться съ Фельдмаршаломъ. Я простилъ вину его.« — »Прости же и меня, Государь,« сказалъ Головинъ, »что я обманулъ Тебя болѣзнію моею; я это сдѣлалъ »изъ состраданія къ Шереметву, чтобъ завезти Те»бя въ домъ къ старому и вѣрному слугѣ Твоему.« — »Счастливъ ты,« сказалъ Государь, »что обманъ твой »удался, но прошу впередъ со Мною такъ не шутить; »Мнѣ жаль будетъ, если тебѣ тогда не удастся.« — «Я бы и не признался въ винѣ моей, »сказалъ Головинъ, »если бы имѣлъ намѣреніе и въ другой разъ об»манутъ Тебя (23).«

Иванъ Михайловичъ, потерявъ первую супругу свою и нѣсколько лѣтъ бывъ вдовцемъ, 8-го Ноября 1719 года женился во второй разъ (24). Императоръ и Императрица веселились на его свадьбѣ двое суткокъ (25). Государь Самъ устроивалъ балъ по сему случаю и сзывалъ гостей: »Желаю порадоваться,« говорилъ Онъ, »на радости друга нашего Баса Головина.«

(*) См. письма И. М. къ Петру Великому въ Жизнеописаніи И. М. Головина, соч. Г. Берха

(22) Дѣян. Петра В. Т. VI. стр. 141.

(23) Доп. къ Дѣян. Петра В. Т. XVII, стр. 303.

(24)) И. М. женился на вдовѣ Бригадира Черницова. Кто же была первая его супруга, того не могъ я узнать.

(25) Доп. къ Дѣян. Петра В. Т. XII, стр 283.

Вотъ письмо Графа Апраксина, писанное по приказанію Петра Великаго къ Шаубенахту Сиверсу.

»Царское Величество указалъ вамъ быть въ С. Пе»тербургѣ, и съ женою, ко 2-му Ноября, въ чинъ »братскій, на сватьбу Ивана Михайловича Головина. »Извольте къ тому числу быть, и объявите Гордону »(Шаубенахту), чтобъ и онъ былъ сюда съ вами и пр. »и пр.

Графъ Апраксинъ.

С. Петербургъ, 31 Октября, 1719 года.

Здѣсь помѣщаю любопытное и шуточное письмо Петра Великаго къ своему любимцу Головину (26).

»Свашъ-люди, буди здравъ!

«Письмо твое Намъ отдано; зѣло намъ жаль, что »ты не былъ съ нами (на морѣ), понеже вѣтры гораз»до были великіе, можно бъ гораздо на морѣ пѣшь *лю»лю*; а что ты, сватушка, пишешь, что замерзли »корабли, то врешь: замерзла вода, и та не вся. По»клонъ отъ тебя по письму отдалъ, изъ которыхъ »всѣхъ благодарнѣе вамъ *Шаховской*, посылаетъ къ »вамъ и пр..... —

»Еще возвѣщаю тебѣ, сватушка, что мы скоро »ѣдемъ къ Москвѣ, и кой часъ пріѣду, тотъ часъ куп»лю свашьѣ попяву полосатую.«

Въ 1720 году, Петръ Великій ѣздилъ къ Березовымъ островамъ и нашъ осматривалъ новопостроенные подъ надзоромъ Ивана Михайловича корабли и остался ими весьма доволенъ, о чемъ увѣдомлялъ Князя Меншикова, находившагося тогда въ Смоленскѣ. »Былъ въ морѣ,« пишетъ Государь, »для пробы большихъ дѣ»тей Ивана Михайловича, которые недавно родились, »а именно Исакій, Фридрихштатъ, Сѣверный Орелъ, »которые такъ хороши на ходу, какъ лучше нельзя «быть, а наипаче Сѣверный Орелъ, о которомъ мож»но сказать, что превосходитъ всѣхъ трехпалуб»ныхъ. (27)«

По запискамъ Берхгольца видно, что Иванъ Михайловичъ пользовался особеннымъ благорасположеніемъ Петра Великаго. «Нерѣдко, «говоритъ онъ,» садился И. М. за обѣдомъ по правую руку подлѣ Императора, въ то время, когда Адмиралъ Крюйсъ сидѣлъ по лѣвую. Во время частыхъ катаній Государя по Невѣ, сопровождали Его большею частію И. М. Головинъ и Н. А. Сенявинъ. — При каждомъ обѣдѣ, провозглашалъ Государь *тостъ* за здравіе фамиліи Ивана Михайловича (такъ Петръ Великій называлъ флотъ). Императоръ сказалъ однажды шуту Лакосту: »Ежели Я когда во время обѣда забуду »пить за здоровье фамиліи Ивана Михайловича, то по»дарю тебѣ сто тысячъ рублей. « — Но сумму сію, продолжаетъ Берхгольцъ, онъ никогда не выиграетъ: ибо деньщики, стоящіе за стуломъ у Государя, должны Ему напоминать о томъ подъ страхомъ наказанія.«

Въ 1721 году, Иванъ Михайловичъ отдалъ дочь свою за мужъ за Генералъ-Маіора Князя Трубецкаго (28).

Теперь прилагаю нѣсколько писемъ Петра Великаго къ Ивану Михайловичу, писанныхъ въ 1721-мъ году.

Генералъ-Маіоръ и Оберъ-Сарваеръ Головинъ.

Письмо ваше отъ 5-го Мая до Насъ дошло, въ которомъ пишете о пунктахъ Зотова; а оные высмотря, пришлемъ къ вамъ впредь; что же принадлежитъ о деньгахъ, которыхъ по требованію вашему Князь Дмитрій Голицынъ въ Адмиралтейство отпускать не хотѣлъ, и о томъ Указъ къ нему посланъ съ симъ курьеромъ, чтобы оныя къ вамъ отпустить. Шнау Гавриле Меншикову дѣлать прикажи. А ежели флотъ будетъ къ Ревелю (чему не чаю быть для ускоренія Англичанъ, какъ обстоятельно предъ симъ къ вамъ писалъ), то можетъ управить Пальчиковъ его дѣло, который при Мнѣ.

Петръ.

Мая 12, 1721 года.

II.

Приказали Мы Потемкину, чтобъ онъ тѣ шкуты, которыя пришли изъ Ладоги прошлаго лѣта съ корабельными лѣсами, кои Сенявинъ отправлялъ, которыхъ числомъ всѣхъ 9, раздалъ торговымъ людямъ; но оныхъ изъ Адмиралтейства ему не отдаютъ: того для раздачи купцамъ поручить ему Потемкину, ибо онѣ стоятъ даромъ безъ всякаго дѣйства и гніютъ.

Петръ.

Мая 17-го, 1721 года.

III

Вчерашняго числа писалъ Генералъ Брюсъ ко Мнѣ, что Шведскіе Министры гораздо сходнѣе стали, нежели предъ тѣмъ были, и между тѣмъ просили, чтобъ онъ воинскихъ дѣйствъ удержался. Того ради флоту до времени вели задержаться (кромѣ Гордоновой эскадры); однако жъ чтобъ совсѣмъ готовъ былъ у Варивалдая или Красной Горки; также и галерамъ при Котлинѣ при Гордоновой эскадрѣ. Ежели успѣетъ, чтобъ Катерина прислана была. Также извольте два бота съ палубами послать, одинъ къ Березовымъ островамъ, а другой къ Чернымъ, гдѣ шхеры начинаются;

---

(26) Доп. къ Дѣян. Петра В. Т. VII, стр. 434.

(27) Доп. къ Дѣян. Петра В. Т. XIII, стр. 103.

(28) Императоръ, находясь на балѣ молодыхъ, подозвалъ къ Себѣ Генералъ-Адмирала Графа Апраксина, Вице-Канцлера Барона Шафирова, Князя Кантемира, двухъ Сенаторовъ, Князей Голицына и Долгорукова, Графа Толстаго и Генерала Бутурлина, всѣхъ лѣтъ 60 и болѣе, назначилъ каждому молодую даму и взявъ самъ Императрицу, танцовалъ съ ними родъ нынѣшняго Гросфатера. См. *Русск. Старину*, издан. на 1825 годъ, стр. 110.

здѣ написанное отъ Шведскихъ Министровъ прошеніе, подлинная правда; и зѣло кстати стало для удержанія флота, что изволь разгласить; а не худо бъ, чтобъ и въ куранткахъ напечатать.

Петръ.

Мая 27, 1721 года.

IV.

Письмо ваше отъ Іюля 8 дня, Мы получили, въ которомъ пишете, что вы на Котлинъ островъ съ галерами прибыли; но понеже, какъ Мы прежде писали къ вамъ, то и нынѣ по всему мочно видѣть, что галернаго дѣйства не будетъ, и чѣмъ даромъ людямъ на Котлинѣ острову стоять, то лучше съ галерною эскадрою отъ Котлина острова поворотись въ С. Петербургъ; и по возвращеніи, караулы велите снять полкамъ Гвардіи, а гварнизонныхъ употребить по прежнему въ работу. Мы увѣдомились чрезъ самихъ Шведовъ, что Генералъ-Лейтенантъ Лассій нарочитое дѣйство чинитъ, и что 6 галеръ Шведскихъ взялъ, о чемъ ожидаемъ отъ него вѣдомости. Шаубенахтъ Гордонъ съ эскадрою пришелъ къ Ревелю Іюня въ 8 число.

Петръ.

Іюня 13, 1721 года.

V.

Камельному мастеру Питеру Бейеру извольте приказать, чтобъ онъ скорѣе отдѣлывалъ романовки для возки на Котлинъ островъ воды. А Анисима Молярова, ежели еще не выслали, извольте скорѣе выслать сюды.

Петръ.

2-го Сентября, 1721 года.

Изъ описанія Каспійскаго моря (29) видно, что И. М. Головинъ сопровождалъ Государя въ Астрахань. Тамъ сказано: « Государь, вспомнивъ корабельное обы-»кновеніе, по которому не бывалыхъ прежде на какомъ »либо морѣ, купаютъ... желалъ имѣть увеселеніе, ви-»дѣть оную церемонію; и какъ Онъ Самъ Себя отъ »оной не выключилъ, то и другіе не могли отговаривать-»ся...Первый купался Генералъ И. М. Головинъ.

Въ началѣ 1723 года, во время суда надъ Вице-Канцлеромъ Барономъ Шафировымъ и Оберъ-Прокуроромъ Писаревымъ, И. М. Головинъ былъ избранъ присутствовать въ Коммиссіи (названной Вышнимъ судомъ), для сего нарочно назначенной (30).

Въ семъ же году, 30 Августа, при Дворѣ былъ данъ маскарадъ. Петръ Великій былъ въ видѣ барабанщика, Царевна Прасковья Ивановна съ дочерью Фельдмаршала Ѳ. А. Головина въ Шкармуцкомъ платьи, а Иванъ Михайловичъ въ шкиперскомъ.

Императоръ и всѣ участвовавшіе въ семъ маскарадѣ сѣли на корабли, равнымъ образомъ маскированные, и катались по Невѣ; потомъ пересѣвъ на гребныя суда, поплыли въ Фонтанку и пристав у дома Ивана Михайловича Головина, вошли въ оный и тамъ веселились по обыкновенію до 9-го часа вечера. — Сей маскарадъ продолжался цѣлую недѣлю (31).

Симъ кончаются историческіе памятники жизни Генерала Ивана Михайловича Головина въ Царствованіе Петра Великаго. — Россія лишилась Мудраго своего Преобразователя!

Головинъ находился при послѣдней минутѣ жизни Великаго Монарха и былъ назначенъ, при Его погребеніи, нести за гробомъ Его Величества корону дочери Его, Великія Княжны Наталіи Петровны, которую похоронили вмѣстѣ съ Императоромъ (32).

Въ Апрѣлѣ 1725-го года, Иванъ Михайловичъ имѣлъ большую непріятность отъ Членовъ Коллегіи. Въ 1723 году, Петръ Великій заложилъ, по Собственному чертежу Своему, линейный корабль, строеніе котораго поручено было мастеру Броуну. При спускѣ сего корабля оказалось, что нижніе порты были неудачно сдѣланы, такъ что стоя въ Невѣ, зачерпывали воду. Коллегія приписала упущеніе сіе Ивану Михайловичу, и требовала, чтобъ онъ явился въ присутствіе, дать въ томъ отчетъ. Головинъ не послушался сего указа, а когда Коллегія прислала ему другой съ выговоромъ, то онъ далъ ей знать, что получилъ позволеніе отъ Императрицы, уѣхать на время въ деревню. — Сей корабль на спапелѣ названъ былъ Вараханломъ; черезъ недѣлю же послѣ спуска его въ воду, прислана была изъ Кабинета записка въ Коллегію, новоспущенный корабль называть: *Не тронь меня* (33).

Сей корабль былъ спущенъ 25-го Апрѣля и И. М. Головинъ ѣздилъ по приказанію Императрицы къ Герцогу Голштинскому, съ приглашеніемъ, быть хозяиномъ при спускѣ онаго корабля.

»Его Королевское Высочество,« пишетъ Берхгольцъ, »изволилъ занимать еще въ первый разъ мѣсто хозяина на новоспущенномъ кораблѣ; и хотя старался поощрять къ питью гостей своихъ, но не дошли далеко до того, какъ бывало при Императорѣ.«

21-го Мая 1725-го года, въ день учрежденія Ордена Св. Александра Невскаго, Иванъ Михайловичъ былъ пожалованъ кавалеромъ онаго. Вскорѣ послѣ сего онъ былъ произведенъ въ Генералъ-Кригсъ-Коммисары; а должность Оберъ-Сарваера, которую Иванъ Михайловичъ занималъ съ 1713-го года, велѣно было исправлять корабельнымъ мастерамъ, по-недѣльно, съ тѣмъ, чтобы главный надзоръ надъ ними имѣлъ И. М. Головинъ. Въ Указѣ было сказано: » Считать его въ чинѣ Вице-Адмирала и по опому производить жалованье.«

(29) Ежемѣсячныя сочиненія 1763 года, Томъ 1-й, стр. 120.
(30) Дѣян. Полк. и Мин. Петра В. Т. II, стр. 95.
(31) Доп. къ Дѣян. Петра В. Т. XIV, стр. 163 и 166.
(32) Дѣян. Петра В. Т. IX, стр. 231.
(33) Жизнеописаніе И. М. Головина, соч. Г. Берхомъ.

Иванъ Михайловичъ, во все время царствованія Императрицы Екатерины 1-я, пользовался особеннымъ Ея благоволеніемъ. Въ одномъ изъ писемъ Ея Величества къ Графу Ѳ. М. Апраксину, пишетъ Она: » Письмо ва» ше отъ 23-го Іюня сего 1725 года до Насъ дошло, изъ » котораго увѣдомились о благополучномъ приходѣ ва» шемъ съ флотомъ къ Ревелю; что же упоминаете о » поврежденіи на нѣсколькихъ корабляхъ мачтъ отъ » противной погоды; то дѣло обыкновенное, и безъ то» го николи не бываетъ. Дай Боже здравствовать » Ивану Михайловичу: онъ сей убытокъ можетъ на» градить. »

Императрица Анна Іоанновна жаловала также посѣдѣлаго и знаменитаго заслугами Ивана Михайловича. Въ Августѣ 1732 года, онъ былъ произведенъ въ Адмиралы отъ галернаго флота, и при семъ случаѣ велѣно ему было принять отъ Вице-Адмирала Сенявина всю Галерную гавань, въ судами и служителями.

Въ 1733 году, по случаю изданія новыхъ штатовъ, Коллегія опредѣлила отставить всѣхъ галерныхъ Капитановъ, за дряхлостію и болѣзнями; но по настоянію Ивана Михайловича, послѣдовало Именное повелѣніе: « Оставить по прежнему на службѣ при гребномъ флотѣ. « — По журналу Коллегіи видно, что Иванъ Михайловичъ пользовался особеннымъ благорасположеніемъ Императрицы Анны Іоановны и находился нѣсколько лѣтъ сряду при Ея Величествѣ въ Петергофѣ. Отъѣзжая туда, извѣщалъ онъ Коллегію, что « поелику будетъ находиться все лѣто въ Петергофѣ при Ея Величествѣ, то и поручаетъ команду надъ галернымъ флотомъ и портомъ Капитану Рагозею. «

Наконецъ, въ Октябрѣ 1738-го года, Адмиралъ Иванъ Михайловичъ окончилъ достопамятную жизнь свою, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей и двухъ дочерей. — Первый сынъ его Александръ, былъ Адмираломъ и Кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго; а второй, Иванъ, былъ Генералъ-Маіоромъ. — Старшая дочь его, Наталья, была въ супружествѣ за Княземъ Кантемиромъ, а другая, Ольга, за Княземъ Трубецкимъ.

КРЕМЛЬ.

Склони чело, Россіи вѣрный сынъ:
Безсмертный Кремль стоитъ передъ тобою:
Онъ въ буряхъ возмужалъ, — и, рока властелинъ,
Собравъ вѣка надъ древнею главою,
Возвысился могучъ, неколебимъ,
Какъ геній славы надъ Москвою!

О чернь! пади! — страшися осквернять
Твоею пылью эти стѣны:
На нихъ горитъ безсмертія печать,
Они вѣками освящены!

Здѣсь гордый умъ смиренъ, окованы мечты,
Но сердце Руское исполнено отрады;
Порой устремлены къ землѣ нѣмые взгляды:
Тамъ, въ прахѣ — искрятся великіе слѣды.

Н. Станкевичъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

De la Littérature russe. Discours prononcé à l'Athenée de Marseille, dans la séance du 26 Juin 1830; par le Prince Elim Mestchersky, etc. (*О Литературѣ Руской.* Рѣчь, произнесенная въ Аѳенеѣ Марсельскомъ, въ засѣданіе 26-го Іюля 1830-го года, Княземъ Елимомъ Мещерскимъ, и пр. и пр.)

Статья II.

Переходя къ новой эпохѣ Руской Словесности, Кн. Мещерскій говоритъ: « И тутъ, какъ и во времена « Ломоносова, Нѣмецкая Литература явила свое влія« ніе на мнѣнія нынѣшнихъ Рускихъ Поэтовъ. » Впрочемъ, весь промежутокъ времени отъ Ломоносова до начала Романтизма въ Россіи, принадлежитъ у насъ классической школѣ Французской: въ это время Ру« скіе изучали исключительно языкъ, Литературу и « Философію Французскія.... Сія страсть къ Фран« цузскому языку была столь неумѣренна, что вредила « даже успѣхамъ Рускаго языка. Если донынѣ у насъ « разговорный слогъ еще мало обработанъ, то сіе при« писать должно одной только этой причинѣ: ибо Ру« скій языкъ долгое время былъ изгнанъ изъ модныхъ « гостиныхъ, чтобъ уступить свое мѣсто языку Ра« синову.

« Съ чувствомъ праведнаго ужаса (продолжаетъ Ав« торъ) осмѣливаюсь я наименовать главныхъ виновни« ковъ сего противу-отечественнаго дѣла. Сказать ли « вамъ, господа? то были дамы, являющія столь силь« ное вліяніе на судьбу людей, и часто цѣлыхъ наро« довъ. » Послѣ сей полу-строгой и полу-шутливой выходки, обвинитель прекраснаго пола дѣлается и защитникомъ онаго въ томъ же тонѣ. « Вообще женщины, » говоритъ онъ, « одарены тонкимъ чувствомъ всего, « что отличается изяществомъ вкуса; и должно со-

«гласиться, что пристрастіе Рускихъ дамъ ко Фран-
«ціи было весьма извинительно: оно было въ порядкѣ
«вещей. Никто, льщусь надеждой, не уличитъ меня на
«сей разъ въ несправедливости мнѣнія.»

Читатели наши должны вспомнить, что Князь Мещерскій взошелъ на каѳедру не какъ Профессоръ, но какъ человѣкъ свѣтскій, хотѣвшій сообщить нѣкоторыя понятія слушателямъ своимъ о предметѣ, для нихъ новомъ и возбуждавшемъ ихъ любопытство; что слушатели сіи были Французы, которые отъ самихъ Вильмена и Кузеня требуютъ иногда переходовъ отъ важнаго къ веселому: тѣмъ болѣе Князь Мещерскій могъ удержать за собою сіе право, которымъ онъ пользовался однако же съ большою умѣренностію и осторожностію. Самъ онъ оговорилъ это во вступленіи къ своей рѣчи: «Присутствіе дамъ въ Атенеѣ и личная «моя независимость, какъ человѣка, не обязаннаго со-«блюдать степенность Профессорскую, позволяли мнѣ «переходить въ этой рѣчи отъ *важнаго* къ *забав-«ному*.»

Но возвратимся къ его обвиненіямъ: „Не сыщется «дамы въ обществахъ Петербурга или Москвы, кото-«рая не стыдилась бы не писать по-Французски пра-«вильнѣе г-жи Севинье. Бѣда тому, кто вздумалъ бы, «въ признаніяхъ сердечной своей тайны, говорить по-«Руски.»

Но, видно, убоясь *женскаго суда* (cour d'amour), который во всей силѣ господствовалъ, по свидѣтельству Ренуара, въ южной Франціи, гдѣ нашъ Оратоpъ произносилъ остроумныя и веселыя свои *филиппики* на милыхъ своихъ соотечественницъ, онъ вдругъ оправдываетъ сихъ самымъ блистательнымъ образомъ: «Со «времени послѣднихъ политическихъ событій, языкъ «Рускій снова вступилъ въ полныя права свои; сами «дамы не пренебрегаютъ уже заниматься отечествен-«ною литературой. Нынѣ Рускія дамы, все еще питая «слабость къ литературѣ Французской, присоединя-«ютъ къ оной не менѣе точное знаніе Поэтовъ Ру-«скихъ, Нѣмецкихъ, Англійскихъ и Итальянскихъ. Въ «Руской литературѣ теперь можно даже найти со-«ревновательницъ Дельфины Ге. Этою счастливою пе-«ремѣной въ умѣ нашего прекраснаго пола, обязаны мы «патріотическому порыву 1812 года.»

Въ приступѣ своемъ къ очерпанію *второй эпохи* нашей Словесности, Кн. Мещерскій именуетъ (и совершенно справедливо) основателемъ Романтической школы въ Россіи Жуковскаго: «онъ водворилъ у насъ сей «родъ Словесности, который если бы даже и не былъ «къ намъ занесенъ изъ чужбины, то конечно бы родился «у насъ самъ собою, по духу Рускаго языка и поэзіи.»

Доказательства сей необходимости приведены Авторомъ весьма остроумно и носятъ на себѣ печать истины. Вся сія часть его рѣчи заслуживаетъ особеннаго вниманія читателей Рускихъ, и потому мы переводимъ ее вполнѣ.

„Великое богатство словъ, разнообразіе оборотовъ „и выраженій, удобство составлять реченія сложныя „изъ многихъ корней, какъ въ языкѣ Греческомъ, сво-„бода въ размѣщеніи словъ, свобода, которая сбли-„жаетъ духъ Рускаго языка съ духомъ языковъ Нѣ-„мецкаго, Греческаго и Латинскаго, и служитъ чрез-„вычайнымъ облегченіемъ при переводахъ; благозвучіе „языка, производимое *одиннадцатью* гласными на *двад-„цать четыре* согласныхъ буквъ; наконецъ, многораз-„личность стихотворныхъ размѣровъ и возможность „составлять новые по произволу: словомъ, все пре-„бовало установленія поэтическихъ формъ на основа-„ніи болѣе обширномъ, болѣе огромномъ. Робость клас-„сическихъ формъ столь же мало прилична характеру „языка, сколь чуждо сіе чувство характеру народа „Рускаго.

„Легко такъ же доказать, что духъ Романтизма „свойственъ и природѣ Россійской. Можетъ ли поэзія „народная соблюсти характеръ точный, опредѣленный „и общій, тамъ, гдѣ однимъ и тѣмъ же языкомъ го-„ворятъ на дикихъ и безплодныхъ берегахъ Ледовита-„го моря, и на злачныхъ, очаровательныхъ холмахъ „Тавриды? тамъ, гдѣ душа посмѣнно разкрывается и „уносится за предѣлы свои при видѣ природы, изто-„чающей наружу всѣ свои растительныя силы; и тамъ, „гдѣ, съ другой стороны, душа сжимается и какъ бы „прячется въ себѣ самой, когда сочувствуетъ природѣ „угрюмой и сжатой? Отсюда происходитъ *колоритъ* „часто восточный либо Итальянскій, и суровость, „глубокость Скандинавская въ воображеніи Рускаго. „Границы поэтическаго духа въ Россіи по необходи-„мости должны быть столь же пространно раздви-„нуты, какъ и границы Имперіи Россійской *).

*) Переводчикъ сей рѣчи радуется, что встрѣтился съ своимъ Авторомъ въ нѣкоторыхъ мысляхъ. Лѣтъ за восемь предъ симъ, когда Романтизмъ получалъ уже видимый перевѣсъ въ нашей Словесности, но никто еще не говорилъ у насъ: что такое Романтизмъ, и чего должно ожидать отъ новаго преобразованія Литературы нашей, въ одномъ изъ тогдашнихъ Петербургскихъ Журналовъ (*Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія*) помѣщенъ былъ *Опытъ о Романтической Поэзіи, въ 3-хъ статьяхъ*, сочиненный нынѣшнимъ Издателемъ Лит. Газеты (нѣсколько экземпляровъ сего Опыта отпечатано было особо. С. П. б. 1823). Тамъ, между прочимъ, сказано было о необходимости и *возможности* у насъ поэзіи самостоятельной, народной: «Ни одна страна въ свѣтѣ не была столь богата разнообразными повѣрьями, преданіями и Миѳологіями, какъ Россія. Поэтъ можетъ въ ней съ роскошью выбирать то, что ему нравится, и отвергать, что не нравится. Скажутъ, что всѣ сіи повѣрья, преданія и Миѳологіи неясны и мало извѣстны. — Можетъ быть: но мы имѣемъ двѣ, довольно ясныя и съ которыми Писатели насъ ознакомили: Миѳологію

„Скажу болѣе: Петербургъ, съ своими ипелями и „льдами, съ своими 18-ти часовыми ночами зимой, и „своей весною, зараждающею сего дня цвѣшокъ на „шомъ мѣстѣ, гдѣ вчерась едва разпаялъ снѣгъ, — „Петербургъ, съ своимъ лѣшомъ, когда нескончаемый „день безпрерывно освѣщаешъ величавую поверхность „Невы, на которой плаваютъ зеленые острова, по„крытые *виллами* и дворцами Итальянскими, — Пе„шербургъ, съ своимъ чрезмѣрнымъ зноемъ, заспавля„ющимъ переходить отъ дѣятельности жителя Се„вера, къ dolce far niente обитателя Юга: Петер„бургъ одинъ, говорю, есть уже *Романтизмъ* въ шомъ „смыслѣ, какъ мы его разумѣемъ.

„Ясно, что романтическая школа должна была без„препятственно получить народность въ Россіи. Со„всѣмъ тѣмъ, какъ и во Франціи, была и у насъ силь„ная *классическая опозиція*; и если она не имѣла по„верхности, то за сіе полное торжество Романтизма „наиболѣе обязаны мы возвышеннымъ дарованіямъ тѣхъ, „кои ввели его въ Россію. Жуковскій заспавилъ насъ „полюбить сей новый родъ поэзіи. Юный Поэтъ, Але„ксандръ Пушкинъ, геній необыкновенный, заспавилъ „ему удивляться и докончилъ романтическое преобра„зованіе.“

Говоря о причинахъ, коимъ должно приписать успѣхи Романтизма въ Россіи, Князь Мещерскій изчисляешъ услуги, оказанныя Рускому языку, слогу и спихосложенію Поэтами и вообще Писателями романтическими: «Всѣ ихъ нововведенія въ Рускій языкъ способствовали «къ постепенному очищенію онаго отъ оборотовъ, о»скорбляющихъ слухъ, неправильныхъ и часто заимст»вованныхъ изъ иностраннаго языка, оборотовъ, кои »встрѣчаются иногда у Писателей эпохи классической. »Спихи сдѣлались гладкими и благозвучными чрезъ ихъ »спараніе избѣгать устарѣлой разстановки словъ и рос»кошное употребленіе рифмъ самыхъ богатыхъ. Ру»скій языкъ, выходящій изъ-подъ пера Жуковскаго »или Александра Пушкина, весьма приблизился къ со»вершенству языка боговъ, какъ выразился бы Клас»сикъ.«

Здѣсь Авторъ, обращаясь къ бывшей (и можетъ быть еще некончившейся) у насъ войнѣ Классиковъ и Романтиковъ, приводитъ, какъ документъ оной (pièce justificative), *Разговоръ Классика съ издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана*, поэмы А. С. Пушкина.» Журналы Рускіе,« прибавляетъ онъ,« долго наполнялись шаковы»ми литературными преніями.«

О прозѣ Руской, Авторъ говоритъ только мимоходомъ. Упомянувъ съ похвалою о Россійскихъ Писателяхъ Духовнаго чина,» поспавившихъ на высшую »степень совершенспва краснорѣчіе церковное,« называетъ онъ отцемъ прозы свѣтской Карамзина, присовокупляя, что» различныя отрасли прозан»ческаго слога, вѣроятно, не скоро еще будутъ »обработаны въ Россіи, по причинѣ разпространивша»гося у насъ вообще познанія иностранныхъ языковъ; »что всѣ ученыя сочиненія, переводимыя на Рускій, чи»таются упасъ въ подлинникѣ тѣми, кои въ состоя»ніи оцѣнить ихъ, и что по многимъ предметамъ у »насъ недостаетъ еще ученыхъ терминовъ.« Послѣднее отчасти справедливо; но, благодаря нѣкоторымъ ученымъ соотечественникамъ нашимъ, мы имѣемъ уже по многимъ отраслямъ знаній довольно полныя собранія терминовъ, переведенныхъ по-Руски или примѣненныхъ къ нашему языку. По части Химіи, дѣло уже почти довершено, и вообще естественныя науки имѣютъ у насъ свои словари, хотя не совсѣмъ полные, но за то Рускіе, ибо въ нихъ ученыя названія составлены

древнихъ Славянъ и Миѳологію Скандинавскую: кромѣ сего, сколько въ Россіи племенъ, вѣрующихъ въ Магомета и служащихъ въ области воображенія узломъ, связующимъ насъ съ Востокомъ. И шакъ Поэпы Рускіе, не выходя за предѣлы своей родины, могупъ перелетать опъ суровыхъ и мрачныхъ преданій Сѣвера къ роскошнымъ и блестящимъ вымысламъ Востока; опъ образованнаго ума и вкуса Европейцевъ къ грубымъ и непривѣрнымъ правамъ народовъ звѣроловныхъ и кочующихъ; опъ физіогноміи людей свѣтскихъ къ облику какого нибудь племени полудикаго, запечапѣннаго одною общею чертою отличія.

« Упреки, дѣлаемые Природѣ, и шого неосновательнѣе. Гдѣ же она разнообразнѣе, какъ не въ Россіи? — Нѣсколько зонъ опоясываютъ ея пространство, нѣсколько климаповъ являются въ ней, измѣняя постепенно видъ земли съ ея произведеніями. Взглянемъ на Сѣверъ — и видимъ вѣчные льды, сѣверныя сіянія; незаходимый день и неразсвѣпающая ночь дѣляпъ шамъ годовыя времена. Ближе къ намъ дикія скалы Финляндіи, великолѣпныя озера, рѣки и водопады. Окинемъ взоромъ холодную Сибирь — шамъ неизчерпаемыя сокровища добываются изъ нѣдръ горныхъ: богатые рудники, груды дорогихъ каменьевъ, окаменѣлости и другія чудеса природы, подъ хладнымъ покровомъ снѣговъ таящіяся, заслужили Сибири названіе *золотаго дна*. Обратимся на Югъ — шамъ видимъ необозримыя, безлѣсныя равнины, покрытыя шучною правою и усѣянныя безчисленными спадами. Очаровательная Таврида, съ ея плѣнительными долинами и величественною горою, смотрящеюся въ двухъ моряхъ *), служитъ какъ бы отдохновеніемъ для взора, упомленнаго однообразнымъ зрѣлищемъ гладкаго, зеленаго ковра и бѣлыхъ спадъ. Далѣе — грозный Кавказъ возносится заоблачною спѣною и оковываетъ взоръ и воображеніе дикими своими ужасами. Сколько воспоминаній историческихъ и баснословныхъ! Здѣсь скалы, къ которымъ прикованъ былъ Прометей; шамъ мысъ Пароспитъ, грустное убѣжище Ифигеніи, далѣе мѣста, прославленныя ссылкою Назона! Какая изъ новыхъ спранъ заключаетъ въ себѣ столько богапствъ поэтическихъ? Здѣсь воспоминанія Юга и преданія Сѣвера объемлются другъ съ другомъ; Природа и человѣкъ, прошедшее и настоящее говорятъ Поэту: *выбирай и твори!* »

*) Въ ясную погоду, съ Чашыр-дага можно видѣть два моря: Черное, надъ которымъ, шакъ сказать, гора сія нависла, и Азовское, находящееся опъ нея въ разстояніи болѣе 100 верстъ.

изъ Рускихъ корней; тогда какъ у Французовъ и почти всѣхъ другихъ Европейскихъ народовъ, приняты ученыя *номенклатуры* Греческія либо Латинскія. — Проза повѣствовательная, описательная и даже разговорная съ каждымъ днемъ у насъ обработывается и очищается. Многіе новые обороты и выраженія, природно Рускіе или по свойству своему могшіе *обруситься*, введены въ употребленіе съ недавнихъ временъ, и теперь уже въ общемъ ходу. Словомъ: все обѣщаетъ въ скоромъ времени поставить и прозу Рускую на той же степени совершенства, на которой Князь Мещерскій видитъ нынѣшнюю нашу поэзію.

Авторъ, напомнивъ одно мѣсто выше приведеннаго имъ *Разговора*, приступаетъ къ разрѣшенію вопроса: »Въ самомъ ли дѣлѣ Руская Словесность не имѣетъ »народности, какъ хотятъ насъ увѣрить люди, укоряв»шіе опую за то, что она слѣдовала чужеземному па»правленію, и подражала либо Грекамъ и Римлянамъ, »либо Французамъ и Нѣмцамъ?« Вопросъ сей такъ важенъ для друзей отечественной Словесности, и разрѣшеніе онаго Княземъ Мещерскимъ заключаетъ въ себѣ столько мыслей свѣжихъ и основательныхъ, что мы считаемъ нелишнимъ перевести весь сей отрывокъ:

„Прежде всего желалъ бы я (говоритъ Авторъ) раз„смотрѣть народность въ Литературѣ съ двухъ со„вершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Дѣйствительно „сія народность можетъ примѣняться или къ формамъ, „или къ духу сочиненій.

„Правда, что въ Рускомъ языкѣ нѣтъ народныхъ „поэтическихъ формъ; но способность сего языка при„своивать себѣ поэтическія формы другихъ народовъ, „способность, ему врожденная и основанная на склон„ности Рускаго народа къ *космополитству*, какъ вы„ше было сказано, и на личномъ свойствѣ языка, — не „можетъ ли въ нѣкоторомъ смыслѣ почесться народ„ностію? Формы сіи заключались въ самой природѣ язы„ка; онѣ требовали только развитія. Онѣ были бы „найдены въ языкѣ Рускомъ, прежде ихъ примѣненія къ „языкамъ Нѣмецкому и Латинскому и прежде ихъ об„рѣтенія въ языкѣ Греческомъ, когда бы просвѣщеніе „началось съ Россіи, а не переходило сперва черезъ „Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ. Коль скоро „языкъ можетъ себѣ присвоить формы чужеземныя, „то формы сіи становятся его собственностію и при„обрѣтаютъ надлежащую народность. Несправедливо о„спориваютъ у поэзіи Латинской самостоятельность „ея за то, что она заимствовала свои формы у Гре„ковъ: сіе случилось потому, что свойство Латин„скаго языка допускало таковое присвоеніе. Напротивъ „того, Латинскія стихотворныя мѣры не могли быть „введены во Франціи, ибо не соотвѣтствовали приро„дѣ языка Французскаго. Тожество поэтическихъ „формъ у Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ и Рускихъ до„казываетъ только сходство духа сихъ языковъ. На„конецъ, если позволительно употребить самое просто„народное сравненіе, говоря о предметѣ возвышенномъ, „то я скажу, что Литература какого-либо народа по„добна свойству земляной почвы въ его отчизнѣ. Если „почва сія позволяетъ иностранному растенію плоо„диться также, какъ на родной его землѣ, тогда оно „становится произведеніемъ туземнымъ. Никто, я ду„маю, не рѣшился сказать, что картофель не туземное произведеніе Европы.

„Еще легче доказать, что духъ Литературы Рус„кой, отмѣнно народный со времени романтическаго „ея преобразованія, былъ и въ классическую свою „эпоху гораздо народнѣе, можетъ быть, нежели духъ „прочихъ Литературъ современныхъ. Это слѣдствіе „характера народа Рускаго. Любовь къ своей родинѣ „столь же сильна въ Рускомъ, какъ и въ душѣ обита„теля прелестныхъ долинъ Швейцаріи. Страсть его къ „народной славѣ своей столь же исступленна, какъ и „народный восторгъ Француза. Рускій присовокупля„етъ еще къ симъ благороднымъ чувствованіямъ два „другія существенныя качества, служащія прочнымъ, „нерушимымъ скрѣпленіемъ общественнаго зданія въ „Россіи, утвержденнаго на столь обширномъ основаніи. „Сіи наслѣдственныя качества Рускаго состоятъ въ „неколебимой его преданности къ своей Вѣрѣ и своимъ „Государямъ.

„Таковы чувствованія, господствующія въ духѣ древней „Литературы Славянской, которой немногіе остатки „сохранились въ героическихъ пѣсняхъ, до насъ дошед„шихъ. Таковы чувствованія, вдохнувшія Ломоносову „первые поэтическіе опыты его и завѣщанныя намъ „въ одахъ, эпопеяхъ и трагедіяхъ великихъ Пѣвцевъ „классическихъ; наконецъ, таковы чувствованія, коимъ „Романтизмъ обязанъ, если не рожденіемъ своимъ, то „покрайней мѣрѣ водвореніемъ своимъ въ Россіи. Пер„вая ода Ломоносова, написанная по Нѣмецкому сти„хотворному размѣру, посвящена была Императрицѣ „Аннѣ (*), и предметомъ оной было взятіе Хотина въ „Турціи. Первая трагедія, написанная на Рускомъ язы„кѣ въ тогдашнихъ классическихъ правилахъ, Сумаро„ковымъ, современникомъ Ломоносова, изобразила на „Рускомъ театрѣ событіе отечественное. Превосход„нѣйшія творенія Державина воспѣвали безсмертные „подвиги Екатерины и славу Рускаго оружія. Одна изъ „лучшихъ трагедій Озерова, Рускаго Корнеля и Раси„на, оживила на сценѣ героическій подвигъ Великаго

(*) Здѣсь переводчикъ позволилъ себѣ небольшую поправку. Въ подлинникѣ было сказано: adressé à l'Impératrice Elisabeth. Извѣстно, что Хотинъ взятъ былъ при Аннѣ Іоанновнѣ, и что Ломоносовъ первую свою оду написалъ въ Германіи и прислалъ оттуда къ сей Императрицѣ.

„Князя Димитрія Донскаго, коимъ въ 1380 году, Рос-„сія освобождена была отъ ига Татарскаго. Пер-„вымъ произведеніемъ, коимъ Жуковскій ознамено-„валъ свой таланть и поставилъ его на высоту, „внушающую почтеніе и недоступную для низкой за-„висти и козней мелкаго дарованія (положеніе, необхо-„димое для главы новой школы),—первымъ его произве-„деніемъ, говорю, было стихотвореніе: *Пѣвецъ во ста-„нѣ Рускихъ воиновъ* (*), въ коемъ Жуковскій возпѣлъ „славныя дѣянія мужей, отличившихся въ войну 1812-го „года. Одна изъ лучшихъ поэмъ Александра Пушкина „носитъ заглавіе: *Полтава* «

Авторъ, съ душевной теплотою выразивъ удивленіе и любовь свою къ таланту Жуковскаго, обозначилъ духъ его поэзіи слѣдующимъ образомъ: „Сей Поэтъ „образовался по новой школѣ Нѣмецкой и Англійской. „Умъ его постигъ Гёте и воздалъ ему долгъ удивле-„нія; но Шиллеръ весь отразился въ душѣ его. Въ „самомъ дѣлѣ, сродство чувствованій между геніемъ „Шиллера и геніемъ Жуковскаго, разительно. Души „ихъ какъ будто отлиты въ одну форму: въ нихъ „одна и та же наклонность *субъективная* (терминъ „Нѣмецкой Философіи, выражающій однимъ словомъ „то направленіе ума, по которому человѣкъ ищетъ „своихъ ощущеній, вдохновеній и подобій въ самомъ „себѣ, а не въ предметахъ внѣшнихъ); въ нихъ то же „тонкое сочетаніе Философіи съ Вѣрою кроткой и „убѣждающей; въ нихъ то же сліяніе мысли съ чув-„ствомъ, кромѣ того развѣ, что въ Жуковскомъ чув-„ство нерѣдко бываетъ независимо отъ мысли. По „сему-то Жуковскій охотно передавалъ творенія „Шиллера на Рускомъ языкѣ. Таковый трудъ можетъ „быть выполненъ въ совершенствѣ только человѣкомъ, „коего душа, такъ сказать, есть другимъ *оттискомъ* „Шиллеровой. Отсюда происходитъ видъ сродства ме-„жду собственными произведеніями Жуковскаго и его „переводами; отсюда происходитъ своеобразная физі-„огномія его подражаній. Можно бы подумать, что „самъ Шиллеръ писалъ по-Руски. Жуковскаго упрека-„ли, что онъ не часто увлекался вдохновеніями соб-„ственными: но переводя Шиллера, онъ, почти можно „сказать, переводилъ самого себя. Однако онъ съ тѣмъ „же талантомъ переводилъ изъ Гёте, Бюргера, Бай-„рона и другихъ Поэтовъ Нѣмецкихъ и Англійскихъ. „Единая скромность его побуждала заимствовать у „другихъ то, что онъ могъ найти съ самомъ себѣ.

„Жуковскій имѣетъ еще то достоинство, что онъ „хорошо постигъ Романтизмъ, и будучи всегда скро-„менъ и умѣренъ, не слишкомъ увлекся духомъ преоб-„разованія Онъ не только не осуждаетъ Древнихъ, „по цѣнитъ ихъ тѣмъ выше, что судитъ о нихъ без-„пристрастно, не будучи внушаемъ раболѣпнымъ ду-„хомъ нынѣшнихъ Классиковъ. Примѣръ его предохра-„нилъ Рускую Словесность отъ порожденія на свѣтъ „*романтическихъ чудовищъ*, каковыхъ къ сожалѣнію мы „видимъ въ другихъ странахъ.“

Если Авторъ здѣсь разумѣлъ большія страшилища, пугающія по временамъ Французскихъ и Англійскихъ поборниковъ Романтизма; то онъ правъ. Но въ замѣнъ сихъ *чудищъ огромныхъ*, въ нашей насущной Литературѣ нынѣ появляются цѣлые хороводы маленькихъ уродцевъ, нескладныхъ, недвижныхъ и безжизненныхъ, какъ Китайскія фарфоровыя куклы. Какою жалкою веренщей тянутся они за Кавказскимъ плѣнникомъ, Братьями-разбойниками и Онѣгинымъ! Какъ смѣшно кривляются *неразсѣтные* и *непробудные* пѣвцы ихъ, думая, что въ элегіяхъ своихъ подражаютъ Жуковскому, Пушкину, Дельвигу и Барашынскому! Впрочемъ Князь Мещерскій весьма забавно выставилъ нашихъ унылыхъ подражателей. „Слезы,“ говоритъ онъ, „текутъ ручь-„ями у романтическихъ нашихъ *школьниковъ*: девят-„надцатилѣтній юноша *ничего уже не проситъ у про-„страннаго Божьяго міра*; а тридцати-лѣтній лаком-„ка, тучный и тупоголовый, упоенный парами почи и „шампанскаго, возклицаетъ, увидѣвъ опадающій лис-„токъ: *унесите и меня, какъ его, бурные вихри*! Но „сіи ничтожныя странности не могутъ быть предо-„судительны для Романтизма, ни повредить таланту „Жуковскаго, или Ламартина. Сей послѣдній произвелъ „въ Россіи столь же сильное впечатлѣніе, какъ и во „Франціи. Онъ содѣлался у васъ *Корнеліемъ Непотоль* „романтическихъ школьниковъ, изъ коихъ каждый вмѣ-„няетъ себѣ въ обязанность переложить Рускими „стихами покрайней мѣрѣ хоть одно изъ его Размы-„шленій.“

Сказавъ, что Жуковскій весьма счастливо воспользовался нашими народными преданіями и повѣрьями, „*сею домашнею Миѳологіей*,“ Авторъ разсуждаетъ о томъ, что Миѳологія древнихъ Грековъ и Римлянъ несообразна съ духомъ новой поэзіи, что она превратилась нынѣ въ «*простыя формулы поэтическія*,» и вслѣдъ за симъ говоритъ о заслугахъ Пушкина въ Руской Словесности: „Александръ Пушкинъ, довершившій роман-„тическое преобразованіе нашей Литературы, живо „почувствовалъ, подобно Жуковскому, необходимость „искать новыхъ соковъ для поэзіи въ сказкахъ и по-„вѣрьяхъ народныхъ. Первая поэма, которою онъ воз-„вѣстилъ Россіи пробудъ своего генія, взята имъ изъ „древняго Рускаго преданія, украшеннаго всею пре-„лестью чудныхъ вымысловъ и чародѣйства.“

О Пушкинѣ Авторъ отзывается съ жаромъ юнаго сердца, страстнаго ко всему, въ чемъ оно видитъ новое свидѣтельство славы единоземцевъ своихъ; упоми-

(*) Мы указали уже прежде (въ 64 No Лит. Газ. 1830 года) на сію ошибку Автора. Жуковскій еще до 1812 года извѣстенъ былъ, какъ Поэтъ съ дарованіями необыкновенными.

наетъ о *Борисѣ Годуновѣ* (тогда еще неизданномъ и коего заглавія не зналъ онъ), какъ о первой Руской драмѣ, написанной въ правилахъ романтическихъ; наконецъ, извиняется передъ слушателями своими, что не исчислилъ имъ другихъ Поэтовъ Рускихъ прежней и новой эпохи. „Называть ихъ по именамъ, не обозначая свойствъ ихъ таланта и не указывая на ихъ сочиненія, былъ бы напрасный трудъ: имена ихъ у„скользнули бы изъ памяти чужеземцевъ; а ни Классики, „ни Романтики Рускіе забвенія не заслуживаютъ.“

Съ благоговѣніемъ говоритъ онъ о Высочайшемъ покровительствѣ, коимъ Государь Императоръ ободряетъ успѣхи Руской Словесности. „Весь міръ на„полненъ славою Николая Перваго. Европѣ из„вѣстно, что въ Немъ совокуплены сѣмена всего „добраго, великаго и прекраснаго, сѣмена, уже возрас„тающія въ странѣ, простирающейся по обоимъ по„лушаріямъ Свѣта.“

Въ заключеніи, Князь Мещерскій выводитъ общія слѣдствія того, что сказалъ онъ о ходѣ Руской Словесности:

„Литературная образованность была въ Россіи „столь же внезапна, какъ и образованность политиче„ская. Народъ Рускій просвѣтился въ умственныхъ по„пяшіяхъ такъ же быстро, какъ и въ отношеніи жи„тейскомъ. Руской сдѣлался Литераторомъ въ такое „же короткое время, какое употребилъ онъ на то, „чтобы сдѣлаться ремесленникомъ, купцомъ, регуляр„нымъ солдатомъ и матросомъ. Словесность Руская „родилась, возрасла, созрѣла и разцвѣла снова, употре„бивъ почти то число лѣтъ, которое человѣкъ про„живаетъ на свѣтѣ. Романтическая поэзія врожденна „въ Россіи. Языкъ Рускій способенъ удовлетворить „двойственному направленію, долженствующему гос„подствовать въ каждой Литературѣ, и сіе условіе „совершенно выполнено въ произведеніяхъ Поэтовъ „Рускихъ: я разумѣю направленіе народное и направле„ніе чужеземное, коихъ совокупленіе необходимо для „Литературы нашего вѣка. Поэты Рускіе имѣютъ „право на удивленіе образованнаго міра, какъ знамени„тые граждане той общей отчизны, о которой упо„мянуто было въ началѣ сей рѣчи. Руская Литерату„ра сравнялась, въ разныхъ отношеніяхъ, съ своими „старшими сестрами; она раздѣляла ихъ превратно„сти, и вмѣстѣ съ ними идетъ впередъ.“

Читатели видятъ, что Авторъ не преувеличивалъ ничего; но вѣрно и безпристрастно старался высказать иностранцамъ ходъ нашей Литературы и нынѣшнее положеніе оной. Такова обязанность человѣка прямодушнаго, согрѣтаго любовью къ славѣ своего отечества, но любовью не слѣпою, не обманчивою; и эта обязанность весьма хорошо выполнена юнымъ предстателемъ нашихъ Музъ, возвысившимъ за нихъ голосъ свой предъ лицемъ просвѣщенной Европы. Не одни жители Марсели слышали рѣчь Князя Мещерскаго: ее прочли во Франціи, и конечно прочли или прочтутъ во всѣхъ другихъ странахъ образованнаго міра. Мы должны сказать еще, что ясность изложенія въ сей рѣчи, обиліе оборотовъ, чистота слога и многія мѣста, исполненныя истиннаго краснорѣчія, свидѣтельствуютъ о дарованіяхъ Автора и о совершенномъ его знаніи Французскаго языка. Обстоятельства сіи, вмѣстѣ съ доказанными имъ въ рѣчи своей свѣдѣніями о Литературахъ другихъ народовъ, должны были преклонить къ нему вниманіе Французовъ и убѣдить ихъ въ просвѣщеніи нашихъ соотечественниковъ. *Изд.*

РУСКІЯ КНИГИ.

АЛЬМАНАХИ НА 1831 ГОДЪ.

Невскій Альманахъ, издан. Егоромъ Аладьинымъ. — С. П. б., въ типогр. Х. Гинце, 1831. (242 стр. въ 16-ю д. л.)

Съ нѣкотораго времени, Журналисты наши неблагосклонно отзываются объ Альманахахъ, называютъ ихъ ничтожными книжечками, *пустоцвѣтомъ*, и даже предвидятъ отъ нихъ какой-то вредъ Руской Литературѣ. Справедливо ли это? и нѣтъ ли въ сихъ выходкахъ какихъ-либо сторонніхъ побужденій, какъ напр. неудачъ на поприщѣ альманачномъ и тому подобн.? Не входя въ разсмотрѣніе послѣдняго предположенія (впрочемъ весьма вѣроятнаго и отчасти доказаннаго примѣрами), обратимся къ вопросу: справедливы ли журнальныя выходки противъ Альманаховъ. Что такое Альманахъ, въ принятомъ нынѣ смыслѣ этого названія? — Небольшая книжка, заключающая въ себѣ собраніе статей въ стихахъ и прозѣ. Какая цѣль ея изданія? Доставить удовольствіе любителямъ чтенія. Если всѣ или нѣкоторыя статьи подобной книжки удовлетворяютъ требованія (не слишкомъ строгія) читателей, различающихся между собою воспитаніемъ и вкусомъ; если статьи сіи имѣютъ достоинство новости и разнообразія: то Издатель Альманаха конечно выполнилъ цѣль свою. Больше отъ него нельзя и требовать; и въ случаѣ излишнихъ притязаній, онъ можетъ оправдаться лучшими Альманахами Англіи, Франціи и Германіи: на двѣ-три статьи истинно-хорошія, остальныя страницы тамъ часто дополняются произведеніями посредственности. Но наши Журналисты гораздо взыскательнѣе иностранныхъ своихъ собратій: они требуютъ, чтобъ Альманахъ состоялъ только изъ образцовыхъ произведеній, не разсуждая о томъ, что самые отличные таланты, самые геніи не всегда могутъ произвести что нибудь образцовое. Да и можно ли пред-

полагать, чтобы книжечка, назначаемая, какъ роскошь, для удовольствованія минутной прихоти читателей, должна была равняться достоинствомъ съ какою нибудь Христоматіей? Однимъ условіемъ сихъ книжекъ должно быть то, чтобы статьи въ нихъ были новы, занимательны и выбраны со вкусомъ, чтобъ ихъ можно было прочесть безъ скуки, и хотя нѣкоторыя изъ нихъ съ истиннымъ наслажденіемъ; чтобъ языкъ вообще всѣхъ статей былъ чистъ и слогъ хорошъ. Если Издатель выполнитъ болѣе сихъ условій, если удовлетворитъ требованія, болѣе прихотливыя; то Альманахъ его по праву можетъ назваться хорошимъ, и даже отличнымъ. Два или три Рускихъ Альманаха заслужили послѣднее изъ сихъ названій; нѣсколько другихъ могутъ безъ грѣха назваться хорошими. Къ числу таковыхъ должно отнести Невскій Альманахъ *почти* всѣхъ годовъ.

Въ нынѣшнемъ году уступаетъ онъ своимъ предшественникамъ и соименникамъ и въ наружности, и въ объемѣ. Нѣтъ при немъ ни картинокъ, ни даже гравированнаго заглавнаго листка. Изъ прежнихъ 13-ти, иногда и 14-ти листовъ, стѣснился онъ въ неполныхъ восемь. Въ печатаніи его также замѣтна нерадивость: опечатокъ очень много. Теперь посмотримъ на существенную часть сею Альманаха: на статьи, составляющія оный. Первая изъ нихъ: *Бракъ по смерти*, занимательна по содержанію и разсказана довольно хорошо; и если бы въ ней было поменѣе карточной терминологіи, а герой повѣсти, человѣкъ, по видимому, образованный и принадлежащій къ хорошему обществу, не забывался подъ часъ и не говорилъ свѣтскимъ дамамъ любезностей дурнаго тона, то повѣсть была бы еще лучше. Послѣдняя статья: *Незнакомка*, есть какъ бы appendix первой: невѣроятное приключеніе разсказывается въ ней однимъ изъ лицъ, являвшихся уже на первыхъ страницахъ Альманаха. *Софія*, повѣсть, содержаніе коей мало имѣетъ правдоподобія, или *романически возможнаго*, но чувства въ ней много. Замѣтимъ еще, что Авторъ очень явно выказывается изъ-за дѣйствующихъ лицъ сей повѣсти, и что чувство въ немъ иногда излишне говорливо. Остальныя двѣ прозаическія статьи слабы.—Изъ немногочисленныхъ стихотвореній сего Альманаха (ихъ числомъ только 12) неоспоримое первенство принадлежитъ балладѣ Г. Подолинскаго: *Дѣвичь-гора*, заключающей въ себѣ любопытное преданіе стариннаго Кіева и разсказанной прекрасными стихами. Еще можно указать на небольшую пьесу: *Супруги* (Е. П. З.); о прочихъ можно умолчать.

СМѢСЬ.

Счастіе можетъ иногда также ласково улыбнуться журнальной статьѣ, какъ и человѣку. Этому имѣемъ мы передъ глазами свѣжія доказательства. Недавно три наши Журнала (*Телескопъ*, *Бабочка* и *Колокольчикъ*) повторили за-ново подъ разными заглавіями давно извѣстный разсказъ о юномъ мореходцѣ Вольнеѣ Бекнерѣ.

Въ 1-мъ No нашей Газеты на сей годъ, мы упомянули объ Альманахѣ, предназначаемомъ въ Москвѣ для вспомоществованія тѣмъ, кои понесли тяжкія утраты отъ холеры и остались почти безъ пропитанія. Выписываемъ теперь полное заглавіе онаго: *Сиротка, Альманахъ въ пользу заведенія для призрѣнія бѣдныхъ сиротъ, учрежденнаго въ Москвѣ, въ Октябрѣ* 1830 *года*. Подписная цѣна на бѣлой бумагѣ съ виньеткой и нотами 5 р., на веленевой, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ, 10 р. За пересылку прилагается 1 р. — Особы, желающія платить болѣе назначенной цѣны, въ пользу заведенія, могутъ записывать пожертвованія свои въ шнуровую книгу за печатью Г. Начальствующаго, Князя П. П. Гагарина.

Души сострадательныя конечно оправдаютъ благое намѣреніе Издателей и помогутъ успѣху добраго дѣла, въ которомъ всякому легко участвовать.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 13-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. **ТОМЪ III, № 8.** ФЕВРАЛЯ 5го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (во Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу) и 25-го (въ Среду).

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА:

Удивительный человѣкъ.

соч. П. Л. Яковлева.

Изъ I-го тома.

Удивительный человѣкъ родился такъ, какъ всѣ прочіе люди родятся; жилъ въ Москвѣ.... и умеръ въ свою очередь такъ, какъ всѣ удивительные и простые люди умираютъ..... Удивительный человѣкъ ничему не учился: не потому, что ученье вредно здоровью, и что смертному не для чего тратить время на изученіе наукъ; нѣтъ! онъ никогда не думалъ ни о смертности, ни о безсмертіи, а не учился отъ того, что ни отецъ его, ни мать объ этомъ не думали. И всегда ли нужно ученье для того, чтобъ прожить счастливо въ сей юдоли плача и воздыханій? Господа ученые! господа сочинители глубокосмысленныхъ дисертацій!.... вы лучше всѣхъ знаете, какое разстояніе отдѣляетъ васъ, не только отъ счастія и спокойствія, но и отъ безнужнаго пропитанія.

Двадцати лѣтъ, Удивительный человѣкъ зналъ все это также хорошо, какъ достоинство ассигнацій; и потому нимало не жалѣлъ о томъ, что взросъ такимъ же мудрецомъ, какъ и его родитель. Когда же Удивительный человѣкъ осмотрѣлся въ свѣтѣ, увидѣлъ, какъ мучатся ученые люди, и пуще прежняго почувствовалъ отвращеніе отъ всякой науки. Удивительный человѣкъ, не имѣя никакого состоянія, безъ всякихъ познаній, тихонько побрелъ за людьми; попалъ въ толпу; наслушался всего хорошаго, и выдрался отшуда милліонщикомъ! Не удивительный ли онъ человѣкъ? Не говорите, что просвѣщеніе, познанія ведутъ къ счастливой жизни; увѣряю васъ, что нѣтъ! Вамъ примѣръ мой Удивительный человѣкъ.— Онъ вступилъ въ свѣтъ, бѣдный разумомъ, карманомъ, просвѣщеніемъ, и нажилъ въ самое коротное время милліонъ, нѣсколько домовъ, деревень, заводовъ. Чѣмъ же онъ нажилъ? Умѣньемъ ходить, умѣньемъ кланяться, умѣньемъ стоять или говорить? Нѣтъ! его наставницей была Фортуна! Надѣюсь, что теперь загадка объяснилась, и всѣ согласятся, что Удивительный человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ Удивительный человѣкъ.... Но кто не шворилъ чудесъ съ Фортуною? Кто не умѣлъ жить въ свѣтѣ съ этою доброю женщиною?.... Посмотрите кругомъ себя.... Только! Ну, видите ли удивительныхъ людей? — Примѣчаете ли, какъ они любезны, довольны собою и другими? Нѣтъ нужды знать, таковы ли они были до знакомства съ Фортуною; положимъ, что она нашла ихъ въ передняхъ, за стойками въ кабакахъ, и пр. и пр. — довольно того, что она полюбила ихъ: наше дѣло дивиться имъ и кланяться....

Мой Удивительный человѣкъ былъ высокой, жирной мужчина; имѣлъ пріятное лице, черные волосы, говорилъ протяжно и щегольски одѣвался: сколько достоинствъ!

Удивительный человѣкъ шелъ однажды по Знаменкѣ, и увидѣлъ въ окнѣ купеческаго дома милую, нѣжную блондинку.... дочь первостатейнаго купца, украшеннаго двумя золотыми медалями. Удивительный человѣкъ увидѣлъ ее и плѣнился! Ея красота была ничто въ сравненіи съ бриліантовыми серьгами и гребенкой, и съ ниткой крупнаго чумчугу, которыя украшали прелестную. Какъ не остановиться и не посмотрѣть на жемчугъ и бриліанты? Какъ можно не влюбиться въ такую милую дѣвушку? И Удивительный человѣкъ тотчасъ смертельно влюбился въ бриліанты, жемчугъ и — дочь купеческую. Долго стоялъ противъ окна прелестной, и забылъ все — и куда шелъ, и къ кому, и зачѣмъ.... Прелестная замѣтила его — закраснѣлась, затворила окошко и задернула бѣлую кисейную занавѣску; изчезъ рай — и Удивительный человѣкъ побрелъ, самъ не зная куда.

Прелестная дочь купеческая полюбила Удивительнаго человѣка; ей понравилась его физіогномія, его коричне-

вый фракъ, черный шелковый жилетъ, и шляпа на манеръ гречневика. Что онъ полюбилъ въ ней — извѣстно! Романъ начался — продолжается, Фортуна работаетъ: хорошо съ такой свахой! потому хорошо, что черезъ мѣсяцъ послѣ этого, Удивительный человѣкъ женился на прелестной, на ея брилліантахъ, жемчугахъ, заводахъ и домахъ. Прелестная была внѣ себя отъ радости: Удивительный человѣкъ, его коричневый фракъ, черный шелковый жилетъ, и прочія его принадлежности, были непрестанно предъ ея глазами, и ей не зачѣмъ было сидѣть у окна, и отдергивать и задергивать бѣлой кисейной занавѣски.

Отецъ прелестной не перенесъ радости, нажившъ себѣ такого дорогаго зятя — и скоро оставилъ здѣшній міръ, а имѣніе, не исключая и медалей, отказалъ Удивительному человѣку. Скоро весь городъ узналъ Удивительнаго человѣка, и гостепріимный хозяинъ, каждый день съ утра до ночи, угощалъ добрыхъ посѣтителей.

Удивительный человѣкъ пріобрѣлъ знакомство лучшихъ людей въ городѣ, вступилъ въ службу и скоро — своими талантами и познаніями — возвысился на степень чиновнаго человѣка.

Удивительный человѣкъ достигнулъ всего, что можетъ составлять счастіе человѣческое на землѣ: ему ничего не доставало! Нѣсколько каменныхъ домовъ, нѣсколько деревень, заводовъ, куча брилліантовъ и жемчугу, милліонъ денегъ, порядочный чинъ, нѣсколько орденовъ и жена — жена предобрая! Не правда ли, что у него все есть? Удивительный человѣкъ сдѣлался просвѣщеннѣйшимъ и любезнѣйшимъ человѣкомъ въ городѣ: и мудрено было бы прослыть иначе.

Удивительный человѣкъ занялъ лучшій домъ; убралъ его Петербургскою мебелью, Парижскою бронзою, Англійскими коврами, Итальянскими картинами, Турецкими диванами; накупилъ экипажей, лошадей; завелъ живописцевъ, актёровъ, чтеца, секретаря, парикмахеровъ, поваровъ и сталъ жить какъ великій Моголъ (впрочемъ не знаю, такъ ли живетъ великій Моголъ; говорятъ, что хорошо, и я вѣрю этому отъ всего сердца).

Толкаясь между людьми, примѣчая за ними, слушая ихъ разговоры, Удивительный человѣкъ рѣшилъ, что люди не стоютъ того, чтобъ подражать имъ, а потому сталъ жить по-своему, однако не слишкомъ отдаляясь отъ принятыхъ обыкновеній: теперь-то сдѣлался онъ еще удивительнѣе! Когда всѣ знатные и простые люди вставали и принимались за дѣла, Удивительный человѣкъ только что просыпался...Вотъ и отличіе! Когда всѣ отобѣдали, начиная съ извощика Рогожской части до Губернатора, Удивительный человѣкъ только что садился за столъ; когда всѣ пили чай, онъ отдыхалъ; впрочемъ, вечера проводилъ такъ, какъ и всѣ смертные. Маленькое отступленіе отъ обыкновеній, не мѣшало добрымъ людямъ навѣщать Удивительнаго человѣка, который самъ охотно ѣзжалъ по гостямъ, театрамъ и собраніямъ. Два года провелъ онъ безвыѣздно въ городѣ; насмотрѣлся всего, что только можно увидѣть посредствомъ денегъ, наслушался всего, и съ большою пользою, потому что уже умѣлъ различить трагедію отъ оперы, и зналъ, что есть въ свѣтѣ люди, которые не умѣютъ говорить по-Руски. Словомъ, эти два года образовали его такъ, будто онъ прослушалъ полный курсъ лекцій въ Университетѣ. Супруга его, слушая его разговоры, достигла до такой образованности, что вмѣстѣ съ нимъ могла читать безъ затрудненія Московскія вѣдомости.

Но что не наскучитъ въ здѣшнемъ мірѣ? И Удивительный человѣкъ и супруга его, были такіе же смертные, какъ и мы, обыкновенные люди, и съ такими же недостатками, слабостями и грѣхами; и они почувствовали, или лучше, имъ показалось, что городская жизнь вредна и здоровью, и тому, и другому! Подвезена великолѣпная коляска въ шесть лошадей: они сѣли, перекрестились, и поѣхали въ сопровожденіи двадцати трехъ другихъ экипажей. Первая фура нагружена было Московскими вѣдомостями и .... Сверхъ того пять стопъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, поднесенныхъ Удивительному человѣку его почитателями, бѣдными студентами и природными поэтами. За библіотекой слѣдовала кухня на трехъ повозкахъ; за нею пять поваровъ Его Высокородія: Французъ, Итальянецъ, Нѣмецъ, Руской, Полякъ; за ними десять поваренковъ; въ слѣдующей повозкѣ докторъ и цирюльникъ съ домашней аптекою. Въ остальныхъ экипажахъ помѣстились актёры, актрисы, стихотворецъ, плясуны, музыканты, живописецъ, чтецъ, письмоводитель, горничныя дѣвки, камердинеры, парикмахеры, два шута; далѣе слѣдовалъ гардеробъ Ея Высокородія и Его Высокородія; ящикъ съ его орденами, и проч., и проч., и проч..... И загремѣли по Московской мостовой двадцать три экипажа; и всякой останавливается и зѣваетъ; и Удивительный человѣкъ, въ атласномъ шлафрокѣ и зеленомъ сафьянномъ картузѣ, гордо посматриваетъ на пѣшеходцевъ; и супруга его, занавѣсившись вуалемъ, сидитъ чинно и смирно. Народъ толпится около повозокъ, ахаетъ, дивится; короче сказать, выѣздъ Удивительнаго человѣка изъ Москвы былъ такъ великолѣпенъ, какъ..... Но я не умѣю съ чѣмъ и сравнить..... Еслибъ и умѣлъ, мнѣ не позволили бы .....

Извѣстіе объ отъѣздѣ Удивительнаго человѣка и разсказы о двадцати трехъ повозкахъ и о всемъ, что въ нихъ было, заняло весь городъ цѣлые два дни; а на третій день забыли и двадцать три повозки и Удиви-

тельнаго человѣка, такъ какъ все здѣсь забывается, и въѣзды и выѣзды.

Удивительный человѣкъ зналъ это, и для того приказалъ стихотворцу, который сверхъ того былъ и студентъ, написать что нибудь на случай этого выѣзда изъ Москвы... Стихотворецъ тотчасъ же занялся сочиненіемъ, и не выходя изъ кибитки, въ которой сидѣлъ, написалъ аллегорическое шествіе Аполлона и Дафны въ село Талантово — и написалъ мастерски! сто строфъ! въ каждой строфѣ десять стиховъ анапесто-ямбическихъ!.... Было у меня это рѣдкое, единственное произведеніе пера покойнаго студента Горемыкина, но пожаръ Московскій истребилъ его, вмѣстѣ съ другими одами (до которыхъ я страстный охотникъ) на разные торжественные случаи въ домѣ Удивительнаго человѣка.

Выѣхавъ за заставу, подвязали на всѣхъ лошадей колокольчики и поѣхали. Утро было прекрасное... Точно такое, какое случалось вамъ видѣть — помните ли, сударыня?..... въ деревнѣ?..... въ первыхъ числахъ Іюня?.....

Удивительный человѣкъ и супруга его видали въ жизнь свою не одно это утро, почему пожелавъ другъ другу пріятнаго сна, оборотились другъ къ другу спинами,— прилегли къ подушкамъ, — заснули; такъ сладко заснули, какъ только можетъ засыпать человѣкъ съ полнымъ желудкомъ и пустой головой.... Совсѣмъ другое произходило въ слѣдующихъ экипажахъ. Стихотворецъ въ восторгѣ выскочилъ изъ кибитки, упалъ на землю и цѣловалъ свѣжую траву; живописецъ вынашилъ альбомъ Ея Высокородія и наскоро обкинулъ видъ окрестностей; чтецъ и трагическій актёръ декламировали первое явленіе изъ Эдипа Царя; пѣвцы и пѣвицы запѣли: *Лишь только занялась заря;* шуты хохотали съ горничными..... И вотъ какимъ образомъ продолжалась вся дорога до села Таланпова.

Солнце заходило —помѣщикъ подъѣзжалъ къ деревнѣ. Вдругъ видятъ вдали пыльное облако; ближе... Раздаются выстрѣлы и супруга безъ памяти бросается къ вѣрному сердцу милаго друга. Выстрѣлы усиливаются, самъ Удивительный человѣкъ не знаетъ,что подумать, и мановеніемъ десной повелѣваетъ кучеру остановиться. — Въ минуту коляска окружена всѣми слѣдовавшими въ двадцати трехъ повозкахъ, и Удивительный человѣкъ въ безмолвіи указываетъ имъ на село, откуда неслось пыльное облако за выстрѣлами. Спутники его съ должнымъ почтеніемъ доносятъ ему, что облако есть депутація отъ жителей села, а ружейные выстрѣлы изъявляютъ торжественную встрѣчу... Это чрезмѣрно поправилось Удивительному человѣку: онъ хотѣлъ что-то сказать, но студентъ предупредилъ его и начался разговоръ. — »Не угодно ли выйти Вашему »Высокородію? — А для чего бы, государь мой?« — »Добрые крестьяне, подданные ваши, движимые усер»діемъ и преисполненые уваженіемъ, идутъ въ срѣ»теніе Вашему Высокородію. — Очень хорошо, это мнѣ »нравится. Стойте всѣ около моей коляски!»

Пыльное облако разсѣялось, и всѣ крестьяне и крестьянки села, съ хлѣбомъ и солью являются взорамъ Его Высокородія. Впереди идетъ старикъ въ зеленой курткѣ, и ведетъ за руку мальчика лѣтъ двѣнадцати, въ полосатомъ запрапезномъ халатѣ. Едва достигли они до коляски Его Высокородія, раздается общій крикъ: »Съ »пріѣздомъ поздравляемъ, батюшка нашъ, кормилецъ, »Максимъ Степановичъ! и матушка наша, Степанида Ивановна!» — Староста подноситъ хлѣбъ и соль; старостиха яица, мальчикъ въ запрапезномъ халатѣ, размахнувъ руками, начинаетъ громкимъ голосомъ рѣчь:

« Высокородный Господинъ!

„Когда усердіе и благоговѣйное изъявленіе преданной „покорности, съ симъ хлѣбомъ, солью и яицами явля„ются лучезарному лику твоему, да позволено будетъ „дерзнуть излить предъ тобою, Высокородный Госпо„динъ! чувствованіе глубоко тронутаго сердца моего. „Мы срѣтаемъ тебя, яко отроцы благочестивіи; срѣ„таемъ, яко благодѣтельнаго благодѣтеля своего; срѣ„таемъ, яко древле срѣтали Христолюбивыхъ воиновъ „съ брани, возвращающихся съ честію многою! срѣ„таемъ.....“ Дай ему гривну! сказалъ Удивительный человѣкъ, оборотясь къ студенту. Ступай, мальчикъ, съ Богомъ! »Крестьяне не могли насмотрѣться на своего барина и тѣснились около коляски; но Удивительный человѣкъ закричалъ кучеру: „Пошелъ!“ — и коляска тронулась, за нею прочіе экипажи, за ними крестьяне. Если выѣздъ изъ Москвы стоилъ того, чтобъ его описывать, то въѣздъ въ село Талантово еще болѣе заслуживаетъ. Вообразите двадцать три экипажа колясокъ, каретъ, бричекъ, линеекъ, дрожекъ, кибитокъ; вообразите разнообразныя, пестрыя толпы спутниковъ Удивительнаго человѣка; вообразите около 500 человѣкъ крестьянъ въ праздничныхъ кафтанахъ, столько жъ женщинъ, столько же мальчиковъ и и дѣвочекъ; вообразите довольную физіогномію Удивительнаго человѣка, небесное спокойствіе на лицѣ его супруги; — вообразите все это, въ густой аллеѣ, которая ведетъ къ господскому дому, — вообразите все это, и признайтесь — что я не умѣю этого описать.—

Солнце склонялось къ западу — Удивительный человѣкъ доѣхалъ до крыльца.... Вышедъ изъ коляски, взялъ подъ руки свою Степанидушку—и торжественно входитъ въ бель-этажъ.....

Человѣкъ въ зеленой курткѣ былъ прикащикъ; онъ предшествуетъ, и растворяя двери, говоритъ: „Вотъ

„офиціянтская, Ваше Высокородіе! вотъ зала, Ваше Вы-„сокородіе! вотъ гостиная! вотъ диванная, Ваше Вы-„сокородіе! вотъ спальная, Ваше Высокородіе!“ и такъ далѣе..... При каждомъ словѣ прикащика, Максимъ Степановичъ оборачивается къ милой своей супругѣ и говоритъ: „Вотъ офиціянтская, душенька! вотъ зала, „душенька!“ Душенька молчитъ — и слушаетъ.....

Когда Удивительный человѣкъ обошелъ всѣ комнаты, душенька ушла въ свой будуаръ, гдѣ дожидали ея всѣ придцать пять дѣвушекъ, актрисы, пѣвицы, танцовщицы, горничныя и фрейлины; .... а Удивительный человѣкъ, въ сопровожденіи всей деревни, пошелъ осматривать село. Прикащикъ долженъ былъ разсказать ему до малѣйшей подробности: гдѣ рѣка, гдѣ луга, гдѣ прудъ, гдѣ садъ..... Всѣ удивлялись глубокимъ познаніямъ своего помѣщика..... Наступилъ вечеръ — и смотръ прекратился. Время ужинать, и ложиться спать; Удивительный человѣкъ много ходилъ, проголодался и усталъ отъ дороги..... ему нуженъ покой..... —

Безсонница!..... Зачѣмъ она посѣтила въ эту ночь Удивительнаго человѣка?.. — Напрасно ворочался онъ съ боку на бокъ, на мягкомъ пуховикѣ своемъ: сонъ бѣжалъ отъ него и остался въ коляскѣ. Удивительный человѣкъ любилъ порядокъ, и ему чрезвычайно не нравилось, что время, въ которое онъ привыкъ спать, проходитъ у него въ бодрствованіи... а за докторомъ послать ему не хотѣлось.... Онъ страшно боялся микстуры!... И такъ, ворочаясь со стороны на сторону, онъ началъ думать.... примѣтьте!... Вотъ что дѣлаетъ деревенскій воздухъ!... Онъ началъ думать о планѣ счастливой жизни... ему хотѣлось завести и то, и то; но не довѣряясь собственному разсудку (что очень похвально!), онъ рѣшился посовѣтоваться съ студентомъ. Студентъ давно уже спалъ; но что за важность разбудить студента?... Удивительный человѣкъ звонитъ въ колокольчикъ — разъ — другой — третій; начинаетъ кричать, начинаетъ браниться; никто ему не отвѣчаетъ!... Дѣлать нечего, оставалось одно средство, или лежать спокойно, или самому встать и будить людей. — Удивительный человѣкъ рѣшился было на первое; но оно такъ скучно показалось ему, что онъ вскочилъ съ постели, набросилъ на плеча одѣяло, и безъ туфлей, съ лампадою въ рукѣ выходитъ изъ своей спальни. Хозяинъ вездѣ можетъ ходить... Удивительный человѣкъ это зналъ, и не опасался забрести въ чужія мѣста. — Проходитъ залу, никого; возвращается въ залу и идетъ въ гостиную, никого.... и онъ блуждаетъ въ своемъ одѣялѣ и съ лампадою — какъ... сравненіе можете выбрать, на любой страницѣ любаго Альманаха.

Удивительный человѣкъ приближается къ дверямъ спальни, — онѣ заперты; толкаетъ ихъ, чувствуетъ сопротивленіе, удвоиваетъ ударъ — дверь распахнулась — и онъ падаетъ на стулья, которыми заставлена была дверь. Стулья загремѣли, лампада потухаетъ, масло изъ нея обливаетъ горничную дѣвку, дѣвка кричитъ, супруга Удивительнаго человѣка пробуждается, вскакиваетъ съ постели..... Они барахтаются.... кричатъ и не понимаютъ другъ друга..... Удивительный человѣкъ забылъ, зачѣмъ шелъ, и кричитъ отъ ушибу колѣна; дѣвка воображаетъ, что пришелъ воръ; Степанида Ивановна въ истерикѣ — въ безпамятствѣ,.... рыдаетъ... Ко всеобщему ужасу слышенъ стукъ во всѣхъ комнатахъ, крики — и вдругъ горничныя со свѣчами въ рукахъ являются передъ страдальцами. Лакеи, актёры, пѣвцы — всѣ бегутъ и съ почтеніемъ разсматриваютъ изъ за-дверей картину лежащихъ... — Дѣвка встаетъ первая; — Удивительный человѣкъ поднимаетъ голову — видитъ зрителей, въ удивленіи разѣваетъ ротъ.... и безмолвствуетъ. Супруга его съ помощію служанокъ переносится на постелю.... Молчаніе. — Удивительный человѣкъ поднимается на ноги; движеніемъ руки приказываетъ удалиться любопытнымъ, и по прежнему завертывается въ свое одѣяло....„Такъ это ты, мой »другъ?« говоритъ ему Степанида Ивановна. — »Я! — »чего жъ ты испугалась? Но ты ушиблась«.... »Ничего мой другъ!.... — я....» Понимаю! а потому »и возвращаюсь въ свою комнату«... Мой другъ?.... — « Что? — Зачѣмъ ты приходилъ? — Узнаешь »завтра — прости! — Прости, мой другъ...» Удивительный человѣкъ уходитъ; Степанида Ивановна вздыхаетъ, дѣвка ахаетъ, и всѣ засыпаютъ безъ дальнихъ приключеній....

Такъ кончилась ночь, въ которую должны были совершиться великія предпріятія Удивительнаго человѣка.... Судьба назначила иначе! Можетъ быть ей необходимо нужно было, по непремѣннымъ ея законамъ, чтобъ Удивительный человѣкъ не прежде заснулъ, какъ разбивъ себѣ колѣно, и опрокинувъ ночной столикъ....

Студентъ словесныхъ наукъ долженъ быть — сочинителемъ; молодые сочинители любятъ восхищаться природою, и словомъ и дѣломъ, вотъ почему нашъ студентъ всталъ вмѣстѣ съ солнцемъ, съ утренними жаворонками, и соловьями; — все, что онъ прочелъ въ чувствительныхъ авторахъ о деревенской жизни, представилось его пылкому воображенію. Онъ по примѣру ихъ прежде всего пошелъ въ молочную — выпилъ стаканъ густыхъ розовыхъ сливокъ, потомъ сломилъ прутикъ отъ густолиственной березы;....вздохнулъ, снялъ шляпу....и пошелъ въ садъ.... Картина возходящаго солнца, пѣніе птицъ, свѣжесть въ воздухѣ и ка-

кое-то внутреннее удовольствіе восхищали студента; все заставляло его изъ глубины души возноситься мыслію выше, выше, выше.... Онъ уже перенесся въ седьмое небо, въ необозримыя области фантазіи.... душа его требовала лиры, чтобъ возпѣть экзаметромъ прелесть существованія, какъ вдругъ.... его кличутъ.. »Иванъ Архиповичъ! Иванъ Архиповичъ! —" То былъ вице-камердинеръ Удивительнаго человѣка.... „Пожа»луйте къ Его Высокородію!«... — Я опять обвиняю судьбу, которая мѣшала моему другу въ самыхъ лучшихъ предпріятіяхъ.... Никто не увѣритъ меня, что къ лучшему прислали за Иваномъ Архиповичемъ. Онъ уже готовъ былъ подарить насъ одою.... и вдругъ, долженъ идти къ Его Высокородію. Можно ли не досадовать на эту судьбу?....

Студентъ идетъ, бѣжитъ, летитъ — наконецъ.... въ кабинетѣ Его Высокородія — входитъ и отступаетъ назадъ отъ удивленія.... „Что съ вами сдѣла„лось, Ваше Высокородіе? Вы блѣдны, пасмурны.—Ахъ, „мой другъ! — я едва не умеръ въ эту ночь! Садись! „— слушай, что хочу сообщить тебѣ!" — „Ничего, „Ваше Высокородіе, я постою.« —»Садись же.... Эта „безсонница заставила меня хорошенько подумать объ „этой деревнѣ.« — Слушаю, Ваше Высокородіе.—Здѣсь „я полный господинъ, здѣсь все повинуется мнѣ, здѣсь „никто не можетъ ни говорить, ни дѣлать противна„го мнѣ; я воображаю себя владѣтелемъ — Княземъ. „— „Точно такъ, Ваше Высокородіе. — Здѣсь я пер„вый! — Совершенная истина, Ваше Высокородіе. — „Не будучи занятъ службою, я хочу посвятить время „здѣсь моего пребыванія на образованіе моихъ поселянъ. „— Очень хорошо, Ваше Высокородіе! — Они добрые „люди — но не таковы, какими бы мнѣ хотѣлось ихъ „видѣть.«—Истинно, Ваше Высокородіе! — »Ихъ лег„ко можно преобразить. — Безъ сомнѣнія, Ваше Вы„сокородіе! — »Притомъ мнѣ хочется видѣть здѣсь „всякаго рода заведенія." — Ничего не можетъ быть „лучше, Ваше Высокородіе!—»Я хочу, чтобъ здѣсь былъ „маленькой городъ.... нѣсколько улицъ, училище, театръ, „манежъ, площадь, монументы, казармы для всякихъ „мастеровъ — но прежде всего сельскій судъ! — Сель„скій судъ? — «Да, другъ мой, сельскій судъ! Какъ не„пристойно мнѣ заниматься крестьянскими дѣлами, „приказывать и судить ихъ здѣсь у себя, то мнѣ хо„чется выстроить для того особый домъ. — Безпо„добно, Ваше Высокородіе!... — Домъ для сельскаго „суда.... Я, яко помѣщикъ, беру на себя званіе глав„наго судьи; ты будешь моимъ секретаремъ — при„кащикъ совѣтникомъ, староста въ родѣ квартальна„го надзирателя; писарей можно набрать изъ актёро„въ.... — Единственно, Ваше Высокородіе! — Не „правда ли, что я вздумалъ славное дѣло? Судъ будетъ „раздѣленъ на три отдѣленія: барское, гражданское и „уголовное.... — Весьма благоразумно, Ваше Высоко„родіе! — Въ гражданскомъ будемъ разбирать ссоры; „въ уголовномъ наказывать, въ барскомъ будутъ зани„маться взиманіемъ оброку.... Сверхъ того къ граж„данскому отдѣленію относится училище, театръ, „садъ; къ уголовному работы; къ барскому: жалованье „дворовымъ людямъ, и назначеніе праздниковъ.... — О! „я въ восхищеніи отъ вашего плана, Ваше Высокородіе! „— А? не правда ли? — Истинно, Ваше Высокородіе! „— Теперь надобно тебѣ заняться сочиненіемъ зако„новъ гражданскихъ и уголовныхъ.... Да! надобно еще „пожарную команду и деревенскую полицію: безъ по„лиціи нѣтъ порядка... —Точно, Ваше Высокородіе! — „И такъ, напиши законы для гражданскаго отдѣленія „и для полиціи, ясно и вразумительно!.... Живописцу „вели нарисовать фасадъ и планы саду, театру, ма„нежу и ремесленному институту.... — Слушаю, Ваше „Высокородіе! — Все какъ можно поскорѣе.... так„же и штатъ людямъ, нужнымъ для суда.... Жало„ванье я самъ назначу.... Ну, другъ мой, не правда ли, „что у меня чрезвычайныя мысли? Я буду здѣсь Сул„таномъ. — Прелестно!... — Не понимаю, какъ сча„стливая мысль о преобразованіи моей деревни прежде „не пришла мнѣ въ голову.... Я жилъ въ городѣ и со„всѣмъ не такъ, какъ должно жить истинному помѣ„щику 3000 душъ! Теперь все пойдетъ иначе! Ступай „же, пиши!"

Удивительный человѣкъ съ торжествующимъ лицемъ всталъ съ кресель, ударилъ двумя пальцами по своей табакеркѣ, понюхалъ табаку и указалъ студенту двери. — Студентъ поклонился и вышелъ. Голова его была наполнена высокими мыслями — о законахъ; онъ прибѣжалъ въ свою комнату, схватилъ десть бумаги, перо, сѣлъ, разомъ вывелъ: 1812 *года*, *Постановленія*, то есть: *законы для жителей*, то есть крестьянъ села Таланпова.... Не знаю, былъ ли онъ рожденъ законодателемъ, только мой студентъ началъ писать съ невѣроятною скоростію и параграфъ за параграфомъ слѣдовалъ безъ всякой остановки. Не даромъ говорятъ, что умный человѣкъ на все годится.

ВОЛКЪ и ОВЦА.

Басня (*).

Попала на Волка Овца:
Отъ стада бѣдная отстала.

(*) Это одно изъ послѣднихъ произведеній покойнаго Александра Ефимовича Измайлова, оставившаго послѣ себя въ Руской Словесности долговременную память многими прекрасными баснями и сказками. Помѣщаемая здѣсь басня и нѣсколько другихъ

»Ахъ, какъ умна ты стала!»
Возликнулъ Волкъ:« по мнѣ давно пора обѣдать;
Нехудо твоего мясца,
Теперь отвѣдать!
Прошу покорно въ лѣсъ!«
— Иль ты забылъ, что есть Зевесъ,
И что объявленъ всенародно
Льва самого указъ,
Чтобы Волкамъ не трогать больше насъ?
Такъ башкирскѣ Царю угодно.
Хвала ему и честь
И здравіе на многи лѣта! —
»Не знаешь, дура, свѣта:
Вѣдь надобно жь и намъ что ѣсть,
Медвѣдю, Тигру надо кушать;
Ихъ также должно слушать:
У нихъ богатые столы, большой разходъ.
Велика нужда имъ, что терпитъ вашъ народъ!
Левъ добръ, проститъ; отъ нихъ не жди прощенья,
Ни даже послѣ объѣденья;
Какъ имъ не сдѣлать угожденья?
Жди, что спасетъ тебя иль Левъ, или Зевесъ:
До Льва-то, знаешь ли, далёко,
До Зевса же высоко.»
Сказалъ и потащилъ бѣдняжку въ ближній лѣсъ.
Но вдругъ, какъ бы съ небесъ,
Защитникъ къ ней явился:
Не Левъ, и не Зевесъ,
А преогромный Песъ.
Волкъ, хвостъ поджавъ, бѣжать пустился,
Но Песъ его догналъ
И разорвалъ,
А передъ тѣмъ ему сказалъ:
«То правда, Зевсъ высоко,
А Левъ далеко,
Но уши и глаза у Льва повсюду есть, —
Есть слуги вѣрные, — хвала имъ, слава, честь!
О всемъ они Льва извѣщаютъ,
Лѣса дремучи очищаютъ,
Какъ отъ Волковъ убійцъ,
Такъ отъ насильницъ ихъ Лисицъ,
Главнѣйшихъ кровопійцъ.»

А. Измайловъ.

УЧЕНЫЯ НОВОСТИ.

Въ NNo 17 и 18 Московскаго Телеграфа 1830 года есть статья, подъ названіемъ: *Малороссія, ея обитатели и Исторія.* Издатель напечаталъ ее вмѣсто критики на Исторію Малой Россіи, сочиненную Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ. Въ этой статьѣ Г. Полеваго, которая вѣроятно составляетъ отрывокъ изъ его *Исторіи Рускаго народа*, столько новыхъ мнѣній и необыкновенныхъ мыслей, что не можетъ она остаться безъ продолжительныхъ и важныхъ историческихъ споровъ. Въ литературномъ отношеніи она не менѣе занимательна для каждаго мыслящаго читателя. Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что Г. Полевой, какъ Сочинитель, одаренъ фантазіею въ высшей степени, нежели Овидій. Чтобы подтвердить сію истину, столь новую и столь же лестную для критической Исторіи Литературы нашей, разберемъ метаморфозы того и другаго Писателя.

Пугачевъ и *Разинъ*, по мнѣнію Автора Исторіи Рускаго народа, были «страшными, но пищепными усиліями Козацкой свободы (стран. 96).» Изустныя преданія туземцевъ и современниковъ, народныя пѣсни, историческіе акты, голосъ цѣлой Россіи — ничто не разочаровало магическаго пера Г. Полеваго: онъ вздумалъ, и въ сонмъ витязей Козацкой свободы ввелъ такихъ разбойниковъ, которыхъ злодѣйскіе поступки не защищены отъ насъ даже покровомъ давности. Такого рода метаморфозы назвать можно *возводящими*. У Овидія они только *низводящіе*, потому что онъ не беретъ разбойниковъ, чтобы сдѣлать ихъ героями: напротивъ его герои превращаются или въ звѣрей, или въ птицъ, или въ растенія. Впрочемъ то и другое — все дѣло фантазіи; но первая, по законамъ Эстетики, предпочтительнѣе второй.

Кромѣ новости картинъ, въ сочиненіи Г. Полеваго есть, такъ уважаемая въ нынѣшнее время, новость взгляда. Ею безъ сомнѣнія онъ обязанъ постоянному изученію тѣхъ иностранныхъ Писателей, которые, не видавъ Россіи, по однимъ глубокимъ соображеніямъ узнали всѣ подробности ея внутренняго состоянія. Какъ Философъ, Г. Полевой равенъ иностранцамъ въ безпристрастіи; но, какъ Рускій, онъ превосходитъ ихъ въ ясности изложенія. Вотъ его слова: «Усердные патріоты не нарадуются только тому, что «Россія всегда имѣла непонятную силу переплавлять «въ Рускихъ, въ единое цѣлое, все, что къ ней ни при«слалось: старые отломки, какова Малороссія, такъ «спаялись, что и трещинки не видно; новые иверни «то же припаялись столь плотно, что и слѣда нѣтъ. «Но я не увлекаюсь патріотизмомъ, ни въ прошед«шемъ, ни въ настоящемъ (стран. 82). Россія въ наше «время является величайшею, составленною изъ раз»нообразныхъ частей, громадою (стр. 84). Въ составѣ «частей ея не находится ничего удивительнаго, ничего «такого, чѣмъ могли бы мы кичиться передъ другими «народами (стран. 85).» Въ подтвержденіе того, что

стихотвореній, за нѣсколько дней до кончины его присланы имъ были къ нынѣшнему Издателю Литературной Газеты, при письмѣ (отъ 7-го Января), которое сей послѣдній сохранитъ навсегда, какъ памятникъ дружбы и чистосердечнаго довѣрія, коимъ почтилъ его покойный Поэтъ.

и у другихъ народовъ есть части, которыя за ними утверждались, Г. Полевой указываетъ на Белгію (часть Нидерландскаго Королевства), на Грецію (часть Турецкой Имперіи) и проч. Потомъ прибавляетъ онъ: «Но, «говорятъ намъ, Россія обладала чудною силою, по«средствомъ коей умѣла сплавить съ собою разныя «части. Право, ничего этого не бывало (стран. 86).»

Если бы Г. Полевой ограничился этою новостію взгляда на Россію, онъ ни чѣмъ бы еще не превзошелъ, такъ называемыхъ, Европейскихъ мыслителей. Ему хотѣлось показать, что онъ въ состояніи изобрѣсти такія новости, которыя уничтожатъ и учебныя книги, принятыя даже въ чужихъ краяхъ за безошибочныя. Онъ говоритъ:

1. «Туземные народы Приволжья и Придонья такъ «же къ намъ относятся, какъ колонисты Нѣмцы, «Французы и Цыганы (стран. 85).» Для дѣтей не худо прибавить здѣсь, что Приволжье простирается по слѣдующимъ губерніямъ: Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Астраханской. Придонье начинается въ Тульской губерніи, захватываетъ части Рязанской и Тамбовской, проходитъ черезъ Воронежскую губернію и оканчивается въ землѣ Донскихъ Козаковъ. Вотъ на какихъ мѣстахъ Г. Полевой нашелъ народы, которые къ намъ относятся, какъ колонисты Нѣмцы, Французы и Цыганы.

2. «Жители Малороссіи и Бѣлоруссіи рѣшительно «такъ же не-Рускіе, какъ обитатели Остъ-Зейскихъ областей, Финляндіи и Грузіи (стран. 86).» Изъ предшествовавшаго мнѣнія мы видѣли, что въ Великороссіи нѣтъ Рускихъ, а живутъ въ ней какіе-то народы, напоминающіе собою то Цыгановъ, то Нѣмцевъ, то Французовъ. По второму пункту видно, что въ Бѣлоруссіи и Малороссіи также нѣтъ Рускихъ. Не думаетъ ли Г. Полевой, что Рускими по справедливости назвать можно только тѣхъ между земляками нашими, которые съ незапамятныхъ годовъ кочуютъ по Италіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи?

Чтеніе разсматриваемой нами статьи Г. Полеваго представляетъ много назидательнаго, особенно для молодыхъ людей. Приведемъ нѣкоторые отзывы его о Карамзинѣ. Пусть каждый благовоспитанный юноша увидитъ, какъ истинный талантъ, поступая на чреду славнаго предшественника своего, говоритъ о немъ безъ малѣйшей зависти, съ трогательнымъ участіемъ, не боясь его славы и ожидая себѣ такого же отзыва въ потомствѣ.

1. «Разсказъ Карамзина о произхожденіи Козаковъ «сходенъ съ повѣстью, писанною на заданныя слова «(стран. 227).»

2. «Карамзинъ, по степени прагматическихъ идей, «стоитъ на одной чередѣ съ Татищевымъ; потому «что оба въ сочиненіяхъ увлекались патріотизмомъ «(стран. 231).» Любопытно замѣтить, что Г. Полевой, подобно Гомеру, старается при нѣкоторыхъ существительныхъ постоянно удерживать одинъ и тотъ же эпитетъ. Напримѣръ: въ журнальныхъ его статьяхъ, *Рускій патріотизмъ* очень часто украшается прозваніемъ *кваснаго*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Гернани, или Кастильская честь. Трагедія В. Гюго. Пер. Ротчевъ. — С. П. б., въ типогр. К. Крайя, 1830. (116 стран. въ 8-ю д. л.).

Помѣстивъ разборъ сей драмы (ибо Викторъ Гюго назвалъ свое произведеніе *драмой*, а не *трагедіей*, и кажется, имѣлъ на то причины), мы передали основательное и даже весьма снисходительное о ней сужденіе одного Французскаго Журнала (*). Считаемъ излишнимъ повторять теперь уже сказанное однажды въ Литературной Газетѣ у созданіи сей драмы, и обращаемся къ переводу оной. Но прежде всего напомнимъ, что при всѣхъ недостаткахъ подлинника, въ немъ есть много истинныхъ красотъ, много стиховъ, блестящихъ новостію и яркостію выраженія; въ особенности же В. Гюго весьма хорошо постигъ разговоръ дѣйствующихъ лицъ взятой имъ эпохи. Разговоръ сей, отрывистый, рѣшительный, иногда колкій и исполненный шутокъ и отвѣтовъ ab absurdo, удачно напоминаетъ разговоры героевъ въ пьесахъ Лопе де Вега и Кальдерона. Онъ наводитъ на всю драму краску мѣстную, Испанскую. Рускій переводчикъ не вникнулъ въ сіе качество своего подлинника, не разгадалъ намѣренія Автора; и потому блестки Испанскаго остроумія среднихъ вѣковъ, какъ напр., слѣдующій отвѣтъ Донъ-Карлоса на вопросъ Гернани: „что дѣлалъ онъ въ комнатѣ Доны Соль, запертый въ шкафѣ?«

Д. Карлосъ

....Mais, à ce qui'il paraît,
Je ne chevauchais pas à travers la forêt,

(*) См. Библіографію 37 и 38 NN Литературной Газеты 1830 года. Тамъ изложенъ весь ходъ пьесы и разобраны характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

потеряны въ Рускомъ переводѣ. Г. Ротчевъ не передавалъ съ точностію подобныхъ стиховъ, а писалъ отъ себя какія-то, не близкія подражанія онымъ. Такъ, на мѣсто выше приведенныхъ стиховъ, въ его переводѣ Д. Карлосъ отвѣчаетъ:

... Хотите знать?
Не по лѣсамъ бродилъ я темной ночью.

Здѣсь можно подумать, что Д. Карлосъ мѣшитъ на Германи, принимая его за разбойника; тогда какъ у В. Гюго онъ просто хочетъ отдѣлаться безсмысленною шуткой.

Переводчикъ имѣлъ всю свободу совершенно придерживаться красотъ подлинника: онъ перевелъ сію драму пятистопными стихами безъ рифмъ, хотя драма Гюго написана обыкновенными Французскими александринами съ рифмами. Намъ извѣстно, что Г. Ротчевъ готовилъ свой переводъ для сцены Руской, и потому долженъ былъ нѣкоторыя мѣста выпустить или измѣнить: никто не станетъ его упрекать въ этомъ; излишняя свобода Французской сцены конечно неприлична нашей. Но крайняя поспѣшность перевода, нестарательность въ отдѣлкѣ стиховъ и упущеніе изъ виду главнаго: духа подлинника, могутъ быть иногда незамѣтны и отчасти даже извинительны на сценѣ, а не въ печати. Зачѣмъ спѣшить печатаніемъ труда, необработаннаго окончательно? Скажемъ еще, что и Рускій языкъ иногда ломается въ стихахъ Г. Ротчева. Въ 1-мъ явленіи 1-го дѣйствія, Д. Карлосъ говоритъ Донѣ Хозефѣ, *дуэнѣ* Доны Соль:

Такъ *лезвіе*, или *кошелекъ* ты *хочешь*?

Талантъ Г. Ротчева, показанный имъ въ собственныхъ произведеніяхъ и въ нѣкоторыхъ изъ его переводовъ, и легкость, съ каковою онъ можетъ писать хорошіе стихи, убѣждаютъ насъ въ справедливости того, что было о немъ сказано прежде въ Литературной Газетѣ, и повторяется нынѣ; то есть, что одна только излишняя торопливость вредитъ успѣху драматическихъ его переводовъ, особливо послѣднихъ: *Макбета* и *Германи*. Онъ изъ числа тѣхъ молодыхъ нашихъ Поэтовъ, которымъ сколько можно чаще должно твердить Горацiянскую поговорку: Festina lente. — *Изд.*

СМѢСЬ.

Въ No 6-мъ издаваемой здѣсь Французской Газеты: Le Furet, напечатана была статья о *Борисѣ Годуновѣ*, соч. А. С. Пушкина. — Въ слѣдующемъ No той же газеты, одинъ изъ корреспондентовъ Издателя доставилъ ему, при письмѣ, переводъ *Сонета*, сочиненаго также А. С. Пушкинымъ, и помѣщеннаго въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ нынѣшняго года:

ПОЭТУ.

Поэтъ! не дорожи любовію народной:
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнишь умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Предоставляя другимъ разобрать вышепомянутую статью критическую, мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое замѣчаніе переводчику сонета. Въ его переводъ вкралась значительная ошибка: „En es-tu satisfait, exigeant poète? — Je suis content.“ Пушкинъ, въ 12-мъ стихѣ сонета, не отвѣчаетъ за кого-либо другаго, а только повторяетъ свой прежній вопросъ:

Доволенъ? . . . и проч.

ОПЕЧАТКИ,

замѣченныя въ послѣднихъ NNo Литер. Газеты.

Въ No 6-мъ:

Стран.	столб.	строк.	напечат.	читай:
47	2	18	*ни* таковую	на таковую

Въ No 7-мъ:

55	1	32	оправдываетъ *сихъ*	оправдываетъ ихъ
57	2 (въ прим.)	4	аписалъ	написалъ
59	1	46	Чшпанели	Чшпанели

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 15-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ III, № 9. ФЕВРАЛЯ 10го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (во Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу) и 25-го (въ Среду).

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА:

Удивительный человѣкъ.

соч. П. Л. Яковлева.

Изъ 2-го тома.

Все засуетилось... и иначе не много быть, потому, что самъ помѣщикъ Максимъ Степановичъ побѣжалъ, потому что сама Степанида побѣжала... Графъ пріѣхалъ! Графъ пріѣхалъ! Но этого мало. Едва ступилъ Максимъ на верхнюю ступеньку, и другой офиціянтъ кричитъ: Князь пріѣхалъ!.. и третій офиціянтъ кричитъ: Генералъ пріѣхалъ! Дивится Удивительный человѣкъ! — Отъ чего всѣмъ его сосѣдямъ вздумалось въ одинъ часъ, въ одинъ день собраться къ нему?.. Но все это дѣло студента, Ивана Архиповича! Иванъ Архиповичъ разчелъ, что день возобновленія села Талантова — день незабвенный! день требующій, чтобъ все сосѣднее дворянство торжествовало его, чтобъ надолго, надолго остался въ воспоминаніяхъ праздникъ Максима Степановича, по случаю открытія училища, института и прочаго, и прочаго. И вотъ Иванъ Архиповичъ, еще за день до пріѣзда Максима, напечаталъ въ Москвѣ сто пригласительныхъ билетовъ, и разослалъ ко всѣмъ окружнымъ дворянамъ и Московскимъ знакомымъ Удивительнаго человѣка... И это приглашеніе, это появленіе всего, что есть лучшаго между уѣздными дворянами, было самымъ пріятнымъ сюрпризомъ для Максима! Благодаря Ивана Архиповича, все было приготовлено къ празднику — и праздникъ былъ превеликолѣпный! Удивительный человѣкъ и Степанида были, какъ гости на собственномъ праздникѣ... и если существовали когда нибудь сюрпризы для хозяина, то это только въ селѣ Талантовѣ! Максимъ Степановичъ ровно ничего не зналъ о приготовленіяхъ Ивана Архиповича, и радовался отъ души всему, что видѣлъ. Радость его не походила на тотъ спокойный восторгъ, съ которымъ отецъ семейства смотритъ въ день своихъ именинъ на дѣтской спектакль, *будто бы тайно отъ него приготовленный.* — Нѣтъ! Максимъ Степановичъ радовался всѣми способностями своего ума! особенно за обѣдомъ — видя около себя Графовъ, Князей, Генераловъ, съ апетитомъ кушающихъ, хвалящихъ его вина, его прислугу... Надобно быть Максимомъ, надобно быть просителемъ, выигравшимъ дѣло и угощающимъ милостивцемъ, чтобъ въ полной мѣрѣ чувствовать это внутреннее удовольствіе, это опьяненіе чувствъ, которыя ощущалъ Удивительный человѣкъ, смотря кругомъ себя, слыша комплименты, и обоняя восхитительный паръ кушаній! Послѣ обѣда всѣ пошли осматривать заведенія... Всеобщій восторгъ! Каково же Максиму? Но и онъ самъ не видалъ еще всего... Иванъ Архиповичъ приводитъ всѣхъ въ поле... Что же представляется изумленнымъ зрителямъ на 4-хъ квадратныхъ саженяхъ? Все, что можно посѣять на матери землѣ — все тутъ посѣяно! Всѣ огородныя овощи, всѣ цвѣты, полезные для сельскаго хозяйства, всѣ роды хлѣба!.. » Это, милостивые Государи! примѣрное земледѣлательство! Здѣсь дѣти крестьянъ обучаются агрономіи; здѣсь узнаютъ они на практикѣ, все, что необходимо земледѣльцу-хозяину — технологу-ботанику. « Удивительный человѣкъ — весь удивленіе и восторгъ, а зрители только что ахаютъ, да восхищаются! И долго, долго водилъ всѣхъ Иванъ Архиповичъ, показывая, разсказывая, изумляя, поражая. Наконецъ пробило шесть часовъ. Всѣ отправились въ театръ.

Посреди дѣвичей, на полу, сидѣла юродивая Непила, и что-то бормотала про себя, разкачиваясь на обѣ стороны. Противъ нея на большомъ кожаномъ сундукѣ лежала Петровна (няня Степаниды), старушка лѣтъ осмидесяти, больная, дряхлая — и сѣрой котъ, прикорнувшій на окнѣ, — вотъ три существа, которыя остались во всемъ домѣ Удивительнаго человѣка. Всѣ прочіе — отъ швейцара до буфетчика — и отъ первой горничной до дѣвки черновки — всѣ ушли въ те-

атръ... Всѣмъ хотѣлось видѣть *Сына любви*, соч. Г. Коцебу (какъ его называли на Руси).

» О! о! охъ!« сказала Петровна, покашливая: »что-то » будетъ! что-то будетъ! Пиры, да банкеты — обѣ- » ды да ужины, да балы, да кіятры... не доведутъ до » добра! — Что-то будетъ! что-то будетъ?... — » Будетъ то, что будетъ,« отвѣчала Ненила; « а бу- » детъ то, что Богъ велитъ!... Глупому сыну не въ » помощь богатство! Вотъ и будетъ «... Тутъ она вскочила, повернулась на одной ногѣ, — дунула вверхъ перышко изъ подушки. »Вотъ что будетъ!. — Пуфъ!«— и побѣжала... припѣвая Лазаря. Громко раздавался ея пронзительный голосъ въ пустыхъ комнатахъ. Бѣдная старушка Петровна привстала съ сундука, и сотворила крестное знаменіе... Конь встрепенулся.. и замяукалъ...., и опять все запихло во дворцѣ Удивительнаго человѣка. Какая разница съ тѣмъ уголкомъ счастливаго села Таланпова, гдѣ торжествовалъ теперь Максимъ Степановичъ! Театръ блисталъ талантами актёровъ, — но еще болѣе отъ трехъ сотъ свѣчей, и двухъ сотъ разноцвѣтныхъ стаканчиковъ... Актёры были одушевлены присутствіемъ лучшаго дворянства... Офиціянты, облитые золотомъ, безпрестанно разносили посѣтителямъ фрукты, мороженое, конфекты... Уже кончилось первое дѣйствіе къ общему удовольствію... и сдѣлалось веселѣе, шумнѣе. Разсужденія о талантахъ актёровъ, сравненія ихъ съ столичными артистами, комплименты Удивительному человѣку и его супругѣ —... Но поднялся занавѣсъ и опять все притихо... Вдругъ вниманіе зрителей разсѣялось отъ дикихъ криковъ изъ-за кулисъ; нѣкоторые поднялись со своихъ мѣстъ; актёры начали мѣшаться, заикаться, остановились — и зрители очень явственно стали слышать закулисный разговоръ: « Не пускай! Нельзя!... — Пустите! пу- » стите, бусурманы! — Держите! держите ее! — « Прочь, собаки! Прочь, бѣсы! « И вдругъ на сценѣ является Ненила! Общій хохотъ, рукоплесканія, крикъ.... Только Максимъ, Степанида и Иванъ Архиповичъ оскорблены ея появленіемъ; всѣ прочіе забыли и спектакль и актёровъ— и Удивительнаго человѣка... Пронзительный визгъ Ненилы взялъ верхъ надъ общимъ крикомъ. Размахивая клюкою, она грозно приблизилась къ краю сцены... все замолкло... »Праздныйные бѣсу! по- «мѣшайте бѣсовъ!« провозгласила Ненила —» а я — я » иду отъ васъ! мнѣ нѣтъ мѣста здѣсь! Но вы всѣ — » сколько васъ здѣсь ни есть, Графы и Князи, и Енара- » лы и Полковники—всѣ вы изчезнете, аки дымъ!« И съ этимъ словомъ махнула она клюкой по стаканчикамъ и плошкамъ, освѣщавшимъ сцену. Стаканчики запрыгали, и горячее сало пролилось на суфлёра. Суфлёръ какъ бѣшеный выскочилъ изъ своей конуры на сцену, бросился на Ненилу; но она отвернулась — и суфлёръ всею тяжестію тѣла ударился о кулисы, и кулиса за кулисой попадали, какъ карточные солдатики. Всѣ актёры и все, что было за кулисами, выскочило на сцену. Всеобщій крикъ.... Быстрѣе молніи бросился на сцену Иванъ Архиповичъ— и мигомъ опустилъ занавѣсъ.... И въ самое время! Несносный смрадъ разнесся по всему театру отъ загорѣвшагося платья и кулисъ. Зрители забыли и Коцебу и Ненилу — скорѣе изъ театра, кто какъ могъ.— Давка — крикъ — Удивительный человѣкъ самъ не помнитъ, какъ онъ очутился въ аллеѣ, какъ его вынесли изъ театра... Но встревоженный хозяинъ и безпорядочная толпа гостей, приближаясь къ дому, снова поражены печальностію. У самаго крыльца стоитъ тройка почтовыхъ лошадей. — Лихой ямщикъ бодро сидитъ на облучкѣ... Въ телегѣ сѣрая шинель съ краснымъ воротникомъ. — Что это? кто это? спрашиваютъ всѣ другъ у друга и спѣшатъ въ комнаты. Въ тревогѣ, при появленіи Ненилы, ни хозяинъ, ни гости не примѣтили, что кто-то вызвалъ Графа изъ театра — и всѣ, и хозяинъ и гости чрезвычайно удивились, найдя его въ залѣ, пристально читающаго какую-то бумагу и передъ нимъ пріѣзжаго въ мундирномъ сюртукѣ. Всѣ остановились въ молчаніи. Графъ, не ожидавшій такъ скоро окончанія спектакля, немедленно удивился, увидя хозяина и всѣхъ его гостей. Максимъ подходитъ къ нему. »Не угодно ли Вашему Сіятель- » ству въ гостиную? — Нѣтъ, почтенный Максимъ Сте- » пановичъ! Здѣсь просторнѣе, и я имѣю сообщить » какъ вамъ, такъ и всему почтеннѣйшему Дворянству » важное извѣстіе. Непріятель быстро идетъ внутрь » Россіи, а сего дня, 11-го Іюля, получено въ Москвѣ » воззваніе Государя Императора къ первопре- » стольной столицѣ о всеобщемъ ополченіи. Время до- » рого, — Государь Императоръ Самъ немедленно » будетъ въ Москвѣ.«—И Графъ, одушевленный пламенною любовью къ отечеству, прочелъ незабвенное воззваніе съ такимъ чувствомъ, что всѣ изъявили готовность въ ту же минуту на всякое пожертвованіе... Неожиданное извѣстіе преобразило веселую толпу гостей въ чинное, важное собраніе. Раздѣлились на кучки, — начались совѣщанія, и всѣ, не дожидаясь ужина, одинъ за другимъ разъѣхались изъ Таланпова... Остался только одинъ Графъ. Онъ выпросилъ себѣ у Максима Степановича особую комнату, и заперся тамъ съ пріѣзжимъ, и своимъ секретаремъ.

А Удивительный человѣкъ? Подивитесь: и онъ не ужиналъ! Всѣ великолѣпныя приготовленія поваровъ Его Высокородія, достались Ивану Архиповичу, живописцу, архитектору, доктору, и прочей мелкой братіи села Таланпова. Но эти господа нимало не огорчились отсутствіемъ высокаго дворянства, и разговаривая о спектаклѣ, Французахъ — преисправно кушали и пили... и потому еще съ большимъ усердіемъ, что всѣмъ имъ досталось довольно работы отъ выходки Ненилы. Ес-

ли бъ не Иванъ Архиповичъ и прочіе его товарищи, праздникъ кончился бы преогромнымъ фейерверкомъ.— Едва, едва, со всѣми усиліями, потушили они загорѣвшіяся кулисы и театральный гардеробъ...

Мало по малу стали рѣдѣть огоньки въ домѣ Удивительнаго человѣка. Все смолкло... раздался звукъ сторожевой доски... Всѣ успокоились въ Талантовѣ. Уже и Удивительный человѣкъ возвратился изъ спальни Степаниды въ свой кабинетъ, и хотѣлъ раздѣваться, когда ему докладываютъ, что Его Сіятельство, Графъ, желаетъ съ нимъ переговорить... »Проси!«.. и Графъ въ ту же минуту явился въ кабинетъ — садится на диванъ. »Я къ вамъ за дѣломъ!— »Слушаю, Ваше Сіятельство... конечно... Французы. —«Рѣчь не о Французахъ, Максимъ Степановичъ,— а о Русскихъ — именно о васъ, и о вашей сестрѣ....« Если бъ Его Сіятельство сказалъ, что Французы вступили въ Талантово, и тогда Удивительный человѣкъ не былъ бы такъ озадаченъ, какъ отъ словъ Графа о сестрѣ. Надобно знать, что Максимъ Степановичъ, разбогатѣвъ, рѣшительно отказался отъ всякой родни, бывшей и будущей, какъ женщиной, такъ и своей. И можно ли ему признавать родными какихъ-то землемѣровъ, губернскихъ секретарей, купцовъ 3-й гильдіи, мѣщанъ!.. Что скажутъ о Его Высокородіи? — а потому Удивительный человѣкъ такъ разстроился отъ напоминанія о сестрѣ, что не могъ сообразиться...

Графъ.

Да, почтеннѣйшій Максимъ Степановичъ, я хочу поговорить съ вами о вашей сестрицѣ.

Максимъ Степановичъ.

Ваше Сіятельство! Графъ! Сдѣлайте милость! Нельзя ли въ другое время!... Вы.. такъ озабочены— теперь ночь — всѣ спятъ.

Графъ.

Я нарочно выбралъ это время для переговоровъ съ вами. Насъ никто не слышитъ, намъ никто не мѣшаетъ, и мы можемъ кончить наше дѣло въ трехъ словахъ.

Максимъ Степановичъ.

Дѣло, Ваше Сіятельство? Какое дѣло, Ваше Сіятельство? У меня никакихъ дѣлъ нѣтъ, Ваше Сіятельство!...

Графъ.

Выслушайте: вы богаты...

Максимъ Степановичъ.

Точно такъ, Ваше Сіятельство.

Графъ.

Очень богаты...

Максимъ Степановичъ.

Какъ угодно Вашему Сіятельству.

Графъ.

И вамъ ничего не стоитъ дать приличное содержаніе вашей бѣдной сестрѣ и ея мужу.

Максимъ Степановичъ.

Какъ, Ваше Сіятельство? Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что у меня есть сестра, Ваше Сіятельство! Никакъ нѣтъ, Ваше Сіятельство!...

Графъ.

У васъ есть родная сестра Прасковья Степановна; она за мужемъ, за отставнымъ землемѣромъ Циркулевымъ. Они содержали васъ, кормили, поили и одѣвали до вашей женитьбы.... Не стану говорить о вашей неблагодарности къ нимъ — но предлагаю просто, безъ шума, назначить сестрѣ вашей ежегодное содержаніе по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, а сына ея, вашего племянника, вы должны взять на свои руки. У васъ дѣтей нѣтъ: — рано или поздно, онъ вашъ наслѣдникъ — и такъ для собственнаго спокойствія, для сохраненія добраго имени своего, вы должны исполнить мое предложеніе. Подумайте, Максимъ Степановичъ, о словахъ моихъ — но если вы не согласитесь: — вспомните, что я имѣю всѣ способы заставить васъ обратиться къ добродѣтели.... ни слова болѣе..... Я все уже сказалъ. — Желаю вамъ спокойной ночи! Завтра утромъ вы дадите мнѣ рѣшительный отвѣтъ.. простите!«.. И Графъ преучтиво поклонился Максиму, пожалъ ему руку — и ушелъ...

Максимъ забылъ и учтивости: повѣся голову, разинувъ ротъ, придавивши ладони къ колѣнямъ, сидѣлъ онъ на креслахъ, оглушенный словами Графа... И такую задачу задалъ Его Сіятельство на сонъ грядущій! И какъ онъ рѣшительно требуетъ! И завтра же отвѣтъ!.... Когда же спать?... И что за опекунство? какая нужда мѣшаться Его Сіятельству въ чужія дѣла?... Гдѣ же спокойствіе, гдѣ счастіе, если его нѣтъ въ Талантовѣ!... Вотъ вкратцѣ мысли Максима Степановича, когда онъ остался одинъ. Зная, что утро вечера мудренѣе — и что одному нельзя думать — Удивительный человѣкъ кое-какъ освободился отъ тяжкой думы, тряхнулъ головою, позвонилъ — и велѣлъ камердинеру раздѣвать себя..... —

Утромъ собрались въ кабинетѣ Удивительнаго человѣка: студентъ, докторъ, живописецъ и открыли совѣщаніе, что сказать Графу на его предложеніе? Графъ заранѣе предупредилъ Ивана Архиповича, — и наставилъ, какъ дѣйствовать въ пользу бѣдной сестры и племянника; а потому, когда Максимъ Степановичъ объявилъ о свиданіи съ Графомъ, Иванъ Архиповичъ сталъ говорить — что „крестьяне Его Высокородія

„давно горятъ нетерпѣніемъ видѣть наслѣдника Его „Высокородія; что увидя этого наслѣдника, они въ „полной мѣрѣ будутъ счастливы и покойны отъ увѣ„ренности, что никогда уже не перейдутъ въ другія „руки; что принявъ къ себѣ бѣдную сестру съ ея „семействомъ, Максимъ Степановичъ даетъ самый „блистательный примѣръ благодарности; что нѣтъ „никакого стыда признать зятемъ землемѣра, ибо — „землемѣръ человѣкъ ученый—и притомъ необходимый „чиновникъ въ свитѣ Его Высокородія.—Что Прасковья „Степановна будетъ въ домѣ, какъ главная управитель„ница, — мѣсто которой еще не занято никѣмъ, хо„тя въ уставѣ Таланповскомъ и сказано, что послѣ „хозяйки, первое лице въ домѣ господскомъ — *долго„правительница*; — наконецъ, что племянникъ Его Вы„сокородія — Алексѣй Ѳедоровичъ, премилый молодой „человѣкъ — и учился прекрасно вмѣстѣ съ графски„ми дѣтьми; говоритъ графскимъ дѣтямъ: ты — и „обращается съ ними запросто.—Прекрасно! сказалъ „Удивительный человѣкъ; но если не доказано, что „она мнѣ сестра? — У Графа въ рукахъ всѣ доказа„тельства письменныя, онъ нарочно хлопоталъ самъ „въ Москвѣ въ Консисторіи.... — Но если я не хочу „ничего давать ей — развѣ я не властенъ въ своемъ „имѣніи? Оно мое — мое, благопріобрѣтенное. — „Точно такъ, Ваше Высокородіе! Но оно можетъ „перейти къ родственникамъ Степаниды Ивановны.— „У нея нѣтъ родныхъ, и у меня нѣтъ родныхъ — и „вотъ все, что я знаю, и болѣе знать не хочу!“ Тутъ Максимъ Степановичъ всталъ съ дивана, и осматриваясь кругомъ, грозно щелкнулъ по своей золотой табакеркѣ.... Но этимъ щелчкомъ какъ будто вызвалъ Графа — и онъ явился передъ Максимомъ. Иванъ Архиповичъ, живописецъ и докторъ въ ту же минуту вышли... Удивительный человѣкъ почтительно поклонился, и пожелалъ Его Сіятельству добраго утра.—Поговоря о томъ, о семъ, Графъ опять обратился къ своему предмету. »Я думалъ о немъ, Графъ!« сказалъ Удивительный человѣкъ со всею свойственною ему важностію— »и точно увѣренъ, что у меня нѣтъ родственниковъ, »ни братьевъ, ни сестеръ...« — Графъ съ изумленіемъ отступилъ на шагъ отъ Максима Степановича, а Максимъ Степановичъ устремилъ на Графа огромные глаза свои.—„И вы твердо въ томъ увѣрены? сказалъ „Графъ.“ — „Твердо увѣренъ, Ваше Сіятельство. — „Но если я вамъ покажу письменныя доказательства, „выданныя мнѣ изъ Консисторіи...—Какъ вамъ угодно, „Ваше Сіятельство...—Потомъ представлю эти до„казательства въ Дворянское Собраніе и объявлю, что „вы, вмѣсто благодарности, пустили вашу бѣдную се„стру по міру, что она живетъ съ слѣпымъ своимъ „мужемъ у меня Христа-ради—какъ вы думаете, Ма„ксимъ Степановичъ, что скажетъ дворянство?—По„звольте о томъ узнать, Ваше Сіятельство! — Оно „скажетъ: Максимъ Степановичъ человѣкъ неблагодар„ный!“ —Максимъ низко кланяется. — „А я скажу,“ продолжалъ Графъ, „что этотъ неблагодарный чело„вѣкъ, имѣетъ нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ — „и разоряетъ ихъ, что разоренные крестьяне... — „Помилуйте, Графъ!.. Когда это?.. Зачѣмъ? — Да „согласись, мой дружечекъ, согласись, мой ангелъ!„ раздался позади его голосъ, и Степанида опускается въ объятія Максима. Удивительный человѣкъ разпрогался.... „Точно такъ, Графъ! Надобно сказать правду!„ сказалъ онъ въ полголоса: — „у меня точно „есть сестра, та самая, которая живетъ у Вашего „Сіятельства — такъ и быть!... Я согласенъ ее „принять къ себѣ, и выполнить по желанію Вашего „Сіятельства!“ — „Я этого ожидалъ отъ вашего „добраго сердца,“ сказалъ Графъ!... — „Ахъ! вы „еще не знаете, какъ онъ добродѣтеленъ!« прибавила Степанида, цѣлуя руку Максима... — Въ эту минуту вошелъ Иванъ Архиповичъ, подслушивавшій у дверей... Графъ обратился къ нему и объявилъ о великодушіи Максима Степановича. „Только прошу, Иванъ Архиповичъ,« сказалъ Удивительный человѣкъ,« чтобъ не всѣ въ домѣ знали, что у меня есть сестра.... Слышишь ли?“ Графъ, довольный успѣхомъ, развеселился, смѣялся, шутилъ, ѣлъ и пилъ за завтракомъ съ такимъ усердіемъ, что и Максимъ Степановичъ забылъ всѣ свои неудовольствія. Наконецъ, не дожидаясь обѣда, Графа сѣлъ въ коляску и поскакалъ въ Москву. Удивительный человѣкъ остался опять полнымъ властелиномъ въ своемъ домѣ и послалъ передъ вечеромъ Ивана Архиповича въ деревню Графа, взять оттуда сестру его, съ мужемъ и сыномъ. Уже было совсѣмъ темно, когда Иванъ Архиповичъ возвратился въ Таланпово... Удивительный человѣкъ велѣлъ провести пріѣзжихъ въ свой кабинетъ, чрезъ заднее крыльцо — хотѣлъ оградиться важностію, грознымъ видомъ; — но доброта сердца и природа превозмогли гордость— онъ разпрогался, увидѣвъ сестру, ея слѣпаго мужа, и прекраснаго семнадцатилѣтняго племянника... Посадилъ ихъ подлѣ Степаниды, цѣловалъ сестру — и въ искреннемъ разговорѣ о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, забылъ настоящій блескъ. Добрый слѣпой землемѣръ искренно радовался, что они опять вмѣстѣ, а Степанида, сентиментальная и нѣжная, тутъ же поклялась, что уже ничто ее не разлучитъ съ милою сестрицею!.. Однако проклятая гордость зашевелилась въ сердцѣ Максима, когда все было переговорено о старинѣ; — онъ объявилъ сестрѣ назначеніе ея въ домоправительницы — и просилъ мужа ея не сердиться на него за то, что назначилъ ему квартиру во флигелѣ... „У меня бываютъ безпрестанно гости, а тебѣ ну„женъ покой!“ прибавилъ онъ: „во флигелѣ тебѣ свобод-

„нѣе...— “ Возражать было нечего. Бѣдная семья радовалась и тому, что нашла пріютъ у роднаго!... А племянникъ! О! объ немъ можно поговорить побольше.

(*Окончаніе въ слѣд.* No)

АЛЬПЪ и ЛЕМАНЪ.

О старецъ Альпъ! вселенной сверстникъ,
Небесъ таинственный наперсникъ,
Чертогъ грозы, пріютъ орловъ!
Кѣмъ оплитъ ты изъ вѣчныхъ льдовъ?
На высотѣ твоей мятежной
Играетъ вихорь съ глыбой снѣжной,
Грозя долины задушить....
Какъ любо тамъ — близъ неба жить!
Все, что страшитъ и возвышаетъ,
Что блещетъ гордою красой
Надъ всей поверхностью земной
И насъ ничтожныхъ изумляетъ,
Въ тебѣ изобразилъ Творецъ.
Твой пышный, сребряный вѣнецъ
Не заклейменъ слѣдомъ орлинымъ;
Смиряя гордый духъ людей,
Ты манишь солнце къ хладнымъ льдинамъ,
Царя надъ робкою землей! —
Но не гордись, гигантъ могучій;
Ты грозенъ? на твоемъ челѣ
Гнѣздятся пасмурныя тучи?
Но есть соперникъ на землѣ:
Онъ посрамитъ твою гордыню!
Ты спросишь: кто соперникъ сей?
Но вспомни добрыхъ дѣлъ святыню.
Души неплѣнный мавзолей
Перестоитъ твою твердыню!

Но Леманъ, тихой Леманъ! ты
Въ своемъ торжественномъ покоѣ
Милѣе мнѣ, прекраснѣй вдвое!
Вотъ скалъ сѣдыя высоты
И звѣздный хоръ въ эѳирѣ дальномъ,
Какъ будто огненнымъ столбомъ,
Любуясь въ зеркалѣ твоёмъ,
Дрожатъ на днѣ его кристальномъ.....
Альпъ мраченъ, грозенъ, какъ боецъ,
Когда, въ лучахъ блестящей славы,
Слагаетъ онъ доспѣхъ кровавый;
Но тихой Леманъ — какъ мудрецъ!
Созрѣвъ въ тиши уединенья,
Душа безбрежна, какъ эѳиръ;
Въ ней отразится стройный міръ:
Она обитель Провидѣнья!

Трилунный.

ВВЕДЕНІЕ
КЪ РОМАНУ: ОБРУЧЕННЫЕ.
Соч. Александра Манцони.

» Исторію по справедливости можно назвать славною » войною съ временемъ, ибо она, изторгнувъ у него изъ плѣна года свои, пораженные уже смертію, оживляетъ ихъ, осматриваетъ и устроиваетъ снова къ битвѣ. Но знаменитые бойцы, на семъ поприщѣ пожинающіе пальмы и лавры, довольствуются только добычею „пышною и блестящею, бальсамируя чернилами своими „подвиги Царей, Правителей и вельможъ, и тонкостью „ума своего прядя златую и шелковую нить для не„прерывной ткани громкихъ дѣяній. Мнѣ же, по сла„бости силъ, не суждено возвышаться до столь опас„ныхъ вершинъ, блуждая въ лабиринтахъ Государстве„нной тайны, при громѣ воинственныхъ орудій: ско„пивъ свѣдѣнія о примѣчательныхъ дѣлахъ людей не„знатныхъ, ремесленниковъ и простолюдиновъ, я ре„шился передать оныя потомству въ разсказѣ про„стомъ и ясномъ. На тѣсномъ театрѣ будутъ пред„ставлены трагедіи полныя ужаса, сцены коварства „и злобы, съ примѣсью подвиговъ добродѣтельныхъ, „ангельскихъ, въ противоположность козняхъ сата„нинскимъ. И дѣйствительно, сообразивъ, что страна „сія находится подъ державою Его Католическаго Ве„личества, Государя нашего, сего солнца пресвѣтлаго, „что надъ оною сіяетъ, какъ полная луна, отражен„нымъ лучемъ своимъ мужъ отъ племени благороднаго, „представитель Короля pro tempore, что повсюду из„ливаютъ свѣтъ знаменитые Сенаторы, сіи неподвиж„ныя звѣзды, Правители и Градоначальники, сіи блуж„дающія планеты, образуя такимъ образомъ лучезарное „небо, — нельзя не причислить къ дѣлу рукъ сатанин„скихъ причину превращенія страны сей въ вертепъ „мрака, злодѣйствъ и преступленій; ибо злоба человѣ„ческая не въ силахъ одна противостать мужамъ, „подвизающимся за благо общественное, съ очами Ар„гуса и руками Бріарея. А потому, описывая проис„шествія, современныя моей юности, хотя большая „часть дѣйствующихъ лицъ уже изчезла съ лица зем„ли, заплативъ долгъ Паркамъ; однако же, по уваженію „особенныхъ причинъ, мы не будемъ именовать ихъ, „сирѣчь родственниковъ, и на томъ же основаніи по„ступимъ съ мѣстностями, указывая оныя только „generaliter. Да не причтетъ сего кто-либо къ несо„вершенству разсказа и къ безобразію скромнаго дѣпи„ща моего, развѣ какой пересудникъ, невкусившій лю„бомудрія: ибо всякъ здравомыслящій убѣдится, что „помянутый разсказъ не пострадалъ отъ того въ сво„ей сущности. Къ тому же очевидно, что имена суть „случайные....“

Но если я и возьму на себя отважный трудъ сіи-

сать эту повѣсть съ полуизгладѣвшей, похеренной рукописи, и выведу ее на свѣтъ, то возьметъ ли кто нибудь на себя трудъ прочитать ее?

При этомъ размышленіи, родившемся надъ разборомъ нечеткой, руки за словомъ: *случайные*, списокъ мой остановился, и я подумалъ не въ шутку о томъ, что надобно дѣлать. — Правда, говорилъ я самъ себѣ, перелистывая рукопись, правда, что этотъ градъ фигуръ и уподобленій не разсыпанъ сплошь по сочиненію. Простодушному *Сечентисту* (*) хотѣлось на первыхъ порахъ блеснуть бодростію; за то въ теченіе разсказа, индѣ цѣлыми страницами, слогъ идетъ гладкій, приспойный. Правда; но какой дюжинный! какой неровный и неправильный! Ломбардизмы кучами, словосочиненіе на изворотъ, грамматика на свой ладъ, періоды безъ конца. Кое-гдѣ разбросана Испанская щеголеватость, и что еще хуже, въ мѣстахъ самыхъ прогапельныхъ или ужасныхъ, гдѣ надобно возбудить жалость или состраданіе: словомъ вездѣ, гдѣ можно придержаться риторики, но риторики скромной, тонкой, хорошаго вкуса, — онъ тотчасъ выразится по-своему, въ родѣ приведеннаго нами образчика. Посему-то онъ, соединяя въ себѣ двѣ явныя противоположности, становится вмѣстѣ грубъ и изысканъ на одной и той же страницѣ, въ одномъ и томъ же періодѣ, въ одномъ и томъ же словѣ. Въ добавокъ: напыщенная декламація изъ обветшалыхъ простонародныхъ формъ и надменное невѣжество, — отличительная черта Писателей того вѣка, той страны. Нельзя такъ писать для нынѣшнихъ читателей: они разборчивы, имъ прискучилъ такой родъ сумасбродства. Къ счастью, что благая мысль пришла мнѣ при началѣ работы: я остановился; готовъ уже былъ свернуть рукопись и положить подъ спудъ, какъ вдругъ мнѣ стало жаль прекрасной повѣсти, пропадавшей для свѣта; ибо въ сущности она, что ни говори читатель, показалась мнѣ очень занимательною.— Почему, думалъ я, не оставить мнѣ основы въ рукописи и не передѣлать только слога? — А какъ возраженія вдругъ не представилось, то я и рѣшился. Вотъ произхожденіе книги, изложенное съ простодушіемъ, равнымъ важности ея самой.

Нашлись однако дѣла и описанія обычаевъ въ Авторѣ нашемъ такія странныя, что съ перваго взгляда мы не повѣрили имъ и прибѣгнули къ справкамъ: порылись въ современныхъ лѣтописяхъ для удостовѣренія, такъ ли было тогда на свѣтѣ. При повѣркѣ, разсѣялись всѣ наши сомнѣнія. На каждомъ шагу встрѣчались намъ такія же странности, и что еще убѣдительнѣе, отыскивались лица, которыя по рукописи казались намъ вымышленными. А потому мы будемъ при случаѣ дѣлать ссылки, дабы читатель не колебался вѣрить вещамъ, съ перваго взгляда чуднымъ.

Но доказавъ, что слогъ Автора нашего несносенъ, спрашивается, какимъ слогомъ мы замѣнимъ его?

Кто суется безъ спросу передѣлывать чужую работу, тотъ обязанъ отвѣчать за передѣлку: и мы не прочь отъ правила дѣльнаго, охотно взялись писать съ должною отчетливостью; и для того старались заблаговременно угадывать предстоящіе пересуды, съ твердымъ намѣреніемъ опровергать ихъ. Дѣло непрудное; ибо (скажемъ въ честь правды) на каждую возникшую въ умѣ критику мы тотчасъ пріискивали возраженіе, не говорю такое, которое положило бъ конецъ спорамъ, но которое могло бы дать имъ другой оборотъ. Часто давали мы двумъ критикамъ волю сразиться и подмѣчали слабую сторону; или разсмотрѣвъ и сличивъ ихъ внимательно, находили, что онѣ одно и то же, а противоположны отъ неправильнаго обсуживанія съ разной точки зрѣнія. Нѣтъ Автора, который такъ ясно докажетъ дѣльность своего творенія. Но, увы! склеивъ всѣ возраженія и отвѣты въ извѣстномъ порядкѣ, мы, прошу не прогнѣваться! сочинили было цѣлую книгу, какъ вдругъ образумились и отложили попеченіе по двумъ важнымъ, конечно и въ глазахъ читателя, причинамъ: во первыхъ, потому что книга, написанная въ защиту другой, можетъ показаться смѣшною; а во вторыхъ, потому что довольно и одной, когда безъ двухъ обойтись можно.

Съ Итальян. — *Н. Павлищевъ.*

НѢЧТО о ЛОМОНОСОВѢ (*).

Между людьми, отличающимися на обширномъ поприщѣ наукъ, можно различать два рода геніевъ: одни

(*) Secentista. Такъ называются Писатели XVI и начала XVII вѣка,—эпохи упадка Словесности и вкуса въ Италіи.

(*) Помѣщаемая здѣсь статья доставлена Издателю за нѣсколько предъ симъ недѣль. Напоминовеніе о заслугахъ въ ученомъ свѣтѣ славнаго соотечественника, каковъ Ломоносовъ, есть дѣло, заслуживающее похвалу и вниманіе. Пріятно видѣть, что въ наше время, наше молодое поколѣніе умѣетъ достойно цѣнить ученые труды мужей, споспѣшествовавшихъ водворенію просвѣщенія въ Россіи. Между тѣмъ Авторъ нашъ не въ правѣ былъ жаловаться на соотечественниковъ за ихъ равнодушіе къ Ломоносову. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ *Указателѣ открытій*, издаваем. Г-мъ Щегловымъ, исчислены были заслуги Ломоносова по части наукъ Естественныхъ; а въ нынѣшнемъ году, ученый Математикъ, Г. Перевощиковъ, говорилъ, въ день открытія Московскаго Университета (12-го Января) *Рѣчь объ электричествѣ воздушномъ, въ отношеніи къ разсужденіямъ Ломоносова.* «Онъ доказалъ (говоритъ *Молва*, «No 2), что славныя открытія Франклина, Румфорда, Араго, «Гумбольдта, давно уже были у насъ предузнаны и болѣе или «менѣе развиты въ сомнѣніяхъ Ломоносова, котораго однако же «мы сами, Русскіе, къ стыду своему, знаемъ только, какъ Ли«тератора и Филолога.» Сочинитель статьи, помѣщенной въ *Молвѣ*, встрѣтился въ этой мысли съ нашимъ Авторомъ. *Изд.*

помощію набюденій и опытовъ созидаютъ теоріи, другіе выводятъ теоріи наукъ, основываясь на своихъ разсужденіяхъ и понятіяхъ, и подтверждаютъ опытомъ свои заключенія. — Безъ сомнѣнія геніи втораго рода должны почитаться выше; ибо они показываютъ, что безъ всякихъ соотношеній съ чувственною природою, умъ ихъ проникъ глубже въ познаніе ея законовъ. — Къ числу таковыхъ геніевъ принадлежитъ и Ломоносовъ. — Къ стыду моихъ соотечественниковъ, я долженъ сказать, что мало слышалъ о его теоріяхъ и высокихъ умозаключеніяхъ. Знаю, что часто говорятъ о Ньютонѣ, Лейбницѣ и Декартѣ; а о Ломоносовѣ — ни слова. Не былъ ли онъ для Россіи то, что Ньютонъ для Англіи, Лейбницъ для Германіи? Съ обширными понятіями по части Физики, Химіи и Математики, съ творческимъ духомъ Поэта-Философа, и онъ возвеличилъ Россію; Россіяне должны быть къ памяти его болѣе нежели благодарны. А мы, его соотечественники, разбирая творенія славныхъ чужеземцевъ и удивляясь уму и таланту Ньютоновъ, Лейбницевъ и другихъ, едва ли читали его творенія, его критическій разборъ системъ. Онъ былъ Поэтъ, Философъ и Ученый: таланты, которые мы видимъ очень рѣдко соединенными въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Его Теорія теплоты, выведенная непосредственно изъ размышленія, безъ всякихъ опытовъ, не уступаетъ въ строгости доказательствъ теоріямъ другихъ иностранныхъ Ученыхъ. Но какая противоположность! Одни столько возвеличены, а другаго едва ли знаютъ по слуху. Даже сами иностранцы почитаютъ его ученѣйшимъ, а у Рускихъ онъ забытъ. Явное доказательство холодности къ талантамъ единоземнымъ! Въ семъ случаѣ соотечественники Ломоносова походятъ на Медиковъ, кои ищутъ цѣлебныхъ травъ въ другихъ частяхъ свѣта, платя за вывозъ весьма дорого, а не видятъ пользы отъ тѣхъ, кои находятъ подъ своими ногами. — Псалтирь, сіе высокое твореніе Духовной Поэзіи, впервые возпламенилъ юный духъ Ломоносова, и чувствуя себя способнымъ что нибудь создать, юный рыбакъ оставилъ и отчизну и домъ и родителей. Какое пожертвованіе для отечества! какой патріотизмъ! оставить родительскую кровлю для того, чтобы просвѣтить своихъ соотечественниковъ, споспѣшествовать общему благу отечества! Замѣтимъ, что Ломоносовъ родился въ самомъ сѣверномъ климатѣ Россіи, и могъ столь много произвести изящнаго; что жь было бы тогда, когда бы онъ родился въ благословенномъ климатѣ Италіи? — Можетъ быть, онъ не уступилъ бы Аріосту и Тассу. Кромѣ Поэзіи и Наукъ точныхъ, занимался онъ и начертательными Изящными Искуствами. Особливый родъ живописи — мозаикъ, воскрешенъ у насъ Ломоносовымъ: онъ началъ изображать мозаикомъ Полтавскую баталію, но труды его прекратились смертію. Когда Франклинъ въ Америкѣ рѣшалъ великую задачу о громѣ, тогда Ломоносовъ силою собственнаго генія проникъ оную, чѣмъ и показалъ, что въ состояніи былъ разрѣшать самыя важныя задачи натуры. Ко всему этому должно присоединить нравственныя качества сего человѣка: ни одинъ несчастный не отходилъ отъ него, не отерши слезъ своихъ! Благотворительность была первымъ его предметомъ; страсть къ добрымъ дѣламъ была въ немъ столь же сильна, какъ и страсть къ любимымъ занятіямъ. Кто не знаетъ произхожденія Ломоносова? Онъ вполнѣ доказалъ, что благородство души состоитъ не въ знатной породѣ, но въ поступкахъ; что часто подъ блестящею личиною важности скрывается презрѣнный невѣжда, а подъ грубою одеждою бѣдности благороднѣйшая душа.

А. Тимоѳеевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Роза Грацій, или собраніе стихотвореній для прекраснаго пола. — М. въ типогр. Н. Степанова, при Императорскомъ театрѣ, 1830. (72 стр. въ 12-ю д. л. (*)

Жасминъ и роза, подарокъ для туалета на 1830 годъ любительницамъ и любителямъ пѣнія, или новѣйшее собраніе романсовъ и пѣсень. — М. въ типогр. Н. Степанова, при Императорскомъ театрѣ, 1830. (94 стр. въ 16-ю д. л. (**)

Жаль, что такія *душистыя* заглавія приданы книжечкамъ, изданнымъ (особливо послѣдняя) вовсе неприманчиво для того чувства, которое наиболѣе наслаждается блескомъ цвѣтовъ. Оба сіи сборника сдѣланы на одинъ покрой. Стихотворенія Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Дельвига, Баратынскаго и пр., перемѣшаны съ произведеніями самой ограниченной посредственности. Первый изъ сихъ сборниковъ: *Роза Грацій*, состоитъ изъ небольшихъ стихотвореній разнаго рода (по большей части лирическихъ), перемѣшанныхъ безъ разбора и перепечатанныхъ на выдержку. Второй: *Жасминъ и роза*, есть небольшой пѣсенникъ, подносимый собирателемъ въ подарокъ *для туалета любителей пѣнія*. Такая заботливость о мужскомъ туалетѣ

(*) Продается во всѣхъ (Московскихъ) книжныхъ лавкахъ. Цѣна 5 руб.

(**) Цѣна 2 руб.

конечно заслуживаетъ благодарность; и вѣрно Московскія цирюльничьи лавки запасутся этою книжкою, назначенною, судя по красотѣ изданія и по приложенной къ ней размалеванной картинкѣ, для круга людей, движущихся въ сферѣ харчевень и цирюлень. Мы позабыли еще сказать, что въ серединѣ книжки вклеенъ портретъ славной пѣвицы Госпожи Зонншагъ, довольно похожій — на обликъ человѣческій.

Желательно бы знать, однако жь, въ силу какого права Гг. Издатели подобныхъ сборниковъ осмѣливаются перепечатывать произведенія лучшихъ современныхъ нашихъ Поэтовъ, не испросивъ на то позволенія у нихъ самихъ (ибо большая часть изъ тѣхъ, коихъ стихотворенія такимъ образомъ перепечатываются, еще живы), или у ихъ семействъ? Но помянутые смѣльчаки-издатели симъ еще не ограничиваются: они поправляютъ по своему и увѣчатъ стихи, даже цѣлыя стихотворенія нашихъ Поэтовъ, подписываютъ подъ ними чужія имена и т. п. Не говорю уже о неисправности печатанія, объ уродливомъ правописаніи сихъ компиляторовъ: стоитъ взглянуть на первыя страницы сихъ поблеклыхъ *Жасминовъ и розъ*, чтобъ убѣдиться въ справедливости сего.

АЛЬМАНАХИ НА 1831 ГОДЪ.

Заря, Альманахъ для юношества, изданный М. Марковымъ. — С. П. Б., въ Типогр. Н. Греча, 1831 (183 стр. въ 15-ю д. л., съ 6-ю литограф. картинк. (*)

Метеоръ, Альманахъ на 1831 годъ, изданный Ѳедоромъ Соловьевымъ. — М. въ типограф. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1831 (127—69 стран. въ 16-ю д. л. (**)

Сѣверное сіяніе, Альманахъ на 1831 годъ.— М. въ Типограф. Н. Степанова, при Императорскомъ театрѣ, 1831. (220 стран. въ 16-ю д. л. (***)

Три воздушныя явленія, которымъ самыя названія не обѣщаютъ долговѣчности. *Заря*, по справедливости, могла бы освѣщать утреннія занятія дѣтей, если бъ не такъ страшно пылала заревомъ страстей, какъ въ первой повѣсти: *Чтеніе*. Подобныхъ картинъ, унижающихъ достоинство человѣка, не должно представлять юному возрасту: онѣ могутъ напугать ребенка нравственною уродливостью такого изверга, каковъ изображенный въ сей повѣсти Валентинъ, но не произведутъ спасительнаго дѣйствія въ душѣ мягкой, для которой непонятна еще крайняя степень разврата. Повѣсть: *Юлія*, также писана какъ будто не для дѣтей; Сочинитель слишкомъ старался выставить наружныя достоинства молодой дѣвушки, при коихъ душевныя свойства ея кажутся совершенствами придаточными, второстепенными. Въ повѣсти: *Два брата*, мы не видимъ нравственной цѣли, по которой она могла бъ быть полезна молодымъ своимъ читателямъ. Картинки сего Альманаха литографированы изрядно; но по изобрѣтенію, только одна изъ нихъ: добрая волшебница, окруженная малютками, соотвѣтствуетъ цѣли, для которой предназначена сія книжка.

Метеоръ заключаетъ въ себѣ шесть прозаическихъ статей, изъ числа коихъ двѣ повѣсти довольно занимательны, хотя разсказаны слогомъ вялымъ. Стихотворенія всѣ носятъ на себѣ одну общую печать посредственности.

Самый дорогой изъ сихъ Альманаховъ, есть самый пустой. *Сѣверное сіяніе* такъ тускло и по содержанію, и по изданію, что невольно удивляешься его самозванству. Приложенный къ сей книжкѣ портретъ А. Ѳ. Мерзлякова не похожъ и сдѣланъ очень дурно.

(*) Продается въ книжныхъ магазинахъ Слѣнина и Смирдина. Цѣна 5 р., съ пересылкою 6 р.

(**) Продается въ книжн. магаз. Смирдина. Цѣна 5 р.

(***) Прод. тамъ же. Цѣна 10 р.

СМѢСЬ.

Въ нынѣшнемъ No Литер. Газеты помѣщено введеніе къ роману: I promessi sposi (*Обрученные, Миланская повѣсть XVII-го столѣтія, отысканная и передѣланная Александромъ Манцони*). Историческій романъ сей имѣлъ необыкновенный успѣхъ во всей просвѣщенной Европѣ. Г. Павлищевъ переводитъ оный съ 10-го Итальянскаго изданія. Читатели замѣтятъ, что Манцони въ началѣ своего Введенія искусно поддѣлался къ цвѣтистому и напыщенному слогу Итальянскихъ Писателей XVI-го вѣка.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 19-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМЪ III, № 10. ФЕВРАЛЯ 15го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (во Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу) и 25-го (въ Среду).

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА:

Удивительный человѣкъ.

Соч. П. Л. Яковлева.

Изъ 2-го тома.

(*Окончаніе.*)

Семнадцати лѣтъ — Алексѣй былъ уже самостоятельное лице въ здѣшнемъ мірѣ. Благодѣтельная природа наградила его прекрасною наружностію — и яснымъ умомъ. — Обстоятельства сжали его пылкій характеръ, и рано развернули разсудокъ. Съ младенчества оставленный на собственную волю, онъ тотчасъ узналъ свое безсиліе, свою незначительность, свое ничтожество въ отношеніи къ прочимъ людямъ, и сдѣлался остороженъ, молчаливъ, скрытенъ!... Онъ могъ быть любезнымъ, тихимъ; умѣлъ казаться застѣнчивымъ, робкимъ — но эта тихость, робость, были искуственныя, привитыя добродѣтели его — но природа дала ему пылкій характеръ, — откровенный, рѣшительный, твердый. — Бѣдность, вѣчная нужда, вѣчная зависимость отъ помощи благодѣтельныхъ людей, чувство своего достоинства и вмѣстѣ, своей ничтожности — все это такъ глубоко придавило характеръ Алексѣя, что только необыкновенные случаи могли дать свободу его чувствамъ и силамъ. Однимъ словомъ, Алексѣй казался не тѣмъ, что былъ въ самомъ дѣлѣ, и не отъ притворства, а отъ обстоятельствъ, которымъ еще не смѣлъ противиться, и самъ не зная силы души своей. И такъ, до семнадцати лѣтъ онъ былъ скромный, умный мальчикъ. — Онъ никому не надоѣдалъ, ни къ кому особенно не ласкался, услуживалъ, когда требовало приличіе, не рѣзвился, не проказничалъ — и только изрѣдка краска въ лицѣ проявляла минутныя ощущенія души его.... Одни необыкновенныя произшествія могли разбудить его душу: — безъ нихъ, Алексѣй прожилъ бы девяносто лѣтъ подъ именемъ добраго малаго. Во время разговора Удивительнаго человѣка, Алексѣя какъ будто не было въ комнатѣ. Правда, онъ заранѣе предузналъ все, чего должно ожидать отъ богатаго дяди. — Онъ давно зналъ этого богатаго дядю. Переселеніе къ нему не казалось ему ни удивительнымъ, ни страннымъ: оно представлялось ему всегда близкимъ, и онъ явился въ домѣ у дяди, не какъ чужой, но какъ домашній, взростній тутъ, и возвратившійся въ собственный домъ изъ дальняго путешествія. Смиренный видъ племянника очень понравился Удивительному человѣку и Степанидѣ; за то и отведены были ему покои подлѣ кабинета Максима Степановича, а Иванъ Архиповичъ, живописецъ и архитекторъ назначены въ наставники Алексѣя, до пріѣзда Московскихъ гувернёровъ.

Разтревожился Максимъ Степановичъ: какъ это можно! человѣкъ онъ богатый, все дѣлается по его приказанію.... желаетъ онъ спокойствія, — а его-то и не даютъ ему? то Графъ, то сестра, то забота о племянникѣ!...» Голова кругомъ идетъ! хоть въ петлю!« сказалъ Удивительный человѣкъ, и уединился въ свой кабинетъ.

О вы, почитатели Англійскаго клуба, вы, Петербургскіе и Московскіе гастрономы — одни вы можете понять скуку Удивительнаго человѣка. Онъ потерялъ апетитъ — чувствовалъ какую-то необходимость думать о чемъ нибудь, кромѣ пищи.... И зѣвалъ, и ходилъ и хотѣлъ спать, и разсматривалъ шкафы съ книгами — все скучно. — Наконецъ велѣлъ позвать Ивана Архиповича.... Онъ явился.... запыхавшись, румяный — веселый — отираетъ синимъ клѣтчатымъ платкомъ подъ со лба и бороды, — но веселая физіогномія его омрачается, когда онъ взглянулъ на Удивительнаго человѣка. Удивительный человѣкъ, заложа за спину руки, мрачно останавливается передъ веселымъ студентомъ. »Гдѣ ты былъ? — Въ своей комнатѣ. — Зачѣмъ? — »Такъ-съ, Ваше Высокородіе! — А я хотѣлъ въ воду »съ доски. — Помилуйте, Ваше Высокородіе.... какъ »это можно-съ! Да не угодно ли чѣмъ нибудь занять-

»ся? . . . биліярдъ. — Нѣтъ!—Прочесть газеты? — »Нѣтъ! — чего нибудь . . . . вып. . . — Нѣтъ! нѣтъ! »Мнѣ не ѣстся и не пьется. . . я одурѣлъ . . . сними съ »меня крестъ. — Сей часъ, Ваше Высокородіе! — Я »лягу — а ты разскажи мнѣ что нибудь. . . . « Удивительный человѣкъ легъ на софу, и закрылъ ясныя очи... Иванъ Архиповичъ, которому очень хотѣлось возвратиться въ свою комнату, поглядывалъ на стѣны и дверь. . . » Ну что же. . . говори! — » Что прикажете, »Ваше Высокородіе!—Все, что хочешь, разсказывай— »выдумывай — развесели меня! — Да о чемъ я буду »разсказывать, Ваше Высокородіе? . . —Подай мою та»бакерку. . . Удивительный человѣкъ приподнялся, и пе»ребиралъ табакъ. . . О чемъ? о чемъ? . . . о табакѣ — »говори. . . . о табакѣ . . . . знаешь ли, это должно быть »курьёзно, мой милый! Табакъ! Да, табакъ! Ошкуда »онъ? какъ онъ? какъ онъ зашелъ къ намъ — и мы »рѣшились его нюхать. . . и курить. . . . Да, вотъ ви»дишь ли? Вѣдь это исторія, мой милый! Ну-ка, раз»скажи. . . . «

Иванъ Архиповичъ подумалъ . . . . » Конечно, Ваше Вы„сокородіе, если вамъ угодно, я. . . готовъ. . . — Такъ „начинай же, братъ. . . . авось ли будетъ повеселѣе. . . . „Ну же! . . . Да сядь тутъ у меня въ ногахъ, чтобъ „я тебя видѣлъ! Ну, башмошка! Что же . . . табакъ„то. . «

Иванъ Архиповичъ сѣлъ на назначенномъ ему мѣстѣ, повернулся на стулѣ, пошеръ себя по носу. . . закусилъ губы и началъ: . . . » Вашему Высокородію должно „быть извѣстно, что табакъ вывезенъ изъ Америки.. „и . . . — Да. . да . . знаю, знаю! «—Вывезенъ изъ Америки „въ 1560 году. . . Его называютъ равно: и петунъ, ёлтъ, „никотіана, жіоіа, правою посланника, королевиною „травою и пр. и пр.; а табакомъ названъ потому, что „найденъ въ Тобаго, а Тобаго, изволите видѣть, осп„ровъ. Островъ прекраснѣйшій, гдѣ, говорятъ, самый „лучшій воздухъ, гдѣ никогда не бываетъ бурь; за то „проходу нѣтъ отъ муравьевъ. — Полно, братецъ — „къ чему твои острова, воздухъ и муравьи? — Ска„жи, кто первый понюхалъ табаку? . . . Извольте слу„шать, Ваше Высокородіе. — Ну! — Извольте ви„дѣть: какъ привезли табакъ въ Европу — и ста„ли всѣ его курить, нюхать, жевать. Французы пе„реняли то у Испанцевъ, Нѣмцы у Французовъ, а мы „у Нѣмцевъ. Страшно было однако у насъ нюханье „и куренье. . . . Какой-то Нѣмецъ, накурившись та„баку, заснулъ съ трубкою во рту: пепелъ съ „огонькомъ высыпался изъ трубки — вотъ и по„жаръ. А за то Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ на „Москвѣ и въ городахъ о табакѣ заказъ учинилъ крѣп„кой, подъ смертною казнію, чтобъ нигдѣ Русскіе лю„ди и иноземцы всякіе табаку у себя не держали, и не „пили, и табакомъ не торговали! — Неужели въ „правду, Иванъ Архиповичъ? — А кто не будетъ „слушаться, такимъ людямъ пороли ноздри и носы „рѣзали! — Та, та, та! неужели правда, Иванъ „Архиповичъ? — Старопечатная правда, Ваше Вы„сокородіе. — Да ужь довольно пугать меня, Иванъ „Архиповичъ! разскажи поскорѣе: кто первый-то по„нюхалъ табачку. — Извольте слушать, Ваше Вы„сокородіе! я начинаю. Молодой Американецъ. . . влю„бился въ молодую Американку. — А какъ ихъ звали, „Иванъ Архиповичъ? — Извольте слушать, Ваше „Высокородіе. . . молодой Американецъ. . . Дунколь, влю„бился въ молодую Американку Коцобу. . . . а моло„дая Американка Коцоба влюбилась въ Дунколя. Имъ „все нравилось другъ въ другѣ, и красота тѣла и „красота души. — А гдѣ жили они, Иванъ Архипо„вичъ? . . . — На одномъ изъ Антильскихъ острововъ — „Тобаго. — Давно ли? — Извольте слушать, Ваше „Высокородіе. . . Однажды Дунколь приходитъ на мѣ„сто свиданія. . . и не находитъ своей Коцобы. . . . „ждетъ, ждетъ. . . нѣтъ ея! нѣтъ нѣжной Коцобы! . . „воображеніе еще теряется въ мучительныхъ догад„кахъ. Нѣтъ! вскричалъ онъ въ изступленіи — не мо„гу долѣе оставаться въ сомнѣніи . . . пойду и узнаю, „что сдѣлалось съ Коцобой. Онъ встаетъ и бѣжитъ „къ ея хижинѣ . . . увы! намъ все пусто . . . Долго сто„ялъ онъ, какъ оглушенный внезапнымъ ударомъ грома.. „Голосъ дружбы извлекаетъ его изъ мрачнаго отчаянія: „къ нему подходитъ Элтъ, товарищъ его. Дунколь! го„воритъ онъ — покорись необходимости, будь твердъ, „какъ должно быть мужу; пойдемъ со мною, я открою „тебѣ печальную истину. . . Невольно слѣдуетъ за нимъ „Дунколь. Они приходятъ на то мѣсто, гдѣ обыкновенно „сиживала Коцоба. Дунколь бросается на землю, и съ „громкимъ рыданіемъ призываетъ Коцобу. . . Нѣтъ, Дун„коль! Нѣтъ, другъ мой! говоритъ ему Элтъ:—ея уже „нѣтъ . . . она не возвратится къ тебѣ; выслушай! „Сегодня передъ свѣтомъ, къ берегу нашему пристала „лодка, и я запрепеталъ, увидя въ ней Барбада, страш„наго военачальника съ острова Сабы, смертнаго вра„га отца Коцобы. . . . Барбада съ шестью товарищами „вышелъ на берегъ, и прямо къ шалашу Коцобы. . . . „Отецъ ея стремительно вышелъ на встрѣчу Барба„ды съ сѣкирою. Въ ту минуту. . . . ахъ, Дунколь! . . . „въ ту минуту, Коцоба бросается между врагами, и „падаетъ мертвая, пораженная Барбадою! — . . . До„вольно! довольно! вскричалъ страшнымъ голосомъ „Дунколь . . . . довольно! я не хочу болѣе жить! О Ко„цоба! солнце моего сердца! и такъ далѣе, и такъ да„лѣе. Сколько ни уговаривалъ его Элтъ, Дунколь все „плакалъ, и лежалъ на незабвенномъ мѣстѣ. И на другой, „и на третій день, видѣли его въ одинаковомъ поло„женіи. Наконецъ, время, лучшій врачъ горестей, ма„ло по малу утишило отчаяніе Дунколя. Онъ лежалъ

„смирно, и только обонялъ шу траву, на которой сидѣла Коцоба.... Вдругъ все перемѣнилось на островѣ Тобаго. Объявили всеобщее вооруженіе, и походъ „на островъ Сабу. Дунколь трепеталъ отъ мщенія, „и явился первый на сборномъ мѣстѣ. Прощаясь, и „можетъ быть навѣкъ, съ мѣстомъ своихъ радостей „и вѣчной скорби, онъ собралъ всю траву и листья „съ того мѣста, которое напоминало ему Коцобу... „Въ отдаленіи отъ мѣста любезнаго воспоминанія, „взгрустнется ли ему? онъ понюхаетъ милой травки — и ему легко; когда же листья высохли, началъ „понемногу жечь ихъ, и этотъ запахъ опять напомналъ ему *былое счастіе, былыя радости*. Это ему „понравилось. Онъ выдолбилъ кость, и сдѣлалъ родъ „трубки — и началъ курить, а сухія крошки стали „нюхать. И вотъ трава воспоминанія превратилась „въ потребность воиновъ. Всѣ стали курить и нюхать — и такимъ образомъ, любовь изобрѣла трубки, кисеты, мундштуки и табакерки.“

„Ну, спасибо!« проворчалъ Удивительный человѣкъ: „теперь меня не мучитъ желаніе знать, кто первый рѣшился нюхать и курить эту грѣшную траву. Но послушай, Иванъ Архиповичъ... Правда ли „это? Я что-то сомнѣваюсь. Вѣдь Коцебу былъ Нѣмецъ и сочинитель... Какъ же онъ зашелъ въ Америку?..—“ Иванъ Архиповичъ не сталъ спорить съ Удивительнымъ человѣкомъ.... Но всѣми божбами увѣрялъ, что разсказанная имъ исторія справедлива, и Удивительный человѣкъ утѣшился — зѣвнулъ — заснулъ!

ДВѢ ПѢСНИ.

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ Лагуны;
Все въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манитъ:
Но не звучатъ отзывно сердца струны
И мысль моя въ груди безмолвной спитъ.
Другая пѣснь! то пѣснь роднаго края,
Прощяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ и горестей полна.
Какъ много думъ взбудила вдругъ она
Про нашу степь, про звонкія мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихіе кашѣвы колыбели,
Про отчій домъ и кровныхъ и друзей.

А. Хомяковъ.

О СТАРИННЫХЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ИГРИЩАХЪ ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Одно изъ самыхъ древнѣйшихъ зрѣлищъ, о коемъ упоминаютъ мѣстныя Лѣтописи, было представлено по случаю прибытія въ Женеву Императора Фридриха III, въ 1442 году, т. е. сорокъ лѣтъ спустя послѣ первыхъ представленій *Мистеріи Страстей* (Mystères de la Passion) въ Парижѣ. Сіи сцены, о содержаніи коихъ ничего не говорятъ Лѣтописцы, играны были между воротами Слоновой кости (la porte d' Ivoire (*) и площадью Св. Дѣвы у Ронскаго моста (la place de Notre-Dame du Pont du Rhône).

Подобно какъ для пріѣзда Королей Французскихъ, Женевцы давали потомъ такого же рода зрѣлища и на празднованіе прибытія Герцоговъ Савойскихъ и Епископовъ. Зрѣлища сіи называемы были: *Нравоученіями* (Moralités), *Комедіями*, а всего чаще *Исторіями* (Histoires). Для прибытія Герцога Карла I въ 1484 году, Правительство заказало нѣсколько таковыхъ *Исторій* слесарю Маниньону и золотыхъ дѣлъ мастеру Невё, кои слыли тогда отличнѣйшими драматическими Писателями въ Женевѣ.

На слѣдующій годъ, *нравоученіе*, подъ заглавіемъ: Le miroüer de justice (Зеркало правосудія), было играно въ Фюстери предъ Герцогомъ, Герцогинею Бьянкою, его супругою, и Епископомъ Женевскимъ. Актёры сей драмы получили шесть флориновъ въ награду.

Въ 1501 году, разныя *Исторіи съ великолѣпнымъ спектаклемъ* были представлены для празднованія пріѣзда прекрасной и умной Герцогини Маргариты, дочери Императора Максимиліана и жены Герцога Савойскаго Филиберта, прозваннаго *прекраснымъ* (le Beau), который страстно любилъ сіи сценическія игры. Женевская молодежь, по примѣру сего Государя, и сама оказывала изступленную охоту къ увеселеніямъ.

Моровая язва, которая вскорѣ потомъ начала опустошать Женевскую область, прервала на довольно долгое время всѣ таковыя зрѣлища; но когда сей бичъ былъ отвращенъ, тогда они возобновились тѣмъ сильнѣе, что народъ былъ надолго оныхъ лишенъ. Даже, въ подраженіе Аристофану, стали было выводить на сцену нѣкоторыхъ Женевцевъ, коихъ хотѣли предать посмѣянію; но Правительство приняло строгія мѣры противъ сихъ непозволительныхъ поступковъ и Актёры сихъ драмъ были приговорены къ публичному изпрошенію прощенія у тѣхъ лицъ, кои были оскорблены. Это было въ 1506 году.

Спустя два года, повелѣно было отъ Совѣта, изготовить четыре *Исторіи* для прибытія Карла III,

(*) Сіи ворота поставлены вопереръ низкихъ улицъ, на концѣ Лонжмаля (Longemale).

преемника Филибертова. Онѣ даны были передъ Соборною церковью Богоматери у Роискаго моста (Notre Dame du Pont du Rhône), въ Лонжмалѣ въ предмѣстіи, и на площади передъ ратушей (maison de ville).

Въ 1510, даны были новыя представленія для дня прибытія добраго Епископа Карла Сейсселя, и Лѣтописцы означаютъ ихъ подъ именемъ *прибаутокъ* (dicta jocosa). Это, повидимому, было нѣчто въ родѣ драмы, которую во Франціи называли *дурачествами* (sotties): пьесы аллегорическія, въ коихъ Авторы нападали на пороки и злоупотребленія своего вѣка (*). Библіотека Французскаго театра сохранила изложеніе одной изъ сихъ sotties, которая была представлена въ Женевѣ на Моларовой площади (place de Molard) въ 1523 году, и вѣроятно принадлежала къ пышнымъ празднествамъ, которыми Женевцы въ Апрѣлѣ того же года почтили прибытіе молодой супруги Карла III, гордой Португалки, не удостоившей даже взглядомъ блестящей толпы Женевскихъ Амазонокъ, собравшихся ее принять и привѣтствовать.

Въ sottie, о которой идетъ здѣсь рѣчь, *Глупость* (Folie) является на сценѣ одѣтая въ черное платье и разсказываетъ, что причиною ея траура — смерть *Золотаго времени* (Bon-temps); но вскорѣ прискакиваетъ верхомъ *Почта* и приноситъ собственноручное письмо отъ того лица, котораго потерю оплакиваютъ. По прочтеніи сей депеши, *Глупость* совѣтуетъ своимъ дѣтямъ весело продолжать ихъ игры, потому что *Золотое время* еще здравствуетъ. Сіи дѣти, соображаясь съ наставленіемъ своей покровительницы, ищутъ своихъ древнихъ характеристическихъ одѣяній, но уже не находятъ; тогда *Глупость* жертвуетъ своимъ короткимъ платьемъ, дабы они могли надѣлать себѣ изъ онаго колпаковъ. Дѣти принимаются разрѣзывать сіе платье, приправляя свою работу тѣми не вовсе цѣломудренными шутками, коими сколько тѣшились люди тогдашняго вѣка, и каждый актёръ дѣлаетъ для себя колпакъ; но они замѣчаютъ, что у всѣхъ ихъ недостаетъ по правому уху (нарядъ сей былъ въ родѣ шапки съ ослиными ушами). Тогда, вмѣсто представленія своей фарсы, они принимаются пить и плясать, ожидая прибытія *Золотаго времени*, которое пригласили они прійти попировать вмѣстѣ съ ними.

Въ слѣдующемъ году, играно было продолженіе сей забавной, комедіи; но уже не въ Моларѣ, а въ Судебномъ домѣ (en la justice), по причинѣ дурной погоды. Тѣ же самыя дѣйствующія лица являются съ своими дурацкими колпаками и повторяютъ содержаніе предшествовавшей sottie; послѣ чего призываютъ они *бабушку Глупость* (Grand'mère Sottie), которая каждому изъ нихъ велитъ заниматься своимъ ремесломъ и ведетъ ихъ къ *Свѣту* (le Monde), то же аллегорическому лицу, въ службу котораго всѣ они поступаютъ. Но вскорѣ сей господинъ становится недоволенъ своими работниками: башмачникъ шьетъ башмаки слишкомъ узкіе, портной платья слишкомъ короткія, священникъ служитъ обѣдни слишкомъ длинныя. Посему работники и заключаютъ, что *Свѣтъ* боленъ, и посылаютъ его посовѣтоваться съ докторомъ. Сей докторъ, понимающій всѣ болѣзни одинаково съ извѣстнымъ Шпупахомъ Лангнаускимъ, разсматриваетъ черепъ и объявляетъ, что у *Свѣта* рана въ мозгу. »Да,« говоритъ сей послѣдній:« и этому причиной болѣзнь огненаго потопа, который долженъ меня нѣкогда пожрать!« — »И ты смущаешься отъ этого?« возражаетъ ему эмпирикъ:

»Monde, tu ne te troubles pas
De voir ces larrons attrapars
Vendre et achéter bénéfices;
Les enfans, ez bras des nourrices,
Estre abbés, évesques, prieurs?
. . . . . .
Tuer les gens pour leur plaisir,
Jouer le leur, l'autrui saisir,
Donner aux flatteurs audience,
Et faire guerre à toute outrance
Pour un rien contre les Chrétiens?

Свѣтъ, разсерженный сею наглою консультаціей, прогоняетъ своего доктора съ побоями, и чтобъ вылечиться, прибѣгаетъ къ самому вѣрному средству: отдаться въ руки Глупцамъ. Обрадованные сею рѣшимостію, они переодѣваютъ его въ платье *Глупости*, заставляютъ плясать и пить вмѣстѣ съ собою, — и Свѣтъ выздоравливаетъ совершенно.

Таковы были аллегорическія сцены, приносившія удовольствіе предкамъ нынѣшнихъ Женевцевъ. Со времени Реформаціи, онѣ сдѣлались рѣже, равно какъ *Исторіи* и *Нравоученія* (Histoires et Moralités). Однако все еще представляли ихъ при пріемѣ Швейцарскихъ пословъ; такъ было и въ 1526 году, для угощенія пословъ Бернскихъ и Фридбургскихъ, по случаю присяги при заключеніи союза.

Въ Лѣтописяхъ Женевы находится также, что въ 1546 году Сочинитель Ру-Монне (Roux-Monnet) отдалъ на сцену *Нравоученіе*, коего содержаніе взято было изъ Священнаго Писанія, и что ложи были предоставлены однимъ членамъ Совѣта. По случаю сего представленія, одинъ Женевскій церковнослужитель, по имени Копъ, сдѣлалъ жестокую выходку противъ гражданокъ, которыя должны были играть въ оном; Копъ говорилъ, что онѣ, выходя на сцену, не имѣли иной цѣли, кромѣ

(*) Первые Акшёры сихъ sotties были молодые люди лучшихъ фамилій, которые въ царствованіе Людовика XII собирались въ драматическую труппу; глава оной носилъ титулъ Князя Дураковъ (Prince des Sots.) Дворянство, Духовенство, самые Папы — ничто не избѣгало ихъ колкихъ насмѣшекъ.

шой, чтобы блеснуть своимъ нарядомъ и возжечь порочныя желанія въ сердцахъ зрителей.

Въ послѣдствіи времени, Креспенъ, Французскій типографщикъ, поселившійся въ Женевѣ съ Теодоромъ Безомъ (Théodore de Bèze), издалъ: *Исправленнаго купца, новую трагедію, въ которой истинная и ложная религія въ параллели одна съ другою представлены въ лѣтъ*, и пр. (*), комедію: *Свѣтъ больной и худо лечимый*, соч. Жака Бьенвеню (**), и *Тѣнь Штауффахера*, соч. Іосифа Дюшеня (***), который, изъ лейбъ-медика Генриха IV и его посланника въ Швейцаріи, сдѣлался Женевскимъ гражданиномъ и исправлялъ тамъ почетныя дипломатическія должности.

Но самое важное драматическое произведеніе сей эпохи, какъ по существенному его достоинству, такъ и по причинѣ великой славы его сочинителя, было то, которое Женевскій Реформаторъ Теодоръ де Безъ напечаталъ въ 1551 году: *Жертвоприношеніе Авраамово, или Авраамъ жертвоприносящій* (****); желая, какъ самъ онъ говоритъ, святостію сего предмета загладить соблазнъ непозволительныхъ стихотвореній, которыя онъ въ въ первой свой молодости писалъ на Латинскомъ языкѣ (Poëmata juvenilia). Дѣйствующія лица, или по выраженію того времени, *разговаривающіе* (entre-parleurs) сей пьесы, написанной безъ всякаго раздѣленія на дѣйствія или на явленія, суть: Авраамъ, Сара, Исаакъ, толпа пастуховъ, Ангелъ, и Сатана — лице необходимое во всѣхъ почти духовныхъ драмахъ, которыя тогда выходили въ свѣтъ.

Сія драма, при многихъ своихъ излишествахъ, заключаетъ въ себѣ мѣста, которыя еще и нынѣ читаются съ удовольствіемъ. Разговоръ между Авраамомъ и жертвою, въ самую минуту приношенія, исполненъ выраженій умилительныхъ и простодушныхъ; и мы сожалѣемъ, что тѣсный объемъ сего взгляда не позволяетъ намъ привести нѣкоторыя изъ оныхъ. Впрочемъ прологъ сего сочиненія весьма уклоняется отъ важности предмета, который онъ возвѣщаетъ. Пусть сами читатели судятъ по слѣдующему отрывку:

Dieu vous gard'tous, autant gros que menuz,
Petits et grands; bien soyez-vous venuz;
Longtemps y a, au moins comme il me semble,
Qu'icy n'y eut autant de peuple ensemble,
Que plust à Dieu que toutes les semaines
Nous peussious voir les églises si pleines!
. . . . . .
Or çà, messieurs, et vous, dames honestes,
Je vous requiers vous taire seulement.
» Comment? « dira quelqu'une, voirement,
» Je ne saurais.....«
Or, si faut il pourtant clorre le bec,
Ou vous et moi avons peine perdue:
Moi de parler, et vous d'estre venue.

Смыслъ сихъ стиховъ ведетъ къ тому заключенію, что Женевцы въ XVI-мъ вѣкѣ предпочитали зрѣлища проповѣдямъ, и что дамы сей эпохи любили много болтать. Времена перемѣнчивы: теперь уже не то!

Prisca juvent alios, ego nunc me denique natum
Gratulor.

Съ Франц. — В. Романовичъ.

(*) Tragédie nouvelle, en laquelle la vraye et fausse religion, au parangon l'une de l'autre sont au vif représentées.

(**) La comédie du Monde malade et mal pansé, de Jacques Bienvenu.

(***) L'ombre de Garnier Stauffacher, par Joseph Duchesnes, sieur de la Violette.

(****) Le sacrifice d'Abraham, ou Abraham sacrifiant.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ. С.

Что такое хорошій тонъ? Сѣверо-Американскій романъ, переведенный Конспантиномъ Масальскимъ. 4 ч. — С. П. Б. въ типогр. Медицин. Департам. Министерства Внутреннихъ дѣлъ, и Императорской Россійской Академіи, 1831 (въ I-й части 127, во II-й — 150, въ III-й — 160 и въ IV-й — 172 стран. въ 12-ю д. л. (*).

Что такое хорошій тонъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ? Самое заглавіе сего романа весьма заманчиво для вниманія читателей Европейскихъ. Мы предполагали, что въ странѣ, гдѣ нѣтъ рѣшительнаго раздѣленія званій, нѣтъ и родовыхъ отличій; слѣдовательно, въ цѣломъ обществѣ долженъ господствовать одинъ общій тонъ. Сочинительница романа, Г-жа Гаррисонъ-Смитъ, жена извѣстнаго Вашингтонскаго Публициста и природная Сѣверо-Американка, безъ сомнѣнія хорошо знала тамошнее общество, его нравы, обычаи и свѣтскія условія. Но въ романѣ, ею написанномъ, мы видимъ совершенно противное тому, что предполагали. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, судя по изображенію, которое Писательница сія начертала, родовыя отличія цѣнятся еще гораздо выше, нежели въ Европейскихъ Государствахъ. При формахъ демократическихъ, притязанія аристократическія зажиточныхъ гражданъ представляютъ собою весьма рѣзкую странность; и кумиръ знатности, безъ существеннаго различія званій, кажется смѣшнымъ и неумѣстнымъ: это Греческій Купидонъ, съ изу-

(*) Продается въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, и И. В. Слѣнина, у Казанскаго моста, и у всѣхъ главнѣйшихъ С. П. бургскихъ книгопродавцевъ. Цѣна за всѣ 4 ч. въ бум. оберш. 8 р., съ пересылкою 10 р.

родованнымъ лицемъ и отбитыми крыльями, превращенный въ Бурятскаго Бурхана. Многія мѣста романа подаютъ поводъ думать, что между гражданами Соединенныхъ Штатовъ есть такіе, кои не только горды, какъ Вашингтонъ и Франклинъ, но и спѣсивы, какъ Маркизъ *Кариба*. Напримѣръ, не страненъ ли слѣдующій разговоръ тамошнихъ паркетныхъ героевъ о двухъ дѣвицахъ, искавшихъ знакомствъ высшаго круга: «Кто эшѣ двѣ дѣвушки, сидящія тамъ «въ углу?» — «Одна дочь бѣднаго офицера, а другая «богатаго лавочника.» — Какъ? лавочника! Да какъ «же она сюда попала?... Впрочемъ мнѣ жаль ихъ! «Если бъ не боялся я насмѣшекъ, то рѣшился бы при«гласить на танецъ которую нибудь изъ этихъ бѣдня«жекъ.» — «Вы бы оказали истинно-рыцарское вели«кодушіе. А я бы на это не рѣшился.«

Сіи двѣ дѣвушки были героини романа: Марія Леноксъ и Катерина Макъ-Карти. Отецъ Маріи былъ Полковникъ, служившій во времена Вашингтона, и старавшійся дать отличное воспитаніе своей дочери, чтобы за недостаткомъ приданаго, ослѣпить блескомъ ея дарованій и наружности какого нибудь богатаго простака, и, какъ говорится, пристроить ее выгоднымъ замужствомъ. Родители Катерины вели сперва мѣлкій торгъ, дѣятельностью и трудолюбіемъ своимъ разбогатѣли; и вдругъ ея, Елена Мак-Карти, начала бредить *хорошимъ тономъ* и знакомствомъ съ людьми высшаго круга. Поздо она вышла изъ своего заблужденія, когда уже старшій ея сынъ, и, по тамошнимъ законамъ, единственный наслѣдникъ отца своего, Роберть, женясь на Маріи, сдѣлался посмѣшищемъ людей хорошаго тона, какъ человѣкъ неловкій и необразованный, безъ пользы и удовольствія разорялся въ угоду женѣ своей, и почти не видался съ своими родителями; а Катерина, получа модное воспитаніе, потеряла все уваженіе къ отцу и матери, сдѣлалась своенравна, заносчива, властолюбива, и помогала бѣдному своему брату разорять стариковъ неумѣреннымъ щегольствомъ и безразсудными своими издержками.

Въ противоположность симъ лицамъ выведены: Карлъ, другой сынъ старыхъ Мак-Карти, человѣкъ истинно-образованный, достигшій познаніями и дарованіями своими почестей и отличій, хотя онъ и не искалъ ихъ, бывъ скроменъ и умѣренъ въ своихъ желаніяхъ; Лидія, жена его и сестра плотника Тильтона, рѣзвое, плѣнительное существо, страстно любившее изящныя искусства; Павелъ Тильтонъ, братъ ея, человѣкъ умный, ловкій, но презиравшій суетный блескъ; наконецъ Маргарита Лейбнеръ, дочь бѣднаго музыканта, милая Нѣмочка, дѣлившая время свое между попеченіями объ отцѣ своемъ, домашнимъ хозяйствомъ и музыкой. Она была второю женой Роберта Мак-Карти, любившаго ее до первой несчастной своей женитьбы. Старикъ Мак-Карти, *женинъ мужъ*, по выраженію Фонъ-Визина, но притомъ честный и трудолюбивый мѣщанинъ, неохотно согласившійся на всѣ модныя затѣи въ его домѣ и семействѣ, и Лейбнеръ, учитель музыки, при тѣлесной дряхлости соблюдшій твердость духа и страсть къ музыкѣ, дополняютъ сію галлерею главныхъ портретовъ романа.

Разнообразіе картинъ и положеній чрезвычайно оживляетъ сей романъ. Первобытная, смиренная жизнь Тимооея Мак-Карти и жены его, когда еще сія послѣдняя не мечтала о *хорошемъ тонѣ*, а мужъ ея скромно торговалъ въ мѣлочной лавочкѣ, весьма хорошо обрисовываетъ незатѣйливый бытъ людей средняго состоянія. Поставимъ на ряду съ этою картиною возвращеніе въ родительскій домъ щеголеватой пансіонерки, Катерины, новыя знакомства ея матери, блестящія общества, вскружившія голову молодой дѣвушки; ожиданіе визитовъ, разсказанное живо и забавно; появленіе Катерины съ Маріей Леноксъ въ домѣ Президента Соединенныхъ Штатовъ, застѣнчивость и неловкость молодыхъ сихъ мечтательницъ въ кругу людей высшаго званія и пр. и пр. Всмотримся поближе въ Роберта Мак-Карти, добраго, но просподушнаго, безхарактернаго и до крайности незнакомаго съ большимъ свѣтомъ и его обычаями; вслушаемся въ его забавныя обмолвки, надъ которыми почти въ глаза ему смѣются гости жены его.... Однако же романъ состоитъ не изъ однихъ сценъ комическихъ. Прощаніе Роберта съ Маргаритой въ послѣднее его посѣщеніе Лейбнера, передъ женитьбой на Маріи Леноксъ, твердость стараго музыканта и гордое самоотверженіе милой его дочери, трогаютъ сердце читателя, который легко понимаетъ, почему Роберту было такъ грустно на разставаньи и на обратномъ пути изъ дома Лайбнерова. Живость ума и дѣтская игривость Лидіи Тильтонъ, доставляютъ также читателю нѣсколько минутъ пріятной мечтательности. Словомъ, романъ сей по созданію своему принадлежитъ къ числу отличныхъ. Ходъ произшествій весьма естественъ и занимателенъ безъ всякихъ крутыхъ переломовъ; въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ много правды; иныя изъ нихъ узнаешь, какъ будто старыхъ знакомыхъ, къ другимъ питаешь какое-то чувство пріязни; нравственныя слѣдствія выведены безъ натяжки, и тѣмъ хороши, что высказаны коротко и мѣтко.

Переводъ очень хорошъ. Видно что Переводчикъ не спѣшилъ дѣломъ, но занимался имъ обдуманно, и потому слогъ его, въ повѣствованіи и въ разговорахъ, выливался всегда въ формахъ чистыхъ, правильныхъ и естественныхъ. — *Изд.*

Свѣтскій человѣкъ, или картина замѣчательнѣйшихъ современныхъ характеровъ. Переводъ съ Французскаго Николая Полозова. 4 часпи. — М. въ типогр. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1830. (Въ I-й ч. XXVII — 119, во II-й ч. 109, въ III-й ч. 107 и въ IV-й ч. 166 стр. въ 8-ю д. л.)

Это переводъ романа, изданнаго въ 1827 году Г-мъ Ансело, (Ancelot) подъ заглавіемъ: L'homme du monde. Переводчикъ повидимому самъ придумалъ добавку къ сему заглавію: *картина замѣчательнѣйшихъ современныхъ характеровъ.* Главная завязка сего романа есть анахронизмъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Сорокалѣтній честолюбецъ Сенанжъ обольщаетъ и губитъ шеснадцатилѣтнюю свѣтскую дѣвушку, ловкую и прекрасную. Завязка сія была бы правдонодобна, если бы Г. Ансело перенесъ дѣйствіе романа въ прошлое столѣтіе, во времена Регента или Людовика XV, когда во Франціи свѣтскіе люди, и молодые и старые, пускались въ подобныя приключенія и хладнокровно хвастались безсовѣстными своими подвигами. Autres temps, autres moeurs! Теперь честолюбцы, даже и помоложе выводимаго Г-мъ Ансело Сенанжа, думаютъ совсѣмъ о другомъ. Если бы кому нибудь изъ нихъ и удалось вскружить голову молодой дѣвушкѣ и не уваживъ мнѣніемъ общимъ, сорвать съ нея поясъ невинности, то онъ вѣрно бы не сталъ хвалиться преступнымъ своимъ успѣхомъ, а напротивъ, старался бы скрыть оный отъ глазъ свѣта. *Свѣтскій человѣкъ* въ современныхъ нравахъ долженъ быть тонкій искатель, но не похожденій любовныхъ, а почестей и выгодъ существенныхъ; онъ долженъ прикрываться личиной благонравія, даже великодушія, и обращать виды свои не на легкомысленную довѣрчивость неопытнаго сердца дѣвушки, а на благосклонность временщиковъ и на гибель опасныхъ соперниковъ. Совершенное равнодушіе къ женщинамъ, или крайняя степень разврата — суть его тайны домашнія, не выводимыя имъ наружу. Сенанжъ, человѣкъ степенныхъ лѣтъ, у котораго есть двадцатилѣтній сынъ; Сенанжъ, принятый во всѣхъ лучшихъ домахъ, и въ томъ числѣ у женщины, всѣми уважаемой и знатной, — увозитъ и потомъ покидаетъ воспитанницу сей послѣдней, Эмму, дѣвицу хорошей фамиліи; и сей же Сенанжъ, въ то же самое время хлопочетъ о почестяхъ, о возвышеніи. Спрашивается: какую славу своимъ поступкомъ съ Эммою хотѣлъ онъ пріобрѣсть себѣ въ Парижскихъ гостиныхъ, имѣющихъ столь рѣшительное вліяніе на мнѣніе общее, и слѣдовательно на мнѣніе тѣхъ людей, у которыхъ онъ старался снискать покровительство?

Создавъ столь неразсчетливо героя своего романа, Г. Ансело окружилъ его лицами, коихъ характеры такъ же слабо обдуманы. Эмма, на которую Авторъ хотѣлъ обратить все участіе читателей, вовсе не внушаетъ онаго: находясь въ лучшемъ кругу Парижскаго общества, она безразсудно бросается въ объятія пожилаго волокиты, какъ будто дѣвочка, отъ роду не видавшая мужчины. Артуръ, сынъ Сенанжа, влюбленный въ Эмму, принадлежитъ къ числу тѣхъ пеясныхъ лицъ, которыя мелькаютъ передъ глазами подобно Китайскимъ тѣнямъ, и въ которыя никакъ нельзя вглядѣться: что они такое? Онъ и вялъ, и бодръ, и заупывенъ, и горячъ; но общее заключеніе, которое можно вывесть изъ романа о характерѣ сего юноши, есть то, что онъ вовсе безхарактеренъ. Воспитательница Эммы, дама большаго свѣта, которую Авторъ хотѣлъ окружить блескомъ знатности и уваженіемъ общимъ, является женщиной недальновидною, неразсудительною, и, такъ сказать, пустою. Еще двѣ свѣтскія кокетки, одна знатной породы, а другая жена банкира, тѣмъ только между собою и разнятся; въ остальномъ онѣ такъ схожи одна съ другою, какъ два отпечатка какого нибудь гравированнаго портрета. Остается другъ Сенанжа, принявшій на себя воспитаніе молодаго Артура, — человѣкъ строгой нравственности, какъ желалъ его выставить Сочинитель. Но этотъ человѣкъ строгой нравственности такъ слабодушенъ, такъ шатокъ, такъ простосердечно поддается на всѣ желанія, на всѣ затѣи хитраго своего друга, что трудно разгадать, гдѣ же его добрыя правила, и къ чему они служатъ? Кажется, онъ въ глазахъ Автора хорошъ только тѣмъ, что ничему не мѣшаетъ: ни худу, ни добру; и не должно удивляться тому, что Артуръ, побывавъ въ школѣ такого воспитателя, сдѣлался столь же безцвѣтенъ и почти безличенъ.

Успѣхъ сего романа въ обществахъ Парижскихъ, гдѣ читаются, хотя въ переводахъ, романы В. Скотта и другихъ лучшихъ современныхъ Романистовъ, — объясняется однимъ только: романъ Г-на Ансело наполненъ указаніями на многія лица, составлявшія высшее общество въ Парижѣ въ то время, когда Г. Ансело выпустилъ въ свѣтъ свое произведеніе. Мы также недавно видѣли подобный сему примѣръ у насъ. Но въ этомъ ли достоинство хорошаго романа? Писатель, который думаетъ задобрить вниманіе публики сими мелкими, сторонними средствами, показываетъ пустоту своего воображенія, которое, не въ силахъ будучи создавать, передразниваетъ только существенность. Подобные романы много что прочтешь однажды, и разстанешься съ ними навсегда столь же холодно, какъ холодно трудились надъ ними ихъ Сочинители.

Переводчикъ романа: *Свѣтскій человѣкъ*, проситъ, чтобы къ нему были строже. Самоотверженіе похвальное; и конечно, въ силу сего объявленія, Критика не постыдитъ себя поворствомъ. Но для чего же Гг. Сочинители и Переводчики, столь радушно накликающіе судъ ея, не стараются во-время предупре-

дить или покрайней мѣрѣ смягчить ея приговоры? — Каждый долженъ быть самъ первымъ и строжайшимъ судьею труда своего; и если онъ слабъ, несовершенъ и не обработанъ окончательно, то лучше удержать его до времени у себя, пересмотрѣть, исправить, — даже совсѣмъ бросить, ежели нѣтъ надежды сдѣлать его лучшимъ. Послѣднее можно бъ было всего вѣрнѣе посовѣтовать Переводчику *Свѣтскаго человѣка*, когда бъ уже не было поздо; тогда бы онъ не прибавилъ къ числу *дурныхъ* Московскихъ переводовъ еще одного. Надѣемся, что Переводчикъ не станетъ роптать на насъ за сіе откровенное выраженіе: мы выполнили его собственную просьбу.

СМѢСЬ.

Переписка Лорда Байрона съ его матерью и Г-мъ Деллесомъ (Dallas), заключаетъ въ себѣ много любопытнаго для соображеній наблюдателя. Тонъ писемъ Байрона къ матери его вообще холоденъ, и кромѣ обыкновенныхъ заключительныхъ привѣтствій, въ сихъ письмахъ нѣтъ ничего похожаго на изліянія сыновней нѣжности. Поэтъ пишетъ о себѣ, о своихъ путешествіяхъ, о знакомствахъ, приключеніяхъ; нѣсколько разъ хвалится своимъ плаваніемъ по Абидосскому проливу, жалуется на своего служителя Флетчера, иногда слегка говоритъ о денежныхъ своихъ обстоятельствахъ, о дѣлахъ и пр. и.

Письма его къ Г-ну Деллесу (брату его тетки, жены Капитана Джорджа Энсона Байрона), содержатъ въ себѣ много мнѣній, относящихся къ собственнымъ произведеніямъ Байрона, къ его личности и къ сочиненіямъ другихъ Англійскихъ Поэтовъ его времени.

Въ 1808 году, Байронъ писалъ къ Деллесу: „Вы отчасти угадали: я точно членъ Кембриджскаго Университета, и получу шамъ въ сіи три мѣсяца степень A. M. (*) Но если бы предметомъ моихъ исканій были здравое сужденіе, краснорѣчіе или добродѣтель, то *Гранта* (**) не ихъ столица, и мѣста, въ которыхъ она находится, не Эльдорадо, ещє болѣе не Утопія. Разумъ ея дѣтей также застоялся, какъ воды ея Кема (***).

„Что касается до моей учености, то кажется, я могу сказать безъ натяжки, что она довольно обширна въ отношеніи къ Исторіи: мало есть или было нѣхъ народовъ, коихъ бы я не зналъ до нѣкоторой степени лѣтописей, отъ Иродота до Гиббона. Изъ Классиковъ я знаю столько, сколько знаетъ большая часть школьниковъ послѣ пятнадцати-лѣтняго ученья; а изъ законовъ моей родины столько, сколько нужно для того, чтобы *не выходить изъ устава*, какъ говорятъ похитители дичи.... Въ Географіи видѣлъ я страны на картѣ больше, нежели бы хотѣлъ обойти пѣшкомъ. Математикѣ учился я довольно, чтобы получить боль въ головѣ, не просвѣтивъ больной части тѣла; Философіи, Астрономіи и Метафизикѣ больше, нѣмъ могъ понять; а здравому смыслу такъ мало, что намѣренъ завѣщать *Байроническую* награду каждой изъ нашихъ almae matres (*), за первое ихъ открытіе, хотя и опасаюсь, что открытіе долгопы предупредитъ ихъ.

«Нѣкогда я считалъ себя Философомъ, и говорилъ нелѣпости съ удивительною важностію. Я презиралъ боль и проповѣдывалъ равенство душъ. Нѣсколько времени это мнѣ удавалось, ибо никто за меня не страдалъ, кромѣ друзей моихъ, и никто не терялъ терпѣнія, кромѣ моихъ слушателей. Наконецъ паденіе съ лошади убѣдило меня, что боль тѣлесная есть зло, и этотъ случай низпровергъ мои правила, измѣнивъ въ одинъ мигъ мое расположеніе духа, такъ что я покинулъ Зенона для Аристиппа....» и проч.

Въ письмѣ къ своей матери, изъ Гибральтара (1809 года), Байронъ такъ изображаетъ Севиллу и тамошнихъ женщинъ: «Севилла прекрасный городъ. Улицы хотя и малы, но чисты. Мы поселились у двухъ незамужнихъ Испанокъ, имѣющихъ шесть домовъ въ городѣ; онѣ представили намъ любопытный образчикъ Испанскихъ нравовъ. Это женщины характерныя. Старшая прекрасна, а младшая мила, но не столько какъ Дона Хозефа. Свобода въ обращеніи, господствующая вообще въ здѣшней странѣ, немало меня удивила; и чѣмъ больше я всматриваюсь въ прекрасный полъ, тѣмъ больше нахожу, что смиренье не есть отличительною чертой Испанскихъ дамъ, которыя вообще очень пригожи: съ большими черными глазами и прелестными формами тѣла. Старшая изъ нашихъ хозяекъ почтила недостойнаго вашего сына особеннымъ своимъ вниманіемъ. Въ минуту моего отъѣзда (мы пробыли шамъ только три дня), она обняла и поцѣловала меня съ великою нѣжностію, отрѣзавъ у меня клочекъ волосовъ и подаривъ мнѣ локонъ своихъ, длиною по меньшой мѣрѣ въ три фута; посылаю его къ вамъ и прошу сберечь до моего возвращенія. Послѣднія слова ея были: Adios tu hermoso! me gusto mucho (прощай, красавецъ; я тебя очень полюбила).»

(*) Artis magister — Магистръ изящныхъ наукъ.

(*) *Гранта*, поэтическое имя Кембриджа. Имя сіе находится во многихъ сочиненіяхъ, между прочими въ одной одѣ Грея, и въ стихотвореніяхъ самого Л. Байрона.

(***) Рѣка, давшая свое названіе Кембриджу; Cambridge значитъ *мостъ на Кемѣ*.

(*) Оба Университета: Оксфордскій и Кембриджскій.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 24-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМЪ III, № 11. ФЕВРАЛЯ 20го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (во Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу) и 25-го (въ Среду).

ЛИСТКИ

Изъ Путешествія по Уральскимъ горамъ въ 1829-мъ году.

Отъ селенія *Крыласова*, чрезъ пять небольшихъ крѣпостей: *Ачитскую*, *Бисертскую*, *Кленовскую*, *Киргишанскую* и *Гробовскую*, построенныхъ съ 1735 по 1755 годъ, для защиты Екатеринбургскаго дистрикта отъ внезапнаго нападенія бунтовавшихъ тогда Башкирцевъ,— пролегаетъ почтовая дорога на Билимбаевскій заводъ, по гористому пространству, осѣненному густымъ лѣсомъ. Я увѣренъ, что 26 Августа зеленѣли еще вѣковыя деревья Лѣтняго сада и предъ окнами Петербургскихъ загородныхъ домиковъ благоухали цвѣты; но здѣсь въ это время, природа уже въ осенней одеждѣ является на вершинахъ Рифея,

И всемогущею рукой,
Съ своей палитры, дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой,
Она злащитъ, малюетъ листья:
Янтарь и яхонтъ и рубинъ
Горятъ на сихъ древесныхъ купахъ
И кудри алыя рябинъ
Висятъ на каменныхъ уступахъ.

По ту сторону горъ воздухъ несравненно холоднѣе: всякой день, рано утромъ, замѣчалъ я на травѣ морозныя блестки инея. Таковая разность климата заключается въ географическомъ положеніи Сибири. Отъ Уральскаго хребта и южныхъ пограничныхъ горъ, страна сія наклоняется нечувствительною покатостію къ Ледовитому морю. Сія покатость есть главнѣйшая причина той стужи, которая свирѣпствуетъ въ Сибири; ибо лежащіе къ Югу высокіе хребты останавливаютъ теченіе теплаго южнаго воздуха, а Уральскія горы отражаютъ дыханіе тихихъ западныхъ вѣтровъ.

Отъ Кунгура до Верхъ-Исетскаго завода ѣхали мы съ небольшимъ одни сутки.

Какая прелесть въ здѣшнихъ видахъ:
Въ великолѣпіи картинъ,
Въ густыхъ вѣтвистыхъ пирамидахъ,
Вѣнчающихъ главы вершинъ;
Въ живой стѣнѣ, крутомъ утесѣ,
И въ молодомъ, красивомъ лѣсѣ,
Который по ступенямъ скалъ
Съ отважной легкостью взбѣжалъ.

Я видѣлъ, какъ отъ первыхъ лучей возходящаго солнца вспыхнула самая рослая ель на вершинѣ утеса, и простирая перстообразныя вѣтви, какъ бы указала еще усыпленному созданію на сей великій пожаръ Востока.

Какъ здѣсь живописенъ и ясенъ
Дня пробужденнаго разсвѣтъ
И утра звонкаго привѣтъ
Разнообразно сладкогласенъ!

Полдневное солнце осіяло другую, неменѣе прекрасную картину: тѣни, сбѣжавшія съ окрестныхъ высотъ на дорогу, постепенно возвращались къ ихъ подножію — и необозримая даль еще свѣтлѣе развернулась предо мною!

Какъ здѣсь роскошно въ знойный день,
Таясь подъ сумракомъ прохладнымъ,
Вкушать полуденную лѣнь
И черпать свѣжесть чувствомъ жаднымъ!

Здѣшнія окрестности имѣютъ тотъ характеръ пышныя, который такъ плѣнителенъ въ ландшафтахъ Клодъ-Лоррена! Но вотъ наступаетъ вечеръ. Западное небо опоясалось золотою лентою, въ темной глубинѣ долинъ, сквозь легкую пелену тумана, яснѣютъ озера: надъ ними пылаютъ домны рудоплавильныхъ заводовъ.

О, сколько ночи быть должны
Здѣсь вдохновеньемъ тайнымъ полны,
Когда луной озарены
Рѣки и зыбкихъ сѣней волны;
Когда таинственный покровъ
Природу мирную объемлетъ
И тихій ангелъ свѣтлыхъ сновъ
Одинъ въ пустыняхъ тьмы не дремлетъ.

Утромъ 27 Августа, прибыли мы въ Верхъ-Исетскій заводъ, принадлежащій А. И. Яковлеву. Въ 1726 году онъ построенъ былъ казеннымъ иждивеніемъ, а въ 1755 пожалованъ Графу Роману Иларіоновичу Воронцову.

Послѣ краткаго отдыха, Л. А. П.*** изъявилъ желаніе видѣть золотые пріиски. Погода благопріятствовала прогулкѣ. Старинная линѣя въ шесть лошадей подъѣхала къ крыльцу, и мы, въ сопровожденіи управляющаго заводомъ, Кипаева, умнаго, рѣчистаго, практическаго знатока горнаго дѣла, отправились за 15 верстъ къ тому мѣсту, гдѣ добывается драгоцѣнный песокъ.—Должно признаться, что поэтическіе вымыслы мѣшаютъ иногда цѣнить полезную существенность: я ожидалъ встрѣтить нѣчто въ родѣ Пактола—и съ невольной досадой взглянулъ на грязный источникъ, покрытый плесенью и ржавчиной. — Въ правой сторонѣ отъ дороги лежатъ золотоносныя розсыпи; разработка оныхъ во внутренности земли не глубже семи аршинъ. Пласты имѣютъ почти горизонтальное направленіе, состоятъ изъ желѣзистой глины, заключающей въ себѣ болѣе или менѣе крупные обломки разныхъ горнокаменныхъ породъ и содержатъ иногда много змѣевика, отъ чего кажутся зеленаго цвѣта. Въ сей глинѣ или пескѣ таится золото, непримѣтное для глаза; но когда въ промывальной машинѣ, на особо для сего устроенныхъ верстакахъ, вода разтворитъ глину и унесетъ съ собою песокъ винзъ по наклоненному желобу, тогда частицы золота и магнитнаго желѣзнаго камня, болѣе тяжелыя, однѣ противятся ея стремленію и остаются на плоскости верстака. Полученный такимъ образомъ черноватый шлихъ промываютъ щетками до возможнаго отдѣленія желѣзныхъ и каменныхъ частицъ, послѣ того сушатъ и отлучаютъ желѣзо отъ золота посредствомъ магнита.

По возвращеніи въ заводъ, управляющій предложилъ взглянуть на устройство онаго и работы. Здѣшнее желѣзо выдѣлывается изъ руды, добываемой въ окрестныхъ горахъ и привозимой, по первопутью, изъ участка, принадлежащаго Г. Яковлеву въ Нижне-Тагильскихъ дачахъ. Механизмъ простой, но сильный, замѣняющій тысячи рукъ, находится здѣсь въ невѣроятномъ совершенствѣ. Желѣзо какъ воскъ повинуется волѣ мастера; колоссальные молоты куютъ и плющатъ разкаленный металлъ. Паровая машина приводитъ въ движеніе поршни огромныхъ цилиндровъ, и воздухъ, порывисто устремляясь въ чугунныя трубы, спонешь, раздувая горнила пространной кузницы. Верхъ-Исетскія строенія прекрасны: съ перваго взгляда подумаешь, что это маленькой провинціальный городъ. Въ заводской конторѣ, подъ большимъ стекляннымъ кивотомъ, украшеннымъ позолотою, хранится желѣзный гвоздь, откованный рукою Императора Александра.

Желая болѣе ознакомиться съ рудоплавильнымъ искуствомъ, Л. А. призналъ полезнымъ обозрѣть мѣдиплавильные и желѣзные заводы въ окрестностяхъ Екатеринбурга. Съ сею цѣлію посѣтили мы Нижне-тагильскій заводъ Демидова, лежащій въ 150 верстахъ къ Сѣверу отъ Екатеринбурга, на рѣкѣ Тагилѣ, впадающей въ рѣку Туру. Въ 1828 году здѣсь добыто около 500,000 пудовъ желѣза, до 48,000 пудовъ мѣди, болѣе 50 пудовъ платины и почти столько же золота. На обратномъ пути заѣзжали мы въ Невьянскій желѣзный заводъ, принадлежащій наслѣдникамъ Яковлева. Для любителей старины и можетъ быть, для нынѣшнихъ владѣльцевъ, любопытно будетъ узнать, что заводъ сей, построенный отъ казны въ 1699, по Именному указу отданъ въ 1700 году Коммиссару Никитѣ Демидову. Сюда же приписаны были тогда Аяцкая и Краснопольская слободы и Покровское село съ деревнями, для отправленія заводскихъ работъ. Наслѣдникъ Коммиссара, Статскій Совѣтникъ Акинѳй Никитичъ Демидовъ, устроилъ и присоединилъ къ Нижне-Тагильскому многіе другіе по Нейвѣ, Тагилѣ и Чусовой рѣкамъ, мѣдные и желѣзные заводы; а сынъ Акинѳія Демидова, Прокофій, продалъ оные Ассесору Саввѣ Яковлеву.

Насмотрѣвшись на отличную выдѣлку полоснаго и листоваго желѣза въ Верхъ-Исетскомъ и Нижне-Тагильскомъ заводахъ, мы безъ сомнѣнія не упустили бы случая взглянуть и на производство Невьянскаго, если бъ оный былъ тогда въ дѣйствіи; но мы въѣхали на широкій, устланный чугунными плитами дворъ Невьянскаго замка, около 10 часовъ вечера, когда работы уже прекратились. Я назвалъ замкомъ готическое жилище Демидовыхъ потому, что оно какъ наружнымъ видомъ, такъ и внутренними украшеніями походитъ на зданія сего рода. Рѣдко случится, путешествуя по Россіи, столь еще юной въ сравненіи съ другими Государствами, увидѣть подобную древность. Къ чести новыхъ владѣльцевъ, управляющіе заводами ихъ встрѣчаютъ путешественника съ тѣмъ радушіемъ и гостепріимствомъ, которое такъ живо напоминаетъ прекрасный характеръ Рускихъ минувшаго столѣтія. Невьянскій управляющій, А. И. Зыкинъ, предложилъ тостъ за здоровье небывалыхъ гостей и узнавъ, что мы намѣрены ночью проѣхать на Мурзинку, лежащую отсюда въ 60-ти верстахъ, немедленно выслалъ лошадей на пол-дороги, отрядилъ надежнаго проводника и распорядился такъ, что мы безостановочно, на разсвѣтѣ 30-го Августа, прибыли въ сію слободу. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, она построена въ 1640 году, а называется Мурзинкою потому, что на семъ мѣстѣ жилъ нѣкогда Мурза Ташарскій. Здѣсь находятся нынѣ копи цвѣтныхъ камней, добываемыхъ на суммы Кабинета Его Величества и Петергофской гранильной фабрики.

Въ продолженіе цѣлаго утра, не взирая на прилив-

ной дождь, осматривали мы заложенныя по окрестнымъ лѣсамъ шахты, гдѣ въ крупно-зернистомъ гранитѣ, въ составъ коего преимущественно входитъ полевой шпатъ, встрѣчаются: топазы, бериллы, аметисты, черные (рѣдко зеленые) шерлы и цирконы. Командиръ Екатеринбургской гранильной фабрики Г. Каковинъ, показывалъ намъ шу довольно пространную пустоту или пещеру, въ коей найденъ былъ драгоцѣнный кристаллъ берилла, недавно украсившій Музеумъ Горнаго Корпуса.

Государь Петръ Великій повелѣлъ заложить Екатеринбургъ въ 1723 году, а при Супругѣ Его Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, городъ сей въ 1726 году совершенно окончанъ и по Ея имени нареченъ. (*) — Здѣсь, между строеніями стараго стиля, возвышается нѣсколько домовъ новѣйшей архитектуры. Рѣка Исеть запружена крѣпкою плотиною и столь высоко поднята, что обильно снабжаетъ водою многіе сосѣдственные заводы. Зданіе гранильной фабрики уже не ново.

Скажу нѣсколько словъ о управляющемъ Верхъ-Исетскимъ заводомъ. Е. А. Китаевъ изъ заводскихъ людей Г. Яковлева. Будучи отцемъ многочисленнаго семейства, онъ такъ еще молодъ, что кажется старшимъ братомъ сыновей своихъ. Въ безпрестанной дѣятельности по управленію заводомъ, онъ успѣваетъ еще удѣлять нѣсколько часовъ внимательному изученію книгъ по части горнаго дѣла; слѣдитъ событія политическія и охотно читаетъ Русскіе Журналы. За то, рѣдко случалось мнѣ слышать человѣка, который бы говорилъ такъ складно, съ такимъ безыскусственнымъ краснорѣчіемъ; который, живя въ уголкѣ Сибири, такъ вѣрно зналъ бы приличія образованнаго общества.

1-го Сентября, обратнымъ путемъ чрезъ городъ Кунгуръ, отправились мы въ Оренбургъ по Уфимской дорогѣ. — Выпавшій снѣгъ на высотахъ Уральскихъ, холодная погода и проливной дождь, принудили меня закрыть коляску и тетрадь моего путеваго дневника.

Въ продолженіе двухдневнаго пребыванія въ Уфѣ, я не успѣлъ обозрѣть сего города и тѣмъ болѣе о томъ сожалѣю, что онъ въ историческомъ отношеніи имѣетъ нѣкоторую занимательность. Такъ на примѣръ, хотѣлось бы мнѣ взглянуть на Татарское становище (верстахъ въ пяти отъ города), гдѣ нѣкогда живали Нагайскіе Ханы, или на остатки древней башни и рва, которые сдѣланы были между рѣками Уфой и Бѣлой, для безопасности жителей отъ набѣга враждебныхъ Калмыковъ и Киргизъ-Кайсацкаго народа.

Кто путешествуетъ по другимъ Государствамъ Европы, того походный дневникъ на каждомъ шагу

(*) Слов. Геогр. Рос. Гос.

тучнѣетъ запасомъ любопытныхъ извѣстій; а здѣсь, на пространствѣ тысячи верстъ, нечѣмъ поживиться наблюдателю; за то, живописецъ могъ бы обогатить альбомъ свой прелестью здѣшнихъ видовъ. Взгляните, на примѣръ, какъ плѣнительно мѣстоположеніе *Сакмарскаго городка*, небрежно разкинутаго по крутизнѣ высокаго мыса! Какъ разнообразна картина въ ту сторону, гдѣ гора, *Гребенъ* называемая, возносится надъ цвѣтущими равнинами!

Подобно кочевью степныхъ обитателей, городъ Оренбургъ неоднократно переносимъ былъ съ мѣста на мѣсто. Сначала въ 1735 году онъ заструенъ при устьѣ рѣки Ори, Статскимъ Совѣтникомъ Кириловымъ; потомъ, согласно представленію Тайнаго Совѣтника Татищева, переведенъ, въ 1739 году, за 182 версты ниже по теченію Урала, на урочище Красной горы, гдѣ нынѣ Красногорская крѣпость. Когда же Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Неплюевъ призналъ и сію позицію неудобною для столь важнаго города, то по Высочайшему Указу Императрицы Елисаветы Петровны, въ третій разъ положено основаніе Оренбургу на нынѣшнемъ его мѣстѣ. Здѣсь въ старину находилось, говорятъ, становище Нагайскаго Багманъ-Хана, называемое *Ахъ-Тюбе* (*). Оренбургъ обнесенъ правильнымъ бастіоннымъ укрѣпленіемъ, косого полевая сторона лицевана плитнымъ камнемъ.

9-го Сентября прибылъ сюда Баронъ Александръ Гумбольдтъ. И я имѣлъ честь быть ему представленъ. Утромъ того же дня, знаменитый путешественникъ, сопровождаемый начальникомъ Оренбургскаго Таможеннаго Округа, посѣтилъ, вмѣстѣ съ Л А., здѣшній Меновой дворъ, находящійся въ виду города, за рѣкоюУраломъ. Кругомъ всего двора построено множество небольшихъ лавокъ. Заглянемъ въ любую: тамъ на разостланныхъ верблюжьихъ *попонахъ* лѣнивo отдыхаютъ Бухарскіе и Хивинскіе торговцы. Въ одномъ углу тѣсной лавки лежатъ въ кучахъ готовые халаты, подбитые грубою пестрядью; въ другомъ складены кипы сырой и пряденой хлопчатой бумаги; Бухарскія мерлушки и множество тканыхъ матерій и китаекъ. — Мнѣ удалось когда-то прочитать въ старинныхъ нашихъ Сказателяхъ, что лѣтъ за сорокъ предъ симъ, Азіятскіе купцы, приходившіе караванами въ Оренбургскій Меновой дворъ, привозили: золото серебро, по большей части въ Персидскихъ монетахъ и въ Индійскихъ рупіяхъ; лазурикъ, сердаликъ, бирюзу и другіе драгоцѣнные камни, — и все сіе отдавали намъ за юфть, полотно, мѣдную, чугунную и деревянную посуду. Для лакомокъ, Бухарцы привозятъ сюда изъ Самарканда разные плоды, сушенные абрикосы, персики, чинаръ и въ глиняныхъ кувшинахъ фисташковыя зерна,

(*) См. Геогр. Словарь Рос. Госуд.

осыпанныя небесною манною (*). Киргизцы и Калмыки промѣниваютъ здѣсь верблюжью шерсть, сѣда курдюковъ и шабуны степныхъ лошадей своихъ на разные мѣлочные товары. Посреди двора построена мечеть для народовъ Могаммеданскаго исповѣданія. Я былъ свидѣтелемъ ихъ молитвы. Поклонникъ Пророка благоговѣйно и важно выступаетъ на средину храма; большими пальцами обѣихъ рукъ затыкаетъ уши и нѣсколько минутъ остается въ семъ положеніи, — потомъ стремительно падаетъ ницъ и творитъ земные поклоны.

Гумбольдтъ смотрѣлъ на все съ большимъ вниманіемъ и предлагалъ чрезъ толмача вопросы гостямъ Азіятскимъ; такъ на примѣръ, онъ спросилъ одного Хивинца: замерзаютъ ли тамъ зимою рѣки, гдѣ лѣтомъ растетъ хлопчатое дерево?

За стѣною Меноваго двора лежитъ степь бездомныхъ Киргизъ-Кайсаковъ. Слѣды верблюда, — сего корабля пустыни, означились на зыбкой поверхности песчанаго моря. Взглядъ на сію равнину заставилъ меня вспомнить о той степи, которую проѣзжалъ я въ 1825 году, по дорогѣ къ Кавказу: все пространство оной поросло высокимъ ковылемъ, который подобно морю волнуется вѣтрами и на краю горизонта сливается съ небомъ. Глазъ, утомленный однообразіемъ, обращается во всѣ стороны, и не находитъ предмета, на которомъ бы могъ остановиться. Въ знойный полдень, тяжелый обозъ проходитъ медленно по обширной равнинѣ: ни капли воды, ни вѣтки дерева, — куда скрыться отъ палящаго солнца? На верстныхъ столбахъ отдыхаютъ орлы; осторожная дрофа, пугливый стрепетъ, послыша звонъ колокольчика, вылетаютъ изъ глубины ковыля и снова въ него погружаются....

10-го Сентября положено было ѣхать въ Илецкую Защиту. — Г. Начальникъ Солянаго Илецкаго Правленія, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Г. Н. Спруковъ, увѣдомленъ былъ о томъ на канунѣ. Около 8-ми часовъ утра мы были уже въ дорогѣ. Большой конвой легкоконныхъ Козаковъ раздѣлился на два отряда: одинъ окружилъ карету, въ которой находились Баронъ Гумбольдтъ, Л. А. П***, П. В. Сушковъ и я;—прочіе экипажи слѣдовали подъ прикрытіемъ другаго отряда. Гумбольдтъ особенно любовался Башкирцами, которые въ остроконечныхъ колпакахъ своихъ, съ колчаномъ и лукомъ за плечами, ѣхали по бокамъ кареты.

Шесть часовъ мелькнули непримѣтно: знаменитый ученый сокращалъ ихъ своей бесѣдою. Онъ говорилъ о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ Сибири, объ открытіяхъ своихъ на Кордильерахъ и въ другихъ странахъ Америки, — и удовлетворяя вопросамъ, ипотетически объяснялъ различныя явленія природы: паденіе аэролитовъ, образованіе самородокъ, нахожденіе окаменѣлыхъ раковинъ и рыбъ на горныхъ вершинахъ, — suo mihi sermone arrexit aures!

На Элтанскомъ форпостѣ, горный чиновникъ встрѣтилъ и проводилъ насъ въ Илецкую крѣпость, до самаго дома, занимаемаго Г. Управляющимъ. При обозрѣніи солеломни, Баронъ Гумбольдтъ особенное обратилъ вниманіе на положеніе соляного истока и любопытствовалъ знать о его протяженіи. Три часа безпрестанной ходьбы по окрестнымъ гипсовымъ возвышеніямъ, нимало не утомили бодраго старца: онъ взошелъ еще на самый верхъ Намаза и долго любовался панорамою Илецкой Защиты. Изъ здѣшняго минеральнаго кабинета, Профессоръ Розе взялъ съ собою нѣсколько минераловъ Солянаго Округа и образчиковъ лигнита; а Г. Эренбергъ обогатилъ правителя свой множествомъ цвѣтовъ и растеній, похищенныхъ имъ изъ увядавшаго вѣнка Илецкой Флоры.

В. В.

Стихи, помѣщенные въ сей статьѣ, принадлежатъ О. Н. Глинкѣ и Князю П. А. Вяземскому.

(*) Говорятъ, что манна сія въ капляхъ росы падаетъ съ неба и толстымъ мучнымъ слоемъ садится на листья растеній. Не это ли манна Израильтянъ?

УМИРАЮЩАЯ ЭРМЕНГАРДА.

ХОРЪ ИПОКРИТЪ.

(*Изъ трагедіи:* Адельгизъ, *соч. Манцони* (*).

Разбросанные локоны
Упали къ груди бѣлой,
И руки крестно сложены,
И ликъ ужъ побѣдненый, —
Лежитъ она, страдалица,
Взоръ къ небу возведенъ.

(*) Эрменгарда или Дезидерата, была дочерью Дезидерія, Князя Лонгобардовъ, и первою супругой Карла Великаго. Бывъ отвержена имъ по неизвѣстнымъ причинамъ (иные утверждаютъ, будто бы за безплодіе), она скончалась въ монастырѣ. Вотъ обстоятельство, къ коему относится помѣщаемый здѣсь хоръ.

Трагедія: *Адельгизъ* (Adelchi), блистающая необыкновенными красотами, переводится вполнѣ почтеннымъ нашимъ Поэтомъ И. И. Козловымъ, котораго живое воображеніе ясно видитъ свѣтлый міръ Поэзіи. Превосходный переводъ сего хора служитъ вѣрнымъ ручательствомъ, что и цѣлая трагедія будетъ переведена въ совершенствѣ. Въ хорѣ семъ Прелагатель долженъ былъ бороться съ трудностями стихотворной мѣры, никѣмъ еще не испытанной на нашемъ языкѣ, и разположенія строфы Итальянской, такжде доныне у насъ не употреблявшейся. Въ ней всѣ стихи (кромѣ послѣдняго) съ женскими окончаніями; первый, третій и пятый стихи не имѣютъ рифмъ; вторый рифмуетъ съ четвертымъ, а послѣдній (мужескій) служитъ всегда рифмою послѣднему же стиху слѣдующей строфы. Это правило постоянно было соблюдаемо и Переводчикомъ, который счастливо побѣдилъ помянутыя трудности; и при всемъ томъ переводъ его весьма близокъ (иногда почти слово въ слово съ подлинникомъ) и въ стихахъ его удержаны пріятность и бла-

Замолкнулъ плачъ; всѣ молятся,
Возникла пѣснь святая,
И пеленой холодное
Чело навѣкъ скрывая,
Очей лазурныхъ набожной
Рукою взглядъ смеженъ.

О! не тоскуй, прекрасная!
Забудь любовь земную!
Дай въ жертву страсть Всевышнему
И смерть прими святую:
Не здѣсь за жизнью, долгому
Терпѣнью жди конца!

И горю обреченная
Вседневно умоляла:
Забыть о томъ, что бѣдная
Томясь, не забывала.
Теперь — свята мученьями,
У Бога и Отца!

Увы! въ часы безсонные,
Въ келейномъ заточеньи,
Во время пѣнья инокинь
Предъ алтаремъ въ моленьи,
Все памятью ей мечталася
Тѣхъ невозвратныхъ дней,

Когда судьбы обманчивой
Измѣнъ она не знала
И въ свѣтлой Франковъ области
Такъ радостно дышала,
Явясь всѣхъ женъ Салическихъ
Прекраснѣе, милѣй;

Когда, златые локоны
Усѣявъ жемчугами,
Смотрѣла правлю шумную
И какъ, надъ поводами
Склоненъ, чрезъ поле чистое
Власатый (*) Царь скакалъ;

И пылко кони борзые
Неслись, и гончихъ стая
Металась, разсыпалася
Въ кустахъ едва мелькая,
И боръ кабанъ щетинистый
Тревожно покидалъ.

И кровью звѣря дикаго
Долину обагряла
Спрѣла Царя, и нѣжная
Къ подругамъ обращала
Блѣднѣя, взоръ: за милаго
Дрожитъ младая грудь!

О ты, ключъ теплый Ахенскій!
О Мозы (**) токъ гремучій!
Гдѣ, скинувъ броню тяжкую,
Державный вождь могучій
Любилъ, явясь изъ лагеря,
Привольно отдохнуть!

Какъ зноемъ опаленную
Траву роса лелѣетъ,
И стволъ зеленыхъ спебелей
Спудитъ, и зеленѣетъ
Опять трава, и весело
Душистая цвѣтетъ;

Такъ сердце, сокрушенное
Огнемъ любви мятежной
Въ томленьяхъ освѣжается
Привѣтомъ дружбы нѣжной,
И къ наслажденью тихому
Какъ будто оживетъ.

Но только солнце красное
Взойдетъ, огнисто рдѣя,
И въ неподвижномъ воздухѣ
Зной дышетъ, пламенѣя,
Опять трава разцвѣтшая
Имъ къ долу прижжена;

И скоро изъ минувшаго
Забвенья возникаетъ
Опять любовь безсмертная,
И сердце ужасаетъ;
Душа мечтами прежними
Опять отравлена.

О! не тоскуй, прекрасная!
Забудь любовь земную!
Дай въ жертву страсть Всевышнему
И смерть прими святую!
Въ землѣ, въ которой скроется
Навѣкъ твой нѣжный прахъ, —

Въ ней спятъ тоской убитыя
Спрадальцы другія:
Межъ женъ, мечемъ развѣнчанныхъ,
Невѣсты молодыя,
И матери проколотыхъ
Младенцевъ въ ихъ очахъ.

созвучіе Итальянскаго Поэта. Въ доказательство сего, выписываемъ трепетную строфу *хора* изъ трагедіи Манцони:

Sgombra, o gentil, dall' ansia
Mente i terrestri ardori!
Leva all' Eterno un candido
Pensier d'offerta, e muori:
Fuor della vita è il termine
Del lungo tuo martir.
(Adelchi, atto IV, scena I.)

(*) Chiomato (comatus), *воловатый* — таково было прозваніе Карла.

(**) Древнее имя рѣки Мааса (la Meuse).

И ты, изъ притѣснителей
Враждебнаго семейства,
Число которымъ — доблестью,
Предлогомъ — ихъ злодѣйства,
И правомъ — кровь, и славою —
Безжалостно губить;

Ты, промысломъ несчастія
Сама изъ притѣсненныхъ,
Оплаканной, спокойною
Засни межъ погубленныхъ!
Дерзнетъ ли кто, невинная,
Твой пепелъ укорить?

И будь твой ликъ безчувственный
Такъ ясенъ, какъ былъ прежде,
Когда ты счастью вѣрила,
И въ радостной надеждѣ
Дѣвичьи думы свѣтлыя
Являлися на немъ.

Такъ солнце заходящее
Изъ бурныхъ тучъ выходитъ:
Оно на западѣ пурпурный
Дрожащій блескъ наводитъ;
И будетъ пустынникъ набожный
Утѣшенъ свѣтлымъ днемъ.

Иванъ Козловъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

CANEVAS MÉTHODIQUE ET CHRONOLOGIQUE, pour servir à l'Histoire de la langue et de la littérature française, depuis la conquête de la Gaule, par J. César, jusqu'à nos jours; et Tableau général des littératures anciennes et modernes, contenant l'histoire abrégée des progrès de l'esprit humain et de ses productions, chez les Hébreux, les Chinois, les Indiens, les Persans, les Phéniciens, les Egyptiens, les Grecs, les Romains, les Celtes, les Scandinaves, les Arabes, les Italiens, les Espagnols, les Portugais, les Anglais, les Allemands et les Russes. Ouvrage élémentaire dédié aux jeunes Russes des deux sexes, par Ch. de St.-Hilaire, Auteur de la Grammaire française en 36 leçons, à l'usage des Russes. (*Канва методическая и хронологическая*, для Исторіи Французскаго языка и Литературы, отъ завоеванія Галліи Юліемъ Цесаремъ до нашего времени; съ присовокупленіемъ Общей картины Литературъ древнихъ и новыхъ, содержащей въ себѣ сокращенную Исторію успѣховъ ума человѣческаго и его произведеній у Евреевъ, Китайцевъ, Индѣйцевъ, Персіянъ, Финикіянъ, Египтянъ, Грековъ, Римлянъ, Кельтовъ, Скандинавовъ, Арабовъ, Итальянцевъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Англичанъ, Германцевъ и Русскихъ. Книга учебная, посвящаемая юнымъ Россіянамъ обоего пола; сочин. К. Сенп-Илера, Автора Французской Граммапики въ 36-ти урокахъ, для употребленія Рускихъ).— С. П. б., въ типогр. К. Крайя, 1830. (VIII — 298 стран. въ 8-ю д. л. (*)

Книга сія, во всемъ томъ, что относится исключительно къ Литературѣ Французской, отличается полнотою при небольшомъ объемѣ, и хорошимъ, методическимъ изложеніемъ. Во введеніи своемъ, Авторъ начерталъ краткую Исторію Литературы вообще, начиная со временъ глубочайшей древности; обозначилъ вѣки Перикла и Александра Македонскаго, Цесаря и Августа, Медицисовъ и наконецъ Людовика XIV. Здѣсь начинается у него собственно Исторія языка Французскаго и его литературы. Авторъ, возвращаясь снова ко временамъ первобытной Европы, сообщаетъ понятіе о Галліи или Кельтикѣ, до владычества въ оной Римлянъ; говоритъ о началѣ, измѣненіяхъ и постепенномъ образованіи Французскаго языка, и приводитъ образцы онаго въ разныхъ вѣкахъ, начиная съ IX-го столѣтія. Образецъ тогдашняго языка и слога весьма любопытенъ для наблюдателя Рускаго, который съ перваго взгляда увидитъ, что языкъ Несторовой Лѣтописи гораздо понятнѣе нынѣшнимъ Рускимъ, нежели сей опрывокъ нынѣшнимъ Французамъ, предполагая изъ среды обоихъ народовъ такихъ людей, кои не изучали древняго языка ихъ предковъ. Вотъ подлинныя слова присяги, данной Французскими вельможами при Государѣ ихъ Карлѣ Лысомъ (Charles le Chauve) и братѣ его, Людовикѣ, Королѣ Баварскомъ, около 834 года, по случаю союза сихъ Королей противъ Лотарія, старшаго ихъ брата и Императора Западной Имперіи: »Si Hludvik sagrament que son fradus karle jurat »conservat, et Karlus, meos sendra, de suo part non »los tanit, si je retourner non luit puis, ne jo neuls cui jo »retournar int puis in nulla aindra contra Hludvick non

(*) Продается у всѣхъ главныхъ С. Петербургскихъ и Московскихъ книгопродавцевъ. Цѣна экземпл. на хорошей бумагѣ въ оберткѣ 3 руб. 20 к.

«li joer (*).« Для сравненія, выпишемъ нѣсколько словъ изъ Руской Правды Ярославой, одного изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ нашего языка; ибо между вышеприведенною присягою Французскою и законами Ярослава, едва есть полтора вѣка разстоянія: »Оже »убьетъ мужъ мужа, то местити брату брата. Оже »ли не будетъ кто его местя, то положити за голо»ву 80 гривенъ, аче будетъ Княжь мужъ или Тіуна »Княжа.« Это для каждаго изъ нашихъ соотечественниковъ ясно безъ перевода или толкованія. — Далѣе Г. Сенп-Илеръ приводитъ образцы языковъ Провансальскаго (Langue d'Oc) и стариннаго Французскаго (Langue d'Oïl), изъ стихотворныхъ памятниковъ XII столѣтія: это два куплета пѣсни или Sirvente, сочиненной Ричардомъ Львинымъ сердцемъ, Королемъ Англійскимъ, во время его заточенія.

Исторію языка и Литературы Французской Авторъ раздѣляетъ на шесть эпохъ. 1-я эпоха начинается отъ владычества Римлянъ и продолжается до Франциска 1-го, Короля Французскаго, слѣдовательно объемлетъ около 15-ти вѣковъ; 2-я эпоха отъ Франциска 1 до Малерба и Бальзака (около одного столѣтія); 3-я эпоха отъ Малерба и Бальзака до Корнеля; 4-я содержитъ въ себѣ такъ называемый вѣкъ Людовика XIV-го, т. е. до конца XVII столѣтія; 5-я продолжается отъ начала XVIII столѣтія до Французской революціи; наконецъ 6-я отъ начала Революціи до нашихъ временъ. Каждую изъ сихъ эпохъ Авторъ разсматриваетъ по существовавшимъ въ оной родамъ сочиненій, и въ каждой (особливо изъ ближайшихъ къ намъ) исчисляетъ Писателей, сдѣлавшихся извѣстными въ которомъ либо изъ помянутыхъ родовъ. Порядокъ, принятый Г. Сенп-Илеромъ, есть слѣдующій: Авторъ сперва въ немногихъ словахъ излагаетъ родъ сочиненія, произхожденіе онаго и т. п.; потомъ приступаетъ къ хронологическому исчисленію Писателей, въ немъ отличившихся, съ краткою характеристикой ихъ твореній.

Представивъ такимъ образомъ главнѣйшія черты Исторіи Литературы Французской, Авторъ въ слѣдъ за симъ помѣстилъ Общій историческій взглядъ на Литературы прочихъ древнихъ и новыхъ народовъ. Сія вторая часть его книги весьма уступаетъ первой; мы думаемъ даже, что сіе дополненіе не было нужно. Для того, чтобы подобный трудъ соотвѣтствовалъ своей цѣли, т. е. пользѣ учащихся, требуется обширнаго и основательнаго познанія всѣхъ тѣхъ Литературъ (покрайней мѣрѣ новѣйшихъ Европейскихъ), о коихъ Сочинитель принялъ на себя обязанность говорить; да и малый объемъ сего сочиненія не представлялъ къ тому возможности. Поверхностный и часто односторонній взглядъ не можетъ сообщить вѣрнаго понятія учащимся о Литературѣ Англійской, Нѣмецкой либо Итальянской; многое множество именъ, помянуто встрѣчающихся, весьма затруднительно для изученія, когда имена сіи не приковываютъ молодаго вниманія чѣмъ-либо особеннымъ. Всѣ сіи имена могутъ только обременить память, безъ всякой пользы для ума или воображенія. Мы желали бы даже, чтобъ Авторъ не столько былъ разточителенъ и на имена Французскихъ Писателей, коихъ покрайней мѣрѣ третья доля могла бъ быть вычеркнута изъ его списка. Къ чему намъ, Рускимъ, знать напр. о плохихъ Историкахъ, каковы честные отцы Д. Орлеанъ и Даніель? о Шарронѣ и Николѣ, написавшихъ сочиненія, каковыхъ нынѣ цѣлыя сотни появляются ежегодно въ одной Франціи? о такихъ драматическихъ Писателяхъ, какъ Легранъ, Фаганъ, Шамфоръ, Латоссѣ и имъ подобные? — Но объ нихъ покрайней мѣрѣ Авторъ говорилъ съ знаніемъ дѣла; въ томъ же, что говоритъ онъ о Литературахъ чужеязычныхъ, по необходимости долженъ онъ былъ прибѣгать къ показаніямъ другихъ, и не всегда удачно выбиралъ свои источники. Не увлекаясь въ дальнѣйшія полемическія изслѣдованія, возьмемъ для примѣра статью его о Литературѣ Руской, какъ ближайшей къ намъ. Здѣсь, на первыхъ страницахъ, мы встрѣчаемъ весьма замѣчательныя ошибки. Такъ на пр., говоря о древнихъ памятникахъ нашей Словесности, Авторъ упоминаетъ о Prière de Daniel le Riche au Prince Youry Dolgorouki; мы догадываемся, что дѣло идетъ о *Словѣ или посланіи Даніила Заточника:* но почему жь Авторъ называетъ его le Riche? Слово: *заточникъ*, можетъ быть переведено на Французскій языкъ словомъ: l'exilé, и еще ближе: le reclus; а о прозваніи сего Даніила *богатымъ*, мы, Рускіе, не читывали ни въ какихъ Лѣтописяхъ. Еще страннѣе примѣчаніе Автора, который утвердительно говоритъ, что »до Г-на Полеваго никто не упоминалъ »объ этомъ Посланіи.« Пропустимъ эпитетъ: littérateur très-distingué, приданный Г-ну Полевому: Г-нъ Сенп-Илеръ, по несовершенному знанію Рускаго языка, конечно не могъ опредѣлить той степени, на которой Г-нъ Полевой долженъ стоять въ ряду Литераторовъ Рускихъ;—но укажемъ Г-ну Сенп-Илеру на собственное примѣчаніе Г-на Полеваго, помѣщенное во 2-мъ т. Исторіи Рускаго народа, стр. 224, гдѣ новый Историкъ говоритъ, что Посланіе Даніила Заточника напечатано въ *Памятникахъ Россійской Словесности*, собранныхъ Г. Калайдовичемъ и изданныхъ въ 1821 году, слѣдовательно почти за десять лѣтъ до появленія первыхъ томовъ Исторіи Рускаго народа. Мы могли бы еще указать на статьи Кн. Цертелева о древней Рос-

(*) Вотъ смыслъ сей присяги на нынѣшнемъ Французскомъ языкѣ: «Si Louis observe le serment que prête son frère Charles, et si Charles, mon Seigneur, de son côté ne le tient pas, si je ne puis l'en détourner, ni moi ni aucun de ceux que je pourrai en empêcher, nous ne l'aiderons nullement contre Louis.«

сійской Словесности, помѣщенныя въ Соревнователѣ Просвѣщенія 1823 года: тамъ также *Слово Даніила Заточника* приведено вполнѣ. Такимъ же образомъ невѣрна выноска Г. Сенп-Илера о *Душенькѣ*, поэмѣ Богдановича: Авторъ говоритъ, что поэма сія *писана въ стихахъ, перемѣшанныхъ съ прозой.* Онъ зналъ, что поэма Богдановича есть подражаніе Лафонтеновой: Les amours de Psyché, и безъ всякой повѣрки промолвился, что она также написана въ стихахъ и прозѣ. Но въ дѣлѣ, въ которомъ каждый изъ Рускихъ учениковъ Гна Сенп-Илера можетъ сдѣлать повѣрку своему учителю, такія неосторожныя обмолвки могутъ повредить довѣрію, каковое всякій преподаватель долженъ внушать юнымъ своимъ слушателямъ. Критика доброжелательная и безпристрастная обязана замѣтить Автору по-крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ сихъ ошибокъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что книга Г-на Сенп-Илера будетъ скоро разкуплена, и при второмъ изданіи, Авторъ легко можетъ исправить погрѣшности перваго. Тогда онъ конечно обратитъ вниманіе на замѣчанія наши, дѣлаемыя безъ придирокъ и мѣлкаго желанія отыскать какую-либо худую сторону; но въ полномъ убѣжденіи, что хорошая и полезная книга его, очистясь отъ всѣхъ недостатковъ, сдѣлается еще лучше и полезнѣе. Къ числу таковыхъ поправокъ принадлежитъ также сказанное Г-мъ Сенп-Илеромъ о Капнистѣ: »Его трагедія »*Антигона* увѣнчалась успѣхомъ, который послужилъ »предвѣстіемъ успѣху безсмертной его комедіи: *Ябеда* (*)« Комедія сія напечатана въ 1798 году, а трагедія: *Антигона*, представлена въ первый разъ въ 1814 году: по сему она не могла быть предвѣстіемъ успѣха, пріобрѣтеннаго 16-ю годами ранѣе. — О Новиковѣ сказано: »Онъ составилъ типографическое Общество, которое »*занимается* особенно печатаніемъ книгъ, назначаемыхъ для преподаванія и продающихся очень дешево, и пр.« Общество сіе существовало, печатало книги и продавало ихъ дешево: все это правда; но тому уже болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ оно рушилось; а учебныя книги, назначаемыя для преподаванія въ училищахъ, издаются нынѣ особымъ Комитетомъ, находящимся при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Нынѣшнее же типографическое общество въ Москвѣ, состоящее изъ Василья Логвинова и комп., печатаетъ почти исключительно одни дурныя книги, или дурные переводы хорошихъ, и продаетъ ихъ очень дорого. — Заглавія нѣкоторыхъ Рускихъ сочиненій переведены Г-мъ Сенп-Илеромъ не совсѣмъ вѣрно. *Пѣвецъ во станѣ Рускихъ воиновъ*, стихотвореніе Жуковскаго, названо: Le Poëte au milieu des guerriers russes. Молодой нашъ соотечественникъ, Кн. Мещерскій, въ своей рѣчи о Руской Литературѣ, перевелъ сіе заглавіе гораздо удачнѣе: Le Ménestrel au camp des guerriers russes. *Горе отъ ума*, комедія Грибоѣдова, названа Г-мъ Сенп-Илеромъ: Malheur de l'esprit; это неточно и неясно; заглавіе сей комедіи значитъ по-Французски: Malheur à qui a de l'esprit. Одна изъ поэмъ Козлова: *Наталія Долгорукая*, переименована у Г. Сенп-Илера въ *Марію* (Marie Dolgorouky). — Писавъ о Руской Словесности въ Россіи, Г-нъ Сенп-Илеръ имѣлъ всѣ способы совѣтоваться съ людьми, достаточно знающими Литературу своего отечества; съ ихъ совѣтами, онъ конечно избѣжалъ бы сихъ ошибокъ, которыя сколь ни маловажны, но все же ошибки; а ихъ-то какъ можно тщательнѣе должно избѣгать въ учебной книгѣ.

Хорошо бы также было, если бы при второмъ изданіи Авторъ избѣжалъ сбивчивости, проскакивающей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его книги. Исчисляя древнихъ Писателей Греціи, Г. Сенп-Илеръ говоритъ, что „Ксенофонъ сочинилъ Исторію великаго Кира, подъ заглавіемъ *Кироπедіи*, „которую сравниваютъ съ *Телемаковъ* Фенелоновымъ,“ тогда какъ, въ избѣжаніе анахронизма, сравнивать должно послѣдующее съ предшествовавшимъ; — что „Демосѳенъ побѣдилъ, такъ сказать, природу, прежде чѣмъ „содѣлался Орапоромъ;“ а въ чемъ состояла сія побѣда, не сказано; что „Пиоагоръ былъ первымъ изобрѣтателемъ системы Коперниковой.....“ Пиоагоръ жилъ за 19 вѣковъ до Коперника: что могъ ли онъ изобрѣсти систему сего послѣдняго? Въ книгѣ, назначаемой для преподаванія, должна господствовать строгая отчетливость логическая.

Повторимъ, что всѣ сіи небольшія пятнышка легко могутъ быть изглажены; но главный составъ книги: *Исторія Французской Литературы*, конечно и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ принесетъ существенную пользу учащимся, по своей полнотѣ, ясности изложенія, и, прибавимъ въ похвалу Автора, — по нравственному и религіозному направленію, которое онъ въ особенности старался дать своимъ урокамъ. Замѣтимъ также, что весьма умѣренная цѣна, назначенная имъ за книгу въ 300 страницъ, облегчаетъ способы пріобрѣтенія оной даже для людей недостаточныхъ.

(*) Sa tragédie d' *Antigone* fut couronnée d'un succès qui servit de prélude à celui de son immortelle comédie intitulée la *Chicane*.»

ОПЕЧАТКА

Въ 9-мъ No Литерат. Газеты.

На стран. 69-й въ 1-мъ столбцѣ, въ 1-й строкѣ отрывка изъ романа: *Удивительный человѣкъ*, напечатано: *и иначе не иного быть*; должно читать: *и иначе не могло быть*.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 28-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМЪ III, № 12. ФЕВРАЛЯ 25го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Понедѣльникъ), — 7-го (въ Субботу), — 12-го (въ Четвертокъ), — 17-го (во Вторникъ), — 22-го (въ Воскресенье) и 27-го (въ Пятницу).

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА:

Удивительный человѣкъ.

Соч. П. Л. Яковлева.

Изъ 3-го тома.

Настала полночь. Часовые собрались въ кучу — положили ружья, и стали играть въ карты. Тихо, тихо, подползъ Иванъ Архиповичъ къ Удивительному человѣку — и началъ свой разсказъ:

„Когда я выскочилъ изъ коляски, помните, Ваше „Высокородіе? то побѣжалъ прямо къ Университету. „Меня никто не останавливалъ — вѣроятно потому, „что на мнѣ была Французская шинель. Прихожу пря„мо на прежнюю свою квартиру — къ старушкѣ, у „которой жилъ, слушая лекціи: никого нѣтъ! Все пу„сто — все перебито, разломано: что дѣлать? Раз„судивъ, что куда ни пойду, вездѣ попадусь въ плѣнъ, „я остался въ пустыхъ комнатахъ. Къ счастію — „никто не потревожилъ меня, ни вечеромъ, ни ночью „— только голодъ выгналъ меня изъ моего убѣжища „на зарѣ. Мнѣ хотѣлось пробраться въ Таланпово. „Ахъ! какъ тамъ теперь хорошо, Ваше Высокородіе! „Я надѣлъ на себя этотъ армякъ, который нашелъ „подъ лѣстницею; въ этомъ нарядѣ, подумалъ я, ни„кто не привяжется — и взять у меня нечего. Но „не тутъ-то было. Едва показался я на улицу — „схватилъ меня высокой Полякъ — уланъ, и велѣлъ, „изковерканнымъ Рускимъ языкомъ, итти за собою. „Мы пришли въ домъ Нарышкина, на Моховой, Ваше „Высокородіе. Ахъ, Ваше Высокородіе, чего тутъ я „не насмотрѣлся! Пришли мы къ винному подвалу... „гляжу — у всѣхъ бочекъ выбито дно, и товарищи „моего Поляка по колѣно бродятъ въ винѣ, черпаютъ „его касками, и пьютъ. Мнѣ велѣли взять анкерокъ, „и налить въ него вина. Послѣ этого вошли мы въ „кладовую — тутъ всего было много, и все нравилось „моему Поляку; и все, что ни выберетъ онъ: платье, „шубы, скрыпки, гитары, все велитъ мнѣ брать. На„конецъ, сверхъ анкерка съ виномъ, который я уже „держалъ, навьючилъ онъ на меня двѣ шубы, два сало„па, плащъ, сюртукъ, фракъ, почтамтскій мундиръ, „скрыпку, гитару, зеркало.... Посудите, Ваше Высо„кородіе, каково мнѣ было подъ этой ношей? И все „это пронесъ я однако же до Пречистенскихъ воротъ. „Богъ подкрѣпилъ меня! я самъ дивлюсь, какъ я не „задохся отъ усталости. У Пречистенскихъ воротъ „мы остановились и онъ ввелъ, или вполкнулъ меня въ „аптеку — снялъ мой вьюкъ, и вытолкалъ вонъ. Уми„рая отъ усталости, жажды и голода, я развалился „среди улицы.... Но и тутъ мнѣ не дали покоя: отъ„куда ни взялись человѣкъ двѣсти гусаръ — ну, думалъ „я: пришелъ мой часъ! потому, что я лежу среди „улицы, а они скачутъ прямо на меня. Но кому быть „живу, тотъ будетъ живъ, Ваше Высокородіе, и всѣ „двѣсти гусаръ безвредно проскакали черезъ меня. „Чудесное дѣло, Ваше Высокородіе, но истинно спра„ведливое! Божусь вамъ, эта скачка какъ будто накор„мила и напоила меня. Я приподнялся, вскочилъ на „ноги, и пошелъ бодро. Безъ особенныхъ приключеній „прошатался я въ горящей Москвѣ, цѣлыхъ восемь „дней. Ночевалъ или на Вагаиьковскомъ кладбищѣ, или „въ погребахъ сгорѣвшихъ домовъ, или на колокольняхъ. „Вчера утромъ, выползъ я изъ своей засады, и при„шелъ въ Старую Конюшенную.... Подхожу къ Сив„цову вражку, и вижу Французскаго солдата, зажигаю„щаго угольный деревянный домъ.... огонь пошелъ ра„ботать, а я — Богъ знаетъ для чего — остановился, „и сталъ смотрѣть, какъ пламя начало пробираться „отъ паклп къ окнамъ и — мало по малу охватило „весь домъ. И другой домъ запылалъ, зажженый тѣмъ „же Французомъ.... Вдругъ меня хватаютъ сзади — „связываютъ руки: оглядываюсь — и вижу, что меня „держатъ два Французскіе жандарма и говорятъ: а! „вы зажигатель. — Помилуйте, господа! — не я — а „вашъ товарищъ — при мнѣ — сей часъ зажегъ эти

„домы! — Клеветникъ! но ты признаешься! Веди его! „сказалъ одинъ другому, и жандармъ повелъ меня въ „домъ Французскаго Губернатора.

„Меня привели къ Адъютанту и стали допраши„вать. Я назвался мѣщаниномъ, но не смотря на всѣ „оправданія, меня записали въ списокъ зажигателей. Про„шу у васъ одной милости, сказалъ я Адъютанту — „представьте меня къ Генералу. — Генералъ сей часъ „ѣдетъ. — И точно: когда меня вывели на дворъ, съ „шремя Рускими, которыхъ также обвинили въ за„жигательствѣ, мы увидѣли, что Генералъ, верхомъ, „окруженный блестящею свитою, выѣзжалъ со двора. „Но вообразите мое удивленіе, Ваше Высокородіе, ко„гда въ числѣ людей, ѣхавшихъ за нимъ — узналъ я „вашего племянника?... —Да? Какъ это? — Точно, „Ваше Высокородіе! Вашъ племянникъ, Алексѣй, ѣхалъ „за Генераломъ — въ своемъ сѣромъ фракѣ, и сверхъ „того, лѣвая рука была у него обвязана бѣлою лен„тою....—Какъ, Иванъ Архиповичъ! закричалъ Удивительный человѣкъ, и такъ громко, что часовые бросились къ мѣстамъ своимъ. — Иванъ Архиповичъ опустился на полъ и притворился спящимъ; караульный подошелъ къ Максиму Степановичу. „Вы декламировали во снѣ, Г. Бригадиръ?“ сказалъ караульный, смотря на Максима Степановича, сидящаго на полу у окна..... Максимъ Степановичъ, не зная по-Французски, покачалъ головою: шѣмъ и кончилась эта маленькая тревога. Но не смотря на все нетерпѣливое желаніе Максима Степановича, Иванъ Архиповичъ не подходилъ болѣе къ нему, и Удивительный человѣкъ остался съ неразрѣшеннымъ вопросомъ: какими судьбами очутился въ Москвѣ племянникъ Алексѣй?

Между шѣмъ, Москва пылала; черныя, смрадныя тучи дыма разстилались надъ Кремлемъ, и Наполеону стало душно: онъ переѣхалъ за городъ въ Петровскій дворецъ, — и немедленно велѣлъ судить зажигателей Москвы.... Собрали всѣхъ Рускихъ, которыхъ угодно было назвать зажигателями, и чтобъ соблюсти, по крайней мѣрѣ, наружныя формы суда, стали ихъ допрашивать: какъ зовутъ, кто онъ, — и только. Увы! и Иванъ Архиповичъ въ числѣ прочихъ, подъ именемъ мѣщанина, обвиненъ въ зажигательствѣ — и его присудили — разстрѣлять. Когда пришли за нимъ, чтобъ вести его къ Губернатору Лесепсу, Иванъ Архиповичъ, можетъ быть предчувствуя свою горькую участь, не смотря на окружающихъ его солдатъ, вырвался изъ средины ихъ, бросился къ ногамъ Удивительнаго человѣка, громко зарыдалъ — но его оттащили отъ Максима Степановича и увели.... Удивительный человѣкъ остался одинъ изъ Рускихъ во всемъ Архивѣ. Рыданія, отчаяніе Ивана Архиповича, глубоко тронули Максима Степановича, но онъ не могъ постигнуть причины, почему такъ разпрогался Иванъ Архиповичъ! Вошедшіе жандармы прервали недоумѣніе Удивительнаго человѣка; вывели его изъ Кремля, и вмѣстѣ съ партіею Рускихъ военноплѣнныхъ втолкнули въ домъ Князя Шаховскаго, на Тверской. Товарищи стали его разспрашивать: котораго онъ полку, какъ попался въ плѣнъ, и Максимъ Степановичъ, радуясь, что Богъ привелъ его опять говорить съ Рускими, далъ полную волю своему языку: описалъ подробно свои обстоятельства, свои несчастія, свои деревни — и удивилъ слушателей! Всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на мирнаго помѣщика, зачисленнаго военноплѣннымъ бригадиромъ!... „Но развѣ вы не могли раз„толковать, что вы не военный?„ спросилъ его одинъ пѣхотный поручикъ. — „Помилуйте, батюшка! они „не вѣрятъ! не хотятъ и вѣрить! назвали меня бри„гадиромъ — и вотъ, можетъ быть, пошлютъ во „Францію, конечно учиться по-Французски.... — Мо„жетъ быть къ вашему благополучію; приняли васъ за „военнаго!“ сказалъ одинъ изъ Рускихъ (гусарскій корнетъ) — „не то, вы были бы разстрѣляны, какъ за„жигатель! — Конечно, къ моему благопоручію, г. офи„церъ.... и когда все идетъ не такъ, какъ бы хотѣ„лось — всего утѣшительнѣе вѣрить, что все къ луч„шему!“

Наступило 1-е Октября. Военноплѣнныхъ приказано было выслать изъ Москвы. M. le Brigadier Oudivlenieff, въ числѣ прочихъ назначенъ къ квартированію — къ Люневилль, и наши военноплѣнные вышли изъ обгорѣлой Москвы... Передъ ними открылось чистое поле, и вдали деревенька... Кой-гдѣ по краямъ горизонта, чернѣлись Французскіе разъѣзды. Партія остановилась, по приказу провожавшаго офицера... Утро было довольно холодное, а его благородіе, хотя принадлежалъ къ Итальянской гвардіи, былъ одѣтъ весьма плоховато. Онъ велѣлъ развернуть свой чемоданъ, вынулъ оттуда женской атласной бѣлой салопъ на чернобуромъ лисьемъ мѣху, надѣлъ его на себя, и обвязалъ себѣ шею Турецкою шалью. Солдаты, то же, по примѣру командира, прикрывались всякой своимъ запасомъ: одинъ надѣлъ вмѣсто кивера соболью шапку — другой облачился въ поповскую рясу — третій, напялилъ сверхъ мундира женской капотъ на ватѣ. Наши бѣдные плѣнники, едва прикрытые изорванными солдатскими шинелями, забыли и холодъ, любуясь на замысловатыхъ проводниковъ своихъ. Удивительный человѣкъ съ тою же важностію, которая отличала его въ Талантовѣ, стоялъ завернувшись во Французскій егерскій плащъ — и улыбался, смотря на замаскированнаго офицера и его солдатъ. Онъ вспомнилъ маскарады въ своемъ Московскомъ домѣ — и вздохнулъ! Наконецъ переодѣванье кончилось — и партія пошла впередъ. Первая деревушка, въ кото-

рой назначенъ былъ ночлегъ, не доставила плѣннымъ и проводникамъ ихъ, ни продовольствія, ни удовольствія. Во всей деревнѣ не было ни души — и ни крохи хлѣба.... Французы раздѣлили съ плѣнными свой запасъ— запасъ бѣдный: картофель, сыръ, наперсточекъ водки. На третій, на четвертый день то же; тѣ же пустыя деревушки — то же продовольствіе, а холодъ все сильнѣе, такъ что по утрамъ стали замерзать закраины рѣчекъ — трава и деревья покрылись инеемъ. Смиренно шли несчастные Рускіе, съ ругательствами сопровождали ихъ Французы, проклинали Наполеона, и Русской морозъ.... На пятый день, передъ вечеромъ, партія приблизилась къ богатому селу, въ которомъ назначенъ ночлегъ, и всѣ очень ясно услышали колокольный звонъ. Нѣсколько Французскихъ кавалеристовъ поскакали впередъ къ селу, а плѣнники стали креститься, воображая, что въ сельской церкви идетъ служба. Но Французы скоро возвратились съ извѣстіемъ, что въ селѣ никого нѣтъ.... Pas une âme, mon capitaine! „Ужасный народъ!“ сказалъ съ досадою Французскій офицеръ. „Бѣгутъ и оставляютъ намъ пустые домы. „Такъ ли принимали бы насъ въ образованомъ Государ„ствѣ?.... Разводите плѣнныхъ по квартирамъ! — „Здѣсь, я думаю, не совсѣмъ безопасно! сказалъ уса„тый сержантъ — я замѣтилъ прехъ Козаковъ, кото„рые проскакали въ лѣсъ...„ Тебѣ вѣчно видятся Ко„заки!.... но не безпокойся.... мы окружены нашими „корпусами. Насъ шестьсотъ человѣкъ, съ нами че„тыре пушки.... и слава Итальянской гвардіи! — „Разводи плѣнныхъ....“

Плѣнныхъ, по пяти человѣкъ подъ карауломъ трехъ солдатъ, размѣстили по избамъ.... Офицеръ помѣстился въ священниковомъ домѣ, приказалъ варить смиренный Румфордовъ супъ — и закуривъ трубку, сѣлъ передъ котелкомъ.... Другіе Французскіе офицеры присоединились къ нему съ бумажными сигарами, и лихорадочною дрожью.... Но не смотря на холодъ, разговоръ оживился въ ожиданіи жалкаго супа.... И онъ закипѣлъ —ожидаемый супъ поданъ! Разостлали на землѣ Турецкій платокъ, разложили на немъ серебряныя тарелки, и ложки.... и запировали! Водка, коньякъ — разгорячили южную кровь — поѣли — выпили — спѣли нѣсколько пѣсенокъ — побранили маленькаго капрала и Рускаго Генерала.... и мечтая о Франціи, Италіи — разбрелись.... Все стихло въ селѣ. Только часовые, побрякивая ружьями, и егорбившись отъ стужи, танцуютъ на своихъ постахъ. Все тихо.... Вдругъ съ четырехъ сторонъ блеснули огни — и кругомъ разлилось зарево.... вдали за лѣсомъ послышались конскій топотъ и крики.... Aux armes! закричали часовые, выстрѣливъ изъ ружей — но поздно!

Французы не успѣли построиться и взяться за оружіе, а Рускіе Козаки и конные крестьяне окружили село, схватили часовыхъ и пушки, и зажгли крайніе домы... Въ отчаяніи, Французы приготовились къ оборонѣ въ домахъ, и стали стрѣлять изъ оконъ... Но плѣнные между тѣмъ почти всѣ успѣли выбраться на улицу — соединились съ Козаками... Сопротивленіе было безполезно: Французы сдались... При свѣтѣ пылающихъ домовъ обезоружили Французовъ, — и до разсвѣта собравъ ихъ въ одну кучу, окружили вооруженными крестьянами... Между командующими Рускими офицерами, особенно былъ замѣтенъ одинъ молодой человѣкъ. Онъ съ участіемъ разспрашивалъ плѣнныхъ о Москвѣ, и говорилъ съ каждымъ поочереди... »Всѣ ли здѣсь плѣнные?« спросилъ онъ наконецъ. — Нѣтъ! кажется нѣтъ! сказалъ поручикъ, осматриваясь кругомъ: я не вижу нашего бригадира. — »Бригадира? спросилъ молодой человѣкъ? не бригадира ли Удивленьева?«.. — Кажется такъ! — »Гдѣ же онъ?«... — Не знаю... Помнится, его отвели въ третью избу отъ края, если не ошибаюсь....» И молодой офицеръ скачетъ въ показанную избу... и съ пылающею головней въ рукахъ входитъ въ комнату... Максимъ Степановичъ на лавкѣ — спитъ сномъ праведника. Взглянувъ на него, офицеръ быстро отдалъ провожавшему его Козаку головню — бросается къ Максиму Степановичу. »Дядюшка, милый дядюшка! — А? — И Удивительный человѣкъ со всѣмъ удивленіемъ вскакиваетъ съ лавки, и видитъ передъ собою на колѣняхъ — племянника Алексѣя! — „Алексѣй! ты ли это? — Я, дя»дюшка! будьте спокойны! вы свободны — вы болѣе »не въ плѣну — и завтра же возвратитесь въ Талан»тово!... — А? что? въ Талантово? говоритъ Уди»вительный человѣкъ, протирая глаза... какъ?—Вотъ »и Макаръ, дядюшка, вашъ прикащикъ! — Макаръ? »а! да! это Макаръ! — да какъ вы очутились здѣсь!« — И Макаръ почтительно береть руку своего господина, цѣлуетъ ее, и обливаетъ слезами...»Это чудеса! говоритъ Удивительный человѣкъ, вставая...» да не »уже ли мы не въ плѣну?.. — Не въ плѣну, дядюшка! »вы свободны! Макаръ! поди за свѣчкой — вели при»нести чего нибудь закусить...» И Алексѣй снова обнимаетъ своего дядю, цѣлуетъ его руки — усаживаетъ, и Удивительный человѣкъ мало по малу узнаетъ счастливый случай, доставившій ему свободу. Принесли свѣчу, холодной телятины — хлѣба... штофъ Удивительный человѣкъ совсѣмъ оживился.... покушалъ, поплакалъ отъ радости...» Да какъ это, братецъ, ты »въ мундирѣ? Какими судьбами ѣздилъ съ Козаками? »разскажи. — Съ удовольствіемъ, дядюшка... но по»вѣсть моя длинна. — Эй! Макаръ! постели чего ни»будь помягче дядюшкѣ. Завтра утромъ мы поѣдемъ »въ Талантово — отсюда до него 15 верстъ, и дорогой »я вамъ все разскажу...« Удивительный человѣкъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Алексѣя.

*

На другой день Максимъ Степановичъ совершенно увѣрился въ своей свободѣ, увидѣвъ обезоруженныхъ Французовъ — Рускихъ Козаковъ — и, о верхъ благополучія! — пятьдесятъ человѣкъ Таланповскихъ крестьянъ, вооруженные подобно Козакамъ, подъ начальствомъ Макара, явились къ Максиму Степановичу, поздравить его съ благополучнымъ освобожденіемъ изъ плѣна. Давно не ощущалъ Максимъ Степановичъ такого полнаго, сладостнаго чувства! Онъ опять Высокородный господинъ, кормилецъ, отецъ; онъ опять въ правахъ своихъ... Между тѣмъ Козаки сѣли на коней, окружили плѣнныхъ, и начальникъ ихъ отряда подъѣхалъ къ Алексѣю... „Вы достигли своего желанія, и „теперь разстанетесь съ нами, сказалъ онъ. — Благо„даримъ васъ за помощь! — Будьте благополучны, и „если можно — опять погуляйте съ нами! простите!“ Онъ пожалъ руку Алексѣя — и ускакалъ... Въ селѣ осшались только Алексѣй съ пятьюдесятью крестьянами. „Ѣдемте же, милый дядюшка!.. — садитесь въ „повозку — къ вечеру мы въ Таланповѣ!“ И Максимъ Степановичъ сѣлъ въ шелегу. Пятьдесятъ человѣкъ конныхъ крестьянъ, вооруженныхъ какъ нельзя лучше, раздѣлились на три партіи: человѣкъ пятнадцать поскакали впередъ, — десять человѣкъ окружили повозку — осшальные съ Макаромъ сзади. Алексѣй верхомъ поѣхалъ подлѣ шелеги. ...Не смотря на дурной экипажъ, весело было на душѣ Максима Степановича. Онъ любовался своими наѣздниками, и мечшалъ о радостяхъ въ Таланповѣ....

Б. С. М. Д—гъ.

Вдохновенъ моей упрашой,
Я люблю, ночной норой,
Въ край надзвѣздный, въ край святой
Улешашь мечшой крылашой:
Въ безмяшежномъ шомъ краю
Я люблю игрой унылой
Въ сонмъ безплошный, огнекрылой
Проливашь шоску мою.
Среди Ангельскаго хора
Бодръ и свѣжъ мой скорбный духъ,
Средь ихъ свѣшлаго собора
Есшь и мнѣ знакомый Духъ.
Онъ недолго въ лонѣ мира
На пиру земномъ госшилъ:
Промелькнулъ, обворожилъ —
И изчезъ въ волнахъ эоира....
Но когда въ страну чудесъ
Я помчусь: онъ надо мною
Лучезарною звѣздою
Улыбаешся съ небесъ.
Сномъ забудусь ли? съ мечшами
Дней минувшихъ онъ слешишъ
И горячими слезами
Щеки друга оросишъ.

М. Деларю.

КЪ ПОРТРЕТУ ***.

То безъ рѣчей, то говорлива,
То холодна, то жжешъ въ ней кровь,
То безъ надеждъ, то прихошлива,
То всѣмъ чужда, то любишъ вновь.
То вдругъ грустна, то взоръ сіяешъ,
То простодушна, то хишра,
То гонишъ всѣхъ, то привлекаешъ,
То боязлива, то остра;
То ночь не спишъ, то днемъ зѣваешъ,
То сплинъ найдешъ, то всѣхъ смѣшишъ,
То смерши ждешъ, то вдаль мечшаешъ,
То въ монасшырь, то въ вальсъ лешишъ.
Но что виной явленій спорныхъ,
Что шакъ сразишь ее могло?
Языкъ лукавыхъ, лесшь приворныхъ,
Любовь, или другое зло?

К....а Ти.....шева.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУСТВА.

Парадъ въ Берлинѣ.

Картина Г. Кригера.

Литературная Газета неодиократно извѣщала чишающую нашу Публику о новыхъ произведеніяхъ Изящныхъ Искуствъ, и шѣмъ охошнѣе, когда извѣстія сіи заключали въ себѣ нѣчто лестное для народнаго самолюбія Рускихъ. Въ семъ отношеніи, непростишельно было бы намъ умолчашь о новой каршинѣ, привлекающей къ себѣ взоры и сердца всѣхъ истинныхъ Россіянъ: ибо въ ней находимъ мы изображеніе Монарха, Коимъ Россія гордится и славится, и Ангела Кроткости, раздѣляющаго съ Нимъ заботы Государственныя, благотворенія, изливаемыя Имъ на своихъ вѣрноподданныхъ, и любовь народную. Сердце Руское здѣсь уже именуешъ Императрицу Александру.

Любители Изящныхъ Искусствъ конечно съ живѣйшимъ удовольствіемъ узнаютъ, что картина, заказанная Государемъ Императоромъ въ 1824 году Г. Кригеру, Живописцу Двора Его Величества Короля Прусскаго, съ нѣкотораго времени находится въ здѣшней столицѣ, и дней за десять предъ симъ поставлена въ концертной залѣ Зимняго Дворца Его Императорскаго Величества.

Картина сія, вышиною около 9 футовъ и шириною въ 12, изображаетъ *большой парадъ, бывшій въ Берлинѣ* на Дворцовой площади, 22 Сентября 1824 года. Моментъ, взятый Живописцемъ, есть тотъ, когда Его Величество Государь Императоръ Николай Павловичъ, бывшій тогда Великимъ Княземъ и командовавшій на сей разъ шестымъ Кирасирскимъ полкомъ, коего Онъ Шефъ, ведетъ сей полкъ церемоніяльнымъ маршемъ мимо Августѣйшаго Своего Тестя, являющагося на третьемъ планѣ и дѣлающаго воинское привѣтствіе. Подлѣ Его Величества Короля находятся Герцогъ Кумберландскій и Принцы Королевско-Прусскаго Дома; многочисленная и великолѣпная свита окружаетъ сихъ Царственныхъ Особъ.

Государь Императоръ, въ кирасирскомъ мундирѣ и съ лентою Ордена Чернаго Орла, виднъ только въ профиль въ ту минуту, когда полкъ идетъ мимо Его Величества Короля Прусскаго.

Изъ одного окна зданія, оканчивающагося съ лѣвой стороны картины, Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна изволитъ смотрѣть на парадъ, вмѣстѣ съ Ея Высочествомъ Принцессою Елисаветой, Супругою Наслѣднаго Принца Прусскаго. Прочія окна заняты особами высшаго званія, въ числѣ коихъ находится Ея Королевское Высочество Принцесса Луиза Прусская, нынѣ въ супружествѣ за Принцемъ Вильгельмомъ Фридрихомъ Карломъ Нидерландскимъ.

Если Художникъ умѣлъ соблюсти сходство въ лицахъ Особъ, находящихся на сихъ отдаленныхъ планахъ картины, такимъ образомъ, что каждую изъ сихъ Особъ можно узнать, не взирая на относительное разстояніе, въ коемъ онѣ находятся отъ зрителя; то что скажемъ о группахъ перваго плана, гдѣ Живописецъ, кажется, изтощилъ все чародѣйство своего прекраснаго таланта, гдѣ чудное сходство разныхъ лицъ, имъ помѣщенныхъ, естественность положеній, окончательная отдѣлка подробностей, доведены имъ до высшей степени совершенства?

Среди группы офицеровъ разныхъ кавалерійскихъ полковъ, мы замѣтили гусарскаго Полковника, на прекраснѣйшемъ бѣломъ конѣ; а возлѣ него: Гумбольдта, Мееръ-Бера и Спонтини; далѣе, слѣдуя по направленію къ правой рукѣ, узнали мы Шадова, Рауха, Шинкеля и нѣкоторыхъ изъ отличнѣйшихъ Артистовъ Берлинскаго Театра; въ самомъ же концѣ картины, Генріетту Зонтагъ, стоящую въ колескѣ, и подлѣ нея Паганини, коего выразительное лице представляетъ рѣзкую противоположность съ кроткимъ, пріятнымъ лицемъ милой пѣвицы. Живописецъ и жена его находятся также въ числѣ зрителей: Г. Кригеръ верхомъ на темночалой лошади; а Г-жа Кригеръ, видимая изъза другимъ только съ головы по плеча, можетъ быть отличена по фіолетовой шляпкѣ.

Мы было и позабыли обратить вниманіе нашихъ читателей на одну фигуру перваго плана: видъ ея срываетъ невольную улыбку. Это нѣкто Г-нъ Варникъ, парикмахеръ Берлинскаго Театра. Лице сіе, носящее на себѣ печать оригинальности, отличается какою-то смѣсью простодушія съ истинно-комическимъ; и все сіе передано на полотнѣ съ необыкновеннымъ талантомъ Художника-наблюдателя.

Долго и трудно было бы исчислять всѣ портреты, представленные Художникомъ; посему мы ограничиваемся указаніемъ на главнѣйшіе, ибо всѣхъ ихъ до 88. Положенный подлѣ картины рисунокъ, содержащій въ себѣ сіи самые портреты въ очеркахъ, съ нумерами и объясненіемъ лицъ, можетъ вполнѣ удовлетворить любопытство зрителей.

Въ сей превосходной, богатой картинѣ *Парада*, Г. Кригеръ явилъ всеобъемлемость своей кисти. Лошади написаны имъ съ удивительнымъ искусствомъ. Какое разнообразіе породъ, рубашекъ и поступи! какая прелесть въ многоразличныхъ движеніяхъ сего благороднаго животнаго! Замѣчательны также три собаки, находящіяся на переднемъ планѣ картины: Снейдерсъ и Веенинксъ не написали бы ихъ съ большимъ правдоподобіемъ и не отдѣлали бы окончательнѣе. Архитектурная часть картины также выполнена съ отличнымъ вкусомъ. Зданія Оперы, Университета, Публичной Библіотеки и Королевской кор-де-гардіи, украшающія Дворцовую площадь въ Берлинѣ, списаны съ большою вѣрностію и глубокимъ знаніемъ линейной перспективы; въ мѣстностяхъ также соблюдена истина и постепенность въ тонѣ красокъ, до самыхъ отдаленныхъ плановъ. Если смотрѣть на сію огромную картину въ нѣкоторомъ разстояніи, то она представляетъ собою нѣчто цѣлое, полное и гармоническое, въ которомъ красоша подробностей столь счастливо согласована, что не только не нарушаетъ единства, но по истинѣ придаетъ ему новую цѣну. Кажется, слышишь шумъ, говоръ многолюднаго собранія! Всѣ сіи фигуры полны жизни и движенія; онѣ ходятъ, волнуются толпами по всѣмъ направленіямъ и теряются вдали подъ линіями, въ облакахъ пыли, поднявшейся отъ тяжелой скачки полка кирасировъ.

Порадуемся тому, что сіе образцовое произведеніе

теперь у насъ, въ Россіи: оно можетъ для молодыхъ нашихъ Художниковъ содѣлаться обильнымъ источникомъ изученія; но присовокупимъ, что Живописецъ, создавшій сіе произведеніе, почерпалъ изъ источника самаго надежнаго: истины. Здѣсь онъ тщательно подражалъ природѣ и, такъ сказать, передавалъ ее, какова она есть, безо всякой затѣйливости. Онъ только облагораживалъ ее искусною, пріятною своею кистью, ни сколько не нарушая самой истины.

Если бы намъ позволено было предугадать будущую судьбу картины Г-на Кригера, мы предсказали бы, что чрезъ нѣсколько столѣтій картина сія по праву займетъ мѣсто подлѣ произведеній лучшихъ мастеровъ Фламандской школы, ежели сіи произведенія уцѣлѣютъ, и можетъ быть, замѣнитъ славную картину Теньера: *Строй Антверпенскихъ стрѣлковъ* (arquebusiers d'Anvers), находящуюся нынѣ въ Мальмезонской галлереѣ Эрмитажа, и сохранившую намъ въ себѣ лица весьма многихъ Художниковъ, современныхъ Теньеру.

Его Величество Государь Императоръ, повелѣвъ выдать Г-ну Кригеру просимую имъ цѣну 10,000 талеровъ за сію картину, вмѣстѣ съ симъ изволилъ пожаловать его Кавалеромъ Ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4 степени, въ знакъ Высочайшаго Своего благоволенія къ отличному таланту сего Художника.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Поѣздка въ Германію. Романъ въ письмахъ, изданный Николаемъ Гречемъ. 2 ч — С. П. б., въ типогр. Издателя, 1831 года. (Въ I-й ч. IV — 240, во II-й ч. 272 стр. въ 8-ю д. л. (*)

На нѣкоторыхъ читателей трудно угодить: сперва жаловались они на недостатокъ у насъ *оригинальныхъ*, т. е. Рускихъ романовъ; теперь жалуются на то, что ихъ начало много появляться. Правда, въ числѣ романовъ и повѣстей, въ послѣдніе годы показавшихся въ обѣихъ столицахъ, много было весьма тусклыхъ метеоровъ; но были также явленія утѣшительныя, совершенно удовлетворившія ожиданіе публики и вкусъ читателей самыхъ взыскательныхъ. *Юрій Милославскій* заставилъ нетерпѣливо ожидать *Рославлева, или Рускихъ въ* 1812-мъ *году*; первый томъ *Монастырки* внушаетъ еще донынѣ частыя и громкія жалобы на непоявленіе втораго: стало, хорошее всегда будетъ у насъ въ чести, а худое хорошему не помѣха: оно промелькнетъ, иногда пашумитъ — и изчезнетъ.

Въ нынѣшнемъ году появились два замѣчательные Рускіе романа: *Киргизъ Кайсакъ* (*), соч. Г. Ушакова, и *Поѣздка въ Германію*, соч. Г. Греча. Заглавіе сего послѣдняго заставляетъ думать, что произшествіе, въ немъ описываемое, случилось во время странствованія главнаго дѣйствующаго лица по Германіи; но поѣздка была только поводомъ къ развязкѣ, а въ романѣ описаны приключенія, коихъ театромъ былъ Петербургъ, и, по большей части, Васильевскій островъ. Вотъ содержаніе сего романа:

Молодой чиновникъ какого-то Департамента, Мстиславцевъ, влюбился въ прекрасную Нѣмку, Луизу, дочь учителя Миллера, живущаго на Васильевскомъ острову. Луиза также неравнодушна къ Мстиславцеву; она воспитывалась въ Москвѣ, у одной богатой Княгини, и потому любитъ Рускихъ и Рускій языкъ. Родители Луизы, люди недостаточные, хотятъ ее выдать за богатаго купца, Кибица; и Луиза, скрѣпя сердце, готова пожертвовать собою предполагаемому счастію своего семейства. Мстиславцевъ, узнавъ объ этомъ, съ отчаянія принимаетъ предложеніе своего начальства: ѣхать за границу въ числѣ чиновниковъ, назначавшихся тогда для исправленія разныхъ должностей въ мѣстахъ, занятыхъ Россійскими войсками (это было въ 1815 году). Съ дороги, Мстиславцевъ пишетъ письма къ другу своему, Левадину, въ Рязань; разсказываетъ ему въ сей перепискѣ повѣсть любви своей, или лучше сказать, всю исторію своей жизни, присовокупляя къ тому свои путевыя приключенія въ разныхъ городахъ Нѣмецкихъ. Въ Страсбургѣ, напр., удалось ему спасти отъ смерти одного Нѣмца, единственно за то, что онъ назывался Миллеромъ, слѣдовательно былъ однофамильцемъ Луизина отца. Наконецъ, послѣ разныхъ неважныхъ произшествій, Мстиславцевъ возвращается въ Петербургъ, находитъ, что Луиза еще не замужемъ: новый Эней, женихъ ея, Кибицъ, бѣжалъ отъ Нѣмецкой своей Дидоны. Казалось бы, для Мстиславцева не было уже препятствія жениться на Луизѣ; но нѣтъ! оставалось самое важнѣйшее: старый Миллеръ хотѣлъ выдать дочь свою только за Нѣмца, и непремѣнно за человѣка одного съ нимъ ис-

(*) Продается въ типографіи Сп. Совѣтника Н. И. Греча, на Исакіевской площади, въ домѣ Бреммера, No 180. Цѣна за обѣ части, на велен. бумагѣ въ оберткѣ, 10-руб., съ пересылк. въ другіе города 12 руб.

(*) *Киргизъ-Кайсакъ* отпечатанъ въ Москвѣ въ концѣ минувшаго года; но здѣсь, въ Петербургѣ, мы увидѣли его уже въ нынѣшнемъ году. Библіографическая статья о немъ помѣщена въ 5-мъ No Лит. Газеты.

повѣданія, за Лютеранина. Такое упрямство конечно странно въ чадолюбивомъ отцѣ, и еще болѣе въ человѣкѣ умномъ и разсудительномъ, живущемъ на чужбинѣ, между Рускими, въ XIX столѣтіи; но не будь этой странности, не было бъ и завязки въ романѣ: Мстиславцевъ, занимавшій хорошее мѣсто въ Департаментѣ своемъ, любимый въ семействѣ Миллеровомъ, оказавшій оному разныя услуги, конечно бы съ перваго предложенія женился на Луизѣ, и конецъ дѣлу! Къ счастію для Романиста, и на бѣду Мстиславцева, старый Миллеръ былъ непреклоненъ. Однако жь и онъ отступился отъ своего упрямства, когда оказалось, что спасенный Мстиславцевымъ отъ смерти Миллеръ, былъ братъ его, родной дядя Луизы. Словомъ, Мстиславцевъ поставилъ на своемъ: женился на Луизѣ. Правда, старикъ отецъ ея, давая свое согласіе, проговорился не очень лестно для будущаго своего зятя, и для всѣхъ насъ, Рускихъ Греко-Россійскаго исповѣданія: »Хошь бы онъ былъ Ташаринъ, онъ заслужилъ »Лунзу! Онъ спасъ моего брата, онъ человѣкъ благо»родный!«

Изъ сего изложенія легко можно видѣть, что завязка Романа очень проста, и даже отчасти скудна; но Авторъ старался оживить и разнообразить ее, представивъ картину жизни Нѣмецкихъ поселенцевъ Васильевскаго острова. Многія черты схвачены вѣрно и живо, напр. похороны Аптекаря Штокмана, обрядъ крещенія капусты въ домѣ Миллера, балъ у богатаго Кибица и пр. и пр. Домашняя жизнь Миллерова семейства, изображенная въ патріархальныхъ правахъ какого нибудь Германскаго Städtchen, Нѣмецко-Рускія поговорки Луизиной матери, Марьи Ивановны, сентиментальная и жеманная, перезрѣлая дѣва Матрена Христіановна Шминъ, перекрещенная такимъ образомъ изъ Матильды; усердная снарядительница похоронъ и другихъ домашнихъ торжествъ, Анна Ивановна, выкраивающая домино изъ траурнаго шарфа: всѣ сіи картины и портреты отличаются правдою; каждый житель Петербурга ихъ или видалъ, или встрѣчалъ. Прибавимъ: что сіи-то придаточныя украшенія (accessoires) составляютъ главное достоинство романа: *Поѣздка въ Германію.*

Что сказать о характерахъ дѣйствующихъ лицъ сего романа? что сказать о главномъ изъ нихъ, Мстиславцовѣ? Онъ самъ высказываетъ себя въ письмахъ своихъ; но признаемся, изъ противорѣчій, поминутно въ немъ встрѣчающихся, мы не рѣшаемся вывести никакого положительнаго слѣдствія. Онъ добръ и прямодушенъ, это видно; по тону его писемъ замѣтно также, что онъ человѣкъ степенный и разсудительный; но зачѣмъ же, холодно разсказывая о любви своей, какъ будто о любви какого нибудь посторонняго человѣка, вставляетъ онъ нѣжныя выходки такъ равнодушно, такъ прѣсно? зачѣмъ почти каждое письмо свое заключаетъ онъ чувствительными возгласами такъ вяло, какъ будто бы зѣвая и потягиваясь на сонъ грядущій? Зачѣмъ неволитъ онъ себя выказывать чувство, которое, можетъ быть, глубоко таится въ душѣ его, но весьма слабо выливается на бумагу? Досадуешь на этого прямодушнаго человѣка, невольно думая, что онъ сею притворною чувствительностію или обманываетъ друга своего Левадина, или старается обмануть самого себя. Досадуешь на него еще и за то, что онъ, будучи человѣкомъ благовоспитаннымъ, подъ часъ позволяетъ себѣ такія шутки и колкости, которыя плоски и обидны, но не остроумны и даже неприличны въ устахъ человѣка, не желающаго прослыть острякомъ дурнаго тона. Покрайней мѣрѣ, онъ бы не долженъ былъ говорить о своихъ дядѣ и теткѣ съ ихъ домочадцами въ такихъ выраженіяхъ, каковы слѣдующія: „И весь э„тотъ звѣринецъ остановился у меня (Ч. I. стр. 81); „Тетушка переваливается съ боку на бокъ, какъ утица злашокрылая; (стр. 84) „Забавно, думалъ я, сидѣть въ одной клѣткѣ съ такими курьозами (т. е. въ одной ложѣ съ дядей и теткой (стр. 87)!„ — Онъ бы не долженъ былъ спорить насмѣшливо съ доброю Марьей Ивановной Миллеръ, въ домѣ которой былъ принятъ такъ ласково, объ искусствѣ ея родственника, живописца Пергеліуса; (ч. II, стр. 11—12) изъ уваженія къ женскому полу, изъ уваженія даже къ милой своей Луизѣ, онъ бы не долженъ былъ выражаться о женщинахъ такъ грубо: „Вотъ увѣсистыя, жилистыя „*лапы* чувствительной Матильды: пальцы толстые, „коротшіе, какъ *гречневики*; на каждой рукѣ по одному „уродливому ногтю. Вотъ и длинные когти ея сосѣд„ки, сущія грабли (стр. 16—17)!„ Или утверждать, будто бы Рускія барышни одного класса съ его Луизой „сидятъ какъ *ступы* въ своемъ кругу, не смѣютъ „поднять глазъ, и безмолвствуютъ, зная, что онѣ *то„варъ*, который ждетъ *купца*. Недостаетъ только на „шеѣ ярлычка съ надписью: десять тысячъ наличными и „на столько же приданаго (стр. 31)!“ Это и грубо и несправедливо: дѣвицы Рускія, рожденныя въ одномъ званіи съ романическою Луизой, особливо въ Петербургѣ, по большей части воспитываются очень хорошо, и бываютъ любезны, ловки и развязны.

Съ нѣкотораго времени, образованные молодые люди въ нашихъ комедіяхъ, повѣстяхъ и романахъ отличаются рѣзкимъ тономъ, ѣдкостью въ рѣчахъ и какою-то дикою странностью въ обращеніи. Есть ли это характеръ вѣка, современная наклонность нашей молодежи, подмѣченная наблюдательными взорами Писателей? — Нимало; въ современномъ обществѣ сего не замѣчается. Откуда же взялись подобныя дѣйствующія лица? Они просто болѣе или менѣе сколки Чацка-

го (*). Но Чацкій лице своеобразное; въ немъ выразился характеръ единственный, можетъ быть неподдѣльный, но за то и недоступный подражанію. Сильное, даже буйное негодованіе Чацкаго, изливающееся въ колкихъ насмѣшкахъ и въ рѣзкихъ пересудахъ огорченнаго самолюбія народнаго, есть конечно странность, но странность высокаго лица драматическаго. Другіе герои, сняты по его мѣркѣ, не бывъ запечатлѣны равною силой характера, являются или жалкими кривляками, или жеманными, принужденными зубоскалами, кои изъ подражанія хотятъ прослыть свѣтскими умниками. Отъ сего недостатка, кажется, не вовсе изъятъ и Дмитрій Сергѣевичъ Мстиславцевъ.

Луиза совокупляетъ въ себѣ всѣхъ милыхъ *Анхенъ*, *Юльхенъ и Лотхенъ*, съ любезностью дѣвицы, воспитанной въ знатномъ домѣ и привыкшей жить въ хорошемъ кругу. Мы извиняемъ въ ней небольшое пристрастіе къ Французскому языку и желаніе отличаться танцами, блистать на балахъ: это свойственно ея лѣтамъ и ея полу; но похваляемъ ее за привязанность къ Рускому ея отечеству, къ Рускому языку и Литературѣ, и благодаримъ за это память почтенной Княгини Войтовой, давшей Луизѣ такое Руское воспитаніе, хотя и не одобряемъ въ этой богатой Княгинѣ намѣренія, укрѣпить за своею воспитанницею, дочерью Нѣмецкаго учителя, триста душъ крестьянъ. Иное дѣло, наградить небогатую дѣвушку деньгами, домомъ и другими подобными пожитками; это не нарушаетъ общественнаго порядка; но укрѣплять Рускихъ крестьянъ за иноземцами и разночинцами, не позволительно. Посему мы не можемъ утаить нашей радости, что неожиданная смерть не допустила добрую Княгиню сдѣлать противозаконное дѣло, къ обидѣ законныхъ ея наслѣдниковъ. — Мстиславцевъ увѣряетъ въ письмахъ своихъ, что Луиза совершенная красавица: въ этомъ мы охотно ему вѣримъ; не понимаемъ только его предубѣжденія въ пользу Нѣмецкихъ ножекъ. Повѣрка собственными глазами, и здѣсь и въ Германіи, убѣждаетъ насъ въ той истинѣ, что любовь (даже и въ степенномъ человѣкѣ, каковъ Г. Мстиславцевъ) обыкновенно бываетъ пристрастна и на все смотритъ въ уменьшительное стеклышко.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

(*) Извѣстное дѣйствующее лице въ комедіи Грибоѣдова: *Горе отъ ума.*

Краткое извлеченіе изъ Исторіи Государства Россійскаго, для юношества. — С. П. б. въ типогр. И. Байкова, 1830 (29 стр. въ 8-ю д. л.)

Это просто хронологическая таблица Государей, царствовавшихъ въ Россіи. Таблица сія составлена, кажется, наскоро; при именахъ нѣкоторыхъ Монарховъ поставлены историческія отмѣтки о событіяхъ, ознаменовавшихъ ихъ Царствованіе, и сіи отмѣтки выбраны безъ дальняго вниманія; прочія имена (Царей: Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Михаила Ѳеодоровича, Ѳеодора Алексѣевича, Императрицы Елисаветы Петровны и Императора Павла I) поставлены просто, безъ всякихъ отмѣтокъ, кромѣ лѣтъ Царствованія. Сомнѣваемся, чтобы сія книжечка могла принести какую-либо пользу юношеству, для котораго Издатель ее предназначилъ.

СМѢСЬ.

На сихъ дняхъ выгравированная и отпечатанная *Карта Царства Польскаго, пріобрѣтеннаго къ Россійской Имперіи въ* 1815 *году*, продается въ книжныхъ лавкахъ Коммиссіонера Императорской публичной Библіотеки Андрея Васильева Глазунова, *въ Москвѣ*, на Никольской улицѣ, противъ Казанскаго Собора, на углу подъ No 1 и 2-мъ; а *въ С. Петербургѣ* противъ Гостинаго двора, въ домѣ Г. М. Балабина, въ лавкѣ подъ No 25, у управляющаго лавкою Ивана Лисенкова. Цѣна сей картѣ 3 р., съ пересылкою въ другіе города 5 руб.

Молва возвѣщаетъ о появленіи запоздалыхъ книжекъ *Московскаго Телеграфа*, какъ о рѣдкихъ и необычайныхъ явленіяхъ въ природѣ, напр. о паденіи тяжелыхъ аэролитовъ и т. п.: «Сего 1831 года, Февраля 11 дня, «въ 9 часовъ утра, вышелъ 20 No *Московскаго Теле*«*графа* за Октябрь мѣсяцъ 1830 года.»

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 6-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. **ТОМЪ III, № 13.** МАРТА 2го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Понедѣльникъ), — 7-го (въ Субботу), — 12-го (въ Четвертокъ), — 17-го (во Вторникъ), — 22-го (въ Воскресенье) и 27-го (въ Пятницу).

ПРЕДВѢСТІЕ.

Повѣсть.

(*Соч. С. Валтера Скотта.*)

Первая Эпоха.

Глава I.

Замокъ Бромеджь, 10-го Іюня.

Лѣтъ десять тому назадъ, около сотни писемъ было послано Сиръ Джорджу Шильбруку К. К. Б., по случаю одного произшествія, коего сочинитель сихъ писемъ, Валтеръ Скоттъ, былъ свидѣтелемъ. Оныя были отданы въ руки одного Эдинбургскаго книгопродавца для напечатанія; но сіе намѣреніе не могло быть выполнено потому, что память главнаго событія, въ нихъ изображеннаго, была еще свѣжа въ Англіи. Нынѣ, когда первыхъ дѣйствующихъ лицъ сей драмы нѣтъ уже на свѣтѣ, не представляется и затрудненій къ напечатанію. Передаемъ читателямъ слѣдующій разсказъ. Онъ раздѣленъ на четыре Эпохи, и болѣе извлеченъ, нежели составленъ изъ сей занимательной переписки.

.... Самое дѣтство мое было безъ радостей, и тайна покрываетъ завѣсой первыя мои воспоминанія. Порою, когда я возвращаюсь въ минувшее, темныя и чудныя видѣнія повергаютъ меня въ сомнѣніе; и тогда я не могу дознаться, нахожусь ли подъ властью событій существенныхъ, или только туманныхъ подобій, изъ коихъ составляются сны.

Видъ богатаго, пышнаго дома и толпы слугъ заставляетъ меня думать, будто бы я и теперь, какъ въ то время, еще дитя, играющее апельсиномъ на коврѣ въ великолѣпной комнатѣ.... Дикій вопль еще донынѣ пугаетъ меня; и какъ меня взяли оттуда и понесли въ другое мѣсто, я вижу человѣка, плавающаго въ крови своей на ступеняхъ широкой лѣстницы, и прекрасную женщину съ поднятыми къ небу руками.

Межъ тѣмъ какъ я борюсь съ удушливыми припадками этого давленія во снѣ, сущность моего сновидѣнія измѣняется: рядъ домовъ и деревъ быстро пробѣгаетъ мимо дверецъ кареты, въ которой я сижу подлѣ незнакомой женщины, утопающей въ слезахъ и ласкающей меня.

Мы подъѣзжаемъ къ воротамъ какого-то стариннаго зданія, какого-то замка временъ древнихъ.... Чувствую, что меня взяли изъ кареты отъ моей спутницы, меня прижимаетъ нѣжно къ груди своей почтенная женщина, плачущая въ сумрачномъ полусвѣтѣ комнаты, украшенной портретами воиновъ... Здѣсь слѣдуетъ перерывъ въ моихъ воспоминаніяхъ... Потомъ та же самая женщина лежитъ на кровати, блѣдная, въ тоскѣ... а молодыя дѣвушки тихо говорятъ и осторожно ходятъ вокругъ нея....

Она положила мнѣ на голову свою больную, жаркую руку; я вырвался изъ этой руки, прижимавшей меня, и оттолкнулъ ее, но со страхомъ и почтеніемъ; ибо она молча меня благословляла. Слезы льются у меня и теперь еще каждый разъ, когда я вспомню ея глаза, полные горести, и ея руку жаркую и больную.

Я не видалъ съ тѣхъ поръ никогда этой почтенной женщины. Спустя нѣсколько дней, меня привели за руку въ ту комнату, гдѣ лежа и страдая, она ласкала меня такъ нѣжно. Все перемѣнилось: на кровати лежали покрытыя формы чего-то таинственнаго, коихъ видъ наполнилъ страхомъ дѣтскій мой умъ. Бѣдная дѣвушка, приведшая меня, взглянувъ на кровать, горько зарыдала; я также заплакалъ, но не зналъ, о чемъ, и ушелъ оттуда въ уныніи и въ какомъ-то безвѣстномъ ужасѣ.

Глава II.

На другой день, по окончаніи похоронъ, та же самая женщина посадила меня въ новую карету, поскакавшую въ отдаленный край тамошней страны и привезшую меня въ уединенный домъ, гдѣ проводница моя поручи-

ла меня въ надзоръ пожилой женщинѣ вида кроткаго и спокойнаго.

Домъ стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ, надъ небольшимъ заливомъ, на берегу котораго нѣсколько рыбачьихъ хижинъ представляли собою разметанную деревушку. Съ восточной стороны былъ тамъ бугристый мысъ, коего высокія скалы выдавались въ Океанъ.

Протекла недѣля моего пребыванія въ этомъ уединенномъ домѣ. Г-жа Ормондъ, въ одинъ вечеръ, взяла меня за руку и повела на песчаный скатъ берега. Волны тихо разсыпались по песку, однообразныя, словно колыбельная пѣсня няни. Воздухъ былъ спокоенъ; морскія птицы, летавшія между мною и черными безднами, сверкали, какъ серебряныя звѣздочки. Вдали на морѣ стоялъ корабль; рыбаки, плававшіе къ нему, возвращались на берегъ: молодому воображенію моему казалось, что отдаленные удары ихъ веселъ, бившихъ по гладкому Океану, разбивали какую-то стеклянную поверхность.

На одной скалѣ сидѣлъ человѣкъ; онъ поднялся въ тотъ мигъ, когда мы нечаянно подошли къ нему, и убѣжалъ опрометью. Что-то въ его наружности привлекло мое вниманіе; я слѣдовалъ за нимъ глазами до тѣхъ поръ, пока онъ изчезъ.

За нѣсколько предъ тѣмъ времени, сей человѣкъ поселился въ маленькой хижинѣ, построенной въ ущельи скалъ; никто не могъ сказать, когда онъ туда прибылъ: все, что знали о немъ, терялось въ подробностяхъ разсказа одного самовольнаго стрѣлка, который увѣрялъ, будто бы видѣлъ черную лодку, прорѣзавшуюся чрезъ кругъ мѣсяца, когда сіе свѣтило всплывало изъ Океана, и понесшуюся къ кораблю, стоявшему подъ парусами. Одинокій человѣкъ сошелъ тогда съ корабля.—На другой день рано поутру, тотъ, котораго протнало наше приближеніе, просилъ себѣ пищи у дверей одной хижины, и найдя въ ней жилицей только бѣдную вдову рыбака, уговорилъ ее принять его къ себѣ поселяцемъ и дѣлить съ нимъ жизнь отчужденную отъ людей и одинокую.

Нѣсколько времени рыбаки, движимые любопытствомъ, искали съ нимъ встрѣчи и много его разспрашивали, надѣясь вступить съ нимъ въ сношенія; но хотя онъ и отвѣчалъ имъ кротко и учтиво, однако же въ поступкахъ его выказывалась такая скрытность, что рыбаки отступились отъ своего намѣренія.

Глава III.

Много лѣтъ протекло прежде, чѣмъ я увидѣлъ снова Г. Окделя. Я не былъ уже ребенкомъ, коего возрастъ требуетъ безпрерывнаго надзора; я былъ безпечнымъ мальчикомъ, которому позволялось свободно бѣгать одному по горамъ и по берегу моря.

Въ одинъ вечеръ, лѣтомъ (можетъ быть, годовая пора была уже и позже, ибо смутное сличеніе обстоятельствъ, напоминающихъ осень: пожелтѣвшія поля, покрытыя плесенью заводи, кружащіеся и оборванные листья деревъ, примѣшиваются къ моимъ воспоминаніямъ), я возвращался домой, мимо утесовъ, на которыхъ какъ бы висѣла хижина Г-на Окделя. Вѣперокъ передъ закатомъ солнца дулъ съ моря, и легкій туманъ въ воздухѣ покрывалъ бѣлизною синеву неба. Прибой волнъ разсыпался у берега, но безъ шума, безъ рева, и трепетанье камышей и листьевъ отзывалось болѣе жизнью, чѣмъ унылостью.

Надъ хижиной пролегала ближняя тропинка, ведшая по гребню скалъ къ селенію; я пошелъ по ней, и едва прошелъ шаговъ сто, какъ тотъ же человѣкъ, сидѣвшій опершись подбородкомъ на руку, представился глазамъ моимъ. Я узналъ его съ перваго взгляда: такъ черты его лица живо впечатлѣлись въ умѣ моемъ; и я почувствовалъ что-то, какъ будто бы я зналъ его въ иное время, въ прежнюю жизнь. Я разсматривалъ его нѣсколько времени и хотѣлъ потомъ воротиться назадъ; но онъ меня услышалъ, и не покидая задумчиваго положенія, въ которомъ находился, подалъ мнѣ знакъ и просилъ меня подойти къ нему столь ободрительнымъ голосомъ, что во мнѣ пробудилось скорое и полное довѣріе къ нему и я поспѣшно выполнилъ его желаніе.

Сначала онъ весело разговаривалъ со мной; но вдругъ взглянулъ на меня взоромъ страшнымъ и дикимъ; послѣ того, отобравъ по сторонамъ своими руками кудри, нависшіе на мое чело, онъ разсматривалъ черты моего лица съ любопытствомъ, напугавшимъ меня, и вдругъ онъ зарыдалъ.

Когда припадокъ сей непостижимой горести прошелъ, тогда незнакомецъ старался снова вкрасться ко мнѣ въ довѣренность тѣми знаками необыкновенной вѣжливости, кои скоро разсѣваютъ опасенія и тотчасъ укрощаютъ тоску въ юномъ сердцѣ. Но все еще слѣды печали и страстей оставались на его лицѣ, и по временамъ онъ чувствовалъ внезапные приливы нѣмой горести. Сердце его было стѣснено; и все еще слезы текли у него изъ глазъ, хотя и не съ такою силой, какъ прежде.

Онъ освѣдомился о моемъ имени; ему было оно неизвѣстно. Онъ разспрашивалъ меня о весьма многомъ, чего я вовсе не зналъ. Неразъ онъ приводилъ меня въ трепетъ и поселялъ во мнѣ желаніе удалиться; но онъ насильно меня удерживалъ. Однако, не смотря на сіи странные, неизъяснимые поступки, въ немъ было много кротости и доброты; и мнѣ легко было видѣть, что сердце его питало ко мнѣ зародышъ чувства жалости, любви и сострадания.

Глава IV.

Я долго пробылъ съ нимъ; и когда уже маякъ и вечерняя звѣзда смѣшали яркіе лучи свои на поверхности водъ, я вздумалъ о томъ, что пора возвратиться домой.

Онъ проводилъ меня до самыхъ воротъ рѣшетки, гдѣ стояла Г-жа Ормондъ въ сильномъ безпокойствѣ о моей отлучкѣ, и смотрѣла, не идетъ ли кто изъ служителей, разосланныхъ искать меня.

Старушка, увидя насъ, подошла къ намъ скорыми шагами, и обнявъ меня съ чувствомъ, бранила за то, что я до такой поздней поры не приходилъ домой. Я держалъ въ эту минуту Г. Окделя за руку, и почувствовалъ, что онъ хотѣлъ меня покинуть при первомъ звукѣ этого голоса. Онъ и точно вырвалъ свою руку изъ моей и пошелъ отъ насъ.

Удивясь этой странности, Г-жа Ормондъ выпустила меня изъ объятій и спросила, кто таковъ сей незнакомецъ? Прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣчать, онъ возвратился къ намъ, и взявъ ее за руку, силился удалить ее отъ меня.

Она спросила, зачѣмъ онъ такъ грубо съ нею поступалъ? Онъ сказалъ ей что-то потихоньку, такъ что я не слышалъ; но она поражена была удивленіемъ, долго стояла, какъ вкопанная, и когда пришла въ себя и собралась съ мыслями, то не отвѣчая, увела меня съ собой и заперла калитку.

Когда мы всходили по лѣстницѣ главнаго подъѣзда, я оглянулся назадъ и увидѣлъ Г. Окделя, неподвижно стоявшаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ меня оставилъ. Г-жа Ормондъ то же оглянулась, и сказала такимъ голосомъ, котораго отголоски моей памяти никогда не переставали повторять: „Гнусный человѣкъ!» и вталкивъ меня передъ собою въ комнату, она упала въ кресла, обезсилѣвъ отъ душевнаго волненія и горести.

Когда служители возвратились, она спрашивала, не стоялъ ли еще у воротъ человѣкъ, проводившій меня домой? Но никто его не видалъ. Тогда она начала меня разспрашивать о немъ.

Хотя я высказалъ ей все, что зналъ, т. е. что это былъ тотъ самый человѣкъ, котораго мы когда-то видѣли одиноко сидѣвшаго на скалѣ; но сія увѣренность, повидимому, нисколько ее не успокоила. Порой она восклицала отъ удивленія тому, что онъ такъ долго и такъ совершенно былъ невѣдомъ.

Бывъ молодъ и неспособенъ проникнуть въ тайну, меня окружавшую, я могъ однако постигнуть и понять, что мнѣ предназначено было какое-то сочувствіе съ судьбой сего человѣка, одинокаго и несчастнаго.

Глава V.

На другой день, кто-то изъ служителей узналъ отъ рыбаковъ, что незнакомецъ (такъ называли они Г. Окделя) покинулъ хижину вдовы, и отправился не завѣдомо никому, оставя вдовѣ столько денегъ, что она могла прожить богато во весь остатокъ своей жизни.

Эти новости при мнѣ были разсказаны Г-жѣ Ормондъ: онѣ не утишили безпокойства, причиненнаго ей происшествіями минувшаго вечера. Нѣсколько минутъ провела она въ молчаніи и задумчивости. Я помню, какъ будто это случилось только вчера, что пока я былъ у нея, устремя на нее взоры, но думая объ незнакомцѣ,—она встала, отперла бюро и начала писать письмо. Я замѣтилъ, что писавъ, она вздыхала и часто утирала себѣ глаза. Когда же кончила, то отправила человѣка верхомъ, и онъ возвратился съ Бирмингемской почтовою коляской. Въ ту же минуту, началось большое движеніе по всему дому: слуги бѣгали взадъ и впередъ. Съ меня сняли мое вседневное платье и нарядили меня въ праздничное.

Г-жа Ормондъ посадила меня въ почтовую коляску и сама сѣла подлѣ меня. Я восхищался напередъ мыслью о путешествіи; посему, какъ скоро коляска тронулась съ мѣста, я только тѣмъ и занимался, что смотрѣлъ на предметы, мимо которыхъ мы проѣзжали. Они напоминали мнѣ первую мою поѣздку, и весьма ясно привели мнѣ на умъ всѣ опразднившіяся въ немъ обстоятельства сей поѣздки. Я говорилъ объ этомъ Г-жѣ Ормондъ. Сначала она почти не обратила на сіе вниманія, ибо погружена была въ собственныя думы; но какъ я отъ времени до времени напоминалъ какое-либо новое обстоятельство, то она постепенно вслушивалась въ мои рѣчи съ большимъ участіемъ и любопытствомъ, до того что наконецъ была удивлена и встревожена. Разъ или два она спросила: не житель ли скалы описывалъ мнѣ тѣ случаи, о которыхъ я разсказывалъ ей, и по отрицательномъ моемъ отвѣтѣ, она старалась меня увѣрить, что я видѣлъ ихъ во снѣ. Но ея усилія произвели противное дѣйствіе. Я вопрошалъ мою память и тогда же нашелъ невозможнымъ, чтобы разсказаное мною сначала за сонъ, было точно не иное что-либо, хотя и не въ моей власти было разоблачить мои воспоминанія изъ того смутнаго свойства видѣній, которое всегда носятъ на себѣ воспоминанія дѣтства. Но сіе первое опроверженіе опытъ сообщило имъ всю живость впечатлѣній возобновившихся, и содѣлалось какъ бы откровеніемъ, которое даже и въ шести-лѣтнемъ моемъ возрастѣ дало мнѣ почувствовать, что я претерпѣлъ великое несчастіе, и что, можетъ быть, я былъ наслѣдникомъ преступленія.

Глава VI.

Проѣхавъ около шести миль, мы взъѣхали на одну изъ большихъ дорогъ Королевства, а спустя немного, остановились въ постояломъ домѣ и тутъ перемѣнили лошадей. Вторая наша станція была въ селеніи, че-

резъ которое, кажется, я проѣзжалъ, когда меня везли къ Г-жѣ Ормондъ, чтобы поручить ея надзору: ибо зеленое тисовое дерево, подстриженное въ видѣ льва, весьма хорошо мнѣ напомнило, что я здѣсь уже былъ когда-то. Я обратилъ вниманіе Г-жи Ормондъ на сей предметъ, доказывая имъ, что все сказанное мною было подлиннымъ и существеннымъ, а не мечтательнымъ и воображаемымъ, какъ она хотѣла меня увѣрить.

Она видимо была огорчена тѣмъ, что память моя удержала въ себѣ столь точное впечатлѣніе отъ обстоятельствъ, о которыхъ, какъ надѣялись, малолѣтство мое не сохранитъ никакого воспоминанія. Она съ такою горестью выразилась о печальномъ своемъ убѣжденіи въ противномъ тому, что я почелъ за долгъ молчать и думать во весь остатокъ нашего путешествія.

Снова перемѣнивъ лошадей, мы пустились далѣе, и послѣ полудня, подъѣхали къ большому дому, стоявшему средь великолѣпнаго парка. Но все, окружавшее это жилище, имѣло видъ упадка и запустѣнія. Когда мы вошли въ домъ, Г-жа Ормондъ вскричала, что запахъ сырости похожъ въ немъ былъ на испаренія гробовыя.

Для пріѣзда нашего были сдѣланы кое-какія приготовленія. Старый служитель, изъ числа трехъ или четверыхъ, приставленныхъ смотрѣть за домомъ, ввелъ насъ въ комнату, гдѣ не за долго передъ тѣмъ разведенъ былъ огонь. Спустя немного, подали намъ обѣдъ, во время котораго завязался разговоръ между Г-жею Ормондъ и какою-то старухой: это была ключница, съ которою мы должны были прожить до тѣхъ поръ, пока получимъ изъ Лондона отвѣты на письма, отправленныя туда поутру.

Я обрадовался этому обстоятельству, потому что подъѣзжая къ дому по большой аллеѣ, замѣтилъ я много зайцевъ, бѣгавшихъ по полю, и надѣялся, что мнѣ не запретятъ охотиться. Между тѣмъ какъ Г-жа Ормондъ продолжала свой разговоръ, я оставилъ ее, чтобъ выполнить мое намѣреніе.

Искавъ выхода въ сѣни, я зашелъ въ большую комнату, украшенную зеркалами и разными портретами съ великолѣпіемъ царскимъ. Я хотѣлъ уйти изъ нея, какъ другъ увидѣлъ мраморный столъ, на которомъ стояли Французскіе столовые часы, между двумя вызолоченными Купидончиками; ножки стола были мѣлкой обронной работы, и представляли химерическія формы.

Когда я разсматривалъ сіи пышные уборы съ удивленіемъ и любопытствомъ, нѣчто изъ украшеній стола снова сильно привлекло мое вниманіе: холодный страхъ потрясъ все мое тѣло; я вздрогнулъ, какъ будто бы призракъ минувшаго, требовавшій возобновленія знакомства, стоялъ передо мною.

Дверь, противоположная той, которою я вошелъ, вывела меня на лѣстницу, разписанную подъ мраморъ; я пошелъ къ ней, исполненный почтенія и какого-то невѣдомаго ужаса. Я не могъ долѣе сомнѣваться, чтобъ не былъ когда-то въ этомъ самомъ домѣ, гдѣ въ дѣтствѣ моемъ былъ свидѣтелемъ столькихъ ужасовъ и плача; но все было темно и сбивчиво; многія изъ моихъ воспоминаній изгладились; можно бы сказать, что талисманъ моей памяти разбитъ былъ въ дребезги. Совсѣмъ тѣмъ мнѣ представилось, будто бы я вижу, при помощи Богъ вѣсть какого чувства, пробудившагося во мнѣ въ тотъ мигъ — и эту женщину, съ поднятыми къ небу руками, и того раненаго мужчину, котораго кровь какъ будто бы все еще обагряла мраморныя плиты, на коихъ я стоялъ тогда недвижно.

Глава VII.

Думаю, что мы пробыли въ Бичинделѣ покрайней мѣрѣ съ мѣсяцъ; ибо помню, что я замѣтилъ, лежа въ постелѣ, отраженіе молодой луны, свѣтившей въ противоположное окно. Я просилъ Г-жу Ормондъ, дожидавшуюся по своей привычкѣ, пока я кончу мою молитву, — посмотрѣть, какъ полукругъ луны похожъ былъ на переломленное кольцо.

Почему такое сходство представилось моему воображенію, того не умѣю сказать: но сія мысль такъ сильно поразила Г-жу Ормондъ, что она вскрикнула: »Боже! спаси отъ бѣдъ это странное маленькое твореніе!« И нагнувшись ко мнѣ, она поцѣловала меня въ лобъ, и я почувствовалъ слезу, канувшую мнѣ на щеку.

Я сказалъ, что мы пробыли покрайней мѣрѣ съ мѣсяцъ въ замкѣ Бичинделѣ: въ этой мысли меня убѣждаетъ воспоминаніе о постепенномъ возрастаніи мѣсяца до полнолунія, со дня нашего пріѣзда въ замокъ, и о тѣняхъ, отбрасываемыхъ колебавшимися отъ вѣтра деревьями по лугу, и струившихся, какъ черныя воды въ большой лужѣ. Часто я тогда стоялъ передъ окномъ и смотрѣлъ на серебристыхъ оленей, которыхъ высокіе рога блистали при лунномъ свѣтѣ, и на слѣдъ, оставляемый ихъ ногами на росистой травѣ и подобный бороздѣ плывущаго корабля.

Въ тотъ вечеръ, когда Докторъ Босвиль пріѣхалъ за мною, чтобъ отвезти меня въ свое училище, опять новая луна сіяла. Прежде всѣхъ замѣтилъ ее сторожъ замка, стоявшій со мною на ступеняхъ главнаго подъѣзда и смотрѣвшій на небо, котораго свѣтильники зажигались одинъ за другимъ. Г-жа Ормондъ подошла къ намъ, и сторожъ увѣрялъ ее, что эта луна была худымъ предвѣстіемъ для мореходцевъ.

Что въ это время происходило въ другихъ мѣстахъ и могло до меня касаться, то было столь же свыше молодыхъ моихъ соображеній, какъ и тайнства самой судьбы. Но я достигъ той точки, когда первыя чув-

ствованія моего бытія начинались; первый переходъ моей жизни исполнился.

Должно было ѣхать съ Докторомъ Босвиллемъ. Я простился съ доброю Г-жею Ормондъ; она горько заплакала, прижавъ меня впослѣдніе къ своему сердцу. Меня вырвали изъ ея объятій и посадили въ карету подлѣ строгаго моего учителя.

»У тебя будетъ много товарищей въ играхъ,« сказалъ Докторъ, когда мы уѣзжали изъ дому.... Я едва понималъ, что значили сіи слова, и сидѣлъ молча, обдумывая сію мысль, самую возвышенную въ чувствованіяхъ простодушнаго дитяти, равно какъ и въ чувствованіяхъ Философа: »Кто я? Что значитъ все видимое мною? Куда отправляюсь?«

Вторая Эпоха.

Глава I.

Училище Доктора Босвилля было заведеніе отличное: онъ принималъ неболѣе десяти воспитанниковъ. Наслѣдники важныхъ несчастій, или тѣ, отъ которыхъ семейства ихъ старались утаить какое-либо бѣдственное событіе домашнее, одни туда поступали.

Совсѣмъ тѣмъ, для меня это былъ міръ слишкомъ шумный, слишкомъ развлекающій, и юныя мои склонности не могли съ нимъ сродниться. До сей поры я былъ ребенкомъ любимымъ, одинокимъ, привыкшимъ къ нѣжнымъ ласкамъ добрѣйшей изъ женщинъ. Я зналъ только тѣ восторги души, кои пробуждались во мнѣ видомъ богатствъ весенней природы, возходящимъ солнцемъ, музыкой осеннихъ вѣтровъ, зимними вьюгами и великими, возвышенными пѣвцами волнъ Океана.

Никакое дитя не было меньше меня приготовлено къ сценамъ столь новымъ, столь разногласнымъ съ моими тихими, первобытными ощущеніями. Мнѣ докучало буйное товарищество монхъ шумливыхъ соучениковъ. Я не могъ участвовать въ ихъ играхъ; и когда они забавлялись на дворѣ сосѣдней церкви, я сиживалъ на могильномъ камнѣ, дивясь неизчерпаемому запасу веселости, коимъ они были надѣлены, веселости, которой, какъ я живо чувствовалъ, не было мнѣ суждено раздѣлять съ ними.

Я обреченъ былъ на такой родъ жизни почти два года; я всѣхъ убѣгалъ, но меня не убѣгали. Ибо, едва протекло три недѣли моего пребыванія у Доктора, какъ соученики мои, пытавшіеся сначала насмѣшками отвлечь меня отъ задумчивости, отказались отъ прежняго своего намѣренія и начали со мной обходиться съ сострадательною пріязнью. Порой они звали меня сперечь отысканныя ими гнѣзда птичекъ; порою показывали мнѣ самыхъ большихъ рыбъ, ими пойманныхъ. Разъ одинъ изъ нихъ пришелъ ко мнѣ со старшими своими братьями, и просилъ меня принять въ подарокъ маленькую собачку, которую ему прислали. — »Она не »допуститъ тебя быть одинокимъ, »сказалъ мнѣ этотъ добрый мальчикъ: »ты вѣдь не любишь нашихъ игръ; »то можетъ быть, она тебя развеселитъ своими прыж»ками и затѣйливостью.

Но къ концу втораго года, въ однообразіи монхъ размышленій сдѣлался переворотъ, по случаю отъѣзда одного изъ моихъ товарищей и замѣщенія его новоприбывшимъ.

Алфредъ Сайденгемъ былъ почти однихъ со мною лѣтъ. Съ перваго свиданія, оба мы почувствовали, что намъ предназначено было сдѣлаться друзьями, и совсѣмъ тѣмъ трудно найти болѣе разности въ образѣ воспитанія, какъ между нами. Алфредъ не задолго передъ тѣмъ лишился матери, прелестной, обворожительной любовницы одного знатнаго и высокороднаго вельможи; и хотя ему не позволено было носить имени отца своего, но тѣмъ не менѣе виновникъ его дней оказывалъ ему всю любовь и всю нѣжность, кои только сердце родительское можетъ питать къ единственному, горячо любимому сыну.

Нельзя представить себѣ созданія ловче и плѣнительнѣе, чѣмъ Сайденгемъ былъ въ своей молодости; ибо и въ весьма уже зрѣлыхъ лѣтахъ жизни, тяжкія раны и потеря обѣихъ рукъ при осадѣ В*** не могли истребить необыкновенной его пріятности. Но всѣ сіи наружныя приманки, въ сравненіи съ восхитительнымъ спокойствіемъ его характера и богатствами его ума, были то, что анатомія человѣческаго остова передъ красотою живой и одушевленной. Бѣдный другъ! какая была судьба твоя!... Ты былъ слишкомъ благороденъ, слишкомъ великодушенъ для дѣлъ здѣшней жизни, слишкомъ чувствителенъ для перенесенія ударовъ злосчастія!...

Глава II.

Съ прибытіемъ Сайденгема началась для меня новая жизнь: до той поры, мои чувствованія перялись безъ цѣли; я ожидалъ только случая быть годнымъ на что нибудь, не находилъ его и считалъ себя существомъ заброшеннымъ и безъ всякихъ общественныхъ связей въ этомъ мірѣ.

Онъ пробудилъ сочувствіе любви братской, дотолѣ дремавшее въ груди моей; всѣ раннія муки сиротства устранены были единственно тѣмъ, что я принялъ его въ соучастники оныхъ.

Онъ обыкновенно проводилъ свободные отъ ученья дни съ отцемъ своимъ. Однажды, на третьемъ году его пребыванія у Доктора Босвилля, передалъ онъ мнѣ отъ имени Герцога приглашеніе, ѣхать вмѣстѣ съ нимъ о Рождествѣ въ замокъ Б.*** Обоимъ намъ бы-

ло тогда по двѣнадцатому году: однако жь обстоятельства, въ коихъ и тотъ и другой изъ насъ находился, научили насъ наблюдать событія, изъ которыхъ сцѣплена жизнь человѣческая, съ умомъ, достойнымъ гораздо большей зрѣлости.

Старинное великолѣпіе замка, пространной и грубой громады камней, заняло меня въ первые два дни.

Замокъ сей стоитъ надъ обрывомъ пропасти, отбрасывающей тѣнь свою на тихо катящуюся рѣку: купы деревъ, почтенныхъ своею древностію, окружаютъ его съ трехъ прочихъ сторонъ; высокія башни его, почернѣлыя и мрачныя, съ зубчатыми своими верхами и густыми плетеницами павилики, ихъ объемлющими, высятся надъ зелеными рощами и убогими хижинами долины. Это поэтическое мѣсто, способное питать поэзію или геній романа. Широкія лѣстницы и длинныя галереи, кажется, не вѣдаютъ иныхъ жильцевъ, кромѣ безмолвія или вздоховъ эха; портреты и обои комнатъ оживляютъ чудесныя сцены рыцарства.

Прибытіе многихъ гостей и шумъ множества служителей конечно скоро отвлекли бы меня отъ размышленій моихъ, когда бы я не узналъ въ одномъ гостѣ моего загадочнаго незнакомца, жителя скалы — Г. Окделя.

Шесть лѣтъ столько измѣнили черты моего лица, что онъ не узналъ меня; однако я замѣтилъ, что когда онъ впервые поглядѣлъ на меня, нѣчто похожее на внезапное воспоминаніе встревожило его на нѣсколько минутъ. Не смотря на то, во все остальное время своего пребыванія въ замкѣ, онъ не оказалъ мнѣ никакого особеннаго знака вниманія.

Что до меня касается, то я узналъ его съ перваго взгляда; и когда сообщилъ Сайденгему о моемъ открытіи, то оба мы рѣшились пытаться всѣми возможными способами проникнуть въ тайну его жизни.

У него были то же блѣдное лицо и тотъ же задумчивый видъ, кои въ прежнее время такъ сильно меня поразили; но сверхъ того онъ показывалъ ловкость въ обращеніи и навыкъ большаго свѣта, коихъ я прежде не замѣчалъ. Можетъ быть бурныя страсти, овладѣвшія умомъ его во время одинокаго изгнанничества его изъ свѣта, имѣли какое-либо вліяніе на его обходительность.

Но хотя Сайденгемъ и я прислушивались ко всему, что касалось Г. Окделя, многіе дни протекли въ замкѣ, а ни малѣйшаго случая не представлялось къ удовлетворенію нашего пламеннаго любопытства. Наконецъ однажды, когда мы по обыкновенію вошли въ столовую передъ десертомъ, Сайденгему послышалось, будто Г. Окдель говорилъ о какихъ-то произшествіяхъ, что онъ ихъ не очень помнитъ, и что слѣдовательно они должны были случиться во время его отсутствія.

Тутъ Сайденгемъ подошелъ и спросилъ у него: »сколько времени находился онъ въ отлучкѣ?

—»Около семи лѣтъ.» — Я слышалъ сей отвѣтъ и видѣлъ, что онъ привлекъ общее вниманіе.

—»А въ какой странѣ были вы тогда?» примолвилъ смѣтливый мальчикъ.

Вопросъ сей заставилъ Г. Окделя перемѣниться въ лицѣ; а Сайденгемъ, не дождавшись отвѣта, продолжалъ съ живостью:

—»И какая причина побудила васъ уѣхать?»

Герцогъ, слышавшій все это, подозвалъ къ себѣ маленькаго допросчика, но не такъ скоро, чтобъ это помѣшало намъ видѣть, какъ сіи немногія слова потрясли всѣ скорбныя струны души Окделевой.

Глава III.

Герцогъ тихо сказалъ Сайденгему, что хочетъ съ нимъ поговорить въ своемъ кабинетѣ на другой день поутру, и вскорѣ за симъ мы вышли изъ столовой и отправились въ свою комнату, чтобы сообщить намъ другъ другу свои наблюденія. Бывъ оба молоды, мы должны были разсуждать одинаково; и въ самомъ дѣлѣ, разсужденія наши опирались на семъ одномъ заключеніи: Что-то бѣдственное приключилось нѣкогда Г. Окделю, что-то такое, о чемъ онъ и друзья его хотѣли забыть, и желали, чтобъ и всѣми другими было оно забыто.

Глава IV.

Въ слѣдующее утро, Сайденгемъ и я встрѣтились по обыкновенію въ паркѣ. Я вышелъ прежде его; ибо случившееся наканунѣ одушевляло меня болѣзненнымъ любопытствомъ. Я не спалъ почью, или если по временамъ сонъ опускался на мои рѣсницы, то его мгновенно прогоняли ужасныя грезы, — отвратительныя изчадія своенравнаго воображенія и памяти.

Да когда и всталъ я, то зрѣлище природы было неспособно прояснить мрачное расположеніе моего духа. Даже и по годовой порѣ, время было печально: необыкновенная мгла дѣлала разсвѣтъ темнѣе самой ночи; рѣка замерзла; сильный морозъ наложивъ безмолвіе на журчанье водъ; вѣтеръ стихнулъ и дерева, лоснящіяся подъ ледяной корою, были также нѣмы; птицы и звѣри запрятались въ свои гнѣзда и логовища; воздухъ, поля и лѣса были покинуты. И когда я поглядѣлъ сквозь рѣшетку замка и увидѣлъ кустарники, покрытые бѣлымъ саваномъ мороза, то они показались мнѣ надгробными памятниками, либо призраками, выходящими изъ своихъ могилъ.

Отъ сего-то, когда Сайденгемъ ко мнѣ подошелъ, онъ увидѣлъ меня подъ бременемъ той суевѣрной грусти, которая щемитъ сердце; онъ старался развеселить меня знаками своей всегдашней нѣжности и забавными выход-

ками шутливаго ума своего. Но цѣлебное средство, къ которому онъ прибѣгнулъ, удобно было только произвести совсѣмъ противное дѣйствіе. Потомъ говорилъ онъ мнѣ съ видомъ торжества о впечатлѣніи, каковое онъ произвелъ въ Г. Окделѣ, и завѣрялъ меня, что непремѣнно и скоро дознаешся тайны его жизни.

Разговоръ нашъ длился до того часа, когда насъ позвали къ завтраку, за коимъ не произошло ничего замѣчательнаго.

Тотчасъ послѣ завтрака, въ слѣдствіе назначеннаго ему свиданія, онъ пошелъ къ своему отцу, который не показывался еще въ то утро. Онъ пробылъ у Герцога около часа. Не знаю, почему мнѣ пришло на мысль, что сей разговоръ могъ касаться до меня; но я думалъ такъ и ожидалъ возвращенія Алфреда съ нетерпѣливостью, смѣшанною съ какимъ-то страхомъ.

Наконецъ онъ пришелъ, и я мигомъ замѣтилъ, что онъ былъ уже не тотъ: что онъ не былъ свободенъ, чистосердеченъ и открытъ, какъ прежде. Видъ его показывалъ, что онъ теперь только узналъ нѣчто, потрясшее душу его удивленіемъ и скорбью; однако же онъ шелъ мнѣ на встрѣчу, — но вдругъ обернулся и убѣжалъ опрометью. Во весь тотъ день онъ уклонялся отъ меня; послѣ обѣда, когда мы были въ гостиной, я замѣчалъ раза два или три, что онъ посматривалъ на Г. Окделя съ какою-то странною живостью. И видѣлъ я, что онъ вздрагивалъ, какъ будто бы по невольному чувству ужаса.

Когда мы отправлялись въ наши спальни, онъ позабылся на мигъ и въ быстромъ движеніи души, положилъ свои руки на мои плеча, какъ бы съ намѣреніемъ вскочить мнѣ на спину; но при самомъ дѣйствіи остановился, сказалъ мнѣ, впрочемъ съ большою нѣжностью, что идетъ въ свою комнату читать; вслѣдъ за симъ онъ ушелъ. Я то же ушелъ въ свою комнату, но вовсе не читалъ и даже не спалъ.

(*Окончаніе 2-й, а потомъ 3-я и 4-я Эпохи помѣщены будутъ въ слѣдующихъ* NNo).

ПРОСЬБА.

О сжалься надо мной! о дайте волю мнѣ!
Изъ края дальняго волшебный зовъ несется,
И кровь моя кипитъ и сердце бурно рвется
Въ тотъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ.
Вы видите, стремятся ополченья
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ:
Туда, туда, въ кровавыя сраженья
Я полечу за ними въ слѣдъ.
Противна мнѣ дремота нѣги праздной
И мирныхъ дней безжизненный покой
Какъ пустъ въ степяхъ однообразной,
Какъ гробъ холодной и нѣмой.
Противны мнѣ безумное веселье,
Неупоенныхъ душъ притворное похмелье
И скука вѣчная, и вѣчный переходъ
Младенческихъ забавъ и нищенскихъ заботъ.
О сжалься надо мной! отдайте мечъ блестящій,
Отдайте бодраго и легкаго коня!
Въ тотъ край, куда лишитъ мечты порывъ горящій,
Какъ вихрь, какъ мысль, онъ унесетъ меня.
На мигъ одинъ судьбины злой оковы
Рукой я смѣлою разторгъ:
И сердцу памятны сраженій блескъ суровый
И торжества воинственный восторгъ....
Въ часъ утренней зари румяной и росистой
Услышать пушки гласъ, зовущій насъ къ боямъ,
Глядѣть, какъ солнца лучъ злащенный
Играя, блещетъ по штыкамъ,
Какъ вождь сѣдой, отваги юной полный
На встрѣченье врагамъ ведетъ покорный строй,
И движутся полки, какъ бурь осеннихъ волны;
И чувствовать тогда, что вѣренъ мечъ стальной,
Что длань сильна, что вихремъ коль несется
Подъ свистомъ пуль, средь дыма и огня,
Что сердце гордое въ груди спокойно бьется,
Что этотъ дольній міръ не дорогъ для меня,
Что я могу съ улыбкою презрѣнья
На жизнь, на смерть и на судьбу взирать!....
О, эти сладкія мгновенья
Отдайте мнѣ, отдайте ихъ опять!
Я не хочу въ стѣнѣ земной скитаться
Безъ воли и надеждъ, безвременный старикъ;
Какъ робкая жена, предъ рокомъ не привыкъ
Главой послушной преклоняться,
Внимать, какъ каждый день, и скученъ и смѣшонъ,
Все тѣ же сказки напѣваетъ
И тихо душу погружаетъ
Въ какой-то слабоумный сонъ.
Я не рожденъ быть утлою ладьею,
Забытой въ пристани, не знающей морей
И праздной изплевать кормою,
Добычей гнили и червей.
Но я хочу летать надъ бурными волнами
Могущимъ кораблемъ съ дружиной боевой;
Подъ солнцемъ Тропика, межъ сѣверными льдами
Бороться съ бездною и дикою грозой;
Челомъ возвышеннымъ встрѣчать ударъ судьбины,
Бродить по области и смерти и чудесъ,
И жадно пить восторгъ, и изъ сѣдой пучины
Крыломъ Поэзіи взноситься до Небесъ.
Вотъ счастливый удѣлъ, давно желанный мною!
Отдайте жъ мнѣ коня, булатъ отдайте мой.
Въ тотъ дальній край я полечу стрѣлою
И ринуся въ кровавый бой.

А. Холяковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Поѣздка въ Германію. Романъ въ письмахъ, изданный Николаемъ Гречемъ.

(*Окончаніе.*)

Марья Иванова Миллеръ, мать Луизы, принадлежитъ къ числу тѣхъ добрыхъ, домовитыхъ женщинъ, коимъ древній Историкъ сказалъ самую лучшую похвалу: domum mansit, lanam fecit. Впрочемъ и она не безъ грѣха: искусилась было богатствомъ Кибица и едва не погубила бѣдную свою дочь. Рускій языкъ Марьи Ивановны очень забавенъ. Вопросъ: *музыкальны ли вы*(*)? приказаніе подать *шпилькулику* и пр. п. весьма хорошо изображаютъ Вавилонское смѣшеніе языковъ, употребляемое здѣшними Нѣмецкими поселенцами.

Старикъ Миллеръ человѣкъ добрый, честный и твердыхъ правилъ, даже до упрямства. По увѣренію Мстиславцева, онъ судитъ »здраво и основательно.» Но почему же онъ старался увѣрить Мстиславцева, что посты держать суевѣріе, и спорилъ объ этомъ съ ожесточеніемъ? Почему заставлялъ Луизу насильно ѣсть теплыя булки съ молокомъ, которыхъ она не любитъ? Стародавнее гоненіе на Протестантовъ, коимъ онъ оправдывалъ свои закоснѣлые предразсудки, служитъ доказательствомъ не въ пользу, а противъ оныхъ: память о семъ гоненіи должна бъ была не ожесточить человѣка здравомыслящаго, а напротивъ, научить его терпимости. И какое странное предубѣжденіе въ человѣкѣ, *судящемъ основательно*! злобствовать на всѣхъ людей различнаго съ нимъ исповѣданія за то, что полтора вѣка назадъ, Французы притѣснили за вѣру и изгнали его предковъ!— Мстиславцевъ поступилъ весьма похвально, что не поддался искушенію и не ѣлъ *скоромныхъ булокъ на розовой водѣ, съ молокомъ, коровьимъ масломъ, сахаромъ и корицей*, тѣмъ болѣе, что вся эта смѣсь должна быть сама по себѣ очень противна.

Самое характерное лице романа есть шуринъ стараго Миллера, Штабъ-Лекарь, Надворный Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Фризель. Любезный сей врачъ такъ добродушно моритъ больныхъ своихъ, разсказывая имъ анекдоты съ любимымъ своимъ присловьемъ, онъ такого ровнаго нрава, такъ веселъ, подвиженъ и беззаботенъ, такъ щедръ на рекомендаціи негодямъ, такъ мило болтливъ, что поневолѣ разсмѣешься, воображая себѣ этого низенькаго старичка, въ старомодномъ фракѣ, напудренаго, съ косичкою. Есть еще одно лице замѣчательное: это Мюльштейнъ, ханжа и паушникъ. Авторъ хорошо сдѣлалъ, что не далъ ему много дѣйствія: такихъ людей и въ романѣ, и въ свѣтѣ встрѣчаешь, откреститься и отплевываться.

Вообще главное содержаніе сего романа разтянуто и холодно; но многія вводныя подробности живы и занимательны. Любимый конекъ Автора проскакиваетъ довольно часто въ его сочиненіи: Мстиславцевъ, Волгинъ (товарищъ Мстиславцева за границей) и старый Миллеръ разъ нѣсколько заговариваютъ о *Грамматикѣ*, и особенно о *Правописаніи*. Удивленіе тому, что въ женскихъ письмахъ Луизы Миллеръ и Софьи, невѣсты Волгина, нѣтъ ни одной граммматической ошибки и всѣ запятыя поставлены на своихъ мѣстахъ, выражено съ большею душевною теплотою, нежели страстныя восклицанія влюбленнаго Мстиславцева. При такомъ грамматическомъ направленіи романа, странно было бы указывать на встрѣчаемыя въ немъ иногда легкія погрѣшности противъ слога, даже противъ языка. Это должны быть просто обмолвки, ибо романъ сей есть дѣло домашнее: Авторъ написалъ его для того, чтобы посвятить своему журнальному товарищу, Ѳ. В. Булгарину; а напечаталъ для того, что Ѳ. В. *не любитъ читать скорописи*, и что Автору-издателю *недалеко было ходить въ типографію*.

Чтеніе сего романа приноситъ какое-то спокойное удовольствіе. Въ письмахъ Мстиславцева разсѣяно много хорошихъ, часто весьма остроумныхъ замѣчаній и полезныхъ истинъ. Къ числу такихъ принадлежитъ сказанное Авторомъ о справедливости въ разпредѣленіи наградъ по службѣ; о провинціяльныхъ чиновникахъ стараго вѣка, людяхъ, нерѣдко добрыхъ отъ природы, и взяточникахъ по привычкѣ и невѣжеству; также слѣдующая прекрасная мысль: „Міръ гармоніи »есть задатокъ наслажденій лучшаго свѣта.» Словомъ: романъ сей читаешь съ охотой и перечитываешь безъ скуки.

(*) Sind Sie musikalisch? — *Это напоминаетъ намъ* (говоря словами брата Марьи Ивановны, почтеннаго Ивана Ивановича Фризеля) одинъ каламбурическій анекдотъ о двухъ Нѣмцахъ: Sind Sie musikalisch? — Ja, ich bin Monsieur Kalisch.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 8-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМЪ III, № 14. МАРТА 7го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Понедѣльникъ), — 7-го (въ Субботу), — 12-го (въ Четвертокъ), — 17-го (во Вторникъ), — 22-го (въ Воскресенье) и 27-го (въ Пятницу).

ПРЕДВѢСТІЕ.

Повѣсть.

(*Соч. С. Валтера Скотта.*)

Окончаніе второй Эпохи.

Глава V.

На другой день было мнѣ доставлено письмо отъ Г. Босвилля какимъ-то дженшельменомъ, на котораго, по словамъ Доктора, возложено было порученіе отвезти меня въ Итонъ.

Никогда я не чувствовалъ ни малѣйшей привязанности къ Доктору Босвиллю. Въ обращеніи своемъ былъ онъ отъ природы холоденъ и сухъ; а профессорскія привычки придавали ему методическую строгость, отвращавшую отъ него дѣтей. Но источникъ сей часто свѣтло и живо шекъ подо льдомъ. Письма его были исполнены отеческой нѣжности, и заключали въ себѣ выраженія соучастія, каковое могло быть внушено столько знаніемъ бѣдствій, мнѣ угрожавшихъ. Въ послѣднемъ своему письмѣ онъ между прочимъ изъяснялъ мнѣ, сколь много сожалѣлъ онъ о томъ, что принужденъ разстаться со мною такъ скоро и такъ нечаянно.

Сіе обстоятельство наводило меня на ту мысль, что невѣдомый руководитель судьбы моей былъ къ тому побужденъ чѣмъ-либо, не вовсе чуждымъ моему посѣщенію замка Б. * * *; а странное поведеніе со мною Сайденгема утвердило меня въ этомъ мнѣніи.

Герцогъ благосклонно просилъ моего проводника позволить мнѣ провесть у него остальные праздничные дни, и уговаривалъ его даже остаться со мною; но данныя ему наставленія были столь непреложны, что ему непозволено было продлить моего пребыванія въ замкѣ даже до слѣдующаго дня.

Не помню имени сего дженшельмена, да притомъ это и неважно. Онъ былъ человѣкъ буйный и грубый въ обращеніи; лице его было красно отъ невоздержности и вспыльчивости; онъ состоялъ въ службѣ и имѣлъ Маіорскій чинъ.

Когда мы прибыли къ воротамъ Коллегіи, то офицеръ гвардейскаго полка, стоявшаго тогда въ Виндзорѣ, подошелъ къ Маіору и пожалъ ему руку. Алчныя мои уши уловили изъ ихъ разговора, что Маіоръ, по просьбѣ стараго Генерала, общаго ихъ пріятеля, согласился быть, какъ онъ выражался, *корнаколь* на весь тотъ день. Если бъ имя Генерала было произнесено, или если бы злосчастіе, неутомимо меня преслѣдующее, не удержало меня и не попрепятствовало мнѣ освѣдомиться о семъ имени; то сколько горестей, сколько бѣдствій было бы отклонено отъ моей головы!

Глава VI.

Болѣе шести лѣтъ протекло со дня, какъ я былъ порученъ Г-жею Ормондъ въ надзоръ Доктора Босвилля, а я все еще былъ столь же несвѣдущъ въ дѣлахъ сего міра, какъ и въ ту минуту, когда отсталъ отъ груди материнской. Скажу ли, что въ сей промежутокъ времени я узналъ нѣкоторые изъ тѣхъ мелкихъ порывовъ зависти, или изъ тѣхъ рѣзвостей, кои столь сродны школьникамъ?... Нѣтъ: я узналъ только, что онѣ существуютъ.

Въ теченіе сего долгаго отсутствія, воспоминаніе нѣжныхъ ласкъ Г-жи Ормондъ сохранилось въ моемъ сердцѣ, затаившись въ сгибахъ моихъ сладостнѣйшихъ ощущеній. Часто, въ моихъ тайныхъ размышленіяхъ, я пламенно желалъ увидѣть ее снова, и неразъ вопрошалъ самого себя, дождусь ли когда сего благополучія?

Прибывъ въ Итонъ, Маіоръ представилъ меня Доктору Л...., коего попеченіямъ я былъ въ особенности порученъ; потомъ повелъ меня съ собою обѣдать въ одну Виндзорскую гостинницу. Онъ зашелъ туда, заказалъ обѣдъ, и между тѣмъ какъ готовили оный, Маіоръ повелъ меня на ближнюю террасу для прогулки.

Было за полдень и холодъ былъ сильный; хмырая, густая атмосфера наполняла горизонтъ мглою, споръ имѣвшею съ тогдашнимъ часомъ дня; часовые дрожали

въ своихъ будкахъ, и мы принуждены были воротиться прежде, нежели Маіору хотѣлось того.

Онъ мало говорилъ со мною въ продолженіе всей нашей прогулки; онъ видимо недоволенъ былъ своимъ порученіемъ: какъ будто бы на него возложили досадное дѣло, котораго выполненіе было для него тягостно и даже наносило ему стыдъ.

Нѣсколько разъ меня поражало чрезвычайное безпокойство, выказывавшееся на его лицѣ. Особенно я удивился его смятенію и поспѣшности, съ каковою онъ бросился назадъ, при видѣ кареты, проѣзжавшей въ концѣ улицы тогда, какъ мы обгинали уголъ Королевскаго замка. Маіоръ пріостановился и съ насильственною грубостью схвативъ меня за руку, утащилъ въ одну лавку, гдѣ мы провели нѣсколько минутъ въ пенужномъ и пустомъ разговорѣ съ молодымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ за конторкой.

Когда мы выходили изъ лавки, Маіоръ съ безпокойствомъ оглядѣлся во всѣ стороны, потомъ началъ спѣшить въ гостиницу, уговаривая меня прибавить шагу, чтобы поспѣвать за нимъ. Я повиновался его волѣ, какъ вдругъ на углу рашуши нечаянно взглянулъ на окна постоялаго дома и увидѣлъ двухъ женщинъ, стоявшихъ на балконѣ. Одна изъ нихъ была гораздо моложе другой: волосы ея и плащье убраны были со вкусомъ; но та, которая была старѣе, привлекла мои взоры: ибо я узналъ въ ней мою милую и добрую Г-жу Ормондъ.

На ней были, какъ и всегда, кружевной чепецъ, черное платье и шелковыя перчатки; какъ и всегда, было у ней лице блѣдное, кроткое и доброе.

Я остановился на минуту, чтобы посмотрѣть на нее пристально, въ надеждѣ, что она обратитъ на меня вниманіе и узнаетъ меня. Но Маіоръ, уже вступившій въ гостиницу, торопливо изъ нея вышелъ и бранилъ меня за мою медленность.

Грубость этого человѣка оскорбила мою мягкосердечную щекотливость; и хотя я горѣлъ нетерпѣніемъ броситься въ объятія почтенной моей пріятельницы, но не собрался съ силами гласно объявить мою волю, или самъ собою исполнить то, чего желалъ такъ пламенно. Однако я помню, что приставникъ мой, вмѣсто того, чтобы везти меня въ Итонъ, велѣлъ приворотнику гостиницы отвезть меня въ Коллегію, тогда какъ самъ онъ собирался допить свою бутылку вина.

Поутру я всталъ рано и побѣжалъ въ гостиницу, надѣясь тамъ застать еще Г-жу Ормондъ; но она уже уѣхала. Она и та другая дама возвратились въ Лондонъ; Маіоръ также съ ними отправился въ ихъ каретѣ.

Глава VII.

Помню очень хорошо, съ какими чувствованіями горести и досады, смѣшанныхъ съ удивленіемъ, возвратился я въ Итонъ.

Мнѣ не возможно было не отнести пребыванія Г-жи Ормондъ въ Виндзорѣ, въ это самое время, къ какому нибудь особенному и скрытному обстоятельству судьбы моей. Ея сношенія съ Маіоромъ, — опасенія сего послѣдняго, чтобы его не увидѣли, — щеголеватая незнакомка: все это было причинами, отрывавшими меня отъ общихъ склонностей и веселостей, свойственныхъ моимъ лѣтамъ.

Но хотя сіи размышленія опечаливали мой умъ, за то они придали новую силу моему характеру. Я былъ увѣренъ, по всѣмъ моимъ замѣчаніямъ, что я принадлежалъ къ высшему званію общества; и сіе убѣжденіе, вмѣстѣ съ неполными воспоминаніями моего дѣтства, придавало какой-то видъ правдоподобія тому сомнѣнію, которое родилось въ умѣ моемъ. Я думалъ, что *»жаковва бъ ни была степень преступленія или горести, до »которой достигло мое семейство, но мать моя была »причиною оной.»*

Во весь остатокъ вакацій, я отчасу болѣе углублялся въ эту мысль; она заняла меня до того, что я никакого не обратилъ вниманія на Королевскій замокъ Виндзоръ. Но по мѣрѣ того, какъ ученики съѣзжались, я становился постепенно совсѣмъ другимъ существомъ. Не переставая быть столь же скрытнымъ, какъ и у Доктора Босвилля, я болѣе сблизился съ моими учениками; и не имѣя большей охоты къ ихъ играмъ, какъ и тогда, когда былъ стыдливымъ и застѣнчивымъ сиротою, я прослылъ въ оныхъ смѣльчакомъ и буяномъ.

Такое превращеніе не было невольнымъ: здѣсь я видѣлъ, что я между молодыми людьми, и что мнѣ возможно было бы поймать какую-либо нить, которая вывела бы меня изъ лабиринта, гдѣ я тогда терялся. Но дни и недѣли, мѣсяцы и годы протекли въ тщетномъ ожиданіи.

Когда я подросъ, то за меня прибавили платы Доктору; со мной обходились, какъ съ наслѣдникомъ богатаго имѣнія. Когда же растительный періодъ моей жизни протекъ, тогда никакія издержки не останавливали меня, коль скоро нужно было повеселиться съ товарищами.

Такимъ образомъ время шло до моего семнадцатилѣтняго возраста. Докторъ извѣстилъ меня тогда, что ему поручено было отправить меня въ Оксфордъ. Это извѣстіе принесло мнѣ удовольствіе: я чувствовалъ, что мнѣ оставался только шагъ, чтобы вступить въ свѣтъ съ свободой дѣйствовать по своему произволу, и начать какое-либо предпріятіе, которое почту я удобнымъ къ открытію тайны, столь тщательно отъ меня скрываемой.

Но радость моя поохладѣла, когда Докторъ сказалъ мнѣ, что для провожденія меня въ Оксфордъ назначенъ былъ какой-то джентельменъ; я вспомнилъ объ Маіорѣ, и воспоминаніе грубыхъ его поступковъ заставляло

меня страшиться его спутничества и опеки. Я былъ пріятно обманутъ.

Глава VIII.

Спустя коротное время по прибытіи въ Оксфордъ, я встрѣтился съ Сайденгемомъ на улицѣ: онъ пріѣхалъ туда, какъ и я, окончить свое ученье. Оба мы обрадованы были свиданіемъ, и нѣсколько времени мы благодарили судьбу, что она такъ счастливо свела насъ опять вмѣстѣ.

Но когда я началъ ему говорить про обстоятельства, среди коихъ мы были разлучены, то лице его сдѣлалось пасмурно и я замѣтилъ, что слѣды разговора его съ отцемъ своимъ были неизгладимы въ его умѣ.

Часто я взиралъ, какъ на замѣчательнѣйшую странность въ превожномъ теченіи моей жизни, — на то, что въ продолженіе весьма значительнаго періода времени, я не могъ вооружиться твердою рѣшимостью, чтобы спросить у Сайденгема: какую узналъ онъ тайну, заставлявшую его оказывать мнѣ болѣе состраданія, нежели требуется отъ дружбы?

Не смотря на непонятную скрытность Сайденгема, мы все по прежнему были друзьями: приличнѣе было бы сказать товарищами, ибо скрытность отнимала у нашихъ сношеній все довѣріе и всю искренность тѣсной дружбы, для которой природа обоихъ насъ произвела.

Сумма, которую онъ получалъ отъ отца своего, была столь же неограниченна, какъ и любовь къ нему Герцога. — Къ несчастію, Его Свѣтлость не весьма былъ исправенъ въ доставкѣ денегъ; посему я часто бывалъ банкиромъ Сайденгема. Это также дѣйствовало на ослабленіе нашей связи. Онъ чувствовалъ, что спускался со степени друга, принимая отъ меня одолженія; съ моей стороны, это обстоятельство, скажу откровенно, нимало не уменьшило уваженія, почти могу сказать удивленія, каковое я всегда питалъ къ благороднымъ и безцѣннымъ качествамъ души его.

Но всему, что меня окружало и со мною сближалось, предназначено было участвовать въ моемъ бѣдственномъ наслѣдіи. То, что природа какъ бы нарочно создала къ моему благополучію, измѣнялось для меня, по какому-то плетворному вліянію, въ источникъ горестей и мученій.

Глава IX.

Въ одну изъ случайныхъ поѣздокъ нашихъ съ Сайденгемомъ въ Лондонъ, вздумалось намъ пойти въ Дрюриленскій театръ. Представляли *Гамлета*, котораго я еще не зналъ, хотя имя героя трагедіи было мнѣ столь же знакомо, сколько самому ученому и самому неучу изъ воспитанниковъ Университета.

По мѣрѣ того, какъ представленіе продолжалось, я чувствовалъ, что развертывавшееся въ немъ дѣйствіе имѣло какое-то сходство съ тѣмъ образомъ мыслей, который, не зная почему, я составилъ себѣ о подробностяхъ моихъ собственныхъ несчастій.

Вдругъ сценическая игра до того меня увлекла, что я схватилъ Сайденгема за руку, и онъ, увидя, что я дышалъ съ крайнимъ напряженіемъ, испугался и спросилъ, не боленъ ли я? Это было въ ту минуту, когда призракъ возвѣщаетъ, какимъ образомъ отецъ Гамлетовъ былъ умерщвленъ: отселѣ я уже чувствовалъ только нетерпѣливое желаніе увидѣть Гамлета въ качествѣ грознаго и рѣшимаго мстителя.... Но когда я видѣлъ, что онъ мало по малу становился говорливымъ человѣконенавистникомъ, то былъ имъ недоволенъ и вознегодовалъ на всю трагедію. Совсѣмъ тѣмъ, было столько прелести въ его задумчивости полу-философской и полу-мечтательной, столько увлекательности въ игрѣ актёровъ, что вниманіе мое снова было приковано, и я ожидалъ послѣдствія съ жаромъ и пылкостью, по крайней мѣрѣ столь же сильными, какъ и въ самомъ Принцѣ Датскомъ. Въ минуту, когда Гамлетъ является какъ бы доволенъ злодѣяніемъ своего дяди, я вскочилъ со стула, и первый предметъ, попавшійся мнѣ на глаза, былъ Г. Окдель въ боковой ложѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня разсѣяннымъ и холоднымъ взглядомъ человѣка незнакомаго. Навѣрное онъ тогда не узналъ меня; но когда я сѣлъ на мѣсто, а онъ снова и бѣгло поглядѣлъ на сцену, то вдругъ устремилъ на меня взоръ, и я замѣтилъ въ немъ движеніе недовѣрчивости и страха. Волненіе мое въ этотъ мигъ было столь сильно, что мои чувствованія не могли излиться и выразиться словами.

Я всталъ и вышелъ изъ ложи вмѣстѣ съ Сайденгемомъ, который, встревожась моимъ умозступленіемъ, ушелъ со мной изъ театра.

Я не сказалъ ни слова во всю дорогу. Алфредъ нѣсколько разъ упрашивалъ меня открыть ему, что со мною дѣлалось; но разсудокъ мой былъ до того сожженъ пламенемъ моихъ воспоминаній и воображенія, что я ничего не слыхалъ. Уже только тогда, какъ мы вмѣстѣ вошли въ особую комнату ближней таверны, былъ я въ состояніи слушать его и отвѣчать на вопросы.

Я облокотился объ столъ, сжалъ себѣ виски обѣими руками и въ такомъ положеніи пробылъ четыре или пять минутъ.

— »Сайденгемъ!« сказалъ я, вдругъ перервавъ сіе молчаніе: »теперь я вѣрю всему, чего наслышался о геніи Шекспира.

— »Только-то?« молвилъ онъ, улыбнувшись вѣроятно съ тою цѣлью, чтобъ уменьшить мое волненіе, которое онъ приписывалъ дѣйствію поэзіи и представленія на мою душу. И потомъ прибавилъ: »Од-

нако я никогда не думалъ, чтобы тебя могло что нибудь разтревожить до такой степени въ трагедіи столь нескладной, какъ Гамлетъ. « За симъ онъ началъ длинный комментарій о талантѣ сочинителя.

Все, что онъ говорилъ, или хотѣлъ сказать, въ намѣреніи отвлечь меня отъ моихъ впечатлѣній, звучало мнѣ въ уши, какъ голосъ, тщетно проникающій въ уши мертвеца: я ничего не понималъ. Наконецъ я вскричалъ съ сердцемъ: »Замолчи! ты ничего не смыслишь въ геніи Шекспировомъ! Онъ открылъ мнѣ нынѣшнимъ вечеромъ то, что я до сего дня почиталъ только мечтою.

— »Ну, что же онъ открылъ тебѣ?

— »Что мой отецъ зарѣзанъ.«

Сайденгемъ поблѣднѣлъ и остолбенѣлъ отъ удивленія; онъ подался назадъ и привскокнулъ на стулѣ.

— »Еще сказалъ онъ мнѣ,« продолжалъ я, »что убійству была причиною мать моя....«

Сайденгемъ вздрогнулъ, всталъ съ мѣста и вскричалъ: »Возможное ли это дѣло?

— »Да; и убійца-обольститель — Г. Окдель!«

Третья Эпоха.

Глава I.

На другой день, когда Сайденгемъ пришелъ ко мнѣ, я былъ спокоенъ и хладнокровенъ. »Я радъ, что вижу тебя въ этомъ состояніи, »сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ, « и надѣюсь, что прежде, нежели ты на что-либо рѣшишься, ты поѣдешь со мною обратно въ Оксфордъ. Вспомни: уже многіе годы протекли съ того времени, когда это случилось, и подумай, что ни у тебя, ни у меня нѣтъ такого пріятеля, съ которымъ бы могли мы посовѣтоваться о дѣлѣ столь щекотливомъ.

— »Объ этомъ не безпокойся, отвѣчалъ я:» то, что было вчера, не могло приключиться, какъ игра случая, но какъ причина. Я увѣренъ, что слѣдствіемъ этого будетъ какое-либо откровеніе, и что оно заговоритъ мнѣ столь же повелительно и столь же ясно, какъ призракъ говоритъ Гамлету. — Поѣдемъ въ Оксфордъ.»

Мы пріѣхали въ свою Коллегію, не сказавъ другъ другу ни слова. Войдя въ мою комнату, я удивился, нашедъ на столѣ цыдулку, подписанную незнакомой мнѣ рукою. Я взялъ ее, и разсматривая печать, сказалъ Сайденгему:» »Вотъ главное событіе того, чему вчерашній случай былъ только предвѣстникомъ.«

Эта записка была отъ Генерала Ольторпа, и заключалась въ коротких словахъ. Генералъ извѣщалъ меня только, что онъ со мною незнакомъ; но имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто столь важное, что не покинетъ Оксфорда до моего возвращенія изъ Лондона.

Въ ту же минуту, мнѣ доложили о приходѣ Генерала. Я тотчасъ пошелъ встрѣтить его у дверей. Видъ его былъ благороденъ и угрюмъ; цвѣтъ лица являлъ на себѣ дѣйствіе климатовъ чужеземныхъ, а рѣдкіе волосы посѣдѣли отъ какого-то вліянія, еще болѣе дѣятельнаго, чѣмъ вліяніе лѣтъ.

Сайденгемъ хотѣлъ уйти; но въ слѣдствіе одного Генералова замѣчанія остался. Г. Ольторпъ спросилъ у меня: »Не это ли молодой человѣкъ, о которомъ я слышалъ, какъ о вашемъ лучшемъ другѣ?»

Удивясь тому, что за мною присматривали наушники, какъ видно было изъ этихъ немногихъ словъ, я отвѣчалъ холодно: »Это Г. Сайденгемъ.

— »Такъ я,» промолвилъ Генералъ,» могу при немъ говорить свободно, »и оборотясь ко мнѣ, онъ протянулъ руку, и съ легкимъ душевнымъ движеніемъ прибавилъ: « Милый племянникъ!..«

Въ первую минуту изумленія, подался я отъ него назадъ, но почти тутъ же одумавшись, я подошелъ и схватилъ протянутую ко мнѣ его руку съ такимъ чувствованіемъ, котораго выразить невозможно.

— »Здѣсь нельзя выполнить моего предположенія и открыть тебѣ причины, побудившія меня объявить тебѣ неожиданно о нашемъ родствѣ. Знай только, что мы достигли времени, когда этого не возможно было долѣе откладывать. Мы уѣдемъ отсюда на нѣсколько дней. Путешествіе не должно быть тебѣ непріятно, ибо цѣль его та, чтобы везти тебя въ главнѣйшее изъ твоихъ наслѣдственныхъ помѣстій, замокъ *Бичендель*.»

Я вспомнилъ это имя: самое мѣсто и окружные предметы были врѣзаны въ моей памяти съ того времени, какъ я жилъ въ немъ съ Г-жею Ормондъ. Сайденгемъ также зналъ имя этого замка, потому что я часто съ нимъ говаривалъ объ ономъ, и удивился не меньше меня.

Генералъ ушелъ въ гостиницу Звѣзды, чтобы приказать тамъ сдѣлать нужныя приготовленія къ нашему отъѣзду. Что касается до Сайденгема, онъ остался со мною и былъ погруженъ въ крайнее удивленіе. Онъ мало говорилъ; но нѣсколько разъ схватывалъ записку Генерала, разсматривалъ ее, вертѣлъ и переворачивалъ въ рукахъ, потомъ началъ ходить большими шагами по моей комнатѣ; а спустя минуту, спросилъ у меня съ весьма замѣтнымъ безпокойствомъ: какъ я себя чувствовалъ....

Глава II.

Старый Генералъ долго со мною разговаривалъ. Видно было, что онъ силился преодолѣть свою чувствительность, бывъ убѣжденъ, что одного разсказа его

достаточно было къ произведенію во мнѣ неизцѣлимой горести. Онъ зналъ, что сказанное имъ должно было превратить въ печальные, черные маки самые веселые и душистые цвѣты надежды.

....Отецъ моей матери былъ его братъ. Оставшись единственною наслѣдницей предковъ своихъ съ материнской стороны, она получила во владѣніе великолѣпное помѣстье Бичендельское; отецъ мой, молодой дворянинъ, болѣе богатый знатностью, чѣмъ усадьбами, случайно съ нею познакомился. Брачный союзъ съ нею, не приносилъ ему никакихъ выгодъ: ибо, еще не отдавъ ему руки своей, она укрѣпила за нимъ свое имѣніе, удержавъ за собою только маловажный участокъ.

Я былъ единою отраслью сей поспѣшной страсти. Едва родился я, какъ вѣтреная склонность моей матери отвратилась отъ ея мужа, перваго предмета ея любви, и отдана была другому съ тѣмъ же самымъ жаромъ и тою же опрометчивостью. Не помню, сказалъ ли мнѣ Генералъ Огльторпъ, что Г. Окдель былъ первымъ соучастникомъ ея невѣрности: здѣсь я не только не призываю на помощь мою память, но стараюсь даже избавиться отъ ея жестокой услуги.

Когда отецъ мой открылъ непозволительную связь ея съ Окделемъ, то сдѣдствіемъ сего была та несчастная сцена, въ коей онъ былъ раненъ своимъ соперникомъ, — сцена, которой образъ живо запечатлѣлся въ мечтательныхъ и смутныхъ воспоминаніяхъ моего дѣтства.

Г. Окдель уѣхалъ, и нѣсколько лѣтъ никто не зналъ, что съ нимъ слѣлалось. Въ сіе-то время онъ жилъ въ хижинѣ вдовы. Мать моя съ своей стороны убѣжала на твердую землю.

Отецъ мой, по чувству оставшейся въ немъ благодарной нѣжности, и по сознанію великодушія, съ коимъ мать моя передала ему собственное свое имѣніе, удержался отъ всякаго протива нея судебнаго преслѣдованія. Онъ былъ, по словамъ Генерала, человѣкъ истинно рѣдкой души и необыкновеннаго благородства чувствованій; ибо, хотя онъ и излечился отъ раны, но не надолго пережилъ свое безчестье.

Тотчасъ послѣ сего приключенія, меня отослали къ моей бабушкѣ; но сердце и силы ея не устояли противъ потрясенія, произведеннаго въ ней вѣстью, что сынъ ея раненъ смертельно. Она также умерла, а я съ тѣхъ поръ былъ отданъ подъ надзоръ Г-жѣ Ормондъ, бывшей нѣкогда наставницею моей матери и не переставшей оплакивать заблужденія своей прекрасной и нѣжно-любимой питомицы. Генералъ Огльторпъ былъ назначенъ отцемъ моимъ въ главные попечители о моемъ воспитаніи.

»Я думалъ,» сказалъ мнѣ Генералъ, »что племянница моя не спанетъ вмѣшиваться въ распоряженія, впрочемъ для нея столь благопріятныя. И въ самомъ дѣлѣ, долго она не изъявляла никакого желанія тебя видѣть или руководствовать тобою. Совсѣмъ тѣмъ, однажды случилось, что прочитавъ въ одномъ журналѣ подробности о праздникахъ, данныхъ о Рождествѣ въ замкѣ Б ***, гдѣ Г. Окдель тогда находился, и узнавъ, не помню порядочно, какимъ образомъ, что и ты былъ тамъ, она вдругъ взволновалась стыдомъ и раскаяніемъ и приказала отвезти тебя въ Итонъ. Кромѣ сего обстоятельства, я ни разу не былъ принужденъ прибѣгать противъ нея ко власти, мнѣ ввѣренной. Съ тѣхъ поръ, ты безпрестанно и совершенно былъ подъ моимъ вѣдѣніемъ.«

Такимъ образомъ тайна, которую такъ долго и такъ жадно хотѣлъ я узнать, была мнѣ наконецъ объявлена! Я спросилъ съ жаромъ, что сталось съ моею матерью? Но старый служивый никакъ не хотѣлъ мнѣ того сказать. Онъ даже выпребовалъ отъ меня торжественное обѣщаніе, что я никогда не буду стараться ее увидѣть.

— »Она обезславила и себя, и всѣхъ насъ,» сказалъ онъ съ гордостью: »только изъ чистаго сердоболія и по остатку родственной любви, мы почитаемъ ее умершею и не клянемъ ея память.«

Нельзя было не признать такой убѣдительной причины....Я принужденъ былъ дать помянутое обѣщаніе: меня обязывала къ тому кровь моего отца....— Роковый залогъ! пагубное обѣщаніе!...

Но пусть мое перо здѣсь отдохнетъ; пусть моя дрожащая рука остановится на нѣсколько минутъ. — О! дайте мнѣ передышать, пока не вызову произшествій, ознаменовавшихъ раповременную зарю дней моихъ, болѣе наполненныхъ ужасами, нежели та печальная ночь, которая скоро меня сокроетъ въ мрачной долинѣ усопшихъ!

Глава III.

Замокъ Бичендель и паркъ его были изъ числа лучшихъ помѣстій въ Англіи; но кровь моего отца прикипѣла на немъ пятнами, всегда видимыми для моего воображенія; а проступокъ моей матери, не менѣе того неизгладимый, все въ немъ поразилъ проклятіемъ. Замокъ отзывался упадкомъ и запустѣніемъ, какъ проклятое жилище.

Когда Генералъ Огльторпъ кончилъ свой разсказъ, а я далъ полную волю моимъ слезамъ, которыхъ никакъ не могъ удержать; тогда я всталъ и пошелъ къ дверямъ библіотеки, въ которой мы находились. Онъ шелъ за мною, держа меня въ рукахъ. Молча мы перешли въ гостиную. Я смотрѣлъ на ея пышное убранство, и взоръ мой упалъ на богатый и внушавшій любопытство сніолъ, съ поставленными на немъ Французскими часами. Я пришелъ въ такое волненіе отъ воспоминаній, пробужденныхъ во мнѣ симъ предметомъ, что не въ состояніи бывъ крѣпиться, предался моей горести во всей ея силѣ.

— «Генералъ! пусть этотъ домъ будетъ срытъ! Онъ памятникъ преступленія, наполненный кровью отца моего, и еще болѣе наполненный стыдомъ моей матери! домъ безславія и несчастія!»

Слеза остановилась на лицѣ почтеннаго старика, и не сказавъ ни слова, онъ одною рукою дружески прижалъ меня къ сердцу, а другою въ то же время приподнялъ шляпу и закрылъ ею себѣ лице. Сильное изліяніе нашихъ ощущеній было кратковременно: оно бы насъ измучило. Почти въ тотъ же мигъ онъ меня оставилъ и вышелъ въ другую комнату отдать приказаніе, чтобы все было готово къ нашему отъѣзду.

— «Мы поѣдемъ осмотрѣть твое отцовское наслѣдіе, «сказалъ онъ. «Тамъ ничто не напомнитъ тебѣ чего либо подобнаго; тамъ нѣтъ никакого памятника сихъ сценъ безчестія, совершившихся подъ пышными сводами этого дома и помрачившихъ блескъ его нечистымъ прикосновеніемъ злодѣйства. Поѣдемъ!»

Я безотвѣтно послѣдовалъ за нимъ въ карету. Вечеромъ мы прибыли въ *Тросель-Гровъ*. Здѣсь старинныя сѣни, величавая громада зданія, большіе камины, украшенные фамильными гербами и зала, обставленная портретами рыцарей и вооруженныхъ воиновъ, пробудили всѣ дремавшія воспоминанія о первыхъ впечатлѣніяхъ моего дѣтства.

Впрочемъ, это было неуклюжее строеніе; но все въ немъ отражало какой-то видъ благородства, какія-то черты почтенной старины, какъ будто бы донынѣ еще свидѣтельствовавшія о гостепріимствѣ древнихъ владѣльцевъ

— «Здѣсь-то,» сказалъ я Генералу, когда мы входили въ гостиную: «здѣсь - то будетъ мое мѣстопребываніе. Самый воздухъ здѣсь для меня сладокъ по воспоминанію той нѣжности, которую мнѣ оказывали. Я какъ будто окруженъ любовью родственной; здѣсь, можетъ быть, прижималъ меня къ груди своей несчастный мой родитель, тогда какъ пальцы его бродили по перевившимся кудрямъ моихъ волосовъ.»

Добрый старикъ прожилъ со мной около недѣли. Въ это время положено было между нами, чтобъ я не возвращался въ Оксфордъ, и чтобы вскорѣ по окончательномъ приведеніи въ порядокъ дѣлъ моихъ, я отправился на твердую землю и пробылъ тамъ годъ или два. Сіи приготовленія къ путешествію и дѣловыя заботы занимали меня нѣсколько мѣсяцевъ....

Мрачныя предчувствія, предтечи неизбѣжныхъ бѣдствій, непрестанно тревожили мое сердце. Непрестанно была у меня на душѣ какая - то мгла и чернота. Но только тогда, какъ я остался одинъ съ самимъ собою, почувствовалъ я вполнѣ, сколько я былъ запутанъ въ неопразимомъ вихрѣ судьбы, которая, подобно водамъ рѣкъ, не вѣдаетъ обратнаго теченія.

Глава IV.

По пріѣздѣ въ Гарвичъ, я нашелъ пакетботъ, готовый къ отплытію; поклажа моя, накапунѣ посланная изъ Тросель-Грова, была на пакетботѣ.

Когда отчаливали, я стоялъ на палубѣ, гдѣ новость зрѣлища, шумъ матросовъ и быстрота отплытія заняли меня на нѣсколько минутъ; но скоро могущество моихъ воспоминаній снова мною овладѣло и я ушелъ въ свою каюту.

Капитанъ прибылъ на пакетботъ не прежде вечерняго прилива. Уже смерклось. Небо заволоклось тучами. Но вѣтеръ такъ былъ слабъ, что едва мы его ощущали, и насъ болѣе чѣмъ на милю отшянуло въ сторону, когда снялись съ якоря: все еще погода не довольно была крѣпка для того, чтобы судно пошло по направленію руля.

Во время шума и дѣятельности отчаливанія, вышелъ я изъ каюты и опершись о перилы палубы, далъ свободу грустному и задумчивому разположенію моего духа.

По выходѣ нашемъ изъ гавани, видъ неба сдѣлался менѣе грознымъ. Тамъ и сямъ изъ-за тучъ проблескивали звѣздочки; зыкъ вѣтра въ парусахъ и хлебетанье волнъ о бока корабля разгоняли отчасти однообразіе ночи: но такая перемѣна послужила только къ тому, чтобы поселить въ моихъ мысляхъ цѣлую толпу мрачныхъ ощущеній.

Корабль покачивался тихимъ, унылымъ движеніемъ: почти можно сказать, незамѣтнымъ движеніемъ времени, плывущаго по Океану вѣковъ. Звѣзды выглядывали по временамъ, но темныя и туманныя; иногда же онѣ выказывались ярче, подобно жителямъ Неба, стекшимся на зрѣлище другаго міра. Воображеніе могло бы найти въ тихомъ ропотѣ воздуха и урчаньи воды, какое-то неблизкое сходство со вздохами и сѣтованіями, раздающимися вокругъ одра смерти.

Черная, мрачная восторженность, овладѣвшая мною, увеличилась еще болѣе свѣтомъ всплывшей луны, который сообщалъ промежуточному горизонту земли ужасный и таинственный видъ огромнаго тѣла, окутаннаго прощальнымъ бѣлымъ саваномъ.

Въ это время мы вышли въ открытое море, что доказывалось свободнымъ движеніемъ корабля. Луна взошла на нѣсколько градусовъ надъ горизонтомъ. Облака зарорвались волнистыми клочками и по открывшимся между ними пространствамъ, являлись созвѣздія въ священной и высокой своей неподвижности.

Межъ тѣмъ какъ корабль шелъ на всѣхъ парусахъ, я покинулъ перилы, на кои опирался, и легъ на палубѣ, обхватя себѣ голову руками. Порою смотрѣлъ я на звѣзду зенита, порою старался дать волнистымъ об-

лакамъ, по мѣрѣ какъ ихъ формы измѣнялись и превращались, торжественно-мечтательное изтолкованіе.

Въ такомъ положеніи суевѣрнаго созерцанія, глаза мои остановились на небольшой черной точкѣ, отдѣлившейся отъ края тяжелой громады облаковъ. Я слѣдовалъ за ея измѣненіями до тѣхъ поръ, когда мнѣ показалось, что вижу темный и неполный образъ двухъ рукъ, держащихъ нѣчто похожее на гробницу.

Кровь моя застыла и я дрожалъ по мѣрѣ, какъ это явленіе развертывалось передъ моими глазами; ибо я наконецъ ясно увидѣлъ тѣло, которому принадлежали сіи могущественныя руки....

Я всталъ, трепеща отъ ужаса. Въ то же мгновеніе, большая черная корабельная собака подошла ко мнѣ; глаза ея устремились на предвѣстіе, какъ будто бъ она говорила мнѣ: »Смотри!» — Потомъ пристально глядя мнѣ въ лице, подняла она ужасный вой, во время котораго матросамъ слышались отдаленные голоса. Напуганные симъ страшнымъ стеченіемъ устрашающихъ обстоятельствъ, они приготовлялись къ кораблекрушенію и предвѣщали себѣ и мнѣ неизбѣжную смерть и влажный гробъ.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

ЭПИГРАММА.

Сказавъ прости крючкамъ, обманамъ,
Попалъ въ писатели Пахомъ,
И долго жилъ чужимъ карманомъ,
Задумалъ жить чужимъ умомъ.
Но въ этотъ разъ Пахомъ въ упрашѣ,
И послужной замаранъ листъ:
Онъ былъ Совѣтникомъ въ Палатѣ,
Теперь на Пиндѣ Копіистъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЕ АЛЬМАНАХИ НА 1831 ГОДЪ.

Сиротка, литературный Альманахъ на 1831 годъ, изданный въ пользу Заведенія призрѣнія бѣдныхъ сиротъ. — Москва, въ типогр. С. Селивановскаго, 1831. (239 стран. въ 16-ю д. л. (*).

Во первыхъ, должно похвалить Альманахъ сей, какъ доброе дѣло; и тѣ, кому принадлежитъ мысль его изданія съ столь благородною цѣлью, конечно нашли уже награду свою въ удовольствіи душевнаго своего сознанія, въ удовольствіи чистомъ, которое есть задатокъ награды, ожидающей ихъ на Небесн. Вотъ лучшіе плоды безкорыстной любви къ Музамъ! вотъ лучшее оправданіе Литераторовъ въ глазахъ свѣта, нерѣдко считающаго ихъ за безполезныхъ тунеядцевъ!

Но здѣсь мы похвалили только прекрасное намѣреніе; теперь похвалимъ и прекрасное исполненіе въ отношеніи литературномъ: Альманахъ богатъ статьями занимательными.

Первая изъ нихъ: *Письмо изъ Москвы* (А. Галахова), знакомитъ читателей съ тѣмъ Заведеніемъ, въ пользу котораго изданъ Альманахъ сей.... Но подробный разборъ всѣхъ статей занялъ бы много мѣста и отнялъ бы у книжки приманку новости. Ограничимся исчисленіемъ. Вторая статья въ прозѣ: *Торжество вѣры, истинное произшествіе* (соч. Д. Бантыша-Каменскаго); 3-я *Отступленіе Французской арміи и походъ на Вязьму* (соч. Ѳ. Н. Глинки); 4-я *Отрывки изъ писемъ изъ-за границы* (О. Сомова); 5-я *Взятіе Кіева и осада Новгорода*, (отрывокъ изъ Исторіи Рускаго народа, соч. Г. Полеваго) 6-я Прогулка въ окрестностяхъ Москвы, ***; 7-я Статья безъ заглавія (Н. Иванчина-Писарева) 8-я *Петрусь, Малороссійскій анекдотъ* (М. П. Погодина; 9-я *Долина Мертвецовъ* (Отрывокъ изъ новаго романа: Послѣдній Новикъ, Ива. Ложечникова); 10-я *Теорія поклоновъ*, (В. Андросова). Если бы мы стали разсматривать и сравнивать сіи статьи въ собственно-альманачномъ смыслѣ, то отдали бы первенство Малороссійскому анекдоту, весьма живо разсказанному Г. Погодинымъ, и отрывку изъ романа: *Послѣдній Новикъ*, заключающему въ себѣ весьма любопытное преданіе о мѣстахъ, знакомыхъ Остзейскимъ нашихъ соотечественникамъ. Скажемъ также, что мы въ анекдотѣ: *Петрусь*, замѣтили большое сходство съ содержаніемъ прекрасной Малороссійской оперы: *Наталка Полтавка* (*), сочиненной И. П. Котляревскимъ, которому Г. Погодинъ посвятилъ свой анекдотъ.

Стихотвореній въ Альманахѣ: *Сиротка*, помѣщено 32. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ удовлетворить вкусъ самый взыскательный. Поэты, коихъ произведенія напечатаны въ семъ Альманахѣ, суть: *Баратынскій, Вельтманъ, Кн. Вяземскій, Глинка* (Ѳ. Н.), *Глинка* (С. Н.), *Горчаковъ, Гребовъ* (Дм.), *Козловъ* (И. И.), *Лихонинъ, Новиковъ, Ознобишинъ, Пушкинъ* (А. С.), *П. П.*, *Раичъ, Степановъ, Трилунный, Тютчевъ, Ше-*

(*) Цѣна экземпляру, на бѣлой бумагѣ, съ виньетками и нотами, 5 р.; на веленевой, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ, 10 р. За пересылку прилагается 1 р. — Особы, желающія платить болѣе назначенной цѣны, въ пользу заведенія, могутъ записывать пожертвованія свои въ шнуровую книгу за печатью Г. Начальствующаго, Князя П. П. Гагарина.

(*) Какъ жаль, что сіе произведеніе, имѣющее неотъемлемое достоинство народности Малороссійской, донынѣ не напечатано. Мы пожелали бы также, чтобъ оно было и представлено въ столицѣ, если бъ не побоялись, что оно будетъ изковеркано дурнымъ произношеніемъ и каррикатурною игрою въ пьесѣ, большой чувствомъ и вовсе не похожей на фарсы.

выревъ, *Ар. Шишковъ*, *Л. Якубовичъ* и два, не подписавшіе своихъ именъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Альманахъ сей найдетъ весьма многихъ покупателей: и высокое достоинство благотворительной цѣли, и достоинство литературное самой книжки, сулятъ ей полный успѣхъ и оправданіе тѣхъ надеждъ, которыми одушевлены были сострадательные Издатели ея. — Мы позабыли еще присовокупить, что къ сей книжкѣ прилагается тетрадка нотъ, заключающая въ себѣ музыку трехъ романсовъ, расположенныхъ для фортепіано съ пѣніемъ: 1) *Сиротка*, слова В. А. Жуковскаго, музыка Г. Кубишпы; 2) *Пѣсня Дездемоны*, слова И. И. Козлова, музыка Е. А. Окуловой, и 3) *Гилинъ*, слова А. Д. Галахова, музыка Г. Кубишпы. Въ началѣ же Альманаха приложена литографированная заглавная виньетка, изображающая маленькаго сироту, оставленнаго въ колыбели, среди кладбища, на изсохшей вѣтви дерева.

СМѢСЬ.

Заимствуемъ изъ прибавленія къ *Русскому Меркурію*, издаваемому на Нѣмецкомъ языкѣ Г. Ольдекопомъ, слѣдующую статью о первой Руской Ораторіи.

»Филармоническое Общество, кромѣ благотворной цѣли своей: попеченія о вдовахъ и сиротахъ, ежегодно старается доставлять любителямъ музыки благородное наслажденіе разыгрываніемъ образцовыхъ произведеній.

»11-го текущаго Марта сіе Общество даетъ въ первый разъ оригинальную Рускую ораторію. Текстъ оной есть знаменитая ода *Богъ*, безсмертнаго Державина, а музыка сочинена И. Л. Фуксомъ для четырехъ главныхъ голосовъ и хора (4 Solostimmen und Chor) съ большимъ оркестромъ, и предоставлена въ пользу Филармоническаго Общества. Сочинитель сей ораторіи есть тотъ самый, который издалъ *Практическое руководство къ сочиненію музыки*, о коемъ съ особенною похвалою отозвались наши (*) и другія повременныя изданія, и между прочимъ Лейпцигская музыкальная газета.

«Извѣстно, что ода Богъ весьма удобно можетъ быть положена на музыку, какъ вообще по высокому своему предмету, такъ и по содержащимся въ оной отдѣльнымъ описаніямъ творческой силы и могущества Божія, кои могутъ быть выражены не отъ лица одного Поэта, но и отъ всѣхъ людей; на семъ основаніи, текстъ прилично можетъ быть представленъ въ формѣ арій, дуэтовъ и хоровъ и т. п.

«Должно однако сознаться, что Сочинитель принялъ на себя трудъ, не весьма легкій. Когда содержаніе текста незначительно или когда онъ заключаетъ въ себѣ многія небольшія фразы, выражающія одну и ту же мысль, и потому способныя къ неизбѣжнымъ въ музыкѣ повтореніямъ, то это много облегчаетъ Композитора въ составленіи музыкальныхъ фразъ, и тѣмъ вмѣстѣ облегчается расположеніе и ходъ цѣлой пьесы. Когда текстъ для музыкальной пьесы состоитъ, на прим. изъ одного слова: Аллилуія, то Сочинитель музыки можетъ располагать текстъ со всею свободою и его фантазія не имѣетъ препятствій въ своемъ развитіи. Въ семъ также случаѣ онъ можетъ не обращать никакого вниманія на вѣрность декламаціи, уже по окончаніи піесы приноровить слова къ нотамъ, не разбирая строго, на какой слогъ упадетъ удареніе. Стихотвореніе, каково ода: *Богъ*, не представляетъ ни одной изъ сихъ выгодъ. Тутъ каждое слово имѣетъ свой вѣсъ и каждая отдѣльная мысль выражается немногими словами, отъ чего повтореніе оныхъ безъ искаженія смысла дѣлается весьма затруднительнымъ, особенно въ фугѣ, для хорошаго исполненія которой необходимо, чтобы поющій выговаривалъ по немногу словъ. Наконецъ вѣрная декламація въ такой возвышенной поэзіи необходима. Почему по всѣмъ отношеніямъ весьма желательно, чтобъ Г. Фуксу удалось счастливо преодолѣть сіи препятствія, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ членъ Филармоническаго Общества, предпринялъ сей трудъ единственно для доставленія пользы благотворительному заведенію. Довѣренность сего Общества, опредѣлившаго разыграть его сочиненіе, должна быть для него весьма лестною. Здѣсь замѣтимъ, что мы имѣемъ полную увѣренность въ успѣхѣ Г. Фукса, пользующагося заслуженною славою глубокаго знатока музыки, умѣющаго счастливо соединять теорію съ практикою; потому и надѣемся, что ожиданія всѣхъ знатоковъ и любителей музыки будутъ вполнѣ удовлетворены симъ концертомъ.»

(*) См. No 61-й Литер. Газеты, 1830 года.

Въ книжномъ магазинѣ Слѣпина, у Казанскаго моста, поступила на сихъ дняхъ въ продажу книга: *Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича*, соч. В. Н. Берха. Цѣна экземпл. 12 р., съ пересылк. 14 р. Въ слѣдующ. NNo Газеты мы дадимъ подробный отчетъ о сей замѣчательной книгѣ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 12-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМЪ III, № 15. МАРТА 12го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Понедѣльникъ), — 7-го (въ Субботу), — 12-го (въ Четвертокъ), — 17-го (во Вторникъ), — 22-го (въ Воскресенье) и 27-го (въ Пятницу).

ПРЕДВѢСТІЕ.

Повѣсть.

(*Соч. С. Валтера Скотта.*)

Окончаніе третьей Эпохи.

Глава V.

Вѣтеръ становился свѣжѣе и свѣжѣе; качка пакетбота усиливалась все болѣе и болѣе; и наконецъ муки физической боли преодолѣли во мнѣ всѣ способности умственныя. Однако плаваніе наше скоро совершилось, ибо на другой же день мы пристали къ берегу въ Гамбургѣ.

Когда я сошелъ на землю и споялъ на набережной, то подошелъ ко мнѣ Англичанинъ, съ молодою дѣвушкой, которая по всѣмъ примѣтамъ была дочь его и держалась за его руку.

Англичанинъ сей имѣлъ осанку благородную и воинскую; и хотя привлекательность молодыхъ лѣтъ его уже оставила, но онъ былъ во всей красѣ возмужалости. Это былъ Генералъ Пёрсель, — я могъ бы прибавить: и *бѣдная его Марія*, которая тогда, держась за его руку, улыбчиво глядѣла на него прекрасными своими глазами, долженствовавшими, увы! такъ рано содѣлаться добычею червя могильнаго, и усмѣхалась милыми своими устами, кои были прелестнѣе и роскошнѣе росы утренней!

Но если я не изображу чувствованій, доколѣ невѣдомыхъ и родившихся во мнѣ при видѣ сего дивнаго созданія, мнѣ трудно будетъ ясно передать ужасный конецъ нашей бѣдственной повѣсти.... Совсѣмъ тѣмъ, удержу перо мое: ибо теперь я былъ бы преступникомъ, когда бы говорилъ о ней, какъ велитъ мнѣ мое сердце.

Генералъ, подошедъ ко мнѣ, ласково и вѣжливо завелъ со мной разговоръ. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ и семейство его ждали попутнаго вѣтра для возвращенія въ Англію. «Мы прожили многіе годы на твердой землѣ,» сказалъ онъ: «но жена моя напугана успѣхами Французскихъ войскъ и слѣдующимъ повсюду за ними низпроверженіемъ общественнаго порядка.»

Онъ разспрашивалъ меня о новѣйшихъ произшествіяхъ въ нашей отчизнѣ: я не могъ ему сообщить ничего особеннаго; и между тѣмъ какъ мой служитель выгружалъ мою поклажу, мы машинально подошли къ каретѣ, въ которой сидѣла Г-жа Пёрсель.

Не могу описать чудныхъ и восхитительныхъ ощущеній, произведенныхъ во мнѣ голосомъ и улыбкою этой дамы. Они были однако же кратковременны, ибо Марія стояла со мной рука объ руку, и пріятности матери ея были во мнѣ только мимолетнымъ чувствомъ дѣтской радости въ сравненіи съ тѣмъ пламеннымъ чувствованіемъ, которое зажгли въ моемъ сердцѣ улыбка и красота Маріи. Истинно любовь есть пожирающій огонь; ибо, подобно сей стихіи, когда она жжетъ два сердца чистыя и вѣрныя, то пламя, сливаясь вмѣстѣ, усиливается и подъемлется къ небесамъ, свѣтлому и божественному своему источнику.

Между тѣмъ вѣтеръ поминутно крѣпчалъ и началъ дуть порывисто; густыя тучи и сильный шквалъ набѣгали ближе и ближе.

Г-жа Пёрсель, оставшаяся одна въ каретѣ, лучше насъ замѣтила постепенные признаки бури и потому объявила, что не пустится въ море прежде, нежели погода сдѣлается благопріятнѣе. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній съ той и другой стороны, Генералъ согласился возвратиться въ гостинницу, въ которой они жили, и которую онъ мнѣ рекомендовалъ, какъ лучшую въ городѣ. Мнѣ не было нужды въ рекомендаціи, чтобы предпочесть ее всѣмъ прочимъ: то было мѣстопребываніе Маріи.

Генералъ, посадя дочь свою въ карету подлѣ ея матери, учтиво предложилъ мнѣ быть его спутникомъ.

Дорогой, и въ особенности по прибытіи нашемъ въ гостинницу, меня часто приводили въ смущеніе взоры Г-жи Пёрсель; она, по всѣмъ примѣтамъ, была права очень веселаго; но по временамъ ясность ея обхожденія по-

крывалась какою-то тѣнью. Иногда въ ней проглядывали даже принужденность, нетерпѣливость, и вообще она казалась крайне встревоженною моимъ присутствіемъ. Однако всѣ сіи замѣчанія не вдругъ пришли мнѣ на умъ: Марія была тутъ, и вся душа моя была занята ею.

Просидѣвъ у нихъ столь долго, что сіе выходило изъ предѣловъ обыкновенной вѣжливости, я поблагодарилъ Генерала за благосклонное его вниманіе, и ушелъ; но едва вышелъ я за двери, какъ мнѣ стало стыдно моей оплошности, что я не сказалъ ему моего имени — если только это можно назвать оплошностью: ибо я чувствовалъ непреодолимую неохоту сказывать свое имя людямъ посторонним, которымъ, можетъ статься, были извѣстны заблуженія моей матери.

Среди мучительныхъ размышленій, обладавшихъ мною, ощутилъ я нѣсколько мгновеній несказаннаго удовольствія. Образъ Маріи отражался свѣтло въ мысляхъ и надеждахъ моихъ. — Впечатлѣніе, произведенное во мнѣ ея матерью, было также неизъяснимо сладостно; совсѣмъ тѣмъ оно меня и радовало и вмѣстѣ печалило. Въ этомъ было что-то похожее на сіяніе луны, разливающее задумчивость въ тишинѣ лѣтней ночи, когда имъ освѣщаются безмолвные берега озера или моря. Но сіе обаятельное вліяніе матери скоро прошло, и Марія одна, въ полномъ блескѣ, прекрасная, осталась въ моемъ воображеніи.

Глава VI.

На другой день поутру, проспясь съ семействомъ Пёрсель, я пустился безъ цѣли бродить по городу. У меня не было въ виду ничего: любопытство во мнѣ дремало; одно чувство красоты Маріиной господствовало въ моемъ сердцѣ, но въ этомъ чувствѣ было больше унылости, нежели нѣги.

Она казалась мнѣ существомъ тончайшимъ и чистѣйшимъ, созданнымъ не для того, чтобы перенести тяжкія и жестокія превратности міра; и въ сердцѣ моемъ, когда я думалъ о сей нѣжной утонченности бытія Маріи, — любовь превращалась въ чувство сострадація.

Въ сихъ превожныхъ переходахъ отъ удивленія къ нѣжности, бродилъ я нѣсколько часовъ сряду. Вдругъ, когда я проходилъ мимо отворенныхъ дверей одной церкви, звукъ органовъ перервалъ мои мечты; сперва я слушалъ нѣсколько минутъ, а потомъ вошелъ въ церковь.

Это было старинное зданіе, построенное по большому и обширному размѣру, нѣкогда посвященное пышному служенію Римской церкви, а нынѣ превратившееся въ храмъ Протестанскій. Великолѣпіе алтарей и прекрасные лики иконъ уступили мѣсто смиреннымъ скамьямъ и каѳедрѣ строгихъ послѣдователей Мартина Люпера.....

Я сѣлъ на стулѣ, оставленномъ подъ органами. Я слышалъ звукъ нѣсколькихъ голосовъ, тихо разговаривавшихъ подлѣ инструмента. Органистъ сыгралъ духовную симфонію: ни въ игрѣ его, ни въ *мотивѣ* музыки ничего не было, заслуживавшаго обратить мое вниманіе; не смотря на то, духъ самаго мѣста дѣлалъ оную глубоко-торжественною; я почувствовалъ, что она могла бы източить ощущеніе радости, рожденное ею во мнѣ, когда бъ органистъ продолжалъ играть. Значительный промежутокъ молчанія и шепота послѣдовалъ за симфоніей; я всталъ, и хотѣлъ уже выйти изъ церкви, какъ вдругъ органы были пробуждены отъ онѣмѣнія аккордомъ столь очаровательной силы, что всѣ мои фибры затрепетали отъ него. Послѣ легкой и своеправной прелюдіи, новый игрокъ началъ пѣснь, которая долетѣла ко мнѣ съ волшебнымъ вліяніемъ. Тысячи радостныхъ видѣній и нѣжныхъ улыбокъ освѣтили меня; сладкія, восхитительныя ласки сжали меня въ объятіяхъ и сердце мое наполнилось несказаннымъ восторгомъ. Навѣрное, сказалъ я самому себѣ, я слышалъ уже эту пѣснь; и между тѣмъ какъ я старался вспомнить, гдѣ и когда, музыкантъ заигралъ другую, перенесшую меня мысленно въ гостинную Бичепделя. Я увидѣлъ ее во всей ея пышности, съ ея *талисманическимъ* столомъ и таинственными Французскими часами. Я увидѣлъ все это вокругъ меня также ясно и живо, какъ будто бы я и теперь еще лежалъ на коврѣ, играя апельсиномъ и слушая со всѣмъ изумленіемъ дѣтскихъ лѣтъ.

Я все еще стоялъ, размышляя и удивляясь непонятной власти надо мною сихъ мелодій, кои дѣйствительно не заслуживали никакого вниманія, когда непредвидѣнная рука ударила меня по плечу и вывела меня изъ задумчивости. Это былъ Генералъ Пёрсель, который съ семействомъ своимъ случайно, какъ и я, зашелъ въ церковь. — Да! подъ прелестными перстами Маріи старинныя и простыя пѣсни сіи выплились изъ органовъ съ силой очарованія, способнаго пробуждать забытыя чувствованія.... Увы! я приписывалъ участію, каковое она мнѣ внушала, то вліяніе, которое принадлежало только звукамъ, столь прекрасно ею выраженнымъ, тогда какъ игра болѣе грубая и рука не столь искусная произвели бы, можетъ быть, то же самое дѣйствіе на мою душу.

Четвертая Эпоха.

Глава I.

На другой день по прибытіи моемъ въ Гамбургъ, семейство Пёрсель отплыло для возвращенія на свою родину. Когда самъ я возвратился въ Англію, я увидѣлъ, что четыре года должны были протечь съ того вре-

мени, какъ я съ ними разстался, и узналъ это по приходной моей книгѣ, ибо иначе мнѣ казалось бы, что цѣлый вѣкъ протянулся. Не смотря на то, образъ Маріи во все сіе время столь постоянно жилъ въ моей душѣ, врѣзанный любовью и удивленіемъ, что увидѣвъ ее снова, я готовъ былъ утверждать, будто бы никогда съ нею не разставался. Красоты Швейцаріи и Италіи, восхищая мои глаза, никакъ не могли отвлечь меня отъ воспоминанія объ ней. Я повсюду находилъ прелесть и пріятность Маріи.

Глава II.

Въ семъ очарованномъ состояніи, когда все было ею, когда все прекрасное, доброе или милое напоминало мнѣ объ ней, часто бывали со мной скоролетные промежутки какого-то темнаго страха, часто желалъ я или меньше любить ее, или быть увѣреннымъ, что она будетъ моею.

Однако я скоро одержалъ верхъ надъ всѣми этими мыслями, ибо считалъ ихъ завистливыми навѣтами какого нибудь злаго духа. — Увы! не были ль это вѣрнѣе темныя и таинственныя предызвѣщенія Ангела хранителя судьбы моей, хотѣвшаго утушить любовь, которую считалъ я тогда столь чистою.... столь чистою, какъ сіяніе неба.

Съ перваго дня, какъ Г-жа Пёрсель замѣтила мои стараніи нравиться Маріи, въ ней произошла видимая перемѣна. Бывъ отъ природы весела, и по своимъ лѣтамъ мила, ловка и даже вѣтрена, вдругъ она сдѣлалась задумчива; глаза ея, часто устремленные на меня съ нѣжнымъ жаромъ, казалось, испрашивали у меня состраданія.

Я замѣтилъ сію непроницаемую тайну въ ея поступкахъ, особливо когда при моихъ посѣщеніяхъ мнѣ случалось быть съ нею наединѣ. Тогда часто, между разговоромъ, языкъ ея лепеталъ невнятно и голосъ измѣнялъ ей. Однажды она сказала мнѣ со вздохомъ, что безъ сомнѣнія у меня мало было друзей, и удивлялась тому, зная огромное мое богатство. — Все въ ней показывало пламенное желаніе пріобрѣсти мою довѣренность, ибо много подобныхъ рѣчей у нея вырывалось. Но когда Генералъ или Марія были съ нами, тогда она выказывала такую веселость, которая невольно заставляла меня думать, что она женщина хитрая до невѣроятности.

Однажды, когда мы стояли вдвоемъ у окна въ гостиной, она нѣжно и дружески положила свою руку мнѣ на плечо. Почувствовавъ, что эта рука лежала на мнѣ, я отскочилъ отъ нея, и вдругъ она вышла изъ комнаты вся въ слезахъ. Могъ ли я сомнѣваться, что она питала ко мнѣ необыкновенное чувство?

Послѣ обѣда, оставшись дома и занимаясь чтеніемъ (это было въ Лондонѣ), я вспомнилъ объ этомъ страстномъ сумасбродствѣ. Я началъ размышлять о недогадливости, какъ я тогда думалъ, побудившей меня такъ сильно задобрить мать въ мою пользу, и не могъ удержаться отъ смѣха тому, что почиталъ тогда съ моей стороны неловкою двуличностью. Въ эту минуту послышался стукъ кольца у воротъ и отвлекъ меня отъ моихъ мыслей. Мнѣ доложили о прибытіи самой Г-жи Пёрсель.

Глава III.

Глаза ея сверкали дикимъ блескомъ, и какъ скоро дверь была притворена, она закричала мнѣ:

— »Если Генералъ Пёрсель не хочетъ положить конецъ вашимъ посѣщеніямъ и запретить вамъ входъ въ нашъ домъ, то я беру это на себя! Я за тѣмъ сюда пришла; я не могу ихъ терпѣть, несчастный!...«

Сказавъ сіи слова, она упала на софу, обезсилѣвъ отъ напряженія. Она не въ состояніи была промолвить больше ни слова; внутреннее волненіе захватывало у нея духъ.

Я и самъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не въ состояніи былъ даже и мыслить; я совсѣмъ потерялся отъ изумленія. Когда же я столько поуспокоился, что могъ говорить, то просилъ ее уполить свой гнѣвъ на меня.

— »Мой гнѣвъ!« промолвила она съ выраженіемъ усиленной горести, взявъ мою руку и обливая ее слезами.

— »Боже Всесильный!« вскричалъ я, и стараясь дать такой оборотъ рѣчи, чтобы не прямо попасть на то, что почиталъ причиной ея горести, продолжалъ: »Скажите, что все это значитъ? Не равный ли я вашей дочери? мой родъ не равняется ли съ ея родомъ? есть ли различіе между нашимъ достаткомъ?

— »Охъ! все такъ!« отвѣчала она. Потомъ примолвила: »Вы слишкомъ равны ей — и слишкомъ ее любите! — Какъ я несчастна!

— »Что говорите вы?« спросилъ я встревожась и изумясь: »Можно ли слышать такое объясненіе отъ машери и супруги?

— »Отъ машери и супруги! Если бы вы могли вообразить, какія муки слова эти производятъ здѣсь!« Тутъ она положила руку свою на мое сердце. Потомъ, встав съ софы, начала ходить большими шагами по моей комнатѣ, ломая себѣ руки со всѣми знаками сильнѣйшаго волненія души. Это было истинно ужасное зрѣлище безумія и отчаянія!

Такое состояніе продолжалось нѣсколько минутъ. Я остолбенѣлъ отъ удивленія и стоялъ неподвижно, какъ мраморная статуя. Вдругъ, она какъ будто преодолѣла свое смятеніе и подошла ко мнѣ съ видомъ спокойной рѣшимости; я видѣлъ, что она намѣрена была говорить со мной. Но въ тотъ же мигъ она захохотала неестественнымъ смѣхомъ, такъ, что сочтя ее за сумасшедшую, я бросился къ дверямъ, чтобы призвать кого

къ ней на помощь. Она угадала мою мысль и удержала меня, крѣпко ухватя за руку.

— »Выслушай,« сказала она: »выслушай меня, Генрихъ! Генрихъ!« Я вздрогнулъ отъ сего нѣжнаго, родственнаго призыва; но пришедъ болѣе въ себя, нежели прежде, отвѣчалъ ей: »Милостивая Государыня! я вовсе не понимаю причины такой горячности.« — Буйность ея взоровъ тогда смягчилась, и я умолкъ, чтобы дать ей свободу говорить.

— »Нѣтъ! нѣтъ! вы меня не понимаете, вы не можете понять меня. Садитесь сюда на софу, подлѣ меня. Одна я начала это дѣло бѣдствій, одна я должна его кончить....«

Сказавъ сіи слова, она склонилась головой ко мнѣ на плечо, и горько заплакала.

Въ сію самую минуту, стукъ тяжелаго кольца у воротъ напомнилъ мнѣ, что Сайденгемъ обѣщался прійти ко мнѣ именно въ этомъ часу.

— »Не къ вамъ ли стучатся?« спросила она съ безпокойствомъ; и едва успѣлъ я отвѣчать, что ко мнѣ, какъ она вышла изъ комнаты и взошла во второй этажъ. Въ то же мгновеніе голосъ ея мужа послышался у дверей. Онъ спрашивалъ, дома ли я. Голосъ его былъ отрывистъ и громокъ; шаги его по лѣстницѣ, когда онъ всходилъ, тяжело отдавались; и когда онъ вошелъ въ комнату, лице его было блѣдно и въ черныхъ его глазахъ отражалось бѣшенство.

Глава IV.

— »Здѣсь ли Г-жа Пёрсель?« спросилъ онъ, подойдя къ столу, на которомъ лежала книга, читанная мною, когда вошла жена его. Топъ его былъ обидѣнъ, и я съ прудомъ перенесъ заключавшуюся въ немъ угрозу.

— »Сами видите, здѣсь ли!« отвѣчалъ я, отходя къ камину съ чувствомъ жалости и болѣзненнаго сострадания, совершенно различнымъ отъ того, коимъ онъ былъ взволнованъ и встревоженъ.

Удивясь, что я смотрѣлъ на него такимъ образомъ, онъ умолкъ и съ безпокойствомъ озирался вокругъ. — »Генералъ Пёрсель,« сказалъ я, скрывая мое смущеніе: »мнѣ бы должно было оскорбиться вашимъ страннымъ посѣщеніемъ. Если моя любовь къ вашей дочери не нравится ни родительницѣ ея, ни вамъ, то, думаю, вы не обидитесь, когда я спрошу о причинѣ тому, особливо же, что могло мнѣ съ вашей стороны навлечь такое неразположеніе?

— »Съ моей стороны, я не нахожу никакихъ причинъ; но Г-жа Пёрсель была всегда женщиной отмѣнно своенравной, и она-то съ крайнимъ упорствомъ противится вашимъ исканіямъ. Скажу правду: я очень увѣренъ, что Маріи нельзя желать лучшаго жениха; но матери ея такъ противна ваша любовь, что она не хочетъ и слышать объ ней. Нынѣшнимъ вечеромъ она такъ сильно настаивала, чтобъ я вамъ отказалъ отъ моего дома.... что я подозрѣваю.... да, я думаю.... что она даже....«

Онъ запнулся, и послѣ коротской остановки, прибавилъ:« Но невозможное дѣло, чтобы привязанность, которую вы являете Маріи, была ничѣмъ инымъ, какъ личиною для сокрытія....« — Тутъ онъ снова остановился.

— »Генералъ! я не стану притворяться, будто бы не понимаю, что вы хотите сказать; но я человѣкъ честный, и однимъ словомъ вы можете разогнать все мое безпокойство.... Согласны ли вы отдать за меня Марію?

— «Какъ же? развѣ безъ согласія матери ея?

— »Съ меня довольно вашего, если Марія желаетъ быть моею.

— »Въ такомъ случаѣ должно вести это дѣло въ тайнѣ, ибо Г-жа Пёрсель глуха къ увѣщаніямъ разсудка и слѣпа для опасностей, какъ скоро ея чувствованія или страсти взволнованы. Ничто не въ состояніи унять буйности ея права и преодолѣть ея упорства. Либо она любитъ васъ, либо ненавидитъ: одно изъ сихъ двухъ чувствованій источникомъ ея сопротивленія, а оба равно противны здравому смыслу, оба они сумасбродство.

— »Но,« замѣтилъ я, »это состояніе не можетъ существовать долѣе чувства, ею овладѣвшаго.

— »Такъ оно будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока она не будетъ удовлетворена,« возразилъ онъ возвыся голосъ.

— »По этому нѣтъ надежды, чтобъ ея сопротивленіе ослабилось; когда же вы согласны на мой бракъ съ Маріей, то могу ли я просить у васъ ея руки?

— »Вы владѣете ея сердцемъ; такъ я думаю, и я даю вамъ мое согласіе. Но будьте осторожны, и постарайтесь, чтобъ я ни во что не долженъ былъ вмѣшиваться до самой той минуты, когда мое присутствіе будетъ совершенно необходимо.«

Когда онъ оканчивалъ сіи слова, я услышалъ шумъ въ корридорѣ и ожидалъ появленія Г-жи Пёрсель; но она въ потьмахъ сошла съ лѣстницы и ушла изъ дому.

Нѣтъ нужды упоминать о томъ, что произходило послѣ сего между Генераломъ и мною. Я не смѣю даже ввѣрять бумагѣ моихъ размышленій. — Помню только одни событія. — Цѣпь бѣдствія была закована наглухо. — Чародѣйство, долженствовавшее кончиться ужасомъ, начинало свой ходъ. — Жертвы были уже прикреплены къ роковому столбу. — Но имъ невѣдомы еще были ни положеніе, ни судьба ихъ. Онѣ были тамъ счастливы, — и подобно какъ посреди благовонія цвѣтущихъ и пѣнистыхъ садовъ Сицилiи, волканъ былъ подъ ихъ ногами и землетрясеніе нюлько что дремало.

Глава V.

Я замѣтилъ по собственному опыту два рода лунатическаго *ясновидѣнія:* одно обыкновенное и свойственное вообще всѣмъ умамъ; другое странное и пророческое, только изрѣдка приключающееся даже тѣмъ людямъ, кои подвержены припадкамъ меланхолін. Сіи наблюденія были уже дѣланы знаменитыми мыслителями, которые дали имъ отличительныя названія *сновъ* и *видѣній*. Первые состоятъ въ невольномъ, неправильномъ, преувеличенномъ воспоминаніи впечатлѣній, дѣйствовавшихъ на чувства наши въ бодрственномъ состояніи; послѣднія суть какъ бы предостереженія прорицательныя. Къ сему-то роду принадлежало предвѣстіе, возмущавшее мой покой во все продолженіе сей роковой ночи.

Въ умѣ моемъ представилось видѣніе старинной церкви; я видѣлъ хоругви, рѣзныя сѣдалища для клира, гробницы съ неподвижными ихъ статуями, длинные переходы, колонны съ отразившимися на нихъ радугами отъ разноцвѣтныхъ *витраловъ*. Я стоялъ передъ алтаремъ съ Маріей, моею невѣстой! Отецъ ея былъ тутъ же, а священникъ совершалъ таинство. Я держалъ кольцо на готовѣ; какъ вдругъ, вмѣсто Маріи, я увидѣлъ мать ея. Обрядъ церковный продолжался по прежнему, какъ будто бы этого подмѣненія вовсе не было; но когда моя обручница подняла руку для принятія кольца, блескъ онаго сдѣлался пылью и она подала мнѣ изсохшіе пальцы остова.

Хотя вся моя судьба заключалась въ этомъ откровеніи и въ бурныхъ чувствованіяхъ, мучившихъ меня по пробужденіи; но я тотчасъ началъ разсуждать и прінскалъ этому предвѣстію спокойное и холодное истолкованіе.

Весьма недвусмысленная склонность, оказанная мнѣ Г-жею Пёрсель, была побудительною причиной ея сопротивленія моему браку; и видѣніе казалось мнѣ только соннымъ напоминаніемъ того, что было вечеромъ. Совсѣмъ тѣмъ эта рука мумін все еще была у меня передъ глазами и внушала мнѣ страхъ увидѣть въ существенности какое нибудь ужасное сочетаніе подобныхъ обстоятельствъ, какъ то свадьбу и похороны, и потомъ смерть сидящую на пиршествѣ.

Въ слѣдующее утро, я послалъ за Сайденгемомъ; и когда увѣдомилъ его о происходившемъ, онъ тотчасъ взялся за распоряженія, необходимыя къ довершенію моего счастія! — Счастія! — Вечеромъ, я написалъ къ Генералу Огльторпу, извѣщая его о моемъ выборѣ. — Дѣдъ мой былъ уже очень старъ и хилъ здоровьемъ. Онъ жилъ обыкновенно въ Башѣ и рѣдко выѣзжалъ оттуда, но мы вели постоянную переписку; и хотя я не увѣдомлялъ его прежде о моей страсти къ Маріи Пёрсель, но онъ зналъ однако, что я намѣренъ былъ жениться.

Глава VI.

Сочтено было за лучшее, свадебныя приготовленія сдѣлать безъ пышности, и положено, чтобы тотчасъ послѣ церковнаго обряда мы отправились въ горы Шотландскія. По причинѣ слѣпаго и пристрастнаго упорства Г-жи Пёрсель, мы условились, чтобы Генералъ, подъ предлогомъ, будто бы хочетъ показать Маріи рѣдкости Лондонской *Башни* (Tower), повезъ ее въ одну изъ церквей, находящихся въ *Сити*. Тамъ можно было совершить обрядъ, не подвергаясь тому, чтобъ онъ былъ прерванъ матерью, отъ которой опасались какой нибудь странной, насильственной выходки.

Вмѣсто того, чтобъ отправить по слѣдующей почтѣ отвѣтъ, Генералъ Огльторпъ самъ пріѣхалъ изъ Бата и вошелъ неожиданно въ мою комнату, когда Сайденгемъ былъ у меня. Я вскочилъ, чтобы принять его съ чувствомъ живѣйшей радости. Видѣть его въ Лондонѣ, при такомъ случаѣ, было гораздо болѣе, нежели я смѣлъ надѣяться, знавъ его недуги и дальность пути. Но въ тотъ же мигъ радость моя изчезла: ибо, подавая мнѣ руку, онъ испустилъ странный и слабый вопль и, не промолвивъ слова, покатился на полъ отъ сильнаго удара паралича.

Не стану распространяться объ этомъ событіи. Онъ умеръ въ теченіе того же дня. Такимъ образомъ сбылось ужасное видѣніе, напугавшее меня во снѣ, и свадебныя приготовленія смѣнились похоронными.

Но хотя сіе обстоятельство способно было наполнить мою душу горестію и страхомъ, оно произвело однако же совсѣмъ противное дѣйствіе. Я свыкся съ моими суевѣріями, потому и менѣе былъ подъ ихъ вліяніемъ; и даже, чудное дѣло! я ощущалъ раздражительную нетерпѣливость, чувствовалъ досаду при всѣхъ случаяхъ, замедлявшихъ совершеніе судьбы моей.

Прежде чѣмъ добрый старикъ былъ погребенъ, Сайденгемъ выхлопоталъ мнѣ законное разрѣшеніе на женитьбу, и день похоронъ былъ назначенъ для радостнаго празднованія моей свадьбы.... Ужасное сближеніе!...

Я всегда вздрагиваю, когда вспомню о моемъ упорствѣ сочетать вещи, кои сама природа раздѣлила бездной. Сайденгемъ упрашивалъ меня переждать и принести эту жертву приличіямъ; но его доводы и краснорѣчіе безсильны были надъ моимъ нетерпѣливымъ сердцемъ. Онъ не убѣдилъ меня. Самъ Генералъ Пёрсель уговаривалъ меня обождать съ недѣлю: я упрямился; онъ принесъ мнѣ письмо отъ Маріи, которая просила у меня отсрочки, но я счелъ оное слѣдствіемъ собственной слабости Генерала.

Когда день и часъ были назначены по непреклонной моей настойчивости, и когда Генералъ Пёрсель согласился провожать тѣло моего дѣда; то положено было, на мѣсто прежняго распоряженія, брачный обрядъ со-

вершить въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, гдѣ останки моего дѣда долженствовали быть погребены.

Что подобное совокупленіе столь противоположныхъ церемоній не устрашило столь чувствительнаго существа, какъ Марія, — это было непослѣднее изъ удивительныхъ обстоятельствъ моей плачевной жизни; но Марія была прикована къ той же цѣпи, которая меня увлекала. Сверхъ того мы думали, что Г-жа Пёрсель не получитъ ни малѣйшаго подозрѣнія о происходившемъ, благодаря ужасной выдумкѣ, заставившей насъ совокупить свадьбу съ похоронами.

Глава VII.

Погребальное шествіе тянулось къ воротамъ Аббатства, когда на башнѣ пробило семь часовъ. Когда служба была отправлена и погребеніе кончилось, тогда пріятели моего дѣда, спѣшіеся отдать ему послѣдній долгъ дружбы, разошлись; Генералъ Пёрсель и я также вышли изъ церкви, но вмѣсто того, чтобъ итти къ каретѣ, въ которой пріѣхали, мы отправились къ одной изъ часовень. Сайденгемъ не былъ на похоронахъ; онъ дожидался съ Маріей и одною изъ молодыхъ ея подругъ въ какомъ-то домѣ *Абингдонской* улицы. Какъ скоро катафалкъ и всѣ принадлежности похоронъ были вынесены изъ Аббатства, Сайденгемъ и дѣвицы вошли въ церковь дверьми Poet's corner.

Кромѣ священнослужителя, долженствовавшаго насъ соединить, и соборныхъ причетниковъ, не было никого изъ зрителей. Слуга мой, Богъ вѣсть по какому непостижимому вліянію, сталъ у дверей, чтобы предупредить всякое постороннее вторженіе во время совершенія обряда; но въ ту минуту, когда я надѣвалъ обручальное кольцо на палецъ Маріи, онъ прибѣжалъ къ намъ съ такою торопливостію и такимъ выраженіемъ ужаса на лицѣ, что я испугался прежде даже, чѣмъ онъ началъ говорить. Въ тотъ же мигъ, Марія вскрикнула отъ страха, ибо мать ея вбѣжала въ церковь, блѣдная, съ разтрепанными волосами, въ припадкѣ изступленія, и закричала: «Я противлюсь этому браку! — «Братъ и сестра! — Братъ и сестра!....» — Я ничего больше не слыхалъ. — Огромное зданіе зашаталось вокругъ меня, столбы и гробницы какъ будто обрушались надъ моей головою, и оттуда.....

Здѣсь перерывъ въ моей памяти, здѣсь бездна въ моей жизни!....

Когда я очнулся отъ душевнаго волненія, повергшаго меня безъ памяти на помостъ, то увидѣлъ себя въ моей комнатѣ; Сайденгемъ печально сидѣлъ подлѣ меня.

Я не сдѣлалъ ему никакого вопроса, только пожалъ ему руку.

— «Карета у воротъ,» сказалъ онъ: «и я ѣду съ тобою.»

Я не отвѣчалъ ни слова; но всталъ, ибо не былъ раздѣтъ, и пошелъ за нимъ въ карету.

.....

Десять лѣтъ прошло съ этого ужаснаго утра, и никогда я не осмѣливался спросить о послѣдствіяхъ онаго. Но однажды, тому два года, посѣтивъ Англійское кладбище въ Лисабонѣ, я прочелъ на одномъ гробовомъ камнѣ, коего буквы частію стерлись отъ времени и случайныхъ причинъ, — надгробіе Маріи.

Остальная повѣсть моей жизни есть только сцѣпленіе странничества изъ края въ край безъ цѣли и предмета, смѣшанное съ грустными размышленіями... жизнь, проведенная въ нестерпимой горести наслѣднаго проклятія!

МАДОНА.

Сонетъ (*).

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ мою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель, —

— Она съ величіемъ, Онъ съ Разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ.
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ низпославъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ!

А. Пушкинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЕ АЛЬМАНАХИ НА 1831 ГОДЪ.

Денница, Альманахъ на 1831-й годъ, изданный М. Максимовичемъ. — Москва, въ типогр. Августа Семена, при Императорской Ме-

(*) Сонетъ сей, по желанію Поэта, перепечатывается здѣсь изъ Альманаха: *Сиротка*, въ которомъ онъ напечатанъ былъ съ довольно значительною ошибкой въ седьмомъ стихѣ:

Одной, чтобъ на меня съ холста или съ облаковъ....

Это нарушало смыслъ подлиннаго стиха.

дико-Хирургической Академіи, 1831. (LVIII — 140 стр. въ 16-ю д. л., съ листочкомъ нотъ. (*)

Въ прошломъ году, помнится, одна только Литературная Газета сказала доброе слово о помѣщенной въ Денницѣ статьѣ: *Обозрѣніе Русской Словесности.* Можно почти навѣрное предсказать такую же участь и нынѣшнему Обозрѣнію, коимъ начинается Альманахъ сей на 1831 годъ. Читатели конечно не удивятся столь отважному предсказанію, если сами прочтутъ помянутую статью. Подъ ней не подписано имя Сочинителя; и не имѣя ни дара, ни желанія угадывать чужія тайны по примѣру нѣкоторыхъ другихъ Журналистовъ, мы ограничимся только бѣглымъ взглядомъ на самую сущность сего *Обозрѣнія.* Въ немъ много основательныхъ мнѣній и замѣчаній справедливыхъ, выраженныхъ иногда очень рѣзко, но по большей части съ хладнокровнымъ безпристрастіемъ; есть выходки истинно-остроумныя, невольно вызывающія улыбку на лицѣ самаго строгаго читателя; есть и сильныя *филиппики,* высказанныя со всѣмъ жаромъ негодованія. Все это не обѣщаетъ нынѣшнему *Обозрѣнію* Денницы благосклоннаго пріема — не отъ читателей, которыхъ большинство конечно будетъ на сторонѣ Сочинителя — а отъ тѣхъ Журналистовъ и Литераторовъ, коихъ раздражительное самолюбіе задѣто въ сей статьѣ весьма прямодушно, и часто весьма мѣтко. Вообще сіи господа не благоволятъ къ подобнымъ *Обозрѣніямъ*; и будучи не въ силахъ опровергнуть доказательствъ, острятся надъ ихъ заглавіями, придумываютъ едва ли пристойные каламбуры и т. п. Всѣ сіи порывы безсильной злобы бываютъ очень забавны — для того, на кого они устремлены; но общее мнѣніе между тѣмъ идетъ, какъ время, своимъ неизмѣннымъ порядкомъ, и отличаетъ побужденія добросовѣстныя, коихъ источникомъ чистая любовь къ Литературѣ, отъ мелочныхъ придирокъ бездарности, выбравшей Литературу средствомъ, а не цѣлью.

Другая, замѣчательная статья въ Денницѣ, есть *Отрывокъ изъ рукописи Пушкина.* Пѣвецъ *Полтавы* говоритъ въ семъ отрывкѣ о критикахъ на его поэму. Забавнѣе всего, что Рецензенты нападали въ ней на *факты историческіе*: на *любовь* дочери Кочубея къ пожилому своему обольстителю, Мазепѣ, и на *злопамятность* сего послѣдняго за личную обиду, сдѣланную ему Петромъ. Пушкинъ весьма кстати примѣнилъ къ симъ маловѣрамъ историческимъ извѣстный стихъ Княжнина:

«Ну что жь, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю!»

Далѣе, Авторъ говоритъ: «Старый Гетманъ, предвидя «неудачу, наединѣ съ наперсникомъ бранитъ въ моей «поэмѣ молодаго Карла, и называетъ его, помнится, «мальчишкой и сумасбродомъ: Критики важно укоряли «*меня* въ неосновательномъ мнѣніи о Шведскомъ Коро«лѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому «не былъ привязанъ: Критики ссылались на *собствен«ныя слова* Гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ лю«битъ ее *больше славы, больше власти.* Какъ отвѣчать «на таковыя критики?»

И въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы Поэту отвѣчать, когда Критики его захотятъ чего-либо умышленно не понимать въ его твореніи. Дѣйствующее лице поэмы, въ досадѣ бранитъ Шведскаго Короля: виноватъ Авторъ, что худо думаетъ о Королѣ XII, какъ будто бы Поэтъ памѣренъ былъ здѣсь высказать собственныя свои о немъ мнѣнія, а не то, что негодованіе внушало на тотъ разъ Гетману. Льстивый притворщикъ и старый лжецъ, Мазепа клятвенно увѣряетъ Марію въ любви: опять виноватъ Авторъ, что противорѣчитъ самъ себѣ, говоря въ другомъ мѣстѣ, будто бы Мазепа никого не любитъ. Забываютъ даже, что человѣкъ безнравственный можетъ клятвенно увѣрять другихъ въ томъ, чего не чувствуетъ.

«Кстати о *Полтавѣ* (продолжаетъ Пушкинъ) Кри«тики упомянули однако же о Байроновомъ *Мазепѣ*; «но какъ они понимали его! Байронъ зналъ Мазепу «только по Вольшеровой Исторіи Карла XII. Онъ по«раженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго «къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина «конечно поэтическая, и за то посмотрите, что онъ «изъ нея сдѣлалъ. Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни «Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго «лица, которое проявляется во всѣхъ почти произве«деніяхъ Байрона, но котораго (на бѣду одному изъ «моихъ Критиковъ) какъ нарочно въ Мазепѣ именно и «нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ «рядъ картинъ, одна другой разительнѣе — вотъ и «все: но какое пламенное созданіе! какая широкая, бы»страя кисть! Если жь бы ему подъ перо попалась «Исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то «вѣроятно никто бы не осмѣлился послѣ него кос«нуться сего ужаснаго предмета.»

Примѣчаніе Издателя Денницы къ сей статьѣ, конечно порадуетъ любителей Словесности. Вотъ оно: »Рукопись, изъ которой взятъ сей отрывокъ, содер«житъ весьма любопытныя замѣчанія и объясненія Пуш«кина о поэмахъ его и нѣкоторыхъ критикахъ. Изъ «оной видно, что Поэтъ не опровергалъ критикъ по«тому только, что не хотѣлъ.» Любопытно было бы видѣть поскорѣе въ печати сіи замѣчанія и объясненія, — видѣть, какъ палачъ, *самъ свой высшій судъ* (по собственнымъ словамъ Пушкина), произноситъ приговоры своимъ твореніямъ.

Прочія статьи, составляющія прозу Денницы, суть:

(*) Продается въ книжн. магазинѣ Смирдина. Цѣна экз. 5 руб. съ пересылк. 6 руб.

Бѣлый человѣкъ, или невольное суевѣріе (соч. П. Сумарокова), анекдотъ не новый и маловажный по вымыслу, но хорошо разсказанный; особливо первическое дѣйствіе воображенія надъ разскащикомъ, описано Сочинителемъ весьма удачно. — *Постоялый дворъ* (отрывокъ изъ Руской были XV вѣка, соч. Г. Полеваго). Отрывокъ сей, повидимому, Авторъ вырвалъ зажмурясь: ибо онъ вовсе не округленъ и кончится ровно ничѣмъ. Въ этой статьѣ, какъ и во всѣхъ вообще сочиненіяхъ Г-на Полеваго, видно крайнее его неумѣнье владѣть языкомъ и совершенное отсутствіе вкуса. Странно, какимъ образомъ Г. Полевой, уже седьмой годъ издавая Журналъ, и даже рѣшась писать Исторію Рускаго народа, до сихъ поръ не умѣетъ сладить съ Руской фразой? — Наконецъ *Отрывокъ изъ 2-й части Странника* (соч. А. Вельтмана). Мы уже прежде видѣли два отрывка изъ сего сочиненія: одинъ въ *Сиротѣ*, а другой въ *Телеграфѣ* (отрывокъ, помѣщенный въ семъ послѣднемъ, названъ еще: или *путешествіе по Географической картѣ*); наше мнѣніе касательно сего путешествія легко можно выразить стихомъ Грессета:

.... Qu'on perd à trop courir le monde.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

СМѢСЪ.

Г-нъ Ремерсъ, Артистъ уже извѣстный публикѣ своимъ прекраснымъ талантомъ, дастъ концертъ 26-го сего мѣсяца въ залѣ Г-жи Энгельгардтъ. Это будетъ одинъ изъ лучшихъ концертовъ въ семъ году. Онъ замѣчателенъ еще и потому, что въ немъ участвуютъ молодые Артисты, которыхъ дарованіе начинаетъ развиваться во всемъ блескѣ. Къ числу ихъ принадлежитъ и самъ Г. Ремерсъ. Концертъ начнется прекрасною симфоніей Г. Кёрнера: сей молодой Композиторъ обратилъ вниманіе знатоковъ нѣсколькими квартетами и квинтетами, въ которыхъ видѣнъ талантъ неподложный и глубокое познаніе музыки. Въ самой Германіи его сочиненія нашли безпристрастныхъ цѣнителей, и извѣстный въ Лейпцигѣ содержатель музыкальнаго магазина Гертель печатаетъ ихъ на свой счетъ съ предоставленіемъ условнаго числа экземпляровъ въ пользу Автора. Г. Ремерсъ играетъ на скрыпкѣ концертъ Гофманна, извѣстнаго Литератора, котораго повѣсти украшаютъ наши Журналы. Гофманнъ въ первый разъ предстанетъ намъ, какъ музыкантъ.

Г-жа Сесси и Г. Гилью также участвуютъ въ семъ концертѣ, и сверхъ того любители музыки услышатъ юную виртуозку Г-жу Жебелеву, ученицу Г. Морейскаго. Наши Журналы неоднократно извѣщали насъ о скоромъ прибытіи къ намъ знаменитой Піанистки Г-жи Блахетки; въ ожиданіи ея, приглашаемъ ихъ полюбоваться талантомъ нашей соотечественницы. Необыкновенная бѣглость и чистота ея игры совершенно вышли изъ своенравныхъ предѣловъ дамской музыки и даютъ ей почетное мѣсто въ кругу здѣшнихъ виртуозовъ.

Книги: *Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ Религіи*, печатаемой третьимъ вновь исправленнымъ и Духовною Цензурою одобреннымъ изданіемъ, въ 5-ти томахъ, вышли 1-й и 2-й томы; на остальные, которые выйдутъ недалѣе какъ чрезъ мѣсяцъ, выдается билетъ. Цѣна за всѣ 5-ть томовъ здѣсь въ С. Петербургѣ 20 руб., съ пересылкою во всѣ мѣста 25 р. — Получать можно у Синяго моста, въ книжномъ магазинѣ Смирдина, и у самого Издателя, Кол. Совѣтника Тимоѳея Семеновича Крылова, въ большой Коломнѣ, у Покрова, на Фонтанкѣ, въ собственномъ домѣ; также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ лавкахъ, здѣсь и въ Москвѣ.

Поспѣшаемъ извѣстить читателей нашихъ о появленіи новаго изданія сего творенія, коего достоинства признаны единодушно всѣми любителями назидательнаго чтенія. Это доказывается между прочимъ третьимъ изданіемъ сей книги: первыя два разошлись въ немногіе годы. Священныя истины, столь краснорѣчиво выраженныя Іерузалемомъ, конечно пріобрѣтутъ новыхъ читателей въ душеспасительныя седьмицы Великаго Поста, когда обряды нашей Вѣры, и самыя чувствованія православнаго Христіанина, побуждаютъ каждаго изъ сыновъ Греко-Россійскія Церкви искать чтенія, успокоивающаго душу и примиряющаго человѣка съ его совѣстію.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 17-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ III, № 16. МАРТА 17го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Понедѣльникъ), — 7-го (въ Субботу), — 12-го (въ Четвертокъ), — 17-го (во Вторникъ), — 22-го (въ Воскресенье) и 27-го (въ Пятницу).

ПИСЬМО

ИЗЪ АДРІАНОПОЛЯ КЪ Е. А. Б.....МУ.

.....Помнишь ли, любезный другъ, тѣ суровые, вѣковые граниты, омываемые свинцовыми валами бурнаго моря, гдѣ провелъ ты многіе года молодости, гдѣ въ первый разъ мы встрѣтились съ тобою? — И какъ тебѣ забыть ихъ! — Впечатлѣнія, произведенныя ими, мысли и чувства, волновавшія тогда твою душу, сохранились въ твоихъ звучныхъ пѣсняхъ и для тебя и для другихъ; съ ними соединились и мои безплодныя воспоминанія.— Помнишь ли, какъ часто среди сихъ мрачныхъ картинъ угрюмой природы, пламенное воображеніе твое увлекалось въ страны благословеннаго, роскошнаго Юга?— Подобно первобытнымъ сынамъ сихъ грозныхъ скалъ, вслѣдъ за ихъ могучими тѣнями, наши помыслы и желанія стремились къ той же цѣли, къ тѣмъ же мѣстамъ. — Берега Дуная, Царьградъ, Грецію, возрождавшаяся изъ пепла, были безпрестанными предметами нашихъ разговоровъ.

Мечтанья наши отчасти сбылись. Знамена Рускія развѣваются въ Адріанополѣ и издали дружелюбно привѣтствуютъ родной щитъ Олега. — Съ береговъ древняго Гебра, осѣненныхъ шатрами полуночныхъ воиновъ, я пишу эти строки, чтобъ изобразить тебѣ, какъ могу, окружающіе насъ новые для меня предметы.

Адріанополь, съ дороги отъ Ямболя, по которой слѣдовали наши войска, представляется отмѣнно великолѣпно. — Большое число высокихъ, стройныхъ минаретовъ, разнообразныхъ куполовъ, блестящихъ позолотою и яркими цвѣтами, массы зданій, стелющихся въ отдаленіи темною полосою по горизонту, огражденному возвышеніями; прекрасная, тѣнистая роща вдоль рѣки, съ развалинами обширнаго дворца Султановъ: все это сильно привлекаетъ взоры и возбуждаетъ любопытство, горящее уже нетерпѣніемъ видѣть древнюю столицу Оттоманской Имперіи.

Наша главная квартира расположилась лагеремъ среди помянутой рощи на берегахъ Марицы, въ которую здѣсь впадаютъ двѣ другія рѣчки: Тунджа и Арда. — Вслѣдъ за толпою нашихъ воиновъ, я поведу тебя во внутренность сего обширнаго, Восточнаго города; — но перейдя мостъ, возлѣ коего возвышается полуразвалившаяся, четвероугольная башня, въ которой прежде были устроены водоподъемы для Эски-Сарая (*), мы остановимся на минуту передъ фонтаномъ, осѣненнымъ плакучими ивами. — Фонтанъ этотъ представляетъ небольшое квадратное зданіе, на подобіе кіоска, изъ стѣнъ коего со всѣхъ сторонъ прозрачная и холодная струя льется въ бѣлые мраморные бассейны; группы женщинъ и миловидныхъ дѣвочекъ безпрестанно шутъ толпятся, черпая воду глиняными сосудами. — Это мѣсто особенно привлекаетъ насъ, дыша какою-то нѣгою и прелестью, возбужденными вѣчнымъ журчаньемъ потока и темными, нѣжно нависшими вѣтвями ивы, которыя какъ будто сливаются съ нимъ (**). — Обыкновенно на сихъ фонтанахъ, которыхъ здѣсь множество, изсѣчены слова изъ Корана: *Вода все оживляетъ.* — Водопроводы служатъ единственными признаками нѣкотораго попеченія Турокъ объ общественномъ благѣ; но въ семъ отношеніи оно необходимо въ ихъ жаркомъ климатѣ и предписывается самимъ ихъ Пророкомъ. — Надобно испытать дѣйствія томительнаго зноя и жажды во время долгаго, труднаго перехода въ здѣшнихъ краяхъ, чтобы чувствовать вполнѣ всю живость наслажденія при встрѣчѣ прохладнаго источника. Но пойдемъ далѣе въ гору по кривой, узкой и грязной улицѣ, каковы здѣсь почти всѣ онѣ. Вообще всѣ Турецкіе города походятъ одинъ на другой и разнятся только въ обширности; всѣ зда-

(*) *Эски-Сарай* значитъ по-Турецки: старый дворецъ.

(**) Г-нъ Дезарно, живописецъ Великаго Князя Михаила Павловича, нарисовалъ этотъ фонтанъ и кажется онъ будетъ служить виньеткою при изданіи видовъ всѣхъ мѣстъ Турціи, ознаменованныхъ пребываніемъ нашихъ войскъ.

нія представляютъ одну и ту же бѣдную наружность. Обыкновенно заборы и задніе стѣны домовъ обращены на улицу и ежели есть окна, то они закрыты ставнями и рѣшетками; жилые покои, состоящіе изъ маленькихъ, отдѣльныхъ комнатъ, крытые балконы и галереи, окружаютъ одинъ или нѣсколько двориковъ, посреди которыхъ неминуемо встрѣтишь фонтанъ, бесѣдку изъ виноградныхъ лозъ, шелковичное или орѣховое дерево и стаи голубей, къ коимъ Мусульмане питаютъ какое-то религіозное уваженіе. Слѣдуя все по этой улицѣ, замѣчаешь, что движеніе, шумъ и пестрота постепенно увеличиваются. Мы приближаемся къ главному базару. Наконецъ открываются длинные ряды лавокъ, наполненныхъ различными, красиво выставленными товарами; мастерскія всякаго рода потребностей и издѣлій сего края; кофейни, пекарни, цирульни, все открыто на улицу, вездѣ толпятся люди, разныхъ поколѣній и странъ: Армяне, Греки, Булгары, Турки, Жиды, Арапы, Франки, даже женщины, окутанныя въ свои безобразныя *фередже* (*). — Одни, поджавъ ноги, безпечно сидятъ съ трубками, другіе торопятся, сгибаются подъ ношами, предлагаютъ шербетъ и сласти; нѣкоторые разъѣзжаютъ верхомъ; мальчишки, сидя на мулахъ, навьюченныхъ огромными корзинами съ виноградомъ и зеленью, погоняютъ ихъ шестиками и извлекаютъ пронзительные крики; длинныя телеги (арбы) медленно тащатся безобразными буйволами и скрыпъ колесъ, топотъ, гулъ рѣчей, оглушаютъ слухъ, между тѣмъ какъ взоры поражены какимъ-то фантасмагорическимъ зрѣлищемъ.

Али-Паша Ханъ (такъ называется по имени строителя главный базаръ) есть каменная, широкая галерея подъ сводами, въ которую свѣтъ проникаетъ сверху. Тутъ находятся лучшія лавки съ Восточными товарами, разложенными блестящимъ образомъ, хотя между ними мы точно не находимъ вещей большой цѣнности. Или мы составляли себѣ слишкомъ преувеличенное мнѣніе о Восточной роскоши, или Турки дѣйствительно обѣднѣли въ послѣднее время, но ожиданія наши въ этомъ отношеніи не сбылись. Здѣсь истинно роскошна одна только природа. — Въ *Рустанъ-Паша Ханѣ* находятся конторы немногихъ Европейскихъ домовъ, производящихъ здѣсь свою торговлю.

Число жителей въ Адріанополѣ простирается, какъ полагаютъ, до ста тысячъ. — Греки составляютъ значительную часть оныхъ. Армянъ также много. Здѣшніе Евреи, какъ и во всей Турціи, суть выходцы изъ Испаніи и Португаліи и говорятъ испорченнымъ языкомъ сихъ странъ. Они занимаются тѣми же промыслами и ремеслами, коими отличаются и у другихъ народовъ, но въ добавокъ Турки почитаютъ ихъ искусными врачами и по нѣкоторому сходству въ религіи, уважаютъ болѣе Христіанъ. Въ торговлѣ и разныхъ промыслахъ они имѣютъ соперниками Армянъ, а по одеждѣ почти не различаются отъ другихъ *раевъ* (*), коихъ костюмъ вообще у низшихъ классовъ имѣетъ нѣкоторое однообразіе. Турокъ же всегда можно узнать по величинѣ и по цвѣту чалмы (**), по важной наружности, по недвижности и неразлучности съ трубкою. — Кромѣ кофейныхъ домовъ, никогда не пустѣющихъ, вездѣ, гдѣ только есть площадка, родъ балкона и даже на мостовой у воротъ, видишь небрежно лежащихъ Турокъ, съ длинными чубуками въ рукахъ, и погруженныхъ въ какое-то равнодушное оцѣпененіе. Кажется, что самый фанатизмъ ихъ и ненависть къ *Гяурамъ*, особенно къ Рускимъ, послѣ Кулевчинскаго пораженія и перехода нашего чрезъ Балканы, покорились могуществу фаталізма надъ ихъ умами, и на пришествіе наше они взираютъ, какъ на событіе, равно оному подчиненное. Среди всеобщаго движенія и суетливости, они ничего не замѣчаютъ, ни до чего имъ нѣтъ дѣла.

Съ захожденіемъ солнца водворяются въ городѣ мракъ и тишина, прерываемая только лаемъ собакъ и протяжнымъ, пронзительнымъ крикомъ Муезлиновъ, съ высоты минаретовъ призывающихъ дѣтей Пророка на вечернюю молитву. — Лордъ Байронъ (***) и многіе другіе Писатели находили нѣчто торжественное и величественное въ этихъ голосахъ. Согласенъ съ ними отчасти, но признаюсь, что звукъ нашихъ соборныхъ колоколовъ, потрясающихъ самый воздухъ, ихъ отдаленный гулъ, стелющійся по долинамъ или по равнинѣ водъ, имѣютъ для меня болѣе прелести, торжественности, сильнѣе отдаются въ душѣ. Сихъ звуковъ здѣсь не слышишь. Мусульмане не позволяютъ своимъ подданнымъ Христіанамъ имѣть колоколень и запрещаютъ вообще всякаго рода наружныя, всенародныя изъявленія обрядовъ вѣроисповѣданія. Здѣсь Христіанство,

(*) *Фередже*, широкая и длинная одежда, скрывающая совершенно все тѣло и имѣющая родъ воротника, отбрасываемаго на плеча.

(*) *Раями* называются подданные Султана: Греки, Жиды, Армяне и другіе не Магометанской религіи.

(**) Турки запрещаютъ всѣмъ своимъ подданнымъ носить одежду яркихъ цвѣтовъ, предоставляя это только Мусульманамъ. Зеленый же цвѣтъ на чалмѣ позволяется носить однимъ *Элиралъ*, т. е. прямому поколѣнію Магометову. Знатные носятъ теперь красныя шапочки съ кистью, называемыя *феззами*, также и регулярныя войска; но такъ какъ въ Адріанополѣ много прежнихъ Янычаръ, то чалмы еще въ модѣ.

(***) Смотр. The Giaour, Note 53, *At solemn sound of «Alla-Hu!» «Alla Hu!» the concluding words of the Muezzins call to prayer from the highest gallery on the exterior of the Minaret. — On a still evening, when the Muezzin has a fine voice, which is frequently the case, the effect is solemn and beautiful beyond all the bells in Christendom.* — Но Лордъ Байронъ не былъ въ Россіи.

какъ въ первобытные вѣка своего водворенія, таится во мракѣ и имѣетъ еще своихъ мучениковъ. Помостъ здѣшней бѣдной Греческой Митрополіи часто омывался кровію Первосвященниковъ, и нынѣшній Епископъ былъ свидѣтелемъ насильственной смерти нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, падшихъ отъ руки варварскаго фанатизма.

Самое замѣчательное зданіе въ Адріанополѣ есть *мечеть Султана Селима II-го*. Она лежитъ посреди города, на возвышенномъ мѣстѣ. Нѣсколько воротъ ведутъ во внутренность дворовъ, вымощенныхъ мраморомъ и обнесенныхъ колоннами и галереями: у передняго входа находится прекрасный портикъ съ колоннами изъ дикаго мрамора. Главный корпусъ мечети покрытъ однимъ куполомъ, имѣющимъ 18-ть сажень въ діаметрѣ, а по сторонамъ четыре тонкихъ и стройныхъ минарета легко и смѣло возвышаются къ небесамъ. Эти минареты, далеко превышающіе все огромное зданіе, придаютъ какую-то особенную оригинальность архитектурѣ онаго, поражающей удивительною соразмѣрностію, обширностію и величественною простотою. Внутри куполъ изписанъ текстами изъ Корана; полъ устланъ рогожками, сплетенными изъ тонкаго камыша, на коихъ сидятъ молельщики; посреди фонтанъ, и родъ каѳедры для Имановъ, а кругомъ хоры; впрочемъ все просто, сурово и безмолвно, какъ неумолимое ихъ предопредѣленіе. Турки почитаютъ эту мечеть первою въ своей Имперіи по красотѣ и обширности, и увѣряютъ, что даже въ Константинополѣ не находится подобной. *Мечеть Султана Баязета*, съ двумя высокими минаретами, также достойна вниманія, особенно прекрасныя колонны, составляющія портикъ оной. Колонны эти изсѣчены, кажется, изъ Египетскаго гранита зеленаго и красноватаго цвѣта. Тутъ же на дворѣ нѣсколько тонкихъ кипарисовъ стоятъ, какъ будто на стражѣ у фонтана. Должно полагать, что портикъ есть остатокъ какого-либо Греческаго зданія, тѣмъ болѣе, что кругомъ находится много слѣдовъ развалинъ, а на первомъ дворѣ при входѣ лежитъ торсъ огромной статуи изъ порфира. Нѣкоторые полагаютъ, что это была статуя Адріана, впрочемъ въ отношеніи искуства она не имѣетъ большаго достоинства, но замѣчательна по величинѣ своей. Бродя среди этихъ развалинъ, проводникъ мой привелъ меня къ маленькому зданію подъ сводомъ: желѣзныя двери застучали передо мною и я очутился въ темной, слабо сверху освѣщаемой комнатѣ, въ кругу сумасшедшихъ. Это явленіе поразило меня неожиданностію. Мусульмане имѣютъ большое уваженіе къ симъ несчастнымъ и содержатъ ихъ при мечетяхъ, подаяніями богомольцевъ. Къ сожалѣнію, не будучи въ состояніи объясняться съ моимъ проводникомъ, я не могъ узнать никакихъ дальнѣйшихъ объ этомъ подробностей. Мечеть Султана Мурата II и нѣкоторыя другія также достойны любопытства путешественника. Почти при каждой мечети находится школа: нестройный, громкій говоръ, подобный раздающемуся въ Еврейскихъ Синагогахъ, издали даетъ знать, что находишься въ сосѣдствѣ такой школы.

Эски-Сарай, построенный Султаномъ Амуратомъ, представляетъ теперь огромную массу зданій въ развалинахъ, обнесенныхъ каменною стѣною. На первомъ дворѣ, противъ входа отъ моста, встрѣчается отдѣльное съ высокимъ бельведеромъ зданіе, сохранившееся болѣе другихъ: высокое крыльцо ведетъ прямо въ верхнія палаты онаго; въ открытыя двери, окруженныя пестрыми украшеніями, входишь въ сѣни, посреди которыхъ водоемъ, а на право и на лѣво довольно большія комнаты, гдѣ на стѣнахъ видны еще остатки мрамора яркихъ цвѣтовъ, грифельныхъ плитъ съ разными узорами и Арабскими буквами и проч. На этомъ же дворѣ по сторонамъ находятся два новѣйшихъ строенія: первое, маленькой Султанскій дворецъ, построенный Селимомъ III-мъ. Въ немъ нѣсколько замѣчательна комната съ куполомъ, изукрашеннымъ золотомъ по синему полю, а стѣны обложены изразцами также синяго цвѣта. Здѣсь живутъ теперь наши Посланники и Дипломатическіе чиновники. Прямо изъ внутренности дворца сходъ въ бани, гдѣ сѣрная вода, проведенная изъ натуральнаго источника, течетъ въ мраморные бассейны и ванны. Въ другомъ четвероугольномъ продолговатомъ строеніи, съ колонадою кругомъ, собирается Диванъ во время пребыванія Султановъ. За этими зданіями находится множество внутреннихъ дворовъ и разнообразныхъ строеній съ теремами, коридорами, башенками, куполами, въ такомъ разрушеніи, что почти невозможно пробраться во внутренность оныхъ: обрушившіеся потолки, изломанные полы, обвалившіяся стѣны останавливаютъ на каждомъ шагу посѣтителя сихъ опустѣлыхъ храминъ. Живое любопытство влекло насъ однако же въ отдѣленіе, гдѣ былъ Султанскій гаремъ: по грудамъ завѣшныхъ камней и обломковъ, съ жадностію замѣчая повсюду почти изгладившіеся слѣды роскоши и великолѣпія, посреди остатковъ кипариса, мрамора и перламутровыхъ украшеній, мы проникли въ эту нѣкогда таинственную обитель красоты, сокровенную отъ взоровъ нечестивыхъ. Въ одномъ изъ отдаленныхъ покоевъ сего отдѣленія находится прекрасная мраморная ванна съ мраморными же ступенями для схода въ оную, а возлѣ двѣ уединенныя

(*) Эта ванна и колонны съ аркою, также нѣкоторые другіе предметы, уцѣлѣвшіе среди развалинъ Эски-Сарая, назначены Гну Седжеромъ, посланнымъ Государемъ Императоромъ для отысканія древностей въ семъ краю, къ отправленію въ С. Петербургъ.

колонны съ аркою и капишелями въ Восточномъ вкусѣ, означаютъ прежній входъ въ эту купальню и направленіе проспѣнка, отдѣлявшаго сей пріютъ прохлады и обнаженныхъ прелестей. — Это мѣсто сдѣлалось между нами извѣстно подъ именемъ le bain de la Sultane, и оно особенно привлекало мечтательныхъ посѣтителей Эски-Сарая. — Передъ зданіемъ гарема простирается обширный бассейнъ и садъ, а надъ оградою возвышается красивый кіоскъ, изъ рѣшетчатыхъ оконъ коего видѣнъ окружный паркъ и весь городъ. — Когда бассейнъ былъ полонъ водою, фонтаны играли брызгами влажной стихіи, которая струилась и журчала по прозрачнымъ рѣшеткамъ, обсаженнымъ розами и мирѳомъ, и все одушевлялось присутствіемъ волшебныхъ, черноокихъ плѣнницъ, мѣсто это конечно было очаровательнымъ. Сумракъ вечера, набрасывая слабую тѣнь, сливающую окружные предметы въ неясные призраки, невольно увлекалъ воображеніе къ симъ мечтамъ, и стихи изъ *Бахчисарайскаго фонтана*, постепенно приходя мнѣ на память, оживляли мертвыя картины, теперь видѣнныя мною. Наконецъ и я повторилъ съ Поэтомъ:

Гдѣ скрылись Ханы? гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось.....

Но ни одна тѣнь передо мною не мелькала, а порхали только ночныя птицы по унылымъ и пустымъ покоямъ и вѣтеръ свисталъ въ отверстія, обросшія плющемъ и дикою травою. — Развалины Эски-Сарая гораздо обширнѣе и величественнѣе Бахчисарайскихъ, по словамъ видѣвшихъ и тѣ и другія. — Они даютъ понятіе о роскоши жилищъ Султановъ и многочисленности ихъ двора.

Общественныхъ бань находится здѣсь болѣе 20-ти. Зданія сіи состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Въ первомъ возвышается обыкновенно диванъ съ приступомъ, на коемъ раздѣваются и отдыхаютъ. Въ самой же банѣ, составляющей комнату подъ сводомъ, съ отверстіями въ ономъ, находится посреди низкая лежанка, покрытая мраморными плитами, а по сторонамъ нѣсколько нишей, въ которыхъ собственно моются на каменныхъ скамьяхъ у бассейновъ, наполняющихся теплою водою.—Такъ какъ бани нагрѣваются снизу и полы мощеные, то ходятъ по нимъ въ деревянныхъ туфляхъ, а послѣ мытья набрасываютъ на голову платокъ въ видѣ чалмы и два человѣка водятъ купающагося подъ руки торжественнымъ образомъ. — Вообще внутреннее расположеніе Турецкихъ бань весьма сходствуетъ съ описаніями такихъ зданій у древнихъ Грековъ и Римлянъ.—Турки, также какъ эти народы, почитаютъ купанье предметомъ необходимости, наслажденія и нѣги; особенно женщины: бани суть ихъ кофейные домы.

Чтобъ ты не упрекнулъ меня въ нескромности или въ хвастовствѣ, я ничего не стану говорить тебѣ о здѣшнихъ женщинахъ; но вмѣсто этого совѣтую прочесть въ письмахъ Леди Монтегю посѣщеніе женскихъ бань.—Нѣжнымъ и остроумнымъ перомъ она рисуетъ обнаженныя прелести красавицъ Востока, и потомъ съ искусствомъ и знаніемъ дѣла, свойственнымъ ея полу, постепенно облекаетъ ихъ въ пышныя одежды.—Очарованіе ея было совершенно и чтобъ изобразить его, она прибѣгаетъ къ помощи творца Потеряннаго рая, къ кисти Тиціана и Гвидо, къ уподобленіямъ съ Граціями и т. п. — Что жъ мы, мужчины, могли бы сказать послѣ этого? — Не могу однако же утерпѣть, чтобъ не привести изъ ея письма слѣдующихъ, особенно забавныхъ словъ (*): — «Женщина, по видимому, самая знат»ная изъ нихъ, упросила меня сѣсть возлѣ нея и очень »желала, чтобъ я раздѣлась и мылась съ ними. Я »извинялась съ нѣкоторымъ затрудненіемъ. Однако же »онѣ всѣ такъ пристали ко мнѣ, что наконецъ я при»нуждена была разстегнуть нѣсколько мое платье и »показать имъ мой корсетъ; это вполнѣ ихъ удовле»творило, ибо я замѣтила, что онѣ вообразили, будто я »замкнута въ этой машинѣ и не въ моей власти осво»бодиться отъ оной, приписывая такую хитрость мо»ему мужу.»

Новыя казармы, построенныя нынѣшнимъ Султаномъ для *Низамъ-Джезитовъ* (т. е. регулярныхъ войскъ) представляютъ огромное четырехъ-угольное зданіе, имѣющее 240 саж. въ длину и около 150 въ ширину, съ большимъ дворомъ внутри. Въ этихъ казармахъ могутъ помѣститься до 10 тысячъ человѣкъ. Внутри города существуютъ еще остатки цитадели и каменной стѣны съ башнями, теперь почти совершенно застроенной лавками, домами и разными лачужками. На воротахъ цитадели прибиты черепъ и части основа какого-то огромнаго звѣря, кажется мамонта, также подвѣшены двѣ бомбы огромнаго калибра; надпись означаетъ, что онѣ тутъ въ воспоминаніе покоренія Адріанополя Турками.—Сіи укрѣпленія относятся ко временамъ Греческаго владычества, но теперь городъ не имѣетъ никакой искусственной обороны, да и самая обширность онаго не позволяетъ этого. Въ окружности, большое пространство занимается садами, почти исключительно

(*) *Смотр.* Letters of the right honourable Lady M—y W—y M—e, letter XXVI, page 80 и слѣд. Хотя Леди Монтегю посѣщала Турцію слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, но и теперь многія изъ ея описаній очень вѣрны. Особенно любопытны въ ея письмахъ подробности о домашней жизни и вообще о Турецкихъ женщинахъ, ибо въ этомъ отношеніи, по праву своего пола, она пользовалась такими преимуществами, какихъ не могли имѣть другіе путешественники.

шелковичныхъ деревъ, и загородными домиками (*); а далѣе стелются бѣлыми полосами огромныя кладбища. Магометанскія кладбища находятся и посреди самаго города, возлѣ каждой мечети; ихъ означаютъ ряды бѣлыхъ камней или столбовъ, которые торчатъ изъ-подъ поверхности земли, подобно остаткамъ провалившагося зданія, и обыкновенно вѣнчаются чалмою. Здѣсь обитель смерти не отдѣляется отъ жилища живыхъ и Мусульмане равнодушно покоются на мавзолеяхъ своихъ предковъ. Множество этихъ надгробныхъ камней ужасаетъ. Кладбища Христіанъ находятся внѣ города. Тамъ, по Цареградской дорогѣ, нѣсколько уединенныхъ крестовъ, привлекая взоръ путника, если онъ Рускій, напомнятъ ему знакомыми чертами о родинѣ и извлекутъ слезу въ воспоминаніе соотечественниковъ, положившихъ кости свои въ странѣ чуждой.

Адріанополь построенъ Императоромъ Адріаномъ и по-Турецки называется *Эдрене*. Султанъ Амуратъ взялъ оный въ 1360 году и въ продолженіе почти столѣтія онъ былъ столицею Оттомановъ. Здѣсь Турки основали первоначальное владычество свое въ Европѣ и отсюда наносили послѣдніе удары померкавшей Имперіи Востока. Здѣсь же поколебалось въ основаніи ихъ могущество и взошла новая заря свободы и самобытности Греціи. Отнынѣ имя Адріанополя и въ нашихъ отечественныхъ Лѣтописяхъ содѣлается знаменитымъ и драгоцѣннымъ для каждаго Рускаго славными воспоминаніями.....

Н. П—а.

30 *Августа* 1829.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Бумаги дѣловымъ мараньемъ
Лишенный жизни оспалной,
Въ душѣ съ тоской, въ чертахъ съ страданьемъ,
Тащусь по жаркой мостовой.
На упомипельной дорогѣ
Мнѣ попадаются порой
Иль гордый шутъ въ мишурной тогѣ,
Или товарищъ разгульной.
И наблюдатель безъ ошибки
Во мнѣ давно замѣтить могъ
И Беранжера поль-улыбки,
И тягостный Жильбера вздохъ.

(*) *Малтъ-Брюнъ* и другіе Географы пишутъ, что Адріанополь лежитъ въ прелестной долинѣ среди садовъ кипарисныхъ и розовыхъ. Правда, что мѣстоположеніе сего города прелестно; кое-гдѣ встрѣчаешь также кипарисы и кусты розъ, но цѣлыхъ садовъ сихъ деревъ невидно. То, что они говорятъ объ укрѣпленіяхъ сего города, также несправедливо. На окрестныхъ высотахъ Турки начали было копать что-то похожее на укрѣпленія, но при приближеніи нашемъ, бросили эти работы.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУСТВА.

ПИСЬМО
къ Издателю Литературной Газеты о Мозаикахъ Г. Веклера.

М. Г. — Въ одномъ изъ послѣднихъ NNо вашей Газеты, съ удовольствіемъ прочелъ я любопытную статью о картинѣ Г. Кригера. Раздѣляя вполнѣ чувствованія, внушившія статью сію, и справедливое удивленіе Сочинителя къ описанному имъ изящному произведенію, я надѣюсь, что вы позволите мнѣ также посредствомъ вашей Газеты познакомить просвѣщенную Публику здѣшней столицы съ однимъ весьма замѣчательнымъ трудомъ Художника Рускаго, столь же скромнаго, сколь искуснаго. Я говорю здѣсь о прекрасномъ мозаикѣ Г. Веклера, сдѣланномъ съ извѣстной картины Павла Поттера: *Коровка* (La petite vache (*), находящейся нынѣ въ числѣ картинъ Мальмезонской галереи, въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Сей мозаикъ начатъ въ Маѣ 1828 года и оконченъ въ Іюнѣ 1830-го; онъ впрое менѣе подлинной картины, и сіе тѣмъ болѣе возвышаетъ достоинство работы, что безчисленныя подробности подлинника переданы въ немъ съ удивительною точностію. Трудно вообразить себѣ, сколько стоило заботъ и терпѣнія Художнику, чтобъ довести сію работу до такой степени отдѣлки и совершенства. Фигуры, животныя, окружающіе ихъ предметы бездушные: все въ ней выполнено со вкусомъ и совершенно по стилю живописи Художника Фламандскаго. Оставалось преодолѣть величайшее затрудненіе: листья деревьевъ, обыкновенно выдѣланныя съ отличнымъ тщаніемъ и неизчислимыми подробностями въ картинахъ П. Поттера; Г. Веклеръ и здѣсь съ честью состязался съ нимъ, и сія часть мозанческой его картины отдѣлана весьма тщательно. Нѣкоторые знатоки находили общій тонъ нѣсколько холоднымъ и не достигающимъ тона подлинника; замѣчаніе сіе было сообщено Художнику, который

(*) Такъ называетъ картину сію Декампъ, у котораго находимъ слѣдующій любопытный анекдотъ объ оной (Descamps, Vie des Peintres flamands etc., tom. II. page 355): «Въ то время вдовствующая «Принцесса Эмилія, Графиня Цольмская, заказала Поттеру карти«ну для своихъ комнатъ. Поттеръ хотѣлъ превзойти самого себя; «но нѣкто изъ придворныхъ представлялъ Принцессѣ, что карти«на сія по своему предмету не можетъ занять почетное мѣ«сто, для котораго назначалась. Замѣчаніе сіе подѣйствовало, и «онъ картины чеширнымъ образомъ отдѣлались.» Она много разъ переходила изъ рукъ въ руки, и въ то время, какъ Декампъ писалъ о ней, находилась у одного любителя, Фанъ-Гёка, купившаго ее за 2,000 гульденовъ.

призналъ справедливость онаго. Но въ оправданіе свое, Г. Веклеръ представляетъ: во первыхъ, трудность доставать матеріялы, которые должно было заказывать въ Римѣ, гдѣ въ постепенности тоновъ, обыкновенно употребляемыхъ для изображенія неба, требованныхъ имъ оттѣнковъ не бываетъ; во вторыхъ, опасеніе сдѣлать свое произведеніе слишкомъ тяжелымъ для глазъ, доведя оное до столь жаркаго тона, какъ подлинникъ.

Поблагодаримъ Г. Веклера за то, что онъ укрѣпилъ за картиной Павла Поттера, такъ сказать, славу вѣковѣчную: ибо истинная цѣль искуства мозаическаго есть та, чтобы передавать отдаленному потомству образцовыя произведенія великихъ Художниковъ, въ снимкахъ почти неистребимыхъ. Привожу на сей случай свидѣтельство Вашлета: «Картины славнѣйшихъ «Живописцевъ были сняты въ Римѣ посредствомъ мѣл«кихъ кусочковъ финифти, связанныхъ между собою чрез«вычайно крѣпкою мастикой. Сія живопись, коей кра«ски никогда не измѣняются, которой ни влажность, «ни воздухъ, ни солнце не могутъ испортить; кото«рая избѣгаетъ отъ всѣхъ обыкновенныхъ причинъ раз«рушенія и даже съ большимъ только усиліемъ мо«жетъ быть повреждена истребительнымъ желѣзомъ «варваровъ, — живопись сія сохранитъ на долгіе вѣки, «коихъ нельзя даже изчислить, ощутительное свидѣ«тельство о состояніи искуства въ то время, когда «были написаны подлинники сихъ драгоцѣнныхъ подра«жаній.»

Труды Г-на Веклера не должны были остаться безъ поощренія; и отъ кого могъ онъ ожидать его, какъ не отъ щедролюбивой десницы Возлюбленнаго Монарха нашего, Который, среди неизчислимыхъ подвиговъ войны и мира, даруетъ столь ободрительное покровительство Изящнымъ Искуствамъ въ обширной Имперіи Своей! — Его Императорское Величество, Высочайше повелѣвъ выдать Г-ну Веклеру за сей мозаикъ 1,000 червонныхъ, соизволилъ заказать сему Художнику, въ *пандан*ъ къ помянутому мозаику, другой, съ ландшафта Клодъ-Лорренева: *Полдень*. Ландшафтъ сей есть изъ числа четырехъ картинъ славнаго сего Живописца, изображающихъ четыре части дня, и находящихся равномѣрно въ Мальмезонской галереѣ Эрмитажа.

Мозаикъ Г. Веклера, представляющій П. Поттерову *Коровку*, выставленъ нынѣ также въ оной галереѣ.

Впрочемъ, это было не первое произведеніе, которымъ Г. Веклеръ пріобрѣлъ себѣ по праву заслуженную извѣстность. Изъ краткаго обозрѣнія его жизни, вы узнаете о другихъ трудахъ его по части мозаическаго искуства.

Георгъ Яковлевичъ Веклеръ родился въ Ригѣ, 1800 года; въ дѣтствѣ своемъ привезенъ былъ въ Петербургъ и до 9-ти лѣтняго возраста находился при своихъ родителяхъ. Въ сіи юные годы онъ лишился отца, и мать его, не имѣвъ способовъ дать ему приличное воспитаніе, рѣшилась послать его къ доброму пріятелю его отца, бывшему Командиру Нейшлотской крѣпости, Артиллеріи Маіору Запрѣеву. Подъ надзоромъ сего почтеннаго человѣка, молодой Веклеръ обучался Рускому, Нѣмецкому и отчасти Французскому языкамъ, Геометріи, начальнымъ правиламъ Артиллеріи, черченію плановъ и рисованію. Въ 1813 году возвратился онъ въ Петербургъ, и въ томъ же году поступилъ для изученія мозаическаго искуства къ Римлянину Доминику Могліа, весьма посредственному Художнику; въ 1818-мъ отправился съ нимъ въ Москву, гдѣ въ слѣдующемъ году былъ оставленъ своимъ учителемъ, возвратившимся въ Италію. Оставшись въ Москвѣ у Скульптора Виталли, Г. Веклеръ продолжалъ заниматься своимъ искуствомъ. Въ 1821 году переѣхалъ онъ снова въ С. Петербургъ и привезъ небольшой мозаикъ трудовъ своихъ, изображающій *Блуднаго сына* и сдѣланный имъ съ эстампа (подлинная картина Сальватора Розы, какъ вамъ извѣстно, находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ). Это было первое замѣчательное произведеніе Г-на Веклера: дотолѣ онъ занимался по большей части мѣлочными работами. Блаженныя памяти Императрица Елисаветъ Алексѣевна, любившая оказывать Свое покровительство Художникамъ Рускимъ, изволила купить сей мозаикъ. Въ 1822 году, Г. Веклеръ имѣлъ счастіе поднести въ Бозѣ почивающему Государю Императору Александру Павловичу другое свое произведеніе: мозаическую картину, изображающую *Каменный островъ*, и удостоился получить въ награжденіе 1,000 рублей. Успѣхи Г-на Веклера въ своемъ искуствѣ обратили на себя Высочайшее вниманіе и въ томъ же году Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, причислить сего Художника къ Императорской Академіи Художествъ, въ званіи мозаичнаго мастера. Въ слѣдующіе два года Г. Веклеръ произвелъ мозаическія картины: *Дворецъ на Елагиномъ островѣ*, съ рисунка Г-на Воробьева, и четыре вида С. Петербурга: *Зимній Дворецъ*, *Каменный Театръ*, *Англійскую набережную* и *Лѣтній садъ*, съ ихъ окрестностями. За сіе удостоился онъ получить 3,000 руб. отъ Императора Александра Павловича, Который приказалъ ему впредь работать для Эрмитажа, предоставя выборъ картинъ на его волю.

Въ 1825 году, Г. Веклеръ началъ снимать мозаикомъ извѣстную картину Гранета (Granet), представляющую *Внутренность Капуцинскаго монастыря* и находившуюся тогда въ Эрмитажѣ. Трудъ свой окончилъ онъ въ 1827 году, и имѣлъ счастіе поднести оный Его Величеству, нынѣ благополучно Царствующему Го-

сударю Императору. За сію картину (въ 8 вершковъ длины и 6 ширины) удостоился онъ получить отъ Монарших щедротъ драгоцѣнный брилліантовый перстень и 6,000 рублей награжденія. Въ 1828 году началъ онъ передавать въ мозаикѣ знаменитую картину П. Поттера, о которой говорено было выше. Въ промежуткахъ времени, онъ произвелъ еще слѣдующія работы, кои всѣ куплены Государемъ Императоромъ: *Ландшафтъ*, съ картины Демарна; *Петуха*, съ картины П. Поттера, въ томъ самомъ масштабѣ, какъ и въ подлинникѣ; *Собаку*, то же съ картины П. Поттера, уменьшенную въ 10 разъ противъ подлинника, и проч. Всѣ сіи мозаики отъ 3-хъ до 4-хъ вершковъ длины, а въ ширину еще менѣе.

Должно надѣяться, что со временемъ Г. Веклеръ передастъ въ мозаикѣ и многія другія отличныя картины славнѣйшихъ мастеровъ, особливо изъ тѣхъ, коимъ удивляемся мы въ галереѣ Императорскаго Эрмитажа. — Народное самолюбіе нашептываетъ мнѣ еще одно желаніе: чтобы онъ своимъ искусствомъ сохранилъ для потомства покрайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній отечественныхъ нашихъ Художниковъ.

Пребываю и пр.

Одинъ изъ подписчиковъ на вашу Газету.

Марта 17.
1831.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЕ АЛЬМАНАХИ НА 1831 ГОДЪ.

Денница, Альманахъ на 1831-й годъ, изданный М. Максимовичемъ.

(*Окончаніе.*)

Между стихотвореніями *Денницы* находимъ мы произведенія А. С. Пушкина, Языкова, Кн. Вяземскаго, Шевырева, Ѳ. Н. Глинка и проч. и проч. Прекрасное *Подражаніе Псалму XIV* служитъ отвѣтомъ Языкова брюзгливымъ его Критикамъ, которые не видятъ въ стихахъ его ничего, кромѣ какого-то *удальства*: выраженіе, показывающее удальство самихъ сихъ Критиковъ, не хотящихъ отдать справедливости таланту свѣтлому и разнообразному. И этому не далеко искать доказательствъ: два другія его стихотворенія, помѣщенныя въ Денницѣ: *Разсвѣтъ* и элегія одной дѣвицѣ, показываютъ гибкость его дара, умѣющаго схватывать и самовластно присвоивать себѣ всѣ тоны Поэзіи. Звучность его стиха и вѣрность, точность выраженія удивительны; чувство поэтическое никогда не обманываетъ его въ счастливомъ выборѣ слова, живописующаго мысль, и которое трудно было бы замѣнить другимъ, равносильнымъ. Этого не хотятъ признать или замѣнить нѣкоторые изъ Критиковъ; тѣмъ хуже для нихъ: они сами себя лишаютъ наслажденія полнаго и благороднаго!

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній Денницы, есть *Посланіе къ А. С. Пушкину*, С. П. Шевырева. Поэтъ, послѣ бѣглаго, живаго изображенія Рима, откуда писалъ онъ, переходитъ къ Россіи и Рускому языку:

. . . . . .

«Мой быстрый духъ родную Русь объемлетъ
И ей отсель прилежнымъ слухомъ внемлетъ;
Онъ слышитъ шамъ: со плесками морей,
Внутри ея просторно заключенныхъ,
И съ своемъ рѣкъ, лѣсовъ благословенныхъ,
Гремитъ языкъ, созвучно вторя имъ
Отъ бѣлыхъ льдовъ до водъ, біющихъ въ Крымъ,
Изъ свѣжихъ устъ могучаго народа,
Весь звуками богатый, какъ природа:
Душа кипитъ!....»

Потомъ съ какимъ-то негодующимъ удивленіемъ спрашиваетъ:

«Что сдѣлалось съ Россійскимъ языкомъ,
Что онъ творитъ безумныя проказы?»

и изчисляетъ всю литературную жизнь сего языка:

«Сей богатырь, сей Муромецъ Илья
Баюканный на льдахъ подъ вихремъ мразнымъ,
Во тьмѣ вѣковъ сидѣвшій сиднемъ праздным,
Сталъ на ноги умѣньемъ рыбаря
И началъ пѣснь отъ Бога и Царя.
Возкормленный средь Сѣвернаго хлада
Родной зимы и ледистыхъ Альпъ Пѣвцемъ,
Окрѣпъ совсѣмъ и сталъ богатыремъ
И съ нимъ гремѣлъ подъ бурю Водопада.
Но отгремѣвъ, онъ плавно рѣчь повелъ
И чистыми Карамзина устами
Намъ исповѣдь народную прочелъ, —
И рѣчь неслась широкими волнами:
Что далѣе, то глубже и свѣтлѣй;
Какъ въ зеркалѣ, вся Русь глядѣлась въ ней;
И въ Океанъ лишь только превратилась,
Какъ Нилъ въ пескахъ, внезапная сокрылась,
Сокровища съ собою унесла,
И тайнаго никто не смѣтилъ хода....
И что жъ теперь? — Вдругъ лужею всплыла
Въ *Исторіи Россійскаго Народа*.

«Межъ тѣмъ, когда изъ устъ Карамзина
Минувшее рѣкою очищенной
Текло въ народъ: священная война
Звала языкъ на подвигъ современной.
Съ Жуковскимъ онъ, на отческихъ стѣнахъ
Развивъ съ Кремля воинственное знамя,
Вѣщалъ за Русь: пылали въ тѣхъ рѣчахъ
И духъ Москвы и жертвенное пламя!

Со славой онъ родную славу пѣлъ,
И мира звукъ въ оплёнъ мечу гремѣлъ.
Теперь, кому жь, коль не тебѣ, по праву
Грядущую свою вручишъ онъ славу?

«Что жь нынѣ спалъ нашъ мощный богатырь?
Онъ, Галльскою дѣпою замученъ,
Весь испитой, спалъ блѣденъ, вялъ и скученъ,
И прихотливъ, какъ лакомый Визирь,
Иль Сибаритъ, на розахъ почивавшій,
Недужныя стенанья издававшій,
Когда подъ нимъ смялася лепестокъ.
Такъ нашъ языкъ: онъ слова ль праздный слогъ
Чуть отогнешь, небережно ли вынешь,
Тѣснѣе ль въ рѣчь мысль новую водвинешь, —
Ужь боленъ онъ, не вынесетъ, кряхтитъ,
И мысль на немъ какъ грузъ какой лежитъ!
Лишь пѣсенки ему, да брани милы;
Лишь только бъ умъ былъ тихо усыплёнъ
Подъ рифменный, опборный пустозвонъ.
Что, если бъ всталъ Державинъ изъ могилы,
Какую бъ онъ наслалъ ему грозу!
На то ли онъ его взлелѣялъ силы,
Чтобъ превратить въ лѣниваго Мурзу?
Иль чтобъ ругалъ заѣзжій иностранецъ,
Какой нибудь писатель-самозванецъ,
Святую Русь Россійскимъ языкомъ,
И насъ бранилъ, и нашимъ же перомъ?»

Въ заключеніе, Поэтъ обращается къ Пушкину, прося его припять на свое попеченіе недужный Рускій языкъ:

«Тебѣ открытъ природный въ немъ составъ,
Тебѣ знакомъ и звукъ его и нравъ;
Врачуй его: подъ хладнымъ Рускимъ Фебомъ
Корми его почаще сытнымъ хлѣбомъ,
Отъ суетныхъ печалей отучи
И Рускими въ немъ чувствами звучи.
Да призови въ сотрудники Поэта
На важныя Иракловы дѣла,
Кого судьба, въ знакъ добраго привѣта,
По языку не даромъ назвала....»

Легко отгадать сію игру словъ: имя Поэта, на кого Г. Шевыревъ намекаетъ сю, въ самомъ дѣлѣ служитъ какъ бы залогомъ его предназначенія.

Два стихотворенія Пушкина: *Пѣсня* и *Цыганы* (оба переведенныя съ Англійскаго) — игрушки, но игрушки прелестныя. Первое изъ нихъ есть отмѣнно милое подражаніе Англійской мелодіи: Here's a health to thee, Mary, etc.:

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ безъ гостей
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой Пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери!

Дѣвичій сонъ, стихотвореніе Князя Вяземскаго, нравится выраженнымъ въ немъ непритворнымъ чувствомъ и новостью куплета.

Молодой Поэтъ, Тютчевъ, не всегда владѣетъ стихомъ; но за то въ произведеніяхъ его часто бываетъ глубокость, обнаруживающая въ немъ стихіи Поэта истиннаго. Изъ трехъ его стихотвореній, помѣщенныхъ въ Денницѣ, особенно отличается помянутымъ достоинствомъ слѣдующее:

Послѣдній катаклизмъ.

Когда пробьетъ послѣдній часъ природы,
Составъ частей разрушится земныхъ:
Все зримое опять покроютъ воды,
И Божій ликъ изобразится въ нихъ!

Еще замѣчательны двѣ *Эпиграммы*, напечатанныя на стран. 137-й: онѣ очень остроумны и ѣдки.

СМѢСЬ.

Съ нынѣшняго мѣсяца, начало появляться здѣсь въ Петербургѣ еще одно періодическое изданіе: *Гирланда, Журналъ Словесности, музыки, модъ и театровъ*. Мы видѣли двѣ первыя книжки. Наружность очень опрятна, даже красива: бумага, шрифтъ, ноты, картинка, самая обертка отличаются какою-то роскошью изданія. Искренне желаемъ, чтобы внутреннее достоинство книжекъ *Гирланды* постоянно соотвѣтствовало внѣшнему, особливо, чтобы заманчивое для глазъ и обоняпія заглавіе Журнала было порукой за чистоту языка и вкуса. Первая книжка начинается весьма хорошею статьею въ прозѣ; во второй помѣщено замѣчательное стихотвореніе Барона Розена. Библіографія *Гирланды*, кажется, будетъ скромна и вѣжлива; будетъ ли она дѣльною и прямодушною? этотъ вопросъ разрѣшится со временемъ; доброжелательному собрату-Журналисту остается только желать и надѣяться.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 20-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМЪ III, № 17. МАРТА 22го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Понедѣльникъ), — 7-го (въ Субботу), — 12-го (въ Четвертокъ), — 17-го (во Вторникъ), — 22-го (въ Воскресенье) и 27-го (въ Пятницу).

УСПѢХЪ ПОСОЛЬСТВА.

(Изъ Малороссійской повѣсти: Страшный Кабанъ.)

(Кухмистеръ, не смотря на собственную сердечную рану, внезапно полученную имъ при видѣ мывшейся на берегу пруда Катерины, рѣшается исполнить данное имъ учителю обѣщаніе и быть посланникомъ и представителемъ его страсти. Съ такимъ намѣреніемъ отправляется онъ въ хату Козака Харька Потылицы.)

Окончивъ туалетъ свой, Онисько не безъ боязни и тайнаго удовольствія переступилъ черезъ порогъ. Бѣсъ какъ будто нарочно дразнилъ его (самъ онъ послѣ признавался въ этомъ), помимушно рисуя передъ нимъ стройныя ножки сосѣдки. «Эхъ! если бы не учитель!» повторялъ онъ нѣсколько разъ самъ себѣ: «ну, что бы задумать ему немного позже влюбиться?».. И въ задумчивости, тихими шагами онъ мѣрялъ широкій выгонъ, по которому бѣжала его дорога. Разноголосный лай прорѣзалъ облекавшую его тучу задумчивости и мысли его, какъ дикія утки, переполошась, разлетѣлись во всѣ стороны. Поднявъ глаза, увидѣлъ онъ, что далѣе итти некуда. Передъ нимъ торчали ворота, сквозь которыя, какъ сквозь транспарантъ, свѣтилось все недвижимое имущество Козака. Мелькнула синяя запаска, огненная лента... Сердце въ немъ вспрыгнуло... и бѣкурая красавица, разгоняя хворостиной докучныхъ собакъ, встрѣтила его, отворяя ворота.

Дворъ Харька представлялъ собою большой на покатости къ пруду квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ плетнемъ. Когда ворота были отперты, глаза ударялись прямо въ чисто-выбѣленную хату съ большими, неровной величины окнами, съ почернѣвшею отъ старости дубовою дверью, съ низенькимъ изъ глины фундаментомъ (*присьбою*), обремененнымъ, по обыкновенію Малороссіянъ, бѣльемъ, мисками и какимъ нибудь инвалидомъ-горшкомъ, которому, не смотря на раны и увѣчье, не даютъ отставки, и въ награду за ревностную службу, наливаютъ помоями. По сторонамъ избы стояли съ разтрепанными крышами хлѣвы и анбары. Изъ-за хаты возвышалось гумно; изъ-за гумна еще выше подымалась голубятня, сверхъ которой уже ходили только одни облака и плавали голуби. Къ пруду, какъ богатая Турецкая шаль, развернулся огородъ Козака. Кучи соломы разнесены были по всему двору.

Катерина показалась немного удивленною приходомъ Ониська. Полагая, что его безъ всякаго сомнѣнія завлекла нужда къ ея отцу, отворила въ половину только ворота и проговорила съ нѣкоторою заспѣшностью: «*Батька* нѣтъ дома, да врядъ ли и къ вечеру будетъ!

— «*Нехай єму такъ легенько икнеться, якъ зъ тыну звирветься!* Что бы я былъ за олухъ Царя небеснаго, когда бы сталъ убирать постную кашу, когда передъ самимъ носомъ вареники въ сметанѣ?»

Бѣлокурая красавица остановилась въ недоумѣніи, не зная, какъ понимать слова его. Улыбка, вызванная наружу этою странностью, показалась на лицѣ ея и ожидала, казалось, изъясненія. Кухмистеръ почувствовалъ самъ, что выразился не совсѣмъ ясно, и притомъ помянулъ отца ея немного шероховатыми словами; онъ продолжалъ: «Нелегкая понесла бы меня къ *батькѣ*, когда есть такая хорошенькая дочка.

— «А, вотъ что!» проговорила Катерина, усмѣхнувшись и покраснѣвъ. «Милости просимъ!» и пошла впередъ его къ дверямъ хаты. Дѣвушки въ Малороссіи имѣютъ гораздо болѣе свободы, нежели гдѣ-либо; и потому не должно показаться удивительнымъ, что красавица наша, безъ вѣдома отца, принимала у себя гостя. «Ты пѣшкомъ сюда пришелъ, Онисько?» спросила она его, садясь на *присьбѣ* у дверей хаты и стараясь принять степенный видъ, хотя лукавая улыбка явно измѣняла ей и заставляла противъ воли показать рядъ красивыхъ зубовъ.

— «Какъ пѣшкомъ? — Что за пелегкая! неужели она знаетъ про вчерашнее?» подумалъ кухмистеръ. — «Безъ всякаго сомнѣнія пѣшкомъ, моя красавица. Чортъ ли бы заставилъ меня запрягать парочно панскаго *гнѣдаго*, чтобы только перетащиться изъ одного двора въ другой.

— «Однако жь отъ кухни до *коморы* не такъ-то далеко.» Тутъ, не удержавшись болѣе, она захохотала.

— «Нѣтъ! плутовка! самъ лукавый не хитрѣе этой дѣвки!» повторилъ самъ себѣ нѣсколько разъ кухмистеръ, и громогласно послалъ учителя къ чорту, позабывъ и пріязнь и дружбу ихъ. — «Однако жь, моя красавица, я бы согласился, чтобъ у меня пригорѣли на сковородѣ караси съ свѣжепросольными *опенками*, лишь бы только ты еще разъ этакъ засмѣялась.» Сказавъ это, кухмистеръ не утерпѣлъ, чтобъ не обнять ее.

— «Вонъ этого-то я ужь и не люблю!» — вскрикнула покраснѣвъ Катерина и принявъ на себя сердитый видъ. «Ей Богу, Онисько, если ты въ другой разъ это сдѣлаешь, то я прямехонько пущу тебѣ въ голову вонъ этотъ горшокъ.» При семъ словѣ, сердитое личико немного прояснѣло и улыбка, мгновенно проскользнувшая по немъ, выговорила ясно: я не въ состояніи буду этого сдѣлать.

— «Полно же, полно! *не возолъ зацѣпилъ тебя.* Есть изъ чего сердиться! какъ будто Богъ знаетъ какая бѣда, обнять красную дѣвушку.

— «Смотри, Онисько: я не сержусь,» сказала она, садясь немного отъ него подалѣе и принявъ снова веселый видъ. «Да что ты, послышалось мнѣ, упомянулъ про учителя?»

Тутъ лице кухмистера сдѣлало самую жалкую мину и покрайней мѣрѣ на вершокъ вытянулось длиннѣе обыкновеннаго. — «Учитель.... Иванъ Осиповичъ, то есть... Тьфу, дьявольщина! у меня, какъ будто послѣ запеканки, слова глотаются прежде, нежели успѣваютъ выскочить изо рта. Учитель.... вотъ что я тебѣ скажу, *сердце!* Иванъ Осиповичъ *вклепался* (*) въ тебя такъ, что... ну, словомъ: разсказать нельзя. Кручинится, да горюетъ, какъ покойная бурая, которую *Пани* купила у Жида, и которая околѣла послѣ *запала*. Что дѣлать? сжалился надъ бѣднымъ человѣкомъ: пришелъ на удачу похлопотать за него.

— «Хорошую же ты выбралъ себѣ должность!» прервала Катерина съ нѣкоторою досадой. «Развѣ ты ему сватъ или *родичъ* какой? Я совѣтовала бы тебѣ еще набрать изо всего околотка бродягъ къ себѣ въ кухню, а самому отправиться по міру выпрашивать подъ окнами для нихъ милостины.

— «Да это все такъ; однако жь я знаю, что тебѣ любо, и слишкомъ любо, что вздумалось учителю приволокнуться....

— «Мнѣ любо? Слушай, Онисько: если ты говоришь съ тѣмъ, чтобы посмѣяться надо мною — то съ этого мало тебѣ прибудетъ. Стыдно тебѣ же, что ты обносишь бѣдную дѣвушку! Если же вправду такъ думаешь, то ты вѣрно уже наиглупѣйшій изо всего села. Слава Богу, я еще не ослѣпла; слава Богу, я еще при своемъ умѣ.... Но ты не съ дуру это сказалъ: я знаю, тебя другое что-то заставило. Ты вѣрно думалъ... Нѣтъ, ты недобрый человѣкъ!» Сказавъ это, она отерла шитымъ рукавомъ своей сорочки слезу, мгновенно блеснувшую и прокатившуюся по жарко зардѣвшейся щечкѣ, будто падающая звѣзда по теплому вечернему небу. — Чортъ побери всѣхъ на свѣтѣ учителей! думалъ про себя Онисько, глядя на зардѣвшееся личико Катерины, на которомъ по прежнему показавшаяся улыбка долго спорила съ непріятнымъ чувствомъ и наконецъ разсѣяла его.

— «Убей меня громъ на этомъ самомъ мѣстѣ!» вскричалъ онъ наконецъ, не могши преодолѣть внутренняго волненія и обхватывая одной рукою кругленькой станъ ея, «если я не такъ же радъ тому, что ты не любишь Ивана Осиповича, какъ старый *Бровко*, когда я выпесу ему помои.

— «Нашелъ, чему радоваться! по этому ты спанеешь еще болѣе скалить зубы, когда услышишь, что почти всѣ дѣвушки нашего села говорятъ то же.

— «Нѣтъ, Катерина, этого не говори. Дѣвушки-то любятъ его. Намедни шли мы съ нимъ черезъ село, такъ то и дѣло, что выглядываютъ изъ-за плетня, словно лягушки изъ болота. Глянь на право — такъ и пропала, а съ лѣвой стороны выглядываетъ другая. Только дьяволъ побери ихъ вмѣстѣ съ учителемъ! Я бы отдалъ штофъ лучшей трехъпробной водки, чтобъ узнать отъ тебя, Катерина, любишь ли ты меня хоть на копѣйку?

— «Не знаю, люблю ли я тебя; знаю только, что ни за что бы на свѣтѣ не вышла за пьяницу. Кому любо жить съ нимъ? Несчастная доля семьѣ той, гдѣ выберется такой человѣкъ; въ хату и не заглядывай: нищенство, да голь. Голодныя дѣти плачутъ.... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Пусть Богъ милуетъ! Дрожь обдаетъ меня при одной мысли объ этомъ....» Тутъ прекрасная Катерина пристально взглянула на него. Какъ осужденный, съ поникнутою головою погрузился кухмистеръ въ свое протекшее. Тяжелыя думы, порожденія тайнаго угрызенія сердечнаго, вырѣзывались на лицѣ его и показывали ясно, что на душѣ у него не слишкомъ было радостно. Пронзительный взоръ Катерины, казалось, прожигалъ его внутренность и подымалъ наружу всѣ разгульные поступки, проходившіе передъ нимъ длинною, почти безконечною цѣпью. «Въ самомъ дѣлѣ, на

(*) То есть влюбился.

что я похожъ? кому угодно житье мое? только что досаждаю *Панн*. Что я сдѣлалъ до сихъ поръ такого, за что бы сказалъ мнѣ спасибо добрый человѣкъ? Все гуллялъ, да гуллялъ! Да гулялъ ли когда нибудь такъ, чтобы и на душѣ и на сердцѣ было весело? Напьешься, какъ собака, да и протрезвишься то же какъ собака, если не протрезвятъ тебя еще хуже. Нѣтъ! прахъ возьми.... собачья моя жизнь!»

Прелестная Катерина, казалось, угадывала его философскія разсужденія съ самимъ собою; и потому, положивъ на плечо ему смугленькую руку свою, прошептала въ полголоса: «Не правда ли, Описко, ты не станешь болѣе пить?

— «Не стану, мое *серденько!* Не стану: пусть ему всякая всячина! Все для тебя готовъ сдѣлать.» — Дѣвушка посмотрѣла на него умильно и восхищенный кухмистеръ бросился обнимать ее, осыпая градомъ поцѣлуевъ, какими давно не оглашался мирный и спокойный огородъ Харька.

Едва только влюбленные поцѣлуи успѣли раздаться, какъ звонкій и пронзительный голосъ страшнѣе грома поразилъ слухъ разнѣжившихся. Поднявъ глаза, кухмистеръ съ ужасомъ увидѣлъ стоявшую на плетнѣ Симониху. «Славно! славно! ай, да ребята! У насъ по селу еще и не знаютъ, какъ парни цѣлуются съ дѣвками, когда батька нѣтъ дома! Славно! ай, да Мандрыковская овечка! Говорите же теперь, что лжетъ поговорка: въ тихомъ омутѣ черти водятся. Такъ вотъ что дѣется! такъ вотъ какія шашни!....» Со слезами на глазахъ, принуждена была красавица уйти въ хату, зная, что ничѣмъ инымъ нельзя было избавиться отъ ядовитыхъ рѣчей содержательницы шинка.

— «Типунъ бы тебѣ подъ языкъ, старая вѣдьма!» проговорилъ кухмистеръ: «тебѣ какое дѣло?

— «Мнѣ какое дѣло?» продолжала неутомимая шинкарка: «вотъ прекрасно! Парни изволятъ лазить черезъ плетни въ чужіе огороды, дѣвки подманиваютъ къ себѣ молодцовъ, и мнѣ нѣтъ дѣла! изволятъ *женихаться*, цѣлуются, — и мнѣ нѣтъ дѣла! Ты слышалъ ли, Карпо?» вскричала она, быстро оборотясь къ мимо проходившему мужику, который, не обращая ни на что вниманія, шелъ, помахивая батогомъ, впереди также медленно выступавшей коровы: «слышалъ ли ты? постой, на минуточку. Тутъ такая исторія. Харькова дочка....»

— «Тьфу, дьяволъ!» вскричалъ кухмистеръ, плюнувъ въ сторону и потерявъ послѣднее терпѣніе. «Самъ Сатана перерядился въ эту бабу. Постой, Яга! развѣ не найду уже, чѣмъ отплатить тебѣ.» Тутъ кухмистеръ нашъ занесъ ногу на плетень и въ одно мгновеніе очутился въ панскомъ саду.

Было уже перано, когда онъ пришелъ на кухню и принялся стряпать ужинъ. Евдоха однако жь не могла не замѣтить во всемъ необыкновенной его разсѣянности. Часто задумчивый кухмистеръ подливалъ уксусу въ сметанную кашу, или съ важнымъ видомъ надвигалъ свою шапку на вертелъ и хотѣлъ жарить ее вмѣсто курицы. За ужиномъ, Анна Ивановна никакъ не могла понять, отъ чего каша была кисла до невѣроятности, а соусъ такъ пересоленъ, что не было никакой возможности взять въ ротъ. Единственно только изъ уваженія къ понесеннымъ имъ въ тотъ день трудамъ оставили его въ покоѣ: въ другое время это не прошло бы даромъ нашему герою. — «Нѣтъ, господинъ учитель!» швердилъ онъ, ложась на свою деревянную лавку и подмащивая подъ голову свою куртку: «не видать вамъ Катерины, какъ ушей своихъ!» И завернувъ голову, какъ доморощенный гусь, погрузился въ мечты, а съ ними и въ сонъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Сегодня годъ....Далеко — тамъ, гдѣ вѣетъ
Душистый паръ отъ Средиземныхъ волнъ,
Гдѣ свѣжій мракъ по ихъ зыбямъ лелѣетъ
Младой любви дрожащій, легкій челнъ,
И сводъ небесъ безоблачно синѣетъ,
И гдѣ эоиръ волшебной нѣги полнъ,
Гдѣ Уголинъ во мглѣ вкругъ башни бродитъ,
Когда надъ ней полночный мѣсяцъ всходитъ.

Далеко — тамъ она съ себя сложила
Судьбы земной печаль, ярмо и страхъ:
Тяжелый крестъ прекрасная носила,
Цвѣтя, любя; съ улыбкой на устахъ,
Прижавъ къ груди дѣтей благословила,
И можетъ быть вздохнула о друзьяхъ,
Невольно взоръ на Сѣверъ устремляя,
Гдѣ блещетъ ей звѣзда ея родная....

И нѣтъ ея!....И надъ ея могилой
Цвѣты и дернъ лишь смочены росой;
Туда нейдетъ въ раздумьи другъ унылой
Мечтать, любить, сливаться съ ней душой.
Безцѣнный прахъ и сердцу вѣчно милый,
Какъ бы забытъ одинъ въ землѣ чужой!
И плачу я!....И духъ мой сокрушенный
Тоска влечетъ къ могилѣ незабвенной.

Мечта, иль сонъ? но мнѣ она предстала,
Сама собой во тьмѣ озарена,
И радостью небесною дышала,
И на челѣ святая тишина;
Она мой духъ безмолвно услаждала,
И облакомъ была унесена....
О, сколько словъ въ нѣмомъ ея привѣтѣ!
И нѣтъ такой улыбки въ здѣшнемъ свѣтѣ!....

Иванъ Козловъ.

ПИСЬМО

О ТОМЪ, ВЪ ЧЕМЪ СОСТОИТЪ БОГАТСТВО?

Не могу описать тебѣ той радости, которую я почувствовалъ, прочитавъ твое письмо и увидѣвъ изъ онаго, что ты не только не пренебрегаешь ученыхъ моихъ трудовъ, но даже ими весьма доволенъ. Признаться откровенно: это внушаетъ мнѣ доброе о себѣ мнѣніе. — Я никогда не довѣрялъ своимъ дарованіямъ и думалъ, что такая недовѣрчивость къ самому себѣ весьма спасительна и полезна, хотя нерѣдко убѣждался опытомъ, что не всегда можно съ пользою руководствоваться и чужими мнѣніями: ибо есть злые и завистливые люди, которые готовы все подвергать осужденію, все выставлять съ одной только худой стороны; и бѣда, если человѣку съ талантами достанется долго быть въ кругу подобныхъ людей! Но объ этомъ довольно; приступимъ лучше къ дѣлу.

Ты просилъ меня въ письмѣ, чтобы я по возможности, яснѣе изложилъ тебѣ опредѣленіе богатства; ты писалъ, что безъ точнаго, вѣрнаго объ ономъ понятія, нельзя разрѣшить самаго труднаго вопроса: можно ли допустить свободную торговлю между народами, или нѣтъ? Мнѣ весьма справедливымъ и основательнымъ показалось твое замѣчаніе, хотя большая часть нашихъ Писателей совсѣмъ иначе о томъ думаетъ. Сколько уже напечатано въ нашихъ Журналахъ и короткихъ и длинныхъ статей о свободѣ торговли, между тѣмъ какъ, помнится мнѣ, не было еще замѣчательнаго сочиненія о томъ, что такое есть Политическая Экономія, о чемъ она разсуждаетъ, что должно разумѣть подъ именемъ богатства? и т. д. Всякой, смѣло перескочивъ чрезъ длинный рядъ начальныхъ, пріуготовительныхъ понятій, берется за самый важный и самый трудный пунктъ народнаго благосостоянія, и въ нѣсколькихъ строкахъ набросанными мыслями даетъ рѣшительное свое опредѣленіе, какъ должны поступать Правительства въ управленіи жребіемъ милліоновъ людей. Одинъ основываетъ свои наставленія на пустомъ и нелѣпомъ мнѣніи о золотѣ и серебрѣ; другой дѣлаетъ подробныя выкладки изъ показаній таможень о привозѣ и вывозѣ товаровъ, или изъ простыхъ вычисленій увеличенія каждой отрасли промышленности, не дѣлая ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ никакого отношенія ко всей массѣ народнаго богатства; иной же, заучивъ мнѣнія новѣйшихъ Писателей, безъ всякаго примѣненія и критическаго разбора, бросаетъ, такъ сказать, оныя въ публику. И такъ во всѣхъ мѣстамъ, во всѣхъ званіяхъ ученые и полуученые безпрерывно твердятъ о томъ, должно ли торговлю между народами сдѣлать свободною или нѣтъ; а рѣдко, очень рѣдко гдѣ-либо разсуждаютъ о главныхъ основаніяхъ самой науки—Политической Экономіи. Иностранные Писатели поступаютъ совсѣмъ иначе: они излагаютъ свои мнѣнія о торговлѣ уже въ концѣ длинныхъ томовъ своихъ сочиненій. Сначала они подробно разсматриваютъ всѣ части Политической Экономіи, и тогда уже, на основаніи прочномъ и твердомъ, рѣшаютъ: можно ли допустить свободу въ торговлѣ или нѣтъ? Отъ того въ разсужденіи сего пункта между ними находится болѣе согласія, и не встрѣчается странныхъ и нелѣпыхъ преній. У насъ же происходитъ все напротивъ: всѣ безпрерывно между собою споряттъ, рѣшительно обличаютъ одинъ другаго въ заблужденіяхъ, такъ что нерѣдко тотъ, кто пріобрѣлъ болѣе точныхъ и опредѣлительныхъ понятій о Политической Экономіи, принужденъ бываетъ соблюдать молчаніе; ибо если бы онъ вздумалъ выводить свои заключенія изъ общихъ, основныхъ понятій о народномъ богатствѣ, то бы онъ былъ осмѣянъ въ кругу спорящихъ, какъ умной человѣкъ среди безумныхъ. Къ чему, сказали бы они, намъ такія философическія разсужденія? не яснѣе ли убѣждаетъ насъ въ такой-то истинѣ самый опытъ (правильнѣе было бы сказать: заблужденіе). Вотъ въ какомъ жалкомъ состояніи находится наша ученость относительно къ одной изъ важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ наукъ! Но кажется, что я уже слишкомъ большое написалъ вступленіе къ своей статьѣ; этому однако не моя вина. Я почелъ за нужное это прибавить потому, чтобы, если ты вздумаешь напечатать письмо мое въ какомъ-либо Журналѣ и если Издатель онаго, по снизхожденію своему, согласится исполнить твою просьбу, — не показалось бы иному чуднымъ, что печатаются такія отвлеченныя умствованія, и такимъ образомъ не разсѣвалось бы вредныхъ предубѣжденій на счетъ самой науки, которой польза очевидна (*).

Человѣкъ имѣетъ разныя потребности. Удовлетвореніе оныхъ составляетъ главный предметъ его попеченія. Потребности сіи обыкновенно бываютъ троякаго рода: одѣ составляютъ собою необходимыя нужды, другія имѣютъ цѣлію удобства или выгоды оной, третьи заключаютъ въ своемъ кругу удовольствія и наслажденія. Человѣкъ не можетъ отказать себѣ ни въ одномъ изъ сихъ трехъ родовъ потребностей, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, онъ сначала старается объ удовлетвореніи потребности перваго рода,

---

(*) Нельзя не пожалѣть, что творенія по Политической Экономіи знаменитаго Писателя—нынѣшняго Вице-Президента Академіи Шторха, до сего времени не переведены на Россійскій языкъ. Я не могу выразить, сколь великую они принесли бы пользу нашимъ соотечественникамъ!

то есть, необходимыхъ нуждъ, потомъ уже потребности втораго рода, то есть, удобства жизни, а наконецъ и самыя наслажденія дѣлаются предметами его усилій. Впрочемъ не должно думать, чтобы въ удовлетвореніи всѣхъ сихъ потребностей наблюдаема была строгая, слишкомъ опредѣлительная постепенность; напротивъ по большей части человѣкъ, удовлетворяя необходимыя свои нужды, въ то же время имѣетъ и свои наслажденія; и на оборотъ: съ постепеннымъ усовершенствованіемъ гражданскихъ обществъ не только увеличиваются способы къ большей удобности жизни, умножаются различные роды удовольствій, но и самые предметы необходимыхъ нуждъ получаютъ въ извѣстной степени измѣненія. Удовлетвореніе оныхъ или замѣняется новыми какими-либо средствами, или же самыя средства получаютъ новый видъ, лучшій способъ удовлетворенія. Чтобы убѣдиться въ сей истинѣ, стóитъ только взглянуть на физическую жизнь народовъ, разсмотрѣть ихъ политико-экономическое положеніе. — И такъ изъ того, что сказано мною, теперь ясно видно, въ чемъ должно состоять богатство? Оно состоитъ собственно въ изобиліи вещей, удовлетворяющихъ наши разнородныя нужды; слѣдственно кто обладаетъ въ большемъ количествѣ такими вещами, тотъ и болѣе можетъ назваться богатымъ, и на оборотъ. Сіе опредѣленіе богатства есть самое естественное и самое очевидное. Надобно однако замѣтить, что понятіе богатства есть чрезвычайно относительное; на пр. богатство селеній, богатство городовъ и столицъ имѣютъ особенныя значенія. Богатство народовъ заключается въ гораздо высшей сравнительной сферѣ. Самыя столѣтія подлежатъ такимъ же различнымъ отношеніямъ. — Но если вообще богатство состоитъ въ вещахъ, то для чего измѣряется оно всегда деньгами? Для чего золото и серебро служатъ главными онаго представителями? — Вотъ сему главная причина. Человѣкъ каждый въ отдѣльности никогда не могъ собственными своими силами пріобрѣтать всѣ произведенія, которыя служатъ къ удовлетворенію его нуждъ; напротивъ онъ находилъ себя въ необходимости занимаяться исключительно воздѣлываніемъ однихъ какихъ-либо произведеній, дабы, употребляя часть ихъ для собственной своей потребности, излишекъ оныхъ или всѣ вообще произведенія, если они не нужны, могъ отдавать другимъ, получая въ замѣнъ новыя какія-либо вещи. А какъ съ разпространеніемъ общества и увеличеніемъ безчисленныхъ связей и соотношеній онаго, непосредственная мѣна произведеній содѣлалась почти невозможною; то мало по малу приняли за общую мѣру цѣнностей нѣкоторые извѣстные предметы. Наконецъ, послѣ разныхъ измѣненій сей общей мѣры цѣнностей, золото и серебро содѣлались вездѣ опредѣлительною, постоянною монетою. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы непосредственно мѣнять свои собственныя произведенія на произведенія другихъ, начали продавать свои и покупать чужіе товары посредствомъ золота и серебра. Цѣнность сихъ металловъ, также какъ и цѣнность всѣхъ вещей, обыкновенно зависитъ отъ общихъ правилъ, а именно, отъ рѣдкости и изобилія самыхъ продуктовъ (*). Такое употребленіе золота и серебра въ послѣдствіи содѣлалось всеобщимъ мѣриломъ относительнаго богатства. Имѣя извѣстное количество оныхъ металловъ въ опредѣленное какое либо время (**), всякой можетъ разчислить, въ какой степени онъ можетъ обладать вещами, удовлетворяющими всѣ роды нашихъ нуждъ (разумѣется, сообразно своимъ отношеніямъ); а слѣдственно, въ какой степени онъ богатъ.

Привычка смотрѣть на золото и серебро, какъ на главное и всеобщее средство пріобрѣтенія всѣхъ вещей, была причиною наконецъ того, что сіи только металлы и почитался дѣйствительнымъ богатствомъ человѣка, и что не только частные люди, но и цѣлые народы заботились единственно о томъ, чтобы пріобрѣтать сколько можно болѣе драгоцѣнныхъ металловъ. Такъ, мало по малу, основалась меркантильная система, имѣвшая весьма много странныхъ правилъ. Настоящее понятіе о богатствѣ народномъ было заглушено, потеряно; самое простое, естественное разсмотрѣніе нуждъ человѣка содѣлалось, по превратному образу мыслей, почти загадочнымъ, таинственнымъ предметомъ политико-экономическихъ спекуляцій,—и, къ сожалѣнію, долго находились умы людей въ такомъ странномъ, непонятномъ броженіи. Наконецъ люди съ высокими талантами успѣли пробиться сквозь толпу пелѣпыхъ, безразсудныхъ мнѣній, стали вооружаться противу всеобщаго предразсудка и несправедливаго понятія о народномъ богатствѣ; но одержаніе совершенной побѣды на семъ важномъ пунктѣ Политической Экономіи, предоставлено было мужу необыкновеннаго ума: Адаму Смиту. Онъ уже совершенно разсѣялъ прежнія, смѣшныя понятія о золотѣ и серебрѣ, поднялъ завѣсу, скрывавшую отъ глазъ цѣлыхъ народовъ настоящее значеніе ихъ физическаго благосостоянія и со всею ясностію и точностію доказалъ, что богатство народовъ состоитъ не въ изобиліи золота и серебра, но въ изобиліи самыхъ произве-

(*) Въ строгомъ смыслѣ цѣнность продуктовъ не зависитъ отъ одной рѣдкости; ибо есть вещи, которыя полезны и рѣдки, но цѣнность имѣютъ небольшую, а другія вещи находятся гораздо въ большемъ количествѣ, но цѣнность ихъ велика. По мнѣнію нѣкоторыхъ Писателей, трудъ составляетъ основаніе цѣнности; по мнѣнію же другихъ, она зависитъ отъ предложенія и требованія самыхъ продуктовъ. Разсматривать всѣ сіи мнѣнія здѣсь не мѣсто.

(**) Въ различныя времена и цѣнность ихъ различна.

веденій, удовлетворяющихъ наши разнородныя нужды. Само собою разумѣется, что, какъ произведенія, золото и серебро составляютъ также богатство (*). Примѣру Смита послѣдовали и другіе отличные Писатели и Политическая Экономія болѣе и болѣе очищалась отъ прежнихъ заблужденій, обрабатываема была во всѣхъ своихъ главныхъ основаніяхъ и частяхъ. Конечно мнѣнія сихъ Писателей не содѣлались еще всеобщими; еще много есть людей, которые никакъ не хотятъ разстаться съ укоренившимися, застарѣлыми предразсудками прежнихъ временъ. Покрайней мѣрѣ начало преобразованію уже положено и даже можно сказать, что высшій, образованный кругъ гражданскихъ обществъ уже не чуждъ точнаго, вѣрнаго понятія о томъ, въ чемъ состоитъ дѣйствительное народное богатство, и въ какомъ отношеніи къ оному находятся золото и серебро. Впрочемъ многіе новѣйшіе Писатели сдѣлали еще шагъ къ опредѣленію богатства. Замѣтивъ, что Смитъ относилъ понятіе онаго единственно къ предметамъ матеріяльнымъ, они сдѣлали по сему поводу критическія свои изслѣдованія, и уже отнесли понятіе богатства къ самымъ предметамъ нематеріяльнымъ. Въ слѣдствіе сего появились новыя опредѣленія народнаго богатства; такъ на пр. нѣкоторые Писатели подъ именемъ онаго разумѣютъ вообще все то, что имѣетъ цѣнность, а другіе къ понятію *цѣнности* прибавляютъ еще другое понятіе, *относительной цѣнности*. Разбирать сіи опредѣленія въ семъ письмѣ, я почитаю излишнимъ; ибо это съ одной стороны требуетъ продолжительныхъ разсужденій, а съ другой вовлекаетъ въ такія подробности, безъ которыхъ я, сообразно моему образу мыслей, здѣсь легко могу обойтись. И такъ будемъ пока довольны основательнымъ понятіемъ о народномъ богатствѣ Адама Смита и многихъ послѣдователей его, оставивъ всѣ видоизмѣненія сего понятія, въ послѣдствіи сдѣланныя прочими Писателями (**).

Теперь углубимся въ разсматриваніе сего предмета гораздо далѣе. — Во первыхъ спрашиваю я: на чемъ основаны всѣ наши потребности, о которыхъ мы говорили выше; во вторыхъ: на чемъ основано самое удовлетвореніе оныхъ? — Чтобъ рѣшить сіи важные вопросы, я старался вникнуть въ самую сущность нашей природы и всѣхъ вещей, и вообще въ основное понятіе о земномъ шарѣ; такимъ образомъ мало по малу составилъ нѣсколько отвлеченную теорію. Вотъ краткое извлеченіе изъ оной.

Духъ и матерія суть главныя основанія всего существующаго: эта истина не подлежитъ никакому сомнѣнію. Разкрытіе духа чрезъ матерію, и образованіе сей послѣдней духомъ, постепенно обнаруживаются во всей цѣпи твореній, находящихся на земномъ шарѣ. Человѣкъ составляетъ самую высшую степень сего постепеннаго разкрытія. Земной шаръ, въ слѣдствіе необходимой дѣятельности и, такъ сказать, внутренней своей жизни, находится въ безпрерывномъ движеніи; по сему и все, находящееся на немъ, также по необходимости должно подлежать безпрерывному произведенію и потребленію, или непремѣнному закону рожденія, жизни и смерти. Каждое высшее твореніе обыкновенно сохраняетъ свою жизнь усвоеніемъ низшихъ твореній; по сему-то человѣкъ живетъ на счетъ всѣхъ существъ, находящихся на земномъ шарѣ: вотъ изъ чего происходитъ самое естественное понятіе о томъ, что человѣкъ есть малый міръ, что все сотворено для него, что человѣкъ, наконецъ, есть царь земли.

И такъ потребности человѣка, въ основномъ ихъ понятіи, суть не что иное, какъ послѣднее усиліе земнаго шара, окончность его высшей дѣятельности, чрезъ которую онъ достигаетъ предназначенной своей цѣли. Возбуждаемый сими потребностями, человѣкъ долженъ бываетъ дѣйствовать на низшія творенія для усвоенія ихъ себѣ. Удовлетворивъ сначала необходимыя свои нужды, онъ тою же силою природы побуждается къ пріобрѣтенію прочихъ вещей, служащихъ или къ удобности, или къ наслажденію его. Удовлетвореніе перваго рода собственно поддерживаетъ, сохраняетъ жизнь человѣка; удовлетвореніе втораго и третьяго родовъ утончаетъ, улучшаетъ его организацію. — Первоначально природа, какъ и необходимо должно было быть, предоставила человѣку весьма немного вещей для удовлетворенія оныхъ нуждъ; но чѣмъ болѣе увеличивалось народонаселеніе и чѣмъ болѣе умножались и разпространялись гражданскія связи и отношенія между людьми, тѣмъ болѣе человѣкъ старался разными средствами умножать и самыя произведенія, изобрѣтать все то, что было сообразно съ постепеннымъ утонченіемъ его организаціи. Такъ безпрерывно возрастали новые способы къ удовлетворенію оныхъ. Это есть необходимое слѣдствіе дѣятельности и жизни земнаго шара; сіи, какъ извѣстно, суть необходимыя условія всего того, что является, что существуетъ (*).

(*) Разумѣется, что они, при одинакой цѣнности съ какими-либо вещами, имѣютъ предпочтеніе предъ сими послѣдними, потому что за золото и серебро легко можно все достать: есть случаи, гдѣ другія вещи, при одинаковой цѣнности, предпочитаются симъ металламъ, когда на пр. получивъ за произведенія свои золото и серебро, мы опять должны покупать за оныя другія вещи; въ семъ случаѣ непосредственная мѣна для насъ выгоднѣе.

(**) Въ моемъ систематическомъ сочиненіи о Политической Экономіи, которое предполагаю издать въ свѣтъ, всѣ сіи понятія разобраны подробно.

(*) Изъ сего видно, что человѣкъ необходимо долженъ трудиться, ибо трудъ есть дѣйствіе жизни его и вообще жизни

Выше мы сказали, что богатство состоитъ въ изобиліи вещей необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ; то, примѣняя сіе опредѣленіе богатства къ нашему, теперь изложенному образу мыслей, мы можемъ сказать, что богатство есть нѣкоторымъ образомъ разкрытіе физической жизни народовъ или вообще земнаго шара. Здѣсь мы отдѣляемъ физическую дѣятельность человѣка отъ умственной, которая состоитъ въ созерцаніи сущности, свойствъ и дѣйствія вещей, которая, слѣдственно, имѣетъ особенную свою сферу, и произведенія которой могутъ быть названы общимъ именемъ: *образованность*. Сію образованность опять можно, въ противоположность богатству народному, назвать разкрытіемъ нравственной жизни народовъ или вообще земнаго шара. — Впрочемъ мы только въ теоріи отдѣляемъ обѣ сіи жизни, дабы лучше понять ихъ дѣйствія; въ самой же сущности онѣ такъ вмѣстѣ слиты, что одна безъ другой не можетъ существовать; и притомъ жизнь физическая дѣйствуетъ безпрерывно на нравственную, а сія опять дѣйствуетъ обратно на первую. — Сіе мое опредѣленіе богатства и образованности можетъ показаться для многихъ весьма страннымъ и слишкомъ отвлеченнымъ; но если только они вникнутъ съ должнымъ вниманіемъ въ самую сущность вещей, то легко убѣдятся въ естественности и ясности онаго. Между тѣмъ сіе опредѣленіе ведетъ къ важнымъ результатамъ; ибо, понимая въ самомъ основаніи богатство, мы точнѣе можемъ судить и о томъ, какъ должны мы поступать для пріобрѣтенія онаго, и вообще можемъ обнять въ самой тѣсной и существенной связи всѣ части Политической Экономіи, а чрезъ то можемъ гораздо удобнѣе избѣгнуть всѣхъ противорѣчій. Наконецъ самый важный пунктъ Политической Экономіи: должно ли допустить свободу торговли между народами? — можетъ быть рѣшенъ гораздо съ большею удобностію.—Если же будемъ вмѣстѣ разбирать и Политику, то увидимъ со всею ясностію, въ какомъ она отношеніи находится къ Политической Экономіи, почему обѣ сіи Науки то какъ будто раздѣляются, то сближаются между собою. — Земной шаръ въ организмѣ своемъ походитъ на человѣка. Чтобъ имѣть также и существенное понятіе о физической жизни нашей, разливающейся по всему тѣлу, для сего глубокому Медику не довольно знать только то, какую мы должны употреблять пищу для нашего питанія; напротивъ того онъ долженъ понимать всю сложность нашего тѣла, долженъ видѣть, какимъ образомъ пища разрѣшается въ нашей внутренности на извѣстныя свои части, и потомъ въ разныхъ видахъ разливается по всему составу тѣла. Словомъ: онъ долженъ, такъ сказать, созерцать весь нашъ организмъ и безпрерывное его дѣйствіе въ усвоеніи разнаго рода вещей: вмѣстѣ онъ долженъ быть глубокимъ Психологомъ, чтобы постигать таинственное, взаимное вліяніе души и тѣла. Такъ долженъ поступать и Политико-Экономъ въ отношеніи къ земному шару! Природа вездѣ, во всѣхъ своихъ явленіяхъ одна и та же; надобно только умѣть постигать ея вѣчные, неизмѣняемые законы, — и тотъ, кто успѣлъ въ точности понять оные въ извѣстномъ какомъ-либо кругу, имѣетъ неотъемлемое, безспорное право называться великимъ, счастливымъ ея наблюдателемъ.

Т. Степановъ.

земнаго шара: а изъ сей истины сколько можно извлечь самыхъ важныхъ и полезныхъ уроковъ?

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Туалетная Химія. Сочин. Т. Г... — М. въ Университет. типогр. 1831. (96 стран. въ 16-ю д. л. съ картинкой.)

Сочинитель этой книжечки, какъ ревностный Химикъ, дробящій все на части, не захотѣлъ, чтобы въ эпиграфѣ, выбранномъ имъ изъ стихотвореній Жуковскаго, оставалось слово: *всечасно*; желая, вѣроятно, придать сему эпиграфу *химическое* значеніе, вотъ какъ онъ его передѣлалъ:

Во всѣхъ природы красотахъ
Всечастно образъ твой встрѣчаю.

Можетъ быть Поэтъ и почитатели его талапта не совсѣмъ будутъ довольны этою химическою амальгамой, подмѣшанною въ прекрасные стихи; но Химику ли думать о ненарушимости поэтическаго смысла? — Впрочемъ, вся *Туалетная Химія* похожа немного на аптекарскую ихоть, въ которой часто смѣшиваются и толкутся вмѣстѣ вещества совершенно разнородныя. Здѣсь есть и нѣжныя обращенія къ прекраснымъ или къ *прекрасной*, и общія мѣста о томъ, что такое Химія, и жалобы, и нравственныя примѣненія, и стихи.... Какіе стихи!—Не станемъ ихъ выписывать, но скажемъ, что сей курсъ Туалетной Химіи посвященъ одной Темирѣ, которая *уже въ небесахъ* (стр. 17), но съ которою Сочинитель однако разговариваетъ, какъ будто съ живою, объ ея прелестяхъ, *мягкомъ характерѣ*, *добротѣ въ чувствахъ*, *привлекательности въ обращеніи* и пр. и пр. Все это очень хорошо: но на что же ей нуженъ курсъ Химіи, *на небесахъ?* Еще одна странность: на 91 страницѣ Авторъ говоритъ: «Вотъ и мой *Альманахъ* на 1831 годъ.» — Такъ это Альманахъ?... Да, точно: въ экземплярѣ, попавшемся намъ въ руки, заглавный листокъ наклеенъ на дру-

гомъ, а на семъ послѣднемъ заглавіе было напечатано гораздо полнѣе: *Туалетная Химія, или Химическій Альманахъ на* 1831 *годъ. Посвящается П. Т. В. Сочин. Т. Г.*... Далѣе тотъ же эпиграфъ и съ тою же поправкой во 2-мъ стихѣ. — Зачѣмъ Авторъ не оставилъ прежняго заглавія? Можетъ быть, его *Химическій Альманахъ* былъ бы родоначальникомъ цѣлаго поколѣнія Альманаховъ физико-математическихъ, нравственно-политическихъ, юридическихъ и т. п. Тогда, не выходя изъ комнаты, молодые люди совершали бы полный курсъ Университетскаго ученья, по Альманахамъ. Какой важный шагъ сдѣлало бы просвѣщеніе!

СМѢСЬ.

Въ одномъ изъ позапрошедшихъ здѣшнихъ изданій напечатана забавная надпись къ спящуѣ Наполеона. Вотъ ея начало:

Вотъ мрачный образъ твой, пронесшій быстро геній,
Звѣзда Исторіи, поэзія мечты!

Почему же Сочинитель думаетъ, что звѣзда Исторіи и поэзія мечты должны имѣть образъ мрачный? До сихъ поръ называли звѣздою все свѣтлое и даже блистательное. Далѣе сказано, что Наполеонъ съ вершины своей низвергнутъ счастіемъ и сдѣлался жертвою измѣнницы судьбины. Это все, кажется, то же противорѣчіе истинѣ. Не низвергнутъ, а вознесенъ счастіемъ на вершину свою и сдѣлался жертвою безумнаго честолюбія, а не судьбины, которая (сказать мимоходомъ) владычествуетъ только на Востокѣ. Заключается эта надпись слѣдующими стихами:

О сколь твой видъ священъ и милъ воображенью!
Онъ мысли жизнь даетъ и пищу вдохновенью!

Тутъ спорить нельзя, потому что это дѣло касается до вкуса, хотя не стоило бы по совѣсти признавать за святыню то, что ее столько разъ попирало ногами.

По этой надписи можно думать, что Сочинитель не коротко знаетъ своего героя. Вотъ что о немъ говорятъ люди, жившіе съ нимъ: «Это былъ человѣкъ, «проливавшій кровь своихъ сограждан 13-го Вандемьера, «выбросившій за окно Республику 18-го Брюмера, у«влекшій цвѣтъ молодости нашей на погибель въ вѣч«ные льды хладнаго Сѣвера, и похоронившій тамъ славу «Франціи; человѣкъ, который, возвратясь изъ заточе«нія, привезъ съ собою всю надменность долговременной «и безпредѣльной власти и не умѣлъ ничего сдѣлать для «счастія Франціи, кромѣ новой главы въ Уставѣ своей «диктатуры!» Это занимствовано Издателями Сѣверной Пчелы изъ Парижскаго Журнала: Revue de Paris (Сѣв. Пч. No 59). Разсмотрѣнная нами надпись тѣмъ болѣе должна поразить каждаго, что No Журнала, ее заключающій, вышелъ въ свѣтъ въ одинъ и тотъ же день съ приводимымъ здѣсь No Сѣверной Пчелы. Каково будетъ потомству при такихъ противорѣчіяхъ современниковъ?

Когда свѣтъ былъ юнѣе и души невиннѣе, когда жизнь людей была, подобно жизни дѣтей, исполнена безпечности и безотчетности, тогда едва Поэтъ принимался за лиру — и поколѣнія приникали слухомъ къ златымъ устамъ его: Поэзія была обществомъ, вѣрой, закономъ.... Нынѣ Поэтъ есть не что иное, какъ отшельникъ, коего книга дѣйствительно доходитъ только до малаго числа душъ, разсѣянныхъ въ толпѣ и одинокихъ, какъ самъ онъ.... *Сентъ-Бёвъ* (*Изъ новаго Французскаго Альманаха.*)

У Римлянъ былъ особый родъ Гладіаторовъ, называвшихся Andabatæ, кои сражались верхомъ, съ завязанными глазами. Въ наше время есть полемическіе Писатели, толкующіе о такихъ предметахъ, въ которыхъ они не видятъ ни зги; не достаетъ имъ только лошадей. (*Оттуда жъ.*)

Извѣстный Французскій Писатель, Ламотъ-ле-Вейеръ, не могъ сносить звуковъ никакого музыкальнаго инструмента, сколь бы онъ ни былъ благозвученъ; но рокотъ грома и вой вѣтровъ приводили его въ восторгъ.

Пріоли или Пріоло, ученый Венеціянецъ XVII вѣка, говаривалъ: «Человѣку даны только три вещи: душа, «тѣло и имущество; и всѣмъ имъ разставлены три «рода козней: душѣ отъ бѣса, тѣлу отъ лекаря, а «имуществу отъ приказнаго.«

Спѣшимъ исправить погрѣшность, вкравшуюся въ наше объявленіе о концертѣ Г. Ремерса (см. No 15 Лит. Газ., стр. 124). Тамъ было сказано, что Г-жа Сесси будетъ участвовать въ этомъ концертѣ: вмѣсто Г-жи Сесси, будутъ въ оном пѣть Г-жи Зибертъ и Лебедева.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 24-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМЪ III, № 18. МАРТА 27го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу), — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ) и 26-го (въ Воскресенье).

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ РОМАНА: МОНТФЕРМЕЛЬСКАЯ МОЛОЧНИЦА (*).

Соч. Поль-де-Кока.

Возвратившись въ городъ, Огюстъ нашелъ въ квартирѣ своей Десгиваля, который поджидалъ его и выбѣжалъ пожать у него руку.

«Здорово, любезный Дальвиль, здорово! разскажи, что съ тобой дѣлается?» закричалъ онъ, посматривая въ окно на улицу. — «Очень жалѣю, что заставилъ васъ дожидаться....» — «О, ничего, помилуй..... Правда, мнѣ въ тысячѣ мѣстахъ надобно еще побывать, но у меня новая лошадь отличная.... цѣны ей нѣтъ... замѣтилъ ее у входа?» — «Нѣтъ, не догадался....» — «Кабріолетъ мой перекрашенъ; въ жокеи я взялъ Арапа: надобно же обзавестись, когда дѣла идутъ удачно. Для жены досталъ кухарку.... мастерицу своего дѣла, самъ узнаешь... Пріѣзжай-ка завтра къ намъ откушать... у насъ будетъ кой-кто изъ пріятелей, все люди съ состояніемъ; я конечно не обращаю на это вниманія и не похожъ на Томасиньера, который вѣчно хвастается своими деньгами, своими домами! Это тѣмъ смѣшнѣе, что мы знаемъ его произхожденіе; согласись, что забавны его замѣны.... А видѣлъ ли внизу моего Арапа? стройный малый.... славнѣйшій чернякъ... по мнѣ, шакой Арапъ, лучше всѣхъ нашихъ холоповъ, подъ которыми чуть не ломится коляска. Да, кстати, и жена также зоветъ тебя; она говоритъ, что ты совсѣмъ позабылъ ее.» — «Увѣряю васъ...» — «Вовсе у насъ не бываешь!... Это не хорошо! оставилъ и музыку и пѣніе, и въ спектакль съ нами ѣхать не дозовешься; нѣтъ, разлюбилъ насъ.... истинныхъ друзей твоихъ!... Но поговоримъ о дѣлѣ.... я забочусь о твоихъ выгодахъ, хотъ и не вижу тебя.» — «Вы чрезвычайно добры ко мнѣ!...» — «Ты вѣтреникъ и думать не хочешь, какъ бы наживать денежки; но я не то, что Томасиньеръ и другіе себялюбцы, которые заботятся только о себѣ самихъ. Вотъ мнѣ открылся случай сдѣлать превыгодный оборотъ изъ моего капитала; ну, какъ не взять при этомъ въ долю и любезнаго Дальвиля? подумалъ я: къ чему одному мнѣ обогащаться?.... Счастье друга увеличиваетъ наше благополучіе; притомъ я не заносчивъ, не хочу пускать пыль въ глаза, какъ иные наши знакомые, а шакъ, лишь бы поустроиться. Короче скажу: предположеніе, о которомъ уже говорено тебѣ назадъ тому нѣсколько времени, можетъ исполниться; за успѣхъ отвѣчаю, нужны только капиталы....» — «Я могу вамъ дать до 250 тысячъ франковъ.» — «Этого довольно, если къ нимъ приложишь мои.... шакъ махнемъ далеко; меньше чѣмъ въ годъ получимъ барыша 25 тысячъ франковъ... Каково?... ась!» — «Полагаюсь на вашу предусмотрительность. Я дѣлъ не смыслю и признаюсь, не хотѣлъ бы наудачу пускать въ оборотъ капиталъ мой.» — «Предусмотрительность у меня змѣиная!.... Притомъ неужь-то думаешь, что я стану рисковать и своимъ имѣніемъ? Какъ можно!... Ну, шакъ когда жь доставишь мнѣ деньги?» — «Хоть завтра.» — «Ты возьмешь съ собою, какъ поѣдешь къ намъ обѣдать....» — «Пожалуй.» — «А я между тѣмъ пригошовлю расписку: дѣло должно вести въ порядкѣ. Такъ-шо, любезный Дальвиль; шы, другъ мой, полнѣешь, какой здоровый у тебя видъ!» — «Право? я напротивъ того чувствую сегодня усталость.» — «О, это вовсе незамѣтно; ты молодчина, не смотря на всѣ свои проказы, пользуешься желѣзнымъ здоровьемъ!» — «Ну, не совсѣмъ желѣзнымъ.» — «Ты шакъ молодъ въ сравненіи со мною! я годился бы тебѣ въ отцы; который тебѣ годъ? двадцать два, не больше?....» — «Нѣтъ, ужь двадцать семь.» — «Удивительно! однако прощай: у меня столько дѣла... Надобно еще заѣхать къ Монену.... я продалъ его аптеку. Хочу пригласить и его съ женой на обѣдъ; они конечно пороху не выдумаютъ, особливо самъ Моненъ, прежалкое со-

(*) La laitière de Montfermeil. Забавный и остроумный романъ сей переведенъ весь и въ скоромъ времени поступитъ въ печать. Предлагаемъ здѣсь образчикъ перевода. *Изд.*

зданье! жена водитъ его за носъ, какъ ребенка; но добрякъ за то.... честнѣйшій малый, а честность, по моему, всего важнѣе. Ну, такъ до завтра, любезный другъ, не забудь же взять деньги.» — «Это ужь рѣшено.» —

Дешпиваль, разставаясь съ Огюстомъ, снова жметъ ему руку изо всей силы, какъ будто въ судорогахъ; въ передней встрѣчаетъ Бертрана, и шутъ опять поднялись привѣтствія. Дешпиваль и ему жметъ руку, приговаривая: «Какъ я радъ, что вижу тебя, мой добрый, милый Бертранъ!.... Здоровъ по прежнему.... на вышяжкѣ.... Куда какъ хорошо послужить въ военной! Признаюсь, что урокъ твой очень мнѣ пригодился; надѣюсь, что на дняхъ дашь мнѣ другой.... я горжусь буду этимъ.... До свиданія, мой почтенный!»

Не давъ Бертрану выговорить ни одного слова, Дешпиваль проскользнулъ въ дверь, спускается съ лѣстницы и не успѣвъ еще сойти внизъ, кричитъ во все горло: «Доминго! Доминго!... Арапъ! отворяй кабріолетъ.»

Толстый, приземистый Арапъ въ красномъ кафтанѣ и въ маленькомъ жокейскомъ картузѣ съ козырькомъ вершковъ въ десять, едва передвигаетъ ноги въ лосиномъ исподнемъ платьѣ, которое Дешпиваль, проносивъ десять лѣтъ, разсудилъ подарить ему; и хотя оно было очень узко для Арапа, но Дешпиваль увѣрялъ, что онъ и двухъ лѣтъ ему не прослужитъ, какъ это платье будетъ на немъ очень широко.

Съ появленіемъ Арапа, Дешпиваль повертывается на право, на лѣво, чтобъ узнать, примѣчаютъ ли его жокея; но какъ никто не останавливался смотрѣть на него, то аферистъ нашъ рѣшается сѣсть въ кабріолетъ, и увидѣвъ, что Доминго взгромоздился на запятки, началъ похлыстывать свою лошадь и кричать: *пади*, даже въ то время, когда никто ему не попадался.

— «И такъ ты не будешь больше меня бранить, любезный Бертранъ,» сказалъ Огюстъ старому капралу послѣ Дешпивалева отъѣзда. — «Отъ чего же, сударь?» — «Отъ того, что я привожу въ порядокъ наши дѣла.... Думаю ввѣрить свой капиталъ Дешпивалю, который хочетъ сдѣлать изъ него такой выгодный оборотъ, что я скоро богатъ буду по прежнему.» — «Хотите повѣрить свое состояніе Дешпивалю! охъ, онъ что-то черезъ чуръ вѣжливъ!» — «Да, другъ мой, хочу.» — «И рѣшаетесь ввѣрить ему все, что имѣете?» — «Почти все: отдаю ему 250 тысячъ франковъ; у меня останется около 20 тысячъ на жилье и на удовольствія, до тѣхъ поръ, пока разочтусь съ Дешпивалемъ.» — «Это очень хорошо, поручикъ; но обезпечены ли вы? 250 тысячъ не бездѣлица! особливо, когда они составляютъ все имѣніе!..» — «О, не безпокойся: я возьму всѣ возможныя предосторожности; при томъ Дешпиваль человѣкъ умный, разсудительный.... я на него больше положусь, чѣмъ на Томасиньера, хоть тотъ и гораздо его богаче; а впрочемъ, если вздумаю получить назадъ мои деньги, такъ мнѣ будетъ только стоить за три мѣсяца до того предупредить Дешпиваля.» — «Но если онъ вздумаетъ задержать ихъ, такъ предупредитъ ли васъ о томъ?» — «Фи, Бертранъ! неужь-то всякаго надобно считать за плута и бездѣльника?» — «Боже сохрани отъ этого: иначе бѣглымъ огнемъ должно бъ было жарить въ перваго встрѣчнаго.» — «Говоря по совѣсти, мнѣ жаловаться на судьбу не за что: я наслаждаюсь жизнью, ни въ чемъ себѣ не отказываю, состояніе мое увеличивается; правда, меня обманываютъ кокетки.... за то вѣдь я ужь и самъ не оспаюсь у нихъ въ долгу.... Однако я сержусь на Денизу; чувствую, что могъ бы очень любить ее! а она отдала свое сердце другому, не сказавши мнѣ о томъ ни слова.» — «Да развѣ ей нужно было ваше на то позволеніе?» — «Того не говорю; но если я былъ влюбленъ въ нее, если надѣялся взаимно быть любимымъ ею, то согласись, Бертранъ, что для молодаго человѣка, какъ я, который чего нибудь стоитъ, весьма непріятно думать, что ему предпочитаютъ какого нибудь олуха!... невѣжду!» — «Положимъ такъ; но этотъ олухъ, невѣжда, предложитъ ей свою руку, будетъ любить ее, какъ жену, какъ мать дѣтей его и никогда ее не покинетъ.... Такимъ образомъ, если поразмыслить хорошенько, то это не получше ли будетъ, чѣмъ глазки, вздохи и прибаутки столичнаго щеголя?» — «Твоя правда, Бертранъ, иногда я совершенно сбиваюсь съ толку.... Но перестанемъ говорить про Денизу.... я повидаюсь съ нею, когда она будетъ за мужемъ, а до того не хочу быть въ Монпфермелѣ.... Дениза очень плѣнительна!» — «Браво, поручикъ, вы поступаете, какъ человѣкъ истинно честный.»

Огюстъ отправился къ своему банкиру и сходя съ лѣстницы, встрѣтилъ Г-жу Сенп-Эдмонъ въ первый разъ послѣ загороднаго съ нею приключенія.

Увидя Огюста, она останавливается, опирается о стѣну, вертитъ глазами, подноситъ къ нимъ платокъ, словомъ: употребляетъ все, чтобы заставить его думать, будто бы ей дѣлается дурно; но Огюстъ, не обращая вниманія на эту выразительную пантомиму, пренизко кланяется и проходитъ мимо.

Получивъ отъ банкира свой капиталъ, Огюстъ отправляетъ въ портфѣль 250 тысячъ франковъ, а остальные отдаетъ Бертрану, съ тѣмъ, чтобы тотъ не думалъ слишкомъ о разходахъ, потому что состояніе ихъ скоро должно увеличиться, и слѣдовательно нѣтъ причины отказывать себѣ въ чемъ нибудь. На другой день онъ беретъ съ собою портфѣль, и снова посовѣтовавъ Бертрану веселиться, въ 5 часовъ уѣзжаетъ къ Дешпивалю; а Бертранъ, чтобъ выполнить волю своего господина, идетъ отыскивать Шпрака (при-

вратника того дома, гдѣ они жили), въ намѣреніи съ нимъ прогуляться.

Дестиваль въ это время занималъ квартиру обширнѣе прежней и убранную съ большею роскошью. Онъ хотя не могъ тягаться съ Томасиньеромъ, но было замѣтно его усильное стараніе не уступать ему. Впрочемъ вообще замашка удивлять собою рѣдко имѣетъ успѣхъ, какого желаемъ, и только подвергаетъ насъ насмѣшкамъ. Искуство не всегда удается, и тотъ бываетъ смѣшонъ, кто вздумаетъ казаться въ свѣтѣ не тѣмъ, что есть въ самомъ дѣлѣ. Напрасно горничная дѣвушка, напяливъ на себя огромную шляпку, стала бы, какъ обезьяна, дѣлать ужимки свѣтской дамы; напрасно поршной, одѣтый съ головы до ногъ въ новое платье, сталъ бы думать, что разрядившись по самой послѣдней модѣ, похожъ на Dandy: природа возьметъ свое. Конечно въ большомъ собраніи можно морочить людей и слыть не такимъ, каковъ есть; но ежели поразглядѣлять каждаго мало-мальски, — то личина съ шарлатана спадетъ, и онъ представится въ настоящемъ видѣ.

Такимъ образомъ мы находимъ въ обществѣ тьму людей, которые, не выходя изъ своего состоянія, были бы достойны уваженія и не подвергались бы пересудамъ. Но у насъ совсѣмъ не то; какой нибудь мѣлкоправчатый чиновникъ, колотясь на ничтожномъ жалованьѣ, затѣваетъ вечера, балы; тутъ домъ вверхъ дномъ становится; кровати спасиваются, чтобы въ комнатахъ сдѣлалось просторнѣе, добывается фортепіано, приготовляется лимонадъ, берутся на прокатъ кенкеты, лампы, снаряжается пуншъ, ужинъ; хлопочутъ безъ памяти, и что же? Въ маленькое жилье набирается гостей пропасть, поворотиться негдѣ, сѣсть не на что, стула не допросишься. Стѣна, около которой стояли кровати, совсѣмъ другаго отъ прочихъ цвѣта, и по этому видно, что поутру здѣсь была переборка; фортепіано разстроено, лимонадъ несладокъ, потому что его наготовили много, а сахару пожалѣли; лампы горятъ плохо: съ ними не привыкли обращаться; пуншъ подаютъ съ прегадкой водкой: ее купили подешевлѣ; а за ужиномъ потчуютъ черствымъ хлѣбомъ и старымъ жаркимъ! Свѣтъ насмѣшливъ: дурное не ускользнетъ отъ него, хорошее не замѣтится. Вмѣсто всего этого, не лучше ли было бы сдѣлать вечеръ безъ затѣй, не скликать всѣхъ и всякаго, не превожить своихъ кроватей; но подавать покрайней мѣрѣ хлѣбъ мягкой и не показывая виду, что гости скликаются на парадный праздникъ, стараться только созвать нѣсколькихъ пріятелей!

У Дестиваля кроватей съ мѣста не трогали; у него зала помѣстительна для многочисленнаго собранія, лампы горятъ ярко—ихъ зажигали часто; пуншъ славный, потому что Г-жа Дестиваль не вдавалась въ пустую разсчетливость, отъ которой не выходитъ ничего путнаго. Но Арапъ, уставленный въ передней возвѣщать о пріѣздѣ гостей, и Баптистъ, бѣгавшій изъ комнаты въ комнату для выполненія приказаній своего господина, ворча за все, что ему ни скажутъ,—представляютъ изъ себя что-то разительно-комическое; при томъ Г. Дестиваль безпрестанно подзываетъ къ себѣ то того, то другаго, величая каждаго изъ слугъ своихъ или скотомъ или болваномъ.

Въ залѣ собралось гостей уже довольно, когда пріѣхалъ Дальвиль. Онъ узналъ между ними Монена и дражайшую его половину Бишешу, которая на этотъ разъ была не въ пастушеской шляпкѣ, но въ огромнѣйшемъ тюрбанѣ, и по непомѣрной толщинѣ своей казалась настоящимъ Туркомъ. Г-нъ Моненъ при самомъ почти входѣ Огюста, не преминулъ спросить его, какъ онъ изволитъ обрѣтаться въ своемъ здоровьѣ? Г-жа Дестиваль принимаетъ Огюста очень ласково и упреки ея на счетъ рѣдкаго его посѣщенія такъ любезны, что ему оставалось только жалѣть о томъ, что заслужилъ ихъ. Прежде нежели Огюстъ успѣлъ разсмотрѣть все общество, въ залу вошелъ Г. Дестиваль и увидя жданаго гостя, вскрикнулъ отъ радости, какъ будто бы тотъ воскресъ изъ мертвыхъ; потомъ взялъ его за руки и сказалъ: »Вотъ онъ, любезнѣйшій дружище! не позабылъ насъ!... спасибо за то! доказалъ свою пріязнь къ намъ: вѣдь у него столько знакомыхъ, столько приглашеній!... какъ его стаетъ на всѣхъ!« и къ этому прибавилъ потихоньку: »Да не забылъ ли своего обѣщанія?» — »Нѣтъ, все со мною;» отвѣчалъ Огюстъ.» — «Такъ пойдемъ же въ мой кабинетъ и покончимъ дѣло до обѣда, чтобъ послѣ думать только объ удовольствіяхъ.» — »Очень охотно.» — »Простите меня, сударыни, что я похищаю у васъ милаго Дальвиля; чрезъ пять минутъ вамъ возвращу его, иначе вы безъ сомнѣнія смертельно бъ на меня разсердились.»

Говоря это, Дестиваль уводитъ съ собою Огюста въ кабинетъ, тамъ получаетъ отъ него портфѣль, пересчитываетъ деньги, запираетъ ихъ въ конторку и выдаетъ Огюсту въ полученіи ихъ разписку.

Огюстъ, положивъ ее въ карманъ, сказалъ: »Очень хорошо, я разсмотрю эту бумагу дома!» Потомъ они возвращаются въ залу. Дестиваль въ восхищеніи, какъ будто нашелъ золотыя горы. Огюстъ торопится свесть знакомство съ нѣкоторыми хорошенькими дамами.

Между тѣмъ собраніе увеличилось нѣсколькими особами. Изъ нихъ примѣчательными были: три сестрицы молоденькія, хорошенькія, но которыя не улыбались, не проговаривали словечка, не переступали шагу безъ жеманства; молодая дама, превеселая, очень говорливая, всегда готовая смѣяться, особливо съ мужчинами; шестнадцати-лѣтняя дурочка, робкая, неловкая, несмѣвшая отступить отъ стула своей маменьки, ни смотрѣть

на того, съ кѣмъ говорила; долговязый мужчина, который уставлялъ носъ въ картины, гравюры, экраны, хрусталь, хватался за все, разсматривалъ все, потряхивалъ головою и по два, по три раза произносилъ: гмъ, гмъ (это конечно что нибудь значило); и маленькой человѣчекъ, бывшій въ затруднительномъ положеніи отъ толстаго брюха, коротенькихъ рукъ и крохотной головы: онъ не зналъ, что ему съ собой дѣлать, — пыжился, неловко переступалъ то на лѣвую, то на правую ногу, игралъ цѣпочкой своихъ часовъ, высовывалъ языкъ, когда на него смотрѣли, и почесывалъ носъ, если никто не глядѣлъ на него.

Вообще дамское общество казалось лучше мужскаго; но пустившись въ обороты, должно имѣть сношенія съ людьми всякаго разбора, — по тому что выгоды часто достаются не отъ того, кто ловокъ въ обращеніи.

Между тѣмъ Г-нъ Моненъ почти безпрестанно держится за стулъ дражайшей своей половины, и развѣ отходитъ отъ нея для того только, чтобы спрашивать каждаго: какъ изволите обрѣтаться въ своемъ здоровьѣ? Проговоривъ эту неизмѣнную фразу, онъ съ улыбкой возвращался къ своей сожительницѣ, подносилъ ей табакерку, и тутъ нелегко было бы рѣшить, кто изъ нихъ захватывалъ табаку больше.

Ударило шесть часовъ. Доминго начинаетъ лавировать по комнатѣ и наконецъ докладываетъ хозяину самымъ изковерканнымъ языкомъ, представлявшимъ смѣшенье разныхъ нарѣчій, что кушанье готово. Моненъ, невидѣвшій Арапа въ передней, счелъ его за негоціанта съ береговъ Гвіаны, приглашеннаго также къ обѣду; и потому, оставивъ стулъ жены, пустился было его спрашивать, какъ онъ изволитъ обрѣтаться въ своемъ здоровьѣ; но Бишетта, смекнувъ, что на умѣ у него, удерживаетъ его за платье. »Останься,« сказала она:» куда ты тащишься?... развѣ не видишь, что это Арапъ Г. Дестиваля?»—»А, такъ это Арапъ, Бишетта?» — »Ты только что догадался?» — »Да мнѣ показалось, что онъ говоритъ-то не нашимъ языкомъ.» —»А какимъ же? ты самъ не понимаешь, что мелешь.... По моему, пускаясь на запѣи и заводя Арапа, надобно его выучить ходить по крайней мѣрѣ..... Хорошъ слуга, который едва передвигается, какъ будто у него свинцовыя ноги.... Нечего сказать; милъ этотъ Доминго!... Онъ какой нибудь злой дикарь, и его, чтобъ произвесть въ Арапы, выпачкали лакрицей.«

— »Обѣдъ готовъ, а Г-нъ и Г-жа Томасиньеръ не ѣдутъ,« сказала съ досадою Г-жа Дестиваль: »мы только ихъ и ждемъ; ужасные люди! вѣчно за ними остановка!... Ужь шесть часовъ слишкомъ.»—«Шесть и десять минутъ,« пробормоталъ долговязый мужчина:» мои часы ходятъ по солнцу, гмъ, гмъ!»—»Шесть и семь минутъ,» провозгласилъ Моненъ, выпачкивъ свои часы.» — »Ваши опаздываютъ! гмъ, гмъ.» —»Мужъ мой повѣряетъ ихъ по дворцовой пушкѣ,» сказала Г-жа Моненъ, бросивъ гордый взглядъ на долговязаго, между тѣмъ какъ брюханъ съ короткими руками, чтобъ выпачкить изъ кармана часы, раза два ступилъ на лѣвую ногу, да раза три на правую, и наконецъ ему удалось достать ихъ. Долго онъ смотрѣлъ на нихъ и напослѣдокъ проговорилъ: »Да, теперь около того!»

— »Право,» сказалъ Дестиваль, »если бъ Томасиньеръ сбирался одинъ ко мнѣ, такъ ужь мы сидѣли бъ за столомъ... смѣшно заставлять всѣхъ ждать себя! Но съ хорошенькой дамой всегда длинные сборы: она либо то, либо другое вздумаетъ поправить въ своемъ нарядѣ, а время между тѣмъ уходитъ. Впрочемъ нельзя же не имѣть снисхожденія къ Граціямъ. Доминго, скажи, чтобы кушанья съ огня не снимали; Баптистъ, чтобы не остыли жаровни. Ну, поворачивайтесь, олухи....можно попроворнѣе переступать, когда приказываютъ.»

Совсѣмъ тѣмъ Доминго не подвигается скорѣе, потому что его жметъ лосинное исподнее платье. Баптистъ по прежнему въ дурномъ расположеніи духа, и грубо толкая своего товарища, бормочетъ: »Ну, пошелъ, что ли, черномазый; вотъ славная мнѣ помога!... онъ только и умѣетъ бить тарелки и красть ликёръ! Пусть бы его нарѣзался такъ, чтобъ весь фарфоръ перекололъ! Небось узнали бъ, стóитъ ли паряжать всякаго чернорожаго урода въ красную обнову, когда нашъ братъ по три года шаскаетъ дрянной изпертой кафтанишка.»

Бьетъ половина седьмаго. Лица у гостей вытягиваются. Огюстъ разговариваетъ съ однимъ изъ сосѣдей. «Не правда ли, что смѣшно заставлять всѣхъ дожидаться одного или двухъ?» говорилъ тотъ:» черезъ это иногда люди почтенные должны зависѣть отъ какого нибудь глупца, которому вздумается быть неисправнымъ. Вотъ у меня такъ положенный часъ обѣдамъ: двухъ минутъ не жду того, кто приглашенъ ко мнѣ, и всякой знаетъ, что безъ него отобѣдаютъ.» Огюстъ это одобряетъ. Г-жа Дестиваль теряетъ терпѣніе; мужъ ея поминутно заглядываетъ въ столовую и выходя оттуда, восклицаетъ:» Все простынетъ!... куска въ ротъ нельзя будетъ взять; ахъ, какая досада!»—»Да,« приговаривалъ мужчина въ очкахъ:» подогрѣтое кушанье ни куда не годится..... гмъ, гмъ!....»

Моненъ повидимому съ жадностью вслушивался, что говорятъ о кушаньѣ; а неуклюжій человѣчекъ, переступавшій съ ноги на ногу, потиралъ носъ съ жалкимъ видомъ. Наконецъ въ семь часовъ раздается сильный звонъ колокольчика и вслѣдъ за тѣмъ являются въ залу Г-нъ и Г-жа Томасиньеръ.

Аталія въ великолѣпномъ уборѣ; шея, руки ея обвѣшаны алмазами, и блескъ ихъ чрезвычайно идетъ къ рѣзкой выразительности лица ея. Между мужчинами поднимается отъ удивленія шопотъ; женщины напро-

шивъ того молчатъ, разсматриваютъ, обсуживаютъ нарядъ Аталіи до малѣйшей бездѣлицы, и не могутъ скрыть зависти, потому что на ней все хорошо и похулить нечего; а замѣчаютъ чужіе недостатки — большая отрада въ обществѣ, гдѣ не щадятъ и самыхъ друзей своихъ; такъ судите же, что достается постороннимъ!

Томасиньеръ, пріобрѣтши не задолго передъ симъ при продажѣ одного помѣстья 20 тысячъ франковъ, и помня, что онъ имѣетъ честь почти каждый день угощать обѣдами Маркиза Клиневаля, важничаетъ больше прежняго, дуется, погружается въ свой галстухъ, шаркаетъ и подается впередъ, какъ маятникъ стѣнныхъ часовъ. При входѣ въ залу бросаетъ на всѣхъ глупые взгляды, ни съ кѣмъ не кланяется, наступаетъ на ноги и на платья, нимало не извиняясь, и не удостоиваетъ отвѣтомъ Монена, который, оторвавшись отъ стула Бишетты, обратился къ нему съ привѣтливымъ вопросомъ: «Какъ изволите обрѣтаться въ своемъ здоровьѣ?»

— «Какъ вы жестоки, любезный Томасиньеръ! заставляете такъ долго ждать себя!» сказалъ Дестиваль, протягивая ему руку. — «Да, это правда,» отвѣчалъ Томасиньеръ, подавая Дестивалю съ покровительственнымъ видомъ два пальца: «но что жь прикажете дѣлать, когда минуты нѣтъ свободной?... Другъ мой Маркизъ хотѣлъ насъ утащить съ собою; однако я подумалъ, что вы огорчитесь, если мы къ вамъ не будемъ, и потому велѣлъ сюда ѣхать; а признаюсь, чуть было не попали въ другое мѣсто.»

Между тѣмъ Моненъ оставался позади Томасиньера и не получая отвѣта, рѣшился обратиться вспять къ дражайшей своей половинѣ. Бишетта видѣла все, что дѣлалось въ четырехъ углахъ залы, и потому замѣтивъ, что мужъ ея оставленъ безъ всякаго вниманія, чортомъ взглянула на Томасиньера. «Для чего ты кланялся этому грубіяну?» сказала она Монену. — «Бишетта, я кланялся потому, что.....» — «Развѣ ты другъ ему и всѣмъ, съ кѣмъ заговаривалъ?» — «Мы ихъ видали у Г. Дестиваля. Не прикажешь ли табачку, Бишетта?» — «Не о табакѣ, сударь, рѣчь; скажи, не ужели ты не замѣтилъ, что этотъ дуралей, отъ котораго поднялась такая смѣшная тревога, оборотился къ тебѣ спиною, и не отвѣчалъ на твою вѣжливость?» — «Онъ можетъ быть не видалъ меня, Бишетта....» — «Вотъ хорошо! ты былъ у него подъ носомъ; ты, сударь, настоящая мокрая курица!... Расквитаюсь же я съ этими Томасиньерами!.... А ты осмѣлься только еще заговорить съ ними, такъ на цѣлую недѣлю отниму у тебя табакерку!»

Моненъ, устрашенный этой угрозой, опять прицѣпился къ стулу, и нюхнулъ табаку три щепотки сряду. Доминго прокричалъ, что кушанье подано, и всѣ двинулись въ столовую. Дальвиль ведетъ подъ руку хозяйку, провинціяльный франтъ блистательную Аталію; — мужчина въ очкахъ подбирается къ тремъ сестрицамъ, говоря, что будетъ вести Грацій; Томасиньеръ шествуетъ одинъ, воображая конечно, что его собственная особа двухъ стóитъ; Г-нъ Моненъ маршируетъ нога въ ногу съ престарѣлой вдовицей. Въ залѣ оставалась Г-жа Моненъ съ Г-мъ Бисбисъ (такъ назывался неуклюжій человѣчекъ съ толстымъ брюхомъ). Подскочивши къ ней, онъ сперва подалъ ей правую руку, потомъ лѣвую, послѣ опять правую, такъ что Г-жа Моненъ, наконецъ потерявъ терпѣніе, схватила его поперегъ, какъ будто собираясь танцовать sauteuse, и такимъ образомъ увлекла его въ столовую.

Дальвиль занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ возлѣ хозяйки; рядомъ съ нимъ усѣлась говорунья. Г-жа Томасиньеръ помѣстилась между провинціяломъ и долговязымъ кавалеромъ... (гмъ, гмъ); мужъ ея разпростерся между вдовушкой и одной изъ трехъ сестрицъ; Г-жа Моненъ неразлучна съ своимъ спутникомъ, а Г-нъ Моненъ присоѣдинился къ дурочкѣ и два раза успѣлъ попотчивать ее табакомъ, прежде нежели ей подали первое кушанье.

Обѣдъ великолѣпный, и Моненъ такъ занялся имъ, что не успѣваетъ даже заглянуть въ табакерку; другіе откушали блюда четыре, а онъ все еще возится съ анчоусами, между тѣмъ какъ Томасиньеръ нашелъ случай сказать, что мадера у Дестиваля прегадкая, оливки пересолены, масло никуда не годится въ сравненіи съ тѣмъ, какое дѣлается у него во Флёри, и что на двадцать особъ двухъ слугъ мало. Надобно и то сказать, что Томасиньеръ точно принужденъ былъ раза по два просить тарелку, которой ему не подавали, потому что Доминго не можетъ поворачиваться проворнѣе, а Баптистъ становится въ тупикъ: у него отъ бѣготни голова кружится.

Подаютъ соусы; Баптистъ опрокидываетъ на Г-жу Моненъ блюдо съ макаронами, а Доминго, вздумавъ поприбавить шагу, въ дребезги бьетъ кучу тарелокъ. Г-жа Моненъ кричитъ благимъ матѣмъ; да и какъ не кричать? у нея запачкали гроденаплевое платье; Г-жа Дестиваль старается ее успокоить, Г-нъ Дестиваль бранитъ своихъ людей, а Г-нъ Моненъ, глядя на свою разгнѣванную супругу, не дерзаетъ и налить себѣ чего нибудь.

Томасиньеръ, попивая всѣ вина, не перестаетъ повторять, что въ его погребахъ вино гораздо лучше. Дестиваль мигаетъ своей женѣ, но у той достаетъ ума не показывать виду, что она обращаетъ вниманіе на глупые Томасиньеровы разговоры. Аталія, по видимому, скучаетъ вялостью своихъ сосѣдей; Г-жа Моненъ, по видимому, мѣтитъ одержать побѣду надъ Бисбисомъ, который, повертываясь на стулѣ, не зналъ, какъ приступиться къ charlotte russe, и наконецъ рѣшился под-

цѣпишь это кушанье на вилку. Монешъ пялишъ глаза на желе съ ромомъ, и его страхъ беретъ при мысли, что оно до него не достигнетъ. Вотъ онъ ужь въ другой разъ говоритъ Баптисту: «Послушай, малой!.... подай мнѣ того кушанья, которое шамъ разносятъ;» но Баптистъ въ сердцахъ уходитъ отъ Монета, бормоча подъ носъ: «Мнѣ и безъ того довольно дѣла; я вижу, мастера вы ѣсть, отъ васъ намъ крошки не останется.»

Неудовлетворенный Баптистомъ, Монетъ обращается къ Домингу, и отдавая ему тарелку, говоритъ: «Попроси немножко того.... что блестишъ-то, для одного...»

Доминго подставляетъ тарелку Деспивалю, раскладывавшему желе, и проситъ: «немножко того.... что блестишъ.... для маленькаго господина съ большимъ носомъ.»

Тутъ всѣ разхохотались; одна Г-жа Монетъ находила неприличнымъ, что Аратъ описываетъ такимъ образомъ ея супруга и вымѣстила свой гнѣвъ на трешьей формочкѣ крему, говоря Бисбису: «Для меня пріятнѣй было бы, чтобы мнѣ служило четверо штубочистовъ, чѣмъ одинъ Арапъ.»

Напившись кофе и ликёру, гости вышли изъ-за стола, почти также весело, какъ за него сѣли, что есть, порядочно соскучившись; безъ этого не обойдешься на церемонныхъ обѣдахъ.....

Н. Ш.

ГРУСТЬ.

Ночь темна, снѣгъ валитъ,
Вѣтеръ по полю шумитъ;
Пріунылая бесѣда
Въ даль пустынную глядитъ.

«Полно, братья, горевать!
Даль прояснится опять,
Снова небо просвѣтлѣетъ;
Снѣгъ сбѣжитъ съ высокихъ горъ,
Вновь цвѣты утѣшатъ взоръ,
Поле вновь зазеленѣетъ!

«Въ нашихъ вольныхъ лугахъ,
На обширныхъ степяхъ,
Какъ и прежде, ружья грянутъ....»
— Но почившіе въ гробахъ
Не проснутся, не возстанутъ!

Намъ ихъ жизнь невидна!
Ихъ къ постеля — холодна!
Братцы! въ память ихъ наполнимъ
Чашу стараго вина.

На холмѣ гробовомъ
Пѣсню громкую споемъ:
Пѣсню ту, что мы пѣвали
Въ дни, какъ въ ихъ кругу живомъ
Шумно, весело живали!

Н. Станкевичъ.

Москва.

СКЛОНЕНІЕ.

Куда? зачѣмъ? и съ кѣмъ изволишь ѣздить мужъ?
Но что мнѣ?....Если онъ....такъ хуже вѣдь ему жъ!
Однако же вчера была такая стужа,
А я не дождалась до поздней ночи мужа....
Рѣшусь....освѣдомлюсь....и выскажу все мужу:
Скажу....сиди со мной! не то — повѣрь — принужу....
Ну слыхано ль? — жена не совладѣетъ съ мужемъ!
Будь всякой шагъ его передо мной наружѣ!....
Но послѣ, думая сама съ собой о мужѣ,
Сказала: «Будь, что есть....чтобъ не случилось хуже!»

Ѳ. Глинка.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича (Соч. В. Н. Берха). Издалъ И. Слѣнинъ. 2 части.—С. П. Б., въ типогр. Х. Гинце, 1831 (въ 1-й ч. VIII—314, во 2-й 278 стран. въ 8-ю д. л. Къ 1-й части приложенъ снимокъ подписи Патріарха Никона. (*)

Наконецъ и для насъ, Рускихъ, настало время историческихъ разысканій о нашемъ отечествѣ. Старинныя рукописи, лежавшія подъ спудомъ, выносятся на свѣтъ и обнародываются посредствомъ печатанія; записки о Россіи Писателей иностранныхъ, посѣщавшихъ ее въ прежніе вѣки, переводятся на нашъ языкъ; отдѣльныя сказанія о Царяхъ, даже о многихъ Государственныхъ мужахъ, подвизавшихся для блага нашего отечества, обрабатываются людьми трудолюбивыми и заслуживающими довѣріе по историческимъ своимъ свѣдѣніямъ и по близкому знакомству съ тѣми источниками, откуда должно почерпать оныя. Карамзину обязаны мы за сіе стремленіе къ познанію отечественныхъ бытописаній: Исторія Россійская, которую до него излагали

(*) Продается у Издателя, И. В. Слѣнина, въ книжномъ его магазинѣ, у Казанскаго моста, въ д. Имзена; также и у всѣхъ другихъ С. Петербургскихъ и Московскихъ книгопродавцевъ. Цѣна за обѣ части на хорошей любской бумагѣ 12 р., съ пересылкою въ другіе города 14 р.

сухо и почти безъ всякихъ повѣрокъ, оживилась подъ перомъ его и получила ту достовѣрность, каковой требуетъ сей трудъ, истинно народный. Но знаменитый нашъ Исторіографъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ, пламенно изобразивъ нѣкоторыя событія и лица, такъ сказать, пристрастилъ Рускихъ къ ихъ бытописаніямъ и поселилъ въ насъ охоту къ изслѣдованіямъ историческимъ. До него не появлялось и десятой доли тѣхъ историческихъ матеріяловъ, каковыми теперь ежегодно обогащается запасъ будущихъ его послѣдователей; онъ же указалъ намъ многіе источники, остававшіеся прежде въ безвѣстности. Посвятимъ благодарное воспоминаніе заслугамъ славнаго Писателя и сердечный вздохъ тому, что онъ не успѣлъ докончить неувядаемаго труда своего.

Въ благословенное Царствованіе Государя Императора Николая I, Его живительнымъ словомъ, исполнилось великое предначертаніе Августѣйшихъ Его Предшественниковъ: существующіе въ Россіи положительные законы совокуплены воедино, и каждый изъ вѣрноподданныхъ Монарха Всероссійскаго видитъ ясно права свои, обязанности и отвѣтственность. Началомъ сихъ законовъ есть Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича; и всѣ истинно, Рускіе, удивляясь мудрости, полнотѣ закона относительно къ тогдашнему времени, и благоговѣя предъ памятью Законодателя, вопрошали бытописанія отечественныя о подробностяхъ его Царствованія, о другихъ знаменитыхъ его дѣлахъ на пользу и славу Россіи. Донынѣ еще ни одного особаго, полнаго сочиненія не было посвящено сказанію о подвигахъ и мудрыхъ дѣяніяхъ сего Великаго Монарха. Трудолюбивый изыскатель, В. Н. Берхъ, составилъ первый опытъ такового сказанія. Въ книгѣ, составляющей предметъ нашей статьи, хронологическимъ порядкомъ изложилъ онъ все, что могъ отыскать въ лѣтописяхъ, запискахъ и другихъ историческихъ памятникахъ Россійскихъ и чужеземныхъ, относительно къ Царствованію Царя Алексѣя Михайловича.

Г. Берхъ конечно не имѣлъ средствъ пользоваться *всѣми возможными* матеріялами, способными объяснить многія мѣста сего достославнаго Царствованія, разсѣянными въ многочисленныхъ сочиненіяхъ чужеземныхъ и, можетъ быть, еще таящимися подъ спудомъ въ предѣлахъ нашего отечества. Самъ онъ говоритъ въ своемъ предувѣдомленіи: »Случайно отыскалъ я очень много »любопытныхъ матеріяловъ, относящихся къ вѣку Ца»ря Алексѣя Михайловича; и какъ большая часть оныхъ »заключалась въ рукописяхъ, или весьма рѣдкихъ ино»странныхъ книгахъ, то и рѣшился я, для сохраненія »ихъ потомству, написать Царствованіе сего мудраго »Монарха.« Въ нѣсколькихъ мѣстахъ сочиненія своего, Г. Берхъ изъявляетъ удивленіе, что многіе Акты, относящіеся къ сему Царствованію, утрапились; и, какъ Авторъ изъясняется въ *заключеніи*: »всѣ памятники ве»личія знаменитаго Монарха сего истреблены временемъ.« Можетъ статься, будущіе изслѣдователи будутъ счастливѣе, и отыщутъ то, что нынѣ скрывается въ какихъ-либо хранилищахъ, доселѣ недоступныхъ или невѣдомыхъ изыскателямъ. Не станемъ отвергать сей надежды; а въ ожиданіи, примемъ съ благодарностію трудъ Г. Берха, который выполнилъ принятую имъ на себя обязанность съ прямодушіемъ и чистосердечіемъ, *не лукавствуя лукаво*, какъ инокъ Пименъ совѣтуетъ грядущему своему преемнику-лѣтописцу (*). Вездѣ, гдѣ должно было выбирать источники сказаній, Г. Берхъ руководствовался здравою исторической критикой, показывающею осмотрительность его и внушающею довѣріе къ нему въ читателей.

Книга, составленная Г. Берхомъ, имѣетъ уже и то важное достоинство, что наблюдательный читатель можетъ изъ нея вывести довольно вѣрное заключеніе о характерѣ Царя Алексѣя Михайловича, не по указаніямъ Сочинителя, но по собственному размышленію о дѣлахъ и предпріятіяхъ сего Монарха-Законодателя. Отличительныя черты его характера были: благоразуміе въ начинаніяхъ, постоянство въ стремленіи къ своей цѣли, твердость духа и неутомимая дѣятельность. Оградивъ свою Державу силою военною и давъ ей прочное политическое существованіе мудрыми законами и выгодными союзами съ сильнѣйшими изъ современныхъ Государствъ, Царь Алексѣй Михайловичъ могъ бы сдѣлаться завоевателемъ; но не хотѣлъ жертвовать внутреннимъ благосостояніемъ Россіи, суетной славѣ военной, и по тогдашнему положенію нашего отечества, ненужному распространенію границъ. Войну онъ велъ по необходимости, и однажды только [въ 1655 г.] по наущенію коварнаго чужеземца, Аллегретти, и честолюбиваго Патріарха Никона. Но когда угнетенная Малороссія отторглась отъ Польши, нарушавшей всѣ условія, всѣ права народныя и даже стѣснявшей свободу Греко-Россійскаго богослуженія въ семъ древнемъ достояніи Россіи, тогда Царь Алексѣй Михайловичъ, не щадя никакихъ жертвъ и не взирая ни на какія превратности счастія военнаго, рѣшительно и твердо отстаивалъ старинную вотчину своихъ предковъ, Малороссію, до тѣхъ поръ, пока она опять не присоединилась къ Россіи, съ которою единство произхожденія народнаго, вѣра, языкъ и мѣстное положеніе связывали ее, хотя на время разорванными, но скоро и прочно вновь скрѣпившимися узами. То же благоразуміе и та же твердость духа показаны были Царемъ въ дѣлѣ Патріарха Никона. Въ XVII вѣкѣ, при тогдашнемъ робкомъ образѣ мыслей народа касательно власти Патріаршей, возвесенной на верховную степень посвященіемъ въ сей санъ собственнаго дѣда Царева, Патріарха

(*) Въ *Борисѣ Годуновѣ*, соч. Пушкина.

Филарета, Царь Алексѣй Михайловичъ не возхотѣлъ произвольно низвергнуть Никона съ Патріаршаго Престола; но очищая имя свое отъ нарекапій черни, все еще склонной къ буйству и мятежамъ, онъ оградилъ себя въ семъ дѣлѣ законностію церковною: созвалъ Соборъ святительскій, на коемъ присутствовали два Вселенскіе Патріарха, и ему предоставилъ производство суда надъ Никономъ. Патріархъ былъ низведенъ съ своего сана и посланъ въ заточеніе; а Царь, такъ сказать, умылъ руки предъ народомъ.

Но обширнѣйшею мѣрою благоразумія сего Государя и славнѣйшимъ подвигомъ его Царствованія, было дарованное имъ Россіи Уложеніе. »Іюня 16-го дня 1648 года,« говоритъ Г. Берхъ, »имѣлъ Царь Алексѣй Михайловичъ совѣтъ съ Митрополитомъ, духовными властями, »Боярами, Окольничими и Думными людьми: чтобы собрать правила Св. Апостолъ, Св. Отецъ, Гражданскіе законы Греческихъ Государей, Указы и земскія »статьи Великихъ Князей Россійскихъ, Указы Царя »Михаила Ѳеодоровича и боярскіе приговоры. Исполненіе сего порученія возложено было на Бояръ: Кн. Никиту Ивановича Одоевскаго, Кн. Семена Васильевича »Прозоровскаго, Окольничаго Кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго и »Дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова. Въ помощь къ помянутымъ, повелѣно было присоединить: Стольниковъ, »Стряпчихъ, Жильцевъ, Дворянъ, Дѣтей боярскихъ, »Гостей и Посадниковъ добрыхъ и смышленыхъ людей, »дабы они *утвердили и на мѣрѣ поставили* Государево »и всякое земское дѣло, и чтобъ дѣла сіи, на основаніи »Государева Указа, по Соборному Уложенію, впредь бы»ли ничѣмъ *не рушимы*.« Чрезъ два года [въ 1650], Уложеніе сіе было составлено и утверждено Царемъ. »Октября 3 числа,« продолжаетъ Г. Берхъ [ч. I. стр. 65] »присутствовалъ Государь съ Патріархомъ Іосифомъ, »прочими Митрополитами, Архіереями, Архіепископами, »Боярами, Окольничими и Думными людьми при разсмотрѣніи Уложенія и опредѣлилъ: чтобъ оно было впредь »*прочно и неподвижно*.

»Новосоставленный законъ сей приказалъ Государь »написать на спискѣ, и закрѣпить оный: всѣмъ Духовнымъ властямъ, Боярамъ, Окольничимъ, Думнымъ людямъ, выборнымъ Дворянамъ, Дѣтямъ боярскимъ, Гостямъ, и торговымъ и посадскимъ людямъ всѣхъ городовъ Россійскаго Царства. Закрѣпя сей списокъ, повелѣно было списать оный въ книгу, которую закрѣпить Дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову. А съ оной »книги напечатать многія книги и разослать во всѣ города и приказы, и всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію. Олеарій и Майербергъ говорятъ очень много въ »похвалу закона сего; послѣдній перевелъ его на Латинскій языкъ.«

Пекшись о доставленіи своимъ подданнымъ прочныхъ и мудрыхъ законовъ, Царь Алексѣй Михайловичъ не менѣе заботился и о водвореніи въ Россіи образованности и просвѣщенія, сообразныхъ потребностямъ народа и духу времени. Въ слѣдъ за Уложеніемъ была издана военная тактика, подъ заглавіемъ: *Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*, со многими чертежами, гравированными въ Голландіи. Государь сей первый далъ позволеніе Русскимъ свободно выѣзжать за границу, и даже постановилъ въ одной главѣ Уложенія наказывать Воеводъ за нескорую выдачу проѣзжихъ грамотъ. Онъ старался распространять науки, устроилъ въ Андреевскомъ монастырѣ училище, послужившее основаніемъ Славяно-Греко-Латинской Академіи, учрежденной сыномъ его Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Любя просвѣщеніе, Царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ переводить для себя иностранныя газеты и разныя книги, учреждалъ аптеки и ботаническіе сады; прилагалъ попеченіе объ открытіи благородныхъ металловъ и вообще о горномъ дѣлѣ, о земледѣліи и архитектурѣ. При немъ были первыя попытки кораблестроенія въ Россіи; при немъ же, можно сказать, положено основаніе Русскому театру. Таковъ былъ сей Царь, котораго донынѣ столь мало знала большая часть нашихъ соотечественниковъ!

(*Окончаніе въ слѣдующемъ* No)

СМѢСЬ.

Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на 1830 годъ (ч. VI, стр. 146) напечатано письмо о Латинской рѣчи Г. Снѣгирева. Авторъ письма доказываетъ, что слово: Jubilaeus, есть имя прилагательное, а не существительное. Это не совсѣмъ справедливо: Jubilaeus есть имя существительное, произведенное отъ Еврейскаго слова. Между разными значеніями, ему присвоенными, значитъ оно *прощеніе* (remissionis munus). Употребляется оно и какъ прилагательное, на пр. jubilaeus annus, jubilaeum festum. Но *юбилей*, возобновленный Папами въ XIV столѣтіи, праздновался не въ продолженіе года, а черезъ 100, потомъ черезъ 50 лѣтъ; слѣдственно Г. Снѣгиревъ не ошибся и нельзя не пожалѣть, что Журналистъ напечаталъ безъ примѣчанія бранчивое письмо на почтеннаго Профессора. Не имѣя рѣчи подъ руками, разбирать ея не могу, и въ знаніи Критика оной не сомнѣваюсь; но первое слово рѣчи критиковано имъ напрасно.

Р.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 27-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМЪ III, № 19. АПРѢЛЯ 1-го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу), — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ) и 26-го (въ Воскресенье).

ИГРА ШАХМАТЪ.

(Царь Шихрамъ. — Автоматъ Кемпелена. — Обезьяна и Гасконецъ.)

Нѣкоторые ученые приписываютъ Паламеду изобрѣтеніе игры шахматы, во время Троянской войны. Одинъ Французскій Поэтъ подкрѣпилъ даже сіе преданіе слѣдующимъ стихомъ:

L'amour du jeu rêveur qu'inventa Palamède.

Сожалѣемъ, что должны опровергнуть Делилля: но какъ здѣсь идетъ дѣло не о стихахъ, то не опасаемся вступить съ нимъ въ споръ; тѣмъ болѣе, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ, рѣшившихъ пѣвца *Французскихъ Георгикъ* принять сіе мнѣніе, есть несомнѣнно звучное имя *Паламеда*. Очистивъ нашу совѣсть въ семъ отношеніи, къ тому же, не будучи, какъ Делилль, увлечены волшебнымъ вліяніемъ благозвучія, мы думаемъ, что напрасно Паламеду приписывается честь сего изобрѣтенія. Кажется, ясно доказано, что игра сія перешла къ намъ отъ Индѣйцевъ, и что она изобрѣтена гораздо позже осады Трои. Паламеду же это не будетъ обидно: онъ и безъ того богатъ другими своими выдумками, и не нуждается въ чужомъ добрѣ. Извѣстно, что, между прочимъ, онъ изобрѣлъ четыре буквы Греческой азбуки, вѣсы и мѣры, игру въ кости, и даже, если вѣрить Эвполису, еще кое-что, о чемъ здѣсь не мѣсто говорить. Истинно, всего этого очень достаточно для славы изобрѣтателя; и мы, безъ зазрѣнія совѣсти, можемъ отнять у него шахматную игру.

Здѣсь мы разскажемъ о произхожденіи сей игры то, что передали намъ Писатели Арабскіе.

Царь Шихрамъ.

Жилъ-былъ нѣкогда въ Индіи Царь, по имени Шихрамъ, приводившій народъ свой въ горестное состояніе своими жестокими и безразсудными поступками.

Государство Шихрамово бѣдствовало. Вотще нѣкоторые изъ придворныхъ, соблюдая къ Шихраму прямодушную вѣрность, старались открыть ему глаза: скорое наказаніе было наградой за ихъ искренность. Прочіе, устрашась сихъ примѣровъ, безмолвствовали, и считали за лучшее пести общее иго бѣдствій, нежели жертвовать собою общему благу безполезными попытками.

Однако же нѣкоторый Браминъ, именемъ Сисса, сынъ Тагеровъ, тронутый положеніемъ царства Шихрамова, рѣшился открыть глаза своему Государю, не подвергая себя гибели, и согласить такимъ образомъ общія выгоды съ своею личною безопасностію. Съ сею двойственною цѣлью, послѣ долговременныхъ размышленій, наконецъ выдумалъ онъ игру шахматы, дабы дать Шихраму почувствовать, что *Царю*, при всемъ его высокомъ санѣ и величіи, нужна помощь его подданныхъ для защиты противъ непріятелей.

Молва о сей новой игрѣ скоро достигла до слуха Шихрамова, и онъ полюбопытствовалъ узнать эту игру. Позванъ былъ Браминъ, и, подъ предлогомъ изъясненія правилъ игры, онъ сообщилъ и представилъ въ ясномъ свѣтѣ Царю такія истины, коимъ душа его была доселѣ недоступна. Самые полезные уроки должно иногда прикрывать личиной, дабы они могли проникнуть къ подножію трона. Шихрамъ воспользовался тѣми, кои представлены ему были въ столь замысловатомъ видѣ. Онъ отвергъ свои прежнія заблужденія и позналъ, что истинная слава Государя основывается на любви его подданныхъ.

Шихрамъ хотѣлъ изъявить Брамину свою признательность за оказанную имъ услугу. «Выбирай,» сказалъ онъ ему, «такую награду, какой желаешь. Чего бы ты

«ни пожелалъ, все будетъ исполнено.» — «Великій «Государь!» отвѣчалъ сынъ Тагеровъ: «милость твоя «ободряетъ меня, и вотъ моя просьба: повели храни- «телямъ твоихъ житницъ выдать мнѣ одно хлѣбное «зерно на первое очко шахматной доски, два на второе, «четыре на третье и такъ далѣе, удвоивая число зе- «ренъ до шестьдесятъ-четвертаго, т. е. самаго по- «слѣдняго очка.» Царь едва сдержалъ свой гнѣвъ, услы- ша такое мѣлкое желаніе. «Какъ!» возкликнулъ онъ: «и «ты смѣешь требовать награды, столь недостойной «меня? не думаешь ли ты, что моихъ сокровищъ не до- «станетъ на дары, тобою заслуженные?» — «Да не по- «стигнетъ царскій твой гнѣвъ раба твоего!» отвѣчалъ Сисса. «Я объявилъ тебѣ то, чего желаю. Удостой «ущедрить меня симъ и вѣрь, что алчность моя не «простирается далѣе.» Царь, хотя и съ досадой, приказалъ, чтобъ отпустили Брамину ничтожный пред- метъ его просьбы. Но когда хранители житницъ со- считали то, что приходилось выдать Сиссѣ, то ужас- нулись итога своихъ выкладокъ и предстали предъ Царя, чтобъ изъяснить ему свое изумленіе и замѣшательство. Всѣхъ хлѣбныхъ зеренъ въ Царствѣ томъ и всѣхъ его сокровищъ не достало бы для такового дара. Браминъ опять воспользовался этимъ случаемъ, чтобы дать новый урокъ своему Государю и заставить его убѣ- диться, съ какою осторожностію долженъ онъ былъ разпредѣлять свои милости, если не хотѣлъ, чтобъ ихъ употребляли во зло. Тогда Шихрамъ позналъ глу- бокую мудрость Браминову. «Сынъ Тагеровъ!» сказалъ онъ, обнявъ его: «вотъ другая побѣда, которую ты «одержалъ надо мною. Прійди же, возсядь подлѣ моего «престола и помогай мнѣ править моимъ народомъ. «Счастливы Государи, имѣющіе подобныхъ Министровъ!»

Игра шахматы въ послѣдствіи пріобрѣла великую славу и разпространилась по всему Востоку.

Автоматъ Кемпелена.

Невѣроятнымъ бы показалось, когда бы не было под- тверждено множествомъ примѣровъ и доказательствъ, то, что многіе слѣпцы были очень искусны въ шах- матной игрѣ. Считаемъ, что легче сіе оправдать ссыл- ками, нежели доказывать доводами.

Знаменитые Механики неоднократно изобрѣтали за- мысловатыя машины, кои играли въ шахматы, какъ Филидоръ, и на сторонѣ коихъ была та выгода, что онѣ никогда не были подвержены разсѣянности.

Славнѣйшій изъ сихъ Автоматовъ былъ сдѣланъ Баро- номъ Кемпеленомъ, пріѣзжавшимъ въ Парижъ 1783 года, вызывать самыхъ искуснѣйшихъ игроковъ. Всѣ доби- вались чести сыграть съ Автоматомъ; но самолюбіе многихъ было оскорблено и знаменитость ихъ уничто- жена симъ бездушнымъ существомъ, которое выигры- вало у всѣхъ своихъ противниковъ, не чувствуя того упоенія, каковое всегда слѣдуетъ за торжествомъ! Воображенію трудно понять, какимъ образомъ Авто- матъ можетъ соображать ходы, кои кажутся слѣд- ствіемъ глубочайшихъ вычисленій и разнообразнѣйшихъ разположеній игры. Конечно нельзя, чтобы не вмѣшивалось немного обмана въ этотъ феноменъ, хотя многіе ста- рались объяснить его одними законами Механики.

Автоматъ Барона Кемпелена придастъ, можетъ быть, болѣе правдоподобія слѣдующему анекдоту, въ достовѣрности коего мы однако же не ручаемся, опа- саясь чрезъ то уменьшить довѣріе, каковаго заслужи- ваютъ вышеприведенныя нами событія.

Обезьяна и Гасконецъ.

Герой нашей повѣсти жилъ нѣкогда въ Бордо, и такъ прославился въ этомъ городѣ своей искусной игрою въ шахматы, что его называли не иначе какъ *Рыцаремъ шахматной доски*. Онъ не зналъ себѣ соперника въ цѣ- лой Гасконіи: славнѣйшіе игроки считали и то уже за великую честь, что могли долго оспоривать у него вы- игрышъ, либо заслужили отъ него похвалу. Всѣ его рѣ- шенія въ игрѣ почитались оракулами, и онъ не пере- двигалъ пѣшки безъ того, чтобъ не изторгнуть кли- ковъ удивленія у всѣхъ зрителей.

Однажды какой-то Испанскій *Гидальго*, проѣздомъ остановившійся въ Бордо, услышалъ объ исполинской славѣ нашего *Рыцаря*. Онъ полюбопытствовалъ соб- ственными глазами сдѣлать оной повѣрку. Поглядѣвъ на одну партію Гасконскаго игрока, онъ сказалъ ему: «Вижу, что молва не преувеличила вашей славы, и ду- «маю, что вы могли бы сыграть съ Домомъ Габріе- «лемъ де-Рохасомъ.» — «Кто таковъ этотъ Донъ «Габріель де-Рохасъ? я никогда о немъ не слыхивалъ!» спросилъ *Рыцарь*. — «Какъ! вы о немъ не слыхивали?» сказалъ Испанецъ: «это ученѣйшій игрокъ въ шахма- «ты изо всей Испаніи. Онъ живетъ въ Кордовѣ, и «каждый день къ нему пріѣзжаютъ всѣ тѣ, которые «въ обѣихъ Испаніяхъ прославились этой игрою. Но «всѣ его противники возвращаются домой, не побѣдивъ «его, и единодушно признаются, что нѣтъ на свѣтѣ «игрока, равнаго Дону Габріелю де-Рохасу.» — «Вы «поселяете во мнѣ желаніе съ нимъ познакомиться; и «чтобъ ни говорили ваши единоземцы, я надѣюсь под- «держать честь жителя береговъ Гаронны.»

Послѣ сего разговора, *Рыцарь шахматной доски* не зналъ ни покоя, ни счастія. Мысль, что у него есть соперникъ, а можетъ быть и побѣдитель, отравляла всѣ его торжества; и лавры Мильтіада Кордуанскаго лишали сна Ѳемистокла Гасконскаго. Наконецъ онъ рѣшился выйти изъ сей безвѣстности: пустился въ путь и прибылъ въ Кордову. Тамъ онъ спросилъ о мѣ- стѣ жительства Дона Габріеля де-Рохаса; ему указали.

Онъ засталъ сего великаго мужа за игрою въ шахматы съ его обезьяной. «Сеньоръ!» сказалъ ему Гасконскій *Рыцарь:* »меня сюда завлекла ваша слава; хочу видѣть, «достоинъ ли я чести состязаться съ вами. Я поль- «зуюсь нѣкоторымъ уваженіемъ игроковъ Бордосскихъ, «и смѣю даже сказать, что въ нашемъ городѣ нѣтъ «ни одного изъ нихъ, кто бы могъ со мною тягать- «ся.» — «Очень хорошо, Сеньоръ,» отвѣчалъ ему съ улыбкою благородный Кавалеръ Испанскій: «садитесь «тутъ. Постараюсь заслужить ту честь, которой «вы меня удостоиваете.»

Оба наши бойца тотчасъ сѣли за шахматную доску и начали партію; но съ первыхъ пяти или шести ходовъ, Донъ Габріель вдругъ всталъ и сказалъ Французу: «Сеньоръ, намъ нѣтъ нужды продолжать игру; вы не «въ состояніи играть со мной; много-много развѣ мо- «жете вы тягаться съ моею обезьяной.» — «Какъ «это?» вскричалъ Гасконскій Рыцарь: «не ужели вы «вздумали меня оскорблять?» — «Нимало,» отвѣчалъ Испанецъ. «Обезьяна моя знаетъ шахматную игру въ «совершенствѣ; и право, вамъ не должно сердиться за «то, что я ставлю васъ на одной доскѣ. Скажу вамъ «даже, что я готовъ биться объ закладъ за обезьяну.»— «Если вамъ это угодно,» отвѣчалъ Французъ, «то «пусть будетъ по вашему, хотя для рѣдкости. Увижу, «можетъ ли эта тварь оспоривать у меня побѣду.»

Обезьяна сѣла на мѣсто Дона Габріеля, и продолжая игру, начатую господиномъ ея, дала своему противнику шахъ и матъ менѣе чѣмъ въ десять ходовъ. Въ первомъ порывѣ досады, Гасконецъ бросился къ обезьянѣ и ударилъ ее кулакомъ такъ сильно, что она отлетѣла на середину комнаты. Испанецъ съ жаромъ упрекалъ его за сіе неистовство. Рыцарь Гасконскій повинился въ томъ и просилъ позволенія попытаться въ другой игрѣ. «Не знаю,» отвѣчалъ Донъ Габріель, «захочетъ ли «теперь моя обезьяна играть съ вами. Вы такъ ее «неосторожно ударили, что мнѣ трудно будетъ съ нею «сладить.» Однако жь Испанцу удалось снова усадить обезьяну за шахматы просьбами и увѣреніями, что ей нечего больше бояться. Обезьяна начала новую игру, но съ недовѣрчивостью и трепетомъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ ходовъ, она подвинула пѣшку, и тотъ же мигъ убѣжавъ, вскочила на шкафъ. Гасконецъ не могъ понять этого нежданаго побѣга. «Развѣ вы не видите,» сказалъ ему тогда Донъ Габріель, «что вамъ остается только два хода, а послѣ нихъ «обезьяна дастъ вамъ шахъ и матъ? Не дивитесь, что «она побоялась слѣдствій своего выигрыша.«

Рыцарь Гасконскій, видя, что напрасно было бы долѣе оставаться въ Кордовѣ, печально пустился на берега своей Гаронны; и когда, по прибытіи его на родину, спрашивали у него, обыгралъ ли онъ Дона Габріеля де-Рохаса? онъ отвѣчалъ: «Увы! я не могъ обыграть «даже его обезьяны.»

(*Изъ новаго Французскаго Альманаха.*)

ОЧАРОВАННАЯ РОЗА.

Отрывокъ.

V.

. . . . . .

Посмотри на этотъ холмъ:
Въ пурпуръ и виссонъ одѣта,
Блещетъ, какъ мечта Поэта,
Роза свѣжая на немъ.
Какъ роскошно помавая
Благовонною главой,
Точитъ цвѣтъ любви средь рая
Аромата волшебный свой!

VI.

Какъ безмолвна, какъ священна
Вкругъ той розы тишина!
Мнится: дивный цвѣтъ, она
Жизнью свыше вдохновенна.
Ни восточный соловей,
Ни весны сопутникъ милый,
Мотылекъ золотокрылый,
Подлетѣть не смѣютъ къ ней;
Лишь лучи свѣтилъ небесныхъ,
Лишь, порой, денницы свѣтъ
Могутъ, сквозь вѣтвей древесныхъ,
Цѣловать роскошный цвѣтъ.

VII.

Знай же: дѣвы духъ чудесной
Въ этомъ цвѣтѣ заключенъ.
Крѣпокъ, крѣпокъ дивный сонъ....
На привѣтъ любви небесной
Онъ молчитъ....но мигъ придетъ —
И въ красѣ преображенной
Для любови неизмѣнной
Дѣва снова оживетъ;
Снова пурпуръ загорится
На живыхъ ея щекахъ,
Снова небо опразднится
Въ чистыхъ дѣвственныхъ очахъ.

М. Деларю.

ВЫПИСКИ

ИЗЪ РУКОПИСИ, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

КРИТИЧЕСКІЯ или УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ.

Отъ чего романы Валтера Скотта такъ вообще нравятся? Умалчивая о другихъ достоинствахъ, главнѣйшею тому причиной, безъ всякаго сомнѣнія, есть способъ, которымъ онъ веденъ въ своихъ романахъ любовныя интриги. Прекраснѣйшія, самыя поэтическія минуты любви тѣ, когда она находится еще, такъ сказать, въ завязкѣ, едва полураскрылась, когда уже вышла она изъ мучительной неизвѣстности, но не дошла до изъясненія; когда болѣе доказывается дѣлами, нежели словами. Въ этомъ случаѣ ссылаюсь на всѣхъ; каждый, пробѣжавъ лѣтопись своего сердца, засвидѣтельствуетъ сію истину. Такимъ образомъ В. Скоттъ первый проникнулъ былъ сею истиной, и первый отважился ввести ее въ романы; а ловко устранивъ къ самому концу минуту взаимныхъ изъясненій между любовниками, со всею строгою точностью разсказа, онъ придалъ этимъ несказанную занимательность и жизнь своимъ повѣстямъ. Какое сравненіе повѣстей сіе съ безчисленнымъ множествомъ сего же рода сочиненій, предшествовавшихъ его времени! Весьма многія ихъ нихъ написаны хорошо, въ иныхъ хорошо ведена интрига; но ничто въ нихъ не выкупитъ, такъ сказать, принорности любовной интриги, которая уже съ половины перваго тома достигла всего: недостаетъ ей только соизволенія родителей и благословенія священника. У этихъ господъ и госпожъ Романистовъ любовь вспыхиваетъ внезапно; первая встрѣча (чтобъ выразиться фразою, любимою Французами) *рѣшаетъ на всю жизнь судьбу двухъ людей.* Такимъ образомъ уже на первомъ шагу встрѣчаешь неестественность, общую всѣмъ почти романамъ не Валтеръ-Скоттовымъ! У него первая встрѣча производитъ дѣйствіе самое обыкновенное, какое мы видимъ ежедневно и сами испытываемъ; а часто даже, какъ это вещь не главная, то и совершенно пропускается, напримѣръ въ прекраснѣйшемъ его романѣ: *Old Mortality*, извѣстномъ въ переводѣ подъ названіемъ: *Шотландскіе Пуритане.* — У другихъ Писателей любовники или герои романовъ настоящіе герои, какіе вѣками только родятся: дѣвушка совершенная красавица; юноша наружностью Адонисъ, духомъ Катонъ, Наполеонъ. Всѣ прочія лица, ихъ поступки, страсти — чрезвычайны, неслыханны, tirés par les cheveux. Такія преувеличенія и необыкновенные случаи, вмѣсто ожидаемаго успѣха, слабо дѣйствуютъ на читателя, потому самому, что слишкомъ сильны; ибо сія во всемъ неестественность охлаждаетъ въ немъ чувство, не даетъ ему забыться и такъ сказать, сродниться съ главнымъ лицемъ романа, отъ чего именно зависитъ вся занимательность книги. У Валтера Скотта совершенно напротивъ; героини романа пригоженькія, но рѣдко красавицы, ибо такихъ мало на бѣломъ свѣтѣ; представлены онѣ не съ одной только хорошей стороны, но также и съ менѣе лестной, со всѣмъ легковѣріемъ и безразсудностью молодости. Герой его романа человѣкъ порядочный, красивъ собою, добрый малый, одаренъ прекрасными качествами, но не выше обыкновенныхъ людей; таковы Мортонъ, Дёрвардъ, Певериль, и пр. пр. Въ поэмахъ только В. Скоттъ отступаетъ иногда отъ сего правила и героевъ своихъ переноситъ въ высшую сферу. Но симъ-то самымъ достоинствомъ романы В. Скотта не вредны ни для юныхъ читателей, ни для читательницъ; ибо не уносятъ ихъ за предѣлы обыкновеннаго свѣта; не зараждаютъ въ ихъ воображеніи такихъ идеаловъ, какихъ не найти и въ цѣломъ свѣтѣ; между тѣмъ какъ всѣ другіе романы производятъ пагубное дѣйствіе надъ умами неопытными. Дѣвушка, незнающая свѣта, жадно ловящая ко всему, что носитъ отпечатокъ красоты и добродѣтели и что попадется ей въ руки, начитавшись Г-жъ Коттень, Жанлисъ, Монтольё, Викомта д'Арленкура, и воображая себя Коринною, Матильдою, Элодіею (почему уже не мелодіею), съ презрѣніемъ будетъ слушать изъясненія въ любви какого нибудь порядочнаго земляка своего, не ознаменованнаго никакимъ богатырскимъ подвигомъ, — не перестанетъ тосковать по какомъ нибудь Малекъ-Аделѣ, или Клодомирѣ; и равно-чуднымъ случаемъ, съ отвращеніемъ отдастъ руку свою человѣку, который никого не убилъ и не претерпѣлъ ни одного кораблекрушенія, который ни Пустынникъ, ни Ренегатъ, а просто только человѣкъ порядочный и хорошій помѣщикъ. — Но пусть безопасно такая дѣвушка читаетъ Валтера Скотта: его сочиненія не вскружатъ головы; такихъ людей, какъ Вавердей, Мортонъ, Дёрвардъ, Певериль, она вездѣ можетъ встрѣтить; если бы также имѣла она склонность къ восторженности, то и тогда даже можетъ исправиться и остынуть. Въ Пиратѣ и Вавердеѣ, найдетъ она отпечатки двухъ женскихъ характеровъ, противоположныхъ, развивающихся постепенно и производящихъ различныя дѣйствія. — Сравненіе *Бренды* съ *Миною* уврачуетъ не одну пламенную голову. Говорю по опыту. Никогда не забуду я, какъ вымыслы Г-жъ Коттень и Жанлисъ бродили въ моей малолѣтной головѣ. Изъ сего неестественнаго положенія извлекъ меня Валтеръ Скоттъ, и ускорилъ то, что совершила бы гораздо позже жизнь дѣятельная и трудолюбивая.

Возвращаясь къ причинамъ безпримѣрной знаменитости и внутреннихъ достоинствъ романовъ Валтера

Скотта, мы видимъ, какъ эти причины сами по себѣ просты и съ виду незначительны. Вся главная тайна состоитъ въ томъ, что В. Скоттъ писалъ истину и рисовалъ свѣтъ общественный и природу въ общемъ объемѣ, что какъ существуетъ, не прибавляя ничего и также не отнимая; предшественники же его старались всячески изукрашивать природу. Горестная мысль! любовь, каковую представляетъ намъ В. Скоттъ, была такова отъ самаго Сотворенія міра; никому однако до него не пришло въ голову употребить ее пружиною романовъ. Такіе характеры, такія подробности были всегда и вездѣ, но считали ихъ недостойными занять мѣсто въ печатной книгѣ! Г-жа Коттенъ, Г-жа Жанлисъ, ужасно какъ возстали бы противъ того, кто бы посовѣтовалъ имъ ввести въ ихъ образцовыя творенія нѣсколько сценъ въ родѣ В. Скоттовыхъ, напримѣръ на постояломъ дворѣ. Герои ихъ не ѣдятъ и не пьютъ, живутъ только слезами да вздохами; отправленіе обыкновенныхъ житейскихъ потребностей было бы ущербомъ для ихъ чести. Развѣ этого только требуется въ романахъ? А между тѣмъ весь такъ называемый классицизмъ обращается на семъ роковомъ заблужденіи, на забавномъ опасеніи, не погрѣшать противъ мнимыхъ приличій, и еще на гораздо забавнѣйшемъ притязаніи очищать, обдѣлывать и преукрашивать истину. Сколько времени, сколько вѣковъ убито понапрасну, и утрачено навсегда для ума и искуства! Припомнимъ себѣ Исторію Шекспира, сего искуснѣйшаго и глубокомысленнѣйшаго живописца природы. Порицаемый Оракуломъ протекшаго вѣка, Вольтеромъ (который часто любилъ вдаваться не въ свое дѣло и судить о томъ, чего не понималъ), Шекспиръ только нынѣ пробивается на свѣтъ, и получаетъ почти божескія почести отъ тѣхъ же самыхъ Французовъ, которые первые возставали противъ него.

Созданный Валтеромъ Скоттомъ родъ романовъ былъ конечно слѣдствіемъ духа времени; но не менѣе того принадлежитъ сему Писателю слава, что первый, бывъ проникнутъ симъ духомъ, онъ такъ достойно и такъ мѣтко отвѣчалъ потребностямъ вѣка.

Помнится, кто-то въ одномъ обществѣ старался мнѣ доказать, что знаменитость твореній Валтеръ-Скоттовыхъ зависитъ отъ моды, которая скоро минетъ. Вмѣсто отвѣта, я спросилъ его только, слыхалъ ли онъ объ Рафаелѣ и Рубенсѣ, и какъ онъ думаетъ, могутъ ли они когда нибудь выйти изъ моды?

(Изъ: Tygodnik Petersburski.)

В. Романовичъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича (Соч. В. Н. Берха). Издалъ И. Слѣнинъ.

(*Окончаніе.*)

Государь сей окруженъ былъ благоразумными совѣтниками и отличными Государственными людьми. Морозовы, А. С. Матвѣевъ, В. В. Бутурлинъ и Ординъ-Нащокинъ достойны занять почетное мѣсто на скрижаляхъ Исторіи, подлѣ знаменитѣйшихъ мужей своего вѣка. Послѣдній изъ упомянутыхъ здѣсь Рускихъ вельможъ былъ превосходный Дипломатъ; правивъ завоеванною на время Лифляндіею, онъ оставилъ въ ней по себѣ память человѣка, попечительнаго о благѣ ввѣренной ему страны. Здѣсь мѣсто отдать справедливую дань похвалъ Дипломатамъ, бывшимъ при Царяхъ Россійскихъ. Во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ иностранными Дворами или Посланниками, они являли твердость и настойчивость рѣшительную. Можетъ быть, не отличались они блистательною діалектикой; но за то прямо шли къ дѣлу, съ твердымъ предположеніемъ отстаивать успѣхъ своихъ требованій. Событія показываютъ, что успѣхъ сей былъ всегда на ихъ сторонѣ; изключенія весьма рѣдки и маловажны. Въ особенности же сіи два качества, твердость и настойчивость, были отличительными чертами Рускаго Кабинета при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Для примѣра, довольно указать на слѣдующіе случаи. Думный Дворянинъ Прончищевъ, выслушавъ неумѣстныя притязанія Англійскаго Посла Графа Карлиля, отвѣчалъ ему: »Мнѣ весьма мудрено кажется, что вы, »бывъ Посломъ Короля Карла II, не хотите вовсе го»ворить о дѣлахъ Монарха вашего, а хлопочете весьма »неискусно о купцахъ, какъ будто ихъ повѣренный. »Ежели Царь Алексѣй Михайловичъ сіе узнаетъ, то »отошлетъ васъ безъ всякой почести и будетъ жало»ваться Англійскому Королю.« Карлиль взбѣсился, и жаловался Царю письменно. Письмо его Царь отослалъ въ Боярскую Думу, а сія оправдала Прончищева, заключа, что онъ подавалъ Карлилю *только дружескіе совѣты*. Споры съ Голландскимъ Посланникомъ, Борелемъ, неменѣе замѣчательны, хотя болѣе относятся къ церемоніялу и этикету тогдашняго времени; но и тутъ Рускіе Дипломаты поддержали столь же твердо честь своего Двора. Съ Австрійскимъ Посланникомъ, Боттоніемъ, были почти такого же рода споры. Боттони поднесъ подарки Царю и Царевичу отъ имени своего, а не отъ Императора. Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ жаловался на сіе, говоря, что если Императоръ называетъ Царя братомъ, то почему же не хочетъ прислать ему подарковъ отъ себя? Боттони извинялся древнимъ обы-

чаемъ ихъ Двора, присовокупя, что Императоръ и самому Папѣ, главѣ Римско-Католическихъ Государей, не посылаетъ подарковъ отъ собственнаго лица. Бояре Рускіе, въ совѣщаніяхъ съ симъ Посланникомъ, требовали, чтобъ Римскій Императоръ величалъ Россійскаго Царя не Пресвѣтлѣйшествомъ, а Величествомъ, и принималъ бы собственноручно Царскія Грамоты: »ибо Стольникъ Петръ Потемкинъ доносилъ, что не »взирая на всѣ настоянія его, долженъ онъ былъ отдать Грамоту не самому Цесарю, а ближнему его человѣку. Бояре поставляли на видъ Послу, что Царь »Алексѣй Михайловичъ принималъ, какъ у него, такъ и »у всѣхъ предшественниковъ его, Грамоты собственными руками. Теперь, продолжали Бояре, Царь также »пришлетъ вамъ отпускную Грамоту. Бояринъ, услышавъ сіе, началъ просить весьма убѣдительно, чтобы Царь сего не дѣлалъ, и обѣщалъ стараться, чтобы и нашимъ Посламъ оказываема была равная почесть.«

Послы Царя Рускаго, при Дворахъ иностранныхъ Государей, выдерживали также хорошо то званіе, въ которое были облечены. Вездѣ они старались выставлять въ величественномъ видѣ политическую силу Россіи и характеръ ея Монарха. Нельзя безъ умиленія читать отвѣта, даннаго вышепомянутымъ Стольникомъ Петромъ Ивановичемъ Потемкинымъ, въ Испаніи, Дюку де Лирін, на вопросъ его о Царѣ: »Его Царское Величество нынѣ въ совершенномъ возрастѣ, 40 лѣтъ; а »дородствомъ, и разумомъ, и красотою лица, и милосердымъ нравомъ, и всѣми благими годностьми, Всемогущій Богъ украсилъ его Великаго Государя нашего, »хваламъ достойнаго паче всѣхъ людей, и ко всѣмъ людямъ, къ подданнымъ своимъ и къ иноземцамъ, Его »Царское Величество милостивъ и щедръ, своею Государскою милостію всѣхъ призираетъ, и по своему »Государеву разсмотрѣнію чести даруетъ комуждо по »достоинству и всѣхъ всѣмъ изобильствуетъ, и никто »же, видя его Царское лице, печаленъ отходитъ. Такъ же Великій Государь нашъ и наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ, и храброму ученію навыченъ, и »къ воинскому рашному къ рыцарскому строю хотѣніе »держитъ большое по своему Государскому чину и по »достоянію; и по тому его Государскому бодроопасному разуму и храбрству и милосердному праву, достоинъ онъ Великій Государь держати и иныя многія »земли и Государства.«

Къ сему изображенію нравственныхъ свойствъ Царя Алексѣя Михайловича, присовокупимъ другое, написанное Майербергомъ, видѣвшимъ Царя въ 1661 году: »Станъ »его строенъ, взоръ пѣженъ, тѣло бѣлое, щеки румяныя, волосы бѣлокурые, борода окладистая; но Царь »гораздо дороднѣе, нежели бы ему по лѣтамъ быть »слѣдовало. Ревностно приверженный къ вѣрѣ отцевъ »своихъ, онъ выполняетъ отъ души всѣ правила оной. »Посѣщаетъ храмы, наблюдаетъ всѣ обряды и нерѣдко, подобно Давиду, встаетъ ночью и молится до утра. Истинно достойно удивленія, что облеченный неограниченною властію, онъ никогда не употребилъ »ее во зло.«

Правленіе сего мудраго Монарха не всегда однако же было спокойно: кромѣ войны съ Шведами, Поляками и Татарами, оное подвержено было многимъ тревогамъ внутреннимъ. Чернь, не отвыкшая еще отъ мятежей и буйства со временъ Самозванцевъ и Между-царствія, въ началѣ Государствованія Царя Алексѣя Михайловича поднимала бунты въ Москвѣ, Новѣгородѣ и Псковѣ. Разбойники и Самозванцы (изъ коихъ одинъ выдавалъ себя за собственнаго сына Царева) также нарушали спокойствіе общее. Дерзкій разбойникъ Стенька Разинъ врывался вооруженною рукою въ большіе города и сжегъ первый Россійскій корабль, Орелъ, построенный при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Мѣстничество вельможъ Рускихъ то же весьма огорчало Царя и было важною помѣхой въ его предпріятіяхъ; и хотя честолюбцы были строго наказываемы [такъ одинъ изъ нихъ, Окольничій Зюзинъ, былъ битъ батогами, а потомъ скоро произведенъ въ Бояре]; но сія придворная зараза все еще велась при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Уже сынъ его, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, успѣлъ совершенно истребить мѣстничество. Въ дополненіе, должно еще напомнить о мятежническихъ поступкахъ Патріарха Никона, который явно возставалъ противъ Царя, проклиналъ его и возмущалъ умы. Тѣмъ болѣе славы великому сему Монарху, что онъ при всѣхъ таковыхъ неустройствахъ, не потерявъ бодрости, умѣлъ все усмирить и привести въ порядокъ; и не только удержалъ Россію неприкосновенною для враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, но еще разширилъ ея предѣлы и оградилъ новою силою.

Авторъ разсматриваемой нами книги исчисляетъ всѣ горести, понесенныя Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ продолженіе его Царствованія [Т. 2-й, стр. 23-25]. Въ числѣ ихъ, поставляетъ онъ такіе случаи, кои неизбѣжны и даже обыкновенны въ жизни каждаго человѣка. Таковы, напр., лишніе родственниковъ и преданныхъ ему Бояръ, несостоявшійся бракъ съ дѣвицею Всеволожскою и пр. п. На столь высокое лице историческое, каковъ Царь Алексѣй Михайловичъ, должно и смотрѣть съ высшей точки зрѣнія: обыкновенные случаи жизни ослабляютъ только впечатлѣніе, которое читатель долженъ питать къ мудрому Монарху, Герою и Законодателю.

Съ нѣкоторыми мнѣніями Автора также нельзя согласиться. Напримѣръ, въ статьѣ о дѣлѣ Патріарха Никона, находимъ мы слѣдующее странное сужденіе: »Еже»ли бы Никонъ былъ мужъ ученый, искусный въ языкахъ Еврейскомъ, Греческомъ, Латинскомъ и Славянскомъ, выслушалъ бы полный курсъ Богословія, Рито-

«рики и Философіи, тогда бы можно простить ему »многое. Но поелику мы знаемъ: гдѣ онъ родился, какъ »проводилъ жизнь свою и читали Грамоты его, напи»санныя тяжелымъ, разпянутымъ и неудобопоняпымъ »нарѣчіемъ, то удивляемся его самонадѣянію и не мо»жемъ понять, какъ вздумалъ онъ приняться за дѣло, »несогласное съ способностями его.« Напротивъ: одно только невѣжество Никона можетъ служить ему въ нѣкоторомъ смыслѣ извиненіемъ. Истинное просвѣщеніе несовмѣстно съ самонадѣянностію, ибо свѣтъ наукъ открываетъ человѣку предметы въ настоящемъ ихъ видѣ. Невѣжда и полуученый всегда бываютъ надменнѣе и заносчивѣе: этому примѣры были всегда, есть, и вѣроятно будутъ еще на долгія времена. Извинять же коварные замыслы просвѣщеніемъ никакъ не должно: просвѣщенный злодѣй есть ужаснѣйшій бичъ человѣчества; ибо кромѣ политическихъ безпорядковъ, онъ способенъ посѣять и сѣмена разврата нравственнаго.

Приложенія къ сей книгѣ весьма любопытны. Въ нихъ находимъ, между прочимъ 1) умилительную Грамоту Царя Алексѣя Михайловича къ Мощамъ Филиппа Митрополита; 2) Грамоту сего же Царя къ Богдыхану Китайскому; 3) переводъ Польской Хроники, заключающей въ себѣ описаніе многихъ произшествій войны за освобожденіе Малороссіи. Жаль, что переводъ сей не выправленъ совершенно, или вмѣсто его не приложенъ новый: ибо не было никакой нужды удерживать всѣ обмолвки стариннаго переводчика противъ Рускаго языка. Это не есть Актъ Государственный, котораго достовѣрность подкрѣпляется самымъ его слогомъ. Наконецъ 4) описаніе Морозовскаго паникадила. Драгоцѣнный сей памятникъ тогдашняго искусства, къ сожалѣнію, уже не существуетъ: Французы похитили его при нашествіи на Москву въ 1812 году. Боярынъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ принесъ сіе паникадило въ даръ храму Успенія Пресвятыя Богородицы. Паникадило сіе было серебряное и дѣлано въ Англіи. Вѣсу въ немъ было 113 пудовъ. Блаженныя памяти Императоръ Павелъ I, увидѣвъ оное, изъявилъ удивленіе свое сими словами: *Это серебряный лѣсъ!*

Выписки и ссылки историческія, присовокупленныя къ сей книгѣ, также весьма замѣчательны. Въ концѣ оной помѣщенъ списокъ содержащихся въ ней предметовъ, по азбучному порядку.

Повторимъ снова: трудъ почтеннаго В. Н. Берха заслуживаетъ благодарность соотечественниковъ. Будущій Историкъ почувствуетъ вполнѣ всю цѣну неутомимыхъ и разсудительныхъ его изысканій; а современники будутъ довольны свѣдѣніями, кои онъ собралъ о Царствованіи Царя Алексѣя Михайловича; и конечно удѣлятъ часть похвалъ дѣятельному Издателю сего сочиненія, книгопродавцу И. В. Слѣшину, преимущественно издающему книги, относящіяся къ отечественной нашей Исторіи.

Книга сія напечатана четко и красиво, на хорошей бумагѣ.

Лирическій Музеумъ, содержащій въ себѣ краткое начертаніе Исторіи Музыки, съ присовокупленіемъ жизнеописаній нѣкоторыхъ знаменитыхъ Артистовъ и Виртуозовъ оной; разнаго рода анекдотовъ и четырехъ портретовъ отличнѣйшихъ Сочинителей. Изданный Кушеновымъ-Дмитревскимъ. — С. П. б. въ типогр. Департам. Народнаго Просвѣщенія, 1831 (III—295 стр. въ 12-ю д. л. *).

Авторъ сей книги разсматривалъ свой предметъ съ особой точки зрѣнія: Нѣмецкіе еретики, такіе, напримѣръ, какъ Шлегель или Веберъ, заботятся объ изображеніи характера Писателей, о ихъ вліяніи на Изящное Искусство и проч. Нашъ Авторъ тщательно избѣгалъ романтической ереси и слѣдовалъ иной стезею; вотъ его система: »Такой то геній родился тогда-то, учился у того-то, былъ принятъ Капельмейстеромъ тамъ-то, писалъ очень хорошо, и наконецъ умеръ тогда-то.« Что можетъ быть естественнѣе сего сужденія? Глубокое соображеніе, остроумный взглядъ, новая мысль—всегда встрѣтятъ Скептиковъ; но что родившійся человѣкъ умеръ или умрешь, въ сей истинѣ никто еще не сомнѣвался, даже и любомудрый и многоученый Издатель Телеграфа. — Говоря о Метюлѣ (Авторъ иногда называетъ его и *Мегулемъ*, вѣроятно для разнообразія), нашъ любитель музыки ни слова не упомянулъ объ *Іосифѣ*; да и къ чему это? сія Опера всѣмъ извѣстна; одни слушатели скучаютъ при ея представленіи; другіе находятъ въ ней возможное совершенство; инымъ напоминаетъ она древнюю Греческую трагедію, гдѣ религія оживляла драматическое искусство, и проч. Нашъ Авторъ умолчалъ, слѣдственно въ его мнѣніи заключаются всѣ прошедшія, настоящія и будущія сужденія. Великій Бетховенъ, по мнѣнію нашего соотечественника, въ послѣдніе годы своей жизни сошелъ съ ума... слѣдственно можно надѣяться, что иные Писатели передъ смертію поумнѣютъ. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ, читатели могутъ извлечь понятіе о простотѣ и ясности системы Сочинителя; но впрочемъ ему не чужда и Метафизика. Выпишемъ нѣсколько фразъ:

»1) *Умозрительная музыка* есть, *такъ сказать*, позна-

(*) Цѣна 10 руб

ніе природы и употребленіе тѣхъ *веществъ*, изъ коихъ *музыка* состоитъ, или *иначе сказать* всѣхъ различныхъ *отношеній:* между *высокимъ* и *низкимъ*, *отвратительнымъ* и *пріятнымъ*, *скорымъ* и *тихимъ*, *сильнымъ* и *слабымъ*; *къ коимъ* способны *тоны отношеній, которые* объемля всѣ возможные *роды соединенія* музыки *съ отголоскомъ*, въ то же время заключаютъ въ себѣ и всѣ причины впечатлѣній, *кои* сіи *роды соединенія* въ состояніи произвесть на слухъ и душу.«

Практическая музыка опредѣлена также вѣрно. Для незнающихъ музыки, мы присовокупимъ еще одно замѣчаніе: музыкальная Метафизика нашего Писателя ни чѣмъ не уступаетъ его искусству владѣть Рускимъ языкомъ. Вотъ одинъ изъ образцовыхъ періодовъ (періодъ начинается послѣ точки и совершенно отдѣленъ отъ предыдущаго):

»Но всего болѣе, его *Геній* [Бетховена] *сдѣлавшись* извѣстенъ публикѣ чрезъ *большое количество его сочиненій*, въ особенности *симфоніяхъ*, въ которыхъ примѣненъ великій его характеръ и *чрезъ* концерты для фортепіано.» — Точка и конецъ періода.

Изданіе книги весьма опрятно; къ ней приложено нѣсколько портретовъ знаменитыхъ Писателей; но съ тою же искренностію, съ какою воздали мы похвалу простотѣ изложенія и отвлеченности размышленій Издателя, мы скажемъ, что сіи портреты весьма неудачны. Смотря на нихъ, по неволѣ вспомнишь стихъ Грибоѣдова:

«Какіе-то не люди и не звѣри.»

Изо всего сказаннаго нами, читатель самъ воленъ вывести заключеніе, можно ли къ сей книжкѣ примѣнить то, что каждый безпристрастный человѣкъ обязанъ сказать объ *Исторіи Рускаго народа:*

Она какъ трупъ: скорѣй сгніетъ,
Когда критической сохою
Сродняшъ ее съ гнилой землёю;
Но брось на волю долгихъ лѣтъ, —
Не прочно связанный скелетъ
Изшлетъ мирно самъ собою.

Трилунный.

Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ, или дѣти Ивана Выжигина. Сочиненіе Александра Орлова. 2 ч. — М. въ типогр. Н. Степанова, 1831. (въ 1-й ч. 60, во 2й 101 стран. въ 12-ю д. л.)

Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ивана Выжигина. Сатирическій романъ. Сочиненіе Александра Орлова. — М. въ типогр. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1831 (112 стр. въ 12-ю д. л.)

Петръ Ивановичъ Выжигинъ, нравоописательный-историческій романъ XIX вѣка. Сочиненіе Ѳаддея Булгарина. Иждивеніемъ книгопродавца И. Заикина. 4 части. — С. П. б. въ типогр. А. Плюшара, 1831 (въ 1-й ч. XIII — 265, во 2-й 277, въ 3-й 288, въ 4-й 340 стр. въ 12-ю д. л.; съ заглавной виньетой и двумя картинками (*)).

Выжигиныхъ такъ много разплодилось теперь и такъ уже ихъ всѣ знаютъ, что считаемъ излишнимъ говорить о нихъ. Остается только пожелать имъ счастливаго пути въ за-Московныя губерніи, потому что, со дня появленія родоначальника ихъ Ивана Выжигина, имъ нѣтъ болѣе мѣста въ Столицахъ.

СМѢСЬ.

Въ книжномъ магазинѣ Г. Брифа, въ большой Морской, въ домѣ Гупаропуло, подъ No. 138, продается новое изданіе *Сочиненій Шиллера, въ одной части* (Friedrich Schillers sämmtliche Werke, in einem Bande). Изданіе сіе можно назвать образцемъ типографическаго искусства: оно содержитъ въ себѣ всѣ творенія знаменитаго Поэта Германіи, заключавшіяся прежде въ 18-ти частяхъ. Цѣна экземпляру сей книги 37 руб. 50 коп.

Въ томъ же книжномъ магазинѣ продается: *Россійскій букварь, въ пользу Нѣмецкихъ учебныхъ заведеній, изданный Егоромъ Зоричемъ.* Прежніе труды Автора по части первоначальнаго преподаванія языковъ Нѣмецкаго и Французскаго, могутъ служить одобрительнымъ свидѣтельствомъ сему новому его букварю, напечатанному весьма четко и исправно. Цѣна экземпл. 1 р.

(*) Продается у Издателя, книгопродавца Заикина. Цѣна за 4 ч. 15 руб.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 31-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. **ТОМЪ III, № 20.** АПРѢЛЯ 6го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу), — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ) и 26-го (въ Воскресенье).

МИКЕЛЬ АНДЖЕЛО.

ИЗЪ РОМАНА:

АРДИНГЕЛЛО.

(*Путешественникъ, по прибытіи своемъ въ Римъ, описавъ все видѣнное имъ въ церкви Святаго Павла, продолжаетъ*):

Я вышелъ, и палящій зной, послѣ пріятной прохлады въ этомъ святилищѣ изящнаго, казался для меня нестерпимымъ; я ускорилъ мои шаги и спѣшилъ въ близъ-находящуюся гостинницу Монте-Фасипаціо; велѣлъ подать себѣ закусить и послѣ сытнаго завтрака, окропляемаго старымъ Сицилійскимъ, легъ на софу въ намѣреніи отдохнуть. Лишь только сомкнулъ усталые глаза свои, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздались громкія восклицанія: *Микель-Анджело, Рафаель, Антики.* Я вскочилъ, спѣшу туда и вижу собраніе молодыхъ людей съ кубками въ рукахъ, сидящихъ вокругъ стола, уставленнаго сосудами; горячій споръ не далъ имъ замѣтить моего прихода. »Микель-Анджело,« говорилъ съ жаромъ молодой человѣкъ въ голубомъ плащѣ, »не можетъ назваться живописцемъ, равно какъ и тотъ, кто знаетъ только ноту, пѣвцемъ или музыкантомъ. Что онъ произвелъ? Свою Капеллу Сикстину, и болѣе ничего кромѣ Капеллы Сикстины. Это ли называется живописью? Это ли натура? Кто скажетъ, что онъ видѣлъ въ мірѣ подобное богамъ, Пророкамъ и Сивилламъ, словомъ, что нибудь подобное блаженнымъ и осужденнымъ Микель-Анджела? — Созданія необузданнаго воображенія, которыя хотя много имѣютъ поучительнаго для Художника, но мало для ума чистаго и вовсе ничего для глазъ и сердца!... Жалкій ласкатель Флорентинцевъ, кадя подъ носъ старому деспоту искусствъ, чтобъ сей обратилъ на него свое вниманіе и далъ ему работу, густымъ дымомъ отуманилъ умы всѣхъ. И достойно ли это великаго генія, что онъ преслѣдовалъ ангельскую душу, Рафаеля? — Самъ чувствуя свою слабость въ колоритѣ, онъ рисовалъ со всѣмъ искусствомъ своимъ очерки Венеціянцу Бассіану, а сей уже мертвымъ колоритомъ своимъ, смѣшаннымъ съ ядомъ, разписывалъ ихъ. И что жъ вышло въ Пьетро Монторіо? Двойникъ, который право мало дѣлаетъ чести его намѣренію; а божественный остается тѣмъ же, кѣмъ и былъ. — Рафаель напротивъ, этотъ непорочный, благородный юноша, коего цѣлію было лишь совершенство искусства, чуждый зависти, съ невинностію стремился занять для себя у старѣйшаго что нибудь изъ того, чѣмъ сей мужъ былъ превосходенъ; и дѣйствительно изъ одной только сердечной своей доброты: ибо въ этомъ Антики могли служить ему лучшимъ образцемъ, чѣмъ Микель-Анджело, который въ сравненіи съ ними кажется дикимъ. И наконецъ скажу, что Рафаель весьма могъ научиться отъ Микель-Анджела, а Микель-Анджело отъ Рафаеля никогда: ибо что сего послѣдняго дѣлало первымъ живописцемъ, тому нельзя ни научить, ни научиться.« —

Толстый, но довольно стройный мужчина, бывшій съ нимъ въ состязаніи, желтѣлъ и краснѣлъ съ досады; однако же, не смотря на природное краснорѣчіе, не нашелся ему отвѣчать и можетъ быть преснулъ бы отъ гнѣва, если бъ я не взялъ его стороны. »Конечно,« сказалъ я, »вы не видѣли въ мірѣ боговъ Микель-Анджела; однако жъ, есть ли возвышеннѣе образы въ новомъ искусствѣ? и не соотвѣтствуютъ ли они тому, что у насъ простолюдимъ себѣ представляетъ, какъ нѣчто очарованное, волшебное? Вашъ собственный видъ, любезный другъ, слишкомъ благороденъ и вашъ глазъ слишкомъ исполненъ огня, чтобъ вы не постигали Бога, создавшаго солнце и человѣка. *Важное*, подобно молніи, прежде всего поражаетъ великую душу. Пророки и Сивиллы Микель-Анджела всѣ суть великіе характеры, исполнены жара, ревности и вдохновенія. И въ *Страшномъ* его *судѣ*: Христосъ судитъ строго, поднятою десницею грозитъ грѣшникамъ; между тѣмъ какъ нѣжная Матерь, сложа руки на груди, манитъ къ себѣ праведниковъ; это-то и есть игра фантазіи, гдѣ человѣческое тѣло въ возможныхъ положеніяхъ представлено съ удивительною смѣлостію. Недавно купилъ я у него

маленькую картинку, представляющую Распятіе Христа, когда онъ говоритъ Маріи: »Жено, се сынъ твой!« и возлюбленному ученику своему: »Се мати твоя!« внизу по правую сторону Марія, а по лѣвую Іоаннъ, и надъ Распятіемъ въ мрачныхъ облакахъ парятъ два Ангела.

»О, какъ слабо написаны въ сравненіи съ изображенною въ ней Маріей всѣ прочія Мадоны, и даже самъ Рафаель, котораго я столько любилъ и которому удивляюсь, какъ новому Апеллесу, кажется противъ нея малымъ и обыкновеннымъ. — Ея положеніе, ея взглядъ на Христа и на Его лице, выражающее страданіе, опущенная правая рука, прижатая лѣвая, большой и указательный пальцы, обращенные къ ученикамъ, смѣло и небрежно накинутое на пурпуровую одежду голубое покрывало — все гармонируетъ и составляетъ одно цѣлое. — Іоаннъ, въ печали падшій на землю съ сложенными на грудь руками!... Какое совершенство рисунка въ тѣлѣ Распятаго! истина даже въ малѣйшихъ частяхъ, и вмѣстѣ жизнь и страданіе: все представляетъ *Единство.* — Подлинно, смотря на сіе произведеніе, чувствуешь нѣчто изъ того, что говоритъ краснорѣчивый Вазари, который, по излишней любви къ отчизнѣ, не всегда однако жъ былъ справедливъ къ тремъ, такъ сказать, вѣнцамъ искусствъ, къ Рафаелю, Тиціану и Корреджію; онъ говоритъ: что какъ будто самъ небесный геній снизшелъ къ Художнику и руководя кистью его, показалъ, какъ долженъ быть представленъ на крестѣ Іисусъ и близъ него Мадона и Іоаннъ. — Спаситель пригвожденъ, какъ нельзя натуральнѣе, и движеніе его на крестѣ изображено чрезвычайно живо.

»Матерь (Мадона), *высокая* жена, еще въ свѣжести своей красоты, чувствуя себя, страждетъ, видя жестокость пронзу сына, и ощущаетъ его страданія съ плачевнымъ, но живымъ взглядомъ. Однако, подавляя въ себѣ всю боль, имѣетъ еще столько твердости и спокойствія, чтобъ быть при этомъ и взирать съ большею важностію, нежели всякая другая жена міра сего.«

Молодой Художникъ вскочилъ и пожалъ мнѣ обѣ руки; радостно и стыдливо пламенѣло его лице. »Я порочилъ Микель-Анджела единственно для того, чтобы взбѣсить его,« сказалъ онъ мнѣ дружески, указывая на толстаго своего соперника; »да при томъ же въ сильномъ спорѣ всегда бываетъ виднѣе истина, которую рѣдко можно изторгнуть изъ сокрытой глубины завистливаго и ревниваго виртуоза.

»Я довольно хорошо знаю эту маленькую картинку Микель-Анджела; нѣсколько разъ уже была она копирована. Желалъ бы я только, чтобы фигуры были въ натуральную величину. Миніатюрнаго я терпѣть не могу, оно не по моему вкусу: ибо оно есть попаенный уголокъ, гдѣ легко и удобно скрывается посредственность и слабость, и нравится только женщинамъ, дѣтямъ и непонимающимъ Изящнаго.

—»Все это такъ,« отвѣчалъ я; »однако послѣ этого должно наконецъ согласиться, что все искуство есть не что иное, какъ только знакъ, объясняющій умъ и духъ человѣка, и что безъ ума ничего важнаго произвесть не можно. Микель-Анджело довольно оправдалъ себя своими Пророками и Сивиллами. Между прочимъ справедливо и то, что и при великомъ умѣ можно быть весьма плохимъ живописцемъ.

Слыша это, одинъ стоявшій въ углу человѣкъ язвительно улыбнулся, поднялъ руку изъ-подъ плаща и сказалъ: »Равно какъ и съ малымъ умомъ можно быть славнымъ живописцемъ. — Въ этомъ искуствѣ,« — продолжалъ онъ, »и безъ творческой силы изобрѣтательнаго генія, безъ особеннаго ума, словомъ, безъ того, что ставитъ одного человѣка выше другихъ, но соображаясь съ общимъ мнѣніемъ, можно успѣть болѣе прочихъ; нужно только, чтобы Художникъ неусыпнымъ прилежаніемъ пріобрѣлъ ловкость руки, имѣлъ вѣрный глазъ и тщательно наблюдалъ, что нравится богатымъ покупателямъ; и чѣмъ болѣе онъ будетъ слѣпо подражать натурѣ, тѣмъ болѣе выиграетъ. — Онъ долженъ утверждать, что это-то и есть истинное, и презирая порывъ воображенія, какъ нѣчто пустое, — спросишь, что вы называете важнымъ?«

Я не зналъ, за что должно было принять сей вопросъ: за шутку или за сатиру? Наконецъ съ жаромъ отвѣчалъ ему: »Важнымъ?.... Важнымъ называю я то высокое существо, которое поражаетъ чувствами, мыслями, образомъ, положеніемъ и дѣйствіемъ, и которое не требуетъ подробнаго комментарія Софистовъ. — Если не найдешь вдругъ, что съ нимъ соединишь, то и не ищи: пусть оно остается *одно.* Величіе хотя и можетъ съ нимъ соединяться; но оно не есть *важное.* — Важное въ высочайшей степени есть то, что превышаетъ силы человѣка, вездѣ наполняетъ душу восторгомъ и удивленіемъ до того, что они, забывая время, ставятъ человѣка на ряду съ богами.

Съ Нѣмец. — *Аполлонъ Мокрицкій.*

ИНОСТРАНЦУ.

Твое отечество прекрасно:
Въ немъ воздухъ нѣгой упоенъ,
И ночь тепла и небо ясно;
Но въ мрачный Сѣверъ я влюбленъ!
Надъ нимъ нависнулъ сводъ туманной,
Зима въ порфирѣ бѣлопушной
Ему подругою дана;
Просторна Руская страна,
Гостепріимна.... но страшна!
Въ ней лѣсъ дремучій тяжко стонетъ
И степи голыя кругомъ

Спятъ богатырскимъ, крѣпкимъ сномъ
Но если врагъ ногой ихъ тронетъ,
На помощь къ нимъ мятель, огонь,
Въ одно мгновеніе примчатся;
Орлы съ Кавказскихъ горъ слетятся,
И дрогнетъ хищникъ!... насъ не тронь!
Сынамъ изнѣженнаго Юга
Слегка знакома наша вьюга:
Сожгли Москву — а пользы нѣтъ!
Все также холоденъ нашъ ледъ.

Трилунный.

ФИЛОМЕЛА.

(Изъ Гёте.)

Не отрокъ ли Амуръ вскормилъ тебя, царица,
И пищу на стрѣлѣ, коварный, подавалъ?
Онъ страсти ядъ разлилъ, чтобъ голосъ твой, пѣвица,
Сердца любовію разлилъ и волновалъ.

Л. Якубовичъ.

О СТАТИСТИКѢ

ВООБЩЕ.

Статистика, безъ всякаго сомнѣнія, есть одна изъ полезнѣйшихъ Наукъ. Она служитъ самымъ вѣрнымъ, безопаснымъ руководствомъ для Политики и Политической Экономіи; ибо представляетъ для сихъ высокихъ Наукъ вѣрные опыты, служащіе къ объясненію и подтвержденію ихъ теоретическихъ началъ. Вотъ почему Статистика есть Наука собственно нравственная; ибо хотя и разсматриваетъ опыты въ физическомъ отношеніи, но это потому только, что они имѣютъ непосредственное вліяніе на состояніе человѣка или вообще народовъ; иначе Статистика вошла бы въ сферу другихъ Наукъ, имѣющихъ особенныя свои назначенія. Притомъ она во всѣхъ своихъ опытахъ заключаетъ тончайшую связь и соотношеніе. Посему тѣ слишкомъ много ошибаются, которые почитаютъ ее за Науку не систематическую, но во всѣхъ своихъ частяхъ особенную, раздѣльную. Такимъ образомъ одни говорятъ: для чего намъ нужно знать градусы, между которыми лежатъ какія-либо земли? какая изъ того произтекаетъ для насъ существенная польза? Другіе держатся такого же пѣлѣпаго мнѣнія на счетъ пространства, исчисляемаго въ квадратныхъ миляхъ и т. д. Всякой имѣетъ свои предубѣжденія, свои странности, свои неосновательныя сужденія относительно Статистическихъ выводовъ. Для сего-то я, не излагая полной теоріи Статистики, намѣренъ здѣсь показать необходимую связь между всѣми ея предметами.

Для чего, говорятъ, намъ нужно знать градусы, между которыми лежатъ какія-либо земли? На сіе отвѣчаю я, что нужно знать опые по двумъ главнымъ причинамъ: 1) посредствомъ градусовъ только мы можемъ пріобрѣсть общее понятіе о климатѣ земли. Климатъ вообще бываетъ или холодный, или умѣренный, или жаркій. Каждый климатъ имѣетъ большую или меньшую свою относительную способность къ произведенію извѣстныхъ продуктовъ. Самая нравственная природа находится въ нѣкоторой зависимости отъ климата. 2) Чрезъ градусы узнаемъ относительное мѣстоположеніе однѣхъ земель къ другимъ. Какъ первое, такъ и второе замѣчаніе ведутъ насъ къ весьма полезнымъ и важнымъ изслѣдованіямъ. Такъ напр, когда мы узнаемъ, что два особенныя Государства находятся подъ одною и тою же широтою и разнятся между собою часто небольшимъ пространствомъ долготы; для насъ крайне любопытно бываетъ открыть настоящую причину, почему оныя Государства почти всегда различествуютъ между собою или степенью пріятности и полезности климата, или количествомъ и качествомъ самыхъ произведеній. Зависитъ ли сіе отъ особенной физической мѣстности, или находятся нравственныя тому причины? Съ другой стороны близость и отдаленность земель заставляетъ Политика и Политико-Эконома дѣлать свои разсчеты (спекуляціи.)

Послѣ означенія градусовъ, Статистикъ переходитъ къ показанію границъ, заключающихъ взаимное положеніе земель. Это также заслуживаетъ особенное вниманіе. Ибо 1-е чрезъ это узнаемъ сосѣдство различныхъ народовъ, которые по необходимости должны оказывать одинъ на другой сильное вліяніе, какъ въ физическомъ, такъ и нравственномъ отношеніи. 2-е Познаніе границъ служитъ важнымъ предметомъ для Политика въ томъ: дѣйствительно ли оныя достаточны, какъ для безопасности того народа, котораго владѣнія обозначаются опыми, такъ и для безопасности другихъ народовъ, болѣе или менѣе отъ него отдаленныхъ; слѣдственно, естественны ли сіи границы физически и нравственно?

За опредѣленіемъ границъ, слѣдуетъ измѣреніе пространства земель. Сіе также имѣетъ весьма важные результаты. Пространство земли и число жителей, на оной находящихся, составляютъ, такъ сказать, два противоположные полюса; все физико-нравственное раскрытіе заключается между симъ двоякимъ раздѣленіемъ, и легко можетъ быть опредѣлено ихъ взаимнымъ между собою отношеніемъ. Вотъ почему въ Статистикахъ пространство земли всегда сравнивается съ числомъ жителей, и изъ того дѣлается заключеніе о народонаселеніи Государствъ. Такимъ образомъ, когда на маломъ пространствѣ какой-либо земли находится во-

ликое число жителей, то сіе ясно показываетъ, что физико-нравственное разкрытіе оной достигло высокой степени. Европа служитъ самымъ разительнымъ сему примѣромъ. Отъ чего народонаселеніе ея гораздо больше въ сравненіи съ народонаселеніемъ прочихъ частей свѣта? Безъ сомнѣнія отъ того, что физическія и нравственныя силы Европы разкрыты гораздо выше. Тѣ же заключенія мы можемъ выводить изъ сравненія самыхъ земель ея, какъ то: Голландіи, Англіи, Италіи, наконецъ Испаніи, Португаліи, Швеціи и т. д. Впрочемъ для благоденствія народнаго не довольно того, чтобы физико-нравственное разкрытіе вообще находилось на высшей степени во всякомъ Государствѣ: надобно еще, чтобы оно имѣло свою постепенность во всѣхъ классахъ, во всѣхъ званіяхъ народа. Голландія наиболѣе можетъ хвалиться симъ совершенствомъ, отъ того ея народонаселеніе превосходитъ народонаселеніе всѣхъ Государствъ Европы. Извѣстно, что въ оной на одной квадратной милѣ считаютъ до 5,000 человѣкъ, въ Англіи же до 4,000, во Франціи менѣе, а въ другихъ земляхъ еще менѣе. Спрашивается теперь: отъ чего въ Испаніи и Португаліи, которыя пользуются всѣми выгодами мѣстоположенія и климата, народонаселеніе сравнительно весьма недостаточно? Безъ сомнѣнія, сему есть причины, и причины весьма важныя.

Мы сказали о пространствѣ и вмѣстѣ о числѣ жителей земель. Впрочемъ пространство, и безъ отношенія его къ настоящему народонаселенію, составляетъ весьма занимательный предметъ для Статистика: 1) потому, что оно въ послѣдствіи можетъ быть заселено народомъ, 2) оно можетъ быть и въ настоящее время важнымъ по своимъ произведеніямъ, 3) часто служитъ счастливою оградою, покрайней мѣрѣ, до извѣстнаго времени, отъ разныхъ сосѣднихъ народовъ. Въ такомъ выгодномъ отношеніи къ Россіи находится Сибирь, заключающая въ себѣ неизмѣримое и почти совсѣмъ незаселенное пространство.

Народонаселеніе также, взятое въ отдѣльности отъ пространства, представляетъ взору наблюдателя много особенныхъ частей для изслѣдованія, какъ то: въ какихъ именно классахъ одного и того же народа народонаселеніе увеличивается болѣе или менѣе, и почему? Отъ чего въ однѣхъ земляхъ люди доживаютъ до самой глубокой старости, въ другихъ напротивъ, и притомъ въ различныхъ званіяхъ и состояніяхъ долголѣтіе имѣетъ свои особенныя степени? также отъ чего число умирающихъ въ разныхъ возрастахъ не всегда одинаково, то болѣе опыхъ бываетъ, то менѣе? и т. д. Всѣ сіи изслѣдованія заставляютъ Статистика вникнуть въ разныя несовершенства и недостатки физико-нравственнаго разкрытія силъ Государствъ, въ болѣзни, наиболѣе похищающія человѣческій родъ и другія причины, часто ясныя, а болѣе скрытныя, неравнаго раздѣленія добра и зла. — Не въ давнія времена замѣчено многими Писателями, что въ воспитательныхъ домахъ всегда погибаетъ множество младенцевъ; а изъ того и выводятъ они то заключеніе, что оные домы не столько полезны, сколько вредны. Я не хочу здѣсь разбирать, точно ли сіе наблюденіе во всей обширности справедливо, и можетъ ли оно допущено быть въ одинаковой силѣ равно въ образованныхъ, какъ и необразованыхъ Государствахъ, въ столицахъ и провинціяхъ?—Также теперь безпрерывно Писатели вооружаются противъ вспомоществованій бѣднымъ, оказываемыхъ Англійскимъ Правительствомъ; но изслѣдовано ли со всею достовѣрностію, что собственно вредно для Государствъ: самое ли вспомоществованіе, или только злоупотребленіе онаго, и что даже излишнее вспомоществованіе въ Англіи не должно ли быть терпимо по отношенію неестественнаго распредѣленія народнаго богатства? Что же сказать о странномъ и вмѣстѣ ужасъ наводящемъ мнѣніи многихъ новѣйшихъ Писателей, будто можетъ быть излишнее народонаселеніе, и что должно брать мѣры къ предупрежденію онаго (*)? — Конечно, разбирать всѣ сіи предметы не есть собственно дѣло Статистика; но онъ, покрайней мѣрѣ, долженъ все приготовить для сего важнаго изысканія.

Послѣ означенія пространства и даже прежде относительнаго сравненія онаго съ числомъ жителей, Статистикъ разсматриваетъ мѣстоположеніе самой земли и все, что замѣчательно на поверхности оной, какъ то: горы, воды и степи, и все сіе приспособляетъ или къ народному богатству, или къ нравственному состоянію жителей; ибо какъ на то, такъ и на другое онѣ всегда оказываютъ непосредственное или посредственное вліяніе. Зашемъ Статистика вступаетъ въ сферу подробнаго изчисленія произведеній земли изъ царства изкопаемаго, растительнаго, и разсматриваетъ царство животное. Этотъ предметъ богатъ, обиленъ своими изслѣдованіями. Здѣсь-то, узнавъ всѣ роды произведеній и животныхъ, составляющихъ богатство Государствъ, Статистикъ долженъ съ возможною точностію показать ихъ качество и количество, и сравнить то и другое во всѣхъ провинціяхъ одной и той же земли; потомъ уже сравнить съ тѣми же родами произведеній и животныхъ, находящихся въ другихъ Государствахъ, дабы основываясь уже на замѣчаніяхъ дѣльныхъ и вѣрныхъ, можно было выводить свои заключенія о причинахъ относительнаго различія. Такимъ образомъ не должно ли насъ поразить удивленіемъ то, что въ Англіи земледѣліе доведено теперь до такого совершенства, что хлѣба иногда не только бываетъ достаточно для продовольствія ея жителей, но даже часть онаго вывозится за границу? Также, что на такомъ ма-

(*) О семъ изложено мною подробно въ иномъ мѣстѣ. *Сост.*

ломъ пространствѣ, какое занимаетъ сіе Государство, скотоводство находится несравненно въ большемъ количествѣ, нежели во многимъ другихъ земляхъ? Въ Англіи однѣхъ овецъ считается болѣе 40 милліоновъ; въ Испаніи же до 15 милліоновъ. Не любопытно ли знать дѣйствительную причину такого чрезвычайнаго различія? И сколько есть таковыхъ предметовъ? Не можно представить, какую величайшую мы почерпнули бы пользу, если бы такимъ образомъ мы могли сравнить каждую вѣтвь земледѣльческой промышленности во всѣхъ Государствахъ Европы? Скажутъ: не все то можно сдѣлать въ однѣхъ земляхъ, что находимъ въ другихъ. Не спорю; однако, дабы утвердительно сказать, чего собственно не можно ввести въ первыхъ, что встрѣчаемъ въ послѣднихъ, сему прежде надобно представить доспѣшныя причины. Опытъ ясно показываетъ, что и самый климатъ постепенно измѣняется на земномъ шарѣ; ибо иначе не можно было бы предположить жизни и, въ слѣдствіе оной, постепеннаго разкрытія физико-нравственныхъ силъ его. Такъ на пр., что была Европа, судя по климату, во время цвѣтущаго состоянія древней Греціи и Рима? Но самый лучшій, живой примѣръ въ семъ отношеніи представляетъ намъ Сѣверная Америка. Не видимъ ли мы, что менѣе, нежели въ полстолѣтія, климатъ оной потерпѣлъ величайшее измѣненіе? Человѣкъ есть самое высшее твореніе на земномъ шарѣ; чрезъ него единственно исполняется цѣль Провидѣнія касательно жизни нашей планеты. Онъ имѣетъ силу, заключающуюся въ свободѣ и разумѣ, постепенно покорять всѣ силы земнаго шара своему владычеству; нельзя не удивляться тому, что онъ сдѣлалъ, и можемъ ли представить себѣ, теперь, что онъ еще можетъ сдѣлать въ послѣдствіи? думали ль Римляне, да и самые Европейцы, за нѣсколько предъ симъ десятковъ лѣтъ, о чудесахъ, производимыхъ теперь въ разныхъ родахъ народной дѣятельности паровыми машинами? И сколько находится подобныхъ важныхъ предметовъ народнаго совершенствованія? Впрочемъ странно было бы усиливаться производить то, что нимало не соотвѣтствуетъ настоящему дѣйствію климата и земли. — Сія ограниченность человѣческаго усилія замѣтна даже и въ высшихъ родахъ дѣятельности, какъ то, въ промышленостяхъ мануфактурной и торговой.

Послѣ земледѣльческой промышленности, Статистикъ переходитъ къ мануфактурной. Здѣсь онъ показываетъ, гдѣ и какія фабрики наиболѣе процвѣтаютъ, исчисляя число людей, работающихъ на оныхъ, количество самыхъ издѣлій и наконецъ ту сумму, которая за всѣми издержками, какъ прибыль, доспѣется народу. Но чтобы лучше понять важность и выгоды мануфактурной промышленности, для сего, какъ мы замѣтили о промышленности земледѣльческой, также должно сравнить оную съ мануфактурною промышленностію другихъ народовъ, дабы такимъ образомъ видѣть, почему какія-либо фабрики наиболѣе процвѣтаютъ у того или у другаго народа? есть ли это слѣдствіе особеннаго искусства, или слѣдствіе дешевизны самыхъ первоначальныхъ продуктовъ, или наконецъ, не произходитъ ли это отъ удобности сбыта издѣлій? — А изъ сего уже легко можно вывести то заключеніе: какая отрасль промышленности, земледѣльческая или мануфактурная, собственно болѣе выгодна какому-либо Государству, и въ какихъ особенно родахъ произведеній или издѣлій? При такомъ наблюденіи, народы менѣе могутъ подвергаться ошибкамъ, слѣдуя естественному ходу увеличенія своего богатства, а не покровительствуя преимущественно одну какую-либо отрасль промышленности, и часто произведеніе того рода продуктовъ, или обработываніе тѣхъ издѣлій, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ относительнымъ ихъ выгодамъ. Впрочемъ входить въ подробное разсматриваніе сего предмета есть дѣло Политической Экономіи.

Торговля составляетъ третій важный родъ промышленности народной. Статистикъ долженъ разсматривать всѣ части оной, т. е. торговлю внутреннюю, внѣшнюю, транзитную и т. д. Вмѣстѣ долженъ внимательно изслѣдовать всѣ обороты оныхъ; потомъ, сообразно прежнимъ отраслямъ промышленности, долженъ сравнивать всѣ части торговли одного какого-либо Государства съ тѣми же отраслями другихъ Государствъ. Не должно судить о выгодахъ торговли по одной великой суммѣ, на которую покупаются или продаются товары; но надобно узнавать со всею точностію всю сумму издержекъ, и количество остающихся за оными чистыхъ прибылей. Весьма полезно, для совершеннаго и безошибочнаго обозначенія хода всѣхъ родовъ промышленостей, судить объ оныхъ не по настоящему только ихъ состоянію, но вмѣстѣ по сравненію положенія оныхъ въ прежніе годы: ибо чрезъ сіе лучше могутъ объясниться причины какъ быстраго, такъ и слабаго усовершенствованія народной дѣятельности, могутъ скорѣе узнаны быть средства и самыя препятствія къ постепенному увеличенію народнаго богатства. Впрочемъ вездѣ для показанія, какъ всѣ отрасли промышленности въ Государствѣ постепенно улучшаются, обыкновенно представляютъ обозрѣнія таможенныхъ списковъ или простыя вычисленія ежегоднаго увеличенія продуктовъ и издѣлій; но это дѣлается неопредѣленно и безъ всякаго основательнаго сравненія. Чтобы знать, какимъ образомъ народное богатство увеличивается, для сего должно сдѣлать сравненія такого рода, какія мы означили выше, и притомъ надобно все сіе отнести къ самому народонаселенію, безпрерывно возрастающему; на прим. если бы богатство увеличилось, на 1 милліонъ жителей, на сумму въ 200 милліоновъ рублей, то оно болѣе значитъ, нежели если бы на 4 милліона жителей

увеличилось богатства на сумму въ 400 милліоновъ рублей.

Я уже не говорю о томъ, что для совершеннаго благосостоянія Государства, какъ мы замѣтили выше, необходимо нужно, чтобы богатство сколько можно правильнѣе раздѣлялось между всѣми званіями; а для сего весьма важно дѣлать замѣчаніе и на счетъ того, въ какомъ званіи и въ какой степени увеличилось богатство; ибо такимъ образомъ можемъ открыть и настоящую причину сего увеличенія. Правительство же можетъ съ большею надеждою воспользоваться сими открытіями.

Разсмотрѣвъ во всей подробности народное богатство, Статистикъ входитъ потомъ въ особенную сферу изложенія Статистики, сферу нравственно-политическую. Здѣсь представляются передъ нимъ весьма важные предметы, какъ то: характеры народовъ, Вѣра, Правленіе, просвѣщеніе оныхъ, сила сухопутная и морская, доходы, долгъ Государственный и проч. Вообще физическая жизнь народовъ находится въ самой тѣсной связи съ нравственною, такъ что одна на другую имѣетъ безпрерывное и притомъ существенное вліяніе. Статистикъ не долженъ терять сего изъ виду; онъ, при разсматриваніи той и другой жизни, всегда долженъ представлять сіе ихъ соотношеніе и взаимное дѣйствіе. Описывая характеръ какого-либо народа, Статистикъ долженъ показывать вмѣстѣ способность его ко всѣмъ родамъ дѣятельности. Что почва земли значитъ въ физическомъ отношеніи для Государствъ, то описаніе характера и способностей народа въ нравственномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, сія часть Статистики всегда оставалась весьма слабою. Характеры и способности народовъ по большей части описываются въ Статистикѣ самымъ поверхностнымъ образомъ: едва представляется одна тѣнь оныхъ. Я уже умалчиваю о томъ, сколько важно и полезно было бы изображать самыя коренныя причины характеристики каждаго народа. Можетъ быть нѣкоторые скажутъ, что это не есть предметъ Статистики, а Политической Исторіи: я согласенъ въ томъ; покрайней мѣрѣ Статистикъ можетъ, такъ сказать, дѣлать удачно очерки всего того, что произошло въ слѣдствіе прежнихъ временъ. Можетъ быть, чрезъ сіе самое весьма многое объяснилось бы въ явленіяхъ физической и нравственной жизни народовъ, сами собою обнаружились бы причины успѣха или медленнаго хода въ разныхъ частяхъ той и другой.

Статистикъ не долженъ быть простой Механикъ или только списыватель всего того, что видитъ на земномъ шарѣ; но вмѣстѣ долженъ быть мыслителемъ, долженъ понимать то, что выходитъ изъ-подъ его пера.

Вѣра также составляетъ важный предметъ въ Государствѣ. Въ Статистикѣ и она существуетъ одинъ только именемъ. Мнѣ же кажется, что Статистикъ долженъ показать не только то, какая именно господствующая вѣра находится въ извѣстномъ Государствѣ, также какія находятся секты оной и равно какія есть другія вѣроисповѣданія; но вмѣстѣ долженъ представить практическое направленіе оныхъ, дабы Политикъ видѣлъ, какое онѣ производятъ вліяніе на физико-нравственный организмъ Государствъ. Одна номенклатура характера и вѣроисповѣданій народовъ, безъ практическаго ихъ обозначенія, также мало полезна, какъ мало полезна одна номенклатура всѣхъ родовъ произведеній, находящихся въ какихъ-либо Государствахъ. Что мы выше сказали на счетъ изслѣдованія различія произведеній въ разныхъ провинціяхъ одного и того же Государства, то же самое можемъ отнести къ самому характеру и вѣроисповѣданію народовъ. Послѣ вѣры, Правленіе составляетъ основный предметъ нравственно-политическаго организма Государствъ. Здѣсь Статистикъ занимается тонкимъ изслѣдованіемъ, какой образъ Правленія находится въ Государствѣ, какіе коренные законы онаго. Присемъ требуется отъ него, чтобы онъ выставилъ всѣ отличительныя черты одного и того же образа Правленія въ разныхъ Государствахъ: иначе онъ, сказавъ вообще, ничего не скажетъ въ частности. Послѣ сего изложенія, Статистикъ переходитъ къ очерченію главныхъ правъ всѣхъ сословій или званій. Умѣнье выбрать и изложить сіи права составляетъ большое достоинство Статистики. Теперь все сіе дѣлается безъ обдуманнаго разпоряженія, на удачу: все оказывается въ видѣ неясномъ, неполномъ; отъ того-то Статистика мало научаетъ. Когда мы читаемъ, что такое-то Правленіе находится въ Турціи, Персіи, Китаѣ, или въ Англіи, Франціи и т. д., тутъ еще мы ничему не научаемся, даже ничего положительнаго не узнаемъ о тѣхъ Государствахъ. Также когда Статистикъ пишетъ, что въ такомъ-то Государствѣ есть дворяне, купцы и т. д., для насъ этого мало; намъ надобно знать ихъ относительное между собою различіе и притомъ какъ въ самомъ положеніи правъ, такъ и въ исполненіи оныхъ. Тогда только мы можемъ представить настоящее состояніе политическаго организма Государствъ. Но дѣлаетъ ли это теперь Статистика? Нимало. Должна ли Статистика излагать образъ самаго законоположенія? По моему мнѣнію, это необходимо. Нерѣдко случается читать въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ о числѣ наказанныхъ за преступленія въ Государствахъ; но всегда ли упоминается объ этомъ въ Статистикахъ? Нѣтъ. Спрашиваю теперь, что жъ это за странствующія кометы, коихъ отношеніе въ солнечной системѣ намъ неизвѣстно? уже ли они дѣйствительно походятъ на сіи небесныя тѣла? Въ такомъ случаѣ можетъ ли Статистика хвалиться своимъ совершенствомъ? И сколько, признаюсь, есть подобныхъ

въ ней промежутковъ или безсвязныхъ, неопредѣлительныхъ замѣчаній!

Въ статьѣ о просвѣщеніи, Статистикъ долженъ исчислить, какія находятся учебныя заведенія въ Государствахъ, какія въ оныхъ преподаются науки и съ какимъ успѣхомъ; есть ли достаточныя для просвѣщенія пособія, какъ то, библіотеки; вообще на какой степени образованія находится весь народъ, и въ частности, какого званія граждане болѣе посвящаютъ себя изученію. Все сіе ведетъ къ важнымъ результатамъ. На прим. въ Государствахъ еще необразованныхъ, но быстро стремящихся къ образованію, по большей части учебныя пособія бываютъ скудны. Въ состояніяхъ среднихъ всегда является болынее число людей, жаждущихъ познаній, но неимѣющихъ средствъ къ пріобрѣтенію оныхъ. Кто, какъ не Правительство, долженъ для таковыхъ учреждать публичныя библіотеки, дабы они, безъ всякой платы, могли пользоваться чтеніемъ новѣйшихъ, полезныхъ книгъ? Можетъ быть изъ тысячи пользующихся такимъ благодѣяніемъ, явится одинъ, который въ состояніи будетъ своимъ просвѣщеннымъ умомъ вознаградить все пожертвованіе, дѣлаемое Правительствомъ. Замѣтить надобно, что въ сіе время разкрывающейся болѣе и болѣе образованности, въ высшихъ классахъ многіе имѣютъ свои частныя библіотеки, но онѣ по большей части служатъ въ родѣ красивой мебели. Владѣльцы рѣдко даютъ другимъ книги для чтенія, хотя и сами мало пользуются оными.

Доходы и издержки Государствъ принадлежатъ къ самымъ труднымъ предметамъ изслѣдованія Статистика. Онъ здѣсь непремѣнно долженъ показать всѣ источники, изъ коихъ почерпаются первые, и потомъ уже, на что они употребляются. Сообразивъ сію занимательную статью съ предъидущею статьею о доходахъ вообще народа, или о богатствѣ его, можно вдругъ видѣть, правильно ли Государственные доходы собираются, соотвѣтствуютъ ли они подъ видомъ налоговъ источникамъ народнаго богатства и т. д.; а издержки открываютъ другую важную цѣль: точно ли всякая часть управленія пользуется достаточнымъ и приличнымъ ей раздѣленіемъ оныхъ? Послѣ сего, какія полезнѣйшія заключенія можно было бъ извлечь изъ сравненія источниковъ доходовъ и предметовъ издержекъ всѣхъ вообще Государствъ! Но, къ сожалѣнію, все сіе излагается въ Статистикѣ сухо, недостаточно, невѣрно.

Сухопутная и морская силы также занимаютъ важное мѣсто въ Статистикѣ, ибо онѣ составляютъ могущество Государствъ; а притомъ издержки, употребляемыя на оныя, неимовѣрны. Статистикъ долженъ показать, сколько можно, въ точности, какъ количество силы морской и сухопутной и вмѣстѣ сумму, необходимую для содержанія оныхъ, такъ и способъ, какимъ образомъ составляются сіи силы, чего стоитъ Государству самое составленіе оныхъ? Наконецъ, все сіе должно сравнить съ политико-экономическими отношеніями всѣхъ Государствъ между собою.

Вотъ сколько многоразличныхъ предметовъ, которыми необходимо должна заниматься Статистика! Я не говорю, чтобы я изложилъ оные вполнѣ и со всею ясностію. Напротивъ, я еще нѣкоторые изъ оныхъ опустилъ, о другихъ же сказалъ очень мало и недостаточно; иначе трудъ мой былъ бы слишкомъ обширенъ и не соотвѣтствовалъ бы той цѣли, съ которою я предпринялъ оный. Какъ бы то ни было, только Статистика, безспорно, есть одна изъ важнѣйшихъ, полезнѣйшихъ Наукъ. Она еще до сего времени въ строгомъ смыслѣ не выступила изъ границъ обыкновенной Географіи, и потому не получила еще своего настоящаго, великаго назначенія. Нѣкоторые новѣйшіе Писатели, такіе какъ Дюпень, стараются поставить ее на сію важную степень. — Статистикъ долженъ обнять весь физико-нравственный организмъ каждаго Государства, и показать въ надлежащей точности и ясности истинное положеніе всѣхъ его частей. Онъ въ семъ долженъ быть подобенъ Анатомику, разлагающему человѣческое тѣло на всѣ его составныя части, дабы знать назначеніе каждой изъ оныхъ, и вмѣстѣ долженъ быть Психологомъ, дабы раздробить, такъ сказать, на всѣ части умственныя способности человѣка.

Пользуясь такимъ изложеніемъ Статистики, Политико-Экономъ и Политикъ лучше могутъ повѣрять съ опытами свои теоріи, и подъ законы теорій своихъ подводить самые опыты. Статистикъ можетъ еще не быть въ тѣсномъ смыслѣ Политико-Экономомъ и Политикомъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ знать цѣль, требованіе сихъ высокихъ Теоретиковъ, дабы изложеніе всѣхъ своихъ опытовъ представить имъ въ совершенномъ порядкѣ, во всей полнотѣ. Онъ долженъ нѣкоторымъ образомъ отдавать имъ отчетъ — и они въ правѣ отъ него требовать представленія сего отчета. Земной шаръ составляетъ цѣлый одинъ и тотъ же организмъ. Физическая и нравственная жизнь его разкрываются по безусловнымъ законамъ. Показать оные законы есть дѣло Политико-Экономa и Политика. — Условное же разкрытіе изложить—есть дѣло Статистика. Въ организмѣ, каждая часть соединена неразрывною нитью съ другою: отсюда происходитъ ихъ взаимное вліяніе одной на другую, и наконецъ общее ихъ вліяніе на цѣлый организмъ. Посему, оставьте безъ вниманія одну какую-либо часть въ Государствѣ, тогда вы увидите, что отъ испорченности оной будутъ, по мѣрѣ отношенія болѣе или менѣе близкаго, страдать и другія части. Равно пусть запустѣетъ въ бездѣйствіи цѣлое какое-либо Государство: тогда и другія земли, по мѣрѣ ослабленія его вліянія, въ слѣдствіе разкрытія силъ земнаго шара, будутъ замедлены въ своемъ ходѣ

къ усовершенствованію. — Такимъ образомъ климатъ, свойство земли, произведенія, фабрики, торговля, Вѣра, характеръ народовъ, Правленіе, просвѣщеніе, словомъ: всѣ части физическаго и нравственнаго организма Государства находятся въ безпрерывномъ между собою сотрясеніи, какъ въ одномъ Государствѣ въ отдѣльности, такъ и во всѣхъ Государствахъ вмѣстѣ. — Статистикъ все это долженъ обнимать своимъ взоромъ. Трудъ его неизмѣримъ, и столько же важенъ. Онъ долженъ прислушиваться, такъ сказать, ко всѣмъ оконечностямъ земнаго шара, сочувствовать его дыханіе и жизнь.

До сего времени только Англія и Франція обращаютъ на себя вниманіе относительно статистическихъ изслѣдованій. Я не говорю, чтобы всѣ части оныхъ Государствъ такъ ясно, такъ подробно были изслѣдованы, какъ нами означено выше; покрайней мѣрѣ важнѣйшія отрасли физико-нравственной дѣятельности представляются съ возможною точностію. Въ прочихъ же Государствахъ Европы Статистика слишкомъ бѣдна своими изслѣдованіями; самые обыкновенные предметы излагаются поверхностно, да и то по большей части невѣрно. —Пробѣгая Газеты, Журналы и другія періодическія изданія, безпрерывно встрѣчаешь новыя статистическія указанія: тамъ излагается пространство и число жителей какихъ-либо Государствъ, здѣсь означается количество товаровъ привозимыхъ и вывозимыхъ; въ одномъ мѣстѣ читаемъ объ учебныхъ заведеніяхъ какого-либо Государства; въ другомъ находимъ, сколько потребляется такихъ-то продуктовъ въ столицахъ и т. д. Словомъ: не можно помѣстить въ своей памяти всего того, что относится собственно къ области Статистики; но все это заключается въ отрывкахъ, безъ связи, безъ всякаго соображенія и сравненія, — и потому-то все, что ни читаемъ, скоро забываемъ и никакой существенной изъ того не извлекаемъ пользы. Конечно, если бы изъ сихъ самыхъ отрывковъ покрайней мѣрѣ въ продолженіе года можно было составить полное обозрѣніе всѣхъ родовъ народной дѣятельности, то еще нельзя было бы жаловаться на бѣдность и сухость статистическихъ извѣстій; напротивъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ не успѣешь въ предполагаемомъ своемъ занятіи. Отъ чего жъ это происходитъ? — Думаю, во 1-хъ отъ того, что первоначально оныя извѣстія доставляются отъ тѣхъ мѣстъ, которыя не имѣютъ существеннаго понятія о важности ихъ, и потому передаютъ оныя поверхностно, неосновательно; во 2-хъ, получающіе сіи извѣстія и выдающіе оныя въ публику для чтенія, также дѣлаютъ это или для наполненія, чѣмъ бы то ни было, своихъ Журналовъ, или по одному относительному любопытству, или также знакомы только съ Географіей, понятія же о существенной цѣли Статистики совершенно чужды. — Впрочемъ не отвергаю и того, что по разнымъ причинамъ не всегда можно бываетъ получать вѣрныя и полныя статистическія изслѣдованія. — Послѣ сего можно ли судить основательно о физическомъ или нравственномъ состояніи народовъ? Можно ли, если бы и замѣчены были недостатки, злоупотребленія, упадокъ въ чемъ-либо, предпринимать, въ полной надеждѣ на успѣхъ, средства къ поправленію зла и улучшенію всего полезнаго? — Такимъ образомъ все, что ни дѣлается для блага народа, дѣлается по большей части на удачу, безъ всякаго соображенія отношеній частей къ цѣлому и цѣлаго къ частямъ.

Впрочемъ для того, чтобы составить полную Статистику какого-либо Государства, необходимо нужно учредить Ученое Общество, которое уже отъ себя могло бы отправлять въ разныя провинціи людей, отличныхъ по уму и познаніямъ, и поручать имъ дѣлать въ оныхъ статистическія изслѣдованія. Правительство должно доставлять имъ для сего всѣ возможныя пособія, въ той увѣренности, что оныя будутъ вознаграждены въ полной мѣрѣ полезными для Государства слѣдствіями. Правительству нужно хотя одинъ разъ собрать самыя вѣрныя извѣстія, потомъ уже нетрудно будетъ дѣлать ежегодно новыя дополненія. При семъ я не могу умолчать, что наше Правительство обратило теперь вниманіе на сей важный для Государства предметъ: по всѣмъ Губерніямъ собираются извѣстія для Статистика. Желательно только, чтобъ они были составлены точно въ такомъ видѣ, въ какомъ мы здѣсь представили. Сіе потому особенно нужно для нашего Отечества, что оно заключается въ предѣлахъ обширнаго пространства, имѣетъ разные климаты и вообще находится еще не на высшей степени разкрытія физическихъ и нравственныхъ силъ своихъ.

Т. Степановъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Наваринская битва или Ренегатъ. Историческій романъ, сочиненіе Г. Мока. Перевелъ съ Французскаго Орестъ Сомовъ. — С. П. б., въ типогр. Х. Гинце, 1831. (X — 242 стр. въ 12-ю д. л., съ картинкой (*).

Издатель *Литературной Газеты*, переведшій сію

(*) Продается у Издателя, книгопродавца И. И. Заикина, въ д. Императорской Публичной Библіотеки, въ лавкѣ подъ No 18, и въ домѣ Г. М. Балабина, въ лавкѣ подъ No 28. Цѣна экземпл. съ картин., на хорошей бумагѣ, 5 р., съ пересылкою 6 р.

книжку (*), не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. *Самовозхваленія* и даже *самопорицанія* журнальныя считаетъ онъ мѣрою не только излишнею, но и смѣшною. Посему онъ ограничивается перепечатаніемъ предисловія, помѣщеннаго имъ при переводѣ романа Г. Мока (Moke).

»Событіе, послужившее основою сему роману, будетъ навсегда незабвенно въ военныхъ лѣтописяхъ нашего Отечества. Человѣколюбивая и благотворная политика Императора Николая I, подвигла двѣ изъ сильнѣйшихъ Державъ, союзныхъ съ Россіею, къ дѣятельному и рѣшительному соучастію въ истинно-Христіанскомъ дѣлѣ освобожденія Греціи. Флоты Англійскій и Французскій, совокупно съ Россійскимъ, уничтожили морскую силу Паши Египетскаго, имѣвшую явное преимущество какъ превосходнымъ числомъ своихъ кораблей, такъ и выгодами мѣстными: ибо ей вспомоществовали, ее защищали и твердыни Наваринскія, и укрѣпленный островъ Сфактерія. Но послѣдствія знаменитаго сего морскаго побоища явили новое торжество Креста надъ поблѣднѣвшею Луною. Новый рядъ побѣдъ, свѣжіе лавры тогда уже засѣяны были для армій и флотовъ Царя Россійскаго: славный Адріанопольскій миръ былъ рѣшеніемъ задачи, которой *данныя* всякому Рускому нетрудно было разгадать при самомъ началѣ.

»Мы пользуемся нынѣ счастливыми плодами сихъ побѣдъ, дарованныхъ Россіи Богомъ и Великодушнымъ ея Монархомъ. Отечество наше возвеличено новою славой, ограждено новыми границами. Орлы наши перелетѣли чрезъ Арарать и Балканы. Безстрашные наши мореходцы врывались въ неприступные города и отражали силы, болѣе нежели въ десять кратъ превосходнѣйшія (**). На стѣнахъ Наваринскихъ неизгладимо начертаны бомбами Рускими подвиги Графа Гейдена и храбрыхъ его сподвижниковъ. Адмиралъ Кодрингтонъ, главное дѣйствующее лице кровавой Наваринской драмы, нынѣ любезный гость Петрополя (***), съ чистосердечіемъ Героя подтверждаетъ снова тѣ искреннія похвалы Россійскому морскому ополченію, каковыя онъ засвидѣтельствовалъ уже предъ лицемъ свѣта въ своихъ донесеніяхъ.

»Воспоминаніе о битвѣ Наваринской льститъ въ особенности народному самолюбію Рускихъ. Исторія и Поэзія съ одинакимъ рвеніемъ передадутъ потомству память сего славнаго событія, служившаго какъ бы прологомъ событій еще важнѣйшихъ, утвердившихъ на прочномъ основаніи будущую, счастливѣйшую судьбу единовѣрной намъ Греціи. — Переводчикъ надѣялся угодить своимъ соотечественникамъ, передавъ на Рускомъ языкѣ одно изъ тѣхъ созданій воображенія, въ которыхъ Наваринскій бой занимаетъ главное мѣсто картины.

»Въ романѣ, коего переводъ мы представляемъ на судъ публики, особенно замѣчателенъ характеръ Гассана, Француза-Ренегата, хорошо очерченный и мѣстами сильно выраженный. Лице сіе изъ числа тѣхъ, на которыхъ почти полувѣковая, превожная жизнь Европы положила печать свою, и которыя превратностями политическими, или собственными заблужденіями, разсѣяны по лицу земли и стали въ рядахъ войскъ даже самыхъ варварскихъ, полудикихъ. Перемѣна вѣры, принятіе Магометанства, отвергаемаго ихъ умомъ, чувствомъ и прежними привычками, и отъ того какая-то скрытность и странность въ дѣйствіяхъ и поступкахъ, необходимо набрасываютъ на сіи лица нѣкоторую таинственность, весьма благопріятную для намѣреній Романиста. — Морская битва при Наваринѣ описана также сообразно съ цѣлью, принятою Сочинителемъ, который, кажется, очень хорошо понялъ, что онъ Романистъ, а не Историкъ, и слѣдовательно въ правѣ былъ измѣнять событія, или творить новыя, не опасаясь за то упрека. — Люди разсудительные также простятъ его за нѣкоторое пристрастіе къ Французамъ, и за то, что они вездѣ являются у него на первомъ планѣ. Авторъ самъ Французъ: посему слава и воспоминанія его отчизны, его единоземцевъ, ближе всего были къ его сердцу. Пристрастіе къ своему отечественному не только извинительно, но и похвально. Писатель Рускій конечно поступилъ бы также въ подобномъ случаѣ.«

Переводчикъ *Наваринской битвы* благодаритъ Издателя, Г. книгопродавца Заикина, за исправное и красивое изданіе сей книжки. Приложенная къ ней картинка весьма хорошо нарисована Г-мъ Ноттбекомъ и выгравирована тщательно. Послѣднее должно повторить и о гравированномъ заглавномъ листкѣ.

(*) Отрывки изъ оной помѣщены были въ 48 и 49 NNo Литературной Газеты 1830 года.

(**) Г. г. Зайцевскій и Козарскій.

(***) Писано было осенью 1830 года.

СМѢСЬ.

Новая грамматическая поправка. Въ 18-мъ No Литературной Газеты, одинъ почтенный нашъ Корреспондентъ отстоялъ грамматическія права Латинскаго реченія: Jubilæus, права, на кои покушался нѣкоторый Критикъ. Справедливость требуетъ, чтобъ мы оказали такову же защиту одному Французскому слову. Въ 4-мъ No *Телескопа*, въ спорѣ о книгѣ: Canevas méthodique et chronologique etc., сказано, что Авторъ помянутой книги называетъ Г-на Полеваго »l'élégant historien — *щеголь-историкъ*.« Сей переводъ

не совсѣмъ точенъ: слово élégant, приданное здѣсь Историку Рускаго народа, есть имя прилагательное, и Критику слѣдовало бы перевести сіе выраженіе по-крайней мѣрѣ такъ: *щеголеватый Историкъ*. Въ точности сего послѣдняго перевода мы ссылаемся на самого Г. Полеваго, извѣстнаго своими глубокими познаніями въ *Лингвистикѣ*. Въ 1-й книжкѣ *Московскаго Телеграфа* на 1831 годъ, на стр. 15, славный Французскій проповѣдникъ названъ *щеголеватымъ Масильономъ*.

Іоаннъ Горопіусъ, Брабантскій Писатель, прозванный Becanus, утверждаетъ въ книгѣ своей: Origines Antverpianæ напечат. въ Антверпенѣ 1569 г. въ листъ), что древній Фламандскій или Кимврійскій языкъ былъ тотъ самый, которымъ Адамъ говорилъ въ Земномъ Раю. Забавный образецъ народнаго самолюбія; но для насъ неудивительный: мы знаемъ, что нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ и соплеменниковъ старались доказать, что всѣ древніе языки произошли отъ Славянскаго.

Сей же Горопіусъ весьма остроумно доказывалъ, почему слово sac (*мѣшокъ*) удержалось въ весьма многихъ языкахъ (*сакосъ* по-Гречески, saccus, по-Латини, sakk по-Готоски, sac по-Англо-Саксонски, sack по-Нѣмецки, по-Англійски, по-Датски и по-Бельгійски; sacco по-Итальянски, saco по-Испанеки, sac по-Французски, *сакъ* по-Еврейски, Халдейски и Турецки, sac по-Кельтійски и sach по-Тевтонски). Причина тому самая простая: при смѣшеніи языковъ во время Вавилонскаго столпотворенія, никто не позабылъ своего *мѣшка*, уходя изъ рабочей Вавилонской.

Стернъ просилъ за двѣ первыя части своего *Тристрама Шанди* 50 фунтовъ стерл. (около 1200 рублей на наши деньги) съ одного книгопродавца въ Іоркѣ: книгопродавецъ отказалъ ему въ этой суммѣ. Извѣстно, съ какимъ рвеніемъ въ послѣдствіи Англичане читали и разкупали творенія сего истинно-оригинальнаго Писателя. Уже чрезъ долгое время по смерти Стерна, одинъ Англичанинъ предлагалъ по гинеѣ за каждую рукописную строку еще неизданныхъ его сочиненій.

Многіе изъ нашихъ Журналовъ содержатъ въ себѣ Французскія загадки, шарады и логогрифы. Увлекаясь почти общимъ примѣромъ, Литературная Газета предлагаетъ любителямъ языка Цицеронова слѣдующую *загадку*:

Ego sum principium mundi
Et finis sæculorum;
Ego sum trinus et unus,
Et tamen non sum Deus.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 5-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМЪ III, № 21. АПРѢЛЯ 11го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу), — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ) и 26-го (въ Воскресенье).

ОТРЫВКИ

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЕЩЕ ЗАПИСОКЪ ПРИНЦА ДЕ ЛИНЬ.

— Людовикъ XVI бывалъ чрезвычайно *неостороженъ* на охотѣ. Однажды пущенная имъ изъ ружья пуля прожужжала у меня мимо ушей, на травлѣ оленя. Въ другой разъ, онъ вдругъ оборотясь, застрѣлилъ куропатку между Королевой и мною, на ружейной охотѣ, куда онъ часто биралъ меня съ собою, чтобы поговорить: ибо стрѣливали только онъ, да два его брата. У меня глаза призаривались на дичь, и мнѣ бы хотѣлось поострѣлять; но такую благосклонность оказывалъ онъ только весьма немногимъ изъ придворныхъ.

— Я замѣтилъ весьма странную привычку за Императрицею Маріей Терезіей, при игрѣ въ банкъ. Счастье было у нея непомѣрное, и когда передъ ней накоплялась цѣлая груда червонцевъ, она ихъ уносила, потому что вдругъ вспоминала о какой нибудь аудіенціи, или о бумагахъ, кои должно было подписать. Императрица замѣчала это на другой день, смѣялась, сердилась на себя, и тотчасъ проигрывала честнымъ людямъ то, что нерѣдко выигрывала у какого нибудь плута.

— У Королевы Маріи Антуанетты также иногда игрывали въ банкъ. Она не могла попрепятствовать сударушкамъ своимъ шеткамъ приходить на игру. Я не видѣлся съ ними уже двадцать три года, съ того времени, какъ былъ имъ представленъ. Королева ихъ увѣрила, что я часто къ нимъ приходилъ, но будучи застѣнчивъ, не смѣлъ выступать впередъ. Онѣ извинялись передо мной и говорили: «Вотъ то-то, худо «имѣть слабое зрѣніе!»

Принцесса Аделанда (*) играла и выигрывала каждый день. «Странно,» говорила она: «прежде я всякой день проигрывала по двѣсти и по триста лундоровъ, а теперь очень часто выигрываю по столько же, отъ того, что въ началѣ игры пускаю по двѣ и по три карты съ углами.» — «Очень вѣрю, что В. В. выигрываете,» отвѣчалъ я, «потому что *плутуете* (c'est que Madame triche).» Она позабыла эту игру; радуясь и вмѣстѣ огорчаясь моимъ открытіемъ, она всячески старалась проиграть снова все то, что *накрала* (*) по невѣдѣнію.

— Если бы предложили двадцати-лѣтнему Маршалу Ришельё и красавцу Леторьеру запереться въ какомъ-либо Департаментѣ Министерства, то они послали бы къ чорту Королевскихъ наставниковъ и сказали бы: «Мы хотимъ за него драться, а не учить его, какъ «должно жить, особливо же не умирать отъ скуки.» Вмѣсто того, чтобы вставать въ шесть часовъ утра и писать, либо разсматривать дѣловыя бумаги, Леторьеръ ложился спать въ шесть часовъ вечера, чтобы въ полночь явиться на балѣ, свѣжимъ какъ вешній день... Прически *Королевскою птицей*, во сто бумажекъ, голубиными крылышками, выборъ пудры à l'orange и жасминной помады, нерѣшимость, какою душистою водой опрыскаться, l'eau suave, или l'eau de miel, — занимали во все остальное утро франтовъ моего времени....

О ПРОИЗВОЛЬНОЙ СМЕРТИ

ИЛИ САМОУБІЙСТВѢ.

(*Изъ соч. Принца Де-Линя.*)

Если бъ эта смерть была изступленіемъ ума, горячкой, то я бы попялъ ее. Но эти господа нерѣдко пишаютъ тайную задумчивость, до самой той минуты, когда хладнокровно отправляютъ себя на тотъ свѣтъ.

(*) Дочь стараго Дофина и сестра Людовика XV.

(*) Ce qu'elle avait volé. —

Когда бъ они оказывали какіе-либо тому признаки, то люди, видающіеся съ ними ежедневно, замѣтили бы это; но сего никто не подозрѣваетъ, никто не вѣдаетъ сему причины.

Я видалъ самоубійцъ, исповѣдывавшихся передъ роковою минутой; и другихъ, которые спѣшили исповѣдаться, если имъ оставалось прожить шесть минутъ послѣ покушенія на жизнь свою. Я не видалъ ни одного самоубійства *кстати*, не говорю уже разсудительнаго, но хотя съ личиной здраваго разсудка, на прим. отъ потери жены, обожаемой любовницы, дитяти, составлявшаго собою счастіе жизни родителей.

Но если любимая женщина платитъ за любовь невѣрностью, въ такомъ случаѣ прилично взять... перо, и написать на нее злой куплетъ.

Я видѣлъ одного самоубійцу, который, разпоровъ себѣ брюхо ножемъ, закричалъ падая: «Священника и лекаря!» Все это заставляетъ меня думать, что тутъ есть внутреннее поврежденіе, разстроенный органъ, какое-то нѣмое бѣшенство противъ самого себя, какъ бѣшенство собакъ и людей, укушенныхъ ими, противъ другихъ. Надлежало бы хирургамъ внимательно разсматривать всѣ части головы самоубійцъ. До сей поры, она была хороша. Я не видѣлъ ни одного сумасшедшаго, съ которымъ бы это случилось; сумасшедшій трепещетъ за жизнь свою и за все. Лоза смотрителя ставитъ на колѣни того, кто почитаетъ себя *Богомъ Отцемъ* или *Юліемъ Цесаремъ*.

Я видѣлъ самоубійцъ, которые отказывались биться на поединкѣ и сочли за лучшее убить сами себя. Видѣлъ одного, умертвившаго себя наканунѣ битвы, гдѣ ему представлялся прекрасный случай умереть. Видѣлъ также самоубійцу изъ безразсудной щекотливости, натянутаго мщенія: онъ не хотѣлъ слышать объ оскорбленіи, которое можно бъ было загладить.

Я видалъ нѣсколько отравившихся женщинъ: но рѣдко тѣхъ, которыя до того отравились, чтобъ не ожили прекраснѣе прежняго и не искали другаго, вѣрнѣйшаго любовника. Нѣсколько дѣвушекъ, преслѣдуемыхъ своими родителями либо за жениха, который не нравился, либо за любовника, который слишкомъ нравился и слишкомъ доказалъ любовь свою, бросались изъ окна: но это рѣдко случалось. Такимъ образомъ пистолетный выстрѣлъ окончилъ прекрасные дни одной прекрасной *Канониссы*, которая до самой полночи писала письмо къ тому, кто былъ причиной ея смерти, и упрашивала его бросить ея тѣло въ рѣку; а между тѣмъ разпѣвала на диво всѣ оперныя аріи, какія только знала. Нѣкоторыя другія, какъ я слышалъ, часто были очень веселы въ обществѣ, пока не вышли изъ него, чтобъ выйти изъ сего свѣта. Не знаю даже, не превышаетъ ли въ круглый годъ число умерщвляющихъ себя женщинъ числа самоубійцъ мужчинъ.

Таковымъ примѣрамъ есть покрайней мѣрѣ какая нибудь причина. Но, какъ я сказалъ выше, мужчины пишутъ свои завѣщанія, хладнокровно подвязываютъ ярлычки къ оставляемымъ ими бумагамъ, отсылаютъ обратно или жгутъ нѣкоторыя письма, не пишутъ сами никакихъ, не жалуются ни на кого, и чтобъ лишить себя *живота*, пускаютъ себѣ въ животъ пять или шесть пуль; остаются живы, страдаютъ, не говорятъ ни слова и наконецъ умираютъ.

Пусть разсудятъ о семъ противорѣчащемъ и спокойномъ ходѣ самоубійства; и тогда перестанутъ толковать о твердости или противномъ тому свойствѣ духа, заставляющемъ посягать на жизнь свою. Рѣдко видали, чтобы бѣднякъ, увѣчный или больной умертвилъ себя, а всегда почти люди достаточные и, по видимому, счастливые. Говорятъ: у этого человѣка унылый видъ, онъ наложитъ на себя руки; ничего не бывало, онъ живетъ, да живетъ. У Катона, какъ и у всякаго другаго, было какое нибудь поврежденіе въ мозгу; ему стоило только пытаться до послѣдней минуты быть полезнымъ своему отечеству.

Одно изъ ихъ главнѣйшихъ сумасбродствъ состоитъ въ томъ, чтобъ вырваться изъ танцевъ либо изъ-за ужина, или самимъ дать ужинъ, во время котораго раздается пистолетный выстрѣлъ: Г-нъ угощатель изволилъ застрѣлиться! Дабы наказать за самолюбіе покойника, вообразившаго, что цѣлая Европа заговоритъ о немъ, и дабы исправить его подражателей, я желалъ бы, чтобъ гости спокойно остались за столомъ, какъ ни въ чемъ не бывало; ибо если у него и были друзья, то онъ долженъ былъ ихъ упрашивать, лишивъ ихъ себя. Такая смерть есть ужасный эгоизмъ.

Есть ли тотъ хорошій отецъ, хорошій любовникъ, хорошій мужъ, кто себя убиваетъ?

Честолюбіе, одна изъ сильнѣйшихъ страстей, должно бъ было вести къ самоубійству, когда все дѣлается вопреки честолюбцу. Однако я не вижу самоубійцъ на поприщѣ опалы и временщиковъ, ни отъ невѣрности придворныхъ госпожъ. Овидій и Бюсси не умертвили себя. Но я понимаю, что изъ досады можно лишить себя жизни.

Помню, что однажды, когда я отправлялся на охоту и брался за свое ружье, нѣкто изъ сихъ мнимыхъ самоубійцъ, безпрестанно намъ грозившій прекращеніемъ своей жизни, сказалъ мнѣ: «Берегитесь; я думаю, ружье заряжено.»

ГОРЕ.

Не тамъ, гдѣ вѣчными слезами
Туманится печальный взоръ,
Гдѣ часто вторится устами
Судьбѣ неправедный укоръ;

Гдѣ слышны жалобные звуки
Безсилья праздного плоды,
Не тамъ, не тамъ душевной муки,
Найдешь ты тяжкіе слѣды.
Иди туда, гдѣ взоръ безслёзной
Исполненъ молчаливыхъ думъ;
Гдѣ гордо власть судьбины грозной
Вепрѣчаетъ непреклонный умъ;
Гдѣ по челу какъ будто сталью
Заботы врѣзана черта,
Но надъ смертельною печалью
Хохочутъ дерзкія уста.
Тутъ вѣчно горе, тутъ глубоко
Страданье въ сердце залегло;
И подъ десницей тяжкой рока
Все сердце кровью изошло.

А. Хомяковъ.

НЕВѢ.

Оживлена весенними лучами
Ты зимнюю кольчугу сорвала,
И въ Океанъ свободными волнами
Ледяные трофеи понесла.

Такъ въ быстрый мигъ святаго вдохновенья
Моя душа, отринувъ свѣтскій бытъ,
Изъ душныхъ безднъ печальнаго сомнѣнья
Въ неплѣнный міръ, безсмертная, паритъ!

Трилунный.

ОБОЗРѢНІЕ.

замѣчательнѣйшихъ концертовъ 1831 года.

«Не спорю, можетъ быть я нерехвалилъ хорошее; но къ дурному былъ безпристрастенъ.»

Театральная Дирекція, какъ и прежде, открыла филармоническое поприще концертомъ, въ которомъ было вдвое болѣе артистовъ, нежели слушателей. Было время, если вѣрить преданіямъ, когда камни одушевлялись музыкою; сіе время давно прошло. Въ нашъ вѣкъ не только камни, но немногіе изъ дилетантовъ чувствуютъ гармонію; посему безполезно давать концерты для пустыхъ креселъ. Изъ частныхъ концертовъ, замѣчательнѣе прочихъ были: Мейера, Шоберлехнера, Бема, Г-жи Зибертъ, Бендера, Давида и Ромберга, Ремерса и Эллены, сестры Г-жи Шоберлехнеръ. Концертъ Г. Мейера былъ наполненъ посѣтителями; это модный концертъ; дамы высшаго тона вмѣняютъ себѣ въ долгъ показаться въ семъ концертѣ. Г-нъ Мейеръ, какъ и всегда, не позаботился о выборѣ увертюръ, ибо ихъ слушаютъ немногіе изъ посѣтителей. За то новый концертъ его написанъ прекрасно. Въ его сочиненіяхъ замѣтенъ отпечатокъ Герца; блестящіе пассажи, пріятная мелодія и ясная оркестровка. Не ищите здѣсь, ни глубокихъ чувствъ, ни гармоніи Краммера и Гуммеля, ни оригинальности Мошелеса. Игра Мейера слишкомъ извѣстна; механизмъ доведенъ до совершенства и вкусъ очищенный. Кто ѣзжалъ зимнимъ путемъ вдоль по Волгѣ на лихихъ Татарскихъ лошадяхъ, тотъ можетъ составить себѣ понятіе о быстротѣ пальцевъ сего Виртуоза. Давно замѣчено соперничество двухъ талантовъ: Мейера и Шоберлехнера. Оба сочинители, оба исполнители своихъ сочиненій; можетъ быть они и не думаютъ отличаться одинъ на счетъ другаго, но публика судитъ по-своему. Сравнить ихъ нетрудно: Г. Шоберлехнеръ, какъ кажется, глубже обнимаетъ свой предметъ; судя по его усиліямъ, можно предположить, что онъ хочетъ упрочить свое имя. Г-нъ Мейеръ напротивъ: онъ ловитъ настоящее время, не заботясь о будущемъ. Но Г. Шоберлехнеръ до сихъ поръ не достигаетъ своей цѣли, во 1-хъ потому, что она трудпѣе; во 2-хъ потому, что онъ и самъ, какъ кажется, еще не извѣдалъ своихъ силъ и не знаетъ, чего хочетъ. Онъ стоитъ между гармоніею и мелодіею; ни то ни сё — вотъ его девизъ. Всѣ сочиненія его не удовлетворяютъ вполнѣ ни публики, ни знатоковъ. Для первой онъ теменъ, для вторыхъ онъ посредственъ. Г. Шоберлехнеръ приноситъ жертвы двумъ кумирамъ, и ни одинъ изъ нихъ не исполняетъ его желаній. Онъ гонится за двумя зайцами, и можетъ быть, ни одного не поймаетъ. Г-нъ Мейеръ избралъ путь рѣшительный: онъ посвятилъ себя концертной музыкѣ, и достигъ своей цѣли. Его сочиненія игривы, легкомысленны и блестящи: это эфемеры, они состарѣются вмѣстѣ съ нимъ, а можетъ быть еще и прежде, но ни одинъ изъ нихъ не промелькнетъ даромъ, не возбудивъ минутнаго рукоплесканія. Г-нъ Шоберлехнеръ часто любитъ щеголять насильственною модуляціею; къ чему это? Творенія Бетховена, Шпора, Вебера и Онслова уже давно разкрыли всѣ тайны модуляціи; теперь нѣтъ ничего легче, какъ выискать какой нибудь странный переходъ и вставить его, какъ яркую заплату на изношенномъ платьѣ. Своевольство модуляціи должно выкупаться удачнымъ примѣненіемъ, или счастливымъ своенравіемъ мыслей. Все то хорошо, что создано въ минуту вдохновенія; въ сердцѣ источникъ изящнаго, и холодный разсчетъ ума не замѣнитъ чувства. Сказавъ наше мнѣніе о сихъ двухъ Артистахъ, мы не будемъ подробно распространяться о ихъ концертахъ, ибо достоинства и недостатки ихъ игры давно уже извѣстны всѣмъ и каждому.

Въ концертѣ Г. Бендера мы слышали въ первый разъ его сына, который игралъ концертъ Бернарда Ром-

берга. Сей молодой Артистъ много обѣщаетъ; въ его игрѣ есть живость, тонъ силенъ и гама довольно вѣрна. Онъ избралъ концертъ не по своимъ лѣтамъ; но видна птица по полету, а молодой орленокъ лучше взрослаго во́рона. Г-жа Бендеръ также дебютировала въ первый разъ: грѣшно судить строго молодую дѣвицу, которая впервые выступила на роковое возвышеніе, на коемъ и опытные Артисты не всегда сохраняютъ присутствіе духа; а потому, не входя въ подробный разборъ, скажемъ, что она пѣла по секрету и улыбалась, какъ Зонтагъ. Въ концертѣ Г. Бема было все по прежнему; говоря о семъ Артистѣ, скучно повторять одно и тоже: «онъ игралъ чисто, онъ игралъ сильно, онъ игралъ прекрасно; метода самая очищенная,» и проч. и проч. А потому намъ остается только поблагодарить его отъ лица всѣхъ любителей музыки за выборъ увертюры . . . Фра-Діаволо!... это было неожиданно. Цѣлый годъ ждешь концертовъ Г. Бема и другихъ ему равныхъ Артистовъ (ихъ очень немного), надѣешься слышать Эгмонта, Фиделіо, Коріолана, и вмѣсто ихъ видишь на афишѣ *Фра-Діаволо*, и глазамъ своимъ не вѣришь!... Мы однако же увѣрены, что Г-нъ Бемъ на слѣдующій годъ вознаградитъ насъ за сію потерю; а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Г-жа Зибертъ въ семъ концертѣ пѣла варіаціи Роде; но по нимъ нельзя судить о сей пѣвицѣ: она исполнила ихъ не безъ погрѣшностей, но довольно хорошо. Хроматическую гаму дѣлаетъ она неправильно, не размѣряя полу-тоновъ. Въ ея методѣ можно много кой-чего замѣтить: иногда она немножко выкрикиваетъ, но совсѣмъ тѣмъ сія пѣвица одарена большимъ талантомъ. Не сравнивая ее съ Г-жею Шоберлехнеръ, которая и во всей Европѣ немного имѣетъ соперницъ, мы должны искренне сказать, что всѣ другія наши пѣвицы отстоятъ слишкомъ далеко отъ Г-жи Зибертъ, чтобъ ихъ можно было сравнивать съ нею. Арію Моцарта (изъ Донъ-Жуана) она пропѣла прекрасно. Голосъ ея силенъ и обширенъ (она беретъ *ми*), рулады быстры и вѣрны. Къ слову пришлось сказать: не помню въ чьемъ-то концертѣ (кажется у Бендера) выходилъ на сцену Г-нъ Марколини и превзошелъ самого себя. Сей Артистъ поетъ часъ отъ часу фальшивѣе и фальшивѣе; тщетно Буржуа-Скироли, Ромела и Николини силятся оспорить унего пальму дешонаціи: онъ какъ исполинъ шагнетъ въ область хаоса и оставитъ ихъ далеко за собою. Нельзя ли какъ нибудь составить хора изъ всѣхъ господъ Марколини? Они бы соединили всѣ противоположные звуки, изобрѣли бы всѣ дисонансы, еще доныне таящіеся въ гамѣ человѣческаго голоса.

Г-нъ Кипріанъ Ромбергъ сталъ играть хуже: тонъ его ослабѣлъ, а безпрестанные флажолеты и понтичелло доказываютъ, что онъ рано вышелъ изъ-подъ надзора учителя. Въ его *кантабиле* много пріятности. Жаль, что онъ пустился въ авторство, къ которому несроденъ. Въ концертѣ его безпрестанно встрѣчались пассажи очень трудные, но совершенно несвойственные инструменту. Иногда онъ дѣлалъ ихъ довольно удачно, но самымъ страннымъ тономъ; казалось, віолончель его простудился и охрипъ. Мнѣніе наше слишкомъ строго; но какъ же иначе говорить о юномъ талантѣ, который началъ пятиться назадъ и фальшивить съ улыбкой самонадѣянности? Сію улыбку перенялъ онъ у знаменитаго своего дяди Бернарда Ромберга; но тонъ оправдываетъ ее геніальными красотами. Еще одно замѣчаніе: Г-нъ Кипріанъ Ромбергъ, между прочими выходками, дѣлалъ слѣдующую: онъ въ хроматической гамѣ съ неимовѣрною бѣглостью разъѣзжалъ однимъ пальцемъ по струнѣ и дивилъ того, кто полагалъ въ этомъ всю премудрость. Но дабы убѣдиться въ непріятности сей гамы, стóитъ только наступить на хвостъ кошкѣ. Не то должны мы сказать о скрипачѣ Г-жи Давидѣ, ученикѣ знаменитаго Шпора. Сей молодой Артистъ одаренъ большимъ талантомъ. Онъ не вполнѣ удовлетворилъ насъ въ Шпоровомъ а-минорномъ концертѣ, ибо намъ еще памятна геніальная игра одного любителя музыки; но свои варіаціи игралъ превосходно: здѣсь показалъ онъ и живость, и разнообразіе смычковъ. Жаль только, что тонъ его не силенъ.

Г-жа Эллена въ своемъ концертѣ играла очень мило; но по всему замѣтно, что она заботилась болѣе о своемъ нарядѣ, нежели о концертѣ. А кто виноватъ? Г-нъ Издатель le Furet; онъ первый, какъ истинный Французъ, умѣлъ польстить женскому самолюбію, нимало впрочемъ не нарушая истины. Въ семъ концертѣ слышали мы увертюру одного любителя и смѣло ручаемся, что подобной увертюры ни одинъ еще Артистъ не написалъ; мы однако же совѣтуемъ почтенному Автору не увлекаться блестящимъ успѣхомъ, и писать какъ можно менѣе, даже совсѣмъ не писать: иначе геній его скоро выпишется. Г-жа Надежда Далокка, меньшая изъ сестеръ Г-жи Шоберлехнеръ, пѣла арію изъ Семирамиды; можно тотчасъ замѣтить, что тотъ же самый учитель, который образовалъ геніальный талантъ старшей сестры, заботится и о младшей. Но всякому кораблю свое плаванье. Г-жа Надежда Далокка не безъ дарованія; голосъ ея довольно обширенъ, рулады правильны и ясны. Однимъ словомъ, то время уже недалеко, когда Г-жа Надежда Далокка предстанетъ намъ хорошею пѣвицею, если только надежда насъ не обманетъ. Должно однако жь искренне сказать, что *Соловья* пропѣла она не по соловьиному: казалось, мы слышали скромную *зябличу*: она пѣла немножко *холодно*; но въ ея лѣта трудно и пѣть иначе.

1831 годъ былъ изобиленъ молодыми пѣвицами, и *Соловью* отъ нихъ часто доставалось. Г-жа Лебедева также принадлежитъ къ числу тѣхъ юныхъ талантовъ,

опъ коихъ мы ожидаемъ въ грядущемъ. Ужели, говоря языкомъ Мизантропа (переводъ Г. Кокошкина):

Тотъ вѣчно безнадеженъ,
Надеждой кто живетъ?

Голосъ Г-жи Лебедевой чистъ и звученъ, «и верхнія выводитъ ноткн», и выводитъ ихъ очень легко и довольно вѣрно. Поетъ она всегда въ полголоса, а сія метода добра не обѣщаетъ; должно ее перемѣнить. Рулады сбивчивы и неясны. Всѣмъ симъ юнымъ пѣвицамъ должно совѣтовать учиться и учиться. Иначе онѣ не достигнутъ прочной, заслуженной славы. Не должно довѣрять рукоплесканію публики: она часто апплодируетъ для движенья. Кому не кричали браво? кого не вызывали?... укажите мнѣ хотя одного Артиста? Все сказанное не относится исключительно къ Г-жамъ Лебедевой и Биркиной; но могутъ онѣ, если разсудятъ, извлечь и для себя пользу. Самые знаменитые Артисты часто заимствуютъ у другихъ, и безпрестанно усовершенствуются. Слѣдственно юнымъ дарованіямъ не грѣшно прислушиваться къ мнѣнію безпристрастному, можетъ быть нѣсколько оскорбительному для ихъ самолюбія, но за то полезному для развитія ихъ способностей. Пусть вспомнятъ онѣ, что и сама знаменитая Зонтагъ не въ давнемъ времени играла второкласныя роли въ операхъ; что Г-жа Шоберлехнеръ не вдругъ возвысила себя, и постепенно, можно сказать, при насъ пріобрѣтала болѣе и болѣе достоинствъ, а наконецъ стала на ряду съ первокласными талантами. Пожалѣемъ о томъ, что въ семъ году, по причинѣ болѣзни, наша Примадона не украшала концертовъ и попеняемъ той же неумолимой судьбѣ, которая, не щадя даже и высокаго таланта, удаляетъ его съ блестящаго поприща, къ общей досадѣ всѣхъ любителей Изящнаго.

Г-нъ Сусманъ далъ концертъ прежде поста, и участвовалъ во многихъ чужихъ концертахъ: это Виртуозъ, во всемъ смыслѣ сего слова. Сильный тонъ, прекрасная метода, мастерская отдѣлка, все соединено въ немъ. У насъ ему нѣтъ соперниковъ. Г. Вагенгеймъ имѣетъ пріятный *альбушоръ*, вкусъ въ игрѣ образованный; тонъ его не силенъ, но чистъ, и рулады ясны, хотя не очень живы. Г-нъ Гильу долженъ также уступить первенство Г-ну Сусману. Въ музыкальныхъ вечерахъ Г-на Гильу участвовали лучшіе Артисты и онъ самъ былъ не лишнимъ: въ игрѣ Г-на Гильу много бѣглости, но мало чистоты; стоккато быстро и ровно, но за то мѣлко. Тонъ слабъ, говорятъ, будто бы онъ того, что онъ потерялъ свою флейту; потеря конечно весьма важная для Артиста, но совсѣмъ тѣмъ мы будемъ безусловно хвалить его только тогда, когда онъ найдетъ потерянную флейту, или привыкнетъ къ новой. Г-нъ Издатель le Furet, желающій добра всѣмъ не безталантнымъ Артистамъ, поддерживалъ въ кругу своихъ читателей печатными комплиментами и своего соотечественника. Между нами будь сказано: наши дилетанты, занятые важнѣйшими дѣлами, не имѣютъ времени изучать музыки, а потому и судятъ о ней не всегда основательно. Конечно, нѣтъ правилъ безъ изключенія; но сіи изключенія столь рѣдки, что не стóитъ труда упоминать о нихъ.

Концертъ Г. Ремерса былъ одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ. Сей молодой Артистъ идетъ далѣе и далѣе; тонъ его скрипки сталъ мужественъ, смычекъ разнообразенъ и оборотливъ. Остается ему позаботиться о послѣднемъ усовершенствованіи вкуса, и тогда онъ будетъ Виртуозомъ, какихъ вездѣ немного. Въ пѣньѣ онъ иногда любитъ скользить по струнамъ и прыгать на верхніе флажолеты: вотъ его единственные недостатки; мы откровенно высказали ихъ, ибо желаемъ ему добра; да и сіи погрѣшности такъ малозначащи, и выкупаются такими красотами, что не стоило бы труда упоминать о нихъ; но должно замѣтить хоть что нибудь, дабы насъ не упрекнули въ пристрастіи, котораго мы совершенно чужды. Г-жа Жебелева заслужила громкія рукоплесканія публики и похвалу всѣхъ понимающихъ музыку. Всѣмъ извѣстно, какъ труденъ си-минорный концертъ Гуммеля; первые изъ нашихъ Артистовъ обѣгаютъ его, и гордятся, когда имъ удается его хорошо выполнить. Немногія изъ нашихъ дамъ-виртуозокъ сыграютъ сей концертъ съ такимъ искуствомъ, какъ Г-жа Жебелева. Симфонія Кернера есть плодъ созрѣлаго дарованія; это феноменъ въ *нашей* музыкѣ.

Приступая къ Ораторіи Г-на Фукса, мы должны предупредить, что о такихъ произведеніяхъ нельзя судить, руководствуясь однимъ впечатлѣніемъ, и не имѣя въ рукахъ партитуры. А потому все сказанное нами должно почесться не систематическимъ разборомъ, а краткими замѣчаніями, наблюденіями мгновенными. Ода *Богъ* извѣстна всѣмъ; она барельефъ Христіанской религіи, и была создана въ тѣ счастливыя мгновенія, когда Геній до могилы прозрѣваетъ замогильное бытіе, и сорвавъ тѣлесныя узы, изображаетъ изумленному міру величіе человѣческой души, намекая о недоступномъ величіи Бога. Спорить съ такимъ исполиномъ трудно; должно быть Гайденомъ или Моцартомъ. Не смотря на неравную борьбу, Г. Фуксъ доказалъ, что онъ не просто ученый гармонистъ, но человѣкъ, одаренный душою, способною къ изящному. Первый хоръ счастливо напомнилъ намъ Рускую церковную музыку, а слѣдственно и незабвеннаго Бортнянскаго. Начало интродукціи оригинально и хорошо; но вся она вообще разтянута, и выходки духовыхъ инструментовъ, сіе мѣлочное разнообразіе новѣйшей оркестровки, не родятся съ величіемъ и простотою церковной гармоніи. Финалъ перваго отдѣленія очень хорошъ, но былъ бы еще лучше, если бъ въ срединѣ не прерывался тихою гармоніей, послѣ адажіо — аллегро

какъ началось, такъ и кончилось, постепенно усиливаясь и приходя въ большее и большее движеніе, до самаго послѣдняго стиха:

Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.

Тогда бы мысль Державина была передана вѣрнѣе. Во второй части также много хорошаго; прекрасно выражено:

Я Царь, — я рабъ, — я червь, — я Богъ!

Арія, пропѣтая Г. Евсеевымъ, хороша, но немножко растянута, что мы замѣтили, не смотря на искуство и прекрасный голосъ исполнителя. Недостатки сей Ораторіи произтекаютъ изъ самаго предмета. Въ цѣлой Одѣ только три строчки носятъ на себѣ отпечатокъ трехъ разныхъ характеровъ:

1) О Ты, пространствомъ безконечный. —
2) Но огненны сіи лампады. —
и 3) И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Здѣсь въ Рускій текстъ вкралась самая грубая ошибка:

И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ *обятіе* Твое.

Могъ ли Державинъ, столь живо постигшій величіе Бога, позволить себѣ столь короткое съ Нимъ обращеніе? Великій человѣкъ возвышаетъ себя, унижаясь предъ Творцемъ.

Еще замѣчателенъ прекрасный хоръ во 2-й части:

Ты есь! природы чинъ вѣщаетъ.

Остальныя строфы служатъ отголоскомъ первыхъ: вездѣ метафизика; могъ ли Г. Фуксъ избѣжать однообразія? По примѣру Гайдена и Керубини, онъ хотѣлъ оживить свою Ораторію тѣмъ, что подраздѣлилъ строфы на хоры, аріи, дуэты и квартеты; но сіе средства недостаточны; разнообразіе должно состоять въ самомъ характерѣ гармоніи. Хаосъ и Свѣтъ, величіе природы, возвышенность религіозныхъ гимновъ и наконецъ невинность и нѣжность любви Адама и Евы: вотъ запасъ, отнуда Гайденъ почерпалъ свое вдохновеніе. Г-нъ Фуксъ долженъ былъ слѣдовать за Державинымъ и его мгновенный, лирическій восторгъ переложить въ длинную Ораторію. Онъ сдѣлалъ это съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели мы ожидали; но все не удовлетворилъ вполнѣ, и Ода Державина заключаетъ въ себѣ болѣе лирической гармоніи, нежели оратоpія Г-на Фукса. Странно, что Г. Фуксъ не хотѣлъ выдержать ни одной фуги; всѣ онѣ начинались и мгновенно изчезали, или превращались въ своевольную *имитацію*. Въ церковной музыкѣ фуги необходимы, ибо онѣ придаютъ характеру сей гармоніи много величія и силы, скрывая однообразіе столповаго пѣнія. Въ фугѣ есть какое-то торжественное единодушіе; всѣ голоса стремятся къ одной цѣли и соединяются между собою братскою любовію. Вездѣ слышно равенство, все движется къ одной цѣли, въ которой сосредоточиваются всѣ силы разнообразныхъ частей, подобно безчисленнымъ рѣкамъ, образующимъ Океанъ. Нельзя сомнѣваться въ учености Г. Фукса, ибо она доказана сею самой Ораторіей; а потому намъ остается только упрекнуть его въ томъ, что онъ самъ отринулъ столь богатую жатву. Оркестровка его вездѣ отличалась ясностію и полнотою; что должно почесть слѣдствіемъ постоянныхъ наблюденій надъ твореніями великихъ геніевъ. Теорія послужила ему вмѣсто практики. Въ заключеніе, намъ остается поблагодарить его за совершенный имъ подвигъ во славу Руской музыки; между тѣмъ какъ наши молодые геніи создаютъ вальсы, романсы и водевили, трудолюбивый талантъ долго скрывался отъ Публики и вдругъ предсталъ предъ нею съ произведеніемъ, достойнымъ вниманія мыслящаго любителя гармоніи.

Въ ораторіи участвовали: Г-жи Биркина и Цейбихъ, Г-да Евсеевъ и Ефремовъ. Г-жа Биркина въ первый разъ пѣла церковную музыку; она имѣетъ хорошую методу и пріятный голосъ. Остается ей образовать себя; главный недостатокъ ея пѣнія состоитъ въ томъ, что она въ длинныхъ звукахъ понижаетъ голосъ, и вообще довольно часто поетъ на четверть тона ниже оркестра. Если она постарается отстать отъ сей вредной привычки, то безъ сомнѣнія будетъ хорошею пѣвицею, ибо нельзя сомнѣваться въ ея талантѣ, который она неоднократно доказала намъ во *Фрейшицѣ*. Г-жа Цейбихъ пѣла довольно аккуратно, но ни одной искорки Промееева огня незамѣтно въ сей Артисткѣ, и судя по ея пѣнію, можно сказать, что она дошла уже до своего nec plus ultra; болѣе ожидать нечего. Г. Ефремовъ пѣлъ довольно вѣрно, но что за пріемы! Онъ какъ бы нарочно заставляетъ дрожать каждый звукъ и безъ постепеннаго выраженія, выкрикиваетъ некстати. Должно однако жь сознаться, что мы слишкомъ строго судимъ своихъ Артистовъ; конечно Г. Ефремовъ, не учившись методически, поетъ какъ можетъ, но все онъ поетъ лучше какого нибудь Марколини. Г-нъ Евсеевъ былъ превосходенъ; вѣрность, сила, пріятность и прекрасная метода для церковной музыки. Мы увѣрены, что и самъ Авторъ былъ доволенъ симъ пѣвцемъ.

Концертъ Г-на Шоберлехнера былъ весьма любопытенъ по прекрасной игрѣ сего Артиста и по выбору увертюръ. Въ новомъ своемъ концертѣ, знаменитый Гуммель доказалъ, что такой Сочинитель, какъ онъ, и не въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ опережаетъ другихъ. Варіаціи Г. Шоберлехнера написаны прекрасно. Если бы сей Артистъ всегда писалъ съ такою свѣжестію идей, то безъ сомнѣнія заслужилъ бы почетное мѣсто въ кругу композиторовъ. Увертюра Эгмонта прошла порядочно, но Эвріанта совсѣмъ сгубила

скрипачей, и мы позволимъ себѣ тактическую шутку надъ неудачнымъ ея исполненіемъ.

Сначала оркестръ занялъ весьма выгодную позицію на возвышенномъ мѣстѣ. Лѣвое крыло его прикасалось почти къ дверямъ, правое подошло къ балюстраду, а резервный корпусъ разположился за столбами. Послѣ легкой перестройки, завязалась жестокая стычка между скрипачами, альтами и духовою конницею: кларнетомъ, гобоемъ и фаготомъ. Сіи послѣдніе были подъ прикрытіемъ адской баттареи трубъ и барабановъ, а потому рѣшительнымъ напискомъ сбили дивизію скрипокъ, обезоружили альтовъ, нѣкоторыхъ загнали въ болото модуляціи, и поколебали центральную линію контрабасовъ и віолончелей; скрипачъ Г-нъ Рупкевичь въ семъ дѣлѣ былъ совершенно отрѣзанъ и взятъ въ плѣнъ послѣ двухъ или трехъ неудачныхъ выстрѣловъ. За симъ вопослѣдовало совершенное пораженіе: бѣгство и разстройство скрипачей было всеобщее; субординація изчезла и цѣлыя колонны фальшивыхъ руладъ зашесались не на свои мѣста. Мы не можемъ опредѣлить, сколько аккордовъ погибло на мѣстѣ; но судя по упорности битвы, должно заключить, что число ихъ весьма значительно. Барабанъ разпоряжался ловко и съ безпримѣрнымъ мужествомъ; безъ него духовая артиллерія не могла бы столь жестоко дѣйствовать, а нѣкоторыя изъ орудій были бы навсегда заколочены.

Эгмонта и Эвріанту нельзя играть послѣ одной небрежной репетиціи; должно было повторить раза два поупру; тогда, *можетъ быть*, они пошли бы лучше.

О нѣкоторыхъ концертахъ мы умолчали; ибо намъ не удалось ихъ слышать.

Трилунный.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ФРАНЦУЗСКІЕ АЛЬМАНАХИ.

Le Keepsake français, ou souvenir de littérature contemporaine. Orné de dix-huit gravures anglaises. 1831. Deuxième année (*Французскій Кипсекъ*, или памятная книжка современной Литературы. Съ 18-ю Англійскими гравюрами, 1831. Вторый годъ). — Парижъ, въ типогр. Фирмена Дидо. Продается у издателей Жиральдона-Бовинé и комп. (302 стран. въ 8-ю д. л.)

Annales romantiques. Recueil de morceaux choisis de littérature contemporaine). *Лѣтописи романтическія.* Собраніе лучшихъ сочиненій изъ современной Литературы). — Парижъ, въ типогр. Юлія Дидо старшаго, 1831. Продается у Л. Жанé (368 стр. въ 16-ю д. л. съ 8-ю картинками, гравирован. въ Англіи.)

Оба сіи Альманаха прельщаютъ глаза наружными своими приманками, т. е. красотою изданія, которое можно назвать роскошью типографическаго искуства: форматъ, бумага, шрифтъ — совершенство въ своемъ родѣ. О картинкахъ, приложенныхъ къ симъ книжкамъ, поговоримъ мы послѣ; теперь же займемся литературнымъ достоинствомъ этихъ красивыхъ эфемеровъ.

Заглавіе перваго изъ нихъ останавливаетъ наблюдателя. Давно ли Французскіе Литераторы такъ строго охраняли чистоту и неприкосновенность своего языка, что ссорились съ Публицистами за введеніе Англійскихъ словъ bill и budget? Теперь *Эклектизмъ* до того усилился у Французовъ, что они своимъ сборникамъ начали давать даже заглавія Англійскія. Что скажутъ почтенные Жуи и д'Эньянъ? — Что скажутъ? думаю, промолчатъ: ибо *романтическая порча* прокралась даже въ сорокочленное святилище Французскаго языка. Ламартинъ уже составляетъ собою единицу въ ономъ святилищѣ, l'un des quarante de l'Académie française; того и жди, что Романтики вытѣснятъ оттуда старыхъ Классиковъ. Le Keepsake français! въ самомъ дѣлѣ странно. Послѣ этого мы не увидимся, если у насъ явится *Кипсекъ Рускій*: по извѣстной нашей страсти подражать Французамъ, это будетъ въ порядкѣ вещей.

Самая книжка, форматомъ и вообще наружностью, есть, такъ сказать, снимокъ съ Англійской. Имена *нынѣшнихъ созвѣздій* Французской Литературы украшаютъ списокъ Авторовъ, помѣстившихъ въ ней свои произведенія. Шатобріанъ, Казиміръ Делавинь, Ламартинъ, Карлъ Нодье, Гюго (Викторъ и Абель), Альфредъ де Виньи, Стендгалль (*), Беранжé, Сентъ-Бёкъ (**), Эмиль Дешанъ, Жаненъ (Авторъ *Мертваго Осла* и *Исповѣди*), Полоніусъ (***) и Г-жи Тастю и Дебордъ-Вальморъ дали въ этотъ сборникъ болѣе или менѣе богатые вклады, кто стихами, кто прозой. Впрочемъ и знаменитые покойники здѣсь нашли себѣ мѣсто. Помѣщенныя въ семъ No Литературной Газеты статьи Принца Делиня заимствованы нами изъ этого Альманаха, въ которомъ также напечатаны неизданныя досель письма Г-жъ Сталь и Констенъ и одно стихотвореніе Маріи-Жозефа Шенье (подражаніе Греевой элегіи), не вошедшее въ полное собраніе сочиненій его. Еще одна

(*) Остроумный Французскій Писатель, Бель (Beyle), скрывающій подлинное свое имя подъ вымышленныхъ: Stendhall.

(**) Настоящій Авторъ стихотвореній, выпущенныхъ въ свѣтъ подъ именемъ Жозефа Делорма, его двойника.

(***) Нынѣ уже на тайна, что подъ симъ названіемъ (Jean Polonius) печатаетъ свои поэтическія мечты одинъ молодой и любезный нашъ соотечественникъ

странность, показывающая нынѣшній духъ нравственной терпимости Французовъ, но по нашему мнѣнію, нарушающая приличіе. Въ сборникѣ семъ помѣщено подражаніе одной Гораціевой одѣ (Vile potabis modicis Sabinum) покойнаго Короля Людовика XVIII, а чрезъ нѣсколько страницъ (кто бы этого ожидалъ?) мадригалъ, сочиненный Робеспьеромъ! Альманахъ посвященъ нынѣшней Королевѣ Французской; въ немъ напечатаны стихи дяди ея, незабвеннаго примирителя Франціи, — и здѣсь же является имя и произведеніе человѣка, наводящаго ужасъ и отвращеніе однимъ воспоминаніемъ о себѣ.

Если судить объ этомъ сборникѣ не по однимъ именамъ, а по достоинству самыхъ произведеній, то сказанное нѣкоторыми доброжелательными Журналистами о Рускихъ Альманахахъ, «будто бы Поэты даютъ въ «нихъ, что попало, дабы отвязаться отъ докукъ изда«теля,» справедливѣе можетъ быть примѣнено къ этому Альманаху Французскому. Извѣстныхъ, прославленныхъ именъ въ немъ очень много, да и прочія, какъ говорится въ свѣтѣ, *на хорошемъ счету*; а начнешь читать и увидишь, что всего на все въ немъ двѣ-три замѣчательныя статьи въ прозѣ, и рѣшительно ни одного стихотворенія, которое остановило бы читателя и удержалось въ его памяти. То же можно сказать, почти безъ изключенія, о всѣхъ прочихъ Альманахахъ Французскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ. За что же такое космополитическое снизхожденіе нашихъ Журналистовъ къ сборникамъ чужеземнымъ, и такой строгій *остракизмъ* въ отношеніи къ Рускимъ?

Другой, находящійся теперь у насъ передъ глазами Французскій Альманахъ: Annales romantiques, еще менѣе богатъ новыми статьями. Правда, и здѣсь встрѣчаются имена Шатобріана, Нодье, Ламартина, Гюго [Виктора и Евгенія], Полоніуса, Александра Суме, Ансело, Бауръ-Лорміана, Жозефа Делорма, Г-жъ Сталь, Дельфины Ге, Дебордъ-Вальморъ и пр.; но произведенія ихъ по большей части только перепечатаны вновь изъ прежнихъ Альманаховъ, или заимствованы изъ печатныхъ книгъ. Впрочемъ прекрасная сцена изъ *Моисея* [драмы Шатобріана], сколько помнимъ, является здѣсь впервые. Альманахъ сей заключаетъ въ себѣ и нѣсколько переводовъ (изъ Шекспира, Гёте, Бюргера и Люкреціи Давидсонъ). Остальное (особливо стихи, которыхъ здѣсь очень много) можетъ быть прочитано однажды, и послѣ забыто, безъ всякой потери для ума и памяти.

Картинки въ обоихъ сихъ Альманахахъ, какъ мы выше упомянули, гравированы Англійскими Художниками. Всѣ онѣ очень хороши, а нѣкоторые отдѣланы весьма отчетливо. Таковы въ Keepsak français: *Миссъ Крокеръ*, съ портрета, писаннаго славнымъ Англійскимъ живописцемъ Т. Лауренсомъ, и *Донъ-Кихотъ*, съ рисунка Англійскаго же Художника Бонингтона, жившаго во Франціи и недавно умершаго въ своей отчизнѣ. Въ Annales romantiques замѣчательно: *Пиршество Эсвири*, по мѣлкости фигуръ и окончательной отдѣлкѣ. Главное достоинство всѣхъ вообще гравюръ въ обоихъ Альманахахъ: весьма хорошо соблюденный эффектъ, которому впрочемъ Художники иногда жертвовали другими совершенствами; такъ напр. тоны въ нѣкоторыхъ картинкахъ до того усилены, что штрихи сливаются и гравировка кажется *протравною* (manière noire).

РУСКІЯ КНИГИ.

Дорошенко. — М. въ типогр. С. Селивановскаго, 1831 (42 стр. въ 12-ю д. л.)

Герой сей поэмы живетъ и донынѣ въ воспоминаніяхъ Малороссіянъ, вмѣстѣ съ именами Сагайдачнаго, Желѣзняка и т. п. Преданія и пѣсни Козака Полтавскаго или Черниговскаго сохраняютъ имя Дорошенка отъ забвенія:

«По переду иде Дорошенко;
Веде свое войско,
Веде Запорозьске
Хорошéнько.»

По заглавію поэмы могли мы ожидать, что подвиги удалаго Дорошенка, столь живо описанные Архіепископомъ Конисскимъ, внушатъ Поэту сего Заднѣпровскаго Гетмана пѣсни, достойныя своего предмета; но вмѣсто того видимъ какой-то слабый сколокъ героевъ позднѣйшихъ, героевъ Байроновскихъ. Авторъ могъ дать любое имя дѣйствующему лицу, имъ выведенному, не трогая могилы Дорошенка, могилы, которую Поэтъ вздумалъ отыскивать въ Крыму, тогда какъ Дорошенко умеръ въ Великороссіи.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 10-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМЪ III, № 22. АПРѢЛЯ 16го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу), — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ) и 26-го (въ Воскресенье).

ПИСЬМО ПУТЕШЕСТВЕННИКА,

ПИСАННОЕ ИЗЪ КАЛЬКУТТЫ КЪ ОДНОМУ ЕГО РОДСТВЕННИКУ.

Калькутта, 4 Іюня 1830.

Наконецъ, 28 Маія, стали мы у рубежа четырехмѣсячнаго, весьма счастливаго странствованія. Не стану тебѣ говорить о величіи зрѣлища, которое представляетъ Океанъ. Ограничусь нѣсколькими уже извѣстными сравненіями, что Океанъ такъ прекрасенъ, какъ небо и вмѣстѣ такъ ужасенъ, какъ адъ; что на морѣ есть величайшія наслажденія и жесточайшія непріятности. По сему-то я нашелъ между моряками либо энтузіастовъ къ своему ремеслу, либо такихъ, которые презираютъ его въ душѣ своей.

31-го Маія вступилъ я въ Гангъ на пароходѣ, думая о тебѣ, о всѣхъ своихъ знакомыхъ и о разности нашего положенія: неразъ приходило мнѣ на умъ, что именно въ эту минуту прогуливаешься ты по берегамъ родной рѣки, жертвуя мнѣ иногда нѣсколькими воспоминаніями. Рѣка Индійская, при первомъ взглядѣ, не привлекательна: оба берега Ганга и Гугли, одной изъ вѣтвей перваго, вмѣстѣ и великолѣпны и дики. Можешь себѣ представить удивленіе человѣка, перенесеннаго, послѣ четырехмѣсячнаго морскаго путешествія, въ звѣно избытка прозябеній, превосходящихъ всякое воображеніе; вступающаго, такъ сказать, въ оранжерею, наполненную деревьями пальмовыми, кокосовыми и тысячью другихъ деревъ, кустарниковъ и растеній, коихъ очерки величественные и благородные, и вмѣстѣ чудесные и легкіе, казалось, вводили меня въ владѣнія *Шехеразады* или въ сады *Армиды*. Чѣмъ выше поднимались мы по рѣкѣ, тѣмъ болѣе предметовъ разнообразнѣйшихъ и живѣйшихъ насъ поражало: мы встрѣтили множество Индійскихъ лодокъ, управляемыхъ людьми почти нагими, почти черными и почти дикими, коихъ живость, клики и веселость совершенно разнятся отъ Европейскихъ. Жилища изъ тростника, разставленныя подъ тѣнію величественныхъ, исполинскихъ деревъ, являли намъ видъ сихъ окрестностей весьма живописнымъ и оригинальнымъ.

Наконецъ за нѣсколько миль отъ Калькутты (отстоящей на 1,000 Англійскихъ миль отъ моря) край этотъ всё дѣлается величественнѣе и красотою своею превосходитъ окрестности всѣхъ столицъ, которыя мнѣ удалось видѣть. Представь себѣ множество сельскихъ домовъ, окруженныхъ всѣми богатствами природы и устроенныхъ въ родѣ Англійскихъ: посему не удивляйся, если я принялъ ихъ за зрѣлище волшебное.

Немного далѣе, проѣзжаешь мимо знаменитой крѣпости Вилліамъ и входишь въ городъ Дворцовъ. Нѣтъ ничего удивительнѣе, оригинальнѣе и вмѣстѣ чуднѣе Калькутты съ перваго взгляда. Не умѣешь придумать, въ Азіи ли она находится, или въ Европѣ? великолѣпные дворцы и жалкія хижины, кареты Англійскія съ кучерами Индѣйцами въ восточныхъ одеждахъ; Мусульманинъ въ колпакѣ, Европеецъ, отдыхающій на пожахъ, множество молодыхъ людей на прекрасныхъ Англійскихъ лошадяхъ, и значительное число полу-нагаго народа, снуется по улицамъ. Чувствуешь себя измученнымъ отъ такого множества зрѣлищъ новыхъ и необыкновенныхъ, равно какъ и отъ чудной живости Индѣйцевъ, которые въ этомъ отношеніи походятъ на нашихъ Жидовъ, и не давая ни на минуту остановиться, схватываютъ путешественника на свои носилки и поспѣшно переносятъ въ желаемый трактиръ. Такимъ образомъ и я совершилъ мой въѣздъ въ этотъ необыкновенный городъ и очутился въ трактирѣ *Waterloo-Street*, гдѣ человѣкъ, изнуренный путешествіемъ, можетъ съ избыткомъ удовлетворить всѣ свои потребности.

Жары здѣсь нестерпимые; но жилья довольно высокія и комнаты, гдѣ ѣдятъ и проводятъ время, отъ потолка завѣшены широкими холстами, которые, будучи приводимы въ движеніе съ помощью веревокъ, производятъ искуственный вѣтеръ и освѣжаютъ воздухъ.

Курпка и исподнее платье изъ легкой, бѣлой матеріи служатъ здѣшнимъ жителямъ обыкновенною одеждой. Рѣдко здѣсь ходятъ пѣшкомъ; почти всегда разъѣзжаютъ въ каретахъ, либо верхомъ, либо также веляшъ себя носить. Въ самомъ дѣлѣ трудно здѣсь въ эту пору ступить одинъ шагъ, по причинѣ нестерпимаго солнечнаго зноя. Что касается до меня, то я отдѣлался только крайне обильною испариной; впрочемъ здоровье мое въ одинаковомъ положеніи и не потерпѣло донынѣ отъ слишкомъ крутой перемѣны климата. Вся тайна сохраненія здоровья состоитъ здѣсь въ ограниченномъ употребленіи пищи и питья: въ этомъ надобно здѣсь соблюдать величайшую умѣренность. Совсѣмъ тѣмъ въ Индіи есть множество искушеній, подстрекающихъ страсть къ лакомству; но мнѣ не многаго стóитъ быть господиномъ надъ собою въ этомъ случаѣ, особенно когда вспомню, что дѣлаю сіе единственно для того, чтобы мнѣ еще разъ васъ увидѣть.

Образъ жизни въ Калькуттѣ весьма однообразенъ. Поутру пьютъ чай, въ полдень ѣдятъ легкій завтракъ, называемый *тиффинъ*. Днемъ почти никуда не выходятъ, но всѣ дѣла производятся посредствомъ переписки. Часу въ седьмомъ вечера выѣзжаютъ верхомъ либо въ одноколкѣ на гулянье, обыкновенно на обширную и прекрасную равнину, которая лежитъ за городомъ. На сей равнинѣ съ одной стороны находятся великолѣпные дворцы, а съ другой течетъ Гангъ, покрытый судами различныхъ народовъ Европы, Китая, Аравіи и Индійскаго Архипелага. Крѣпостица *Вилліамъ*, зданіе коей одно изъ прекраснѣйшихъ, владычествуетъ надъ сею равниною, именуемою *Course*. Одну часть занимаетъ Дворецъ Правленія, а другую предмѣстіе, состоящее изъ Индійскихъ домишекъ. Превосходное *шоссé* кругомъ опоясываетъ равнину; и тутъ можно видѣть множество прекрасныхъ экипажей, которые впрочемъ не такъ новомодны, какъ въ Hyde-Park въ Лондонѣ. Зрѣлище это единственное въ своемъ родѣ: тамъ можно найти людей цѣлаго свѣта, въ собственныхъ ихъ нарядахъ; сіе различіе обычаевъ Европейскихъ и Азіятскихъ, вмѣстѣ съ разнозвучностью языковъ, представляетъ собою чрезвычайно занимательный и оригинальный маскарадъ.

Много, много чего еще остается мнѣ видѣть, но чрезвычайные жары не дозволяетъ мнѣ выходить днемъ; впрочемъ все это будетъ предметомъ моего слѣдующаго письма. Сколько продолжится наше здѣсь пребываніе, не знаю: дѣла и въ Азіи, какъ и въ Европѣ, не въ самомъ хорошемъ положеніи; торговля упадаетъ.

Отдыхъ непремѣнное условіе послѣ столь продолжительнаго путешествія; къ тому же и край здѣшній требуетъ надлежащаго изслѣдованія. Но слишкомъ долгій срокъ пребыванія въ сихъ мѣстахъ былъ бы для меня ссылкою. — Поручаю себя твоей памяти и проч.

(Изъ: Tygodnik Petersburski.)

В. Романовичъ.

НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ.

Давно ужъ за полночь. Я лягу отдохнуть!
Пора мнѣ мирнымъ сномъ сомкнуть
Глаза, усталые отъ бдѣнья,
И отъ житейскаго волненья
На время успокоить грудь.
Ложуся спать . . . Какою нѣгой чудной
Все дышетъ здѣсь. Какъ сладко думать мнѣ
Что кончанъ день заботливый и трудный:
Что я могу въ безпечной тишинѣ
Лелѣять до утра веселыя видѣнья,
И вольною мечтой свой новый міръ творить,
И средь роскошнаго творенья
Другою дивной жизнью жить:
Пусть завтра вновь привычныя волненья....
Пусть завтра вновь.., Да кто жъ порукой въ томъ,
Что вспанетъ для меня денница золотая?
Кто скажетъ мнѣ, что засыпая
Не засыпаю вѣчнымъ сномъ?
Быть можетъ, что востокъ туманный
Зажжется въ утренней зарѣ,
А на нѣмомъ моемъ одрѣ
Найдутъ лишь трупъ мой бездыханный...
Подумать страшно. Сонъ лукавъ!
Что, если жизненныя силы
Коварной цѣпію связавъ,
Онъ передастъ ихъ въ плѣнъ могилы?
Что, если чувство бывшія
И страсти бурное волненье
И мыслей гордое паренье
Въ единый мигъ утрачу я?
Я въ морѣ былъ, въ кровавой битвѣ,
На краѣ пропастей и скалъ,
И никогда въ своей молитвѣ
Объ жизни къ Богу не взывалъ.
Но въ тихій часъ успокоенья
Ударъ нежданый получить,
На ложѣ темнаго забвенья
Украденнымъ изъ міра быть,
Противно мнѣ. — Творецъ вселенной,
Услышь мольбы полнощный гласъ!
Когда Тобой опредѣленный
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанья!
Тогда, покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья
Склонюсь предъ волею Святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангелъ разрушитель

Какъ гость, издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольнаго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ.

А. Хомяковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Сочиненія Д. В. Веневитинова. Часть вторая. Проза. — М. въ тип. С. Селивановскаго, 1831 (XVI — 120 стр. въ 8-ю д. л. (*).

Вотъ вторая и послѣдняя часть сочиненій Веневитинова. Кажется, нашъ юный Поэтъ, оставя замогильные предѣлы, еще разъ посѣтилъ свое отечество и на алтарь его Музъ возложилъ достойное приношеніе. Взглянувъ на печальную виньетку, гдѣ гробовая урна увѣнчана павликой и окружена облаками, я вспомнилъ его земную жизнь и дерзнулъ возропщать на Небо, которое слишкомъ рано призвало къ себѣ одно изъ лучшихъ своихъ созданій... Но да будетъ воля Его!

Всѣ знаютъ, какъ душа Веневитинова предвидѣла свой жребій, какъ при жизни еще онъ прощался съ землею; но не всѣмъ онъ былъ знакомъ въ свѣтскомъ, прозаическомъ быту. Я былъ его сослуживцемъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи; въ теченіе трехъ лѣтъ встрѣчался съ нимъ въ однихъ компаніяхъ, но почти не зналъ его; сосредоточенный въ самомъ себѣ, онъ не любилъ тщеславиться своими дарами и до изданія Московскаго Вѣстника, за исключеніемъ его друзей, никто даже и не подозрѣвалъ въ немъ той небесной силы, которая такъ быстро ознаменовала себя въ послѣдствіи.

Поэтъ! и я цвѣтокъ надгробный
На ранній гробъ твой принесу;
Твоей души святой, незлобной,
Я помню тихую красу;
Отъ любопытныхъ наблюденій
Какъ лучъ небесный ускользнулъ
Твой кроткій, твой безстрастный геній.
. . . . . .
Какъ въ ульѣ неповитый рой,
Твои мечты въ тебѣ звучали,
И взоръ небесно-голубой
Сіялъ, какъ ангелъ безъ печали.
Такъ Волга, *добрая* (*) рѣка,
Тиха, свѣтла и глубока.
А я ... я признакомъ безсилья
Твое спокойствіе почелъ!
Но ты въ гнѣздѣ скрывалъ, орелъ,
Неоперившіяся крылья;
Твой мигъ насталъ—ты къ небесамъ —
И я орла увидѣлъ тамъ!....

Поэтическій жребій Веневитинова еще замѣчателенъ однимъ страннымъ явленіемъ: при жизни Поэта, когда каждый почти нумеръ Московскаго Вѣстника одушевлялся его геніемъ, когда каждое стихотвореніе юнаго Писателя наполняло радостью сердца любителей отечественной Литературы — наши Журналы хранили молчаніе и такъ сказать, нахмуря брови, изъ-подлобья посматривали на новый литературный феноменъ. Но едва Веневитиновъ опочилъ смертнымъ сномъ, наши литературные Аристархи осыпали его могилу запоздалыми цвѣтами справедливой похвалы.

. . . . . .
Не такъ ли змѣй живущихъ жалитъ,
А на гранитѣ гробовомъ
Какъ вѣрный другъ лежитъ кольцомъ?

Теперь приступимъ къ сочиненіямъ незабвеннаго юноши. Прочитавъ ихъ, мы находимъ ключъ къ его пророческому предчувствію: нравственная жизнь его опередила физическую; ему нельзя было долго жить, ибо духовная сила перевѣсила въ немъ тѣлесную, и существо его потеряло равновѣсіе. Опытъ сей борьбы онъ ничего не потерялъ; правда, онъ не успѣлъ еще вполнѣ развиться, не успѣлъ воздвигнуть памятника, который былъ бы достоинъ его предназначенія, но онъ мгновенно перечувствовалъ все — и земное безсмертіе промѣнялъ на небесное.

2-я часть сочиненій Веневитинова едва ли еще не любопытнѣе первой. Вѣрность философическаго созерцанія изумительна. *Письмо къ Графинѣ NN о Философіи*, есть плодъ глубокаго изученія Германскихъ мыслителей.

Въ *Бесѣдѣ Платона съ Анаксагоромъ* онъ показалъ начало Изящныхъ Искусствъ и Наукъ. Выпишемъ сіе мѣсто:

Анаксагоръ.

«Древніе наши Поэты посвятили все свое искусство описанію какого-то утраченнаго блаженства, и слова мои не могутъ выразить моего чувства.

Платонъ.

«Не требую отъ тебя картины; но скажи мнѣ, какъ представляешь ты себѣ первобытнаго человѣка въ отношеніи къ самой природѣ?

(*) Продается въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Цѣна экз. на веленев. бумагѣ 6 р.

(*) Думаю, что сіе прилагательное прилично Волгѣ, сему живительному источнику Руской промышлености. Если бы жизнь Веневитинова не пресѣклась въ ранней веснѣ своей, но подобно Волгѣ, пропекла все литературное поприще и потомъ уже слилась съ Океаномъ Вѣчности — сколько бы прекраснѣйшихъ плодовъ принесла она Руской Литературѣ! — *Сост.*

Анаксагоръ.

«Онъ былъ, какъ увѣряютъ, царемъ природы.

Платонъ.

«Царемъ природы можетъ назваться только тотъ, кто покорилъ природу; и слѣдственно, чтобы познать свою силу, человѣкъ принужденъ испытать ее въ противорѣчіяхъ — отсюда расколъ между мыслію и чувствомъ. Представимъ себѣ Фидіаса, пораженнаго идеею Аполлона. Въ душѣ его совершенное спокойствіе, совершенная тишина. Но доволенъ ли онъ этимъ чувствомъ? Если бъ наслажденіе его было полное, для чего бы онъ взялъ рѣзецъ? Если бъ идеалъ его былъ ясенъ, для чего старался бы онъ его выразить? Нѣтъ, Анаксагоръ! эта тишина предвѣстница бури. Но когда вдохновенный Художникъ, побѣдивъ всѣ трудности своего искусства, передалъ мысль свою безчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствіе водворяется въ душу его — онъ позналъ свою силу, и наслаждается въ мірѣ, ему уже знакомомъ.»

Прочитавъ сіи строки, убѣждаешься въ томъ, что не подражаніе физическимъ явленіямъ природы, но борьба конечнаго съ безконечнымъ, была началомъ Изящныхъ Искусствъ; что музыка не должна подражать птичьему пѣнію; что драматическая Муза не должна стѣсняться единствомъ мѣста, ибо ей должно искать правдоподобія въ изображеніи человѣческаго сердца; что театръ есть вселенная въ сокращенномъ видѣ, и что воображеніе человѣческой души быстрѣе ногъ.

Нѣсколько мыслей въ планъ Журнала, также статья весьма замѣчательная. Веневитиновъ справедливо замѣтилъ, что «началомъ и причиной медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи, была та самая быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе Литературы безъ всякаго основанія, безъ всякаго напряженія внутренней силы.«

Вслѣдъ за симъ Веневитиновъ указываетъ на вліяніе Французской поэзіи, на поверхностные взгляды ея Теоретиковъ, и наконецъ выводитъ слѣдующее заключеніе:

«При семъ нравственномъ положеніи Россіи, одно только средство представляется тому, кто пользу ея изберетъ цѣлію своихъ дѣйствій. Надобно бы совершенно остановить нынѣшній ходъ ея Словесности, и заставить ее болѣе думать, нежели производить. Нельзя скрыть отъ себя трудности такого предпріятія. Оно требуетъ тѣмъ болѣе твердости въ исполненіи, что отъ самой Россіи не должно ожидать никакого участія; но трудность можетъ ли остановить сильное намѣреніе, основанное на правилахъ вѣрныхъ и устремленное къ истинѣ? Для сей цѣли надлежало бы нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя произшествія въ литературномъ мірѣ, безполезно развлекающія ея вниманіе, и опираясь на твердыя начала Философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе.«

Всѣ сіи мысли суть блестящіе софизмы воображенія. Россія окружена Государствами, въ которыхъ просвѣщеніе уже пустило глубокіе корни; оно зрѣло нѣсколько вѣковъ и принесло много прекрасныхъ плодовъ, полезныхъ не однимъ Нѣмцамъ, Французамъ и Англичанамъ, но вообще всему человѣчеству. Россія, великанъ по физической, и младенецъ по нравственной силѣ, *должна* подражать хорошему, хотя оно и чужое. Сію истину постигъ Петръ Великій, постигалъ ее и Годуновъ, но не успѣлъ исполнить своихъ предположеній. Желать того, чтобъ Россія мыслила и жила по-своему, значитъ желать, чтобъ она неумышленно, въ нѣсколько вѣковъ пріобрѣла то, что уже давно пріобрѣтено общимъ усиліемъ другихъ ей сосѣднихъ народовъ, и что она, оставя неумѣстное самолюбіе, можетъ присвоить себѣ въ нѣсколько лѣтъ. Я согласенъ, что наша Литература, также какъ и наше общество, не имѣютъ своей физіогноміи; но каковы они ни есть, а все лучше, нежели Турецкая самобытность. Если бъ Рускіе не подражали, они бы до сихъ поръ противопоставили пищущія стрѣлы и пращи чужеземной артиллеріи, и вмѣсто прелестныхъ поэмъ Жуковскаго и Пушкина, читали бы съ трудомъ старинныя Рускія сказки. Россія космополитка: она съ незапамятныхъ вѣковъ славилась терпимостію вѣръ; требовать отъ нея какого-либо другаго направленія, значитъ не постигать ея внутренней жизни. Въ жилахъ ея течетъ смѣшеніе крови разныхъ народовъ, и что всего замѣчательнѣе, что сіи самые народы, живущіе въ нѣдрѣ Россіи, до сей поры сохранили всю свою физіогномію. Литература есть зеркало, гдѣ отражается жизнь народа; въ нашей поэзіи еще много будетъ измѣненій, но современемъ она сама по себѣ возмужаетъ и получитъ физіогномію, гдѣ отразится нѣсколько Литературъ, которыя однако же сольются въ одной, также какъ всѣ вѣры, во многомъ сходныя между собою, современемъ совокупятся въ Христіанской Религіи. Если предсказаніе мое не сбудется съ Рускою Литературой, то оно оправдается Литературою какого-либо другаго народа, донынѣ еще младенчествующаго.

Разборъ Статьи о Евгеніи Онѣгинѣ, помѣщенной въ 5-мъ No Московскаго Телеграфа на 1825 годъ, замѣчателенъ, какъ единственный памятникъ остроумія Веневитинова; ибо онъ не любилъ блистать сею второстепенною способностію человѣческой души. Но способность сія почти необходима, ибо въ каждой Лите-

ратурѣ есть такіе журнальные ратоборцы, съ которыми нельзя и не должно говорить не шутя.

О другихъ статьяхъ Веневитинова мы ничего не скажемъ; пусть читатели сами ихъ прочтутъ и полюбуются высокимъ талантомъ юнаго Поэта. Говоря о немъ, должно вспомнить и о Московскомъ Вѣстникѣ, о семъ феноменѣ въ Исторіи Руской Журналистики. Не одинъ Веневитиновъ далъ ему бытіе; намъ встрѣчали мы статьи Гг. Погодина и Шевырева: оба они пламенно любятъ Науки, и составляютъ лучшую надежду Руской Литературы.

Трилунный.

Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ Религіи, писанныя для Наслѣднаго Принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго знаменитымъ Іерузалемомъ; переведены съ Нѣмецкаго Т. Крыловымъ. Въ 5-ти частяхъ. Изданіе третіе, вновь исправленное. Томы 1-й, 2-й и 3-й. — С. П. б., въ типогр. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ, 1831 (Въ I-й ч. 293, во II-й 293, въ III-й 257 стр. въ большую 12-ю д. л. (*)

Іерузалемъ написалъ и издалъ сіе твореніе въ то время, когда Вольтеръ и другіе Философы XVII-го вѣка толковали съ непростительнымъ легкомысліемъ о Религіи и предметахъ, священныхъ для Христіанина. Чтеніе убѣдительныхъ доводовъ Іерузалема успокоиваетъ душу и разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія, возникающія въ ней отъ дерзкихъ и соблазнительныхъ навѣтовъ, коими лжеумствователи хотѣли поколебать самыя основанія Вѣры. Намъ скажутъ: «но для чего же въ наше время нужна эта книга? Теперь нѣтъ уже Философовъ XVIII-го вѣка, нѣтъ ихъ послѣдователей.» — Можетъ быть; и это должно радовать всякаго человѣка здравомыслящаго, всякаго истиннаго сына Церкви; но мнѣнія, разглашенныя такъ называемыми Энциклопедистами, уцѣлѣли еще въ ихъ сочиненіяхъ, и шаткій умъ, легковѣрно поддаваясь лукавымъ ихъ внушеніямъ, легко можетъ поколебаться и допустить въ душу человѣка сомнѣнія въ тѣхъ высокихъ истинахъ, коимъ научаетъ насъ Вѣра Христіанская. Слѣдовательно, для слабыхъ умовъ и теперь нужно убѣжденіе, основанное на доказательствахъ Философіи, которая просвѣщена чистыми, возвышенными понятіями о Вѣрѣ. Въ семъ отношеніи, книга Іерузалема представляетъ читателямъ полный сводъ доказательствъ назидательныхъ, почерпнутыхъ изъ природы, изъ внутреннихъ сочувствій души человѣческой и изъ откровеній Вѣры Христовой. Вездѣ Писатель сей силою логики опровергаетъ разрушительныя теоріи мечтателей-натуралистовъ, и съ душевнымъ краснорѣчіемъ, проистекающимъ изъ теплаго убѣжденія, говоритъ о непреложности тѣхъ истинъ, на кои въ суетной своей гордости посягали вольнодумцы.

Можетъ быть, чтеніе подобныхъ книгъ никогда не было столь полезно, какъ въ нынѣшнее время, когда мы видимъ, что недостатокъ теплой вѣры и ослабленіе нѣкоторыхъ коренныхъ правилъ плетворно дѣйствуютъ на политическое тѣло Европы. Ученіе Христово скрѣпляетъ составъ общественный; лжемудрствованія противниковъ Его разрозниваютъ члены сего состава, ибо лжеучители, подстрекаемые своекорыстіемъ, въ низверженіи общаго порядка предвидятъ личныя свои выгоды, и въ дѣйствіяхъ и внушеніяхъ своихъ руководствуются только зловреднымъ, гибельнымъ эгоизмомъ.

Книга Іерузалемова переведена слогомъ яснымъ и чистымъ; въ выраженіяхъ соблюдена надлежащая точность. — Первое изданіе сей книги заключало въ себѣ одну только 1-ю часть оной, и было напечатано въ Москвѣ, 1806 года. Второе изданіе, состоявшее изъ всѣхъ пяти частей, появилось въ С.-Петербургѣ въ 1817 — 1819 годахъ. Въ послѣдніе годы оставалось онаго весьма малое число экземпляровъ, кои продавались очень дорого. Почтенный Прелагатель оказалъ истинную услугу своимъ соотечественникамъ, напечатавъ книгу сію новымъ тисненіемъ, которому должно желать и надѣяться успѣха двухъ прежнихъ.

Стихотворенія Михайла Дмитріева. 2 части. — М. въ Типогр. Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи, 1830. (въ 1-й ч. 251 — V, во 2-й ч. 243 — VIII стр. въ 8-ю д. л.)

М. А. Дмитріевъ являетъ намъ, въ сихъ двухъ томахъ его стихотвореній, всѣ стихіи Поэта разнообразнаго. Въ немъ находимъ и Классика и Романтика, и стихослагателя временъ Сумарокова и Хераскова,

---

(*) Получать можно у Издателя, Г-на Коллежскаго Совѣтника Тимоѳея Семеновича Крылова, въ большой Коломнѣ, у Покрова, на Фонтанкѣ, въ собственномъ домѣ; также въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, и у всѣхъ главныхъ С. Петербургскихъ и Московскихъ книгопродавцевъ. Цѣна за всѣ 5 томовъ здѣсь въ С. П. б. 20 руб., съ пересылкою во всѣ другіе города 25 руб. — Остальные томы 4-й и 5-й выйдутъ къ скоромъ времени. По отпечатаніи всѣхъ томовъ, цѣна возвысится по причинѣ дороговизны изданія. Имена подписавшихся будутъ напечатаны въ 5-мъ томѣ.

и стихослагателя временъ Жуковскаго и Батюшкова, и Лирика и Эпика, и Антологиста и Балладиста, и Сатирика и Псалмопѣвца, и послѣдователя Французовъ, и подражателя Нѣмцамъ; наконецъ, въ немъ видимъ всѣ степени Поэта хорошаго и посредственнаго, всѣ степени, которыя находятся между чертами истинно-геніальнаго и рѣшительно-дурнаго: изъ сихъ двухъ крайностей ни одной нельзя примѣнить къ его произведеніямъ. Многія стихотворенія его согрѣты чувствомъ; иногда проблескиваютъ въ нихъ мысли, но большею частію не свои: отъ того вообще въ стихахъ его мало самобытности. Общаго, отличительнаго ихъ характера выразить невозможно по причинамъ выше-приведеннымъ: Протей-Поэтъ и Протей-стихослагатель самъ какъ будто бы умышленно ускользаетъ отъ наблюдательности Критика. Стихи, каковы напр. слѣдующіе:

« Такъ правосудія равенство
Здѣсь надъ тобой совершено, »

явно отзываются фактурою стиховъ прошлаго вѣка, стиховъ до-Державинскихъ. Но чрезъ нѣсколько страницъ, вы находите стихи, подобные слѣдующимъ:

. . . . « Какъ тягостное бремя,
На насъ всѣ опыты легли —
И созрѣвало смертныхъ племя . . . . »

Такіе стихи служатъ явнымъ противорѣчіемъ тому, что прежде нами выписано, и совершенно сбиваютъ съ пути Рецензента, который никакъ не можетъ подмѣтить духъ и направленіе своего Автора, и сказать о нихъ что-либо опредѣлительное. Намъ возразятъ, что Критика обязана взвѣсить все хорошее и посредственное, и изъ ощутительнаго перевѣса того или другаго вывести свое заключеніе. Но въ семъ-то и трудность: и хорошее и посредственное такъ перемѣшаны, такъ близки другъ къ другу, такъ, можно сказать, свободно родятся между собою въ стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева, что никакое *пробирное искусство* Критика недостаточно для того, чтобъ отдѣлить одно отъ другаго, и вѣсы его поминутно будутъ склоняться со стороны на сторону. Въ такомъ случаѣ, Критикъ долженъ уступить необходимости и предоставить собственному чувству читателей окончательную оцѣнку и приговоръ симъ стихотвореніямъ.

Избранные разговоры Французскіе и Русскіе, составленные по образцу новѣйшихъ писателей, съ объясненіемъ синонимъ и труднѣйшихъ реченій, и раздѣленные на 150 уроковъ Яковомъ Лангенымъ (Choix d'entrétiens français et russes, composés sur le modèle des meilleurs auteurs modernes et arrangés en 150 leçons). — С. П. б., въ типогр. Ивана Глазунова, 1831. (315 — VII стр. въ 8-ю д. л.)

Жаловались до сихъ поръ у насъ на недостатокъ книгъ для изученія оборотовъ Французскаго языка въ обыкновенномъ разговорѣ: нынѣ жалоба сія была бы излишнею; мы надѣлены съ избыткомъ такъ называемыми Руководствами и Разговорами; но къ несчастію, качество не соотвѣтствуетъ количеству. Доказательствомъ сему можетъ служить изданная въ 1831 году Г. Лангеномъ книга, коей заглавіе выписано въ началѣ сей статьи. Не говоря уже о томъ, что книга сія есть совершенный списокъ съ таковой же, изданной въ 1830 году Г. Лангеномъ, и напечатанной въ типогр. К. Крайя, но приписывая таковое усугубленіе весьма простительной склонности почаще пускать труды свои въ оборотъ, мы замѣтимъ только Сочинителю, что весьма было бы хорошо, если бъ онъ въ сихъ такъ называемыхъ *новыхъ и избранныхъ* разговорахъ успѣлъ хотя нѣсколько исправить безчисленныя ошибки прежняго; но напротивъ того, на всякой страницѣ сихъ (избранныхъ) разговоровъ встрѣчаются реченія и обороты, которыхъ нѣтъ во Французскомъ языкѣ. Для убѣжденія читателей, приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ синтактической и ороографической правильности сихъ разговоровъ какъ во Французскомъ, такъ и въ Рускомъ текстѣ оныхъ. Въ самомъ заглавіи, Сочинителю угодно было замѣтить слишкомъ простое слово Dialogues болѣе пышнымъ: Entrétiens. Послѣ таковыхъ, ошибки въ выборѣ перваго слова и опечатки въ первой строкѣ заглавія, цѣлую книгу безъ грѣха можно бъ было принять за одну *ошибку* и *опечатку*; но мы постараемся подтвердить сіе мнѣніе нѣкоторыми другими выписками.

Стр. 6.	Vous *me* serez toujours le bienvenu.	Для меня всегда пріятно васъ видѣть.
— 14.	On ne doit medire personne.	Не должно никого осуждать.
— 21.	Fait-il soleil?	Свѣтитъ ли солнце?
— —	A peine avons-nous le mois de Juin *que* le soleil darde déjà *beaucoup*.	Едва настлалъ Іюнь мѣсяцъ, а солнце жжетъ такъ сильно.
— 23.	On s'apperçoit que le vent *est* cessé.	Примѣтно, что вѣтеръ утихъ.
— 27.	Il *est* clair de lune.	Мѣсячно на дворѣ.
— 32.	Il gèle *à glâce*.	*Льдомъ мерзнетъ*.
— 34.	Voyez à votre montre *qu'elle* heure il est?	Посмотрите на вашихъ часахъ, которой часъ?
— 36.	Elle (la montre) est *détroquée*, elle est *écoulée*.	Они (часы) *перебиваютъ*, они сошли.

И это все на 36 первыхъ страницахъ! Не говоримъ

уже о тьмочисленныхъ опечаткахъ, которыми изпещрена вся книга.

Не считаемъ нужнымъ здѣсь далѣе разпространяться на счетъ *Разговоровъ* Г. Лангена; но окончимъ человѣколюбивымъ совѣтомъ: *не знаяй пути, не вводиши человѣковъ во тьму и незнаніе.*

(*Сообщено.*)

СМѢСЬ.

Пріятно видѣть, когда люди съ умомъ просвѣщеннымъ и чувствованіями благородными приносятъ надгробную дань таланту и прекраснымъ качествамъ души. Вскорѣ послѣ кончины незабвеннаго нашего Поэта, Барона Дельвига, въ здѣшней Газетѣ: Tygodnik Petersburski, помѣщена была статья: *Воспоминаніе о Дельвигѣ.* Выписываемъ изъ нея нѣсколько строкъ, показывающихъ, какъ душа чистая, гнушающаяся мѣлкими страстями и чуждая своекорыстія, напутствуетъ нельстивыми похвалами, за черту временной жизни, собрата своего по любви къ изящному, возвышающему достоинство человѣка.

«Дельвигъ изучалъ истинный духъ народной поэзіи «своего отечества и кажется, въ этомъ родѣ желалъ «развернуть неподдѣльное дарованіе свое.... Поэтическія сочиненія его могутъ быть раздѣлены на двѣ части: на созданія въ духѣ простонародныхъ Русскихъ «пѣсень, преданій и т. п., и на созданія въ духѣ древнихъ первобытныхъ идиллій, элегій, описаній. Онъ «предполагалъ нѣкое тожество первоначальныхъ впечатлѣній у народовъ, и это естественное стремленіе «отразилось въ его поэтической жизни. Дельвиговы подражанія Древнимъ, четырестишныя повторенія изъ «Греческой Анѳологіи, часто подвергались суровой критикѣ, ибо явились въ то время, когда многіе Писатели Русскіе усиливались освободиться отъ ига иноземныхъ образцевъ; но всѣмъ этимъ кривотолкамъ и пародіямъ противостанутъ надежно всеобщее наслажденіе, произведенное Русскими пѣснями Дельвига, и «вкусъ знатоковъ музыки, соединявшихъ съ оными свое «искуство. Рѣдкій вечеръ музыкальный пройдетъ, чтобы Дельвигова пѣсня не была повторяема. Судъ болѣе пелицепріятный покажетъ, что дарованіе, подобное дарованію Дельвига, долженствовало присвоить «формы древнія, дабы тѣмъ вѣрнѣе постигнуть форму «народную. Дельвигъ нѣсколько лѣтъ издавалъ *Сѣверные цвѣты*, а съ прошедшаго года здѣшнюю *Литературную Газету.* Оба сіи изданія свидѣтельствуютъ о числѣ друзей его, радушно споспѣшествовавшихъ предпріятіямъ «его для пользы отечественной Словесности. И въ самомъ дѣлѣ, при неоспоримомъ дарованіи, Дельвигъ обладалъ всѣми качествами, любимыми въ нынѣшней общественной жизни. Не взирая на частыя болѣзни его, «знакомые всегда были увѣрены найти удовольствіе въ «его бесѣдѣ. Невыисканное остроуміе, благородство «чувствованій и возвышенность помысла, спискивали «ему всюду дружбу и усердіе.»

Новости Литературныя. Одинъ Французскій Журналъ въ шуточной статьѣ предсказываетъ о появленіи новыхъ романовъ, повѣстей и другихъ сего рода сочиненій, кои увидятъ свѣтъ въ теченіе нынѣшняго мѣсяца. Имена Авторовъ и заглавія книгъ способны пробудить любопытство читателей. Вотъ изчисленіе сихъ раждающихся новостей. Викторъ Гюго издастъ: Notre-Dame de Paris (*Храмъ Пресвятыя Дѣвы въ Парижѣ*); вслѣдъ за тѣмъ появятся нѣсколько *Вечеровъ Валтера Скотта* (Soirées de Walter Scott), списанныхъ (будто бы) библіофиломъ Жакобомъ. Первые *Вечера* уже знакомы многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ: подъ именемъ разсказовъ Валтера Скотта, одинъ замысловатый Писатель вдумалъ стряхнуть пыль съ архива среднихъ вѣковъ и похитить изъ онаго сказанія о *дѣлахъ давно минувшихъ дней.* Въ No 63-мъ Литературной Газеты прошлаго года помѣщенъ былъ прекрасный переводъ одного изъ сихъ разсказовъ: *Сокровище.* — Г. Бальзакъ, Авторъ *Сценъ частной жизни* (Scènes de la vie privée), развернетъ передъ глазами любопытныхъ свою *Ослиную кожу* (La peau de Chagrin). Французскій Журналистъ удивляется тому, что сей Писатель умѣлъ, въ нашъ вѣкъ оригинальности, придумать такое оригинальное заглавіе. Далѣе, Г. Жаненъ (Janin) Авторъ *Мертваго осла* и *Исповѣди*, выпуститъ своего *Вернье* (Vergniaud). Нѣкто Мишель Ремонъ (Raymond), простолюдимъ, какъ сказано въ помянутомъ Журналѣ, «нашедшій Поэзію на подмосткахъ каменщика,» познакомитъ публику съ своими *Короткими друзьями* (Les Intimes). «Этотъ Риваролъ кабаковъ,» по выраженію одного льстеца, «однимъ махомъ взлѣзъ на верхнія ступеньки общежительности, и изъ глухаго закоулка поднялся до гостиной.» Карлъ Нодье, «разскащикъ говорливый и задумчивый, принимающій мечты своего «воображенія за воспоминанія свои,» представитъ читающему міру свои *Отмѣтки о республикѣ и объ Имперіи* (Notes sur la république et l'empire). «Наконецъ, «дабы заключить блестящимъ образомъ сей строй Романистовъ, Г. Сенни-Бёвъ, вооруженный своимъ ослѣпляющимъ слогомъ и физіологическимъ микроскопомъ, «покажется на самомъ концѣ съ какимъ-то созданіемъ «своего воображенія, гдѣ слогъ и мысль идутъ дружнымъ шагомъ въ живописной драмѣ.»

Въ No 14-мъ *Молвы* есть замѣчательная статья: *Отъ Издателя Альманаха: Денница.* Сочинитель сей статьи изложилъ мнѣнія, по духу своему совершенно сходныя съ тѣми, кои составляли предметъ многихъ статей, помѣщенныхъ въ Литературной Газетѣ. Повторимъ и еще: странно, что нѣкоторые Журналы (и въ томъ числѣ *Московскій Телеграфъ*) не умѣютъ отдѣлить личности и частныхъ связей отъ дѣлъ литературныхъ. Сіи Журналы, сами будучи отголосками личныхъ отношеній, не упустятъ никогда случая намекнуть о *пристрастіи*, о *дружбѣ* такого-то Писателя къ Журналисту, которому они не благоволятъ, или о *сотрудничествѣ* этого Писателя въ Журналѣ, имъ ненавистномъ, коль скоро Писатель сей чистосердечно выразилъ свое мнѣніе, сообразное съ здравымъ разсудкомъ и мнѣніемъ общимъ, но противорѣчащее образу мыслей, напр. *Московскаго Телеграфа* «и прочихъ, прочихъ.»

Откуда Г. Полевой взялъ право называть *дезертеромъ истины* человѣка, который мыслитъ не за одно съ нимъ на счетъ Литераторовъ, пріобрѣтшихъ довѣріе и уваженіе публики? На чемъ Г. Полевой основываетъ сіе право? Уже ли на своихъ трудахъ литературныхъ? Это было бы непростительное ослѣпленіе. Г. Полевой, доселѣ не умѣющій выразить какой-либо мысли такимъ образомъ, чтобы чрезъ нѣсколько строкъ другая *его же* мысль не противорѣчила первой; доселѣ не умѣющій порядочно распредѣлить частей рѣчи въ самой незначительной фразѣ; незнающій ни мѣста, ни приличія словъ и пишущій, какъ попало, — Г. Полевой можетъ мечтать о непреложности своихъ литературныхъ сужденій! Забавный авкторитетъ! — Или онъ основываетъ присвоенное имъ право на своихъ ученыхъ заслугахъ? — На какихъ? уже ли на *Исторіи Рускаго народа*? Но эта заслуга еще впереди; донынѣ видѣли мы только *два* тома, и если по нимъ можно предугадывать о *десяти* будущихъ, то мы смѣло ему предсказываемъ, что ему удивляться и хвалить его будутъ только *двѣ-три набожныя лапы*, прокричавшія: чудо! объ этой Исторіи даже прежде ея появленія.

Забавно, что два или три лица сговорились хвалить взаимно однихъ себя, ставить другъ друга на *недоступной для прочихъ вышинѣ*, и порицать всѣхъ тѣхъ Писателей, кои сдѣлались любимцами публики, не потому, что сами себя такъ называли, но потому, что за ними утвердилось общее мнѣніе. И кто же эти два или три лица? Публика, читая ихъ тяжелыя произведенія, морщится и пожимаетъ плечами, смѣется ихъ самохвальству и презираетъ ихъ выходки противъ Писателей заслуженныхъ. Остается имъ твердить о своихъ *высокихъ воззрѣніяхъ*, о своей *возвышенной цѣли*, о *своемъ безпристрастіи*, *прямодушіи*, *благородствѣ характера*, *приличіи* и пр. и пр. или другъ другу, или тѣмъ новичкамъ, которые могутъ еще повѣрить имъ на слово.

Нерѣдко случается, что человѣкъ, чувствующій себя неправымъ, старается свалить свою вину на другихъ. Это случилось и съ Г-мъ Полевымъ. Онъ и Г-нъ Булгаринъ нѣсколько лѣтъ сряду вели журнальную войну съ крайнимъ ожесточеніемъ, и, такъ сказать, не щадили другъ друга; нынѣ они живутъ душа въ душу и превозносятъ другъ друга до небесъ! Не признаваясь въ отступничествѣ своемъ отъ прежнихъ мнѣній, Г. Полевой называетъ Издателя Денницы *дезертеромъ истины*, и говоритъ, что онъ «соглашается съ мнѣ«ніями, противными душѣ его;» а Г-нъ Булгаринъ напечаталъ однажды, что «Г-нъ Полевой стоитъ на вы«сотѣ, недоступной для Сомова.» Не худо бы пояснить, гдѣ эта высота? не въ *лимбахъ* ли, о которыхъ Данте говоритъ въ своей поэмѣ?

Книгопродавецъ И. В. Слѣнинъ, имѣвъ счастіе поднести Ихъ Императорскимъ Величествамъ экземпляры изданной имъ книги: *Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича* (сочиненіе В. Н. Берха), удостоился получить отъ Государя Императора золотые часы, и таковые же часы отъ Государыни Императрицы.

Романъ: *Рославлевъ, или Рускіе въ 1812 году*, сочиненіе М. Н. Загоскина, по увѣренію почтеннаго Автора, выйдетъ въ свѣтъ въ Маѣ мѣсяцѣ. Четвертый и послѣдній томъ сего романа уже печатается.

Загадка, помѣщенная въ 19-мъ No Литературной Газеты, означаетъ Латинскую букву *т.*

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 15-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ III, № 23. АПРѢЛЯ 21го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу), — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ) и 26-го (въ Воскресенье).

КУПАЛОВЪ ВЕЧЕРЪ.

(Изъ Малороссійскихъ былей и небылицъ.)

Витязь Кончиславъ ѣхалъ ночью по берегу Днѣпра, возвращаясь изъ дальнихъ похожденій въ стольный градъ Кіевъ, ко двору яснаго солнышка, ласковаго Князя Владиміра.

Свѣтлый мѣсяцъ катился по темносинему небу и отсвѣчивалъ блѣдно-желтые лучи свои на богатырскихъ доспѣхахъ Кончиславовыхъ. Витязь думалъ крѣпкую думу. Когда онъ оставилъ стольный градъ и дворъ Владиміра яснаго солнышка, тогда люди Кіевскіе вѣровали Перуну, Купалу, Велесу и Золотой Бабѣ; теперь, еще на чужбинѣ перепала къ богатырю вѣсточка, что кумиры Славянскіе разбиты и потоплены, а въ Кіевѣ красуются храмы Бога Живаго и сіяютъ кресты на золотыхъ маковкахъ. Грѣшное сомнѣніе и презорливая гордость закрались въ душу витязя. Онъ думалъ: «когда Князь и всѣ люди Кіевскіе измѣнили старымъ богамъ своимъ, то Кончиславъ одинъ останется имъ вѣренъ.»

Свѣтлый мѣсяцъ катился по темносинему небу, и блѣдно-желтые лучи его скользили по бѣлымъ полотнянымъ ставкамъ, разкинутымъ въ одной веселой долинѣ, куда лежалъ путь Кончиславовъ. Шумъ, пѣсни, звонъ гуслей и соловьиные посвисты свирѣлей далеко разносились по долинѣ. Витязь толкнулъ бодцемъ своего вѣрнаго коня и пустился къ ликующимъ. Бѣлыя шѣни мелькали передъ нимъ на полянѣ, въ сторонѣ отъ ставокъ, передъ ярко горящими огнями. Витязь подъѣзжаетъ туда — и цѣлая вереница красныхъ дѣвушекъ подбѣгаетъ къ нему, схватясь рука за руку. Дѣвушки, одна другой краше, одна другой милѣе, окружаютъ витязя и умильно зовутъ его сойти съ борзаго коня и веселиться съ ними. Изъ хоровода выскочила дѣвушка самая пригожая, самая рѣзвая, самая привѣтливая, подлетѣла птичкой къ витязю, схватила его за руку и молвила:

— «Сегодня Купаловъ вечеръ, храбрый, могучій богатырь! Мы всѣ держимся старой вѣры и ушли сюда изъ стольнаго Кіева, чтобы здѣсь на привольи скакать черезъ зажженные костры и плясками праздновать нашего бога. Знаемъ, витязь Кончиславъ, что и ты изъ нашихъ: кромѣ тебя, всѣ витязи отступились отъ вѣры отцовской. Сойди съ коня и пируй съ нами!»

Витязь проворно соскочилъ съ коня, котораго съ веселымъ крикомъ и визгомъ увели другія дѣвушки. Кончиславъ остался глазъ на глазъ съ привѣтливою незнакомкой; соколиный взоръ витязя загорѣлся огнемъ желанія; высокая грудь его волновалась и силилась вырваться изъ доспѣховъ богатырскихъ, словно Днѣпръ въ непогоду изъ береговъ своихъ. Идучи рука объ руку съ красавицей и склонясь головою на бѣлое плечо ея, онъ спросилъ умильнымъ голосомъ: «Какъ тебя зовутъ, красная дѣвица?

— «Меня зовутъ Усладой,» отвѣчала она съ такимъ взглядомъ и усмѣшкой, что у витязя огонь пробѣжалъ по всѣмъ жиламъ и кровь пронзительнымъ пламенемъ прихлынула къ сердцу.

Дѣвушки не возвращались. Кончиславъ и Услада прыгали только вдвоемъ черезъ огонь передъ истуканомъ Купаловымъ. Игривость и одушевленный смѣхъ милой дѣвушки совершенно очаровали витязя. И вдругъ красавица, схватя его за руку и взглянувъ ему въ лице съ страстною, щиплющею за сердце улыбкой, указала на одну ставку и быстро туда побѣжала, легка и стройна, какъ юная серна. Витязь побѣжалъ за нею, догналъ ее у самаго входа ставки, обвилъ рукою гибкій станъ дѣвушки, и вмѣстѣ, сплетясь въ нѣжныхъ объятіяхъ, ускользнули они подъ бѣлый, волнистый кровъ шатра.

— «Что такъ холодны твои поцѣлуи, милая красавица?» молвилъ Кончиславъ, опомнившись отъ перваго упоенія: «они словно льдомъ осыпаютъ мое сердце.»

Услада только смѣялась въ отвѣтъ и ласково щекотала витязя.

— «Здѣсь сыро и холодно,» сказалъ онъ снова: «меня смертная дрожь пронимаетъ до самыхъ костей.»

Услада все громче и громче смѣялась, сильнѣе и сильнѣе щекотала витязя.

— « Нѣтъ, это нестерпимо! » вскричалъ Кончиславъ, усиливаясь вырваться изъ объятій красавицы. » И въ самый день Коляды (*) я никогда не терпѣлъ такого мучительнаго озноба! »

Въ это мгновеніе что-то зашумѣло и заволновалось вокругъ ставки. Витязь поднялъ глаза вверхъ.... Сѣдыя, пѣнныя волны бурно клубились надъ нимъ. Не было уже ставки: только бѣлая пѣна завивалась кудрями на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде трепетали отъ ночнаго вѣтерка полотняные полога ея.... Витязь взглянулъ на Усладу.... передъ нимъ сидѣла, ему коварно усмѣхалась злобная Русалка, которой зеленые, длинные волосы мшистымъ шелкомъ упадали на блѣдныя, обнаженныя плеча и на грудь, холодную, какъ вѣчные льды Кавказа. И вмигъ она снова залилась громкимъ, изступленнымъ смѣхомъ; и вмигъ волны набѣжали еще яростнѣе прежняго, налегали на Кончислава, тѣснили его дыханіе, все ближе и ближе, пока наконецъ совсѣмъ поглотили витязя, отвергавшаго въ душѣ своей привѣтные призывы Благочестія.

Порфирій Байскій.

ЧЕЛОВѢКЪ ПОДЪ КОЛОКОЛОМЪ.

(*Разсказъ одного Француза.*)

(Новые Французскіе Писатели, удалясь отъ направленія старыхъ Классиковъ, вмѣсто страстей души описываютъ по большей части ощущенія тѣлесныя. Многіе весьма искусны въ изображеніи сихъ второстепенныхъ свойствъ природы человѣческой. Физіологическое дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ на организмъ человѣка, постепенный ходъ и подробности ощущеній, производимыхъ въ немъ сими предметами, словомъ все, что не зависитъ отъ высшихъ способностей души, но такъ сказать, уничтожаетъ или оковываетъ на время свободу оныхъ, — составляетъ у нынѣшнихъ Французскихъ Романтиковъ предметъ живописи для воображенія; подобно какъ сильныя страданія тѣлесныя, рѣзкое напряженіе мускуловъ и т. п., составляютъ предметъ живописи начертательной у послѣдователей Давида, Гренія, Мозеса и проч. — Въ Журналѣ: Revue de Paris, недавно помѣщена была статья, которой заглавіе здѣсь мы выписали и которую предлагаемъ, какъ одинъ изъ яркихъ образцевъ сей физіологико-литературной живописи.)

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, была мода, или если хотите, страсть у молодыхъ людей моего роднаго города звонить въ колокола къ разнымъ церковнымъ службамъ нашего прихода. Нынѣ звонарь одинъ исправляетъ тамъ свое ремесло, и должно согласиться, что колокольная музыка уже не столь учена и не столь пріятна для слуха, какъ тогда была. Насъ было въ числѣ прочихъ человѣкъ десять или двѣнадцать, жившихъ по сосѣдству съ соборною церковью Святаго Трофима, и такъ часто уцѣплявшихся за веревки колокольныя, что искуство наше въ этомъ дѣлѣ возбудило соревнованіе въ другомъ обществѣ звонарей, принадлежавшемъ къ приходу церкви Св. Антонія. Въ большіе праздники, для православныхъ было истиннымъ наслажденіемъ, пробуждаться рано поутру отъ нашихъ звонкихъ симфоній! Для знатоковъ были предвкушеніемъ дивной гармоніи сферъ небесныхъ сіи глаголы мѣди звѣнящей, отвѣчавшіе другъ другу въ разныхъ напѣвахъ и сочетававшіе торжественные свои звуки съ высокими, пронзительными нотами такимъ образомъ, что какой-либо Моцартъ или Россини пришелъ бы въ отчаяніе отъ недостатка оркестровъ сего юдольнаго міра. — Вотъ какъ охладѣла моя страсть къ симъ концертамъ, только сладостнымъ:

Однажды въ воскресенье пошелъ я, съ однимъ изъ членовъ нашего общества, прозвонить первый благовѣстъ къ вечернѣ. Едва потянули мы веревку, какъ замѣтили, что языкъ колокола былъ обернутъ. Поутру въ тотъ день были похороны.

— « Петръ, » сказалъ мнѣ мой товарищъ: « взлѣзь наверхъ и сними повязку съ Маріи-Жанны. Обыкновенно мы обертывали старымъ войлокомъ либо лоскушкомъ сукна одну сторону колокольнаго языка, чтобъ ослабить каждый второй звукъ, если намъ нужно было произвести звонъ заупывный. (Маріей-Жанной и теперь еще называется большой колоколъ нашего собора.)

Не дожидаясь дальнихъ просьбъ, я проворно взлѣзъ на самый верхъ колокольни и началъ разпутывать повязку, забравшись для этого подъ колоколъ, какъ это уразъ уже мнѣ случалось. Видно, повязка была прикрѣплена узлами, затянутыми крѣпче обыкновеннаго, потому что я минуты три или четыре выпутывалъ языкъ колокола. Въ то же самое время, товарищъ мой увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя пальчикъ, который привѣтливо манилъ его. Это была, можетъ статься, одна только особа въ мірѣ, для которой онъ могъ оказать невѣрность любимому нашему инструменту, и онъ поспѣшно сбѣжалъ съ колокольни и пустился по монастырскимъ аркадамъ вслѣдъ за дочерью церковнаго сторожа, которой онъ за недѣлю предъ тѣмъ сдѣлался милымъ другомъ. Въ ту же минуту пришелъ другой любитель колокольной музыки изъ

(*) День Коляды былъ, по нашему счисленію, 24-го Декабря; слѣдовательно середи зимы.

нашего братства. Увидя, что на башнѣ пробило два часа, и не подозрѣвая, чтобъ былъ кто нибудь вверху, онъ началъ тянуть за веревку, чтобъ заблаговѣстить къ вечернѣ. Рука моя была еще подъ языкомъ колокола, когда я почувствовалъ въ немъ сотрясеніе. Я тотчасъ угадалъ причину.... Мигъ этотъ былъ мигъ ужаса; но быстрымъ и почти судорожнымъ движеніемъ я успѣлъ повалиться на спину подъ самымъ колоколомъ.

Мѣсто, на которомъ я разтянулся такимъ образомъ, было только въ обрѣзъ достаточно для вмѣщенія Маріи-Жанны, которой закраины едва на одинъ футъ не доходили до помоста. Я никогда не былъ толстъ, но совсѣмъ тѣмъ оставалось не больше дюйма отъ моего лица до колокола.

Черезъ секунду, звонъ начался .... Я былъ въ ужасномъ положеніи. Надо мною качалась огромная масса металла, которой одинъ ударъ раздробилъ бы меня въ дребезги. Подо мною помостъ состоялъ большею частію изъ драницъ или тонкихъ досокъ, очень ветхихъ. Если бъ онѣ обломились отъ тяжести моего тѣла, то я полетѣлъ бы съ вышины полутораста футовъ на мраморный помостъ церкви. Я вспомнилъ (страхъ весьма скоро пробуждаетъ память), что одинъ работникъ, за годъ передъ тѣмъ, оборвавшись съ гораздо меньшей высоты, сквозь лѣса, намощенные для поправки купола, силой своего паденія пробилъ надгробную плиту, покрывающую мощи Св. Виргилія, передъ алтаремъ. Это была моя первая мысль. Колоколъ не звѣнѣлъ еще и минуты, какъ я былъ уже добычею страха еще болѣе нестерпимаго и близкаго. Оглушительный громъ, раздававшійся въ ушахъ моихъ, угрожалъ разбить слуховой барабанчикъ; не было ни фибры моего тѣла, которая не дрожала бы отъ сего грома; онъ проницалъ даже въ самую душу мою. Разсужденіе и мысль были изъ нея изгнаны; во мнѣ было только ощущеніе мучительной тоски. Каждый мигъ я видѣлъ, какъ колоколъ разкачивался взадъ и впередъ на нѣсколько линей отъ моего лба... Глаза мои....(я не могъ ихъ сомкнуть, хотя видъ сей обдавалъ меня смертнымъ холодомъ.....) глаза мои безотчетно слѣдовали за безпрерывнымъ его колыханьемъ. Напрасно я старался увѣрить себя, что колоколъ не могъ, отдаваясь назадъ, пройти ближе ко мнѣ, чѣмъ подаваясь впередъ: каждый разъ, когда онъ спускался, я усливался, такъ сказать, приплюснуться, ужимаясь на спину, чтобъ не быть погребену подъ сею грозною махиной; а послѣ, вздумавъ объ опасности надавливать излишнею тяжестью слабую мою опору, я привставалъ на столько, сколько могъ на то отважиться.

Сначала страхъ мой былъ основанъ на существенности. Я боялся, чтобы верхніе блоки не лопнули, и колоколъ, упавъ, не покрылъ меня; или еще возможное было дѣло, чтобы языкъ колокола, съ разлета оборвавшись, не пробилъ меня насквозь, такъ какъ я видалъ что ружейнымъ шомполомъ пробивали дверь. Непрочный помостъ, на которомъ лежалъ я, также меня безпокоилъ.... Но скоро сіи страхи уступили мѣсто другимъ пугалищамъ, хотя менѣе основательнымъ, за то болѣе приводящимъ въ отчаяніе, потому что они были идеальнѣе. Ревъ мѣди разстроилъ мои понятія; воображеніе мое начало порождать всякіе странные и ужасные призраки.

Колоколъ, безпрестанно потрясаемый, казался мнѣ то рыкающимъ чудовищемъ, разѣвавшимъ на меня, съ отвратительнымъ воемъ, страшную пасть, готовую пожрать меня; то пропастью, съ шумомъ спѣшившею поглотить меня въ вихрѣ бездны. По мѣрѣ, какъ я на него смотрѣлъ, онъ принималъ всѣ виды: это былъ либо быстро-парящій орелъ, либо *рокъ*-птица Арабскихъ сказокъ, кричавшая и бившая крыльями передъ тѣмъ, какъ упасть на меня. Когда же глаза мои вперялись во внутреннія стѣны его, то мнѣ казалось, будто бы онѣ тянутся до безконечности, или кончатся, какъ извивы на хвостѣ летящаго дракона. Къ полному изображенію сего баснословнаго змѣя, не было недостатка ни въ огненномъ дыханіи, ни въ сверкающихъ взорахъ: воспаленные глаза мои легко придавали мнимому чудовищу сіи грозныя принадлежности.

Я не кончилъ бы, если бъ хотѣлъ только исчислить всѣ видѣнія, мелькавшія въ моей головѣ. Нѣтъ такого страшилища, нѣтъ такого ужаснаго звука, который бы не отражался въ моемъ воображеніи.

Наконецъ, чрезъ двадцать минутъ звонъ прекратился. Десять минутъ былъ я ошаломленъ и неспособенъ ни къ какимъ счисленіямъ.... Другія десять показались мнѣ вѣкомъ. Когда языкъ колокола остановился, тогда я началъ постепенно успокоиваться; совсѣмъ тѣмъ, новый страхъ раждался во мнѣ: я зналъ, что пять минутъ пройдутъ безъ звона, а потомъ будутъ еще звонить пять минутъ. Всѣ понятія о времени смѣшались въ моей головѣ: минута и часъ казались мнѣ одинаково длинны. Я не вставалъ изъ опасенія, что пять минутъ уже прошли, и что звонъ опять начнется; ибо въ семъ случаѣ былъ бы я разбитъ прежде, чѣмъ успѣлъ бы уйти по стѣнѣ изъ той деревянной клѣтки, гдѣ повѣшена была Марія-Жанна. Посему я остался, лежа на спинѣ по прежнему; однако жъ отползъ осторожно въ сторону, чтобы глаза мои не были устремлены во внутренность колокола. Это было уже для меня значительнымъ облегченіемъ. Прекращеніе звона имѣло то дѣйствіе, что я былъ пораженъ истиннымъ замѣшательствомъ ума: вниманіе мое, не занятое уже страшилищами, которыхъ я какъ бы заклялъ, уступило мѣсто разслабленію чувствъ. Одно меня теперь мучило: безпрерывное ожиданіе втораго перезвона

къ вечернѣ, и я приготовился къ тому съ безсмысленною рѣшимостію.

Я сжалъ глаза и крѣпко стиснулъ зубы. Наконецъ страшная для меня минута настала, и первый звукъ колокола изторгнулъ у меня стенаніе, подобное тому, которое, какъ сказываютъ, издаетъ самая опиважная жертва при видѣ орудія пытки, къ коему ведутъ ее вторично привязывать. Послѣ того, я оставался погруженнымъ въ безчувственное молчаніе. Облекшись въ защитный доспѣхъ притупленія ума, я скрѣпился противъ колокола и всѣхъ его разноголосныхъ звуковъ. Когда же онъ пересталъ звенѣть, тогда я былъ немного оживленъ надеждою вырваться отшуда. Однако я не пустился на волю Божію; но протянувъ осторожно руку, дотронулся до края колокола. Онъ весь еще ходилъ отъ послѣднихъ сотрясеній звука, и задрожалъ подъ моею рукою, которая отпрянула, какъ будто бы пораженная электрическимъ ударомъ. Вѣрно прошло съ четверть часа, покамѣстъ я опиважился повторить сей опытъ; но когда почувствовалъ, что мѣдь уже успокоилась, тогда рѣшился не терять больше ни минуты, побоявшись, что я и такъ уже слишкомъ долго замедлилъ и что меня могъ застать звонъ къ церковному отпуску. Движимый симъ страхомъ, я подползъ поближе къ стѣнѣ и поспѣшно всталъ на ноги. Я оставался здѣсь, полагаю, съ минуту, разсматривая съ тупымъ удивленіемъ мѣсто моей неволи, и радуясь освобожденію своему отъ опасности. Потомъ я спустился сколько могъ проворнѣе внизъ по извилистой лѣстницѣ колокольни, до комнаты сторожа; но далѣе не могъ уже ступить ни шага. Я оперся о стѣну, недвижимый и лишенный всѣхъ чувствъ. Здѣсь-то и въ семъ-то положеніи товарищи отыскали меня, спустя два часа.

Товарищи дивились, увидѣвъ меня въ такомъ состояніи: и точно было чему дивиться. Вѣтромъ отъ колокола ободрало мнѣ все лице, и помутившіеся глаза мои остановились неподвижно въ покраснѣвшихъ ободкахъ рѣсницъ. Руки мои были изцарапаны и окровавлены, волосы склочены, платье изодрано; товарищи спрашивали меня: я не отвѣчалъ; дотрогивались до меня: я не чувствовалъ. Испуганные моимъ положеніемъ, они поскорѣе перенесли меня въ другое мѣсто. Тотъ, кто первый пришелъ со мной послѣ полудня, встрѣтился съ ними, когда они несли меня на рукахъ черезъ дворъ монастырскій. Онъ догадался тогда и сообщилъ другимъ свои догадки о приключеніи, котораго онъ былъ невинною причиною.

Меня положили въ постелю, и я пролежалъ трое сутокъ въ бреду; но мало по малу пришелъ въ чувство. Нужно ли сказывать, что колоколъ былъ господствующимъ предметомъ моихъ грезъ, и что если я слышалъ звонъ, то всѣ припадки моей болѣзни усиливались до напряженія? Даже и тогда, какъ бредъ мой унялся, долго еще сонъ мой былъ превожимъ мечтательнымъ звономъ колоколовъ, и въ сновидѣніяхъ часто представлялись мнѣ тѣ самыя чудовища, кои мнѣ являлись въ колокольнѣ. Родные отвезли меня въ загородный домъ, находящійся въ такой дали отъ всѣхъ церквей, что колокольный звонъ никакъ не могъ доходить до моего слуха. Я выздоровѣлъ; но долго, долго еще и послѣ моего выздоровленія, коль скоро вѣтеръ доносилъ до меня хотя слабый отголосокъ церковнаго звона, я вздрагивалъ отъ внезапнаго нервическаго страха. Я истинно по-Мусульмански возненавидѣлъ всѣ большіе и малые колокола, и завидовалъ подданнымъ Повелителя правовѣрныхъ въ звучномъ голосѣ ихъ Муадзиновъ. Современемъ это отвращеніе весьма уменьшилось; но и теперь еще, если случается, что нервы у меня раздражены, то нѣкоторые звуки колокола заставляютъ меня вдругъ отскакивать.

Съ Франц.

ПЛѢННЫЙ ТУРОКЪ.

(*Истинное событіе*). С.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда молодой Каменскій (покойный Графъ Николай Михайловичъ) громилъ силы Турецкія, и военно-плѣнныхъ Турокъ, по множеству ихъ, размѣщали во внутреннихъ городахъ Россіи, цѣлыя толпы сихъ плѣнниковъ пригнаны были въ С. — У. — губернію.

Одна толпа разставлена была на квартирахъ въ уѣздномъ городѣ С — хъ. Плѣнники сіи вели себя смирно, и сверхъ положеннаго на ихъ содержаніе казеннаго оклада, заработывали деньги своими трудами. Правда, въ одномъ городкѣ (В....) они вздумали было вспомнить свою Турецкую волю, или правильнѣе сказать, своевольство; но озлобленные Малороссіяне доказали имъ кровавыми доводами, что въ нашъ монастырь чужеземцы не должны ходить съ своимъ уставомъ.

Я былъ тогда молодъ; и воспользовавшись свободнымъ временемъ въ учебномъ году, отправился въ началѣ Іюля осматривать незнакомыя мнѣ доселѣ мѣста моей родины. Въ числѣ прочихъ, посѣтилъ я и красивый городъ С — ы. Здѣсь нашелъ я нѣсколько моихъ товарищей по ученью, которые ласково приняли заѣзжаго гостя, наперерывъ угощали меня съ истинно-Малороссійскимъ хлѣбосольствомъ и показывали мнѣ всѣ (весьма немногія числомъ) достопримѣчательности своего города и его окрестностей. Одинъ изъ этихъ добрыхъ молодыхъ людей даже настоялъ на томъ, чтобъ я остановился въ его домѣ. Онъ и милое се-

мейство его, обще съ другими моими товарищами, тамошними урожденцами, задержали меня въ кругу своемъ почти на все время *вакацій*. Мнѣ было весело и пріятно въ этомъ кругу, и я никакъ не спѣшилъ изъ него вырваться. Въ семнадцать лѣтъ, свободно и безъ заботно пользуешься временнымъ отдыхомъ!

Въ домѣ семейства, такъ радушно меня пріютившаго, помѣщенъ былъ одинъ изъ военно-плѣнныхъ Турокъ. Али былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ, высокій и статный, съ прекрасными, благородными чертами лица и умнымъ взглядомъ. Въ короткое время онъ выучился говорить по-Руски, выговаривалъ слова довольно чисто и нерѣдко дивилъ насъ простодушіемъ и мѣткостію своихъ выраженій. Природный умъ его, казалось, ждалъ только благотворной росы образованности для полнаго своего развитія; но часто закоренѣлая полудикость и грубое суевѣріе Мюсломана были ему въ томъ помѣхой. Онъ сдѣлался неразлученъ со мной и молодыми моими товарищами, участвовалъ въ нашихъ прогулкахъ и рѣзвостяхъ, изумлялъ насъ необыкновенною гибкостью и крѣпостью своею тѣла, и еще чаще насъ смѣшилъ своими чистосердечными выходками, когда случалось ему разсуждать о предметахъ, для него новыхъ и непонятныхъ.

Неразъ онъ удивлялся нашему Европейскому платью, и даже насмѣхался надъ нимъ. «Можно ли, « говорилъ онъ,« зашить человѣка въ узкій мѣшокъ, какъ будто *Одалыку*, которую хотятъ утопить? То ли дѣло, наше Турецкое платье: и свободно и красиво, и въ холодъ грѣетъ, и въ зной не томитъ!»

Отецъ моего товарища имѣлъ тяжбу съ однимъ ябедникомъ, который, бывъ обвиненъ въ нижнихъ инстанціяхъ, взялъ дѣло на апелляцію, и слухъ пронесся, что онъ разными происками успѣлъ дать тяжбѣ благопріятный для него оборотъ. Все семейство пріуныло, потому что боялось утратить большую часть своего достоянія. Али замѣтилъ это, и не понималъ причины такой печали. Онъ просилъ насъ разсказать ему, какое горе постигло *Эфенди*, *Ханымъ* (*) и дѣтей ихъ? Мы растолковали ему, въ чемъ было дѣло. «Да чего же смотритъ здѣшній вашъ *Кади*?» вскричалъ Али съ необыкновенною живостью и досадой, разумѣя подъ именемъ *Кади* городничаго. «Зачѣмъ не велитъ онъ дать этому злому человѣку пять сотъ ударовъ по пяткамъ разпаренными ивовыми палками? Можетъ быть, у вашего Кади нѣтъ такого человѣка, который бы исправилъ эту *должность*? Пусть позоветъ меня: Али знаетъ свое дѣло; Али задастъ вашему злодѣю такую баню, что онъ цѣлые полгода будетъ ползать на четверенькахъ.« Мы невольно засмѣялись, и принялись объяснять Турку, что у насъ правосудіе производится совсѣмъ другимъ порядкомъ, и что дѣло, о которомъ шла рѣчь, вовсе не подлежало сужденію и управѣ *Кади*. Но Али, казалось, не вѣрилъ намъ и сомнительно покачивалъ головою.

Нѣсколько Турокъ, на выработанныя ими деньги, наняли небольшой участокъ земли близъ города и развели *бакшу* (*) для своего употребленія и для продажи. Двое изъ нихъ поссорились и одинъ другаго пырнулъ ножемъ. Преступникъ скрылся; но чрезъ нѣсколько сутокъ явился опять, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Его схватили и отвели въ полицію. Надобно было видѣть гнѣвъ и негодованіе нашего Али. «Какъ!» говорилъ онъ намъ:« Сулейманъ ушелъ, Сулейманъ черезъ три, четыре, больше дней приходитъ опять: Алла и Мухаммедъ его простили; по нашему, онъ больше не виноватъ; а вы его засадили въ кандалы? Что же съ нимъ сдѣлаютъ?« — Мы отвѣчали Али, что военно-плѣнный долженъ состоять подъ законами той страны, гдѣ онъ находится въ плѣну, и что по нашимъ законамъ, Сулейманъ подвергается тѣлесному наказанію. Али не отвѣчалъ ни слова; но взялъ свой ножъ и молча началъ его точить. Когда мы спросили: для чего это? Али очень спокойно отвѣчалъ, что нашъ ножъ пойдетъ къ Кади, просить, чтобъ ему было позволено отрѣзать голову Сулейману. Насилу мы уговорили его не дѣлать этого дурачества, увѣривъ его, что Кади самого его посадитъ въ тюрьму и велитъ высѣчь, какъ человѣка безпокойнаго, нарушающаго общественный порядокъ, у насъ введенный.

Однажды вечеромъ мы разговаривали о трагическомъ приключеніи, случившемся не за-долго въ тамошнихъ окрестностяхъ. Жену одного помѣщика увезъ ея обольститель. Оскорбленный супругъ вызвалъ своего соперника на дуель, и былъ имъ застрѣленъ. Али вслушивался весьма прилежно въ этотъ разсказъ, покачивая головою; и когда мы кончили разговоръ, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Молодой *бояръ*! зачѣмъ мужъ отдалъ себя на убой? развѣ онъ не могъ просто зарѣзать *чужаго мужа*, а злодѣйку жену свою зашить въ мѣшокъ и утопить въ рѣкѣ? Это было бы и умнѣе и лучше.» — Много труда мнѣ стоило увѣрить Али, что этого у насъ не водится.

Наконецъ, отъ безпрестаннаго обращенія съ Русскою молодежью, Али утратилъ свою Турецкую дикость, отрекся отъ многихъ своихъ предразсудковъ и полюбилъ наши обычаи. Онъ даже переодѣлся въ какое-то полу-Европейское платье, сшилъ себѣ родъ гусарскаго доломана съ снурками; но никакъ еще не соглашался носить платье узкое. Послѣ я узналъ отъ моего пріятеля, что когда начали возвращать военно-плѣнныхъ Турокъ

(*) Т. е. господина и госпожу.

(*) Т. е огородъ, засѣянный арбузами, дынями, тыквами огурцами, кукурузой и т. п.

на родину, Али рѣшительно объявилъ, что хочетъ остаться въ Россіи; и не смотря на всѣ угрозы своихъ единоземцевъ, принялъ Христіанскую вѣру. Ловкій, пригожій Али скоро былъ принятъ въ услуженіе однимъ проѣзжимъ офицеромъ, который обѣщался вывести его въ люди.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ, уже по возвращеніи побѣдоносныхъ Россійскихъ войскъ изъ Франціи, проѣзжая чрезъ К...., остановился я въ пракширѣ. Въ общей компаніѣ, встрѣтился я съ пригожимъ кавалерійскимъ офицеромъ, у коего рука была на подвязкѣ, а на лбу широкій, не вовсе еще поджившій шрамъ. Черты этого офицера были мнѣ знакомы; только не могъ я вспомнить, гдѣ видалъ его. Онъ также всматривался въ меня; наконецъ подбѣжалъ и назвалъ меня по имени. «Али!» вскричалъ я по невольному движенію; онъ усмѣхнулся и сказалъ самымъ чистымъ Рускимъ языкомъ: «Договорите; вы сказали только начало моего имени: вполнѣ теперь оно — Алексѣй Ивановичъ!» — Между нами завязался откровенный разговоръ, и тутъ я узналъ причину, по которой Али остался въ Россіи и принялъ нашу вѣру. Онъ былъ влюбленъ въ миловидную Анюту, дочь С....скаго своего хозяина; но глубоко въ душѣ таилъ страсть свою. Благодѣтель его, офицеръ, опредѣлилъ его на службу въ 1812 году. Али служилъ съ отличіемъ, рубился отчаянно, какъ истинный *Дели-башъ*, получилъ нѣсколько ранъ и чинъ подпоручика, и теперь ѣхалъ жениться на миловидной Анютѣ.

О. С — въ.

КУЗНЕЦУ.

Кузнецъ, радуй огонь въ печи,
Желѣзо разкали краснѣе,
По немъ сильнѣе и сильнѣе
Тяжелымъ молотомъ стучи.
Ты скуй мнѣ цѣпь: я цѣпью этой
Красавицу жену мою
На ночь до бѣлаго разсвѣта
Къ постелѣ крѣпко прикую.

Настанетъ ночь — въ калишку стукъ,
А песъ прикормленный не лаетъ:
То на свиданье вызываетъ
Змѣю жену сердечный другъ....
Пропала сладкая дремота!
На зовъ условленный чушка,
Она и рада бъ за ворота,
Да цѣпь крѣпка и коротка.

А. Комаровъ.

СТАРИКЪ.

(*Изъ Саади.*)

Лѣта идутъ; всему своя чреда!
Пусть на главу мою покрышку снѣговую
Накинули труды и строгіе года:
Надъ временемъ я гордо торжествую!

Земное поприще мгновенно соверша,
Поэту ли страшиться разрушенья!
Огнемъ Поэзіи согрѣтая душа
Не престаетъ кипѣть восторгомъ пѣснопѣнья.

Л. Якубовичъ.

СЛОНЪ и СОБАКИ.

Басня (*)

Брыланъ, задорный, бѣглый пёсъ
Съ большей Свиньей схватился,
Возился съ ней въ грязи, возился
Свиною кровью обагрился,
Всю свинью изкусалъ, прогналъ и поднялъ носъ:
«Знай, наши каковы кусаки!»
Сказалъ онъ ей: «и вѣкъ Брылана помнинай.»
Возрадовались всѣ друзья его Собаки.
— Ай! ай!
Кричитъ, вертя хвостомъ, Брехъ, пудель сухощавый:
Покрылъ себя, Брыланъ, ты славой!
Ай ученикъ! ай другъ!
Прославилъ ты нашъ кругъ!
Ай! ай, Брыланъ! Ай, ай! кричатъ щупъ и щенята:
Хвала, свиной герой! — «Послушайте, ребята!»
Брыланъ преважно возгласилъ:
«Чупь-чупь я у Свиньи хвоста не откусилъ.
Когда же сладилъ со Свиньею,
Примусь и за Слона: ну что? *во родню хоть толстъ,*
Да не во родню, бышь можетъ, *простъ* (*).
Друзья, за мною!
Я знаю, Слонъ идетъ теперь на водопой;
Маршъ на Волынскій дворъ!« — За нимъ всѣ побѣжали;
Увидѣли Слона....смѣшались, задрожали,
Попятились. — «Стой, толстый, стой!«
Кричитъ Брыланъ: «какъ смѣлъ обидѣть ты дворняжку?«
— Какую? —» Завирашку.

(*) Басня сія есть одно изъ тѣхъ стихотвореній, кои Авторомъ доставлены были Издателю Лицер. Газеты, при письмѣ отъ 7-го Января, т. е. за 9 дней до кончины почтеннаго и добраго Александра Ефимовича Измайлова. Въ сей баснѣ, замѣчательной по живому своему разсказу, ясно отсвѣчивается добродушная веселость нашего Баснописца. *Изд.*

(**) Изъ Басни И. А. Крылова: *Слонъ на воеводствѣ.*

Проси прощенія; не то, брать, на дуель!
Заставлю пролежать въ сараѣ шесть недѣль.«
— Да отвяжись! Чего ты хочешь?
Не прыгай высоко, вѣдь на клыки наскочишь. —
« Что предъ дворняжкою ты виноватъ, скажи,
И всею правдою въ неправдахъ намъ служи:
Велимъ ли проучить кого, такъ размозжи,
Лизать — лижи.... »
— Лизать?—Вотъ Слонъ шутъ осердился,
Брылана хоботомъ схватилъ,
Черезъ рѣшетку вмигъ его въ каналъ спустилъ,
И гдѣ же? *Въ полыньѣ каналья очутился* (*)!
А Пудель?....На языкъ хотя онъ и остеръ;
Но Нѣмецъ, такъ хитеръ,
И совѣстиѣй притомъ: нѣтъ, онъ не горячился
И впереди щенятъ бѣжать назадъ пустился.

Хоть какъ Собака ни сильна,
Но гдѣ ей укусить Слона?
Бѣда, когда дойдетъ до драки.
Не трогайте жь Слоновъ, Собаки!

А. Измайловъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Ундина, волшебная повѣсть. Сочиненіе де ла-Мотъ-Фуке. Переводъ Ал. Влидге. — С. П. б., въ типогр. Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1831. (269 стр. въ 12-ю д. л. (**).

Ундина есть одно изъ прелестнѣйшихъ созданій воображенія: дѣвушка, созданная изъ какого-то тончайшаго вещества, изъ паровъ воды или чего-то подобнаго, почти *духъ*, но не одаренный *душею* безсмертною; и потому милое, полувоздушное существо сіе своенравно, легкомысленно и неблагодарно. Ему нужно соединиться брачными узами съ существомъ нашей природы, чтобы пріобрѣсть душу; и весь міръ Ундиновъ старается достигнуть сего, какъ верховнаго блага. Ундина, принятая семействомъ бѣдныхъ рыбаковъ вмѣсто дочери, плѣняетъ одного заѣзжаго рыцаря, становится его супругой, получаетъ душу и вмѣстѣ съ нею кротость, постоянство и всѣ добродѣтели семейственныя и общественныя, коими украшаются только избранные изъ человѣковъ. Но простодушіе, легкомысліе и довѣрчивость вредятъ ей: она прилѣпляется къ своей соперницѣ, къ той, которая коварно хочетъ у нея отнять сердце ея мужа. Лукавая Берта успѣваетъ въ томъ и устроиваетъ погибель Ундины и супруга ея: по закону Ундиновъ, если смертный супругъ будетъ грубо обращаться съ своею супругой Ундиной, сія послѣдняя должна потерять свои права на даръ человѣчества, и возвратиться въ первобытное свое состояніе. Рыцарь Гюльдебрандъ въ жесткихъ выраженіяхъ укоряетъ Ундину за проказы родныхъ ея надъ Бертой, во время плаванія по рѣкѣ — и Ундина изчезаетъ. Но по тѣмъ же законамъ своего міра, она должна отмстить измѣннику; какъ бы предчувствуя общее ихъ бѣдствіе, она заблаговременно полагаетъ оному преграду, которая также разрушена своенравною Бертой, и Ундина дѣлается невольною причиной смерти своего супруга.

Свѣжесть сего созданія, фантастическіе образы мечтательнаго міра Ундиновъ, богатство и роскошь описаній и трогающія душу положенія, по праву заслужили сему роману Европейскую извѣстность. Французскій переводъ онаго (Г-жи Монтольё) выдержалъ болѣе десяти изданій. — Рускій переводъ хорошъ и правиленъ; стихи, находящіеся въ этомъ романѣ, Переводчикъ могъ бы переложить прозой.

Путешествіе по Германіи, Швейцаріи, Франціи, Англіи и Нидерландамъ въ 1828 и 1829 годахъ, Доктора Р. Ниберга, содержащее описанія главныхъ городовъ Европы, учебныхъ, богоугодныхъ и лечебныхъ заведеній, увеселительныхъ мѣстъ и другихъ достопримѣчательностей. Ч. 1-я и 2-я. — С. П. б. въ типогр. А. Плюшара, 1831 (Въ 1-й ч. 246, во 2-й ч. 274 стр. въ 8 д. л., съ таблицею и планомъ. (*)

Въ сихъ двухъ частяхъ описаны владѣнія Императора Австрійскаго, Италія, Швейцарія и Франція. Города, на которые Сочинитель преимущественно обращалъ вниманіе, суть: Вѣна, Венеція, Римъ, Неаполь, Флоренція, Пиза, Генуа, Павія, Милано, Мюнхенъ и Парижъ.

(*) Изъ Басни: *Подьячій и Судьба.* (соч. А. Е. Измайлова.)

(**) Продается въ книжн. магазинѣ И. В. Слѣнина, у Казанскаго моста, въ д. Имзена. Цѣна 4 р., съ пересылкою 5 р.

(*) Подписка принимается у самого Сочинителя, въ большой Конюшенной, въ домѣ Г-жи Жадимировской, подъ No. 5-мъ, и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина, у Синяго моста. Цѣна за всѣ 3 части 15 р.; на 3-ю ч. выдается билетъ.

Судя по званію Сочинителя, мы надѣялись найти въ этой книгѣ физико-топографическое описаніе странъ, которыя онъ посѣщалъ, или покрайней мѣрѣ главнѣйшихъ городовъ, имъ видѣнныхъ, съ разсужденіями о дѣйствіи климатовъ и мѣстныхъ причинъ на здоровье и вообще на физическое состояніе жителей. Еще болѣе мы ожидали, что Авторъ подробно изобразитъ покрайней мѣрѣ примѣчательнѣйшія медико-хирургическія школы въ Европѣ и представитъ читателямъ отчеты своихъ наблюденій, объ ученіи, господствующемъ въ каждой изъ сихъ школъ, о существенныхъ различіяхъ между ними; о знаменитѣйшихъ современныхъ врачахъ, ихъ системахъ, способахъ врачеванія и пр. и пр. Тогда, кажется, Путешествіе сіе болѣе было бы сообразно съ цѣлью, которую Авторъ предначерталъ себѣ и изъяснилъ въ своемъ предисловіи, говоря, что онъ «желалъ по мѣрѣ силъ своихъ быть полезнымъ «отечеству и отправился въ чужіе краи, дабы усо«вершенствовать себя въ пріобрѣтенныхъ имъ познані«яхъ,» и что «главною цѣлію его путешествія было «узнать состояніе врачебныхъ наукъ въ просвѣщен«нѣйшихъ странахъ Европы.»

Вмѣсто всего вышесказаннаго, предметы медицинскіе занимаютъ почти второстепенное мѣсто въ описаніяхъ Г-на Ниберга. Самъ онъ говоритъ въ концѣ предисловія: «Любителей и знатоковъ врачебныхъ на«укъ прошу извинить меня, если нѣкоторые предме«ты, относящіеся къ Медицинѣ, описаны мною крат«ко, ибо я поставлялъ себѣ за правило, описывать «единственно то, что видѣлъ лично, и въ чемъ совер«шенно удостовѣрился. Кратковременное въ нѣкото«рыхъ мѣстахъ пребываніе лишало меня возможности «входить въ подробное описаніе оныхъ.» Сія оговорка можетъ служить только слабымъ извиненіемъ. Привязчивый читатель скажетъ: «для чего же писать о «такихъ предметахъ слегка, и какъ бы мимоходомъ?» и будетъ правъ. Путешествій, въ родѣ изданнаго Г-мъ Нибергомъ, очень много: почти каждый Англійскій *Турист*ъ (*) издаетъ подобныя отмѣтки, сдѣланныя карандашемъ при бѣгломъ обозрѣніи иностранныхъ городовъ и ихъ достопамятностей. Впрочемъ, если Г. Нибергъ думалъ доставить пользу нашимъ соотечественникамъ, указаніемъ достопримѣчательностей каждаго города; то долженъ былъ бы стараться, чтобъ его описанія, особливо тѣ, гдѣ онъ упоминаетъ о произведеніяхъ изящныхъ искусствъ, были полнѣе и живѣе, покрайней мѣрѣ не столько сухи и сжаты. Что узнаемъ мы, напр., о памятникѣ Герцогини Маріи Христины (одномъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній Кановы, находящемся въ Вѣнской церкви Св. Августина) изъ слѣдующихъ словъ: «Памятникъ сей есть произведеніе зна«менитаго Кановы. Онъ изсѣченъ изъ бѣлаго Каррар«скаго мрамора.» — И только? А мысль Художника? а геніальная групировка фигуръ? а совершенство выполненія? неужели на все это Путешественникъ взглянулъ мелькомъ и холодно? О Флорентинской галереѣ сказано только, что она *есть*, и что въ ней *есть* картины и статуи. — Если же принимать книгу Г. Ниберга просто, какъ *указатель* или *путеводитель*, то въ семъ отношеніи она должна уступить Рейхардову: Guide des Voyageurs en Europe, еще болѣе Итальянской книгѣ: Itinerario Italiano, и всѣмъ мѣстнымъ *Указателямъ* и *Путеводителямъ*, кои можно найти въ каждой столицѣ Европы. Всѣ сіи книги гораздо полнѣе и подробнѣе Путешествія Г. Ниберга, даже и въ отношеніи къ главному его предмету, т. е. описанію врачебныхъ и благотворительныхъ заведеній.

(*) Tourist. — Такъ Англичане называютъ своихъ соотечественниковъ, кочующихъ по Европѣ отъ праздности или для разогнанія сплина.

СМѢСЬ.

Въ музыкальныхъ магазинахъ Г. Бернарда, въ большой Милліонной и у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардтъ, а въ Москвѣ у Ленгольда, поступили въ продажу: *Русскія пѣсни:* 1) *Ты дитя ль мое, дитятко* и 2) *Сиротинушка, дѣвушка* (слова послѣдней сочинены Барономъ Дельвигомъ). Обѣ сіи пѣсни аранжированы для голоса, съ аккомпанименгомъ фортепіано, извѣстнымъ любителемъ музыки М. Л. Я — вымъ, и посвящены Н. Л. Манзею. — М. Л. Я..... въ съ отличнымъ искусствомъ соблюдаетъ народный характеръ Русскихъ пѣсень: у него плѣняютъ онѣ слушателей своею чистою прелестью, незаимствованною и неподдѣльною. Въ украшеніяхъ выдержанъ совершенно духъ народнаго Рускаго пѣнія; впрочемъ украшенія сіи Авторъ употребляетъ съ большою бережливостію и осмотрительностію. Кому посчастливилось слышать пѣсни сіи, пѣтыя самимъ М. Л. Я — вымъ, тотъ конечно неравнодушно вспоминаетъ о наслажденіи, которое онъ чувствовалъ. — Цѣна экземпляру сихъ пѣсень 1 р. 50 коп.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 20-го дня 1831 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМЪ III, № 24. АПРѢЛЯ 26го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому 7 изданію состоящему изъ 2-хъ, No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Маѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Пятницу), — 6-го (въ Среду), — 11-го (въ Понедѣльникъ), — 16-го (въ Субботу), — 21-го (въ Четвертокъ), — 26-го (во Вторникъ) и 31-го (въ Воскресенье).

ХРИСТОФОРЪ КОЛОМБЪ

ПЕРЕДЪ СОБРАНІЕМЪ ДОКТОРОВЪ САЛАМАНКСКИХЪ

(Соч. Фердинанда Дени.)

Великое стеченіе людей въ Коллегіяльномъ монастырѣ города Саламанки; огромная палата едва вмѣщаетъ въ себѣ стѣснившуюся толпу. Монахи Св. Стефана занимаютъ средину: по строгимъ лицамъ ихъ, по взорамъ ихъ пахмуреннымъ и проницательнымъ, легко можно видѣть, что они занимаются важными науками. Бенедиктины стали по лѣвую сторону большаго Распятія, находящагося въ углубленіи палаты: длинная, черная одежда ихъ съ волнистыми складками, широкіе рукава, вѣнчикъ волосовъ на головѣ, суть отличительныя ихъ примѣты. Противъ нихъ поставлены Доминикапы, въ одеждѣ бѣлой съ черным, съ лицами печальными и задумчивыми: они помышляютъ уже о тайныхъ пыткахъ Инквизиціи. Далѣе слѣдуютъ монахи Орденовъ, собирающихъ милостыню, носящіе вервіе Св. Франциска и являющіе на лицахъ своихъ болѣе набожности, чѣмъ ума, и болѣе жишейскаго веселія, чѣмъ помысловъ суровыхъ. Это черпь Кашолическихъ монаховъ, черпь побирающаяся и любимая чернью; сѣраго цвѣша одежда ихъ тяжела и груба. Слѣдуютъ за симъ отцы Милосердія, Кармелиты обутые и босоногіе, братія младшая съ своею хоругвію, принесенною отъ Гроба Христова. Посреди палаты, на высшихъ сѣдалищахъ, возсѣдятъ три Епископа, окруженные Докторами, конхъ можно отличить по черной ихъ одеждѣ и докторской скуфьѣ. Однако въ сіе собраніе допущены и простые Ѳеологи и нѣкоторые изъ свѣтскихъ ученыхъ, какъ на примѣръ Алонзо де-Квинтилья, Государственный Счетчикъ двора Кастильскаго; Александръ Джиральдини, наставникъ дѣтей Изабеллы и Фердинанда; наконецъ съ удивленіемъ всѣ видятъ здѣсь женщину: но эта женщина — знаменитая Беатрикса Галиндесъ, прозванная *Латинянкой* (la Latina) и нѣкогда преподававшая Латинскій языкъ Королевѣ Изабелѣ.

И когда ученое собраніе установилось, когда изумленный глазъ могъ разсматривать длинные и правильные строи одеждъ черныхъ и бѣлыхъ, сѣрыхъ и синихъ, посреди конхъ отличались митры Епископовъ и Аббатовъ и четвероугольныя скуфьи Докторовъ, тогда отворили дверь, ведущую со двора, и студенты шумно впѣснились въ нее. Часть палаты была имъ предоставлена, дабы они могли слышать экзаменъ, заблаговременно почитаемый безполезнымъ, и болѣе возбуждающій общее веселіе, нежели любопытство.

Все сіе происходило по повелѣнію Изабеллы. Монахи хранили глубокое молчаніе; но смѣшанный ропотъ раздавался въ той сторонѣ, которая занята была студентами. Тамъ слышались то подавляемый смѣхъ, то ученыя замѣчанія о видѣ земли и Космографіи; то ссылки на Плинія, Иродота и Страбона; порою звонкіе голоса покрывали всѣ голоса другіе. «*Этотъ бѣдный Генуэзецъ никогда не читалъ церковныхъ нашихъ Отцевъ*,» говорилъ одинъ: «*онъ увидѣлъ бы, какъ они пространно опровергли его безумную мысль.*

— «Но если онъ не безумный!» замѣтилъ другой.

— «Такъ должно бы его сжечь,» примолвилъ тихимъ и сострадательнымъ голосомъ молодой Студентъ, желавшій вступить въ послушники ордена Св. Доминика: «должно бы его сжечь за то, что онъ искажаетъ смыслъ Писаній.

— «Полно, полно!» подхватилъ четвертый: «онъ еще болѣе невѣжда, чѣмъ сумасбродъ; это ясно видѣли въ Португаліи. Лактанцій такъ мало ему извѣстенъ, какъ будто бы сроду ничего не писалъ.»

И вдругъ говоръ усилился. Онъ разлился по всему обществу, подобно тому гулу, который иногда проносится по лѣсамъ и медленно шумитъ, пока не настанетъ снова безмолвіе.

Никто уже не говорилъ; одинъ только человѣкъ началъ говорить, и первыя слова его были молитвой.

Коломбъ явился предъ Епископовъ и его готовились вопрошать. И когда бѣдный Генуэзскій мореходъ пролилъ мольбу свою къ Богу, то почувствовалъ себя твердымъ и полнымъ увѣренности. Скромнымъ, но довѣрчивымъ взоромъ обвелъ онъ все собраніе, и ни малѣйшаго ропота не стало болѣе слышно: есть взоры, налагающіе молчаніе.

Скоро сіе молчаніе прервано было медленнымъ и тихимъ говоромъ, но не заключавшимъ въ себѣ ничего оскорбительнаго: Доктора предлагали взаимно другъ другу, повести первую рѣчь съ иностранцемъ. Наконецъ сія честь предоставлена была старѣйшему.

И онъ сказалъ голосомъ слабымъ и чахлымъ, по который иногда какъ будто одушевлялся гордостью: «Владѣтель Арагоніи и наша всемилостивѣйшая Государыня Королева Кастильская повелѣли намъ вопрошать тебя....» Тутъ онъ на мигъ пріостановился.

«Во всѣхъ дѣлахъ,» продолжалъ онъ: «Древніе суть наши учители, такъ какъ Отцы Церковные наши руководители. Господинъ Генуэзецъ! надобно хорошо знать ихъ, прежде чѣмъ начнешь отвѣчать сему ученому собранію, которое однако жь готово тебя слушать, ибо такова воля Королевы. Начнемъ же съ того: знаешь ли ты, какое мнѣніе Писателей о сихъ Антиподахъ, которыхъ ты пускаешься отыскивать, странъ, въ которыхъ люди, какъ весьма забавно говоритъ Лактанцій, должны ходить внизъ головою? Что до меня, то не вѣря съ Пиндаромъ, будто бы за Кадиксомъ море непроходимо для людей, я придерживаюсь мнѣнія Св. Августина; и здѣсь я приведу тебѣ текстъ изъ него,» продолжалъ онъ голосомъ болѣе важнымъ, какъ будто бы, съ самой первой минуты пренія, онъ напосилъ уже рѣшительный ударъ системѣ чужестранца.

«Невѣроятное дѣло, чтобъ были Антиподы, то «есть люди, живущіе на другой сторонѣ земли, въ томъ «краю, гдѣ солнце возходитъ тогда, какъ въ нашемъ «оно закатывается, и гдѣ ноги ихъ были бы противо«положны нашимъ. Ученые утверждаютъ сіе не потому, «чтобъ имѣли о семъ ясное откровеніе; но потому, «что таковыя слова внушаетъ имъ Философія. По «ихъ мнѣнію, земля находится посреди міровъ, окру«женная отовсюду и совершенно покрытая небомъ: изъ «сего необходимо слѣдуетъ, что самое низменное мѣ«сто должно быть то, которое находится въ самой «срединѣ вселенной.«

Докторъ умолкъ, и одобрительный говоръ долго еще слышался послѣ того, какъ онъ сѣлъ на свое мѣсто.

Съ видомъ человѣка, твердаго съ своемъ внутреннемъ убѣжденіи, Коломбъ ожидалъ, пока шумъ прекратится. Онъ снова тихимъ голосомъ прочелъ краткую молитву, и когда глубокое молчаніе опять воцарилось въ обществѣ, онъ сказалъ:

«Высокостепенные Епископы! честные отцы Доктора и Аббаты! Святый Августинъ сказалъ еще и другія слова, и я вамъ ихъ напомню.

«Священное Писаніе (говоритъ Епископъ Ипонійскій) никогда не заблуждается и не можетъ вводить «въ заблужденіе. Истины его столь же ясно доказаны «тѣмъ, что оно вѣщаетъ о дѣлахъ прошекшихъ, какъ «и тѣмъ, что мы видѣли изъ дѣлъ, имъ предсказанныхъ, «яко долженствовавшихъ совершиться. Мы видимъ сіе. «Дѣло, выходящее изъ предѣловъ всякой очевидности, «утверждать, будто бы люди могли перейти съ сего «материка въ другой новый міръ, и переплыть неизмѣримый Океанъ. Къ тому же невозможно, чтобъ и «были люди въ тѣхъ частяхъ свѣта, ибо весь родъ человѣческій произошелъ отъ перваго человѣка.»

«Вы видите, ученые мужи, что сей Церковный Отецъ не видитъ инаго затрудненія въ обитаемости странъ противоножныхъ, кромѣ невозможности переплыть неизмѣримый Океанъ. Святый и великій Григорій Назіанзинъ утверждалъ то же; и, по его мнѣнію, за Гибральтарскимъ проливомъ не было того Офира Соломонова, отнуда привозимы были несмѣтныя сокровища, употребленныя на благолѣпіе храмовъ Господнихъ. Напитавшись ученіемъ духовнымъ, божественнымъ, Святые Отцы могли нерадѣть объ ученіи земномъ.»

Тутъ поднялся ропотъ, какъ будто бы смѣлость мыслей Оратора долженствовала быть обузданною; но онъ скоро началъ продолжать свою рѣчь, ибо голоса ободрительные послышались съ той стороны, гдѣ сидѣли монахи Св. Стефана.

— «Древніе ваши учители, сказалъ одинъ почтенный Докторъ: а Древніе странъ говорятъ за меня; я призову во свидѣтельство Платона. Вспомните, что Критіасъ говоритъ о странѣ, большей нежели Азія и Африка вмѣстѣ:» Былъ (говоритъ онъ) путь отъ сихъ «острововъ къ другимъ; а съ этихъ другихъ переправлялись на твердую землю, находившуюся не въ далекѣ «и окруженную моремъ.»

«Вы ссылались на языческихъ Поэтовъ; а языческіе Поэты предсказали мнѣ успѣхъ въ моихъ предположеніяхъ. Сенека Трагикъ говоритъ:

. . . . . venient annis
Saecula seris quibus Oceanus
Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat tellus, Tiphysque novos
Detegat orbes . . . (*)

(*) «Настанутъ поздніе вѣки, въ которые Океанъ, разорвавъ «оковы нынѣшняго порядка вещей, отверзнетъ великую зем«лю, и Тифисъ новыя откроетъ страны.» — Тифисъ былъ кормчимъ у Аргонавтовъ.

Одинъ голосъ. «Nec sit terris ultima Thule (*). Онъ говоритъ о Сѣверѣ, а ты хочешь плыть на Западъ.»

Но Коломбъ не думалъ отвѣчать. Онъ воспламенился чувствомъ совершенно поэтическимъ: онъ болѣе предсказывалъ съ Поэтомъ, нежели старался убѣдить своихъ слушателей.

Другія рѣчи слышны были между студентами.

— «Дайте ему говорить,« молвилъ одинъ: «онъ знаетъ Писателей Церковныхъ и языческихъ, знаетъ ихъ также хорошо, какъ Докторъ Педро, мученикъ де-Англеріа.

— « Какъ жаль,« замѣтилъ другой, »что онъ говоритъ не чисто по-Кастильски!

— «Его понимаешь изъ взоровъ,« отвѣчалъ тому сосѣдъ его.

Въ самомъ дѣлѣ, Генуэзецъ не опускалъ уже глазъ къ низу, но съ благородною самоувѣренностію обводилъ ими все собраніе.

— « Язычники,» присовокупилъ Коломбъ, «ничего не значатъ, а Пророки все. Они пронзрекли мнѣ искать Новаго Свѣта, по словамъ Исаіи, *на корабельныхъ крилахъ, яже объ ону страну рѣкъ Эѳіопскихъ.*» Вспомните еще и сіи священные глаголы: «*И послю отъ нихъ «(Израиля) спасенныхъ во языки въ Ѳарсисъ... и во острови «дальніе... и возвѣстятъ славу Мою во языцѣхъ, и приве-«дутъ братію вашу отъ всѣхъ языкъ даръ Господеви* (**). «Авдій еще яснѣе говоритъ,« прибавилъ онъ съ восторгомъ:

« *И преселенія начало сіе сынолъ Израилевыхъ, земля Хананейска до Сарепты*, что значитъ Зарфатъ или Франція; *преселеніе же Іерусалимля до Ефраѳа*, что значитъ Сафарадъ или Испанія, *и наслѣдятъ грады Нагевовы* (полуденные). *И взидутъ спасаеміи отъ горы Сіони, еже отлистити гору Исавлю: и будетъ Царство Господеви.*»

« Впрочемъ, повторяю вамъ, честные отцы Епископы и Доктора! Не все ли возможно Тому, Кто есть »*полагаяй облаки на возхожденіе Свое, на небеси «уготова престолъ Свой* (***).

— « Это покрайней мѣрѣ доводъ Христіанскій,» проговорила хриплымъ и чахлымъ голосомъ старуха, о которой мы упомянули, — единственная женщина, находившаяся въ семъ собраніи. Она была между Докторами, и черная одежда ея мало разнилась покроемъ съ одеждою Богослововъ. Видъ сей женщины былъ суровъ, взоръ ея гордъ и проницателенъ. И какъ она славилась своими знаніями и добродѣтелями, то Доктора часто спрашивали ея мнѣнія въ самыхъ запрудительныхъ задачахъ. Легко было замѣтить, что сомнѣнія, изъясненныя Коломбомъ касательно учености Отцевъ Римской церкви, тронуло ее за живое. Она поспѣшила подать свое мнѣніе въ такихъ словахъ:

« Мы думаемъ съ Ѳеодоритомъ, и по толкованію Семьдесяти Толковниковъ, что Ѳарсисъ въ Африкѣ; Африка же намъ очень извѣстна. Асіонгаберъ, откуда въ древности отплывали, есть морская пристань одного города въ Идумеѣ, построеннаго у пролива, который соединяетъ Чермное море съ великимъ Океаномъ; что же касается до Сафарада, то Св. Іеронимъ переводитъ сіе слово Босфоромъ, т. е. проливомъ. Знаю, что иные ссылаются на толкованіе Халдейское, по которому слово сіе означаетъ Испанію; но, еще разъ, Генуэзецъ, отвѣчай Лактанцію на его вопросъ объ Антиподахъ; ежели есть люди подъ нами, то они не дѣти Адамовы, а ты становишься *еретиколъ*,» прибавила она, возвыся голосъ; и сіи послѣднія слова, произнесенныя въ торжественномъ безмолвіи многочисленнаго собранія, въ тотъ вѣкъ, когда успровалась Инквизиція, обдали всѣ сердца холодомъ.

Слово *еретикъ* отдавалось по всему собранію, подобно треску горящихъ дровъ.

Но Коломбъ вмѣсто отвѣта проговорилъ только слѣдующія слова изъ Соломона:

« *Твой же, Отче! устроляетъ Промыслъ, яко далъ еси «и въ морѣ путь, и въ волнахъ стезю крѣпкую: показуя «яко силенъ отъ всякаго* (зла) *спасти, аще и безъ худо-«жества кто взыдетъ.... Сего ради малѣйшему древу «вѣрнютъ человѣцы души* (своя) *и преходяще волны ко-«раблецемъ избавленіи суть.*»

— « Онъ крѣпокъ въ вѣрѣ,» возклицнули монахи Св. Стефана,» и знающъ въ наукахъ: чего же вы еще отъ него требуете?

— « Пусть же Г-нъ Генуэзецъ,» сказалъ насмѣшливымъ голосомъ Епископъ Фонсека, «согласится покрайней мѣрѣ съ Аристотелемъ, учителемъ нашимъ во всемъ, мудрымъ и ученымъ наставникомъ Александра Великаго. Когда бы *Мессеръ* Коломбо прочелъ его, то узналъ бы, что если онъ и не боится пламени земнаго, все бы ему было должно устрашиться огня небеснаго, который не позволяетъ людямъ жить подъ жаркимъ поясомъ земли. Великій Плиній того же мнѣнія. Правда,» примолвилъ Оракоръ съ какимъ-то шутливо-важнымъ видомъ: « путешественники могутъ предполагать Антиподовъ, судя по водометамъ, кои, по мнѣнію Лактанція, должны брызгать вверхъ, какъ дождь, который просѣвается сквозь землю, падая къ намъ съ неба.«

Но доводы Лактанція уже слабо дѣйствовали на собраніе. Коломбу нетрудно было опровергнуть Аристотеля. Онъ бѣгло исчислилъ новѣйшихъ странствователей, особливо ссылался на Марка Пауло, коего чудныя

(*) «Нѣтъ земли за островомъ Ѳуломъ.» Древніе почитали островъ сей краемъ земли. Нѣкоторые думаютъ, что подъ именемъ Ѳула извѣстна были Древнимъ Исландія. — *Прим. перев.*

(**) Исаіи, Гл. 18, стихъ. 1. — Его же, Гл. 96, ст. 19 — 20.

(***) Псал. 102, ст. 19, и Псал. 103, ст. 3.

путешествія воспламенили умъ его; и обладаемый, какъ бы незавѣдомо самому себѣ, тѣмъ духомъ Вѣры, который содѣлался побудительною причиною всѣхъ его дѣйствій, онъ присовокупилъ еще многія мѣста изъ Священнаго Писанія къ своимъ ссылкамъ на путешественниковъ.

Тысяча возраженій сыпались на него, и на всѣ отвѣчалъ онъ съ невѣроятнымъ присутствіемъ духа; но между вопрошавшими его, одинъ Доминиканскій монахъ особенно говорилъ въ его защиту: то былъ Деза, возведенный попомъ въ санъ Епископа. Ободренный сею защитою, одушевленный и геніемъ своимъ и вѣрою, Коломбъ увлекъ за собою умы слушателей. Болѣе всего между молодыми студентами, сошедшимися для того, чтобы позабавиться надъ его предположеніями, пріобрѣлъ онъ теперь себѣ поборниковъ. Со всѣхъ сторонъ слышалось: «Онъ искусенъ въ наукахъ божественныхъ и человѣческихъ.» — «Доктора не знаютъ уже, что ему и возразить.» — «Если онъ такой же хорошій мореходецъ, какъ и ученый человѣкъ, то Короли могутъ смѣло поручить ему свои каравеллы.»

— «Матерь Пресвятая Богородица! Слышали ль вы, какъ онъ отпѣлъ Доктору Бернальдесу? бѣднякъ онѣмѣлъ, какъ каменная статуя святаго и великаго Іакова Компостельскаго.» — «Славно отвѣчено!» подхватили другіе. — «Славно, славно! Бенедиктинцы уже не смѣютъ и рта разинуть.»

— «Эхъ! зачѣмъ у меня нѣтъ докторской шапки на головѣ! кажется, я многое возразилъ бы ему.» — «Смотрите, смотрите! вотъ они и кончили засѣданіе, потому что вся ученость ихъ стала въ тупикъ.»

И въ самомъ дѣлѣ, разные монашескіе Ордена встали съ своихъ скамей и тихо начали расходиться одни за другими. Изъ ихъ степенныхъ лицъ нельзя было разпознать, были ль они убѣждены, или упорствовали въ своемъ невѣріи.

И однако рѣшено было, чтобы Коломбъ предсталъ предъ совѣтъ Королевскій, и что предположенія его достойны были нѣкотораго вниманія.

Съ Фр. — *Л. Крстевичъ.*

ЗЕМНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Видѣлъ я двѣ звѣздочки,
Видѣлъ въ день, не на небѣ!
Звѣзды неба холодно
Блещутъ изъ полночныхъ тучъ;
Но земныя звѣздочки
Свѣтятъ мнѣ на пагубу,
Жгутъ меня, томятъ меня:
Тѣ земныя звѣздочки —
Очи красной дѣвицы.

Трилунный.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Что пользы въ томъ, что ты рѣчистъ,
Что корчишь важную осанку?
Историкъ ты и Журналистъ,
Панегиристъ и Пародистъ,
Ты все....и все ты на-изнанку!

2.

Безсильный врагъ, ты шуно жалишь:
Раздолье, смѣхъ твоимъ врагамъ;
Бездушный другъ, ты глупо хвалишь:
Бѣда и страхъ твоимъ друзьямъ!

О ГРАФѢ ВЛАДИМІРѢ ГРИГОРЬЕВИЧѢ ОРЛОВѢ.

Наконецъ мы проснулись едва ли не съ послѣднимъ вельможею Екатерины. Въ Москвѣ, 1831-го года, въ Февралѣ мѣсяцѣ, скончался Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ; характеръ его, по многимъ отношеніямъ, заслуживаетъ почтительное вниманіе соотечественниковъ. Они вообще умѣютъ отдавать справедливость добрымъ качествамъ согражданина; если же память о немъ сливается съ воспоминаніями о славномъ вѣкѣ, тогда уваженіе къ нему соединяютъ они съ какою-то особенною любовію. Вѣкъ Екатерины — сколько мыслей и чувствованій сіи два слова пробуждаютъ въ сердцѣ Россіянина! — сей вѣкъ, богатый славными событіями и на поляхъ брани, и въ совѣтахъ мудрой Политики, и въ дѣлахъ внутренняго устройства, образовалъ у насъ многихъ знаменитыхъ Полководцевъ и людей Государственныхъ. Но блескъ и роскошь тогдашняго Двора, если и не могли вовсе устранять вельможъ и Царедворцевъ отъ мирной сѣни наукъ, не могли однако жь и согласоваться съ строгими условіями жизни, имъ посвященной. Врожденныя склонности и характеръ Графа Орлова указали ему сіе скромное поприще, — и онъ, въ цвѣтущихъ лѣтахъ осыпанный дарами фортуны, готовившей ему первую степень знаменитости, оглашаемый громомъ побѣдъ, ослѣпляемый блескомъ славы, уклонялся отъ всѣхъ приманокъ честолюбія, молилъ Екатерину не возлагать на него

знаковъ отличія, пребылъ Философомъ въ прямомъ значеніи слова, и смиренную стезю свою обратилъ въ путь, неменѣе полезный и славный, ведущій къ успѣхамъ просвѣщенія.

Съ любовію къ Наукамъ соединялъ онъ безпредѣльную любовь къ отечеству; оставлялъ Россію, но съ единственною цѣлію принесть ей въ даръ плоды своихъ познаній; учился въ Лейпцигѣ, но въ Россійскомъ языкѣ былъ самъ наставникомъ дѣтей своихъ; по тѣмъ же правиламъ, подъ его же личнымъ надзоромъ, обучались и его внуки. Никто изъ ученыхъ его современниковъ не являлъ у насъ подобнаго примѣра, и немногіе умѣли столь основательно цѣнить достоинство нашего языка, его красоту и богатство.

Во время продолжительныхъ путешествій его внѣ Россіи, одно лишь полезное привлекало его любопытство. Никакая суетность не могла отклонить его отъ сей важной цѣли. Между тѣмъ какъ самолюбіе стремило всѣхъ къ тогдашнему центру ученой знаменитости, когда все спѣшило въ Ферней, онъ медлилъ, не находя свободнаго времени — посѣтить Вольтера. Не удивительно, что сей, долго дожидаясь его посѣщенія, придумалъ подарить Г-ну Полянскому письмо Императрицы, въ которомъ Она упоминаетъ, что молодой сѣверный Философъ навѣрное заѣдетъ въ Ферней, придумалъ это, зная, что письмо будетъ сообщено Графу, и скорѣе вызоветъ его изъ Парижа, гдѣ онъ не веселился, но обогащался классическими свѣдѣніями: не удивительно, ибо Вольтеръ былъ надмененъ, и могъ оскорбляться равнодушіемъ знатнаго Россіянина, хвалимаго Екатериною (*). Но къ чести характера Графа Орлова относится пріязнь Жанъ-Жака. Разлюбивъ людей вообще, въ числѣ немногихъ онъ принималъ къ себѣ и Графа, самъ посѣщалъ его, и говорилъ съ нимъ, какъ съ собою. Руссо предавался иногда заблужденіямъ, когда начиналъ умствовать; но былъ безошибочнымъ, когда хотѣлъ лишь чувствовать, — и его пріязнь, освобожденная отъ всѣхъ наростовъ гордости и самолюбія (къ сожалѣнію, столь примѣтныхъ въ его твореніяхъ), была неоцѣненна. Сѣверный знакомецъ его былъ скроменъ, не только на чредѣ величія и почестей, но и на поприщѣ, имъ избранномъ: я всегда узнавалъ въ немъ мужа съ обширными свѣдѣніями, но никогда бывшаго Президента Академіи. Сіе достоинство не было имъ снискано посредствомъ домогательствъ, не было однимъ изъ даровъ фортуны: оно было воздаяніемъ, заслуженнымъ въ общемъ мнѣніи, которое оправдалъ онъ новыми, блистательными заслугами: не ему ли обязано отечество двумя учеными экспедиціями по Россіи, въ первый разъ достойными своего предмета, путешествіями Профессоровъ: Гмелина (младшаго), Лепехина, Гильденштедта, Фалка и славнаго Палласа? — Но онъ и сіе тишло, которымъ смѣло могъ бы гордиться, украшалъ добродушнымъ смиреніемъ.

Образъ его домашней жизни былъ совершеннымъ отпечаткомъ его характера. Я часто имѣлъ случай видѣться съ нимъ уже въ лѣтахъ его маститой старости, и наслаждаться его бесѣдою. Гдѣ бы ни находилъ его: въ ученомъ ли кабинетѣ, гдѣ онъ удивлялъ меня своимъ вниманіемъ къ новѣйшимъ произведеніямъ отечественной, или вообще Европейской Словесности, вниманіемъ, столь рѣдкимъ въ людяхъ инаго времени (*); въ кругу ли почтеннаго его семейства, гдѣ собственнымъ примѣромъ разливалъ онъ веселость и словоохотливость, и плѣнялъ знакомцевъ искренностію и радушіемъ; среди ли блаженствующихъ поселянъ *Отрады* (**), съ которыми по нѣскольку часовъ бесѣдовалъ онъ во время утреннихъ своихъ прогу-

(*) Графъ не былъ пристрастенъ къ Вольтеру. Однажды, говоря объ немъ со мною, досадовалъ онъ на него даже за то, что онъ, вставая при каждомъ входѣ и выходѣ Г-жи Дени, заставлялъ и его дѣлать то же: къ большей досадѣ сего врага церемоніяловъ, Г-жа Дени въ этотъ разъ безпрестанно входила и выходила. — Не знаю, у Графа ли осталось упоминаемое здѣсь письмо, или у Г. Полянскаго. Въ изданной перепискѣ Императрицы Екатерины не находится онаго. Вотъ все, что сказано въ ней о Графѣ: Императрица, желая объяснить Вольтеру, что Графъ, не любившій Французскихъ стиховъ, не есть Графъ Владиміръ Григорьевичъ, писала: «Президентомъ въ Академіи не Фельдцейхмейстеръ Графъ «Орловъ, а меньшой братъ его, котораго единственное у«пражненіе состоитъ въ Наукахъ.» Въ одномъ изъ писемъ Вольтера: «Наконецъ я имѣлъ честь видѣть одного изъ «пятерыхъ Орловыхъ. Я видѣлъ того, который ни во что не «вмѣшивается, и живетъ Философомъ; онъ удивилъ меня,» и пр. — Нѣкоторыя бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго, должны быть весьма любопытны для его Біографа.

(*) Безъ всякихъ предразсудковъ, свойственныхъ старости, онъ часто отдавалъ преимущество нашимъ современнымъ Писателямъ въ отношеніи къ слогу. Съ особеннымъ прилежаніемъ онъ наблюдалъ ходъ новѣйшей Литературы; съ большимъ удовольствіемъ получалъ изъ Эдинбурга отъ внука своего, Г. Давыдова, который коротко знакомъ съ Вальтеръ-Скоттомъ, извѣстія о семъ Писателѣ, и читалъ ихъ переписку. — При послѣднемъ нашемъ свиданіи, я засталъ его сличающаго Исторію Карамзина съ источниками, изъ коихъ онъ почерпалъ, и съ другими Авторами, писавшими послѣ о томъ же предметѣ. Увидѣвъ меня, онъ заговорилъ о Карамзинѣ, и умѣлъ сказать столько для меня новаго о достоинствахъ сего великаго Писателя, что мнѣ оставалось лишь слушать, и удивляться способности старца соединять такое богатство мыслей съ такою ясностію ихъ изложенія. Пріятельская связь его съ старшиною нашего Парнасса, Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, по самую смерть имъ сохраненная, также показывала въ немъ истиннаго друга просвѣщенія.

(**) Село *Семеновское*, *Отрада* тожъ, въ 80 верстахъ отъ Москвы.

локъ, — вездѣ заставалъ въ немъ ту ясность души, которая знаменуетъ чистую нравственность, основательный умъ и доброе сердце; вездѣ и всегда я восхищенъ былъ зрѣлищемъ, нынѣ столь необыкновеннымъ: видомъ старца, являющаго въ себѣ, то образъ ученаго Германца протекшаго вѣка, то мужа временъ Патріархальныхъ.

Нѣкоторые замѣчали въ немъ излишнюю бережливость, и даже рѣшались осуждать ее: правда, онъ не давалъ блестящихъ баловъ, не жегъ фейерверковъ, не обращалъ дома своего въ Музеумъ Художествъ; но всякую ночь засыпалъ съ мыслію, что изъ сорока тысячъ людей, ввѣренныхъ ему Провидѣніемъ и Царскими щедротами, ни одинъ въ этотъ день не вздохнулъ горестно, ни одинъ не почувствовалъ тягости, не смотря на скудные урожаи нѣсколькихъ годовъ сряду. Въ добавокъ, замѣтимъ, что онъ не довольствовался однимъ, нерѣдко еще вреднымъ, желаніемъ помогать безъ разбора: человѣколюбіе заставляло его входить во всѣ подробности сельскаго быта; онъ узнавалъ, въ какомъ селеніи, какое семейство, отъ какихъ причинъ бѣднѣетъ; и если онъ лѣности и дурной жизни, то не давалъ повода къ новому нерадѣнію потворствомъ, а соединялъ пособія съ обращеніемъ къ трудолюбію. Легко богачу бросать тысячи; труднѣе войти въ таковыя подробности: но онъ хотѣлъ быть полезнымъ еще болѣе, чѣмъ благословляемымъ. Въ качествѣ благотворителя, онъ сохранялъ ту же систематическую опредѣлительность, то же стремленіе къ одному лишь полезному и прочному, то же удаленіе отъ всего громкаго и блестящаго, каковыя являлъ онъ и въ качествѣ Филолога. Ничто не говорило гласно: молись за Графа — а несчастные молились. Неизвѣстный, чувствовавшій себя нездоровымъ, входилъ въ больницу *Отрады*, и тамъ не спрашивали у него, кто онъ и откуда, но чѣмъ онъ боленъ, и прилагали всѣ возможныя о немъ попеченія. Такова была роскошь Графа Орлова. Многіе не хотятъ, или не умѣютъ согласить образъ жизни своей съ правилами ихъ собственнаго ума и сердца; но онъ такъ дѣйствовалъ, какъ мыслилъ во все почти вѣковое продолженіе своего земнаго пути.

Смерть его была закатомъ прекраснаго солнца. Она не могла ни изумить, ни встревожить его: онъ свыкся съ нею частымъ размышленіемъ о жизни надъ гробами братьевъ, супруги и дѣтей. Я часто встрѣчалъ его въ густыхъ аллеяхъ *Отрады*, выходящаго изъ уединенной храмины, гдѣ, вмѣстѣ съ земною славою, почили милые сердцу его, и гдѣ уже давно избралъ онъ мѣсто и для своего праха (*). Какъ ясенъ былъ взоръ его, какъ спокоенъ казался онъ послѣ сихъ священныхъ минутъ! Имъ обязанъ онъ былъ за ту невѣроятную твердость, съ коею встрѣтилъ онъ ужаснѣйшіе удары судьбы: смерть супруги, обоихъ сыновей, дочери и внука, утѣшая безотрадную мать въ потерѣ сына.

Кто жилъ какъ Сократъ, былъ достоинъ умереть послушникомъ Христа: онъ умеръ Христіаниномъ и сыномъ Церкви. Не нужно говорить о горести кровныхъ, когда и всѣ домашніе прощались съ нимъ, какъ съ отцемъ. Крестьяне, сбѣжавшіеся изъ всѣхъ его Подмосковныхъ и многихъ дальнихъ селъ, везли гробъ его на себѣ; тысячи тѣснились къ нему со слезами, и спорили о правѣ на сей знакъ своего усердія и благодарности. Пусть скажетъ хотя одинъ изъ нихъ, былъ ли онъ принужденъ или уговоренъ на это! — Вотъ панегирикъ, выраженный самымъ дѣйствіемъ; его-то не въ силахъ заказать себѣ вельможа именитый, ни богачъ купить милліонами.

Почтенный старецъ! я не видалъ тебя въ торжественный часъ добродѣтельнаго, — и одною изъ моихъ печальныхъ мыслей будетъ та, что болѣзнь возпрепятствовала мнѣ поклониться твоему отшествію въ Вѣчность; одною изъ самыхъ сладостныхъ, что я удостоенъ былъ твоего благосклоннаго вниманія!

Н. И. — П.

(*) Близъ сельскаго храма, на прекрасномъ возвышеніи, примыкающемъ къ саду, онъ построилъ павильонъ въ видѣ ротонды, гдѣ соединилъ осташки всѣхъ своихъ родственниковъ. Надъ гробомъ каждаго виситъ портретъ его съ означеніемъ, на вызолоченной мѣдной доскѣ, имени, дня рожденія и кончины его. Тамъ, еще заживо поставленъ былъ и его гробъ. Туда онъ заходилъ послѣ своихъ прогулокъ для воспоминанія счастливыхъ минутъ въ своей жизни, не боясь, притомъ, напоминать себѣ и о концѣ ея.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Патриціи, историческая повѣсть XVI столѣтія, соч. К. Фанъ-деръ-Фельда. Съ Нѣмецкаго перевелъ Н. Павлищевъ. — С. П. б., въ типогр. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи, 1831. (257 стр. въ 12-ю д. л. (*)

Произшествіе, описанное въ семъ романѣ, относится къ тѣмъ смутнымъ временамъ Германіи, когда мѣщане Имперскихъ городовъ были въ явной враждѣ

(*) Продается въ книжныхъ магазинахъ Смирдина, Слѣпнина, Глазунова и пр. по 5 р., съ пересылкою по 6 руб. за экземпляръ.

съ Дворянствомъ, и отъ сего возникали безпрерывныя междоусобія. Мѣстомъ дѣйствія Романистъ выбралъ Силезскій городъ Швейдницъ. Главныя дѣйствующія лица сей кровавой драмы изображены живо и отмѣчены рѣзкими чертами. Бургомистръ Швейдница, Эразмъ Фрейндъ, старикъ гордый, упрямый и кровожадный; два его сына, Христоферъ и Францъ, одинъ скрытный и коварный, другой дерзкій, своевольный и буйный; Дворянинъ Таусдорфъ, человѣкъ прямодушный и благородный, сдѣлавшійся жертвою козней и неправосудія; наконецъ двѣ женщины: кроткая, добродѣтельная Алоеся, и лукавая, таинственная Бона: всѣ сіи лица привлекаютъ вниманіе читателей своими вѣрными очерками и нравственными противоположностями. Завязка ведена очень хорошо и положенія нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ пробуждаютъ участіе. Удивляемся, почему нѣкоторый Журналистъ, доселѣ ничѣмъ не доказавшій, что самъ онъ обладаетъ *невещественнымъ капиталомъ* дарованій,—назвалъ Фанъ-деръ-Фельда бездарнымъ, Нѣмецкимъ д' Арленкуромъ, а романы его осудилъ безъ всякой пощады? *Богемская дѣвичья война*, *Патриціи*, *Арведъ*, *Христина*, суть произведенія, стоющія гораздо лучшаго отзыва.

Переводъ сего романа, равно какъ и *Богемской войны*, отличается вѣрностію, слогомъ живымъ и чистымъ.

СМѢСЬ.

Литературная Газета не исполнила бы своей обязанности, если бъ оставила безъ вниманія литературный споръ, недавно возникшій между двумя Журналистами: Г-мъ Полевымъ и Г-мъ Гречемъ. Начало его явилось нынѣшнимъ годомъ въ No. 4 Московскаго Телеграфа на страницѣ 524; продолженіе послѣдовало въ No. 85 Сѣверной Пчелы, а гдѣ будетъ окончаніе спора — неизвѣстно,

Г-нъ Полевой, на 25 строкѣ 524 страницы опубликовавъ Г-на Греча своимъ другомъ, вступаетъ въ свои дружескія права, и какъ будто межъ четырехъ глазъ говоритъ ему: « *Что въ основаніи плохо, того нельзя исправить; ваша Учебная книга Россійской Словесности не хороша, она недостойна вашей литературной извѣстности, и въ наше время составляетъ весьма непріятный анахронизмъ; въ ней правила устарѣлыя, опредѣленія несправедливыя, подробности неполныя; въ выборѣ примѣровъ иногда вы грѣшите: но кто же совсѣмъ безъ грѣха? всѣ мы люди! главное, чтобъ не быть закоснѣлымъ грѣшникомъ, и умѣть покаяться.* « Читатели видятъ, что въ дружескомъ обращеніи своемъ Г-нъ Полевой нападаетъ вдругъ на двѣ душевныя способности Г-на Греча: умъ и вкусъ. Первою способностію Г-нъ Гречь руководствовался при составленіи Теоріи своей, а второю при выборѣ примѣровъ. Г-нъ Полевой, совершенно поразивъ его Теорію, допускаетъ въ немъ признаки вкуса, не не совсѣмъ еще очистившагося покаяніемъ. Долгъ справедливости требуетъ, чтобы Литературная Газета защитила Г-на Греча отъ несправедливыхъ, хотя и дружескихъ, нападеній Г-на Полеваго. Правила, опредѣленія и раздѣленія въ *Учебной книгѣ Россійской Словесности* столько хороши, сколько возможно имъ быть хорошими, судя по несчастной ихъ природѣ. Ужели Г-нъ Полевой не знаетъ еще, что для однихъ только произведеній механическихъ можно составить такія правила, которыя не будутъ подвержены спорамъ? Не угодно ли ему для опыта напечатать нѣсколько правилъ, какъ, на примѣръ, сочиняются письма, Исторія, разсужденія, оды, поэмы, трагедіи? Тогда и ему докажутъ всю шаткость его Теоріи. Гораздо бы основательнѣе могъ онъ утверждать, что у Г-на Греча выборъ примѣровъ не всегда удовлетворяетъ вкусъ, если вообще надобно вкусомъ назвать гармонію въ оцѣнкѣ дарованій. Г-нъ Полевой напрасно подозрѣваетъ друга своего въ какомъ-то старинномъ пристрастіи, стараясь довести его до покаянія. Выборомъ примѣровъ для подтвержденія правилъ своей Риторики и Пінтики, Г-нъ Гречь дважды не обинуясь возвѣстилъ, что для него все равно: талантъ, или графоманія.

Въ отвѣтѣ своемъ на сіи нападенія (No. 85 Сѣверной Пчелы: Первое письмо въ Дерптъ; строки 101, 112, и 113) Г-нъ Гречь изложилъ три главныя мысли: 1) что Г-нъ Полевой принялся за старую тактику, т. е. порицаетъ книгу не потому, что она дѣйствительно дурна, а потому, что въ Сѣверной Пчелѣ, ошибкой или съ умысломъ, неизвѣстно, помѣстили его въ разрядъ *добрыхъ Москвичей*, иначе сказать, *простаковъ*; 2) что Г-нъ Полевой не знаетъ Руской грамоты; 3) что онъ, толкуя безпрестанно о высшихъ взглядахъ, самъ не что иное, какъ верхоглядъ. Литературная Газета и о сихъ мысляхъ скажетъ мнѣніе свое безпристрастно. Первая мысль, будто Г-нъ Полевой принялся за старую тактику, несправедлива: можно было сказать, что онъ употребилъ свою обыкновенную, всѣдневную и т. п. тактику. Г-нъ Гречь, какъ Журналистъ, какъ безсмѣнный наблюдатель всѣхъ литературныхъ вылазокъ Г-на Полеваго, обязанъ знать, прекращалась ли когда нибудь сія тактика, если ужь торжественно признался онъ въ ея существованіи. Вторая мысль, будто Г-нъ Полевой не знаетъ Руской грамоты, есть не что иное, какъ поэтическая гипербола, которая была бы извинительна молодому Стихотворцу, а не степенному Журналисту. Если Г-нъ Полевой не постигъ нѣкоторыхъ тайнъ Граммматики, особенно въ той части, которая называется Словосочиненіемъ: слѣдуетъ

ли изъ этого, что онъ и Русской грамоты не знаетъ? Что касается до послѣдней мысли, то нельзя разбирать ея до тѣхъ поръ, пока не пріищемъ точнаго опредѣленія малоупотребительнаго въ книжномъ языкѣ слова: *верхоглядъ*. Россійская Академія опредѣлила его слѣдующимъ образомъ: «*Верхоглядъ есть зѣвака, человѣкъ, который, оставя дѣло свое, занимается однимъ бездѣльнымъ смотрѣніемъ на посторонніе предметы.*» (Словарь Росс. Акад., изд. I, часть I., страница 628.). Конечно, Г-нъ Полевой занимается этимъ, но не оставляя дѣла своего; доказательствомъ тому служатъ, хотя и не въ срокъ выходящія, книжки Московскаго Телеграфа. Можетъ быть, Г-нъ Гречь употребилъ слово: *верхоглядъ*, не въ Академическомъ смыслѣ. Тогда ему слѣдовало бы присовокупить объясненіе онаго. Приведемъ въ примѣръ, съ какою отчетливостію слово *дезертеръ*, употребленное Г-нъ Полевымъ не въ общепринятомъ значеніи, объяснилъ Г-нъ Максимовичъ (Молва, No 14, стран. 12.). Онъ говоритъ: « *Если бы, напримѣръ, кто нибудь, положимъ хотъ и не изъ природныхъ Русскихъ, воспитывался въ Россіи, вступилъ бы въ Русскую службу; потомъ перешелъ бы въ станъ непріятельскій и бѣгалъ бы, напримѣръ, подъ орломъ Французскимъ; потомъ опять сдѣлался бы Русскимъ: такой проходимецъ, для котораго ubi bene, ibi patria, былъ бы дезертеръ отечества, и еще дважды.* « Этотъ простой, но внятный разсказъ знакомитъ каждаго читателя съ истиной. Впрочемъ, для избѣжанія такихъ эпизодовъ, лучше бы въ полемическія сочиненія совсѣмъ не вводить малоупотребительныхъ словъ и въ истинномъ ихъ значеніи не утвержденныхъ Классическими Писателями.

Шарденъ въ Путешествіи своемъ разсказываетъ, что Персіяне считаютъ первобытными языками три слѣдующіе: *Арабскій*, *Персидскій* и *Турецкій*. По мнѣнію Персіянъ, они всѣ три употреблялись въ Земномъ Раю. Змій, чтобы прельстить Еву, говорилъ *по-Арабски*, на языкѣ краснорѣчивомъ, сильномъ и убѣдительномъ, который будетъ нѣкогда общимъ языкомъ въ Раю. Адамъ и Ева говорили другъ съ другомъ *по-Персидски*, на языкѣ сладкозвучномъ, льстивомъ и поэтическомъ. Архангелъ Гавріилъ, изгнавшій ихъ изъ Рая, принужденъ былъ говорить съ ними *по-Турецки*: ибо когда онъ повелѣлъ имъ выйти изъ Рая сперва по-Персидски, а потомъ по-Арабски, то они не слушались. Посему Гавріилъ попытался имъ погрозить на Турецкомъ языкѣ, суровомъ и бранчивомъ: это ихъ испугало и они тотчасъ повиновались.

Недавно поступила въ печать весьма важная книга: *Руководство къ Исторіи политической системы Европейскихъ Государствъ и ихъ колоній*, сочиненіе Геттингенскаго Профессора А. Геерена, въ 3-хъ частяхъ. Историческія творенія Геерена давно уже пріобрѣли Европейскую славу. Ученый и глубокомысленный Историкъ сей не увлекается ложнымъ блескомъ произвольныхъ ипотезъ, или ничтожными приманками скептицизма. Сколь обширны и полны его свѣдѣнія, сколь свѣтлы его понятія, столь же благороденъ и ясенъ его способъ изложенія. —

Подписка на книгу сію принимается у самого переводчика, Ростислава Кондратьевича Орлова, на Васильевскомъ островѣ, въ 9-й линіи, по набережной Невы, въ д. Косиковскаго, и въ книжныхъ магазинахъ Смирдина и Слѣпина. Подписная цѣна за всѣ 3 ч. 15 р., съ пересылкою 17 р.

Малороссійскій *чумакъ*, пришедъ съ обозомъ въ одинъ изъ приморскихъ городовъ Крыма, погналъ воловъ своихъ на водопой, къ морю. Волы понюхали, но не пили, и только мотали головами. Чумакъ дивился ихъ упрямству, зачерпнулъ горстью воды и отвѣдалъ; но въ ту же минуту отбросилъ воду назадъ и взглянувъ на море, покачалъ головой и сказалъ: «Отъ того, видно, ты такъ и велико, что тебя никто не пьетъ! (*Тилъ-то ты таке и здорове, що тебе ни якій врагъ не пье!*)«

Свистокъ, ужасный бичъ плохихъ драматическихъ Писателей и Актёровъ, не есть изобрѣтеніе позднѣйшихъ, нашихъ вѣковъ: онъ былъ извѣстенъ и Древнимъ. Целій (Coelius) въ одномъ своемъ письмѣ къ Цицерону (Epist. famil. lib. VIII, ep. 2) говоритъ, что Ораторъ Гортенсій дожилъ до глубокой старости, никогда не имѣвъ причины жаловаться на свистки. Hoc magis animadversum est, quod intactus a sibilo pervenerat Hortensius ad senectutem. Выраженіе: intactus a sibilo, весьма ясно говоритъ, что Ораторъ сей никогда не былъ оскорбленъ свистками, не былъ освистанъ. Ученый Нѣмецъ Бетшигеръ, написавшій много разсужденій о частныхъ обычаяхъ Римлянъ, издалъ въ 1822 году, въ Лейпцигѣ, книгу: *О знакахъ одобренія въ Театрѣ, или рукоплесканіяхъ у Древнихъ*; ему бы должно было также сказать и о *свисткѣ* (fistula pastoritia), коего рѣзкій звукъ раздавался иногда и въ присутственныхъ мѣстахъ, и въ театрѣ Римлянъ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 25-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМЪ III, № 25. МАЯ 1-го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Мав Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Пятницу), — 6-го (въ Среду), — 11-го (въ Понедѣльникъ), — 16-го (въ Субботу), — 21-го (въ Четвертокъ), — 26-го (во Вторникъ) и 31-го (въ Воскресенье).

ДОЧЬ ВДОВЫ

И РАЗБОЙНИКЪ ИЗЪ БОВИНО.

(*Соч. Г-жи Тернъ.*)

Дочь вдовы ушла съ разбойникомъ Бовинскимъ, съ тѣмъ, который уже два года разоряетъ Апулію, и котораго прозвали *горнымъ Королемъ*.

Она полюбила его, не знавъ, кто онъ, и сочтя его за бѣглаго солдата, которому грозила смерть. Сначала сердце ея тронуто было жалостью; къ тому же красота и отвага разбойника славились повсюду; а красота и отвага нравятся молодымъ женщинамъ.

Она полюбила его, не знавъ; когда же узнала, то поздно уже было разстаться съ нимъ.

Она ушла съ нимъ, чтобы скрыться отъ стыда и отъ гнѣва своей матери. Теперь она бродитъ по дикимъ мѣстамъ, по притонамъ бандитовъ; она дѣлитъ съ ними труды и опасности: бѣдная дѣвушка! дорого тебѣ обойдется твоя безразсудность!

Она родила сына, прелестнаго ребенка, похожаго на нее. Она любитъ своего сына: въ немъ всѣ ея радости, потому что разбойникъ сталъ суровъ по прежнему и взоръ его не смягчается уже, встрѣтясь со взоромъ дѣвушки.

Тяжкія думы легли у него на душѣ, и любви пѣтъ уже отъ тихъ мѣста. Многолюдная и удалая шайка разбойника истреблена; солдаты, нахлынувшіе изъ Франціи, разбили ее во многихъ стычкахъ, и смѣлые товарищи Атамана погибли. Измѣною выданы были многіе другіе; остальные разбѣжались. И его собственная голова оцѣнена въ двѣ тысячи піастровъ: эти деньги обѣщаны тому, кто его убьетъ.

Только четыре человѣка при немъ остались. Четверо! а ихъ было шестьдесятъ! Защищаться было бы теперь и безразсудно и безполезно. Они торопливо бросились въ послѣдній и самый надежный свой притонъ. Сыскная команда гналась за ними по пятамъ.

Къ счастью разбойниковъ, чужеземцы худо знали глухія тропинки въ горахъ; но малѣйшій шумъ могъ ихъ навести на притонъ разбойничій. Малочисленная шайка пробирается осторожно, говоритъ мало и тихо, и то по временамъ; дитя спитъ на рукахъ у своей матери. Вотъ оно проснулось. «Тише!» говоритъ Атаманъ глухимъ, но страшнымъ голосомъ.

Молодая женщина прильнула своими губами къ устамъ дитяти, тихо называла его ласковыми именами, извѣстными матерямъ: «Сынокъ! дитя мое! милый мой «красавецъ! маленькой мой Амброзіо!» Она хотѣла бы вразумить его объ опасности, которой онъ подвергалъ ихъ; но ребенокъ понималъ только боль и холодъ, и кричалъ отъ того.

«Да замолчитъ ли онъ?» проговорилъ Атаманъ: «жизнь его не такъ дорога, какъ наша!... Тсь! мол«чать!...» Испуганная мать взглянула на него и все еще не вѣрила мучительному страху, который поразилъ ее.

И между тѣмъ чужеземные солдаты услышали крикъ ребенка; они пошли на этотъ вѣрный признакъ: имъ извѣстно было, что при Атаманѣ есть женщина съ ребенкомъ. Они подходятъ! слышны ихъ шаги! бѣглецовъ скоро схватятъ, если мгновенное молчаніе не собьетъ съ пути преслѣдующихъ.... «Такъ замолчи же!« молвилъ Атаманъ.

И младенецъ пересталъ кричать, и безмолвіе настало послѣ крика, обличавшаго слѣдъ бѣглецовъ.

Чтобы спасти своихъ товарищей и себя, разбойникъ пришибъ своего сына объ острый край утеса.

Молодая женщина не пролила ни одной слезы. Атаманъ отвернулъ голову въ сторону, а товарищи его потупили глаза, между тѣмъ какъ она поднимала трупъ своего сына и обвивала его пеленою.

Она несла его нѣсколько минутъ; но Атаманъ велѣлъ ей разстаться съ нимъ. Она упорно держала тѣло ребенка на рукахъ своихъ: она хотѣла донести его до надежнаго мѣста, вырыть ему тамъ могилку, на которую могла бы ходить по временамъ; но Атаманъ, наскучивъ

видомъ трупа, вырвалъ дитя снова изъ ея рукъ. Товарищи его положили младенца подъ деревомъ и наскоро засыпали его землею.

Молодая женщина и тутъ не заплакала. Атаманъ погрозилъ ей, что и съ нею то же будетъ, что съ ребенкомъ, если она будетъ докучать ему своими упреками: она не упрекала его.

Ночью бандиты, изтощенные усталостью, хотѣли немного отдохнуть; но никто изъ нихъ не былъ увѣренъ, что устоитъ противу сна, охраняя другихъ. Молодая женщина сама вызвалась стеречь ихъ: и въ самомъ дѣлѣ покраснѣвшіе и воспаленные глаза ея не показывали наклонности ко сну. Она взяла оружіе и стала подлѣ бандитовъ, легшихъ на землѣ.

Они спятъ. Она смотритъ на одного изъ нихъ, на убійцу ея сына, и думаетъ о своей молодости невинной и счастливой; о своей матери, которая, можетъ быть, умерла, ее проклиная; о своей любви, которой завидовало столько молодыхъ людей, и за которую разбойникъ заплатилъ презрѣніемъ. Она думаетъ обо всемъ этомъ, и ненависть врывается къ ней въ душу: ненависть Итальянская, мрачная, ужасная, какъ первое пламя волкана! Она думаетъ больше всего о своемъ сынѣ, убитомъ на ея рукахъ. «Злодѣй! и онъ не по-«боялся моего мщенія! Такъ-то онъ презираетъ ме-«ня?...» Тутъ она засмѣялась страшнымъ смѣхомъ, и ввѣренное ей оружіе приложено къ надежному, очень надежному мѣсту! курокъ спущенъ.... Выстрѣлъ разбудилъ бандитовъ; но дѣвушка побѣжала къ тому мѣсту, гдѣ были чужеземные солдаты, и разбойники не посмѣли за нею гнаться, чтобъ не попасть на засаду.

Она прибѣжала къ солдатамъ, требовала, чтобъ ее допустили молвить слово ихъ командиру, и сказала ему: «Я убила разбойника Бовинскаго, того, который два «года разорялъ Апулію и котораго прозвали *горнымъ* «*Королемъ*»; мнѣ принадлежитъ награда, обѣщанная за «его голову.»

Командиръ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, а солдаты недовѣряли этой женщинѣ, требовавшей награды за измѣну: но она разсказала имъ ужасную свою повѣсть и они пожалѣли объ ней.

Она привела ихъ на то мѣсто, гдѣ убила разбойника; его нашли тамъ: товарищи покинули его трупъ, чтобъ не замедлить своего бѣгства.

Двѣ тысячи піастровъ были выданы дѣвушкѣ; но мать ея, для которой она ихъ назначала, уже въ нихъ не нуждалась: она умерла, можетъ быть, ее проклиная!

Одинъ солдатъ, прельстясь ея красотою и выданнымъ ей золотомъ, сказалъ ей: «Ты молода, пригожа «и смѣла, и умѣешь мстить за себя: будь моей женою. «У насъ родится сынъ такой же красивый и крѣпкой, «какъ тотъ, о которомъ ты плачешь, и онъ утѣ-«шитъ тебя въ твоей потерѣ.»

Она послушалась и вышла за него; но вслѣдъ за рожденіемъ этого втораго сына, котораго она такъ желала, на нее нашло ужасное безумство. Она кричала, что ребенка ея губятъ передъ ея глазами, и ничѣмъ не могли привести ее въ разсудокъ. Съ того времени она бѣгаетъ сумасшедшею по полямъ, роетъ землю изсохшими своими пальцами и въ ней ищетъ своего перваго ребенка.

Дочь вдовы ушла съ разбойникомъ Бовинскимъ. Она полюбила его, не зная; когда же узнала, то поздно уже было разстаться съ нимъ.

Съ Фр. *С—въ.*

ХУДОБЫТЬ БЛИЗОРУКИМЪ.

Я люблю гулять по Невскому Проспекту: тамъ очень тѣсно и пыльно; съ какимъ удовольствіемъ подышешь послѣ на чистомъ воздухѣ! Одной изъ моихъ утреннихъ прогулокъ я никогда не забуду. Въ прошедшей глупости легче признаться, нежели въ настоящей; всѣ мы безъ исключенія самолюбивы; и странно было бы не любить самого себя? За что такая несправедливость? Къ чему такое уничиженіе? Самолюбіе.... но не входя въ бездну Метафизики, дабы не повстрѣчаться тамъ съ какимъ нибудь *верхоглядомъ*, я приступлю къ самому дѣлу.

Однажды я забылъ очки, и близорукое мое зрѣніе поминутно мнѣ надоѣдало; конечно я бы могъ и безъ очковъ различать башмачокъ отъ сапога и шляпку отъ шляпы, но этого еще недостаточно. Миленькой носикъ, алыя губки, плутовскіе глазки и чувствительный подбородокъ, сливались въ одинъ бѣлый кругъ, при малѣйшемъ отдаленіи; напрасно я, что пропиралъ себѣ глаза, что прищуривалъ ихъ не кстати; физіогномія моя дѣлалась еще забавнѣе, а толку было мало. Правда, мнѣ удавалось иногда срывать улыбку съ прекрасныхъ устъ красавицы, но сія улыбка была немножко двусмысленна, и я, при всемъ моемъ самолюбіи, напрасно силился перетолковать ее въ свою пользу; какой-то внутренній враль докучно мнѣ нашептывалъ: «берегись, мой другъ, вѣдь ты не милъ, а смѣшонъ.«.... Само по себѣ разумѣется, что послѣ подобной истины, я хмурилъ брови à la diable m'emporte, и былъ еще забавнѣе.

Наконецъ настало и мое торжество. Лишь только поверстался я съ однимъ магазиномъ, какъ увидѣлъ прелестную женщину; на головѣ ея была розовая шляпка, и красавица, какъ казалось, не шутя на меня посмотрѣла. Сердце мое забилось также не шутя, и я, ровнымъ шагомъ, выпрямляя ноги и держа носки къ низу,

прошелъ близъ роковыхъ окошекъ, какъ рекрутъ мимо грознаго фельдфебеля. Сдѣлавъ одинъ кругъ по Проспекту, я возвратился назадъ; милая незнакомка была еще у окошка и все въ томъ же положеніи; я остановился и смотрѣлъ очень пристально... Не прошло одной минуты, какъ слезы градомъ потекли изъ глазъ моихъ (вѣроятно отъ излишняго ихъ напряженія); я вынулъ платокъ изъ лѣваго кармана и хотѣлъ оперетъ нескромныхъ обличителей моей неумѣстной чувствительности... Вдругъ показалось мнѣ, что въ окошкѣ мелькнулъ бѣлый платочекъ и головка моей волшебницы какъ будто мнѣ кивнула... Минута была рѣшительная: со всѣхъ ногъ бросился я на лѣстницу; перелетѣлъ чрезъ двадцать ступеней во второй этажъ, отворилъ двери, вбѣжалъ въ комнату — было дѣломъ одного мгновенія;.... по вообразите же мое изумленіе... Близъ окошка я увидѣлъ болвана, а на немъ была надѣта соблазнившая меня шляпка.... Все остальное: и платокъ и киванье, создало мое несчастное воображеніе!.. Я сталъ, какъ вкопаный....

Къ довершенію всего, выходитъ магазинщица и спрашиваетъ меня: »Plait-il, monsieur? — Въ разсѣянности, въ смущеніи, въ совершенномъ разстройствѣ, я не зналъ, что отвѣчать, и въ торопяхъ сказалъ ей гробовымъ голосомъ: «Прикажите мнѣ подать порцію бифштекса.»...

Богиня модъ съ улыбкой отвѣчала мнѣ: «Здѣсь нѣтъ бифштекса, вы ошиблись; зайдите въ кондиторскую Доминика, тамъ вы найдете и бифштексъ и котлеты, если вамъ угодно.« —

Тихимъ шагомъ побрелъ я по ступенямъ знакомой лѣстницы и шепталъ себѣ подъ носъ: не бѣда быть шутомъ красавицы; не я первый, не я и послѣдній; но быть одурачену болваномъ, на которомъ надѣта женская шляпка.... что можетъ быть обиднѣе этого?

Трилунный.

ТѢНИ ДРУГА.

Ты достигнулъ свѣтлой цѣли,
Я грущу въ юдольной мглѣ;
Но зачѣмъ мы на землѣ
Примириться не успѣли!
Добрый Геній! между насъ
Стала Вѣчность!....Ты угасъ
Быстро въ дни младаго вѣка!....
Сынъ небесной чистоты,
Ангелъ, смотрящій съ высоты
Прямо въ душу человѣка:
Такъ свою я предъ тобой
Съ обнаженною душой....
Какъ молитвенному звуку,
Внемлешь ты моимъ словамъ —
Простираю къ небесамъ
Примирительную руку!....

Баронъ Розенъ.

КЪ ПѢВИЦѢ.

Когда среди рукоплесканій,
Живой картиной страстныхъ мукъ
Богиня пѣнія, ты собирала дани
Восторговъ зрителя и зависти подругъ
И пылкихъ юноши мечтаній:
Одинъ за шумною толпой
Я восхищался на просторѣ;
Я чувствовалъ, какъ въ упоеніи взоръ
Затмился. Слухъ одинъ блаженствовалъ тобой;
Страданій и страстей улегся смутный рой.
Казалось мнѣ: прощался я съ землею,
Что голосъ твой звучалъ ужъ неземнымъ,
Что бѣднаго пѣвца небесный Серафимъ
Ужъ убаюкивалъ къ послѣднему покою.

ПИСЬМО

О НАЛОГѢ ВООБЩЕ.

Посылаю къ тебѣ новую статью изъ Политической Экономіи. Развернувъ оную и прочитавъ о налогѣ, ты, безъ сомнѣнія, удивляешься, что я вдругъ отъ понятія вообще о богатствѣ, перескочилъ къ понятію о налогѣ; ты скажешь: какая здѣсь соблюдена постепенность? Признаюсь въ своей нетерпѣливости. Но вотъ какія причины я представляю въ свое оправданіе: 1-е Чтобы излагать всѣ статьи Политической Экономіи до того мѣста, которое назначается для статьи о налогѣ, потребно слишкомъ много пересылать къ тебѣ. Можетъ быть, при лучшихъ обстоятельствахъ, я тебѣ когда нибудь доставлю цѣлую книгу. 2-е Въ сей статьѣ, мною къ тебѣ посылаемой, я пишу вообще о налогѣ; а чтобъ понимать это, достаточно имѣть основное понятіе о богатствѣ. Прошу у тебя одного только снизхожденія: не скучай моею Философіею. Что дѣлать! я уже взялъ это направленіе до такой степени, что не могу отказаться отъ онаго. Притомъ не могу разувѣрить себя, чтобы здравая, основанная на чистой нравственности и благородныхъ чувствованіяхъ Философія не была необходима для точнаго, вѣрнаго понятія о главныхъ предметахъ народнаго благосостоянія. Много званныхъ, а мало избранныхъ; и такъ если изо ста читающихъ мои статьи хотя десять най-

дется такихъ, которые согласятся съ моимъ мнѣніемъ, что для меня уже сего довольно.

Нѣтъ нужды объяснять, что такое есть налогъ; значеніе сего слова, безъ сомнѣнія, для всѣхъ удобопонятно. Читая новѣйшія сочиненія по части Политической Экономіи, я не могъ не удивляться страннымъ общимъ понятіямъ о налогѣ. Писатели по большей части представляютъ оный въ видѣ нѣкоторой тяжести, которою Правительства обременяютъ народы. Кажется, что они не вникнули надлежащимъ образомъ въ существенное, первоначальное назначеніе налога и смѣшиваютъ оное съ побочными, подлежащими измѣненію особенностями. Посему не излишнимъ почитаю я разсмотрѣть со всею точностію сей важный предметъ Политики и Политической Экономіи.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ народъ, какъ народъ, не можетъ существовать безъ Правительства. Надобно, чтобы кто нибудь необходимо сосредоточивалъ въ себѣ волю всѣхъ частныхъ гражданъ, чтобы давалъ порядокъ, устроенное направленіе ихъ обществу, истреблялъ всѣ внутреннія злоупотребленія, несогласія, словомъ, чтобъ былъ, такъ сказать, душею постепенно образующагося и усовершающагося политическаго организма всякаго народа. — Для меня все равно здѣсь, одно ли лице будемъ разумѣть подъ именемъ Правительства, или многія лица. Замѣчу только вообще, что верховное управленіе одного лица въ цѣломъ Государствѣ есть самое естественное. Государь есть солнце въ системѣ своей. Какъ во время обращенія всѣхъ планетъ около солнца, вся сила, и, въ слѣдствіе оной, появленіе свѣта стекается къ нему, какъ своему центру, и симъ свѣтомъ солнце уже освѣщаетъ самыя планеты; въ такомъ точно отношеніи находится Государь къ своимъ подданнымъ, и подданные къ своему Государю. — Для меня также все равно здѣсь, силою ли верховное лице первоначально заставляло какой-либо народъ покориться своей волѣ, или народъ, признавая личныя достоинства онаго лица, самъ добровольно подвергался зависимости отъ его власти, хотя послѣднее предположеніе скорѣе должно почесть за правило, а первое исключеніемъ онаго.

Какъ бы то ни было, только въ томъ и другомъ случаѣ необходимо слѣдуетъ заключить, что назначеніе верховной власти или Правительства находится въ самомъ основаніи бытія народовъ.

Опытъ показываетъ, что съ самаго начала Правитель по большей части ограничивался собственными своими доходами, народъ не былъ обязанъ платить ему изъ части своихъ доходовъ, — и это не могло быть иначе. Но когда связи между гражданами начинали болѣе и болѣе увеличиваться, открывались различныя отношенія ихъ съ другими народами, Правитель видѣлъ себя въ необходимости дѣлать общія свои распоряженія, въ слѣдствіе которыхъ потребно было увеличивать число тѣхъ, которые должны были содѣйствовать ему въ исполненіи его намѣреній, его плановъ. Но какимъ образомъ онъ могъ содержать сіи подчиненныя себѣ власти? какимъ образомъ онъ могъ приводить въ дѣйствіе самыя распоряженія, необходимыя для всеобщаго блага? — Доходы частные Правителя не могли быть для сего достаточными; и чѣмъ болѣе отношенія общества распространялись, тѣмъ болѣе сіи способы Правителя должны были стѣсняться, дѣлаться ограниченными. Вотъ первоначальный, главный источникъ такъ называемаго налога!

Правитель, для исполненія всѣхъ своихъ предначертаній, имѣлъ также право брать нѣкоторую часть изъ доходовъ гражданъ: ибо онъ дѣлалъ все для народа; слѣдовательно, какимъ образомъ народъ могъ отказаться отъ удовлетворенія его требованій? — Но нерѣдко случалось, что граждане, или не понимая высокаго назначенія налоговъ, или увлекаемые низкимъ своекорыстіемъ, или по другимъ уваженіямъ старались о томъ, чтобы избѣгнуть платежа части изъ своихъ доходовъ, слагая оный одни на другихъ. Такимъ образомъ мы видимъ на опытѣ, что нѣкоторыя лица, даже цѣлыя сословія освобождаемы были отъ платежа налога (*).

Съ другой стороны случалось и то, что сами Правительства, или вынуждаемыя разными обстоятельствами, или даже по недостатку просвѣщенія своего времени, не соблюдали настоящаго равновѣсія во взиманіи Государственнаго дохода изъ дохода частныхъ гражданъ. Неравновѣсіе сіе состояло въ томъ, что налогъ падалъ преимущественно на одну какую-либо отрасль промышленности и на извѣстныя какія-либо произведенія, такъ что одни производители должны были терпѣть болѣе, другіе менѣе, а иные почти ничего.

Наконецъ иногда случалось, что или вообще доходы частныхъ людей слишкомъ много страдали отъ чрезмѣрныхъ и притомъ безпрерывно измѣнявшихся налоговъ, или оные не достигали существеннаго своего назначенія; такъ напр. при самомъ собираніи, значительная часть оныхъ доставалась въ руки тѣмъ лицамъ, которыя собственно были назначены для сей важной должности, или они не были обращаемы на общую пользу, а употреблялись на разходы совершенно побочные, на прихоти и на тысячу другихъ предметовъ, нимало не относящихся къ народному благу. Всѣ сіи случайныя обстоятельства, мною изчисленныя, мало по малу положили зародышъ той несчастной мысли въ народѣ, что налогъ въ самомъ основаніи своемъ есть дѣйствительная тяжесть, и что всякой народъ долженъ, сколько можно, стараться или совсѣмъ освободиться отъ онаго, или покрайней мѣрѣ уменьшить оный. Въ

(*) Иногда сіе дѣлалось въ уваженіе особенныхъ заслугъ и т. п.

семъ отношеніи, Правительство не могло не казаться ему враждебнымъ, пользующимся будто для собственныхъ своихъ выгодъ его добромъ; а отсюда уже естественно проистекали неудовольствія, ропотъ. Но могло ли и Правительство съ своей стороны не обвинять народъ въ непокорности своей власти и непризнательности къ своей заботливости и попеченію о его благосостояніи, видя, что онъ не хочетъ добровольно подвергаться платежу налога, и что должно или силою принуждать его къ тому, или дѣлать настоянія образомъ, нимало не соотвѣтствующимъ назначенію, величію верховной власти? Древніе, въ особенности Средніе Времена намъ весьма часто представляютъ сіе жалкое, неестественное соотношеніе между собою Правительствъ и народовъ. Это-то самое, безъ сомнѣнія, привело въ заблужденіе и Писателей.

Въ числѣ общихъ политическихъ уклоненій Писателей отъ важныхъ истинъ, заключается и понятіе о налогѣ. Не спорю, что въ Англіи теперь налоги превосходно уравнены. Но можно ли было сдѣлать такое разпредѣленіе прежде, за нѣсколько вѣковъ? Безъ сомнѣнія, нельзя согласиться съ этимъ. Просвѣщеніе разпространяется постепенно; не вдругъ можно разсмотрѣть всѣ обстоятельства, всѣ случаи; а тѣмъ болѣе, въ многосложной организаціи политическихъ обществъ.

И такъ весьма очевидно, что налогъ самъ по себѣ не есть тяжесть, а есть существенный, необходимый предметъ политическаго бытія народовъ. Посему можно ли допустить такую мысль, какую выразилъ Франклинъ: платить налоги есть также необходимо, какъ умереть? Конечно въ строгомъ философскомъ смыслѣ смерть не есть зло, а есть безусловное, непосредственное назначеніе Природы; всякое такого рода назначеніе ея никогда не можетъ быть зломъ; слѣдственно, если бы умирающій вдругъ могъ обнять своимъ умомъ безусловные законы рожденія, жизни и смерти, то бы онъ самъ себѣ назначилъ смерть. Однако Франклинъ, вѣроятно, не такъ въ вышесказанномъ значеніи разумѣлъ слово умереть: здѣсь оно нечувствительно возбуждаетъ въ насъ какое-то непріятное чувство, а сіе чувство уже переходитъ и къ самому понятію о налогѣ; такъ что изъ онаго выраженія Франклина можно было бы вывести такое заключеніе, что лучше было бы не платить налога: но это понятіе совершенно ложно. По моему мнѣнію, необходимость налога скорѣе можно сравнить съ необходимостію физическихъ потребностей въ частности каждаго человѣка; ибо какъ сіи послѣдніе составляютъ непремѣнное условіе жизни частнаго человѣка, такъ и платежъ налога есть столько же непремѣнное условіе физической жизни политическаго организма Государствъ. Самый опытъ подтверждаетъ сію истину. И такъ не смѣшно ли было бы все назначаемое для нашего потребленія называть бременемъ потому, что оно лишаетъ насъ части нашего богатства? — То же самое можно примѣнить и къ налогу; ибо налогъ, такъ сказать, питаетъ собою политическій организмъ.

Впрочемъ, чтобы налогъ не могъ быть ни подъ какимъ условіемъ бременемъ для Государствъ, потребно соблюдать сіе главное всеобщее правило: налогъ всегда долженъ быть взимаемъ собственно изъ части доходовъ гражданъ какого-либо общества. Слѣдственно онъ никакъ не долженъ падать на самые капиталы, посредствомъ дѣйствія и обращенія которыхъ получаются доходы: иначе должны будутъ уменьшаться капиталы, а съ уменьшеніемъ ихъ и самые доходы будутъ получаться въ меньшемъ количествѣ. Измѣненіе сего правила только тогда можетъ быть допущено, когда цѣлое Государство подвергается чрезвычайной какой-либо внѣшней опасности; тогда спасеніе онаго налагаетъ священную обязанность на весь народъ жертвовать и частію своихъ капиталовъ. Такъ напр. когда въ 1812 году Французы подъ предводительствомъ Наполеона вторгнулись во внутренность Россіи; можно ли было тогда думать о соблюденіи равновѣсія между капиталами и доходами? Русскіе умѣли показать, въ сіе время опасностей, необыкновенную свою любовь къ отечеству; за то Россія, стряхнувъ съ себя страшныя силы непріятелей, опять скоро пришла въ прежнее цвѣтущее состояніе. И во всякое другое время народъ долженъ повиноваться гласу мудраго Правительства, для защищенія славы своего отечества. Выключая сей опасности Государства, количество налога всегда должно быть сообразно съ чистымъ доходомъ народа. Но изъ какой собственно части сего дохода оный долженъ состоять — сіе требуетъ величайшихъ соображеній. Вообще надобно, чтобы всякой гражданинъ, платя налогъ, не былъ принужденъ уменьшать своихъ потребностей, которыя онъ привыкъ удовлетворять прежде; ибо самое политическое общество живетъ для народа. За симъ не должно забывать и того, чтобы способы къ удовлетворенію потребностей нашихъ постепенно возрастали, чтобы выгоды, наслажденія народа болѣе и болѣе увеличивались: безъ сего не можно было бы представить и постепеннаго разкрытія физико-нравственныхъ силъ человѣка. Земной шаръ, а слѣдственно Государства и частные люди не могутъ находиться всегда въ одномъ и томъ же положеніи: это не сообразно съ понятіемъ о всеобщей жизни и дѣятельности, въ слѣдствіе которыхъ человѣкъ постепенно образуется, усовершается, утончаетъ свой вкусъ и вообще возвышаетъ свою физико-нравственную организацію. Якоби, знаменитый Писатель, повидимому понималъ сію истину, но не представилъ ее въ надлежащемъ, философ-

скомъ видѣ. Вотъ условія, самыя необходимыя для опредѣленія границъ дохода частныхъ людей.

Съ другой стороны, съ постепеннымъ увеличеніемъ Государствъ, съ уменьшеніемъ народонаселенія, соотношеній между гражданами одного и того же Государства и соотношеній съ другими Государствами, вмѣстѣ должны увеличиваться потребности всеобщей физико-нравственной дѣятельности народной; а слѣдственно усовершенствованіе, возвышеніе политическаго организма Государствъ также необходимо, какъ и самое бытіе его; посему налогъ постепенно долженъ возрастать. И такъ платежъ налога непремѣнно долженъ находиться между сими двумя условіями или ограниченіями, т. е. никакъ не долженъ выходить изъ границъ потребностей частныхъ людей и потребностей цѣлаго организма. Чѣмъ болѣе соблюдается сіе равновѣсіе, тѣмъ Государство можетъ скорѣе и удобнѣе стремиться къ обогащенію. Напротивъ, отъ несоблюденія равновѣсія долженъ происходить всеобщій безпорядокъ, должна страдать физическая жизнь и политическаго организма Государства, и частныхъ людей. Ибо хотя сія двоякая жизнь и представляется намъ нѣкоторымъ образомъ раздѣльною, но въ самой сущности она такъ взаимно слита, что недостатокъ съ одной стороны производитъ вредное вліянія на другую сторону, и обратно. Посему надобно, сколько можно, вѣрнѣе слѣдить сіе взаимное отношеніе той и другой жизни. Чтобы успѣть въ точномъ обозначеніи сего взаимнаго отношенія, должно основательно и подробно знать Статистику всего Государства; ибо симъ образомъ можемъ пріобрѣсть самое вѣрное понятіе о жизни частныхъ людей, и о жизни политической, а слѣдовательно и объ опредѣленіи самыхъ налоговъ. Изъ вышесказаннаго ясно видно, что налоги не могутъ быть одинаковы въ разныхъ Государствахъ; напротивъ въ бѣдныхъ оные должны быть гораздо менѣе, а въ богатыхъ вообще больше, равно въ первыхъ оные могутъ быть проще, менѣе сложны, а въ послѣднихъ разнообразнѣе и обширнѣе. Такимъ образомъ сравнивая Англію, Францію, со Швеціею и другимъ какимъ-либо Государствомъ Европы, не странно ли было бы хотѣть, чтобы въ послѣднихъ налоги были тѣ же самые, какіе находятся въ первыхъ? Можно только сдѣлать то замѣчаніе, что налоги, существующіе въ Англіи, нѣкоторымъ образомъ должны служить другимъ Государствамъ для будущихъ соображеній.

Впрочемъ не можно не сказать и того, что есть разныя мѣстныя обстоятельства, которыя навсегда могутъ поставить въ необходимость каждое Государство болѣе или менѣе держаться разнообразнаго направленія. Земной шаръ составляетъ одинъ и тотъ же организмъ, слѣдственно онъ имѣетъ нѣкоторый общій отпечатокъ во всѣхъ своихъ частяхъ или Государствахъ; но вмѣстѣ въ условномъ своемъ разкрытіи вездѣ имѣетъ свои особенности, свои уклоненія. Въ семъ - то состоитъ и вся мудрость Политико-Экономa, чтобы узнать всеобщность Государствъ и вмѣстѣ ихъ особенности. Иногда случается, что слишкомъ увлекаются соображеніемъ всеобщности, а иногда весьма много слѣдуютъ особенностямъ каждаго Государства.

Изложивъ сіе главное правило, я почитаю оное довольно достаточнымъ для того, чтобы видѣть, въ чемъ состоитъ сущность налога и какимъ образомъ должно понимать оный. По сей причинѣ я и не намѣренъ уже входить въ область прочихъ началъ и понятій о налогѣ, какъ напр. что налогъ долженъ падать, сколько можно, на всѣхъ гражданъ по мѣрѣ ихъ состоянія; что должно избирать самый легкій и менѣе убыточный способъ собиранія налоговъ; что налоги вообще должны быть правильно раздѣлены, смотря по источникамъ народнаго богатства; что наконецъ налоги должны быть употребляемы сообразно существенной пользѣ Государствъ, и. т. д. — Всѣ сіи предметы требуютъ глубокихъ изслѣдованій, обширныхъ соображеній. Замѣчу вообще, что сія часть Политической Экономіи еще слишкомъ необработана, недостаточна. Она только тогда можетъ достигнуть своего совершенства, когда уже всѣ части Политической Экономіи будутъ настоящимъ образомъ изслѣдованы.

При семъ не льзя не пожалѣть, что Статистика, сія полезнѣйшая и необходимая для Политической Экономіи наука, выключая Англію и Францію, почти во всѣхъ другихъ Государствахъ весьма бѣдна своими изысканіями; факты ея по большей части невѣрны, не опредѣлительны; а потому-то и нельзя надѣяться того, чтобы разпредѣленіе налоговъ скоро могло достигнуть своего настоящаго обозначенія.

Т. Степановъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Опытъ Словаря древнихъ Славянскихъ словъ и реченій, находящихся въ древнихъ Россійскихъ рукописяхъ и Лѣтописцахъ харатейныхъ и печатныхъ, и прочихъ памятникахъ древней Руской Словесности, съ изъясненіемъ значенія оныхъ. Составленный А. Пешровымъ. — М. въ типогр. Лазаревыхъ

Института Восточныхъ языковъ, 1831. (38 стр. въ 8-ю д. л. (*)

Сочинитель сего Опыта, какъ самъ онъ говоритъ, записывалъ всѣ встрѣчавшіяся ему при чтеніи Лѣтописей и другихъ памятниковъ древней Руской Литературы, мало употребительныя слова, и такимъ образомъ составилась сія небольшая книжечка. Это замѣтно и по самому размѣщенію словъ: они поставлены въ алфавитномъ порядкѣ только по заглавнымъ своимъ буквамъ, а въ разпредѣленіи послѣдующихъ буквъ или слоговъ каждаго слова, порядокъ сей не наблюдался; на пр. *подмолвити*, поставлено послѣ *посягъ*, *птицы* непосредственно прежде *переспѣть* и т. п. Сей же, такъ сказать, *встрѣчной* работѣ должно приписать и неполноту Словаря: Сочинитель не собиралъ и не искалъ словъ малоизвѣстныхъ, а вносилъ въ свою тетрадку тѣ изъ нихъ, которыя попадались ему на глаза. Отъ такого труда конечно нельзя требовать полноты и совершенства; и кромѣ словъ, указанныхъ Рецензентомъ въ Сѣверной Пчелѣ (No 58), многихъ, очень многихъ не достаетъ еще въ этомъ Словарѣ, даже изъ тѣхъ, кои чаще всего встрѣчаются въ древнихъ нашихъ Лѣтописяхъ; на пр. *вадити* и сложнаго изъ него *свадити*, *отычь*, *дѣдичь*, *зеліе*, въ смыслѣ отравы и огнестрѣльнаго пороха и пр. и пр. Другія слова общеупотребительныя приняты за малоизвѣстныя, потому что въ старинныхъ рукописяхъ находились *подъ титломъ*, т. е. въ сокращеніяхъ или съ опущеніемъ нѣкоторыхъ гласныхъ буквъ; такъ на пр. *сиха* (споха), *свѣтникъ* (совѣтникъ), которыя явно по сокращенію только не написаны вполнѣ. Слово *мотылъ* переведено недостаточно: въ Библіи оно имѣетъ еще другое значеніе, болѣе общее, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго текста Пророчествъ: *Се дахъ тебѣ мотыла говяжія вольсто мотылъ человѣческихъ.* Также въ Опытѣ сей внесены реченія, не принадлежащія собственно языку Славянскому, но какому-либо изъ его нарѣчій, какъ на пр. слово *малжена*, принадлежащее языку Польскому, и значащее не *разводъ*, а супруговъ. Слово сіе встрѣтилось Автору въ Кириковыхъ вопросахъ Епископу Нифонту. Кто былъ Кирикъ, неизвѣстно; но легко могло быть, что живучи въ краю, сопредѣльномъ Польшѣ, онъ заимствовалъ помянутое слово изъ нарѣчія Польскаго. Впрочемъ если всѣ такія, однажды и случайно встрѣчающіяся слова, вводить въ Словарь малоизвѣстныхъ реченій Славянскихъ, то оный сдѣлается объемомъ своимъ неменѣе извѣстнаго Словаря Линде. Довольно прочесть, на пр. *Огородокъ* Антонія Радзивиловскаго, печатанный въ Кіевѣ въ концѣ XVII вѣка, чтобы наполнить Славянскій Словарь множествомъ реченій Польскихъ.

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина, у Синяго моста. Цѣна экземпл. 5 руб.

Граубиндецъ, или Берегъ волшебницъ. Соч. Генри Цшокке. Переводъ съ Французскаго. 2 ч. — М. въ типогр. Н. Степанова, 1831 (въ 1-й ч. 152, во 2-й 156 стран. въ 12-ю д. л. (*)

Зигфридъ де Линденбергъ, Померанскій Дворянинъ. Лѣтописи Шведской Помераніи. І. Г. Мюллера. Переводъ съ Французскаго. Съ картинами. 4 ч. — М. въ типогр. Рѣшетникова, 1831 года. (въ 1-й ч. 211, во 2-й 202, въ 3-й 191 и въ въ 4-й 190 стран. въ 12-ю д. л. (**).

Оба сіи романа занимательны; оба сочинены Писателями извѣстными; но зачѣмъ, увы! Французскіе ихъ переводы попались въ руки дюжиннымъ переводчикамъ Московскимъ, которые не знаютъ даже, что Генрихъ по-Нѣмецки не *Генри*, или что Цшокке Писатель Нѣмецкій, и что въ Померанiи къ дворянской фамилiи прибавляется частица *фонъ*, а не *де*? Съ подобными успѣхами Московской переводной промышленности того и жди, что если встрѣтятся въ какомъ-либо Французскомъ романѣ имя и фамилія Богдана Хмельницкаго, написанныя по-Французски, то кто нибудь изъ переводчиковъ, подряженныхъ Василіемъ Логиновымъ съ товарищи, поставитъ въ Рускомъ своемъ переводѣ: *Дьёдонне де Шмельницки.*

Такъ названныя *картины*, приложенныя къ Рускому переводу романа Мюллерова, ничѣмъ не лучше *картинъ* лубочной печати, какія находятся, на пр. въ *Сказкѣ о ворѣ и о бурой коровѣ.*

(*) Продается въ книжн. магазинѣ Смирдина. Цѣна 5 руб.
(**) Продается въ томъ же магазинѣ. Цѣна 15 руб.

СМѢСЬ.

Въ послѣдней книжкѣ (No 23 — 24) *Вѣстника Европы*, въ книжкѣ, которою кончилось долголѣтнее бытіе сего *Вѣстника*, есть замѣчательная статья: *Послѣднія слова.* Нельзя безъ умиленія читать слѣдующихъ строкъ, коими заключается сіе завѣщаніе или исповѣдь престарѣлаго Журнала: «Что ни было бы, я все «предаю забвенію; самъ у всѣхъ прощенія прошу и «въ винахъ своихъ и въ нищетныхъ обѣтахъ. Великодуш-

«ные читатели отпустятъ грѣхи мои всяческіе!.... «Безграмотная наглость и зазорное корыстолюбіе — «auri sacra fames — отнынѣ да не безславятъ Руской «Журналистики!... Да восторжествуетъ ученая бла- «гонамѣренность!... Молю сострадательную руку под- «писать мое имя подъ страницею .... Бьетъ послѣд- «ній часъ... Умираю.... » Подписано: *Вѣстникъ Евро- «пы.* «

Книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ, заслуживший уже благодарность Руской публики недорогими изданіями *Исторіи Государства Россійскаго*, твореніи Карамзина, и *Басень Крылова*, нынѣ приступаетъ къ изданію *Стихотвореній Державина*, въ 4-хъ частяхъ. Изданіе сіе будетъ также *относительно* недорого: за всѣ 4 ч. въ 8-ю д. л., на лучшей любской бумагѣ, назначается по подпискѣ 25 р., а съ портретомъ Державина, гравир. Н. И. Уткинымъ, и съ 4-мя виньетками, 30 р.; за пересылку прилагается 5 р. Мы сказали: *относительно*; ибо прежніе 5 томовъ Стихотвореній Державина, въ послѣдніе годы, по рѣдкости своей продавались чрезвычайно дорого, по 100 руб. и болѣе. Для *дешеваго* же изданія оныхъ, нужно бы уменьшить обѣщанные четыре тома въ два, изключеніемъ многаго, что предполагаютъ перепечатать снова. Тогда бы выиграли и пріобрѣтатели, и самая слава незабвеннаго нашего Лирика. Въ этомъ мы совершенно согласны съ мнѣніемъ *Сѣверной Пчелы*, изъясненнымъ въ 90-мъ No оной. — Въ томъ же No и въ той же статьѣ прибавлено: «Всѣ четыре части будутъ отпечатаны «къ Августу мѣсяцу сего года; такъ сказано въ объя- «вленіи Г. Смирдина, и мы ему вѣримъ, потому что «онъ никогда еще не обманывалъ публики.» Совершенная правда, въ отношеніи къ Г-ну Смирдину; но *Сѣверная Пчела* объ этомъ намекнула вѣрно не даромъ: вѣрно есть люди, которые *обманываютъ публику* и которые, собравъ деньги подпиской, разкладываютъ мѣсяцы на многіе годы.

Любители журальнаго чтенія конечно не пропустили безъ замѣчанія статью, помѣщенную въ 33-мъ No *Литературныхъ прибавленій къ Рускому Инвалиду*. Статья сія есть *Письмо къ Издателю Л. П. отъ извѣстнаго нашего Художника А. Г. Венеціанова, о картинѣ: Берлинскій парадъ, писанной Крюгеромъ*. Любопытно и пріятно видѣть, съ какимъ глубокимъ вниманіемъ опытный Художникъ разсматривалъ произведеніе другаго опытнаго Художника, съ какимъ знаніемъ дѣла указываетъ онъ на всѣ красоты сего произведенія, съ какою любовью говоритъ о нихъ и вообще о своемъ искуствѣ. Здѣсь мы видимъ въ Г-нѣ Венеціановѣ уже не только свѣдущаго, опытнаго Живописца, но и тонкаго Эстетика въ живописи. Замѣчательно еще, какъ совершенное знаніе своего дѣла и долговременныя объ ономъ размышленія услуживали нашему Художнику въ пріисканіи словъ самыхъ точныхъ, выраженій самыхъ отчетливыхъ для изображенія разныхъ предметовъ, на которые онъ хотѣлъ указать въ картинѣ Г. Крюгера. Весьма бы хорошо было, если бы подобныя статьи лучшихъ нашихъ Художниковъ чаще являлись въ Рускихъ Журналахъ: онѣ бы пролили новый свѣтъ на теорію Искуствъ начертательныхъ, весьма еще у насъ недостаточную.

Не помню какой наблюдатель сказалъ: «Большая «часть Литераторовъ похожа на пригожихъ женщинъ, «которыя не могутъ взглянуть на себя въ зеркало, не «вскружа головы самимъ себѣ.»

Подписка на *Литературную Газету* принимается и на слѣдующую половину года. Цѣна полугодовому изданію (т. е. отъ 37-го по 72-й No включительно) здѣсь въ С. Петербургѣ 17 р. 50 коп., а съ разноскою по домамъ, или съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи, 20 рублей. Подписываться можно: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Слѣнина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ д. Имзена, No 23-й; и А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ д. Гавриловой; у книгопродавцевъ: Ильи Ив. Глазунова, противъ зеркальной линіи Гостинаго двора, въ д. Генералъ-Маіора Балабина, въ книж. лавкѣ подъ No 27; И. И. Заикина, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ No 28. Въ Москвѣ: у Коммисіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева. Въ Тулѣ: въ книж. магазинѣ С. И. Титова. — Гг. иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Первую половину года сей Газеты можно получить у тѣхъ же книгопродавцевъ, по 20 р. экземпляръ; за пересылку ничего не прилагается.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 30-го дня 1831 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМЪ III, № 26. МАЯ 6го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Маѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Пятницу), — 6-го (въ Среду), — 11-го (въ Понедѣльникъ), — 16-го (въ Субботу), — 21-го (въ Четвертокъ), — 26-го (во Вторникъ) и 31-го (въ Воскресенье).

ЗЕРКАЛО
ТЕТКИ МАРГАРИТЫ.

(*Соч. Валтера Скотта.*)

Есть минуты, въ которыя воображеніе заблуждается, на зло нашему разуму; когда существенность кажется тѣнью, когда тѣни кажутся тѣлами; когда необъяснная преграда, отдѣляющая истину отъ мечты, кажется разрушенною; когда око души можетъ проницать за предѣлы нашего міра. Я предпочитаю сіи часы неясныхъ мечтаній всей печальной существенности бытія.

Безъименный.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Тетка моя Маргарита принадлежала къ тому почтенному разряду сестеръ, коему предоставлены всѣ заботы, всѣ хлопоты хожденія за дѣтьми, кромѣ тѣхъ, кои сопряжены съ появленіемъ ихъ на свѣтъ. Семейство наше было многочисленно и состояло изъ дѣтей разнаго права и разнаго сложенія. Одни были угрюмы и плаксивы: ихъ посылали къ теткѣ Маргаритѣ, чтобъ она ихъ позабавила; другіе были рѣзвы, крикливы и неугомонны: ихъ посылали къ теткѣ Маргаритѣ, чтобъ она ихъ унимала, или просто сказать, чтобъ избавиться отъ ихъ крика. Къ ней также посылали и заболѣвшихъ, чтобъ она за ними ухаживала; и упрямыхъ, чтобъ она ихъ усмиряла своими кроткими выговорами: словомъ, она выполняла всѣ многоразличныя обязанности матери, не пользуясь ни честью, ни достоинствомъ материнскаго званія. Конецъ ея заботамъ наступалъ: изо всѣхъ дѣтей хилыхъ и крѣпкотѣлыхъ, смирныхъ и упрямыхъ, угрюмыхъ и веселыхъ, возившихся въ небольшой ея пріемной комнатѣ съ утра до вечера, ни одного теперь не осталось въ живыхъ, кромѣ меня, который хотя и былъ постигнутъ ранними недугами, но пережилъ всѣхъ прочихъ.

И теперь еще, да и всегда, покуда я сохраню употребленіе всѣхъ моихъ членовъ, я посѣщаю и буду посѣщать мою почтенную родственницу покрайней мѣрѣ три раза въ недѣлю. Домъ ея находится почти въ полу-милѣ отъ предмѣстія того города, гдѣ я живу. Къ нему можно пройти не только съ большой дороги, отъ которой онъ стоитъ немного въ сторонѣ, но и дерновою тропинкой, лежащею по красивымъ лугамъ. У меня такъ мало горя въ жизни, что однимъ изъ сильнѣйшихъ моихъ огорченій было, когда я узналъ, что многія изъ сихъ полей, лежащихъ особнякомъ, назначены подъ строенія. На томъ изъ нихъ, которое поближе къ городу, видѣлъ я нѣсколько недѣль сряду такое множество тележекъ, что право, думаю, вся поверхность земли, покрайней мѣрѣ дюймовъ на осьмнадцать, была мигомъ поднята на сіи одноколесыя колесницы, и перенесена куда-либо въ другое мѣсто. Огромные пріугольные костры досокъ навалены въ разныхъ мѣстахъ этого обреченнаго луга и небольшая купа деревьевъ, украшающая донынѣ восточную сторону, возвышенную небольшимъ покатомъ, — выслушала смертный свой приговоръ, возвѣщенный ей бѣлыми полосками, кои проведены кистью на корѣ: сіи деревья должны уступить свое мѣсто цѣлымъ строямъ печныхъ трубъ.

Иной, можетъ быть, опечалился бы на моемъ мѣстѣ, вспомня, что эти пастбища когда-то принадлежали моему отцу, котораго родъ былъ когда-то уважаемъ въ свѣтѣ, и что они распроданы по участкамъ, дабы извлечь старика изъ бѣдности, въ которую онъ впалъ, пытавшись какимъ нибудь торговымъ предпріятіемъ поправить свое состояніе. Тогда какъ предположенія о постройкахъ были во всей своей силѣ, тѣ друзья, которые крайне заботятся, чтобъ и малѣйшая изъ нашихъ бѣдъ не ускользнула отъ нашего вниманія, часто мнѣ говаривали: «Такія пастбища, подъ самымъ городомъ, принесли бы по двадцати фунтовъ стерлинговъ съ каждаго *акра*, когда бъ ихъ засѣять рѣпой и картофелемъ. А когда бъ ихъ разпродать подъ строенія? о, это былъ бы настоящій рудникъ золота! Совсѣмъ тѣмъ,

старый владѣлецъ продалъ ихъ за безцѣнокъ. « Ушѣшители мои не могутъ возбудить во мнѣ жалобъ на это. И если бы мнѣ позволено было обратить взоры на былое, безъ всякихъ препятствій, я охотно отдалъ бы весь свой нынѣшній достатокъ и надежды будущія тѣмъ, которые купили проданное отцемъ моимъ. Я жалѣю только объ измѣненіяхъ почвы земной, и то потому, что чрезъ сіе истребляются воспоминанія; и лучше желалъ бы (кажется) видѣть *Графскія загородки* въ рукахъ чужихъ людей, когда бъ эти люди сохранили сельскій видъ оныхъ, нежели знать, что онѣ мои, но что онѣ должны быть опустошены сохою земледѣльца, или покрыты строеніями. Я чувствую то же, что и бѣдный Логенъ:

Ушѣха дѣтскихъ лѣтъ, поляна съ муравой,
Свидѣтель игръ моихъ, зеленый лугъ душистый!
Теперь изрыты вы губительной сохой,
И срублетъ топоромъ кустарникъ тотъ цвѣтистый,
Гдѣ школьникъ радостный, въ томленьи юныхъ силъ
Отъ зноя лѣтняго прохладу находилъ.

Надѣюсь однако же, что при жизни моей ужасное это опустошеніе не возпослѣдуетъ. Хотя предпріимчивый духъ нашего времени внушилъ мысль и объ этомъ предпріятіи, но я твердо увѣренъ, что недавній худой разсчетъ поохладилъ немного спекулаторовъ, и что лѣсистыя равнины и маленькая тропинка, ведущія къ домику тетки Маргариты, будутъ пощажены на весь остатокъ ея и моей жизни. Этого я желаю отъ всей души, потому что каждый шагъ на тропинкѣ, по ту сторону луга, обозначенъ какими-либо воспоминаніями моего дѣтства. Эта шаткая собственность есть, такъ сказать, послѣдняя тѣнь фамиліи Бетуелль, владѣвшей *Графскими загородками*, и все, что ей осталось отъ наслѣдія отцовскаго. Когда же, по смерти моей старой родственницы, домъ этотъ перейдетъ въ чужія руки, тогда единственнымъ представителемъ фамиліи будетъ хилый старикъ, безропотно взирающій на приближеніе смерти, похитившей всѣхъ ему любезныхъ.

Занявшись на волѣ нѣсколько минутъ подобными мыслями, вступаю въ домъ, который, сказываютъ, когда-то былъ только флигелемъ первобытнаго зданія, и нахожу въ немъ существо, надъ которымъ, по видимому, время мало явило своей власти. И со всѣмъ тѣмъ, столько разницы между теткою Маргаритой нынѣшней, и теткою Маргаритой моего дѣтства, сколько между шестилѣтнимъ ребенкомъ и пятидесятишестилѣтнимъ человѣкомъ. Но нарядъ этой почтенной старушки много способствуетъ къ увѣренности, что время позабыло тетку Маргариту.

Темное, либо шоколаднаго цвѣта ея шелковое платье, съ рукавами до локтей изъ той же матеріи, и съ другими изъ Минхельскаго кружева; черныя шелковыя перчатки, сѣдые волосы, зачесанные назадъ подъ вѣнчикъ, и чистый батистовый чепецъ, покрывающій почтенную голову: все это не входило въ наряды 1780-го, а еще менѣе 1826 года; но кажется, составляетъ особенную принадлежность тетки Маргариты. Она и теперь сидитъ тамъ же, гдѣ сиживала за тридцать лѣтъ предъ симъ, съ своею самопрялкой или вязаньемъ, зимою подлѣ камина, а лѣтомъ у окна, или даже выходитъ подъ навѣсъ на крыльцо, въ самые жаркіе лѣтніе вечера. Члены ея, подобно крѣпкимъ частямъ какой нибудь машины, еще и донынѣ исправляютъ то дѣло, на которое были когда-то обречены, и дѣйствуютъ съ быстротою, хотя повседневно уменьшающеюся, но еще не показывающею, чтобъ она готова была вдругъ и навсегда остановиться.

Заботливость и привязанность, дѣлавшіе тетку Маргариту произвольною нянею множества малыхъ дѣтей, обратились нынѣ на попеченіе о здоровьѣ и удобствахъ стараго и дряхлаго человѣка, одного только изъ ея родственниковъ, оставшагося въ живыхъ, единственное существо, для котораго занимательны собранныя ею преданія, подобно скупцу, прячущему золото для того, чтобы другіе не воспользовались онымъ по смерти его.

Разговоръ мой съ теткою Маргаритой рѣдко относится къ настоящему или будущему: ибо въ прошедшемъ заключено все, о чемъ мы сѣтуемъ; мы ничего уже не желаемъ; въ разсужденіи же того, что должно случиться впередъ, у насъ нѣтъ по сю сторону гроба ни надеждъ, ни опасеній, ни заботъ. Естественно, что всѣ наши размышленія обращаются къ минувшему, и что мы позабываемъ теперешнее наше скудное состояніе и упадокъ нашего семейства, припоминая дни его богатства и благосостоянія.

Изъ этого краткаго вступленія, читатель узнаетъ о теткѣ Маргаритѣ и ея племянникѣ все то, что нужно, дабы выразумѣть слѣдующіе за симъ разговоръ и повѣствованіе.

На прошедшей недѣлѣ, поздно уже лѣтнимъ вечеромъ, посѣтилъ я почтенную старушку, съ которою читатель уже познакомился. Она приняла меня съ обыкновеннымъ своимъ радушіемъ и добросердечіемъ; но, казалось, была чѣмъ-то занята и не словоохотна. Я спросилъ ее о причинѣ того.

— «Эти люди вычистили старую часовню,» отвѣчала она. «Джонъ Клейгоджонсъ видно догадался, что хранившееся въ ней (думаю, это былъ прахъ нашихъ предковъ) очень было хорошо для удобренія полей.»

При сихъ словахъ, я вздрогнулъ съ такою живостью, какъ мнѣ не случалось уже за нѣсколько лѣтъ; я сѣлъ, а тетушка продолжала, положа свою руку на мой рукавъ.

— « Давно уже часовню считаютъ просто за хлевъ, дружокъ, и въ ней запираютъ овецъ. Да и за что намъ сердиться на человѣка, употребляющаго свое добро на свои надобности? къ тому же, я говорила уже съ нимъ объ этомъ, и онъ мнѣ со всей учтивостью обѣщалъ, что если найдутся тамъ кости, либо гробы, то ихъ не тронутъ и поставятъ на прежнее мѣсто. О чемъ мнѣ было еще просить? На первомъ надгробномъ камнѣ, найденномъ тамъ, была надпись: Маргарита Ботуелль, 1585-го года. Я велѣла бережнѣе поставить его къ сторонѣ, потому что мнѣ пришло въ голову, будто въ этомъ заключается предвѣстіе моей смерти. Этимъ камнемъ былъ прикрытъ гробъ той, въ честь которой дали мнѣ имя Маргариты; а чрезъ двѣсти лѣтъ тотъ же камень поднятъ съ мѣста въ самую пору, чтобъ и мой гробъ прикрыть собою. Ужь давно я привела мой домъ въ порядокъ во всемъ, что касается до дѣлъ житейскихъ; но кто посмѣетъ сказать навѣрное, что онъ примирился съ небомъ?

— « По всему тому, что я сегодня слышу отъ васъ, тетушка, « отвѣчалъ я, « можетъ быть, мнѣ давно бы слѣдовало взять шляпу и уйти; я бы это и сдѣлалъ, когда бъ не замѣтилъ, что въ этомъ случаѣ набожность ваша не безъ примѣси. Думать о смерти во всякое время наша обязанность; а полагать, что она близится къ намъ, потому что отыскали старинный камень съ вашимъ именемъ — не прогнѣвайтесь, суевѣріе. И вы ль это, чье здравое сужденіе и ясный умъ долгое время руководствовали погасающее наше семейство? Право, васъ послѣднюю могъ бы я подозрѣвать въ такой слабости!

— « Да я и не заслужила бы твоихъ подозрѣній, племянничекъ, если бъ мы говорили о какомъ-либо другомъ случаѣ жизни человѣческой, который имѣлъ бы связь или съ настоящимъ, или съ будущимъ. Но во всемъ томъ, что относится къ минувшему, — виновата: я суевѣрна, и не хочу никакъ въ этомъ исправиться. Это чувство разлучаетъ меня съ здѣшнимъ вѣкомъ и связываетъ съ тѣми, къ которымъ я пойду. И даже — вотъ какъ сегодня — когда такія мысли показываютъ мнѣ разкрытую могилу и манятъ меня заглянуть въ нее, то мнѣ не хотѣлось бы выкинуть ихъ изъ головы; но онѣ властны только надъ моимъ воображеніемъ, которое онѣ тихо занимаютъ собою, безо всякаго вліянія на разумъ и поступки.

— « Право, милая тетушка, если бы кто другой такъ со мною изъяснялся, того почелъ бы я столь же своенравнымъ, какъ тотъ священникъ, который, не стараясь доказывать справедливость своего ошибочнаго текста, предпочиталъ изъ одной только привычки свое старое mumpsimus нынѣшнему sumpsimus.

— « Странно, племянникъ, что ты не позволяешь старой женщинѣ быть столь же безотчетной въ своихъ мечтахъ и чувствованіяхъ, сколько люди вообще безотчетны въ разныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Ты не могъ бы мнѣ назвать ни одного человѣка, котораго страсти и предразсудки не увлекали бы помимо съ пути, указаннаго разумомъ.

— « Ваша правда, тетушка; но вы изъ тѣхъ людей, которые увлекаются по доброй волѣ, и которыхъ бы должно было силою наводить на прямую дорогу.

— « Уволь меня отъ этого, пожалуйста. Думаю, ты помнишь эту Валлійскую пѣсню, хоть я и неправильно выговариваю слова:

Hatil mohatil, na dowski mi.
« Я сплю; не меня не будите. »

« Увѣряю тебя, любезный племянникъ: мечты, которыя нынѣ тѣшатъ мое воображеніе и которыя ты называешь причудами моего ума, стоютъ всѣхъ мечтаній моей молодости. Теперь, не переносясь уже мыслью въ будущее и не строя воздушныхъ башень, на краю могилы я обращаю взоры на минувшее, думаю о дняхъ и обычаяхъ лучшаго времени моей жизни, — и воспоминанія грустныя, но утѣшительныя, становятся такъ для меня дороги, что даже я воображаю, будто бы святотатство быть умнѣе, разсудительнѣе, и имѣть предразсудковъ меньше того, сколько во мнѣ осталось ихъ отъ молодости.

— « Мнѣ кажется, теперь я выразумѣлъ то, что вы хотите сказать: я понимаю, что вы порою предпочитаете невѣрный свѣтъ мечты неизмѣняемому свѣту разума.

— « Когда дневные труды кончены и за нами уже не остается никакого дѣла, тогда намъ можно, если хотимъ, оставаться въ потьмахъ. Вотъ, когда мы принимаемся за работу, тогда уже надобно потребовать свѣчи.

— « А въ этихъ потьмахъ, « подхватилъ я, « воображеніе создаетъ дивныя видѣнія, и часто убѣждаетъ чувства въ ихъ существенности.

— « Да, « отвѣчала тетка Маргарита, которой память доказываетъ, что она читывала Поэтовъ: « да, для тѣхъ, которые похожи на переводчика Тассова:

«Могучій Бардъ, восторженнымъ умомъ
Онъ видитъ міръ чудесъ, о коихъ пѣлъ. «

« Нѣтъ нужды извѣдывать мучительныя ощущенія, кои причинило бы намъ настоящее вѣрованіе въ такія чудеса. Подобное вѣрованіе, въ нашъ вѣкъ предоставлено слабоумнымъ людямъ и малымъ дѣтямъ. Нѣтъ нужды чувствовать въ ушахъ какой-то звонъ и блѣднѣть, какъ Теодоръ, увидѣвъ призракъ охотника (*). Для того, чтобы наслаждаться пріятнымъ впечатлѣніемъ сверхъестественнаго страха, надобно только непремѣнно, чтобъ легкій трепетъ пробѣгалъ по членамъ, когда слу-

(*) Въ Бюргеровой балладѣ: *Злой охотникъ.*

шаешь страшную сказку, которую искусный разскащикъ, изъяснивъ напередъ свое невѣріе ко всѣмъ чудеснымъ повѣстямъ, вспоминаетъ и разсказываетъ, намекая, что въ ней есть нѣчто такое, чего, самъ онъ признается, невозможно изполковать. Есть и другой еще признакъ: минутная нерѣшимость оглянуться около себя въ тотъ мигъ, когда сказка доведена до самаго занимательнаго мѣста; и трепетъ: противувольное нежеланіе посмотрѣться въ зеркало, когда вечеромъ осташься одна въ комнатѣ. Вотъ признаки того, что воображеніе женщины весьма хорошо настроено къ слушанію разсказовъ о мертвецахъ. Не берусь описывать тѣхъ, которые показываютъ такое же разположеніе духа въ мужчинѣ.

— « Послѣдній признакъ: избѣгать зеркала, долженъ очень рѣдко въ женщинахъ оказываться, милая тетушка.

— « Ты несвѣдущъ въ таинствахъ уборной комнаты, милой племянничекъ! Всѣ женщины робко совѣтуются съ зеркаломъ передъ тѣмъ, какъ явиться въ собраніе; но по ихъ возвращеніи, въ зеркалѣ нѣтъ уже для нихъ прежней приманки. Жеребій былъ уже брошенъ: впечатлѣніе, которое желали онѣ произвести, увѣнчалось, либо не увѣнчалось успѣхомъ. Но не вникая далѣе въ тайны зеркалъ, скажу тебѣ, что я сама, какъ и многія другія, не люблю видѣть большаго зеркала въ слабо-освѣщенной комнатѣ, когда блескъ свѣчи, кажется, будто бы болѣе теряется въ глубокомъ сумракѣ зеркала, чѣмъ опсвѣчивается по комнатѣ. Это наполненное мракомъ пространство есть обширное поле, на коемъ воображеніе творитъ свои химеры. Оно наклакаетъ туда другія черты лица, кромѣ нашихъ; или, какъ случается въ видѣніяхъ наканунѣ праздника Всѣхъ Святыхъ, оно показываетъ намъ какое нибудь незнакомое лицо, выглядывающее изъ-за нашихъ плечъ. Наконецъ, когда на меня находятъ черныя думы, то я приказываю своей служанкѣ задернуть зеленою занавѣской туалетное мое зеркало, прежде чѣмъ вхожу въ ту комнату, чтобъ ей первой явился призракъ, если ему намъ должно быть. А сказать тебѣ правду, это отвращеніе отъ зеркала, въ иную пору и въ иномъ мѣстѣ, основано, какъ думаю, на одномъ событіи, дошедшемъ до меня по преданію отъ покойной моей бабушки, игравшей роль въ этой повѣсти, которую я тебѣ сей часъ разскажу.

(*Продолж. въ слѣд.* №.)

ГАЗЕЛЬ.

(*Изъ Гафица.*)

Жены робкія, дѣвицы,
Васъ и тѣнь грѣха страшитъ:
Вы гнушаетесь гробницы,
Гдѣ Поэта прахъ лежитъ.
Точно, былъ онъ въ жизни преданъ
Безднѣ гибельныхъ грѣховъ;
Но ему былъ заповѣданъ
Даръ небесный — даръ стиховъ!
И не тщетно, не напрасно
Гафицъ даръ сей получилъ:
Пѣлъ онъ дѣвственно-прекрасно;
Въ раѣ Аллы опочилъ.

Л. Якубовичъ.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ.

Да будетъ проклятъ Вакхомъ тотъ,
Кто малодушнаго забвенья
Своихъ страданій и заботъ
Въ безумномъ ищетъ упоенья!

Онъ лишь того благословитъ,
Кто, рокомъ злымъ не упомленный,
На все безтрепетно глядитъ,
Великодушный и надменный;

Чей не потухнетъ сердца жаръ
Въ багряной влагѣ винограда;
Кому священный Вакха даръ
Не утѣшенье, а награда.

М. Сорокинъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Мерзилкинъ, встрѣтившись со мной,
Вдругъ отворачиваетъ харю:
Къ чему? По ней я не ударю,
За все отвѣтитъ онъ — спиной.

2.

Не создавало естество
Рожъ неопрятнѣе и хуже:
Въ ней отразилось Божество —
Какъ солнца лучъ въ болотной лужѣ.

В. Щастный.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Пѣсни и романсы А. Мерзлякова. — М. въ типогр. С. Селивановскаго, 1830. (11 стран. въ 12-ю д. л. (*).

Московскій книгопродавецъ Г. Салаевъ, уже заслужив-

(*) Продается въ книжныхъ магазинахъ Слѣпина и Смирдина;

шій одобреніе Руской публики хорошимъ изданіемъ *Сочиненій Фонъ-Визина*, оказалъ ей новую услугу, напечатавъ *Пѣсни и романсы Мерзлякова*, собранные въ одну книжку. Критикъ можетъ теперь судить удобнѣе, сравнивая одну пѣсню съ другою и выводя изо всѣхъ общее заключеніе о талантѣ Рускаго пѣснопѣвца и о достоинствѣ его пѣсень.

Книжка сія состоитъ изъ двухъ отдѣленій, показанныхъ въ ея заглавіи: первое заключаетъ въ себѣ *пѣсни*, вылившіяся въ форму Рускихъ народныхъ пѣсень; ихъ числомъ 13; второе отдѣленіе содержитъ въ себѣ *романсы*, т. е. переводы или правильнѣе, подражанія романсамъ Французскимъ и *канцонамъ* Итальянскимъ, и собственныя произведенія Мерзлякова въ томъ же духѣ. Число сихъ послѣднихъ почти вдвое превышаетъ число первыхъ. Сказавъ, что къ симъ романсамъ неправильно отчислены многіе не-романсы (какъ то: *Дуэтъ* на голосъ: *Ихавъ Козакъ за Дунай*, — *Жизнь смертныхъ тяжелое бремя*, — *Застольная пѣсня Аристотеля* и нѣкоторыя другія), и замѣтивъ, что вообще *романсы* Мерзлякова должны уступить въ чувствѣ и отдѣлкѣ произведеніямъ въ томъ же родѣ И. И. Дмитріева, Нелединскаго и Капниста (не говоря уже о новѣйшихъ Поэтахъ, писавшихъ послѣ Мерзлякова), — мы не станемъ распространяться о семъ второмъ отдѣленіи книжки, и обратимся къ пѣснямъ.

Народныя пѣсни наши издавна уже находили себѣ подражателей въ образованномъ кругу общества. Нѣкоторыя попытки въ вѣкъ Екатерины II, особливо двѣ пѣсни Михайла Попова (*), служатъ тому свидѣтельствомъ. Позже того, т. е. въ началѣ нынѣшняго столѣтія, попытки сіи были еще многочисленнѣе. Но пѣвцы Рускіе тогдашняго времени думали, что ихъ подражанія пѣснямъ народнымъ очень хороши, когда въ нихъ соблюдена одна наружная форма, т. е. мѣра стиховъ; чувство же, способъ выраженія, отдѣлка и пр., болѣе сближали сіи пѣсни съ такъ называемыми пѣснями порядочнаго общества, нежели съ пѣснями собственно-народными.

Нѣкоторые, по ошибочному понятію о народной поэзіи, причисляютъ также къ пѣснямъ народнымъ пѣсни нашихъ горожанъ низшаго разряда, или, какъ весьма остроумно выразился одинъ Литераторъ, *людей пятнадцатаго класса*. Въ этихъ пѣсняхъ, правда, есть нѣкоторое удальство, иногда даже нѣчто похожее на чувство; но онѣ такъ вообще или чопорны и жеманны, или отзываются какою-то ложною свѣтскостію и остроуміемъ дурнаго тона, что ихъ безъ грѣха можно назвать выродками простолюдія и полуобразованныхъ званій народа. Другіе судьи, болѣе рѣшительные, прозвали пѣсни сіи *лакейскими* (*): если сіе названіе не совсѣмъ лестно, за то очень мѣтко.

а въ Москвѣ у Издателя, книгопродавца Салаева, на Никольской улицѣ, въ д. Г-жи Кусовниковой. — Цѣна экземпл. 5 р.

(*) Пѣсни Попова, помѣщенныя въ его *Досугахъ*, не безъ достоинствъ, и заслуживаютъ одобреніе знатоковъ даже и въ наше отличительное время, когда правдоподобіе въ чувствѣ и въ простонародномъ выраженіи онаго требуется, какъ необходимое условіе такихъ подражаній. Вотъ отрывки изъ обѣихъ сихъ пѣсень:

1.

«Ты безсчастной доброй молодецъ,
Безталанная головушка!
Со малыхъ ты дней въ несчастьи взросъ,
Со младыхъ лѣтъ горе мыкать сталъ:
. . . . . .
«Ты зазноба, ты зазнобушка,
Ты прилука молодецкая,
Красна дѣвица, отецка дочь!
Твои очи соколиныя,
Твои брови соболиныя,
Руса коса — красота твоя,
Приманили къ тебѣ молодца,
Прилучили горемычнаго.
. . . . . .
«Ахъ! какъ ягодѣ калинушкѣ
Не бывать вовѣкъ малинушкой,
Не живать такъ горемычному
Вѣкъ во счастьи и во радости....
. . . . . .
«Ты безсчастье, ты невзгодье зло!
До чего тебѣ домыкати
Сиротинушку дѣтинушку,
Безталанна, горемычнаго!
Ужъ ни въ чемъ ему удачи нѣтъ,
Ни талану на бѣломъ свѣту:
Знать талантъ его скрывается
Въ четырехъ доскахъ, въ сырой землѣ.»

2.

«Не голубушка въ чистомъ полѣ воркуетъ,
Не вечерняя роса луга смочила:
Молода жена во теремѣ тоскуетъ,
Красоту свою слезами помрачила...
. . . . . .
«Ты надежа, ты надежа, другъ сердечный!....
. . . . . .
Мое сердце не змѣя сосетъ лихая,
Не отрава горемычну изсушаетъ,
А съ тобой, мой свѣтъ, разлука сокрушаетъ....
. . . . . .
»Погадай же, мой сердечный другъ, подумай,
Какова теперь печаль моя, надсада!« и пр.

(*) Таковы на пр. слѣдующія пѣсни:

Заря утрення взошла....
Вечоръ я младешенька
Въ компаніи была....
Чѣмъ тебя я огорчила?...
Я нигдѣ дружка не вижу....
За долами, за горами.... и пр. и.

Какой же отличительный характеръ собственно-народныхъ Рускихъ пѣсень? — Наши Филологи утверждаютъ, что общій характеръ оныхъ есть *унылость*. Кто вникалъ въ духъ сихъ пѣсень, тотъ знаетъ, сколь сіе мнѣніе неосновательно и односторонне. Немногія только изъ пѣсень Рускихъ носятъ на себѣ печать унылости; но главный, господствующій ихъ характеръ есть живость ощущенія, бѣглаго, скоролетнаго, выраженнаго прямодушно и вѣрно. Тутъ находимъ и любовь, и ревность, и ненависть, и радость, и горесть: словомъ, всѣ страсти, всѣ душевныя движенія; но глубокое чувство очень рѣдко отражается въ сихъ ощущеніяхъ, кои по большей части въ народной Руской поэзіи переходчивы и тотчасъ смѣняются другими впечатлѣніями, или досказываются какимъ нибудь сравненіемъ, которое часто служитъ переходомъ къ новому ощущенію. Такое чувство болѣе развлеченно, нежели глубоко.

Въ балладическихъ или повѣствовательныхъ Рускихъ пѣсняхъ равнодушно разсказываются событія самыя печальныя, изображаются предметы самые мрачные. Въ этомъ случаѣ, повѣствовательныя наши пѣсни опередили нынѣшнее направленіе Французскихъ Романтиковъ: безстрастіе въ разсказахъ и описаніяхъ, потрясающихъ душу читателя или слушателя. Пѣвецъ Руской, на пр., весьма хладнокровно разсказываетъ, что въ полѣ, близъ огонька, лежитъ убитый богатырь:

На груди его рана широкая
Запеклася на ранѣ кровь алая;

или повторяетъ слѣдующее завѣщаніе одного удальца своимъ товарищамъ:

Не хороните меня, братцы, у Божьей церкви,
Похороните меня, братцы, промежъ трехъ дорогъ.
Въ головахъ у меня поставьте честенъ золотъ крестъ,
На груди у меня поставьте калену стрѣлу,
А въ ногахъ у меня поставьте ворона коня:
Честну золоту кресту люди помолятся,
Каленой моей стрѣлой люди напѣшатся,
А на ворономъ конѣ люди наѣздятся.

Иногда, въ самую тяжкую для дѣйствующаго лица минуту, Рускіе пѣвцы примѣшиваютъ иронію. Такъ, на пр., въ извѣстной пѣснѣ о Ванькѣ Канѣ:

Ужь спасибо тѣ, дѣвинушка, крестьянской сынъ,
Что сказалъ ты мнѣ всю правду, всю истинну!
Я за то тебя, дѣвинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими:
Четырьмя столбами съ перекладиной.

Кажется, что Филологи, назвавъ унылость общимъ характеромъ Рускихъ пѣсень, основывались болѣе на ихъ напѣвахъ. Но и здѣсь они не совсѣмъ правы: только часть Рускихъ пѣсень поется заунывными голосами. Въ народномъ же Рускомъ пѣніи гораздо болѣе напѣвовъ веселыхъ, игривыхъ, даже рѣзвыхъ, плясовыхъ. Весьма бы хорошо было, когда бы всѣ Рускія пѣсни были собраны и изданы съ ихъ голосами, человѣкомъ свѣдущимъ, долго путешествовавшимъ по разнымъ мѣстамъ Россіи; чтобъ онѣ разпредѣлены были по тѣмъ полосамъ, въ которыхъ онѣ поются, на пр., на пѣсни Сѣверныя, на пѣсни низовыя или Приволжскія, на пѣсни Московскія, на пѣсни за-Московныя (какъ то: Тульскія, Калужскія, Смоленскія, Орловскія, Курскія и т. п.). Трудолюбивый пѣшеходъ Доленга-Ходаковскій, кажется, составилъ нѣчто подобное; но гдѣ таится подъ спудомъ, или въ чьихъ безжалостныхъ рукахъ залегло сіе драгоцѣнное собраніе? неизвѣстно.

Теперь разсмотримъ пѣсни Мерзлякова въ двухъ вышепомянутыхъ отношеніяхъ: 1) выдержанъ ли въ нихъ духъ народныхъ нашихъ пѣсень относительно къ простотѣ языка и простодушію выраженія, и 2) соблюденъ ли въ нихъ характеръ простонародной Руской поэзіи: живость, но не глубокость ощущеній, ихъ измѣнчивость, простота чувства и понятій, незатѣйливость подобій и картинъ? Читая и перечитывая пѣсни Мерзлякова, мы видимъ, что ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ вполнѣ сихъ условій: вездѣ человѣкъ иной касты, иного круга выказывается изъ-подъ одежды простолюдима Рускаго, которою хотѣлъ онъ прикрыться, но не умѣлъ утаить подъ нею пріемовъ общества, болѣе образованнаго. Въ самыхъ лучшихъ по формѣ и отдѣлкѣ пѣсняхъ Мерзлякова мы находимъ сіи недостатки общности въ тонѣ, сіи, такъ сказать, выходки гостиной въ хороводѣ крестьянскомъ. Такъ напримѣръ, въ прекрасной пѣснѣ: *Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить*, находимъ слѣдующіе стихи, которыми явно обличаются чувство и выраженія, чуждыя понятію простолюдимовъ:

« Сердце любитъ, не спросясь людей чужихъ;
Сердце любитъ, не спросясь меня самой! »

Въ слѣдующей за нею пѣснѣ: *Не липочка кудрявая*, разхваленной нѣкоторыми Журналами, сіе смѣшеніе тоновъ, простонароднаго и образованнаго, еще рѣзче выказывается и еще менѣе сливается между собою. Послѣ начала, которое подобіемъ своимъ совершенно подходитъ къ духу сельскихъ нашихъ пѣсень, вдругъ находимъ, что слезы

« Текутъ съ лица на бѣлу грудь
И грудь не покоютъ! »

Послѣдній стихъ уже выходитъ изъ сферы пѣсень народныхъ. Далѣе находимъ: дѣвическую *прелесть*, слово, вовсе незнакомое нашимъ поселянамъ; и наконецъ стихи, высказывающіе чувство въ такихъ выраженіяхъ, кои совершенно разрушаютъ обманъ. Эти стихи какъ будто бы принѣваются образованною горожанкой, вздумавшею подтягивать сельской пѣвицѣ:

«Съ кѣмъ сладко порадуюсь,
Съ кѣмъ сладко поплачу?
Ты, милой другъ, радостью,
Ты былъ мнѣ красою!
Тебя только слышала,
Тобою дышала,
Въ тебѣ свѣтъ я видѣла,
Въ тебѣ веселилась!
Съ собою ты сердце взялъ:
Чѣмъ жить, веселиться?»

Или:

«Тогда улыбнуся я
На бѣлой свѣтъ снова;
Тогда и въ разлукѣ злой
Сольемся сердцами!
Тогда оживу опять
Для васъ, добры люди!»

Въ пѣсни: *Вылетала бѣдна пташка* и проч. встрѣчаются также подобные стихи:

Онѣмѣй ты, сердце *нѣжное*, какъ камень
. . . . . .
Мнѣ не можно жить безъ *милаго тирана*....
. . . . . .
Я не думала, что есть въ любви измѣна;
Я не знала, что притворно можно плакать.
Я въ слезахъ его *читала клятву сердца*....»

Пѣсня: *Чернобровой, черноглазой*, по созданію и отдѣлкѣ болѣе прочихъ приближается къ народнымъ нашимъ пѣснямъ. Въ ней Поэтъ весьма счастливо схватилъ отличительную черту сихъ послѣднихъ: переходы ощущеній. Но и тутъ, послѣ прекраснаго уподобленія:

«Нельзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть,—»

слѣдуютъ два стиха, которые снова уносятъ читателя въ кругъ болѣе образованный:

«Нельзя сердцу жить на свѣтѣ,
И не жить любовью!»

Стихи, выписываемые ниже, превосходны; они показываютъ, что Мерзляковъ обладалъ истиннымъ чувствомъ народной поэзіи:

«Полечу къ любезну другу
Осеннею пташкой,
Покажу ему платочекъ,
Его же подарокъ:
Сосчитай горючи слезы
На аломъ платочкѣ,
Изсуши горючи слезы
На бѣлой ты груди... »

Но зачѣмъ послѣ нихъ встрѣчается:

«Или сладкими ихъ сдѣлай
Смѣшавъ со своими?....»

Нельзя не подосадовать на сіи два стиха, такъ неловко и нескромно закравшіеся въ эту прекрасную пѣсню: безъ нихъ, она могла бы смѣло назваться образцовою въ своемъ родѣ.

Чувства въ разлукѣ, *Сельская элегія*, *Ожиданіе*, *Соловушко* и еще двѣ пѣсни (12-я и 13-я), коими заключается собраніе, очень хороши, если ихъ принимать, какъ пѣсни образованнаго общества; но какъ подражанія пѣснямъ народнымъ, онѣ не выдержатъ критики: въ нихъ еще болѣе смѣшаны оба сіи рода. Мысль, которою начинается пѣсня: *Соловушко*, кажется, будто заимствована изъ какого нибудь Поэта Турецкаго или Персидскаго:

«Для чего летишь, соловушко, къ садамъ?
Для соловушки алѣетъ роза цвѣтъ.»

Эта мысль перенесена въ Рускую пѣсню съ Востока, также какъ и роза есть цвѣтокъ, перенесенный въ наши сады изъ чужихъ, болѣе теплыхъ климатовъ. Извѣстно, что Поэты Восточные называютъ соловья *любовникомъ розы*.

Вообще содержаніе пѣсень Мерзлякова однообразно: въ нихъ безпрестанно выражаются жалобы любви. Вслушайтесь въ пѣсни Рускаго поселянина: одно ли это въ нихъ только и поется?—Нѣтъ! выше мы сказали уже, сколь сіи пѣсни разнообразны по духу своему и содержанію.

Часто наши Критики судятъ на обумъ, безъ справокъ и повѣрокъ, и даже вовсе безъ знанія дѣла. Такъ нѣкто Г-нъ П. Савельевъ, помѣстившій въ *Сѣверной Пчелѣ* (NNo 65—66) свой разборъ *Пѣсень Мерзлякова*, сказалъ между прочимъ: «Пѣсни Мерзлякова и Нелединскаго проще пѣсень Барона Дельвига, и ближе «подходятъ къ пѣснямъ народнымъ.» Или Г-нъ П. С. не читалъ пѣсень Барона Дельвига, или не постигъ истиннаго духа Рускихъ народныхъ пѣсень. Послѣднее можно съ основательностію заключить изъ словъ его статьи, особливо же изъ примѣровъ, которые приводилъ онъ изъ пѣсень Мерзлякова, въ доказательство ихъ народности. Сравните изъ нихъ любую съ какою угодно изъ пѣсень въ томъ же родѣ, сочиненныхъ Дельвигомъ, и вы увидите, что послѣдній беретъ рѣшительное преимущество и по созданію, и по отдѣлкѣ, истинно-Рускимъ. Выпишемъ, для примѣра, двѣ его пѣсни.

1.

По небу
Тучи громовыя ходятъ;
По полю
Пули Турецкія свищутъ.
Молодцу ль
Грома и пули бояться?
Что же онъ
Голову клонитъ да плачетъ?
Бѣдному
Жаль не себя, горемыки:
Жаль ему
Душечки красной дѣвицы!
Дѣвушку
Грозный отецъ принуждаетъ,

Красную
Жалобно машушка молитъ:
«Дитятко!
Выдь за богатаго замужъ!
Милое,
Вѣрь: и не вспомнишь солдата! «

2.

Сиротинушка, дѣвушка!
Полюби меня мо́лодца,
Полюбя приголубливай,
Мои кудри разчесывай.
Хорошо цвѣшку на полѣ,
Любо пшашечкѣ на небѣ:
Сиротинушкѣ, дѣвушкѣ
Веселѣй шого съ мо́лодцомъ.
У меня въ дому волюшка,
Отъ бѣды оборонушка,
Что отъ дождичка кровелька,
Отъ жары дневной ставеньки;
Отъ лихой же разлучницы,
Отъ лукавой укащицы,
На ворошахъ замо́къ висишъ,
Въ подворошенку несъ глядишъ.

Гдѣ найдете вы у Мерзлякова (не говоря уже о Нелединскомъ, котораго пѣсни совершенно въ другомъ родѣ, и въ сравненіе итти не могутъ) хотя одну пѣсню, которая по духу своему и простотѣ была бы столь народною? Гдѣ найдете у него такой счастливый выборъ выраженій, словъ уменьшительныхъ и т. п.? Напрасно нѣкоторые изъ нашихъ Критиковъ стараются отнять у Барона Дельвига пальму первенства: здравый судъ знатоковъ и ухо поселянина Рускаго давно уже утвердили за нимъ сіе первенство.

СМѢСЬ.

Здѣшняя Французская Газета: Le Furet de Saint-Pétersbourg, получаетъ преобразованіе. Вмѣсто прежняго Издателя, Г-на Сен-Жюльена, отнынѣ будетъ издавать ее Г. Сен-Тома (Auguste de Saint-Thomas), извѣстный нашей публикѣ своимъ переводомъ первыхъ 9-ти томовъ *Исторіи Государства Россійскаго*, соч. Карамзина, и нѣкоторыми собственными своими произведеніями въ стихахъ и прозѣ. Кажется, и самое заглавіе Журнала: Le Furet, замѣнится другимъ, не столь *звѣрскимъ*. Тѣ, кои знаютъ опчетливость Г-на Сен-Тома относительно къ слогу и вообще къ трудамъ литературнымъ, и строгій вкусъ его въ выборѣ предметовъ, увѣрены, что и Журналъ, и читатели онаго выиграютъ отъ сей перемѣны.

Ленé (Lainez), Королевскій Библіотекарь въ Парижѣ при Людовикѣ XIV, пришелъ однажды въ библіотеку около осьми часовъ утра, прямо изъ-за роскошнаго ужина, за коимъ день засталъ его. Въ библіотекѣ встрѣтился онъ съ однимъ своимъ пріятелемъ, который изъявилъ ему удивленіе свое о такой невоздержности и крѣпости сложенія. Ленé отвѣчалъ слѣдующею пародіей двухъ извѣстныхъ стиховъ Виргилія (*):

Regnat nocte calix, volvuntur Biblia mane;
Cum Phœbo Bacchus dividit imperium.

то есть:

Ночью царствуетъ кубокъ, а книги читаются утромъ;
Съ Фебомъ дѣлится властію Бахусъ.

Сей Поэтъ-Эпикуреецъ былъ очень прожорливъ, и часто, вставъ изъ-за сытнаго стола, готовъ былъ снова обѣдать. Онъ говаривалъ: «У моего желудка нѣтъ памяти.»

Подписка на *Литературную Газету* принимается и на слѣдующую половину года. Цѣна полугодовому изданію (т. е. отъ 37-го по 72-й No включительно) здѣсь въ С. Петербургѣ 17 р. 50 коп., а съ разноскою по домамъ, или съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи, 20 рублей. Подписываться можно: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Слѣнина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ д. Имзена, No 23-й, и А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ д. Гавриловой; у книгопродавцевъ: Ильи Ив. Глазунова, противъ зеркальной линіи Гостинаго двора, въ д. Генералъ-Маіора Балабина, въ книж. лавкѣ подъ No 27; И. И. Заикина, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ No 28. Въ Москвѣ: у Коммисіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева. Въ Тулѣ: въ книж. магазинѣ С. И. Типова. — Гг. иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Первую половину года сей Газеты можно получить у тѣхъ же книгопродавцевъ, по 20 р. экземпляръ; за пересылку ничего не прилагается.

ОПЕЧАТКА въ 25-мъ No Л. Г.

Стран.	*столб.*	*стр.*	*напечат.*	*должно читать.*
204	1	4	съ уменьшеніемъ народонаселенія	съ умноженіемъ народонаселенія

(*) Вотъ сіи стихи Виргилія:

Nocte pluit tota, redeunt spectacula mane;
Divisum imperium cum Jove Cæsar habet.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Маія 5го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМЪ III, № 27. МАЯ 11го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Мат Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Пятницу), — 6-го (въ Среду), — 11-го (въ Понедѣльникъ), — 16-го (въ Субботу), — 21-го (въ Четвертокъ), — 26-го (во Вторникъ) и 31-го (въ Воскресенье).

ЗЕРКАЛО
ТЕТКИ МАРГАРИТЫ.
(Соч. Валтера Скотта.)

Глава I.

Ты любишь, племянникъ, картины общества временъ давнихъ. Хотѣла бы я изобразить тебѣ Сиръ-Филиппа Форстера, записнаго волокиту изъ круга порядочныхъ людей Шотландіи, въ концѣ прошлаго вѣка. Правда, я никогда его не видывала; но анекдоты о немъ, слышанные мною отъ покойной матушки моей, наполнены разсказами объ его умѣ, любезности и разточительности. Этотъ блестящій кавалеръ процвѣталъ, какъ я уже тебѣ сказала, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Онъ былъ Карломъ Эзи (*) и Ловеласомъ (**) своего времени и своего края, и славился множествомъ дуэлей и любовныхъ похожденій. Первенство, пріобрѣтенное имъ въ модномъ свѣтѣ, было неограниченно; и когда подумаешь объ одномъ или двухъ изъ его похожденій, за которыя должно бъ было его повѣсить, если бы законы существовали у насъ для людей всякаго званія, то слава, которою пользовался такой человѣкъ, доказываетъ, что больше есть привычія, когда уже не добродѣтели, въ наше время, нежели тогда бывало; или что въ прежнее время гораздо было труднѣе пріобрѣсти такъ называемую ловкость въ обращеніи, нежели теперь, и что посему человѣкъ, который ею обладалъ, заслуживалъ по мѣрѣ того полное разрѣшеніе на все и привилегію дѣлать, что ему заблагоразсудилось. Ни одинъ изъ тогдашнихъ мошенниковъ не былъ героемъ такой ужасной повѣсти, какъ повѣсть пригоженькой Педжи Гриндстонъ, дочери мельника въ Сайлль-Майллсѣ: это произшествіе могло бы дать занятіе Лорду-Адвокату; совсѣмъ тѣмъ оно не больше запятнало добрую славу Сиръ-Филиппа, сколько градъ можетъ запятнать печную плиту. Виновный не хуже прежняго принятъ былъ въ обществѣ, и обѣдалъ у Герцога Аргайля въ тотъ самый день, когда бѣдную дѣвушку хоронили. Она умерла съ тоски. Но это не относится къ моему разсказу.

Теперь надобно тебѣ выслушать нѣсколько словъ о нашихъ родныхъ и свойственникахъ. Обѣщаю тебѣ не быть велерѣчивой; совсѣмъ тѣмъ необходимо, для достовѣрности моего преданія, сказать тебѣ, что Сиръ-Филиппъ, за свою красоту, отличныя дарованія и ловкость въ обхожденіи, женился на самой младшей Миссъ Фальконеръ Кингсъ-Коплендъ. Старшая сестра этой дамы еще прежде вышла замужъ за моего дѣдушку, Сира Джефрей, и принесла въ нашу фамилію значительный достатокъ. У Миссъ Джемины, или Миссъ Джемми Фальконеръ, какъ ее обыкновенно называли, было около десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ: по тогдашнему, это было богатое приданое.

Обѣ сестры ни сколько не походили другъ на друга, хотя около ихъ обѣихъ вились обожатели, когда онѣ еще были въ дѣвицахъ. Въ жилахъ Леди Бопуэлль переливалась кровь старшаго Кингсъ-Коплэнда. Она была смѣла, но не до отваги, честолюбива и желала возвышенія своему дому и своей фамиліи; она-то, по общему мнѣнію, подстрекала моего дѣдушку, человѣка отъ природы лѣниваго, но который (если только это не клевета) впустился, по совѣтамъ жены своей, въ политическія интриги, которыхъ благоразумнѣе было бъ избѣгать. При всемъ томъ она была женщина съ твердыми правилами и здравымъ сужденіемъ, что доказывается нѣкоторыми ея письмами, донынѣ хранящимися въ моей конторкѣ.

Джемми Фальконеръ была во всемъ противоположна сестрѣ своей: умъ ея не переходилъ за предѣлы обыкновенные, если можно сказать, что онъ достигалъ ихъ. Красота ея, покамѣстъ сохранилась, состояла только въ нѣжности и бѣлизнѣ тѣла и правильныхъ чертахъ

(*) Любезникъ въ одной комедіи Либбера.

(**) Обольститель въ Ричардсоновомъ романѣ: *Клариссa Гарловъ*.

лица, безъ всякой выразительности. Даже и сіи приманки изчезли въ бѣдствіяхъ неудачнаго замужества. Она страстно любила своего мужа, а онъ въ обращеніи съ нею показывалъ только вѣжливое равнодушіе, которое для женщины съ сердцемъ нѣжнымъ и разсудкомъ слабымъ, казалось можетъ быть тягостнѣе и ужаснѣе настоящихъ дурныхъ съ нею поступковъ. Сиръ-Филиппъ былъ сластолюбецъ, то есть, совершенный эгоистъ, котораго нравъ и склонности похожи были на его шпагу, тонкую, гладкую, блестящую, но упругую и безжалостную. Какъ онъ тщательно соблюдалъ въ отношеніи къ женѣ своей всѣ формы вѣжливости, но искусно отстранилъ отъ нея даже соучастіе свѣта; и хотя оно почти безполезно для тѣхъ, на кого обращено, совсѣмъ тѣмъ для такого ума, каковъ былъ у Леди Форстеръ, тяжко было не заслужить даже и сострадания.

Свѣтскія сплетни ставили виновнаго мужа гораздо выше оскорбленной жены. Нѣкоторые величали Леди Форстеръ жалкимъ, безхарактернымъ созданіемъ и утверждали, что если бы въ ней была хоть малая доля силы характера сестры ея, то она могла бы образумить всѣхъ Сиръ-Филипповъ на свѣтѣ, хотя бъ они даже были похожи на грознаго Фальконбриджа (*) Но по большей части друзья обоихъ супруговъ являли притворное прямодушіе и утверждали, что обѣ стороны виноваты, хотя на самомъ дѣлѣ были только утѣснитель да утѣсненная. Эти прямодушные друзья такъ изъяснялись: «Конечно, никто не станетъ о-«правдывать Сиръ-Филиппа Форстера; однако жь, вѣдь «мы знаемъ Сиръ-Филиппа, и Джемми Фалькоперъ «могла бы разгадать, чего ей должно было ожидать «отъ него. Кто ее просилъ повѣситься на шею Сиръ-«Филиппу? Онъ никогда бы о ней и не подумалъ, ког-«да бъ она сама не навязалась ему съ своими несчаст-«ными десятью тысячами фунтовъ стерлинговъ; развѣ, «станется, что ему была въ нихъ нужда. Ей самой «вздумалось напроситься на бѣду. Я знаю много жен-«щинъ, которыя гораздо лучше были бы подъ пару «Сиръ-Филиппу. Да ужь если ей непремѣнно хотѣлось «выйти за этого человѣка, то неужели не могла она «постараться, чтобъ мужу ея было весело въ своемъ «домѣ? неужели не могла почаще сзывать къ себѣ дру-«зей его, не оглушать его крикомъ дѣтей, заботиться «о томъ, чтобы все вокругъ нея было щеголевато и «со вкусомъ? Навѣрное Сиръ-Филиппъ былъ бы очень «порядочнымъ мужемъ, когда бы жена умѣла привлечь «его къ себѣ.»

Но тѣ, которые строили это блестящее зданіе домашняго блаженства, забывали, что къ нему недоставало краеугольнаго камня; что для угощенія многочисленнаго общества и пышныхъ обѣдовъ, пировыя издержки долженъ былъ бы оплачивать Сиръ-Филиппъ, котораго разстроенное состояніе было бы недостаточно на такіе разходы, при его разточительности на свои *любимыя удовольствія*. Такимъ образомъ, на зло всему, что такъ благоразумно было придумано жалостливыми пріятельницами, Сиръ-Филиппъ уносилъ свою веселость и привѣтливость вонъ изъ дому, а въ пустомъ его домѣ оставалась только жена его съ своею грустью.

Наконецъ, бывъ стѣсненъ недостаткомъ въ деньгахъ и наскуча немногими минутами, кои проводилъ онъ въ уныломъ своемъ домѣ, Сиръ-Филиппъ рѣшился побывать на твердой землѣ, въ качествѣ волонтера. Въ тогдашнее время люди знатной породы весьма часто это дѣлали; можетъ быть и нашъ кавалеръ ласкался надеждой, что отчасти воинскій духъ, могшій его воспламенить, но не до того, чтобы сдѣлать педантомъ, обѣщалъ ему новыя средства нравиться и подкрѣпить то высокое мнѣніе, которое онъ внушилъ о себѣ въ модныхъ обществахъ.

Намѣреніе Сиръ-Филиппа подвергло жену его всѣмъ мученіямъ страха, такъ что вѣтреный Бароннетъ почти разтрогался. Противъ своего обыкновенія, онъ пытался успокоить жену свою и впослѣдніе заставилъ ее пролить слезы, съ коими смѣшивалось нѣчто похожее на удовольствіе. Леди Бошуелль испрашивала у Сиръ-Филиппа, какъ будто милости какой нибудь, его согласія на то, чтобъ ей принять къ себѣ сестру свою съ ея дѣтьми, въ отсутствіе этого отца семейства. Сиръ-Филиппъ былъ тому и радъ, ибо чрезъ сіе уменьшались его разходы, налагалось молчаніе на тѣхъ, которые стали бы говорить, что онъ покинулъ жену и дѣтей, и удовлетворялась Леди Бошуелль, къ которой онъ питалъ невольное уваженіе; ибо она всегда говорила съ нимъ откровенно, иногда и сурово, не боясь его насмѣшекъ и не ослѣплялась его славой.

За день или за два до отъѣзда Сиръ-Филиппа, Леди Бошуелль приняла на себя, въ присутствіи жены его, сдѣлать ему рѣшительный вопросъ, который сія послѣднія часто желала сказать ему, но ей не доставало на то духу.

— «Не можете ли вы, Сиръ-Филиппъ, сдѣлать одолженіе сказать намъ, по какой дорогѣ вы поѣдете, когда переправитесь на твердую землю?

— «Изъ Лейтса я отправляюсь на пакетботѣ въ Гельвоетъ.

— «Это я и безъ того понимаю, какъ нельзя лучше,» сухо отвѣчала Леди Бошуелль: «по думаю, что вы не намѣрены надолго оставаться въ Гельвоетѣ, и мнѣ хотѣлось бы знать, куда вы пуститесь изъ этого города.

(*) Буйный герой Шекспировой трагедіи: *Жизнь и смерть Короля Іоанна.*

— « Вы дѣлаете мнѣ, Леди Бопуелль, такой вопросъ, котораго я еще самъ себѣ не осмѣливался сдѣлать. Отвѣтъ мой зависитъ отъ военныхъ обстоятельствъ. Я поѣду, какъ слѣдуетъ, въ главную квартиру, а за нею повсюду, куда судьба броситъ ее: тамъ я предъявлю свои рекомендательныя письма, стану учиться благородному военному ремеслу столько, сколько необходимо знать такому бѣдному его любителю, какъ я, и тогда начну понемногу вмѣшиваться въ эти дѣла, о которыхъ такъ часто намъ трубятъ Газеты.

— « Но я надѣюсь, Сиръ-Филиппъ, вы не позабудете, что вы супругъ и отецъ, и что хотя вы считаете за приличное угодить вашей воинской прихоти, но не станете бросаться въ опасности, которымъ нѣтъ никакой необходимости подвергаться тому, кто не записной военный человѣкъ.

— « Леди Бопуелль дѣлаетъ мнѣ слишкомъ много чести, изъявляя хотя малое участіе въ моей судьбѣ. Но, чтобъ успокоить ея лестную обо мнѣ заботливость, я покорнѣйше прошу ее вспомнить, что мнѣ нельзя подвергать опасности жизнь почтеннаго отца семейства, котораго она поручаетъ въ мое покровительство, не отваживая вмѣстѣ съ тѣмъ жизни одного добраго малаго, Филиппа Форстера, съ которымъ я въ долѣ вотъ уже тридцать лѣтъ и съ которымъ нѣтъ во мнѣ ни малой охоты разлучиться.

— « Сиръ-Филиппъ! вы конечно лучшій судья вашихъ собственныхъ дѣлъ, и я не имѣю права въ нихъ вмѣшиваться. Вы не мой мужъ.

— « Избави Богъ!... » проговорилъ съ поспѣшностію Сиръ-Филиппъ; но тутъ же минуту прибавилъ: « избави Богъ, чтобъ я отнялъ у друга моего Сира Джефрей такое неоцѣненное сокровище.

— « Однако же вы мужъ сестры моей, » подхватила Леди Бопуелль; « и я полагаю, вамъ не безъизвѣстно, какъ она печалится.

— « Если бы я могъ убѣдиться тѣмъ, что слышу съ утра до вечера, то конечно мнѣ должно знать объ этомъ хотя немного.

— « Я не намѣрена вызывать на бой ваше остроуміе, Сиръ-Филиппъ; но вы должны быть убѣждены, что печаль эта произходитъ отъ страха о тѣхъ опасностяхъ, которымъ вы будете подвергаться.

— « Въ этомъ случаѣ, меня покрайней мѣрѣ удивляетъ то, что Леди Бопуелль столько хлопочетъ о такой бездѣлицѣ.

— « Любовь моя къ сестрѣ отвѣчаетъ за желаніе узнать намѣренія Сиръ-Филиппа Форстера, къ судьбѣ котораго, если бъ не это, была бы я совсѣмъ равнодушна. Но я должна также безпокоиться и о жизни моего брата.

— « Вы конечно говорите о братцѣ вашемъ Маіорѣ Фальконерѣ? Что же общаго между нимъ и этимъ пріятнымъ разговоромъ?

— « У васъ были съ нимъ о чемъ-то рѣчи, Сиръ-Филиппъ.

— « Дѣло очень естественное: мы съ нимъ свои, и по этому разговоры у насъ бываютъ частые.

— « Вы хотите отдѣлаться отъ отвѣта. Подъ словомъ: *рѣчи*, я разумѣла, что вы съ нимъ поссорились по поводу вашихъ поступковъ съ своею женою.

— « Если вы считаете Маіора Фальконера такимъ проспакомъ, что онъ вздумалъ вмѣшиваться въ мои домашнія дѣла, Леди Бопуелль, то и въ самомъ дѣлѣ вы должны быть увѣрены, что я былъ бы тѣмъ недоволенъ и попросилъ бы его поберечь свои совѣты до тѣхъ поръ, пока у него потребуютъ ихъ.

— « И въ такомъ-то разположеніи духа вы отправляетесь въ армію, гдѣ братъ мой теперь служитъ?

— « Маіоръ Фальконеръ лучше всякаго другаго знаетъ стезю чести, и такой кандидатъ славы, какъ я, не можетъ выбрать себѣ на этой дорогѣ лучшаго вожатаго.

— « Такъ въ этихъ холодныхъ, безчувственныхъ шуткахъ все для насъ утѣшеніе въ страхѣ, родившемся отъ такой ссоры, которая можетъ повлечь за собою самыя ужасныя послѣдствія? Господи Боже мой! изъ какого вещества создалъ ты сердца мужчинъ, когда они могутъ такъ насмѣхаться надъ нашими страданіями! »

Сиръ-Филиппъ Форстеръ былъ пропущъ и покинулъ насмѣшливый тонъ, въ которомъ онъ говорилъ доселѣ.

— « Любезная Леди Бопуелль, » сказалъ онъ, взявъ эту даму за руку, которую она съ отвращеніемъ ему подавала: » мы оба виноваты. Вы слишкомъ строги въ рѣчахъ, а я, можетъ быть, слишкомъ легкомысленъ. Споръ мой съ Маіоромъ Фальконеромъ не ведетъ за собой ничего важнаго: если бы между нами было что-либо такое, чему должно бы кончиться par voie de fait, какъ говорится во Франціи, то мы не такіе люди, чтобъ на долго стали откладывать встрѣчу. Позвольте мнѣ сказать вамъ, что если станутъ разпускать слухи, будто бы вы, или Леди Фальконеръ, безпокоитесь объ этомъ, тогда такіе слухи подадутъ настоящій поводъ къ непріятной развязкѣ, которой безъ того вѣроятно не будетъ вовсе. Я знаю здравый вашъ умъ, Леди Бопуелль, и знаю, что вы меня поймете, когда я вамъ скажу, что дѣла мои требуютъ отлучки на нѣсколько мѣсяцевъ. — Джемима не можетъ этого понять: тотчасъ пойдутъ у ней разспросы. « Да какъ! не можешь « ли ты сдѣлать того-то, или этого, или чего друга« го?» и когда ей докажешь, что все придуманное ею ни къ чему не послужитъ, то должно снова кружиться съ нею въ томъ же кругу. Теперь же сдѣлайте одолженіе, любезная Леди Бопуелль, скажите ей, что вы довольно

ныхъ. Сами вы согласитесь, что она изъ тѣхъ женщинъ, на которыхъ власть сильнѣе дѣйствуетъ, нежели доводы ума. Окажите мнѣ хоть немного довѣрія и вы увидите, что я буду достоинъ его.»

Леди Ботуелль кивнула головою, какъ человѣкъ полудовольный.

— «Какъ трудно,» молвила она, «чувствовать довѣріе, когда основа, на которой оно должно быть утверждено, такъ часто была шатка! Однако я всѣми мѣрами постараюсь успокоить Джемину; что же касается до вашихъ обѣщаній, то я призываю васъ въ отвѣтъ за нихъ передъ Богомъ и людьми.

— «Не думайте, чтобъ я хотѣлъ васъ обманывать. Самое вѣрное средство переписываться со мною будетъ то, чтобы надписывать письма въ Гельвётслюйсъ, откуда я велю пересылать ихъ къ себѣ дальше. А съ Фалконеромъ наша первая встрѣча будетъ за бутылкой бургонскаго, такъ на этотъ счетъ и будьте спокойны.«

Леди Ботуелль не совсѣмъ разувѣрилась; однако жь она была убѣждена, что сестра ея сама портила свое дѣло, принимая его *слишкомъ близко къ сердцу*, какъ говорятъ наши служанки, и показывая при всякомъ постороннемъ человѣкѣ своими поступками, а иногда даже и рѣчами, то неудовольствіе, которое причинялъ ей отъѣздъ ея мужа; а это всегда кончалось тѣмъ, что Сиръ-Филиппъ узнавалъ объ этомъ и сердился еще больше. Но не было никакого средства прекратить сіи домашнія ссоры, кои продолжались по самый день разлуки.

Жаль, что не могу вспомнить, въ которомъ именно году Сиръ-Филиппъ Форстеръ отправился во Францію, только это случилось въ то время, когда война закипѣла съ новымъ ожесточеніемъ. Много кровавыхъ, хотя и не очень рѣшительныхъ стычекъ было между Французами и союзными войсками. Изо всѣхъ новѣйшихъ улучшеній, можетъ быть самое важнѣйшее состоитъ въ точности и скорости, съ каковыми извѣстія переносятся съ мѣста какого-либо дѣйствія въ тотъ край, въ которомъ дѣйствіе сіе возбуждаетъ участіе. Въ продолженіе кампаній Марльбруга, страданія тѣхъ, у которыхъ были въ арміи родственники либо друзья, увеличивались еще болѣе безвѣстностію, въ каковой ихъ оставляли по цѣлымъ недѣлямъ послѣ извѣстій о бывшихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, гдѣ безъ сомнѣнія были подъ ружьемъ люди, конхъ имена заставляли трепетать сердца ихъ родныхъ. Въ числѣ тѣхъ, которыя наиболѣе мучились этою безвѣстностію, находилась.... чуть-было я не сказала: покинутая жена блестящаго Сиръ-Филиппа Форстера. Только одно письмо извѣстило Джемину о прибытіи мужа ея на твердую землю; другихъ она не получала. Въ Журналахъ напечатано было долесеніе, въ которомъ упоминалось о волонтерѣ Сиръ-Филиппѣ Форстерѣ, посланномъ на опасную рекогносцировку и выполнившемъ сіе порученіе съ отличною храбростію, искуствомъ и смѣтливостію, за что онъ даже получилъ (такъ было присовокуплено) благодарность отъ своего начальника. Удовольствіе, доставленное Леди Форстеръ отличіемъ, которое заслужилъ мужъ ея, вызвало на минуту легкій румянецъ на блѣдныя щеки ея; но онъ скоро изчезъ еще въ сильнѣйшей блѣдности, причиненной мыслью о тѣхъ опасностяхъ, которымъ мужъ ея подвергался. Послѣ этой вѣсти, обѣ сестры не получали уже никакихъ извѣстій ни о Сиръ-Филиппѣ, ни о братѣ своемъ Маіорѣ Фальконерѣ. Положеніе Леди Форстеръ ничѣмъ не отличалось отъ положенія сотни другихъ женъ; но слабый умъ бываетъ отъ природы раздражителенъ, и безвѣстность, которую одни сносили равнодушно, другія съ философскою разсудительностію, третьи со врожденнымъ расположеніемъ духа принимать все въ лучшемъ видѣ, — была нестерпима для Леди Форстеръ, которая была чувствительна, угрюма, способна скоро впадать въ уныніе и лишена всякой силы разсудка.

(*Продолж. въ слѣд.* No.)

ГРОБНИЦА КУТУЗОВА.

Великолѣпенъ Руской храмъ,
Гдѣ по сіяющимъ сполбамъ
Висятъ отбитыя знамена,
И на орлахъ Наполеона
Видна заржавленная кровь....
(Сильна къ отечеству любовь!)

Я подхожу къ оградѣ мирной,
Гдѣ спитъ великій человѣкъ:
Какъ солнце въ пустынѣ эфирной
Онъ путь торжественно прошелъ,
И на закатѣ дивной жизни
Былъ избранъ Богомъ и Царемъ
Служить признательной отчизнѣ:
Онъ былъ ей славой и щитомъ.

Я испытать восторговъ пламень,
Молчаньемъ гроба пораженъ;
Едва взглянулъ на грустный камень
И былъ святыней устрашенъ.
Гранитъ холодный и угрюмый
Лежалъ въ бездушной тишинѣ:
Въ моемъ челѣ ронились думы,
И здѣсь — предстала Вѣчность мнѣ.
Какъ животворный огнь, сіяли
Ея нетлѣнныя скрижали;
Все, что прошло, что далеко
Въ нихъ кто-то врѣзалъ глубоко.

Герой, любимый небесами,
О, если бъ я достоинъ былъ —
Какими бъ жаркими слезами
Твой хладный пепелъ оросилъ!
Какой невѣдомою силой
Надъ сей безмолвною могилой
Моя бы пѣснь передала
Твои прекрасныя дѣла!

Завидѣнъ вѣщій даръ Баяна:
Когда, въ полночной тишинѣ,
Великихъ тѣни изъ кургана
Онъ вызываетъ при лунѣ;
Могила древности сѣдая,
Могильнымъ пѣснямъ уступая,
Добычу плѣнья выдаетъ;
Ему внимая, воинъ юный
Безсмертьемъ дышащія струны
Благословляя, слезы льетъ!

А я, священной очарованъ,
Въ священномъ ужасѣ стою;
Но мой языкъ какъ смертью скованъ,
И буря душитъ грудь мою!
Гляжу на грозные трофеи,
На блескъ металловъ и огней,
И самъ не знаю, что святѣе:
Сей храмъ, иль пѣсный мавзолей?
Я сильно чувствовать умѣю,
Но вижу рядъ великихъ дѣлъ —
И пѣть великаго не смѣю....

Но воинъ въ дали паритъ орелъ
На Бородинскія долины:
Онъ тризны царственно обвилъ
Вождя священныя сѣдины,
И кликъ воинственной дружины
Того орла благословилъ.
Вотъ тамъ, — багровой полосою
Зардѣлось небо надъ Москвою,
И вздрогнулъ Руской, за пожаръ
Господня мстительный ударъ.
Вотъ тамъ, — надъ синимъ Океаномъ
Скала пустынная стоитъ,
И дремлетъ старый инвалидъ
Надъ неоплаканнымъ курганомъ.... (*)
Кутузовъ счастливѣе былъ!
Онъ не забвенъ надгробной призной,
И храмъ святой вождя покрылъ
Благословеннаго отчизной.

Не лицемѣрно я кадилъ
И не склонялъ для злата выи:
Въ лицѣ Героя я почтилъ
Благословенный плодъ Россіи;
Я любызалъ его граниты,
Души исполнилъ долгъ священный,
И пусть слеза моя блеститъ
Надъ сей гробницею нетлѣнной.
Я въ прахъ предъ ней поверженъ былъ
Неодолимымъ умиленьемъ,
Но я души не посрамилъ
Симъ благороднымъ униженьемъ.

Трилунный.

(*) Могилу Наполеона и теперь еще сторожитъ гарнизонъ, составленный изъ старыхъ солдатъ.

БАЙРОНЪ и ТОМАСЪ МУРЪ.

(Соч. Карла Нодье.)

Есть люди, которые думаютъ, что великія дарованія образуются въ кругу имъ подобныхъ, и что врожденный геній, со всѣми своими богатствами, развертывается среди образованнаго общества по одному необходимому побужденію явить себя, и по влеченію къ славѣ. Они отсылаютъ рифмоплета въ Парижъ учиться стихотворству, и когда скандованные въ пріятельской бесѣдѣ стихи, бывъ разхвалены его друзьями, или возвеличены Журналомъ, продающимъ похвалу, являются въ пору таковой поддѣльной знаменитости, то спѣшатъ возвѣстить о славномъ появленіи Поэта. Между существенными условіями призванія поэтическаго, они считаютъ за ничто волненія бытія, обуреваемаго и страстями и несчастіемъ, превратности жизни кочевой и осужденной, и глубокія думы отшельническаго существованія. Они не берутъ во вниманіе событій увлекающаго вѣка, самопроизвольныхъ народныхъ переворотовъ, постояннаго и неотклоннаго шествія человѣческой мысли, стяжаній политики и наукъ, совершенствованія общественности, содѣлавшейся возмужалою. Они не признаютъ, чтобы огонь воображенія очищался или разцвѣчивался, смотря потому, какую пищу представляютъ ему обстоятельства, по видимому самыя ничтожныя. Напрасно симъ устойчивымъ Критикамъ говорили бы, что геній человѣка чаще всего есть только выраженіе духа времени, и что сей духъ времени почти всегда зависитъ отъ обстоятельствъ, самыхъ незамѣтныхъ. Они смѣялись бы отъ жалости, если бы вздумали имъ доказывать, что безмѣрное распространеніе Англійскихъ владѣній на Востокѣ открыло, быть можетъ, въ Англіи новый путь для Поэзіи, и что Муза, вскормившая медомъ дѣтство Мура и Байрона, вѣроятно есть Пери. Въ самомъ дѣлѣ, если во Франціи подражатели Восточныхъ Писателей произвели что-либо въ духѣ Оріентализма, то въ ихъ произведеніяхъ однако жь ничего нѣтъ такого, что приближалось бы къ удивительнымъ твореніямъ сихъ двухъ великихъ геніевъ; и должно признаться, что вліяніе Академіи Надписей и Изящныхъ Искусствъ, менѣе ощутительно, менѣе народ-

но, нежели вліяніе Индѣйской Компаніи. Впрочемъ, до какой степени, во Франціи, поэзія имѣетъ право пересаживать цвѣты съ земли, несостоящей въ ея владѣніи, съ почвы чужеземной, которая даже не включена въ наши географическія описанія? Гдѣ повелѣніе, въ слѣдствіе котораго дозволительна контрабанда мыслей, и по которому бы воображеніе освобождалось отъ литературно-таможеннаго тарифа? Этотъ вопросъ, тщательно въ наше время разсматриваемый, надолго останется перѣшеннымъ.

Переплавка величественныхъ картинъ Востока и задумчиво-суровыхъ чувствованій Сѣвера, не могла на запечатлѣть особеннаго характера на произведеніяхъ умственныхъ. Это непредвидѣнное соприкосновеніе полюсовъ знойнаго и холоднаго, міровъ Брамы и Одина, сія связь вымысловъ баснословія, наполненнаго чародѣйствомъ, съ мрачною меланхоліею души, опечаленной суровостію природы, это взаимное откровеніе двухъ разнообразныхъ мастериковъ, само по себѣ уже составляетъ поэзію.

Такая поэзія заключаетъ въ себѣ и роскошныя пѣсни, подслушанныя у колыбели зари, и стоны мертвецовъ, слышимые у льдовъ полярныхъ. Она имѣетъ и рай розъ, подобный Саадіеву, и ледяный адъ, какъ у Данте. Единымъ прикосновеніемъ, она извлекаетъ звуки изо всѣхъ струнъ лиры, и подобно душѣ, вырвавшейся изъ своихъ оковъ, можетъ сказать: я безпредѣльна!

Каковъ бы ни былъ источникъ вдохновеній, изъ коего черпали Байронъ и Муръ, нельзя однако жь не замѣтить между ними того умственнаго сродства, той искренней симпатіи въ организаціи и чувствѣ, которыя гораздо рѣже встрѣчаются, нежели случайное сходство двухъ физическихъ Менехмовъ, или атомовъ. Совсѣмъ тѣмъ, подъ властію обстоятельствъ, среди которыхъ они находились, ихъ побужденіе, почти одинаковое, но различно направленное, оставляетъ между ними неизмѣримое разстояніе, покрайней мѣрѣ въ произведеніяхъ, которыя выразительнѣе другихъ носятъ отпечатокъ поэтической физіогноміи. Болѣе страстный, болѣе пылкій, болѣе своевольный, болѣе ненасытимый, осуровленный бездушіемъ общества, несоотвѣтствовавшаго всѣмъ требованіямъ его сердца, Байронъ примѣшиваетъ въ свои чистѣйшіе гимны выраженія жестокой ѣдкости и кровавой желчи. Взглядъ, которымъ онъ обнимаетъ природу, подобенъ взору, брошенному злымъ духомъ, въ минуту его низверженія. Нельзя не чувствовать, что онъ съ мученіемъ носитъ скипетръ и вѣнецъ огненные. Если онъ въ нѣдрѣ Божества и похищаетъ тайны небесной гармоніи природы, то можно подумать, что похищаетъ ихъ только для уничтоженія. Въ немъ, какъ въ Эвлисѣ Арабскихъ сказокъ, есть наклонность къ разрушенію, честолюбіе ничтожества, духъ матеріялизма, который и удивляетъ и устрашаетъ. Когда вы прерываете чтеніе его твореній, вамъ кажется, что вы вышли изъ Трофоніевой пещеры, съ воспоминаніями, которыхъ никакой человѣческій языкъ не можетъ выразить, но которыхъ неизлечимое впечатлѣніе гнететъ сердце во всю жизнь. Томасъ Муръ, напротивъ, разсыпаетъ съ легкомысленною разточительностію всѣ мечты воображенія игриваго. Онъ съ жаромъ ищетъ прекраснаго, чтобы его еще болѣе украсить. Его рука вышиваетъ по золотой канвѣ очаровательныя изображенія, и не довольствуясь еще тѣмъ, что разсыпаетъ по ней всѣ ослѣпительныя богатства, похищаемыя имъ на Востокѣ, какъ въ открытой сокровищницѣ, онъ считаетъ свое произведеніе неоконченнымъ, если не разнообразитъ его отблесковъ игрою лучей солнечныхъ. Ему недостаточно вдохнуть душу въ вещество: онъ вселяетъ еще въ сію душу божественный разумъ. Другіе Поэты стремятся къ идеалу; Муръ — къ утонченію самаго идеала. Вознесясь въ выспреннія области, онъ хотѣлъ бы туда же перенести живыми и прекрасными, какъ самое небо, и творенія, имъ созидаемыя. Женщина, одушевленная магическимъ его дуновеніемъ, становится уже сущимъ ангеломъ; и было бы погрѣшностію, способною возмутить гармонію его созданій, если бы его Ангелы не были подлинными Ангелами. — Совсѣмъ тѣмъ я повторяю, что Муръ и Байронъ суть геніи-близнецы, которыхъ нельзя было бы отличить другъ отъ друга, если бы не было одного изъ нихъ падшаго. Они припоминаютъ собою тѣхъ двухъ Серафимовъ Клопштока, порожденныхъ единою мыслію Творца, которые разлучились однажды, но на вѣчность, въ день возмущенія Сатаны (*).

Съ Франц. — *Л. Крстевъ.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Наложница. Сочиненіе Е. Баратынскаго. — Москва. Въ типографіи Августа Семена, 1831. (XXVII — 93 стр. въ 12-ю д. л. (*)

— Е. А. Баратынскій, издавая въ свѣтъ стихотвор-

(*) Статья сія помѣщается здѣсь, какъ образецъ остроумныхъ парадоксовъ замысловатаго Писателя, Карла Нодье. Во всѣхъ его мнѣніяхъ болѣе блеску, нежели истины: такъ и въ этомъ сравненіи Байрона и Мура. Теперь уже трудно кого-либо увлечь парадоксами. Всѣ согласятся, что Томасъ Муръ обладаетъ прекраснымъ талантомъ; но едва ли кто убѣдится, что его радужныя, отчасти жеманныя картины можно ставить на ряду съ произведеніями широкой и сильной кисти Байрона. Томасъ Муръ человѣкъ съ поэтическимъ дарованіемъ и музыкальнымъ слухомъ; но Байронъ геній необыкновенный, представитель Поэзіи своего вѣка. — *Издатель.*

(*) Продается въ книжн. магазинѣ Смирдина. Цѣна экземп. 10 р.

ный романъ свой, въ началѣ книжки помѣстилъ предисловіе, въ которомъ изложилъ весьма основательныя мысли о томъ, какъ должно смотрѣть на произведенія Словесности. Неблагосклонные отзывы нѣкоторыхъ Журналистовъ нашихъ о прежнихъ поэмахъ его и объ отрывкахъ новаго романа, Поэтъ добродушно приписываетъ одному невѣжеству Критиковъ, между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ участвовали и невѣжество и личность. Надобно ли говорить, что одинъ напалъ на названіе романа, радуясь случаю побранить Сѣверные Цвѣты, хотя цѣломудренная душа этого Критика, по невинности, вѣроятно, не поняла, что изъясненіе значенія слова: *наложница*, или даже самый намекъ на подобное изъясненіе, передъ публикою неприличны, между тѣмъ какъ самое слово не оскорбитъ ни одного образованнаго уха? Другой .... Но оставимъ Зоиловъ въ покоѣ. Они сами себя жестоко наказываютъ: желчь не позволяетъ имъ наслаждаться прекраснымъ. Приступимъ къ разсмотрѣнію самого романа.

Содержаніе онаго весьма просто; завязку составляетъ любовь героя романа къ одной благородной дѣвушкѣ, препятствія къ достиженію цѣли — ревность прежней любовницы и худая слава его въ свѣтѣ; развязкою служитъ ужасная смерть героя. Дѣйствующихъ и говорящихъ лицъ въ романѣ всего на все шесть — и между ними три главныхъ: Сара, молодая Цыганка, живущая съ Елецкимъ; самъ Елецкій, молодой Москвичъ, удалившійся отъ такъ называемаго большаго свѣта, въ которомъ прослылъ онъ чудовищемъ, и Вѣра Волховская, существо невинное, можетъ быть способное обратить порочнаго Елецкаго на путь нравственности.

Характеръ Елецкаго изображенъ мастерски. Это одинъ изъ тѣхъ людей, отъ природы надѣленныхъ многими хорошими качествами души, кои, не имѣя истиннаго, прямаго направленія, сбиваются съ пути добродѣтели и погибаютъ. Елецкій существо мыслящее:

Полнѣй другихъ созрѣлъ разсудкомъ
Онъ въ самомъ опытѣ страстей;
И наконецъ среди пороковъ
Кипѣвшихъ роемъ вкругъ него,
И ядовитыхъ ихъ уроковъ,
И омраченья своего,
Въ душѣ сберегъ онъ чувства пламя.
Елецкій битву проигралъ,
Но побѣжденный, спасъ онъ знамя
И предъ самимъ собой не палъ.

Такою чертой Поэтъ даетъ герою своему большую занимательность и заставляетъ насъ противъ воли сожалѣть о несчастной, преждевременной его смерти. — Въ лицѣ Сары вѣрно изображены Цыганки, живущія въ нашей древней столицѣ, и торгующія собою для снисканія пропитанія. Черта, отличающая Сару отъ прочихъ сестеръ ея, заключается въ привязанности ея къ Елецкому, — привязанности конечно необразованной, дикой, но тѣмъ не менѣе сильной и отчасти трогательной.

Возбуждая такимъ образомъ въ читателѣ интересъ къ главнымъ лицамъ романа, Поэтъ торжествуетъ въ изображеніи различныхъ положеній сихъ лицъ, — положеній истинно драматическихъ. Пусть прочтутъ *Наложницу*: первая встрѣча Елецкаго съ Вѣрою, свиданія ихъ въ маскарадѣ и въ домѣ Волховскаго, разговоры Елецкаго съ Сарою (изъ коихъ первый неподражаемъ), проклятія, произносимыя Сарою, по совершеніи колдовства, на Вѣру Волховскую, описанія Кремля, Новинскаго и пр. и пр., яснѣе всякихъ доводовъ докажутъ справедливость всего нами сказаннаго. Долгъ сей же самой справедливости требуетъ признаться, что красоты въ цѣломъ и въ частяхъ романа даютъ ему полное право на одно изъ лучшихъ мѣстъ въ ряду произведеній Словесности отечественной, и на весьма почетное въ числѣ произведеній Литературы Европейской. О звучности и блескѣ стиховъ Барятынскаго Литературная Газета имѣла случай говорить весьма недавно (*).

D.

СМѢСЬ.

Издатель Телеграфа въ Журналѣ семъ на 1831 годъ, въ V книжкѣ, на стр. 85 и 96, весьма невыгодно отзывается объ Общей Риторикѣ Кошанскаго, о Теоріи Краснорѣчія Галича, о Статистикѣ Европейскихъ Государствъ Зябловскаго. И хотя объясненія Критика довольно обширны; но едва ли кто нибудь пойметъ: почему разбираемыя имъ сочиненія недостаточны и (стр 85) «недостойны мыслителей нашего вѣка? «Но уже извѣстно, что Г. Полевой напрасно не гнѣвается: непремѣнно надобно быть какой нибудь причинѣ! Взгляните со вниманіемъ и увидите, что всѣ вышепомянутые Профессоры начали свои сочиненія тысячелѣтнимъ анахронизмомъ, что издали книги свои совсѣмъ не въ томъ вѣкѣ, который принадлежитъ Г. Полевому. По высоковзглядимъ разсчетамъ Г. Полеваго (стр. 93), отъ времени Гезіода до нашего вѣка минуло 4,000 лѣтъ; но Гезіодъ жилъ до Р. Х. за 1000, а по выкладкамъ другихъ за 900 лѣтъ, слѣдственно послѣ Р. Х. минуло до нашего вѣка по разчисленію Г. Полеваго не 1830, но 2830 лѣтъ; а Гг. Профессоры означили изданіе ихъ сочиненій просто 1830-мъ годомъ!

(*) См. 69-й No Литерат. Газеты на 1830-й годъ, стр. 270.

Нѣкоторые скажутъ, что самъ Издатель Телеграфа (стр 87). не знаетъ, о чемъ говоритъ, и что ошибка его не стоитъ вниманія. Конечно! но если явная ошибка его не стоитъ вниманія, то почему же онъ обращаетъ невыгодное вниманіе на такія сочиненія, въ которыхъ не указываетъ ни малѣйшей ошибки?

Еще на минуту обратимся къ вопросу: справедливо ли на стр. 87-й Издатель Телеграфа говоритъ о себѣ, что онъ самъ не знаетъ, о чемъ говоритъ? Это правда; что правда, то правда: противъ этого и споритъ грѣхъ; но сверхъ того, Издатель Телеграфа величайшій мастеръ на каждой строкѣ и почти въ каждомъ словѣ выказывать свое незнаніе. На прим. на стр. 86, существующее нынѣ преподаваніе Словесныхъ Наукъ называетъ онъ схоластическимъ, варварскимъ, и на пяти страницахъ наговоривъ всякой всячины, на 91-й заключаетъ: «Настоящая Риторика можетъ быть слѣдствіемъ только «философической, всеобщей и Руской Граммашики.» Что жь такое философическая, всеобщая Руская Грамматика? Та же самая, которую преподаютъ въ Рускихъ учебныхъ заведеніяхъ; но у которой въ заглавіи надобно впредь писать: *Философическая, всеобщая Руская Грамматика.* Развѣ именительный падежъ не на всѣхъ языкахъ въ свѣтѣ есть падежъ именительный? развѣ Руское единственное число не на всѣхъ языкахъ въ свѣтѣ есть число единственное, развѣ настоящее время не на всѣхъ языкахъ въ свѣтѣ есть время настоящее? развѣ невѣжда не на всѣхъ языкахъ въ свѣтѣ есть имя существительное (*)? » Или на стр. 90-й: «Зачѣмъ въ Риторикѣ «толковать о силлогизмѣ? Предѣлы Риторики—знаніе «внѣшнихъ формъ.» Да развѣ силлогизмъ не форма?

Отъ Аристотеля и Платона до Цицерона, отъ Цицерона до Августина, отъ Августина до Томазія, отъ Томазія до Канта, отъ Канта до нашего Мерзлякова, имѣемъ мы передъ глазами до 40 особыхъ превосходныхъ твореній объ Эстетикѣ; но они не отвергаютъ существующаго нынѣ систематическаго преподаванія наукъ, безъ котораго не можно даже и читать съ пользою тѣхъ 40 твореній объ Эстетикѣ. Въ немъ для изложенія всякой мысли, всякаго чувства, всякой страсти, всякаго движенія души, постановлены ясныя и особыя формы, изъ самой природы извлеченныя; и чего жь больше? Пусть оное поправляютъ, какъ кому угодно; но не уничтожаютъ. Говорить и дѣлать — двѣ вещи совсѣмъ разныя: пусть Издатель Телеграфа безъ шуму, безъ порицанія другихъ Писателей, напишетъ Курсъ Словесныхъ Наукъ по своей новой системѣ, въ которой бы ни одна наука нигдѣ и ни въ чемъ не смѣшивались съ другою; и если оный Курсъ найдется удовлетворительнѣе прежнихъ, то за нимъ будутъ и честь и слава и общее употребленіе.

Р.

(*) Выкиньте изъ общихъ Граммашикъ Аппесигнана, Бозе, Якоба и прочихъ все лишнее, и останется простая Руская, къ общимъ правиламъ примѣненная Граммашика.

Литературныя новости. Въ No 30-мъ Московскихъ Вѣдомостей, отъ 15-го Апрѣля сего года, на стран. 1388-й, въ объявленіи о книгахъ, продающихся у Московскаго книгопродавца Василія Логинова, между прочимъ сказано, что у него же, Логинова, «принимается «подписка на вновь издаваемыя книги подъ названіемъ: «1) *Смерть Ивана Выжигина, съ портретомъ Автора «сей книги.* На извѣстныя сочиненія подъ названіемъ: «Ивана Выжигина и Петра Выжигина, соч. Г-на Булга«рина, принималась подписка; нынѣ же принимается «подписка на сочиненіе подъ названіемъ: Смерть Ивана «Выжигина, соч. А. Орлова, извѣстнаго публикѣ ости«роумными сочиненіями. Книга сія принесетъ пу«бликѣ удовольствіе, потому что кончина сего до«стопамятнаго мужа, т. е. Выжигина, есть важное «событіе для почитателей Ивана Ивановича; кто чи«талъ жизнь Ивана Ивановича, тотъ съ прискорбіемъ «прочтетъ его кончину. Цѣна 4 руб., съ пересылкою «5 руб. ассигн. 2) *Крестный отецъ Петра Выжигина, «или два кума Ивана Ивановича Выжигина*, сатири«ческое сочиненіе А. Орлова. Цѣна 2 руб., за пересылку «не прилагается.» — Объявленіе сіе выписано нами съ дипломатическою точностію; охотники до повѣрокъ, могутъ сличить оное съ напечатаннымъ въ помянутомъ No и на вышепоказанной страницѣ Московскихъ Вѣдомостей.

«Умъ и разумъ,» сказалъ одинъ Французскій Писатель, «созданы, какъ мужъ и жена, для того чтобы взаимно помогать другъ другу; и какъ мужъ и жена, они почти всегда ссорятся другъ съ другомъ.» — Въ нашей Руской пословицѣ, кажется, высказана эта же мысль гораздо короче и выразительнѣе: *У него* (имярекъ) *умъ за разумъ зашелъ.*»

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Маія 10го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. **ТОМЪ III, № 28.** *МАЯ* 16*го*.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Маѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го *числа* (*въ Пятницу*), — 6-го (*въ Среду*), — 11-го (*въ Понедѣльникъ*), — 16-го (*въ Субботу*), — 21-го (*въ Четвертокъ*), — 26-го (*во Вторникъ*) *и* 31-го (*въ Воскресенье*).

ЗЕРКАЛО
ТЕТКИ МАРГАРИТЫ.
(*Соч. Валтера Скотта.*)

Глава II.

Не получая никакихъ вѣстей о Сиръ-Филлиппѣ, ни прямо, ни стороною, бѣдная Джемина нашла наконецъ какое-то утѣшеніе въ этомъ самомъ его невниманіи, которое долгѣ весьма часто причиняло ей горесть.— «Онъ такъ безпеченъ, такъ легкомысленъ!» твердила она разъ по сту въ день сестрѣ своей: «онъ никогда не пишетъ, если ему не о чемъ извѣщать: такова его привычка; когда бы случилось что нибудь необыкновенное, то онъ вѣрно бы насъ увѣдомилъ.»

Леди Ботуелль слушала свою сестру и не старалась ее утѣшать. Можетъ быть она думала, что въ самыхъ дурныхъ вѣстяхъ изъ Фландріи нашлась бы хорошая сторона, и что вдовствующая Леди Форстеръ, если суждено ей носить это грустное названіе, могла бы отыскать источникъ благъ, невѣдомыхъ женѣ самаго блестящаго и отличнаго *джентельмена* Шотландіи. Сія увѣренность еще болѣе усилилась отъ свѣдѣній, собранныхъ въ главной квартирѣ: оттуда узнали, что Сиръ-Филиппа уже не было при арміи, отъ того ли, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ или убитъ въ какой-либо изъ ежечасныхъ стычекъ, въ которыхъ онъ любилъ отличаться; либо отъ того, что по невѣдомой причинѣ, или просто по своенравной прихоти, онъ доброю волей оставилъ службу, такъ что ни одинъ изъ его пріятелей или земляковъ, бывшихъ въ лагерѣ, не могъ даже предположить о томъ никакой догадки. Въ то же время, должники Сиръ-Филиппа въ Шотландіи, по настоянiямъ своимъ, вступили во владѣніе помѣстьями его и грозили задержать его самого, если бъ онъ отважился появиться на своей родинѣ. Новыя сіи несчастія усилили въ Леди Ботуелль негодованіе на мужа-бѣглеца, тогда какъ сестра ея видѣла въ этомъ только новую причину оплакивать отсутствіе того, котораго ея воображеніе представляло ей такимъ, каковъ онъ былъ до свадьбы: угодливымъ, любезнымъ и страстнымъ.

Почти около этого же времени, явился въ Эдинбургѣ человѣкъ, котораго наружность столь же была странна, какъ и молва, имъ о себѣ разпущенная. Обыкновенно его называли Падуанскимъ Докторомъ, потому что онъ обучался въ знаменитомъ Университетѣ помянутаго города. Полагали, что онъ зналъ рѣдкіе медицинскіе рецепты и увѣряли, что съ помощію оныхъ совершилъ онъ много замѣчательныхъ изцѣленій. Хотя же Эдинбургскіе врачи и называли его шарлатаномъ, но весьма многіе, въ томъ числѣ и духовныя особы, признавая сущность его врачеваній и силу лекарствъ, утверждали, что Докторъ Даміотти употреблялъ волшебство и противозаконную науку для большаго успѣха своихъ лекарскихъ предписаній. Запрещено даже было съ каѳедры церковной лечиться у него, искать здоровья помощію кумировъ и вѣряться врачеванію, изшедшему изъ Египта. Но покровительство, полученное Падуанскимъ Докторомъ отъ нѣкоторыхъ сильныхъ людей, позволило ему пренебрегать сими навѣтами, и въ самомъ Эдинбургѣ, городѣ, славившемся своею ненавистью къ колдунамъ и гадателямъ, утвердить опасную славу истолкователя дѣлъ будущихъ. Скоро разнеслась молва, что за такую-то плату — которая, какъ слѣдуетъ, была значительна — Докторъ Баптиста Даміотти сказывалъ, что дѣлается съ отсутствующими, и даже показывалъ вопрошавшимъ его оплакиваемыхъ ими друзей въ тѣлесномъ видѣ и въ тогдашнемъ ихъ дѣйствіи. Слухъ о томъ дошелъ до Леди Форстеръ, достигнувшей послѣдней степени той тоски, въ которой страдалецъ готовъ на все отважиться, лишь бы получить какую бы ни было увѣренность.

Бывъ кроткою и даже робкою въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, Леди Форстеръ находила, въ тогдашнемъ состоянiи своего духа, смѣлость и упорство. Съ удивленіемъ и безпокойствомъ слушала Леди Ботуелль

елль, когда сестра ея Джемина изъясняла свое желаніе посѣтить Падуанскаго Доктора и вопросить его объ участи своего мужа. Леди Ботуелль пыталась ей доказать, что слава сего чужеземца не могла быть основана на чемъ-либо иномъ, кромѣ обмана.

— « Я очень мало забочусь о томъ, » отвѣчала покипутая жена, «что надо мною станутъ смѣяться. Ежели есть хоть одна надежда изо ста, что я могу получить какое-либо достовѣрное свѣдѣніе о моемъ мужѣ, то я ни за что въ свѣтѣ не захотѣла бы упустить этой надежды. »

Тогда Леди Ботуелль представила, что противозаконно прибѣгать къ познаніямъ, пріобрѣтеннымъ запрещенною наукой.

— « Сестрица, » отвѣчала Джемина: « человѣкъ, умирающій отъ жажды, не можетъ утерпѣть, чтобъ не напиться даже изъ отравленнаго источника. Женщина, подобно мнѣ страдающая безвѣстностію, должна стараться выйти изъ нея даже и тогда, когда бы сила, могущая разсѣять сію безвѣстность, была запрещена или произходила изъ ада. Я пойду одна узнать судьбу мою, и хочу знать ее нынѣшнимъ же вечеромъ. Завтра солнце съ возходомъ своимъ застанетъ меня если не счастливѣе, то покрайней мѣрѣ покорнѣе моей участи.

— « Сестрица, » молвила ей на это Леди Ботуелль, « если уже ты рѣшилась на этотъ странный поступокъ, то пойдешь не одна. Ежели этотъ человѣкъ обманщикъ, то волненіе духа помѣшаетъ тебѣ замѣтить, что онъ тебя обманываетъ; если же — чему я не вѣрю — сколько нибудь да есть правды въ его искуствѣ, то не одна ты подвергнешься сношенію съ силами столь страшными. Но обдумай еще свое намѣреніе и откажись отъ познанія, котораго не можешь ты пріобрѣсть, не содѣлавшись виновною, а можетъ быть и не безъ опасностей. »

Леди Форстеръ бросилась въ объятія сестры своей и прижавъ ее къ сердцу, сто разъ благодарила ее за предложенное спутничество; а между тѣмъ печально отвергала дружескій совѣтъ, которымъ предложеніе сіе сопровождалось.

Когда настали сумерки, время дня, въ которое Падуанскій Докторъ принималъ посѣтителей, приходившихъ съ нимъ совѣщаться, обѣ госпожи вышли изъ своихъ комнатъ, находившихся въ Канонгетѣ Эдинбургскомъ. Обѣ онѣ были одѣты, какъ женщины низкаго званія, обернувъ *плайдъ* около лица, какъ тогда носили въ этомъ званіи; ибо въ тогдашнія аристократическія времена, вообще званіе женщины отгадывалось потому, какимъ образомъ она носила плайдъ, и по тонкости его ткани. Леди Ботуелль придумала такое переодѣванье, отчасти для того, чтобъ избѣгнуть испытующихъ взоровъ, когда онѣ пойдутъ къ чародѣю, отчасти же для того, чтобъ извѣдать прозорливость этого человѣка, явясь къ нему въ чужомъ видѣ.

Слуга Леди Форстеръ, человѣкъ испытанной вѣрности, отнесъ отъ госпожи своей довольно значительный подарокъ Доктору, чтобы его задобрить. Слуга прибавилъ къ тому, что жена одного солдата желала знать объ участи своего мужа; ибо, по всей вѣроятности, объ этомъ предметѣ часто вопрошали велемудраго Доктора.

До самой той минуты, когда на дворцовыхъ часахъ пробило восемь, Леди Ботуелль примѣчала за своею сестрою, надѣясь, что она откажется отъ своего дерзновеннаго намѣренія; но какъ робость и даже самая слабость бываютъ способны, въ иныя минуты, къ твердости и рѣшимости, то и Леди Форстеръ была непоколебима въ своемъ намѣреніи, когда настала минута отшествія. Недовольная симъ поступкомъ, но твердо рѣшившаяся не покидать своей сестры въ эту роковую минуту, Леди Ботуелль пошла съ нею по темнымъ закоулкамъ. Слуга шелъ впереди ихъ и служилъ имъ указателемъ дороги. Наконецъ онѣ вдругъ поворотилъ въ узкой дворикъ и постучался въ дверь, сдѣланную на подобіе дуги и по видимому, принадлежавшую какому-то старинному строенію; дверь отворилась, но такъ, что вовсе незамѣтно было привратника, и слуга, посторонившись, просилъ госпожъ войти въ домъ. Едва онѣ вошли въ него, какъ дверь заперлась и разлучила дамъ съ ихъ проводникомъ. Двѣ сестры увидѣли тогда себя въ небольшихъ сѣняхъ, освѣщенныхъ тусклою лампой, и не имѣвшихъ, когда дверь затворилась, никакого соединенія съ наружнымъ воздухомъ или свѣтомъ. Дверь одной внутренней комнаты отворялась въ самой отдаленной части сѣней.

— « Теперь уже не должно колебаться, Джемина, » сказала Леди Ботуелль. И обѣ сестры, войдя во внутренность дома, нашли Доктора, обложеннаго книгами, ландкартами, физическими инструментами и другими машинами, особаго устройства и вида.

Въ наружности Итальянца не было ничего необыкновеннаго. Онъ былъ смуглъ; черты лица его были рѣзки, какъ у всѣхъ его единоземцевъ, и съ виду казалось ему около пятидесяти лѣтъ. Одѣтъ онъ былъ въ полное платье изъ чернаго сукна: таково было общее одѣяніе тогдашнихъ врачей. Платье сіе было опрятно, но просто. Огромныя восковыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ освѣщали комнату, порядочно убранную. Докторъ всталъ, когда вошли дамы, и не взирая на ихъ одежду, показывавшую низкое произхожденіе, принялъ ихъ со знаками почтенія, каковыхъ требовала ихъ порода и кои чужестранцами съ точностію отдаются особамъ, имѣющимъ на оные право.

Леди Ботуелль пыталась сохранить предначертанное *инкогнито*; и потому, когда Докторъ хотѣлъ ихъ

посадить на почетныя мѣста, она сдѣлала знакъ, что отказывается отъ такой чести. — « Мы бѣдныя женщины, сударь, » сказала она: « одно только несчастіе сестры моей отважило насъ прійти и просить помощи у вашего искусства. «

Докторъ усмѣхнулся, и перервавъ рѣчь Леди Ботуелль, сказалъ ей:

— « Знаю, Милостивая Государыня, и несчастіе вашей сестрицы, и его причину. Знаю также, что меня удостоили своимъ посѣщеніемъ двѣ знатныя дамы, Леди Ботуелль и Леди Форстеръ. Если бы я ихъ не узналъ, не смотря на то, что платье ихъ показываетъ иное званіе, то немного было бы надежды, чтобъ я могъ имъ сообщить требуемыя ими извѣстія.

— « Я очень понимаю . . . . » начала говорить Леди Ботуелль.

— « Извините меня, что осмѣливалось перебить вашу рѣчь, « подхватилъ Итальянецъ: « Вы хотѣли сказать, Миледи, что вы очень понимаете, что я узналъ ваше имя отъ вашего человѣка; но думая такъ, вы обижаете этого вѣрнаго слугу, и, смѣю примолвить, обижаете вмѣстѣ дарованіе того, который также имѣетъ честь быть вашимъ покорнымъ слугою, Баптиста Даміотти.

— « У меня не было намѣренія обидѣть изъ васъ ни того, ни другаго, » отвѣчала Леди Ботуелль, соблюдая видъ спокойный, хотя она и чувствовала удивленіе: « но теперешнее мое положеніе какъ-то для меня ново. Если вы знаете, сударь, кто мы таковы, то должны также знать, что насъ завело сюда.

— « Желаніе узнать судьбу одного знатнаго Шотландскаго Дворянина, находящагося теперь или по крайней мѣрѣ недавно находившагося на твердой землѣ, » отвѣчалъ прорицатель; « имя его: il cavaliere Филиппо Форстеръ; этотъ господинъ имѣетъ честь быть супругомъ этой дамы, и, съ позволенія вашего, Миледи, онъ по несчастію не умѣетъ цѣнить, какъ должно, такого драгоцѣннаго преимущества. »

Леди Форстеръ тяжело вздохнула, а Леди Ботуелль сказала:

— „ Если вы знаете наше намѣреніе, то намъ и не нужно говорить о немъ. Остается сдѣлать вамъ одинъ вопросъ: въ вашей ли власти утишить безпокойство сестры моей?

— „ Въ моей, Миледи; но я также долженъ вамъ сдѣлать предварительный вопросъ: достанетъ ли въ васъ смѣлости собственными вашими глазами видѣть то, что il cavaliere Филиппо Форстеръ дѣлаетъ въ эту минуту? или вы мнѣ повѣрите на слово?

— « На этотъ вопросъ должна отвѣчать сестра моя, » молвила Леди Ботуелль.

— « Я согласна видѣть собственными моими глазами то, что вы властны показать намъ, » сказала Леди Форстеръ съ отвагой, которая поддерживала ее съ самой той минуты, когда она рѣшилась вопросить Доктора.

— « Тутъ можетъ встрѣтиться опасность.

— « Если золотомъ можно избѣгнуть ее . . . . » молвила Леди Форстеръ, вынимая свой кошелекъ.

— « Это я дѣлаю не изъ корыстолюбія, » отвѣчалъ иностранецъ. « Я не смѣю употреблять моей науки съ такою цѣлью: если я и беру золото у богача, то отдаю его бѣдняку, но никогда не принимаю больше той суммы, которую получилъ уже отъ вашего служителя. Спрячьте вашъ кошелекъ, Миледи: человѣкъ, посвященный въ тайныя науки, не нуждается въ золотѣ. »

Леди Ботуелль подумала, что отказъ отъ предложенія сестры ея былъ просто уловкой шарлатана, приготовленною для того, чтобъ ему предложили сумму познаточительнѣе; и желая, чтобы дѣйствіе поскорѣе началось и кончилось, она съ своей стороны отсчитала нѣсколько золотыхъ монетъ, примолвивъ, что это назначалось для распространенія сферы добрыхъ дѣлъ Докторовыхъ.

— « Пусть Леди Ботуелль распространяетъ сферу собственныхъ своихъ добрыхъ дѣлъ, » отвѣчалъ Падуанскій Докторъ; » и не только подаяніемъ милостыни: я знаю, что она довольно раздаетъ бѣднымъ; но пусть она лучше судитъ о характерѣ другихъ людей, и сдѣлаетъ одолженіе Баптистѣ Даміотти, почитая его за честнаго человѣка до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, что онъ плутъ. Не удивляйтесь, Милостивая Государыня, что я болѣе отвѣчаю на ваши мысли, нежели на слова, и скажите мнѣ еще однажды: приготовились ли вы глядѣть на ту картину, которую я вамъ покажу?

— « Признаюсь вамъ, сударь, отвѣчала Леди Ботуелль, « что ваши слова поселяютъ во мнѣ нѣкоторый страхъ. Но на все, что сестра моя желаетъ видѣть, я также готова смотрѣть.

— « Опасность будетъ только въ такомъ случаѣ, когда рѣшимость васъ оставитъ. Картина можетъ длиться не болѣе семи минутъ; если вы перервете видѣніе хотя однимъ словомъ, то не только очарованіе изчезнетъ, но это даже не безопасно будетъ и для зрителей. Если же вы надѣетесь выдержать въ продолженіе семи минутъ глубокое молчаніе, тогда ваше любопытство будетъ удовлетворено безъ малѣйшаго вреда. За это вамъ отвѣчаю моею честью. »

Леди Ботуелль подумала въ тайнѣ, что сія порука не совсѣмъ надежна; однако жъ она устранила это подозрѣніе, какъ будто бы предполагала, что обаятель, котораго мрачное лицо выражало ѣдкую улыбку, въ самомъ дѣлѣ могъ читать ея тайные помыслы. За симъ послѣдовала минута торжественнаго молчанія, до тѣхъ поръ, пока Леди Форстеръ собралась съ силой и отвѣчала врачу, какъ онъ самъ себя величалъ, что она будетъ

смотрѣть съ твердымъ духомъ и въ молчаніи ту картину, которую онъ долженъ былъ показать имъ. Тогда онъ отдалъ имъ низкій поклонъ и сказавъ, что пойдетъ приготовиться къ выполненію ихъ желанія, вышелъ изъ комнаты. Обѣ сестры, держа другъ друга за руки—какъ будто бы онѣ надѣялись этими тѣсными узами отвратить опасность, могшую ихъ постигнуть — бросились на стулья, стоявшіе одинъ подлѣ другаго. Джемина искала себѣ подпоры въ мужественной смѣлости, свойственной Леди Ботуелль; а сія послѣдняя, находясь можетъ быть въ большемъ волненіи, нежели сперва предполагала, старалась укрѣпиться тою отчаянною рѣшимостью, которую несчастіе придавало сестрѣ ея. Одна изъ нихъ вѣрно думала, что Леди Ботуелль отъ роду ничего не боялась; другая могла помышлять, что случай, котораго не ужасалась слабая женщина, какова Джемина, не долженъ быть причиною страха для женщины съ столь твердымъ духомъ, какъ Леди Ботуелль.

(*Продолж. въ слѣд.* No.)

ФАЭТОНЪ.

Не подумайте, чтобы я по слѣдамъ Овидія хотѣлъ вамъ повѣствовать о плачевной участи сына Аполлонова, понесшагося по трудной небесной дорогѣ и поплатившагося жизнью за свою отважность. Нѣтъ! это была бы дерзость, равная дерзости древняго Фаэтона, и она конечно насмѣшила бы старовѣра Овидія въ его Элизіумѣ, если блаженныя тѣни смѣются по ту сторону Леты, рѣки забвенія и равнодушія.

Предметъ моей статьи двоеобразенъ: онъ носитъ имя *классическое*, тогда какъ самъ онъ есть изобрѣтеніе *романтическое*; онъ катится на колесахъ, какъ древняя quadriga, но разнится съ этою увѣсистою колесницею въ томъ, что онъ легокъ, точно какъ ... съ чѣмъ бы сравнить? ... какъ стихи молодыхъ нашихъ Романтиковъ! въ немъ два колеса больше противъ помянутой колесницы, но цѣлый *скатъ* его колесъ не составилъ бы и одного полновѣснаго колеса древнихъ Грековъ или Римлянъ.

Хвала утонченности нашего вѣка, умѣющей все сжать, уменьшить, приспособить къ современной легкой формѣ *малаго міра* (*), катающагося въ фаэтонахъ XIX-го столѣтія! — Такъ разсуждалъ или такъ мечталъ я, смотря на красивыя и уютныя колясочки, появившіяся въ здѣшней столицѣ съ перваго Мая.

(*) Нужно ли напоминать, что нѣкоторые Философы называли человѣка *микрокосмомъ* или *малымъ міромъ*?

Всякая новизна приманчива; во мнѣ же, должно признаться, есть еще та слабость, что всѣмъ новымъ и хорошимъ желаю я наслаждаться до сыта, если не до пресыщенія. — «Что значитъ прогулка въ Екатерингофъ или на острова Петербургскіе?» подумалъ я: «не успѣешь прокатиться — а ужь и шамъ! Если ѣхать, такъ ѣхать въ Царское Село.» Подумалъ — и отправился въ контору фаэтоновъ.

Контора сія находится 3-й Адмиралтейской части въ домѣ Коммерціи Совѣтника Жербина; ходъ въ нее съ площади, примыкающей къ Дворцу Его Высочества Государя Великаго Князя Михаила Павловича. — Почтенный Директоръ заведенія, давнишній мой знакомецъ, благосклонно выслушалъ прихотливую мою просьбу, и тотчасъ отдалъ приказаніе, чтобы на слѣдующее утро, къ осьми часамъ, у воротъ моихъ явился фаэтонъ парою, для поѣздки въ Царское Село. Между тѣмъ я разсматривалъ разные предметы, относящіеся къ заведенію, и входилъ въ подробности (*), особливо въ тѣ, которыя касаются такъ называемыхъ загородныхъ поѣздокъ и не обозначены въ афишкѣ, изданной отъ конторы фаэтоновъ.

Самая высокая цѣна за одинъ день таковой поѣздки, полагая не далѣе 25-ти верстъ разстоянiемъ отъ Петербурга, есть 16 рублей. Извощикъ, по пріѣздѣ съ фаэтономъ къ дому нанимающаго, предъявляетъ сему послѣднему билетъ, на которомъ означены мѣсто поѣздки, плата за оную и пр. Нанимающій удерживаетъ оный, и при отпускѣ фаэтона, обязанъ надписать на билетѣ, въ которомъ часу извощикъ явился и въ которомъ отпущенъ, каково велъ себя въ дорогѣ и хорошо ли правилъ лошадьми. Предосторожности необходимыя; ибо съ симъ билетомъ извощикъ долженъ явиться въ контору для удостовѣренія въ своей исправности. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ, радующіеся этому заведенію и признающіе пользу онаго, будутъ надписывать на билетахъ по сущей правдѣ; ибо заведеніе, ревностно желающее заслужить довѣріе публики, въ правѣ ожидать, чтобъ и наниматели вошли въ его виды и не пренебрегали выполненія сей незатруднительной формы.

На другой день поутру, передъ окнами моими явилась ожиданная колясочка. Пара статныхъ и крѣпкихъ лошадей (**) и ловкій, опрятно одѣтый извощикъ прежде всего обратили на себя мое вниманіе. Я сѣлъ въ колясочку и любовался прыткою, спокойною ѣздою по мосто-

(*) Подробности сіи изложены въ особомъ объявленіи, разосланномъ при здѣшнихъ Газетахъ въ концѣ минувшаго Апрѣля.

(**) Каждая лошадь обходилась заведенію въ покупкѣ не менѣе 320 рублей. Принимая въ уваженіе большое число лошадей, требуемыхъ подобнымъ заведеніемъ, всякъ легко увидитъ, что лошади, купленныя по сей цѣнѣ гуртомъ, должны быть очень хороши.

вой; колясочка слегка и плавно покачивалась на прочныхъ, хорошо устроенныхъ ресорахъ. Я заѣхалъ за спутникомъ моимъ, молодымъ и любезнымъ Поэтомъ, и вмѣстѣ мы совершили истинно поэтическую прогулку до Царскаго Села: по прекрасному *шоссе* мы неслись, словно на *воздушномъ самолетѣ*. Лихой извощикъ не имѣлъ нужды понукать лошадей; онѣ бѣжали безъ устали ровною и скорою рысью.

Жители Петербурга видѣли уже новые здѣшніе фаэтоны: посему описаніе оныхъ было бы лишнимъ, если бы любопытство иногородныхъ читателей не требовало себѣ удовлетворенія. Симъ послѣднимъ я скажу, что фаэтонъ есть небольшая колясочка на низкомъ ходу, весьма просторная для двухъ сѣдоковъ. Кузовъ фаэтона окрашенъ темно-вишневою краскою, съ черными точеными столбиками; къ нему предѣланъ верхъ, опускающійся по произволу сѣдоковъ, а спереди кожаный фартукъ отъ пыли и дождя. Внутри колясочка обита хорошимъ сукномъ гороховаго цвѣта; подушки обшиты тѣмъ же сукномъ. На спинкѣ козелъ, къ сѣдокамъ, прибитъ No фаэтона на голубой дощечкѣ. Не худо было бы, если бъ эта дощечка задергута была небольшимъ фартучкомъ или завѣшена бахромою, чтобы фаэтонъ вполнѣ могъ соблюсти видъ непаемной коляски. Цвѣтъ кузова и хода, обойка внутри, упряжь лошадей и одежда кучера, одинаковы для всѣхъ сихъ колясочекъ (*). Такова сія новая прибавка къ выгодамъ жизни въ здѣшней столицѣ и къ удобству сообщеній одной ея части съ другою. Опрятность, даже нѣкоторая роскошь, прочность, исправность и главное: *дешевизна* — вотъ права сего новаго заведенія на вниманіе публики.

Многіе ропщутъ на небольшое число сихъ фаэтоновъ и на трудность оные доставать для загородныхъ поѣздокъ. Подождемъ до времени, и конечно скоро увидимъ достаточное количество сихъ колясочекъ: число ихъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Теперь же должно покамѣстъ ограничиться почти исключительно городскими поѣздками. Каждое новое заведеніе не можетъ съ самаго начала соотвѣтствовать числу требователей, которыхъ тѣмъ болѣе является, чѣмъ выгоднѣе для нихъ правила сего заведенія.

Обратная наша ѣзда была также скора и пріятна. Пріѣхавъ домой безъ малѣйшаго утомленія, мы благодарили мысленно Общество фаэтоновъ и желали всякаго успѣха доброму его началу.

(*) Не должно смѣшивать сихъ фаэтоновъ съ другими колясочками того же имени, но принадлежащими другому заведенію. Сіи послѣднія разнятся съ первыми формою и цвѣтомъ кузова, хода и вообще наружнымъ видомъ; кажется, онѣ не имѣютъ опредѣленной цѣны за поѣздки. Можетъ быть, сія неопредѣленность зависитъ отъ злоупотребленія извощиковъ; но во всякомъ случаѣ, предпринимателя должны бъ были оградить отъ того сѣдоковъ какими-либо положительными правилами.

БАРОНЕССѢ ЕЛИСАВЕТѢ АНТОНОВНѢ ДЕЛЬВИГЪ.

Былъ радостенъ твой жизненный возходъ:
Въ прекрасный день весны ты свѣтъ узрѣла;
И что жъ? тебѣ сегодня — только годъ —
И ты давно, давно осиротѣла!....
Воскормлена вдовицы ты млекомъ,
Отравленнымъ болѣзнію душевной....
Страдальчески увита жемчугомъ
Изъ слезъ *родныхъ* по участи плачевной!

На утрѣ дней изпивъ всю чашу бѣдъ,
Спозналася ты съ горшею отравой —
Ты спасена теперь на много лѣтъ,
И жизнь тебѣ да будетъ лишь забавой!
Освящена ты раннимъ сиротствомъ
И матери страдальческой тоскою!
Такъ разцвѣтешь ты — славная *отрадой*,
И славная дѣвической красою!....

Баронъ Розенъ.

РАЗГОВОРЪ.

Онъ.

Къ чему поешь ты? Человѣкъ
Страдаетъ язвою холодной
И эгоизмъ, какъ червь голодный,
Съѣдаетъ нашъ печальный вѣкъ.
Попухли звѣзды вдохновенья,
Увялъ Поэзіи вѣнецъ
Предъ хладнымъ умомъ размышленья,
Предъ строгой сухостью сердецъ.

Отвѣтъ.

Нѣтъ, нѣтъ! два знака примиренья
Издревле міру далъ Творецъ:
Прощенія символъ завѣтный,
Одинъ на тверди голубой
Блеститъ дугою семицвѣтной
Надъ успокоенной землей;
Другой гремитъ во всей вселенной
Для всѣхъ племенъ для всѣхъ вѣковъ:
То звуки лиры вдохновенной,
И гласъ восторженныхъ пѣвцовъ.

Онъ.

Мечта, мечта! для звучныхъ пѣсень
Гдѣ чувства, страсти? гдѣ предметъ?
Кругъ испитъ скученъ намъ и пѣсенъ,
А для обмановъ вѣры нѣтъ.

Науки, вѣрные разсчеты;
Глупцами движимый народъ;
Властолюбивцевъ темный ходъ;
Купцевъ смышленыя заботы;
На нихъ любуйся, ихъ возпой!
И побѣжитъ твой стихъ обильный
Струею мѣлкой и безсильной,
Какъ люди въ вѣкъ нашъ роковой.

Ответъ.

Къ чему хулой ожесточенной,
Поэта душу возмущать?
Взойдетъ, я вѣрю, для вселенной
Другаго вѣка благодать.
И пѣснь гремитъ, блеститъ, играетъ,
Предчувствій радостныхъ полна,
И звонкій стихъ въ себѣ вмѣщаетъ
Временъ грядущихъ сѣмена.

А. Хомяковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Путешествіе по Германіи, Италіи, Швейцаріи, Франціи, Англіи и Нидерландамъ въ 1828 и 1829 годахъ, Доктора Р. Ниберга, содержащее описанія главныхъ городовъ Европы, учебныхъ, богоудобныхъ и лечебныхъ заведеній, увеселительныхъ мѣстъ и другихъ достопримѣчательностей. Ч. 3-я. — С. П. б., въ типогр. А. Плюшара, 1831. (222 стран. въ 8-ю д. л. (*)

При разсмотрѣніи первыхъ двухъ томовъ сей книги, мы полагали, что Сочинитель приметъ наши замѣчанія съ благодарностію, какъ прилично человѣку, едва вступающему на литературное поприще; и тѣмъ болѣе мы сего надѣялись, что помянутыя замѣчанія высказаны были съ должною умѣренностію и возможнымъ снисхожденіемъ. Наши предположенія не сбылись: въ 19-й книжкѣ Сына Отечества помѣщена длинная Антикритика Г-на Ниберга на статью Литературной Газету о его книгѣ. Въ этой Антикритикѣ, между выходками мѣлкаго, раздражительнаго самолюбія, между примѣненіями и намеками, обличающими дурной тонъ человѣка необразованнаго, нѣтъ ни одного дѣльнаго оправданія, ни одной даже сколько нибудь остроумной оговорки. Автору сдѣланы замѣчанія на его книгу, указаны ея недостатки: чѣмъ же онъ оправдывается? Тѣмъ, что силится увѣрить публику, будто бы о немъ судили пристрастно. Г-ну Нибергу не слѣдовало бы забывать, что до изданія своего Путешествія, онъ вовсе не былъ извѣстенъ въ Руской Словесности; да и по изданіи Путешествія сего, не въ правѣ изъявлять притязанія на имя Писателя. Если бы всѣхъ бездарныхъ компиляторовъ вносить въ списокъ Рускихъ Писателей, то ему и конца бы не было. Съ чего же Г. Нибергъ могъ взять, будто бы о книгѣ его судили пристрастно? О ней судили, какъ слѣдовало, и какъ она заслуживаетъ; въ пристрастіи могли бы насъ уличить тогда, когда бъ мы ее безотчетно похвалили, подобно нимъ Журналистамъ, разхваливающимъ книгу на вѣру самого Автора или Издателя, и не заглядывавшимъ въ нее далѣе заглавнаго листа.

Г. Нибергъ говоритъ въ свое оправданіе, что отъ него нельзя было ожидать физико-топографическаго описанія видѣнныхъ имъ странъ, потому что онъ объѣхалъ ихъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Два года — много времени для человѣка съ умомъ наблюдательнымъ: сколько полезныхъ свѣдѣній, сколько основательныхъ замѣчаній можно собрать въ это время. Но положимъ, это было бы свыше силъ Г-на Ниберга; для чего же онъ издалъ свое Путешествіе, и какую пользу надѣялся онымъ доставить, какъ самъ говоритъ, своимъ соотечественникамъ?

Третья часть Путешествія Г-на Ниберга, объемлющая его описанія Англіи, Голландіи, Саксоніи, Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ Германскихъ Государствъ, наполнена такими же поверхностными взглядами и скороспѣлыми отмѣтками, какъ и двѣ первыя части. Выпишемъ, для примѣра, одну изъ нихъ: «*Клиника «окулистическая* (въ Берлинѣ). Оною завѣдываетъ Г. «Профессоръ Юпкенъ; больныхъ въ ней было немного; «Г. Юпкенъ глазныя операціи производитъ съ *довольнаго ловкостію* (!).» И все шутъ. Таковое описаніе врачебнаго заведенія (предмета, долженствовавшаго повсюду обращать на себя особенное вниманіе Г-на Доктора) похоже на какой нибудь дневной рапортъ.

О слогѣ Г-на Ниберга не станемъ разпространяться. Унего находимъ, напр., «*армагуру* Густава Адольфа «и двухъ рыцарей въ полной *армагурѣ*, изъ коихъ «*армагура* каждаго вѣситъ 200 фунтовъ.» Не всякой догадается, что подъ именемъ *армагуры* Г. Докторъ разумѣетъ рыцарскіе доспѣхи.

Красное яичко для дѣтей. — М. въ Университет. типогр., 1831. (144 стран. въ 32-ю д. л. (*).

Авторъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что онъ старался въ этой книжкѣ соединить пріятное съ по-

(*) См. No 23-й Литер. Газеты, стран. 189. Цѣна за всѣ 3 части 15 руб.

(*) Продается въ книжн. магазинѣ Смирдина. Цѣна экз. 4 р.

лезпымъ; «и вотъ какимъ образомъ (продолжаетъ онъ) «надѣялся достичь этой цѣли: всѣ статьи прочиты- «валъ я маленькимъ моимъ братьямъ, и слушалъ ихъ «сужденія относительно занимательности. Для пере- «водныхъ давалъ я имъ выбирать *интересное*: они сами «перевели даже нѣкоторыя изъ нихъ (?). Думаю, что «дѣтскій вкусъ общій, и братья мои могутъ судить «въ семъ случаѣ лучше всѣхъ совершеннолѣтнихъ.» — Не всѣ, однако, думаютъ одно съ Авторомъ, и не безъ причины полагаютъ, что въ этомъ дѣлѣ и совершеннолѣтніе могутъ быть не лишними судьями. Дѣти же вообще судьи весьма односторонніе: имъ нравится все, что ново, и увлекаясь сею приманкой новизны, они также бываютъ рады сказочкѣ, которую имъ впервые разсказываютъ, какъ и новой игрушкѣ, не углубляясь на первыхъ порахъ въ дальніе разборы и не стараясь оцѣнить, хороша ли сказочка или игрушка?

Мнѣніе взрослыхъ людей могло бъ быть полезно Автору и еще въ двухъ отношеніяхъ. Каждый разсудительный человѣкъ конечно замѣтилъ бы ему, что не должно представлять маленькимъ читателямъ высшихъ степеней порока и разврата, какъ напр. въ небольшой статьѣ: *Бурный вечеръ*. Авторъ, въ оправданіе свое, сошлется, можетъ быть, на то, что въ ней порокъ наказанъ. Но чѣмъ? случайнымъ дѣйствіемъ грозы! Для истинно-нравственнаго направленія книгъ, предназначаемыхъ къ забавѣ и вмѣстѣ къ пользѣ дѣтей, гораздо лучше представлять воздушныя явленія, и вообще силы природы, какъ явные знаки милосердія Всеправящаго Бога, а не какъ средства Его наказаній: душа должно всегда видѣть и воображать себѣ Бога въ природѣ Вѣчною Любовью. Что касается до порока, то несравненно нравственнѣе представлять оный или карающимъ самого себя, или наказуемымъ въ порядкѣ дѣлъ житейскомъ, какъ оно чаще всего и бываетъ въ самой существенности: должно только, чтобы перстъ Провидѣнія былъ явенъ въ таковомъ наказаніи. — Другое замѣчаніе человѣка зрѣлыхъ лѣтъ относилось бы къ способу изложенія. Соединяя удовольствіе маленькихъ читателей съ ихъ пользою, не должно упускать изъ виду и того, чтобы во всякомъ случаѣ очищать ихъ вкусъ и давать оному хорошее направленіе. Для сего между прочимъ необходимо, чтобъ языкъ и слогъ Писателя были чисты и безукоризненны; а въ этомъ отношеніи нельзя сказать, чтобы *Красное яичко* было вовсе безъ пятенъ. Выраженій, подобныхъ *завѣсной складкѣ* (стр. 64), *ломить мазурку* (стр. 80), *бросить пѣсню въ носъ* (стр. 83), и мн. др., признаться, и мы взрослые не понимаемъ. Правописаніе также не вездѣ строго соблюдалось въ этой книжкѣ, не говоря уже о многихъ опечаткахъ.

Сіи недостатки вознаграждаются однако же занимательностію нѣкоторыхъ статей; таковы, напримѣръ: *Христово Воскресеніе*; повѣсть: *Дурной нравъ и доброе сердце*, и небольшая комедія: *Письмо и пѣсня*. Формать книжечки самый приличный для подарка дѣтямъ, и шрифтъ, коимъ она напечатана, хотя мелокъ, но весьма четокъ; къ ней приложены литографированные заглавный листокъ и три раскрашенныя картинки.

СМѢСЬ.

Литературная Газета имѣла уже случай замѣтить, что Г-нъ Гречь на критику своей Учебной Книги Русской Словесности отвѣчалъ съ благородною откровенностію, какихъ онъ мыслей о требованіяхъ Г-на Полеваго, примѣшивающаго ко всему высшіе взгляды Нѣмецкой новой Философіи. Въ No 18 Сына Отечества нынѣшняго года, на страницѣ 213, Г-нъ Гречь напечаталъ о семъ предметѣ мнѣніе свое еще подробнѣе. Для пользы Словесности, Литературная Газета почитаетъ обязанностію передать читателямъ своимъ сіи назидательныя слова: «*Я не могу безъ слезъ читать нѣкоторыхъ «нашихъ Журналовъ, въ коихъ несутъ великолѣпный вздоръ, «воображая, что говорятъ о новѣйшей Философіи.*» Мимоходомъ надобно замѣтить, что Г-нъ Гречь въ этой фразѣ очень искусно употребилъ тропъ Синекдоху, который самъ онъ въ своей Учебной Книгѣ, 1-го изданія въ 1-й части, на страницѣ 38, изъяснилъ такъ: *Синекдоха есть тропъ, въ которомъ полагается* (сверхъ иныхъ отступленій отъ обыкновеннаго языка) *множественное число вмѣсто единственнаго*; ибо извѣстно всѣмъ, кто читаетъ нынѣшніе Журналы наши, что одинъ только Московскій Телеграфъ обо всемъ изъясняется оракульскимъ языкомъ Нѣмецкихъ новыхъ Философовъ. Вотъ, напримѣръ, что при началѣ нынѣшняго года (Московскаго Телеграфа No 1, страница 79) сказалъ Г-нъ Полевой о судьбѣ нашей: «Судьба указала намъ жить «во время перерожденія всѣхъ понятій литературныхъ. «Литература не ограничивается пыльными кодексами, долго «останавливавшими ее. Она разпространила свою об- «ласть, и питая просвѣщенное уваженіе къ образованію, «къ понятіямъ и къ произведеніямъ Древнихъ, присоедини- «ла къ умственному богатству своему опыты вре- «менъ Среднихъ и Новыхъ. И все преобразилось! и пре- «образованіе сіе существуетъ не въ воображеніи, не въ «фантазіяхъ, какъ думаютъ глупые люди и глупые «Журналы.» Г-нъ Гречь, гораздо подолѣе Г-на Полеваго наблюдавшій ходъ просвѣщенія, въ приводимой нами статьѣ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «*Толкуютъ о высшихъ взглядахъ, о потребностяхъ вѣка, о невѣроятныхъ успѣхахъ ума человѣческаго въ наше время, съ презрѣніемъ глядятъ на отцевъ и учителей нашихъ въ Словесности, не замѣчая, что у насъ рѣдкій кто умѣетъ*

выражать ясно и правильно самыя простыя мысли на родномъ языкѣ. » Г-нъ Полевой, переходя отъ судьбы каждаго изъ насъ къ судьбѣ Рускаго Журналиста, продолжаетъ такъ: « Журналистъ Рускій прежде всего « долженъ показать намъ эту общую, всеобъемлющую « дѣятельность по всѣмъ частямъ, которая причиной « неимовѣрныхъ успѣховъ нашего времени. Онъ долженъ « знакомить своихъ читателей съ сими успѣхами, объ- « снять ихъ и доказывать дѣйствительность ихъ (это значитъ: сперва выучить другаго наукѣ, а послѣ начать ему доказывать, что она точно существуетъ на свѣтѣ); « онъ долженъ выставлять въ истинномъ свѣтѣ « устарѣвшія, ложныя понятія, мнѣнія, повѣрья (что Г-нъ Полевой и не преминулъ сдѣлать съ книгою Г-на Греча), « и притомъ излагать новые взгляды великихъ « Критиковъ. « Г-нъ же Гречь объ этомъ думаетъ вотъ какъ: « *Гдѣ же ты неизмѣримо великія открытія въ наукахъ, гдѣ ты исполинскіе шаги въ Словесности нашей, коими хвалятся глашатаи новой школы? Не лучше ли спуститься на нѣсколько ступенекъ, поближе къ простому здравому смыслу, къ чистой Руской грамотѣ, къ ясному, непринужденному и правильному изложенію своихъ мыслей? Не лучше ли оглянуться на прежнее, и перестать думать, будто Словесность, науки, искуства существуютъ со времени выхода въ свѣтъ нашей программы?* » Г-нъ Полевой, рисуя свой идеалъ Журнала, замѣчаетъ, чтобы не упустить случая сказать что нибудь противъ Карамзина: « Уже прошло время и для Карамзин- « скаго Вѣстника Европы, а не только для чего нибудь « похуже. « Г-нъ Гречь судитъ совсѣмъ иначе; онъ чистосердечно высказываетъ горькія свои истины: « *Теперь мода завираться на Нѣмецкій манеръ, и въ слѣдствіе сего на Нѣмецкій манеръ завираются. Мода пройдетъ, и сіи умные люди, перечитывая нынѣшнія свои произведенія, будутъ восклицать: возможно ли, чтобъ я написалъ такой вздоръ и такъ безтолково?* « Наконецъ онъ съ нѣкоторымъ очень извинительнымъ негодованіемъ произноситъ: « *Перестаньте воображать, что, разобравъ « съ трудомъ нѣсколько фразъ Шеллинга и Аста, вы про- « зрѣли, поглотили всю премудрость; перестаньте прили- « пивать Нѣмецкую Философію ко всему и повсюду.* »

Приводя мысли двухъ *небезызвѣстныхъ* Журналистовъ (какъ Г-нъ Гречь называетъ себя съ Г-номъ Полевымъ на 7-й строкѣ, 216 страниц. означенной статьи), Литературная Газета занимается единственно главнымъ своимъ предметомъ, т. е., пользою Словесности. Она полагаетъ, что сводъ разнородныхъ мнѣній всегда ведетъ къ открытію истины. Что касается до личныхъ отношеній Г-на Греча къ Г-ну Полевому, о которыхъ первый изъ нихъ упоминаетъ на 27 строкѣ 212 страницы той же статьи, о нихъ Литературная Газета не имѣетъ надобности знать. « Во время самыхъ жаркихъ « споровъ между Сѣверною Пчелою и Телеграфомъ, я « всегда отдавалъ справедливость уму, талантамъ и тру- « дамъ Г-на Полеваго (говоритъ Г-нъ Гречь, давая чувствовать, что во всемъ виноватъ былъ не онъ, а кто-то другой. « Литературная Газета могла бы на это отвѣчать, что Г-нъ Полевой совсѣмъ другое думаетъ; ибо онъ на той же страницѣ, гдѣ у него было сказано (смотр. Московск. Телеграфъ No XVII, 1825, особаго прибавленія 3-я стран.): « *Г-нъ Булгаринъ ясно уличенъ мною въ присвоеніи Шлегелева сочиненія, въ ошибкахъ логическихъ и грамматическихъ, и проч. и проч.*, на той же страницѣ самъ Г-нъ Полевой напечаталъ во всеобщее извѣстіе слѣдующія слова: « *Мои Критики утверждаютъ, что я не знаю даже Руской Грам- « матики. И Г-нъ Гречъ говоритъ это!* » Но для кого это любопытно? для кого поучительно?

Въ *Сынѣ Отечества* на нынѣшній годъ помѣщены два замѣчательныя произведенія. Первое изъ нихъ: *Наѣзды*, повѣсть или небольшой романъ (начиная отъ 7-й до 16-й книжки включительно). Содержаніе сей повѣсти взято изъ временъ воцаренія Михаила Ѳеодоровича, т. е. въ началѣ XVII-го вѣка; взаимные наѣзды пограничныхъ удальцевъ Рускихъ и Литовскихъ, служатъ ей основаніемъ. Въ началѣ повѣсти мы находимъ разговоръ двухъ Рускихъ военачальниковъ, Огарева и Кн. Серебрянаго, разговоръ, въ которомъ съ большимъ искуствомъ выдержанъ языкъ тогдашняго времени и духъ тогдашнихъ Рускихъ наѣздниковъ. Шутки и блестки остроумія сихъ двухъ Бояръ не выходятъ изъ сферы своего вѣка. Самый наѣздъ Серебрянаго на Литовскую границу, пированье его подъ ложнымъ именемъ у Пана Колонтая и пр., представлены съ удивительною живостью и показываютъ, что Сочинитель глубоко вникалъ въ нравы и обычаи старинной Руси и Литвы. Очень хорошо было бы напечатать сію повѣсть особою книжкой: ее конечно бы купили весьма многіе.—Другое произведеніе (по всѣмъ примѣтамъ, того же Автора), есть Якутская баллада: *Саатырь* (см. 18-ю кн. С. О.); въ ней хорошими стихами разсказано одно любопытное преданіе Якутовъ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Мая 15-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМЪ III, № 29. МАЯ 21го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Маѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Пятницу), — 6-го (въ Среду), — 11-го (въ Понедѣльникъ), — 16-го (въ Субботу), — 21-го (въ Четвертокъ), — 26-го (во Вторникъ) и 31-го (въ Воскресенье).

ЗЕРКАЛО
ТЕТКИ МАРГАРИТЫ.
(Соч. Валтера Скотта.)

(Окончаніе.)

Спустя нѣсколько минутъ, размышленія двухъ сестеръ были прерваны музыкою, которой звуки были столь сладостны и торжественны, что, казалось, будто они нарочно придуманы, дабы удалить всякое чувство, не соотвѣтствовавшее ихъ гармоніи, и вмѣстѣ усилить волненіе, произведенное предшествовавшимъ свиданіемъ. Инструментъ, на которомъ играли, былъ неизвѣстенъ обѣимъ сестрамъ; но гораздо послѣ, разныя обстоятельства заставили бабушку мою думать, что это была гармоника, инструментъ, который она слышала потомъ уже чрезъ долгое время.

Когда сіи звуки, лившіеся какъ будто съ небесъ, затихли, дверь отворилась и Леди увидѣли Даміотти, стоявшаго на возвышеніи о двухъ или трехъ ступенькахъ и подававшаго знакъ двумъ сестрамъ, чтобъ онѣ приблизились. Одежда его такъ была отлична отъ той, которая была на немъ за нѣсколько минутъ, что онѣ едва могли узнать его; а смертная блѣдность на лицѣ и какое-то напряженіе мускуловъ, показывавшее расположеніе ума, готовившагося на нѣкое странное или отважное предпріятіе, совершенно измѣнили выраженіе отчасти сатирическое, съ какимъ онъ смотрѣлъ на нихъ, особливо на Леди Ботуелль. На босыя ноги его надѣты были только древнія сандаліи. Икры его были обнажены до колѣнъ, выше которыхъ на немъ было исподнее платье и камзолъ въ обшивку изъ шелковой ткани ярко-краснаго цвѣта, а сверхъ всего этого длинное, волочившееся по землѣ платье, похожее на священническія церковниковъ Католическихъ и бѣлое, какъ снѣгъ. Шея обаятеля была открыта и длинные, черные волосы его, тщательно разчесанные, разсыпались по плечамъ.

Дамы подошли по его велѣнію. Онъ не оказывалъ уже той церемонной вѣжливости, которую изъявлялъ имъ сначала: напротивъ того онъ подалъ имъ знакъ съ видомъ повелительнымъ; и когда онѣ, держась за руки, робкими шагами приступили къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ чародѣй, онъ нахмурилъ брови, положа палецъ на уста, какъ бы повторялъ чрезъ то свой приказъ о совершенномъ молчаніи. Пошедъ впереди дамъ, онъ ввелъ ихъ въ ближнюю комнату.

Огромная сія комната была обита черною тканью, какъ будто для похоронъ. Въ концѣ ея стоялъ столъ, или нѣчто похожее на жертвенникъ, покрытый тою же мрачною тканью, а на немъ лежали разные инструменты, употребляемые при волхованіи. Сіи предметы не были видны въ ту минуту, когда дамы вошли въ комнату, ибо освѣщались только слабымъ мерцаніемъ двухъ догоравшихъ лампъ. *Маестро*—назову его выраженіемъ Итальянцевъ относительно къ таковымъ лицамъ—подошелъ къ отдаленному концу комнаты, преклонилъ колѣно, по обычаю Католиковъ, предъ Распятіемъ, и вмѣстѣ съ симъ положилъ на себя крестное знаменіе. Дамы слѣдовали за нимъ молча, и все держа другъ друга за руки. Два или три широкіе и очень низкіе уступа, вели къ подмосткамъ, насупротивъ того, что можно было почесть за жертвенникъ. Здѣсь *Маестро* остановился и поставилъ дамъ подлѣ себя, повторивъ еще однажды съ таинственнымъ видомъ тотъ знакъ, которымъ налагалъ на нихъ молчаніе. Итальянецъ высунулъ тогда обнаженную свою руку изъ-подъ бѣлой льняной одежды, протянулъ указательный палецъ къ четыремъ толстымъ свѣтильникамъ или факеламъ — и они одинъ за другимъ запылали съ приближеніемъ руки или правильнѣе перста его, и вдругъ разлили яркій свѣтъ по комнатѣ. При этомъ ясномъ свѣтѣ, обѣ сестры увидѣли на жертвенникѣ двѣ обнаженныя шпаги, сложенныя на-крестъ, и разкрытую книгу, которую онѣ почли спискомъ Священнаго Писанія, но на невѣдомомъ имъ языкѣ. Подлѣ сей таинственной книги, лежалъ человѣческій черепъ. Но

болѣе всего поразило взоры двухъ сестеръ высокое и широкое зеркало, занимавшее собою все пространство за жертвенникомъ: бывъ освѣщено блескомъ факеловъ, оно отражало въ себѣ предметы, на жертвенникѣ лежавшіе.

Маестро сталъ тогда между обѣими дамами и указавъ на зеркало, взялъ ту и другую изъ нихъ за руки, не говоря ни слова. Онѣ тотчасъ взглянули на гладкую и темную поверхность, на которую чародѣй обращалъ ихъ вниманіе. Въ одно мгновеніе поверхность сія приняла другой видъ: она уже не отражала находившихся передъ нею предметовъ, но, какъ бы содержа внутри себя свойственныя ей зрѣлища, являла образы, показывавшіеся сначала неясно и смутно, какъ мелькающіе облики, мало по малу пріемлющіе видъ тѣла, выходя изъ хаоса, и наконецъ получающіе совершенную соразмѣрность частей. Такимъ-то образомъ, послѣ нѣсколькихъ измѣненій свѣта и тьмы на поверхности чудеснаго зеркала, огромная перспектива сводовъ и колоннъ сама собою составилась по обѣ стороны зеркала. Наконецъ, по многократномъ колебаніи, видѣніе приняло образъ постоянный и спокойный, являвшій внутренность иностранной церкви. Столбы оной были отлично хорошо сдѣланы и украшены гербами, своды высоки и великолѣпны, помостъ покрытъ надгробными надписями; но не было ни мощей, ни иконъ внутри церкви, ни сосудовъ, ни Распятія въ алтарѣ: то была Протестантическая церковь на нижердой землѣ. Священникъ, облаченный въ одежду Женевскаго вѣроисповѣданія, съ бѣлымъ оплечіемъ, стоялъ у налоя; передъ нимъ лежала развернутая Библія, а церковникъ его, въ черномъ платьѣ, стоялъ подлѣ него, и казалось, что священникъ готовился совершать какой-то обрядъ своей церкви.

Потомъ многочисленное общество вошло въ среднія двери зданія: общество сіе похоже было на свадьбу, потому что впереди всѣхъ видны были дама и молодой человѣкъ, державшіе другъ друга за руку; за ними шло множество обоего пола людей, богато одѣтыхъ. Невѣста, которой черты можно было разглядѣть, была прелестна и ей казалось не болѣе шестнадцати лѣтъ. Нѣсколько секундъ женихъ шелъ отворотясь на сторону, такъ что нельзя было видѣть его лица; но стройный станъ и ловкая поступь его поселяли въ обѣихъ сестеръ одно и то же опасеніе. Молодой человѣкъ вдругъ оборотился — и страхъ ихъ былъ оправданъ: онѣ узнали въ блестящемъ женихѣ Сиръ-Филиппа Форстера. Джемима испустила слабый вопль; и въ тотъ же мигъ видѣніе потускло и чародѣйство какъ будто бы прервалось.

— «Не могу ни съ чѣмъ сравнить сего зрѣлища,» говорила Леди Бошуелль, когда разсказывала сію чудную повѣсть, «кромѣ развѣ отраженія въ гладкомъ и глубокомъ прудѣ, когда въ него бросишь изо всей силы камень, отъ чего лучи свѣта въ немъ дробятся и разрываются.»

Маестро выразительно пожалъ руки обѣихъ дамъ, какъ бы напоминая тѣмъ ихъ обѣщаніе и опасность, коей онѣ подвергались. Болѣзненный вопль замеръ на губахъ Леди Форстеръ и отдался только едва внятнымъ звукомъ. Видѣніе, послѣ минутнаго волнованія, снова приняло прежній видъ событія существеннаго, какъ будто бы изображеннаго въ картинѣ, съ тою разницей, что фигуры двигались, а не стояли на одномъ мѣстѣ.

Призракъ Сиръ-Филиппа Форстера, коего станъ и черты лица ясно были тогда видны, повелъ къ священнику молодую и прелестную невѣсту, подходившую съ какою-то недовѣрчивостію, смѣшанною однако же съ нѣкоторою гордостью. Въ ту минуту, когда священникъ устанавливалъ передъ собою жениха съ невѣстой и прочія лица, принадлежавшія къ свадьбѣ, и казалось, готовъ уже былъ начать службу, другая толпа разныхъ лицъ, въ числѣ коихъ было много офицеровъ, появилась въ церкви. Сіи лица подошли, какъ бы по побужденію любопытства, чтобъ видѣть брачный обрядъ; но вдругъ одинъ офицеръ, коего нельзя было разглядѣть въ лице, выскочилъ изъ толпы и бросился къ налою; все общество подалось къ нему поближе, какъ бы изумленное вырвавшимся у него восклицаніемъ. Тотчасъ сей офицеръ выхватилъ свою шпагу, Сиръ-Филиппъ Форстеръ сдѣлалъ то же и подступилъ къ незнакомцу. Многіе изъ свадебныхъ и изъ тѣхъ, кои принадлежали къ послѣ вошедшей толпѣ, также обнажили шпаги. Отъ сего произошло страшное волненіе, при которомъ священникъ и нѣсколько пожилыхъ людей, по видимому, старались возстановить тишину. Напослѣдокъ назначенное кудесникомъ время для произведенія въ дѣйствіе его искуства, кончилось. Пары снова смѣшались и мало по малу изчезли отъ взоровъ; своды и колонны слились вмѣстѣ, и поверхность зеркала отражала въ себѣ уже одни только зажженые факелы и мрачные предметы, лежавшіе на жертвенникѣ.

Докторъ вывелъ дамъ, имѣвшихъ великую необходимость въ его помощи, въ ту комнату, гдѣ онѣ сперва оставались. Вино, душистыя воды и другія жидкія вещества, способныя возвратить имъ силы, приготовлены были въ ихъ отсутствіе. Онъ подвелъ ихъ къ стульямъ, на кои онѣ сѣли въ молчаніи. Леди Форстеръ, болѣе разстроенная, сцѣпила руки свои и подняла глаза къ небу, но не промолвивъ ни одного слова, какъ будто бы очарованіе все еще не прекратилось.

— «То, что мы видѣли, дѣйствительно ли происходитъ въ это время?» спросила Леди Бошуелль, съ трудомъ преодолѣвая свое смятеніе.

— « Не могу отвѣчать вамъ за это съ полною увѣренностію, » сказалъ въ отвѣтъ Докторъ Батиниста Даміотти; « но, либо происходитъ оно въ эту самую минуту, либо происходило не задолго передъ симъ. Это послѣдній замѣчательный случай въ жизни Сиръ-Филиппа Форстера. »

Леди Ботуелль изъявила тогда безпокойство о сестрѣ своей, которой мертвенная блѣдность и явное безчувствіе препятствовали имъ уйти.

— « Я ужь обдумалъ это дѣло, » отвѣчалъ чернокнижникъ: « я велѣлъ вашему служителю подвезти вашу карету какъ можно поближе, сколько узкость улицы позволитъ. Не безпокойтесь о здоровьѣ вашей сестрицы; только давайте ей, по пріѣздѣ въ домъ, этихъ капель, составленныхъ мною; завтра же поутру ей будетъ лучше. Немногіе, » примолвилъ онъ съ печальнымъ видомъ, « покидаютъ этотъ домъ столь же здоровыми, какъ и вошли въ него. Таково слѣдствіе желанія узнать о чемъ-либо таинственными средствами. Сами вы можете разсудить о состояніи тѣхъ, которые пріобрѣли власть удовлетворять противозаконное любопытство. Прощайте! не позабудьте давать капли.

— « Я не дамъ сестрѣ моей ничего, предписаннаго вами; » отвѣчала Леди Ботуелль: « я ужь и то довольно узнала ваше искуство. Легко статься, что вы еще отравите насъ обѣихъ, чтобы скрыть свое колдовство; но мы изъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ недостатка ни въ способахъ пустить въ огласку сдѣланную намъ обиду, ни въ рукахъ, чтобъ отмстить за нее.

— « Я не нанесъ вамъ никакой обиды, Милостивая Государыня, » отвѣчалъ чернокнижникъ. « Вы отыскали человѣка, который самъ ни сколько не ищетъ такой чести и никого къ себѣ не закликаетъ: онъ даетъ только отвѣты тѣмъ, которые къ нему приходятъ по своей доброй волѣ. Къ тому же, вы только пораньше узнали о несчастіи, которое вамъ суждено было перенести. — Слышу у дверей шаги вашего служителя; не смѣю долѣе удерживать васъ и Леди Форстеръ. Первый курьеръ съ твердой земли объяснитъ вамъ происшествіе, котораго вы отчасти были уже самовидцами. Если мнѣ позволите дать вамъ совѣтъ, то не допускайте, чтобы письма, которыя онъ вамъ привезетъ, попались безъ всякой предосторожности въ руки вашей сестрицѣ. »

Сказавъ сіи слова, Падуанскій Докторъ пожелалъ спокойной ночи Леди Ботуелль, посвѣтилъ ей до сѣней, гдѣ, взбросивъ поспѣшно черный плащъ на странный свой нарядъ и отперши двери, онъ довелъ двухъ дамъ до того мѣста, гдѣ дожидался ихъ слуга. Съ великимъ трудомъ дотащила Леди Ботуелль сестру свою до кареты, хотя она и была отъ нихъ не далѣе двадцати шаговъ. Когда госпожи сіи пріѣхали домой, то должно было послать за лекаремъ для Леди Форстеръ; домашній врачъ ихъ пріѣхалъ и покачалъ головою, щупая пульсъ у больной.

— « Нервы у Леди Форстеръ, » сказалъ лекарь, « подвержены были какому-то сильному потрясенію; мнѣ надо знать тому причину. »

Леди Ботуелль призналась, что онѣ были у чародѣя, и что Леди Форстеръ узнала худыя вѣсти о своемъ мужѣ, Сиръ-Филиппѣ.

— « Этотъ негодный шарлатанъ обогатитъ меня, если останется въ Эдинбургѣ, » сказалъ записной врачъ: « онъ ужь седьмой первическій припадокъ отъ страха, имъ наведеннаго, достается мнѣ лечить. » Потомъ онъ посмотрѣлъ на капли, которыя Леди Ботуелль привезла съ собою безъ дальняго вниманія, отвѣдалъ ихъ и подтвердилъ, что онѣ очень полезны будутъ Леди Форстеръ и избавятъ отъ труда посылать въ аптеку. Докторъ помолчалъ нѣсколько минутъ и выразительно взглянувъ на Леди Ботуелль, сказалъ наконецъ: « Я думаю, мнѣ ничего не должно спрашивать у васъ, Миледи, о поведеніи этого колдуна.

— « И точно, Докторъ; я считаю все происходившее, какъ дѣло, основанное на довѣріи. Пусть этотъ человѣкъ будетъ и плутъ; но если мы, по глупости своей, съ нимъ совѣщались, то покрайней мѣрѣ изъ честности должны хранить его тайну.

— « *Пусть будетъ и плутъ!* Дѣло! » пробормоталъ Докторъ. «Радуюсь, что вы, Миледи, соглашаетесь въ возможности этого относительно къ человѣку, выѣхавшему изъ Италіи.

— Изъ Италіи можетъ выѣхать человѣкъ, ничѣмъ не хуже Гановерскихъ выходцевъ, Докторъ. Но намъ не должно ссориться, и потому не станемъ говорить объ этихъ дѣлахъ.

— « О! конечно! » отвѣчалъ Докторъ, принявъ деньги за посѣщеніе и взявшись за шляпу. « Мнѣ хотѣлось бы только знать, за что старая Леди Сен-Ринганъ и всѣ ея знакомцы безъ отдыху выхваляютъ этого чужеземнаго шарлатана?

— « И, Боже мой! ужь лучше бъ вы съ перваго слова назвали его Іезуитомъ! »

Леди Ботуелль и Докторъ холодно разстались: а бѣдная больная, которой нервы сперва были въ сильномъ раздраженіи, мало по малу успокоилась. Она старалась преодолѣть суевѣрный страхъ, овладѣвшій ею; но ужасная истина, донесшаяся изъ Голландіи, оправдала самыя грустныя ея опасенія.

Извѣстіе о томъ было доставлено знаменитымъ Графомъ Сперомъ. Оно гласило, что былъ поединокъ у Сиръ-Филиппа Форстера съ братомъ жены его, Маіоромъ Фальконеромъ, служившимъ въ соединенной арміи Шотландской и Голландской, и что на семъ поединкѣ

Маіоръ былъ убитъ. Причина ихъ ссоры дѣлала случай сей еще ужаснѣйшимъ. Полагали, что Сиръ-Филиппъ неожиданно скрылся изъ арміи отъ значительныхъ долговъ по карточной игрѣ, конхъ ему невозможно было уплатить. Онъ перемѣнилъ имя и убѣжалъ въ Роттердамъ, гдѣ успѣлъ вкрасться въ пріязнь къ одному старому богачу Бургомистру; а пріятною своею наружностью и ловкостью въ обращеніи, плѣнилъ единственную дочь сего Бургомистра, молоденькую дѣвушку рѣдкой красоты, и наслѣдницу большаго имущества. Богатый купецъ, ослѣпясь блестящими дарованіями своего будущаго зятя, и по высокому своему мнѣнію о характерѣ Англичанъ, не подумавъ о какихъ-либо освѣдомленіяхъ, далъ свое согласіе на сей союзъ. Брачный обрядъ уже готовъ былъ совершиться въ главной городской церкви, но былъ прерванъ однимъ чуднымъ обстоятельствомъ.

Маіоръ Фальконеръ посланъ былъ въ Роттердамъ, чтобы привести оттуда часть бригады вспомогательнаго Шотландскаго войска, квартировавшаго въ семъ городѣ. Нѣкто именитый человѣкъ, прежній знакомецъ Маіора, предложилъ ему, для развлеченія, пойти въ тамошнюю главную церковь и посмотрѣть вѣнчанія одного изъ его земляковъ съ дочерью богатаго Бургомистра. Маіоръ Фальконеръ и пошелъ въ церковь, съ помянутымъ Голландцемъ, нѣсколькими своими пріятелями и многими офицерами Шотландской бригады. Легко представить себѣ его удивленіе, когда онъ увидѣлъ своего зятя, ведшаго къ налою прекрасную и невинную невѣсту, которую рѣшился обмануть столь безсовѣстно. Маіоръ тутъ же обнаружилъ предательскій поступокъ Сиръ-Филиппа, и въ слѣдствіе того обрядъ бракосочетанія былъ прерванъ. Но вопреки мнѣнію людей благоразумныхъ, которые думали, что Сиръ-Филиппъ былъ навсегда изгнанъ изъ званія честныхъ людей, Маіоръ Фальконеръ принялъ вызовъ своего зятя, и въ послѣдовавшемъ за онымъ поединкѣ, получилъ смертельную рану. Таковы таинственные пути Провидѣнія! Леди Форстеръ не могла уже излечиться отъ горести, нанесенной сердцу ея сими вѣстями.

— «А это печальное произшествіе,» спросилъ я у тетки Маргариты, «точно ли совершалось въ то самое время, когда являлось оно въ зеркалѣ?

— «Мнѣ досадно, что сама я должна отнять достовѣрность у моей повѣсти,» отвѣчала тетушка; «но, сказать правду, оно случилось за нѣсколько дней прежде видѣнія.

— «Посему можно предполагать, что чернокнижникъ получилъ объ этомъ заранѣе извѣстіе посредствомъ какихъ-либо тайныхъ и быстрыхъ сношеній?

— «Такъ и думаютъ тѣ, которые ничему не вѣрятъ.

— «Что же сдѣлалось съ шарлатаномъ?

— «Спустя малое время, его велѣно было схватить, какъ измѣнника и тайнаго агента со стороны Кавалера Сен-Жоржа (*). Леди Бетуелль вспомнила тогда о разспросахъ и намекахъ своего Доктора, ревностнаго приверженца Протестантской линіи; вспомнила также и о томъ, что чернокнижника въ особенности прославляли старыя женщины, державшіяся одного съ нею политическаго мнѣнія. Вѣроятно, что сношенія съ твердою землею, кои легко могли быть доставляемы какимъ-либо дѣятельнымъ и сильнымъ агентомъ, давали Падуанскому Доктору средства приготовлять фантасмагорическія представленія, подобныя тому, которое видѣла у него Леди Бетуелль. Совсѣмъ тѣмъ, столь было трудно придумать естественное изполкованіе этого дѣла, что до самой своей смерти Леди Бетуелль оставалась въ сомнѣніи по сему предмету, и часто покушалась разорвать Гордіанскій узелъ, допустивъ возможность силы сверхъ-естественной.

— «Но, милая тетушка, что же сталось съ этимъ фокусникомъ?

— «О, по искусству его въ гаданіяхъ, онъ предусмотрѣлъ, что собственная судьба его будетъ трагическою, если онъ станетъ дожидаться человѣка съ серебряной нашивкой на рукавѣ (**). Онъ умненько убрался изъ города, и никто не допытался, что съ нимъ сдѣлалось. Нѣсколько времени всѣ толковали о письмахъ и бумагахъ, найденныхъ въ его домѣ; но молва объ этомъ мало по малу утихла, и скоро не больше стали говорить о Докторѣ Баттистѣ Даміотти, чѣмъ о Галіенѣ или Ипократѣ.

— «А Сиръ-Филиппъ Форстеръ? развѣ и онъ скрылся такъ, что не узнали, гдѣ онъ давался?

— «Нѣтъ,« отвѣчала моя снисходительная разскащица.» О немъ еще разъ заговорили, и при весьма важномъ случаѣ. Въ старину говаривали объ насъ, Шотландцахъ, когда еще былъ народъ этого имени, будто бы между множествомъ добродѣтелей, въ насъ есть и небольшіе пороки. Особливо насъ винили за то, что мы рѣдко забываемъ и никогда не прощаемъ нанесенныхъ намъ обидъ; говаривали также, будто бы мы творимъ себѣ кумиръ изъ нашей злобы, подобно какъ бѣдная Леди Констанція боготворила свою горесть (***); и будто бы, по словамъ Бёрнса, у насъ есть привычка «гладить свой гнѣвъ, чтобы соблюсти въ немъ терпѣливость.« Леди Бетуелль питала такія же чувствованія: ничто въ свѣтѣ, кромѣ развѣ возстановленія Стюартовъ, не показалось бы ей столь сладостно, какъ случай отомстить Сиръ-Филиппу Форстеру, который вдругъ лишилъ ее и брата и сестры. Но много лѣтъ сряду о немъ не было ни слуху, ни духу.

(*) Подъ симъ именемъ разумѣли Претендента.

(**) Знакъ полицейскаго сыщика въ Англіи.

(***) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ Шекспира.

Наконецъ, въ одномъ собраніи (это было на масленой), куда съѣхалось все, что было лучшаго въ Эдинбургѣ, и гдѣ Леди Ботуелль сидѣла на почетномъ мѣстѣ между *дамами патронессами*, ей сказали на ухо, что какой-то господинъ хотѣлъ съ нею переговорить наединѣ.

— « Наединѣ, въ большомъ собраніи! онъ вѣрно сумасшедшій. Скажите, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ завтра поутру.

— « Я ужь говорилъ ему объ этомъ, Миледи, » отвѣчаль посланный: « но онъ упросилъ меня отдать вамъ эту записку. »

Леди Ботуелль развернула записку, сложенную и запечатанную страннымъ образомъ. Она заключала въ себѣ только сіи слова: *О дѣлахъ, касающихся до жизни или смерти*, написанныя незнакомою рукою. Тотчасъ ей пришло на мысль, что записка сія могла касаться личной безопасности кого-либо изъ ея друзей; и такъ она пошла за вручителемъ записки въ небольшую комнату, гдѣ приготовлены были закуски и напитки, и куда не заходилъ никто изъ собранія. Тутъ нашла она старика, который, при входѣ ея, всталъ и низко поклонился. Видъ его обличалъ разстроенное здоровье, а его платье, хотя и строго соотвѣтствовавшее бальнымъ приличіямъ, было приношено и полиняло, и слишкомъ широко было на чрезмѣрно сухощавомъ тѣлѣ. Леди Ботуелль готова была приняться за свой кошелекъ, надѣясь избавиться отъ этого докучнаго человѣка деньгами; но опасеніе ошибиться въ намѣреніяхъ этого незнакомца удержало ее, и она дала ему время объясниться.

— « Я конечно имѣю честь, « молвилъ незнакомецъ, « говорить съ Леди Ботуелль?

— « Я точно Леди Ботуелль, сударь; но позвольте вамъ сказать, что здѣсь не мѣсто и не время для долгихъ разговоровъ. Чего вы отъ меня хотите?

— « У васъ, Миледи, была сестра?

— « Да; и я любила ее всею душею.

— « И братъ?

— « Храбрый человѣкъ, лучшій и нѣжнѣйшій братъ!

— « Вы лишились этихъ милыхъ родныхъ проступкомъ одного несчастнаго человѣка?

— « Злодѣйствомъ человѣка гнуснѣйшаго, рукою убійцы.

— « Вы дали мнѣ отвѣтъ, который желалъ я знать, » сказалъ старикъ, поклонившись и какъ бы собираясь уйти.

— « Остановитесь! приказываю вамъ! « вскричала Леди Ботуелль: « кто вы, пришедшій въ такомъ мѣстѣ напоминать мнѣ столь ужасныя потери? Кто вы? я непремѣнно хочу знать.

— « Я человѣкъ, не желающій зла Леди Ботуелль; но напротивъ того, пришедшій предложить ей способы къ выполненію дѣла Христіанскаго, отъ котораго свѣтъ изумился бы и небо низпослало бы за него свое воздаяніе. Но я не нахожу ее готовою къ той жертвѣ, которой намѣревался у нея испрашивать.

— « Говорите яснѣе, сударь: что хотите вы этимъ сказать?

— « Отверженецъ, столь жестоко васъ огорчившій, находится теперь на смертномъ одрѣ своемъ. Дни его были днями бѣдствій; ночи его часами неутолимыхъ мукъ. Онъ не можетъ умереть безъ вашего помилованія. Жизнь его была безпрерывнымъ покаяніемъ; со всѣмъ тѣмъ онъ не властенъ сложить съ себя бремя своихъ страданій, пока ваши проклятія тяготѣютъ на душѣ его.

— « Скажите ему, « отвѣчала Леди Ботуелль съ мрачнымъ видомъ, « чтобъ онъ умолялъ Бога, столь много имъ прогнѣваннаго, а не такую смертную, какъ я: мое прощеніе безполезно ему.

— « Нѣтъ, » сказалъ старикъ: « оно было бы порукою того прощенія, которое онъ дерзнулъ бы испрашивать у своего Творца и у жены своей, принятой на небеса. Вспомните, Леди Ботуелль, что нѣкогда и вы будете лежать на смертномъ одрѣ; душа ваша, какъ и душа всякаго другаго человѣка, со страхомъ и трепетомъ пойдетъ къ престолу, отъ коего исходитъ судъ Божій. Какъ избавится она тогда отъ сей мысли: « Я « не простила, и не должна надѣяться прощенія? »

— « Кто бы ты ни былъ, » прервала Леди Ботуелль: « не терзай меня такъ жестоко. Было бы лицемѣрнымъ богохуленіемъ, когда бы заставить языкъ мой произнести прощеніе, опровергаемое каждымъ трепетаніемъ моего сердца; это прощеніе вскрыло бы землю, и изъ гробовъ своихъ вышли бы блѣдная тѣнь сестры моей и окровавленный призракъ моего брата. И чтобы я простила ему?... Никогда! никогда!

— « Боже Всесильный! « вскрикнулъ старикъ, сжавъ свои руки: « такъ-то червь, извлеченный Тобою изъ праха, повинуется Твоимъ заповѣдямъ? Боже, Боже мой!.... Женщина гордая и мстительная! похвалялся тѣмъ, что ты умножила мученія человѣка, умирающаго отъ бѣдности и горя, въ страданіяхъ отчаянія; но никогда не оскорбляй Небо испрошеніемъ помилованія, въ которомъ ты отказала другому. »

Старикъ хотѣлъ оставить Леди Ботуелль.

— « Постой! « вскричала она; « я попытаюсь.... да, я попытаюсь простить его.

— « Милосердая госпожа, « отвѣчалъ старикъ, « вы облегчите страждущую душу, которая боялась покинуть бренные свои останки прежде, нежели примирится съ вами. И почему знать? можетъ быть прощеніе ваше сохранитъ для покаянія немногіе годы бѣдственной жизни.

— « А, а! « сказала Леди Ботуелль, въ умѣ которой

мгновенно мелькнула ясная мысль: «это негодяй самъ!» И схвативъ за воротъ Сиръ-Филиппа Форстера, потому что это былъ точно онъ, закричала: «Помогите! помогите! задержите убійцу!»

При семъ возклицаніи, сколь страннымъ въ такомъ мѣстѣ, все общество бросилось въ ту комнату; но Сиръ-Филиппа Форстера тамъ уже не было. Онъ употребилъ всю свою силу, чтобы вырваться изъ рукъ Леди Ботуелль и убѣжалъ изъ комнаты дверью, отворявшеюся на лѣстницу. Трудно было уйти съ этой стороны, потому что многія лица шли по лѣстницѣ вверхъ или внизъ; но несчастный былъ въ отчаянномъ положеніи. Онъ перескочилъ черезъ перила и спрыгнулъ въ сѣни, какъ ни въ чемъ не бывалъ, не смотря на скачокъ покрайней мѣрѣ футовъ въ пятнадцать вышины; оттуда онъ бросился на улицу, и скрылся въ темнотѣ. Нѣсколько членовъ фамиліи Ботуелль гнались за нимъ, и если бъ они настигли бѣглеца, то онъ былъ бы умерщвленъ; ибо тогда въ жилахъ людей текла кровь кипучая. Но полиція не вмѣшалась въ это дѣло, по которому уголовное слѣдствіе и судъ производились за долгое передъ тѣмъ время и въ чужой землѣ. Предполагали, что сія необыкновенная сцена была лицемѣрною попыткой, которою Сиръ-Филиппъ хотѣлъ дознаться, можно ли ему было возвратиться на родину, не опасаясь мщенія фамиліи, которую онъ оскорбилъ такъ немилосердо. Слѣдствіе сей попытки было противно его желаніямъ; думаютъ, что онъ возвратился на твердую землю и умеръ на чужбинѣ. Такъ кончилась повѣсть о таинственномъ зеркалѣ.

М У З А.

Возходомъ утра пробужденной,
Я поднялъ очи: надо мной,
Склонясь главою вдохновенной,
Вѣнкомъ лавровымъ осѣненной,
Стояла Муза. Тишиной
Лице богини озарялось,
Улыбка млѣла на устахъ,
И въ ясныхъ голубыхъ очахъ
Олимпа небо отражалось.
Изъ устъ волшебницы текли
Очаровательные звуки....
Они къ Поэту въ грудь прошли
И, какъ цѣлебныя струи,
Въ ней утолили сердца муки....
И очарованный упалъ
Ницъ предъ богиней вдохновенной,
И на привѣтъ ея священной
Слезой восторга отвѣчалъ....
И съ гаснущимъ огнемъ денницы,
Какъ вздохъ любви, какъ стонъ цѣвницы,
Помчалась Муза въ небеса....
Уже изчезла....но слеза
Досель свѣжитъ мои зѣницы,
Какъ животворная роса....
Къ Поэту въ грудь, какъ небо въ волны,
Теснятся миръ и красота,
И полны словъ, и звуковъ полны,
Дрожатъ отверзшыя уста.

М. Деларю.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Réflexions suggérées à une Russe par un article de la Revue Encyclopédique du mois d'Avril, 1829. D'Anne Sitnikoff. (*Размышленія Россіянки* при чтеніи одной статьи Французскаго Журнала: Revue Encyclopédique, отъ Апрѣля мѣсяца 1829 года. Соч. Анны Ситниковой). — С. Петербургъ, въ тип. вдовы Плюшаръ, 1831 (32 стр. въ 8-ю д. л. (*)

Каждому изъ нашихъ соотечественниковъ, сколько нибудь знакомому съ иностранными языками, безъ сомнѣнія случалось читать въ сочиненіяхъ чужеземцевъ объ Россіи, нелѣпости, разсѣянныя въ большей части помянутыхъ сочиненій. Донынѣ всѣ полемическіе споры Писателей Рускихъ съ иностранными почти исключительно состояли въ опроверженіи сихъ нелѣпостей. Сочинительница небольшой книжки, которой заглавіе здѣсь приводится, по чувству Россіянки написала возраженіе на одну статью извѣстнаго Писателя, помѣщенную въ литературно-ученомъ Французскомъ Журналѣ: Revue Encyclopédique, въ Журналѣ, заслуживающемъ уваженіе во многихъ отношеніяхъ. Спрашиваемъ: если лучшіе иностранные Журналы допускаютъ въ свой составъ подобныя статьи, если извѣстные Писатели рѣшаются сочинять оныя, — то чего же должно ожидать отъ прочихъ Журналовъ и отъ прочихъ Литераторовъ?

Г-жа Ситникова, въ началѣ изданной ею книжки, изчисляетъ разныя бредни, замѣченныя ею при чтеніи нѣкоторыхъ Французскихъ и Англійскихъ книгъ объ Россіи. Бредни сіи конечно не обидны, но смѣшны; ибо показываютъ грубое невѣжество многихъ иностранцевъ во всемъ томъ, что касается до Рускихъ и Россіи. Такъ, напр., въ одномъ Англійскомъ Географическомъ Словарѣ,

(*) Продается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара и Смирдина. Цѣна экз. 2 руб.

изданномъ назадъ тому неболѣе десяти лѣтъ, подъ статьею *о Россіи* сказано, что «господствующая вѣра въ сей «Имперіи есть Магометанская.» — Другой Англичанинъ (Кларкъ) нашелъ въ 1810-мъ году, что помѣщики Рускіе, живущіе по деревнямъ, не знаютъ иной одежды, кромѣ овчинныхъ шлуповъ, не чешутъ себѣ головы, и что въ цѣлой Россіи нѣтъ ни одной постели, къ которой бы Англичанинъ рѣшился подойти. — Третій (Г. Коксъ) утверждаетъ навѣрное, что ледъ на Невѣ, въ Петербургѣ, бываетъ въ день Пасхи толщиною въ нѣсколько футовъ, и что въ помянутый праздникъ прорубаютъ сей ледъ *для водосвятія!*

Перейдя отъ Англичанъ къ Французамъ, Сочинительница указываетъ на Гіацинта Лангле́, который повторилъ въ своей Географіи, изданной въ 1827-мъ году, сказанное Г-мъ Гютри: «что Рускіе ѣздятъ зимою «на оленяхъ, запряженныхъ въ сани.» Самоѣды и Лопари, живущіе въ Россіи, ѣздятъ на оленяхъ: слѣдовательно всѣ Рускіе, отъ мыса Таймура до Закавказскихъ провинцій, ѣздятъ на оленяхъ! слѣдствіе, выведенное весьма основательно въ курсѣ Географіи. Но почему же еще было не сказать, что Рускіе ѣздятъ на собакахъ? Извѣстно, что въ Сибири, особливо въ Камчаткѣ, ѣзда сія зимою бываетъ въ употребленіи. Что, если бы кто нибудь изъ Рускихъ вздумалъ сказать въ Географическомъ курсѣ, что вообще всѣ Французы ходятъ на ходуляхъ, потому что во Франціи есть одно племя горцевъ (les habitans des Landes), употребляющихъ ходули? или что всѣ вообще Англичане одѣваются въ юпки, потому что нѣкоторые горные Шотландцы ходятъ въ юпкахъ, а Шотландія принадлежитъ Англіи и находится на одномъ съ нею островѣ? — Забавнѣе же всего показаніе Рюльера (Rulhières), который въ своей Исторіи Польскихъ мятежей рѣшительно производитъ Рускій народъ отъ древнихъ Евреевъ; и чѣмъ бы, вы думали, доказываетъ онъ свою гипотезу? тѣмъ, что Рускіе *обыкновенно строютъ свои столицы при рѣкахъ, которыя называютъ они Іорданомъ!* Рюльеръ вѣроятно слышалъ, что въ день Богоявленія, 6-го Января, обрядъ водоосвященія называется у насъ Іорданомъ, или, по простонародному произношенію, *Ерданью*, и отсюда вывелъ свое остроумное заключеніе о происхожденіи Рускихъ и объ имени рѣкъ, при коихъ построены у насъ столичные города. «Наконецъ,» говоритъ Г-жа Ситникова, «всѣ вообще иностранцы «какъ бы сговорились называть насъ *Московитами*, «а Россію *Московіей*: это почти то же, какъ если бы «намъ пришло на мысль называть Англію *Лондоніей*, «а Англичанъ *Лондонцами*, или Францію *Парижіей*, а «Французовъ вообще всей Франціи *Парижанами*. Ес«ли бы мы допустили сію погрѣшность, то сколько «насмѣшекъ было бы выпущено въ свѣтъ на счетъ «нашего невѣжества! — Пусть же и намъ позволятъ «немного посмѣяться надъ истиннымъ или притворнымъ «невѣжествомъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы.»

Всѣ сіи выдумки празднословія или обмолвки невѣжества конечно не болѣе огорчили бы Г-жу Ситникову, какъ и прочихъ ея соотечественниковъ; но между вздорными разсказами, близорукими наблюденіями и уродливыми показаніями чужеземцевъ, прорываются иногда выходки умышленнаго недоброжелательства къ нашей отчизнѣ. «То достовѣрно,» говоритъ Г-жа Ситникова, «что никакой народъ въ мірѣ не раздра«жаетъ столько желчь Французскихъ политиковъ, «какъ народъ Рускій. Они охотно отдадутъ справед«ливость Гренландцамъ и Патагонамъ; Рускимъ же — «никогда!»

Поводомъ къ *Разлышленіямъ Россіянки*, какъ выше сказано, были сужденія нѣкоторыхъ Французскихъ Писателей о послѣдней войнѣ Россіи съ Турціей, особливо статья Г-на Сисмонди, помѣщенная въ Revue Encyclopédique 1829-го года, подъ заглавіемъ: *О войнѣ Рускихъ на Востокѣ* (De la guerre des Russes dans le Levant, par J. C. L. de Sismondi). Авторъ помянутой статьи старался выставить въ предосудительномъ видѣ медленный ходъ сей войны, сравнивая оную съ быстрыми успѣхами завоеваній Наполеоновыхъ, и преувеличивалъ наши потери и невыгоды положенія нашихъ войскъ. Г-жа Ситникова вездѣ поражала Французскаго Критика собственнымъ его оружіемъ, т. е. доказывала примѣрами войны 1812-го года, что не всѣ соображенія Наполеоновы были благоразумны, и не всѣ увѣнчавались успѣхомъ. Намѣреніе Сочинительницы, защищать въ полемической статьѣ военную славу своего отечества, весьма похвально, и многія доказательства ея неоспоримы; но кажется, въ отвѣтъ на пристрастное и односторонее сужденіе Г. Сисмонди, довольно было бы, указавъ ему на походъ Наполеона въ Россію и на войну его съ Испаніей, напомнить сему и другимъ Французскимъ кривотолкователямъ, что они *въ чужихъ глазахъ и порошинку видятъ, а въ своихъ и бревна не замѣчаютъ.*

Многія мѣста *Разлышленій Россіянки* отличаются мыслями сильными, выраженными рѣзко и прямодушно, и вообще Размышленія сіи дышатъ чистою любовью къ отечеству. Слогъ Сочинительницы (за изключеніемъ нѣкоторыхъ легкихъ погрѣшностей, неизбѣжныхъ для того, кто пишетъ не на природномъ своемъ языкѣ) ясенъ и убѣдителенъ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Объ участіи Московскаго Университета въ просвѣщеніи Россіи. Рѣчь, говоренная Адъюнктомъ Михаиломъ Максимовичемъ въ Университетскомъ Собраніи 1830 г. 12-го

Января. — М. въ Университет. типогр., 1830 (19 стр. въ 8-ю д. л.)

Рѣчь сія произнесена была по случаю совершившагося 75-ти-лѣтія со дня основанія Императорскаго Московскаго Университета. Въ ней исторически представлено все то, что сдѣлано Московскимъ Университетомъ для распространенія знаній вообще въ Россіи. Послѣ С. Петербургской Академіи Наукъ, Московскій Университетъ былъ первымъ высшимъ Училищемъ для свѣтскаго юношества, учрежденнымъ въ Россіи со времени водворенія въ ней Наукъ и Европейской образованности. Ораторъ изчисляетъ хронологическимъ порядкомъ мужей, подвизавшихся на пользу просвѣщенія въ семъ Университетѣ, равно какъ и тѣхъ, кои получили въ немъ образованіе и въ послѣдствіи ознаменовали себя трудами учеными или литературными. Благоговѣйная преданность къ Монарху, любовь къ Отечеству и просвѣщенію, внушили Оратору многія замѣчательныя мѣста его Рѣчи. Въ числѣ прочихъ, особенное вниманіе заслуживаетъ помѣщенное въ концѣ Рѣчи разрѣшеніе вопроса: *Что предстоитъ* Московскому Университету *въ наступившую послѣднюю четверть вѣка?* — То, чтобы сообразно съ благимъ желаніемъ Царя, старался, дабы юношество Руское получало въ семъ и другихъ Университетахъ воспитаніе Руское, безъ котораго, по словамъ Оратора, «просвѣщеніе наше не «будетъ имѣть характера самобытности, характера, «какимъ бы отличалось оно отъ просвѣщенія Германскаго, Французскаго, Англійскаго.»

СМѢСЬ.

Нѣкто, подъ замысловатымъ именемъ *Максима Ходловича*, помѣстилъ въ 20-й книжкѣ Сына Отечества критику Альманаха: *Денница*, изданнаго М. А. Максимовичемъ. Въ этой критикѣ, какъ и должно было ожидать, о помянутомъ Альманахѣ сказано все недоброе, за то, что въ Обозрѣніи Руской Словесности, помѣщенномъ въ Деницѣ, изложено было чистосердечное мнѣніе о романахъ и другихъ сочиненіяхъ Г. Булгарина. Одна отмѣтка Критика (см. въ 20-й кн. С. О. подстрочное примѣчаніе на стр. 323) показываетъ его прямодушіе. Тамъ сказано, будто бы Обозрѣватель (въ *Деницѣ*), разбранивъ Г-на Булгарина, «сталъ, послѣ «того, ругать *его читателей*, не подумавъ, что̀ навле«каетъ на себя за эту неслыханную дерзость. Про«симъ взглянуть на стр. XXIX Обозрѣнія!» Разкрываемъ указанную страницу, и находимъ на ней вотъ что (строка 3-я, ибо первыя двѣ относятся къ предъидущему періоду, заимствованному изъ Сѣв. Пчелы): «Въ слѣдствіе сего, необходимо заключить, что сочи«ненія Г. Булгарина *весьма читаются* публикою, и что «ихъ *разхожесть* составляетъ главную цѣль Автора. «Въ семъ отношеніи нельзя не отдать ему должной «справедливости; нельзя не поблагодарить его за новое «изданіе, за этотъ годичный курсъ провинціяльнаго «чтенія, полагая по одному тому на мѣсяцъ; нельзя не «хвалить его за языкъ: языкомъ онъ превзошелъ очень «многихъ природныхъ Россіянъ, и довольно чистая проза «его можетъ принести пользу, пріучая къ правильно«сти Рускаго языка полуграмотныхъ его читателей.» Гдѣ же тутъ *неслыханная дерзость*, на которую такъ доброжелательно указываетъ Критикъ? и выразумѣлъ ли онъ самъ то, что сказалъ? Авторъ Обозрѣнія говоритъ, что *проза Г. Булгарина пріучаетъ къ правильности Рускаго языка читателей полуграмотныхъ*, а услужливый Критикъ, не вникнувъ въ подлинный смыслъ этихъ словъ, хотѣлъ, кажется, ограничить весь кругъ читателей Г-на Булгарина только полуграмотными. — Отвѣчать на прочія мѣста сей критики, значило бы возражать на выходки личнаго неблаговоленія; а сіи выходки, въ глазахъ безпристрастныхъ и разсудительныхъ читателей, сами себя опровергаютъ. Замѣтимъ только еще одну черту прямодушія Критика. Выписывая пѣсню А. С. Пушкина (переводъ Англійской: Here's a health to thee, Mary), онъ умышленно изказилъ нѣсколько стиховъ. Вмѣсто: *Пью за здравіе Мери*, Критикъ дважды поставилъ: за *здравье*:

Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

Критикъ и здѣсь передѣлалъ по-своему послѣдній стихъ: Рѣзвый, ласковый Мери.

«Надобно,» говаривалъ какой-то Испанецъ, «родиться въ Италіи, по причинѣ пріятности климата; жить во Франціи, по причинѣ искуства Французскихъ поваровъ; а умереть въ Испаніи, по причинѣ господствующей тамъ скуки.» (Italia para nacer, Francia para vivir, España para morir.)

Опечатки въ No 28-мъ Лит. Газеты.

Стран.	столб.	строк.	напечатано	должно читать:
228	1	41	Газету	Газеты
230	2	10	кто-то другой.»	кто-то другой).»

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Мая 20-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ III, № 30. МАЯ 26го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Маѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Пятницу), — 6-го (въ Среду), — 11-го (въ Понедѣльникъ), — 16-го (въ Субботу), — 21-го (въ Четвертокъ), — 26-го (во Вторникъ) и 31-го (въ Воскресенье).

ТАТАРСКАЯ СКАЗКА
или
Толгавъ.

(*Отрывокъ изъ письма А. Х., писаннаго изъ Ардебиля отъ 29-го Ноября 1830 года.*)

....И такъ выборъ палъ на *Толгавы* или Татарскія сказки, которыхъ шестнадцать попалось мнѣ въ руки во время моего пребыванія въ Астрахани, и объ нихъ уже, кажется, я тебѣ упоминалъ. Кажется, что со временъ Валтера Скотта произошла великая перемѣна въ просвѣщенной народной поэзіи всѣхъ народовъ. Новыхъ пѣсень мало, старыя изглаживаются изъ памяти, пѣвцы и разскащики изчезаютъ; здѣсь, тамъ, покажется какой нибудь старецъ, Бардъ, Менестрель, или инаго прозванія, и пропадетъ послѣдній изъ своего цеха. Новое поколѣніе предчувствуетъ минуту, угрожащую гибелью народныхъ памятниковъ, борется съ забвеніемъ и собираетъ остатки повѣстей и пѣсень о своихъ предкахъ, какъ бы обломки разбитой ладьи, тамъ и сямъ разкинутые по берегу. Я удивился, нашедши въ Астрахани нѣсколько Татаръ, не имѣющихъ понятія ни объ Европейской образованности, ни о вкусѣ предметовъ, какими занимается нынѣшняя Поэзія, но собирающихъ свои народныя пѣсни просто для того только, что онѣ старинныя, что напоминаютъ лучшія протекшія времена и что ихъ гораздо труднѣе достать. Самая длиннѣйшая, и едва ли не прекраснѣйшая изъ находящихся у меня повѣстей (*Толгавъ*), есть Толгавъ объ Единѣ, предводителѣ вѣроятно одного изъ племенъ Татарскихъ, кочевавшихъ на берегу Волги. Большую часть мѣстъ, упоминаемыхъ въ повѣсти, самъ я видѣлъ. Языкъ Толгава древній Ногайскій; проза имѣетъ, кажется, извѣстную мѣру, періоды на концѣ рифмуютъ, какъ въ Коранѣ. Переводилъ я слово въ слово, съ помощью Татарскаго Бея С***, качествамъ сердца котораго, сполъ рѣдкимъ нынѣ на Востокѣ, не могъ я надивиться. Недостаетъ въ этой повѣсти хода и порядка. Джейранъ, начавъ разсказывать о Тактамышъ-Ханѣ и пѣвцѣ Собрѣ, останавливается, какъ будто для того, чтобы поджечь любопытство слушателей. Потомъ вдругъ перескакиваетъ онъ къ повѣсти объ Единѣ, наконецъ возвращается къ первому предмету, выводитъ на сцену Собру и оканчиваетъ похвалами Пророку и Единѣ. *Толгавы* разсказываются такимъ же голосомъ, какъ наши причитанивы: это ни пѣнье, ни обыкновенный разговоръ, но нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. Прекраснѣйшее мѣсто есть пророчество Собры, исполненное энергической простоты, поэзіи и оригинальности.

Толгавъ объ Единѣ.

1.

При жизни храбраго Хана, народъ былъ счастливъ, Государство процвѣтало. Народъ собирался толпами и единодушно совѣщался. Ханъ рѣзалъ для него кобылицъ и варилъ медъ. Такъ собравъ свой народъ, повелѣлъ онъ привести къ себѣ 360-ти лѣтняго старца Собру, пѣвца (Джейрана) съ шашками въ челюстяхъ зубами, мужа великаго ума, въ собольей шапкѣ.

Единѣ былъ сыномъ мужа, рабомъ единаго Бога. Грива гнѣдаго копя Единова издали свѣтилась. Единѣ уважалъ лѣта, старшему его даже однимъ годомъ онъ говаривалъ: «Что прикажешь мнѣ, Султанъ? ты знаешь лучше меня.»....

Разскажи намъ что нибудь, Джейранъ, разскажи! возглашаетъ знатные люди. Разскажу. Увы! что разсказать мнѣ добрымъ слушателямъ? Мужъ этотъ привитой отцомъ, былъ единственнымъ сыномъ у матери. Съ самой той минуты, въ которую отецъ его прижилъ, а мать повила, имѣлъ онъ законъ (наказаніе) висѣлицею. Изъ четырехъ книгъ, низпосланныхъ съ неба: Корана, Евангелія, Ветхаго Завѣта и Псалтыри, (Фурканъ, Енджиль, Туратъ, Зебуръ), все до послѣдней буквы прочелъ онъ. Умывался водою изъ святаго колодца *Земземъ*. Повелѣвъ разостлать себѣ пышный

диванъ, онъ молился. На девятомъ году жизни вступилъ онъ въ службу при дворѣ Токтамышъ-Хана. На четырнадцатомъ году жизни сидѣлъ ужь онъ на тронѣ, какъ должно. А когда укрѣпился на тронѣ, Токтамышъ-Ханъ сталъ бояться, чтобъ Едиге не бросился въ глаза женѣ его *Толай-Ханымъ*. И принялъ глупое намѣреніе гнать его разными образами. Едиге, увидя, что Ханъ къ нему перемѣнился, взялъ съ собою девять витязей, ускакалъ въ степи и сдѣлался *Козакомъ* (1).

Услышавъ о семъ, Токтамышъ-Ханъ послалъ въ погоню девять мужей: изъ Ергизовъ Омрукъ-Темира, изъ Крымцевъ Кара-Ходжу; изъ Капчаковъ Дженшей-Кусу, изъ Кенегизовъ Кинджембея, сына Кебенъ. Сіи, пустившись во всю прыть, догнали Едига, и во всю прыть прискакали назадъ къ Хану. Что жь говорятъ возвратившись? — «Ханъ мой! броня моя на мнѣ, сабля моя у бедра; боюсь, чтобъ не погубилъ ты дорогóй души моей.» — «Не безпокойся, вошъ тебѣ душа моя! волосъ не упадетъ съ головы у тебя. Что же ты слышалъ, что видѣлъ, разскажи безъ боязни.»

Тогда Джембей такъ говорилъ:

«Ханъ мой! ты повелѣлъ мнѣ ѣхать, я поѣхалъ. Догнавъ его, сказалъ ему такія слова: воротись, воротись, единородный! воротись домой. Собственнымъ языкомъ разскажи Хану, отъ чего у тебя сердце болитъ. Въ высокомъ бѣломъ шатрѣ, поклонившись, почти ты Хана. Изъ тонкихъ краевъ фарфора допивай остатки по мужѣ. Ханъ твой хочетъ подарить тебѣ стадо кобылицъ, чтобъ ты пилъ *кумысъ*, сколько тебѣ угодно будетъ. Народъ молится и хочетъ имѣть тебя царемъ. Позволяетъ тебѣ пускать соколовъ на лебедей семи *Караджальскихъ* озеръ. Отдаетъ тебѣ *Кипредейскіе* (2) луга на пастбища твоимъ охотничьимъ конямъ: пусть себѣ кормятся и разжирѣютъ, какъ львиныя лядвеи. Славна кольчуга Ханская! завязки плетены изъ замши, подбой изъ овчины выпорошковъ, сѣтка изъ колецъ самой лучшей стали; возьми ее за воротъ, стряхни и надѣнь, какъ свою. По правую и лѣвую стороны Ханова шатра есть мѣста: поди и сядь на первомъ мѣстѣ съ правой. Ряды слугъ его стоятъ съ обѣихъ сторонъ: поди и будь Агою надо всѣми ими. Прекрасна жена твоя Омербей, дочь Котлу-Темиръ-Ходжи: воротись, и пока Токтамышъ царствуетъ, цѣлуй ее, обнимай; спи, счастливецъ!» —

«Вѣроломство, несъ Джембей! Отецъ твой низкаго рода, и самъ ты рабъ за золото. Стань дальше отъ меня, и оттуда вой свою пѣсню. Не вытаскивая изо рта, отрѣжу тебѣ языкъ. Повѣшу тебя за нёбо, а разжегши сырое полѣно, выбью клеймо на лбу твоемъ. Не ворочусь, Джембей, не ворочусь, не пойду я домой. Бóли сердца моего не разскажу я самъ Хану; мой языкъ злословный. Въ высокой бѣлой *ордѣ* (шатрѣ Ханскомъ), не ударю я низкаго поклона передъ Ханомъ: мой запыленъ поросъ дубовыми кустами. Не буду по немъ выпивать остатковъ изъ фарфоровой чаши: уста мои слишкомъ стали тонки. Хотя мнѣ Ханъ и позволяетъ пить *кумысъ* отъ всего стада кобылицъ, не буду я пить: сердце мое *назадъ отошло*. Не пущу я моихъ соколовъ на лебедей семи Караджальскихъ озеръ: рука моя несчастна. Не буду я пасти моихъ коней охотничьихъ на Кѣредейскихъ лугахъ: ловитва мнѣ не удастся. Хотя и даритъ онъ мнѣ свою бѣлую кольчугу съ замшевыми завязками, съ подбоемъ изъ овчины выпорошковъ (*курпякъ*), съ сѣткою изъ самой лучшей стали; не хочу я ее брать за воротъ, не хочу стряхнуть и надѣть, какъ свою: мои рамена ослабѣли. Не сяду я въ *ордѣ* съ правой стороны: тамъ выросъ колъ стальной. Не хочу властвовать надъ правыми и лѣвыми слугами его, не хочу: я отказался отъ владычества. Правда, что я люблю жену мою Омеръ, но потерплю: не долго мнѣ не цѣловать ея, не обнимать ея.» —

Еще повелѣлъ Едиге сказать Хану: какое ты право имѣлъ надъ Едигомъ? онъ только Бога единаго рабъ. Онъ, какъ вѣрный слуга твой, на шагъ не отходилъ отъ дверей твоихъ. Неразъ перенесъ обиду, неразъ простилъ тебѣ оскорбленіе. Сегодня ты все ему припомнилъ. И дастъ Богъ, увижу я снова то *Синее море* (3) по поясъ мѣлкое, гдѣ играютъ большіе осетры. А развѣ Богъ мнѣ не будетъ сопутствовать въ обширныхъ степяхъ, въ незнакомыхъ степяхъ? А развѣ Богъ мнѣ не будетъ сопутствовать въ одинокихъ моихъ странствіяхъ, когда, какъ злой волкъ, всю ночь я буду сторожить и рыскать, до тѣхъ поръ, пока кожа не обмерзнетъ инеемъ на челѣ моемъ?»

Едиге поѣхалъ жить по-козачьему. Токтамышъ-Ханъ, слыша сіе, встревожился и упалъ духомъ. Повелѣлъ разбить высокіе шатры, повелѣлъ копать четыреугольные очаги; зарѣзать множество коней, наварить много меду. И на четыре стороны свѣта разослалъ онъ вѣсти, чтобы всѣ почтенные и мудрые въ преніяхъ старцы собрались на сходбище, а равно и юноши храбрые и народъ весь.

И прежде всего предводителю цѣлаго сопма, Худай-Берду, Гасанову сыну, разсказалъ онъ все дѣло и спросилъ мнѣнія. — «Ханъ, я понять сего не могу.» — «Если такъ, то твоя очередь, Джембей: въ большомъ котлѣ моего Государства, ты *дрожжи*, (4), ты говори.» — «Ханъ мой! сегодня я, виноватъ, ничего не умѣю сказать тебѣ.« — » Когда же такъ, то вошъ ты, Акмусъ, скажи намъ.» — «Ханъ мой! старшаго Господь Богъ прежде сотворилъ. Есть человѣкъ 360-ти лѣтній; зубы его уже шатаются; мужъ великаго ума; въ высокомъ колпакѣ; по имени *Собра*. Пусть онъ тебѣ отвѣтитъ.« — » Когда же такъ, то велѣть мнѣ запречь мой *кусъ* (коляску), пусть подкуютъ мнѣ коней золотыми

подковами, и убравъ ихъ въ золотые чапраки, пусть мнѣ тотчасъ же ѣдутъ за *Соброй*.«

Поѣхали. Колесо по самую ступицу врѣзалось въ песокъ. Взявъ Собру, привозятъ его къ Хану. Онъ повелѣлъ ему гребнемъ разчесать бороду и тщательно очистить; повелѣлъ ему зубы обвертѣть шелкомъ и прикрѣпить ихъ, чтобъ не шатались. Потомъ привѣтствовалъ и посадилъ его выше прочихъ.

«Ханъ мой! ты повелѣлъ, и я скажу. Въ сухой травѣ нѣтъ силы, въ сухой кости нѣтъ мозгу. Умъ у старыхъ людей слабъ. Ханъ не приметъ. Ханъ мой! не гонись за этимъ бѣлымъ мужемъ, не преслѣдуй его: народъ твой скоро испортится. Знаю я дальнихъ предковъ бѣлаго мужа. Онъ произходитъ отъ Абубекра-Садыка, потомъ былъ Султанъ Махмутъ, потомъ Султанъ Ибрагимъ, потомъ Султанъ Аббасъ, потомъ Гамза, потомъ Халедъ, потомъ Валидъ, потомъ Османъ, потомъ Джелалединъ, потомъ Баба-Туркле (5), потомъ Турбе-Карабчи, потомъ Исламъ-Кіяя, наконецъ единый многоцѣнный бѣлый мужъ. Ханъ мой! не годится его такъ мало цѣнить; лѣта мои многочисленнѣе многихъ. Видѣлъ я многихъ. Видѣлъ я Ахмудъ-Хана и Дженгисъ-Хана, прадѣда твоего въ одеждѣ золотой; видѣлъ я Кара-Хана и Бура-Хана; Калхманъ-Хана и Ючи-Хана, и того единаго Устемиръ-Хана. Видѣлъ я въ Ургунджѣ (древней столицѣ Хоразмовъ) троихъ Хановъ. Видѣлъ я въ Бухарѣ Абулгаиръ-Хана, въ Самаркандѣ Джейбакъ-Хана. Видѣлъ я въ Ташкентѣ одного Хана. Присматривался я къ пышности Джанибей-Хана. Онъ выстроилъ себѣ дворецъ въ пустынѣ и украсилъ богато; въ стѣнахъ тысяча колецъ для привязи тысячи жеребцовъ. Имѣетъ онъ единаго сына Вердыбея; о, щедръ этотъ Ханъ! Но къ чему мнѣ всѣхъ вычислять? не говори, что уста мои ложь пророчествуютъ; слушай:

«Челюсти впали, грива развѣвается по шеѣ и хребту; во всю прыть перемешывая ноги, сократилъ длину пространства; копытами обогналъ вѣтры. То твой конь. Сколько знаю, онъ на него сядетъ, тотъ убѣжавшій мужъ бѣлый. Пусть, какъ хотятъ, по немъ стрѣляютъ: стрѣла не пробьетъ; пусть, какъ хотятъ, напираютъ и колютъ: копье не пронзитъ его. Пусть, какъ хочетъ, дождь на него льетъ и вѣтеръ дуетъ: влажность его не пройметъ, вѣтеръ не проникнетъ. Тамъ кольчуга твоя крѣпко сошканная: онъ, взявъ ее, надѣнетъ, тотъ убѣжавшій мужъ бѣлый. Высокія деревa онъ рубитъ безъ топора, тотъ убѣжавшій мужъ бѣлый. Въ девять рядовъ стѣны каменныя проломитъ онъ безъ пушки. Ханъ мой! чрезъ высокія башни птица не пролетитъ, лебедь крылами не взовьется надъ ними... Нѣтъ числа знаменамъ.... Неизчислимы толпы вишязей.... Необозримы стада ягнятъ и овецъ.... Все это можетъ отнять у тебя тотъ убѣжавшій мужъ бѣлый.

«Ханъ мой! Тронъ твой на четырехъ ножкахъ, о пяти углахъ, на каждомъ по рубину. Какъ зеркало лоснится стальной прагъ твоего шатра, двери золотомъ писаны. Всѣ тесьмы изъ шелку, рѣшетка (6) изъ мѣди. Колпакъ на шатрѣ обшитъ атласомъ, верхъ горностаевый, низъ чернаго соболя. Колъ, на которомъ укрѣпленъ онъ, вылитъ изъ чистаго золота. Прекрасенъ тотъ шатеръ! весь день стоишь съ открытымъ верхомъ и издали сіяетъ. Вступишь въ него и присвоишь себѣ можетъ тотъ убѣжавшій мужъ бѣлый.

«Ростутъ на пескѣ блѣдныя ивы: къ нимъ пойдетъ и вырѣжетъ изъ нихъ себѣ палку (7) тотъ убѣжавшій мужъ бѣлый. Разношерстыя, многочисленныя стада твои согнать и гнать передъ собою можетъ тотъ убѣжавшій мужъ бѣлый.

«Ханъ мой, не преслѣдуй бѣлаго мужа: онъ не твой рабъ. Говорятъ, что ты много имѣешь друзей; но его не унижай. Вотъ тебѣ конецъ моимъ словамъ. Богъ вѣдаетъ, злобы не было въ устахъ моихъ. О, когда бъ не совершились мои предсказанія! о, когда бъ на голой степи прилегли къ сухой травѣ! о, когда бъ не потерялъ главы твоей тотъ убѣжавшій мужъ бѣлый!«

II.

О пророкъ Божій, о Мохамедъ! ты всегда былъ въ памяти у сего мужа, щедро осыпаннаго благодатями Аллы. Онъ предсталъ къ тебѣ съ поклономъ, препоясавшись мечемъ Алія. Среди боя, онъ мчался на конѣ, какъ Али на своемъ *Дульдулѣ* (8). Сѣвъ въ уединенномъ мѣстѣ, ждалъ онъ ночи *Кадрійской* (9). А когда наступила, то всю ночь онъ не спалъ и молился, и за то достигъ истинной науки отъ мужей свѣдущихъ. Пророки Илія и Ездра открыли ему свои чудеса; пока наконецъ, гребя руками, какъ Ангель, переплылъ онъ *Синее море*, въ которомъ играютъ осетры. Богъ сопутствовалъ странствующему по незнакомымъ горамъ и обширнымъ степямъ. Онъ сумерокъ до разсвѣта, какъ злой волкъ, онъ всю ночь, глазъ не прищуря, мчался на встрѣчу вѣтру, пока чело его, какъ замша гладкое, не обмерзло инеемъ. И показался на свѣтъ Божій, ясно, весело, какъ кочевье богача, какъ мѣсяцъ четырнадцати-дневный, когда блеснетъ 14-е число Рамазана. Такъ показавшись, разогналъ онъ враговъ своихъ на четыре стороны свѣта. Двухъ самыхъ лучшихъ верблюдовъ единый верблюженокъ, двухъ благороднѣйшихъ коней единый жеребенокъ; двухъ коршуновъ не отродившійся птенецъ. Всевышній Богъ его сошворилъ; вывелъ его изъ свѣта.

Сказываютъ, будто Едиге говаривалъ: «Родился я въ ту самую минуту, когда набожные молились на горѣ свѣтлой. Въ самый разсвѣтъ, когда Ангелы выходятъ

прогуляться (10), на концѣ ночи *Кадръ* явился я на свѣтъ. Первый взоръ мой палъ на ночь *Кадрійскую*. Уста мои проговорили начально: Вѣрую. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога! Слава моя грянула по міру. Слушаясь разумныхъ наставленій, я узналъ, гдѣ пролегаетъ дорога благословенныхъ. Ученые приходили ко мнѣ съ загадками и вопросами, я однимъ словомъ связывалъ имъ уста. Мать повила меня мудрецомъ. Я выучился по-Арабски, ибо это языкъ Пророка. Я удивлялъ моими отвѣтами мужей искуснѣйшихъ въ письменахъ Арабскихъ. Съ перваго взгляда, я отгадывалъ значеніе самыхъ затруднительныхъ шалисмановъ. Самъ паговаривалъ ихъ Муллямъ. Обернувъ голову бѣлою чалмою, въ простыхъ папучахъ ходилъ я, стоная, умоляя Господа Бога. И Господь мой выслушалъ мои моленія. Ѣлъ я душистыя правы *рейгану*, воду пилъ *консеру*. Выбралъ я себѣ для дороги одного изъ райскихъ коней (Боракъ); хвостъ его тысяче-саженный. Вѣрный исполнитель обрядовъ, которые повелѣла мнѣ свято соблюдать вѣра, я терся пескомъ и молился въ *Кіербела*. Бѣлая полынь на горахъ была моимъ обыкновеннымъ пріютомъ. Незнакомые холмы и желтыя пустыни я просто проѣхалъ впоперегъ. Посѣтилъ Мекку, домъ Божій. Пять лѣтъ служилъ я Богу, лица съ земли не поднимая. Избравъ себѣ въ раю пріугольный изъ чистаго злата дворецъ, я наслаждался въ немъ присна лѣтъ. Такого счастья не могла перенести моя душа, и обмеръ я и палъ неживой. А когда Мусульмане запѣли утренній Изанъ, я проснулся на землѣ. Былъ на Арафатѣ въ мраморныхъ дворцахъ. Видѣлъ шамъ, какъ Пехлеванъ-Гамза дрался въ большой битвѣ. Я поспѣшилъ предложить ему свои услуги, и получилъ за то стальной мечъ съ золотой рукояткой. Встрѣтивъ Пророка Соломона, я спросилъ у него благословенія царскаго, и онъ далъ мнѣ тронъ и благословилъ; я принялъ, но не желая ничего начать безъ Бога, я не посмѣлъ вступить на тронъ. Всевышній Богъ меня выслушалъ, Архангелъ Гавріилъ возкликнулъ: Аминь! аминь!

«И такъ, удостоясь милости Господней, въ понедѣльникъ возсѣлъ я на тронъ. И сталъ странствовать по всѣмъ странамъ міра. Думая, что Тебрызъ богатъ учеными мужами, я отправился туда. Въ Тебрызѣ, въ этомъ великомъ городѣ, служилъ я Богу, три года въ самой серединѣ мечети. Худай-Кулъ, мой путевой товарищъ, пріѣхалъ меня посѣтить. Два года не слѣзая съ коня бѣлаго, какъ сердце людей добродѣтельныхъ, я находился въ дорогѣ. Ѣхалъ отъ лѣсистой рѣки *Тамара* до самыхъ шести *Вуповъ* (11), до урочища Айрагаджъ (12). Тамъ разбилъ я въ пухъ моего врага.»

Едиге вскочилъ на коня и такъ гналъ его, что пыль и прахъ закопили ему лице. Онъ окруженъ былъ отборнымъ отрядомъ всадниковъ и вишязей. Прибылъ Токтамышъ-Ханъ; Едиге встрѣтилъ его, ударилъ въ голову концемъ тупаго ножа и прогналъ. Едиге однажды только въ жизни поклонился — отцу жены своей Коплу-Темиру.» —

Другая часть сей прекрасной рапсодіи, какъ должно полагать, добавлена позже; то достовѣрно, что она не одного Автора. Упоминаемое въ ней о пушкахъ, похвалы Пророковъ и т. п. показываютъ, что въ разныя времена Джейраны передѣлывали свои Толгавы. —

(Изъ: Tygod. Petersb.)

В. Романовичъ.

Примѣчанія.

(1) *Казакъ*, *Козакъ*, по-Татарски значитъ: человѣкъ, живущій въ степяхъ, неподвластный законамъ, ищущій богатства грабежами и разбоемъ.

(2) Караджальскія озера и Кѣредейскіе луга находятся на берегахъ Волги, не подалеку отъ Астрахани.

(3) *Синее море* (Кѣукъ-Денгисъ), принадлежащее къ водамъ, дарованнымъ Князю Алексѣю Борисовичу Куракину, находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Астрахани.

(4) Въ подлинникѣ *коро*, т. е. кусокъ творогу, который обыкновенно Татаре кидаютъ въ посуду съ кумысомъ для закваски.

(5) Баба-Туркле. Въ трехъ верстахъ отъ Астрахани, при *Козачьемъ холмѣ*, указываютъ нынѣ его могилу. Должно полагать, что при жизни былъ онъ мужемъ весьма набожнымъ и многихъ Калмыковъ обратилъ въ Мусульманскую вѣру. —

(6) *Чи*, плетень изъ тростника или прутьевъ, которымъ на лѣто опоясывается шанеръ, для предохраненія отъ зноя и оводовъ.

(7) *Курукъ*. Такъ зовется длинный шестъ съ арканомъ на концѣ, для ловли дикихъ коней въ степяхъ.

(8) Имя коня Аліева; мечъ его звался Зульфакаръ.

(9) Лейлетуль-Кадаръ, ночь чудесъ и откровеній небесныхъ, приходящаяся 22-го мѣсяца Рамазана.

(10) По всеобщему мнѣнію Мусульманъ, злые духи выходятъ на землю вечеромъ и пребываютъ на ней до самой полуночи; съ этой же поры до самыхъ сумерокъ странствуютъ Ангелы. Посему люди набожные вставаютъ тотчасъ по полуночи; посему и молитвы утреннія такъ дѣйствительны.

(11) Имя рѣки, лѣвнее кочевье Башкирцевъ.

(12) Въ Красноярскомъ уѣздѣ.

НЕНАСТЬЕ.

Ночь осенняя темна.
За селомъ стоитъ избушка:
Пригорюнясь, въ ней одна
Дремлетъ дряхлая старушка.
Тускло свѣтитъ огонекъ;
Дымъ въ избѣ клубами ходитъ;
Въ уголку кричитъ сверчокъ
И на душу грусть наводитъ,
А на печкѣ старый котъ
Тихо пѣсенки поетъ....

Много лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ
Ты, старушка, прожила,
Много бѣдъ перенесла....
Гдѣ хозяинъ твой, гдѣ дѣти?
Ужь давно, давно ты всѣхъ
Проводила на кладбище
И теперь, въ родномъ жилищѣ
Ты одна кончаешь вѣкъ. —
Чу, какъ вѣтеръ страшно свопещъ
И надъ полемъ и селомъ
То прогонитъ, то нагонитъ
Тучи съ градомъ и дождемъ!
Будто вопли.... будто пѣнье....
Ужь не смерти ль приближенье
То почуялъ домовой
И на кровлѣ поднялъ вой?....
А старушка что? — Не внемлетъ,
И въ теплѣ спокойно дремлетъ
Подъ иконою святой.

А. Комаровъ.

ЭПИГРАММА.

Нашъ близорукій *верхоглядъ*
Все какъ-то судитъ не впопадъ:
Бѣда, конечно, не велика,
Да малой сбился съ пошталыка.

Трилунный.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Странникъ. Сочиненіе А. Вельтмана. Часть первая, съ эпиграфомъ:

Въ крылатомъ, легкомъ экипажѣ,
Читатель, полетимъ, мой другъ!
Ты житель Сѣвера, куда же?
На Западъ, на Востокъ, на Югъ?
Туда гдѣ были, иль гдѣ будемъ?
Въ обитель чудныхъ, райскихъ мѣстъ,
Въ міръ просвѣщенный, къ дикимъ людямъ,
Иль къ жителямъ далекихъ звѣздъ,
И дальше — за предѣлъ вселенной,
Гдѣ жизнь, существенность и свѣтъ
Смиренно сходятся *на нѣтъ*!
И т. д.

(*Странникъ, часть II.*)

М. въ типогр. Семена Селивановскаго, 1831. (141 стран. въ 8-ю д. л. (*)

Сочинитель вздумалъ путешествовать въ далекіе края, не выходя изъ комнаты. Мысль не новая: такимъ образомъ путешествовалъ Аббатъ Де-ла-Портъ по цѣлому свѣту. Такимъ же образомъ путешествовали двое нашихъ единоземцевъ: у одного станціи (между коими переѣзды совершалъ онъ въ своей комнатѣ, не сходя съ постели) отмѣчались завтраками, обѣдами, пуншемъ и т. п.; другой, тѣмъ же самымъ способомъ, ежедневно объѣзжалъ разныя губерніи и повѣты Малороссіи, заключавшіеся въ тѣсномъ объемѣ его погребца. Оба сіи замысловатые путешественники провели всю свою жизнь въ этихъ странствованіяхъ, если вѣрить чувствительному путешественнику по Невскому Проспекту.

По формѣ своей, *Странникъ* Г. Вельтмана также не новость. Отъ Стернова Чувствительнаго Путешествія по Франціи, до Чувствительнаго Путешествія одного весельчака Рускаго по Невскому Проспекту, какой длинный рядъ подобныхъ странствованій находимъ мы въ однихъ каталогахъ нашихъ книгопродавцевъ (не говоря уже о чужеземныхъ), странствованій, въ которыхъ говорится:

О томъ, о семъ,
А чаще ни объ чемъ.

Слѣдовательно, ничто не ново подъ луною; и *Странникъ* Г. Вельмана, вопреки увѣреніямъ одного Журналиста, для котораго все то ново, чего одинъ только онъ и не зналъ — есть просто старая погудка на новый ладъ.

Но сочиненіе, не новое по созданію и формѣ, можетъ быть ново по выполненію. Читаемъ *Странника* и находимъ въ немъ воспоминанія бывалаго путешествія, перемѣшанныя съ мечтами, намеками на то и другое, съ переходами къ предметамъ, коихъ не думаешь вовсе здѣсь повстрѣчать. Все это есть и у Стерна, и у Графа Местра, и у двадцати другихъ путешественниковъ, летавшихъ по ихъ слѣдамъ на крыльяхъ воображенія. Добавкою прошивъ другихъ могутъ только почестться весьма частыя вставки стиховъ, изъ которыхъ многіе очень посредственны, и едва ли стоили труда, чтобъ ихъ написать, а еще менѣе прочесть.

Напяжка легкомыслія и веселости также дурна, какъ и всякая другая напяжка: она столь же легко изобличаетъ себя и столь же скоро наводитъ скуку другимъ. — Прочтите, напр., слѣдующіе стихи и скажите, какое ощущеніе раждаютъ они въ вашемъ умѣ, воображеніи, или въ какой хотите душевной способности:

« А это кто? — Матильда. — Чудо!
А это? — Машинька. — Мила!
А это? — Пульхерица. — Роскошь!
А это? — Сашинька. — Огонь!
А то? — Не знаю. — О Рафаель!

(*) Продается въ книжн. магазинѣ Смирдина, а въ Москвѣ въ Конторѣ Московскаго Телеграфа. Цѣна экз. 5 руб.

Взгляни на это существо!
Дай легкость мнѣ свою, Азáель,» и пр.

Это не поэзія, а празднословіе, подведенное подъ стихотворную мѣру.

Выпишемъ одно изъ воспоминаній странника. Онъ прогуливается по саду въ Тульчинѣ (стр. 126). «*Подходя* къ дому, вправо отъ дорожки, ведущей къ нему «на гору, *стоитъ* желѣзная клѣтка величиной съ бесѣдку; «въ ней жила сивоворонка; съ любопытствомъ посмотря на затворницу, я торопился перескочить «мостикъ и быстро пустился по дорожкѣ,

«Гдѣ нѣкогда на единѣ
«Я былъ...гулялъ я....что за Полька:
«Она въ глаза смотрѣла мнѣ,
«Я ей въ глаза смотрѣлъ....и только!» —

И только! можно повторить, прочитавъ всю первую часть этого *Странника*, и чтеніе заключить перифразою двухъ послѣднихъ стиховъ его эпиграфа:

Его многорѣчивый бредъ
Смиренно сходится на *нѣтъ!*

Вотъ что говоритъ объ этой книгѣ Издатель Московскаго Телеграфа, объявившій себя напередъ другомъ ея Сочинителя: «Намъ кажется, что *Странникъ* Г-на «Вельтмана есть самый свѣжій и прекрасный цвѣтокъ «на тощей почвѣ Рускоѣ Литературы. Онъ разцвѣлъ «быстро и неожиданно.... *Странникъ* ставитъ его «(Автора) въ рядъ отличныхъ современныхъ Писателей Рускихъ, какъ Поэта, и какъ Прозаика оригинальнаго. Г. Вельтманъ нашелъ путь, совершенно новый въ нашей Литературѣ, осужденной, кажется, «на извѣстную пѣсню зѣваки....» Далѣе: «Стихотворѣній, подобныхъ Эскандеру, немного насчитаемъ въ «Рускоѣ Словесности: смѣлость, *восточность* мысли, «глубокая философія Поэзіи, необыкновенный *риѳмъ*, «какимъ писанъ Эскандеръ, свобода, съ какою выражается Поэтъ, дѣлаютъ сіе драгоцѣнное твореніе «залогомъ весьма многаго, что еще кроется въ душѣ «Поэта.»

Rien n'est si dangereux qu'un ignorant ami:
Mieux vaudrait un sage ennemi;

сказалъ Лафонтень, и это совершенная правда. Не будь сихъ неумѣренныхъ, изступленныхъ похвалъ Г-на Полеваго, тогда бы читатели стали смотрѣть на Странника, какъ на обыкновенное явленіе въ нашей Словесности, на явленіе, какихъ много бывало на нашемъ вѣку и на которыя прошла уже мода. Г. Полевой виноватъ въ томъ, что заставилъ эту книгу читать съ предубѣжденіемъ въ ея пользу и пробудилъ строгія требованія критики. Читая и перечитывая стихотвореніе: *Эскандеръ* (Странникъ, стр. 101), мы находимъ въ ней не *восточность*, а *заоблачность* мысли, которая такъ высоко унеслась, что самъ Поэтъ не могъ подъ конецъ уловить ее; читатель же и подавно остается въ недоумѣніи о томъ, что Г. Вельтманъ хотѣлъ ею высказать? Въ этомъ стихотвореніи въ особенности замѣтно, что Сочинитель онаго начитался Байронова Манфреда, и что у него прокрадываются мѣстами слѣды сего чтенія; но все произведеніе сіе (Эскандеръ), такъ сказать, недосоздано. *Необыкновенный* же *риѳмъ*, возбудившій удивленіе въ Г. Полевомъ, есть просто амфибрахій, котораго по нѣскольку стиховъ написано въ одну строку. Симъ размѣромъ Мерзляковъ переводилъ изъ Ѳеокрита, Віона и Гомера (отрывокъ изъ Одиссеи), Гнѣдичъ написалъ свою идилію: *Рыбаки*, а Баронъ Дельвигъ идилію: *Далонъ*, и стихотвореніе: *Къ Лилетѣ*. Важное открытіе Г. Полеваго доказываетъ только, что Издателю Телеграфа незнакомы стихотворныя мѣры, и что если бы написать ему, подрядъ и безъ раздѣла стиховъ, Рускую пѣсню: *При долинушкѣ стояла*, то онъ и въ этой пѣснѣ нашелъ бы риѳмъ необыкновенный и небывалый.

Бѣглецъ, повѣсть въ стихахъ. Соч. А. Вельтмана. — М. въ типогр. Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургич. Академіи, 1831. (VIII — 65 стран. въ 12-ю д. л. (*)

Донской Козакъ, Леолинъ, чтобы спасти одного изъ своихъ военныхъ товарищей и отвлечь отъ сего послѣдняго падшее на него подозрѣніе въ какомъ-то неясно выраженномъ проступкѣ, становится самъ перемѣтчикомъ и перебѣгаетъ на Турецкую сторону. Судьба наказываетъ его за сей безразсудный способъ помогать ближнему: переплывая Дунай, онъ тонетъ. Его спасаетъ Жидъ-Караимъ и продаетъ, какъ невольника, богатому Греку въ Галацѣ. У Грека есть дочь, прекрасная Мирра; въ нее влюбленъ сынъ Турецкаго Бея, Алджидъ-Аръ; но Мирра не любитъ его, а честолюбивый отецъ прочитъ ее въ гаремъ Султана. Разумѣется, что Леолинъ и Мирра полюбили другъ съ перваго взгляда и оба страдаютъ безмолвно. Въ Галацѣ начинаетъ свирѣпствовать чума; Грекъ, отецъ Мирры, запирается въ своемъ домѣ и это обстоятельство сближаетъ его съ невольникомъ его Леолинымъ, который дѣлается любимымъ разсказчикомъ своего господина и чрезъ то пріобрѣтаетъ средство часто быть вмѣстѣ съ Миррой. Алджидъ-Аръ (не смотря на чуму, въ которую бываетъ не до любви) врывается въ домъ Грека;

«Алджидъ!» вскричала Мирра. — *Я*!
«Алджидъ!» онъ повторяетъ — «Гнѣва
«Смерть не потушитъ, ты моя!»

(*) Продается въ книж. магазинѣ Смирдина, у Синяго моста. Цѣна экземпл. 5 руб.

Кинжалъ взмахнулъ, упала дѣва.
«Стой, варваръ!» Руской возопилъ,
И *изступленьемъ* пламенѣя,
Отъ Мирры смерть онъ отразилъ,
Сковалъ въ рукахъ своихъ злодѣя,
И въ грудь ему вонзилъ кинжалъ,
Который Мирѣ угрожалъ.

Казалось бы, слава Богу! Мирра спасена, злодѣй наказанъ, и что всего лучше, Турецкая полиція не дѣлаетъ повальнаго обыска по поводу сего убійства. Но Алджидъ-Аръ, видно, читалъ *Валленрода* Мицкевичева, и вздумалъ повторить злую месть Альманзора надъ Христіанами (*): онъ пришелъ зачумленный въ домъ Грека, и похваляется тѣмъ передъ смертью:

.....«Христіанинъ!
«Гляди!.... тебѣ готова плата....
«За жизнь Гречанки!.... но не злато!....
«И не она!....»

Словомъ: Леолинъ и Мирра зачумлены коварнымъ Алджидъ-Аромъ; любовники томятся ужаснымъ недугомъ: одна въ покояхъ отца своего, другой въ саду, къ которому онъ приставленъ. Наконецъ Мирра тайкомъ убѣгаетъ изъ своей комнаты съ садъ, находитъ Леолина и оба они умираютъ, держа другъ друга въ объятіяхъ.

Таково содержаніе повѣсти: *Бѣглецъ*, написанной тѣмъ же Авторомъ, о книгѣ котораго мы предъ симъ отдали отчетъ нашимъ читателямъ. Въ этой повѣсти какъ-то все происходитъ спокойно: и бѣгство Леолина, и неволя его, и убійство сына Беева, и самая смерть Леолина и Мирры; ничто не шевелитъ сердца. Сколько содержаніе сей повѣсти незатѣйливо, столько холоденъ разсказъ. Кое-гдѣ отражается чувство, но какъ бы не хотя, и можно подумать, что Авторъ остерегался излишне разжалобить читателей положеніемъ и горькою судьбою двухъ любовниковъ. Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не запечатлѣно какимъ-либо характеромъ: всѣ они безцвѣтны и незначительны. Поэзіи въ этой повѣсти очень мало; но есть много стиховъ тяжелыхъ, напыщенныхъ, какихъ теперь у насъ почти уже не пишутъ.

«Тягчитъ усталость, какъ свинецъ,
Его *стопы*, но онъ *тропами*
Все ближе крадется къ рѣкѣ.
Цѣпь часовыхъ ужь не далёко....» (стр. 3.)
«Кто раздѣлитъ *здѣсь со мной* печаль? (стр. 19.)
«Я спасъ ее! но кто любя
Тебя, о Мирра! за *тебя*
Не будетъ жертвовать собою? (стр. 43.)
«Ты проклинаешь *мои* слезы....» (стр. 45.)
«Мелькаетъ, *какъ какъ тѣни*, лепитъ.... (стр. 49.)

Есть подобія и сравненія, которыя давно уже очерствѣли отъ частаго употребленія:

«.....Ночь черна,
Какъ заскорѣлый мракъ темницы. (стр. 1.)
«Мертвецъ, какъ ужасъ безобразный! (стр. 29.)

Есть неправильные обороты, неправильное употребленіе словъ и подобные симъ грѣхи противъ Рускаго языка:

«.....Часовой
Заходитъ скорыми шагами
По берегу, взадъ и впередъ....» (стр. 3.)
«И Леолинъ краснорѣчивый
Со отца страхъ смерти *разгонялъ*.... (стр. 32.)
«Съ иконъ и съ милаго *дитя*.... (стр. 43)
«Слеза во *взорахъ* навернулась.... (стр. 48)

Есть и другаго рода несообразности. На пр. (стр. 27-28) черной *моръ*, съ *язвой* и *чумой*,

«Сынъ страшный Мемфиса и Нила,
Прошелъ невѣдомой стезей
Черезъ Балканъ въ Раю Браила (*),
Въ Галацы, въ Яссы, въ Букарестъ....«

Букарестъ здѣсь поставленъ для *прекрасныхъ лѣтъ*; но такія рифменныя вставки нерѣдки въ повѣсти: *Бѣглецъ*. Одна изъ замѣтнѣйшихъ находится въ разсказѣ Жида о томъ, какъ попался къ нему Леолинъ (стр. 13):

«Въ полночь на палубѣ былъ я,
Со мной была моя Ревекка;
Вдругъ слышимъ мы, близъ корабля
Раздался голосъ человѣка....«

Ясно, для чего на палубѣ была *Ревекка*: ей должно было рифмовать съ четвертымъ изъ выписанныхъ здѣсь стиховъ.

Но есть и попытки поэтическія, попытки смѣлыя, которыя впрочемъ едва ли будутъ одобрены вкусомъ:

«*Сухія слезы* грудь *кололи*... (стр. 15)
«Уже ль, онъ мыслитъ, до конца
Мой будетъ *ираколи* взоръ *повязанъ*? (стр 21)

Заключеніе поэмы странно: она оканчивается сравненіемъ отца Мирры съ Арминіемъ (однимъ изъ героевъ Оссіановыхъ), который также лишился дочери. Нельзя добраться, тѣнь ли Мирры приводитъ это Оссіановское сравненіе въ рѣчи своей, или Авторъ отъ своего лица?

Москва, или Историческій Путеводитель по знаменитой столицѣ Государства Россійскаго, заключающій въ себѣ: 1-е Исторію сего престольнаго города отъ начала онаго до нашихъ временъ; 2-е Подробное описаніе всѣхъ важныхъ событій, случившихся въ ономъ; 3-е Описаніе находящихся въ немъ

(*) «*Раей Браиловской* называется пространство Нижней «Валахіи, около крѣпости Браилова.» — *Примѣч. Автора повѣсти.*

(**) Въ балладѣ: *Альпухара.*

рѣдкостей, монастырей, церквей и разныхъ зданій и памятниковъ, съ показаніемъ времени и причинъ ихъ основанія; 4-е Свѣдѣніе о всѣхъ мѣстахъ, замѣчательныхъ по какому нибудь историческому произшествію; 5-е Обычаи древнихъ временъ; 6-е Различные церковные и гражданскіе церемоніялы; 7-е Богатство и штатъ Двора Царскаго; 8-е Описаніе одежды, монетнаго курса и цѣнъ произведеній, къ разнымъ временамъ относящихся; 9-е Біографіи Митрополитовъ и Патріарховъ; 10-е Статистическое и топографическое обозрѣніе сей столицы въ нынѣшнемъ ея состояніи. Части III и IV. — М. въ типогр. С. Селивановскаго, 1831 (въ III-й части 416, и IV-й 253 стр. въ больш. 8-ю д. л. (*).

По какому-то превратному понятію о вещахъ, у насъ почти всегда роскошь предупреждаетъ необходимое. Нѣтъ еще у насъ карманныхъ путеводителей по Москвѣ и Петербургу, какъ во всѣхъ почти прочихъ столицахъ Европы, даже во многихъ большихъ не столичныхъ городахъ Германіи, Италіи и Франціи; а въ замѣнъ того появляются большія и многотомныя книги, какъ напр. *Достопамятности Петербурга*, изданныя (и еще неконченныя) Г-мъ Свиньинымъ, или этотъ *Историческій Путеводитель* по Москвѣ, книги, устрашающія покупателя и своею огромностію, и непомѣрною цѣною, каковая за нихъ требуется. Пріѣзжій, особливо иностранецъ, желалъ бы за умѣренную цѣну пріобрѣсть себѣ печатное руководство, съ помощію котораго могъ бы онъ познакомиться съ городомъ, замѣчательнѣйшими въ немъ предметами и окрестностями его, приходитъ въ книжную лавку и спрашиваетъ; ему отвѣчаютъ: нѣтъ! а вмѣсто краткаго описанія, вмѣсто карманной книжки навязываютъ ему нѣсколько полновѣсныхъ томовъ, въ которыхъ находитъ онъ многія подробности, вовсе для него незанимательныя и непужныя, каковы напр. въ этой книгѣ Біографіи Патріарховъ и Митрополитовъ. По нашему мнѣнію, сперва должно бы начать тѣмъ, что нужнѣе и полезнѣе; а потомъ уже, для любителей подробныхъ свѣдѣній, издавать книги въ родѣ упомянутыхъ нами *Достопамятностей*, или сего переполненнаго *Путеводителя*. Въ заключеніе мы порадуемъ нашихъ читателей извѣстіемъ, что одинъ Литераторъ, составившій себѣ прочную славу другими, болѣе важными сочиненіями, намѣренъ въ нынѣшнемъ году издать краткое описаніе Петербурга, на Рускомъ языкѣ, и что почти въ то же время появится и Французскій переводъ этой книги.

(*) Продается въ книжномъ магазинѣ Смирдина. Цѣна за всѣ 4 части 24 руб.

Одиссѣй, или двѣ достопамятныя эпохи въ жизни Али-Паши. Истинная повѣсть. 2 части. — М. въ Университетск. типогр. 1831 (76 стр. въ 12-ю д. л.)

Сочинитель этой повѣсти вѣрно думалъ, что имя выбраннаго имъ героя пишется по-Руски, какъ *Алексѣй*; но мы замѣтимъ Сочинителю, что онъ ошибся, и что имя храбраго начальника Паликаровъ, равно какъ и предполагаемаго предка его, мудраго Царя Іоаки, должно писать у насъ именно такъ, какъ мы пишемъ *Елисей*, т. е. безъ буквы *ѣ*. О поэтическомъ достоинствѣ самой повѣсти скажемъ только, что эта современная намъ *Одиссея* есть вторичное убійство отважнаго и хитраго Улисса новой Греціи, и что можно подумать, будто бы Сочинитель поэмы былъ въ заговорѣ съ Турками, дабы запятнать память смертельнаго ихъ врага пошлыми стихами.

СМѢСЬ.

Лордъ Байронъ говаривалъ, что люди прожорливые обыкновенно бываютъ сердиты и глупы. Извѣстно, какъ онъ боялся потолстѣть, и на какое сухолдѣніе обрекалъ себя, чтобъ избѣгнуть отъ сего бѣдствія. Деллесъ разсказываетъ, что Байронъ нѣкоторое время съѣдалъ только по два матросскихъ сухаря въ сутки; а чтобы заглушить въ себѣ позывъ на ѣду, онъ безпрестанно жевалъ мастику, подобно прекраснымъ затворницамъ Султанскаго гарема.

Извѣстный нашъ Поэтъ, Баронъ Е. Ѳ. Розенъ, перевелъ вполнѣ на Нѣмецкій языкъ драматическую поэму А. С. Пушкина: *Борисъ Годуновъ*. Нѣкоторые опыты преложеній Барона Розена на Нѣмецкій языкъ (стихотвореній Пушкина и Б. Дельвига), помѣщенные въ Ревельской Газетѣ: *Эстонѣ*, служатъ надежною порукой за вѣрность и поэтическое достоинство сего новаго перевода.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Мая 25-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. **ТОМЪ III, № 31.** *МАЯ 31 го.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Пятницу), — 10-го (въ Среду), — 15-го (въ Понедѣльникъ), — 20-го (въ Субботу), — 25-го (въ Четвертокъ) и 30-го (во Вторникъ).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НОВАГО РОМАНА:

Димитрій Самозванецъ.

Глава I.

Торжественный звонъ возвѣстилъ Московскимъ жителямъ день вѣнчанія Бориса Ѳеодоровича Годунова на Царство Русское. Всѣ граждане, отъ большаго до малаго, отъ молодаго до стараго, вышли на площадь въ ожиданіи великолѣпнаго шествія Царя съ его семействомъ, сопровождаемаго всѣми вельможами и Духовенствомъ, осѣненнаго хоругвями, благословеннаго Патріархомъ, благочестивымъ старцемъ Іовомъ. Гости Московскіе съ хлѣбомъ, кубками серебряными, золотыми, соболями, жемчугомъ и многими иными дарами, ожидали Царя, чтобы вмѣстѣ съ усерднымъ поздравленіемъ, повергнуть къ стопамъ его свои драгоцѣнныя приношенія, какъ знакъ своей преданности къ новому помазаннику, избранному единодушнымъ желаніемъ народа; или лучше сказать, толпою корыстолюбивыхъ приверженцевъ, которая была такъ велика, и съ такою наглостію провозглашала Бориса, что ее можно было почесть представительницею народа. Невнятный шумъ слившихся голосовъ уподоблялся возмущенному Океану; всѣ говорили объ одномъ; всѣхъ любопытство стремилось къ одной цѣли; всѣ желали взглянуть на того человѣка, который успѣлъ отъ низкой ступени подданнаго, возвыситься до верхней ступени трона. Сей замыслъ смѣлый былъ плодомъ не одного мгновенія, но нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. При Царѣ Іоаннѣ, изъ всѣхъ любимцевъ одинъ только Годуновъ былъ чуждъ развратa и убійства; но Іоаннъ, не смотря на то, любилъ его!... При Царѣ Ѳеодорѣ, Борисъ былъ душею Государства, дѣлалъ, что хотѣлъ; по вельможи любили его... Таковъ былъ сей человѣкъ, воззванный небомъ изъ ничтожной толпы, совершившій много полезнаго и еще болѣе вреднаго для Россіи, ибо сѣмена его прекраснаго царствованія были погублены междоусобіемъ и Поляками, а зло, причиненное имъ, гнѣздилось долго въ нѣдрахъ Россіи. Такова судьба всѣхъ дѣлъ человѣческихъ! Малѣйшаго вліянія обстоятельствъ достаточно для того, чтобы добро преобразить во зло; и нѣсколькихъ вѣковъ недостаточно, чтобъ истребить злыя сѣмена, брошенныя безъ дальновиднаго соображенія, рукою ничтожнаго человѣка. Впрочемъ Борисъ Годуновъ не подходитъ подъ сіе правило: онъ принадлежалъ къ тѣмъ исполинамъ нравственнаго міра, которымъ, для достиженія истиннаго величія, не достаетъ одной только добродѣтели... И сей-то недостатокъ отражается даже и въ лучшихъ ихъ дѣлахъ и помышленіяхъ... Потомство справедливо и неумолимо.

1-й Гражданинъ.

Смотрите! Вотъ ужь хоругви показались, слышно пѣніе; скоро мы увидимъ нашего Царя.

2-й.

Слава Тебѣ, Господи! Ты услышалъ рыданіе Христіанъ.

3-й.

Ты преложилъ нашу скорбь на веселіе и даровалъ намъ Царя, о которомъ мы денно и нощно Тебя молили!

4-й.

Рано пташечка запѣла...

3-й.

А почему рано?

4-й.

А почему вы знаете, каковъ будетъ Царь?

3-й.

Борисъ намъ давно извѣстенъ.

4-й.

Іоаннъ сначала былъ хорошъ. На суслѣ пива не угадывай.

2-й.

Эхъ! Сидоръ Карповичъ! не вспоминай о немъ.

5-й.

Мучитель, какому у насъ примѣровъ...

6-й.

О мертвыхъ молчи, или добро реки.

3-й.

Правда, Фролъ Силичъ.

Григорій.

Не правда, Фролъ Силичъ.

3-й.

А почему не правда?

Григорій.

Когда же и говорить о Царяхъ, коли не послѣ ихъ смерти?

2-й.

Ты не откажешься полаять, на кого бы то ни было.

Григорій.

Я не трусъ; говорю смѣло, и правду.

1-й.

Нечего сказать: Григорій большой краснобай!

2-й.

Велика диковинка!—Онъ на то и грамотникъ, чтобъ ему красно говорить.

3-й.

Однимъ словомъ иногда съ ногъ срѣжетъ.

4-й.

За то спроси, чего и не знаетъ онъ? Всю подноготную проникъ.

6-й.

А скажи намъ по совѣсти, братъ Григорій, справедливы ли о тебѣ слухи идутъ?

Григорій.

Какіе слухи?

6-й.

Будто ты чернокнижникъ?

Григорій.

Клевета. — Подобные слухи сгубили многихъ честныхъ людей при Царѣ Іоаннѣ. Сильвестръ и Адашевъ были жертвами сей адской клеветы!

1-й.

А почему же знать тебѣ, что они не были чернокнижниками? развѣ волки не залѣзаютъ въ овечьи шкуры?

7-й.

Эхъ! Иванычъ! молодъ ты, а языку волю даешь. Ты столько слышалъ объ Адашевѣ и Сильвестрѣ, а я видѣлъ и зналъ ихъ. Это были не люди, ангелы во плоти. Сироты и нищіе были дѣтьми ихъ; они стояли у престола для того, чтобы творить добро и говорить Царю правду; наконецъ надоѣли ему, и вотъ въ чемъ вина ихъ! Теперь ужь нѣтъ Грознаго и я смѣло скажу, что подобныхъ людей нѣтъ, не было и не будетъ никогда!

Григорій.

Почему знать тебѣ, что ихъ нѣтъ? что не будетъ ихъ?... Отдадимъ справедливость мертвымъ, не унижая живыхъ. Если бъ не было добрыхъ людей, не было бы и Руси православной!... Они есть, мой почтенный отецъ! но не имѣютъ случая, подобно Адашеву, благотворить своимъ ближнимъ.... Счастливъ тотъ Царь, который, различивъ святыхъ отъ святошей, приблизитъ первыхъ къ себѣ, для блага своихъ подданныхъ!

1-й.

Славно, Григорій, славно!

2-й.

Дай Богъ, братъ Григорій, чтобъ и тебя нашъ батюшка Царь Борисъ выпащилъ когда нибудь въ люди! Ужь ты не забылъ бы своихъ старыхъ товарищей.

Григорій.

Я не хочу милости Борисовой.... Настанетъ время — я и безъ него пойду своей дорогой.

1-й.

Вотъ любимая твоя рѣчь!.. Какой же дорогой ты пойдешь?

Григорій.

Богъ покажетъ мнѣ дорогу.

7-й.

Хорошо отвѣчалъ, Григорій. Никогда не надѣйся на силы человѣческія. Гордость до добра не доводитъ. Чортъ захотѣлъ быть Богомъ....

Дьячокъ изъ Углича.

Не чортъ, Фролъ Силичъ, а ангелъ; чортъ не всегда былъ чортомъ.

7-й.

Но всегда будетъ имъ, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Всѣ.

Аминь.

Василиса.

Чортъ будетъ чортомъ, а Борисъ Борисомъ.

Дьячокъ.

Молчи, беззубая вѣдьма!

Григорій.

Оставь; пусть говоритъ она. Что, бабушка, хотѣла молвить ты о Борисѣ?

Василиса.

Въ тихомъ омутѣ черти водятся.

Григорій.

Правда, родная, правда.

Василиса.

Теперь силенъ Борисъ; а я знавала его и дитятею. Пословица говоритъ: каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку.

Григорій.

А каковъ онъ былъ отъ колыбели?

Василиса.

Любилъ быть первымъ между мальчишками; золъ, хитеръ и увертливъ, какъ лисица.

Григорій.

За то далеко и пошелъ.

7-й.

Далеко! — А какимъ путемъ, правымъ или лѣвымъ?

1-й.

Отойди отъ нея подальше, Григорій; она не даромъ слыветъ колдуньею. Она какъ разъ тебя приворожитъ.

Григорій.

Въ семьдесятъ лѣтъ старуха меня не приворожитъ.

Василиса.

Григорій не такъ глупъ, чтобъ повѣрилъ такому дураку, какъ ты; я не колдунья, хоть и знаю кое-что о Борисѣ.

Григорій.

А что ты знаешь о немъ, почтенная бабушка?

Василиса.

Всякъ Еремѣй про себя разумѣй.

Дьячокъ.

А я такъ не изъ таковскихъ! мой обычай: что есть въ печи, все на столъ мечи.

Василиса.

Да печка-та твоя безъ дровъ, а горшки всегда пусты, Сидоровичъ!

Дьячокъ.

Ошиблась, старая чертовка! мы знаемъ, что знаемъ, не хуже твоего... Сами Углицкіе!

Григорій.

Углицкіе?

Дьячокъ.

Точно такъ, почтенный господинъ; я своими глазами видѣлъ тѣло убитаго....

Григорій.

Тише, тише!.. здѣсь много народу; пойдемъ подальше, ты мнѣ разскажешь все безъ утайки, а я тебя попотчиваю кое-чѣмъ, до чего ты больной охотникъ, если судить по твоимъ краснымъ глазамъ и винному отъ тебя запаху.

Дьячокъ.

Благодарю покорно; я никогда не отказывался повеселиться съ добрымъ человѣкомъ. Но теперь не то время; вотъ посмотримъ, полюбуемся на Царя, а послѣ веди меня, куда хочешь: за доброй стаканчикъ винца, разскажу все, что было, что я своими глазами видѣлъ, и никогда не забуду!.... А какъ твое прозванье, имя и отчество, если смѣю спросить?

Григорій.

Теперь не то время: вотъ посмотримъ на Царя, полюбуемся имъ; а потомъ я скажу тебѣ, кто я.

Дьячокъ.

Моимъ же добромъ, да мнѣ же челомъ? — Дѣльно, братъ. Ты мнѣ и съ виду понравился; малой молодой, и соколомъ смотришь. Жаль, что у тебя бородавка на щекѣ! ты былъ бы недуренъ собою. Хочешь ли, я тебѣ срѣжу эту бородавку?

Григорій.

Нѣтъ, не хочу. Эта бородавка, мое родовое наслѣдство.

Дьячокъ.

У покойнаго Царевича то же была такая бородавка!... Злодѣй Бишняговскій хотѣлъ ее срѣзать, да впопыхъ перехватилъ горло у Царевича...

Григорій.

Сдѣлай милость, не говори здѣсь объ этомъ. Всему есть свое время.

Дьячокъ.

И то дѣло.

Шутъ.

Здорово, ребята!

Всѣ.

Много лѣтъ здравствовать вашей чести.

Григорій.

Кто этотъ весельчакъ?

Дьячокъ.

Шутъ блаженной памяти Царя Іоанна Васильевича.

Шутъ.

Ужь точно блаженной памяти!.. То-то житье намъ было при немъ!

Григорій.

А Гвоздева помнишь?

Шутъ.

Какъ не помнить моего старшаго брата! Царь его стукнулъ по лбу, а я съ тѣхъ поръ умнѣе сталъ. Что дѣлать, мой любезный; не все коту масляница, будетъ и великой постъ. И намъ отъ нашего батюшки доставалось подъ добрый часъ!

Григорій.

Бориса Титова помнишь?

Шутъ.

Какъ теперь смотрю на него! Покойный братъ мой подошелъ къ Грозному, и ударилъ челомъ до сырой земли; Царь взялъ небольшой ножичекъ, отрѣзалъ правое ухо у любезнаго брата нашего и молвилъ ласково: «Здравствуй, вѣрный рабъ нашъ!» — «Здравія желаю, Ваше Царское Величество, отвѣчалъ ему одноухой рабъ его, и громкій хохотъ раздался въ толпѣ Опричниковъ... То-то житье намъ было при Царѣ-батюшкѣ, Іоаннѣ Васильевичѣ!

Григорій.

Славное житье! — Видно, Царь Іоаннъ зналъ, какъ пошутить съ вашимъ братомъ?

Шутъ.

Дѣло мастера боится. Съ той поры всѣ придворные держали уши востро. Однажды одинъ старовѣръ

отказался за столомъ отъ крѣпкаго напитка; Царь его попочивалъ пожемъ: — «Не живи де-скашь Адашевскимъ обычаемъ!».. То-шо житье намъ было при батюшкѣ-Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ!

Григорій.

Потерпи; опять будешь какъ сыръ въ маслѣ кататься. Дайте только Борису забрать вожжи: у него будутъ свои Опричники.

Шутъ.

Опричники будутъ, а шутовъ никогда! Борисъ не любитъ нашей братьи.

Григорій.

Да за что же?

Шутъ.

Да такъ; мы иногда не въ бровь, а прямо въ глазъ колемъ; а онъ любитъ, чтобъ передъ нимъ было и пишь и гладь, и Божья благодать! — Дѣлай, что хочешь, да только не шуми. Будь внутри чортомъ, только рядись честнымъ человѣкомъ.

Григорій.

Ты не такъ простъ, какъ кажешься.

Шутъ.

Вѣдь я шутъ, а не дуракъ. Прошу этого не забывать.

Григорій.

Но вотъ приближается торжественное шествіе.... Боже! какое великолѣпіе!....

Шутъ.

Знать у тебя, глядя на Царя, зубы разгорѣлись? Потерпи, мой милый, будемъ и мы когда нибудь, если не Царями, то покрайней мѣрѣ Царьками, или хоть Князьками!.. Вѣдь и это не худо?.. а?.. Что же ты молчишь, пріятель? что ты губу закусилъ, и смотришь на меня, какъ на оборотня?..

Народъ.

Да здравствуетъ отецъ нашъ Государь!

Шутъ.

Что же ты не кричишь?

Григорій.

Оставь меня! ты мнѣ надоѣлъ.

Народъ.

Да здравствуетъ Богомъ избранный Царь!

Григорій.

Богомъ избранный!

Шутъ.

Такъ кѣмъ же? Лукавымъ, что-ли?

Григорій.

Съ кѣмъ ты говоришь?

Шутъ.

Ты съ кѣмъ говоришь?

Григорій.

Я не говорю ни слова, я молчу.

Шутъ.

Ты молчишь, а я тебя слышу. Ты не изъ числа доброжелателей Борисовыхъ?

Григорій.

Ты слишкомъ скоро узналъ меня; не перемѣни своего мнѣнія.

Шутъ.

Поживъ нѣсколько лѣтъ при Дворѣ, я привыкъ узнавать птицъ по полету.

Григорій.

У каждой птицы свой полетъ; но человѣкъ не птица. Онъ мѣняетъ свою походку, смотря по тому, съ которой стороны вѣтеръ дуетъ.

Шутъ.

И то правда. Только въ тебѣ есть что-то особливое; послушай братъ, ты не лѣвой ногой носъ упираешь. Мнѣ кажется, тебя зовутъ Григоріемъ.

Григорій.

Правда.

Шутъ.

Я много о тебѣ наслышался. О тебѣ вездѣ поговариваютъ, какъ о Царѣ Додонѣ. Ты зѣло грамотенъ, какъ слухи носятся?

Григорій.

Знаю читать и писать.

Шутъ.

Угораздила же тебя нелегкая! — Вотъ мнѣ такъ не далась грамота; выучилъ буки-азъ-ба — да дальше и не пошелъ. Да что тутъ говорить обо мнѣ! У насъ и въ думѣ немного Бояръ, которые смыслятъ подписать свое имя.

Григорій.

Какъ величественно вьются хоругви!

Дьячокъ.

Не надъ Борисовой бы головой имъ вѣять!

Григорій.

Потерпи, другъ; послѣ скажешь все, что на душѣ лежитъ.

Дьячокъ.

И то дѣло.

1-й.

Вотъ нашъ Патріархъ идетъ!

Шутъ.

Что ты, Григорій, прячешься за народъ? или ты боишься Іова?

Григорій.

Ты съ ума сошелъ.

Шутъ.

Нѣтъ, я въ умѣ; и еще тебя спрашиваю: боишься ли ты Патріарха Іова?

Григорій.

Къ чему же твой вопросъ?

Шутъ.

А вотъ къ чему. Есть нѣкто старикъ Замятня Отрепьевъ, монашествующій въ обители Чудовской; у него есть внукъ, по имени Григорій, немножко похожъ на тебя, и однихъ съ тобою лѣтъ; не изъ числа работящихъ людей, любитъ повеселиться на чужой счетъ, и чтобъ ничего не дѣлать, вздумалъ надѣть на себя монашескую рясу, для прикрытія грѣховъ своихъ; добрый Патріархъ Іовъ узналъ его, и посвятилъ въ діаконы. Честь велика, спору нѣтъ, да нельзя чертить сломя голову; дьяконъ отецъ Григорій далъ тягу, и съ тѣхъ поръ шатается то тамъ, то сямъ, въ ожиданіи лучшаго времени. Когда же завидитъ Патріарха Іова, то прячется отъ него, какъ чортъ отъ ладона.

Григорій.

Я вижу, что ты знаешь обо мнѣ многое.... Но скажи мнѣ, чего ты отъ меня хочешь? Къ чему ты слѣдишь за мною?

Шутъ.

А вотъ къ чему: рыбакъ рыбака далеко видитъ. Я также, какъ и ты, люблю повеселиться; можетъ быть, слухъ о моихъ дѣлишкахъ донесся и до тебя. Прежде я былъ шутомъ у Іоанна, а теперь избралъ вольную жизнь, и въ иныхъ мѣстахъ являюсь благочестивымъ отцемъ Пименомъ.

Григорій.

Такъ это ты, инокъ Днѣпрова монастыря (*)? Какъ не знать тебя, мой братъ по рясѣ!.. а можетъ быть и не по одной рясѣ?

Шутъ.

Такъ обнимемся, святой отецъ Григорій! и будемъ горе мыкать вмѣстѣ. Умъ хорошо, а два еще лучше.

Григорій. (*тихо*)

(Да, ты мнѣ со временемъ пригодишься.) Давай же руку, съ этихъ поръ мы братья!

Шутъ.

Задушевные!.. кстати, чтобъ не забыть: Запорожскій воронъ поручилъ мнѣ прокаркать тебѣ свою готовность къ услугамъ; онъ ждетъ твоихъ повелѣній.

Григорій.

Скажи ему, что теперь еще рано; мнѣ должно прежде побывать у Литовскихъ лисицъ.

Дьячокъ.

Они съ ума сошли, или пьяны!... Воронъ да лисицы!. хорошее знакомство для человѣка!...

Григорій.

Вотъ наконецъ счастливецъ Борисъ поверстался съ нами!

Шутъ.

Да; но разстояніе между нами и имъ — неизмѣримо.

Григорій.

Какъ бы ни было велико разстояніе отъ одного человѣка до другаго, но все измѣрить можно.

Дьячокъ.

Слушайте! Патріархъ Іовъ привѣтствуетъ Царя.

Іовъ. (*)

«Богомъ избранный, Богомъ возлюбленный, великій Самодержецъ! мы видѣли славу твою: ты благодарилъ Его, и мы вмѣстѣ съ тобою! Радуйся же и веселися съ нами, совершивъ подвигъ безсмертный! Государство, жизнь и достояніе людей цѣлы; а лютый врагъ, преклонивъ колѣна, молитъ о мирѣ! и ты не скрылъ, но умножилъ талантъ свой!»

Народъ.

Да здравствуетъ Царь, любезный Господу!

Шутъ.

Какой талантъ? какой врагъ проситъ мира? что сдѣлалъ для Россіи Годуновъ?

Григорій.

Говорятъ, будто Воевода Оскольскій, захвативъ плѣнника въ стибкѣ съ толпою Крымскихъ разбойниковъ, узналъ отъ него о намѣреніи Казы-Гирея вступить въ предѣлы Московскіе со всею Ордою. Иные же говорятъ, что все это выдумано въ угодность дальновидному Борису, для того чтобъ предоставить ему случай показать свою дѣятельность. Неблизорукимъ людямъ странно кажется, что Борисъ, по одному сказанію какого-то плѣнника, вооружилъ до восьми сотъ тысячъ гражданъ и самъ выступилъ съ ними на рапное поле, отражать враговъ, которыхъ нѣтъ. Но ему какое до того дѣло? Убытокъ палъ на бѣдныхъ подданныхъ, а онъ между тѣмъ успѣлъ показать ревность къ ихъ пользѣ, и — что всего лучше! разослалъ по всѣмъ областямъ *свое милостивое слово*, а шумныхъ Воеводъ спросилъ о здравіи!.. Безспорно, что Борисъ уменъ, но онъ и счастливъ!. Малодушный Ханъ, напуганный грознымъ Русскимъ ополченіемъ, прислалъ гонцевъ съ дружелюбными увѣреніями; къ довершенію же торжества, Борису оставалось только накормить, напоить и спать уложить своихъ непобѣдимыхъ воиновъ; что онъ и сдѣлалъ со свойственнымъ ему искусствомъ. Вотъ за что благодаритъ его добродушный Іовъ! Борисъ конечно въ семъ дѣлѣ умножилъ свой талантъ, но только не для блага своихъ подданныхъ, а для самого себя.

Шутъ.

Они вошли въ Соборъ. Чрезъ полчаса Борисъ возсядетъ на престолъ своихъ Царей. Посмотри на волненіе народа! какая радость на лицахъ!

(*) Это не шутъ Пименъ, котораго Пушкинъ выводитъ въ драматической поэмѣ своей: *Борисъ Годуновъ*. Пименъ у Пушкина есть благочестивый опшельникъ и праводушный лѣтописецъ.

(*) Сія рѣчь была произнесена прежде коронованія Годунова, но я помѣстилъ ее здѣсь. Романъ не Исторія, въ немъ можно позволить себѣ отступленія отъ хронологическаго порядка.

Григорій.

Да, народъ всему радуется: звонъ колоколовъ привелъ его въ восторгъ; подождемъ еще, и мы будемъ свидѣтелями, какъ восторгъ его запихнетъ вмѣстѣ со звономъ этихъ колоколовъ.

Шутъ.

А подозрѣніе его часъ отъ часу усиливается. Участь Димитрія...

Григорій.

Рано! — не говори о немъ. Участь Димитрія не такъ плачевна, какъ ты думаешь..... Но вотъ взгляни, нѣсколько боляръ выбѣжало изъ церкви...

Шутъ.

Что-то они прокричатъ?

Григорій.

Разумѣется, какую нибудь лесть Борису!

1-й Бояринъ.

Народъ! радуйся; Борисъ не Царь, но отецъ!

2-й Бояринъ.

Онъ принялъ утварь Мономахову изъ рукъ Вселенскаго Патріарха!

Басмановъ.

Когда Патріархъ осѣнилъ его, Царь нашъ возликнулъ въ умиленіи: «Отче великій! Патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ Царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго!» И потряхивая верхъ своей рубашки, примолвилъ: «Отдамъ и сію послѣднюю народу!«

Народъ.

Добрый Государь! Богъ воздастъ тебѣ сторицею!

Басмановъ.

Этого еще мало: Царь, тронутый знаками вашей любви, произнесъ обѣтъ щадить жизнь и самыхъ преступниковъ, и единственно удалять ихъ въ пустыни Сибирскія!

Народъ.

Милосердый Государь! да благословитъ тебя небо! А мы будемъ тебѣ служить до гроба.

Григорій.

Увидимъ, сдержитъ ли свою клятву Царь, и не измѣнитъ ли народъ своему слову?

Шутъ.

Врата Собора отворились... Смотри, какъ Мстиславскій осыпалъ Бориса золотомъ!

Григорій.

Борисъ въ коронѣ!....

Дьячокъ. (Григорію.)

Насмотрѣлся ли до-сыта?

Григорій.

Все видѣлъ. Теперь веди меня въ свою келью; ты меня потѣшишь разсказами, а я тебя виномъ.

Дьячокъ.

Дѣльно, братъ! — Пойдемъ ко мнѣ; у меня всегда что на умѣ, то и на языкѣ.

Григорій.

Ты добрый человѣкъ. (*на ухо шуту*) Дожидайся меня у заставы въ четыре часа поутру.

Шутъ.

Зачѣмъ такъ рано? и куда?

Григорій.

Послѣ все узнаешь.

Трилунный.

ЛИЗАНЬКѢ ДЕЛЬВИГЪ.

Желаньемъ сердца вдохновенный,
Поэтъ твоихъ безпечныхъ дней,
Произношу глаголъ священный
Надъ колыбелію твоей.
О, вѣрь ему! Что сердце скажетъ,
То не измѣнитъ никогда:
Тебѣ прекрасный путь укажетъ
Твоя высокая звѣзда;
Не узришь ты поры ненастной,
Подъ гнѣвъ судьбы не подпадешь;
Красой лица, душою ясной,
Подобно матери прекрасной,
На радость кровнымъ разцвѣтешь;
Смиришь родной своей кручину,
И долгою счастливыхъ дней
За раннюю отца кончину
Воздашь друзьямъ семьи твоей.

М. Деларю.

ЛОШАДЬ и СОБАКА.

Басня.

Что толку въ лошади? ей, ей, не понимаю;
А какъ ее и холятъ и чесятъ!...
— «Карету и соху везу, куда велятъ;
А ты, что дѣлаешь?» — Какъ что? — Я лаю!...

Л. Якубовичъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

La Torre di Capua, Novella di Giovanni Torti (*Капуанская башня*, повѣсть, соч. Джіованни Торти). — Милано, въ типогр. Винченца Феррарiо, 1829 (120 стр. въ 8-ю д. л.)

Новости Литературы Итальянской такъ рѣдко и такъ поздо къ намъ доходятъ, и вообще такъ мало между ними замѣчательныхъ является даже въ родномъ ихъ краю, что чрезъ два года послѣ ихъ порожденія, мы, Русскіе, можемъ и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ

должны почитать ихъ явленіями новыми, имѣющими для насъ всю цѣну свѣжести. Въ самомъ дѣлѣ, что намъ извѣстно изъ новѣйшихъ произведеній Итальянской Словесности? Кромѣ трагедій и романа Манцони, кромѣ драматическихъ произведеній рано отцвѣтшаго Уга Фосколо (и то большею частію только по имени Автора), мы почти вовсе незнакомы съ современными намъ преемниками Данте, Аріоста и Боккаччіо. Посему Литературная Газета не опоздала еще извѣстіемъ объ одной *новой* Итальянской поэмѣ, появившейся въ 1829-мъ году.

Г. Торши избралъ эпохою своей повѣсти XV вѣкъ, историческимъ героемъ оной — Цезаря Борджіа, побочнаго сына Папы Александра VI. Но Поэтъ слабо воспользовался и вѣкомъ, и героемъ. Время, которое онъ долженъ былъ изобразить, запечатлѣно было буйною силою, суевѣріемъ и неслыханными, ужасными злодѣйствами, коихъ событіямъ едва вѣримъ мы, сыны XIX-го столѣтія. Цезарь Борджіа, братоубійца, истребитель своихъ родныхъ, явный и тайный отравитель своихъ враговъ и даже своихъ приверженцевъ, есть лице страшное, но не вовсе недостойное вдохновеній Поэта. Исторія представляетъ намъ Цезаря Борджіа лукавымъ и скрытнымъ, предпочитавшимъ измѣну всѣмъ другимъ средствамъ успѣха. Необыкновенная, буйная отвага его увлекла многихъ умныхъ людей, ему современныхъ, и внушала имъ искреннее уваженіе къ сему счастливому злодѣю. Онъ и точно былъ храбръ, одаренъ обширнымъ и гибкимъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ и мѣткимъ взглядомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Таковъ былъ сей человѣкъ, истинный представитель своего вѣка, когда подкрѣпляемая силою и хитростью необузданная воля могла все покорять себѣ.

Вмѣсто изображенія сего замѣчательнаго, историческаго характера, мы находимъ въ поэмѣ Г-на Торши второстепенную интригу: любовь Цезаря Борджіа къ одной прекрасной женщинѣ, Матильдѣ, и гоненія на ея супруга, нѣжно ею любимаго. Самые стихи Г-на Торши гладки, благозвучны, но лишены той силы, которой требовалъ предметъ столь богатый, какъ Италія въ XV-мъ столѣтіи. Завязка повѣсти почти ничтожна, и такъ сказать, потоплена во множествѣ описаній, большею частію мѣлочныхъ. Таковы, напримѣръ, многократныя усилія гонимыхъ супруговъ скрыться отъ преслѣдованій Цезаря Борджіа, описанія мѣстъ ихъ убѣжища и способовъ, коими они достигаютъ сихъ потаенныхъ пристанищъ; наконецъ, когда супругъ Матильды успѣлъ ее спасти отъ тиранской любви Борджіа, Поэтъ разсказываетъ намъ (и весьма длинно) весь путь, которымъ они достигли Испаніи, мѣсто, гдѣ они пристали и т. п. Словомъ: историческая часть и самая завязка повѣсти служили Г-ну Торши только рамами для поэмы описательной. Должно однако же отдать ему справедливость, что многія изъ его описаній прекрасны. Таково, между прочими, слѣдующее мѣсто:

E salutata la fenicia Gade,
Quivi approdaro onde poc'anni pria,
Divinatrice delle intatte strade,
Non del sangue e del pianto che verria,
Sciogliea, del fato di due mondi grave,
Per italo pensier ibera nave.

Т. е. «И привѣтствовавъ Финикійскій Гадесъ (Кадиксъ), «они пристали тамъ, гдѣ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, «предугадатель недоступныхъ еще береговъ, но не крови «и слезъ, долженствовавшихъ пролиться на оныхъ, от«плылъ, нагруженный жребіемъ двухъ міровъ и путево«димый мыслью Итальянца, корабль Иберійскій.»

Картина взятія и разграбленія Капуи Цезаремъ Борджіа, описаніе *аутo-да-фе* въ Испаніи и многія мѣста заслуживаютъ также вниманіе. Но упомянутая здѣсь инквизиціонная процессія изображена столь же мѣлочно, какъ подробности въ нѣкоторыхъ картинахъ Фламандской школы. Поэтъ описываетъ вполнѣ знамя Инквизиціи, всѣ разряды обвиненныхъ и осужденныхъ на сожженіе жертвъ суевѣрной набожности, и пр. и пр.; но здѣсь мы не видимъ широкой кисти, которая представила бы намъ грозное зрѣлище Инквизиціи во всемъ его величественномъ ужасѣ. Такимъ же образомъ разсказано спасеніе Джерарда (мужа Матильды) изъ темницъ инквизиціонныхъ. Поэтъ распространился о томъ, какъ Джерардо подпиливалъ желѣзную рѣшетку тюремнаго окна и пробивалъ ломомъ отверстіе въ стѣнѣ.

Занимательной, пробуждающей сильное участіе завязки, живости и быстроты разсказа не должно искать въ этой поэмѣ; но тѣ, которые любятъ Поэзію для стиховъ, конечно найдутъ наслажденіе въ стихахъ Г-на Торши, кои нравятся независимо отъ самой поэмы, и нерѣдко заставляютъ если не забывать, то покрайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени извинять ея недостатки.

РУСКІЯ КНИГИ.

Воспоминанія. Изъ записокъ 1815 года. А. Михайловскаго-Данилевскаго. — С. П. бургъ, въ типогр. Александра Смирдина, 1831. (125 стран. въ 8-ю д. л. (*)

Воспоминанія сіи относятся къ произшествіямъ 1815-го года. Авторъ, находившійся въ свитѣ Императора Александра I на Вѣнскомъ Конгрессѣ, во время вторичнаго похода во Францію (1815 года) и на обратномъ пути Сего Государя чрезъ Бельгію, Швейцарію и Нѣмецкую землю въ Россію, записывалъ всѣ

(*) Продается въ книж. магазинѣ Смирдина, у Синяго моста. Цѣна экземпл. 4 руб., съ пересылкою 5 руб.

достопримѣчательныя событія, коихъ былъ самовидцемъ. Многія черты тогдашняго положенія Франціи, многія отмѣтки о тогдашнемъ общемъ мнѣніи Французовъ, заслуживаютъ вниманіе. Выписываемъ изъ нихъ двѣ. Авторъ, разсказывая о смотрахъ Союзныхъ войскъ въ Парижѣ, присовокупляетъ (стр. 51): «Во время смо-«тровъ, толпы Французовъ съ равнодушіемъ и съ лю-«бопытствомъ, которое можно только объяснить «тѣмъ, что они лишены истинныхъ чувствъ народной «чести, по нѣскольку часовъ смотрѣли на движенія, «производимыя побѣдителями ихъ на тѣхъ самыхъ по-«ляхъ, гдѣ еще такъ недавно видѣли они отечествен-«ные орлы свои, съ побѣдою носимые изъ одной сто-«лицы Европы въ другую.» И далѣе (стр. 59—60): «Нельзя было смотрѣть безъ презрѣнія на равнодушіе «Французовъ къ тому унизительному положенію, въ «которомъ они находились. Сколько живописцевъ при-«посили къ намъ на продажу картины, представляю-«щія вступленіе нашихъ войскъ въ Парижъ и тому «подобныя изображенія! Какъ бы поступили у насъ «съ Художникомъ, который бы вздумалъ нарисовать «какую нибудь побѣду враговъ Россіи, и поднесъ бы «имъ такое произведеніе своей кисти? Даже, когда «нѣкоторые изъ Союзниковъ брали изъ Парижскаго «Музеума обратно картины и статуи, имъ прежде «принадлежавшія, то Французы не показывали боль-«шаго прискорбія, чему я былъ личный свидѣтель, «хотя въ послѣдствіи Писатели ихъ и утверждали «противное. Не было власяни столь священной, надъ «которою бы они не издѣвались. Въ одномъ Журналѣ «я нашелъ слѣдующее: *Разсматривая воинскія склон-«ности народа и ролю то героическую, то шутовскую, «которую Франція играла на театрѣ Европы въ про-«долженіе 25-ти лѣтъ, я думаю, что ей необходимо «имѣть такого Короля, который бы умѣлъ хорошо ѣз-«дить верхомъ: поелику я предлагаю избрать Королемъ «нашимъ берейтора Франкони!*» Впрочемъ, приведенныя Сочинителемъ доказательства равнодушія Французовъ къ своей народной славѣ, болѣе служатъ къ подтвержденію мнѣнія о ихъ легкомысліи и о долголѣтней привычкѣ ихъ къ перемѣнамъ всякаго рода, кои сдѣлались у нихъ просто зрѣлищами, приманивающими праздное любопытство толпы; а угодливость нѣкоторыхъ Французскихъ Художниковъ къ иностранцамъ и выходки нѣкоторыхъ Журналовъ объясняются духомъ партій, господствовавшихъ тогда во Франціи, да и нынѣ еще, по видимому, не совсѣмъ усмиренныхъ.

Авторъ *Воспоминаній* имѣлъ случай познакомиться со многими замѣчательными лицами во Франціи и другихъ странахъ западной Европы: посему записки его заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей и анекдотовъ о сихъ лицахъ. Изъ числа анекдотовъ, кромѣ тѣхъ, кои помѣщены были въ другихъ Журналахъ, достоинъ вниманія слѣдующій. Архитекторъ Фонтенъ, устроивавшій садъ и палатки для угощенія, даннаго Императоромъ Александромъ послѣ смотра Россійскихъ войскъ при Вертю, сказывалъ Г. Михайловскому-Данилевскому, что Наполеонъ прельстился видомъ Москвы и часто ему (Архитектору) про оную говаривалъ. «Сколько колоколенъ въ Парижѣ?» спросилъ онъ у него однажды. — Немного болѣе десяти, отвѣчалъ Фонтенъ. — «Что это противъ Москвы,» возразилъ Наполеонъ, «гдѣ ихъ сотни; велите вызолотить куполъ Инвалидной церкви.» — Приказаніе его было исполнено (продолжаетъ Сочинитель); но гордый завоеватель, отдавая оное, не воображалъ, что позолота сія, доколѣ она не изчезнетъ, будетъ каждому Рускому, заведенному любопытствомъ или другимъ случаемъ въ Парижъ, напоминать Москву и 1812 годъ, которому нѣтъ равнаго въ лѣтописяхъ міра.»

Слогъ сихъ *Воспоминаній* ясенъ и приличенъ предмету; но мы не желали бы въ этой книгѣ, одушевленной чувствомъ любви къ отечеству и преданности къ Монарху, встрѣчать весьма явныхъ и непріятныхъ для слуха Рускаго *галлицизмовъ*, каковы слѣдующіе: «Изъ Нѣмецкихъ Государей онъ *одинъ*, *который*, во «время владычества Французовъ, умѣлъ сохранить «призракъ независимости (стр. 7).» — «*Миновавъ* лѣсъ, «*открылся* Страсбургъ и пр.» (стр. 25). — «Союзъ «между двумя народами не былъ никогда столь тѣсенъ, «какъ между Россіею и Пруссіею (стр. 117).» Многіе извиняютъ таковыя погрѣшности гибкостію Рускаго языка, допускающею обороты чужеязычные; но если та же самая мысль можетъ быть выражена по-Руски чище, яснѣе и даже короче, то для чего Рускій слогъ переполнивать ненужнымъ излишествомъ?

СМѢСЬ.

«Мысль, выраженная въ Сонетѣ, есть капля благовоннаго масла, закупоренная въ маленькомъ кристальномъ пузырькѣ.» *Сентъ-Бёвъ.*

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Мая 30-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМЪ III, № 32. ИЮНЯ 5го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Пятницу), — 10-го (въ Среду), — 15-го (въ Понедѣльникъ), — 20-го (въ Субботу), — 25-го (въ Четвертокъ) и 30-го (во Вторникъ).

ЧЕРНЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Повѣсть.

(*Соч. Вашингтона-Ирвинга.*)

Слѣдующая повѣсть сохранилась болѣе ста лѣтъ въ нашемъ родѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ прадѣдъ мой, Г. Лемюель Коклофтъ, помѣстился въ своемъ замкѣ, и околоточныя вѣстовщицы, соскучась продолжительными пересудами дѣлъ его, начинали искать новаго предмета для своихъ сплетней, именно въ то самое время, любопытство трудолюбиваго общества нашего городка было сильно возбуждено внезапнымъ и неразгаданнымъ появленіемъ существа таинственнаго.

Причиною сего безпокойства былъ малорослый, смуглый человѣкъ чужеземной наружности, неожиданно поселившійся въ ветхомъ, полуразрушенномъ и давно необитаемомъ зданіи, въ коемъ, какъ говорили, являлись привидѣнія, и которое съ ужасомъ было обходимо всѣми правовѣрными обывателями.

Невѣдомый носилъ обыкновенно высокую, остроконечную на подобіе сахарной головы, шляпу, съ узкими полями, и черный плащъ, длиною немного ниже колѣнъ. Не искалъ ничьего знакомства, и повидимому, не находилъ удовольствія въ забавахъ и сходкахъ городскихъ, не бесѣдовалъ ни съ кѣмъ, кромѣ какъ только съ самимъ собою, да и то на нѣкоемъ чужомъ языкѣ. Имѣлъ завсегда подъ мышкой большую книгу въ кожаномъ переплетѣ, казался погруженнымъ въ размышленія и такъ встрѣчали его неоднократно, то на развѣтѣ, любующагося солнечнымъ возходомъ, то въ полдень, сидящаго подъ деревомъ съ книгою въ рукахъ, то вечеромъ, спокойно наблюдающаго, какъ солнце закатывалось за сосѣднія горы.

Добрые обыватели считали все это чѣмъ-то чрезвычайнымъ; для нихъ, пришелецъ былъ окруженъ глубокою тайною, которой, не взирая на всю свою проницательность, они разгадать не могли; и такъ въ полнотѣ Христіанской любви опредѣлили: что «незнакомецъ не лучше того, каковымъ кажется съ виду.» Выраженіе сіе сколь ни невинно въ прямомъ его смыслѣ, въ общемъ употребленіи имѣетъ самое дурное значеніе. Молодежь называла его дикимъ нелюдимомъ, ибо онъ убѣгалъ веселостей; судъ стариковъ былъ еще суровѣе, за то, что онъ не имѣлъ никакого званія, ни ремесла, и не хлопоталъ о деньгахъ; а старыя большуньи, коимъ наскучило его упрямое молчаніе, признесли единогласно, что человѣкъ, не умѣющій или не хотящій говорить, не многимъ лучше безсловесной твари. Между тѣмъ черный господинъ, нисколько не заботясь о мнѣніи одногорожанъ, казалось, твердо рѣшился пользоваться прежнею свободою молчать, чрезъ что поставилъ противъ себя всѣхъ: ибо въ подобныхъ небольшихъ обществахъ, каждый изъ членовъ имѣетъ неотъемлемое право, не только знать о дѣлахъ другаго, но даже и вмѣшиваться въ оныя.

Въ слѣдствіе сего, въ одно воскресенье послѣ проповѣди, произошло на паперти приходской церкви большое совѣщаніе о незнакомцѣ и подробное разсмотрѣніе званія его и свойствъ. Приходскій учитель объявилъ, что это долженъ быть пресловутый *Странствующій Жидъ*; пономарь изъ молчаливости невѣдомаго заключалъ, что онъ *вольный каменщикъ*; третій упорствовалъ, что это великій Нѣмецкій мудрецъ, и что фоліантъ, всегда при немъ находящійся, содержитъ науку чернокнижія; и такъ большинствомъ голосовъ онъ признанъ за чародѣя, и одна смѣтливая старуха изъ Коппекпикуша совѣтовала, чтобы для разрѣшенія сихъ недоумѣній, окунуть его въ котелъ, наполненный кипяткомъ.

Подозрѣніе, вкоренясь, постепенно возрастаетъ и наконецъ переходитъ въ несомнѣнность. Уже, неоднократно видали, какъ въ ненастную ночь, при блескѣ молніи, малорослый черный господинъ, верхомъ на лопатѣ, рѣялъ подъ облаками и кувыркался на воздухѣ; замѣчено, что въ то время гроза причиняла болѣе вреда, чѣмъ обыкновенно. Къ тому же старая госпожа, подав-

шая человѣколюбивое мнѣніе относительно кипятка, лишилась въ одну изъ сихъ ночей, пестрой, породистой коровы, каковую проказу, въ совершенномъ убѣжденіи, приписали черному господину. Всякій разъ, какъ только негодяй форрейторъ, съѣздивъ ночью въ отдаленный кабакъ, измучивалъ господскую лошадь и хозяинъ на другой день находилъ ее осадѣнною или выбитою изъ силъ, виноватымъ былъ черный господинъ; когда случалось, что вѣтеръ стучалъ въ ночи ставнями и срывалъ флюгера съ кровель, то городскія старушки, покачивая головою, говорили: «Вотъ ужь маленькой черный господинъ придумалъ себѣ потѣху!» Словомъ сказать, онъ навелъ на всѣхъ ужасъ и сталъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ усмиренію самыхъ неугомонныхъ дѣтей, какъ будто нѣкій *волколакъ*; а хозяйки, во всю бытность его въ городѣ, не могли успѣть иначе, какъ подъ охраною конской подковы, прибитой къ порогу въ сѣняхъ.

Предметъ сихъ жестокихъ подозрѣній, не зналъ нѣкоторое время ничего о страшномъ смятеніи, коего былъ невольнымъ виновникомъ; но вскорѣ испыталъ печальныя послѣдствія онаго. Человѣкъ, обратившій на себя чѣмъ бы то ни было неудовольствіе цѣлаго городка, становится какъ будто лишеннымъ покровительства законовъ и цѣлію непріятностей и оскорбленій, особенно если онъ не имѣетъ возможности или желанія отмщевать своимъ обидчикамъ. Тѣ же ядовитыя страсти, которыя въ большомъ свѣтѣ, разливаясь по обширнѣйшему пространству, дробятся и слабѣютъ, тѣ же самыя страсти, въ тѣсномъ объемѣ небольшаго городка усиливаются и дѣлаются ядовитѣе, въ обратномъ содержаніи къ занимаемой ими поверхности. Истина сія сбылась на черномъ господинѣ: каждому маленькому повѣсѣ, возвращавшемуся изъ училища, можно было безнаказанно бить у него стекла, даже сіе почиталось величайшимъ молодечествомъ; ибо его боялись до того, что самый задорный школьникъ не отваживался подойти близко къ дому, а ночью охотно давалъ кругъ и проходилъ кладбищемъ, гдѣ былъ похороненъ зарѣзанный дикими Американцами путешественникъ, чтобы только не идти мимо запустѣлаго зданія.

Единственнымъ живымъ твореніемъ, оказывавшимъ преданность къ отшельнику, была его собака изъ породы дворовыхъ, сообитательница пустаго зданія, спутница уединенныхъ прогулокъ, участница скуднаго стола, и—прискорбно сказать, всеобщаго гоненія. Собака, подобно своему господину, была смирна и никого не зацѣпляла, не лаяла на лошадей, не ворчала на проходящихъ и не грызлась съ другими собаками. Когда господинъ ея гулялъ, то она шла за нимъ слѣдомъ, и по возвращеніи, располагалась на солнцѣ у дверей дома, ведя себя во всѣхъ отношеніяхъ прилично благовоспитанной дворняжкѣ. Не смотря на такое примѣрное поведеніе, она не избѣгнула злорѣчія и ославлена была по цѣлому городку, какъ злой духъ, подвластный черному господину и главнодѣйствующій въ его волшебствахъ... Ветхое опустѣлое зданіе считалось мѣстомъ различныхъ, богопротивныхъ дѣлъ, а смиренные обитатели онаго стали предметомъ всеобщаго отвращенія, ни сколько не заслуженнаго ихъ поступками. Малорослый черный господинъ никогда не искалъ удовлетворенія ни за проказы мальчишекъ, ни за обиды, сдѣланныя ихъ родителями; а вѣрная собака, при нападкахъ шалуновъ, глядѣла уныло въ глаза своему господину и училась у него терпѣнію.

Обстоятельства странной жизни сего непонятнаго существа, служили часто основаніемъ разговоровъ въ домѣ Гг. Коклофтъ; ибо тогдашніе онаго обитатели равно были любопытны, какъ и потомки ихъ. Всего болѣе удивляло ихъ терпѣніе, съ коимъ незнакомецъ переносилъ преслѣдованія (терпѣніе не есть главное качество рода Коклофтъ). Бабушка моя, бывъ по видимому нѣсколько суевѣрною, считала кротость незнакомца угрюмымъ ожесточеніемъ колдуна, удерживавшаго гнѣвъ свой на время и отлагавшаго мщеніе до первой полуночи. Приходскій священникъ, человѣкъ нѣсколько начитанный, принималъ сіе за упорную нечувствительность Стоика, а дѣдъ мой, который (упокой, Господи, душу его!) никогда не пускался въ даль при своихъ умозаключеніяхъ, судя по собственному доброму сердцу, видѣлъ въ этомъ лишь Христіанское смиреніе и разсудительность. Вопреки сему разногласію о незнакомцѣ, всѣ согласились, что не должно нарушать его домашняго спокойствія; однако же бабушка моя, которая именно въ это время кормила грудью покойницу матушку, всегда, выходя изъ комнаты, по благоразумной предосторожности клала въ колыбель дитяти большую семейственную Библію, какъ надежный талисманъ противу чаръ и наважденій.

Въ одну зимнюю ночь сѣверо-восточный вѣтеръ гудѣлъ по улицамъ городка, и свистѣлъ въ отверзтіяхъ колокольни приходской церкви: дѣдъ мой возвращался изъ клуба въ сопровожденіи слуги, несшаго передъ нимъ фонарь. Поравнявшись съ уединеннымъ жилищемъ незнакомца, услышалъ онъ жалобный вой собаки, который, доходя до его слуха въ промежуткахъ бури, составлялъ съ нею самую унылую музыку, среди коей замѣтны были слабые, прерывающіеся стоны человѣка; онъ пріостановился, колебаясь между врожденнымъ добросердечіемъ и совѣстливостью, коей, при всѣхъ его причудахъ, въ немъ было весьма много, и которая препятствовала ему мѣшаться въ чужія дѣла безъ приглашенія. Статься можетъ, что сія нерѣшимость усиливалась отчасти суевѣрнымъ опасеніемъ; ибо допуская, что незнакомецъ былъ чародѣй, никакая ночь безъ сомнѣнія не могла быть благопріятнѣйшею для его волхвованій. Наконецъ любовь къ ближнему одолѣла; онъ приблизился къ дому

и войдя въ незамкнутую дверь (нищета не употребляетъ замковъ), при свѣтѣ фанаря увидѣлъ зрѣлище, отъ котораго чувствительное сердце его сжалось болѣзненно:

На покрытыхъ рубищемъ нарахъ, съ блѣднымъ, изможденнымъ лицемъ, въ комнатѣ, лишенной даже необходимой утвари, безъ огня, который бы его обогрѣлъ, безъ друга, который бы его утѣшилъ, лежалъ сей покинутый человѣкъ, бывшій долгое время ужасомъ и удивленіемъ цѣлаго городка. Собака, скорчась въ ногахъ своего господина, дрожала отъ холода. Дѣдъ мой подошелъ съ осторожностію къ постелѣ и ласково завелъ съ больнымъ рѣчь. Сей голосъ разбудилъ малорослаго чернаго господина отъ усыпленія; въ охладѣвающемъ его сердцѣ еще дрожала одна струна, и она отозвалась на привѣтъ честнаго старика, который стоялъ, наклонясь къ нему; языкъ сострадания, столь для него новый, опять созвалъ разсѣянныя впечатлѣнія и подѣйствовалъ подобно укрѣпляющему лекарству на одинокія его чувства.

Незнакомецъ поднялъ глаза, — взоръ его былъ дикъ и мутенъ, протянулъ руку — она была холодна, хотѣлъ говорить — но голосъ замиралъ на устахъ его; указалъ на свой ротъ съ ужаснымъ выраженіемъ и, грустно сказавъ, дѣдъ мой понялъ, что несчастный, покинутый всѣми, умираетъ — отъ голода. Глубоко тронутый его положеніемъ, дѣдъ мой тотчасъ послалъ слугу за съѣстнымъ. Теплая, здоровая пища подкрѣпила страдальца, но не надолго; ясно было замѣтно, что земное странствіе его приближается къ концу.

Разсказъ его былъ кратокъ; постигнутый болѣзнію, усилившеюся отъ суроваго времени года, онъ слегъ и не былъ уже въ состояніи стать на ноги и просить помощи. «А если бъ я и могъ это сдѣлать,» примолвилъ онъ, горько улыбаясь: «къ кому бы я обратился? Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ у меня друга; жители городка бѣгаютъ меня, какъ зачумленнаго; и такъ среди Христіанскаго общества, я долженъ бы былъ погибнуть одинокo, не имѣя человѣка, который бы, въ послѣднія мгновенія мои, вымолвилъ ко мнѣ слово, кто бы сомкнулъ мнѣ глаза, когда бы не привелъ тебя сюда жалобный вой моей вѣрной собаки.»

Нѣжная заботливость дѣда моего, сильно его тронула; долго всматривался онъ въ почтенное лице своего маститаго благодѣтеля — и одинокая слеза скатилась по его поблекшей щекѣ. Бѣдный пруженикъ! это была послѣдняя, которую онъ пролилъ; но я прозакладовалъ бы мою жизнь, что слеза сія не была первая. Дѣдъ мой цѣлую ночь ни на шагъ отъ него не отлучался. Къ разсвѣту, больному сдѣлалось хуже; когда же взошедшее солнце озарило окна комнаты, то онъ пожелалъ привстать, чтобы впослѣдніе наглядѣться на сіе свѣтило. Страдалецъ въ благоговѣйномъ восторгѣ смотрѣлъ на него нѣкоторое время и шевелилъ губами, какъ будто бы молясь. Въ головѣ дѣда моего родилась странная мысль: «Вѣрно идолопоклонникъ,» подумалъ онъ, «молится солнцу.» Спустя немного, онъ устыдился своего подозрѣнія, услышавъ нѣсколько словъ молитвы Христіанской. Окончивъ моленіе, черный господинъ отвернулся отъ окна, взялъ за руку моего дѣда и указывая на солнце, сказалъ: «Я люблю его видѣть; солнце есть символъ всеобщей любви истиннаго Христіанина и прекраснѣйшее, изящнѣйшее созданіе Того, Который Самъ есть любовь чистѣйшая!» Дѣдушка еще болѣе устыдился своихъ нехристіанскихъ догадокъ; сострадание его перешло въ чувство почтенія. Вдругъ въ лицѣ незнакомца произошла перемѣна. Набожное восхищеніе, оживлявшее каждую черту онаго, смѣнилось выраженіемъ таинственной величавости. Какая-то важная мысль отразилась въ его готическомъ обликѣ, и, казалось, исполненный великой тайны, онъ колеблется: объявить ли оную, или унести съ собою въ могилу? Наконецъ, поправивъ изношенный колпакъ, низпадавшій ему на глаза и торжественно поднимая похудѣвшую руку, онъ сказалъ тономъ лаконически-вдохновеннымъ: «Передъ тобою послѣдній потомокъ знаменитаго Линкумъ-Фиделіуса!» Дѣдъ мой былъ проникнутъ глубочайшимъ уваженіемъ; ибо хотя онъ и не слыхивалъ о великомъ мужѣ, столь пышно провозвѣщенномъ; но въ самомъ имени этомъ, заключалось нѣчто волшебное, сильно подѣйствовавшее на воображеніе старика.

«Ты доказалъ мнѣ на дѣлѣ твою пріязнь,» продолжалъ черный господинъ немного помолчавъ, «и я воздамъ съ избыткомъ твоему радушію, завѣщавая тебѣ мои сокровища! Вотъ въ этомъ сундукѣ, находятся книги моего великаго предка, которыхъ счастливымъ обладателемъ — одинъ я; возьми ихъ себѣ, читай, изучай и будь мудрымъ!» Сказавъ сіе, онъ, обезсилѣвъ отъ излишняго напряженія, упалъ почти бездыханенъ на подушку. Рука его, которая, словно поддерживаемая важностію предмета, держалась на плечѣ моего дѣда, свѣсилась долу; вѣрная собака подбѣжала и начала оную лизать, какъ бы желая усладить послѣднія мгновенія умирающаго и доказать свою благодарность рукѣ, которая такъ часто ее ласкала. Непритворная привязанность понятливаго животнаго, не избѣгнула вниманія его хозяина. Потухающіе глаза его обратились сперва на собаку, потомъ на моего дѣда и послѣ такого нѣмаго порученія, закрылись навѣки.

Останки малорослаго чернаго господина, не взирая на сопротивленіе нѣкоторыхъ набожныхъ прихожанъ, честно погребены на городскомъ кладбищѣ, и душа его, столь же спокойная, какъ и тѣло, нѣкогда ею оживляемое, не потревожила ни одной живой твари. Дѣдъ мой исполнилъ, по крайнему своему разумѣнію, послѣднюю волю завѣщателя: перенесъ въ свое книгохранилище фоліанты Линкумъ-Фиделіуса, часто и прилежно надъ

опыми корпѣлъ; но сдѣлался ли отъ нихъ умнѣе, о томъ родовое преданіе не упоминаетъ. Одно лишь достовѣрно, что онъ, за оказанное несчастному потомку Фиделіусовъ человѣколюбіе, былъ съ избыткомъ вознагражденъ сознаніемъ собственной совѣсти и вѣрностію собаки покойника, которая, перенеся привязанность свою на особу новаго хозяина, пребыла съ того времени неотлучною его спутницею, и сдѣлалась протопластомъ длиннаго ряда разношерстныхъ дворняжекъ, коихъ порода донынѣ процвѣтаетъ въ семействѣ. Такимъ-то случаемъ родовое книгохранилище Коклофтовъ обогащено было неоцѣненными рукописями мудраго Линкумъ-Фиделіуса.

(Изъ Т. Р.)

Крлищъ.

ПОСЛѢДНЯЯ НАДЕЖДА.

Промелькнулъ за годомъ годъ,
И за цѣпью дней минувшихъ
Улетѣлъ надеждъ блеснувшихъ
Лучезарный хороводъ.
Лишь одна изъ двѣ воздушныхъ
Запоздала. — Сладкій взоръ,
Легкій шопотъ усипъ радушныхъ,
Твой небесный разговоръ,
Виѣшны мнѣ. Тебѣ охотно
Я вѣряюсь всей душой!
Тихо плавай надо мной,
Плавай, другъ мой неотлётной!
Всѣ изчезли: ты одна,
На яву, во время сна,
Навѣваешь утѣшенье.
Ты въ залогъ осталась мнѣ,
Завѣряя, что онѣ
Не случайное видѣнье;
Что приснятся и другимъ,
И зажгутъ лучемъ своимъ
Думъ высокихъ вдохновенье.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННЯ ЛИТЕРАТУРА.

VIE, POÉSIES ET PENSÉES DE JOSEPH DELORME. (*Жизнь, стихотворенія и мысли Іосифа Делорма*). — Парижъ, 1829. (I. ш. въ 16-ю д. л.)

LES CONSOLATIONS, poésies, par Sainte-Beuve. (*Утѣшенія.* Стихотворенія Сенп-Бёва). — Парижъ, 1830. (I томъ въ 18-ю д. л.)

Года два тому назадъ, книжка, вышедшая въ свѣтъ подъ заглавіемъ, Vie, poésies et pensées de J. Delorme, обратила на себя въ Парижѣ вниманіе Критиковъ и публики. Вмѣсто предисловія, романическимъ слогомъ описана была жизнь бѣднаго молодаго Поэта, умершаго, какъ увѣряли, въ нищетѣ и неизвѣстности. Друзья покойника предлагали публикѣ стихи и мысли, найденныя въ его бумагахъ, извиняя недостатки ихъ и заблужденія самого Делорма его молодостію, болѣзненнымъ состояніемъ души и физическими страданіями. Въ стихахъ оказывался необыкновенный талантъ, ярко отсвѣченный страннымъ выборомъ предметовъ. Никогда, ни на какомъ языкѣ голый сплинъ не изъяснялся съ такою сухою точностію; никогда заблужденія жалкой молодости, оставленной на произволъ страстей, не были высказаны съ такой разочарованностію. Смотря на ручей, осѣненный темными вѣтвями деревъ, Делормъ думаетъ о самоубійствѣ, и вотъ какимъ образомъ:

Pour qui veut se noyer la place est bien choisie.
On n'aurait qu'à venir, un jour de fantaisie,
A cacher ses habits au pied de ce bouleau,
Et, comme pour un bain, à descendre dans l'eau:
Non pas en furieux, la tête la première;
Mais s'asseoir, regarder; d'un rayon de lumière
Dans le feuillage et l'eau suivre le long reflet;
Puis, quand on sentirait ses esprits au complet,
Qu'on aurait froid, alors, sans plus traîner la fête,
Pour ne plus la lever, plonger avant la tête.
C'est là mon plus doux voeu, quand je pense à mourir.
J'ai toujours été seul à pleurer, à souffrir;
Sans un cœur près du mien j'ai passé sur la terre;
Ainsi que j'ai vécu, mourons avec mystère,
Sans fracas, sans clameurs, sans voisins assemblés.
L'alouette, en mourant, se cache dans les blés:
Le rossignol, qui sent défaillir son ramage,
Et la bise arriver, et tomber son plumage,
Passe invisible à tous, comme un écho du bois:
Ainsi je veux passer. Seulement, un ...deux mois,
Peut-être un an après, un jour....une soirée,
Quelque pâtre inquiet d'une chèvre égarée,
Un chasseur descendu vers la source, et voyant
Son chien qui s'y lançait sortir en aboyant,
Regardera: la lune avec lui qui regarde
Éclairera ce corps d'une lueur blafarde,
Et soudain il fuira jusqu'au hameau, tout droit.
De grand matin venus, quelques gens de l'endroit,
Tirant par les cheveux ce corps méconnaissable,
Cette chair en lambeaux, ces os chargés de sable,
Mêlant des quolibets à quelques sots récits,
Deviseront long-temps sur mes restes noircis,
Et les brouetteront enfin au cimetière;
Vîte on clouera le tout dans quelque vieille bière,
Qu'un prêtre aspergera d'eau bénite trois fois;
Et je serai laissé sans nom, sans croix de bois!

У друга его, Виктора Гюго, рождается сынъ; Делормъ его привѣтствуетъ:

Mon ami, vous voilà père d'un nouveau-né;
C'est un garçon encor; le ciel vous l'a donné
Beau, frais, souriant d'aise à cette vie amère;
A peine il a coûte quelque plainte à sa mère.
Il est nuit; je vous vois....A doux bruit, le sommeil
Sur un sein blanc qui dort a pris l'enfant vermeil,
Et vous, père, veillant contre la cheminée,
Recueilli dans vous-même, et la tête inclinée,
Vous vous tournez souvent pour revoir, ô douceur!
Le nouveau-né, la mère, et le frère et la sœur,
Comme un pasteur joyeux de ses toisons nouvelles,
Ou comme un maître, au soir, qui compte ses javelles.
A cette heure si grave, en ce calme profond,
Qui sait, hors vous, l'abyme où votre cœur se fond,
Ami? qui sait vos pleurs, vos muettes caresses;
Les trésors du génie épanchés en tendresses;
L'aigle plus gémissant que la colombe au nid;
Les torrents ruisselants du rocher de granit,
Et, comme sous les feux d'un été de Norwège,
Au penchant des glaciers mille fontes de neige?
Vivez, soyez heureux, et chantez-nous un jour
Ces secrets plus qu'humains d'un ineffable amour!

— Moi, pendant ce temps là, je veille aussi, je veille,
Non près des rideaux bleus de l'enfance vermeille,
Près du lit nuptial arrosé de parfum,
Mais près d'un froid grabat, sur le corps d'un défunt.
C'est un voisin, vieillard goutteux, mort de la pierre;
Ses nièces m'ont requis, je veille à leur prière.
Seul, je m'y suis assis dès neuf heures du soir.
A la tête du lit une croix en bois noir,
Avec un Christ en os, pose entre deux chandelles
Sur une chaise; auprès, le buis cher aux fidèles
Trempe dans une assiette, et je vois sous les draps
Le mort en long, pieds joints, et croisant les deux bras.
Oh! si, du moins, ce mort m'avait durant sa vie
Été long-temps connu! s'il me prenait envie
De baiser ce front jaune une derniere fois!
En regardant toujours ces plis raides et droits,
Si je voyais enfin remuer quelque chose,
Bouger comme le pied d'un vivant qui repose,
Et la flamme bleuir! si j'entendais crier
Le bois de lit!....ou bien si je pouvais prier!
Mais rien: nul effroi saint; pas de souvenir tendre;
Je regarde sans voir, j'écoute sans entendre,
Chaque heure sonne lente, et lorsque, par trop las
De ce calme abattant et de ces rêves plats,
Pour respirer un peu je vais à la fenêtre
(Car au ciel de minuit le croissant vient de naître),
Voilà, soudain, qu'au toit lointain d'une maison,
Non pas vers l'orient, s'embrase l'horizon,
Et j'entends résonner, pour toute mélodie,
Des aboiements de chiens hurlant dans l'incendie.

Между сими болѣзненными признаніями, сими мечтами печальныхъ слабостей и безвкусными подражаніями давно осмѣянной поэзіи стараго Ронсара, мы съ изумленіемъ находимъ стихотворенія, исполненныя свѣжести и чистоты. Съ какой меланхолической прелестію описываетъ онъ, напримѣръ, свою Музу!

Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante
Qui danse les seins nus à la voix sémillante,
Aux noir cheveux luisants, aux longs yeux de houri;
Elle n'est ni la jeune et vermeille Péri,
Dont l'aile radieuse éclipserait la queue
D'un beau paon, ni la fée à l'aile blanche et bleue,
Ces deux rivales sœurs, qui, dès qu'il a dit *oui*,
Ouvrent mondes et cieux à l'enfant ébloui.
Elle n'est pas non plus, ô ma Muse adorée!
Elle n'est pas la vierge ou la veuve éplorée,
Qui d'un cloître désert, d'une tour sans vassaux,
Solitaire habitante, erre sous les arceaux,
Disant un nom; descend aux tombes féodales;
A genoux, de velours inonde au loin les dalles,
Et le front sur un marbre, épanche avec des pleurs
L'hymne mélodieux de ses nobles malheurs.

Non.—Mais quand seule au bois votre douleur chemine,
Avez-vous vu, là-bas, dans un fond, la chaumine
Sous l'arbre mort; auprès, un ravin est creusé;
Une fille en tout temps y lave un linge usé.
Peut-être à votre vue elle a baissé la tête,
Car, bien pauvre qu'elle est, sa naissance est honnête.
Elle eût pu, comme une autre, en de plus heureux jours
S'épanouir au monde et fleurir aux amours;
Voler en char; passer aux bals, aux promenades;
Respirer au balcon parfums et sérénades;
Ou, de sa harpe d'or éveillant cent rivaux,
Ne voir rien qu'un sourire entre tant de bravos.
Mais le ciel dès l'abord s'est obscurci sur elle,
Et l'arbuste en naissant fut atteint de la grêle:
Elle file, elle coud, et garde à la maison
Un père vieux, aveugle et privé de raison.

Правда, что сію прелестную картину оканчиваетъ онъ медицинскимъ описаніемъ чахотки; Муза его харкаетъ кровью:

. . . . . une toux déchirante
La prend dans sa chanson, pousse en sifflant un cri,
Et lance les graviers de son poumon meurtri.

Совершеннѣйшимъ стихотвореніемъ изо всего собранія, по нашему мнѣнію, можно почесть слѣдующую элегію, достойную стать на ряду съ лучшими произведеніями Андрея Шенье.

Toujours je la connus pensive et sérieuse;
Enfant, dans les ébats de l'enfance joyeuse
Elle se mêlait peu, parlait déjà raison;
Et quand ses jeunes sœurs couraient sur le gazon,
Elle était la première à leur rappeler l'heure,
A dire qu'il fallait regagner la demeure;
Qu'elle avait de la cloche entendu le signal;
Qu'il était défendu d'approcher du canal,
De troubler dans le bois la biche familière,
De passer en jouant trop près de la volière:

Et ses sœurs l'écoutaient. Bientôt elle eut quinze ans,
Et sa raison brilla d'attraits plus séduisants:
Sein voilé, front serein où le calme repose,
Sous de beaux cheveux bruns une figure rose,
Une bouche discrète au sourire prudent,
Un parler sobre et froid, et qui plaît cependant;
Une voix douce et ferme, et qui jamais ne tremble,
Et deux longs sourcils noirs qui se fondent ensemble.
Le devoir l'animait d'une grave ferveur;
Elle avait l'air posé, réfléchi, non rêveur:
Elle ne rêvait pas comme la jeune fille
Qui de ses doigts distraits laisse tomber l'aiguille,
Et du bal de la veille au bal du lendemain
Pense au bel inconnu qui lui pressa la main.
Le coude à la fenêtre, oubliant son ouvrage,
Jamais on ne la vit suivre à travers l'ombrage
Le vol interrompu des nuages du soir,
Puis cacher tout d'un coup son front dans son mouchoir.
Mais elle se disait qu'un avenir prospère
Avait changé soudain par la mort de son père;
Qu'elle était fille aînée, et que c'était raison
De prendre part active aux soins de la maison.
Ce cœur jeune et sévère ignorait la puissance
Des ennuis dont soupire et s'émeut l'innocence.
Il réprima toujours les attendrissements
Qui naissent sans savoir, et les troubles charmants,
Et les désirs obscurs, et ces vagues délices
De l'amour dans les cœurs naturelles complices.
Maîtresse d'elle-même aux instants les plus doux,
En embrassant sa mère, elle lui disait *vous*.
Les galantes fadeurs, les propos pleins de zèle
Des jeunes gens oisifs étaient perdus chez elle;
Mais qu'un cœur éprouvé lui contât un chagrin,
A l'instans se voilait son visage serein:
Elle savait parler de maux, de vie amère,
Et donnait des conseils comme une jeune mère.
Aujourd'hui la voilà mère, épouse à son tour;
Mais c'est chez elle encor raison plutôt qu'amour.
Son paisible bonheur de respect se tempère;
Son époux déjà mûr serait pour elle un père;
Elle n'a pas connu l'oubli du premier mois,
Et la lune de miel qui ne luit qu'une fois,
Et son front et ses yeux ont gardé le mystère
De ces chastes secrets qu'une femme doit taire.
Heureuse comme avant, à son nouveau devoir
Elle a réglé sa vie....Il est beau de la voir,
Libre de son ménage, un soir de la semaine,
Sans toilette, en été, qui sort et se promène
Et s'asseoit à l'abri du soleil étouffant,
Vers six heures, sur l'herbe, avec sa belle enfant.
Ainsi passent ses jours depuis le premier âge,
Comme des flots sans nom sous un ciel sans orage,
D'un cours lent, uniforme, et pourtant solennel;
Car ils savent qu'ils vont au rivage éternel.

Et moi qui vois couler cette humble destinée
Au penchant du devoir doucement entraînée,
Ces jours purs, transparents, calmes, silencieux,
Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
Je songe à mes longs jours passés avec vitesse,
Turbulents, sans bonheur, perdus pour le devoir,
Et je pense, ô mon Dieu! qu'il sera bientôt soir!

Публика и Критики горевали о преждевременной кончинѣ таланта, столь много обѣщавшаго, какъ вдругъ узнали, что покойникъ живъ и, слава Богу, здоровъ. Сентъ-Бёвъ, извѣстный уже *Исторіей Французской Словесности въ XVI столѣтіи* и ученымъ изданіемъ Ронсара, вздумалъ подъ вымышленнымъ именемъ І. Делорма напечатать первые свои поэтическіе опыты, вѣроятно, опасаясь нареканій и строгости нравственной цензуры. Мистификація, столь печальная, своею веселою развязкою должна была повредить успѣху его стихотвореній; однако жь новая школа съ восторгомъ признала и присвоила себѣ новаго собрата.

Въ *Мыслях*ъ І. Делорма изложены его мнѣнія касательно Французскаго стихосложенія. Критики хвалили вѣрность, ученость и новизну сихъ замѣчаній. Намъ показалось, что Делормъ слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой *романтической* школы Французскихъ Писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха, въ цезурѣ, въ рифмѣ, въ употребленіи нѣкоторыхъ старинныхъ словъ, нѣкоторыхъ старинныхъ оборотовъ и ш. п. Все это хорошо; но слишкомъ напоминаетъ гремушки и пеленки младенчества. Нѣтъ сомнѣнія, что стихосложеніе Французское самое своенравное, и смѣю сказать, неосновательное. Чѣмъ, на примѣръ, оправдаете вы исключенія *гіатуса* (hiatus), который Французскимъ ушамъ такъ несноснымъ въ соединеніи двухъ словъ (какъ: *a été*, *où aller*) и котораго они же ищутъ для гармоніи собственныхъ именъ: Zaïre, Aglaë, Eléonore. Замѣтимъ мимоходомъ, что закономъ о *гіатусѣ* одолжены Французы Латинскому *эллизіуму*. По свойству Латинскаго стихосложенія, слово, кончащееся на гласную, теряетъ ее передъ другою гласною.

Буало замѣнилъ сіе правило закономъ объ гіатусѣ:

Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée
Ne soit en son chemin par une autre heurtée.

Во вторыхъ: какъ можно вѣчно рифмовать для глазъ, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться въ числѣ (единственномъ или множественномъ), когда произношеніе въ томъ и въ другомъ одинаково? Однако жь нововводители всего этого еще не коснулись; покушенія же ихъ едва ли счастливы.

Въ прошломъ году Сентъ-Бёвъ выдалъ еще томъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Les Consolations*. Въ нихъ Делормъ является исправленнымъ совѣтами пріятелей, людей степенныхъ и нравственныхъ. Уже онъ не отвергаетъ отчаянно утѣшеній религіи, но только тихо сомнѣвается; уже онъ не ходитъ къ Розѣ, но

признается иногда въ порочныхъ вожделѣніяхъ. Слогъ его также перебѣсился. Словомъ сказать, и вкусъ и нравственность должны быть имъ довольны. Можно даже надѣяться, что въ третьемъ своемъ томѣ Делормъ явится набожнымъ, какъ Ламартинъ, и совершенно порядочнымъ человѣкомъ.

Къ несчастію должны мы признаться, что радуясь перемѣнѣ человѣка, мы сожалѣемъ о Поэтѣ. Бѣдный Делормъ обладалъ свойствомъ чрезвычайно важнымъ, недостающимъ почти всѣмъ Французскимъ Поэтамъ новѣйшаго поколѣнія, свойствомъ, безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи, т. е. *искренностію вдохновенія*. Нынѣ Французскій Поэтъ систематически сказалъ себѣ: *soyons religieux*, *soyons politiques*, а иной даже: *soyons extravagants*, и холодъ предначертанія, натяжка, принужденность отзываются во всякомъ его твореніи, гдѣ никогда не видимъ движенія мимошнаго, вольнаго чувства, словомъ: гдѣ нѣтъ истиннаго вдохновенія. Сохрани насъ Боже быть поборниками безнравственности въ Поэзіи (разумѣемъ слово сіе не въ дѣтскомъ смыслѣ, въ коемъ употребляютъ его у насъ нѣкоторые Журналисты)! Поэзія, которая по своему высшему, свободному свойству не должна имѣть никакой цѣли, кромѣ самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтобъ силою слова потрясать вѣчныя истины, на которыхъ основаны счастіе и величіе человѣческое, или превращать свой божественный нектаръ въ любострастный, возпалительный составъ. Но описывать слабости, заблужденія и страсти человѣческія не есть безнравственность, такъ какъ Анатомія не есть убійство; и мы не видимъ безнравственности въ элегіяхъ несчастнаго Делорма, въ признаніяхъ, раздирающихъ сердце, въ стѣсненномъ описаніи его страстей и безвѣрія, въ его жалобахъ на судьбу, на самого себя....

Р.

РУСКІЯ КНИГИ.

Повѣсти и литературные отрывки, переведен. Г-мъ Полевымъ. Часть VI-я. — М. въ Университет. типогр., 1830. (263 стр. въ 12-ю д. л.)

Это, кажется, заключительный томъ сихъ *Повѣстей и отрывковъ*, ибо всѣхъ томовъ обѣщано было шесть. Но почему знать? можетъ быть число ихъ скоро удвоится. Печатать и перепечатывать труды свои такъ легко и пріятно, снизхожденіе Рускихъ читателей такъ соблазнительно, что можно пуститься и еще на волю Божію. О достоинствѣ перевода и выборѣ статей заботиться нечего: прочтутъ, а если и нѣтъ, то покрайней мѣрѣ заплатятъ деньги. Не одни сборники переводовъ составляются, по видимому, съ подобною мыслью или цѣлью: мы видѣли сборники всякой всячины, клочки изъ сочиненій чужеземныхъ Историковъ, Философовъ, Политико-Экономистовъ и проч. и проч., переведенные часто безъ соблюденія смысла, перемѣшанные безъ цѣли и порядка и названные Исторіей народа. *Смѣлымъ Богъ владѣетъ!* говоритъ Руская пословица, которая, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ справедлива, не потому, чтобы выражаемая ею мысль была ложная, но потому, что самое выраженіе оной неточно. Богъ владѣетъ смѣлымъ только тогда, когда смѣлость оправдывается великодушіемъ или благородствомъ предпріятія; но если зависть, кичливость или корыстные виды служатъ цѣлью предпріятія, котораго средствомъ предполагается одна только смѣлость; если человѣкъ дѣйствуетъ, такъ сказать, *очертя голову;* въ такомъ случаѣ пословица грѣшитъ противъ третьей заповѣди, пріемля имя Божіе всуе: ибо подобная смѣлость внушается не Богомъ, а какимъ нибудь злымъ духомъ, достойнымъ собратомъ коварнаго Мефистофеля.

Шестая часть *Повѣстей и литературныхъ отрывковъ* заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей довольно хорошихъ. Таковы повѣсти: *Пилигримъ* (Якоба), *Каталъная гора* (Клаурена) и *Предвѣстница смерти;* таковъ *Разговоръ о счастіи* (Сея). Но зачѣмъ перепечатаны изъ Телеграфа, на прим., *Ученый споръ о далеких локонах*, имѣвшій временное, журнальное достоинство, и театральные анекдоты, незанимательные и основанные по большей части на игрѣ словъ? Кто захочетъ ихъ перечитывать? Не худо бы также объяснить, съ какого языка на Нѣмецкій перевелъ Г-нъ Полевой *Нѣмецкіе калалбуры?* и стоютъ ли они того, чтобъ ихъ печатать снова?

О слогѣ *Переводовъ* Г-на Полеваго Литературная Газета давно уже сказала свое мнѣніе, при которомъ и теперь остается.

Логика, выбранная изъ Клейна А. Галичемъ. — С. П. бургъ, въ типогр. Александра Смирдина, 1831. (155 стран. въ 12-ю д. л. (*)

Небольшая сія книжка заключаетъ въ себѣ правила Логики, очищенныя отъ всѣхъ школьныхъ излишествъ, безполезныхъ и обременительныхъ для ума. Въ *Логикѣ* Клейна, обработанной Г. Галичемъ для преподаванія Рускому юношеству, правила сіи изложены въ надлежащей послѣдовательности; они, такъ сказать, ощу-

(*) Продается въ книжн. магазинѣ Смирдина, у Синяго моста. Цѣна экз. 3 руб.

шительны для развивающихся умственныхъ способностей молодаго человѣка, тѣмъ болѣе, что написаны слогомъ яснымъ и многіе встрѣчаемые въ нихъ логическіе термины переданы на Рускомъ языкѣ весьма удобопонятно. Должно отдать справедливость Г-ну Галичу: вообще труды его по части наукъ умозрительныхъ отличаются соблюденіемъ сихъ двухъ важныхъ условій — ясности и удобопонятности.

МЫСЛИ.

Большая часть публики есть настоящее дитя, которое трудно заставить учиться чему-либо, не полелѣявъ, не понѣживъ его.

Педантами называютъ тѣхъ, которые гордятся познаніями, непосредственно почерпнутыми изъ книгъ. — Какъ же назвать тѣхъ, которые гордятся богатствомъ и знатностію, непосредственно пріобрѣтенными отъ предковъ? — Къ удивленію, послѣдніе почти всегда смѣются надъ первыми. — По моему же мнѣнію — хороши тѣ и другіе.

Красота въ физіогноміи вдругъ поражаетъ; прелесть медленнѣе. Некрасивая физіогномія можетъ быть прелестною. Прелесть есть отпечатокъ особенной, чувствительной нѣжности; посему она ближе къ сердцу.

Говорятъ, что онъ мизантропъ. — Почему? — потому что убѣгаетъ общества. — Правда; есть грѣхъ: онъ нѣсколько мизантропъ въ практикѣ; за то многіе, обвиняющіе его, жестокіе мизантропы въ теоріи, и по уму и по сердцу.

Т. С....

СМѢСЬ.

Не удивительно, что Теньеръ изображалъ столь вѣрно и живо праздники и бражничанье поселянъ своего времени и своей отчизны: онъ самъ любилъ посѣщать кабаки и попивалъ въ нихъ наряду съ тѣми людьми, коихъ онъ былъ замысловатымъ живописцемъ. Вотъ что разсказываютъ объ одной изъ его картинъ, извѣстной знатокамъ большею частію только по эстампамъ, ибо самая картина долго находилась въ Азіи.

Теньеръ, бывъ однажды въ кабакѣ селенія Ойссель, долго шарилъ у себя въ карманахъ и не находилъ, чѣмъ заплатить за выпитое имъ. Онъ подозвалъ слѣпца, игравшаго на флейтѣ, и списалъ съ него портретъ. Живописцу посчастливилось продать свою картину тотъ же одному Англійскому путешественнику, остановившемуся для перемѣны лошадей. Этотъ путешественникъ былъ Лордъ Фельксонъ. Долгое время онъ владѣлъ сею картиною, которую знатоки упорно почитали превосходнѣйшимъ произведеніемъ Теньера. Но въ 1662 году галерея Лорда Фелькеона была обокрадена; въ числѣ другихъ картинъ, пропало изъ оной и сіе произведеніе Теньеровой кисти. По непонятной судьбѣ, картина сія въ 1804 году была отыскана Полковникомъ Диктономъ въ Персіи, гдѣ нашлись и многія другія картины, принадлежавшія нѣкогда Лорду Фелькеону. Думаютъ, что похититель сихъ произведеній искусства находился при Посольствѣ, отправленномъ въ 1662 году Лондонскимъ Дворомъ къ Персидскому Шаху; можетъ быть, Англійскій Геростратъ предполагалъ лишить навсегда свое отечество этого образцоваго произведенія Теньерова. Онъ обманулся; время и случай уничтожили преступный его замыселъ.

Нѣкто опредѣлилъ чувства въ разныхъ живыхъ существахъ слѣдующимъ порядкомъ:

Въ человѣкѣ, первое, т. е. совершеннѣйшее чувство есть осязаніе; второе вкусъ; третье зрѣніе, четвертое слухъ и пятое обоняніе.

Въ животныхъ четвероногихъ, первое чувство есть обоняніе; второе вкусъ; третье зрѣніе; четвертое слухъ и пятое осязаніе.

Въ птицахъ, первое чувство есть зрѣніе; второе слухъ; третье осязаніе, а вкусъ и обоняніе послѣднія.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 4-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМЪ III, № 33. ИЮНЯ 10го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Пятницу), — 10-го (въ Среду), — 15-го (въ Понедѣльникъ), — 20-го (въ Субботу), — 25-го (въ Четвертокъ) и 30-го (во Вторникъ).

МАВРЫ.

Es una fiera gente la de España,
Que quando á pechos una empresa toma,
Los tiemble el mar, la muerte los estrana.
Diga Numancia, que le cueste á Roma.

LOPE DE VEGA, *Jerusalem conquistada.*

«Гордъ Испанскій народъ: когда онъ что-либо предпріемлетъ, то море трепещетъ его и смерть отъ него отступаетъ. Пусть Нуманція скажетъ, чего стоила она Риму!»

ЛОПЕ-ДЕ-ВЕГА, *Завоеванный Іерусалимъ.*

Гренада отперла врата свои: Боальдиль вручилъ ключи опыхъ мстителямъ вѣры (*). Знамя Креста и хоругвь Св. Іакова развѣваются вмѣстѣ со знаменемъ Кастиліи на главной башнѣ города. «Св. Іаковъ! Испанія! Кастиллія за Королей Фердинанда и Изабеллу!».... Слышите ли вы сіи клики? они доносятся до самой средины садовъ Хенералифа. Подъ сими старинными миртами, подъ сими огромными кипарисами, дочери и жены бывшаго Короля плачутъ, прислушиваясь къ этимъ кликамъ. «Такъ мы должны оставить,» говорятъ онѣ, «бьющія вверхъ воды, тихіе вѣшерки и цвѣты, прелестные цвѣты Дома любви (**)!»

Побѣдители вступили въ Альхамбру (***). Низверженный Король покинулъ ее, отдавъ издали поклонъ побѣдоносной четѣ... и теперь онъ плачетъ на ближнемъ скатѣ горы. «О Аллахъ, Богъ браней!» вскричалъ онъ, впослѣдніе обращя взоры къ высокимъ кровамъ и верхамъ прекрасныхъ деревъ навсегда оставляемыхъ дворцевъ своихъ... Мать Короля сказала ему съ горькою улыбкой: «*Да, оплакивай какъ женщина потерю короны, которой не умѣлъ ты защищать, какъ мужчина и Король* (*)!»

«О, кто возвратитъ тебѣ, Король бѣгствующій и обезславленный, кто возвратитъ тебѣ утѣхи дворца Альхамбры, когда дѣвы, прелестныя дѣвы Гренады въ роскошныхъ пляскахъ рѣзвились вокругъ тысячи бѣлыхъ столповъ его? Лежа на пурпуровыхъ подушкахъ, разосланныхъ по свѣтлому фаянцовому помосту, упоенный запахомъ ясмина, мирта и деревъ померанцевыхъ, ты смотрѣлъ, какъ подъ сладостные звуки теорбъ, цитръ и гобоевъ онѣ убѣгали, прибѣгали, скрывались въ легкихъ, волшебныхъ парàхъ, подъ благовонными брызгами водоскатовъ и водометовъ, наполненныхъ душистыми водами, или въ ароматныхъ облакахъ, клубящихся изъ сосудовъ яшмовыхъ и золотыхъ курильницъ... Ты сравнивалъ ихъ тогда съ сновидѣніями, съ пріятными сновидѣніями любовника, уснувшаго на словѣ: Завтра!.. Сновидѣнія! и точно: настало пробужденіе... и теперь *ты оплакиваешь какъ женщина потерю короны, которой не умѣлъ защищать, какъ мужчина и Король!*»

Гордые Испанцы отряхнули пыль съ желѣзныхъ своихъ доспѣховъ въ сихъ мѣстахъ очаровательныхъ. Гонзальвъ презорливой ногою попираетъ ихъ ковры, раздираемые звонкими его шпорами. Цѣломудренная Изабелла и супругъ ея отвращаютъ строгіе свои взоры отъ сихъ убѣжищъ любви и роскоши: но не одинъ юный воинъ изъ ихъ свиты почувствовалъ невольный трепетъ, глядя на сіи уединенныя комнаты съ нѣжащимъ сердце полу-свѣтомъ, на постели, покрытыя золотистыми и серебристыми тканями... Какая нибудь юная *одалыка*, уснувъ, придала имъ сіе легкое углубленіе, доныне еще замѣтное. Этѣ ощипанныя розы, коими усѣянъ пуховикъ, были въ ея рукахъ и можетъ быть, упали съ ея груди!... Невѣдомое волненіе заставляетъ биться сердце воина подъ крестомъ его латъ; онъ приподымаетъ наличникъ шлема, и съ

(*) 2-го Января 1492 года. — Нѣкоторые Историки называютъ послѣдняго Мавританскаго Государя въ Гренадѣ *Боабдилемъ малымъ*. — *Пр. перев.*

(**) Хенералифъ значитъ: *домъ любви.*

(***) Чрезъ четыре дня послѣ поднесенія ключей города.

(*) Черта историческая.

упоеніемъ чувствуетъ тихіе вѣтерки, искуствомъ приманиваемые въ сіи прелестныя мѣста (*) и скользящіе по его челу, посмуглѣвшему отъ солнца и праха битвеннаго.

Скоро сіе чувство, коему дивятся сами ратники, отлетѣло отъ нихъ. Снова обрѣли они ревность Христіанъ и гордость Испанцевъ, глядя на картины, коими искусная кисть покрыла стѣны обширной галереи, сквозь дугообразныя окна которой видны восхитительные берега Даро и Хениля. Картины сіи напоминаютъ славу Испанскихъ Мавровъ, и воины Изабеллы и Фердинанда краснѣютъ отъ досады, разсматривая оныя; ибо въ сихъ изображеніяхъ, часто побѣдоносное знамя полумѣсяца развѣвается надъ обломками Креста.

О берега Гуадалеты! кисть изобразила вопервыхъ позорища кровопролитія, ужаснувшаго лобзающія васъ волны, когда Родригъ лишился престола и жизни..... Напрасно, въ своей колесницѣ изъ слоновой кости, одушевлялъ онъ своими подвигами воиновъ и водилъ ихъ въ битву!... Онъ палъ! Тарифъ побѣдилъ и Испанія покорена (**).

Живописецъ не позабылъ человѣколюбія и умѣренности побѣдителей: во второй картинѣ онъ представилъ, какъ они завоеваннымъ въ немногіе мѣсяцы городамъ оставили ихъ вѣру и законы, и требовали отъ нихъ только той подати, какую они платили прежнему своему Государю.

Вотъ Королева Эгилона (***), уже забывшая первыя свои клятвы и несчастнаго Родрига, примѣриваетъ Королевскую діадиму подъ своимъ вдовьимъ покрываломъ. Новая Андромаха, она плѣнила побѣдителя. Абделазисъ ведетъ ее къ алтарю, и въ толпѣ сопровождающихъ его Арабовъ блещутъ уже кинжалы, долженствующіе принести его на жертву злобы неумолимаго Валида.

Эта другая женщина, столь прелестная съ слезами на глазахъ, и которую Абдерамъ, на развалинахъ Серданы, выдаетъ посламъ, отправляемымъ къ Халифу, есть дочь Герцога Аквитанскаго. Эвдъ, способствовавшій честолюбивымъ замысламъ Мунуха, правителя Каталоніи, отдалъ ему руку прекрасной Нумерансы. Побѣда Абдерамова низвергла всю надежду сего брака и Мавръ отсылаетъ въ Дамаскъ голову измѣнника и вдову его, которая, подобно Эгилонѣ, будетъ предписывать законы своему повелителю (****)

Единый изъ Омміадовъ, избѣгнувшій отъ свирѣпства Абдаллы, другой Абдерамъ, переплылъ изъ Африки въ Испанію, куда призывали его сообщники его семейства. Напрасно именемъ Абассидовъ Юсефъ хотѣлъ ему противостать.... Абдерамъ побѣдилъ, и отнялъ Испанію у притѣснителей своего рода. Онъ представленъ на картинѣ возсѣдающимъ на тронѣ, который онъ воздвигъ въ Кордовѣ, украшенной его попеченіями (*).

Гаккамъ или Гиссемъ, не подалеку отсюда, достроиваетъ великую мечеть, начатую Абдерамомъ. Живописецъ старался изобразить богатство сего великолѣпнаго храма.... Онъ является съ своими двадцатью-девятью придѣлами, тремя стами столпами алебастровыми, яшмовыми и мраморными, двадцатью-четырьмя бронзовыми вратами съ изваяніями изъ золота, и четырьмя тысячами семью стами лампадами.

Другая картина напоминала пышность, кротость и любезность Абдерама II. Эта прелестная невольница, съ досады разщипывающая розы, поставленныя въ алебастровой вазѣ, поклялась, что скорѣе закладутъ навлухо дверь ея комнаты, чѣмъ она отворитъ ее Халифу.... Не взирая на сердитый видъ красавицы, можно угадать, что гнѣвъ ея будетъ не долговѣченъ, ибо сквозь полу-отворенную дверь видна стѣна изъ серебряныхъ монетъ, складываемая по повелѣнію Халифа; а черный евнухъ, смѣясь, кричитъ прекрасной гнѣвливицѣ, что Абдерамъ обѣщался не переходить за сію преграду, пока сама красавица не велитъ ее разрушить и не возьметъ себѣ.

Длинный рядъ картинъ посвященъ былъ изображенію славнаго царствованія Эмира Аль-Муменина (Повелителя правовѣрныхъ), Абдерама III. Его побѣды, великолѣпіе города и дворца, построеннаго имъ для Зегры, любимой его невольницы, дивная роскошь, показанная имъ для пріема пословъ Греческаго Императора Константина IX, покровительство, дарованное отъ него Наукамъ, Искуствамъ и Музамъ, были достойно увѣковѣчены въ семъ мѣстѣ. Картины сіи, казалось, возвѣщали, что для этого Государя жизнь была длинною цѣпью дней славы и счастія, и совсѣмъ тѣмъ послѣднія представляла его грустнымъ и задумчивымъ.... Сидя въ своемъ саду, у подножія фонтана, онъ какъ будто вслушивался въ шумъ водопада, питавшій его задумчивость, и всматривался въ быстрый бѣгъ воды, напоминавшій ему быстрый бѣгъ времени. На мраморѣ

(*) Сквозной вѣтеръ, весьма искусно направленный съ разныхъ сторонъ, поминутно производитъ пріятную свѣжесть въ этомъ зданіи. *Дюпернонъ, Путешествіе по Испаніи.*

(**) Въ 712 году.

(***) Въ 715 году.

(****) Въ 730 году.

(*) «Тогда возвысилась новая Монархія, грозная для Христіанъ.... Съ другой стороны, силы Сарациновъ были симъ значительно уменьшены; ибо кромѣ того, что осталавшіеся въ Испаніи, мятежничествомъ своимъ лишились помощи Сарациновъ Африканскихъ и Азійскихъ; но многіе изъ нихъ, по примѣру Абдерама, превратили управляемыя ими области въ Княжества или Государства. Такимъ образомъ Сарацинская Испанія, раздѣлившись, ослабла.» *Мариана.*

можно было прочесть сіи слова, изсѣченныя по приказанію Абдерама: «Пятьдесятъ лѣтъ протекло съ той «поры, какъ я сталъ Халифомъ. Богатство, почести, «утѣхи: всѣмъ я насладился, все изпилъ до дна. Цари, «мои соперники, уважаютъ меня, страшатся и завидуютъ мнѣ. Все, чего люди желаютъ, щедро было «на меня източено Небомъ. Во всю сію долготу мимаго благополучія, считалъ я число дней, въ которые «былъ истинно счастливъ: число ихъ не превышаетъ «четырнадцати..... Смертные! научайтесь цѣнить «величіе, свѣтъ и жизнь.»

Далѣе, представлена была черта правосудія Гаккама II, сына его (*). Мѣшокъ съ землею, взятою съ отнятаго имъ поля, лежалъ у ногъ Гаккама: Халифъ нашелъ, что его тяжело нести на себѣ. Добрый Кади указывалъ Халифу на мѣшокъ, и какъ будто говорилъ ему: «О Повелитель правовѣрныхъ! мѣшокъ, который ты находишь столь тяжелымъ, заключаетъ въ «себѣ только малѣйшую долю отнятаго тобою поля; «какъ же сдержишь ты цѣлое поле, когда, обременен«ный сею неправдой, предстанешь предъ великаго Су«дію?»

Со стыдомъ и горестью смотрѣли Испанцы на слѣдующія картины: зеленая чалма Альманзора и страшная сабля его блестятъ на покоренныхъ стѣнахъ Барселоны и Леона. Гонзальвъ, съ воплемъ изступленнаго гнѣва, ударилъ и прорвалъ стальною своею рукавицей полотно, на которомъ написано было вшествіе въ Кордову высокомѣрнаго Сарацина, окруженнаго добычами изъ Компостельской церкви, которую онъ разрушилъ (**).

Благородная Изабелла улыбнулась сему порыву набожной ревности. «Знаменитый рыцарь,» сказала она полководцу Кастильскому: «мечъ твой лучше желѣзной твоей рукавицы отомстилъ невѣрнымъ за оскорбленіе святыни; но если они изобразили цѣлый рядъ подвиговъ своего Альманзора, то неужели забыли они долину Калатаньясорскую и Медина-Сели, бывшія предѣломъ и гробомъ сихъ подвиговъ (***)?

«Теперь же,» прибавила Королева, указывая на прочія картины, «Сарацинская сабля немного прибавила предметовъ для картинъ живописцамъ ихъ побѣдъ. Въ тогдашнее время, мечъ Христіанскихъ Государей не обмывался уже кровію неповѣрной, а проливалъ только кровь Христіанскую. Они терзали другъ друга и сокрушали въ постыдныхъ войнахъ оружіе, которое могло бы возстановить независимость отчизны, когда бы дѣйствовало совокупно.... Мало сего: они искали союзовъ съ невѣрными и участвовали въ ихъ ссорахъ; потому что обуянные тѣмъ же затмѣніемъ ума, какъ и Христіане, и позабывъ своихъ прежнихъ, своихъ единыхъ враговъ, Мавры также сражались между собою, и такимъ образомъ раздоръ укрѣпилъ знамя Креста, которое передъ симъ онъ же поколебалъ.

«Но сей Крестъ лучезарно возносится на знаменахъ Альфонса. Сіи знамена сзываютъ изо всѣхъ концевъ Европы Христіанъ, алкавшихъ славы себѣ и Богу своему... На сходбищѣ воиновъ, не было недостатка въ лиліяхъ на лицевой сторонѣ щитовъ и въ бѣлыхъ перьяхъ на гребнѣ шлемовъ: большая часть рыцарей притекла тогда изъ Франціи... Такимъ образомъ Крестъ возторжествовалъ снова, и Толеда была покорена (*).

«Примитесь за свои кисти, вы, славные живописцы Кордовы и Гренады! передъ вами поэтъ, кто доставитъ вамъ прекрасные предметы для поддержанія народной гордости.... Вотъ онъ: возстаетъ, растетъ, высится.... Это Сидъ! Пишите, о! пишите роскошные пиры дворцовъ Гренады и Кордовы! но тщательно сокройте скорбь, которою мечъ Родрига мрачитъ чело вашихъ властителей! Сокройте смертную тоску, слѣдующую за ними посреди ихъ пиршествъ: ибо еще издали слышатъ они стукъ боевой сѣкиры Родриговой объ ворота ихъ городовъ!...

«Сарагосса пала; и здѣсь опять раздаются клики побѣды воиновъ Французскихъ (*).... Португалія возстала и увѣнчала Альфонса, который изторгъ Лиссабонъ у поклонниковъ Магомета. Луна поблѣднѣла; скоро низпадетъ она въ студенецъ бездны.... и бездна, радующаяся зловредному ея вліянію, или Небеса, предоставлявшіе намъ славу нанести ей рѣшительные удары, продлили ея томное существованіе.... И на сей разъ, опять раздоръ Христіанскихъ Государей спасъ Луну.

«Но сіи Государи соединились при общей опасности. Африка снова извергла въ нашъ несчастный край безчисленное войско, равное тому, которое привела въ него измѣна Графа Жуліана. Альфонсъ будетъ счасли-

(*) Въ 961 году.

(**) 993.

(***) Бывъ побѣжденъ близъ Калатаньясора, небольшаго городка на границахъ Кастиліи и Леона, Альманзоръ убѣжалъ въ Медина-Сели и тамъ уморилъ себя голодомъ.

(*) Въ 1085 году. Маріана, въ своей Исторіи Испаніи, говоритъ, что «Французы спѣшились къ Альфонсу въ большемъ числѣ, нежели всѣ другіе Христіане. Сосѣдство Франціи съ Испаніей, и воинственныя склонности Французовъ, завлекли ихъ «даже къ Толедѣ. Они оказали Испаніи въ сей и другихъ войнахъ ея съ Маврами столь важныя услуги, что Короли Испанскіе даровали имъ и потомкамъ ихъ весьма значительныя «привилегіи. Весьма вѣроятно, что по сей-то причинѣ вообще «называются по-Испански *Франкали* (francos) солдаты и дворяне, не платящіе податей, какъ явствуетъ изъ древнихъ памятниковъ и статей преимуществъ, дарованныхъ въ тогдашнее время жителямъ Толеды.» (*Кн.* IX.)

(**) Война Португаліи съ Королевствомъ Арагонскимъ. (1118) Союзъ Арагона съ Кастиліей противъ Наварры.

ливье Родрига, и битва Толозская отмстишъ за отечество, отмстишъ за оскорбленіе, нанесенное ему на поляхъ Хереса. Какой живописецъ сохранитъ намъ также и память сего великаго дня? какой живописецъ перенесетъ наши взоры въ сіе кровавое побоище, изъ коего вознесется новая судьба Испаніи? Кто покажетъ намъ служителя алтарей, бросившагося посреди копей и мечей съ воздвиженнымъ вверхъ крестомъ, знаменіемъ надежды и спасенія, избраннымъ отъ воинства?... Государи, Священники и простые рашники слѣдуютъ за симъ знаменіемъ, *о немъ же побѣждаютъ*... Альфонсъ уже рубитъ своимъ топоромъ желѣзныя цѣпи палисада, коимъ оградился Магометъ.... Стоя на холмѣ, онъ держитъ одною рукой Алкоранъ, другою мечъ, и все еще твердитъ о побѣдѣ своимъ воинамъ... Обѣщаніе лживое, какъ и престолъ, на который оно опирается! они уже дрогнули, сбиты, поражены; и Ангелъ побѣды, разширивъ крилѣ, показываетъ вѣнцы безсмертія побѣдителямъ Африканцевъ.....

«Сіе пораженіе было предшествіемъ другихъ, еще жесточайшихъ. Фердинандъ, умѣвшій обвить Королевскій свой вѣнецъ и лаврами героя и лучами святости, самъ посвятилъ себя въ рыцари (*); гибеленъ будетъ для невѣрныхъ сей мечъ, который онъ взялъ съ алтаря, гдѣ нѣкогда будетъ призываться имя его. Подъ громомъ его побѣдъ, воздвигнется церковь Толедская, украшенная добычами войны, посвященными Фердинандомъ Господу (**); и между тѣмъ какъ Арагонскій Король водружаетъ крестъ на стѣнахъ Валенсіи, благочестивый герой Фердинандъ восклицаетъ: *Кастилія и Св. Іаковъ!* на стѣнахъ Кордовы.... Онъ отыскиваетъ въ проклятомъ капищѣ священныя утвари, похищенныя Альманзоромъ изъ церкви Компостельской, и окованные Сарацины переносятъ ихъ снова на алтарь покровителя Испаніи (***).

«Севилья, Гренада, Мурсія и Королевство Альгарвское оставались еще во власти Мусульманъ. Фердинандъ Святый отнялъ у нихъ Севилью (****), и при осадѣ сего города, Магометъ-Альхамаръ, основавшій Королевство Гренадское, пришелъ, какъ униженный данникъ, совокупить обезславленныя свои знамена съ хоругвями Христіанъ. Альфонсъ подчинилъ Мурсію своимъ законамъ (*****). Возмутившійся сынъ остановилъ его предпріятія противъ невѣрныхъ.... Несчастный сей Король долженъ былъ прибѣгнуть къ тѣмъ самымъ врагамъ, коихъ замышлялъ онъ совершенное изгнаніе (******)!

(*) 1220 г.
(**) 1227 г.
(***) 1230 г.
(****) 1248 г.
(*****) 1266 г.
(******) 1282 г.

«Протекло два вѣка; но знамя полумѣсяца все еще развѣвалось въ Испаніи. Все еще раздѣленные, все еще заняпые ссорами своихъ властителей, Испанцы какъ будто бы отреклись отъ геройской рѣшимости, которая стоила толикой крови отцамъ ихъ. Альфонсъ-Мститель, единый изъ Королей, слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ сей длинный промежутокъ времени, употреблялъ во славу грозный мечъ свой. На равнинахъ де ла Салада онъ привѣтствованъ былъ титломъ освободителя Испаніи (*) и присовокупилъ къ именамъ Тезура и Толозы еще одно имя, котораго нынѣ невѣрные не могутъ слышать, не краснѣя отъ стыда.

«Гласъ, вѣщающій волнамъ: Здѣсь предѣлъ вашъ! конечно слышался Маврамъ, запертымъ въ Гренадѣ; ибо они не думали воспользоваться бѣдствіями, злодѣйствами и междоусобіями, обрушившимися на наше несчастное отечество. Бывъ раздѣлено на четыре Королевства, оно страдало въ то время всѣми мученіями, которыми тиранство утѣсняетъ народы (**); но Богъ, наказывая Испанію, не хотѣлъ ее истребить до конца. Тѣ, кои могли бы нигда болѣе, чѣмъ когда-либо, успѣть въ замыслахъ своихъ и совершенно покорить ее, провели время ея бѣдствій и ослабленія въ долгомъ и мирномъ снѣ, и странное дѣло! ихъ раздорами ознаменовался возвратъ ея тишины и силы.

«Іоаннъ II указалъ Кастильцамъ путь къ Гренадѣ, потрясенной мятежами; и въ правленіе Мулея-Гассема блеснула послѣдняя искра свѣтильника, уже погасавшаго. День мщенія настадъ: Кастиллія и Арагонъ соединились неразлучно; и мы, Короли Католическіе,—ибо это лучшее наше титло,— мы избраны были Всевышнимъ, дабы навѣять на Гренаду Его всерушащее дуновеніе. Онъ изрекъ — и она пала! и мы восклицаемъ предъ сими суетными изображеніями славы, столь долгое время оскорблявшей Его: «Слава въ Вышнихъ Богу! Онъ даровалъ намъ побѣду!»

Такъ говорила мудрая Изабелла, и отголоски покореннаго города донесли до низверженнаго Короля Мавровъ сіи слова, кои воинство вторило велѣдъ за своею Королевой: «Слава въ Вышнихъ Богу! Онъ даровалъ намъ побѣду!»

Съ Франц.

(*) 1340 г.

(**) Вся Христіанская Испанія раздѣлена тогда была на четыре Королевства и управлялась четырьмя злонравнѣйшими Государями: Кастиллія Петромъ Жестокимъ, Арагонъ Петромъ IV, Португалія Петромъ Карателемъ (le Justicier) и Наварра Карломъ Злымъ (le Mauvais).

ЭЛЕГІЯ.

Давно ли я желалъ лавроваго вѣнца,
Чтобъ имъ воздать тебѣ за всѣ твои печали,
Чтобы сіяла ты богинею пѣвца,
Чтобъ о тебѣ вѣка потомственные знали!
Теперь стыжусь сей громкой суеты:
Вся жизнь моя, мое потомство — *ты!*
Твоя душа потъ образъ ясный,
Который славою зову!
Твоя душа потъ храмъ прекрасный,
Гдѣ преклоняю я главу
И гдѣ звучитъ напѣвъ мой полногласный!
Твоя душа потъ міръ обширный и святой,
Гдѣ я хочу себя прославить,
Въ безсмертномъ отзывѣ любви моей младой
Завѣтный памятникъ оставить!

Но свѣту хладному не рабствуетъ пѣвецъ,
Ознаменованный любовію твоею!
Сей мрачный свѣтъ — подобенъ онъ злодѣю!
Намъ свѣтъ безчувственный изъ терній далъ вѣнецъ,
Онъ разлучилъ насъ — въ вѣкъ надежды милой....
Когда же смерть сведетъ насъ наконецъ —
Быть можетъ, вихрь развѣетъ прахъ сердецъ
Сліянныхъ брачною могилой!

Безмолвно тянется гряда тяжелыхъ дней,
Весна проходитъ за весною;
И грустно мнѣ, мнѣ грустно въ жизни сей,
Гдѣ мы уже не свидимся съ тобою!
Незримая! за вѣрность тайныхъ мукъ
Ужели мнѣ не будетъ воздаянья?
Зачѣмъ же сердца вѣщій звукъ
Мнѣ говоритъ о близкомъ днѣ свиданья?
Я чувствую: мы свидимся съ тобой —
Мы свидимся: въ потъ часъ, когда съ землёй
Я связь унылую разрушу.
Приснится райскій сонъ — мнѣ въ блескѣ красоты
У смертнаго одра предстанешь ты....
Мою измученную душу
Лобзаніемъ пріемля, ангелъ мой,
Ее сольешь съ своей божественной душой!...

1826. *Баронъ Розенъ.*

ПИСЬМО

О РАЗЛИЧІИ МЕЖДУ УЧЕНЫМЪ И УМНЫМЪ.

Ты желаешь знать мое мнѣніе о различіи между Ученымъ и Умнымъ; ты пишешь, что въ свѣтѣ весьма часто безъ всякаго разбора употребляютъ сіи слова, а между тѣмъ однако бываютъ случаи, когда различіе между оными чрезвычайно рѣзко обозначается въ понятіи о просвѣщенныхъ людяхъ. Замѣчаніе твое весьма справедливо и заслуживаетъ особенное вниманіе. Дѣйствительно, не часто ли мы слышимъ колкія насмѣшки на счетъ многихъ ученыхъ людей, заключающіяся въ подобныхъ выраженіяхъ: онъ много знаетъ, да мало разумѣетъ; о немъ говорятъ, что онъ умнѣйшій человѣкъ, а между тѣмъ не умѣетъ обсудить и самыхъ обыкновенныхъ вещей? Конечно, иногда таковыя укоризны бываютъ несправедливы, и имѣютъ источникомъ своимъ зависть и злобу; но въ другое время, нельзя бываетъ не согласиться съ мнѣніемъ замѣчательныхъ судей свѣта, ибо самый опытъ оправдываетъ ихъ рѣчи.

Я полагаю, что для того, чтобы называться Ученымъ, понимая сіе слово въ тѣсномъ смыслѣ, требуются не слишкомъ великія природныя дарованія; обширная память и неутомимое трудолюбіе составляютъ главныя средства для достиженія онаго титула. Такимъ образомъ потъ, кто учился много и многому, пріобрѣлъ болѣе или менѣе обширныя свѣдѣнія по разнымъ предметамъ наукъ, по праву пользуется названіемъ Ученаго. Онъ можетъ при семъ одаренъ быть большимъ, посредственнымъ и даже обыкновеннымъ разсужденіемъ, т. е. такимъ, которое достаточно только для того, чтобы понимать все, съ чѣмъ онъ познакомился въ теоріи, и излагать оное для другихъ, какимъ бы то ни было языкомъ. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, многіе Ученые бываютъ весьма странны и забавны. Напротивъ потъ, кто по достоинству носитъ на себѣ названіе Умнаго, обладаетъ несравненно высшими способностями; для него мало того, чтобы понимать, объяснять встрѣчающееся предъ его глазами; нѣтъ: онъ все сіе съ возможною точностію разбираетъ, обсуживаетъ; и потомъ уже все читанное, все пріобрѣтенное имъ, старается подводить подъ нѣкоторый, собственно ему принадлежащій, образъ мыслей. Онъ можетъ даже имѣть слабую память, такъ что узнанное легко можетъ забыть, можетъ совсѣмъ или мало помнить мнѣнія другихъ Писателей; не смотря однако на сіе, самый ученый предметъ разсматриваетъ имъ основательно, вѣрно. Ученый человѣкъ, какъ ученый, не составляетъ собственныхъ своихъ мнѣній; а если и случается это, то мнѣнія его произтекаютъ, такъ сказать, изъ взаимнаго столкновенія различныхъ мнѣній, имъ почерпнутыхъ изъ книгъ Писателей или слышанныхъ отъ другихъ. Сіи мнѣнія никогда не носятъ на себѣ отпечатка достойной вниманія особенности: изыскивать въ нихъ систематическій порядокъ былъ бы напрасный, безполезный трудъ; такое отличительное достоинство принадлежитъ одному только человѣку съ умомъ.

Сообразивъ сіе главное основаніе различія между Ученымъ и Умнымъ, мы уже не будемъ удивляться всѣмъ

тѣмъ противоположностямъ, которыя такъ примѣтно обозначаются между ними. Изложимъ нѣкоторыя изъ оныхъ, дабы можно было безошибочно узнавать, кого должно называть исключительно Ученымъ, и кого Умнымъ.

Ученый человѣкъ имѣетъ главною и непремѣнною своею цѣлію то, чтобы, сколько можно, болѣе запасаться чтеніемъ книгъ по одному или по многимъ предметамъ наукъ; — и какъ скоро онъ спрадаетъ въ высшей степени ученымъ самолюбіемъ, то всегда находится въ нѣкоторомъ страхѣ, чтобы другой не успѣлъ сказать того, чего онъ не знаетъ, т. е. чего онъ не читалъ или не слышалъ. Нерѣдко, чтобы смѣшать такого Ученаго человѣка, нанести ему самую чувствительную рану, довольно бываетъ заглянуть въ какую-либо нечитанную имъ замѣчательную книгу, запомнить нѣсколько содержащихся въ оной мнѣній и выставить съ своей стороны незнаніе его предъ публикою. Умный же идетъ совсѣмъ особенною дорогою: онъ по большей части боится предаваться долговременному чтенію, дабы чрезъ сіе не лишить себя драгоцѣннаго времени для обсуживанія того, что уже было имъ прочитано, такъ что онъ лучше рѣшится познакомиться съ одною какою-либо книгою основательно, нежели со многими, но поверхностно. Онъ никогда не почитаетъ трудъ свой вполнѣ вознагражденнымъ, если, прочитавъ нѣсколько отличныхъ книгъ, не успѣлъ создать ничего собственнаго, не извлекъ изъ оныхъ своего особеннаго образа мыслей. Такимъ образомъ онъ обвинилъ бы самого себя, если бы кто могъ со всею колкою справедливостію упрекнуть его, что все сказанное имъ принадлежитъ не ему, но другимъ; потому-то онъ рѣдко прямо, безъ всякихъ своихъ дѣльныхъ замѣчаній, ссылается на чужія мнѣнія, между тѣмъ какъ Ученый смѣло, и даже съ нѣкоторою самодовольною гордостію, опираясь на чужія сужденія, говоритъ и пишетъ: «такой-то Писатель думаетъ такимъ-то образомъ.» Слѣдствіемъ сего различнаго образа мыслей бываетъ то, что Ученые по большей части представляются намъ надутыми на счетъ своихъ познаній, или, какъ обыкновенно выражаются о нихъ, педантами; напротивъ Умные болѣе бываютъ скромны, робки, недовѣрчивы къ своимъ сужденіямъ. Ибо первые не думаютъ уже о томъ, что они могутъ подвергаться заблужденію, если они только твердо удерживаютъ въ своей памяти все, узнанное ими; Умные же почти всегда находятся въ томъ боязливомъ мнѣніи, что можетъ быть они или несовершенно обдумали сущность своего предмета, или не сообразили всѣхъ различныхъ обстоятельствъ и соотношеній онаго. Тѣ вѣрятъ другимъ, а сіи вѣрятъ себѣ, — за то педанты, будучи дерзкими, наглыми въ обнаруживаніи своихъ мыслей, всегда заключаются въ какой-то единообразной ограниченности; все, что ни произносится ими, бываетъ выражено хладнокровно, безъ силы, безъ души — даже тогда, когда говорятъ со всѣмъ цвѣтущимъ краснорѣчіемъ. Напротивъ одаренные способностію ума, едва только предаются обсуживанію, глубокому изслѣдованію своего предмета, всегда выходятъ изъ обыкновеннаго своего состоянія: нѣкоторый огонь пробѣгаетъ по всей ихъ внутренности, каждая мысль произносится ими съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ; словомъ: тогда все показываетъ въ нихъ, что душа находится въ величайшей дѣятельности своихъ высшихъ способностей. Такимъ образомъ въ Ученомъ человѣкѣ можно замѣчать только величіе другихъ, въ Умномъ всегда обнаруживается величіе его собственное; въ томъ можемъ любоваться достоинствомъ лицъ посторонихъ, въ послѣднемъ плѣняетъ насъ чувство его собственнаго достоинства.

Сіе-то ясно показываетъ и причину того, почему Ученый и Умный почти никогда не сохраняютъ между собою истиннаго, постояннаго согласія. Ученый почитаетъ дерзкимъ, безразсуднымъ вольнодумцемъ того, кто осмѣливается судить, особенно о высокихъ предметахъ наукъ, самъ по себѣ, рѣшаетъ объ оныхъ собственными своими мнѣніями, нимало не опираясь на авкторитетъ; Умный же напротивъ представляетъ самымъ жалкимъ твореніемъ того, кто мыслитъ и чувствуетъ единственно по направленію другихъ. Въ глазахъ его, такой человѣкъ есть настоящій рабъ въ ученой сферѣ, — а потому ничто не въ состояніи остановить его необыкновенныхъ порывовъ руководствоваться самимъ собою, дѣйствовать собственными своими силами. Онъ смѣлою рукою разрываетъ завѣсу, покрывающую знаменитостію какого-либо Писателя, осматриваетъ, оцѣниваетъ его, и созидаетъ на семъ новыя понятія. Но не должно изъ сего выводить то заключеніе, чтобы онъ совсѣмъ не имѣлъ должнаго уваженія къ другимъ, пріобрѣтшимъ славу, Писателямъ, и всегда отвергалъ ихъ мнѣнія; — никакъ: онъ охотно соглашается съ ними во всемъ томъ, что находитъ въ ихъ сочиненіяхъ истиннаго, изящнаго, и безъ замедленія сознается въ своемъ прежнемъ заблужденіи или въ томъ, что постоянно слѣдуетъ мнѣнію какого-либо Писателя; для него дорога одна истина: какимъ же образомъ онъ можетъ отказаться отъ оной, какъ скоро онъ сознаетъ ее такою въ своемъ умѣ! — Если же опытъ и показываетъ, что есть такіе, которые рѣшительно отказываются отъ послѣдованія мнѣніямъ другихъ, упорно, безъ всякаго основанія, увлекаются собственнымъ своимъ направленіемъ, нимало не замѣчая какъ справедливости противной стороны, такъ и собственныхъ своихъ ошибокъ; то надобно знать, что таковые фанатики въ ученой сферѣ являются весьма рѣдко; притомъ это составляетъ крайность, совершенно выходящую изъ границъ ума. Крайность

сія противоположна той, когда Ученый рѣшительно держится мнѣній одного любимаго своего Автора, и никакія убѣжденія, никакіе основательные доводы другихъ не сильны бываютъ заставить его отказаться отъ механическаго ему послѣдованія. Въ этомъ отношеніи Ученый и Умный походятъ на идолопоклонниковъ, которые неизмѣнно приносятъ жертву своимъ единственнымъ идоламъ. Мы здѣсь не беремъ во вниманіе такихъ крайностей; Ученый нашъ не чуждъ мнѣній никакого Автора, равно Умный готовъ всегда отказаться отъ своихъ мнѣній, какъ скоро замѣтитъ ихъ несправедливыми. Голова нашего Ученаго есть книга книгъ, а Умнаго — есть судія книгъ. Сихъ-то людей мы здѣсь противополагаемъ одного другому; и сіи-то люди рѣдко живутъ между собою въ согласіи и дружбѣ. Ученый всегда смотритъ на такого Умнаго, какъ на своего соперника, старается разными средствами его очернить, уязвлять и даже не удерживается отъ явнаго порицанія его. Къ большему несчастію, успѣхи его бываютъ нерѣдко удивительны; ибо много ли есть людей, основательно занимающихся науками, которые могли бы сами собою, безъ руководства другихъ, обсуживать, оцѣнивать достоинства людей просвѣщенныхъ!— Знаменитые Писатели, прославившіе себя въ ученой сферѣ, уже извѣстны; если не полныя твореніи ихъ, то по крайней мѣрѣ отрывки изъ оныхъ бываютъ предметомъ чтенія многихъ. Посему тотъ, кто слѣпо слѣдуетъ мнѣніямъ сихъ Писателей, кто знакомъ со всѣми ихъ отличными твореніями, уже въ глазахъ другихъ кажется самъ заслуживающимъ особенное вниманіе; ему смѣло открываютъ дорогу для занятія лучшихъ мѣстъ, вездѣ безъ всякаго самоопасенія отличаютъ, превозносятъ его. Умныхъ же людей нерѣдко участь бываетъ совсѣмъ противная. Они все выставляютъ отъ самихъ себя, они рекомендуютъ себя собственными своими достоинствами, — и это-то по большей части раждаетъ къ нимъ недовѣрчивость. Всякой опасается ошибиться въ Умномъ человѣкѣ, боится, чтобы выставляя его съ отличной стороны, не показать самого себя въ глазахъ другихъ смѣшнымъ, незнающимъ. Такимъ образомъ, часто, чувствуя невольное къ нему уваженіе, никто не осмѣливается гласно объявить себя его покровителемъ, особенно, если уже цѣлая толпа злобныхъ педантовъ готова воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы устремиться противъ дерзкаго, по ихъ мнѣнію, выскочки. Я не могу представить себѣ, сколько чрезъ это заранѣе погибаетъ людей съ отличнѣйшими талантами; сколько замираетъ ихъ при самомъ разкрытіи ихъ необыкновеннаго ума. Взглянемъ на Исторію, и не обольется ли сердце наше кровію, видя, сколько великихъ Писателей терпѣли самыя ужасныя гоненія! Потомство удивляется ихъ твореніямъ, города спорятъ о ихъ рожденіи, или употребляютъ невѣроятныя суммы для построенія имъ великолѣпныхъ памятниковъ; а вѣкъ гналъ ихъ, какъ безумныхъ, творенія ихъ посмѣли на себѣ клеймо странныхъ, ничтожныхъ произведеній ума. Посему какъ великъ тотъ, кто беретъ подъ свое покровительство человѣка отличныхъ дарованій, открываетъ ему дорогу, старается сдѣлать извѣстными его достоинства. Нерѣдко онъ самъ не замѣчаетъ, какая ожидаетъ его благодарность отъ современниковъ или самаго потомства, тогда какъ онъ слѣдуетъ единственно внутреннему своему убѣжденію. При имени Ломоносова, кто не благоговѣетъ предъ именемъ Шувалова?

Впрочемъ этого недовольно, чтобы только открыть дорогу человѣку особеннаго ума: нѣтъ, надобно еще его поддерживать тогда, когда образъ его мыслей, его чувствованія дѣлаются извѣстными свѣту, и со всѣхъ сторонъ привлекаютъ къ нему большое число почитателей. Скажите, чего недоставало со стороны достоинствъ въ Сократѣ? Не имѣлъ ли онъ самыя чистыя, возвышеннѣйшія мысли о Божествѣ? не былъ ли свято покоренъ власти, законамъ своего Правительства? не любилъ ли, какъ самый благороднѣйшій гражданинъ, свое отечество? не украшался ли наилучшими качествами души? не всегда ли постоянно былъ другомъ правдивости, врагомъ пороковъ? Во всѣхъ сихъ и другихъ достоинствахъ человѣка-гражданина, былъ ли въ Сократѣ какой-либо недостатокъ? — За что же его ненавидѣли, судили, и наконецъ подвергли жестокой смерти? За то, что онъ имѣлъ еще болѣе, нежели имѣли другіе: имѣлъ необыкновенный умъ; за то, что Сократъ былъ геній. Вездѣ, во всѣ времена были Сократы, равно всегда были и злобные, завистливые Софисты.

Почитаю однако нужнымъ замѣтить, что ученость и умственность, такъ сказать, бываютъ болѣе или менѣе между собою соединены. Въ иныхъ степень учености превосходитъ степени умственности, въ другихъ сія послѣдняя оказывается несравненно въ высшей степени; а иногда онѣ такъ сближаются между собою, что отношенія ихъ кажутся равносильными, одинаковыми. Напр. изъ 10-ти степеней учености и 10-ти степеней умственности, одни имѣютъ первой 7, второй 3 или 2, другіе имѣютъ первой 4, второй 8 или 9, а иные той и другой по 5-ти, по 6-ти, или 5 и 6, 7 и 8 и т. д. Сіе-то различіе въ степеняхъ учености и умственности бываетъ причиною и различія во взаимномъ отношеніи между собою Ученыхъ и Умныхъ. Сравните, напр. Герена и Гердера, сихъ двухъ знаменитыхъ Историковъ, и вы легко замѣтите, что первый имѣетъ болѣе учености, второй болѣе ума, хотя первый съ удивительною ученостію соединяетъ рѣдкій умъ, а второй съ необыкновеннымъ умомъ соединяетъ обширную ученость. То же можемъ сказать относительно Пи-

шелей и по другимъ наукамъ. Ж. Б. Сей въ Политической Экономіи болѣе ученъ, Рикардо болѣе уменъ. Но, безъ сомнѣнія, такіе знаменитые Писатели легко могутъ понимать одинъ другаго, и не могутъ содѣлаться врагами между собою, если не содѣлаются таковыми по другимъ какимъ-либо особеннымъ личностямъ. То же можно сказать объ Ученыхъ и Умныхъ низшихъ степеней, которые болѣе или менѣе сближаются между собою. Напротивъ грубые, дерзкіе педанты, т. е. ученые 5, 6, 7 степеней, безъ ума или съ умомъ 1 и 2 степени, всегда суть непримиримые враги людей съ отличнымъ умомъ. Sic dixit Aristoteles — вотъ ихъ доводъ, и бѣда, если кто осмѣлится не соглашаться съ мнѣніемъ ихъ Аристотеля!

Люди съ умомъ даже въ самой практической жизни примѣтно отличаются отъ Ученыхъ педантовъ. Тѣ бываютъ почти всегда другимъ доступны, снисходительны, сіи напротивъ рѣдко не презрительны, не надменны; тѣ любятъ оказывать покровительство даже Ученымъ, сіи напротивъ только благосклонны бываютъ къ подобнымъ себѣ, выключая того случая, когда Умный умѣетъ скрыть собственный свой свѣтъ, которымъ онъ блистаетъ, и выставляетъ себя, какъ ученаго человѣка, заимствовавшаго свѣтъ отъ другихъ. Равно въ сужденіяхъ своихъ, люди съ умомъ всегда охотно принимаютъ мнѣнія другихъ, разбираютъ оныя, отвергаютъ или соглашаются съ оными. Педанты напротивъ насильно, такъ сказать, свои сужденія, какъ оковы, набрасываютъ на другихъ. Такимъ образомъ первые способствуютъ естественному и свободному разкрытію дарованій каждаго, вторые же стѣсняютъ и сжимаютъ оныя. Первые никогда не могутъ быть на каѳедрѣ скучными: они всегда имѣютъ въ готовности что либо - новое, или самое старое умѣютъ представлять съ заманчивой, любопытной стороны; вторые же скоро наскучаютъ собою молодымъ слушателямъ и дѣлаются несносными единообразіемъ и наконецъ дремотою своихъ лекцій. Какъ скоро они высказали все то, что заимствовано ими у другихъ, то или совсѣмъ останавливаются на сей границѣ своей учености и становятся нѣмы, или опять спокойно возвращаются къ тому, что уже было ими проговорено; а иногда бываетъ и то, что они, говоря объ одномъ предметѣ, мѣшаютъ съ онымъ совершенно посторонніе предметы. Вотъ почему мы видимъ на самомъ опытѣ, какъ многіе, обращающіе на себя особенное вниманіе тогда, когда еще продолжаютъ свои науки, подающіе о себѣ блистательную надежду, что они должны нѣкогда удивить собою ученый свѣтъ, потомъ скоро разочаровываютъ другихъ въ этой мнимой, смѣшной надеждѣ. Занявъ высшія ученыя мѣста, они вдругъ сходятъ на чреду самыхъ обыкновенныхъ людей, и ослабѣвая болѣе и болѣе съ продолженіемъ времени, наконецъ совершенно теряются въ ученой неизвѣстности. Случается даже, что они лишаются обыкновеннаго уваженія другихъ, если только оставляютъ заниматься чтеніемъ самыхъ извѣстныхъ новыхъ сочиненій, или покрайней мѣрѣ повтореніемъ старыхъ задовъ. Напротивъ люди съ умомъ идутъ по другому направленію; они нерѣдко во время изученія наукъ мало отличаются своими дарованіями: имѣя часто слабую память и предаваясь безпрерывному размышленію, они отстанутъ въ успѣхахъ отъ другихъ своихъ сотоварищей; за то въ послѣдствіи, усовершаясь съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ въ наукахъ, ознакомливаясь постепенно съ лучшими твореніями Писателей, и все подводя подъ собственный, привычный образъ мыслей, они болѣе входятъ въ кругъ большей извѣстности, составляютъ наконецъ свои творенія, и въ самой поздней старости наслаждаются славою, пользуются величайшимъ уваженіемъ своихъ современниковъ. Нельзя не пожалѣть только о томъ, что прежде, нежели они успѣваютъ пріобрѣсти всеобщую къ себѣ довѣренность, долгое время принуждены бываютъ терпѣть, сражаться съ разными неудачами и препятствіями, которыя, правда, иногда возвышаютъ рвеніе и усердіе къ наукамъ, но иногда совершенно заглушаютъ, истребляютъ опыя, а чрезъ то лишаютъ человѣчество существенныхъ выгодъ, происходящихъ отъ особенности дарованій. Между тѣмъ въ то же время, Ученые - педанты, успѣвъ занять отличныя по службѣ мѣста, разными связями и соотношеніями дѣлаютъ себя столько сильными, что въ состояніи бываютъ отдалять людей съ умомъ отъ занятія принадлежащихъ имъ по праву должностей; они часто чрезвычайно искусно умѣютъ, такъ сказать, наводить тѣнь въ глазахъ другихъ на ихъ достоинства.

Я не могу рѣшить, въ какихъ заведеніяхъ собственно такіе Ученые болѣе вредны: въ высшихъ или низшихъ; но болѣе склоняюсь на послѣднее мнѣніе, ибо въ высшихъ учатся уже такіе, которыхъ дарованія получаютъ настоящее свое разкрытіе, и которые почти опредѣлительное сообразно опымъ принимаютъ направленіе. Ученый - педантъ скорѣе можетъ навлечь на себя ихъ презрѣніе, нежели измѣнить оное направленіе, хотя и сего несчастія совершенно отвергнуть нельзя; но въ заведеніяхъ низшихъ, педанты суть настоящіе убійцы молодыхъ дарованій. Они вмѣсто того, чтобы со всею осторожностію и благоразумiемъ дѣйствовать на разкрытіе и усовершенствованіе сихъ послѣднихъ, чтобы постепенно приводить въ самое правильное движеніе способность ихъ мышленія, возбуждая оную къ здравому обсуживанію всего того, что имъ представляется предъ ихъ глазами, они, говорю, напротивъ старыми и новыми, существенными и побочными, нужными и безполезными понятіями о предметахъ безпрерывно обременяютъ еще слабую ихъ память; а чрезъ то затемня-

ютъ самый разсудокъ. Они думаютъ не о томъ, чтобы дѣти пріучались понимать то, что знаютъ, но единственно о томъ, чтобы они больше знали. По моему же мнѣнію, скорѣе въ дѣтяхъ можно извинить неправильное, но собственное сужденіе о какомъ-либо предметѣ, нежели слишкомъ хвалить заученыя чужія мнѣнія объ опомъ; тамъ можно имѣть еще надежду на успѣхи въ будущее время, а здѣсь рѣшительно нѣтъ никакой. Къ крайнему сожалѣнію, у насъ по большей части читаются послѣднимъ образомъ науки, какъ въ высшихъ, такъ и низшихъ заведеніяхъ; отъ того-то и оправдываются опытомъ оныя поговорки, о коихъ мы сказали выше: что много знаютъ, да мало разумѣютъ; онъ и ученый человѣкъ, да не умѣетъ обсудить и самыхъ обыкновенныхъ вещей. Сіе имѣетъ слѣдствіемъ важное заблужденіе. Къ чему, говорятъ нѣкоторые родители, учиться нашимъ дѣтямъ? Они должны будутъ современемъ поступить въ другую службу, и все, чему ни учится, безъ сомнѣнія, забудутъ, а между тѣмъ время ими навсегда будетъ потеряно; лучше пусть прямо съ самыхъ молодыхъ лѣтъ поступятъ въ другую службу. Не странно ли таковое сужденіе? а къ несчастію оно имѣетъ свое основаніе; потому что, кто учится наукамъ, но не учится притомъ разсуждать, тотъ дѣйствительно немного пріобрѣтаетъ для другой службы; ибо способность мышленія, которая одна необходима во всѣхъ родахъ службы, остается у него безъ всякаго образованія. Напротивъ, человѣкъ истинно-образованный болѣе или менѣе можетъ быть всегда способенъ и къ другимъ должностямъ. Разумѣется, вдругъ отъ него не можно требовать всѣхъ практическихъ познаній; всякая должность имѣетъ свои правила, свое направленіе; но одна только злобная зависть можетъ заслонять ему дорогу такъ, что другіе не могутъ видѣть въ немъ всеобщности дарованій и ума.

И такъ изо всего того, что я сказалъ, ясно видно, какое различіе находится между Ученымъ и Умнымъ. Весьма желательно, чтобы оно всегда принимаемо было во вниманіе при оцѣнкѣ достоинствъ въ ученой сферѣ; особенно сіе нужно въ тѣхъ Государствахъ, которыя только что вступаютъ въ кругъ Государствъ образованныхъ; ибо въ оныхъ всегда находится какая-то недовѣрчивость къ талантамъ своихъ соотчичей, и болѣе слѣпо слѣдуютъ мнѣніямъ народовъ образованныхъ, а потому и творенія иностранныхъ Писателей получаютъ такой сильный авкторитетъ, что произведенія свои, какъ бы сами по себѣ ни были они отличны, рѣдко обращаютъ вниманіе на Авторовъ. И вотъ почему ученость беретъ у насъ рѣшительный верхъ надъ умомъ! — Посмотримъ на наши ученыя произведенія: въ чемъ они состоятъ? по большей части въ переводахъ спашей изъ сочиненій иностранныхъ Писателей, и притомъ безъ всякихъ критическихъ замѣчаній, — и сіи переводы достаточны бываютъ для того, чтобы доставить славу истинно-ученаго, умнаго человѣка. Одни только стихотворенія и нѣкоторыя произаическія сочиненія отличаются у насъ духомъ истинно-Рускимъ. Но этого недовольно. Мы должны отвѣчать цѣли мудраго Правительства, которое хочетъ доставить просвѣщеніе отечеству, собственно ему приличное, по всѣмъ частямъ наукъ. Будемъ знакомиться съ твореніями знаменитыхъ иностранныхъ Писателей, но не будемъ подражать имъ рабски; будемъ мыслить, какъ Рускіе. Каждая часть земнаго шара назначена для своего разкрытія; славясь разными отношеніями своими къ другимъ его частямъ, она всегда должна заключаться въ опредѣленной своей сферѣ, въ границахъ *своего* дѣйствія.

Т. Степановъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Объ обращеніи съ людьми. Сочиненіе Барона Книгге. Съ Нѣмецкаго перевелъ Яковъ Лангенъ. Новое (третіе) изданіе, исправленное и дополненное. 4 части. — С. п. б., въ типогр. Александра Смирдина, 1830—1831 г. (въ 1-й ч. VIII—263, во 2-й XIV — 300, въ 3-й XII — 240, въ 4-й 146 стр. въ 12-ю д. л. (*).

Правила, преподаваемыя Барономъ Книгге о томъ, какъ должно вести себя въ отношеніи къ другимъ людямъ, показываютъ человѣка не проницательнаго, но осторожнаго и, такъ сказать, отчасти эгоиста. Главнѣйшимъ оныхъ началомъ, или краеугольнымъ камнемъ, есть правило самохраненія, къ которому подведены всѣ другія, такъ что изъ всѣхъ ихъ можно вывести слѣдующія основныя положенія: Старайся, чтобы тебѣ было какъ можно лучше въ свѣтѣ. Дѣлай добро, когда тебѣ не можетъ быть отъ того худа. Не дѣлай зла, потому что тебѣ могутъ заплатить за него тѣмъ же. Для свѣтской философіи прошлаго вѣка, сіи правила хороши; но согласуются ли они съ любовью къ человѣчеству, и питаютъ ли возвышенныя чувствованія? Это другой вопросъ, котораго, можетъ быть, Баронъ Книгге не имѣлъ въ виду при сочиненіи своей книги.

(*) Продается въ книж. магазинѣ Смирдина. Цѣна за всѣ 4 ч. 8 руб.

Новое сіе изданіе названо *исправленнымъ:* можетъ быть, это относится къ самимъ правиламъ; ибо въ слогѣ перевода остались прежнія неисправности, напр. фразы, иногда явно разногласящія съ тѣмъ, что хотѣлъ выразить Авторъ. Выпишемъ два-три образчика, на выдержку взятые изъ 4-го тома: «Я съ своей сторо-«ны былъ бы, можетъ быть, слишкомъ разборчивъ, «чтобъ *не жениться* на вдовѣ (стр. 124).» — «Что «можетъ быть сладостнѣе, какъ *не раздѣлять* свое «счастіе съ возлюбленнымъ (стр. 128).» — «Всегда «требуется отъ утонченныхъ и образованныхъ лю-«дей *нѣкоторый духъ обращенія* (esprit de conduite — «стр. 142).» — Замѣтимъ Переводчику, что esprit de conduite значитъ по-Русски *не духъ обращенія*, а умѣнье вести себя.

Сирота. Драма для дѣтей. Сочиненіе Константина Масальскаго. — С. п. б. въ типогр. Департам. Внѣшней Торговли, 1831. (68 стр. въ 32-ю д. л. (*).

Въ драмѣ сей весьма хорошо выражено правоучительное правило: не знатность рода и не богатство, а личныя достоинства должны быть уважаемы. По занимательному содержанію своему и по небольшому числу дѣйствующихъ лицъ, сія пьеса весьма удобна для представленія на домашнихъ дѣтскихъ театрахъ, тѣмъ болѣе, что написана она языкомъ правильнымъ и благороднымъ. Одно только замѣчаніе позволимъ мы себѣ сдѣлать Автору: въ тирадахъ Владиміра Безроднаго, умнаго и благовоспитаннаго сироты, употребленъ слогъ слишкомъ книжный, иногда даже отчасти напыщенный, напр. въ разсказѣ его (стр. 17—22). Если бы умное и образованное дитя заговорило въ свѣтскомъ обществѣ такимъ образомъ, съ высока, то вмѣсто общаго участія и пріязни, навлекло бы на себя насмѣшки и обидное прозвище педанта. Драма же должна быть вѣрнымъ сколкомъ общества, не только по естественности событій, но и разговора, который чѣмъ проще въ ней и ближе къ природѣ, тѣмъ лучше.

(*) Продается въ книжныхъ магазинахъ Слѣнина и Смирдина. Цѣна экз. 1 руб. 20 коп.

СМѢСЬ.

Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 *году*, романъ, соч. М. Н. Загоскина, вышелъ уже въ свѣтъ и продается здѣсь, въ С. Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Смирдина. Цѣна за всѣ 4 части 20 р., съ пересылкою 22 р. — *Удивительный человѣкъ!* соч. П. Л. Яковлева, также вышелъ въ свѣтъ. О сихъ обоихъ новыхъ и пріятныхъ явленіяхъ въ нашей Словесности, Литературная Газета отдастъ отчетъ въ слѣдующихъ NNo своихъ.

Бывшій Издатель *Московскаго Вѣстника*, М. П. Погодинъ, намѣренъ въ нынѣшнемъ году издать свои *Повѣсти*. Онѣ будутъ состоять изъ 4 частей. (Подписная цѣна 20 руб.) Повѣсти Г-на Погодина имѣютъ неотъемлемое достоинство хорошаго разсказа и живости слога. Авторъ вѣрно не поскупится и подаритъ читателей своихъ еще нѣсколькими новыми произведеніями въ томъ же родѣ.

Первый томъ романа: *Послѣдній Новикъ*, соч. Г-на Лажечникова, вышелъ уже изъ печати. Ожидаемъ слѣдующихъ частей сего новаго романа, чтобы сказать о немъ свое мнѣніе.

Первая книжка *Гирлянды*, Музыкальнаго Журнала, издаваемаго *М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ*, содержитъ въ себѣ *четыре* романса (два Русскихъ, одинъ Французскій и одинъ Итальянскій), а именно: No 1-й *Могила*, романсъ; слова *В. А. Жуковскаго*, музыка *С. В. Толстаго*. No 2-й Je ne vous aime pas, romance. No 3-й. Fra tutte le pene la pena maggiore, romanza; музыка *Князя Е. М. Голицына*. No 4-й. *Тайная скорбь*, романсъ; слова *А. Вельтмана*, музыка *Н. А. Титова*. Изданіе сихъ романсовъ прекрасно. — Книжка сія продается въ музыкальныхъ магазинахъ Гг. Бернара и Брифа, и въ книжныхъ магазинахъ Гг. Смирдина и Слѣнина. Цѣна экз. 5 р., съ пересылкою 6 рублей. Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирлянды, въ С. Петербургѣ.*

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 9-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. **ТОМЪ III, № 34.** ИЮНЯ 15го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Пятницу), — 10-го (въ Среду), — 15-го (въ Понедѣльникъ), — 20-го (въ Субботу), — 25-го (въ Четвергъ) и 30-го (во Вторникъ).

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ РОМАНА: БЮГЪ-ЖАРГАЛЬ (*).

(*Соч. Виктора Гюго.*)

. . . . . .

Смущеніе, въ которое привела меня эта странная сцена, скоро разсѣялось зрѣлищемъ новой драмы, послѣдовавшей за смѣшною комедіей, сыгранною колдуномъ и Предводителемъ предъ развеселившеюся ордою.

Біассу помѣстился опять на свое сѣдалище, а Оби и Риго усѣлись на подушкахъ по сторонамъ трона. Оби, съ крестообразно сложенными на груди руками, казалось, погруженъ былъ въ глубокое размышленіе; Біассу и Риго жевали табакъ, а адъютантъ докладывалъ *Фельдмаршалу*, что время уже начать смотръ арміи. Вдругъ раздались яростные вопли, и три толпы Негровъ прибыли въ безпорядкѣ ко входу пещеры. Они привели трехъ плѣнниковъ, вѣроятно для того, чтобы спросить Біассу, какого рода казнь угодно ему назначить симъ несчастнымъ. Намѣреніе ихъ ясно выражали зловѣщіе крики: — « Смерть! смерть! Muerte! muerte!

— « Death! death! « кричали нѣкоторые Негры Англійскіе, безъ сомнѣнія изъ шайки Букмана, пришедшіе уже соединиться съ Испанскими и Французскими Неграми войска Біассу.

По знаку *Фельдмаршала*, всѣ умолкли; онъ приказалъ подвесити плѣнниковъ. Съ удивленіемъ узналъ я двухъ изъ нихъ: одинъ былъ *Гражданинъ-Генералъ С****, этотъ другъ человѣчества, ведшій переписку со всѣми извѣстными Негрофилами, и между тѣмъ въ совѣтѣ у Губернатора, подавшій такое жестокое мнѣніе на счетъ невольниковъ; другой — тотъ подозрительный разводитель плантацій, который всегда презиралъ Мулатовъ за то, что бѣлые причисляли его къ ихъ племени. Третій плѣнникъ, въ кожаномъ фартухѣ и съ засученными по локоть рукавами, принадлежалъ, повидимому, къ низшему сословію поселенцевъ. Всѣ трое были схвачены порознь, въ горахъ, гдѣ хотѣли они скрыться.

Допросъ начался съ ремесленника въ фартухѣ.

— « Кто ты таковъ? « сказалъ ему Біассу.

— « Яковъ Белинъ, плотничный масперъ изъ Капа. » Удивленіе и стыдъ изобразились въ глазахъ *Главнокомандующаго покоренныхъ земель*. — « Яковъ Белинъ! « сказалъ онъ, кусая себѣ губы.

— « Да, » продолжалъ плотничный масперъ: « развѣ ты не узнаешь меня?

— « Прежде ты узнай меня и поклонись.

— « Я не кланяюсь моимъ невольникамъ.

— « Твоимъ невольникамъ, бездѣльникъ? « вскричалъ Предводитель.

— « Да, » возразилъ плотникъ: « да! я твой первый господинъ. Ты притворяешься, что не узнаешь меня; припомни, Жанъ-Біассу, что я продалъ тебя Санъ-Домингскому купцу за пятнадцать піастровъ. «

Неукротимая ярость исказила всѣ черты лица Біассу.

— « Э, братъ! да ты, я вижу, стыдишься прежняго своего состоянія! » продолжалъ ремесленникъ. « А кажется, Жанъ-Біассу могъ бы гордиться тѣмъ, что принадлежалъ Якову Белину. Родная твоя мать, ста-

(*) Романъ сей переведенъ на Рускій языкъ и скоро поступитъ въ печать. По слогу помѣщаемаго здѣсь отрывка можно заключить, что переводъ будетъ очень хорошъ: языкъ чистъ и правиленъ, разговоры живы и естественны. Самый романъ весьма занимателенъ. Въ немъ изображены яркими чертами нравы черныхъ обитателей острова Сан-Доминго (нынѣшняго Гаити), и выставлены съ надлежащей точки зрѣнія мечты Французскихъ изувѣровъ свободы въ концѣ минувшаго столѣтія. Въ сихъ безразсудныхъ мечтахъ, поборники безначалія, обѣщая всему свѣту мнимую независимость, имѣли въ виду только одно: захватить всю власть въ нечистыя свои руки. Поступки ихъ съ Санъ-Домингскими Неграми показываютъ ясно, какою свободой хотѣли надѣлить народы сіи сообщники Марата и Робеспьера. Но ожесточенные Негры и Мулаты доказали на практикѣ всю шаткость теорій этихъ лжепророковъ всемірнаго переворота. — *Изд.*

рая дура, частехонько выметала мою лавку; но теперь я ее продалъ, хотя она такъ одряхлѣла, что никто не давалъ за нее больше тридцати двухъ ливровъ и шести су. Вотъ исторія обоихъ васъ; но всѣ Негры и Мулаты стали нынче очень спесивы, и ты видно забылъ то время, какъ, стоя на колѣнахъ, служилъ своему господину, Якову Белину, плотничному мастеру въ Капѣ.«

Біассу слушалъ его съ звѣрски-оскаленными зубами, которые придавали ему видъ тигра.

— « Хорошо! «сказалъ онъ.

Потомъ, оборотясь къ Неграмъ, приведшимъ мастера Белина, заревѣлъ: — « Возьмите два козла, двѣ доски и пилу, и ведите этого человѣка. — Яковъ Белинъ, плотничный мастеръ изъ Капа, благодари меня: я тебѣ назначаю смерть по ремеслу твоему.«

Смѣхъ его объяснилъ вполнѣ, какую ужасную казнь опредѣлилъ онъ въ наказаніе гордости прежняго своего господина. Я затрепеталъ; но Яковъ Белинъ не поморщился, и оборотясь къ Біассу: — « Да, » сказалъ онъ, « я тебѣ благодаренъ, ибо ты доставилъ мнѣ тридцать піастровъ, никакъ не стоя и половины этой цѣны.«

Его потащили.

Два другіе плѣнника, присутствуя при этомъ ужасномъ прологѣ собственной своей трагедіи, были ни живы, ни мертвы. Они дрожали всѣми членами; и ихъ робость и униженность представляли рѣзкую противоположность съ нѣсколько хвастливою твердостію плотника.

Біассу осмотрѣлъ каждаго изъ нихъ лисьимъ своимъ взоромъ, и желая продлить ихъ мучительное ожиданіе, завелъ разговоръ съ Риго, о различныхъ сортахъ табаку; онъ утверждалъ, что табакъ Гаванскій годенъ только для цигаръ, а что лучшимъ нюхательнымъ почитаетъ онъ приготовляемый на фабрикѣ Г. Лебатю, котораго покойный Букманъ ежегодно слалъ ему двѣ бочки. Потомъ обратился вдругъ къ гражданину С***.

— « Какъ ты объ этомъ думаешь? » сказалъ онъ.

Сей неожиданный вопросъ привелъ въ замѣшательство гражданина. Запинаясь, отвѣчалъ онъ:

— « Я соглашаюсь, Генералъ, съ мнѣніемъ Вашего Превосходительства.

— « Лесть! » возразилъ Біассу. « Я спрашиваю собственнаго твоего мнѣнія. Знаешь ли ты нюхательный табакъ лучше того, который продается на фабрикѣ Лебатю?

— « Поистинѣ нѣтъ, Ваше Свѣтлость, » отвѣчалъ С***.

— « *Генералъ! Превосходительство! Свѣтлость!* » закричалъ Біассу, забавляясь его смущеніемъ: « да ты Аристократъ!

— « О, нѣтъ! « возкликнулъ *Гражданинъ-Генералъ*, я истинный патріотъ и самый ревностный Негрофилъ!..

— « *Негрофилъ*! » прервалъ Предводитель: « а что такое Негрофилъ?...

— « Негрофилами называются друзья черныхъ, » пробормоталъ гражданинъ.

— « Не только черныхъ, надобно быть другомъ и цвѣтныхъ людей, » грозно вскричалъ Біассу.

Мнѣ кажется, я уже сказалъ, что Біассу былъ *Сакапра* (*).

— « Это именно я и хотѣлъ выразить, » почтительно отвѣчалъ Негрофилъ. « Я имѣю связи со всѣми знаменитыми людьми, принимающими участіе въ Неграхъ и Мулатахъ....

— « *Въ Неграхъ и Мулатахъ*! » прервалъ опять Біассу, наслаждаясь униженіемъ бѣлаго: « что это значитъ? Не намѣренъ ли ты оскорблять насъ этими именами, которыя изобрѣтены бѣлыми для выраженія ихъ презрѣнія къ своимъ невольникамъ? Здѣсь только одни черные и цвѣтные люди; понимаете ли, г-нъ поселенецъ?

— « Это дурная привычка, укоренившаяся съ дѣтства, » отвѣчалъ С***; » простите меня, я вовсе не имѣлъ намѣренія оскорбить Вашу Свѣтлость...

— « Оставь свою *Свѣтлость!* повторяю тебѣ, что я не терплю этихъ аристократическихъ титуловъ. «

С*** хотѣлъ принести новое оправданіе и началъ заикаясь: — « Если бы вы меня знали, гражданинъ....

— « Гражданинъ! да за кого ты меня принимаешь? » гнѣвно вскричалъ Біассу. » Я гнушаюсь этими якобинскими названіями. Ужь полно не Якобинецъ ли ты самъ? Подумай, что ты говоришь съ Главнокомандующимъ Королевскими войсками! *Гражданинъ*!... Ахъ, ты негодный! «

Тутъ бѣдный Негрофилъ не зналъ болѣе, въ какомъ тонѣ говорить съ этимъ человѣкомъ, равно отвергавшимъ титла *Свѣтлость* и *гражданинъ*, и презиравшимъ Аристократовъ также, какъ Якобинцевъ. Біассу, сердившійся притворно, наслаждался его смущеніемъ.

— « Увы! » сказалъ наконецъ гражданинъ С***, « вы слишкомъ худо судите обо мнѣ, благородный защитникъ священнѣйшихъ правъ половины человѣческаго рода.... »

Въ затрудненіи пріискать какое нибудь названіе сему Предводителю, презиравшему всѣ имена, онъ прибѣгнулъ къ одному изъ тѣхъ звучныхъ выраженій, которыми Революціонеры искусно замѣняютъ имя и достоинство привѣтствуемой особы.

Біассу пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ: — « И такъ ты любишь черныхъ и людей смѣшаннаго племени?

(*) Сакапра есть одно изъ смѣшанныхъ племенъ, цвѣтомъ тѣла почти не отличающееся отъ Негровъ.

— « Люблю ли я? » вскричалъ гражданинъ С***; « я переписываюсь съ Бриссо и . . . .

— « А, а! « прервалъ Біассу, скаля зубы: « очень радъ, что нахожу въ тебѣ нашего друга. И такъ если ты говоришь правду, то долженъ презирать этихъ бездѣльниковъ поселенцевъ, наказавшихъ справедливое наше возстаніе жесточайшими казнями; согласно съ нами, ты долженъ почитать настоящими мятежниками не черныхъ, но бѣлыхъ, потому что они возстаютъ противъ природы и человѣчества; ты долженъ ненавидѣть этихъ изверговъ!

— « Я ихъ ненавижу, » отвѣчалъ С***.

— « Послѣ этого, что ты думаешь о человѣкѣ, который бы для усмиренія бунтующихъ невольниковъ, отрубилъ головы пятидесяти черныхъ и выставилъ ихъ съ обѣихъ сторонъ аллеи, ведущей къ его дому? »

Смертная блѣдность покрыла лице гражданина.

— « Что ты подумаешь о бѣломъ, который бы предложилъ окружить городъ Капъ цѣпью изъ невольничьихъ головъ? . . . .

— « Помилуйте! помилуйте! « завопилъ устрашенный С***.

— « Развѣ я тебѣ угрожаю? « холодно возразилъ Біассу. « Дай мнѣ кончить: . . . . . цѣпью изъ головъ, которая бы простиралась отъ цитадели Пиколетъ до Караколъскаго мыса. Что ты объ этомъ думаешь? отвѣчай! «

Выраженіе: *развѣ я тебѣ угрожаю?* пробудило въ гражданинѣ С*** нѣкоторую надежду; онъ думалъ, что можетъ быть Біассу слышалъ объ этихъ произшествіяхъ, но не зналъ виновника оныхъ, и потому для отвращенія отъ себя всякаго подозрѣнія, отвѣчалъ довольно твердо: — « Я думаю, что это злодѣянія ужасныя. «

Біассу оскалилъ зубы. — « Хорошо! А какое наказаніе присудилъ бы ты преступнику? «

Здѣсь несчастный С*** замялся.

— « Ну же, говори! настаивалъ Біассу: « другъ ли ты черныхъ, или нѣтъ? «

Не примѣчая въ глазахъ Біассу ничего грознаго, бѣдный Негрофилъ изъ двухъ крайностей избралъ менѣе опасную и сказалъ слабымъ голосомъ: — « Виновный заслуживаетъ смерть.

— « Отвѣчаешь, какъ нельзя лучше, « сказалъ Біассу, бросая изжеванный табакъ.

Хладнокровный видъ его ободрилъ нѣсколько несчастнаго поселенца; онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы отстранить отъ себя и малѣйшее подозрѣніе. — « Никто, » вскричалъ онъ, « пламеннѣе меня не желалъ, чтобы восторжествовало ваше правое дѣло. Я веду переписку съ Бриссо и Прюно въ Франціи, съ Магавомъ въ Америкѣ, съ Петеромъ-Полюсомъ въ Голландіи, съ Аббатомъ Тамбурини въ Италіи . . . . «

Долго еще не кончилъ бы онъ изчисленія филантропическихъ своихъ знакомствъ, сдѣланнаго уже имъ при другихъ обстоятельствахъ и съ другою цѣлью у Г. Бланшаланда, если бъ не остановилъ его Біассу.

— « А къ чему служитъ мнѣ вся твоя переписка? Скажи лучше, гдѣ твои магазины и анбары: войско мое нуждается въ продовольствіи. Плантаціи твои безъ сомнѣнія обширны, торговый твой домъ конечно богатъ, потому что ты переписываешься со всѣми негоціантами въ свѣтѣ. «

Гражданинъ С*** осмѣлился сдѣлать скромное замѣчаніе. — « Герой человѣчества! я веду переписку не съ купцами, но съ Философами, Филантропами, Негрофилами.

— « Пошелъ опять порочь непонятную свою дѣятельность, » сказалъ Біассу. « И такъ, если у тебя нѣтъ для насъ ни магазиновъ, ни анбаровъ, къ чему же ты годенъ? «

Въ этомъ вопросѣ заключалась искра надежды, и гражданинъ С*** не упустилъ случая имъ воспользоваться.

— « Знаменитый воинъ, » отвѣчалъ онъ: « имѣете ли вы въ вашей арміи Экономиста?

— « Это еще что такое?

— « Экономистъ, » отвѣчалъ плѣнникъ, съ такою напыщенностію, какъ только позволялъ ему страхъ: « Экономистъ есть человѣкъ, преимущественно необходимый: онъ одинъ оцѣниваетъ существенные способы Государства, разпредѣляетъ ихъ по степенямъ относительной важности и изыскиваетъ источники оныхъ, которые направляетъ, какъ слѣдуетъ, въ большую рѣку пользы общественной, наполняющую въ свою очередь море народнаго благоденствія.

— « Сачашва! « сказалъ Біассу, наклонясь къ Оби: « что хочетъ этотъ глупецъ сказать своими словами, нанизанными одно на другое, какъ зерна вашихъ четокъ? «

Оби пожалъ плечами въ знакъ невѣдѣнія и презрѣнія. Не смотря на то, гражданинъ продолжалъ.

— . . . . « Я изучалъ — удостойте выслушать меня, знаменитый Предводитель храбрыхъ преобразователей Санъ-Доминго, — я изучалъ великихъ писателей по части Экономіи: Тюрго, Рейналя и Мирабо, друга людей! Я приложилъ ихъ теоріи къ практикѣ. Мнѣ извѣстна наука, необходимая для управленія Государства или области . . . .

— « Экономистъ не очень экономенъ на слова, » сказалъ Рито, съ коварною улыбкою.

— « Да скажи мнѣ, пустословъ! » вскричалъ Біассу: « развѣ у меня есть Государство или область?

— « Еще нѣтъ, великій человѣкъ, но можетъ прійти время, когда и будешь; къ тому же, наука моя, не унижая своего достоинства, занимается и преподаваніемъ правилъ, необходимыхъ для разпоряженія дѣлами арміи. «

Тутъ еще остановилъ его Предводитель.

*

— « Г-нъ разводитель планташій! я не занимаюсь разпоряженіемъ дѣлъ арміи: я ею предводительствую.

— « Очень хорошо: вы будете по военной части, я по хозяйственной. Я знаю вѣрное средство для размноженія скота.....

— « Думаешь ли ты, что мы разводимъ коровъ и овецъ? « сказалъ Біассу: « мы ихъ ѣдимъ. Когда мнѣ не достанетъ продовольствія въ поселеніяхъ Французскихъ, я перейду пограничныя горы и отобью Испанскія стада, бродящія въ долинахъ Котуи, Вега и Санъ-Яго, и на берегахъ Юны; а если потребуетъ надобность, доберусь и до тѣхъ, которыя пасутся на полуостровѣ Саманскомъ и по скатамъ горы Цибоса. Тутъ, кстати, хочется мнѣ наказать этихъ проклятыхъ Испанскихъ поселенцевъ, выдавшихъ нашего Оже. И такъ ты видишь, что я не нуждаюсь въ жизненныхъ припасахъ, и что наука твоя, *преимущественно необходимая*, вовсе мнѣ не нужна. «

Это рѣшительное объявленіе смутило бѣднаго Экономиста; однако жъ онъ не отчаявался, и рѣшился испытать послѣднее средство.

— « Мои познанія не ограничиваются размноженіемъ скота. Я имѣю другія весьма важныя свѣдѣнія, которыя могутъ быть для васъ полезны. Я показалъ бы вамъ способъ добывать смолу и выламывать каменный уголь.

— « Это для меня безполезно, » сказалъ Біассу. « Когда мнѣ нуженъ уголь, я выжигаю мили три лѣсу.

— « Я показалъ бы, къ какому употребленію годенъ каждый родъ дерева: шикаронъ и сабикка для корабельныхъ килей, хабасъ для кривыхъ частей; піокумасъ для мѣлкихъ членовъ, гакамасы, кедры, аккомасы....

— « Que te lleven todos los demonios de los diez-y-siete infiernos (*)! « вскричалъ Біассу, вышедъ изъ терпѣнія.

— « Что изволите говорить, почтеннѣйшій мой покровитель? « спросилъ трепещущій Экономистъ, не понимая по-Испански.

— « Кораблей твоихъ мнѣ не надо, » сказалъ Біассу. « Но въ свитѣ моей еще не занято мѣсто моего камердинера; подумай, señor filosofo, годится ли оно для тебя? Ты будешь служить мнѣ на колѣнахъ, подавать трубку, калалу (**) и черепаший супъ; сверхъ того ходить всегда за мною и носить опахало изъ попугаевыхъ перьевъ. Г-мъ! отвѣчай: хочешь ли быть моимъ слугою? «

Гражданинъ С***, думавшій только о сохраненіи своей жизни, наклонился до земли, съ изъявленіемъ живѣйшей радости и признательности.

— « И такъ ты согласенъ? » спросилъ Біассу.

— « Могли ли сомнѣваться, великодушный господинъ мой, что я поколеблюсь хотя одну минуту, принять почетную должность, служить вашей особѣ? »

При этомъ отвѣтѣ, раздался дьявольскій смѣхъ Біассу. Онъ скрестилъ руки, всталъ съ торжественнымъ видомъ и отшолкнувъ ногою голову распростертаго передъ нимъ поселенца, вскричалъ громкимъ голосомъ. « Видѣвъ, до какой степени простирается жестокость бѣлыхъ, я хотѣлъ испытать, до чего можетъ дойти ихъ низость! Гражданинъ С***, ты показалъ мнѣ примѣръ того и другаго. Я тебя знаю! какъ былъ ты такъ глупъ, что того не примѣтилъ? Мнѣ извѣстно, что подъ твоимъ начальствомъ совершены были казни въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ; мнѣ извѣстно, что ты отрубилъ головы пятидесяти чернымъ, и выставилъ ихъ по обѣимъ сторонамъ аллеи, ведущей къ твоему дому; наконецъ мнѣ извѣстно и то, что ты хотѣлъ умертвить пятьсотъ Негровъ, оставшихся въ цѣпяхъ послѣ возмущенія, и изъ головъ ихъ составить цѣпь около Капа. Если бъ имѣлъ возможность, ты вѣрно бы сдѣлалъ трофей и изъ моей головы; теперь же почитаешь за счастіе быть моимъ слугою. Нѣтъ! нѣтъ! заботясь о твоей чести болѣе, нежели ты самъ, я не сдѣлаю тебѣ этой обиды: приготовляйся къ смерти. »

Онъ подалъ знакъ, и черные отнесли въ сторону несчастнаго гражданина, который, не въ состояніи будучи вымолвить ни одного слова, лежалъ у ногъ его, какъ пораженный громомъ.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

(*) Чтобъ тебя побрали всѣ демоны семнадцати тартаровъ!

(**) Родъ рагу, употребляемаго Креолами.

УТРО НА ЮГѢ.

Прекрасно утро молодое,
Когда съ разсвѣтомъ первымъ дня
Вспаетъ свѣтило золотое
Огнемъ и пурпуромъ горя.
Какая роскошь и отрада
Въ тѣни дубравъ, въ тиши садовъ,
Для обонянія и взгляда
Онъ благовонія цвѣтовъ!
Туманы, спавшіе въ долинахъ,
Свились, разсѣялися вдругъ,
И на поляхъ и на равнинахъ
Прохладной негой вѣетъ Югъ.
Тамъ дѣва прелести, младая,
Прекрасная, какъ утро дня,
Роскошный одръ свой покидая,
Живитъ и радуетъ меня.

Л. Якубовичъ.

ПЕРСТЕНЬ.

Пѣсня (*).

Я затеплю свѣчу
Воску яраго,
Разпаляю кольцо
Чиста золота.

Загорись, разгорись
Роковой огонь!
Разпаляй, разтопи
Перстень милаго!

Безъ него для меня
Ты не надобенъ,
Безъ него на рукѣ —
Камень на сердцѣ.

Что взгляну, то вздохну
Разпоскуюся;
Калены, горючи
Слезы выроню.

Возвратишся ли онъ? —
Иль хошь вѣсточкой
Оживишъ ли меня
Безушѣшную?

Нѣтъ надежды въ душѣ!....
Ты разсыпься же
Золотою слезой,
Перстень горестный!

А. Кольцовъ.

ПОРТРЕТЫ БАБУШЕКЪ.

Люблю я бабушекъ портрепы:
Онѣ такъ чопорно одѣпы;
На всѣхъ огромные чепцы;
Всѣ смотрятъ на меня такъ прямо и такъ строго,
И живописцы-хитрецы
Ихъ нарумянили такъ много;
И губы вытянуты, и безъ улыбки ротъ;
При всѣхъ иль попугай, иль моська, или котъ.

(*) Пѣсню сію Издатель получилъ изъ Москвы, при слѣдующей запискѣ: «Вотъ стихотвореніе *самороднаго* Поэта Г. Кольцева. Онъ Воронежскій мѣщанинъ и ему неболѣе двадцати лѣтъ отъ роду; нигдѣ не учился и, занятый торговыми дѣлами по порученію отца, пишетъ часто дорогою, ночью, сидя верхомъ на лошади.... Познакомьте читателей Литературной Газеты съ его талантомъ. — *Н. С* — въ.»

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУСТВА.

Ваянія.

I. Статуя Князя Потемкина-Таврическаго.

Съ нынѣшняго дня (15-го Іюня), любители Ваянія могутъ видѣть, въ Императорской Академіи Художествъ, колоссальную бронзовую статую Князя Потемкина-Таврическаго (*), предназначенную для города Херсона, въ которомъ она будетъ поставлена, какъ достойный памятникъ его основателя.

Статуя сія есть новое произведеніе нашего знаменитаго Ваятеля, Ивана Петровича Мартоса, который сочинилъ и выполнилъ модель оной; а изъ бронзы отлилъ ее и чеканилъ извѣстный по своему отличному искуству Литейный Мастеръ Василій Петровичъ Екимовъ. — Баронъ Александръ Гумбольдтъ, коего знаніямъ и тонкому вкусу отдаетъ справедливость вся образованная Европа, любовался сочиненіемъ сей статуи, постановкой и идеальнымъ костюмомъ ея. Многіе другіе просвѣщенные знатоки, видѣвшіе статую уже совсѣмъ оконченную, также съ похвалою отзываются объ изобрѣтеніи, лѣпкѣ, отливкѣ и чеканкѣ сего художественнаго произведенія, заслуживающаго особенное вниманіе любителей Изящныхъ Искуствъ.

Художникъ весьма хорошо поспигъ свой предметъ и вполнѣ выразилъ характеръ того мужа, котораго долженъ былъ изобразить. Въ положеніи тѣла и осанкѣ лица видна мужественная красота; въ чертахъ Князя Потемкина, многія почтенныя особы преклонныхъ лѣтъ, знавшія его лично, находятъ великое сходство; и въ этомъ каждый убѣдится, когда узнаетъ, что маститый нашъ Ваятель И. П. Мартосъ еще при жизни Князя дѣлалъ другую статую и лѣпилъ портретъ его съ натуры. Рука Князя покоится на мечѣ: симъ

(*) Статуя сія находится нынѣ въ одной изъ мастерскихъ Литейнаго дома Императорской Академіи Художествъ, на Васильевскомъ островѣ, по 4-й линіи, не доходя до Большаго проспекта. Желающіе видѣть сіе новое произведеніе Г-на Мартоса, могутъ получать билеты для входа, кои раздаются въ Выставкѣ Общества поощренія Художниковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Марса, у Коммиссіонера Г. Прево. Впускъ въ мастерскую, гдѣ находится статуя, продолжаться будетъ съ 15-го Іюня по 24-е, каждый день (кромѣ воскресенья), отъ 11-ти часовъ утра до 7-ми по полудни. — Но тѣснотѣ помянутой мастерской, гдѣ при большомъ стеченіи, зрители мѣшали бы другъ другу и не могли бы вполнѣ разсмотрѣть статую, Правленіе Академіи Художествъ распорядилось такимъ образомъ, что каждый день выдаваться будетъ только по 50-ти билетовъ; но съ однимъ билетомъ можетъ войти семейство, изъ трехъ или четырехъ особъ состоящее. Нарочно поставленный у входа служитель отбираетъ сіи билеты.

весьма удачно показанъ въ немъ мирный завоеватель Тавриды и устроитель Новороссійскаго края; по жезлъ Полководца въ его рукѣ, и взглядъ его являетъ воина и мужа совѣта, проницательнаго, дальновиднаго, быстро соображающаго и творящаго. Кажется, по мановенію жезла его раждаются Херсонъ и Екатеринославль, населяется полудикая страна Новой Россіи и Крымъ преклоняетъ колѣна предъ Великою Монархинѣй. — Статуя сія хороша со всѣхъ сторонъ: вездѣ замѣтны въ ней крѣпость тѣлесная, величавость и сила нравственная, отличавшія Героя Тавриды. Драпировка плаща, накинутаго на Князя Потемкина, замѣчательна по своей просторѣ, легкости и естественности.

Таково сіе новое произведеніе Г-на Мартоса, показывающее, что истинныя дарованія не старѣются. Въ теченіе почти осмидесяти-лѣтней жизни своей, Г-нъ Мартосъ болѣе пятидесяти лѣтъ трудится къ славѣ Изящныхъ Искуствъ въ отечествѣ своемъ. Москва обязана ему двумя прекрасными памятниками: Екатерины II, въ залѣ Благороднаго Собранія, и Минина и Пожарскаго. На барельефѣ сего послѣдняго памятника, Художникъ изобразилъ самого себя, въ видѣ старика, приводящаго двоихъ сыновъ на службу отечеству; мысль, въ которой выражена истина: ибо два сына почтеннаго Рускаго Ваятеля точно несли жизнь свою за отечество во время войны 1812-го года. Нѣкоторые другіе города Россіи также украшены произведеніями Г. Мартоса: Одесса памятниковъ Герцогу Ришельё, Таганрокъ памятникомъ Александру Благословенному, и нынѣ украсился Херсонъ памятникомъ Потемкину.

Отличительныя черты искуства нашего Ваятеля состоятъ въ ясномъ и полномъ постиженіи характера своего предмета, въ чистотѣ вкуса, напитаннаго превосходнѣйшими произведеніями древнихъ Грековъ, въ умномъ, обдуманномъ сочиненіи, въ прекрасной драпировкѣ. Чистая душа Художника отсвѣчивается въ чистой работѣ. Барельефы его у насъ единственны.

Любители Художествъ должны отдать также справедливость и сотруднику нашего Ваятеля, дѣятельному и тщательному выполнителю его сочиненій, Василью Петровичу Екимову. Въ преклонныхъ лѣтахъ, сей отличный Литейный Мастеръ соблюлъ всю вѣрность глаза и твердость руки, съ коими онъ чеканитъ огромные бронзовые памятники, отлитые имъ съ рѣдкимъ искуствомъ одною, цѣльною массой.

II. Бюстъ Барона Дельвига.

Отличный нашъ Ваятель, Г. Гальбергъ, недавно окончилъ бюстъ незабвеннаго Рускаго Поэта, Барона А. А. Дельвига, столь рано увядшаго для Музъ и друзей своихъ. Бюстъ сей сдѣланъ по заказу супруги покойнаго, Баронессы Софіи Михайловны, безутѣшно оплакивающей свою тяжкую потерю; онъ представляетъ Поэта въ настоящую величину лица. Кромѣ разительнаго сходства, сей бюстъ заслуживаетъ вниманіе знатоковъ тою жизнью, которая разлита во всѣхъ чертахъ лица; и тѣмъ сіе замѣчательнѣе, что Художникъ, при выполненіи сего бюста, руководствовался небольшимъ литографированнымъ портретомъ и *маской*, снятою съ лица усопшаго и на которой не совсѣмъ вѣрно отразились его черты. Г. Гальбергъ, бывъ хорошо знакомъ съ Барономъ Дельвигомъ, отыскивалъ сходство его лица въ собственной памяти; и она, можно сказать, служила ему вдохновеніемъ, силой коего Художникъ увѣковѣчилъ для насъ безцѣнныя черты друга, полныя жизни: недостаетъ имъ только физической теплоты и движенія.

Утвердительно можно сказать, что весьма немногіе бюсты, снятые съ живыхъ людей, бываютъ одушевлены такимъ сходствомъ и такою жизненностію, какъ сей бюстъ, сдѣланный, такъ сказать, *заочно* съ покойнаго Барона Дельвига. Это его взглядъ, его пріятная, умная улыбка; такимъ знали мы его съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ мирный кровъ Лицея Царскосельскаго! Эти уста, кажется, сей часъ разкроются, чтобы произнесть или вдохновенный стихъ, или остроумное замѣчаніе!... Благодаримъ, стократъ благодаримъ животворную руку Ваятеля, столь вѣрно соблюдшую для насъ тѣ черты, которыя мы чаяли видѣть, съ такою истиной, только памятью и воображеніемъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Удивительный человѣкъ! Соч. П. Л. Яковлева. Въ 5-ти частяхъ. — М. въ Университ. типогр. 1831 года. (Въ 1-й ч. 94, во 2-й 96, въ 3-й 95, въ 4-й 105 и въ 5-й 132 стран. въ 12-ю д. л. (*)

Авторъ не назвалъ своего произведенія романомъ; но критика должна по справедливости укрѣпить за опымъ право, отъ котораго какъ бы отрекласъ авторская скромность: это романъ, и очень занимательный. Въ немъ характеры дѣйствующихъ лицъ выдержаны вѣрно

(*) Цѣна за всѣ 5 частей 8 руб., съ пересылкою 10 руб. Продается въ С. Петербургѣ въ книжн. магазинѣ Смирдина, у Синяго моста, въ д. Гавриловой.

и хорошо, не смотря на легкость и, такъ сказать, безпечность, съ которою Сочинитель ихъ обрисовывалъ; положенія забавныя, черты сумасбродства и полубарскія затѣи Удивительнаго человѣка, перемѣшаны съ многими сценами чувствительными, даже иногда пробуждающими ощущенія высшія, благороднѣйшія. Развязка романа также весьма удачно придумана: Удивительный человѣкъ не измѣнилъ себѣ и удивилъ читателей такою выходкой, которой они вовсе не ожидали отъ его лѣни и изнѣженности, но которая нимало не нарушаетъ главнаго требованія критики: правдоподобія.

Кто же таковъ Удивительный человѣкъ? Это нѣкто 5-го класса Максимъ Степановичъ Удивленьевъ, котораго люди и всѣ домочадцы величаютъ: Ваше Высокородіе, съ такимъ глубокимъ раболѣпствомъ, съ каковымъ рѣдко и Министру его подчиненные говорятъ: Ваше Высокопревосходительство! — Вы спросите, можетъ быть: что удивительнаго сдѣлалъ Удивительный человѣкъ? Ничего, или почти ничего. Въ молодости своей онъ былъ мѣлкимъ чиновникомъ, былъ отъ природы надѣленъ благообразною наружностью и крѣпкимъ сложеніемъ, одѣвался опрятно, ходилъ вытянувшись въ струнку и пр. Сими личными достоинствами плѣнилъ онъ сердце купеческой дочери, единственной наслѣдницы богатаго имѣнія, женился на ней, и сталъ давать пиры за пирами, завелъ домашній театръ, музыку, сельское училище, ремесленный институтъ, школу офиціянтовъ и кучеровъ, деревенскую управу; далъ законы своимъ крестьянамъ, и первый былъ строгимъ исполнителемъ сихъ законовъ: вотъ за что удивлялись ему домашніе нахлѣбники и заѣзжіе лакомки, охотники поживиться на чужой счетъ. Удивительный человѣкъ былъ вовсе не золъ и не худой нравственности, а просто взбалмочный; онъ даже охотно слушался всякаго, кого почиталъ умнѣе себя, т. е. кто зналъ болѣе, нежели онъ; а такихъ людей было не трудно найти, ибо Удивительный человѣкъ не зналъ ровно ничего. Супруга его, Степанида Ивановна, была въ полномъ смыслѣ другая его половина и по уму, и по воспитанію; она принадлежала къ небольшому разряду тѣхъ безотвѣтныхъ женъ, которыя ахаютъ отъ восхищенія всему, что ни запѣетъ милый другъ. Она также, какъ и мужъ ея, любила покушать до отвалу, любила, чтобъ ее занимали чѣмъ бы то ни было; сама же никакъ не пускалась на выдумки, отъ страха, чтобъ не изтощить своихъ умственныхъ силъ и чрезъ то не лишиться сна и аппетита. Впрочемъ, и она была добра: не по сердцу или разсудку, а такъ сказать, по желудку, и роскошествовала въ пышномъ своемъ домѣ, точь въ точь какъ устрица въ своей раковинѣ на днѣ морскомъ.

Вотъ главныя дѣйствующія лица сего романа: главныя не потому, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ дѣйствовали или давали дѣйствію ходъ и направленіе; но потому, что прочія лица, даже тѣ, которыя всего болѣе оживляютъ романъ, группированы вокругъ Удивительнаго человѣка съ его супругой. Во многихъ изъ сихъ лицъ замѣтно отличительное свойство Рускаго народа: смѣтливость и способность ко всему. Таковъ между прочими студентъ Иванъ Архиповичъ, истинный геній на всѣ руки, l'homme à trente-six métiers, какъ сказалъ бы Французъ. Поэтъ, законоположникъ, агрономъ, оракоръ, изобрѣтатель забавъ, воспитатель юношества: словомъ, Иванъ Архиповичъ былъ истиннымъ перломъ между студентами. Изъ другихъ лицъ болѣе дѣйствующихъ, особенно замѣчателенъ Алексѣй, племянникъ Удивительнаго человѣка. При нашествіи Французовъ на Москву, сей юноша становится въ ряды Рускихъ воиновъ, дѣйствуетъ совокупно съ партизанами, нападаетъ на Французовъ съ толпою крестьянъ, освобождаетъ изъ плѣна своего дядю и вообще ведетъ себя молодцомъ. Это лице болѣе всѣхъ другихъ привязываетъ къ себѣ читателя благородствомъ своихъ чувствованій, пылкостью, быстротою соображенія и любовью къ отчизнѣ. Первый наставникъ его въ военномъ дѣлѣ, Гусарскій Полковникъ, весьма хорошо обрисованъ имъ въ немногихъ чертахъ; мы узнаемъ живой подлинникъ въ этомъ вѣрномъ портретѣ: «Все «проявляло въ немъ мужество, рѣшительность, от«вагу. Его слова и приказанія были ясны и точны, «потому что онъ все предусматривалъ и былъ увѣренъ «въ успѣхѣ. Никогда не забуду его: огненный взглядъ, «густыя брови, Сократовскій носъ, усы сросшіеся «съ бородою.... и этотъ очаровательный звукъ го«лоса.» Если бы чрезъ нѣсколько страницъ и не выставлена была заглавная буква имени сего партизана-Полковника, то все бы читатели, знакомые съ событіями войны 1812 года, угадали, кто таковъ этотъ истинно-поэтическій воинъ.

Многія черты нынѣшняго времени схвачены весьма живо и пробуждаютъ умиленіе въ читателѣ Рускомъ. Таковъ, напримѣръ, геройскій порывъ отца Алексѣева, слѣпаго и дряхлаго старца, положившаго жизнь свою за родину; такова вѣрность и привязанность крестьянъ Удивительнаго человѣка къ блажному, но доброму своему господину. Вообще романъ сей отличается движеніемъ. Авторъ не даетъ отдыха своимъ читателямъ, переноситъ ихъ отъ одной сцены къ другой, отъ положенія къ положенію, безпрестанно мѣняетъ впечатлѣнія, и не останавливается ни на чемъ. Эта чрезвычайная поспѣшность, эта плодовитость воображенія можетъ даже отчасти вмѣнена быть въ порокъ. Смѣшное, каррикатурное, чувствительное, благородное и возвышенное, такъ близко граничатъ одно съ другимъ въ этомъ произведеніи, что ощущенія читателя, можно сказать, утомляются симъ разнообразіемъ. Ав-

торъ бѣжитъ впередъ безъ остановки и увлекаетъ насъ за собою, такъ что мы не успѣваемъ перевести духъ. Удовольствіе, которое мы чувствуемъ по прочтеніи сего романа, похоже на то, каковое въ насъ остается послѣ хорошо придуманныхъ живыхъ картинъ, поминутно мелькающихъ одна за другою передъ нашими глазами.

Слогъ Сочинителя неизмѣнно легокъ и пріятенъ. Есть маленькія неисправности; но онѣ скрадываются въ цѣломъ быстротою переходовъ Автора и тою свободой, съ которою онъ разсказываетъ, какъ будто вовсе не заботясь о томъ, станутъ ли строгіе Критики слѣдить за нимъ и подмѣчать сіи неисправности.

СМѢСЬ.

Въ No 6-мъ Московскаго Телеграфа, на стр. 289, помѣщено слѣдующее извѣстіе.

«Брокгаузъ, Лейпцигскій книгопродавецъ, объявляетъ о пониженіи цѣны разныхъ книгъ. Между ими нашли мы Нѣмецкій переводъ *Исторіи Государства Россійскаго*, соч. Карамзина (Geschichte des Russischen Reichs. Nach der zweiten Originalausgabe übersetzt, 10 т., съ портретомъ Автора). Книгопродавецъ уступаетъ всѣ десять томовъ за *полцѣны* (früherer Preis 20 Thlr. jetzt zehn Thlr.). — Видно, что худо покупаютъ ихъ въ Германіи. — Тутъ же за 16 грошей продается (вмѣсто прежней цѣны, 1 талера 8 грошей) *Аглая* — Нѣмецкій переводъ мелкихъ статей Карамзина.»

Къ чему эта благонамѣренная выписка и прибавленное къ ней благопристойное замѣчаніе Издателя М. Телеграфа? Что хотѣлъ онъ этимъ доказать? Вѣроятно то, что ученые Германцы будто бы согласны съ его мнѣніемъ, неоднократно высказаннымъ при разныхъ случаяхъ: «что мода на Карамзина уже прошла; что онъ не можетъ быть для насъ образцемъ даже и по слогу,» и т. п. Но многорѣчивый Оратоpъ *невещественнаго капитала* долженъ покрайней мѣрѣ знать, что книгопродавцы смотрятъ на книги, какъ на капиталъ вещественный, какъ на товаръ, и что творенія славнѣйшихъ Писателей могутъ продаваться, смотря по относительной цѣнности изданія, а не по достоинству самыхъ произведеній. Часто, для скорѣйшаго сбыта своего товара, книгопродавцы объявляютъ о *продажѣ книгъ съ уступкой*: Г. Полевой можетъ убѣдиться въ этомъ каталогами двухъ иностранныхъ книжныхъ магазиновъ, находящихся нынѣ въ Петербургѣ (librairies au rabais). Здѣсь онъ можетъ купить весьма дешево, въ сравненіи съ каталожною цѣною, сочиненія Шекспира, Байрона, В. Скотта, Шатобріана и пр.; а никто не скажетъ о произведеніяхъ сихъ Писателей: «видно, что худо покупаютъ ихъ въ Россіи!» Если бы кто рѣшился это сказать того бы назвали безстыднымъ лжецомъ, и не ошиблись бы.

Читателю, вспрѣчающему въ М. Телеграфѣ вышепомянутую отмѣтку, весьма естественно представляется вопросъ: «По какому побужденію Издатель Телеграфа и вмѣстѣ Историкъ Рускаго Народа никогда не упускаетъ случая, помянуть не добромъ Карамзина?» Разрѣшеніе сего вопроса можно бы пріискать во многихъ изъ басень Крылова; мы покамѣстъ укажемъ на двѣ слѣдующія: *Слонъ и Моська*, и *Дождь и Камень*.

Кантово опредѣленіе Музыки. — «Что касается до жизненнаго чувства слуха, оно не только приводится въ движеніе съ невыразимою быстротою и разнообразіемъ, но и укрѣпляется Музыкою, которая есть правильная игра ощущеній душевныхъ, и вмѣстѣ языкъ однихъ ощущеній, безъ всякой умственной идеи. Звуки, которые здѣсь суть тоны, для слуха то же, что цвѣта для зрѣнія: они сообщаютъ ощущенія далеко и на пространствѣ, болѣе или менѣе великомъ, всѣмъ тѣмъ, кои тамъ находятся; и это общественное наслажденіе ни для кого не умаляется отъ того, что весьма многіе въ немъ участвуютъ.» (Кантъ, *Антропологія*, стр. 49 Кенигсберг. изданія)

Одесскій Альманахъ вышелъ въ свѣтъ, и нѣсколько экземпляровъ его можно найти здѣсь, въ книжномъ магазинѣ Г. Смирдина. Альманахъ сей заслуживаетъ вниманіе по многимъ замѣчательнымъ статьямъ въ прозѣ, и по нѣсколькимъ прекраснымъ стихотвореніямъ. Цѣна экз. въ Одессѣ 10 руб., въ другихъ городахъ 12 руб.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 14-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

Суббота. **Томъ III, № 35.** *Іюня 20го.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 годъ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Пятницу), — 10-го (въ Среду), — 15-го (въ Понедѣльникъ), — 20-го (въ Субботу), — 25-го (въ Четвертокъ) и 30-го (во Вторникъ).

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ РОМАНА: БЮГЪ-ЖАРГАЛЬ.

(*Соч. Виктора Гюго.*)

(*Окончаніе.*)

— «Теперь твоя очередь!» сказалъ Предводитель послѣднему плѣнику-поселенцу, котораго бѣлые подозрѣвали въ произхожденіи отъ Мулатовъ и который за за такой упрекъ вызвалъ меня на поединокъ.

Всеобщіе клики мятежниковъ заглушили отвѣтъ поселенца. — «Muerte! muerte! Mort! Death! Touyé! touyé!» кричали они, скрежеща зубами и показывая кулаки несчастному узнику.

— «Генералъ, «сказалъ одинъ Мулатъ, выражавшійся яснѣе прочихъ: «это бѣлый; должно его умертвить.«

Бѣдный плѣникъ собралъ всѣ силы и дѣлая знаки руками, закричалъ такъ громко, что можно было его услышать, не смотря на шумъ, производимый Неграми. «Нѣтъ, нѣтъ, Г-нъ Генералъ! нѣтъ, мои братья! я не бѣлый; это гнусная клевета! я такой же Мулатъ, какъ вы, сынъ такой же Негритянки, какъ ваши матери и сестры.

— «Онъ лжетъ,» говорили разъяренные Негры: «это бѣлый. Онъ всегда презиралъ черныхъ и цвѣтныхъ людей.

— «Никогда! никогда! «повторялъ несчастный. «Я братъ вашъ. Всегда презиралъ я бѣлыхъ и говорилъ мѣстѣ съ вами: Nègre cé blan, blan cé nègre! (*)

— «Неправда!, неправда! »кричали въ толпѣ: «touyé blan, touyé blan!

Несчастный жалобно стенялъ и приговаривалъ: «Я Мулатъ! я изъ вашего племени!

— «Доказательство? «сухо сказалъ Біассу.

— «Доказательство?.. Доказательство состоитъ въ томъ, что бѣлые презирали меня.

— «Бѣлые тебя презирали, это правда,» сказалъ одинъ молодой Креолъ: «но ты за то презиралъ цвѣтныхъ людей, къ которымъ они тебя причисляли. Мнѣ даже сказывали, что ты недавно вызвалъ на поединокъ одного бѣлаго, укорявшаго тебя произхожденіемъ отъ нашего племени.«

Всеобщій ропотъ и дикіе крики разъяренной толпы заглушили оправданіе поселенца, который, посматривая на меня изкоса, говорилъ, заливаясь слезами: «Это клевета! Принадлежатъ къ числу черныхъ, почитаю я первѣйшимъ благомъ и высочайшею славою. Я Мулатъ.

— «Если бъ ты былъ Мулатомъ дѣйствительно,« замѣтилъ хладнокровно Риго: «ты не употребилъ бы этого слова (*).

— «Увы! я не знаю самъ, что говорю,» сказалъ несчастный; и оборотясь къ Біассу, прибавилъ: «Г. Генералъ, черные кружки около погтей моихъ доказываютъ, что я одного съ вами произхожденія (**).«

Біассу оттолкнулъ его руку.

— «Я не умѣю, такъ какъ Г. Капелланъ, узнавать человѣка по чертамъ руки. Однако слушай: наши солдаты обвиняютъ тебя: одни въ томъ, что, ты бѣлый, другіе — что измѣнникъ. Если это правда, ты долженъ умереть. Но ты утверждаешь, что принадлежишь къ нашему племени и никогда не отвергалъ его. Доказать это и спасти себя предстоитъ тебѣ одно средство.

— «Какое, Генералъ, какое? »торопливо спросилъ плѣникъ: « я готовъ.

(*) Поговорка возмущенныхъ Негровъ, коей буквальный переводъ есть: »Негры суть бѣлые, бѣлые суть Негры.« Вотъ смыслъ оной: «*Негры суть господа, бѣлые суть невольники.*

(*) Должно припомнить, что цвѣтные люди не терпѣли этого названія, которое, говорили они, изобрѣтено бѣлыми, для выраженія ихъ презрѣнія къ невольникамъ.

(**) Дѣйствительно у многихъ людей смѣшаннаго племени примѣчается этотъ знакъ, съ лѣтами изглаживающійся, но возрождающійся въ ихъ дѣтяхъ.

— « Вотъ оно, » сказалъ Біассу: « возьми кинжалъ и заколи этихъ бѣлыхъ. «

При сихъ словахъ, онъ указалъ на насъ пальцемъ и съ адской улыбкою подалъ кинжалъ поселенцу; но тотъ съ ужасомъ отступилъ отъ него.

— « Ты медлишь, » сказалъ Предводитель; « но это единственное средство доказать мнѣ и моей арміи, что ты не бѣлый и принадлежишь къ нашему племени. Ну же, рѣшайся, не заставляй меня терять времени! «

Глаза плѣнника были мутны, какъ у безумнаго. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, потомъ остановился, опустилъ руки и отворотилъ голову. Всѣ члены его дрожали.

— « Да скоро ли? » вскричалъ Біассу съ выраженіемъ нетерпѣнія и гнѣва: « я тороплюсь. Выбирай одно изъ двухъ: или убить ихъ, или умереть вмѣстѣ съ ними. «

Поселенецъ оставался неподвиженъ, какъ окаменѣлый.

— « Хорошо! » сказалъ Біассу, обращаясь къ Неграмъ: « онъ не хочетъ быть лицемъ дѣйствующимъ, такъ будетъ страдательнымъ. Я вижу, это бѣлый; ведите его, эй вы!.. «

Черные бросились, чтобы схватить поселенца, и это движеніе рѣшило его выборъ. Самая трусость придаетъ иногда смѣлости. Онъ вырвалъ у Біассу кинжалъ и не останавливаясь ни на минуту, чтобы размыслить о своемъ поступкѣ, устремился какъ тигръ на лежавшаго подлѣ меня гражданина С***.

Тутъ началась жестокая борьба. Негрофилъ, приведенный въ отчаяніе заключеніемъ допроса Біассу, смотрѣлъ пристально и какъ полоумный на сцену, происходившую между Предводителемъ и поселенцемъ; и такъ былъ пораженъ ужасомъ приближающейся казни, что, казалось, ничего изъ оной не понялъ. Но увидя своего товарища, стремящагося къ нему съ поднятымъ кинжаломъ, онъ какъ бы пробудился отъ грозящей опасности, вскочилъ на ноги, и остановивъ руку убійцы, началъ умолять его жалобнымъ голосомъ.

— « Пощадите! пощадите! чего вы отъ меня хотите? что я вамъ сдѣлалъ?

— « Должно умереть, Государь мой, « отвѣчалъ Мулашъ, стараясь освободить свою руку и устремивъ на несчастную жертву смутный взоръ. « Не мѣшайте мнѣ, я не сдѣлаю вамъ никакого вреда.

— « Умереть отъ руки вашей! » говорилъ Экономистъ: « за что? Сжальтесь надо мною. Можетъ быть, вы хотите отмстить мнѣ за то, что я назвалъ васъ однажды Мулашомъ? Но не лишайте меня жизни, и я обѣщаю признавать васъ за бѣлаго: да, вы бѣлый; я это скажу вездѣ, только пощадите!..«

Негрофилъ избралъ худое средство для защиты.

— « Замолчи! замолчи! » кричалъ изступленный Мулашъ, страшась, чтобъ его не услышали Негры. Но тотъ ничему не внималъ и продолжалъ увѣрять, что почитаетъ его бѣлымъ и притомъ очень хорошей фамиліи. Чтобъ заставить его замолчать, Мулашъ употребилъ послѣднее усиліе, отдернулъ удерживавшія его руки и проткнулъ кинжалъ сквозь одежду гражданина С***. Несчастный почувствовалъ остріе желѣза и съ яростію впился зубами въ руку, его поражавшую. — « Извергъ! злодѣй! ты меня губишь! » — Онъ бросилъ взглядъ на Біассу. « Защити меня, мститель человѣчества! » — Но убійца налегнулъ на кинжалъ; кровь хлынула ему на руки и брызнула даже въ лице. Колѣна несчастнаго Негрофила мгновенно подогнулись, руки опустились, глаза потухли. Онъ испустилъ глухой стонъ и мертвый упалъ на землю.

Эта сцена, въ которой я самъ приготовлялся быть дѣйствующимъ лицемъ, привела меня въ ужасъ. Самые Негры, казалось, были устрашены зрѣлищемъ, которое доставилъ имъ Предводитель. Но *мститель человѣчества* очень равнодушно смотрѣлъ на борьбу сихъ двухъ жертвъ; когда же все было кончено, приказалъ принести себѣ свѣжаго табаку и преспокойно принялся его жевать. Риго и Оби сидѣли неподвижно.

Приходила моя очередь умереть отъ руки гнуснаго убійцы. Взглянувъ на этого человѣка, готовившагося быть моимъ палачемъ, я почувствовалъ къ нему состраданіе. Губы его были фіолетоваго цвѣта, зубы стучали, судорожное движеніе сводило всѣ члены; руки его безпрестанно и какъ бы машинально поднимались и стирали съ лица капли крови; онъ какъ сумасшедшій смотрѣлъ на дымящійся трупъ, распростертый у ногъ его, и не сводилъ съ него дикихъ своихъ взоровъ.

Въ странныхъ отношеніяхъ находился я съ этимъ поселенцемъ: онъ уже однажды едва не застрѣлилъ меня, чтобы доказать Европейское свое происхожденіе; теперь приготовлялся заколоть для убѣжденія въ томъ, что онъ Мулашъ.

— « Хорошо, мой другъ, хорошо! я тобою доволенъ; » сказалъ ему Біассу. Онъ посмотрѣлъ на меня и прибавилъ:

— « Увольняю тебя отъ другаго. Пошелъ! мы тебя признаемъ добрымъ собратомъ и жалуемъ палачемъ нашей арміи. «

При сихъ словахъ вышелъ изъ толпы Негръ, поклонился три раза Біассу и произнесъ на своемъ языкѣ: « А я, Генералъ?

— « А ты что? » спросилъ Біассу. « Чего тебѣ надобно?

— « Развѣ вы ничего не сдѣлаете для меня, Генералъ? « сказалъ черный. « Вотъ вы жалуете эту собаку бѣлаго, который рѣжетъ людей, чтобы доказать, что онъ нашъ собратъ. Нельзя ли также произвести и меня, природнаго и добраго Негра? «

Это неожиданное требованіе привело Біассу въ замѣшательство; онъ нагнулся къ Риго, и тотъ сказалъ ему по-Французски: « Просьбу его нельзя уважить; постарайтесь отъ него отдѣлаться.

— « Тебя произвести? » сказалъ Біассу *доброму Негру*: « съ великимъ удовольствіемъ; какой чинъ ты хочешь получить?

— « Мнѣ бы хотѣлось быть офицеромъ.

— « Офицеромъ! очень хорошо; а въ чемъ состоятъ заслуги твои на полученіе эполетовъ?

— « Я, » надменно отвѣчалъ черный, « я подпалилъ селеніе Лагоссетъ, въ самыхъ первыхъ числахъ Августа. Я убилъ разводителя плантацій Клемана и послалъ на пикѣ голову его прикащика. Я зарѣзалъ десять бѣлыхъ женщинъ и семь маленькихъ ребятъ, изъ которыхъ одинъ служилъ вмѣсто знамени храбрымъ Неграмъ Букмана. Въ послѣдствіи, когда мы взяли Галифетъ, я сжегъ четыре семейства, которыя заперъ въ домѣ и подложилъ потомъ огонь. Отецъ мой былъ колесованъ въ Капѣ, братъ повѣшенъ въ Рокру, и самого меня едва не разстрѣляли. Я сжегъ три плантаціи кофе, шесть плантацій индиго и двѣсти десятинъ сахарнаго тростника; я убилъ господина моего Ноё и его мать....

— « Перестань изчислять свои подвиги, » сказалъ Риго, который свирѣпость свою скрывалъ подъ видомъ притворной кротости, и хотя дѣйствительно былъ жестокъ, но соблюдалъ приличія и не терпѣлъ, чтобы хвастались разбоемъ.

— « Я могъ бы вамъ привести многія другія заслуги, » гордо продолжалъ Негръ: « но вы безъ сомнѣнія согласитесь, что упомянутыхъ мною уже достаточно для удостоенія меня офицерскаго званія, и позволенія носить на камзолѣ золотые эполеты, по примѣру вотъ этихъ нашихъ товарищей. »

Онъ указалъ на адъютантовъ и чиновниковъ свиты Біассу. Предводитель немного подумалъ, принялъ важный видъ и сказалъ черному:

— « Я доволенъ твоими услугами, и мнѣ бы хотѣлось наградить тебя; но для этого еще нужно одно. Знаешь ли ты по-Латинѣ?

— « Что такое, Генералъ? » сказалъ разбойникъ, выпаращивъ большіе глаза свои.

— « Ну, да! » съ живостію продолжалъ Біассу: « знаешь ли ты по-Латинѣ?

— « По-Лати-нѣ? » повторилъ изумленный Негръ.

— « Да, да, да, по-Латинѣ! знаешь ли ты по-Латинѣ? » закричалъ хитрый Предводитель; и развернувъ знамя, на которомъ былъ написанъ стихъ псалма: in exitu Israel de Aegypto, прибавилъ: « разтолкуй намъ, что значатъ эти слова? »

Черный отъ удивленія не могъ выговорить ни слова, и стоялъ какъ вкопанный, посматривая то на знамя, то на Генерала.

— « Ну же, будешь ли ты отвѣчать? » сказалъ Біассу съ нетерпѣніемъ.

Негръ почесалъ голову, открылъ ротъ, потомъ закрылъ его, повторилъ нѣсколько разъ то же и наконецъ сказалъ: « Я не знаю, что угодно Генералу.

— « Какъ, негодяй! » вскричалъ Предводитель: « какъ! ты хочешь быть офицеромъ и не знаешь по-Латинѣ!

— « Но, Генералъ.... « бормоталъ смущенный и трепещущій Негръ.

— « Молчи, » перебилъ Біассу, какъ казалось, съ возрастающимъ гнѣвомъ. « Не знаю, почему я тотчасъ же не велѣлъ тебя разстрѣлять за твое высокомѣріе. Какъ кажется вамъ, Риго, этотъ человѣкъ, который хочетъ быть офицеромъ, не зная даже по-Латинѣ?..

— « И такъ ты не понимаешь надписи на нашемъ знамени? » продолжалъ онъ, обращаясь къ черному; « слушай, я тебѣ объясню ее: in exitu, никакой солдатъ, Israel, незнающій по-Латинѣ, de Aegypto, не можетъ быть произведенъ въ офицеры. Не такъ ли, Г. Капелланъ? «

Оби сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— « Ты завидуешь новому нашему товарищу, котораго я пожаловалъ въ палачи, » продолжалъ Біассу: « но я тебѣ покажу, что онъ знаетъ по-Латинѣ.

Онъ оборотился къ новопроизведенному. — « Не правда ли, другъ! Докажи этому глупцу, что ты свѣдующе его. Что значитъ... Dominus vobiscum? »

Несчастный поселенецъ, выведенный изъ мрачной своей задумчивости ужаснымъ симъ голосомъ, поднялъ голову; онъ находился еще въ сильномъ волненіи отъ подлаго убійства, за минуту имъ совершеннаго; однако жъ страхъ принудилъ его къ повиновенію. Было что-то странное въ физіогноміи этого человѣка, переходившаго отъ ужасныхъ мыслей и угрызеній совѣсти, къ воспоминаніямъ объ училищѣ. — « Dominus vobiscum.....» отвѣчалъ онъ: « значитъ... Да будетъ съ вами Богъ.

— « Et cum spiritu tuo! « прибавилъ торжественно таинственный Оби.

— « Amen! » сказалъ Біассу. Потомъ, принявъ на себя сердитый видъ и примѣшивая къ изліянію притворнаго своего гнѣва, нѣкоторыя изкаженныя Латинскія реченія, для убѣжденія черныхъ въ своей учености, закричалъ честолюбивому Негру: — « Стань въ послѣднемъ ряду! Sursum corda! и не осмѣливайся впередъ думать, что ты въ состояніи сравниться съ твоими начальниками, знающими по-Латинѣ, orate fratres, или я тебя повѣшу! Bonus, bona, bonum! «

Смущенный Негръ со стыдомъ и страхомъ отошелъ на назначенное ему мѣсто, среди всеобщаго хохота товарищей, которые негодовали на его требованія, не соотвѣтственныя заслугамъ, и съ удивленіемъ смотрѣли на ученаго своего Предводителя.

Сцена сія хотя и имѣла забавную сторону, однако дала мнѣ высокое понятіе объ искуствѣ Біассу, и вмѣ-

стѣ съ шѣмъ показала, до какой степени доходила глупость Негровъ.

Съ Фр. — М — въ.

АМУРЪ-АНАКРЕОНЪ.

Зафна, Лида, и толпа Греческихъ дѣвъ.

Зафна.

Что ты стоишь? пойдемъ же съ нами
Послушать пѣсень старика!
Какъ, струнъ касался слегка,
Онъ вдохновенными перстами
Умѣетъ душу волновать,
И о любви, на лирѣ звучной
Съ усмѣшкой страстной напѣвать.

Лида.

Оставь меня! Пѣвецъ докучной,
Какъ лунь блистая въ сѣдинахъ,
Поетъ про негу, славитъ младость! —
Но нѣжныхъ словъ пропитна сладость
Въ поблеклыхъ старости устахъ.

Зафна.

Тебя не убѣдишь словами,
Такъ силой уведемъ съ собой. (*Къ подругамъ.*)
Опутайте ее цвѣтами,
Ведите узницу за мной.

Подъ вѣтхимъ деревомъ вѣтвистымъ,
Сидѣлъ старикъ Анакреонъ:
Въ честь Вакха лиру строилъ онъ;
И полная виномъ душистымъ,
Обвита свѣжихъ розъ вѣнцомъ,
Стояла чаша предъ пѣвцомъ.
Вооилъ, и юный и прекрасный,
Облокотился, пѣсни ждалъ.
И чашу старецъ сладострастный
Поднесъ къ устамъ — и забряцалъ.
Но дѣвушекъ съ холма сходящихъ
Лишь онъ вдали завидѣлъ рой,
И струнъ, веселіемъ горящихъ,
Онъ звонкій переладилъ строй.

Зафна.

Пѣвецъ нашъ старый! будь судьею:
Къ тебѣ преступницу ведемъ.
Будь строгъ въ рѣшеніи своемъ
И не плѣнися красотою.
Вотъ, слушай, въ чемъ ея вина:
Мы шли къ тебѣ; ее съ собою
Зовемъ мы, просимъ, но она
Тебя и видѣть не хотѣла!....
Взгляни, вотъ совѣсти укоръ:
Какъ вдругъ вся вспыхнувъ покраснѣла
И въ землю потупила взоръ!....
И мало ли что насказала:
Что нѣжность старцу не пристала;
Что у тебя остыла кровь!
Такъ накажи за преступленье:
Спой нѣжно, сладко про любовь
И въ перси ей вдохни томленье.

Старикъ на Лиду поглядѣлъ
Съ улыбкой, но съ улыбкой злою;
И покачавъ сѣдой главою,
Онъ тихо про любовь запѣлъ.
Онъ пѣлъ, какъ грозный сынъ Киприды
Своихъ любимцевъ бережетъ;
Какъ мстишь Харитамъ за обиды
И льетъ въ нихъ ядовитый медъ,
И жалитъ ихъ и въ нихъ стрѣляетъ,
И въ сердце гордое влетя,
Строптивыхъ Грацій покоряетъ
Вооруженное дитя.

Внимала Лида, и не смѣла
На старика поднять очей,
И сквозь роскошный шелкъ кудрей
Румянца пламенемъ горѣла.
Все пѣлъ пріятнѣе пѣвецъ,
Все ярче голосъ раздавался:
Въ единый съ лирой звукъ сливался;
И робко Лида, наконецъ,
Въ избытокѣ страстныхъ чувствъ вздохнула,
Приподняла чело, взглянула....
И не повѣрила очамъ.
Пылалъ, юнѣлъ старикъ маститый,
Весь просіялъ, его ланиты
Цвѣли какъ розы; по устамъ
Любви улыбка пробѣгала, —
Усмѣшка радостныхъ боговъ;
Брада сѣдая изчезала;
Изъ-подъ серебряныхъ власовъ
Златыя выпадали волны....
И вдругъ....разсѣялся туманъ!
И лиру превратя въ колчанъ,
И взоръ бросая, гнѣва полный,
Грозя пернатою стрѣлой,
Прелестенъ дѣтской красотой,
Взмахнулъ крылами сынъ Киприды,
И пролетая мимо Лиды,
Ее въ уста поцѣловалъ.
Вздрогнула Лида и замлѣла,
И грудь любовью закипѣла,
И ядъ по жиламъ пробѣжалъ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ ЛОНДОНЪ.

С. Петербургъ 25-го Мая, 1831.

На большомъ Театрѣ, Россійскими Актёрами представлены были: комедія-водевиль *Воспитанникъ любви, или какъ онъ переименился*, и водевиль: *Горе безъ ума.* Объ пьесы, разыгранныя на здѣшнемъ театрѣ въ первый разъ, замѣчательны тѣмъ, что переводомъ первой изъ нихъ, съ Французскаго языка, репертуаръ Театровъ одолженъ Актёру Московскаго Театра Г. Ленскому, а сочиненіемъ втораго — здѣшнему Актёру Г. Карашыгину 2-му.

О переводѣ комедіи-водевиля, не сравнивъ его съ подлинникомъ, нельзя ничего сказать положительнаго. Сама по себѣ пьеса довольно занимательна, но не вполнѣ развита. Объ же сіи пьесы разыграны были съ бенефисною тщательностію, и Г. Дюръ показалъ въ нихъ, что пріобрѣтя бо́льшую опытность, сдѣлаетъ честь нашей комической сценѣ. Водевиль: *Горе безъ ума*, принятъ былъ зрителями весьма хорошо, и Авторъ получилъ театральное изъявленіе благодарности.

Нѣкоторыя причины заставляютъ предполагать, что по окончаніи спектакля, мысли нѣкоторыхъ зрителей необходимо долженствовали обратиться къ разсмотрѣнію: совмѣстны ли принадлежности личной сатиры съ достоинствомъ драматическихъ пьесъ? На странный сей вопросъ, можно было бы понятно и рѣшительно отвѣчать вопросомъ же: должна ли сатира личная, по праву, принадлежать къ благородному семейству литературныхъ произведеній? Но какъ usus est tirannus; то рѣшеніе перваго изъ вопросовъ, дѣлается независимымъ отъ послѣдняго.

Вѣря, что только трагедія и собственно драма, по возвышенности изображаемыхъ ими событій или по отдаленности времени, въ которомъ онѣ почерпаютъ для себя матеріялы, имѣютъ право, живописуя поступки, вызывать на сцену и лица ихъ совершавшія,— необходимо должны мы допустить, что всѣмъ другимъ драматическимъ произведеніямъ остается заниматься изображеніемъ однихъ только поступковъ, независимо отъ представленія лицъ, служащихъ къ тому поводомъ, и что цѣль ихъ наставленія, укора, похвалы или осмѣянія, должна быть болѣе общею, нежели частною. Ихъ достоинство всегда лучше, когда зависитъ не отъ изображаемаго лица, но отъ выставляемыхъ поступковъ; когда самые поступки обрисовываются съ такою тонкостію, по которой нельзя не отгадать лица, если оно извѣстно, но въ то же время нельзя съ математическою вѣрностію указать на него; когда прелесть отгадки предоставляется на смѣтливость зрителей, а не опирается на мѣлочныхъ личныхъ и мѣстныхъ принадлежностяхъ, по которымъ зритель въ правѣ негодовать на Сочинителя, показывающаго ему вещи какъ бы близорукому, или прислѣповатому.

Такимъ образомъ, когда къ изображаемому поступку придаются принадлежности, такъ сказать, ощупью наводящія зрителя на цѣль Автора, то пьеса его дѣлается уже не сатирою, но личностью; цѣль—частною, а не общею; вѣкъ и занимательность пьесы эфемерными, а зрители переносятся воображеніемъ къ первымъ вѣкамъ Греческой комедіи, когда извѣстныя лица безъ зазрѣнія выставлялись на посмѣяніе. Но и тогдашніе Греки скоро разлюбили такой тонъ ихъ комедій; такъ должно ли намъ воскрешать то, что Древними погребено безъ сожалѣнія? И въ самомъ дѣлѣ: къ чему служитъ подпись подъ портретомъ, когда мы узнаемъ лице по сходству, не всматриваясь, изображенъ ли нашъ знакомецъ въ его вседневномъ костюмѣ, или одѣтъ по произволу живописца? Это дѣло постороннее: ибо и при сходствѣ костюма и другихъ отличительныхъ признаковъ, дозволяется находить несходство портрета, и тотъ еще не портретистъ, кто съ рѣзкимъ сходствомъ изображаетъ одно платье. Если же нѣмая живопись можетъ обходиться безъ сего; то живое, дѣйствующее и говорящее драматическо-искусство тѣмъ менѣе имѣетъ надобности въ сихъ принадлежностяхъ. Могутъ сказать, что въ нѣкоторыхъ пьесахъ, при представленіи оныхъ, нельзя не допустить случайностей, которыя могутъ быть столько же рѣзкими, какъ и оскорбительными; но равномѣрно нельзя не признать и того, что всякой водевиль или комедія, имѣющія предметамъ изображенія *кого*, а не *что*, уклоняются отъ литературнаго назначенія, и въ этомъ отношеніи всѣ таковыя случайности являются умышленными и тѣмъ менѣе извинительными, что не жажда какого-либо мщенія должна руководить Писателя сихъ произведеній, но польза или удовольствіе общія, а слѣдовательно невинныя. Зрителю нѣтъ надобности знать келейныя отношенія Автора или его круга: это столько же послужило бы къ его очарованію, какъ если бы въ *волшебномъ спектаклѣ* открыто дѣйствовали всею закулисною механикою; къ тому же, симъ не можетъ искупиться поддѣльность шаланта Сочинителева, а къ истинному его достоинству не прибавится блеска. И неужели для авторскаго самолюбія недостаточно, выставляя пьесу на сценѣ, убѣдить, что изображенное въ ней дѣйствительно само по себѣ худо или смѣшно, не во время или не на мѣстѣ, странно или предосудительно, въ тонѣ или не въ модѣ?

Л. Крестьевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

АЛЬМАНАХИ НА 1831-й ГОДЪ.

Одесскій Альманахъ на 1831-й годъ, изданный П. Морозовымъ и М. Розбергомъ. — Одесса, въ городской типографіи, 1831. (411 стр. въ 16-ю д. л., съ литографированными портретомъ, двумя видами, географич. картой и двумя листками нотъ (*).

Въ объявленіи, разосланномъ при Одесскомъ Вѣстникѣ, Издатели Альманаха сего говорятъ сами о цѣли онаго: «Уже давно, и особенно въ послѣднее время, «*Новороссійскій край* сдѣлался предметомъ любопытства для нашихъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ: «всѣ желаютъ ближе узнать страну, гдѣ, на почвѣ, «скрывающей остатки классической Древности, го«рятъ яркіе слѣды образованности, оживляющей со«временную Европу; зрѣютъ богатые плоды торговли «и промышлености. Издавая Одесскій Альманахъ, мы «имѣли отчасти въ виду удовлетворить такое любо«пытство, слегка коснувшись предметовъ, которые «въ Новой Россіи привлекаютъ вниманіе мыслящаго. «Къ пьесамъ, написаннымъ съ сею цѣлію, мы присое«динили еще нѣсколько отличныхъ произведеній въ раз«ныхъ родахъ, воспользовавшись благосклоннымъ уча«стіемъ, какое приняли въ нашемъ предпріятіи Лите«раторы, заслужившіе почетное имя на поприщѣ отче«ственной Словесности.»

Главную свою цѣль, т. е. изображеніе Новороссійскаго края, Издатели весьма хорошо выполнили помѣщеніемъ статей историческихъ, археологическихъ и топографическихъ, каковы слѣдующія: 1) *Историческій взглядъ на Одессу* и 2) *Одесса въ 1830-мъ году*, соч. Г-на Морозова, одного изъ Издателей Альманаха. Въ обѣихъ сихъ статьяхъ, Авторъ знакомитъ насъ постепенно съ событіями глубокой древности, ознаменовавшими тѣ мѣста, гдѣ находится теперь одинъ изъ главнѣйшихъ ключей торговли Черноморской, и съ нынѣшнимъ состояніемъ Одессы, съ ея окрестностями, жителями, ихъ способами пропитанія, удовольствіями и пр. 3) *О предполагаемомъ мѣстоположеніи Діанина храма въ Таврідѣ*, соч. Г. Бларамберга. Почтенный Археологъ разсматриваетъ всѣ показанія, переданныя намъ знаменитѣйшими Писателями Древности, касательно мѣста, гдѣ, какъ полагаютъ, первобытные Тавры приносили людей въ жертву Діанѣ, или Ифигеніи. Авторъ приводитъ свидѣтельства Иродота, Скилакса Каріандскаго, Скимнія, Мелы, Плинія, Арріана, Амміана Марцеллина, одного безыменнаго Автора *Перипла Эвксинскаго Понта*, и наконецъ Страбона. Изъ сихъ разногласныхъ показаній, Г. Бларамбергъ выводитъ заключеніе, что по всей вѣроятности, мѣсто, съ котораго низвергали въ море тѣла жертвъ, принесенныхъ Діанѣ или Ифигеніи, есть Аюдагъ (Медвѣжья гора или мысъ), находящійся не подалеку отъ Алушты и Кучукъ-Ламбата. «На сей высотѣ (говоритъ Авторъ), можетъ быть, стоялъ въ героическія времена храмъ, котораго теперь нельзя отыскать и «остатковъ.» 4) *Воспоминаніе о Говардѣ*, соч. А. И. Левшина. Въ сей статьѣ описано умилительное самопожертвованіе друга человѣчества, упомянуты всѣ подвиги человѣколюбія, совершенные имъ къ облегченію страданій людей бѣдныхъ и лишенныхъ свободы; наконецъ изчислено все то, что сдѣлано въ Новороссійскомъ краю для сохраненія памяти сего рѣдкаго мужа въ примѣръ и образецъ позднѣйшему потомству. Авторъ былъ проникнутъ чувствомъ своего предмета; и отъ того въ чистосердечномъ, неприкрашенномъ разсказѣ сильно дѣйствуетъ на сердца читателей. 5) *Письмо изъ Крыма къ М. И. Л.* Краснорѣчивый изыскатель древностей въ запятыхъ Русскими войсками городахъ Турціи, В. Г. Тепляковъ, поэтически взглянулъ на нѣкоторыя мѣста поэтическаго Крыма и передалъ намъ свои разнообразныя впечатлѣнія. 6) *Письмо изъ Одессы*, соч. Г-на Р***, есть быстрый очеркъ и путь отъ Москвы по Новороссійскому краю до Одессы, и сего послѣдняго города, особливо въ томъ видѣ, въ какомъ представился онъ Сочинителю съ перваго взгляда.

Вотъ то, что собственно относится къ замѣчательной странѣ, которой посвященъ сей Альманахъ; но Издатели, желая согласить удовольствіе съ пользой и угодить разнообразнымъ требованіямъ своихъ читателей, перемѣшали упомянутыя выше любопытныя статьи съ произведеніями чисто-литературными, въ прозѣ и стихахъ. *Женева и Кантонъ Женевскій*, отрывокъ изъ путевыхъ записокъ Одесскаго жителя (А. И. Левшина), имѣетъ впрочемъ не одно достоинство литературное: Авторъ не ограничивался поверхностнымъ взглядомъ на предметы, но отчетливо излагалъ свои воспоминанія и замѣчанія. Наблюдательный умъ и логическая строгость въ языкѣ и слогѣ составляютъ отличительный характеръ сей статьи, весьма занимательной по своему содержанію. *Господинъ и слуга*, сказка А. П. Зонтагъ, нравится остроумнымъ вымысломъ, живостью воображенія почтенной Сочинительницы и свободнымъ, прекраснымъ разсказомъ. Въ *Отрывкѣ изъ походныхъ записокъ* Г-на Пашковскаго, приманчивыми красками разцвѣченъ портретъ очень

(*) Цѣна въ Одессѣ 10 р., съ пересылкою 12 р. — Продается въ С. Петербургѣ и Москвѣ въ книжныхъ лавкахъ Андрея Глазунова, въ С. Петербургѣ же въ книжн. магазинѣ Смирдина, а въ Одессѣ у книгопродавца Клочкова.

милой Цыганки: невинность и полу-дикая простота этой молодой и пламенной красавицы привязываютъ къ ней воображеніе читателя. Въ *Турецкихъ пословицахъ*, переведенныхъ Г-мъ Борзенковымъ, мы узнаемъ нѣкоторыя изъ тѣхъ правилъ, на коихъ основывается нравственно-народное уложеніе сосѣднихъ съ нами поклонниковъ Магомета. *Картины Сѣвера*, Ѳ. Н. Глинки, представляютъ, какъ бы для противоположности съ природой Юга, природу угрюмую и знакомую намъ не по наслышкѣ. *Радаисъ и Индаръ*, Скиѳскій разсказъ Г-на Стемпковскаго, и по именамъ дѣйствующихъ лицъ, и по содержанію, и по самому слогу, кажется, какъ будто бы отысканъ въ давно забытомъ портфёлѣ Аббата Бартелеми.

Имена Поэтовъ, принесшихъ свои вклады Музамъ Одесскимъ, заманиваютъ любопытство читателей и ручаются за достоинство стихотвореній, помѣщенныхъ въ *Одесскомъ Альманахѣ*. Гг. Языковъ (Н. М.), Вронченко, Тепляковъ, Подолинскій, Глинка (Ѳ. Н.) Шишковъ 2-й и Ротчевъ украсили сей Альманахъ своими произведеніями. Здѣсь еще находимъ оду Державина, которая донынѣ не была напечатана, и можетъ быть, извѣстна только немногимъ изъ друзей славнаго Рускаго Лирика. «Покойный П. И. Р. (сказано «въ примѣчаніи Издателей О. А.), нѣсколько времени «находившійся при Державинѣ, въ бумагахъ своихъ имѣлъ много стихотвореній знаменитаго Пѣснопѣвца «нашего, въ рукописяхъ. Тамъ были всѣмъ извѣстныя «оды: *На развалины Пальмиры*, *На смерть Кн. Мещерскаго*, *Переходъ чрезъ Альпійскія горы*, и между прочимъ, нигдѣ еще, кажется, не напечатанная ода: *Человѣкъ* — всѣ подписанныя собственною рукою Державина. Сіи рукописи принадлежатъ теперь одному «изъ Издателей Одесскаго Альманаха, который счастливымъ себя почитаетъ — украсить оный вдохновенными звуками Сѣвернаго Пиндара.» Выписываемъ здѣсь сію оду, которая, къ сожалѣнію, не полна; ибо, какъ изъяснено въ другомъ примѣчаніи О. А., «страница рукописи, содержащая остальные четыре стиха «предпослѣдней строфы и всю послѣднюю, такъ пострадала отъ времени, что нѣтъ возможности хорошо разобрать написаннаго.»

ЧЕЛОВѢКЪ.

Ода.

Изъ нѣдръ глубокихъ водъ сребристыхъ
Лапоны гордый сынъ грядетъ;
Съ власовъ румяныхъ и волнистыхъ
Сафиръ, лазурь и пурпуръ льетъ.
Лучи съ струями водъ смѣшались,
По грозной влагѣ разливались;
Блестятъ, какъ молніи во мглѣ,
Какъ огнь блистаетъ въ кристалѣ.

Сидя въ молчаніи глубокомъ,
Чело на длань я преклонилъ,
И мыслію, разсудкомъ, окомъ
Къ Непостижимости парилъ;
Опять ада къ небесамъ взвивался,
Какъ искра въ облакахъ терялся,
Какъ капля въ океанѣ водъ,
Какъ въ вѣчности протекшій годъ.

Природа вся еще дремала,
На лоно сна облокотясь,
Нева едва въ брегахъ мелькала,
Съ журчаньемъ тихимъ въ Бельтъ лiясь;
Струи какъ вѣтерки клубились,
Въ пучину не-хотя стремились,
И въ чистый превратясь хрусталь,
Горятъ, какъ въ яркомъ горнѣ сталь.

Пустемъ, лазурью покровеннымъ,
Фебъ гордый выше возходилъ;
Перстомъ румянымъ, позлащеннымъ
Небесны своды золотилъ;
Лучи въ окно ко мнѣ мелькали,
Огни на люстрѣ рисовали
Тамъ яхонтъ, пурпуръ, тамъ коралъ,
И блескъ мгновенно изчезалъ.

Песчинка малая въ пучинѣ,
Гигантъ и карликъ — человѣкъ,
Воззри — и въ сей найдешь картинѣ
Свой краткій, преходящій вѣкъ:
Какъ солнце утромъ ты сіяешь,
Какъ пѣнь, съ зарею изчезаешь;
Ты живъ, коль огнь свой свѣтъ лiетъ,
Ты мертвъ, когда перестаетъ!

Ты строишь, рушишь, созидаешь,
Какъ Богъ, всемощною рукой;
Міры десницей потрясаешь,
Громами правишь, тишиной;
Ты мыслію бездны проникаешь,
Ты перстъ, — и съ перстью изплѣваешь;
Паришь подъ землю, къ солнцу, въ адъ —
Ты прахъ, ты мощный Энкеладъ!

Ты силою воображенья
Постигъ теченіе планетъ,
Изчислилъ мѣру ихъ движенья,
Обнялъ ихъ свойства, мракъ и свѣтъ.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Замѣчательнѣйшія изъ стихотвореній сего Альманаха суть: *Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича: Конрадъ Валленродъ*, и *Отрывокъ изъ Байроновой трагедіи: Сарданапалъ*, переведенные Г-мъ Вронченкомъ; *Весенняя*

ночь, *Элегія* и *Перстень*, Н. М. Языкова; *Вторая Оракійская элегія: Томисъ*, *26-е Августа* 1828 *года*, *Аріадна*, *кантата* и *Татарская пѣсня*, В. Г. Теплякова; *Отрывокъ изъ драмы: Торкватто Тассо*, N. N.; *Отрывокъ изъ трагедіи: Марѳа Посадница*, ***; *Мелодія* и *Сонетъ*, Г. Подолинскаго; *Пѣснь умирающей дѣвы*, Ѳ. Н. Глинки; *Отрывокъ изъ трагедіи Раупаха: Князья Хованскіе*, и *Первый прологъ Гётева Фауста* пер. А. А. Шишкова; *Прометей* (подражаніе Байрону), и *Удовольствія воображенія*, М. Юз.....

Всѣхъ прозаическихъ статей въ Одесскомъ Альманахѣ *двенадцать*; стихотвореній *тридцать-три*.

«Красивость изданія составляетъ одну изъ необходимыхъ принадлежностей всякой карманной книжки «(сказано было въ объявленіи о семъ Альманахѣ). Издатели *Одесскаго Альманаха* ничего не щадили, чтобы сдѣлать оный и въ семъ отношеніи достойнымъ «одобренія публики. *Одесскій Альманахъ* напечатанъ «на лучшей веленевой бумагѣ; онъ украшенъ *портретомъ Герцога Ришельё*, *видомъ Одесскаго приморскаго бульвара*, вылитографированными въ Вѣнѣ; *видомъ Кучукъ-Ламбата*, помѣстья Г. Бороздина, на южномъ берегу Крыма, и *картою* сего берега. Къ нему «также приложены *ноты* одного романса, Г. Вронченка (Авторъ самъ сочинилъ и слова и музыку сего «романса), и *ноты Татарской пѣсни* Г. Теплякова. Музыка послѣдней, сочинен. С. Л. Бороздиной, есть «подражаніе напѣву поклонниковъ Магомета, населяющихъ Таврическій полуостровъ.»

Намъ остается засвидѣтельствовать, что Издатели и въ семъ отношеніи достигли своей цѣли; что изданіе ихъ Альманаха очень хорошо, не уступаетъ ни въ чемъ современнымъ Альманахамъ столичнымъ, и превосходитъ многіе изъ нихъ. Это первая изъ провинціяльныхъ Рускихъ книгъ, не говоря уже о внутреннемъ достоинствѣ, но и по достоинству типографическому. Шрифтъ, бумага, исправность печатанія, приносятъ честь городской Одесской типографіи. Портретъ, рисунки, карта и ноты выполнены также весьма тщательно.

СМѢСЬ.

Любопытно было бы знать общую сумму всего, что В. Скоттъ получилъ, въ разныя времена, за свои романы, поэмы, сочиненія историческія и пр. Еще за восемь лѣтъ предъ симъ (въ Іюнѣ 1823-го года), Англійскіе Журналы утверждали навѣрное, что за четыре его романа: *Пирата*, *Нигеля*, *Невериля* и *Квинтина Дурварда*, книгопродавецъ-издатель заплатилъ знаменитому Романисту сему 26,000 фунт. стерлинг. (около 750,000 руб. на наши деньги).

Подписка на *Литературную Газету* принимается и на слѣдующую половину года. Цѣна полугодовому изданію (т. е. отъ 37-го по 72-й No включительно) здѣсь въ С. Петербургѣ 17 р. 50 коп., а съ разноскою по домамъ, или съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи, 20 рублей. Подписываться можно: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Слѣнина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ д. Имзена, No 23-й, и А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ д. Гавриловой; у книгопродавцевъ: Ильи Ив. Глазунова, противъ зеркальной линіи Гостинаго двора, въ д. Генералъ-Маіора Балабина, въ книж. лавкѣ подъ No 27; И. И. Запкина, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ No 28. Въ Москвѣ: у Коммисіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева. Въ Тулѣ: въ книж. магазинѣ С. И. Титова. — Гг. иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Первую половину года сей Газеты можно получить у тѣхъ же книгопродавцевъ, по 20 р. экземпляръ; за пересылку ничего не прилагается.

Опечатки въ No 33-мъ Литер. Газеты.

Стран.	*столб.*	*строк.*	*напечат.*	*долж. читать.*
267	2	7	умнѣйшій человѣкъ,	ученѣйшій человѣкъ,
268	1	18	съ своей стороны	съ сей стороны
270	2	10	опистанутъ	опистаютъ
271	2	12	славясь разными отношеніями своими къ другимъ его часпямъ,	сливаясь разными отношеніями своими съ другими его часпями,

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 19-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМЪ III, № 36. ИЮНЯ 25го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Пятницу), — 10-го (въ Среду), — 15-го (въ Понедѣльникъ), — 20-го (въ Субботу), — 25-го (въ Четвергъ) и 30-го (во Вторникъ).

ВЫДЕРЖКИ

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

Одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ Романтической Поэзіи, состоитъ не въ свободѣ, не въ своенравной формѣ, но въ ложной системѣ мыслей мятежныхъ, исполненныхъ блестящихъ софизмовъ. Байронъ виновнѣе всѣхъ; его софизмы дышатъ глубокихъ чувствомъ, какъ софизмы Ж. Ж. Руссо; но они увлекаютъ насъ къ одностороннему воззрѣнію на жизнь человѣческую. Есть сходство между сими Поэтами. Руссо былъ Филантропъ, жившій внѣ общества; онъ упрекалъ человѣка, какъ отецъ заблудшаго сына; Байронъ былъ Мизантропъ, жившій въ обществѣ; онъ презиралъ человѣка, какъ Деспотъ своего раба. Въ исповѣди Руссо и другихъ послѣднихъ его твореніяхъ уже слышенъ отголосокъ лиры Байрона; тотъ же ропотъ, то же уныніе, то же одиночество; но сердце Руссо было добрѣе, а потому и чувство его было не столь мрачно. Я бы могъ представить въ доказательство цѣлый рядъ идей Руссо, обновленныхъ Байрономъ подъ другою формою; но довольно сказано о томъ сравненіи, которое было нѣкогда столь оскорбительно для самолюбія Байрона, и теперь можетъ быть покажется унизительнымъ его безусловнымъ поклонникамъ. Особенно тѣмъ, которые видятъ въ немъ отраженіе современнаго человѣчества, и можетъ быть не совсѣмъ безъ основанія, если вникнуть въ вопросъ: откуда возникли тѣ бури, которыя, созрѣвая нѣсколько вѣковъ, наконецъ какъ бы осуществились во звукахъ лиры Байрона?

II.

Жизнь человѣчества можно раздѣлить на три эпохи, изъ коихъ каждая относится къ своему міру. Первый міръ былъ *Идеальный*; въ немъ какъ бы не было настоящаго; прошедшее и грядущее составляли его сущность. Печальное воспоминаніе объ утратѣ совершенства, озарялось лучами радостной надежды на возобновленіе. Сей міръ можно подраздѣлить на *Религіозный* и *Философическій*; представитель перваго—Моисей; втораго — Сократъ и его ученики; можно даже предположить, что Сократъ зналъ ученіе Моисея, ибо идеи Библіи отражаются въ идеяхъ Греческихъ Философовъ, хотя и съ измѣненіемъ формы. Второй міръ есть *Осуществленный Идеалъ*; грядущее въ немъ содѣлалось настоящимъ; прошедшее — уничтожено. Міръ Религіи обновленъ, надежды Моисея сбылись; но міръ Философіи разрушенъ. Изъ развалинъ его заложенъ третій міръ: *Физическій*; въ немъ все временно, все ничтожно; вездѣ видны границы и ни въ чемъ нѣтъ божественности. Что было *истиною* для древней Философіи, то здѣсь стало *сомнѣніемъ*; оно тотъ камень, на коемъ основано сіе гнилое зданіе. Невѣріе, ничтожество, скука, развратъ гнѣздятся въ немъ, какъ совы въ развалинѣ; прошедшее и грядущее уничтожены, а настоящее отравлено.

III.

Байронъ былъ воспитанъ по системѣ Физическаго міра; но получивъ сильную, дѣятельную душу, онъ скоро пресытился его однообразіемъ, и долженъ былъ искать другаго существованія. Гдѣ же оно? переходъ изъ ничтожества, невѣрія и низкой чувственности, къ безсмертію Вѣрованія и высокимъ восторгамъ, былъ бы слишкомъ далекъ, неестественъ. Какъ соединить сіи противоположности? и онъ устремился къ развалинамъ древней Философіи: къ сомнѣнію. Для человѣка, котораго гордый умъ вѣритъ однимъ только математическимъ убѣжденіямъ, и отвергаетъ всѣ неясныя пророчества чувства, сомнѣніе составляетъ *почти-надежду*; это мрачное чувство живитъ его существованіе и ободряетъ къ дальнѣйшему разысканію. Вотъ начало того мучительнаго раздора ума съ сердцемъ, который видѣнъ во всѣхъ твореніяхъ Байрона (и болѣе всего въ Манфредѣ и Чайльдъ-Гарольдѣ). Всю жизнь онъ бродилъ по чуждой ему стезѣ, какъ молнія, которую роковой отводъ не допустилъ до ея цѣли.

IV.

Вообще можно замѣтишь, что каждое великое нравственное явленіе встрѣчаетъ противоположность; борьба ихъ уравновѣшиваетъ систему, и заблужденія ихъ обращаются въ пользу, служа поводомъ къ открытію новыхъ истинъ. Руссо и Байронъ произвели движеніе въ нравственномъ мірѣ, они потрясли понятія, на коихъ основано общество; имъ противосталъ другой геній, равно сильный, краснорѣчивый, съ душою свѣтлою какъ день; это Шатобріанъ, Гомеръ нашего вѣка, представитель Изящнаго, сообразнаго съ духомъ Христіанской Религіи.

V.

Нашъ вѣкъ не имѣетъ собственной физіогноміи; смѣсь идей старыхъ, обвѣтшалыхъ софизмовъ съ новыми истинами и софизмами, борьба старыхъ предразсудковъ съ новыми, новыхъ системъ со старыми: вотъ его характеръ. Вообще всѣ вѣка подобны ему, но нельзя не замѣтишь, что бывали времена, когда человѣчество единодушнѣе мыслило; можно надѣяться, соображая настоящее, что грядущій вѣкъ будетъ спокойнѣе нашего. XVIII вѣкъ былъ слишкомъ пристрастенъ къ формѣ, извлеченной изъ образцовъ древняго міра; образцовъ изящныхъ относительно ихъ вѣка, но по многимъ причинамъ, чуждыхъ намъ. Иліада Гомера, переведенная однимъ отличнымъ Литераторомъ, служитъ убѣдительнымъ примѣромъ сей истины. Никто не унижаетъ ни Гомера, ни труда его Переводчика; а между тѣмъ сія книга, вопреки предсказанію Пушкина, принята равнодушно, и не будетъ имѣть вліянія на современную Русскую Литературу. Кого винить? — никого, кромѣ времени. Оно сокрушило религію Гомера, оно поколебало его философію, уничтожило его отечество, измѣнило его языкъ; оно истребило все — кромѣ его славы. Гомеръ всегда пребудетъ священнымъ и великимъ, но сей колоссъ теперь является намъ въ туманномъ отдаленіи вѣковъ; чтобъ обозрѣть его — должно приблизиться къ давнопрошедшему; симъ примѣромъ можно убѣдиться въ ложности теорій, извлеченныхъ изъ наблюденій надъ классическими изящными образцами протекшихъ вѣковъ. Источникъ чувствъ Поэта — его собственная душа; форма его выраженія должна принадлежать современному вѣку. Теорія только тогда будетъ справедлива и полна, когда изчезнутъ всѣ заблужденія и всѣ истины будутъ открыты. Тогда водворится и законъ всеобщаго Изящнаго; сей законъ будетъ слѣдствіемъ единодушія человѣчества, просвѣщеннаго истиною. До той поры, лучшая изъ теорій есть та, которая ближе къ сей истинѣ, еще доныне сокрытой отъ насъ покровомъ грядущихъ вѣковъ, но уже свѣтящейся изъ-подъ него.

VI.

Два Идеала существуютъ въ области Изящныхъ Искусствъ: Духовный и Физическій. Такъ и быть должно, ибо человѣкъ составленъ изъ двухъ стихій, а въ Изящныхъ Искусствахъ онъ повторяетъ самого себя. *Идеалъ духовный* зависитъ отъ Религіи, законовъ и воспитанія народнаго; *Идеалъ физическій* отъ страны и климата. Всѣ народы во многомъ сходны между собою: мудрено ли, что ихъ Идеалы также сходны? Сіе сходство ручается намъ въ сліяніи всѣхъ Идеаловъ въ одинъ, всѣхъ Религій въ одну державную, истинную. Человѣкъ недоволенъ своею существенностію; желаніе улучшить ее, было началомъ Изящныхъ Искусствъ. Даже въ физическомъ мірѣ, соединеніе двухъ противоположныхъ существъ производитъ треніе; внутренній міръ человѣка безконеченъ, внѣшній міръ — конеченъ; борьба ихъ создала третій міръ — идеальный *искуственный*. Иначе: идеи души облеклись въ форму тѣла, и подраздѣлились на три отрасли: Музыку, Поэзію и Живопись (относя къ области ея Скульптуру и Мимику.)

VII.

Музыкѣ принадлежитъ старшинство. *Физически* убѣждаетъ насъ въ томъ *младенчество*: первый языкъ его — звуки; это языкъ природы; словесное выраженіе есть уже дѣло условія. Звуки принадлежатъ равно всему человѣчеству; даже прибавимъ болѣе: физическіе законы звуковъ вездѣ одинаковы. Возьмемъ *реквіемъ* Моцарта, и печальную пѣсню дикаго Американца; вездѣ одно и тоже средство, одинъ и тотъ же минорный законъ, разность ихъ состоитъ не въ существѣ Гармоніи, но въ ея объемѣ. Одного можно сравнить съ Царемъ полувселенной, другаго съ нищимъ, обладающимъ ничтожною собственностію; но и тотъ и другой пользуются одинакими правами.

Умственное убѣжденіе въ старшинствѣ Музыки состоитъ въ томъ, что она всѣ чувства разсматриваетъ въ цѣломъ, не вдаваясь въ дробленіе ихъ. Печаль и радость, вотъ двѣ стихіи чувствъ, изъ коихъ произтекаютъ всѣ оттѣнки разнообразія, коими завѣдываетъ Поэзія. Физическій міръ имѣетъ также два чувства: боль и наслажденіе. Музыка безпредметна, безгранична, не раждаетъ отдѣльныхъ понятій, но возбуждаетъ общее, отъ котораго произтекаютъ всѣ; слѣдственно по своей безтѣлесной формѣ, она ближе къ душѣ, нежели всѣ другія искуства. Сія мысль по новизнѣ многимъ покажется странною, а поклонникамъ Поэзіи, оскорбительною. До сихъ поръ Музыку разсматривали, какъ искуство, зависящее отъ произвола Поэзіи. Вольтеръ и надъ ней смѣялся; но смѣхъ Вольтера нерѣдко служитъ доказательствомъ величія предмета, недоступнаго холодной душѣ Скептика. Древніе Мудрецы лучше постигали Музыку, приписывая ей чудную силу одушевлять безчувственные камни. Не будемъ повѣрять сихъ преданій; справедливы или нѣтъ, но они служатъ намъ доказательствомъ той степени уваженія, которую питали Древніе къ Музыкѣ. Всѣхъ болѣе постигалъ ее боже-

ственный Платонъ. Мнѣ неизвѣстно, плакали ль камни, внимая лирѣ Орфея; но знаю, что не всякое двуногое существо съ ушами, способно къ музыкѣ Моцарта. Имѣяй уши слышати, да слышитъ.

VIII.

Разсуждая о Музыкѣ, Поэзіи и Живописи, неминуемо раждается вопросъ: почему гармонія слуху, а симетрія зрѣнію нравятся? и второй, не менѣе значительный вопросъ: почему умышленное разстройство гармоніи доставляетъ намъ наслажденіе? Сей вопросъ никѣмъ еще не разрѣшенъ: каждый сообщаетъ свои догадки и предположенія; и я сообщу мои, пользуясь общимъ правомъ.

Главнѣйшая пружина всѣхъ движеній человѣка есть *самолюбіе*; оно мѣрило нашихъ понятій. Безъ него не существовалъ бы нравственный міръ. Физическая боль дала первому человѣку понятіе о правахъ другаго человѣка; «*не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь*,» вотъ слѣдствіе сего понятія, на коемъ основана нравственность врожденная, не привитая воспитаніемъ. Въ сей истинѣ убѣждаетъ насъ младенецъ; обжегши единажды палецъ, онъ предостерегаетъ взрослыхъ людей. Кто хочетъ постичь естественное право, тотъ долженъ наблюдать надъ младенчествомъ. Ибо въ семъ сокращенномъ масштабѣ, отражается первобытная жизнь человѣчества. Изо всего сказаннаго мною, читатель можетъ видѣть обширность смысла, которую я даю здѣсь родоначальному самолюбію, отъ коего произтекаетъ понятіе добра и зла.

Необходимо еще замѣтить, что человѣкъ есть сокращенный міръ; физическая машина его тѣла, есть самая многосложная и совершенная, изъ всѣхъ видимыхъ нами машинъ живописныхъ, созданныхъ Великимъ Механикомъ. Въ семъ предположеніи, сверхъ самолюбія, убѣждаютъ насъ наблюденія наукъ. Допустивъ сію идею, приступимъ къ прежьей:

Человѣкъ есть существо подражательное; въ немъ нѣтъ ничего самобытнаго. Чего нѣтъ въ природѣ, того нѣтъ и въ его воображеніи. Создавать — значитъ быть Богомъ; самый величайшій изъ геніемъ есть не иное что, какъ обезьяна, передразнивающая своего хозяина. Человѣческое воображеніе можетъ только *составлять*. Въ немъ все врожденно. Приведемъ въ примѣръ *слезы* и *слухъ*: не служатъ ли они общею формою человѣчества, въ которую выливаются печаль и радость? Слѣдственно въ человѣкѣ есть чувства и формы врожденныя; они составляютъ его инстинктъ, которому онъ долженъ, или лучше сказать, не можетъ не повиноваться.

Почему же симетрія человѣку нравится?

Потому, что въ немъ самомъ есть врожденная симетрія; природу онъ подчиняетъ ей, и любуется своимъ пересозданіемъ. Во всѣхъ человѣческихъ зданіяхъ: пирамидахъ, церквахъ, домахъ, и проч. есть сходство съ человѣкомъ. Голова, руки, станъ и ноги просвѣчиваютъ сквозь грубыя и огромныя формы зданій. Вездѣ та же соотвѣтственность частей малыхъ съ большими; та же постепенность въ разположеніи. Куполъ менѣе зданія, столбы тоньѣ, и такъ далѣе. Сіе-то сходство мы называемъ симетріею, пріятною для глазъ; смотря на свое созданіе, человѣкъ безотчетно видитъ самого себя и любуется собою. Въ гармоніи точно то же; есть врожденные, коренные звуки, свойственные вообще человѣческому голосу; къ симъ родоначальнымъ звукамъ принадлежатъ *тоника* и *квинта*. У самыхъ дикихъ народовъ, гдѣ нѣтъ искусства, паденіе природное голоса всегда основано на сихъ звукахъ. Возьмемъ въ примѣръ Рускія старинныя пѣсни; безъ сомнѣнія сочинители ихъ не имѣли понятія о симетріи звуковъ: *тоникѣ* и *квинтѣ*? отъ чего же всѣ пѣсни ихъ основаны на семъ паденіи? Кто училъ ихъ? — Природа.

Но отъ чего отступленіе отъ сего согласія нравится человѣку? почему, на примѣръ, диссонансы ширяютъ и прельщаютъ слухъ? Ухо требуетъ ихъ разрѣшенія въ согласный аккордъ, но совсѣмъ тѣмъ находитъ наслажденіе въ умышленной ихъ нестройности?

Для разрѣшенія сего вопроса, обратимся къ прежней мысли: человѣкъ недоволенъ своей существенностію; въ немъ Всемогущій соединилъ двѣ противоположности: душу и тѣло. Диссонансы Изящныхъ Искусствъ суть представители внутренней борьбы души съ тѣломъ; человѣкъ любуется ими, ибо слышитъ въ нихъ идеальное повтореніе своей горести. Если бы человѣкъ былъ совершенъ и самодоволенъ, онъ бы ограничилъ себя одною чистою гармоніею; тогда бы въ музыкѣ его существовалъ одинъ призвучный, стройный аккордъ; а септимъ-аккордъ, сей символъ его страстей, былъ бы изгнанъ изъ области Гармоніи, какъ падшій Адамъ изъ Эдема.

IX.

Величіе зримой природы, при содѣйствіи внутренняго убѣжденія, или той искры небеснаго огня, которую мы называемъ душею, даетъ намъ нѣкоторое понятіе о Божествѣ; самая торжественная минута перваго человѣка была та, когда онъ призналъ себя твореніемъ. Въ семъ сознаніи не было ничего унизительнаго, ибо благодарность и ясное понятіе о величіи Творца ограничивали его самолюбіе, всегда готовое, подобно мятежному Промееею, переступить границу творенія и перепестись въ творческую стихію. Сія торжественная минута, источникъ вѣры, была началомъ всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ прекрасныхъ созданій человѣка; онъ постигъ свое несовершенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ постигъ и свободу. Молодой орелъ долго не смѣетъ пошевелить опустившимися крилами, но взмахнувъ единажды, стремится къ небесамъ. Таковъ былъ человѣкъ, впервые развивающій свою мысль: онъ еще не имѣлъ

понятія о неодолимыхъ преградахъ; онъ думалъ, что *желать*—значитъ *исполнить*; не такъ ли ребенокъ протягиваетъ ручонки къ отдаленному предмету? Одинъ только опытъ покажетъ ему длину ихъ. Нравственный міръ человѣка превышаетъ физическій, коимъ обремененъ онъ. Птица въ клѣткѣ; ключъ отъ клѣтки въ рукахъ ловчаго, котораго мы называемъ смертію. Представьте себѣ, если можете, положеніе перваго человѣка, который видѣлъ во всемъ одну только жизнь, и вдругъ предъ нимъ лежитъ холодный трупъ знакомаго и можетъ быть любезнаго ему существа; онъ ищетъ причины внезапной перемѣны, теряется въ безднѣ недоумѣнія... Но страшная тайна сама себя откроетъ, безобразіе и тлѣніе обнажатъ предъ нимъ печальную истину.... Жизнь постигаетъ смерть, но невнятно, и тѣмъ она еще страшнѣе; даже теперь, когда опытъ пріучилъ насъ отъ колыбели до могилы видѣть страданія и смерть, и теперь еще ужасенъ для наблюдателя бездушный трупъ человѣка; но что же было тогда? . . Поблагодаримъ Небо, что не намъ досталось пить изъ чаши первыхъ печалей! Безъ сомнѣнія, первый восторгъ Адама при созерцаніи себя и природы, былъ неизъяснимъ, завидѣнъ.... Но дорого заплатилъ онъ за него, ибо первый долженъ былъ увидѣть и безжизненный трупъ Авеля; въ одно время онъ оплакивалъ въ немъ и сына и человѣка.

X.

Но таковъ законъ Провидѣнія: надежда вылетаетъ изъ могилы, какъ Фениксъ изъ пепла; до смерти человѣкъ не зналъ, что онъ живетъ; созерцая смерть, онъ началъ вѣрить въ безсмертіе. Чтобъ имѣть понятіе о свѣтѣ, должно видѣть мракъ. Но что такое мракъ?—отсутствіе свѣта. Слѣдственно тьма не существуетъ въ природѣ, она находится въ зависимости свѣта, и получаетъ свое бытіе отъ него. Физическая природа во всѣхъ своихъ законахъ прообразуетъ намъ духовный міръ; жизнь можетъ существовать безъ смерти, но смерть зависитъ отъ нея. Нѣтъ жизни, нѣтъ и смерти. Но какъ въ природѣ меньшія свѣтила всегда порабощены большимъ, и двигаются по волѣ ихъ дыханія; такъ и жизнь должна превозмочь смерть. Сомнѣніе можетъ иногда поколебать святый алтарь, на коемъ горитъ неугасимый огонь надежды, но оно не разрушитъ его. Время другъ истины; долгое время одна Религія смѣнялась другою; но торжественный день насталъ, и земная надежда вонзила наконецъ свой якорь въ Небо. Ладья остановилась у пристани, бури часто колеблютъ ее, но не унесутъ отъ вожделѣннаго берега. Между Древностію и нами стоитъ исполинъ лучезарный; онъ раздѣляетъ насъ. Сей исполинъ—Христіанская Религія. На развалинахъ древняго міра, она строитъ новый храмъ, вѣчный, какъ она, обширный какъ она, единый — какъ она.

Трилунный.

М. Б. КРЫЛОВОЙ,

ПРИ ПОСЫЛКѢ СТИХОВЪ.

Хотѣли вы моихъ стиховъ;
Я, какъ отецъ чадолюбивый,
Тому и радъ: они счастливы
Мои сиротки; имъ готовъ
Удѣлъ завидный! — Въ часъ полночи,
Когда бѣжитъ васъ тихій сонъ,
Навѣянъ ими будетъ онъ
На ваши пламенныя очи;
Порой, коснется ихъ с гка
Какъ мраморъ бѣлая рука,
И можетъ быть — куда проворны
Надежды нѣжнаго отца —
Они завьютъ вашъ локонъ чорный,
И до прекраснаго лица
Коснутся съ робостью покорной.

А. Шишковъ 2-й.

Тверь.

ПОЯСЪ.

Въ поясѣ дивномъ хранитъ Аѳродита приманокъ всѣхъ тайну.
Что дѣвамъ чары даетъ?—То, что связуетъ ихъ: стыдъ.

Д.

СѢВЕРЪ.

Изъ зимней тьмы, какъ изъ могилы,
Освобожденная Нева
Вновь съ плескомъ жизни, хоть унылымъ,
Свои лобзаетъ острова.
Блѣдитъ страшный мракъ полночи,
Свѣтлѣетъ Финскій небосклонъ,
И долѣ, долѣ блещетъ въ очи
Ижорскихъ водъ свободный склонъ.
Вотъ дальше — ночь мрачитъ не смѣетъ
Беззвѣздный и безлунный сводъ:
Еще одна заря алѣетъ —
Другая край его зажжетъ.
Въ безмолвный часъ успокоенья,
Средь злачныхъ, свѣжихъ острововъ,
Безъ ночи тѣшатъ сновидѣнья
Балтійскихъ жителя береговъ.

Но лѣтней красотой плѣненный
Природы сѣверной своей,
Не сѣтуетъ въ снѣгахъ рожденный
О южной роскоши ночей.

Александръ Глѣбовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Московскія минеральныя воды. Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе Ивелева. Глава первая (Консиліумъ). — М., въ типогр. Н. Степанова, при Императорскомъ Театрѣ, (54 стран. въ 8-ю д. л. (*)

Письмо къ будущей повѣстѣ Сочинителя, напечатанное въ началѣ сей книжки, объясняетъ, что Авторъ есть *псевдонимъ*, и что причины, побудившія его написать и издавать по главамъ свою повѣсть, состоятъ въ успѣхѣ другаго поэтическаго произведенія, издающагося по главамъ. Но Сочинитель письма къ повѣстѣ и повѣсти о Московскихъ минеральныхъ водахъ не разгадалъ истинной причины сего успѣха, или можетъ быть умышленно не хотѣлъ понять оной. По словамъ его, «пущай «узоры какіе хочешь,» — и довольно. Однако же многіе кандидаты поэтической знаменитости пытались такимъ образомъ путать узоры, иногда набрасывали ихъ даже гладкими стихами — а все таки ничего не вышло. Ошибка ихъ состояла именно въ этомъ ложно понятомъ правилѣ, будто бы должно *путать*, а не творить воображеніемъ и не представлять въ узорѣ правильныхъ, обдуманныхъ картинъ, въ которыхъ искусная кисть Поэта-живописца одушевила бы лица и окружающіе предметы. Вся тайна подобныхъ узоровъ заключается въ томъ, что истинный геній умѣлъ ихъ такъ хитро разставить, такъ искусно разнообразить, придалъ имъ такія живыя положенія, такія яркія и вѣрныя краски, кои, при всей ихъ мнимой легкости, недоступны для подражателей. Такова разница между дивными *арабесками* Рафаеля, и *путаницей* бездарнаго маляра. — Сочинитель письма къ невѣстѣ замѣчаетъ между прочимъ, что въ произведеніи одного Поэта видится ему буква *я въ разныхъ отливахъ*; но если въ этомъ *я* Поэта отсвѣчивается весь родъ человѣческій, или покрайней мѣрѣ то общество, которое Поэтъ хотѣлъ изобразить; тогда въ семъ полномъ, обширномъ изображеніи общаго *я* уже есть мысль глубоко обдуманная и прекрасно выполненная: иначе это *я* осталось бы незамѣтнымъ для читателя.

Первая глава повѣсти: *Московскія минеральныя воды*, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что доброй воли и умѣнья писать гладкіе стихи недовольно для замашки читателей. Эта первая глава отзывается своимъ предметомъ: она отчасти водяна. Содержаніе оной самое нехитрое: нѣкто Веленъ, Баронъ и Поэтъ, пріѣзжаетъ изъ деревни въ Москву лечиться отъ избытка здоровья, сзываетъ Докторовъ къ одной своей кузинѣ, совѣтуется съ ними и потчиваетъ ихъ завтракомъ и шампанскимъ. Совсѣмъ тѣмъ, грѣшно было бы сравнивать это стихотвореніе съ другими слабыми попытками нашихъ Стихотворцевъ-подражателей, ибо въ немъ есть многіе удачные стихи, мѣстами встрѣчаются вѣрныя замѣчанія, мелькаютъ блестки остроумія. Такъ, напр. Доктора, собравшись на консультацію къ мнимо-больному и видя на столѣ приготовленный для нихъ сытный завтракъ,

Единогласно присудили
Анатомировать и съѣсть.
И тѣ жь ихъ жалобы земныя:
Тотъ тѣмъ, тотъ этимъ нездоровъ.
Ужь видно свѣтъ теперь таковъ:
Всѣ Доктора у насъ больные
И всѣ Данписты безъ зубовъ.

Впрочемъ мы не видимъ, на чемъ основывается предположеніе одного изъ лучшихъ Московскихъ Журналовъ, «что Г. Ивелеву не достаетъ только знамени«таго имени, дабы поэма его, во всѣхъ отношеніяхъ, «сравнилась съ знаменитѣйшими произведеніями нашей «новѣйшей эпопеи.» Во первыхъ, имя не можетъ ни прибавить, ни убавить существенныхъ достоинствъ самого произведенія. Наша Литература такъ еще небогата образцовыми твореніями, что человѣку съ истиннымъ талантомъ не для чего бояться соперничества именъ: онъ смѣло можетъ знакомить съ собою читателей и быть увѣренъ, что его примутъ неравнодушно. Во вторыхъ: если въ вышеприведенныхъ словахъ Московскаго Журнала заключается указаніе на *псевдонимство* какого-либо Поэта извѣстнаго; то неудачная фактура нѣкоторыхъ стиховъ, неловкіе обороты въ нѣкоторыхъ другихъ и скудость многихъ рифмъ явно опровергаютъ сіе указаніе. Слѣдующія выписки подкрѣпятъ сказанное нами. Съ самаго начала повѣсти мы находимъ:

«Съ постели, упромъ, пуховой
Еще твои не всѣли ножки.«

Далѣе (стр. 49):

«Оно источникомъ ихъ *плеля*
Тамъ въ видѣ озера стоитъ.»

Здѣсь *плеля* поставлено вмѣсто *плетени*. Нѣкоторые изъ нашихъ Поэтовъ употребляли уже такимъ обра-

(*) Продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 5 руб. За пересылку прилагается за 1 фунтъ.

зомъ слова: *дитей*, вм. *дитятей*, *на телѣ*, вм. *на тѣлесѣ*; но сіе грѣшное склоненіе именъ средняго рода оскорбляетъ слухъ даже и въ лучшихъ произведеніяхъ, и никому не даетъ права коверкать Рускій языкъ по своему произволу.

«Рѣшаетъ дверь недоумѣнье (стр. 52.)»

Этого стиха нельзя понять, ибо онъ двусмысленъ: либо *дверь* рѣшаетъ недоумѣніе, либо *недоумѣніе* рѣшаетъ дверь. Между тѣмъ это стихъ отдѣльный, а не оторванъ нами отъ цѣлаго предложенія.

«Но думать каждому *приволье*.....
Хоть разбуди все *Лукоморье*....
Болѣзнь ужасная: *здоровье* (стр. 49).»

Сіи три стиха должны рифмовать другъ съ другомъ, такъ какъ и сіи:

«Есть право лучшая по *винѣ*.
Чего вѣрнѣе? Капли *двѣ* (стр. 50).»

и слѣдующіе:

«.....Съ почтеньемъ къ *тайнѣ*....
Подавъ болѣзней *описанье* (стр. 51).»

Такіе промахи въ языкѣ и стихосложеніи не показываютъ, чтобы Г. *Ивелевъ* (будемъ называть Автора такъ, какъ онъ самъ себя назвалъ) имѣлъ за собою давно уже утвержденное право на знаменитость Парнасскую.

Рославлевъ, или Рускіе въ 1812 году. Соч. М Загоскина. 4 части. — М. въ типогр. Н. Степанова, при Императорскомъ Театрѣ, 1831 (въ 1-й ч. 191, во 2-й 216, въ 3-й 236, а въ 4-й 206 стр. въ мал. 8-ю д. л. (*)

Если можно выводить заключенія о намѣреніи Автора по его выполненію, то наше мнѣніе таково, что романъ, т. е. произшествіе вымышленное, у Г. Загоскина не есть главное: Авторъ избралъ форму романа для того только, чтобы въ ней свободнѣе развить духъ Рускихъ всякаго званія въ эпоху вѣчно памятной войны 1812-го года. Посему все то, что встрѣчается въ романѣ, явнымъ образомъ направлено къ сей цѣли; самая завязка онаго служитъ нитью, ведущею насъ къ тому, чтобы дать намъ почувствовать раскаяніе, долженствовавшее постигнуть въ сію славную годину тѣхъ немногихъ изъ Рускихъ, кои были отступниками отечества.

Не станемъ разсматривать, правъ или неправъ былъ Авторъ, давъ такое направленіе роману. Средства романа столь же разнообразны, какъ и мысль человѣческая. Если мысль Автора развита въ романѣ съ истиной, съ жаромъ убѣжденія; если правда подробностей разительна, а въ цѣломъ разлита жизнь, то Авторъ непремѣнно увлечетъ насъ и не дастъ намъ повода обратиться къ самымъ себѣ съ вопросомъ: какой путь онъ избралъ для достиженія своей цѣли? Таковы права и преимущества таланта истиннаго, самобытнаго: холодный умъ читателя молчитъ уступчиво, и оставляетъ сердцу и воображенію полную свободу наслаждаться.

Мы не считаемъ за нужное излагать *басню*, или содержаніе романа. Полагаемъ, что всѣ наши читатели прочли его, или покрайней мѣрѣ скоро прочтутъ. Для читавшихъ, такое послѣдованіе за ходомъ романа было бы сухимъ, скучнымъ повтореніемъ того, что имъ нравилось въ живыхъ, бойкою кистью написанныхъ картинахъ; у другихъ же оно отняло бы прелесть новизны, составляющей собою тайну приманки при чтеніи новаго, хорошаго произведенія.

И такъ станемъ разсматривать, въ какой степени Авторъ выполнилъ свое намѣреніе, угаданное или покрайней мѣрѣ предполагаемое нами.

Съ самаго начала романа, мы уже видимъ направленіе, которое Сочинитель хотѣлъ дать ему. Первыя сцены приготовляютъ къ оному. Надменность и дерзкая заносчивость тогдашнихъ Французовъ, умышленныхъ или слѣпыхъ исполнителей видовъ Наполеона, были таковы, что при всей тогдашней *галломаніи* весьма многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ, народное самолюбіе въ нихъ оскорблялось сими наглыми выходками высокомѣрныхъ чужеземцевъ. Молодые гвардейскіе офицеры того времени, сколь ни исключительна была въ нихъ страсть къ Французскому языку, сколь ни сильно было ихъ стремленіе (по современнымъ понятіямъ той эпохи) къ *центру всего изящнаго* — Парижу, не могли однако же хладнокровно слышать намеки, предосудительные для чести Рускаго оружія и славы народной. Сей характеръ тогдашняго воина-свѣтскаго человѣка весьма хорошо выраженъ Авторомъ въ лицѣ Зарѣцкаго. Онъ болтаетъ смѣсью Французскаго языка съ Рускимъ, бредитъ Парижемъ; но всегда готовъ стать грудью за свое отечество, за Русь православную. Въ Рославлевѣ и въ прямодушномъ морякѣ, Князѣ Радугинѣ, проявляется уже характеръ любви къ отечеству болѣе жаркой, болѣе положительной; въ нихъ обличается даже непріязненное чувство къ тогдашнимъ врагамъ Россіи. Чувство сіе еще рѣзче обозначено въ *молчаливомъ офицерѣ*: здѣсь переходитъ уже оно въ ненависть, холодную, неумолимую, безграничную. Однимъ врагомъ отчизны меньше: таково правило сего воина Байронической породы; и нѣтъ жертвъ, нѣтъ опасностей, нѣтъ случаевъ самоотверженія, на которые не рѣшился бы онъ для утоленія злобной своей ненависти. Въ концѣ романа, при осадѣ Данцига, онъ является переодѣтымъ лазутчикомъ, даже мнимымъ перемѣтчикомъ, чтобы сколько можно

(*) Продается въ книж. магазинахъ Смирдина и Слѣнина и у всѣхъ другихъ книгопродавцевъ. Цѣна за 4 ч. 20 р., съ пересылк. 22 р.

болѣе нанести вреда непріятелю; и когда это удается ему, когда онъ успѣваетъ выманить весьма важныя депеши, тогда самъ насмѣшливо открываетъ подлинное свое имя Французскому офицеру, его провожавшему. Въ дѣлахъ и тонкихъ хитростяхъ сего Рускаго партизана, въ его присутствіи духа и неодолимомъ безстрашіи, находимъ мы весьма многія черты сходства съ однимъ историческимъ лицемъ 1812 года, съ однимъ извѣстнымъ Рускимъ партизаномъ, то же умѣвшимъ прокрадываться въ мѣста, занятыя непріятелемъ, переряжаться въ разные виды; знавшаго не только многіе иностранные языки, но даже мѣстныя нарѣчія оныхъ; и всегда въ пору употреблявшаго ко вреду непріятеля столь разнообразные свои таланты.

Сіе же народное чувство, сію неизмѣнную любовь къ отечеству, Авторъ умѣлъ представить, съ разными оттѣнками по свойству лицъ, въ Рускихъ людяхъ 1812 года, отъ первыхъ званій народа до послѣднихъ, отъ высшихъ степеней умственныхъ способностей до низшихъ. Рускіе полководцы и солдаты; старые, увѣчные служивые, доживавшіе дряхлый вѣкъ свой въ отставкѣ, и молодые церковники, готовившіе себя на службу алтарей; мирные помѣщики и купцы, извощики и землепашцы: всѣ они оживлены однимъ духомъ, у всѣхъ одно чувство — ненависти къ врагамъ, любви къ Россіи и рвенія выгнать изъ нея непріятелей, либо положить за нее жизнь свою. Лица, самыя комическія съ появленія своего въ романѣ, вдругъ облагораживаются симъ чувствомъ, становятся готовы на всѣ жертвы для избавленія своей родины отъ нашествія иноплеменниковъ. Таковы, напр., Ижорскій, пускавшій пыль въ глаза сосѣднимъ помѣщикамъ своею больницей, своими пышными праздниками, своею музыкой и конскимъ заводомъ; Буркинъ, дотолѣ закляпой непріятель только черной и красной дичи, грубый и смѣшной по пріемамъ, по уму и воспитанію; Ильменевъ, не умѣвшій сладить съ квадратною саженью въ городкѣ, котораго былъ городничимъ. Теперь послушаемъ этихъ самыхъ чудаковъ, разсуждающихъ при первомъ извѣстіи о войнѣ 1812 года. Буркинъ говоритъ скрягѣ Ладушкину, который готовъ на пожертвованія не-хотя, и тогда только, когда велятъ (ч. II, стр. 66):

— «Велятъ? ... Плохой ты братъ, Дворянинъ. Чего тутъ дожидаться приказу — самъ давай. Господи, Боже мой! мы, что ль, Рускіе Дворяне, не живемъ припѣвая? А пришла бѣда, такъ и въ кустъ? ... Сохрани Владыко! ... Послѣднюю денежку ставь ребромъ.

— Конечно! «сказалъ хозяинъ (Ижорскій). «Если понадобятся ратники, такъ я и музыкантовъ моихъ не пожалѣю.... А народъ-то, братцы, какой! ... Намѣтанной, лихой — пострѣлы! Любой на пушку полѣзетъ!

— «А я,» заревѣлъ Буркинъ, «всѣмъ моимъ конскимъ заводомъ бью челомъ Его Царскому Величеству. Изволь, батюшка Государь, бери! да припасай только людей; а ужь эскадронъ лихихъ гусаръ поставимъ на ноги.

— «Какъ?» спросилъ Ижорскій, «ты отдашь и Персидскаго жеребца?

— «Султана? ... и его отдамъ! ... Нѣтъ, Николай Степановичъ, нѣтъ! На немъ самъ пойду подъ Француза. Умирать — такъ умирать обоимъ вмѣстѣ.»

Между сими людьми темными и *мелкополыстными* по уму и дарованіямъ, является прекрасное существо: это Сурскій, то же помѣщикъ, но помѣщикъ образованный, съ возвышенными чувствованіями. Онъ любитъ отечество не по одному влеченію сердца, но и по убѣжденію ума. Любовь сію запечатлѣваетъ онъ своею кровью, пролитою за Россію. Умилительна послѣдняя рѣчь его, сказанная передъ смертію другу его Рославлеву (ч. III, стр. 223—224).

Авторъ, по принятому имъ направленію, выставитъ, такъ сказать, народный характеръ войны 1812 года, выводитъ на сцену мало лицъ историческихъ; но тѣ, которыхъ онъ коснулся не вовсе мимоходомъ, обозначены имъ прекрасно. Такъ, на 199 стр. III-го тома, весьма хорошо набросанъ портретъ Партизана-поэта, всегда и вездѣ готоваго, *на зовъ войны, летѣть* въ бой за Россію, а въ мирное время славить звучными стихами войну, любовь и вино. Рѣчь его къ Рускимъ крестьянамъ (стр. 206) и Рыцарскій поступокъ его съ плѣннымъ Французскимъ офицеромъ, коему онъ возвращаетъ письма его любезной (стр. 209—211), весьма живо изображаютъ сего *истинно-поэтическаго воина*, какъ мы имѣли уже случай однажды о немъ выразиться. — Портреты Генерала Милорадовича и Мюрата, бывшаго Короля Неаполитанскаго, взаимная ихъ неустрашимость и картина ихъ свиданія на аван-постахъ, написаны также бойкою, смѣлою кистью.

Отличительныя черты характера Рускихъ: преданность Вышнему Промыслу, повиновеніе законнымъ Властямъ, стоическая твердость въ перенесеніи тѣлесныхъ страданій, Руская смѣтливость и хитрость въ сношеніяхъ съ непріятелемъ, выставлены во многихъ мѣстахъ весьма хорошо. Укажемъ на нѣкоторыя изъ сихъ мѣстъ. Во второмъ томѣ (стр. 203 и слѣдующія) Рускій купецъ хитро выведываетъ у одного измѣнника о переводѣ Наполеонова Манифеста къ Московскимъ жителямъ. Въ III-мъ томѣ тотъ же купецъ, взявшись быть проводникомъ Наполеона и его спутниковъ по Москвѣ (стр. 82 и слѣд.), заводитъ ихъ съ опасностію собственной жизни въ самый пылъ пожара. Въ IV-мъ томѣ, унтеръ-офицеръ приходитъ, послѣ стычки съ Французами, рапортовать своему Капитану.

— «Что ты, Дёминъ?» спросилъ Капитанъ, увидя вошедшаго унтеръ-офицера.

— «Дежурный по ротѣ, Ваше Благородіе! Сей часъ дѣлали перекличку. Убитыхъ поднято пять, да ранено двѣнадцать рядовыхъ и одинъ унтеръ-офицеръ.

— «Кто?» спросилъ Зарядьевъ.

— «Я, Ваше Благородіе!

— Во что?

— «Въ правую руку.

— «Ахъ, Боже мой!» вскричалъ Сборской: «у него вся кисть раздроблена; а онъ даже и не морщится.

— «Вѣрно съ горяча не чувствуешь?» спросилъ Лепской.

— «Никакъ нѣтъ, В. Б.! больно мозжитъ.

— «Что жь ты пейдешь къ лекарю?» закричалъ Зарядьевъ. «Пошелъ скорѣе, дуракъ!

— «Слушаю, В. Благородіе!»

Авторъ *Юрія Милославскаго* доказалъ уже въ первомъ своемъ романѣ, какъ свободно владѣетъ онъ языкомъ разговорнымъ. Въ *Рославлевѣ* видимъ мы тому новое, и еще лучшее доказательство: здѣсь всѣ лица говорятъ языкомъ, приличнымъ ихъ званію, степени образованія и природныхъ способностей. Это придаетъ роману необыкновенное разнообразіе и показываетъ всю гибкость таланта Сочинителева. Впрочемъ, прежнія произведенія Г-на Загоскина въ другомъ родѣ, его комедіи: *Богатонов* и *Благородный театръ*, могли служить надежною порукою за его искуство въ семъ отношеніи.

Талантъ Комика ярко выказывается мѣстами и въ семъ новомъ романѣ Г. Загоскина. Ижорскій, приказывающій старостѣ сдѣлать наборъ изъ крестьянъ въ больные (ч. II), чтобы показать Губернатору свою больницу въ надлежащемъ видѣ; сей же Ижорскій, наказывающій провинившихся людей своихъ ударами электрической машины, — есть лице истинно-комическое. Таковъ же отчасти студентъ Перервинской Семинаріи, вступающій въ ряды ополченныхъ крестьянъ и изучающій Записки Юлія Цезаря, чтобъ узнать, какъ должно вести войну съ Французами (ч. III). Забавно также разсужденіе старика Ильменева, услышавшаго о похвальбѣ Французовъ, будто бы ихъ Архитекторы отстроиваютъ сожженную Москву. «Мало ли у насъ,» говоритъ онъ, «своихъ Архитекторовъ и губернскихъ и уѣздныхъ, и всякихъ другихъ. Вотъ кабы, сударь, у насъ развели также своихъ мусьёвъ, да мадамовъ; а то ищешь, ищешь по всей Москвѣ: цѣну ломятъ необъятную; а что будешь дѣлать? Народъ привозный; а вѣдь извѣстное дѣло, и товаръ заморской дороже нашего (Т. IV. стр. 204).»

Изданіе романа хорошо, но не совсѣмъ исправно. Многія опечатки и въ Рускомъ текстѣ, и въ чужезычныхъ вставкахъ, подали поводъ одному упертивому Критику указывать на нихъ, какъ на погрѣшности Авторскія. Оставляя въ покоѣ сего Критика и всѣ прочія его замѣчанія, мы скажемъ ему, что въ этихъ опечаткахъ мы видимъ только поспѣшность и недосмотръ Издателя.

СМѢСЬ.

О. Гардуэнъ (Hardouin), Іезуитъ, былъ страстный охотникъ до парадоксовъ. Онъ утверждалъ, напримѣръ, что Энеида Виргиліева сочинена Бенедиктинскимъ монахомъ въ XIII-мъ столѣтіи; что Оды Горацієвы также сочинены монахами помянутаго ордена, и пр. Это подало поводъ Буало къ слѣдующей шуткѣ. «Хотя я и не люблю монаховъ,» говорилъ онъ, «а не досадовалъ бы, когда бы мнѣ довелось жить съ братомъ Гораціемъ и честнымъ отцемъ Виргиліемъ.» Одинъ Іезуитъ, другъ Гардуэна, представлялъ ему, что публика сердится на него за подобные парадоксы и нелѣпости. «Да развѣ ты думаешь,» грубо отвѣчалъ ему Гардуэнъ, «что я захотѣлъ бы вставать всю жизнь мою въ четыре часа утра, дабы говорить только то, что другими сказано прежде меня?» — «Но вставая такъ рано,» отвѣчалъ ему Іезуитъ, «ты иногда сочиняешь, еще не совсѣмъ пробудясь, и выдаешь сонный бредъ безпокойной ночи за доказанныя истины.» Ученый Гюетъ (Huet) говаривалъ о немъ: «О. Гардуэнъ цѣлыя сорокъ лѣтъ трудился надъ низпроверженіемъ доброй своей славы, и всё не достигъ своей цѣли.»

Вышелъ очень хорошій переводъ *Повѣстей Генриха Шмокке*, съ Нѣмецк., въ 3-хъ ч. Цѣна на люб. бумагѣ 10 р., на веленевой 12 р., за пересылку прилагается 2 р. Получать можно въ книжн. магазинѣ Смирдина.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 24-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ IV, № 37. ИЮНЯ 30го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюль Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Воскресенье), — 10-го (въ Пятницу), — 15-го (въ Среду), — 20-го (въ Понедѣльникъ), — 25-го (въ Субботу) и 30-го (въ Четвертокъ).

ПЛЯСУНЫ НА КАНАТѢ.

Повѣсть.

I. Ярмарка.

Успенская ярмарка въ * * * только что начиналась. Съ одной стороны кочевые купцы, проводящіе большую часть жизни въ разъѣздахъ съ одной ярмарки на другую, съѣзжались въ * * * изъ Макарьева и другихъ мѣстъ; обозы съ товарами тянулись по Московской дорогѣ; по Херсонской ѣхали также Греки, Армяне и Татаре съ своими произведеніями; изъ Литовскихъ губерній тайкомъ прокрадывались Евреи съ заграничными товарами, которые такъ искусно умѣютъ они добывать, не платя пошлинъ. Съ другой стороны наѣзжали Цыганы и Русскіе барышники на конную площадь, окрестные обыватели, съ избытками своихъ полей, садовъ и огородовъ, на *большой базаръ*; наконецъ, помѣщики всѣхъ уѣздовъ * * * и даже сосѣднихъ губерній, для закупки разныхъ припасовъ, которые роскошь сдѣлала необходимостью; молодые люди обоего пола, для того, чтобъ обновить свои гардеробы и перенять новыя моды, отчасти уже запоздалыя для столицъ, но весьма еще свѣжія для щеголей областныхъ. Въ скромныхъ кибиткахъ и тарадайкахъ возвращались также въ ученый городъ молодые питомцы Музъ, для продолженія учебныхъ своихъ курсовъ по окончаніи *вакацій*.

Городъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ опустѣлый и безмолвный, вдругъ ожилъ, зашевелился и зашумѣлъ. Въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, на С....ской улицѣ, помѣщалось пріѣхавшее изъ одного дальняго уѣзда семейство незнатнаго и нечиновнаго, но и не бѣднаго помѣщика. Онъ привезъ двоихъ сыновей своихъ, рослыхъ и дюжихъ недорослей, для помѣщенія въ губернскую Гимназію; онъ разсудилъ, что имъ пора, просвѣтивъ умъ свой ученіемъ, года черезъ два-три поступить на службу Царскую. Хотя сыновья и не вовсе были для него безполезны въ степномъ его хуторѣ, гдѣ они ѣзжали съ отцемъ на охоту, присматривали за полевыми работами и за винокурней, составлявшею для старика главный источникъ доходовъ; но все же *ученье свѣтъ, а не ученье тьма*, слыхалъ панъ Земченко отъ духовнаго отца своего, приходскаго священника богатой деревни, сосѣдней съ хуторомъ нашего пана. Пользуясь этимъ случаемъ, Спефанида Гордіевна, супруга пана Земченка, уговорила своего мужа взять съ собою въ губернскій городъ ее съ четырнадцати-лѣтнею дочерью, свѣженькою, полненькою и миловидною, — «для того,» говорила Спефанида Гордіевна, «чтобъ ихъ Парасочка *побачила свитъ* (*).»

Послѣ раняго обѣда и ярмарочныхъ суетъ, мать съ дочерью, принарядясь, какъ умѣли лучше, чинно усѣлись подъ окномъ и смотрѣли на проходящихъ; а отецъ съ обоими сыновьями вышли на улицу и сѣли на дубовой лавкѣ, сдѣланной у воротъ мѣщанскаго домика, въ которомъ они нанимали квартиру. Лавка находилась подъ самымъ окномъ, у котораго сидѣли Спефанида Гордіевна съ Парасочкой; и потому обѣ части семейства, наружная и внутренняя, удобно могли сообщать другъ другу свои наблюденія. Въ нихъ не было недостатка, ибо все было ново для семьи добрыхъ степовиковъ: и многолюдство, и шумъ, и движеніе, и разнообразные крики разнощиковъ, продавцевъ того и другаго, и красивые экипажи, и нарядные горожане и пріѣзжіе, мужчины и дамы. Вотъ изъ ближняго большаго дома выходитъ пригожій молодой человѣкъ: онъ одѣтъ по послѣдней модѣ, въ рукѣ держитъ батистовый платокъ, опрысканный духами, и гордо посматриваетъ на все окружающее; за нимъ выѣзжаетъ со двора прекрасная Вѣнская коляска, запряженная четверкою статныхъ вороныхъ коней; кучеръ и форрейторъ въ армякахъ тонкаго сукна; на запяткахъ стоятъ лакей въ ливреѣ съ галунами, и Арапъ въ богатомъ, разноцвѣтномъ, страннаго покроя платьѣ. Молодой человѣкъ, избѣгая пыли, идетъ стороною, какъ можно ближе къ домамъ;

(*) Увидѣла свѣтъ.

а коляска тихимъ шагомъ ѣдетъ за нимъ по серединѣ дороги. Якимъ Лукьяновичъ Земченко пристально взглянулъ на молодаго человѣка, и тотчасъ узналъ въ немъ сосѣда своего по деревнямъ, Тернопольскаго, помѣщика большаго села, къ приходу котораго приписанъ былъ хуторъ пана Земченка.

— «Здравствуйте, батюшка, Владиміръ Яковлевичъ!» сказалъ панъ Земченко, вставъ съ обоими сыновьями съ мѣста и отвѣсивъ поклонъ по самый поясъ, когда молодой человѣкъ поравнялся съ ними. «Живеньки ли, здоровеньки ли?»

Молодой человѣкъ разсѣянно взглянулъ на него, сухо отвѣчалъ на его привѣтствіе легкою уклонкой головы, приподнявъ только правую руку къ шляпѣ, и прошелъ мимо, не останавливаясь.

— «Спѣсивъ не въ свою мѣру, молокососъ!» молвилъ вполголоса Якимъ Лукьяновичъ, оборотясь къ окну и взглянувъ на свою супругу.

— «Что жь дѣлать!» отвѣчала Стефанида Гордіевна, слегка пожавъ плечами: «люди богатые, свѣтскіе. Чай онъ и не однихъ насъ въ грошъ не ставитъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ послужилъ въ Петербургѣ при какомъ-то Князѣ, либо Графѣ.

— «Да онъ, маменька, слышно и за моремъ побывалъ,» прибавила Парасочка тоненькимъ своимъ голоскомъ, отзывавшимся въ ушахъ, какъ высокія ноты флейты.

— «А что мнѣ въ его богатствѣ, да въ воспитаніи?» подхватилъ Якимъ Лукьяновичъ голосомъ человѣка разсерженнаго: «что мнѣ въ томъ, гдѣ онъ ни побывалъ, хоть за три-девять земель? Вспомнилъ бы онъ, кто былъ его дѣдушка: Войсковый писарь, не больше. Да управлялъ деревнями знатнаго господина, такъ и сына выпустилъ въ Бригадиры, да и себѣ понагрѣлъ руки. А по смерти его, сынъ и еще кое-что поприбавилъ, какъ былъ гдѣ-то у должности, да женился на богатой; такъ вотъ и наколотилъ тысячи съ три душъ, и этого молодца воспиталъ и всему выучилъ, словно нивѣсь какого барича. А что проку? суета суетъ, да и только! Этотъ фертикъ все прокозыряетъ, и отцовское и дѣдовское. Видишь, все бы ему тянуться за знатными, все бы ему....»

Человѣколюбивыя сіи замѣчанія, внушенныя, какъ ясно можно видѣть, безпристрастною любовью къ ближнему, прерваны были зрѣлищемъ, какого дотолѣ не видывало семейство нашихъ степовиковъ, и которое перенесло этихъ простодушныхъ зрителей въ страну очарованій, въ міръ волшебный.

Сначала появились два трубача и литаврщикъ, одѣтые древними рыцарями, въ ярко-блестящихъ шлемахъ и доспѣхахъ. Они ѣхали тихо, напгрывая разныя музыкальныя штучки. За ними попарно ѣхали человѣкъ двѣнадцать мужчинъ и женщинъ, иные въ бархатныхъ, иные въ атласныхъ платьяхъ съ блестками и золотымъ шитьемъ, съ разноцѣтными перьями на шляпахъ и *беретахъ*, съ богатыми, выложенными фольгой чепраками на лошадяхъ. Осанливость и черные, закрученные усики мужчинъ, ослѣпительная бѣлизна, яркій румянецъ и болѣе всего привѣтливыя улыбки женщинъ, ловкость ихъ движеній и блескъ нарядовъ, представляли ихъ точно жителями какого-то невѣдомаго, волшебнаго міра для глазъ, еще незнакомыхъ съ подобными зрѣлищами. Шествіе заключалось какимъ-то шутомъ съ выпачканною харей, въ полосатомъ платьѣ. Онъ ѣхалъ на ослѣ, сидя лицемъ къ хвосту, кривлялся, ломался, и раздавалъ прохожимъ печатные листки. За нимъ бѣжала толпа ребятишекъ, громко смѣясь и крича: «Паяцо! паяцо!» На улицѣ народъ останавливался и смотрѣлъ на сей нарядный поѣздъ. Старшій сынъ Якима Лукьяновича, мальчикъ смѣлый и проворный, подбѣжалъ къ этому паяцу, который подалъ ему печатный листокъ и скорчилъ самую гадкую, самую смѣшную рожу.

Когда пышный поѣздъ изчезъ отъ жадныхъ взоровъ семейства Земченкова, тогда Якимъ Лукьяновичъ выхватилъ печатный листокъ изъ рукъ своего сына, вытащилъ изъ кармана свои очки въ позеленѣвшей мѣдной оправѣ, вздѣлъ ихъ на носъ, и голосомъ, какимъ онъ въ старые годы читывалъ просьбы и резолюціи, прочелъ удивленнымъ женѣ и дѣтямъ своимъ слѣдующее:

«Съ дозволенія Начальства. Фортунато Пастриччи «и компанія Итальянскихъ волтижёровъ, эквилибри«стовъ и танцовщиковъ на канатѣ, имѣетъ честь «увѣдомить почтеннѣйшую публику, что сего числа «дадутъ они во вновь построенномъ театрѣ блиста«тельное представленіе, состоящее изъ разныхъ уди«вительныхъ и уму непостижныхъ штукъ, въ четы«рехъ частяхъ....» Далѣе, напыщеннымъ слогомъ описаны были всѣ *удивительныя* и *уму непостижныя* скачки на лошадяхъ, прыжки на канатѣ, опыты *бѣлой магіи*, т. е. проворство фокусника, и въ заключеніе спектакля, «новая и донынѣ нигдѣ невиданная пантоми«ма: Арлекинъ и самъ дядя Сатана, или кто кого пе«рехитритъ.»

Замѣтно было, что при чтеніи сей афиши, встрѣчая слова новыя и нигдѣ еще ему не попадавшіяся, Якимъ Лукьяновичъ потиралъ себѣ лобъ, щурился и складывалъ букву за буквой, подобно школьнику, недавно посаженному за тройные склады. Стефанида Гордіевна, вслушиваясь въ ужасные прыжки, въ чародѣйскія хитрости *бѣлой магіи*, особливо же услышавъ, что представится самъ Сатана въ лицахъ, открещивалась, оплевывалась и поминутно проговаривала разныя набожныя восклицанія. Дѣти то же слушали во всѣ уши, хотя и съ другими чувствованіями, изъ коихъ главное было самое рѣшительное любопытство, не смотря на то, что многое казалось имъ истиннымъ колдовствомъ,

дѣйствіемъ нечистой силы. Они смекали, что если другіе пойдутъ смотрѣть на все это, такъ почему бы и имъ не видѣть такихъ чудесъ?

II. Балаганъ.

Еще дневный зной въ половинѣ Августа лился въ палящихъ лучахъ разкаленнаго солнца на пыльныя улицы города ***; или просто, еще было только шесть часовъ по полудни, а уже *блистательное представленіе* синьора Фортунато Пастриччи готово было начаться. Ожидали только прибытія почетнѣйшихъ лицъ въ городѣ; и труппа словесныхъ и безсловесныхъ бѣлыхъ магиковъ, прыгуновъ и скакуновъ, хладнокровно слушала шумъ и говоръ молодыхъ людей, которые, насмотрѣвшись или наслышавшись, что дѣлается въ другихъ театрахъ, били въ ладоши, стучали тросточками и ногами и оказывали другіе знаки нетерпѣнія.

У входа въ балаганъ, наскоро построенный изъ тонкихъ драницъ и не защищавшій зрителей ни отъ дождя, ни отъ пыли, наносимой вѣтромъ, сидѣла при раздачѣ билетовъ, за простою досчаною стойкою вмѣсто конторки, разрумяненная старуха, въ токѣ изъ малиноваго бархата съ мишурой и перьями и въ порыжѣломъ, нѣкогда черномъ атласномъ салопѣ, почти сквозившемъ отъ времени и частаго, разнообразнаго употребленія. Подлѣ нея стоялъ, опершись о стѣну, довольно рослый и тучный человѣкъ, съ нарочно выпачканнымъ лицемъ, съ Испанскою сѣткой (redecilla) на волосахъ и укутанный въ долгополую, поношенную шенель гороховаго цвѣта. То былъ самъ синьоръ Фортунато Пастриччи, наряженный паяцомъ, но теперь еще соблюдавшій *полу-инкогнито;* въ лицѣ же раздавательницы билетовъ являлась супруга его, синьора Бертина, которая съ лѣтами обвешавъ и сдѣлавшись увѣсистѣе, не прыгала больше на канатѣ и занималась только обученіемъ молодыхъ танцовщицъ, присмотромъ за внутреннимъ порядкомъ кочеваго ихъ общества и раздачею билетовъ. Синьоръ былъ природный Итальянецъ, синьора природная Нѣмка изъ Швабіи; онъ не могъ свободно говорить по-Нѣмецки, она не умѣла внятно изъясняться по-Итальянски; но бродя нѣсколько лѣтъ сряду по разнымъ городамъ Россіи, и по неволѣ бывъ обязаны кое-какъ выучиться языку туземцевъ, они въ разговорахъ между собою принуждены были ввести какую-то Вавилонскую смѣсь языковъ, въ которой изломанныя Рускія рѣчи унизаны были восклицаніями и фразами Итальянскими и Нѣмецкими.—Въ промежуткахъ появленія зрителей, коимъ синьоръ самъ указывалъ рублевыя, полтинныя или четверть-рублевыя мѣста, устарѣлая сія чета плясуновъ на канатѣ вела между собою разговоръ, который мы постараемся передать на языкѣ общепонятномъ.

— «Ну, что? сладила ли ты съ этою маленькою шалуньей?» спросилъ синьоръ Фортунато у жены своей.

— «Насилу успѣла кое-какъ уломать се. Куда! она и слышать не хотѣла. Ach, mein Gott! то и дѣло твердитъ: я очень помню, что родилась недалеко отъ здѣшняго города; меня здѣсь узнаютъ, мнѣ стыдно будетъ показаться передъ публикой въ видѣ плясуньи на канатѣ. Сколько я ни увѣряла ее, что она родилась Цыганкой, что мать продала намъ ее за пятьдесятъ рублей; нѣтъ! дѣвочка не вѣритъ и стоитъ на томъ, что она дочь порядочныхъ родителей и что Цыганы увели ее изъ отцовскаго помѣстья по пятому году.... Что угодно господину?» прибавила синьора Пастриччи, оборотясь къ вошедшему скудно-одѣтому посѣтителю.

— «Пожалуйте билетъ въ четверть рубля,» сказалъ тихимъ голосомъ и съ почтительной уклонкою скромный Семинаристъ. Билетъ данъ и синьоръ Фортунато почти подтолкнулъ бѣднаго посѣтителя на высокія, зыбучія подмостки.

— «Corpo di Bacco!» говорилъ синьоръ Пастриччи, ставъ на прежнее свое мѣсто. «Добро, signorina Costanza, я тебя проучу; не осмѣлишься ты впередъ отказываться отъ того, чего требуютъ выгоды нашей труппы.

— «Aber doch, что ты задумалъ? прикрикнула жена его.» Развѣ ты хочешь надѣлать шуму? Развѣ не знаешь, что эта дѣвочка сущій бѣсенокъ, упряма, самолюбива и готова поставить на своемъ, во что бы ни стало? Изъ нея ласкою все можно сдѣлать; а пойдешь на перекоръ, такъ она, пожалуй, еще убѣжитъ и объявитъ о себѣ здѣшнему начальству, что она Руская Дворянка, что ее держатъ неволей, и.... Что прикажете, прекрасный господинъ?» былъ быстрый ея переходъ отъ доводовъ къ вопросу, который относился къ вошедшему молодому щеголю.

— «Есть ли кресла?» спросилъ повелительно молодой щеголь.

— «Есть четыре: для Mr. le Gouverneur и его супруги; для Mr. le Vice-Gouverneur, и для Графини.... не помню, какъ ее зовутъ.

— «Для чего же не больше? Чѣмъ другіе хуже ихъ?» надменно проговорилъ щеголь, поправляя галстухъ. «Покрайней мѣрѣ, есть ли ложи?

— «Нѣтъ, прекрасный мой господинъ: за скоростью не успѣли ихъ построить. Вся лучшая здѣшняя публика взяла рублевыя мѣста, на скамьяхъ въ первомъ ряду....

— «Belle raison! лучшая публика!....» Владиміръ Яковлевичъ Тернопольскій (ибо этотъ щеголь былъ онъ) хотѣлъ продолжать свои восклицанія и ѣдкія замѣчанія; но въ ту самую минуту музыканты, поставленные на балконѣ балагана, заиграли маршъ, возвѣ-

стившій пріѣздъ Губернатора и гостей его. Синьоръ Пастриччи и жена его засуетились у входа, и Тернопольскій, взявъ наскоро билетъ въ рублевыя мѣста, промелькнулъ въ главную дверь балагана.

(*До слѣдующ.* No)

ЕВАНГЕЛІЕ.

Когда стрѣлами оскорбленій
Намъ сердце злоба поразитъ,
Иль умъ тенетами сомнѣній
Невѣрья демонъ осѣтитъ;
Ты воскрешаешь упованье
Чудесной силою словесъ,
Ты хлѣбъ души, ты врачеванье,
Ты сладкій даръ благихъ Небесъ!

В. Щастный.

ПУСТЫНЯ.

Люблю безмолвныя пустыни:
Однообразный ихъ песокъ
Хранитъ слѣды звѣриныхъ ногъ;
Нерукотворныя твердыни,
Утесы голые стоятъ
И что-то бодро сторожатъ....
Кивая черною главою,
Пустынный другъ, дремучій лѣсъ,
О чемъ-то шепчетъ предъ грозою...
И вотъ, очнется громъ небесъ,
Какъ изступленный загрохочетъ,
Въ пещерахъ отгулъ захохочетъ,
Завоетъ звѣрь въ ненастной мглѣ
И крикнетъ беркутъ на скалѣ:
Гроза!... На океанъ песчаный
Съ утесовъ сходятъ ураганы,
И зашумитъ златой сугробъ
Подъ напискомъ гиганскихъ стопъ.

Трилунный.

ВЫПИСКИ

ИЗЪ РУКОПИСИ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

КРИТИЧЕСКІЯ ИЛИ УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ.

Наши описанія и повѣствованія вообще несовершенны. Всякой самъ на себѣ это испыталъ, видя собственными глазами предметъ, о которомъ наслышался либо начитался. Обыкновенно мы находимъ описанія преувеличенными. Сіе происходитъ отъ несовершенства нашихъ языковъ, которые такъ излишне слѣплены изъ частицъ, что не могутъ представить воображенію цѣлой физіогноміи предмета, состоящаго изъ многихъ частей. — До сихъ поръ мы не имѣемъ выраженій, которыя передавали бы понятія въ массахъ и въ случайностяхъ.—Восточные языки менѣе, кажется, подвержены сему недостатку въ отношеніи къ чувственнымъ предметамъ.

Отъ чего намъ *прошедшее* всегда кажется лучше *настоящаго?* Причина тому сама по себѣ проста. Горести, страданія, однажды претерпѣнныя, съ теченіемъ времени непримѣтно изглаживаются въ памяти и улетаютъ: напротивъ того пріятныя воспоминанія пребываютъ во всей своей силѣ. Отъ сего происходитъ, что *прошедшее* представляется въ нашей памяти всегда съ хорошей только стороны, очищенное отъ всякихъ терній и волчцевъ; и это-то придаетъ ему ту поэзію, ту поверхность надъ *настоящимъ*, которое никогда безъ нихъ не бываетъ. Это чувственный *оптическій обманъ*, но спасительный и благодѣтельный. И что бы тогда было, когда бы человѣкъ, ежедневно борясь съ своими горестями, долженъ былъ сверхъ того носить еще въ себѣ живую память каждаго горя, какое претерпѣвалъ онъ поочередно? Посему-то мы съ терпѣніемъ должны слушать старичковъ, которые, отъ первыхъ шестидесяти лѣтъ по сотвореніи міра и до нашихъ временъ, все повторяютъ, что «въ старину бывало лучше.» Ошибочное мнѣніе; но источникъ таковаго заблужденія кроется въ природѣ ума человѣческаго.

Говоря о переносимыхъ нами непріятностяхъ, я не-разумѣю подъ симъ именемъ тѣхъ воспоминаній, которыя, хотя сопряжены съ обстоятельствами давно прошедшими, все еще глубоко врѣзаны въ нашей памяти, какъ у Мура:

One fatal remembrance, one sorrow that throws
Its black shade alike o'er our joys and our woes.» &c

Таковыя страданія принадлежатъ къ числу насущныхъ.

Всякія наслажденія притупляются отъ частаго и долговременнаго употребленія; одни только наслажденія самолюбія или тщеславія вѣчно существуютъ: нѣтъ такого старца, нѣтъ столь изнѣженнаго человѣка, который бы даже на смертномъ одрѣ не почувствовалъ величайшей отрады, когда бы кто вздумалъ польстить его гордости. Преодолѣніе и презрѣніе наслажденій, произтекающихъ изъ сего источника, есть высшая степень величія умственнаго, до каковой только можетъ возвыситься человѣкъ. До сихъ поръ еще весьма немногіе изъ людей стали на сей степени, и то

еще кто знаетъ, такими ли сердца ихъ явились предъ очами Сердцевѣдца, какими казались людямъ, и какъ Исторія о нихъ повѣствуетъ?

Въ *Шильонскомъ узникѣ* весьма разительно доказывается на дѣлѣ то, что нѣкто сказалъ о Байронѣ: «онъ доказалъ, что чистая истина имѣетъ въ себѣ болѣе поэзіи, чѣмъ всѣ вымыслы.» — Какой бы Классикъ позволилъ Боннивару признаться, что пѣсни, которыя онъ пѣлъ въ темницѣ съ братьями, наскучили имъ наконецъ, что даже разговаривать имъ надоѣло, или что вышедъ на волю, онъ вздохнулъ по своемъ подземельи? Для Классиковъ это истинная ересь: у нихъ послѣдовала бы тотчасъ предлинная *тирада* о возвращенной свободѣ, о солнцѣ, лунѣ, *о многихъ вещахъ и нѣкоторыхъ другихъ*, съ восклицательными междометіями, обращеніями, декламаціями. Байронъ вмѣсто всего этого ставитъ нѣсколько словъ чистой истины, изливающихся прямо изъ сердца человѣческаго. Такимъ только образомъ можно сдѣлаться величайшимъ Поэтомъ своего вѣка.

Языкъ Французскій такъ уже измученъ, такъ полонъ гостиныхъ, на извѣстный пошибъ выбитыхъ фразъ и періодовъ для разговорной рѣчи, что человѣкъ и умный и глупый, до нѣкоторой точки, говоритъ на ономъ одинаково. Отсюда происходитъ, что глупый человѣкъ, говоря по Французски, можетъ долѣе скрывать свой *край ослинаго ушка*, чѣмъ тогда, когда бы онъ объяснялся на другомъ какомъ языкѣ. Много бумаги исписано разсужденіями о причинахъ повсемѣстности Французскаго языка: можетъ быть сія, изложенная мною, есть самая проспѣйшая изо всѣхъ.

Если человѣкъ съ своими средствами (вещественными и невещественными) является сильнѣе обстоятельствъ, то характеръ его развертывается свободно и выходитъ наружу такимъ, каковъ онъ дѣйствительно есть въ своей сущности; если обстоятельства преодолѣваютъ, то характеръ человѣка принимаетъ ихъ впечатлѣнія и увлекается ихъ порывомъ. Такъ безпрестанно сгибаемый и разправляемый, теряетъ онъ наконецъ всю упругость и самостоятельность, отрекается совершенно отъ власти, которую долженъ имѣть надъ своими поступками, и уступаетъ мѣсто *самохраненію*, сему прилежному блюстителю флюгеровъ, показывающихъ направленіе вѣтра.

Чѣмъ менѣе нуждъ и прихотей въ какомъ нибудь обществѣ, чѣмъ проще и естественнѣе отношенія онаго, тѣмъ болѣе разнообразія, физіогноміи и истины въ характерахъ, взятыхъ порознь. Говорятъ, что Цинцинната и Катона имѣли свойственные имъ, рѣзкіе характеры, которые и сохранили они до конца: но всё-таки мы въ добавокъ должны сказать, что они довольствовались одною рѣпою и чечевицей; обѣды и тосты духа партій были имъ незнакомы; слава авторская, какъ нѣкая монополія, пребывала исключительнымъ удѣломъ нѣсколькихъ человѣкъ и заключалась въ нѣсколькихъ десяткахъ свитковъ папируса; слава парламентская и клубная *дремала на лонѣ бытности*, или просто сказать, ея не было еще на свѣтѣ.

Въ нынѣшнемъ общественномъ быту, гдѣ изобрѣтено столько новыхъ, правда искусственныхъ, но уже менѣе настоящихъ вещественныхъ и невещественныхъ нуждъ, сколько вылежалось неизвѣстныхъ въ старину родовъ славы! Въ такомъ лабиринтѣ перепутанныхъ искательствъ и отношеній, весьма трудно найти чистую, невозмущенную эгоизмомъ *самостоятельность*. Ибо слишкомъ велико число такихъ обстоятельствъ и страстей, которыя безпрестанно льстятъ и подкупаютъ характеръ; чтобы преодолѣть сіи искушенія, чтобъ отразить сіи безчисленныя противодѣйствія, какъ придаточныя, такъ и исключительныя, чтобъ изторгнуться изъ сихъ ежедневныхъ Скиллы и Харибды, надобно бы теперь человѣку быть двойной или тройной силы духа въ сравненіи съ тою, каковая была ему нужна для сего за тысячу лѣтъ назадъ.

Есть люди, которые всю жизнь проводятъ въ безпрестанномъ опасеніи, не забываетъ ли кто въ отношеніи къ нимъ правилъ вѣжливости, или не издѣвается ли надъ ними? Вѣчно какъ на часахъ, какъ подъ ружьемъ; если бъ они могли, то измѣряли бы по транспортиру наклонность всякаго отданнаго имъ поклона: вполнѣ ли отвѣчаетъ онъ ихъ личному достоинству? — Они оскорбляются по нѣскольку разъ на день и снова приходятъ въ себя (особливо когда никто не извиняется передъ ними) для того, чтобы снова сердиться.

Таковая постоянная готовность оскорбляться есть вѣрнѣйшимъ признакомъ мѣлочнаго ума. Однако глупцы сего рода не такъ еще многочисленны, какъ другіе, и сноснѣе какъ-то-потому, что легко убѣждаются: ихъ можно бы назвать *мягкоустыми*. Немного ловкости съ малою долей лести — вотъ они и растаютъ и пойдутъ, куда велишь.

Казалось бы, что человѣкъ, который въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни являетъ знаки большой чувствительности, въ самомъ дѣлѣ чувствителенъ и добръ. Ни шутъ-то было. — Если встрѣтишь такого, у котораго отъ музыки, поэзіи, самомалѣйшихъ намековъ о благородныхъ дѣлахъ, высокихъ чувствахъ, и проч. выступаютъ на глазахъ слезы, будь увѣренъ, что чело-

вѣкъ сей самаго холоднаго сердца, эгоистъ въ полномъ смыслѣ. Вольно не вѣрить.

Мнѣніе Рошфуко: «что люди ощущаютъ нѣкотораго рода удовольствіе въ несчастныхъ обстоятельствахъ, которыя имъ приключаются,» какъ ни вооружаетъ пламенныхъ Филантроповъ и какъ ни кажется съ перваго взгляда цинническимъ, однако справедливо. Кто не вѣритъ этому, пусть себѣ иначе изтолкуетъ, почему во всѣхъ націяхъ люди такъ алчны къ зрѣлищамъ всенародныхъ казней?

Впрочемъ сіе правило подвержено многимъ изключеніямъ, касательно и обстоятельствъ и лицъ; здѣсь только рѣчь о большинствѣ.

Рѣдко встрѣтишь столь искренняго человѣка, чтобы признался въ этомъ. Есть и такіе, кои стараются всѣми силами заглушить въ себѣ сіе удовольствіе. Я со многими спорилъ объ этомъ: всѣхъ болѣе съ М..... Мой почтенный пріятель, со всякой другой стороны большой знатокъ природы, не заглянулъ повидимому въ сей изгибъ человѣческаго сердца; мы до нельзя съ нимъ о томъ спорили.

Можетъ быть даже, источникъ сего чуднаго чувства не такъ мученъ, какъ кажется при первомъ на него взглядѣ; можетъ быть это только нѣчто въ родѣ того *удовольствія*, которое мы нерѣдко ощущаемъ, когда въ комнатѣ, хорошо осмотрѣнной, передъ теплымъ комельком, мы прислушиваемся къ завыванію зимней мятели.

Страхъ есть богатѣйшій источникъ *комическаго*, театральнаго. Никакая слабость или нравственный недостатокъ, не производитъ столько смѣшныхъ положеній.

Если читая поэтическое произведеніе, встрѣчаешь такія мысли, которыя, кажется, давно тебѣ приходили въ голову, такъ, что ты сказалъ бы, что Поэтъ ихъ у тебя похитилъ и себѣ присвоилъ, то можешь быть увѣренъ, что сіе произведеніе хорошо (ибо всякій человѣкъ имѣетъ иногда поэтическія мысли, но только тотъ Поэтъ, кто умѣетъ и смѣетъ ихъ хорошо выразить словами.)

Сія печать весьма разительно отличаетъ хорошую поэзію отъ такъ называемой *классической*. Напрасно бы ты искалъ тамъ сихъ простыхъ мыслей, врожденныхъ нѣкоторымъ образомъ человѣку, которыя при встрѣчѣ восхищаютъ и какъ бы электрическою искрою проникаютъ читателя, способнаго понимать истинную поэзію. Классикъ, прилежно считающій по пальцамъ свои александрины, когда придетъ ему подобная мысль, отполкнетъ ее, либо такъ изломаетъ, изсушитъ, охолодитъ и надуетъ запутанными фразами, что вся природа изчезнетъ, а на мѣстѣ ея останется одно только холодное искуство. И какъ можетъ классическая поэзія пробудить въ читателѣ какое нибудь сочувствіе, когда первымъ условіемъ Классиковъ есть: охладить въ себѣ всякое чувство, заглушить всякой порывъ вдохновенія? У истаго Классика все бываетъ слѣдствіемъ изнурительнаго труда, выдѣлкою, а поэзія настоящимъ ремесломъ (*).

Когда явился *Фарисъ*, то одинъ Литераторъ добродушно скорбѣлъ передо мною, что давно уже имѣлъ онъ въ головѣ тѣ же самыя мысли и картины, которыя находятся въ послѣднихъ двадцати стихахъ сей поэмы, но что Авторъ *Фариса* его предупредилъ.

Если мы допустимъ такое опредѣленіе дружбы, что она есть нравственная способность человѣка (различная отъ любви), по которой онъ, во всякомъ отношеніи и во всякомъ случаѣ, предпочитаетъ счастіе другаго лица своему собственному, то я увѣренъ, что истинная дружба не можетъ существовать между лицами одного пола.

Въ дружбу мужчины съ женщиною я вѣрую: между молодыми лицами разнаго пола перераждается она вскорѣ въ другое чувство, но между старыми хранится до гроба; и это единая истинная дружба, какую я только видѣлъ когда нибудь.

Знать людей не такъ велико искуство, какъ оно казалось почтеннымъ древнимъ Мудрецамъ. Благодаря опытности вѣковъ, нынѣ ихъ знаменитое *Nosce te ipsum* примѣтно сдѣлалось удобнѣе къ исполненію, и можетъ подходить подъ общее правило.

Подозрительность права, — вотъ единое нравственное поприще, на коемъ умный и глупецъ сходятся ино-

(*) Авторъ слишкомъ строго судитъ о Классикахъ. Расинъ, Мольеръ и нѣкоторые Лирики доказываютъ ясными примѣрами, что ограниченность формы не можетъ стѣснить истиннаго дарованія. Поэзія состоитъ не въ формѣ, а въ творческой силѣ воображенія, которой вездѣ свободно, для которой нѣтъ ни границъ, ни оковъ. Безспорно, что Романтизмъ предоставляетъ послѣдователямъ своимъ поприще гораздо обширнѣйшее, нежели такъ называемый Классицизмъ, или правильнѣе сказать Французская школа поэзіи, единовластно господствовавшая, и не въ одной Франціи, до минувшаго десятилѣтія; но все было бы несправедливо утверждать, будто бы въ ней не было произведеній образцовыхъ, достойныхъ пережить всѣ споры обѣихъ школъ. Мы видимъ, что и свобода, предоставляемая Романтизмомъ, не властна одушевить или возвысить дарованій мелкихъ; тѣмъ болѣе не можетъ она оживить попытокъ людей бездарныхъ. Suum cuique.

Примѣч. Изд.

гда между собою, либо каждый изъ нихъ достигаетъ туда разными путями: первый путемъ всеобщихъ наблюденій и заключеній, другой тернистыми околицами опытности. Впрочемъ, это единственная польза, которую глупецъ умѣетъ извлечь для себя изъ опытности.

(Изъ *T. P.*) *В. Романовичъ.*

НЕКРОЛОГІЯ.

21 Іюня, въ десять съ половиною часовъ вечера, внезапно и безъ всякихъ мученій скончался здѣсь, въ С. Петербургѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Андрей Яковлевичъ Дашковъ. Вся жизнь его посвящена была на службу отечества и Государей нашихъ и въ продолженіе 12-ти лѣтъ, въ самое тяжелое для Россіи время, онъ былъ представителемъ Императора Александра I въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, не унизивъ никогда имени Рускаго.

Смерть его не можетъ быть такъ чувствительна въ политическомъ отношеніи, сколь она чувствительна для друзей его, — для друзей всего добраго и прекраснаго. — У Россіи много сыновъ полезныхъ; мѣсто его не останется пусто; но по образованному уму своему, по кроткой, ангельской душѣ, Дашковъ принадлежалъ къ немногому числу людей, возвышающихъ собою человѣчество, и въ семъ-то отношеніи, кончина его есть потеря незамѣняема.

Вчера, прощаясь съ тобою, думалъ ли я, что Провидѣніе уже сосчитало дни твои; что такъ скоро оборотѣтъ тотъ кругъ, котораго ты былъ украшеніемъ и душею? думалъ ли я, что сегодня, обливаясь слезами, я буду говорить о тебѣ, какъ уже о минувшемъ? Миръ праху добраго!

1831, Іюня 22. *Иванъ Баллё.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Повѣсти Генриха Цшоккѐ. Переводъ съ Нѣмецкаго. Три части. — С. П. б., въ типогр. А. Плюшара, 1831. (въ 1-й 373, во 2-й 328, въ 3-й 324 стр. въ 12-ю д. л. (*).

Въ этихъ трехъ частяхъ, мы находимъ многія изъ лучшихъ повѣстей Цшокке: *Подарокъ на новый годъ*, *Женщина по степенямъ ея возраста*, *Исландскія письма*, *Ночь на первое Мая*, *Ясновидящая*, *Тетушка*, *или все на изворотъ*, всѣ сіи прекрасныя повѣсти плодовитаго и замысловатаго Нѣмецкаго Писателя находятся въ этомъ собраніи. Изъ остальныхъ: *Бобъ*, кажется, написана на заданное слово; *Вечеръ передъ свадьбою* служитъ рамою для развитія нравственныхъ мыслей о супружествѣ, а *Нога*—давно извѣстный анекдотъ, но разсказанный занимательно и остроумно.

Отличительная черта повѣстей Цшокке состоитъ въ естественности вымысла, въ заманчивой завязкѣ и въ простодушномъ, часто веселомъ разсказѣ. Если Авторъ сей и вводитъ чудесное, то по большей части разрѣшаетъ его подъ конецъ вѣроятною, естественною развязкой. Переводчикъ, выборомъ и размѣщеніемъ повѣстей, съ весьма выгодной стороны умѣлъ выставить разнообразный талантъ своего Автора. Въ *Подаркѣ на новый годъ*, напримѣръ, Цшокке весьма счастливо схватилъ простодушный тонъ Гольдсмита. *Ночь на первое Мая* написана какъ бы въ родѣ Гофманна; но воображеніе и чувство читателя сладостно отдыхаютъ на послѣднихъ страницахъ, словно послѣ страшнаго, мучительнаго сновидѣнія. Въ *Ясновидящей*, вѣра въ чудесное не выходитъ изъ предѣловъ существенности. Въ *Тетушкѣ*, весьма хорошо выведенъ характеръ пожилой любительницы порядка и приличій, въ борьбѣ съ обстоятельствами, которыхъ сама она дѣлается невольною пружиной. Естественный ходъ и живой, прекрасный разсказъ составляютъ неотъемлемое достоинство сей повѣсти, въ которой непринужденная веселость смѣшана съ чувствомъ истиннымъ, почерпнутымъ изъ самой природы сердца человѣческаго.

Слогъ Переводчика свободенъ, гибокъ, пріятенъ; языкъ повѣствованія и разговоровъ вездѣ благороденъ, вездѣ приличенъ предмету, вездѣ живъ и естественъ. Если справедливъ слухъ, что Переводчикъ намѣренъ издать и другія повѣсти Цшокке въ Рускомъ переводѣ, то мы можемъ поздравить любителей Словесности съ богатымъ запасомъ чтенія разнообразнаго и увлекательнаго.

Четыре повѣсти для дѣтей. — С. П. б., въ типогр. Департ. Народн. Просвѣщенія 1830 (74 стран. въ 16-ю д. л., съ гравирован. и разкрашенными заглавною виньетою и четырьмя картинками (*).

Главныя дѣйствующія лица всѣхъ четырехъ повѣстей, суть одни и тѣ же: это Алёша и Наташа, очень милыя и добрыя дѣти, но иногда, по лѣтамъ своимъ, рѣзвыя и легкомысленныя. Повѣсти, или разныя сцены ихъ жизни, занимательны для читателей ихъ возраста, и заключаютъ въ себѣ правила кротка-

(*) Прод. въ книжн. магазинахъ Смирдина и Слёнина. Цѣна на люб. бумагѣ 10 р., на велен. 12 р. За пересылку прилагается 2 р.

(*) Продается въ книжн. магазинѣ И. В. Слёнина, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Имзена, No. 23. Цѣна экз. 2 рубли.

го, доступнаго юнымъ сердцамъ правоученія, безъ малѣйшей напяжки выведеннаго изъ самыхъ случаевъ дѣтской жизни. Языкъ Автора, скрывшаго имя свое, отличается чистотою, а слогъ его ясностью и простотою, весьма удачно приспособленными къ понятіямъ дѣтей перваго и втораго возраста.

Таблица Россійскаго Словопроизведенія, для малолѣтнаго возраста. Составлена Александромъ Медвѣдевымъ. — С. П. б., въ типогр. Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ, 1830 (19 стр. въ 8-ю д. л.)

Таблица Россійскаго Словосочиненія для начинающихъ. Составлена Александромъ Медвѣдевымъ. — С. П. б., въ типогр. Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ дѣлъ, 1831 (65 стр. въ 8-ю д. л.)

Авторъ хотѣлъ ввести въ преподаваніе дѣтямъ Русской Грамматики новую систему, нѣчто въ родѣ системы Жакото, по которой развитіе сужденія или природной логики должно слѣдовать въ дѣтями наравнѣ съ механическимъ пріобрѣтеніемъ первоначальныхъ свѣдѣній, или правильнѣе сказать, предшествовать симъ послѣднимъ. Таковое ученіе должно быть полезно для дѣтей, одаренныхъ ранними способностями ума; но сими способностями не всѣ дѣти надѣлены наравнѣ. Посему подобный методъ преподаванія можетъ быть съ пользою примѣненъ только тамъ, гдѣ преподаватель долженъ заниматься съ однимъ, двумя или тремя учениками; въ обширныхъ же учебныхъ заведеніяхъ, дѣти лѣнивыя или тупоумныя будутъ непремѣнно замедлять успѣхи цѣлаго класса.

Что касается до самыхъ правилъ Словопроизведенія, то оныя изложены Г-мъ Медвѣдевымъ во многихъ мѣстахъ весьма сбивчиво. Дитя, затвердившее ихъ такимъ образомъ, получитъ неполныя и неясныя понятія о преподаваемомъ предметѣ, особливо потому, что Г. Медвѣдевъ нигдѣ не подкрѣпляетъ правилъ примѣрами, а предоставляетъ самому дитяти прибирать сіи послѣдніе. Любопытно было бы послушать, какой примѣръ ученики Г-на Медвѣдева пріищутъ къ слѣдующему правилу его *Таблицы Словопроизведенія* (см. стр. 12): «Причастія и дѣепричастія имѣютъ только настоящее «и *будущее* время?» Гдѣ возьмутъ они сіе послѣднее? Правда, у насъ нѣкоторые Сочинители Грамматикъ пытались придумать какое-то искуственное будущее время причастій, напр. *имѣющій быть*; но сообразно ли оно съ духомъ Рускаго языка, и гдѣ встрѣчается оно въ обыкновенномъ разговорѣ, или въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ Писателей? Страннѣе же всего, что Авторъ, упомянувъ о небывалыхъ причастіяхъ и дѣепричастіяхъ *будущаго* времени, повидимому вовсе забылъ о причастіяхъ и дѣепричастіяхъ *прошедшаго* времени, въ существованіи коихъ ему не должно бъ было усомниться. На той же страницѣ мы находимъ слѣдующее сбивчивое опредѣленіе дѣепричастія: «Когда причастіе «сократится, то получаетъ названіе дѣепричастія.» По сему образцу можно составить и другое опредѣленіе, которое столь же будетъ точно и удовлетворительно: «Когда дѣепричастіе разпространится, то по«лучаетъ названіе причастія.» Въ обоихъ случаяхъ будетъ только маленькою помѣхой или одна буква лишняя, или недостатокъ одной буквы; ибо, напр. изъ причастія: *укрѣпляющій*, нельзя сдѣлать простымъ сокращеніемъ дѣепричастія, не прибавивъ еще одной буквы *я*; а изъ дѣепричастія *укрѣпя*, не сдѣлаешь безъ всякой перемѣны причастія: *укрѣпившій*.

Въ *Таблицѣ Словосочиненія* господствуетъ такая же сбивчивость. Въ самыхъ первыхъ строкахъ, мы находимъ слѣдующее: «Какъ изъ буквъ составляются слоги, «а изъ слоговъ слова; такъ изъ словъ составляются «предложенія, а изъ предложеній цѣлыя сочиненія.» Къ чему это сказано? Дитя можетъ подумать, что все это составляется по однимъ и тѣмъ же непремѣннымъ законамъ. Далѣе, въ исчисленіи предложеній Авторъ говоритъ, что они бываютъ: «1) *Логическія, или краткія*, 2) *Риторическія, или разпространенныя*...» Слѣдовательно, или риторическія предложенія могутъ быть и не логическими, или главное условіе оныхъ должно состоять въ многословіи? Это также неточно и неправильно. Наконецъ «3) *Сокращенныя или скрытныя*, гдѣ которая либо изъ главныхъ частей пропус«кается.» Но почему же они *скрытныя*? Это названіе было бы имъ прилично только въ такомъ случаѣ, когда бы всѣ части предложенія были пропущены. Главнымъ и непремѣннымъ условіемъ учебныхъ книгъ должны быть точность и опредѣлительность въ выраженіяхъ, безъ чего учащіеся составятъ себѣ понятія неясныя и ложныя.

Можно бы указать еще на многія подобныя мѣста, но мы ограничимся только сими. Авторъ весьма часто въ книгѣ своей оставлялъ слова недописанными, и такъ ихъ напечаталъ; и это сдѣлалъ онъ съ намѣреніемъ, выраженнымъ въ одномъ мѣстѣ его предисловія: «*Сколько можно менѣе памяти, сколько можно болѣе разсудку.*» Хорошо доставлять дѣятельность молодому разсудку, но излишне затруднять его мелочами безполезно, даже и вредно; ибо сіе отвлекаетъ его отъ предметовъ, болѣе достойныхъ его вниманія и обсуживанія.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюля 4-го дня 1831 года. Цензоръ *П. Гаевскій.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ГПБ Русский фонд
18.330 Б 26-3
т 3-4